ПЕДАГОГИКА

УДК 376:811:37.02(575.2+575.1)

Абдимомунова А.О., Алимджанова Д.Н., Самандарова Ш.И.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Самарканд мамлекеттик медициналык университети
Абдимомунова А.О.,[1] Алимджанова Д.Н.,[2] Самандарова Ш.И.[2]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Самаркандский государственный медицинский университет[2]
Abdimomunova A.O.,Alimdjanova D.N., Samandarova Sh. I.
KNU Jusup Balasagyn
Samarkand State Medical University

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЖАНА ӨЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАЛАРЫНДА ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУ МЕТОДИКАСЫНЫН САЛЫШТЫРМАЛУУ ТАЛДООСУ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМАХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

A COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY IN THE INCLUSIVE EDUCATION SYSTEMS OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кыргыз Республикасынын жана Өзбекстан Республикасынын инклюзивдүү билим берүү тутумундагы чет тилдерди окутуунун уюштуруучулук-педагогикалык жана методикалык негиздери каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу эки өлкө акыркы жылдары инклюзивдүү билим берүүнүн мыйзамдык жана программалык базасын олуттуу жаңыртканына карабастан, предметтик окутуу практикасы, анын ичинде чет тилдерди үйрөтүү, бирдей эмес өнүгүп жаткандыгы менен шартталган. Эки өлкөдө тең чет тилдерди окутуу методикасы үчүн дифференциация, окуу материалдарын адаптациялоо, калыптандыруучу баалоо, жеке окуу пландары, материалды көп модалдуу сунуштоо ыкмалары жана окуучулардын өзгөчө билим берүү муктаждыктарын эске алуу менен коммуникативдик компетенттүүлүктү өнүктүрүү негизги мааниге ээ экени көрсөтүлгөн.

Аннотация: В статье рассматриваются организационно-педагогические и методические основания преподавания иностранных языков в системе инклюзивного образования Кыргызской Республики и Республики Узбекистан. Актуальность исследования обусловлена тем, что обе страны в последние годы существенно обновили законодательную и программную базу инклюзивного образования, однако практики предметного преподавания, включая обучение иностранным языкам, развиваются неравномерно. Показано, что для методики преподавания иностранных языков в обеих странах ключевыми становятся дифференциация, адаптация учебных материалов, формирующее оценивание, индивидуальные учебные планы, мультимодальные способы предъявления материала и развитие коммуникативной компетенции с учетом особых образовательных потребностей обучающихся.

Abstract: This article examines the organizational, pedagogical, and methodological foundations of foreign language teaching in the inclusive education systems of the Kyrgyz Republic and the Republic of Uzbekistan. The relevance of the study lies in the fact that both countries have significantly updated their legislative and programmatic frameworks for inclusive education in recent years, yet subject-based teaching practices, including foreign language instruction, have developed unevenly. It is shown that differentiation, adaptation of teaching materials, formative assessment, individualized curricula, multimodal methods of

presenting material, and the development of communicative competence, taking into account the special educational needs of students, are key to foreign language teaching methods in both countries.

Негизги сөздөр: инклюзивдүү билим берүү; чет тилдерди окутуу методикасы; Кыргыз Республикасы; Өзбекстан Республикасы; окутууну адаптациялоо; калыптандыруучу баалоо; дифференциация; коммуникативдик ыкма.

Ключевые слова: инклюзивное образование; методика преподавания иностранных языков; Кыргызская Республика; Республика Узбекистан; адаптация обучения; формирующее оценивание; дифференциация; коммуникативный подход.

Keywords: inclusive education; foreign language teaching methodology; Kyrgyz Republic; Republic of Uzbekistan; learning adaptation; formative assessment; differentiation; communicative approach.

Введение. В современной образовательной политике инклюзивное образование рассматривается как принцип организации системы обучения, при котором право на качественное образование реализуется без дискриминации и с учетом разнообразия образовательных потребностей обучающихся. Этот подход базируется на ключевых международных документах – Саламанкской декларации [1], Конвенции ООН о правах инвалидов [2], а также Руководстве ЮНЕСКО по инклюзии [3], которые задают вектор для национальных реформ. Для преподавания иностранных языков этот вопрос имеет особую значимость, поскольку языковое обучение само по себе связано с высокой когнитивной нагрузкой, развитием слухо-речевых, визуально-текстовых, коммуникативных и социокультурных компетенций. В условиях инклюзии методика преподавания иностранного языка должна учитывать не только общие дидактические цели, но и особенности восприятия, темпа усвоения, каналов коммуникации и способов демонстрации результатов учащимися с особыми образовательными потребностями.

Актуальность сравнительного рассмотрения Кыргызстана и Узбекистана обусловлена тем, что обе страны закрепили инклюзивное образование на законодательном уровне, но развивают его через разные институциональные механизмы. Проблема исследования состоит в том, что при наличии общей инклюзивной нормативной рамки методика преподавания иностранных языков в обеих странах разработана и институционально поддержана не в одинаковой степени. Поэтому предметом анализа в статье выступают не только законы и программы, но и методические ориентиры, которые прямо или косвенно определяют, как должен преподаваться иностранный язык в инклюзивной аудитории.

Цель исследования – провести сравнительный анализ методики преподавания иностранных языков в системе инклюзивного образования Кыргызской Республики и Республики Узбекистан.

Задачи исследования:

1. Проанализировать нормативно-правовые основания инклюзивного образования в двух странах.
2. Выявить методические ориентиры, значимые для преподавания иностранных языков в инклюзивной среде.
3. Сопоставить институциональные условия подготовки педагогов и обеспечения доступности обучения.
4. Определить общие проблемы и перспективные направления развития методики.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнено на основе сравнительно-правового и системного анализа. В качестве источников использованы Закон Республики Узбекистан «Об образовании» [4], Закон Республики Узбекистан «О правах лиц с инвалидностью» [5], постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4860 [6], Закон Кыргызской Республики «Об образовании» 2023 года [7], аналитические и методические материалы UNICEF по Кыргызстану [11; 13], руководство по инклюзивному высшему образованию в Узбекистане [14], а также

международный методический материал British Council по поддержке преподавателей английского языка [12]. Дополнительно привлечены региональное сравнительное исследование GPE KIX [8], недавние национальные публикации по лингводидактике в инклюзивной среде [10; 15; 16], данные о текущих проектах [17] и статистические сведения [9]. Такой корпус источников позволяет сопоставить нормативный уровень, институциональный уровень и собственно дидактико-методический уровень анализа.

Метод контент-анализа применялся для выявления ключевых категорий, связанных с преподаванием иностранных языков в инклюзивной среде: адаптация учебных материалов, специальные методы коммуникации, подготовка педагогов, формирующее оценивание, индивидуальные учебные планы, использование Брайля, жестового языка, мультимедийных и ассистивных средств, а также участие обучающихся в общей коммуникативной практике.

1. Нормативные основы преподавания иностранных языков в инклюзивной системе образования. В Узбекистане базовым нормативным основанием является статья 20 Закона «Об образовании» [4], согласно которой инклюзивное образование направлено на обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей; для детей и лиц с физическими, умственными, сенсорными или психическими нарушениями в образовательных организациях организуется инклюзивное образование. Эта формулировка важна для методики преподавания иностранных языков тем, что предполагает обязательную адаптацию предметного обучения под вариативные образовательные потребности, а не только формальный допуск учащегося в массовую школу.

Дополнительную методическую опору в Узбекистане создает Закон «О правах лиц с инвалидностью» [5]. В нем прямо указано, что государственные органы должны совершенствовать систему образования через развитие наиболее подходящих языков, методов и способов коммуникации, доступных мультимедийных средств и информационно-коммуникационных технологий, освоение азбуки Брайля, альтернативных шрифтов, речевых и устных навыков общения, а также обучение преподавателей и школьного персонала вопросам инклюзивного образования. Для методики иностранного языка это принципиально, поскольку язык как учебный предмет требует одновременно и владения содержанием, и специальной организации каналов коммуникации.

В Кыргызстане законодательная конструкция более жестко подчеркивает антидискриминационный характер инклюзии. Статья 36 Закона «Об образовании» 2023 года [7] закрепляет, что инклюзивное образование направлено на обеспечение равных возможностей без дискриминации для всех с учетом разнообразия образовательных потребностей и индивидуальных возможностей, действует на всех уровнях образования и на протяжении всей жизни; при этом запрещается признавать ребенка неспособным к образованию и использовать методы сегрегации. Закон также предусматривает индивидуальный учебный план, специальные образовательные условия, специальные и коррекционно-развивающие программы, методы обучения, технические и учебные средства, психолого-педагогическую поддержку, а также поощрение использования альтернативных методов обучения и коммуникации, включая жестовый язык и Брайль. Это создает нормативную базу для адаптации иностранного языка как предмета под разные группы учащихся.

Как показывает региональное сравнительное исследование GPE KIX [8], несмотря на общую приверженность инклюзивным ценностям, конкретные механизмы внедрения в обеих странах различаются: Узбекистан делает акцент на институциональном разворачивании системы через государственные программы, а Кыргызстан – на юридическом закреплении запрета сегрегации и индивидуализации. Для преподавания иностранных языков это означает, что в Узбекистане методические изменения чаще увязываются с ресурсным обеспечением, тогда как в Кыргызстане – с логикой права на адаптированное обучение в рамках компетентностной модели.

2. Подготовка педагогов как ключевой фактор методики. Для обеих стран центральной проблемой остается подготовка учителя к работе в инклюзивной аудитории. В Узбекистане Концепция развития инклюзивного образования на 2020–2025 годы [6] прямо фиксировала, что

уровень профессиональной подготовки и квалификации педагогических кадров недостаточен для качественного обучения детей с особыми образовательными потребностями, а в учебные программы педагогических вузов не были включены предметы по методике инклюзивного образования. Там же отмечалась нехватка специальной учебной литературы и методических пособий. Для преподавания иностранных языков эта проблема усиливается, поскольку учителю требуется не только владение предметом, но и специальными приемами адаптации слуховых, визуальных, текстовых и коммуникативных заданий. По данным Turg‘unov [9], в Узбекистане уже создано более 400 инклюзивных классов, однако обеспеченность педагогами, владеющими методикой инклюзивного языкового обучения, остаётся низкой.

В той же Концепции [6] приоритетами названы внедрение программ инклюзивного образования в педагогических вузах, совершенствование учебных материалов о методах инклюзивного образования, создание условий для освоения современных теорий обучения, развитие дистанционного повышения квалификации и разработка электронных форм учебников и методических материалов. Для методики преподавания иностранного языка это особенно важно, потому что цифровые и мультимедийные форматы, адаптированные тексты, аудио- и видеоматериалы, а также гибкое оценивание составляют саму основу современного языкового курса.

В Кыргызстане дефицит подготовки учителей подтверждается более поздними аналитическими данными UNICEF [11]. По отчету 2025 года, только 13,7 процента опрошенных учителей и 24,8 процента директоров сообщили о прохождении комплексной подготовки по disability-inclusive education; при этом в содержании уже проведенных курсов слабо представлены Universal Design for Learning и reasonable accommodations. UNICEF рекомендует усиливать до- и послевузовскую подготовку, развивать совместное обучение педагогов массовых и специальных школ, внедрять обязательные курсы и использовать гибкие модели повышения квалификации. Кыргызские исследователи также отмечают, что лингводидактические аспекты инклюзии остаются недостаточно разработанными, а учителя иностранного языка испытывают трудности с адаптацией заданий для учащихся с разными образовательными потребностями [10, с. 48].

С точки зрения иностранного языка это означает, что и в Кыргызстане, и в Узбекистане общая инклюзивная рамка пока опережает предметно-методическую подготовку педагога. Учитель иностранного языка в инклюзивном классе должен владеть не только коммуникативным подходом, но и техниками дифференциации, упрощения инструкций, структурирования языкового материала, использования визуальных и мультимодальных опор, формирующего оценивания и разумных адаптаций. Именно этот разрыв между правом на инклюзию и уровнем специальной языковой методики является одним из главных результатов сравнительного анализа.

3. Методические ориентиры преподавания иностранных языков в инклюзивной аудитории. Международный методический материал British Council [12], ориентированный на преподавателей английского языка, показывает, что качественная инклюзивная языковая практика строится вокруг принципов access and engagement, многоуровневой поддержки и контекстно-зависимых решений. В числе основных подходов названы scaffold teaching and learning, differentiation, planning for accessibility and engagement, multi-sensory and multi-modal approaches, learner voice и assessment for learning. Кроме того, материал подчеркивает, что учащиеся со специфическими трудностями обучения могут вообще отказываться от изучения дополнительного языка, если обучение не адаптировано под их потребности.

Эти ориентиры хорошо соотносятся с обновленными государственными стандартами Кыргызстана. Руководство UNICEF по новым государственным стандартам 2025 года [13] подчеркивает, что система переходит к competency-based education, activity-based approaches и interactive methods; учитель все меньше выступает как транслятор фактов и все больше – как фасилитатор обучения. В стандартах также говорится о необходимости identifying and meeting each individual child’s learning needs with an inclusive approach, о formative assessment и об Individual Learning Plans for children with disabilities, позволяющих изучать адаптированную программу вместе

со сверстниками. Для преподавания иностранного языка это фактически означает переход от единой жесткой траектории к адаптируемому коммуникативно-деятельностному курсу.

В Узбекистане на уровне общегосударственной концепции [6] и отраслевых материалов также прослеживаются аналогичные направления. Особенно показателен Good Practice Guide по инклюзивному высшему образованию [14], в котором под inclusive curriculum понимаются доступные syllabus, course content, teaching methodologies, materials, assessment and feedback practices, staff development and training. В этом же документе приведен важный для темы иностранного языка пример: Узбекский государственный университет мировых языков разработал проект «Light by Knowledge», ориентированный на методы преподавания иностранных языков незрячим и слабовидящим обучающимся, с акцентом не только на результаты обучения, но и на мотивацию и участие.

Новейшие узбекские исследования конкретизируют эти подходы. Так, Kalabaeva [15] предлагает методическую систему интеграции ассистивных технологий в обучение английскому языку студентов с тяжёлыми двигательными нарушениями, включая использование специальных интерфейсов и адаптированных заданий. Sanginova [16] рассматривает применение цифровых платформ для инклюзивного языкового обучения, подчёркивая важность мультимедийных материалов и интерактивных упражнений, которые позволяют индивидуализировать темп и форму подачи информации.

Для сравнительного анализа важно, что в публично доступных материалах по Кыргызстану столь же явно оформленного институционального кейса, посвящённого именно методике преподавания иностранных языков для конкретной группы обучающихся с инвалидностью, обнаружить не удалось. Однако это не означает отсутствия практик на местах. Например, в Бишкеке реализуется пилотный проект по обучению английскому языку детей с расстройствами аутистического спектра с использованием адаптированных цифровых ресурсов [17]. Этот проект пока не получил широкого методического освещения, но демонстрирует, что в Кыргызстане также существуют локальные инициативы, которые могут стать основой для будущих разработок. Таким образом, в Узбекистане на уровне публично артикулированных материалов уже присутствует предметно-специфический пример для иноязычного обучения, тогда как в Кыргызстане методические ориентиры пока более общие и встроены в рамку компетентностного и инклюзивного преподавания в целом. Данный вывод согласуется с результатами сравнительного исследования GPE KIX [8], где отмечается, что Узбекистан уделяет больше внимания созданию специализированных учебных ресурсов, а Кыргызстан делает ставку на общие инклюзивные принципы.

4. Оценивание, адаптация заданий и учебных материалов. Для иностранного языка вопрос оценивания в инклюзивной среде особенно значим, поскольку традиционные формы контроля – аудирование в стандартном темпе, письменные тесты, устный опрос, публичная презентация – не всегда позволяют ученику с особыми образовательными потребностями показать реальные достижения. В узбекском Good Practice Guide [14] указано, что инклюзивный curriculum предполагает range of assessment methods, traditional and non-traditional, а в конкретных вузах применяются изменения формата оценки: дополнительное время для студентов с дислексией, письменные отчеты вместо устных презентаций для студентов с речевыми нарушениями, а для незрячих обучающихся – использование Брайля и устная форма ответов. Для методики иностранного языка это означает необходимость пересмотра самой логики контроля языковых навыков. Kalabaeva [15] и Sanginova [16] также акцентируют внимание на использовании цифровых инструментов для формирующего оценивания, позволяющих фиксировать индивидуальный прогресс и адаптировать сложность заданий в реальном времени.

В Кыргызстане новые государственные стандарты [13] также подчеркивают формирующее оценивание и постоянную обратную связь. В руководстве для учителей говорится, что assessment should gather evidence of children’s progress, provide timely and targeted feedback, improve teaching practices; при этом выделяются диагностическая оценка, непрерывная classroom assessment, oral

questioning, self/peer assessment и learning journals. В контексте иностранного языка это открывает возможности для гибкого оценивания: портфолио, диалогов в паре, индивидуальных речевых заданий, адаптированных карточек, визуально поддержанных текстов, упрощенных письменных ответов и проектных форм работы.

Именно здесь сравнительный анализ показывает сильное сближение двух систем на уровне методической логики. Несмотря на различие в скорости и характере реформ, и Узбекистан, и Кыргызстан движутся к моделям, где адаптация учебных материалов, вариативность способов ответа, цифровые и ассистивные технологии, а также опора на индивидуальный прогресс становятся более значимыми, чем единообразие формы контроля. Для преподавания иностранного языка это особенно продуктивно, поскольку позволяет оценивать коммуникативную компетенцию в разных модальностях.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько результатов. Во-первых, нормативные основания для инклюзивного преподавания иностранных языков существуют в обеих странах, однако они выражены по-разному: в Узбекистане – через сочетание общего закона [4], закона о правах лиц с инвалидностью [5] и специальной государственной концепции [6], а в Кыргызстане – через более жестко артикулированную антидискриминационную модель в самом законе об образовании [7] и поддержку компетентностного подхода новыми государственными стандартами [13]. Обе страны ориентируются на международные документы [1; 2; 3], что подтверждает единый ценностный вектор.

Во-вторых, для обеих стран общими методическими векторами являются индивидуализация, адаптация, мультимодальность, формирующее оценивание и расширение специальных условий обучения. Однако в Узбекистане в публично доступных материалах уже присутствует более предметно-конкретный кейс для иностранных языков – проект Узбекского государственного университета мировых языков [14], а также научные разработки [15; 16]. В Кыргызстане методические ориентиры пока представлены преимущественно как общая инклюзивная и компетентностная рамка [13], хотя отдельные пилотные проекты [17] свидетельствуют о наличии локальных практик.

В-третьих, обе страны сталкиваются с кадровым дефицитом. Узбекистан официально признал отсутствие дисциплин по методике инклюзивного образования в педагогических вузах [6] и нехватку методической базы, а Кыргызстан по данным UNICEF [11] имеет низкую долю учителей, получивших комплексную подготовку, и слабое покрытие тем UDL и reasonable accommodations в курсах повышения квалификации. Для иностранного языка это означает дефицит педагогов, способных грамотно перестраивать языковое обучение под разные образовательные профили. Региональное исследование GPE KIX [8] подтверждает, что эти проблемы характерны для всей Центральной Азии и требуют системных решений.

Заключение. Сравнительный анализ показывает, что методика преподавания иностранных языков в системе инклюзивного образования Кыргызской Республики и Республики Узбекистан находится в стадии активного формирования. В обеих странах уже существует правовая основа для инклюзивного обучения, а также признание необходимости специальных условий, адаптированных методов, технических средств и подготовки педагогических кадров. Вместе с тем предметно-специфическая методика иностранного языка еще не в полной мере институционализирована и развивается неравномерно.

Для Узбекистана сильной стороной является более явное институциональное и программное сопровождение инклюзии, включая цифровые материалы, приоритеты повышения квалификации и наличие публично представленных кейсов по обучению иностранным языкам учащихся с сенсорными и моторными нарушениями. Для Кыргызстана сильной стороной является более последовательно выраженная антидискриминационная логика закона и переход к компетентностной, формирующей и индивидуализированной модели обучения, что создает благоприятную основу для

адаптации языкового образования, а также наличие локальных инициатив, которые могут быть масштабированы.

Перспективы дальнейшего развития связаны с включением модулей по инклюзивной методике иностранного языка в программы педагогических вузов, разработкой адаптированных учебников и цифровых курсов, расширением практик формирующего оценивания, подготовкой учителей к работе с Брайлем, жестовым языком, мультимодальными и ассистивными средствами, а также с накоплением и публикацией национальных кейсов именно по предмету «иностранный язык». Только в этом случае инклюзивная языковая подготовка сможет перейти от общей нормативной рамки к устойчивой и качественной образовательной практике, что подтверждается выводами международных экспертов.

Список использованной литературы

1. UNESCO. The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education. – Paris : UNESCO, 1994. – 50 p.
2. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. – New York : UN, 2006. – 37 p.
3. UNESCO. Guidelines for Inclusion: Ensuring Access to Education for All. – Paris : UNESCO, 2005. – 44 p.
4. Закон Республики Узбекистан от 23 сентября 2020 г. № ЗРУ-637 «Об образовании».
5. Закон Республики Узбекистан от 15 октября 2020 г. № ЗРУ-641 «О правах лиц с инвалидностью».
6. Постановление Президента Республики Узбекистан от 13 октября 2020 г. № ПП-4860 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы образования и воспитания детей с особыми образовательными потребностями».
7. Law of the Kyrgyz Republic «On Education» of 11 August 2023. – Art. 36–37.
8. GPE KIX EMAP. KIX EMAP Comparative Study on Inclusive Education Practices: The Cases of Uzbekistan, Tajikistan, Moldova, Kyrgyzstan and Georgia. – [Б. м.] : GPE KIX, 2025. – 112 p.
9. Turg‘unov J. O. Inclusive education in foreign language teaching and development: core program initiative // Synchronized Chaos. – [Б. г.]. – URL: https://synchronizedchaos.com/ (дата обращения: 23.08.2026).
10. Кайкыбашева А. К., Пахирова Д. И., Акилбек кызы П., Ашимова А. Процессы овладения языком в особых условиях: лингводидактический аспект (на материале Кыргызстана) // Бюллетень науки и практики. – 2026. – Т. 12, № 4. – С. 45–52.
11. UNICEF Innocenti. Learning Is for Everyone: Paving the Pathway for Inclusive Education for Children with Disabilities in Kyrgyzstan. – Florence : UNICEF Innocenti, 2025.
12. British Council. How can teachers best be supported in addressing the challenges associated with teaching English to learners with special educational needs and disabilities? – 2022.
13. UNICEF Kyrgyzstan. The New State Educational Standards in Kyrgyzstan: A Guide for Teachers. – 2025.
14. British Council, Westminster International University in Tashkent, University of Westminster. Inclusive Education in Higher Education in Uzbekistan: Good Practice Guide. – 2024.
15. Kalabaeva M. A. A methodological framework for integrating assistive technologies in ELT for students with severe motor impairments // Science and Innovation. – 2026. – Vol. 5, No. 5. – P. 33–41.
16. Sanginova M. Инклюзивное языковое обучение с помощью цифровых платформ в Узбекистане // Interpretation and Researches. – 2025. – № 9. – С. 78–85.
17. В Бишкеке проводят уникальный проект: детей с аутизмом обучают английскому [Электронный ресурс] // Kaktus.media. – 2026. – URL: https://kaktus.media/doc/ (дата обращения: 23.08.2026).

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Уметов К.К.
УДК:37.035+811.133.1

Азыгалиева Б.К., Молдоташева С.И.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Азыгалиева Б.К., Молдоташева С.И.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Azygalieva B.K., Moldotasheva S.I.
KNU Jusup Balasagyn

ФРАНЦУЗ ТИЛИН ЧЕТ ТИЛИ КАТАРЫ ОКУТУУГА КОММУНИКАТИВДИК ЫКМА
КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
COMMUNICATIVE APPROACH IN TEACHING FRENCH AS A FOREIGN LANGUAGE

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада француз тилин чет тили катары окутуунун алдыңкы ыкмаларынын бири катары коммуникативдик ыкма каралат. Анда чет тилдерди окутуунун негизги ыкмаларынын эволюциясы талданып, коммуникативдик ыкманын маңызы, принциптери жана максаттары ачылат. Студенттердин коммуникативдик компетенттүүлүгүн өнүктүрүүгө, мугалимдин ролуна жана бул ыкманы билим берүү процессинде практикалык ишке ашырууга өзгөчө көңүл бурулат. Коммуникативдик ыкма чет тилдерди окутуунун заманбап шартында абдан натыйжалуу деген тыянак чыгарылат.

Аннотация: В статье рассматривается коммуникативный подход как один из ведущих методов обучения французскому языку как иностранному. Анализируется эволюция основных методов преподавания иностранных языков, раскрываются сущность, принципы и цели коммуникативного подхода. Особое внимание уделяется формированию коммуникативной компетенции обучающихся, роли преподавателя и практической реализации подхода в учебном процессе. Делается вывод о высокой эффективности коммуникативного подхода в современных условиях обучения иностранным языкам.

Abstract: This article examines the communicative approach as one of the leading methods in teaching French as a foreign language. It analyzes the evolution of the main language teaching methods and highlights the essence, principles, and objectives of the communicative approach. Particular attention is paid to the development of learners' communicative competence, the role of the teacher, and the practical implementation of the approach in the teaching process. The article concludes that the communicative approach is highly effective under modern conditions of foreign language education.

Негизги сөздөр: француз тили чет тили катары; коммуникативдик ыкма; коммуникативдик компетенттүүлүк; окутуу ыкмалары; сүйлөө ишмердүүлүгү.

Ключевые слова: французский язык как иностранный; коммуникативный подход; коммуникативная компетенция; методы обучения; речевая деятельность.

Keywords: french as a foreign language; communicative approach; communicative competence; language teaching methods; speech activity.

В условиях глобализации и активного развития международных контактов владение иностранными языками приобретает особую значимость. Иностранный язык становится не только средством профессионального общения, но и важным инструментом культурного взаимодействия и личностного развития. В связи с этим современные требования к обучению иностранным языкам значительно изменились. Если ранее основное внимание уделялось усвоению грамматических правил и переводу текстов, то сегодня приоритетной задачей является формирование способности к реальному общению.

Обучение французскому языку как иностранному ориентируется на практическое использование языка в различных жизненных ситуациях. Обучающиеся стремятся применять полученные знания в устной и письменной речи, взаимодействовать с носителями языка, использовать французский язык в профессиональной и образовательной сфере. В ответ на эти потребности в методике преподавания иностранных языков сформировался коммуникативный подход, который в настоящее время занимает центральное место в обучении французскому языку.

Цель данной статьи — рассмотреть основные этапы развития методов обучения иностранным языкам, проанализировать особенности коммуникативного подхода, его принципы и преимущества, а также показать значение данного подхода для формирования коммуникативной компетенции обучающихся.

1. Эволюция методов обучения иностранным языкам

Методика преподавания иностранных языков развивалась на протяжении многих веков и отражала уровень лингвистических и психолого-педагогических знаний своего времени. Каждая методика имела свои цели, средства и результаты.

а) Грамматико-переводной метод

Грамматико-переводной метод является одним из наиболее ранних и длительное время применялся в классических школах. Основу данного метода составляли систематическое изучение грамматических правил, заучивание словарных списков и перевод текстов с иностранного языка на родной и обратно. Обучение велось преимущественно на родном языке учащихся, а коммуникативная практика практически отсутствовала [1].

Он основывается на трёх элементах:

1. Систематическое изучение грамматических правил
2. Заучивание длинных списков слов
3. Перевод текстов с иностранного языка на родной и наоборот

Пример задания: Переведите предложение с французского на русский язык: «Le chat mange la souris dans le jardin.» — «Кошка ест мышь в саду».

Преподаватель почти всегда говорит на родном языке учащихся. Коммуникативные виды деятельности практически отсутствуют. Основная цель — понять структуру языка, а не научиться на нём говорить.

Преимущества:

- хорошее знание правил
- грамматическая точность

Недостатки:

- очень мало устной практики
- метод считается однообразным
- низкая мотивация учащихся

Этот метод уже не соответствует современным потребностям, но остаётся важным для понимания развития педагогических идей.

б) Аудиолингвальный метод

Аудиолингвальный метод сформировался в XX веке под влиянием бихевиоризма (подхода, который изучает только поведение) [2]. Обучение строилось на принципе многократного повторения языковых моделей и выполнения структурных упражнений. Предполагалось, что регулярное повторение формирует устойчивые языковые навыки.

Пример упражнения: Повторите за преподавателем: «Je vais à l’école. Tu vas à l’école. Il va à l’école. Nous allons à l’école. Vous allez à l’école. Ils vont à l’école».

Данный метод способствовал развитию произносительных навыков и запоминанию готовых речевых моделей, однако ограничивал самостоятельность обучающихся и не развивал способность к спонтанному высказыванию.

Преимущества:

- хорошее произношение
- быстрое запоминание полезных фраз

Недостатки:

- мало свободы выражения
- учащиеся не умеют импровизировать

в) Прямой метод

Прямой метод направлен на погружение учащегося в стихию иноязычной формы и её значение, исключая использование родного языка.

- объяснения даются с помощью жестов, изображений и предметов
- учащиеся начинают говорить с самого начала

Пример: Преподаватель показывает картинку с изображением яблока и говорит: «C'est une pomme. Une pomme rouge. J'aime les pommes». Учащиеся повторяют и постепенно начинают сами описывать предметы.

Преимущества:

- мотивирующее погружение

Недостатки:

- недостаток системных грамматических объяснений

г) Аудиовизуальный подход

Метод, в котором используются фильмы, изображения и визуальные материалы.

Пример: Просмотр короткого видеосюжета «Au café» и выполнение заданий: «Qui commande un café ? Combien de croissants la dame achète-t-elle ? Où sont-ils assis ?»

д) Деятельностный подход

Очень близок к коммуникативному подходу и появился вместе с CEFR (Общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком). Он рассматривает учащегося как социального деятеля, который должен выполнять конкретные задачи:

- забронировать отель
- организовать мероприятие
- запросить информацию
- написать сообщение

Пример задачи: «Vous voulez réserver une chambre d'hôtel à Paris pour deux nuits. Appelez l'hôtel et demandez les informations nécessaires : le prix, la disponibilité, le petit-déjeuner, l'heure d'arrivée».

Он дополняет и усиливает коммуникативный подход.

Все эти методы показывают, что обучение языкам постепенно развивалось в сторону большего взаимодействия и коммуникации. Грамматико-переводной метод делал акцент на теории, аудиолингвальный — на повторении, прямой метод — на устной речи. Но ни один из них полностью не готовил учащихся к реальному общению. Именно поэтому был разработан коммуникативный подход.

2. Сущность и особенности коммуникативного подхода

Коммуникативный подход сформировался в 1970-е годы как реакция на недостатки традиционных методов обучения. Его основная идея заключается в том, что язык является прежде всего средством общения, а не только системой правил [3].

В рамках данного подхода обучение направлено на развитие способности понимать и создавать высказывания в различных коммуникативных ситуациях. Обучающиеся учатся представляться, задавать вопросы, выражать мнение, рассказывать о событиях и взаимодействовать с собеседником.

Примеры коммуникативных заданий:

- Se présenter : « Bonjour, je m'appelle Aïcha. J'ai vingt ans. Je suis étudiante à l'université. J'apprends le français depuis deux ans».

- Poser des questions : « Comment tu t’appelles ? Tu viens d’où ? Qu’est-ce que tu aimes faire le week-end ? »

- Exprimer son opinion : «À mon avis, apprendre une langue étrangère est très important. Je pense que le français est une belle langue. Je trouve que la grammaire est difficile mais intéressante».

- Raconter un événement : « Hier, je suis allée au cinéma avec mes amis. Nous avons regardé un film français. C’était très intéressant. Après le film, nous avons dîné dans un petit restaurant. »

Важной особенностью коммуникативного подхода является ориентация на обучающегося. Учащийся становится активным участником учебного процесса, а преподаватель выполняет роль организатора, консультанта и помощника. Ошибки рассматриваются как естественный этап обучения и не препятствуют коммуникации.

Пример: Если студент говорит « Je suis allé à la magasin » вместо «Je suis allé au magasin», преподаватель не прерывает коммуникацию, а после завершения высказывания мягко корректирует: «On dit : je suis allé au magasin».

Значительное внимание уделяется использованию аутентичных материалов, отражающих реальное употребление языка. Это способствует повышению мотивации и формированию социокультурной компетенции.

Примеры аутентичных материалов:

- Меню французского ресторана : « Entrées : Soupe à l’oignon, Salade niçoise. Plats : Steak frites, Ratatouille. Desserts : Crème brûlée, Tarte Tatin».

- Объявление в аэропорту : « Le vol AF 1234 à destination de Paris est retardé de trente minutes. Les passagers sont priés de se présenter à la porte d’embarquement B12».

- Отрывок из статьи : « Selon une étude récente, les Français passent en moyenne trois heures par jour sur Internet. Les jeunes de 18 à 25 ans utilisent principalement les réseaux sociaux pour communiquer avec leurs amis».

3. Основные принципы коммуникативного подхода

Коммуникативный подход базируется на ряде принципов, обеспечивающих его эффективность. К ним относятся приоритет смысла над формой, обучение через взаимодействие, аутентичность ситуаций общения, активная роль обучающегося и толерантное отношение к ошибкам [4].

Пример приоритета смысла над формой: Студент хочет сказать, что он любит французскую музыку. Он говорит: «Moi, j’aime la musique française». Даже если в предложении есть небольшая грамматическая неточность, главное — смысл передан, и коммуникация состоялась.

Интеграция всех видов речевой деятельности — аудирования, говорения, чтения и письма — позволяет формировать целостную языковую компетенцию. Важным аспектом является также учет индивидуальных особенностей, уровня и потребностей обучающихся.

Пример интеграции: Тема «Путешествие».

- Аудирование: прослушать диалог в аэропорту.

- Говорение: разыграть диалог «В туристическом агентстве».

- Чтение: прочитать текст о достопримечательностях Парижа.

- Письмо: написать открытку другу из Парижа.

Пример открытки: «Cher ami, Je suis à Paris ! Aujourd’hui, j’ai visité la Tour Eiffel et le musée du Louvre. C’est magnifique ! Demain, je vais aller à Montmartre. Je t’envoie une carte postale avec une belle vue de la Seine. À bientôt! Marie».

4. Формирование коммуникативной компетенции

Целью коммуникативного подхода является развитие коммуникативной компетенции, включающей лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную и стратегическую компоненты. Обучающиеся учатся не только правильно строить фразы, но и использовать язык адекватно ситуации общения.

Примеры:

- Лингвистическая компетенция: правильное употребление времён — «Hier, j'ai mangé au restaurant» (passé composé).

- Социолингвистическая компетенция: выбор формы обращения — «Bonjour, Monsieur» (официально) или «Salut, ça va ?» (неофициально).

- Дискурсивная компетенция: умение построить связный текст — «D'abord, je me suis levé tôt. Ensuite, j'ai pris mon petit-déjeuner. Puis, je suis parti au travail. Enfin, je suis rentré à la maison».

- Стратегическая компетенция: умение перефразировать, если не знаешь слово — « Je ne sais pas comment dire… c'est un objet pour écrire… un stylo ! »

Развитие данной компетенции осуществляется через выполнение коммуникативных задач, работу в парах и группах, участие в ролевых играх и обсуждениях. Такой формат обучения способствует развитию уверенности в себе и готовности к реальному общению.

Пример ролевой игры: «À la boulangerie»

- Client : «Bonjour, je voudrais une baguette et deux croissants, s'il vous plaît».
- Boulanger : «Voilà. Et avec ceci ? »
- Client : «Ce sera tout, merci. Combien ça fait ? »
- Boulanger : «Ça fait trois euros cinquante».
- Client : «Voilà. Merci, au revoir ! »
- Boulanger: «Merci, bonne journée ! »

5. Реализация коммуникативного подхода в учебном процессе

Практическая реализация коммуникативного подхода предполагает организацию занятий вокруг реальных коммуникативных ситуаций. Используются ролевые игры, диалоги, проектная работа, обсуждения и задания, направленные на достижение конкретного результата [5].

Примеры коммуникативных ситуаций:

- «Vous êtes dans un magasin de vêtements. Vous voulez acheter une chemise. Demandez au vendeur : la taille, la couleur, le prix».
- «Vous êtes perdu dans une ville française. Demandez votre chemin à un passant».
- «Vous organisez une fête avec vos amis. Discutez : la date, le lieu, le menu, les invitations».
- «Vous avez un problème de santé. Prenez rendez-vous chez le médecin et expliquez vos symptômes».

Оценивание в рамках данного подхода носит формирующий характер и направлено на поддержку прогресса обучающихся. Важную роль играет развитие автономии и ответственности за собственное обучение.

Коммуникативный подход является одним из наиболее эффективных методов обучения французскому языку как иностранному. Он отвечает современным требованиям, ориентирован на практическое использование языка и способствует формированию устойчивой коммуникативной компетенции. Применение данного подхода делает процесс обучения более мотивирующим, динамичным и приближенным к реальным условиям общения, что подтверждает его значимость в современной методике преподавания иностранных языков.

В заключение следует отметить, что коммуникативный подход занимает важное место в обучении французскому языку как иностранному. Он отвечает основным целям изучения языков, которыми являются коммуникация и взаимодействие. В отличие от традиционных методов, данный подход ставит обучающегося в центр учебного процесса.

Благодаря коммуникативному подходу обучающиеся учатся использовать французский язык в реальных ситуациях. Они постепенно развивают свою коммуникативную компетенцию и приобретают уверенность в своих силах. Процесс обучения становится более живым, динамичным и мотивирующим.

Несмотря на определённые трудности, такие как ограниченность учебного времени или неоднородность уровней подготовки обучающихся, коммуникативный подход остаётся одним из наиболее эффективных методов обучения французскому языку как иностранному. Он подготавливает

обучающихся к использованию французского языка в повседневной жизни, учебной и профессиональной деятельности.

Таким образом, коммуникативный подход способствует не только усвоению языка, но и личностному и социальному развитию обучающихся. Он сохраняет свою актуальность и соответствует современным требованиям преподавания иностранных языков.

Список использованной литературы

1. Bérard, É. L'approche communicative: théorie et pratiques / É. Bérard. – Paris: CLE International, 1991. – 126 p.
2. Cuq, J.-P. Cours de didactique du français langue étrangère et seconde / J.-P. Cuq, I. Gruca. – Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2005. – 504 p.
3. Courtillon, J. Élaborer un cours de FLE / J. Courtillon. – Paris: Hachette, 2003. – 160 p.
4. Puren, C. Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues / C. Puren. – Paris: CLE International, 1988. – 447 p.
5. Tagliante, C. La classe de langue / C. Tagliante. – Paris : CLE International, 2006. – 199 p.
6. France Éducation international: официальный сайт. – URL: https://www.france-education-international.fr.

Рецензент: кандидат филологических наук, и.о. доцента МукашеваР.М.

УДК 378:316.7

Акмалова З.Н.
Дүйнөлүк экономика жана дипломатия университети
Акмалова З.Н.
Университет мировой экономики и дипломатии
Akmalova Z.N.
University of World Economy and Diplomacy

ТҮРК ТИЛДҮҮ ЖАНА АЗИЯЛЫК КОНТЕКСТТЕРДЕ МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮКТҮ КАЛЫПТАНДЫРУУ: КЫЙЫНЧЫЛЫКТАР, СТРАТЕГИЯЛАР ЖАНА АЛАРДЫН НАТЫЙЖАЛАРЫ
ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ТЮРКСКИХ И АЗИАТСКИХ КОНТЕКСТАХ: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ
FOSTERING INTERCULTURAL COMPETENCE IN TURKIC AND ASIAN CONTEXTS: CHALLENGES, STRATEGIES, AND IMPLICATIONS

Кыскача мүнөздөмө: Жогорку билим берүүнүн тез интернационалдашуусу окуу аудиторияларын маданий жактан ар түрдүү мейкиндиктерге айландырды; мында студенттер өздөрүнө мүнөздүү салттарды, окуу стилдерин жана күтүүлөрдү алып келишет. Ар түрдүүлүк академиялык жана социалдык чөйрөнү байытканы менен, ал баарлашуу нормаларындагы айырмачылыктар, ресурстарга бирдей эмес жеткиликтүүлүк жана академиялык чынчылдык стандарттарындагы айырмачылыктар сыяктуу кыйынчылыктарды да жаратат. Ошондуктан маданияттар аралык компетенттүүлүктү өнүктүрүү теңдикке, инклюзияга жана сапаттуу билимге умтулган студенттер, окутуучулар жана мекемелер үчүн зарыл болуп калды. Бул макала дүйнөлүк статистикага, теориялык негиздерге жана практикалык мисалдарга таянып, жогорку билим берүүдө маданияттар аралык компетенттүүлүктүн маанисин изилдейт. Анда маданий айырмачылыктардын аудиториядагы өз ара аракеттенүүгө, академиялык жетишүүгө жана социалдык интеграцияга кандай таасир этиши мүмкүн экени каралат, ошондой эле бул кыйынчылыктарды чечүү стратегиялары көрсөтүлөт. Талкууда ар түрдүүлүктүн жогорку билим берүүдө бөлүнүүнүн эмес, күчтүн булагы

болушун камсыз кылуу үчүн билим берүү саясатын реформалоонун, педагогикалык инновациялардын жана институционалдык колдоонун маанилүүлүгү баса белгиленет.

Аннотация: Быстрая интернационализация высшего образования превратила учебные аудитории в культурно разнообразные пространства, где студенты привносят уникальные традиции, стили обучения и ожидания. Хотя разнообразие обогащает академическую и социальную среду, оно также создаёт проблемы, такие как различия в коммуникативных нормах, неравный доступ к ресурсам и различия в стандартах академической честности. Поэтому развитие межкультурной компетентности стало необходимым для студентов, преподавателей и учреждений, стремящихся содействовать равенству, инклюзии и качественному образованию. В данной работе рассматривается значение межкультурной компетентности в высшем образовании с опорой на глобальную статистику, теоретические основы и практические примеры. Исследуется, как различия в культурном происхождении могут влиять на взаимодействие в аудитории, академическую успеваемость и социальную интеграцию, а также освещаются стратегии решения этих проблем. В обсуждении подчёркивается важность реформ в сфере образовательной политики, педагогических инноваций и институциональной поддержки для обеспечения того, чтобы разнообразие стало источником силы, а не разделения в высшем образовании.

Abstract: The rapid internationalisation of higher education has reshaped classrooms into culturally diverse spaces, where students bring unique traditions, learning styles, and expectations. While diversity enriches academic and social environments, it also introduces challenges such as differing communication norms, unequal access to resources, and variations in academic integrity standards. Developing intercultural competence has therefore become essential for students, educators, and institutions seeking to foster equity, inclusion, and quality education. This paper explores the significance of intercultural competence in higher education, drawing on global statistics, theoretical frameworks, and practical examples. It examines how differences in cultural background can influence classroom interactions, academic performance, and social integration, while also highlighting strategies to address these challenges. The discussion emphasizes the importance of policy reforms, pedagogical innovation, and institutional support in ensuring that diversity becomes a source of strength rather than division in higher education.

Негизги сөздөр: маданияттар аралык компетенттүүлүк; жогорку билим берүү; ар түрдүүлүк; теңдик; инклюзия; интернационалдашуу; глобалдык мобилдүүлүк.

Ключевые слова: межкультурная компетентность; высшее образование; разнообразие; равенство; инклюзия; интернационализация; глобальная мобильность.

Keywords: intercultural competence; higher education; diversity; equity; inclusion; internationalisation; global mobility.

Introduction. Cultural awareness has emerged as a critical dimension of professional practice in higher education. It is now widely acknowledged that subject expertise alone is insufficient for preparing graduates for success in increasingly interconnected and multicultural environments. Research in intercultural education highlights that learners' cultural background—including ethnicity, religion, gender, socioeconomic status, and language—shapes communication, classroom behaviour, and engagement [1]. For instance, students from direct communication traditions may expect instructions that are short and clear, whereas students from indirect communication traditions may interpret such communication as blunt or impolite, thereby affecting classroom harmony [2]. As a result, teachers are required not only to deliver content but also to bridge cultural gaps, adopting inclusive strategies to support all learners.

This paper examines the significance of intercultural competence in higher education, with a particular focus on Turkic and Asian contexts and an illustrative case study of Uzbekistan. It addresses three questions: What challenges does cultural diversity create in higher education classrooms? Which theoretical frameworks help explain these challenges? And what strategies can policymakers, institutions, and educators

adopt to turn diversity into a source of strength rather than division? The argument proceeds from global trends to national and institutional dynamics, and then to practical recommendations.

Methodology and Source Selection. This study paper adopts a narrative, evidence-based review design. It synthesises international statistics, theoretical frameworks, and empirical findings on intercultural competence in higher education, with Uzbekistan as an illustrative case within Turkic and Asian contexts. Sources were selected according to three criteria: first, recent international statistics from UNESCO, ICEF Monitor, the OECD, and the World Bank [3; 4; 5; 6]; second, foundational theoretical models of intercultural sensitivity and cultural dimensions [7; 8]; and third, peer-reviewed and policy-oriented literature on intercultural education, equity, and inclusive pedagogy [1; 2; 9]. Priority was given to publications from 2015–2025 for statistical and policy data, while classical theoretical works were retained because they continue to inform classroom research. The analysis triangulates macro-level indicators with institutional and pedagogical evidence. The Uzbek case is used not as a representative sample of all Turkic or Asian systems, but as a strategically selected example of rapid internationalisation, demographic diversity, and reform-driven higher education development. This design allows the paper to connect global trends with local challenges and to derive transferable, though context-sensitive, recommendations.

Global Context. The global higher education landscape is undergoing rapid transformation. According to UNESCO [3], worldwide higher education enrolment reached 264 million students in 2023, doubling from the year 2000. International mobility has also surged, with 6.9 million students studying abroad in 2022, compared to only 2.1 million in 2000 [4]. These figures reflect an unprecedented rise in transnational education and the emergence of multicultural classrooms across all regions of the world. The OECD [5] reports that over 70% of universities identify internationalisation as a strategic priority, seeking to foster intercultural competence as an essential graduate skill. This global context underscores the urgent need for teachers to be equipped with cultural awareness and cross-cultural communication abilities.

Uzbekistan's Higher Education Landscape. Uzbekistan provides a unique case study for examining cultural diversity in higher education. The country's population consists of approximately 80% Uzbeks and more than 10% minority groups, including Tajiks (4.5%), Kazakhs (2.5%), Karakalpaks (2%), Kyrgyz (1%), Turkmens, and Russians [6]. Uzbekistan currently hosts 222 higher education institutions with a total enrolment of about 1.55 million students, reflecting both growing domestic demand and significant reform efforts in the sector [6].

In addition, Uzbekistan has become increasingly engaged in international student mobility. The number of inbound international students has grown from fewer than 6,000 a decade ago to 13,800 in 2023, with the largest cohorts from India, Turkmenistan, Pakistan, Russia, and Kazakhstan [4]. Outbound mobility is even more striking: nearly 150,500 Uzbek students studied abroad in 2023, placing Uzbekistan third globally for outbound student numbers [3]. These dynamics mean that universities in Uzbekistan are both sending and receiving large numbers of students, creating academic environments where cultural diversity is the norm rather than the exception.

Challenges of Multicultural Teaching. While diversity enriches learning, it also presents challenges. Faculty at institutions such as the University of World Economy and Diplomacy report difficulties in adapting teaching strategies to both national and international cohorts within the same semester. Differences in communication styles, learning expectations, and prior educational experiences often complicate group work and class discussions. Students may perceive the same instructions differently depending on their cultural background, which can lead to misunderstandings or disengagement.

Theoretical models such as Hofstede's cultural dimensions [7] and Bennett's Developmental Model of Intercultural Sensitivity [8] provide useful frameworks for understanding these dynamics. For example, Hofstede identifies variations in power distance, collectivism versus individualism, and uncertainty avoidance as major influences on classroom interaction. In Uzbekistan, where collectivist traditions are strong, students may rely heavily on group consensus, while international students from more individualist backgrounds may prefer independent learning. Without proper pedagogical adaptation, such contrasts can create tension in group-based tasks.

Instead of presenting these models in tabular form, their implications for multicultural classrooms can be summarised in prose. Hofstede's framework [7] identifies several dimensions that may shape classroom interaction. In relation to power distance, students may either expect clear teacher authority or, conversely, question it openly; if this difference is not addressed, it can produce silence, deference, or perceived disrespect. A suitable pedagogical response is to explain participation rules, use structured turn-taking, and legitimise respectful questioning. In relation to individualism versus collectivism, group work may be valued either as consensus-building or as individual accountability; without attention, this can lead to unequal contribution, free-riding, or tension in group assessment. Teachers can respond by combining individual and group grades, assigning rotating roles, and making assessment criteria explicit. In relation to uncertainty avoidance, students may prefer highly structured tasks or tolerate open-ended ambiguity differently; if unaddressed, this may cause anxiety, disengagement, or rigid reliance on templates. Appropriate responses include clear rubrics, scaffolding of open tasks, examples, and revision opportunities. In relation to long-term versus short-term orientation, differing views on deadlines, process, and final outcomes may produce misunderstanding of academic expectations; this can be mitigated by clarifying milestones, discussing study norms, and using formative feedback.

Bennett's Developmental Model of Intercultural Sensitivity [8] offers a complementary perspective. At ethnocentric stages, cultural difference may be framed as deficiency or ignored, creating risks of "othering," stereotyping, and exclusion. Educators can counter this through reflection, critical incidents, and modelling perspective-taking. At ethnorelative stages, students recognise and adapt to cultural difference, but the risk remains that tolerance may stay superficial without deeper engagement. In this case, comparative case studies, collaborative intercultural projects, and guided reflection can encourage more substantive intercultural learning. Used together, Hofstede's and Bennett's models should be treated as heuristic lenses rather than diagnostic instruments; they help identify possible interactional patterns while encouraging educators to avoid cultural essentialism and to recognise that classroom behaviour is shaped by multiple factors, including prior schooling, language proficiency, discipline, and personality [7; 8].

The table is intended as a heuristic, not a diagnostic instrument. Hofstede's dimensions help identify possible interactional patterns, while Bennett's model describes a developmental trajectory toward greater intercultural sensitivity. Used together, they encourage educators to avoid cultural essentialism and to treat classroom behaviour as shaped by multiple factors, including prior schooling, language proficiency, discipline, and personality [7; 8].

Professional Development and Global Learning. Research shows that intercultural competence is not an innate ability but can be developed through intentional training, reflection, and exposure to diverse perspectives [2]. International exchanges, workshops, and professional fellowships provide effective opportunities for educators to strengthen these skills. By participating in multicultural academic environments abroad, teachers can experience firsthand the challenges their own students face, thereby gaining empathy and practical strategies for supporting intercultural learning.

Professional development in this area is particularly urgent in Uzbekistan, where traditional teacher-centred approaches remain dominant. Studies confirm that many educators still rely on conservative methods, leading to student disengagement and limited adaptability to diverse classrooms [6]. International programmes can expose educators to innovative teaching models such as culturally responsive pedagogy, project-based learning, and collaborative intercultural projects. Evidence suggests that such methods significantly enhance students' critical thinking, communication, and global employability skills [9].

Empirical Insights. Qualitative research from international higher education settings demonstrates that widening cultural diversity requires careful planning and inclusive strategies. Deardorff [2] emphasises that unconscious "othering," narrow perceptions of cultural difference, and rigid teaching methods can hinder student integration. Conversely, educators who adopt intercultural teaching strategies report stronger classroom cohesion, improved student participation, and higher satisfaction levels.

In Uzbekistan, similar patterns are observed. Teachers note that international cohorts often display varying levels of English proficiency, academic preparation, and expectations of authority. Without

strategies to address these differences, both domestic and international students may experience frustration. By integrating intercultural training into faculty development, universities can reduce these tensions and create more inclusive classrooms.

Limitations of the Study. This study has several limitations. First, it relies on secondary statistics and published evidence rather than primary survey or experimental data; national aggregates may mask differences between institutions, regions, and programmes [6; 4]. Second, the Uzbek case is illustrative rather than statistically representative of all Turkic or Asian higher education systems. Third, the qualitative observations drawn from institutional experience are not a systematic sample and should be treated as context-sensitive illustrations rather than generalisable findings [2]. Fourth, Hofstede's and Bennett's models are heuristic frameworks; they can illuminate patterns but risk overgeneralisation if applied mechanically to individual students [7; 8]. Fifth, higher education internationalisation is changing rapidly, so statistics and policy priorities may shift. Future research should combine institutional data, student and faculty surveys, and longitudinal designs to test how specific intercultural interventions affect equity, engagement, and academic outcomes across Turkic and Asian contexts.

Implications for Higher Education. The implications of these findings extend beyond Uzbekistan. As global student mobility continues to grow, all higher education institutions must prepare faculty to teach in culturally diverse environments. Failure to do so risks perpetuating inequality, disengagement, and academic underperformance among minority and international students. On the other hand, embracing cultural diversity offers opportunities to enrich learning, expand perspectives, and foster global citizenship.

For policymakers, this means investing in professional development initiatives that emphasise intercultural competence. For institutions, it requires embedding cultural awareness into curricula, faculty training, and campus life. For educators, it calls for ongoing self-reflection, adaptation, and willingness to experiment with inclusive pedagogical approaches.

Practical Recommendations for Uzbekistan and Turkic/Asian Contexts

The analysis suggests several practical recommendations for policymakers, institutions, and educators seeking to strengthen intercultural competence in Uzbekistan and comparable Turkic and Asian contexts.

For policymakers:

- integrate intercultural competence into national higher education standards, teacher qualification requirements, and quality assurance criteria [5];
- fund faculty development programmes, international exchanges, and collaborative projects that expose educators to culturally responsive pedagogy [2; 9];
- support multilingual and academic-language provision, especially for inbound students and students from minority-language backgrounds [6].

For institutions:

- embed intercultural orientation for both domestic and international students, covering communication norms, assessment expectations, academic integrity, and campus support services [2];
- provide continuous professional development in inclusive pedagogy, formative assessment, and collaborative learning rather than one-off workshops [9];
- monitor equity indicators—participation, progression, satisfaction, and outcomes—disaggregated by cultural and linguistic background [6];
- create intercultural advisory groups and peer-mentoring schemes that involve students as partners in curriculum and campus-life design.

For educators:

- make classroom norms, assessment criteria, and participation expectations explicit; avoid relying on implicit cultural codes [1; 2];
- use structured group work with individual accountability, rotating roles, and clear rubrics to reduce tension between collectivist and individualist learning preferences [7];

- adopt critical incidents, comparative case studies, and guided reflection to move students beyond superficial tolerance toward ethnorelative engagement [8];

- avoid essentialising students through cultural dimensions; treat Hofstede and Bennett as lenses for reflection, not labels [7; 8];

- develop culturally responsive approaches to academic integrity by explaining citation norms, paraphrasing practices, and disciplinary conventions rather than assuming shared prior knowledge [6].

In Turkic and Asian contexts, these recommendations should be adapted to local institutional cultures, language ecologies, and reform trajectories. The goal is not to import a single model but to combine international evidence with local expertise so that cultural diversity becomes a sustainable source of educational quality and social cohesion [2; 9].

Conclusion. Cultural awareness in higher education teaching is no longer optional—it is a professional necessity. The global rise in international student mobility, combined with increasing diversity within national education systems, makes intercultural competence essential for both educators and students. Uzbekistan's higher education sector, with its rapid expansion and growing internationalisation, illustrates both the challenges and opportunities of multicultural classrooms.

Through intentional professional development, exposure to international best practices, and the adoption of culturally responsive pedagogies, educators can bridge cultural gaps, enrich student learning, and foster inclusive academic communities. Ultimately, strengthening intercultural competence contributes not only to improved academic outcomes but also to the broader goals of global understanding, cooperation, and social cohesion.

References

1. Banks, J. A. Multicultural Education: Issues and Perspectives / J. A. Banks. – 10th ed. – Hoboken, NJ : Wiley, 2019. – 384 p.
2. Deardorff, D. K. Manual for Developing Intercultural Competencies: Story Circles / D. K. Deardorff. – Paris : UNESCO, 2020. – 116 p.
3. UNESCO. Record Number of Higher Education Students Highlights Global Need for Recognition of Qualifications [Электронный ресурс]. – 2023. – 27 October. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/record-number-higher-education-students-highlights-global-need-recognition-qualifications (дата обращения: 18.10.2026).
4. ICEF Monitor. The Number of Students in Higher Education Abroad Has More Than Tripled Since the Turn of the Century [Электронный ресурс]. – 2025. – 5 June. – URL: https://monitor.icef.com/2025/06/the-number-of-students-in-higher-education-abroad-has-more-than-tripled-since-the-turn-of-the-century/ (дата обращения: 18.10.2026).
5. OECD. Internationalisation in Higher Education: OECD Education Policy Perspectives / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2022. – DOI: 10.1787/19939019.
6. World Bank. Higher Education in Uzbekistan: Access, Equity, and Quality Challenges / World Bank. – Washington, DC : World Bank, 2023.
7. Hofstede, G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations / G. Hofstede. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA : Sage, 2001. – 596 p.
8. Bennett, M. J. Towards Ethnorelativism: A Developmental Model of Intercultural Sensitivity / M. J. Bennett // Education for the Intercultural Experience / ed. by R. M. Paige. – Yarmouth, ME : Intercultural Press, 1993. – P. 21–71.
9. Gorski, P. C. Equity Literacy for All / P. C. Gorski, K. Swalwell // Educational Leadership. – 2015. – Vol. 72, № 6. – P. 34–40.

Reviewer: candidate of pedagogical sciences, associate professor Akhmadzhanov Kh. A.

УДК 378.147:004.8:81

Алымкулова Н.З.
И.Абдраимов атындагы Кыргыз Авиациялык Институту
Алымкулова Н.З.
Кыргызский Авиационный Институт имени И.Абдраимова
Alymkulova N.Z
Kyrgyz Aviation Institute named after I.Abdraimov

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ИНТЕГРАЦИЯЛОО ШАРТЫНДА ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУНУН МЕТОДИКАСЫ
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTEGRATION

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада заманбап билим берүү реформаларынын шартында жасалма интеллект (ЖИ) технологияларынын таасири астында чет тилдерди окутуу методикасынын түп-тамырынан өзгөрүүсү изилденет. Автор ЖИнин Туруктуу өнүгүү максаттарына (ТӨМ) жетүүдөгү ролун, өзгөчө сапаттуу жана инклюзивдүү билим берүүнү камсыз кылуудагы мүмкүнчүлүктөрүн талдайт. Генеративдик моделдердин жекелештирилген окутуу траекторияларын түзүүдөгү, көп маданияттуулукту колдоодогу жана санариптик инструменттерди тилдик билим берүү системасына интеграциялоодогу мүмкүнчүлүктөрү, айрыкча 12 жылдык билим берүү моделине өтүү шартында каралат. Ошондой эле глобалдык санариптешүү доорунда чет тилдин маданияттар аралык коммуникация каражаты катары ролун системалуу түшүнүүгө багытталган илимий негизделген практикалык сунуштар берилет.

Аннотация: В данной статье исследуется фундаментальная трансформация методики преподавания иностранных языков под воздействием технологий искусственного интеллекта (ИИ) в контексте современных образовательных реформ. Автор анализирует роль ИИ в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР), в частности в обеспечении качественного и инклюзивного образования. Рассматриваются возможности генеративных моделей для проектирования персонализированных траекторий, поддержки поликультурности и интеграции цифровых инструментов в систему языкового образования в условиях перехода к 12-летней модели обучения. Предложены научно обоснованные практические рекомендации по системному осмыслению роли иностранных языков как средства межкультурной коммуникации в условиях глобальной цифровизации.

Abstract: This article examines the fundamental transformation of foreign language teaching methodology under the influence of artificial intelligence (AI) technologies within the context of current educational reforms. The author analyzes the role of AI in achieving Sustainable Development Goals (SDGs), particularly in ensuring quality and inclusive education. The potential of generative models for designing personalized trajectories, supporting multiculturalism, and integrating digital tools into the language education system during the transition to a 12-year school model is considered. Scientifically based practical recommendations are proposed for a systematic understanding of the role of foreign languages as a means of intercultural communication in the context of global digitalization.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; лингводидактика; Туруктуу өнүгүү максаттары (ТӨМ); инклюзивдүү билим берүү; көп маданияттуулук; 12 жылдык билим берүү модели; ири тилдик моделдер (LLM); санариптик трансформация.

Ключевые слова: искусственный интеллект; лингводидактика; Цели устойчивого развития (ЦУР); инклюзивное образование; поликультурность; 12-летняя модель обучения; большие языковые модели (LLM); цифровая трансформация.

Keywords: artificial intelligence; linguodidactics; Sustainable Development Goals (SDGs); inclusive education; multiculturalism; 12-year school model; large language models (LLMs); digital transformation.

Введение. Глобальная цифровая трансформация и стремление к достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) диктуют новые требования к системе языкового образования. Консолидация научного и педагогического сообщества сегодня направлена на системное осмысление роли иностранных языков не просто как учебной дисциплины, а как ключевого инструмента формирования поликультурной личности. В условиях перехода к 12-летней модели обучения и интеграции принципов инклюзии искусственный интеллект (ИИ) перестаёт быть экзотическим инструментом и становится активным субъектом дидактического процесса.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных рекомендаций по использованию больших языковых моделей (LLM) для создания равных образовательных возможностей и поддержки многоязычия в странах СНГ и Кыргызской Республике.

1. Теоретические основы цифровой лингводидактики и ЦУР

1.1. Инклюзия и когнитивная персонализация

Интеграция ИИ позволяет реализовать принципы инклюзивного образования (ЦУР 4). В классической аудитории, особенно в условиях реформируемой 12-летней школы, преподавателю сложно обеспечить индивидуальное сопровождение (scaffolding). ИИ-ассистенты решают эту задачу:

Поддержка студентов с особыми образовательными потребностями: использование технологий перевода речи в текст и упрощения синтаксиса.

Снижение аффективного фильтра: общение с ИИ в безопасной цифровой среде способствует преодолению языкового барьера, что критически важно для формирования уверенности в поликультурном диалоге [1].

1.2. Поликультурность и языковое разнообразие

В условиях глобализации ИИ помогает сохранять и развивать принципы поликультурности. Модели LLM могут выступать в роли посредников, демонстрируя многообразие диалектов и культурных контекстов, что способствует достижению взаимопонимания между народами стран СНГ.

2. Практическая реализация: ИИ в условиях 12-летней модели обучения

Переход к 12-летней модели обучения требует новых подходов к распределению учебной нагрузки и поиску аутентичных материалов.

2.1. Дизайн инклюзивных учебных материалов

Адаптация контента: мгновенное преобразование сложных академических текстов в доступные материалы для разных возрастных групп (от начальной школы до вуза).

Многоязычные ресурсы: создание упражнений, поддерживающих родной язык обучающегося при изучении иностранных языков, что укрепляет принципы билингвизма [15].

2.2. Симуляция иммерсивной поликультурной среды

Ролевые сценарии по ЦУР: студенты могут практиковать дискуссии на темы экологии, социального равенства и мира, используя ИИ как партнёра по дебатам, представляющего разные культурные точки зрения. Это способствует развитию коммуникативных навыков через моделирование межкультурных ситуаций и дискуссий.

Голосовые ассистенты: тренировка произношения и аудирования при ограниченном доступе к носителям языка, что способствует расширению образовательных возможностей обучающихся сельских и городских школ [2].

Виртуальные диалоги: имитация реальных коммуникативных ситуаций (аэропорт, интервью, деловое общение).

2.3. Автоматизированная диагностика и обратная связь (Feedback)

Использование систем AES (Automated Essay Scoring) позволяет преподавателю сосредоточиться на развитии критического мышления студентов, делегируя рутинную проверку грамматики ИИ-алгоритмам.

Непрерывный мониторинг: отслеживание прогресса обучающихся в режиме реального времени.

Формирующая обратная связь: оперативные рекомендации по улучшению языковых навыков и устранению типичных ошибок.

3. Эволюция педагогических ролей в СНГ и КР

Консолидация сообщества профессоров, молодых учёных и магистрантов стран СНГ позволяет выработать единые стандарты:

Преподаватель как промпт-инженер: наставник, обучающий студентов цифровой гигиене и грамотному взаимодействию с ИИ.

Архитектор инклюзии: специалист, использующий ИИ для ликвидации образовательных дефицитов.

Социокультурный модератор: человек, развивающий у студентов эмпатию, которую невозможно алгоритмизировать [3].

4. Критические вызовы и академическая честность

4.1. Риски в контексте реформ

При переходе на 12-летнее обучение существует риск чрезмерного увлечения технической стороной в ущерб фундаментальным знаниям. Методика должна чётко разграничивать зоны «самостоятельного продуцирования» и «ИИ-поддержки», чтобы избежать когнитивного атрофирования.

Дополнительно следует учитывать риск снижения уровня академической честности, поскольку доступ к генеративным инструментам может провоцировать некритичное заимствование готовых ответов. В этой связи необходима разработка чётких регламентов использования ИИ в образовательном процессе, а также внедрение практик формирующего оценивания, ориентированных на процесс обучения, а не только на конечный результат. Серьёзным вызовом остаётся и цифровое неравенство: не все обучающиеся имеют равный доступ к современным технологиям и стабильному интернет-соединению, что может усиливать образовательное неравенство. Кроме того, важно учитывать уровень цифровой и методической компетентности преподавателей – недостаточная подготовка может привести к неэффективному или формальному использованию ИИ.

Особое внимание следует уделить вопросам защиты данных и этики: использование ИИ предполагает обработку персональной информации обучающихся, что требует соблюдения норм конфиденциальности и прозрачности алгоритмов. Также существует риск алгоритмической предвзятости, когда модели могут воспроизводить стереотипы или некорректные культурные установки.

В связи с этим необходим системный подход, включающий повышение квалификации педагогов, разработку методических рекомендаций, формирование критического мышления у обучающихся и интеграцию принципов академической честности в образовательную практику как ключевого элемента современной образовательной среды.

4.2. Алгоритмическая предвзятость

Необходимо учитывать риск трансляции западных стереотипов через LLM. Задача педагога в СНГ – научить студентов критически осмысливать информацию, сохраняя национальную и культурную идентичность [4]. Дополнительно важно внедрять практики сравнительного анализа источников, поощрять использование локального контента и развивать медиаграмотность обучающихся. Также целесообразно формировать навыки проверки фактов и понимания ограничений алгоритмов ИИ [11].

5. Рекомендации по системной интеграции ИИ

На государственном уровне: разработка методических стандартов использования ИИ в 12-летней школе, а также создание нормативно-правовой базы, регулирующей этические аспекты и защиту данных.

В вузовской среде: создание междисциплинарных лабораторий для PhD-докторантов и молодых учёных, внедрение курсов по цифровой педагогике и ИИ, а также развитие научно-исследовательских проектов в области EdTech.

На уровне преподавателей: системное повышение квалификации, освоение практик интеграции ИИ в учебный процесс и развитие цифровой компетентности.

На уровне обучающихся: формирование навыков самостоятельного мышления, академической честности и ответственного использования ИИ-инструментов.

В учебном процессе: переход к Process-based Assessment (оценке процесса), чтобы гарантировать подлинность достижений обучающихся.

6. Дидактический потенциал генеративных моделей в обучении иностранным языкам

Современные большие языковые модели (LLM) открывают принципиально новые возможности для развития коммуникативной компетенции обучающихся. Их ключевое преимущество заключается в способности генерировать аутентичные языковые конструкции, приближённые к реальному дискурсу.

Генеративные модели позволяют формировать вариативную языковую среду. В отличие от традиционных учебников, где языковой материал фиксирован, ИИ способен адаптировать диалоги, тексты и задания в режиме реального времени с учётом уровня подготовки обучающегося, его интересов и когнитивных особенностей.

Использование LLM способствует развитию продуктивных видов речевой деятельности – говорения и письма. Обучающиеся получают возможность многократно практиковать языковые навыки, не испытывая психологического давления, что положительно влияет на мотивацию.

ИИ может выступать инструментом формирования метаязыковой компетенции, обеспечивая анализ ошибок и объяснение языковых закономерностей.

7. Формирование критического мышления в условиях использования ИИ

В условиях цифровизации образования возрастает значение критического мышления как ключевой компетенции XXI века. Использование ИИ в обучении иностранным языкам требует от обучающихся умения анализировать, интерпретировать и оценивать информацию.

Методика должна включать задания, направленные на:

- анализ достоверности информации;
- выявление культурных контекстов;
- сопоставление различных точек зрения.

Практическая работа с ИИ может включать редактирование сгенерированных текстов, обсуждение ошибок и сравнительный анализ с аутентичными источниками. Это способствует развитию рефлексии и самостоятельности мышления.

8. Этические аспекты использования ИИ в образовании

Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс сопровождается рядом этических вызовов. Ключевыми являются вопросы академической честности, авторства и защиты данных. Особую актуальность приобретает проблема разграничения самостоятельной работы обучающегося и использования ИИ. В этой связи необходимо формирование культуры ответственного использования технологий.

Это включает:

- осознание границ допустимого применения ИИ;
- соблюдение норм академической этики;
- развитие самостоятельного мышления.

9. Перспективы развития языкового образования

Современные технологии ИИ определяют дальнейшие направления развития языкового образования. Ключевыми тенденциями являются:

- персонализация обучения на основе анализа данных;
- интеграция мультимодальных технологий (текст, аудио, видео);
- развитие гибридных форм обучения;
- расширение доступа к образовательным ресурсам;
- усиление роли преподавателя как фасилитатора, наставника и модератора учебного процесса.

Эти изменения особенно значимы для стран СНГ и Кыргызской Республики, где цифровизация способствует снижению образовательного неравенства и повышению качества обучения. Таким образом, ИИ не только трансформирует методы преподавания, но и формирует новую образовательную парадигму, ориентированную на гибкость, инклюзивность и глобальную конкурентоспособность обучающихся.

Заключение. Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в методику преподавания иностранных языков – это стратегический шаг к достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) и модернизации системы образования в условиях перехода к 12-летней модели. Синергия науки и практики позволит профессорам, преподавателям и молодым учёным стран СНГ создать инклюзивную и поликультурную образовательную среду, соответствующую вызовам XXI века. Искусственный интеллект становится фундаментом для системного осмысления роли языка как связующего звена в устойчивом развитии общества.

Кроме того, эффективное использование технологий ИИ способствует повышению качества обучения, расширяет доступность образования и обеспечивает индивидуализацию образовательных траекторий с учётом потребностей каждого обучающегося. Это создаёт условия для развития инновационных моделей обучения и подготовки конкурентоспособных специалистов, способных успешно функционировать в глобальном образовательном и профессиональном пространстве.

Список использованной литературы

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. – М. : АРКТИ : ГЛОССА, 2000. – 165 с.
2. Holmes, W. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning / W. Holmes, M. Bialik, C. Fadel. – Boston : Center for Curriculum Redesign, 2019. – 228 p.
3. Kessler, G. Technology and the Future of Language Teaching / G. Kessler // Foreign Language Annals. – 2018. – Vol. 51, № 1. – P. 205–218. – DOI: 10.1111/flan.12318.
4. Luckin, R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century / R. Luckin. – London : UCL IOE Press, 2018. – 160 p.
5. Polyakova, T. Y. Engineering Education in the Context of Digitalization / T. Y. Polyakova // Higher Education in Russia. – 2022.
6. Levy, M. CALI: Past, Present and Future / M. Levy // System. – 2016.
7. Benedict, N. AI in the Language Classroom / N. Benedict. – Oxford : Oxford University Press, 2024.
8. Anderson, J. R. Intelligent Tutoring Systems and the Future of Language Learning / J. R. Anderson // Journal of Educational Psychology. – 2023.
9. Smith, L. Speech Recognition Technology in ESL Classrooms / L. Smith, Z. Wei // Language Learning & Technology. – 2024.
10. Колесникова, И. Л. Роль преподавателя в цифровую эпоху / И. Л. Колесникова // Вестник лингвистического университета. – 2023.
11. Miao, F. Guidance for Generative AI in Education and Research / F. Miao, W. Holmes. – Paris : UNESCO, 2023. – 44 p. – DOI: 10.54675/EWZM9535.

12.Kaplan, A. M. Higher Education and the Digital Revolution: About MOOCs, SPOCs, Social Media, and the Cookie Monster / A. M. Kaplan, M. Haenlein // Business Horizons. – 2016. – Vol. 59, № 4. – P. 441–450. – DOI: 10.1016/j.bushor.2016.03.008.
13.Warschauer, M. New Technology and Digital Worlds: Analyzing Evidence of Equity in Access, Use, and Outcomes / M. Warschauer, T. Matuchniak // Review of Research in Education. – 2010. – Vol. 34, № 1. – P. 179–225. – DOI: 10.3102/0091732X09349791.
14.Хомский, Н. О природе и языке / Н. Хомский. – М. : КомКнига, 2021.
15.Beatty, K. Teaching and Researching Computer-Assisted Language Learning / K. Beatty. – 2nd ed. – Harlow : Longman, 2010. – 284 p.
16.Обучение иностранным языкам в цифровую эпоху / под ред. С. В. Титовой. – М. : МГУ, 2023.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Исмаилова Ж.К.

УДК 811:111

Алмуханбет Ш.Б.
Шымкент университети
Альмуханбет Ш.Б.
Университет Шымкент
Almukhanbet Sh.B.
Shymkent University

АНГЛИС ТИЛИН ОКУТУУДА CHATGPT БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨЛӨРГӨ БИБЛИОМЕТРИЯЛЫК СЕРЕП
БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ CHATGPT В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
A BIBLIOMETRIC OVERVIEW OF CHATGPT RESEARCH IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада ChatGPTни англис тилин окутууда колдонуу боюнча илимий адабияттарга библиометриялык талдоо берилген. Жыйынтыктар ChatGPT тууралуу илимий жарыяланымдардын саны туруктуу өсүп жатканын, ал эми изилдөө ишмердүүлүгү белгилүү авторлор менен мекемелердин арасында топтолгонун көрсөтөт. Ачкыч сөздөрдүн бирге кездешүүсүн талдоо үч негизги илимий кластерди аныктады: биринчиси ChatGPT, жасалма интеллект жана академиялык жазууга багытталган; экинчиси ири тил моделдерине жана билим берүү технологияларына; үчүнчүсү окутуу процессине, кайтарым байланышка жана окуучунун тажрыйбасына арналган. Жыйынтыктар бул тармактын тез өнүгүп жатканын, бирок тематикалык жана методологиялык жактан бирдиктүү эместигин көрсөтөт. Ошондуктан келечекте илимий багыттардын эволюциясын, изилдөөлөрдөгү боштуктарды жана эл аралык кызматташуу тармактарын тереңирээк талдоо үчүн кеңири масштабдагы библиометриялык изилдөөлөрдү жүргүзүү зарыл.

Аннотация: В данной статье представлен библиометрический анализ научной литературы по использованию ChatGPT в контексте преподавания английского языка. Результаты показывают, что количество научных публикаций о ChatGPT неуклонно растёт, а исследовательская активность сосредоточена среди определённых авторов и учреждений. Анализ совместной встречаемости ключевых слов выявил три основных научных кластера: первый посвящён ChatGPT, искусственному интеллекту и академическому письму; второй – большим языковым моделям и образовательным технологиям; третий – процессу обучения, обратной связи и опыту обучающихся. Результаты свидетельствуют о том, что данная область быстро развивается, но остаётся фрагментированной как в тематическом, так и в методологическом отношении. Поэтому в будущем необходимо проводить

масштабные библиометрические исследования для более глубокого анализа эволюции научных направлений, исследовательских пробелов и сетей международного сотрудничества.

Abstract: This article presents a bibliometric analysis of the scientific literature on the use of ChatGPT in English language teaching contexts. The results show that the number of scientific publications on ChatGPT is steadily increasing, while research activity is concentrated among certain authors and institutions. The keyword co-occurrence analysis revealed three main scientific clusters: the first focuses on ChatGPT, artificial intelligence, and academic writing; the second on large language models and educational technologies; and the third on the teaching process, feedback, and learner experience. The results indicate that this field is developing rapidly but remains fragmented in both thematic and methodological terms. Therefore, future large-scale bibliometric studies are needed to analyse the evolution of research directions, research gaps, and international collaboration networks in greater depth.

Негизги сөздөр: Bibliometrix программалык пакети; библиометриялык талдоо; ChatGPT; англис тилин окутуу; окутуу; жасалма интеллект.

Ключевые слова: программный пакет Bibliometrix; библиометрический анализ; ChatGPT; преподавание английского языка; обучение; искусственный интеллект.

Keywords: Bibliometrix; bibliometric analysis; ChatGPT; English language teaching; learning; artificial intelligence.

Introduction. In recent years, the integration of technology into the teaching process has significantly transformed traditional educational methods, particularly in language teaching. Among these technological innovations, ChatGPT stands out as a tool that supports, simplifies, and is flexible for language learning (Aljohani, 2026).

ChatGPT (Chat Generative Pre-Trained Transformer), published in November 2022, has quickly attracted the attention of many scientific studies, and its importance across various fields is growing daily. In particular, its advantages and limitations in education have been thoroughly examined over the past two years (Lukešová & Jennings, 2026).

ChatGPT's accessibility and responsiveness enable rapid information processing, offering students personalised explanations and support beyond the classroom. However, researchers warn that uncritical use of AI can weaken interpersonal interaction and undermine deep cognitive processes in language-rich classrooms. This contradiction underscores the need to leverage ChatGPT's advantages effectively while preserving the developmental value of teacher-led education through pedagogical approaches (Jahan & Akbar, 2026).

The main advantage of ChatGPT for learners is its ability to serve as a dynamic learning partner. It provides instant feedback, displays a range of writing samples, and supports idea generation and brainstorming. Numerous studies have shown that this tool helps develop writing skills and increases interest in the learning process. For teachers, one of the most important advantages is time saved. Studies have shown that chatbots are often used as automated tools for lesson preparation, including preparing teaching materials, providing academic support, and giving feedback on practical work. This efficiency allows teachers to focus on more complex tasks, such as developing innovative teaching strategies and working individually with students. As a result, the role of the teacher in issues of critical thinking and the ethical use of artificial intelligence becomes even more important (Mekheimer, 2026).

In a variety of educational contexts, ChatGPT not only helps develop core writing skills, including grammatical accuracy, vocabulary expansion, and paragraph structure—but also supports lesson planning and workload management. Controlled and comparative studies have shown that it is competitive with traditional tools in correcting grammatical errors and that it increases the linguistic fluency and external accuracy of the text. In genre-oriented tasks, students are supported in creating topic sentences, supporting details, and conclusion structures. In addition, embedded learning courses help improve the coherence of the

text and the writing process. Overall, when artificial intelligence support is used consciously, the quality of academic writing and student motivation are significantly increased (Mohammada et al., 2025).

Despite the optimistic outlook, several serious issues that arise when implementing ChatGPT in the educational process have been widely studied. These issues can be grouped into three main areas: technical limitations of the tool, pedagogical risks to student development, and ethical issues that affect academic integrity. First, many are concerned about the accuracy and quality of the content generated by artificial intelligence. Researchers say that chatbot responses can contain factual errors, logical inconsistencies, and internal biases, which in turn reduce its credibility as an educational tool. Therefore, scientific articles and teacher reviews indicate that AI-generated text should not be accepted at face value but must be critically evaluated. This requirement demands that students and teachers develop a higher level of digital literacy: they must understand the tool's limitations and use it responsibly. From a pedagogical perspective, the most frequently raised risks are student dependency and the weakening of basic academic skills. Many teachers worry that over-reliance on ChatGPT will hinder students' development of critical thinking, problem-solving, and writing skills. This issue has been widely discussed in studies of pedagogical practice. Some scholars view it as a threat to student creativity: while helpful, ChatGPT can limit the emergence of new and innovative ideas if not used in accordance with the right pedagogical methodology (Mekheimer, 2026).

Despite numerous initial studies, the literature on the pedagogical possibilities and challenges of ChatGPT in English as a Second Language remains inconsistent and requires a comprehensive, systematic analysis. Currently, the number of empirical studies is increasing, but most of them focus only on specific aspects. For example, some ofocus in student interaction or task performance, while others consider issues of ethics and the accuracy of responses. To overcome this shortcoming, this study should systematically review the literature and comprehensively consider the possibilities and limitations of using ChatGPT (Lukešová & Jennings, 2026). Therefore, there is a need to conduct bibliometric studies to comprehensively identify the structure, main directions and development trends of scientific works in this field. Such an approach allows us to identify the evolution of research topics, the connections between key authors and publications, and to form a systematic picture of the scientific discourse related to the use of ChatGPT. The purpose of this article is to conduct a bibliometric analysis of scientific research on the topic of ChatGPT and English language teaching.

Materials and methods. The research was based on a bibliometric analysis methodology. Data were obtained from the international Scopus database. The search query used the following operators: TITLE-ABS-KEY (chatgpt AND english), with a dual subject category (Social Sciences, Arts and Humanities, Multidisciplinary), keywords, and English-language filters. The search query was based on the term "chatgpt AND english" and filtered by social sciences, arts and humanities, and multidisciplinary areas. Only publications in English were selected as a language filter (as shown in Figure 1). The data set covers the period 2016–2026. The selection procedure was carried out in accordance with the PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) scheme (as shown in Figure 1). The initial search identified 1,297 records from Scopus. As a result of filtering by subject category, 49 records were excluded (n = 1,248). After filtering by language, 31 more records were extracted. As a result, 1,217 records were included in the analysis. The RStudio platform, its Bibliometrix library, and the Biblioshiny interactive interface were used to process and visualise the obtained data. The bibliometric analysis includes the following parameters: annual dynamics of publications; leading journals and authors; institutional contribution; maximum values of the number of citations; keyword co-occurrence network (Aria & Cuccurullo, 2017).

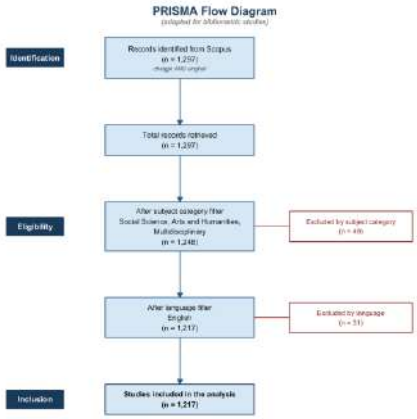


Figure 1. Prisma flow diagram adapted for bibliometric studies

Source: Generated by authors using Bibliometrix tool

Search results in the Scopus database show a sharp increase in research on ChatGPT and English language teaching since 2022. The dataset spans 2016–2026 and comprises 695 documents (see Table 1). The dataset's overall characteristics indicate 324 sources and 1,625 authors. The annual growth rate is 58.17%, with an average of 19.25 citations.

Table 1. Main information regarding the bibliometric data sample

Category	Description	Results
Data Summary	Timespan	2016–2026
	Sources (Journals, Books, etc.)	324
	Documents	695
	Annual Growth Rate (%)	58.17
	Document Average Age	1.31
	Average Citations per Document	19.25
	References	0
Document Contents	Keywords Plus (ID)	1273
	Author’s Keywords (DE)	1775
Authorship	Total Authors	1625
	Authors of Single-Authored Documents	190
	Single-Authored Documents	206
	Co-Authors per Document	2.8
	International Co-authorship (%)	22.73
Document Types	Articles	584
	Books	6
	Book Chapters	20
	Conference Papers	54
	Reviews	25
	Others (Note)	6
Source: Generated by authors using Bibliometrix tool		

Results and Discussion. The annual dynamics of publications for the period 2016–2026 are shown. In the period 2016–2021, the number of publications was close to zero. Since 2022, a significant increase has been observed: about 50 articles were published in 2022. The reason is simple: ChatGPT was launched in this year (Lukešová & Jennings, 2026). In 2023, the number reached 215, and in 2024, the highest value was recorded - 335 articles. In 2025–2026, there are about 100 articles, corresponding to the data collection period (Figure 2).

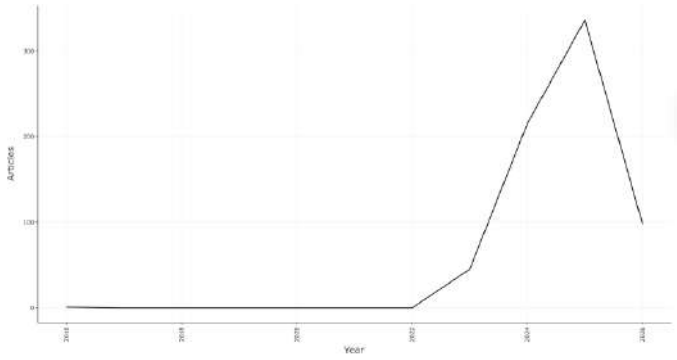


Figure 2. The annual dynamics of publications
Source: Generated by authors using Bibliometrix tool

Figure 3 shows the top 10 journals by publication count. Arab World English Journal and Education and Information Technologies share the top spot with 21 articles each. PLoS ONE has 16 articles. Computers and Education and JMIR Medical Education have 15 articles each. Computer Assisted Language Learning has 14 articles. Scientific Reports and System have 11 articles each. International Journal of Learning, Teaching and Education and World Journal of English Language have 10 articles each (Figure 3).

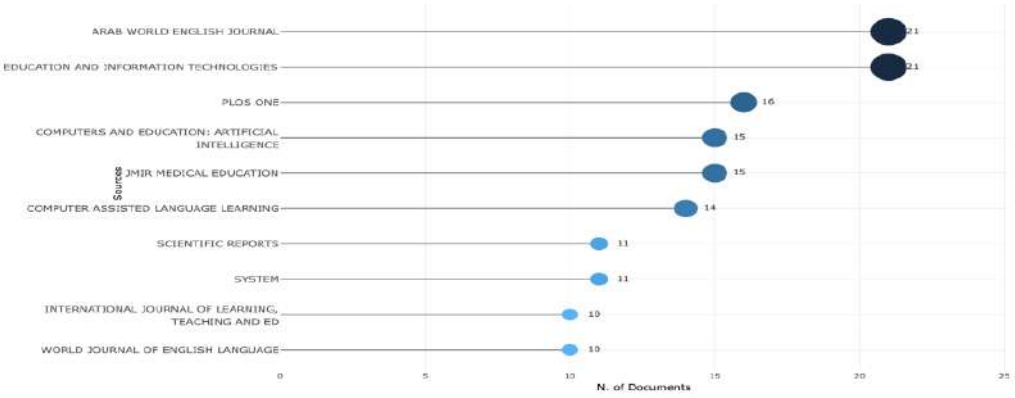


Figure 3. Top 10 journals by publication count
Source: Generated by authors using Bibliometrix tool

Figure 4 displays the top 10 authors based on their publication counts. Zou D is in first place with 11 articles. Wang Y has published 10 articles. Zhang Y has 9 articles. Moorhouse BL has 8 articles. Guo K, Kohnke L, and Teng MF each have 7 articles. Huang J, Li H, and Li Y each contributed 6 articles.

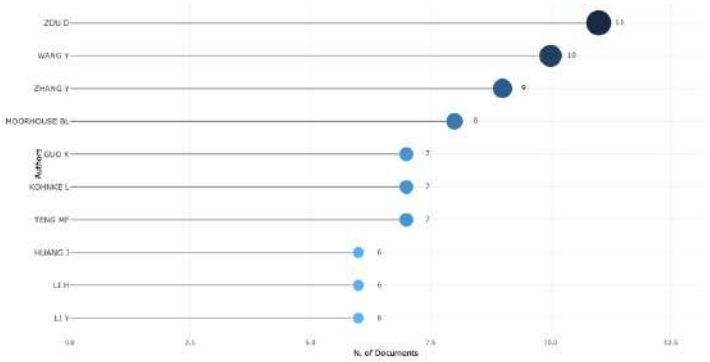


Figure 4. Top 10 authors

Source: Generated by authors using Bibliometrix tool

Figure 5 shows the top 10 institutions by number of articles. The Education University of Hong Kong is in first place with 18 articles. The Hong Kong Polytechnic University, Universiti Sains Malaysia, and Ajman University published 14, 12, and 11 articles, respectively. Beijing University of Posts and Telecommunications published 10. Kansai University, Northern Border University and The University of Hong Kong each published 9. Najran University and University of Bisha each published 8.

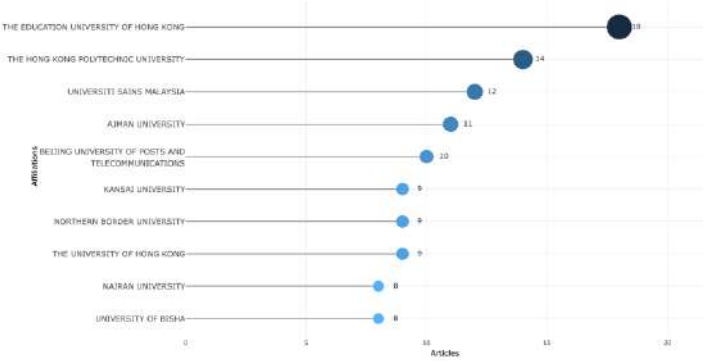


Figure 5. Top 10 institutions by number of articles
Source: Generated by authors using Bibliometrix tool

Figure 6 shows the keyword co-occurrence network. The network comprises three main clusters. The first cluster (red) is centred on "chatgpt" and "artificial intelligence"; it includes the keywords "writing", "efl", "english language teaching", "academic integrity", "generative ai", "educational technology", "efl writing", "academic writing", "english as a foreign language", "efl learners". The second cluster (green) combines the keywords "large language models", "generative artificial intelligence", "linguistics", "medical education", "education", "language". The third cluster (blue) includes terms such as "students", "teaching", "feedback", "language learning", "chatbots", "llm", "e-learning", "language model", "education computing".

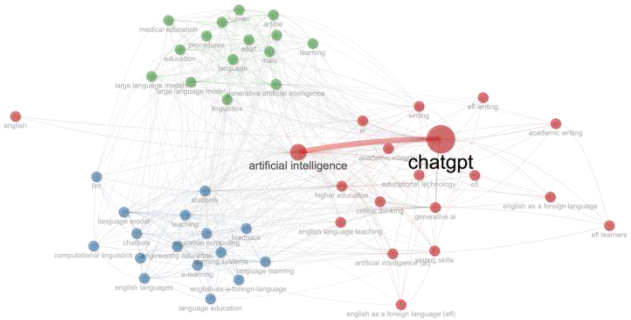


Figure 6. The keyword co-occurrence network
Source: Generated by authors using Bibliometrix tool

Conclusion. In conclusion, scientific research on ChatGPT in the ESL/EFL context has advanced rapidly in recent years and has expanded across a range of areas. The results of the bibliometric analysis indicate the emergence of leading authors and organisations in the scientific community: in terms of the number of publications, authors such as Zou D, Wang Y, and Zhang Y are at the forefront, while at the institutional level, universities such as the Education University of Hong Kong and The Hong Kong Polytechnic University are distinguished by their research activity. This pattern indicates that research is geographically concentrated in certain regions, especially in Asia. Keyword network analysis showed that the main topics, such as artificial intelligence, language teaching, academic writing, large language models,

and educational technologies, are developing in close cooperation. The formation of three main clusters indicates that the research direction is structured: on the one hand, it focuses on language teaching and writing skills; on the other hand, on technological foundations; and, third, on the teaching process and learner experience. In addition, the results of the study indicate that this area has not yet been systematically and fully studied. In this regard, large-scale and in-depth bibliometric studies should be conducted in the future. Such studies enable a more comprehensive analysis of the dynamics of scientific publications, their influence, author-country collaboration networks, and thematic evolution.

However, the study has several limitations. First, the analysis may be restricted to specific databases, which may not fully capture all relevant publications. Second, new studies may not be included due to time constraints. Third, because the bibliometric method relies on quantitative indicators, it does not always allow a thorough assessment of the quality of study content. Therefore, it is important to combine qualitative and mixed methods in future studies.

References

1. Aljohani, N. J. (2026). ChatGPT in language learning: A systematic review of applications and challenges. Social Sciences & Humanities Open, 13, 102357.
2. Aria, M., & Cuccurullo, C. (2017). bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. Journal of informetrics, 11(4), 959-975.
3. Jahan, F., & Akbar, H. (2026). Exploring ChatGPT in EFL classrooms: insights into engagement, proficiency and ethics. Discover Education, 5(1), 174.
4. Lukešová, A., & Jennings, P. J. (2026). AI-assisted language learning: ChatGPT's impact on mastering English tenses at the university level. Social Sciences & Humanities Open, 13, 102532.
5. Mekheimer, M. (2026). Adoption and perceptions of ChatGPT in an EFL classroom: a mixed-methods study at an Egyptian university. Discover Education, 5(1), 6.
6. Mekheimer, M. (2026). Adoption and perceptions of ChatGPT in an EFL classroom: a mixed-methods study at an Egyptian university. Discover Education, 5(1), 6.
7. Mohammada, T., Nazimb, M., Alzubib, A. A. F., & Khanc, S. I. EFL teachers' perceptions of using ChatGPT in writing classroom: Implications for teaching and learning.

Рецензент: доктор философских наук Тойбекова Б.У.

УДК 378.147:811.111

Арслонбекова Р.А.
Дүйнөлүк экономика жана дипломатия университети
Арслонбекова Р.А.
Университет мировой экономики и дипломатии
Arslonbekova R.A.
University of World Economy and Diplomacy

ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЫНДА САБАК ӨТКӨРҮҮ МЕТОДИКАСЫН КЕҢИРИ ТАЛДОО
ПОДРОБНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ
A DETAILED REFLECTION ON LESSON DELIVERY IN HIGHER EDUCATION

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада мамлекеттик университеттин экинчи курсунун студенттери менен өткөрүлгөн сабакка сынчыл талдоо жүргүзүлөт. Студенттердин англис тилин билүү деңгээли pre-intermediate деңгээлине туура келет. Англис тили окутуунун негизги тили катары колдонулганы менен, татаал терминдерди жана сөз айкаштарын түшүндүрүүдө айрым учурларда

орус жана өзбек тилдери пайдаланылган. Сабактын ийгиликтүү жактары баяндалып, аны жакшыртуу боюнча сунуштар берилет. Мындан тышкары, ишкер англис тилин окутууга өзгөчө көңүл бурулган университетте студентке багытталган окутуунун принциптери талданат. Студенттердин сабакка активдүү катышуусун жогорулатуу жана окуу процессин жеңилдетүү үчүн ар кандай интерактивдүү тапшырмалар колдонулган.

Аннотация: В статье представлен критический анализ занятия, проведённого с группой студентов второго курса государственного университета. Уровень владения английским языком у студентов соответствует уровню pre-intermediate. Хотя английский язык является основным языком обучения, для разъяснения сложных терминов и выражений в отдельных случаях использовались русский и узбекский языки. Рассматриваются успешные аспекты проведённого занятия и предлагаются рекомендации по его совершенствованию. Кроме того, анализируются принципы студентоцентрированного обучения в университете, где особое внимание уделяется преподаванию делового английского языка. Для повышения активности студентов и облегчения учебного процесса применялись различные интерактивные задания.

Abstract: This article provides a critical reflection on a lesson conducted with a group of second-year students at a public university. The students' English proficiency is at the pre-intermediate level. Although English is the primary language of instruction, Russian and Uzbek were occasionally used to clarify complex terms and expressions. The article outlines the successful aspects of the lesson and offers suggestions for improvement. In addition, it examines the principles of student-centered teaching in a university where particular emphasis is placed on Business English. Various interactive activities were employed to enhance student engagement and facilitate learning.

Негизги сөздөр: сабакты рефлексиялоо; ишкер англис тили; сөз байлыгын өнүктүрүү; интерактивдүү иш-чаралар; сабакка активдүү катышуу; сабакка даярдык; айтылышты машыктыруу; угуп түшүнүү; окутуунун натыйжалары.

Ключевые слова: рефлексия занятия; деловой английский язык; развитие словарного запаса; интерактивные мероприятия; активное участие на занятиях; подготовка к занятию; практика произношения; понимание на слух; результаты обучения.

Keywords: lesson reflection; business English; vocabulary development; interactive activities; classroom engagement; lesson preparation; pronunciation practice; listening comprehension; learning outcomes.

1. Introduction. Teaching English in higher education requires a systematic combination of linguistic knowledge, communicative competence, and professionally relevant learning experiences. In courses designed to develop Business English, students need to understand specialized vocabulary and apply grammatical structures in contexts that resemble professional communication. Consequently, classroom activities should provide opportunities not only to recognize linguistic forms but also to use them to describe products, exchange information, explain decisions, and present ideas.

Advertising is a useful topic for Business English instruction because it combines commercial vocabulary, persuasive communication, visual information, and audience awareness. Students can explore how advertisements promote products, identify target audiences, compare slogans, and discuss the relationship between a product's characteristics and its potential consumers. Such tasks create a natural context for practising words and expressions including *advertisement*, *brand*, *target audience*, *billboard*, *slogan*, *campaign*, and *consumer*.

The lesson considered in this article was conducted with second-year students at a public university. Their English proficiency was approximately at the pre-intermediate level. The lesson focused on advertising vocabulary and relative clauses, while also incorporating listening, reading, speaking, writing, pronunciation, and spelling activities. Students revised previously learned vocabulary, completed matching and spelling exercises, watched a video, worked in groups, and presented advertising posters.

English was the principal language of instruction. Russian and Uzbek were occasionally used to clarify unfamiliar terms and explain task instructions. This approach reflected the multilingual classroom context and the need to make the content accessible to learners whose English proficiency was still developing.

Although the lesson included a variety of interactive activities, a critical reflection must consider more than whether students appeared interested or participated actively. It is also necessary to examine whether each activity contributed to the intended learning outcomes, whether all students had opportunities to practise the target language, and whether the teacher obtained sufficient evidence of individual understanding.

The purpose of this article is to analyse the organization and delivery of the lesson, evaluate the pedagogical potential of its activities, and propose improvements for future Business English classes.

The article addresses the following research questions:

1. How were advertising vocabulary and relative clauses integrated into the lesson activities?
2. What strengths and limitations can be identified in the lesson design and classroom interaction?
3. How can research on student-centred learning and learner engagement inform improvements to lesson delivery?
4. What practical assessment strategies can help the teacher evaluate individual learning outcomes?

The article is based on reflective analysis of a described teaching experience. It does not claim to establish causal relationships between particular activities and student achievement.

2. Literature Review

2.1. Constructive alignment and student-centred learning. One of the important principles of effective university teaching is the alignment of learning objectives, teaching activities, and assessment. Biggs and Tang explain constructive alignment as an approach in which intended learning outcomes guide the selection of learning activities and assessment procedures [1]. From this perspective, the value of a classroom task depends partly on whether it helps students develop the knowledge and skills identified in the lesson objectives.

For example, if students are expected to use advertising vocabulary in professional communication, a lesson should not be limited to translating isolated words. Translation can introduce or clarify meaning, but students should also use the terms in sentences, interpret advertisements, and communicate ideas about products. Similarly, if the objective is to construct relative clauses, learners need opportunities to produce and revise sentences rather than merely recognize grammatical structures in a worksheet.

Student-centred teaching supports this relationship by giving learners an active role in the learning process. Students may work individually, exchange information, solve problems, discuss alternatives, and evaluate their own progress. The teacher remains responsible for lesson design and guidance but does not have to dominate every stage of classroom interaction.

In the lesson analysed here, group work and poster presentations offered opportunities for students to apply their knowledge. Nevertheless, the alignment between objectives and assessment could be strengthened. Students need to know what they are expected to achieve, while the teacher needs evidence that the intended outcomes have been reached.

2.2. Authentic materials in Business English. Authentic materials can connect classroom language learning with communication outside the classroom. Advertising videos, promotional posters, product descriptions, and commercial slogans provide examples of language used to attract attention, describe benefits, and persuade audiences.

In Business English teaching, such materials can make vocabulary more meaningful. Instead of memorizing the definition of *target audience*, students can identify the target audience of a real advertisement and explain how the message addresses that group. Similarly, a slogan can serve as a starting point for discussing word choice, memorability, and persuasive effect.

However, authentic materials are not automatically appropriate for every learner. A video may contain rapid speech, unfamiliar cultural references, idiomatic expressions, or specialized vocabulary. These features can make listening difficult for students at the pre-intermediate level.

The selection of materials should therefore be guided by the lesson objectives, learners' proficiency, and the amount of support required. A short video with a clear message may be more suitable than a lengthy commercial containing several unfamiliar expressions. Pre-teaching essential vocabulary, providing guiding questions, and replaying selected sections can help students focus on the intended learning outcomes.

In the lesson considered here, the video activity was intended to develop listening comprehension and reinforce advertising vocabulary. Its pedagogical value could be increased by organizing it into clearly defined stages: preparation before viewing, focused comprehension during viewing, and discussion after viewing.

2.3. Teacher–student interaction and classroom climate. A supportive classroom environment can facilitate communication by making students more comfortable asking questions, responding to the teacher, and participating in group activities. Teacher–student interaction is therefore relevant to lesson delivery, although it should not be treated as a substitute for effective teaching design.

Allday and Pakurar investigated the effects of teacher greetings on students' on-task behaviour in a small study involving three middle-school students [2]. The study offers a specific example of how a routine interaction may be associated with classroom behaviour. Its small sample and school-level context, however, limit the extent to which the findings can be generalized to university teaching.

Sandstrom examined brief student–instructor interactions in three university classes involving 352 students. The study found that a greeting-based intervention was associated with stronger perceived relationships with instructors; relationship strength was also related to reported interest, enjoyment, relatedness, and belonging [3]. These findings suggest that welcoming students may be a practical way to support rapport, although they do not establish that greetings alone cause improved academic performance.

In the lesson analysed in this article, students were greeted at the beginning of the session, and informal conversation was used to establish a welcoming atmosphere. Such practices may contribute to a positive learning environment. Nevertheless, classroom rapport should be considered alongside other pedagogical factors, including clear instructions, appropriate task difficulty, constructive feedback, and fair opportunities to participate.

2.4. Learner engagement in language teaching. Learner engagement is a complex phenomenon that includes more than visible participation. A student may complete a task or answer a question without fully understanding the material, while another student may participate less visibly but demonstrate a good understanding in written work.

Sulis emphasizes that language-learning engagement is dynamic and context-dependent. In a study based on qualitative data from an English lesson, the author examines methodological approaches for investigating engagement in authentic classroom settings, including video-enhanced observation and stimulated recall [4]. This research is relevant to reflective teaching because it highlights the importance of observing learning processes over time rather than relying exclusively on a single impression of classroom activity.

Xu and Qiu investigated engagement among 28 foreign-language learners completing eight interactive information-gap tasks. Their study considered behavioural, cognitive, emotional, and social dimensions of engagement, as well as the effects of task type and topic familiarity [5]. The research provides a useful basis for considering why learners may respond differently to various activities.

For example, a vocabulary-matching exercise may provide a clear structure and help students recognize words, while a group discussion requires them to retrieve vocabulary, negotiate meaning, and respond to classmates. A presentation adds further demands because students must organize ideas and communicate them to an audience.

Bergdahl and colleagues conducted a systematic review of student engagement research in higher education learning analytics [6]. Their review demonstrates that engagement is conceptualized and measured

in different ways. Observable indicators, such as activity completion or time spent using learning resources, do not necessarily capture all cognitive, emotional, and social aspects of engagement.

These studies suggest that a teacher's reflection should distinguish between participation and learning. Raising hands, speaking during group work, and completing worksheets are useful observations, but they cannot independently establish that every student has mastered the target vocabulary or grammar.

In the present article, this distinction informs the analysis of classroom activities and the recommendations for formative assessment.

3. Methodology. The study uses qualitative reflective analysis of a Business English lesson conducted with second-year university students at the pre-intermediate level. It examines lesson planning, vocabulary and grammar practice, classroom interaction, learner engagement, and assessment.

The analysis draws on the lesson sequence, teaching materials, classroom observations, and research on constructive alignment and learner engagement [1; 6].

The study has several limitations: it includes no controlled experiment, pre- and post-tests, comparison group, longitudinal assessment, or quantitative participation data. Therefore, observations about students' comprehension, motivation, and engagement are treated as pedagogical reflections rather than experimentally verified findings.

The recommendations aim to improve lesson design and strengthen classroom assessment.

4. Description and Analysis of the Lesson

4.1. Lesson objectives and expected outcomes. The principal aim of the lesson was to introduce and practise advertising-related vocabulary while developing students' ability to construct relative clauses. Additional objectives concerned listening comprehension, reading, speaking, writing, pronunciation, and spelling.

By the end of the lesson, students were expected to:

- recognize and use common advertising terms;
- identify the main message of a short advertising video;
- construct sentences containing relative clauses with *who*, *which*, and *that*;
- pronounce and spell selected advertising terms accurately;
- describe a product and its target audience;
- present a simple advertising concept to their classmates.

These objectives combine receptive skills, such as listening and reading, with productive skills, such as speaking and writing. They also establish a connection between language form and professional communication.

However, the objectives would be more effective if they were stated explicitly at the beginning of the lesson. Students should understand not only what they will do but also what they are expected to learn. This recommendation follows the principle of constructive alignment, according to which teaching activities and assessment should be linked to clearly defined outcomes [1].

A practical improvement would be to display three short statements:

- *I can use at least five advertising terms correctly.*
- *I can form a relative clause using who, which, or that.*
- *I can describe and promote a product in English.*

At the end of the lesson, students could return to these statements and assess their progress.

4.2. Preparation and classroom introduction. Before the lesson, the teacher reviewed the lesson plan, prepared the materials, and checked the classroom equipment. When students arrived, the teacher greeted them and engaged in brief informal conversation.

This introductory stage helped establish the context for the lesson. A welcoming routine can be particularly useful when students need to communicate in a foreign language and may feel uncertain about making mistakes. Research on student–instructor interaction offers a theoretical basis for considering such practices as part of the classroom environment [2; 3].

Nevertheless, a positive atmosphere does not guarantee that the learning objectives will be achieved. The introduction should also orient students towards the topic and explain the sequence of activities.

For example, the teacher could begin with the question:

"What makes an advertisement memorable?"

Students might suggest that advertisements use attractive images, short slogans, humour, music, or descriptions of a product's benefits. The teacher could then introduce the lesson vocabulary and explain how relative clauses can be used to describe products and advertising messages.

This brief opening would activate prior knowledge and create a communicative reason for studying the target language.

4.3. Vocabulary revision. The lesson began with a review of vocabulary from the previous session. Students were asked to translate selected terms from Russian into English. The vocabulary included *advertisement*, *brand*, *target audience*, *billboard*, *slogan*, *commercial*, *campaign*, *consumer*, *market*, and *product*.

The use of translation provided a direct way to check recognition and clarify meaning. In a multilingual classroom, Russian and Uzbek equivalents may help learners understand unfamiliar terms without lengthy explanations in English.

However, translation alone provides limited evidence of whether students can use a word independently. A learner may remember that *campaign* corresponds to a familiar word in another language but still have difficulty using it accurately in a sentence.

To deepen the activity, vocabulary revision could follow a progression from recognition to production.

Stage 1: Recognition. Students match advertising terms with definitions.

Stage 2: Explanation. Students explain selected words in simple English.

Stage 3: Application. Students use the words in sentences related to advertising.

Stage 4: Communication. Students discuss how the terms are connected in a real advertising campaign.

For example:

Term: *Target audience*

Definition: The group of people a company wants to reach through an advertisement.

Example: *The target audience for this advertisement is university students.*

Follow-up question: *Why might this product appeal to university students?*

This sequence encourages learners to move beyond translation and use the vocabulary for communicative purposes.

4.4. Spelling, Vocabulary and Video-Based Listening Activities

Students completed spelling and vocabulary-matching exercises using advertising terms, their definitions, and example sentences. The activity focused on understanding word meanings and distinguishing related concepts.

Word	**Definition**	**Example**
Billboard	A large outdoor advertising structure.	The company placed its advertisement on a billboard.
Slogan	A short, memorable advertising phrase.	The slogan highlights the product's main benefit.
Campaign	A coordinated series of promotional activities.	The company launched a new advertising campaign.

To reinforce learning, students could create sentences with the target words and exchange them for peer correction.

The subsequent video-based listening activity used true-or-false questions, matching exercises, and vocabulary tasks. Instructions were discussed in English, with occasional Russian translations to clarify meaning. The activity could be improved through three stages: pre-viewing, to introduce vocabulary and predict content; while-viewing, to identify the product, target audience, and main message; and post-viewing, to evaluate the advertisement's persuasive techniques.

These activities integrate vocabulary, spelling, listening comprehension, and critical thinking. The video and assessment questions should match students' language proficiency and lesson objectives [4].

4.5. Collaborative group work. During the group activity, students were divided into two teams and asked to complete sentences using advertising vocabulary. One example was:

The company launched a new _____ to promote its product.

The possible answers included *campaign*, *billboard*, and *slogan*. In this context, *campaign* is the most appropriate answer because the sentence refers to a planned promotional initiative.

The activity introduced a competitive element and provided opportunities for students to discuss their choices. However, the effectiveness of group work depends not only on competition but also on the degree to which each participant contributes to the task.

A possible limitation is that more confident students may dominate the discussion, while quieter students may have fewer opportunities to practise English. Research on learner engagement emphasizes that classroom participation varies according to the task and the learning context [5].

To address this issue, the teacher could assign rotating roles:

- Vocabulary specialist: checks the meaning and appropriate use of terms.
- Grammar checker: reviews the accuracy of relative clauses.
- Presenter: explains the group's answers.
- Peer assessor: evaluates another group's work using a checklist.

These roles would distribute responsibility and provide a clearer purpose for collaboration.

The teacher could also ask each student to contribute one sentence before the group agrees on its final answer. This would make individual participation more visible without removing the collaborative element.

4.6. Student presentations and advertising posters. The final main activity involved students presenting homework posters advertising a product. Students were expected to describe their posters using advertising vocabulary and relative clauses.

This activity connected grammar with a meaningful communicative purpose. Relative clauses allow speakers to provide additional information about people, products, and services.

Examples include:

- *This is a poster for a new perfume that is designed for young women.*
- *This is a language-learning application that helps students practise English every day.*
- *We created a campaign that encourages people to use reusable shopping bags.*
- *Our advertisement targets customers who are interested in affordable technology.*
- *The product, which is designed for university students, is easy to carry.*

The examples demonstrate how the grammatical structure can be used to describe product features and explain an advertising concept.

The poster task also created opportunities to practise pronunciation, fluency, and presentation skills. However, visual quality should not overshadow the language objectives. Students should understand that the poster is a means of communicating a message rather than the sole criterion for success.

A simple assessment rubric could be introduced before the presentations.

Assessment criterion	Focus
Vocabulary	Appropriate use of advertising terminology
Grammar	Accurate formation of relative clauses
Pronunciation	Intelligibility of spoken language
Communication	Clarity of the advertising message

Presentation	Organization and relevance of the content

The rubric would help students understand the expectations and enable the teacher to provide more focused feedback.

5. Discussion

5.1. Strengths of the lesson. The lesson incorporated a range of activities, including vocabulary revision, spelling practice, video-based listening, group work, and presentations. This variety allowed students to encounter advertising vocabulary in different contexts and practise several language skills.

The topic was also relevant to Business English. Advertising provides a practical context for discussing products, identifying target audiences, and describing persuasive messages. Relative clauses can be introduced naturally because advertisements frequently provide additional information about products and their characteristics.

Another strength was the opportunity for students to collaborate and present their work. These activities created situations in which learners could use language to communicate meaning rather than complete only isolated grammar exercises.

The occasional use of Russian and Uzbek also provided support for students who needed clarification. In this context, multilingual explanations may help learners understand instructions and return to English-language practice with greater confidence.

Finally, the lesson created opportunities for the teacher to observe students' responses to different activities. Such observations are a useful starting point for reflective practice, although they should not be treated as a complete measure of learning.

5.2. Limitations and areas for improvement. Despite these strengths, several aspects of the lesson could be improved.

First, the learning outcomes should be communicated explicitly. Students need to know what they should be able to do by the end of the lesson. Clearly stated outcomes also help the teacher select appropriate activities and assess progress [1].

Second, participation should be distinguished from achievement. A lively classroom may indicate interest, but it does not necessarily demonstrate accurate vocabulary use or grammatical understanding. Research on engagement shows that the construct includes multiple dimensions that cannot be captured by a single observable behaviour [4; 6].

Third, group work should provide opportunities for every learner. Structured roles, rotating responsibilities, and individual contributions can reduce the risk that some students participate very little.

Fourth, assessment should be more systematic. The teacher could use short written responses, oral questions, peer feedback, and an exit ticket to check whether students can apply the target vocabulary and grammar independently.

Fifth, multilingual support should be purposeful. Russian and Uzbek can be used to clarify difficult concepts, but the lesson should provide sufficient guided practice in English. The aim is not to prohibit translation but to ensure that it supports the development of English communication.

Finally, the teacher should reflect on the relationship between each activity and the lesson objectives. If a task is enjoyable but does not contribute directly to the intended outcomes, it may need to be modified or replaced.

5.3. A proposed extended advertising project. One way to strengthen the lesson would be to introduce a short advertising project.

Task: Develop an advertising campaign for a product aimed at university students.

Students could work in groups and select one of the following products:

- a reusable water bottle;
- an English-learning application;
- a student discount card;
- an affordable laptop accessory.

Each group would prepare a slogan, a short advertisement, and a one-minute presentation. The presentation would need to include at least three advertising terms and two relative clauses.

For example:

Our application is a digital tool that helps students practise vocabulary. It includes activities that develop listening and reading skills. We designed this campaign for university students who want to improve their English.

The groups would then exchange feedback using four criteria:

1. Is the target audience clearly identified?
2. Is the advertising message understandable?
3. Are the vocabulary items used appropriately?
4. Are the relative clauses grammatically accurate?

This task would integrate vocabulary, grammar, writing, speaking, and peer assessment. It would also create a direct relationship between the learning objectives and the final product, following the principle of constructive alignment [1].

5.4. Formative assessment and individual progress. A short individual assessment at the end of the lesson would help the teacher identify whether students can apply the material independently.

An exit ticket could contain three questions.

Part A. Vocabulary

Explain the meaning of *target audience* in simple English.

Part B. Grammar

Complete the sentence:

An advertisement is a message _____ promotes a product.

Part C. Application

Write one sentence describing a product using *who*, *which*, or *that*.

Possible answers include:

- *The target audience is the group of people a company wants to reach.*
- *An advertisement is a message that promotes a product.*
- *This is an application that helps students learn English.*

The teacher could review the responses before the next lesson and identify common difficulties. If students understand the vocabulary but struggle to construct relative clauses, the following lesson could begin with a short grammar-revision activity.

This assessment is a recommendation for future teaching and is not presented as an activity that necessarily took place during the original lesson.

6. Recommendations for Improving Lesson Delivery. The reflection suggests several practical recommendations for future Business English classes.

1. State the learning outcomes at the beginning. Use a small number of clear, achievable objectives and return to them at the end of the lesson.

2. Move from recognition to production. After introducing vocabulary through translation or matching, ask students to define terms, construct sentences, and use the vocabulary in communicative tasks.

3. Structure listening activities. Organize video work into pre-listening, while-listening, and post-listening stages. Provide focused questions and ensure that the material is appropriate for the learners' proficiency.

4. Make group work inclusive. Assign roles, rotate responsibilities, and require each student to contribute to the task.

5. Use transparent assessment criteria. Explain how vocabulary, grammar, pronunciation, communication, and presentation will be evaluated.

6. Collect evidence of individual understanding. Supplement observations of group participation with short written tasks, oral questions, or exit tickets.

7. Use multilingual support strategically. Employ Russian or Uzbek when necessary to clarify complex terms, then return to English through guided examples and practice.

8. Provide constructive feedback. Feedback should identify what students have done successfully and what they can improve. For example, instead of saying only “Your grammar is incorrect,” the teacher can indicate the relevant structure and invite the student to revise the sentence.

9. Reflect on engagement over time. Consider whether participation changes between vocabulary exercises, video work, group discussions, and presentations. Different tasks may create different opportunities for learners to contribute [4; 5].

10. Align assessment with the intended outcomes. If the objective is to use relative clauses in communication, the assessment should include sentence production or spoken interaction rather than only recognition exercises [1].

These recommendations should be adapted to the students’ proficiency, educational needs, and institutional context.

7. Conclusion. This article has presented a critical reflection on a Business English lesson conducted with second-year university students whose English proficiency was approximately at the pre-intermediate level. The lesson focused on advertising vocabulary and relative clauses and incorporated vocabulary revision, spelling exercises, video-based listening, collaborative work, and poster presentations.

The analysis identified several strengths. The lesson used a professionally relevant topic, provided varied opportunities for language practice, and included activities that encouraged collaboration and communication. The use of Russian and Uzbek also offered support when students encountered unfamiliar terms or instructions.

At the same time, the reflection identified areas requiring further development. Learning outcomes should be communicated more explicitly, group activities should distribute responsibility more equitably, and assessment should provide clearer evidence of individual understanding. Short formative checks and transparent assessment criteria could help the teacher determine whether students can apply the vocabulary and grammar independently.

Research on constructive alignment, teacher–student interaction, and learner engagement provides a useful framework for interpreting the lesson [1; 6]. However, the reviewed studies do not establish that the particular lesson described here caused measurable improvements in student motivation or achievement. Such conclusions would require systematic data collection, including individual assessment results, student feedback, and evidence of progress over time.

Overall, effective Business English teaching requires more than the inclusion of interactive activities. It depends on the alignment of objectives, materials, classroom interaction, feedback, and assessment. Reflective practice can help teachers identify successful strategies, recognize limitations, and make informed improvements to future lessons. By combining professionally relevant tasks with explicit learning outcomes and systematic formative assessment, university teachers can create more purposeful opportunities for students to develop their communicative competence.

References

1. Biggs J. B., Tang C. Teaching for Quality Learning at University: What the Student Does. – 4th ed. – Maidenhead : McGraw-Hill/Society for Research into Higher Education/Open University Press, 2011. – 389 p.

2. Allday R. A., Pakurar K. Effects of Teacher Greetings on Student On-task Behavior // Journal of Applied Behavior Analysis. – 2007. – Vol. 40, № 2. – P. 317–320. – DOI: 10.1901/jaba.2007.86-06.

3. Sandstrom G. M. Even Minimal Student-Instructor Interactions May Increase Enjoyment in the Classroom: Preliminary Evidence That Greeting Your Students May Have Benefits Even If You Can’t Remember Their Names // PLOS ONE. – 2023. – Vol. 18, № 8. – Article e0288166. – DOI: 10.1371/journal.pone.0288166.

4. Sulis G. Exploring the Dynamics of Engagement in the Language Classroom: A Critical Examination of Methodological Approaches // Research Methods in Applied Linguistics. – 2024. – Vol. 3, № 3. – Article 100162. – DOI: 10.1016/j.rmal.2024.100162.
5. Xu J., Qiu X. Engaging L2 Learners in Information-Gap Tasks: How Task Type and Topic Familiarity Affect Learner Engagement // RELC Journal. – 2024. – Vol. 55, № 1. – P. 29–45. – DOI: 10.1177/00336882211061628.
6. Bergdahl N., Bond M., Sjöberg J., Dougherty M., Oxley E. et al. Unpacking Student Engagement in Higher Education Learning Analytics: A Systematic Review // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2024. – Vol. 21. – Article 63. – DOI: 10.1186/s41239-024-00493y.

Reviewer: Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Akhmadzhanov K.A.

УДК 372.881.1:004

Арстаналы кызы М., Токталиева Т.Ж., Бурусманова Г.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Арстаналы кызы М., Токталиева Т.Ж., Бурусманова Г.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Arstanaly kyzy M., Toktalieva T.Zh., Burusmanova G.A.
KNU Jusup Balasagyn

ТОЛУК САНАРИПТЕШТИРҮҮ ЖАНА ГЕНЕРАТИВДИК ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ МОДЕЛДЕРИН КИРГИЗҮҮ ШАРТТАРЫНДА ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУНУН МЕТОДИКАЛЫК ПРИНЦИПТЕРИНИН ЭВОЛЮЦИЯСЫ
ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
EVOLUTION OF METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE CONTEXT OF TOTAL DIGITALIZATION AND THE INTRODUCTION OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада санариптештирүү жана генеративдик жасалма интеллектти активдүү киргизүү шарттарында чет тилдерди окутуу методикасынын өзгөрүшү изилденет. Билимди берүүгө негизделген салттуу окутуу моделинен билим берүү тажрыйбасын долбоорлоо (Learning Experience Design, LX Design) концепциясына өтүү талдоого алынат. Бул концепцияда билим алуучулардын коммуникативдик, социомаданий жана сынчыл ой жүгүртүү компетенцияларын өнүктүрүүгө өзгөчө көңүл бурулат. Окутуучунун фасилитатор, куратор жана билим берүү чөйрөсүнүн архитектору катары жаңы функциялары каралат. Жасалма интеллектти окутууну жекелештирүү, күнүмдүк жана кайталануучу тапшырмаларды автоматташтыруу, контентти сынчыл баалоо көндүмдөрүн калыптандыруу жана адам менен интеллектуалдык системалардын ортосундагы санариптик өнөктөштүктү өнүктүрүү процесстерине интеграциялоого өзгөчө көңүл бурулат. Ошондой эле макалада санариптештирүүнүн тобокелдиктери, баалоо системасынын өзгөрүшү жана келечектеги окутуучунун кесиптик профилинин өзгөрүшү талданат.

Аннотация: В статье исследуется трансформация методики преподавания иностранных языков в условиях цифровизации и активного внедрения генеративного искусственного интеллекта. Анализируется переход от традиционной модели передачи знаний к концепции проектирования образовательного опыта (Learning Experience Design, LX Design), в рамках которой особое внимание уделяется развитию коммуникативной, социокультурной компетенций и критического мышления обучающихся. Рассматриваются новые функции преподавателя как фасилитатора, куратора и архитектора образовательной среды. Особое внимание уделяется интеграции искусственного

интеллекта в процессы персонализации обучения, автоматизации рутинных задач, формирования навыков критической оценки контента и развития цифрового партнёрства между человеком и интеллектуальными системами. В статье также анализируются риски цифровизации, трансформация системы оценивания и изменение профессионального профиля преподавателя будущего.

Abstract: This article examines the transformation of foreign language teaching methodology in the context of digitalization and the active integration of generative artificial intelligence. It analyzes the transition from the traditional knowledge-transmission model to the concept of Learning Experience Design (LX Design), which places particular emphasis on developing learners' communicative and sociocultural competencies and critical thinking skills. The study considers the emerging roles of teachers as facilitators, curators, and architects of the educational environment. Particular attention is paid to the integration of artificial intelligence into the processes of personalizing learning, automating routine tasks, developing skills for critically evaluating content, and fostering digital partnerships between humans and intelligent systems. The article also examines the risks associated with digitalization, the transformation of assessment practices, and changes in the professional profile of the teacher of the future.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; генеративдик моделдер; билим берүүнү санариптештирүү; чет тилдерди окутуунун методикасы; окутууну жекелештирүү; билим берүү тажрыйбасын долбоорлоо; санариптик педагогика; коммуникативдик компетенция.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративные модели; цифровизация образования; методика преподавания иностранных языков; персонализация обучения; проектирование образовательного опыта; цифровая педагогика; коммуникативная компетенция.

Keywords: artificial intelligence; generative models; digitalization of education; foreign language teaching methodology; personalized learning; learning experience design; digital pedagogy; communicative competence.

Введение. На протяжении десятилетий методика преподавания иностранных языков строилась вокруг фигуры преподавателя как основного носителя знания и учебника как фиксированного сценария обучения [2]. В рамках данной модели центральным элементом являлась трансляция информации: объяснение грамматических правил, предъявление лексического материала и контроль точности воспроизведения.

Развитие цифровых технологий и генеративных моделей искусственного интеллекта радикально изменило данную парадигму [5; 6]. Современные обучающиеся получают мгновенный доступ к переводу, грамматическим справкам, фонетическим моделям и языковым корпусам. В результате ценность простого обладания информацией существенно снижается.

Современное образование сталкивается с необходимостью переосмысления роли преподавателя, учебных материалов и самого образовательного процесса. Если ранее главной задачей считалось накопление знаний, то сегодня приоритет смещается в сторону формирования способности эффективно использовать информацию, критически её анализировать и применять в профессиональной и межкультурной коммуникации [9].

Особую актуальность проблема приобретает в сфере преподавания иностранных языков. Язык перестает быть исключительно академической дисциплиной и становится инструментом глобального взаимодействия в цифровой среде. В условиях интенсивной цифровизации преподаватель уже не может ограничиваться функцией трансляции знаний. Он становится организатором образовательной среды, способствующей развитию самостоятельности, гибкости мышления и коммуникативной адаптивности обучающихся.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составили современные концепции цифровой педагогики, коммуникативного и компетентностного подходов в обучении иностранным языкам. В работе использовались методы теоретического анализа научной литературы, сравнительно-сопоставительного анализа традиционных и ИИ-интегрированных моделей обучения,

педагогического моделирования, а также аналитический и прогностический методы для оценки трансформации языкового образования в условиях цифровизации.

1. Педагог как дизайнер образовательного опыта

1.1. Делегирование рутинных операций искусственному интеллекту. Традиционный урок иностранного языка включал значительное количество механических действий: проверку грамматических упражнений, контроль тестов, исправление типовых ошибок. В условиях внедрения ИИ данные процессы могут быть автоматизированы [5].

Современные адаптивные платформы обеспечивают мгновенную обратную связь, персонализацию траектории обучения и автоматическую корректировку уровня сложности заданий [6]. Благодаря этому преподаватель получает возможность сосредоточиться на коммуникативных и аналитических аспектах обучения.

Использование ИИ позволяет минимизировать временные затраты на рутинную проверку работ и перераспределить учебное время в пользу живой коммуникации, проектной деятельности и интерактивных форм взаимодействия. Кроме того, автоматизированные системы способны фиксировать индивидуальную динамику прогресса каждого студента, что практически невозможно реализовать в условиях традиционного массового обучения.

В результате преподаватель постепенно трансформируется из контролера знаний в организатора образовательного опыта, ориентированного на развитие личности обучающегося.

1.2. Гиперперсонализация содержания обучения. Одним из недостатков традиционной методики являлась стандартизация учебного контента. Генеративные модели ИИ позволяют создавать материалы, адаптированные под профессиональные интересы и языковые потребности конкретной аудитории [8].

Например, для студентов технических специальностей преподаватель может оперативно сгенерировать тексты профессиональной направленности с использованием необходимой терминологии и определённых грамматических конструкций. Это делает обучение более релевантным и повышает мотивацию обучающихся [9].

Гиперперсонализация особенно важна в условиях профессионально ориентированного обучения. В современном мире английский язык изучается не абстрактно, а как инструмент профессиональной деятельности: для ведения международных переговоров, участия в научных конференциях, написания статей и коммуникации в цифровой среде.

Использование ИИ позволяет создавать уникальные учебные сценарии практически в режиме реального времени. Преподаватель получает возможность учитывать:

- профессиональный профиль студентов;
- уровень языковой подготовки;
- когнитивные особенности;
- темп усвоения информации;
- коммуникативные потребности обучающихся.

Таким образом, обучение приобретает индивидуализированный характер, что существенно повышает его эффективность.

1.3. Переход к модели Task-Based Learning. Высвободившееся учебное время позволяет активнее использовать методику Task-Based Learning (TBL), ориентированную на решение реальных коммуникативных задач [3; 11].

В рамках данной модели студенты участвуют в переговорах, дебатах, проектной деятельности и профессиональных дискуссиях. Искусственный интеллект при этом выступает в роли вспомогательного инструмента, обеспечивающего оперативную языковую поддержку.

Особенностью TBL-подхода является перенос фокуса с механического воспроизведения языковых структур на достижение коммуникативного результата. Студент использует язык как средство решения практической задачи, а не как объект абстрактного изучения.

В условиях цифровизации ИИ способен выполнять функции:

- языкового консультанта;
- генератора кейсов;
- виртуального собеседника;
- тренажера профессиональных ситуаций.

Это позволяет существенно расширить количество коммуникативных сценариев и приблизить образовательный процесс к реальным условиям межкультурного общения.

2. Развитие социокультурной и эмоциональной компетенции

2.1. Прагматический аспект языка. Современные генеративные системы демонстрируют высокий уровень грамматической точности, однако испытывают трудности при интерпретации культурных контекстов, иронии и эмоциональных оттенков речи [5].

В связи с этим возрастает значение прагматического компонента обучения:

- понимания культурных кодов;
- интерпретации невербальной коммуникации;
- анализа речевых стратегий;
- формирования навыков уместного общения.

Как отмечает С. Крашен, успешное овладение иностранным языком невозможно без включения обучающегося в естественную коммуникативную среду [12].

Особое значение приобретает способность понимать скрытые смыслы высказывания, учитывать статус собеседника, особенности национальной культуры и коммуникативного контекста. Именно эти аспекты коммуникации остаются наименее формализуемыми и поэтому сохраняют высокую значимость человеческого участия в образовательном процессе.

2.2. Психологическая поддержка обучающихся. Языковой барьер нередко связан не с недостатком знаний, а с высоким уровнем тревожности обучающихся [1]. Искусственный интеллект способен выполнять функцию безопасного тренировочного пространства, однако он не может заменить эмоциональную поддержку преподавателя.

Создание психологически комфортной образовательной среды, поддержание мотивации и развитие уверенности обучающихся остаются важнейшими задачами педагога [9].

Современный преподаватель выполняет не только академическую, но и психологическую функцию. Он помогает студенту преодолеть страх ошибки, формирует позитивное отношение к изучению языка и поддерживает внутреннюю мотивацию.

В условиях цифровой среды особенно важным становится баланс между технологичностью обучения и сохранением человеческого взаимодействия.

3. Формирование навыков цифрового партнерства

3.1. Критическая оценка ИИ-контента. Одним из важнейших навыков современного обучающегося становится способность анализировать результаты работы генеративных моделей [6].

В образовательный процесс включаются задания нового типа:

- выявление фактических ошибок и «галлюцинаций» ИИ;
- сравнение машинного и художественного перевода;
- анализ стилистических особенностей автоматически сгенерированных текстов.

Подобные практики способствуют развитию критического мышления и углубленному пониманию языковых структур [5].

В условиях стремительного распространения ИИ возрастает риск некритического восприятия автоматически сгенерированной информации. Поэтому одной из центральных задач современной методики становится формирование у обучающихся навыков проверки достоверности контента и осознанного взаимодействия с цифровыми инструментами.

3.2. Prompt Engineering как новая образовательная компетенция. Эффективное взаимодействие с ИИ требует умения формулировать точные запросы (prompts). В связи с этим преподавание иностранных языков начинает включать элементы Prompt Engineering [8].

Обучающиеся учатся:

- структурировать запросы;
- задавать контекст;
- уточнять параметры коммуникации;
- критически интерпретировать ответы системы.

Фактически формируется новая разновидность цифровой грамотности, в рамках которой владение иностранным языком тесно связано со способностью эффективно взаимодействовать с интеллектуальными алгоритмами.

4. Трансформация образовательных моделей

4.1. Перевернутый класс 2.0. Модель Flipped Classroom получает новое развитие в условиях ИИ-интеграции [10].

На домашнем этапе студент взаимодействует с ИИ-тьютором, тренирует произношение и выполняет автоматизированные упражнения. Аудиторное время используется для дискуссий, решения коммуникативных задач и анализа сложных языковых ситуаций.

Преподаватель получает аналитические данные о трудностях группы и выстраивает образовательную стратегию с учетом актуальных потребностей обучающихся [5].

Подобная модель делает образовательный процесс более гибким и позволяет использовать аудиторное время максимально эффективно.

4.2. Нелинейное обучение. ИИ разрушает традиционную линейную модель освоения языка. Студент может столкнуться со сложными языковыми структурами раньше, чем они предусмотрены учебной программой.

В этих условиях преподаватель выполняет функцию навигатора, помогая интегрировать новый языковой материал в существующую систему знаний обучающегося [4].

Нелинейный характер цифрового обучения требует от преподавателя высокой гибкости, способности адаптировать учебный процесс и оперативно реагировать на возникающие образовательные запросы.

5. Новая система оценивания

5.1. Оценка процесса обучения. Традиционные тестовые формы контроля постепенно теряют актуальность, поскольку большинство стандартных заданий может быть выполнено ИИ [6].

Современная методика ориентируется на оценку:

- процесса работы;
- качества взаимодействия с ИИ;
- уровня критического анализа;
- способности к рефлексии.

Важным элементом становится анализ образовательной траектории студента, а не только итогового результата.

5.2. Портфель достижений. Вместо исключительно тестового контроля всё большее значение приобретает создание реальных продуктов:

- мультимедийных проектов;
- аналитических обзоров;
- публичных выступлений;
- цифровых презентаций.

Подобный подход соответствует компетентностной модели образования, закрепленной в современных международных образовательных стандартах [15].

Портфель достижений позволяет оценивать практическую способность обучающегося использовать иностранный язык в реальных коммуникативных ситуациях.

6. Риски и вызовы цифровой трансформации. Несмотря на значительный потенциал ИИ, процесс цифровизации сопровождается рядом серьезных проблем.

Одной из ключевых угроз является формирование когнитивной зависимости от интеллектуальных систем. Постоянное использование автоматического перевода и генерации текстов может приводить к снижению самостоятельной языковой активности обучающихся.

Кроме того, сохраняется проблема цифрового неравенства. Не все образовательные учреждения обладают равным доступом к современным технологическим ресурсам, что создает различия в качестве обучения.

Существенное значение приобретают и этические вопросы:

- проблема авторства;
- академическая честность;
- допустимые границы использования ИИ;
- защита персональных данных обучающихся.

В связи с этим образовательные учреждения нуждаются в разработке новых нормативных и методических подходов к использованию генеративных технологий.

Заключение. Интеграция генеративного искусственного интеллекта трансформирует методику преподавания иностранных языков, переводя её от модели передачи знаний к модели проектирования образовательного опыта [5].

Развитие ИИ делает образование более человекоцентричным: технологии берут на себя алгоритмизируемые функции, освобождая пространство для развития критического мышления, коммуникативной компетентности и эмоционального взаимодействия.

Преподаватель перестает конкурировать с машиной и становится архитектором образовательной среды, фасилитатором и наставником. В этих условиях иностранный язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как инструмент формирования личности в глобальном цифровом обществе.

Перспективы дальнейшего развития методики связаны с поиском оптимального баланса между технологическими возможностями и сохранением гуманистической сущности образования. Именно этот баланс определит эффективность языкового обучения в эпоху искусственного интеллекта.

Список использованной литературы

1. Vygotsky L. Thought and Language. – Cambridge, MA : MIT Press, 2012.
2. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. – Cambridge, MA : MIT Press, 1965.
3. Long M. Task-Based Language Teaching. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2015.
4. Ellis R. Task-Based Language Learning and Teaching. – Oxford : Oxford University Press, 2003.
5. UNESCO. Artificial Intelligence and Education: Guidance for Policy-makers. – Paris : UNESCO, 2021.
6. OpenAI. GPT-4 Technical Report // arXiv. – 2023. – arXiv:2303.08774. – DOI: 10.48550/arXiv.2303.08774.
7. Gemini Team. Gemini: A Family of Highly Capable Multimodal Models // arXiv. – 2023. – arXiv:2312.11805. – DOI: 10.48550/arXiv.2312.11805.
8. Anthropic. The Claude 3 Model Family: Opus, Sonnet, Haiku [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://assets.anthropic.com/m/61e7d27f8c8f5919/original/Claude-3-Model-Card.pdf.
9. Сысоев П. В. Цифровая трансформация языкового образования // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 4. – С. 15–27.
10. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. – М. : Академия, 2020.
11. Nunan D. Task-Based Language Teaching. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
12. Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Oxford : Pergamon Press, 1982.
13. UNESCO. Digital Education Resources [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unesco.org/en/digital-education.

14. European Commission. Digital Education Action Plan [Электронный ресурс]. – URL: https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital-education/action-plan.
15. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Алишова И.К.

УДК 376.1

Асаналиева Ч.Н., Жапаралиева Н.Ж., Байгесекова И.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
М.Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык илимий - изилдөө университети
И.К. Ахунбаев атындагы Кыргыз мамлекеттик медициналык академиясы
Асаналиева Ч.Н.,[1] Жапаралиева Н.Ж.,[2] Байгесекова И.А.[3]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Кыргызский экономический научно-исследовательский университет имени М.Рыскулбекова[2]
Кыргызская государственная медицинская академия имени И.К. Ахунбаева[3]
Asanalieva Ch.N., Zhaparalieva N.Zh., Baigesekova I.A.
KNU Jusup Balasagyn
Kyrgyz Economic Research University named after M. Ryskulbekov
Kyrgyz State Medical Academy named after I.K. Akhunbaev

КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮНҮ ӨНҮКТҮРҮҮНҮН КӨЙГӨЙЛӨРҮ ЖАНА КЕЛЕЧЕГИ: ТАЛДОО, МЕТОДДОР ЖАНА ПРАКТИКАЛЫК СУНУШТАР
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ: АНАЛИЗ, МЕТОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IN KYRGYZSTAN: ANALYSIS, METHODS AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Кыскача мүнөздөмө: Макала Кыргызстандагы инклюзивдик билим берүүнүн азыркы абалын комплекстүү талдоого арналган. Анда инклюзивдик билим берүүнүн ченемдик-укуктук негиздери, актуалдуу статистикалык маалыматтар, илимий изилдөөлөр жана билим берүү мекемелеринде инклюзивдик практикаларды ишке ашыруунун өзгөчөлүктөрү каралат. Ченемдик-укуктук документтерди, расмий статистикалык маалыматтарды жана илимий адабияттарды талдоонун негизинде инклюзивдик билим берүүнү өнүктүрүүдөгү негизги көйгөйлөр аныкталган. Аларга педагогдордун кесиптик даярдыгынын жетишсиздиги, методикалык материалдардын жана жеткиликтүү инфраструктуранын тартыштыгы, коомдогу терс көз караштар, психологиялык-медициналык-педагогикалык консультациялардын ишмердүүлүгүндөгү көйгөйлөр жана каржылоонун жетишсиздиги кирет. Ошондой эле инклюзивдик билим берүүнү өнүктүрүүгө багытталган мамлекеттик жана эл аралык долбоорлордун мааниси белгиленет. Изилдөөнүн жыйынтыгында психологиялык-медициналык-педагогикалык консультациялардын ишин өркүндөтүү, билим берүү мекемелеринин жеткиликтүүлүгүн камсыз кылуу, педагогдордун квалификациясын жогорулатуу, кесиптик билим берүү мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтүү жана мамлекеттик каржылоону күчөтүү боюнча практикалык сунуштар берилген.

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу современного состояния инклюзивного образования в Кыргызстане. Рассматриваются нормативно-правовые основы инклюзивного образования, актуальные статистические данные, научные исследования и особенности реализации инклюзивных практик в образовательных организациях. На основе анализа нормативно-правовых документов, официальной статистики и научной литературы выявлены основные проблемы развития

инклюзивного образования. К ним относятся недостаточная профессиональная подготовка педагогов, дефицит методических материалов и доступной инфраструктуры, негативные общественные установки, проблемы в деятельности психолого-медико-педагогических консультаций и недостаточное финансирование. Отмечается также значение государственных и международных проектов, направленных на развитие инклюзивного образования. По результатам исследования предложены практические рекомендации по совершенствованию деятельности психолого-медико-педагогических консультаций, обеспечению доступности образовательных организаций, повышению квалификации педагогов, расширению возможностей профессионального образования и усилению государственного финансирования.

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of the current state of inclusive education in Kyrgyzstan. It examines the regulatory and legal framework of inclusive education, current statistical data, academic research, and the implementation of inclusive practices in educational institutions. Based on an analysis of regulatory documents, official statistics, and scholarly literature, the study identifies the main challenges facing the development of inclusive education. These include insufficient professional training of teachers, a shortage of methodological resources and accessible infrastructure, negative public attitudes, problems in the functioning of psychological, medical and pedagogical consultations, and inadequate funding. The article also highlights the importance of national and international projects aimed at promoting inclusive education. Based on the findings, practical recommendations are proposed for improving psychological, medical and pedagogical consultation services, ensuring the accessibility of educational institutions, strengthening teacher professional development, expanding vocational education opportunities, and increasing government funding.

Негизги сөздөр: инклюзивдик билим берүү; Кыргызстан; майыптыгы бар балдар; билим берүүнүн жеткиликтүүлүгү; педагогдордун квалификациясын жогорулатуу; психологиялык-медициналык-педагогикалык консультация; инклюзивдик практика.

Ключевые слова: инклюзивное образование; Кыргызстан; дети с инвалидностью; доступность образования; повышение квалификации педагогов; психолого-медико-педагогическая консультация; инклюзивная практика.

Keywords: inclusive education; Kyrgyzstan; children with disabilities; accessibility of education; teacher professional development; psychological, medical and pedagogical consultation; inclusive practices.

1. Introduction. Relevance of the study. Inclusive education is one of the priority areas of state policy in Kyrgyzstan. This is due to both the country's international commitments, including the ratification of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities in 2019, and domestic social needs [1]. According to the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, the number of children with disabilities under the age of 18 exceeds 37,000, while approximately 7,700 remain outside the education system [3; 4; 5; 6]. Despite considerable progress in legislative regulation, the practical implementation of inclusive education continues to face systemic barriers, including the limited effectiveness of psychological, medical and pedagogical consultations (PMPCs), staff shortages, inadequate school infrastructure, and social stigma [7; 8].

The aim of the study is to identify the main challenges and determine the prospects for the development of inclusive education in Kyrgyzstan based on an analysis of regulatory legal acts, statistical data, and academic publications by Kyrgyz scholars.

Research objectives:

1. To systematize the regulatory and legal framework governing inclusive education in the Kyrgyz Republic.
2. To present current statistics on the educational inclusion of children with disabilities.
3. To review scientific research by Kyrgyz scholars on inclusive education.
4. To identify key barriers and successful practices.

5. To formulate recommendations for the further development of inclusive education.

2. Literature Review. Inclusive education in Kyrgyzstan has become an increasingly important subject of academic research. Scholars examine both theoretical issues and practical aspects of inclusion at different levels of education.

Theoretical foundations of inclusion. A.K. Akkozhoyeva (2020) defines the concepts of "inclusion" and "inclusive education" and analyzes approaches to the functioning of inclusive education and the concepts underlying its implementation in the Kyrgyz Republic. The author emphasizes that educating children with special educational needs through inclusive education requires the adoption of a new educational philosophy based on a modern humanistic approach [22, pp. 59–60]. Building on these ideas, Z.B. Japarova, N.M. Satkeeva, and A.B. Sadyrbaeva (2024) consider adherence to the principles of inclusive education a key factor in the transition towards a more progressive education system [20].

Psychological and pedagogical support. T.A. Danilova (2023), Candidate of Psychological Sciences at I. Arabaev Kyrgyz State University, examines the principles of organizing joint education for typically developing children and children with special educational needs. The researcher emphasizes that implementing an inclusive education system requires comprehensive conditions, including adequate material and technical resources, educational and methodological support, and specialized teacher training to ensure effective psychological and pedagogical support for children with various health conditions [13, pp. 134–135]. In her subsequent publications, she also examines the role of teachers' psychological preparedness in inclusive education.

Inclusive preschool education. T.A. Orusbaeva (2016) examines the implementation of inclusive education in the preschool sector of the Kyrgyz Republic. Her article analyzes the transition from a biomedical to a humanistic understanding of inclusion, as well as the conditions necessary for integrating children with special needs into mainstream kindergarten groups. The author concludes that systematic teacher training and the creation of barrier-free environments in preschool institutions are essential [17].

Inclusive higher education. G.T. Karabalaeva (2024), Head of the Department of Higher Education Pedagogy at Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, presented a report on the current state and prospects of inclusive higher education in the Kyrgyz Republic, linking this issue to the democratization and humanization of education [14]. An international research team comprising G. Karabalaeva, N. Asipova, A. Bayalieva, J. Niyazova, and S. Karabalaev investigated the organizational and pedagogical factors involved in implementing an inclusive higher education model. Their findings were published in a peer-reviewed journal. The authors identified architectural inaccessibility, inadequate material and technical resources, communication difficulties between students with disabilities and their peers without disabilities, and insufficient understanding of the benefits of inclusive learning as the main barriers in higher education institutions [15, pp. 158–160]. Similar findings were obtained in a study conducted at universities in Bishkek in 2024 [16].

The ethnocultural factor. M.A. Suchkov (2020) provides a comparative analysis of the influence of ethnocultural factors on the development of inclusive education in Russia and Kyrgyzstan. The study examines the characteristics of the Kyrgyz people's ethnosocial development and philosophy of life that have influenced the cultural perception of inclusion. Based on an experiment, the author demonstrates the effectiveness of a proposed model for developing inclusive education in vocational educational institutions that takes ethnocultural characteristics into account [18, pp. 126–128].

Differentiated approaches and the role of inclusive education courses. Recent research in primary education pedagogy (2025) indicates that successful implementation of inclusive education requires a comprehensive approach involving teacher training, appropriate teaching materials and equipment, and the promotion of tolerance and mutual understanding in the classroom [19]. Z.G. Madmuratova (2023) highlights the role, challenges, and significance of inclusive education courses in primary schools in supporting children with disabilities [21].

Thus, Kyrgyz academic literature has developed several major research areas: the theoretical and methodological foundations of inclusion; psychological and pedagogical support; inclusive preschool,

higher, and vocational education; and ethnocultural characteristics. However, interagency cooperation among the education, healthcare, and social protection sectors, funding mechanisms for inclusive programmes, and the evaluation of the effectiveness of existing practices remain insufficiently explored.

3. Research Methodology. This study is based on a qualitative analysis of documents and academic literature. It adopts a theoretical and applied approach and employs the following methods:

Analysis of regulatory legal acts: examination of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities, the Law of the Kyrgyz Republic "On the Rights and Guarantees of Persons with Disabilities" (2025), the Model Regulation on Psychological, Medical and Pedagogical Consultations (2025), state educational standards, and programmes, including "Altyn-Kazyk" and SmartEd [1; 2; 9; 11].

Statistical analysis: processing data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic and the Ministry of Education of the Kyrgyz Republic for 2024–2025, including absolute figures, percentages, and changes over time [3; 4; 5; 6; 10].

Bibliographic review: systematization and critical analysis of academic publications by Kyrgyz authors published between 2016 and 2025. The review covers 22 sources, including 10 research articles published in peer-reviewed journals [13–22].

Comparative analysis: comparison of achievements and challenges across different educational sectors, including preschool, school, and higher education.

A limitation of the methodology is the absence of original empirical data obtained through surveys, interviews, or observations. This limitation is addressed by relying on official statistics and published research findings.

4. Research Process and Findings

Regulatory and legal framework. The study demonstrates that Kyrgyzstan has established a relatively progressive legal framework for inclusive education. The UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities was ratified in 2019. In 2025, the Law "On the Rights and Guarantees of Persons with Disabilities" was adopted. It guarantees the admission of children with disabilities to kindergartens and schools without discrimination, introduces annual admission quotas for vocational educational institutions, recognizes sign language as a full-fledged means of communication, and requires public authorities, media organizations, banks, and transport services to adapt their services and infrastructure [1].

On 21 October 2025, the Cabinet of Ministers approved the Model Regulation on Psychological, Medical and Pedagogical Consultations, which establishes mechanisms for assessing and supporting children with special educational needs [2]. The State Educational Standard also establishes the principle of inclusive education [3].

Statistical overview. According to the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, the figures for 2024 are as follows [3; 4; 5; 6]:

- The total number of children with disabilities under the age of 18 is 37,637, representing 1.4% of the child population.
- A total of 29,728 children with disabilities are registered in the education system, accounting for 79.3% of the total number.
- Approximately 7,700 children remain outside the education system.
- The country has 2,394 schools and 1,997 kindergartens.
- Approximately 5,000 children attend 14 special schools and 22 specialized kindergartens.
- A total of 2,848 children receive home-based education.
- During the 2024–2025 academic year, the number of children with disabilities in mainstream schools increased by 20–40%, from 7,400 to approximately 9,000–10,000 [7; 10].

Nevertheless, access to higher education for persons with disabilities remains extremely limited: only 1% of children with disabilities continue their studies at universities [7; 8].

Achievements and promising practices.

1. Launch of the "Tunguch" online school. The school provides distance learning for children with disabilities, particularly those living in remote areas [7].

2. Expansion of inclusive practices in schools. More than 650 schools, representing 27% of the total, are implementing inclusive approaches and reaching over 18,500 children [10].

3. Implementation of international projects. The Twinning and SmartEd projects are being implemented for 2025–2029, with a budget of USD 25.25 million and funding from the Islamic Development Bank and the Global Partnership for Education. The projects aim to modernize curricula, strengthen teacher training, establish 10 model inclusive schools, and develop a National Roadmap for Inclusive Education [9].

4. Professional development and institutional development. One hundred teachers from Kyrgyzstan received training in Moscow. In 2025, the first department in Central Asia dedicated to further and inclusive education was established at Bishkek State University [7].

5. Expansion of educational opportunities. The number of places available for children with disabilities in childcare institutions increased from 561 in 2020 to 631 in 2024 [4]. Conditions for educating persons with disabilities in nine vocational specialties have been established in 27 vocational lyceums [7].

Systemic challenges identified in the analysis. The analysis identifies the following major challenges [7; 8; 15; 16; 18]:

1. Limited effectiveness of psychological, medical and pedagogical consultations. Procedures are bureaucratic and may restrict children's access to education. There is duplication of responsibilities among government agencies and no unified electronic register of children with special needs.

2. Inadequate infrastructure. Most schools and kindergartens lack ramps, tactile signs, accessible sanitary facilities, and audible traffic signals. The problem is particularly acute in the regions.

3. Shortage of qualified personnel. Teachers in mainstream schools generally lack basic training in special education and defectology.

4. Social stigma. Some parents of children without disabilities oppose inclusive education, while parents of children with disabilities encounter refusals from school principals when seeking admission for their children.

5. Limited access to vocational and higher education. Graduates of special schools may not receive certificates of general secondary education, thereby restricting their access to colleges. The study also reports that only 2% of children with disabilities can attend school, while just 1% can study at university.

6. Insufficient funding. Government funding is inadequate, and the development of inclusive education depends substantially on donor-funded projects.

5. Conclusions and Recommendations

Conclusions.

1. Kyrgyzstan has established a modern regulatory and legal framework for inclusive education that is aligned with international standards [1; 2; 3].

2. Progress has been made in expanding educational access for children with disabilities, as reflected in the growing number of schools implementing inclusive practices, the launch of the “Tunguch” online school, and the implementation of international projects [7; 9; 10].

3. Nevertheless, systemic challenges—including the limited effectiveness of psychological, medical and pedagogical consultations, inadequate infrastructure, shortages of qualified personnel, social stigma, and limited access to vocational and higher education—continue to hinder the full implementation of inclusion [7; 8; 13; 15; 18].

4. Research by Kyrgyz scholars makes a significant contribution to understanding the challenges of inclusive education. However, these studies remain fragmented, and insufficient attention is paid to interagency cooperation and the assessment of the economic effectiveness of inclusive programmes [13–22].

Recommendations.

1. Reform psychological, medical and pedagogical consultations. Establish an electronic register of children with disabilities, reduce bureaucratic procedures, and ensure interagency data exchange among the education, healthcare, and social protection sectors.

2. Improve infrastructure accessibility. Incorporate accessibility requirements into school construction and major renovation standards. Provide public funding for ramps, accessible sanitary facilities, and tactile signs.

3. Strengthen teacher training. Introduce compulsory special education and defectology modules into teacher education programmes and establish a professional development system for practising teachers [13].

4. Raise public awareness. Conduct public information campaigns, organize joint activities for children with disabilities and their peers without disabilities, and provide educational programmes for parents.

5. Develop vocational education. Ensure that graduates of special schools receive certificates of general secondary education, expand admission quotas in colleges and universities, and introduce individualized learning plans. A pilot programme has been underway in 23 schools since January 2026 [12].

6. Ensure sustainable funding. Gradually move away from dependence on donor-funded projects towards government budget allocations for inclusive education programmes. Incorporate inclusion indicators into per-capita school funding mechanisms.

References

1. В КР признали жестовый язык и закрепили новые льготы для инвалидов [Электронный ресурс] // 24.KG. – 2025. – URL: https://24.kg/obschestvo/339239 (дата обращения: 01.04.2026).
2. Образование без барьеров. Утверждено положение для помощи детям с особенностями развития [Электронный ресурс] // Kabar. – 2025. – URL: https://ru.kabar.kg/news/obrazovanie-bez-barerov-utverzhdeno-polozhenie-dlya-pomoshi-detyam-s-osobennostyami-razvitiya/ (дата обращения: 01.04.2026).
3. Инклюзивдик билим берүү: жетишкендиктер [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Кыргызской Республики. – 2025. – URL: https://edu.gov.kg/posts/4639/ (дата обращения: 01.04.2026).
4. Около 5 тыс. детей с ОВЗ посещают специальные школы, 2848 детей обучаются на дому [Электронный ресурс] // Билим АКИpress. – 2025. – URL: https://bilim.akipress.org/ru/news:2271065/ (дата обращения: 01.04.2026).
5. За пять лет число кыргызстанцев с инвалидностью выросло почти на 12 % [Электронный ресурс] // Caravan-info. – 2025. – URL: https://caravan-info.kg/ru/obschestvo/659132 (дата обращения: 01.04.2026).
6. В Кыргызстане 7 тыс. 700 детей с инвалидностью остаются вне системы образования [Электронный ресурс] // 24.KG. – 2025. – URL: https://24.kg/obschestvo/333884 (дата обращения: 01.04.2026).
7. Первые шаги уже сделаны: как обучают детей с ОВЗ в Кыргызстане и чем им можно помочь [Электронный ресурс] // Brief24. – 2025. – URL: https://brief24.ru/kg/2025/7/16/221066 (дата обращения: 01.04.2026).
8. Минюст и НИСИ предлагают выработать меры по реформированию инклюзивного образования [Электронный ресурс] // Билим АКИpress. – 2025. – URL: https://bilim.akipress.org/ru/news:2287370/ (дата обращения: 01.04.2026).
9. Новое партнерство направлено на укрепление доступа к качественному и инклюзивному образованию для всех детей в Кыргызстане [Электронный ресурс] // UNICEF Кыргызстан. – 2025. – URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/press-releases/smarted-partnership-launch (дата обращения: 01.04.2026).

10. Более 650 школ внедряют инклюзивные практики в Кыргызстане [Электронный ресурс] // 24.KG. – 2025. – URL: https://24.kg/obschestvo/353239 (дата обращения: 01.04.2026).
11. Повышение качества высшего образования в Кыргызстане – Дорожная карта по развитию инклюзивного гибридного высшего образования в Кыргызстане (2025–2030 гг.) [Электронный ресурс] // Erasmus+. – 2025. – URL: https://erasmusplus.kg (дата обращения: 01.04.2026).
12. В ряде школ Кыргызстана внедрят индивидуальные учебные планы для детей с инвалидностью [Электронный ресурс] // Kaktus.media. – 2026. – URL: https://kaktus.media (дата обращения: 01.04.2026).
13. Данилова Т. А. Проблемы организации инклюзивного образования в современных условиях Кыргызстана // Вестник КРСУ. – 2023. – Т. 23, № 6. – С. 133–136. – DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-6-133-136.
14. Карабалаева Г. Т. Состояние и перспективы развития инклюзивного высшего образования в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] // КНУ им. Ж. Баласагына. – 2024. – URL: https://knu.org.kg/ky/ru/archives/4283 (дата обращения: 01.04.2026).
15. Karabalaeva G., Asipova N., Bayalieva A., Niyazova J., Karabalaev S. Inclusive higher education in Kyrgyzstan for people with physical and intellectual disabilities // Journal of Intellectual Disability – Diagnosis and Treatment. – 2024. – No. 3. – P. 153–171.
16. Галушкина Е. А., Шарафутдинова А. М., Евсеева Л. П. Барьеры, препятствующие успешной интеграции студентов с особыми возможностями развития в образовательное пространство Кыргызстана (на примере вузов г. Бишкека) // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2024. – Т. 16, № 4 (120). – С. 11–19. – DOI: 10.58649/1694-8033-2024-4(120)-11-19.
17. Орусбаева Т. А. Инклюзивное образование в дошкольной образовательной организации Кыргызстана [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-doshkolnoy-obrazovatelnoy-organizatsii-kyrgyzstana (дата обращения: 01.04.2026).
18. Сучков М. А. Отличие влияния этнокультурного фактора развития инклюзивного образования в условиях российской и кыргызской действительности (результаты исследования) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 124–129. – DOI: 10.37882/2223-2982.2020.09.31.
19. Патрикова Т. С. Реализация инклюзивного образования в общеобразовательной организации // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 14–23.
20. Ахметова Д. З., Тимирясова А. В., Челнокова Т. А. Инклюзивная педагогика : учебное пособие. – Казань : Познание, 2019. – 174 с.
21. Фуряева Т. В. Инклюзивные подходы в образовании : учебное пособие для среднего профессионального образования. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2020. – 176 с.
22. Аккожоева А. К. Инклюзивное образование в Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – Т. 2-1, № 41. – С. 58–61. – ISSN 2500-1000.
23. Асаналиева Ч. Н. Жусуп Баласагындын чыгармаларында салттуу үй-бүлөдө баланы тарбиялоо маселеси // Bulletin of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. – 2024. – № 3 (119). – С. 101.
24. Сатыбалдиева А. Б. Дүйнөнү бирдиктүү билим берүү процессине интеграциялоо шартында маданияттар аралык коммуникациянын функционалдык аспектилеринин көп түрдүүлүгү // Bulletin of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. – 2024. – № 1 (117). – С. 56.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Мукарапова А.К.

УДК 81+37.013+004.8

Байболотова Ж.Т., Сариева Ф.С.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Бишкек компьютердик системалар жана технологиялар колледжи
Байболотова Ж.Т.,[1] Сариева Ф.С.[2]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Бишкекский колледж компьютерных систем и технологий[2]
Baibolotova Zh.T., Sarieva F.S.
KNU Jusup Balasagyn
Bishkek College of Computer Systems and Technologies

ИТ-КОЛЛЕДЖДИН СТУДЕНТТЕРИНЕ АНГЛИС ТИЛИН ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН ЖАРДАМЫ МЕНЕН АДАПТИВДҮҮ ОКУТУУ: ПЕДАГОГИКАЛЫК ШАРТТАР ЖАНА ЧЕКТӨӨЛӨР

АДАПТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИТ-КОЛЛЕДЖА С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

ADAPTIVE ENGLISH LANGUAGE TEACHING FOR IT COLLEGE STUDENTS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PEDAGOGICAL CONDITIONS AND LIMITATIONS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кыргызстандын билим берүү шарттарын эске алуу менен ИТ-колледждердин студенттерине англис тилин адаптивдүү окутууда жасалма интеллектти (ЖИ) колдонуунун педагогикалык шарттары жана чектөөлөрү каралат. Чет өлкөлүк жана кыргызстандык илимий эмгектерге жүргүзүлгөн аналитикалык серептин негизинде ЖИни натыйжалуу интеграциялоонун беш шарты аныкталган: окуу материалдарынын кесиптик багыттуулугу, окутууну дифференциациялоо, ЖИ тарабынан берилген кайтарым байланышты педагогикалык жактан чечмелөө, калыптандыруучу баалоо жана институционалдык колдоо. Сүйлөө жана жазуу көндүмдөрүн өнүктүрүүгө, академиялык ак ниеттүүлүккө, маалыматтарды коргоого жана санариптик ресурстарга тең жеткиликтүүлүктү камсыз кылууга көңүл бурулат. Кыргызстандык окумуштуулардын изилдөөлөрү жана жергиликтүү эмпирикалык маалыматтарга болгон муктаждык талданат. Диагностиканы, окутууну долбоорлоону, адаптивдүү практиканы, кайтарым байланышты жана баалоону камтыган «окутуучу – ЖИ – студент» беш этаптуу модели сунушталат.

Аннотация: В статье рассматриваются педагогические условия и ограничения использования искусственного интеллекта (ИИ) в адаптивном обучении английскому языку студентов ИТ-колледжей с учётом образовательного контекста Кыргызстана. На основе аналитического обзора зарубежных и кыргызстанских исследований в области обучения языкам с использованием ИИ, английского языка для специальных целей, автоматизированной обратной связи и диалоговых систем определены пять условий эффективной интеграции ИИ: профессиональная направленность учебных материалов, дифференциация обучения с учётом уровня владения языком и индивидуальных потребностей, педагогическая интерпретация обратной связи, генерируемой ИИ, формирующее оценивание и институциональная поддержка. Особое внимание уделяется развитию навыков говорения и письма, академической добросовестности, защите данных и обеспечению равного доступа к цифровым ресурсам. Рассматриваются исследования кыргызстанских учёных и необходимость получения локальных эмпирических данных. Предлагается пятиэтапная модель «преподаватель – ИИ – студент» (диагностика, проектирование обучения, адаптивная практика, обратная связь, оценивание) в качестве концептуальной основы для дальнейших исследований и внедрения в ИТ-колледжах Кыргызстана.

Abstract: The article examines pedagogical conditions and limitations of AI use in adaptive English teaching for IT college students, with attention to Kyrgyzstan’s educational context. Based on an analytical review of international and Kyrgyzstani research on AI-supported language learning, ESP, automated

feedback, and dialogue systems, it identifies five conditions for effective AI integration: professional relevance of materials, differentiation by proficiency and needs, pedagogical interpretation of AI-generated feedback, formative assessment, and institutional support. Attention is given to productive skills, academic integrity, data protection, and equitable access to digital resources. Kyrgyzstani research and the need for locally grounded empirical evidence are discussed. A five-stage teacher–AI–student model (diagnosis, learning design, adaptive practice, feedback, assessment) is proposed as a conceptual framework for research and implementation in Kyrgyz IT colleges.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; адаптивдүү окутуу; атайын максаттар үчүн англис тили; ИТ-колледждердин студенттери; Кыргызстан; автоматташтырылган кайтарым байланыш; кесиптик коммуникация; санариптик билим берүү; педагогикалык моделдөө.

Ключевые слова: искусственный интеллект; адаптивное обучение; английский язык для специальных целей; студенты ИТ-колледжей; Кыргызстан; автоматизированная обратная связь; профессиональная коммуникация; цифровое образование; педагогическое моделирование.

Keywords: artificial intelligence; adaptive learning; English for Specific Purposes; IT college students; Kyrgyzstan; automated feedback; professional communication; digital education; pedagogical modeling.

1. Introduction. English proficiency is essential for future IT specialists because technical documentation, software development, cybersecurity, databases, and international professional communication frequently require English. IT college graduates must therefore be able to understand technical texts, explain processes, write reports, discuss projects, and communicate with colleagues and clients.

English for Specific Purposes (ESP) connects language instruction with professional needs. For IT students, it focuses on technical terminology, reading and writing skills, and communication in authentic or simulated workplace situations.

However, students differ in language proficiency. Some understand technical documentation but struggle with speaking and writing, while others know specialized vocabulary but cannot use it effectively in professional communication. These differences highlight the need for adaptive instruction.

Artificial intelligence (AI) can support this process by generating differentiated exercises, simulating professional conversations, providing feedback, and monitoring student progress. Huang et al. [1] discuss various applications of AI in language education, while Wu [2] emphasizes the influence of instructional, contextual, and social-emotional factors on learning outcomes.

For IT colleges, AI can facilitate technical interviews, project discussions, pronunciation practice, and the revision of professional texts. Nevertheless, its effectiveness depends on the accuracy of generated content, teacher guidance, digital infrastructure, and responsible data use. AI may also encourage excessive reliance on automated feedback if students are not taught to evaluate and correct their own work.

These challenges are relevant to Kyrgyzstan, where digital education offers new opportunities but requires attention to institutional resources, teacher preparation, and access to technology. The findings of international research must therefore be considered alongside the work of Kyrgyzstani scholars and the specific needs of vocational education.

The purpose of this study is to identify the pedagogical conditions and limitations of AI-supported adaptive English teaching for IT college students and to develop a conceptual model for its integration.

The study addresses four research questions:

1. What functions can AI perform in adaptive English teaching for IT students?
2. What conditions support effective and responsible AI integration?
3. What challenges may arise in the educational context of Kyrgyzstan?
4. How can the roles of teachers, AI systems, and students be coordinated?

The study connects international and Kyrgyzstani research and proposes a conceptual model for future empirical evaluation.

2. Literature review

2.1. Theoretical foundations of adaptive language learning. Adaptive learning adjusts the content, difficulty, sequence, or pace of instruction according to learners' needs and progress. AI-supported systems may use assessment results, recurring errors, and task performance to recommend subsequent activities. Unlike ordinary digital resources, adaptive systems use learner data to inform instructional decisions.

Huang et al. [1] examine AI applications in language education, including intelligent tutoring, automated assessment, personalization, and language practice. Wu [2] highlights the role of instructional context and learner-related factors in determining the effectiveness of AI-supported language learning. Similarly, Zawacki-Richter et al. [8] emphasize the importance of considering educators' roles in AI-supported education.

For IT students, adaptation should address both language proficiency and professional specialization. Learners preparing for careers in programming, cybersecurity, or network administration need different terminology and communication scenarios. Therefore, effective adaptive instruction should combine individual learning needs with the professional objectives of the curriculum.

2.2. English for Specific Purposes in IT education. English for Specific Purposes focuses on language learning in relation to specific academic or professional objectives. In IT education, relevant competencies include understanding technical documentation, interpreting software requirements, describing technical procedures, reporting problems, explaining programming decisions, and communicating with colleagues or clients.

Professional terminology is a central component of these competencies. Terms such as *database*, *framework*, *deployment*, *interface*, and *debugging* may already be familiar to students through their technical studies. However, recognizing a term does not necessarily mean that a student can pronounce it intelligibly, use it in an appropriate collocation, explain it to a non-specialist, or distinguish between formal and informal usage.

This creates a need to differentiate receptive and productive language skills. A student may understand a technical specification but be unable to summarize it orally. Another student may communicate informally about a programming task but experience difficulty writing a formal report.

Tomlinson [10] emphasizes the importance of developing language-learning materials that engage learners and respond to their needs. Applied to IT-oriented ESP, this principle supports the use of professionally relevant tasks rather than isolated vocabulary exercises.

AI may assist teachers in generating examples, adapting texts to different proficiency levels, and creating simulated professional interactions. However, generated materials must be checked for technical accuracy, linguistic appropriateness, and consistency with the curriculum.

The principal pedagogical objective is not to replace general language learning with technical vocabulary practice. Rather, it is to integrate grammar, vocabulary, discourse, pragmatic awareness, and communicative strategies into tasks that reflect professional requirements.

2.3. AI-supported speaking and dialogue practice. Oral communication is an important component of professional competence, yet students may have limited opportunities to practise English outside the classroom. AI-powered dialogue systems can provide additional speaking practice, simulate professional situations, and encourage learners to repeat tasks and improve their responses.

Du and Daniel [3] conducted a systematic review of AI-powered chatbots for English speaking practice. Their review identifies opportunities for supporting oral interaction and learner engagement while also highlighting the importance of instructional design and further empirical research.

For IT students, dialogue-based activities can simulate technical interviews, discussions of software architecture, project demonstrations, troubleshooting conversations, and explanations of technical decisions. An AI dialogue partner may ask follow-up questions, request clarification, or prompt a student to explain a technical concept in simpler language.

Such practice may be particularly useful for students who need additional time to formulate responses or who experience anxiety during oral activities. Nevertheless, interaction with an AI system cannot fully reproduce communication with real people. Workplace communication involves negotiation, spontaneous responses, collaborative problem-solving, and sensitivity to social and cultural expectations.

AI-supported dialogue should therefore complement classroom discussion, pair work, presentations, and teacher-led assessment rather than replace them.

2.4. Automatic speech recognition and pronunciation development. Automatic speech recognition (ASR) enables digital systems to process spoken input and provide information about recognized words or speech performance. In language education, ASR can support repeated pronunciation practice and help learners monitor their oral production.

Nickolai et al. [4] reviewed evidence concerning ASR applications in computer-assisted language learning. Their analysis indicates that ASR has a substantial research base, although the strength and interpretation of individual claims vary across studies.

For IT students, pronunciation practice may focus on technical terminology, acronyms, abbreviations, and frequently used expressions in professional communication. Students may also practise describing algorithms, explaining software functions, and presenting project outcomes.

However, speech-recognition systems can misinterpret correctly pronounced words because of accent variation, background noise, recording quality, or limitations in recognizing specialized vocabulary. Automated recognition should not be treated as a definitive assessment of pronunciation quality.

The relevant instructional goal is intelligibility and effective communication, not the elimination of accent differences. ASR practice should therefore be combined with teacher feedback and communicative tasks.

2.5. AI-assisted writing and formative feedback. Written communication is essential in IT-related occupations. Students may need to write technical reports, document software functions, prepare bug reports, describe procedures, and communicate with colleagues through professional email. AI writing tools can suggest grammatical corrections, identify lexical problems, and offer alternative formulations. Godwin-Jones [5] discusses intelligent writing assistance in language learning and highlights the instructional implications of AI-supported writing technologies. The educational value of automated feedback depends on how students use it. If students simply copy corrected texts, the quality of the final product may improve without corresponding development of independent writing competence. By contrast, if they examine errors, evaluate suggestions, justify revisions, and apply language rules in new contexts, automated feedback can support learning. For IT students, a formative feedback cycle can involve identifying an error in a technical description, examining alternative formulations, verifying the meaning of technical terms, revising the text, and explaining the reasons for the changes. AI-generated corrections must nevertheless be evaluated critically. A fluent revision may alter the intended technical meaning or introduce an inappropriate term. The teacher should therefore remain involved in evaluating the linguistic and professional accuracy of student work.

2.6. Research by Kyrgyzstani scholars on AI-supported language education. Research conducted by scholars in Kyrgyzstan provides a relevant regional perspective on AI integration into language teaching. Although studies specifically addressing adaptive English instruction for IT college students remain limited, local publications examine AI applications in language education, digital teaching practices, and the preparation of teachers for technology-enhanced instruction.

Kachkynchieva, Dzhumaeva, and Zhumagulova [6] examine the characteristics of effective AI use in English language teaching. Their work discusses the pedagogical potential of AI-supported personalization, chatbots, automated assessment, and speech recognition. It also draws attention to the importance of teacher preparation and the need to integrate digital tools into instruction in a purposeful manner.

This research provides a theoretical starting point for the present study because it connects the use of AI with pedagogical objectives rather than treating technology as an independent solution to educational challenges. However, the findings should not be interpreted as direct experimental evidence of effectiveness

among IT college students unless such a population and research design are explicitly documented in the original study.

Sharipova and Ysmailova [12] investigate AI-supported English language instruction in secondary schools in Osh, Kyrgyzstan. Their study provides a locally relevant empirical perspective on the use of AI in language education and examines the relationship between technology-supported activities and language-learning outcomes. The study is relevant to the present research because it addresses English language instruction in Kyrgyzstan. Nevertheless, differences between secondary school students and vocational IT students limit direct generalization. The findings should be interpreted in relation to the original participants, intervention, and assessment procedures.

Kadyrkulova, Tilekmatova, and Usenalieva [13] address AI and language teaching in the Kyrgyzstani educational context. Their work contributes to the developing discussion of technology-enhanced language instruction and the need to reconsider teaching practices in response to new digital tools.

Taken together, these studies indicate that AI-supported language education is becoming an important subject of scholarly discussion in Kyrgyzstan. They provide complementary perspectives on pedagogical principles, English language instruction, digital competence, and teacher preparation.

However, the available publications differ in their research designs, participants, target languages, and educational settings. They cannot be treated as a single body of experimental evidence demonstrating the effectiveness of AI in IT colleges. In particular, further research is needed to establish how AI-supported adaptive instruction affects technical vocabulary use, speaking, writing, and independent professional communication among vocational students.

The present study addresses this research gap by connecting the regional literature with international findings and developing a conceptual model specifically intended for IT-oriented English language instruction.

3. Research methods

3.1. Research design. The study used a qualitative analytical approach based on a narrative literature review and pedagogical modeling. It did not include an original experiment, direct assessment of IT college students, or new quantitative data. The aim was to identify recurring pedagogical principles, compare reported AI applications in language education, examine limitations, and formulate a conceptual model for professionally oriented English instruction. The review covered international studies and relevant Kyrgyzstani publications; regional literature was considered separately to distinguish local concerns from findings in other national contexts.

3.2. Analytical procedures

The literature was analyzed across five dimensions:

1. pedagogical function of AI (diagnosis, practice, feedback, monitoring);
2. target language skill (reading, vocabulary, writing, speaking, listening, pronunciation);
3. professional relevance to IT students' communicative needs;
4. teacher involvement (guidance, verification, assessment);
5. implementation limitations (accuracy, autonomy, academic integrity, privacy, digital access).

Comparative analysis identified similarities and differences between international and Kyrgyzstani research; contextual analysis assessed relevance to vocational education; pedagogical modeling organized the findings into a five-stage teacher–AI–student framework.

3.3. Methodological limitations. The study relies on previously published literature from different educational settings, with varied participants, duration, AI technologies, assessment methods, and objectives; therefore, results cannot be combined into a single quantitative estimate of effectiveness. Regional literature also includes studies with different target languages and learner populations, which provide context but do not directly establish AI effectiveness for IT college students. The proposed model should therefore be treated as a conceptual framework for instructional design and future empirical testing; its effectiveness in Kyrgyzstani IT colleges remains to be established.

4. Results and discussion

4.1. Pedagogical conditions for effective AI integration. The comparative analysis identifies five interrelated conditions that should guide the implementation of AI-supported adaptive English language teaching for IT college students.

Condition 1. Professional relevance of learning content. AI-supported activities should reflect communication tasks associated with students' future occupations. Examples include explaining a technical procedure, discussing software requirements, preparing a bug report, presenting a project, and communicating with colleagues about a technical problem.

Professional relevance involves more than adding technical vocabulary to general language exercises. Students should use language to achieve a communicative purpose, convey technical information accurately, and adapt their explanations to a particular audience.

Condition 2. Differentiation according to language proficiency and individual needs. Adaptation should take into account both overall language proficiency and the uneven development of individual skills. Students who understand technical documentation may still require additional support in speaking or writing.

Initial assessment should therefore include several types of tasks, such as reading a technical text, explaining a process orally, using terminology in context, and writing a short professional message. AI may assist in organizing responses and identifying recurring patterns, while the teacher determines which learning needs require intervention.

Condition 3. Pedagogical interpretation of AI-generated feedback. AI systems can identify possible errors but may not reliably establish their causes. A mistake can reflect limited grammatical knowledge, unfamiliar terminology, misunderstanding of the task, or an attempt to express a complex technical idea with insufficient language resources.

The teacher should examine recurring errors, evaluate their significance for communication, and decide whether the student needs further explanation, targeted practice, or a different instructional approach.

Condition 4. Formative assessment and learner reflection. Automated feedback should encourage students to think about their language choices instead of merely accepting corrections. A recommended sequence is:

error identification → explanation → revision → justification → application in a new context.

This process can be used for technical descriptions, professional emails, project summaries, and oral presentations. It supports self-monitoring and helps students understand the relationship between language form, meaning, and communicative purpose.

Condition 5. Institutional support and responsible implementation. Effective implementation requires access to appropriate devices, reliable digital resources, technical support, and teacher preparation. Institutions should also establish clear rules concerning privacy, student data, academic integrity, and acceptable forms of AI assistance.

Teachers need more than operational knowledge of AI tools. They must be able to evaluate generated content, identify potential inaccuracies, and determine whether a particular application serves a clear educational objective.

These conditions are interdependent. Professionally relevant materials may be ineffective if feedback is inaccurate, while advanced technology may contribute little to learning if students do not understand the purpose of their activities.

4.2. Potential applications of AI in IT-oriented English instruction. AI can support English language teaching for IT college students through initial assessment, technical vocabulary practice, simulated interviews and project discussions, pronunciation exercises, writing revision, and progress monitoring. Teachers interpret diagnostic results, verify technical accuracy, assess communication skills, and adapt instruction. These activities aim to improve professional vocabulary, speaking, pronunciation, writing, and learner autonomy.

4.3. Limitations of AI-supported adaptive learning. Several limitations require particular attention when AI is introduced into vocational language education.

Inaccurate or contextually inappropriate feedback. AI systems may generate incorrect explanations, misunderstand technical terminology, or fail to distinguish between acceptable language variants. Their recommendations should be treated as suggestions requiring verification.

Fragmentation of language competence. Adaptive systems often focus on individual errors or narrowly defined tasks. However, professional communication requires students to integrate vocabulary, grammar, discourse organization, pragmatic awareness, and strategic skills. Focused adaptive exercises should therefore be combined with extended communicative activities.

Dependence on automated assistance. Frequent reliance on generated answers may reduce opportunities for independent language production. Students should complete some tasks without AI and explain the reasoning behind revisions made with its assistance.

Academic integrity. Generative AI can produce texts that students may submit without sufficient independent contribution. Assessment should consider not only the final product but also the learning process, including drafts, explanations, oral follow-up questions, and the ability to reproduce or adapt language independently.

Privacy and data protection. Students may inadvertently disclose personal information, assessment results, or confidential technical material when using external AI systems. Institutions should establish rules for data handling and restrict the use of identifiable or sensitive information in unapproved tools.

Unequal access to technology. Access to devices, stable internet connectivity, and paid AI functions may differ among students and institutions. Implementation should provide reasonable alternatives so that participation does not depend on a student's ability to purchase digital services.

Limited transfer to authentic communication. Success in a simulated dialogue does not necessarily demonstrate readiness to communicate with real colleagues or clients. Classroom discussion, collaborative projects, presentations, and teacher-led assessment remain important.

These limitations indicate that AI should be integrated selectively and purposefully. Its role is to expand opportunities for practice and support individualized learning, not to replace professional judgment or authentic communication.

4.4. Implications for IT colleges in Kyrgyzstan. The proposed model can inform the gradual introduction of AI-supported language instruction in Kyrgyzstan's secondary vocational education system. Implementation should begin with a clearly defined pedagogical objective rather than the selection of a particular platform.

A pilot project could focus on one professional communication domain, such as technical interviews, software documentation, or project presentations. Teachers could assess students' initial proficiency, select appropriate tasks, and establish transparent evaluation criteria.

The pilot should also examine practical implementation conditions, including device availability, internet access, students' prior experience with AI, teachers' digital competence, and institutional policies on academic integrity and privacy.

Evaluation should use clearly defined indicators. These may include accuracy of technical vocabulary, comprehensibility of oral explanations, organization of written texts, ability to respond to follow-up questions, and capacity to revise errors independently. Motivation and learner autonomy may be examined through appropriate questionnaires and reflective tasks.

Where feasible, future research could compare an AI-supported instructional group with a group receiving the same learning content without AI assistance. Such a comparison would require equivalent learning objectives, clearly described instructional procedures, appropriate assessment instruments, and transparent reporting of participant characteristics and limitations.

Regional studies by Kyrgyzstani researchers provide a starting point for this work, but their findings should not be generalized beyond the populations and conditions investigated. Research specifically involving IT college students is needed to establish whether the proposed pedagogical conditions lead to measurable improvements in professional English communication.

5. Conclusions and recommendations.

The analysis shows that AI can support adaptive English language teaching for IT college students through differentiated materials, simulated professional dialogue, pronunciation practice, and feedback on written communication. However, its educational value depends on integration into the learning process.

International and Kyrgyzstani research highlights five key conditions: professional relevance of content, differentiation according to learner needs, pedagogical interpretation of AI-generated information, formative feedback, and institutional support. Significant limitations remain: inaccurate feedback, fragmentation of language development, dependence on automated assistance, academic integrity concerns, privacy risks, unequal access to technology, and limited transfer from simulated tasks to authentic communication. Kyrgyzstani studies provide useful regional context, but differences in settings, learners, target languages, and research designs mean they cannot serve as direct evidence of AI effectiveness for IT college students.

The article proposes a five-stage teacher–AI–student model: diagnosis, goal setting and planning, adaptive practice, feedback and reflection, and assessment and autonomy. AI supports individualized learning, while the teacher remains responsible for pedagogical decisions and the student for active engagement.

Recommendations for IT colleges in Kyrgyzstan:

1. Begin with diagnostic assessment of students' specific language needs.
2. Connect language tasks with realistic IT professional communication (technical interviews, presentations, bug reports, correspondence).
3. Combine automated and teacher-led feedback; treat AI corrections as suggestions requiring verification.
4. Promote active reflection: students should explain corrections, justify terminology choices, and apply language principles in new contexts.
5. Maintain authentic assessment alongside AI-supported exercises.
6. Develop teachers' AI literacy, including pedagogical use, content evaluation, privacy, and academic integrity.
7. Ensure equitable access to devices, connectivity, and digital services.
8. Evaluate outcomes systematically — by professional communication competence, independent performance, and autonomy, not by the number of tools used.

Further research should test the proposed model in pilot studies in Kyrgyzstani IT colleges using transparent designs, comparison groups where feasible, validated instruments, and documented procedures. It should also examine whether AI-supported practice produces sustained improvements in independent professional communication.

In conclusion, AI can contribute to individualization of vocational English instruction when integrated into a pedagogically structured environment. Its value lies not in replacing the teacher but in expanding opportunities for meaningful practice, timely feedback, and learner reflection. The proposed model provides a conceptual basis for developing and empirically evaluating adaptive English teaching that meets IT students' professional needs and Kyrgyzstan's educational context.

List of used literature

1. Huang X., Zou D., Cheng G., Chen X., Xie H. Trends, research issues and applications of artificial intelligence in language education // Educational Technology & Society. – 2023. – Vol. 26, № 1. – P. 112–131. – DOI: 10.30191/ETS.202301_26(1).0009.
2. Wu X.-Y. Artificial Intelligence in L2 learning: A meta-analysis of contextual, instructional, and social-emotional moderators // System. – 2024. – Vol. 126. – Article 103498. – DOI: 10.1016/j.system.2024.103498.
3. Du J., Daniel B. K. Transforming language education: A systematic review of AI-powered chatbots for English as a foreign language speaking practice // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 6. – Article 100230. – DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100230.

4. Nickolai D., Schaefer E., Figueroa P. Aggregating the evidence of automatic speech recognition research claims in CALL // System. – 2024. – Vol. 121. – Article 103250. – DOI: 10.1016/j.system.2024.103250.
5. Godwin-Jones R. Partnering with AI: Intelligent writing assistance and instructed language learning // Language Learning & Technology. – 2022. – Vol. 26, № 2. – P. 5–24. – DOI: 10.64152/10125/73474.
6. Kachkynchieva A. Zh., Dzhumaeva M. M., Zhumagulova E. Zh. Peculiarities of effective use of artificial intelligence in English language teaching // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 12-2 (99). – P. 153–156. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-12-2-153-156.
7. Dmitrenko N., Shkola I., Saliuk B., Hindman L. L. Overcoming the Intermediate Plateau in ESP: AI-Supported Self-Directed Learning for Ukrainian IT Students // Journal of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University. – 2026. – Vol. 13, № 3. – P. 17–30. – DOI: 10.15330/jpnu.13.3.17-30.
8. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2019. – Vol. 16. – Article 39. – DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.
9. Ellis R., Shintani N. Exploring Language Pedagogy through Second Language Acquisition Research. – London : Routledge, 2014. – 388 p.
10. Tomlinson B. (ed.). Developing Materials for Language Teaching. – 2nd ed. – London : Bloomsbury Academic, 2013. – 576 p.
11. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume. – Strasbourg : Council of Europe, 2020. – URL: https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages.
12. Sharipova M., Ysmailova R. Methodological Foundations and Empirical Analysis of Integrating Artificial Intelligence into English Language Teaching in Secondary School: The Case of Osh, Kyrgyzstan // Open Journal of Eurasian Studies. – 2026. – № 1. – DOI: 10.65469/eijournal.2026.1.9.
13. Kadyrkulova U. K., Tilekmatova A., Usenalieva S. Artificial Intelligence and Language Teaching // Public Education. Pedagogy. Methods of Teaching. – 2025. – DOI: 10.69722/1694-8211-2025-61-213-219.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Мамытова А.К.

УДК 373.1(575.2)

Босумбаева Т.Р., Султанова М.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Босумбаева Т. Р., Султанова М.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Bosumbaeva T.R., Sultanova M.A.
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДА МЕКТЕПТИК БИЛИМ БЕРҮҮНҮ РЕФОРМАЛОО: 12 ЖЫЛДЫК БИЛИМ БЕРҮҮ МОДЕЛИ
РЕФОРМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: 12-ЛЕТНЯЯ МОДЕЛЬ
SCHOOL EDUCATION REFORM IN THE KYRGYZ REPUBLIC: THE 12-YEAR EDUCATION MODEL
REFORM DER SCHULBILDUNG IN DER KIRGISISCHEN REPUBLIK: DAS 12-JÄHRIGE BILDUNGSMODELL

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кыргыз Республикасында 12 жылдык билим берүү моделине өтүү шартында мектептик билим берүү системасын реформалоо маселеси изилденет. Реформанын ченемдик-укуктук негиздери, мазмундук-уюштуруу милдеттери, күтүлүүчү артыкчылыктары жана негизги тобокелдиктери каралат. Теориялык негизин компетенттүүлүккө багытталган мамиле, педагогдордун кесиптик өнүгүүсү жана эл аралык тажрыйбаны улуттук шарттарга ылайыкташтыруу

түзөт. Изилдөөнүн маалыматтык базасына расмий документтер, Кыргыз Республикасынын Агартуу министрлигинин, Кыргыз билим берүү академиясынын, ЮНИСЕФтин, Экономикалык кызматташтык жана өнүктүрүү уюмунун (ЭКӨУ) материалдары жана PISA эл аралык изилдөөсүнө байланыштуу маалыматтар кирет. 12 жылдык билим берүүгө өтүү стандарттарды, программаларды, окуу китептерин, окутуу ыкмаларын жана башкаруу механизмдерин жаңылоону талап кылган комплекстүү реформа экени аныкталды. Анын натыйжалуулугу педагогикалык кадрлардын даярдыгына, окуу-методикалык камсыздоого, мектептердин материалдык-техникалык базасына жана мугалимдер менен кайтарым байланышка көз каранды. Билим берүү натыйжаларына үзгүлтүксүз мониторинг жүргүзүү жана реформаны этап-этабы менен өркүндөтүү зарылдыгы негизделет.

Аннотация: В статье исследуется трансформация школьного образования Кыргызской Республики в условиях перехода на 12-летнюю модель. Рассматриваются нормативно-правовые основы, содержательные и организационные задачи, ожидаемые преимущества и основные риски реформы. Теоретическую основу исследования составляют компетентностный подход, профессиональное развитие педагогов и адаптация международного опыта к национальным условиям. Информационную базу исследования составляют официальные документы, материалы Министерства просвещения Кыргызской Республики, Кыргызской академии образования, ЮНИСЕФ, ОЭСР и материалы международного исследования PISA. Установлено, что переход на 12-летнюю модель требует обновления образовательных стандартов, программ, учебников, методов преподавания и механизмов управления. Результативность реформы зависит от подготовки педагогических кадров, учебно-методического обеспечения, инфраструктуры и обратной связи с педагогами. Обоснована необходимость регулярного мониторинга образовательных результатов и поэтапной корректировки реформы.

Abstract: This article examines the transformation of school education in the Kyrgyz Republic in the context of the transition to a 12-year education model. It analyses the legal and regulatory foundations, curricular and organizational objectives, expected benefits, and major risks of the reform. The theoretical framework draws on competency-based education, teacher professional development, and the adaptation of international experience to national conditions. The study is based on official documents, materials from the Ministry of Education of the Kyrgyz Republic, the Kyrgyz Academy of Education, UNICEF, OECD, and materials related to the international PISA assessment. The findings indicate that the transition to a 12-year education model requires comprehensive updates to educational standards, curricula, textbooks, teaching methods, and governance mechanisms. The effectiveness of the reform depends on teacher preparedness, teaching and learning resources, infrastructure, and feedback from educators. The article emphasizes the need for continuous monitoring of educational outcomes and the gradual improvement of reform implementation.

Zusammenfassung: Der Artikel untersucht den Wandel des Schulbildungssystems der Kirgisischen Republik im Zusammenhang mit dem Übergang zu einem zwölfjährigen Bildungsmodell. Analysiert werden die rechtlichen und normativen Grundlagen, die inhaltlichen und organisatorischen Aufgaben, die erwarteten Vorteile sowie die wesentlichen Risiken der Reform. Die theoretische Grundlage bilden der kompetenzorientierte Bildungsansatz, die berufliche Weiterentwicklung der Lehrkräfte und die Anpassung internationaler Erfahrungen an nationale Bedingungen. Die Untersuchung stützt sich auf offizielle Dokumente, Materialien des Bildungsministeriums der Kirgisischen Republik, der Kirgisischen Bildungsakademie, von UNICEF und der OECD sowie auf Materialien der internationalen PISA-Studie. Die Ergebnisse zeigen, dass der Übergang zum zwölfjährigen Schulmodell eine umfassende Erneuerung der Bildungsstandards, Lehrpläne, Schulbücher, Unterrichtsmethoden und Steuerungsmechanismen erfordert. Die Wirksamkeit der Reform hängt von der Qualifikation der Lehrkräfte, der Bereitstellung von Lehr- und Lernmaterialien, der schulischen Infrastruktur sowie der Rückmeldung durch die Lehrkräfte ab. Die Notwendigkeit einer kontinuierlichen Überwachung der Bildungsergebnisse und einer schrittweisen Verbesserung der Reformumsetzung wird hervorgehoben.

Негизги сөздөр: 12 жылдык билим берүү; мектеп реформасы; Кыргыз Республикасы; билим берүү саясаты; компетенттүүлүккө багытталган мамиле; билим берүүнүн сапаты; педагогикалык кадрларды даярдоо; билим берүү стандарттары; PISA; адамдык капитал.

Ключевые слова: 12-летнее образование; школьная реформа; Кыргызская Республика; образовательная политика; компетентностный подход; качество образования; подготовка педагогических кадров; образовательные стандарты; PISA; человеческий капитал.

Keywords: 12-year education; school reform; Kyrgyz Republic; education policy; competency-based education; quality of education; teacher professional development; educational standards; PISA; human capital.

Schlüsselwörter: zwölfjährige Schulbildung; Schulreform; Kirgisische Republik; Bildungspolitik; kompetenzorientierter Ansatz; Bildungsqualität; berufliche Weiterbildung der Lehrkräfte; Bildungsstandards; PISA; Humankapital.

1. Einleitung. Die moderne Schulbildung entwickelt sich unter dem Einfluss der Digitalisierung, des Wandels der Beschäftigungsstruktur und steigender Anforderungen an berufliche und soziale Kompetenzen. Daher muss die Schule neben der Wissensvermittlung kritisches Denken, Informationsanalyse, Problemlösung und selbstständiges Lernen fördern.

Diese Anforderungen führen weltweit zur Erneuerung der Bildungsinhalte, zur Einführung kompetenzbasierter Ansätze und zur Verbesserung der Leistungsbewertung. Erfolgreiche Reformen setzen dabei abgestimmte Maßnahmen auf staatlicher, institutioneller und pädagogischer Ebene voraus.

In der Kirgisischen Republik bildet der Übergang zum 12-jährigen Schulmodell eine zentrale Richtung der Bildungsmodernisierung. Grundlage ist das durch Beschluss des Ministerkabinetts vom 30. Oktober 2024 Nr. 654 bestätigte Konzept [1]. Die Reform umfasst die Erneuerung von Bildungsstandards, Lehrplänen, Lehrmaterialien und der Ausbildung von Lehrkräften.

Der Übergang bedeutet nicht nur eine Verlängerung der Schulzeit, sondern auch eine Neugestaltung der Bildungsinhalte, die Sicherung der Kontinuität zwischen Bildungsstufen und die Entwicklung funktionaler Grundbildung. Gleichzeitig bestehen Herausforderungen hinsichtlich der Lehrkräftequalifikation, der Schulbuchversorgung, der digitalen Ausstattung, der Infrastruktur und regionaler Unterschiede.

Vor diesem Hintergrund ist eine wissenschaftliche Analyse der Reform unter Berücksichtigung nationaler Bedingungen und einheimischer sowie ausländischer Forschung erforderlich.

Ziel der Untersuchung ist es, die Voraussetzungen, Möglichkeiten und Risiken des Übergangs zum 12-jährigen Schulmodell in Kirgisistan zu analysieren und Bedingungen für eine wirksame Umsetzung zu bestimmen.

Daraus ergeben sich folgende Forschungsaufgaben: Die normativ-rechtlichen Grundlagen der Reform zu analysieren; Wissenschaftliche Ansätze kirgisischer und ausländischer Autoren zu untersuchen; Den Zusammenhang zwischen Bildungsinhalten, Lehrkräftequalifikation und Bildungsergebnissen zu bestimmen; Zentrale Risiken der Reform zu systematisieren;

Die wissenschaftliche Bedeutung liegt in der Systematisierung der Faktoren, die den Erfolg der Reform beeinflussen. Die praktische Bedeutung besteht in der möglichen Nutzung der Ergebnisse für die Bildungsplanung, die Lehrkräftequalifizierung und die Steuerung schulischer Reformprozesse.

2. Überblick über die wissenschaftliche Literatur

2.1. Forschungen kirgisischer Autoren zu Problemen der Reformierung der Schulbildung. Die Analyse kirgisischer und ausländischer Forschungsarbeiten bildet die theoretische Grundlage für die Untersuchung des Übergangs der Kirgisischen Republik zum 12-jährigen Schulmodell. Ziel der vorliegenden Studie ist es, die wissenschaftlichen Grundlagen der Reform zu analysieren, ihre zentralen Herausforderungen zu identifizieren und die Bedingungen für eine erfolgreiche Umsetzung zu bestimmen.

In den Arbeiten von K. D. Dobajew und E. A. Supatajewa werden Fragen der Reformierung des kirgisischen Bildungssystems und der Erneuerung der Bildungsinhalte behandelt [2; 3]. Diese Ansätze sind

für die vorliegende Untersuchung relevant, da sie ermöglichen, den Übergang zum 12-jährigen Modell nicht nur als Veränderung der Bildungsdauer, sondern als umfassenden Prozess der curricularen und pädagogischen Modernisierung zu betrachten.

Die Arbeiten von S. K. Kaldybajew und seinen Mitautorinnen und Mitautoren ergänzen diese Perspektive durch die Auseinandersetzung mit der Entwicklung und Umsetzung neuer Bildungsinhalte [4; 5]. Daraus ergibt sich für die vorliegende Studie die Notwendigkeit zu untersuchen, inwieweit Lehrpläne, Unterrichtsmethoden und Kompetenzanforderungen an die neue Schulstruktur angepasst werden müssen.

Weitere Untersuchungen zu den Herausforderungen der Schulbildung in Kirgisistan lenken die Aufmerksamkeit auf organisatorische, methodische und personelle Voraussetzungen der Reform [6; 7]. Diese Aspekte stehen in direktem Zusammenhang mit dem Forschungsziel, da die Umsetzung des 12-jährigen Modells von der Qualifikation der Lehrkräfte, der Verfügbarkeit von Lehrmaterialien und den regional unterschiedlichen Ressourcen der Schulen abhängt.

Trotz der Bedeutung dieser Forschungsansätze bleibt es notwendig, die spezifischen Herausforderungen des aktuellen Übergangs systematisch zu untersuchen. Die vorliegende Studie konzentriert sich deshalb auf die Verbindung zwischen den bildungspolitischen Zielsetzungen, den institutionellen Voraussetzungen und den praktischen Umsetzungsmöglichkeiten der Reform.

2.2. Ausländische Forschungen zu Bildungsreformen. Ausländische Forschungsergebnisse ermöglichen es, die kirgisischen Reformprozesse in einen breiteren theoretischen Kontext einzuordnen. A. J. DeYoung untersucht das Zusammenwirken internationaler Bildungsinitiativen, nationaler Institutionen und bildungspolitischer Akteure in Kirgisistan [8]. Seine Arbeit dient der vorliegenden Studie als Grundlage für die Analyse des Einflusses nationaler und institutioneller Rahmenbedingungen auf die Umsetzung von Bildungsreformen.

M. Fullan betrachtet Bildungsreformen als systemische Veränderungsprozesse, deren Erfolg von der Abstimmung zwischen Bildungszielen, Organisationsentwicklung und professioneller Unterstützung der Lehrkräfte abhängt [9]. Dieser Ansatz wird in der vorliegenden Untersuchung genutzt, um die Einführung des 12-jährigen Schulmodells als komplexen Reformprozess zu analysieren.

L. Darling-Hammond, M. E. Hyler und M. Gardner betonen die Bedeutung praxisorientierter Lehrerfortbildung, kollegialer Zusammenarbeit und kontinuierlicher Rückmeldung [10]. Diese Erkenntnisse sind für die Untersuchung relevant, weil die erfolgreiche Umsetzung neuer Bildungsstandards entsprechende Kompetenzen der Lehrkräfte voraussetzt. Ergänzend bieten die Analysen der OECD Anhaltspunkte zur Bewertung der Unterrichtsqualität und der beruflichen Entwicklung von Lehrkräften [11].

Die Auswertung der genannten Arbeiten ermöglicht es, drei zentrale Untersuchungsbereiche abzuleiten: die Anpassung der Bildungsinhalte, die professionelle Vorbereitung der Lehrkräfte und die institutionellen Voraussetzungen der Reform. Auf dieser Grundlage untersucht die vorliegende Studie die wesentlichen Herausforderungen des Übergangs zum 12-jährigen Schulmodell in Kirgisistan und formuliert Schlussfolgerungen zur Verbesserung seiner Umsetzung.

Damit wird die bestehende Literatur nicht nur zusammengefasst, sondern gezielt zur Begründung des Forschungsziels und zur Bestimmung der analytischen Schwerpunkte der Untersuchung herangezogen.

2.3. Kompetenzbasierter Ansatz und funktionale Grundbildung. Der kompetenzbasierte Ansatz orientiert sich nicht nur an der Vermittlung von Wissen, sondern vor allem an dessen praktischer Anwendung. Lernende sollen Informationen analysieren, Probleme lösen und begründete Schlussfolgerungen ziehen können.

Im Sprachunterricht umfasst dies das Textverständnis und die kommunikative Kompetenz, in der Mathematik die Interpretation von Daten und die Lösung praktischer Aufgaben, in den Naturwissenschaften die Analyse von Beobachtungen und die Begründung von Ergebnissen.

Das internationale Programm PISA bewertet Lese-, Mathematik- und Naturwissenschaftskompetenzen und ermöglicht den Vergleich von Bildungssystemen [12]. Seine Ergebnisse müssen jedoch unter Berücksichtigung sozioökonomischer Bedingungen, des sprachlichen Umfelds und der verfügbaren Bildungsressourcen interpretiert werden.

Da Untersuchungen vor der vollständigen Einführung der Reform deren Wirksamkeit nicht unmittelbar belegen können, sind langfristige Vergleiche und nationale Leistungserhebungen erforderlich. Funktionale Grundbildung sollte daher ein zentrales Ziel der Reform und Bestandteil eines systematischen Bildungsmonitorings sein.

3. Methodologie der Untersuchung. Die Untersuchung analysiert den Übergang der Kirgisischen Republik zum 12-jährigen Schulbildungsmodell. Grundlage sind normative Dokumente, Materialien des Bildungsministeriums und der Kirgisischen Akademie für Bildung, wissenschaftliche Arbeiten sowie Publikationen internationaler Organisationen.

Angewandte Methoden: - normativ-rechtliche Analyse der Ziele und Schwerpunkte der Reform [1; 13; 14]; - Literaturanalyse zu theoretischen Ansätzen, Lehrerfortbildung und Erneuerung der Bildungsinhalte [2–10]; - vergleichende Analyse nationaler Reformansätze und internationaler Erfahrungen [11; 12; 15; 16]; - Systematisierung und Verallgemeinerung zur Identifizierung und Klassifizierung personeller, methodischer, infrastruktureller, organisatorischer und sozialer Risiken sowie zur Formulierung von Empfehlungen.

Die Untersuchung ist analytisch angelegt; eigene repräsentative Befragungen, Experimente oder Langzeitbeobachtungen fehlen. Die Ergebnisse beruhen daher auf der Auswertung von Dokumenten und Literatur und erlauben keine unmittelbare kausale Bewertung der Reformwirksamkeit. Für eine vertiefte Bewertung sind weitere empirische Studien zu Bildungsqualität, Unterrichtspraxis und regionalen Unterschieden erforderlich.

4. Ergebnisse der Untersuchung und ihre Diskussion

4.1. Hauptrichtungen des Übergangs zum 12-jährigen Modell. Die Analyse normativer Dokumente zeigt, dass der Übergang zur 12-jährigen Schulbildung eine umfassende Erneuerung der Organisation des Lernens vorsieht. Die Hauptrichtungen der Reform sind mit der Überarbeitung der Struktur der Schulbildung, der Entwicklung von Bildungsstandards, der Erneuerung von Lehrplänen und der Verbesserung der Lehr- und Methodenversorgung verbunden [1; 5; 17; 18].

Eine der grundlegenden Fragen ist die Sicherung der Kontinuität zwischen den Bildungsstufen. Die Veränderung der Dauer der Schulbildung erfordert eine Abstimmung der Inhalte der Unterrichtsfächer, der Abfolge der Kompetenzbildung und der Altersangemessenheit des Unterrichtsmaterials.

Wenn die Veränderungen auf eine Umverteilung von Unterrichtsthemen ohne Überarbeitung der Unterrichtsmethodik reduziert werden, können die erwarteten Bildungsergebnisse möglicherweise nicht erreicht werden. Im Gegenteil ermöglicht eine abgestimmte Erneuerung der Programme, Wissen schrittweise zu bilden, es in praktischer Tätigkeit zu festigen und die Fähigkeit zur Anwendung der erhaltenen Informationen zu entwickeln.

In diesem Zusammenhang kommt der Abstimmung dreier Elemente besondere Bedeutung zu: der geplanten Bildungsergebnisse, der Inhalte der Lehrmaterialien und des Bewertungssystems.

Wenn beispielsweise der staatliche Standard die Entwicklung kritischen Denkens vorsieht, die Kontrollaufgaben aber überwiegend das Erinnern von Definitionen prüfen, entsteht eine Diskrepanz zwischen Bildungszielen und tatsächlicher Praxis. Daher muss die Erneuerung der Standards von einer Überarbeitung der Aufgaben, der Formen der Rückmeldung und der Bewertungskriterien begleitet werden.

4.2. Personelle Ausstattung und berufliche Bereitschaft der Lehrkräfte. Die berufliche Bereitschaft der Lehrkräfte ist einer der bedeutendsten Faktoren für die erfolgreiche Einführung einer Bildungsreform.

Der Übergang zu erneuerten Programmen setzt die Beherrschung moderner Unterrichtsmethoden, formativen Assessments, der Differenzierung von Aufgaben und von Verfahren zur Organisation aktiver kognitiver Tätigkeit der Schülerinnen und Schüler voraus.

Dabei müssen Lehrkräfte nicht nur die neuen Anforderungen verstehen, sondern sie auch unter den Bedingungen einer konkreten Schule anwenden können. Die Lehrkraft muss die Möglichkeit haben, Aufgaben an das Vorbereitungsniveau der Schülerinnen und Schüler anzupassen, verschiedene Bildungsbedürfnisse zu berücksichtigen und konstruktive Rückmeldung zu geben.

Im Einklang mit dem Ansatz von M. Fullan setzt die nachhaltige Einführung von Veränderungen eine Kombination aus Managementunterstützung und beruflicher Weiterbildung der Beteiligten am Bildungsprozess voraus [9]. L. Darling-Hammond und ihre Koautoren betonen ebenfalls, dass eine wirksame Qualifizierung mit der praktischen Ausrichtung des Lernens und der anschließenden Begleitung der Lehrkräfte verbunden ist [10].

Daraus folgt, dass die berufliche Entwicklung von Lehrkräften in Kirgisistan als kontinuierlicher Prozess organisiert werden sollte, der Folgendes umfasst: Kurzzeitige Kurse zu neuen Bildungsstandards: Praktische Übungen zur Entwicklung von Unterrichtsstunden und Bewertungsmaterialien; Mentoring und Beratung durch erfahrene Lehrkräfte; Gemeinsame Planung von Unterrichtsstunden; Gegenseitige Unterrichtsbesuche und Analyse pädagogischer Praktiken; Diskussion der Ergebnisse der Diagnostik von Schülerinnen und Schülern.

Besondere Aufmerksamkeit muss Lehrkräften in ländlichen und abgelegenen Schulen gelten, die möglicherweise eingeschränkten Zugang zu methodischen Veranstaltungen und professionellen Gemeinschaften haben.

Bei der Bewertung der personellen Ausstattung ist es wichtig, zwischen der Anzahl der Lehrkräfte, die eine Weiterbildung absolviert haben, und den realen Veränderungen in ihrer beruflichen Tätigkeit zu unterscheiden. Der erste Indikator spiegelt die Abdeckung durch die Vorbereitung wider, der zweite erfordert zusätzliche Daten zur Anwendung neuer Methoden, zur Qualität des Unterrichts und zu den Bildungsergebnissen der Schülerinnen und Schüler.

4.3. Lehr- und Methodenversorgung sowie schulische Infrastruktur. Die Erneuerung der Bildungsinhalte erfordert die rechtzeitige Versorgung der Schulen mit Schulbüchern, Arbeitsheften, methodischen Empfehlungen und digitalen Materialien.

Eine unzureichende Versorgung mit Lehrmaterialien kann die Umsetzung neuer Programme erschweren und die Belastung der Lehrkräfte erhöhen. Wenn die Lehrkraft gezwungen ist, Materialien selbst auszuwählen oder fehlende Schulbücher zu kompensieren, verringert sich die Zeit für die Unterrichtsplanung, die individuelle Arbeit und die Analyse der Ergebnisse der Schülerinnen und Schüler.

Nicht weniger wichtig ist der Zustand der schulischen Infrastruktur. Praxisorientiertes Lernen setzt geeignete Räume, Unterrichtsausrüstung und Möglichkeiten zur Organisation von Gruppenarbeit voraus.

In den naturwissenschaftlichen Fächern begrenzt das Fehlen von Laborausrüstung die Durchführung von Experimenten. Im digitalen Lernen erschweren eine unzureichende Internetgeschwindigkeit oder ein Mangel an Geräten die Nutzung elektronischer Ressourcen. In der inklusiven Bildung sind die physische Zugänglichkeit von Gebäuden und das Vorhandensein notwendiger Unterstützungsmittel von wesentlicher Bedeutung.

In diesem Zusammenhang muss die Verteilung der Ressourcen unter Berücksichtigung der realen Bedürfnisse der Bildungseinrichtungen erfolgen. Einheitliche Maßnahmen ohne Analyse der lokalen Bedingungen können dazu führen, dass Schulen mit den ausgeprägtesten Schwierigkeiten keine ausreichende Unterstützung erhalten.

Zur Verbesserung des Versorgungssystems ist es zweckmäßig, regelmäßig Informationen über das Vorhandensein von Schulbüchern, den Zustand der Räume, den Internetzugang, die Ausstattung der Fachräume und den Personalbedarf zu erheben. Diese Daten sollten bei der Planung der Haushaltsausgaben und der Bestimmung von Unterstützungsprioritäten genutzt werden [13; 19].

4.4. Regionale Ungleichheit und gleicher Zugang zu hochwertiger Bildung. Eines der wesentlichen Probleme bei der Umsetzung der Reform ist die ungleiche Ausstattung der Bildungseinrichtungen.

Unterschiede zwischen Schulen können sich in der personellen Zusammensetzung, den materiell-technischen Bedingungen, dem Zugang zu digitalen Ressourcen und den Möglichkeiten zusätzlicher methodischer Unterstützung zeigen. Infolgedessen können gleiche Anforderungen an Bildungsergebnisse an Schulen gestellt werden, die über erheblich unterschiedliche Möglichkeiten zu deren Erreichung verfügen.

Für die Kirgisische Republik hat dieses Problem aufgrund territorialer und sozioökonomischer Unterschiede besondere Bedeutung.

Die Gewährleistung gleichen Zugangs zu hochwertiger Bildung setzt nicht nur das formale Vorhandensein von Schulen voraus, sondern auch die Schaffung von Bedingungen, die es den Lernenden ermöglichen, Bildungsprogramme unabhängig vom Wohnort und von individuellen Besonderheiten zu bewältigen.

Der Ansatz der UNESCO zur inklusiven Bildung ist auf die Identifizierung und Beseitigung von Barrieren ausgerichtet, die der vollwertigen Teilnahme von Kindern am Bildungsprozess entgegenstehen [20; 21]. Auf die Reform bezogen bedeutet dies, die Bedürfnisse von Schülerinnen und Schülern mit Behinderungen, von Kindern mit Lernschwierigkeiten und von Kindern, die zusätzliche sprachliche oder sozialpädagogische Unterstützung benötigen, zu berücksichtigen.

Somit muss der Übergang zum 12-jährigen Modell von der Entwicklung gezielter Unterstützungsmechanismen für Schulen begleitet werden. Vorrangige Bedeutung haben die Verfügbarkeit von Lehrmaterialien, die professionelle Unterstützung von Lehrkräften, die Verbesserung der Infrastruktur und die Erweiterung der Möglichkeiten zur Individualisierung des Lernens.

4.5. Digitalisierung und internationale Zusammenarbeit. Digitale Technologien erweitern den Zugang zu Bildungsressourcen, erleichtern die Rückmeldung und fördern den Erfahrungsaustausch zwischen Lehrkräften. Ihre Wirksamkeit hängt jedoch von der Qualität der Inhalte, der Internetverbindung, der technischen Ausstattung und den digitalen Kompetenzen der Lehrkräfte ab. Um bestehende Bildungsungleichheiten nicht zu verstärken, sollten digitale Angebote durch gedruckte Materialien ergänzt werden.

Internationale Kooperationen unterstützen die Lehrkräftefortbildung, die Entwicklung von Lehrmaterialien und die Einführung inklusiver Ansätze [22]. Ihre Nachhaltigkeit setzt voraus, dass Projektergebnisse in das nationale Bildungssystem integriert werden und sprachliche sowie kulturelle Besonderheiten Kirgisistans berücksichtigen.

4.6. Monitoring der Bildungsqualität und Bewertung der Reform. Die Wirksamkeit des Übergangs zum 12-jährigen Schulmodell erfordert ein systematisches Monitoring der Bildungsergebnisse. Internationale Studien, darunter PISA, bieten wichtige Ansätze zur Bewertung der Lese-, Mathematik- und Naturwissenschaftskompetenz [12; 23]. Diese sollten durch nationale Diagnostik ergänzt werden, die regionale Bedingungen und Unterrichtssprachen berücksichtigt.

Das Monitoring sollte fünf Bereiche erfassen:

- Lernergebnisse: Lese-, Mathematik- und Naturwissenschaftskompetenz;
- Personal: Qualifikation und Fortbildung der Lehrkräfte;
- Ressourcen: Schulbücher, Ausstattung und digitale Materialien;
- Bildungsgleichheit: Unterschiede zwischen Regionen und Lerngruppen;
- Reformumsetzung: Einhaltung der Zeitpläne und Anpassung der Bildungsprogramme.

Die Ergebnisse sollen nicht nur der Berichterstattung dienen, sondern gezielte Unterstützungsmaßnahmen ermöglichen. Langfristige Vergleiche sind notwendig, um Veränderungen der Bildungsqualität zu bewerten und weitere Einflussfaktoren wie Infrastruktur und sozioökonomische Bedingungen zu berücksichtigen.

4.7. Hauptrisiken des Übergangs zum 12-jährigen Modell. Die Analyse der Literatur und normativer Materialien ermöglicht die Identifizierung von fünf zentralen Risikogruppen:

1. Personelle Risiken: unzureichende Vorbereitung der Lehrkräfte auf neue Standards und kompetenzorientierten Unterricht.
2. Methodische Risiken: fehlende Abstimmung zwischen Lehrplänen, Schulbüchern und Bewertungsverfahren.
3. Infrastrukturelle Risiken: ungleiche Ausstattung der Schulen und eingeschränkter Zugang zu digitalen Ressourcen.

4. Managementrisiken: unzureichende Koordination zwischen Verwaltungsebenen und schwache Rückmeldungsmechanismen.

5. Soziale Risiken: unzureichende Information von Eltern, Lernenden und Lehrkräften über die Reformziele.

Diese Risiken beeinflussen sich gegenseitig. Daher erfordert eine erfolgreiche Reform die koordinierte Verbesserung der Ressourcenausstattung, der Lehrerfortbildung, der Kommunikation und des Bildungsmonitorings.

5. Schlussfolgerungen und Empfehlungen. Die Untersuchung zeigt, dass der Übergang der Kirgisischen Republik zum 12-jährigen Schulmodell eine systemische Reform darstellt. Ihr Erfolg hängt von der Abstimmung der Bildungsinhalte, der Qualifikation der Lehrkräfte, der Bewertungssysteme und der schulischen Infrastruktur ab. Eine Verlängerung der Schulbildungsdauer allein garantiert keine Verbesserung der Bildungsqualität.

Zu den zentralen Herausforderungen zählen die ungleiche Ressourcenausstattung und der Fortbildungsbedarf der Lehrkräfte. In 577 von 1.534 Schulen besteht ein Defizit von insgesamt etwa 163.000 Schulplätzen. Dieser Befund unterstreicht die Notwendigkeit einer langfristigen Infrastrukturplanung. Die Forschungsansätze von M. Fullan und L. Darling-Hammond mit Koautoren betonen zudem die Bedeutung systemischer Reformsteuerung und kontinuierlicher Lehrerfortbildung.

Daraus ergeben sich folgende Empfehlungen:

1. Monitoring stärken: Lernleistungen regelmäßig erfassen und regionale Unterschiede analysieren.

2. Lehrkräfte qualifizieren: Praxisorientierte Fortbildungen, Mentoring und kollegialen Austausch ausbauen.

3. Bildungsinhalte abstimmen: Standards, Lehrpläne, Schulbücher und Bewertungsverfahren koordinieren.

4. Ressourcen bedarfsgerecht verteilen: Schulplätze, Lehrmittel und digitale Ausstattung verbessern.

5. Inklusion fördern: Barrierefreie Lernumgebungen und individuelle Unterstützung gewährleisten.

6. Reform evaluieren: Lernfortschritte und Unterrichtsqualität langfristig untersuchen.

Weitere empirische Studien mit Befragungen von Lehrkräften und Schulleitungen sowie Unterrichtsbeobachtungen in städtischen und ländlichen Schulen sollten die tatsächlichen Auswirkungen der Reform überprüfen.

Zusammenfassend hängt der Erfolg des 12-jährigen Schulmodells von der Qualität seiner Umsetzung, der kontinuierlichen Lehrerqualifizierung, einer angemessenen Ressourcenausstattung und einer datengestützten Bewertung der Bildungsergebnisse ab.

Literaturverzeichnis

1. Кыргызская Республика. Кабинет Министров. Об утверждении Концепции перехода на двенадцатилетнее школьное образование в Кыргызской Республике : постановление от 30 октября 2024 года № 654 [Электронный ресурс]. – URL: https://prg.kz/continent/document/?doc_id=36956054 (дата обращения: 16.10.2026).

2. Супатаева Э. А., Добаев К. Д. Школьное образование Кыргызстана в эпоху глобализации // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2019. – Спецвыпуск. – С. 117–120. – ISSN 1694-7851. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42825084 (дата обращения: 16.10.2026).

3. Добаев К. Д., Супатаева Э. А. Азыркы мектеп. Ал кандай болушу керек? // Известия Кыргызской академии образования. – 2019. – № 2 (48). – С. 62–66. – ISSN 1694-8106. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41473045 (дата обращения: 16.10.2026).

4. Калдыбаев С. К., Шентурк С. Развитие содержания и структуры государственного образовательного стандарта школьного образования в Кыргызской Республике // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2016. – № 2 (32). – С. 10–17.
5. Калдыбаев С. К., Кадырова З. А. Обновление содержания школьного образования в Кыргызской Республике // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 12. – С. 171–175. – URL: https://expeducation.ru/ru/article/view?id=10922 (дата обращения: 16.10.2026).
6. Турусбекова А. Э., Суходубова Н. А. Школьное обучение в период модернизации образовательной системы Кыргызской Республики // Наука и образование: новое время. – 2024. – № 2. – URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/82795/view (дата обращения: 16.10.2026).
7. Самарбекова М. Ж. Кыргызстанда 12 жылдык мектеп модели: илимий негиздери, мүмкүнчүлүктөр жана тобокелдиктер // Электронный инновационный журнал. – 2026. – DOI: 10.65469/eijournal.2026.4.10. – URL: https://www.eijournal.ilimbilim.kg/index.php/eijournal/article/view/112 (дата обращения: 16.10.2026).
8. DeYoung A. J. Ownership of Education Reforms in the Kyrgyz Republic: Kto V Dome Hozyain? // European Educational Research Journal. – 2005. – Vol. 4, № 1. – P. 36–49. – DOI: 10.2304/eerj.2005.4.1.3.
9. Fullan M. The New Meaning of Educational Change. – 5th ed. – New York : Teachers College Press, 2016.
10. Darling-Hammond L., Hyler M. E., Gardner M. Effective Teacher Professional Development. – Palo Alto, CA : Learning Policy Institute, 2017. – URL: https://learningpolicyinstitute.org/product/effective-teacher-professional-development-report (дата обращения: 16.10.2026).
11. OECD. Education Policy Outlook 2024: Reshaping Teaching into a Thriving Profession from ABCs to AI. – Paris : OECD Publishing, 2024. – DOI: 10.1787/dd5140e4-en.
12. OECD. PISA 2025 Results (Volume I): Kyrgyzstan [Электронный ресурс]. – Paris : OECD Publishing, 2026. – 11 p. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/pisa-2025-results-volume-i-country-notes_2d4ff9ea-en/kyrgyzstan_858c393e-en.html (дата обращения: 16.10.2026).
13. Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики «Об образовании» от 11 августа 2023 года № 179 [Электронный ресурс]. – URL: https://edu.gov.kg/organizations/8/pages/287/ (дата обращения: 16.10.2026).
14. Кыргызская Республика. Программа развития образования в Кыргызской Республике на 2021–2040 годы : утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 4 мая 2021 года № 200 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cawater-info.net/pdf/kg-200-2021.pdf (дата обращения: 16.10.2026).
15. UNESCO. A Guide for Ensuring Inclusion and Equity in Education. – Paris : UNESCO, 2017. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248254 (дата обращения: 16.10.2026).
16. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and Education: All Means All. – Paris : UNESCO, 2020. – URL: https://www.unesco.org/gem-report/en/inclusion (дата обращения: 16.10.2026).
17. Министерство просвещения Кыргызской Республики. Материалы о программе «Алтын Казык» и переходе на 12-летнее школьное образование [Электронный ресурс]. – URL: https://edu.gov.kg/ (дата обращения: 16.10.2026).
18. Кыргызская Республика. Кабинет Министров. Об утверждении Государственного образовательного стандарта общего образования Кыргызской Республики : постановление от 14 марта 2025 года № 131 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.kg/ru/npa/s/4624 (дата обращения: 16.10.2026).
19. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Основные показатели образования в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://stat.gov.kg/ru/news/osnovnye-pokazateli-obrazovaniya-v-kyrgyzskoj-respublike/ (дата обращения: 16.10.2026).

20. UNICEF Kyrgyzstan. В Кыргызстане официально представлены обновлённые Государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ (дата обращения: 16.10.2026).
21. UNESCO International Institute for Educational Planning. Аналитические материалы по управлению школьными реформами и развитию образовательного менеджмента [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iiep.unesco.org/ (дата обращения: 16.10.2026).
22. UNICEF Kyrgyzstan. Официальные материалы о международных инициативах по повышению качества и инклюзивности образования в Кыргызстане [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ (дата обращения: 16.10.2026).
23. OECD. PISA: Programme for International Student Assessment [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/pisa/ (дата обращения: 16.10.2026).

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Уметов К. К.

УДК 371.3:004.8

Босумбаева Т.Р., Эдильбаева З.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Босумбаева Т.Р., Эдильбаева З.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Bosumbaeva T.R., Edilbaeva Z.B.
KNU Jusup Balasagyn

ИНКЛЮЗИВДҮҮ БИЛИМ БЕРҮҮДӨ ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТКЕ НЕГИЗДЕЛГЕН ЧАТ-БОТТОРДУ КОЛДОНУУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТОВ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ
USING AI-BASED CHATBOTS IN INCLUSIVE EDUCATION
EINSATZ KI-BASIERTER CHATBOTS IN DER INKLUSIVEN BILDUNG

Кыскача мүнөздөмө: Макалада инклюзивдүү жогорку билим берүүдө жасалма интеллектке негизделген чат-ботторду чет өлкөлүк студенттердин тилдик тоскоолдуктарын азайтуу каражаты катары колдонуунун педагогикалык мүмкүнчүлүктөрү каралат. Изилдөөнүн максаты – чат-ботторду окуу процессине киргизүүнүн шарттарын аныктоо жана методикалык моделди сунуштоо. Илимий адабияттарды талдоо, салыштыруу, системалаштыруу жана педагогикалык моделдөө ыкмалары колдонулду. Натыйжада максатты, мазмунду, этаптарды, окутуучу менен студенттердин иш-аракеттерин жана баалоо көрсөткүчтөрүн камтыган модель иштелип чыкты. Модель немис тилиндеги мисалдар менен толукталды. Эмпирикалык эксперимент жүргүзүлгөн жок; сунушталган модель кийинки изилдөөлөрдө текшерүүгө арналган.

Аннотация: В статье рассматриваются педагогические возможности применения чат-ботов на основе искусственного интеллекта в инклюзивном высшем образовании для снижения языковых барьеров иностранных студентов. Цель исследования – определить условия внедрения чат-ботов в образовательный процесс и предложить методическую модель. Использованы методы анализа научной литературы, сравнения, систематизации и педагогического моделирования. В результате разработана модель, включающая цель, содержание, этапы, действия преподавателя и студентов, а также показатели оценки. Модель дополнена примерами на немецком языке. Эмпирический эксперимент не проводился; предложенная модель предназначена для последующей проверки.

Abstract: The article examines the pedagogical potential of artificial intelligence-based chatbots in inclusive higher education for reducing language barriers faced by international students. The aim of the study is to identify the conditions for integrating chatbots into the educational process and to propose a

methodological model. The methods employed include scientific literature analysis, comparison, systematization, and pedagogical modelling. As a result, a model was developed that encompasses objectives, content, stages, teacher and student activities, and assessment indicators. The model is supplemented with examples in German. No empirical experiment was conducted; the proposed model is intended for subsequent evaluation.

Zusammenfassung: Der Artikel untersucht das pädagogische Potenzial KI-basierter Chatbots in der inklusiven Hochschulbildung zur Verringerung sprachlicher Barrieren für internationale Studierende. Ziel der Untersuchung ist es, die Bedingungen für die Integration von Chatbots in den Bildungsprozess zu bestimmen und ein methodisches Modell vorzuschlagen. Angewandt wurden die Methoden der wissenschaftlichen Literaturanalyse, des Vergleichs, der Systematisierung und der pädagogischen Modellierung. Als Ergebnis wurde ein Modell entwickelt, das Ziele, Inhalte, Phasen, Aktivitäten von Lehrenden und Studierenden sowie Bewertungskriterien umfasst. Das Modell wird durch Beispiele aus der deutschen Sprache ergänzt. Ein empirisches Experiment wurde nicht durchgeführt; das vorgeschlagene Modell ist für eine spätere Überprüfung vorgesehen.

Негизги сөздөр: инклюзивдүү билим берүү; жасалма интеллект; чат-бот; чет өлкөлүк студенттер; тилдик тоскоолдук; көп тилдүү билим берүү; академиялык ыңгайлашуу; санариптик педагогика; жогорку билим берүү.

Ключевые слова: инклюзивное образование; искусственный интеллект; чат-бот; иностранные студенты; языковой барьер; многоязычное образование; академическая адаптация; цифровая педагогика; высшее образование.

Keywords: inclusive education; artificial intelligence; chatbot; international students; language barrier; multilingual education; academic adaptation; digital pedagogy; higher education.

Schlüsselwörter: inklusive Bildung; künstliche Intelligenz; Chatbot; internationale Studierende; Sprachbarriere; mehrsprachige Bildung; akademische Anpassung; digitale Pädagogik; Hochschulbildung.

1. Einleitung. In der heutigen Hochschulbildung umfasst Inklusion nicht nur den Zugang zu Bildung, sondern auch die gleichberechtigte Teilnahme aller Studierenden am Lernprozess. Dabei spielen das Verständnis von Lehrinhalten, die akademische Kommunikation und die Berücksichtigung individueller Lernbedürfnisse eine zentrale Rolle. Besonders herausfordernd ist die akademische Anpassung in einem neuen sprachlichen und kulturellen Umfeld.

An den Hochschulen der Kirgisischen Republik gewinnt die Mehrsprachigkeit zunehmend an Bedeutung. Studierende arbeiten mit Lehrmaterialien in kirgisischer, russischer und englischer Sprache. Deutschsprachige Materialien können zusätzliche Schwierigkeiten verursachen, insbesondere beim Verständnis von Fachbegriffen, komplexen Aufgabenstellungen und wissenschaftlichen Texten.

Forschungen zur inklusiven Hochschulbildung in Kirgisistan betonen die Bedeutung rechtlicher, organisatorischer, technischer und methodischer Voraussetzungen [1, S. 153–171; 2, S. 133–136]. Auch die sprachliche Zugänglichkeit hängt davon ab, wie Lehrinhalte vermittelt, Fachbegriffe erklärt und Verständnisprobleme geklärt werden.

KI-gestützte Chatbots bieten Möglichkeiten, sprachliche Barrieren zu reduzieren. Sie können Fachbegriffe erläutern, Texte vereinfachen, Übersetzungen anbieten und zusätzliche Übungen erstellen. Ihre Antworten können jedoch fachliche oder sprachliche Fehler enthalten. Daher sollten Chatbots als ergänzende Lerninstrumente eingesetzt und ihre Ergebnisse kritisch überprüft werden.

Das zentrale Problem der Untersuchung besteht darin, die pädagogischen Bedingungen für einen verantwortungsvollen Einsatz von KI-Chatbots zur Verringerung sprachlicher Barrieren in der inklusiven Hochschulbildung zu bestimmen.

Ziel der Untersuchung ist die theoretische Entwicklung eines methodischen Modells zur sprachlichen Unterstützung von Studierenden mithilfe KI-gestützter Chatbots unter Berücksichtigung des mehrsprachigen Hochschulkontexts Kirgisistans.

Zur Erreichung dieses Ziels werden folgende Aufgaben bearbeitet: Sprachliche Zugänglichkeit in der inklusiven Hochschulbildung erläutern; Möglichkeiten und Grenzen KI-gestützter Chatbots untersuchen; Kirgisische und internationale Forschungsansätze zur inklusiven Bildung und digitalen Lernunterstützung analysieren; Komponenten und Bewertungsindikatoren eines methodischen Modells bestimmen.

Wissenschaftliche Neuheit. Die Arbeit entwickelt ein methodisches Modell, das inklusive Hochschulbildung, sprachliche Unterstützung und KI-gestützte Lernbegleitung verbindet. Es umfasst die Ermittlung individueller Lernbedürfnisse, die Erklärung von Fachbegriffen, die Unterstützung des Textverständnisses, selbstständige Übungen und die kritische Überprüfung KI-generierter Antworten.

Praktische Bedeutung. Das Modell kann Lehrenden bei der Vermittlung akademischer Terminologie, der Gestaltung ergänzender Lernaufgaben und der Organisation selbstständiger Lernphasen als Orientierung dienen.

Forschungsmethoden. Verwendet werden die Analyse wissenschaftlicher Literatur, der Vergleich und die Systematisierung theoretischer Ansätze, die Inhaltsanalyse sowie die pädagogische Modellierung. Deutschsprachige Beispiele dienen der Veranschaulichung möglicher Anwendungen.

2. Theoretisch-methodologische Grundlagen der Untersuchung

2.1. Sprachliche Zugänglichkeit als Bestandteil inklusiver Hochschulbildung

Inklusive Bildung zielt darauf ab, allen Studierenden unabhängig von ihren individuellen, sprachlichen, kulturellen und sozialen Voraussetzungen eine gleichberechtigte Teilnahme am Lernprozess zu ermöglichen. Sprachliche Zugänglichkeit umfasst dabei das Verständnis von Lehrinhalten, Fachbegriffen und Aufgabenstellungen sowie die aktive Beteiligung an akademischer Kommunikation.

Sprachliche Barrieren können beim Lesen wissenschaftlicher Texte, beim Verstehen von Prüfungsanforderungen, in der mündlichen Kommunikation und beim Verfassen schriftlicher Arbeiten auftreten. Besonders komplexe Satzstrukturen und Fachbegriffe erschweren das Verständnis deutschsprachiger Lehrmaterialien.

Solche Schwierigkeiten weisen nicht zwangsläufig auf fehlendes Fachwissen hin. Daher sollte sprachliche Zugänglichkeit durch verständliche Erklärungen, zusätzliche Beispiele und alternative Lernwege gefördert werden, ohne die fachlichen Anforderungen grundsätzlich zu reduzieren.

2.2. Fachsprachliche Besonderheiten deutschsprachiger Lehrmaterialien. Die deutsche Wissenschaftssprache ist durch komplexe Satzstrukturen, zusammengesetzte Fachbegriffe und abstrakte Formulierungen gekennzeichnet. Begriffe wie Bildung, Erziehung, Leistung, Kompetenz, Didaktik und Hausarbeit können je nach fachlichem Kontext unterschiedliche Bedeutungen haben.

Beispielsweise umfasst Bildung nicht nur den Wissenserwerb, sondern auch persönliche Entwicklung und Bildungsprozesse. Hausarbeit bezeichnet im Hochschulkontext meist eine schriftliche wissenschaftliche Arbeit.

Für die mehrsprachige Hochschulbildung ist es daher wichtig, Fachbegriffe nicht nur zu übersetzen, sondern anhand von Definitionen, Kontexten und Beispielen zu erklären. KI-Chatbots können diesen Prozess unterstützen, sofern ihre Erklärungen mit zuverlässigen Lehrmaterialien und Fachquellen überprüft werden.

2.3. Pädagogische Möglichkeiten und Grenzen KI-gestützter Chatbots. KI-gestützte Chatbots können individuelle Lernprozesse unterstützen, Rückmeldungen geben, Lernmaterialien anpassen und selbstständiges Lernen fördern. Ihr Einsatz muss jedoch an pädagogische Ziele gebunden sein und die Verantwortung der Lehrenden wahren [3].

In der Hochschulbildung helfen Chatbots bei der Beantwortung von Fragen, der Wiederholung von Lerninhalten und der selbstständigen Wissensaneignung [4]. Sie können Fachbegriffe vereinfachen, Texte zusammenfassen, Übersetzungen zwischen Deutsch, Kirgisisch, Russisch und Englisch anbieten sowie zusätzliche Übungen erstellen.

Allerdings können KI-Systeme fehlerhafte Definitionen, ungenaue Übersetzungen und fachlich unzutreffende Erklärungen liefern. Daher müssen ihre Antworten kritisch überprüft werden.

Die UNESCO betont einen menschenzentrierten KI-Einsatz, den Schutz personenbezogener Daten und die Orientierung an Bildungszielen [5]. Chatbots sollten deshalb pädagogisch begleitet und verantwortungsvoll eingesetzt werden.

3. Forschungsstand zur inklusiven Bildung und Digitalisierung in Kirgisistan. Die Entwicklung inklusiver Bildung in Kirgisistan ist mit der Schaffung geeigneter organisatorischer, methodischer und technischer Voraussetzungen verbunden. Dazu gehören die Zugänglichkeit von Bildungsangeboten, die Qualifizierung der Lehrenden, die Bereitstellung geeigneter Lernmaterialien und die Entwicklung unterstützender digitaler Lösungen.

Karabaeva und Mitautoren untersuchen rechtliche, sozialpädagogische, technische und finanzielle Faktoren der Umsetzung inklusiver Bildung im Hochschulbereich. Dabei wird die Bedeutung zugänglicher Bildungsbedingungen und adaptiver Technologien hervorgehoben [1, S. 153–171]. Danilova betont die Notwendigkeit geeigneter materiell-technischer und methodisch-didaktischer Voraussetzungen sowie einer entsprechenden Vorbereitung pädagogischer Fachkräfte [2, S. 133–136].

Diese Erkenntnisse sind für die Untersuchung sprachlicher Barrieren relevant, weil ein zugängliches Bildungsumfeld nicht allein durch die Bereitstellung von Lehrmaterialien entsteht. Entscheidend ist auch, ob Studierende diese Materialien verstehen, Fragen stellen und bei Bedarf zusätzliche Unterstützung erhalten können.

Kudaiberdieva G.K. und Isaeva G.R. befassen sich mit der Bereitschaft pädagogischer Fachkräfte, in einem inklusiven Bildungsumfeld zu arbeiten, und untersuchen Möglichkeiten, entsprechende Kompetenzen mithilfe eines Online-Kurses zu entwickeln [7, s. 67–77]. Ihre Untersuchung verweist auf die Bedeutung didaktischer Gestaltung, praktischer Aufgaben, interaktiver Lernformen und pädagogischer Begleitung bei der Nutzung digitaler Bildungsangebote.

Monueva M., Abdimalik kyzy J. und Esenbai uulu S. untersuchen Einsatzmöglichkeiten künstlicher Intelligenz im Bildungsbereich und deren Bedeutung für die Transformation von Lehr- und Lernprozessen [8, s. 105–110]. Arkabaev N. und Mamatova V. analysieren den Einfluss der Digitalisierung und künstlicher Intelligenz auf die Rolle der Lehrenden und die Anforderungen an ihre pädagogischen Kompetenzen [9, s. 49–56]. Japarov O.A. und Zholdoshov T.M. betrachten programmgestützte Lösungen, die Lernprozesse an individuelle Voraussetzungen und Leistungsstände anpassen können [10].

Die zusammenfassende Betrachtung dieser Forschungsansätze legt nahe, dass der Einsatz von KI-Chatbots in der inklusiven Hochschulbildung nicht isoliert als technische Maßnahme betrachtet werden sollte. Vielmehr sind drei miteinander verbundene Bedingungen zu berücksichtigen:

1. Bedarfsorientierung: Die sprachlichen, fachlichen und akademischen Lernbedürfnisse der Studierenden müssen ermittelt werden.
2. Pädagogische Begleitung: Die Lehrenden müssen Aufgaben auswählen, die Nutzung der Technologie anleiten und die Qualität der Ergebnisse überprüfen.
3. Zielgerichtete Technologieauswahl: Die Funktionen des Chatbots müssen zu den Lernzielen, den sprachlichen Voraussetzungen und den konkreten Anforderungen des Studienfachs passen.

Aus diesen Bedingungen ergibt sich die Grundlage für ein methodisches Modell, das die sprachliche Zugänglichkeit von Lehrmaterialien mit selbstständigem Lernen und pädagogischer Begleitung verbindet.

Die angeführten Forschungsarbeiten bilden den theoretischen Bezugsrahmen der vorliegenden Untersuchung. Sie belegen jedoch nicht unmittelbar die Wirksamkeit des hier vorgeschlagenen Modells. Dessen praktische Eignung muss deshalb in einer gesonderten empirischen Untersuchung überprüft werden.

4. Methodisches Modell für den Einsatz KI-gestützter Chatbots zur Verringerung sprachlicher Barrieren

4.1. Zielsetzung und Aufbau des Modells. Das vorgeschlagene methodische Modell verfolgt das Ziel, Studierende beim Verständnis akademischer Lehrmaterialien, beim Erwerb fachsprachlicher Kompetenzen und bei der selbstständigen Bearbeitung von Studienaufgaben zu unterstützen. Der Chatbot übernimmt dabei eine ergänzende Funktion. Die Auswahl der Lernziele, die fachliche Verantwortung und die pädagogische Bewertung verbleiben bei den Lehrenden.

Das Modell umfasst fünf miteinander verbundene Komponenten: Zielkomponente; diagnostische Komponente; inhaltliche Komponente; Handlungskomponente; Bewertungskomponente. Die Komponenten bilden einen zusammenhängenden Lernprozess. Zunächst werden die Lernziele und individuellen Bedürfnisse bestimmt. Anschließend werden geeignete Unterstützungsformen ausgewählt und in konkreten Lernaufgaben umgesetzt. Die Ergebnisse werden überprüft und bewertet; die Rückmeldungen dienen der Anpassung weiterer Lernangebote.

4.2. Zielkomponente. Die Zielkomponente umfasst die übergeordneten und konkreten Lernziele des Modells. Im Mittelpunkt stehen die Verbesserung des Verständnisses von Lehrmaterialien, die Aneignung akademischer Terminologie und die Verringerung sprachlich bedingter Schwierigkeiten bei der Bearbeitung von Studienaufgaben.

Daraus ergeben sich folgende Teilziele: die sprachlichen Bedürfnisse und die bevorzugten Lernsprachen der Studierenden berücksichtigen; komplexe Fachbegriffe verständlich erklären; Aufgabenstellungen sprachlich erschließen, ohne ihre fachlichen Anforderungen zu verändern; zusätzliche Beispiele und Fragen zur Selbstkontrolle bereitstellen; die Entwicklung akademischer Schreib- und Sprechfertigkeiten unterstützen; mehrsprachige Erklärungen anbieten und die fachlich angemessene Verwendung der Begriffe in der jeweiligen Studiensprache fördern; die Fähigkeit zur kritischen Überprüfung KI-generierter Antworten entwickeln.

Bei deutschsprachigen Lehrmaterialien kann die Zielkomponente beispielsweise auf das Verständnis von Begriffen wie *Bildung*, *Didaktik*, *Kompetenz*, *Leistung* und *Prüfungsordnung* ausgerichtet werden.

4.3. Inhaltliche Komponente. Die inhaltliche Komponente beschreibt die Lernaktivitäten, bei denen KI-Chatbots zur Unterstützung eingesetzt werden können. Sie umfasst fünf zentrale Bereiche.

1. Terminologische Unterstützung. Der Chatbot kann Fachbegriffe definieren, kontextabhängige Bedeutungen erläutern und Beispiele zur Verwendung bereitstellen. Bei Bedarf kann eine Erklärung in einer anderen Sprache angefordert werden.

Beispiele für deutschsprachige Lernaufgaben:

- Erklären Sie den Begriff *Kompetenz* im pädagogischen Kontext auf Kirgisisch.
- Was ist der Unterschied zwischen *Bildung* und *Erziehung*?
- Erklären Sie den Unterschied zwischen *formativer* und *summativer Bewertung* anhand von Beispielen.

Die Antworten müssen anschließend mit dem Lehrbuch, dem Skript oder anderen von den Lehrenden empfohlenen Quellen verglichen werden.

2. Mehrsprachige Erklärung und Übersetzung. Der Chatbot kann Übersetzungsvorschläge zwischen Deutsch, Kirgisisch, Russisch und Englisch bereitstellen. Dabei muss deutlich werden, dass nicht jeder Fachbegriff eine eindeutige Entsprechung in einer anderen Sprache besitzt.

Beispiele:

- Erklären Sie den Begriff *Hausarbeit* auf Kirgisisch und Russisch. Berücksichtigen Sie dabei den Hochschulkontext.
- Welche Bedeutungen kann das deutsche Wort *Leistung* haben?
- Übersetzen Sie *Prüfungsordnung* ins Russische und erklären Sie, welche Funktion dieses Dokument an einer Hochschule erfüllt.

Die Lernenden sollen nicht nur Übersetzungen übernehmen, sondern auch erkennen, in welchen Situationen eine bestimmte Entsprechung angemessen ist.

3. Unterstützung beim akademischen Schreiben. KI-Chatbots können bei der Planung schriftlicher Arbeiten, bei der Strukturierung von Absätzen und bei der Überarbeitung sprachlicher Formulierungen unterstützen. Sie können auf grammatische Fehler hinweisen und Vorschläge zur Verbesserung der Verständlichkeit unterbreiten.

Eine mögliche Aufgabenstellung lautet: *"Erklären Sie, wie eine Einleitung für eine wissenschaftliche Hausarbeit auf Deutsch aufgebaut ist, und nennen Sie typische sprachliche Mittel".*

Die Unterstützung soll dazu beitragen, die Schreibkompetenz der Studierenden zu entwickeln. Das vollständige Verfassen und ungeprüfte Übernehmen einer Studienarbeit durch den Chatbot entspricht

dagegen nicht dem Ziel des Modells. Die Studierenden müssen die Verantwortung für den Inhalt, die Quellenarbeit und die endgültige Fassung ihrer Texte behalten.

4. Selbstständiges Üben und Verständnisüberprüfung. Der Chatbot kann zusätzliche Fragen, kurze Übungen und Aufgaben zur Wiederholung von Fachtermini anbieten. Dadurch erhalten Studierende Gelegenheit, ihr Verständnis außerhalb des Unterrichts zu überprüfen.

Mögliche Aufgaben sind:

- Bilden Sie einen fachlich passenden Satz mit dem Wort *Kompetenz*.
- Erklären Sie den Begriff *Didaktik* mit eigenen Worten.
- Nennen Sie drei Beispiele für formative Bewertungsverfahren.
- Formulieren Sie zwei Fragen zum Verständnis des folgenden Absatzes.

Die Aufgaben sollten an das Sprachniveau und die fachlichen Lernziele angepasst werden. Die generierten Übungen sind von den Lehrenden stichprobenartig oder gezielt auf ihre Richtigkeit zu überprüfen.

4.4. Handlungskomponente. Die Handlungskomponente beschreibt die praktische Umsetzung des Modells in vier aufeinanderfolgenden Etappen.

Erste Etappe: Vorbereitung. Die Lehrenden legen die Lernziele, die zentralen Fachbegriffe und die geeigneten Lehrmaterialien fest. Außerdem bestimmen sie, welche Aufgaben mithilfe eines Chatbots bearbeitet werden können und welche Ergebnisse von den Studierenden erwartet werden.

Vor Beginn der Arbeit werden die Möglichkeiten und Grenzen des Systems erläutert. Die Studierenden erhalten Hinweise zur Überprüfung von Antworten, zur Kennzeichnung der KI-Nutzung und zum Schutz personenbezogener Daten. Es ist insbesondere darauf hinzuweisen, dass vertrauliche Informationen und personenbezogene Angaben nicht ohne entsprechende Berechtigung in externe KI-Systeme eingegeben werden dürfen.

Für deutschsprachige Lehrmaterialien können Lehrende ein kurzes mehrsprachiges Glossar mit zentralen Begriffen und ihren kirgisischen, russischen und englischen Entsprechungen erstellen. Dazu gehören beispielsweise Bildung (билим берүү, образование, education), Erziehung (тарбия, воспитание, upbringing), Kompetenz (компетенттүүлүк, компетентность, competence), Leistung (жетишкендик, достижение, achievement), Vorlesung (лекция, лекция, lecture), Seminar (семинар, семинар, seminar) und Prüfungsordnung (положение о порядке проведения экзаменов, examination regulations). Die Übersetzungen sollten stets im jeweiligen fachlichen und institutionellen Kontext überprüft werden.

Zweite Etappe: Gezielte Nutzung. Die Studierenden stellen dem Chatbot auf Grundlage der von den Lehrenden vorgegebenen Aufgaben gezielte Fragen. Die Fragen sollten klar formuliert sein, sich auf ein Lernziel beziehen und eine überprüfbare Antwort ermöglichen.

Beispiele:

- Erklären Sie den Begriff *Bildung* auf Kirgisisch und nennen Sie ein Beispiel aus dem Hochschulkontext.
- Was bedeutet *Prüfungsordnung*, und welche Informationen enthält ein solches Dokument?
- Gliedern Sie den folgenden deutschen Satz in kürzere Sätze, ohne seinen fachlichen Inhalt zu verändern.
- Nennen Sie ein Beispiel für formative Bewertung im Hochschulunterricht.

Die Studierenden sollen die erhaltenen Antworten nicht unmittelbar als gesichertes Wissen übernehmen, sondern sie als Ausgangspunkt für die Auseinandersetzung mit den Lernmaterialien nutzen. Die Lehrenden können bei Bedarf die Qualität der Fragen, den Inhalt der Antworten und die Art ihrer Verwendung besprechen.

Dritte Etappe: Überprüfung und Aneignung des Wissens. Die Studierenden vergleichen die Antworten des Chatbots mit einem Lehrbuch, Vorlesungsmaterial oder einer von den Lehrenden empfohlenen zuverlässigen Quelle. Anschließend erklären sie das Verstandene mit eigenen Worten oder bearbeiten eine kurze Aufgabe.

Beispielsweise fragt ein Studierender nach dem Unterschied zwischen *formativer Bewertung* und *summativer Bewertung*. Danach vergleicht er die Erklärung mit der Definition im Lehrmaterial und formuliert für jede Bewertungsform ein eigenes Beispiel.

Das Hauptziel dieser Etappe besteht nicht darin, die Antwort des Chatbots zu kopieren, sondern die erhaltenen Informationen zu verstehen, kritisch zu prüfen und selbstständig anzuwenden.

Vierte Etappe: Reflexion und Feedback. Am Ende der Lernphase halten die Studierenden fest, welche Begriffe sie besser verstanden haben, welche Fragen weiterhin Schwierigkeiten bereiten und inwiefern die Unterstützung durch den Chatbot hilfreich war.

Mögliche Reflexionsfragen sind:

- Welche deutschen Fachbegriffe waren für mich besonders schwierig?
- Welche Erklärung hat mir geholfen, den Text besser zu verstehen?
- Welche Antwort des Chatbots musste ich korrigieren oder ergänzen?
- Welche Fragen möchte ich mit der Lehrperson klären?

Die Lehrenden nutzen die Rückmeldungen, um die Inhalte und ergänzenden Aufgaben der folgenden Unterrichtseinheiten anzupassen.

5. Diskussion. Das vorgeschlagene methodische Modell verdeutlicht mehrere wichtige Aspekte der Sicherung sprachlicher Zugänglichkeit in der inklusiven Hochschulbildung.

Erstens ermöglichen KI-Chatbots den Studierenden, Lehrmaterialien in einer anderen, gegebenenfalls verständlicheren Form erneut zu erschließen. Die Erläuterung von Fachbegriffen, die Gliederung komplexer Sätze und die Bereitstellung zusätzlicher Beispiele können das selbstständige Lernen unterstützen. Die kontextbezogene Erklärung deutscher Begriffe wie *Prüfungsordnung* oder *Prüfungsleistung* kann beispielsweise dazu beitragen, akademische Aufgabenstellungen besser zu verstehen.

Zweitens ermöglicht der Einsatz von Chatbots eine stärker an den individuellen sprachlichen Bedürfnissen orientierte Unterstützung. Während ein Studierender eine Übersetzung benötigt, braucht ein anderer möglicherweise eine vereinfachte Erklärung eines komplexen Textes oder Hinweise zum akademischen Schreiben. Ein solcher Ansatz entspricht den Grundgedanken des Universal Design for Learning, das unterschiedliche Zugangswege zu Lerninhalten vorsieht [6].

Drittens verändert der Einsatz von Chatbots die Rolle der Lehrenden, hebt sie jedoch nicht auf. Die Lehrenden bestimmen die Lernziele, wählen geeignete Aufgaben aus, vermitteln Strategien zur Überprüfung der Zuverlässigkeit von Antworten und begleiten die Studierenden bei der Entwicklung selbstständiger Denk- und Lernfähigkeiten. Bei deutschsprachigen Materialien überprüfen sie außerdem die kontextgerechte Verwendung von Fachbegriffen und die Genauigkeit von Übersetzungen. Diese Fragen stehen im Zusammenhang mit den in kirgisischen Forschungsarbeiten diskutierten Veränderungen der Rolle und der Kompetenzen von Lehrenden im Zuge der Digitalisierung und des Einsatzes künstlicher Intelligenz [8, s. 105–110; 9, s. 49–56].

Viertens beschränkt sich die Einführung von Chatbots in die inklusive Bildung nicht auf die Bereitstellung einer technischen Lösung. Eine sinnvolle Anwendung setzt eine entsprechende pädagogische Vorbereitung, qualitativ hochwertige Lernmaterialien, geeignete Unterstützungsangebote und angemessene organisatorische Bedingungen voraus. Untersuchungen zur inklusiven Bildung in Kirgisistan verweisen ebenfalls auf die Bedeutung eines umfassenden Ansatzes zur Gestaltung zugänglicher Bildungsumgebungen [1, s. 153–171; 2, s. 133–136; 7, s. 67–77].

Fünftens veranschaulichen die deutschsprachigen Beispiele die praktische Bedeutung mehrsprachiger Lernunterstützung. Das Verständnis akademischer Terminologie kann Studierenden helfen, Aufgabenstellungen zu interpretieren, Vorlesungsinhalte zu erschließen und wissenschaftliche Schreibkompetenzen zu entwickeln. Dennoch müssen Übersetzungen und Erklärungen überprüft werden, da ein und derselbe Ausdruck in unterschiedlichen Fachgebieten verschiedene Bedeutungen annehmen kann.

Gleichzeitig ist zu berücksichtigen, dass das vorgeschlagene Modell bislang theoretischen Charakter besitzt. Zur Bestimmung seiner tatsächlichen Wirksamkeit ist eine empirische Untersuchung unter Beteiligung von Studierenden erforderlich. Dabei könnten Lerngruppen, die Chatbots verwenden, mit

Lerngruppen verglichen werden, die dieselben Aufgaben ohne Chatbot-Unterstützung bearbeiten. Zu untersuchen wären insbesondere das sprachliche Verständnis, die Aneignung fachsprachlicher Terminologie, die Qualität der Aufgabenbearbeitung und die akademische Anpassung.

Eine gesonderte Untersuchung anhand deutschsprachiger Materialien könnte dazu beitragen, die Möglichkeiten und Grenzen von Chatbots bei der mehrsprachigen Vermittlung akademischer Terminologie genauer zu bestimmen. Darüber hinaus wäre ein Vergleich der Antwortqualität in kirgisischer, russischer, englischer und deutscher Sprache ein sinnvoller Ansatz für zukünftige Forschungsarbeiten.

6. Schlussfolgerung. KI-gestützte Chatbots können in der inklusiven Hochschulbildung zur Verringerung sprachlicher Barrieren beitragen, indem sie komplexe Lehrmaterialien erklären, akademische Terminologie vermitteln, mehrsprachige Unterstützung bieten und selbstständiges Lernen fördern. Ihr pädagogischer Nutzen hängt von klaren Lernzielen, der methodischen Begleitung durch Lehrende und der Überprüfung generierter Antworten ab. Sie sind daher als Ergänzung, nicht als Ersatz für Lehrende zu verstehen.

Das entwickelte methodische Modell umfasst fünf Komponenten: Zielsetzung, Diagnostik, Inhalte, Handlung und Bewertung. Da die Arbeit theoretisch-konzeptionell angelegt ist, muss die praktische Wirksamkeit des Modells noch empirisch überprüft werden. Zukünftige Studien sollten insbesondere den Einfluss von Chatbots auf das Sprachverständnis, den Erwerb akademischer Terminologie und die Bewältigung von Studienaufgaben untersuchen.

Literaturverzeichnis

1. Karabalaeva G., Asipova N., Bayalieva A., Niyazova J., Karabalaev S. Inclusive Higher Education in Kyrgyzstan for People with Physical and Intellectual Disabilities // Journal of Intellectual Disability – Diagnosis and Treatment. – 2024. – Vol. 12, № 3. – P. 153–171. – DOI: 10.6000/2292-2598.2024.12.03.5.
2. Данилова Т. А. Проблемы организации инклюзивного образования в современных условиях Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2023. – Т. 23, № 6. – С. 133–136. – DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-6-133-136.
3. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education – Where Are the Educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2019. – Vol. 16. – Art. 39. – DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.
4. Okonkwo C. W., Ade-Ibijola A. Chatbots Applications in Education: A Systematic Review // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2021. – Vol. 2. – Art. 100033. – DOI: 10.1016/j.caeai.2021.100033.
5. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. – Paris : UNESCO, 2023. – 48 p.
6. CAST. Universal Design for Learning Guidelines. – Version 3.0. – 2024. – URL: https://udlguidelines.cast.org (дата обращения: 01.10.2026).
7. Кудайбердиева Г. К., Исаева Г. Р. Формирование готовности педагогов к работе в инклюзивной образовательной среде: анализ эффективности онлайн-курса повышения квалификации // Вестник Ошского государственного университета. Педагогика. Психология. – 2026. – № 1 (8). – С. 67–77. – DOI: 10.52754/16948742_1(8)_8-2026.
8. Монуева М., Абдималик кызы Ж., Эсенбай уулу С. Возможности искусственного интеллекта в образовании // Вестник Ошского государственного университета. Педагогика. Психология. – 2024. – № 2 (5). – С. 105–110. – DOI: 10.52754/16948742_2(5)_12-2024.
9. Аркабаев Н., Маматова В. Влияние искусственного интеллекта на роль преподавателя при трансформации педагогических компетенций в условиях цифровизации образования // Вестник Ошского государственного университета. Педагогика. Психология. – 2025. – № 1 (6). – С. 49–56. – DOI: 10.52754/16948742_1(6)_6-2025.

10. Жапаров Ө. А., Жолдошов Т. М. Роль искусственного интеллекта в индивидуализированном обучении: программные решения, адаптирующиеся к уровню учащегося // Открытый журнал евразийских исследований. – 2026. – DOI: 10.65469/eijournal.2026.3.11.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Уметов К.К.

УДК 37.016:78

Ван Цзи е
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ван Цзи е
КНУ имени Жусупа Баласагына
Wang Ji Ye
KNU Jusup Balasagyn

МУЗЫКАЛЫК БИЛИМ БЕРҮҮДӨГҮ ААЛАМДАШУУ ЖАНА КӨП МАДАНИЯТТУУ ИНТЕГРАЦИЯ ПРАКТИКАСЫН ИЗИЛДӨӨ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
RESEARCH ON THE PRACTICE OF GLOBALIZATION AND MULTICULTURAL INTEGRATION IN MUSIC EDUCATION

Кыскача мүнөздөмө: Макалада музыкалык билим берүүдөгү ааламдашуу жана көп маданияттуу интеграциянын практикалык абалы талданат. Ар түрдүү аймактардагы педагогдордун, студенттердин жана башка катышуучулардын арасында жүргүзүлгөн сурамжылоонун негизинде алардын бул процесстерди түшүнүү деңгээли, окутуу тажрыйбасы, билим берүү ресурстарын пайдалануу өзгөчөлүктөрү жана кездешкен кыйынчылыктары изилденет. Изилдөөнүн жыйынтыктары айрым музыкалык билим берүү мекемелеринде көп маданияттуулуктун элементтери окуу процессине киргизиле баштаганына карабастан, окуу мазмунунун системалуулугу, билим берүү ресурстарынын ар түрдүүлүгү жана педагогдордун кесиптик даярдыгы боюнча кемчиликтер дагы эле бар экенин көрсөтөт. Ааламдашуу шартында көп маданияттуу интеграцияны өнүктүрүү окуучулардын музыкалык сабаттуулугун жогорулатууга, дүйнө таанымын кеңейтүүгө жана маданияттар аралык түшүнүү жөндөмүн калыптандырууга өбөлгө түзөт. Бирок салттуу окутуу ыкмаларынын чектөөлөрү, ресурстардын жетишсиздиги жана педагогикалык мүмкүнчүлүктөрдүн чектелиши бул багыттын өнүгүшүнө тоскоол болууда. Сурамжылоонун жыйынтыктарына таянып, педагогдордун кесиптик даярдыгын өркүндөтүү, атайын окуу ресурстарын иштеп чыгуу жана эл аралык тажрыйба алмашуу платформаларын түзүү сунушталат. Бул чаралар музыкалык билим берүүнүн инновациялык жана туруктуу өнүгүшүнө, ошондой эле дүйнөлүк көз карашы кең, маданияттар аралык компетенттүүлүккө ээ музыка адистерин даярдоого багытталган.

Аннотация: В данном исследовании анализируется практическое состояние глобализации и мультикультурной интеграции в музыкальном образовании. На основе опросов, проведённых среди педагогов, студентов и других представителей различных регионов и групп, изучаются такие аспекты, как когнитивные процессы, методические практики, использование ресурсов и возникающие трудности. Исследование показывает, что, несмотря на включение некоторыми образовательными учреждениями элементов мультикультурного образования, по-прежнему существуют недостатки в системности учебного содержания, разнообразии учебных ресурсов и адаптивности профессиональных качеств преподавателей. Интеграция глобализации и мультикультурализма имеет важное значение для повышения музыкальной грамотности учащихся, в частности для расширения их кругозора и развития способности к межкультурному пониманию. Однако такие факторы, как традиционные ограничения, нехватка ресурсов и недостаток

педагогических возможностей, сдерживают дальнейшее развитие. На основании результатов исследования для содействия более эффективной интеграции мультикультурности в музыкальное образование в условиях глобализации рекомендуется усилить подготовку преподавателей, разработать специализированные учебные ресурсы и создать платформы международного обмена. Эти меры призваны способствовать инновационному и устойчивому развитию музыкального образования в процессе мультикультурной интеграции, делая его более соответствующим современным требованиям и содействуя подготовке музыкальных специалистов с глобальным видением и уважением к культурному многообразию.

Abstract: This article analyzes the current state of globalization and multicultural integration in music education. Based on surveys conducted among educators, students, and other participants from different regions and social groups, the study examines their understanding of these processes, teaching practices, use of educational resources, and challenges encountered. The findings indicate that although some educational institutions have begun incorporating multicultural elements into music education, shortcomings remain in the systematic organization of curriculum content, the diversity of educational resources, and teachers' professional preparation. The development of multicultural integration in the context of globalization contributes to improving students' musical literacy, broadening their perspectives, and fostering cross-cultural understanding. However, limitations of traditional teaching methods, insufficient resources, and constraints on teaching capacity continue to hinder further progress. Based on the survey findings, the study recommends improving teacher training, developing specialized educational resources, and establishing platforms for international exchange. These measures are intended to promote innovation and sustainable development in music education and to prepare music professionals with a global perspective and respect for cultural diversity.

Негизги сөздөр: музыкалык билим берүү; ааламдашуу; көп маданияттуу интеграция; изилдөө.

Ключевые слова: музыкальное образование; глобализация; мультикультурная интеграция; исследование.

Keywords: music education; globalization; multicultural integration; research.

Introduction. In the wave of globalization, the exchanges among countries in political, economic, and cultural fields are becoming increasingly frequent, and the field of music education is no exception. The integration of multiculturalism brings new opportunities and challenges to music education, making the globalization and multicultural integration of music education an important trend in the current educational field. This integration aims to cultivate music talents with a global perspective, cross-cultural understanding abilities, and respect for diverse cultural values, while also injecting new vitality into music education. This study conducts practical investigations to deeply explore the actual situation of globalization and multicultural integration in music education, including the current status of educational practices, existing problems, and future development potential, providing references for music educators, policymakers, and other relevant personnel to promote better integration of multiculturalism in music education within the context of globalization and achieve high-quality development. It contributes to enriching the theoretical system of music education and further perfecting the theoretical research on music education from the perspectives of globalization and multicultural integration, providing a theoretical foundation and analytical framework for subsequent research. Through the investigation and analysis of practical situations, it can provide a basis for music education institutions and schools to improve music education curriculum design, teaching methods, etc., while also guiding teachers to enhance their teaching abilities and educational quality, promoting the practical process of music education on the path of globalization and multicultural integration [8; 9].

1. Literature Review

1.1 Current Research Status Abroad. Foreign scholars have conducted extensive and in-depth research on the globalization of music education and multicultural integration. Some studies focus on the comparison of music education systems in different cultural contexts, such as comparative analyses of music education models in Europe, Asia, and Africa, exploring their cultural roots and educational values. Other research focuses on the role of multicultural music education in cultivating students' cross-cultural abilities, empirically demonstrating that incorporating multicultural elements into music education can effectively enhance students' understanding and tolerance of different cultures. In addition, international music education organizations actively promote the formulation of relevant standards and practical guidance, facilitating the exchange and integration of music education among countries in the process of globalization [6; 8].

1.2 Current Research Status in China. Research in China started relatively late, but significant achievements have been made in recent years. Scholars have studied the insights that foreign multicultural music education experiences can provide for our country, such as introducing the multicultural music education models and curriculum setups of countries like the United States and Japan.[1] On the other hand, investigations and analyses have been conducted on the current state of multicultural integration in our music education, pointing out issues in areas such as textbook content and teacher qualifications, and proposing corresponding improvement strategies. Additionally, some studies focus on the inheritance and development of ethnic minority music cultures in the globalization process of music education, emphasizing the combination of local multiculturalism with international music education trends [2; 3; 4].

2. Research Methods

2.1 Questionnaire Survey Method. Based on the research objectives, questionnaires targeting music teachers, students, and parents were designed. The content of the questionnaire includes dimensions such as the understanding of the concepts of globalization in music education and multicultural integration, the presence of multicultural content in school or institutional music curricula, the reflection of multiculturalism in teaching methods, and attitudes towards multicultural music education. Different regions (including eastern, central, and western areas) were selected as the sample range, including primary and secondary schools, universities, and music training institutions. A certain number of teachers, students, and parents were randomly selected from each range as survey subjects, with a total of 200 questionnaires distributed and 180 valid questionnaires returned.

2.2 Interview Method. Representative music education experts, frontline music teachers, students who have participated in international music exchange activities, and school administrators were selected as interview subjects. In-depth interviews were conducted focusing on the practical experiences, challenges encountered, and perspectives on future development regarding the globalization of music education and the integration of multiculturalism, in order to obtain more detailed and profound information.

2.3 Observation Method. In-depth observations were made in the teaching environments of school music classrooms and training institutions, focusing on teachers' selection of multicultural music works, the organization of teaching activities, students' participation and reactions, and recording the details of the teaching process in the classroom. Participation in international music cultural exchange activities and on-campus multicultural music showcase events was undertaken to observe the organization of activities, content presentation, and interactions among participants, in order to understand the practice of globalization and multicultural integration in music education on a broader level.

3. Analysis of Survey Results

3.1 Analysis of Awareness. Most music teachers have a certain understanding of the globalization of music education and the development of multicultural integration, but there are differences in the depth of this understanding. Approximately 49.9% of teachers can clearly articulate its connotation and significance, while 30% of teachers only have a vague concept. University teachers generally have a higher level of

awareness compared to primary and secondary school teachers, and teachers in developed regions have a relatively deeper understanding of this concept.

The students' understanding of the globalization of music education and the integration of multicultural development mainly comes from school music curricula and extracurricular music activities. The overall level of awareness is relatively low, with about 65% of students indicating that they are not very clear about this concept. Senior students and those with experience in international music exchanges have a relatively higher level of understanding.

Parents do not pay much attention to the globalization of music education and the integration of multicultural development. About 70% of parents believe that music education mainly serves to cultivate their children's interests or skills, showing insufficient recognition of its value in globalization and multicultural integration.

3.2 Analysis of Curriculum Setup. In school music curricula, the content related to multicultural music has increased, but it still accounts for a low proportion. For example, in primary and secondary school music textbooks, foreign music works account for about 15%, mostly concentrated in the classical music field, with insufficient coverage of other types of music such as modern music and ethnic folk music. [2]University music programs have a relatively richer setup in terms of multicultural aspects, but there are also issues with a lack of systematic integration. The curriculum content of music training institutions varies greatly; some institutions focus on multicultural music training, while others primarily emphasize exam-oriented or traditional music education.

Most music courses have a relatively simple structure and lack systematic integration of multicultural music education. Courses related to international music culture often appear in the form of electives or lectures, with limited class hours, lacking coherence and depth. The manifestation of interdisciplinary integration in music education is also not obvious, and the connections with subjects such as history and geography have not been fully explored, which is not conducive to students' comprehensive understanding of the background of multicultural music [1; 7].

3.3 Analysis of Teaching Methods. The application of modern teaching technology in music education is gradually becoming widespread, but its use in multicultural music education still needs improvement. Some teachers are able to use multimedia resources to showcase music videos and audio from different cultures, but there are still shortcomings in utilizing online platforms for interactive teaching and virtual music experiences. About 55% of teachers indicate that they lack suitable multicultural music teaching resources and technical support in their teaching.

The forms of teaching activities in music classes are relatively traditional, with fewer activities such as group collaboration and music creation that can stimulate students' initiative and creativity being conducted in multicultural music education. In the teaching process, teachers do not guide students' cross-cultural understanding abilities deeply enough, often remaining at the level of appreciating musical works, lacking exploration and discussion of deeper content such as cultural connotations and values.

4. Practical Case Analysis

4.1 International Music Education Exchange Program of a Certain University. A certain university's music department has launched an international music education exchange program, establishing cooperative relationships with several foreign music institutions. In this program, both parties send teachers and students for short-term exchange and study. The university's teachers have learned advanced multicultural music teaching methods from foreign institutions, such as conducting teaching practices from the perspective of music anthropology, closely integrating music with local culture, folklore, and more. At the same time, the arrival of foreign teachers and students has brought rich multicultural music resources to the university. The school has offered specialized courses, inviting foreign teachers to introduce their national music culture and organizing students to participate in international music workshops, creating musical works that blend different cultural elements. Through this project, students' cross-cultural music

abilities have significantly improved, and teachers have also made new breakthroughs in teaching concepts and methods.

4.2 A Certain Primary and Secondary School's Ethnic Music and World Music Integration Curriculum. A certain primary and secondary school attempted to integrate ethnic music and world music in its music curriculum. In the course design, teachers based their lessons on elements of traditional Chinese music, introducing works from other countries with similar musical characteristics for comparative analysis. For example, while learning about the Chinese traditional instrument guzheng, they also introduced related instruments such as the Japanese koto and the Korean gayageum, allowing students to experience the similarities and differences in timbre, playing techniques, and musical styles through music videos and live performance demonstrations. During the teaching process, teachers also organized students into groups for music creation, encouraging them to blend musical elements from different cultures. This course received widespread praise from students and parents, not only enhancing students' sense of identity with ethnic music but also broadening their musical horizons and deepening their understanding of multiculturalism.

5. Analysis of Problems and Challenges

5.1 Educational Concept Issues. The constraints of traditional music education concepts still exist, with some teachers and parents overly emphasizing the traditional model of local music education and showing a low acceptance of multicultural music education. In some regions, music education remains exam-oriented, neglecting the important role of music education in cultivating students' global perspectives and cross-cultural abilities, which hinders the process of globalization and the integration of multicultural development in music education.

5.2 Issues in Teacher Workforce Development. Music teachers have deficiencies in their knowledge of multicultural music, with many lacking a comprehensive and in-depth understanding of world music cultures, making it difficult for them to accurately and vividly impart multicultural music knowledge. In particular, their grasp of some niche cultures or non-Western mainstream music cultures is insufficient, which affects the quality of teaching. There are few professional training opportunities for music teachers in multicultural music education, and teachers lack systematic channels for learning and improvement. Additionally, the teacher evaluation system does not place enough emphasis on teachers' abilities and achievements in multicultural music teaching, lacking incentive mechanisms that are detrimental to teachers' active participation in relevant training and teaching practices.

5.3 Issues in Teaching Materials and Resources. The existing music textbooks have issues in the selection, arrangement, and updating of multicultural content. The content of textbooks often lags behind the development of the times, insufficiently reflecting the latest achievements in emerging music cultures and the integration of multiculturalism. Moreover, the integration of content in textbooks lacks systematicity, with insufficient correlation and comparative analysis between different cultural music, which is not conducive to students building a complete knowledge system of multicultural music. The lack of teaching resources is also a prominent issue. This includes audio and video materials of multicultural music, as well as musical instruments and teaching aids. Schools and training institutions face difficulties in obtaining and updating these resources due to funding and channel constraints, which limits the richness and diversity of multicultural music education [5].

6. Development Suggestions

6.1 Update Educational Concepts. Strengthen the promotion and training of music educators and parents by organizing special seminars, workshops, and other forms to disseminate the concepts and significance of the globalization of music education and the integration of multicultural development. Guide teachers to incorporate multicultural music education into daily teaching objectives and processes, while enhancing parents' awareness of the value of multicultural music education, encouraging them to support their children’s participation in related music activities.

6.2 Strengthen Teacher Workforce Development. Provide more multicultural music education training opportunities for music teachers, including collaborating with international music education institutions to conduct training courses, inviting domestic and foreign experts for lectures and workshops,

etc. The training content should cover knowledge of world music cultures, multicultural music teaching methods, cross-cultural communication skills, and other aspects to enhance teachers' professional competence.

Improve the teacher evaluation system by incorporating teachers' performance and achievements in multicultural music teaching into the evaluation criteria, motivating teachers to actively participate in multicultural music teaching practices. At the same time, provide more opportunities for international music education exchanges for teachers, encouraging them to participate in international music education research projects to promote their professional development.

6.3 Optimize Textbook and Resource Development. Organize music education experts, scholars, and frontline teachers to collaboratively compile high-quality multicultural music textbooks. The content of the textbooks should reflect a global perspective, covering the music cultures of various countries and ethnic groups, with an emphasis on systematic, innovative, and engaging content. At the same time, establish a mechanism for regular updates to the textbooks, incorporating the latest achievements in music culture and cases of multicultural integration in a timely manner.

Schools and training institutions should strengthen the integration of teaching resources, making full use of online resources, social and cultural institutions, and other channels to obtain multicultural music teaching resources. Establish a resource-sharing platform to facilitate access and use for teachers and students. Additionally, teachers and students can be encouraged to create their own teaching resources, such as recording music performance videos and composing music works, to enrich the teaching resource library.

Conclusion. The globalization of music education and the development of multicultural integration are important trends in today's music education field. Through this practical research survey, we have found that certain achievements have been made in this development process, but there are also many problems and challenges. Issues related to educational concepts, teacher teams, and textbook resources need our high attention and proactive measures to address them. By implementing a series of suggestions such as updating concepts, strengthening teacher team construction, and optimizing textbook resources, we hope to further promote the globalization of music education and the development of multicultural integration, cultivating more music talents with a global perspective, cross-cultural understanding, and innovative spirit, injecting new vitality into the development of music education and promoting the exchange and inheritance of music culture globally.

References

1. Wang Xia. The Construction and Implementation of School-Based Music Curriculum from the Perspective of International Understanding Education // Instruments. – 2025. – No. 10.
2. Lan Xiaomei. The Inheritance and Development of Ethnic Music in Higher Education Music Education under the Multicultural Background // Journal of Tonghua Normal University. – 2015. – Vol. 36, No. 12. – P. 113–115.
3. Wang Guanghua. The Inheritance and Development of Ethnic Music in Higher Education Music Education under the Multicultural Background. – 2015. – No. 19.
4. Chen Xi. Research on Multiculturalism in Music Education from the Perspective of the "Belt and Road" Initiative // Voice of the Yellow River. – 2017.
5. Zeng Xiaoping. Exploration of the Restructuring and Integration Path of Music Education Resources in Higher Education under a Multicultural Background // Baihua. – 2023. – No. 10.
6. Meng Nan. Research on the Development Path of Music Education from an International Perspective // Mass Art. – 2021. – No. 24.
7. Yang Yikun. Research on University Music Theory in a Diverse Context // Northern Music. – 2018.
8. Schippers H. Facing the Music: Shaping Music Education from a Global Perspective. – New York: Oxford University Press, 2010.
9. Song Lu. Localization Development of Music Education in the Context of Globalization // Daguang (Forum). – 2021.

10.Sun Wei. Innovation of Music Education Models in Chinese Higher Education Institutions under Diversity. – 2023.

Reviewer: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Sulaimanova R.T.

УДК 316.723:378.015.31

Гао Тянь Цзин, Ху Сяоминь
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Гао Тянь Цзин, Ху Сяоминь
КНУ имени Жусупа Баласагына
Gao Tianjing, Hu Xiaomin
KNU Jusup Balasagyn

ФАН-МАДАНИЯТ КОНТЕКСТИНДЕ УНИВЕРСИТЕТ СТУДЕНТТЕРИ АРАСЫНДА НЕГИЗГИ БААЛУУЛУКТАРДЫ ТААНУУНУ КАЛЫПТАНДЫРУУ БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ВОСПИТАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ ФАН-КУЛЬТУРЫ
RESEARCH ON MAINSTREAM VALUE IDENTIFICATION EDUCATION AMONG UNIVERSITY STUDENTS WITHIN THE CONTEXT OF FAN CULTURE

Кыскача мүнөздөмө: Макалада фан-маданияттын Кытайдагы жогорку окуу жайларынын студенттеринин коомдо кабыл алынган негизги баалуулуктарга болгон көз карашына тийгизген таасири жана ага байланыштуу тарбиялык маселелер каралат. Изилдөөнүн максаты – жаштардын субмаданияты катары кеңири жайылып жаткан фан-маданияттын шартында студенттердин баалуулуктарды кабыл алуу механизмдерин аныктоо, тарбиялоо процессинде келип чыккан көйгөйлөрдү талдоо жана аларды чечүүнүн жолдорун сунуштоо. Изилдөөнүн жыйынтыгында студенттердин баалуулуктарды кабыл алуусуна таасир эткен үч негизги механизм аныкталган: фан-коомчулукту өз алдынча тандоого жана кумир тутууга байланышкан ички муктаждыктар; жамааттык иш-чаралардагы символдук өз ара аракеттенүү жана коомдук катышуу аркылуу жаралган эмоциялык үндөштүк; фан-коомчулуктун ичинде баалуулуктардын жайылышы жана топтук бирдейликтин калыптанышы аркылуу пайда болгон социалдык таасир. Ошол эле учурда фан-маданияттын коомдо кабыл алынган негизги баалуулуктардын кадыр-баркын жана таасирин төмөндөтүшү, алардан алыстоого түрткү бериши жана бул баалуулуктарды жайылтуунун натыйжалуулугун начарлатышы негизги көйгөйлөр катары белгиленет. Аталган көйгөйлөрдү чечүү үчүн үч багыттагы максаттуу стратегия сунушталат. Изилдөө жаштардын субмаданияты менен баалуулуктарга тарбиялоонун өз ара байланышын теориялык жактан түшүнүүгө көмөктөшүп, билим берүү мекемелеринин жетекчилери жана тиешелүү башкаруу органдары үчүн практикалык сунуштарды берет.

Аннотация: В статье рассматривается влияние фан-культуры на восприятие общепринятых основных ценностей студентами университетов Китая, а также связанные с этим проблемы воспитания. Цель исследования – выявить механизмы формирования ценностных ориентаций студентов под влиянием фан-культуры как распространённой молодёжной субкультуры, проанализировать возникающие в процессе воспитания проблемы и предложить пути их решения. В результате исследования выделены три основных механизма, влияющих на восприятие ценностей студентами: внутренние потребности, связанные с самостоятельным выбором фан-сообщества и поклонением кумирам; эмоциональный отклик, возникающий в процессе символического взаимодействия и социального участия в коллективных мероприятиях; социальное влияние, обусловленное распространением ценностей внутри фан-сообществ и формированием групповой идентичности. В то же время выявлены основные проблемы, связанные со снижением авторитета и влияния общепринятых ценностей под воздействием фан-культуры, отклонением от ценностных ориентиров доминирующей культуры и ослаблением эффективности распространения общественно

значимых ценностей. Для решения обозначенных проблем предложены три целевые стратегии. Исследование способствует развитию теоретических представлений о взаимосвязи молодёжных субкультур и ценностного воспитания, а также содержит практические рекомендации для руководителей образовательных учреждений и соответствующих органов управления.

Abstract: This article examines the influence of fan culture on Chinese university students' identification with mainstream values and the associated challenges in values education. The study aims to identify the mechanisms through which fan culture, as an increasingly influential youth subculture, shapes students' value identification, analyse the challenges arising in the educational process, and propose strategies to address them. The findings identify three main mechanisms influencing students' value identification: individual needs associated with autonomous participation in fan communities and idol worship; emotional resonance generated through symbolic interaction and social participation in collective activities; and social influence resulting from the dissemination of values within fan communities and the formation of group identity. The study also identifies several challenges, including the weakening of the authority and influence of mainstream values, deviations from mainstream cultural value orientations, and the reduced effectiveness of mainstream value communication. To address these challenges, three targeted strategies are proposed. The study contributes to the theoretical understanding of the relationship between youth subcultures and values education and provides practical recommendations for educational administrators and relevant governing bodies.

Негизги сөздөр: фан-коомчулуктар; фан-маданият; университет студенттери; тарбиялоо; негизги баалуулуктар; баалуулуктарды кабыл алуу.

Ключевые слова: фан-сообщества; фан-культура; студенты университетов; воспитание; основные ценности; ценностная идентификация.

Keywords: fan communities; fan culture; university students; values education; mainstream values; value identification.

1. Introduction. The articulation of "societal mainstream values" remains a globally significant topic. Contemporary cultural, political, and economic interactions invariably reflect the influence of national value systems. With the advent of globalisation and expanded international engagement, seeking universally recognised values to foster harmonious relations has become a shared imperative. The advancement of civilisation and the maintenance of social order likewise necessitate guidance from mainstream values.

Amidst the rapid advancement of new media and internet technologies, coupled with the large-scale development of the idol economy, "fan circle culture" has gradually emerged, profoundly influencing societal cultural trends and value recognition. As one aspect of cyberspace, the "fan circle" can be defined as a collective term for fan communities formed around one or several idols and relying on the internet and new media platforms [3]. "Fan circle culture" refers to the cultural practices undertaken by these communities, centred around their idols, encompassing the collective production and dissemination of ideas alongside community building, and presenting a distinct cultural landscape [4].

As "fan circle culture" intensifies, the expansion of fandom groups and their growing popularity among young people become increasingly pronounced. The detrimental aspects of this culture, manifesting as poor taste, extremism, and obsessive behaviour, challenge the dominance of mainstream societal values. In the era of internet culture, university students prioritise individual expression and self-actualisation, emphasising personal experience and independent thought, with a strong sense of agency and a desire for autonomous choice. Regarding value recognition, they are influenced by their nation's traditional culture while also being profoundly affected by various cultural elements, such as popular culture, global subcultures, and online community culture.

The detrimental effects of "fan circle culture" on the formation of mainstream societal value recognition have not only sparked widespread public debate but have also become a focal point of academic

research. Current scholarly investigations into the negative impacts of "fan circle culture" and potential governance pathways primarily concentrate on the following aspects.

Chen Yufei [13] contends that extreme "fan circle culture" exerts a profound deconstructive effect on the formation of youth values. Certain youth values face a gradual shift from "the comprehensive development of the individual" towards a "data-alienated existence." Research indicates that, as a youth subculture, extreme "fan circle culture" exhibits greater radicalism than mainstream fan culture. The polarisation of interest-based communities poses significant risks to university students' cognitive development, psychological well-being, and the cultivation of ideals.

Xi Zhiwu and Li Huaying [5] analysed the detrimental impact of fan culture on youth value formation from the perspective of the cultural environment. They proposed that, as a marginal subculture, fan culture is susceptible to infiltration by negative forces, fostering value nihilism that hinders young people from establishing appropriate historical and national perspectives. Research indicates that cultural identification and a sense of belonging among fandom groups towards their idolised celebrities fundamentally shape their values, perceptions, attitudes, and behaviours. Maintaining the initiative and discourse power of mainstream ideology in cyberspace and strengthening its guidance towards fandom groups are presented as essential approaches to addressing chaotic phenomena within youth fandom culture.

Zhang Shichao and Hu Cencen [6] approached the issue from a data-driven perspective, arguing that media platforms within fan culture prioritise traffic metrics and data popularity. This incentivises numerous artists to pursue virtual popularity at the expense of producing high-quality works, resulting in an insufficient supply of excellent cultural products and a cultural industry that deviates from its social objectives.

Peng Yan [7], examining extreme fan culture phenomena, systematically analyses the dual generative logic of capital-driven and technology-enhanced fan circles. This analysis reveals the negative impact of fan culture on young people's value orientations, public consciousness, and aesthetic perceptions, and subsequently proposes countermeasures across three dimensions: ideological guidance, value shaping, and social participation.

Chen Zhuo [15] employs ideological and alienation theories to examine the resulting ideological risks and challenges, alongside potential countermeasures. The findings indicate that dismantling cultural barriers and mitigating risks stemming from "fan circle alienation" necessitate a thorough examination of its generative logic and clarification of its new manifestations within ideological security. Effective resolution and governance must consequently be grounded in ideological guidance, practical needs, and disciplinary principles.

Against this backdrop, this study adopts a "fan culture" perspective, integrating the practical characteristics of fan culture ecosystems and information dissemination. It examines the challenges confronting education aimed at fostering mainstream value recognition among university students and proposes effective pedagogical strategies. The study seeks to provide theoretical foundations and practical insights for cultivating positive and stable mainstream value recognition among students while respecting their agency.

2. Materials and Methods. Conducted in 2024, this study focuses on the theoretical and empirical analysis of mainstream value recognition education for university students within the context of fan circle culture. By integrating fan circle culture theory, youth subculture research, and mainstream values education theory, it explores the underlying mechanisms, practical challenges, and educational strategies.

2.1. Selection of Research Materials. The selection of research materials followed the principles of systematicity, relevance, and academic rigour, encompassing theoretical literature and empirical studies. Inclusion criteria: Peer-reviewed journal articles, monographs, and dissertations published during the period 2020–2025; theoretical works by recognised scholars in sociology, cultural studies, and related fields; official documents on youth ideological education and cultural governance issued by government and educational institutions; and empirical research data concerning university students' participation in fan circles and their value orientations. Exclusion criteria: Studies irrelevant to the core research topic, non-peer-reviewed materials, works lacking theoretical or empirical support, and duplicate publications.

2.2. Literature Search Strategy. A combined search of Chinese and English-language databases was conducted. The databases included Scopus and Web of Science for English-language publications, as well as CNKI and CSSCI for Chinese-language publications. Search keywords included corresponding Chinese and English expressions such as "fan culture," "university students," and "mainstream value identification." The search covered publications from 2020 to 2025. The initial search yielded 126 articles, of which 56 (24 English-language and 32 Chinese-language articles) were retained for in-depth analysis following screening.

2.3. Core Research Process. This study employed structured text analysis to examine primary and secondary literature, exploring core concepts such as fan culture and value identification, as well as the mechanisms underlying the relationship between fan culture and university students' identification with mainstream values.

First, through a literature review and theoretical analysis, a framework explaining the formation of university students' value identification under the influence of fan culture was constructed across three dimensions: individual needs, emotional resonance, and community contagion.

Second, by analysing negative phenomena within fan culture, such as capital manipulation, collective frenzy, and chaotic information dissemination, the study identified practical challenges to mainstream value identification.

Finally, based on theoretical and empirical findings, targeted educational strategies were proposed across three dimensions: discursive hegemony, cultural appeal, and value influence.

Throughout the research process, consistency between theoretical analysis and empirical data was continuously assessed, while the research framework was adjusted and refined to ensure that the conclusions possessed both theoretical depth and practical applicability.

3. Results and Discussion

3.1. The Generative Logic of Value Identification Among University Students Driven by Fan Culture. Fan culture, as a collective subcultural phenomenon characterised by distinct value systems and cultural practices, has become prevalent among university students. It not only enriches their forms of entertainment but also subtly reshapes their systems of value recognition. From a philosophical perspective, value identification involves reflection on the identity of values and an understanding of value identity [8]. Plato and Aristotle proposed the concept of "the person within the community". Value identification is a continuous progression from the external to the internal, from cognition through emotion to will, and from concepts to behaviour.

Value identification requires not only a rational understanding of which values to embrace, why they should be embraced, and how to embrace them, but also rich individual and collective emotional experiences in value-related activities [9]. In research on university students' values education, scholars generally agree that the process of value identification unfolds across three levels: cognitive identification, emotional identification, and rational identification [10].

Fans express affection for their idols within fandom circles, collectively protect their idols' images, and participate in various support activities. By reinforcing their ideological positions, emotional bonds, and rational behaviours, they demonstrate how personal value identification is shaped by group expectations through these three processes.

Self-Direction: Community Choice and Autonomous Idol Worship. Marx observed that "the essence of man is not an abstract entity inherent in the individual; in its reality, it is the sum total of all social relations" [11]. This assertion provides a foundation for understanding individual social behaviour and group characteristics.

University students are at a pivotal stage in shaping their worldview, outlook on life, and values, while navigating the dual demands of developing self-awareness and socialisation. Their psychological development reflects a dialectical unity of "autonomous construction" and "group affiliation".

In daily life, pressures arising from academic competition, changes in peer relationships, and transitions in social roles often leave students with limited opportunities for self-expression. Online

platforms, however, provide spaces for both self-expression and emotional release. When engaging in information exchange through online communities, students demonstrate selective patterns of interaction, focusing primarily on topics aligned with their personal interests and sense of identification [12]. This creates a layered pattern of information exchange.

The selection of communities based on individual preferences further fosters "interest-based identification" within groups – a sense of belonging and shared values formed around common interests [13]. This form of identity construction serves as the foundation for the emergence and development of fan culture. Idol worship, as a central expression of interest-based identification, consequently becomes an important means through which university students achieve self-expression and a sense of group belonging.

From a psychological perspective, university students' idol worship involves the projection and construction of their self-image and ideals. Individuals project their aspirations for an ideal personality and way of life onto idols, forming a psychological image in which "the idol embodies my ideal self" [14].

This projection encompasses not only admiration for an idol's external appearance and professional abilities but also identification with their personal qualities and values. It provides emotional support through the establishment of an "ideal self" as a personal goal.

Such psychological projection is not merely passive acceptance but an active choice made by university students based on self-awareness and value preferences. The depth and sustainability of idol worship depend on the extent to which the values conveyed by the idol correspond to an individual's inner needs. At the same time, students develop an identity centred on a shared idol, forming common value systems and behavioural patterns.

Emotional Resonance: Symbolic Interaction in Collective Rituals and Social Participation. Fan communities are groups founded on emotional bonds and centred on shared value recognition [15]. This value recognition emerges through symbolic interactions within collective rituals, where interpersonal communication is facilitated by symbols and their meanings [17].

Fans engage in symbolic interaction through collective rituals. These symbols, which serve as carriers of meaning in collective rituals, take diverse forms. They encompass both audiovisual symbols, such as group cheering slogans, distinctive emblems, official colour schemes, and idol merchandise, and behavioural symbols, such as coordinated gestures, chart voting campaigns, collective fundraising initiatives, and trending topic promotions.

No symbol exists in isolation; each is imbued with the shared values of the fan community. This symbolic interaction constitutes a dynamic process through which individual value recognition transforms into collective value recognition. This phenomenon of collective conformity stems, to some extent, from individuals' internalised sense of values and identity.

When fans chant slogans in unison during collective support events, stay up late to boost rankings for shared goals, or gather offline wearing matching fan outfits to share experiences, these symbols become means of emotional communication. They allow individuals to experience the collective sense of "I am not alone."

Personal value choices cease to be isolated acts and instead become integrated into the collective value system. Individual emotional experiences and value realisation become closely intertwined with the achievement of group goals. This collective value recognition, constructed through symbolic interaction, not only strengthens cohesion within the fandom but also provides fans with emotional fulfilment and a sense of identity through participation in collective rituals. This, in turn, fosters intrinsic motivation for continued engagement in fandom activities and the preservation of collective values.

Within collective rituals, fans move from individual perceptions to collective consensus through the shared use, dissemination, and interpretation of symbols. Personal admiration for idols and a sense of belonging to the group resonate emotionally with other members through symbolic interaction, ultimately developing into collective value recognition shared by the entire fandom.

Social Contagion: Value Transmission and Group Identification Within Fandom Circles. As highly interconnected online communities, fandom circles rely on internal cultural transmission mechanisms

and social contagion effects to strengthen value recognition. This process, centred on information reinforcement and emotional diffusion, promotes the development of individual value perceptions towards greater group consensus.

Fan circle rituals, through the dissemination of shared community culture, further define the behavioural significance of fandom [17], thereby reinforcing and validating individual fans' value perceptions. This process of social contagion involves the transmission of cultural values and the formation of group identity within fan communities.

Within fandom circles involving university students, a distinct pattern of value transmission emerges through the creation of a communication environment characterised by both closedness and exclusivity. Information dissemination within these circles follows a pattern of "homogeneous reinforcement": fans continuously amplify positive content related to their idols and shared group values through reposting, liking, and commenting. Conversely, they tend to filter, refute, or even block heterogeneous viewpoints originating outside their communities.

This selective transmission mechanism enables the repeated circulation and reinforcement of shared values within the community, gradually forming a cognitive consensus resembling a "group truth". As university students are repeatedly exposed to homogeneous information, their individual value judgements are reinforced, deepening their identification with group values.

Secondly, social contagion strengthens group value recognition through the mechanism of "idol role modelling – fan imitation and following". The behaviour of idols and the sustained actions of experienced fans become behavioural models within the community. Their values and behavioural patterns acquire a sense of legitimacy and, through community interaction, become examples for other members to imitate.

University students tend to be receptive to imitation and social influence. Under the influence of the community environment, they adopt the behavioural patterns of role models, embrace their values, and internalise concepts such as "sacrificing for idols" and "defending group honour" as personal behavioural principles.

This imitation extends beyond the mere reproduction of behaviour; it involves the integration of value perceptions, through which individuals gradually reinforce their beliefs. They subsequently adhere to group norms, participate in collective activities, and ultimately develop a stable sense of group identity.

3.2. The Practical Dilemma of Mainstream Value Recognition Among University Students Under the Influence of "Fan Circle Culture"

The "Collective Revelry" of Fandom Culture Erodes the Authority of Mainstream Value Recognition. Collectivity is a defining characteristic of "fan circle culture". Fans unite around their shared admiration for an idol, forming communities with similar beliefs and values. Shared emotional resonance serves as a fundamental driving force within these fan circles. This collective emotional bond reinforces consistency in members' beliefs and values, strengthens organisational cohesion and influence, and fosters a strong sense of belonging and identity among participants.

At the same time, a shared focus on advancing the idol's career facilitates the integration of resources within fan communities, leading to hierarchical, specialised, and standardised organisational structures. Within these communities, celebrities may be revered as almost divine figures, with their actions regarded as justified and collective efforts directed towards increasing their popularity and online visibility.

This intense admiration manifests as a form of "collective carnival". Within fan circle culture, the relationship between fans and idols may develop into an unequal power dynamic, in which the celebrity becomes the primary reference point for behavioural norms and moral values.

In such an emotionally charged fandom environment, fans may gradually adopt distorted value systems and lose some of their capacity for independent judgement. Behavioural norms and shared values within fan groups may develop into blind trust and irrational devotion to idols, weakening identification with mainstream values and challenging their authority.

The Influence of Capital on Fan Circle Culture and Its Deviation from Mainstream Cultural Values. Mainstream culture reflects a nation's prevailing ideology, embodies its national spirit, and serves as a foundation for social harmony and stability.

The influence of capital and advances in media technology have accelerated the dissemination and development of fan culture. Capital investment has transformed conventional models of idol promotion. To maximise profits, entertainment companies may present idols as commercial products with carefully constructed public images designed to meet fans' expectations and aspirations, adjusting these images in response to changing circumstances.

The commercialisation of idols has contributed to the distorted development of certain aspects of fan culture, affecting the cultural environment of social media and the internet.

Firstly, driven by commercial interests, some forms of fan culture elevate niche or non-mainstream cultural expressions above mainstream culture, using emotional attachment to weaken identification with mainstream cultural values [18].

The phenomenon of fans being emotionally influenced to adopt non-mainstream cultural values can be observed in entertainment industries and online communities. For example, in South Korea, certain forms of intense idol worship involve fans treating celebrities as spiritual leaders, demonstrating extreme admiration on social media and, in some cases, displaying behaviour resembling religious devotion. Within such forms of fandom culture, an excessive emphasis on appearance may contribute to distorted aesthetic preferences. The expression "appearance is justice", which has circulated widely online, reflects a tendency to prioritise physical attractiveness and sensory appeal over personal qualities and professional competence.

In recent years, incidents involving unethical or unprofessional conduct by certain celebrities, including domestic violence, drug abuse, solicitation of prostitution, and surrogacy-related scandals, have negatively affected individuals, fan communities, and broader perceptions of moral and cultural standards. Secondly, cultural consumerism has intensified within fan culture. This "alienated form of consumption under capitalistic manipulation" [19] contributes to the distorted development of both culture and individuals.

Driven by the pursuit of profit, cultural consumerism may weaken the positive influence of mainstream culture. Within commercially driven fan communities, fans may spend substantial amounts of money on chart rankings, online comment management, and data manipulation. To increase their idols' visibility and online popularity, some fans adopt practices that prioritise publicity regardless of whether the attention is positive or negative. In such cases, popularity itself becomes the primary objective.

Some artists and internet celebrities may also make provocative statements or disclose controversial personal information to attract public attention. To a certain extent, these aspects of fan circle culture may contribute to the development of utilitarian attitudes and distorted social values, posing challenges to the healthy development of mainstream culture.

The Chaotic Nature of Fandom Culture Has Diminished the Influence of Mainstream Value Discourse. With the development of the internet and new media platforms, information dissemination has acquired characteristics such as immediacy, interactivity, diversity, and anonymity. Young people's idol worship is no longer confined to offline activities; online fandom has become an arena of intense competition and conflict among fan communities.

Fan communities thrive partly because of the internet's extensive reach and the anonymity it provides. In cyberspace, individuals can express their opinions freely, sometimes engaging in irresponsible behaviour. Against this background, fan communities with diverse interests and motives continue to expand across online platforms.

Firstly, certain actors operating behind the scenes for commercial gain may distort historical facts, misrepresent classical works, and trivialise historical heroes and martyrs through entertainment-oriented content designed to attract online traffic and attention.

For example, some fan groups have reportedly made inappropriate references to unequal treaties signed during periods of foreign aggression against China, such as the Treaty of Nanking, in the context of idol worship.

Support messages such as "You are my xxxxx, the beginning of my surrender" employ similar expressions. However, historical experiences of national humiliation and collective suffering should not be trivialised for entertainment purposes. Such forms of entertainment-oriented fandom culture may undermine audiences' national identity and political identification, restrict the dissemination of mainstream ideology, and make its communication more challenging.

Secondly, the use of insults, defamatory statements, and offensive language within some fan communities may be employed to strengthen group cohesion, competitiveness, and influence. Through online conflicts that exclude opposing viewpoints, fans seek to assert their presence and visibility.

In these online confrontations, practices such as exposing scandals, provoking conflicts, publicly shaming individuals, manipulating trending topics, labelling opponents, and engaging in mutual attacks can seriously disrupt the online environment. These activities may weaken the effectiveness of mainstream ideological communication, contribute to the marginalisation of mainstream values, undermine socialist beliefs among young people, and reduce the influence of mainstream ideological discourse.

3.3. Strategies for Strengthening Mainstream Value Recognition Education Among University Students in the Context of Fan Culture. As discussed above, fan culture exerts multifaceted influences on the behavioural patterns and moral values of university students, weakening their identification with mainstream values and giving rise to various ideological risks. Addressing problems within fan circles and reinforcing the leadership, cohesion, and authority of mainstream ideology require not only governance and guidance from relevant government departments but also coordinated efforts across multiple sectors, including culture, the arts, and education. Based on the preliminary research findings, the research team proposes the following recommendations for prevention and mitigation.

Uphold Correct Guidance and Strengthen the Influence of Mainstream Ideological Discourse Within Fan Circles. General Secretary Xi Jinping (2022) explicitly stated: "We must firmly grasp the leadership, management, and discourse rights in ideological work; these must never be relinquished, lest we commit an irreparable historical error."

University students are at a stage of forming their worldview, outlook on life, and values, making them susceptible to political infiltration and the influence of negative values. With the rapid spread of fan culture among young people, negative forces may exploit this culture to introduce certain values, carrying out more covert forms of cultural infiltration that threaten Chinese culture and the Chinese spirit.

In this context, it is necessary to uphold appropriate political guidance, safeguard the ideological sphere within online fan communities, and strengthen the influence of mainstream ideological discourse.

Fan culture is characterised by decentralisation and spontaneity, which are areas where mainstream ideological discourse has relatively limited reach. In his *Introduction to the Critique of Hegel's Philosophy of Right* (1844), Marx stated: "Theory can only win over the masses when it convinces them; and theory can only convince them when it is thorough."

To strengthen the influence of mainstream ideological discourse, "we must uphold the fundamental system of Marxism's guiding role in the ideological sphere" [20]. Guided by core socialist values, it is necessary to enhance the appeal and influence of mainstream ideological discourse.

In addressing widely discussed, controversial, and sensitive issues of concern to young people, their psychological characteristics should be taken into account when providing guidance. By employing forms of expression and narrative styles that are readily accepted by university students, mainstream values can be integrated into communication in ways that evoke emotional resonance and identification, thereby helping to overcome communication barriers and reach fan communities. It is also necessary to strengthen awareness of ideological risks, anticipate and prevent potential public opinion risks within fan circles, and take proactive measures to manage and resolve conflicts.

Adhere to a Demand-Oriented Approach to Enhance the Appeal of Mainstream Culture Within Fan Communities. Abraham Maslow's humanistic theory is primarily reflected in his hierarchy of needs, a cornerstone of humanistic psychology. He proposed that human behaviour is driven by a hierarchy of needs: once lower-level needs are satisfied, individuals pursue higher-level needs, including social needs, esteem needs, and self-actualisation needs.

Within fan communities, followers satisfy their social needs while fulfilling their self-actualisation needs through contributions to their idols' careers. Firstly, integrating this hierarchy of needs with mainstream culture requires organically combining mainstream culture with fan culture. By addressing fans' diverse needs, we can progressively enhance their sense of participation and belonging, ultimately guiding them towards self-realisation.

Mainstream culture serves as a vehicle for expressing and disseminating dominant ideologies. The relationship between mainstream culture and fan culture extends beyond a simplistic dynamic of "assimilation versus resistance". By examining the content and forms of expression within popular fandom discourse and adopting presentation formats favoured by young audiences – such as videos, images, musical performances, and popular expressions – we can convey the values embodied in mainstream culture.

Secondly, exemplary opinion leaders should be established within fan communities. Online platforms should be used to promote representative figures and their positive actions, providing fans with spiritually enriching content. Fans should be encouraged to disseminate positive messages, communicate mainstream discourse and values, enrich the positive content of mainstream cultural life, and enhance the appeal of mainstream ideological expression. This approach not only fulfils fans' higher-level need for self-actualisation but also stimulates the initiative and creativity of fan communities, encouraging broader participation in mainstream cultural activities.

Upholding the cultivation of spirit and nurturing of talent, we must expand the influence of mainstream values within fan communities. Education in mainstream values serves as a vital pathway to strengthen societal identification with the dominant ideology. Educators should keep pace with the evolving trends and reformed philosophies of contemporary education, adapting to the spirit of the times by renewing their perspectives. They must expand the reach of mainstream values within fan communities through two dimensions: steadfast commitment to core values and innovative adaptation to the era, thereby continuously strengthening guidance and regulation over fan culture. Firstly, ideological and political education should be integrated with fan culture. Educators must grasp the ideological currents and interests of young university students, understand the hotspots and focal points within the fan communities they follow, paying attention to their developmental stages of self-awareness, internal cognition, and emotional needs. They should fully explore the value-education elements within fan culture, integrating them into the ideological and political education system. This includes incorporating critiques of fan culture's chaotic phenomena and cases of celebrities' illegal or unethical conduct into teaching content, organising students to collect materials, present viewpoints, and showcase outcomes through diverse formats such as thematic sessions and debates.Incorporate teaching elements embodying patriotic sentiment, noble moral character, and spiritual integrity into classroom instruction. This breaks the 'echo chamber' of entrenched values within fan communities, enhancing students' rational cognition and independent thinking abilities. It stimulates their sense of agency, enabling them to identify online rumours and resist detrimental trends within fan circles.Secondly, correcting students' misconceptions about idols: idols are not synonymous with celebrities or entertainers. Outstanding figures from all walks of life striving for the nation's prosperity deserve greater attention.Leveraging current domestic and international contexts, we should highlight exemplary figures of particular relevance to students at specific times—such as Olympic athletes or distinguished diplomats—to ignite patriotic fervour and a spirit of endeavour. By guiding students to aspire to become "people who embody the qualities of their idols," we motivate them to pursue continuous self-improvement, thereby unifying personal fulfilment with societal contribution.

4. Conclusion. This study centres on the interactive relationship between fan culture and university students' alignment with mainstream values, systematically revealing the complex landscape of

values education within youth subcultures.The core breakthrough lies in dismantling the binary perception of "fan culture versus mainstream values," clarifying its dual role as a vehicle for value transmission. It simultaneously provides students with diverse channels for self-expression and group belonging, while also reshaping the arena for youth value formation through its layered dissemination logic. This presents mainstream value education with dual challenges: achieving discursive adaptation and forging emotional connections.

Theoretically, this study constructs an analytical framework of "subcultural characteristics – value identification dilemmas – educational adaptation pathways". By integrating the communal, emotional, and communicative dimensions of fan culture with the psychological processes and social mechanisms of university students' value identification, it addresses the fragmented limitations of existing research, which often leans towards "phenomenological descriptions of subcultures" or "macro-level policy-oriented approaches to values education". This framework offers a fresh theoretical perspective for research at the intersection of youth subcultures and values education. Furthermore, the study confirms that the formation of youth values is not a unidimensional process of "acceptance" or "resistance", but rather a dynamic equilibrium shaped by interactions within fan communities, symbolic interpretation, and interest-based negotiations. This finding deepens our understanding of the patterns governing the formation of youth values in the new era.

At the practical application level, the three educational strategies proposed in this study both respond to the fan-circle community's demand for autonomous identity and provide educators and cultural governance departments with actionable pathways. By strengthening the discursive transformation capacity of mainstream ideology, identifying points of convergence between mainstream culture and youth interests, and constructing positive value dissemination mechanisms within fandom circles, these strategies achieve the organic integration of mainstream values with fan-circle culture.

The study's limitations lie in its theoretical framework, constructed through literature analysis. While validated by existing empirical research, it lacks longitudinal empirical examination of specific universities or fan communities, hindering a comprehensive presentation of the dynamic evolution of value identification.Future research should focus on conducting long-term tracking studies of university student fan groups to validate and refine this theoretical framework. Simultaneously, expanding the research perspective to a global context—comparing the interactive patterns between youth subcultures and mainstream values education across different cultural backgrounds—will enhance the cross-cultural applicability of findings, offering more comprehensive insights for youth ideological education in an era of cultural diversity.

References

1. Wei Zhaoxi, Daurova M. H., Valimamedova M. G. Organizational and pedagogical conditions for the development of critical thinking among university students [J] // Bulletin of Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn. – 2024. – URL: https://vestnik.knu.kg/wp-content/uploads/2025/11/Спецвыпуск-ИКТИ.pdf

2. Han Ruixue, Usenalieva M. N., Baitikova Sh. A. Promoting the Development of Students' Social Maturity in the Process of Social Activities [J] // Bulletin of Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn. – 2024. – Special Issue. – P. 102–103. – URL: https://vestnik.knu.kg/wp-content/uploads/2025/03/ККИ-спецвыпуск.pdf

3. Peng Lan. Research on New Media Users [M]. – Beijing: China Renmin University Press, 2020.

4. Xu Huaizhi. A Cultural Perspective on and Guidance for the Behaviour of Youth in Fan Circles [J] // Journal of Sichuan Vocational and Technical College. – 2023. – Vol. 33, No. 2. – P. 68–72. – DOI: 10.13974/j.cnki.51-1645/z.2023.02.016.

5. Xi Zhiwu, Li Huaying. Potential Risks of "Fan Circle Culture" to Mainstream Online Ideology and Governance Countermeasures [J] // Journal of Anhui Normal University (Humanities and Social Sciences Edition). – 2022. – Vol. 50, No. 2. – P. 78–85. – DOI: 10.14182/j.cnki.j.anu.2022.02.010.

6. Zhang Shichao, Hu Cencen. Fans, Platforms, Capital and the State: Anti-Black Campaigns in Fan Circles and Their Governance from a Multi-Agency Perspective [J] // Learning and Practice. – 2021. – No. 7. – P. 132–140. – DOI: 10.19624/j.cnki.cn42-1005/c.2021.07.015.
7. Peng Yan. The Corrosive Effects of Extreme Fan Culture on Youth Ideals and Beliefs: An Exploration of Countermeasures [J] // Hongyan Spring and Autumn. – 2025. – No. 9. – P. 137–140. – DOI: 10.16684/j.cnki.hycq.2025.09.021.
8. Xu Huijie. A Study on the Triple Logic of Achieving Value Recognition by Transcending "Inter-Subjectivity" [D]: Doctoral dissertation. – Jilin: Jilin University, 2023. – DOI: 10.27162/d.cnki.gjlin.2023.007574.
9. Li Jianhua. Emotional Identification and Value Identification [N] // Guangming Daily. – 2018. – 28 May. – P. 14.
10.Yang Xueying. Confronting "Fan Culture" and Prioritising Value Identification Among University Students [J] // Cultural Industry. – 2024. – No. 34. – P. 107–110.
11.Marx K., Engels F. Collected Works of Marx and Engels. Vol. 1 [M]. – Beijing: People's Publishing House, 2012. – P. 135.
12.Guo Qiang, Wang Jiongrui. The Generative Logic, Practical Hazards and Governance Pathways of Group Polarisation Among University Students in the Context of "Fan Circle" Culture [J] // Journal of Langfang Normal University (Social Sciences Edition). – 2025. – P. 1–9. – DOI: 10.16124/j.cnki.cn13-1390/c.20251223.001.
13.Chen Yufei. The Internal Mechanisms of Extreme Fan Culture Influencing Youth Values and Approaches to Rectification [J] // Journal of Taiyuan University (Social Sciences Edition). – 2025. – P. 1–10. – DOI: 10.13710/j.cnki.cn14-1294/g.20250916.001.
14.Peng Huanping, Liu Niannian. Profiling the Fan Circle Beyond Chaos: An Exploration of Psychological Mechanisms in Fan Star-Chasing Practices [J] // Hebei Academic Journal. – 2022. – Vol. 42, No. 3. – P. 201–207.
15.Chen Zhuo, Zhao Shiyu. The Generative Logic, Ideological Risks, and Mitigation of "Fan Circle Alienation" [J] // Journal of Chongqing University of Posts and Telecommunications (Social Sciences Edition). – 2023. – Vol. 35, No. 4. – P. 107–116.
16.Yang Yuchuan. Ideological Dilemmas and Governance Pathways of "Fan Circle Culture" [J] // Hongyan Chunqiu. – 2025. – No. 9. – P. 133–136. – DOI: 10.16684/j.cnki.hycq.2025.09.028.
17.Jing Xingwei, Gao Wei. Value Identification in Fan Circle Collective Rituals [J] // Contemporary Youth Research. – 2022. – No. 2. – P. 80–87.
18.Ling Xiaoxiong, Wei Kaihong. Demystifying and Regulating "Fan Circle Culture": Reflections from Cultural Sociology [J] // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2021. – Vol. 43, No. 3. – P. 127–139. – DOI: 10.14100/j.cnki.65-1039/g4.20211209.001.
19.Ma Shanshan. Enhancing Media Literacy Among Young People in the Face of Online Risks [EB/OL] // Guangming Daily. – 2020. – 18 September. – URL: https://m.gmw.cn/baijia/2020-09/18/34198282.html
20.Xi Jinping. Holding High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Striving in Unity for the Comprehensive Construction of a Modern Socialist Country: Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China [EB/OL]. – 2022. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm

Reviewer: Doctor of Philosophical Sciences, Professor Saadanbekova Ch.I.

УДК 37.016:811.111'342.4

Джумагулова Н.С., Имашбекова Н.Дж.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Джумагулова Н.С., Имашбекова Н.Дж.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Dzhumagulova N.S., Imashbekova N.Zh.

ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮ ШАРТЫНДА ИНТОНАЦИЯНЫ ОКУТУУ АРКЫЛУУ КОММУНИКАТИВДИК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮКТҮ ӨНҮКТҮРҮҮ (Кыргыз Республикасындагы чет тилдер факультеттеринин студенттерин окутуунун мисалында)

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ИНТОНАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (На примере обучения студентов факультетов иностранных языков Кыргызской Республики)

DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE THROUGH INTONATION TRAINING IN INCLUSIVE EDUCATION (Based on the Training of Foreign Language Faculty Students in the Kyrgyz Republic)

Кыскача мүнөздөмө: Макала Кыргызстандын инклюзивдик билим берүү шартында чет тилдер факультетинин студенттеринин коммуникативдик компетенттүүлүгүн интонацияны окутуу аркылуу өнүктүрүүгө арналган. Маанини, эмоцияларды жана ниеттерди берүүдө функционалдык интонацияга басым жасалган. Системалуу-ишмердүүлүк, компетенттүүлүк жана инклюзивдик ыкмалар колдонулган. Методдор: талдоо, байкоо, сурамжылоо, микроокутуу, кейс-стади. Теориялык-фонетикалык, инклюзивдик-педагогикалык, методикалык, диагностикалык жана рефлексивдик компоненттерди камтыган методикалык модель, ошондой эле инклюзивдик класстар үчүн интонация боюнча практикалык көнүгүүлөр жана тапшырмалар сунушталган.

Аннотация: Статья посвящена развитию коммуникативной компетенции студентов факультета иностранных языков посредством обучения интонации в условиях инклюзивного образования Кыргызстана. Акцент сделан на функциональной интонации для передачи смысла, эмоций и намерений. Использованы системно-деятельностный, компетентностный и инклюзивный подходы. Методы: анализ, наблюдение, анкетирование, микропреподавание, кейс-стади. Предложена методическая модель, включающая теоретико-фонетический, инклюзивно-педагогический, методический, диагностический и рефлексивный компоненты, а также практические упражнения и задания по интонации для инклюзивных классов.

Abstract: The article addresses the development of communicative competence among students of foreign language faculties through intonation training in the context of inclusive education in Kyrgyzstan. It focuses on functional intonation for conveying meaning, emotions, and intentions. The study uses systemic-activity, competence-based, and inclusive approaches. Methods include analysis, observation, questionnaires, microteaching, and case studies. A methodological model comprising theoretical-phonetic, inclusive-pedagogical, methodological, diagnostic, and reflective components is proposed, along with practical intonation exercises and tasks for inclusive classrooms.

Негизги сөздөр: коммуникативдик компетенттүүлүк; интонация; инклюзивдик билим берүү; чет тили; чет тилдер факультетинин студенттери; өзгөчө билим берүү муктаждыктары.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; интонация; инклюзивное образование; иностранный язык; студенты факультета иностранных языков; особые образовательные потребности.

Keywords: communicative competence; intonation; inclusive education; foreign language; students of foreign language faculties; special educational needs.

1. Introduction. In the context of globalization and technological development, foreign language education plays an important role in the Kyrgyz Republic. Modern foreign language teachers must develop not only linguistic and sociocultural competences but also the ability to work in inclusive classrooms and adapt teaching to learners with special educational needs (SEN).

Intonation is essential for expressing meaning, emotions, intentions, and politeness. For learners with SEN, it can provide an additional means of communication. Therefore, future teachers need to understand how to teach intonation and adapt activities to individual learning needs.

Inclusive education is supported by national legislation and initiatives in Kyrgyzstan, including the SmartEd 2025–2029 project implemented with UNICEF. Recent policy measures also aim to improve access to inclusive education, strengthen teacher training, and update educational materials.

The aim of this study is to analyze regulatory frameworks, educational programs, and methods for foreign language teaching in inclusive settings in Kyrgyzstan and to develop approaches to improving future teachers' communicative competence through intonation training.

2. Theoretical Foundations. In contemporary foreign language teaching methodology, communicative competence includes linguistic, speech, sociocultural, compensatory, and learning-cognitive components. The *Common European Framework of Reference for Languages* (CEFR) specifically identifies phonological competence, which includes the ability to use intonation, stress, rhythm, pausing, and speech tempo [1]. Consequently, the development of communicative competence cannot be separated from systematic work on the phonetic and intonational organization of speech.

The development of communicative competence among future foreign language teachers in Kyrgyzstan is addressed in the work of B. Zhakshylykov, who emphasizes the importance of communicative competence in professional language training and points to the need for its purposeful development within the educational environment of the Shanghai Cooperation Organisation countries [2]. The researcher emphasizes that communicative competence is not only an educational goal but also a means of professional adaptation for future teachers.

Issues of inclusive education in the Kyrgyz Republic have been extensively studied by R. B. Salmorbekova and A. Abduvapova, who consider inclusive education as a factor of social integration of persons with disabilities. The authors note that, despite legislative guarantees, the practical implementation of inclusion remains limited because of insufficient infrastructure, a shortage of appropriately trained personnel, and social stereotypes [3]. Particularly relevant to the present study is their conclusion concerning the need to reconsider approaches to teacher training in the context of inclusive education.

G. T. Karabalaeva, examining the state and prospects of inclusive higher education in the Kyrgyz Republic, emphasizes that contemporary processes of democratization and humanization of education in Kyrgyzstan are closely connected with the development of inclusive higher education. Based on research conducted in nine higher education institutions in Kyrgyzstan, the author concludes that the creation of an accessible environment for inclusive education is one of the important conditions for the accreditation of educational programs [4].

E. Zh. Zhanybekova considers inclusive competence as a key component of the professional culture of the modern teacher. In her work, inclusive education is analyzed as a social and philosophical phenomenon that ensures equal access to quality education for every child. The author emphasizes that the teacher of the twenty-first century is not only a bearer of knowledge but also an important agent in shaping social consciousness and promoting social justice [5].

2.1. Intonation as a Component of Communicative Competence

Intonation performs several important functions in foreign-language communication:

- meaning-distinguishing function – differentiating questions, statements, requests, and other communicative types;
- emotional-expressive function – conveying joy, sadness, surprise, resentment, sympathy, and other emotional states;
- pragmatic function – expressing communicative intentions such as prompting, attracting attention, confirming, or closing a dialogue;
- social function – contributing to politeness, friendliness, cooperation, and social inclusion;
- regulatory function – organizing the tempo, rhythm, pauses, and structural development of dialogue.

Research by Kyrgyz scholars in the field of intonation confirms the importance and broad communicative potential of intonational means. M. N. Abdykarimova notes that intonation is a universal phenomenon characteristic of all languages and serves to express thoughts, feelings, requests, and the emotional state of the interlocutor [6]. Z. S. Karmyshakova developed a system of intonational means in Kyrgyz and Russian in her dissertation research, which is important for comparative studies of intonation [7]. M. Zh. Tumonbaeva examines the relationship between intonation and emotion and emphasizes the need for further investigation of expressive and emotional processes in the Kyrgyz language [8].

In an inclusive classroom, intonation also becomes a means of social integration. Children with special educational needs (SEN) may experience difficulties in perceiving and reproducing intonation patterns. Monotonous speech, inappropriate sentence stress, and difficulties with tempo, rhythm, and pausing may hinder comprehension and create communication barriers. At the same time, typically developing peers may not always be prepared to understand the specific characteristics of the speech of classmates with SEN.

Therefore, future foreign language teachers need not only to master the normative intonation patterns of the target language but also to possess methods for adapting intonation instruction to an inclusive educational environment.

2.2. Connected Speech and Consonant Modification in Intonation Training. Particular attention should be paid to the modification of sounds in connected speech, since the intonational organization of an utterance is closely connected with phonetic processes occurring at word boundaries and within speech groups. As N. S. Dzhumagulova notes, in the flow of speech, consonant sounds may undergo substantial changes under the influence of neighbouring sounds, which should be taken into account when teaching foreign-language pronunciation [13].

Modification of consonants in connected speech is a natural feature of fluent speech and contributes to its phonetic continuity and naturalness. However, for non-native speakers and, in particular, for students with SEN, such phenomena may create additional difficulties in both perception and reproduction. For this reason, pronunciation training should combine work on individual sounds with the analysis of their realization in connected speech and their relationship with rhythm, stress, pausing, and intonation.

The following examples illustrate consonant modification processes that can be incorporated into intonation training.

Assimilation involves the influence of one consonant on a neighbouring sound: that boy [ðæt bɔɪ] → [ðæp bɔɪ]; good girl [gʊd gɜːl] → [gʊg gɜːl]; ten minutes [ten mɪnɪts] → [tem mɪnɪts].

Elision involves the omission of a consonant in fluent speech: next day [nekst deɪ] → [neks deɪ]; friendship [frendʃɪp] → [frenʃɪp]; must be [mʌst biː] → [mʌs biː].

Voicing and devoicing may also occur in connected speech: of course [ɒv kɔːs] → [ɒf kɔːs]; have to [hæv tuː] → [hæf tuː]; newspaper [njuːzpeɪpə] → [njuːspeɪpə].

These forms should be presented as context-dependent tendencies, since their realization may vary according to speech rate, speaking style, emphasis, and individual pronunciation. Consonant modification should therefore be taught together with rhythm, stress, tempo, pausing, and intonation.

2.3. Intonation, Communicative Meaning, and Pragmatic Intention. Intonation contributes to the interpretation of communicative meaning and speaker intention. The same lexical material may express different meanings depending on pitch movement, stress, rhythm, and pausing:

- *Are you ready?* ↗ — question;
- *You are ready.* ↘ — statement;
- *I wanted to speak to the **MANAGER**.* — emphasis on the object;
- *I **WANTED** to speak to the manager.* — changed information focus.

Similarly, *Really?* ↗ may express surprise or request confirmation, while *Really.* ↘ may express certainty.

Thus, learners should understand not only **how** an intonation pattern is produced but also **why** it is used in a particular communicative situation.

2.4. Intonation and Inclusive Foreign Language Education. In inclusive education, intonation training should employ multimodal and differentiated techniques. Rising and falling tones can be represented through arrows, hand movements, colour coding, and graphic pitch contours. Teachers can also mark stressed words and pauses visually and provide repeated listening and controlled practice.

Learners with articulation or auditory difficulties may benefit from slow modelling, articulation cards, choral and pair work, and a gradual transition from individual sounds to connected speech. Such adaptations provide additional support without reducing the communicative content of instruction.

2.5. Specific Examples of Intonation Patterns and Exercises.

The following exercises combine intonation, connected speech, and communicative intention.

Distinguishing Communicative Sentence Types. Learners practise: *You are coming.* ↘ — statement; *You are coming?* ↗ — question; *Come here.* ↘ — request or instruction; *You came!* ↘ — exclamation.

"Link the Words". Learners practise *that boy*, *good girl*, and *ten minutes*, first slowly and then at a natural speech rate, using rising and falling intonation.

"Lost Sound". Learners identify possible consonant elision in *next day*, *friendship*, and *must be* and reproduce these expressions in complete sentences with appropriate intonation.

"Devoicing and Voicing". Learners practise *of course*, *have to*, and *newspaper*, focusing on consonant transitions, rhythm, and logical stress.

"Intonation Contrast". The same phrase is pronounced with different communicative intentions: *You finished.* ↘ *You finished?* ↗ *You finished!* ↘

Inclusive Adaptation. For learners with SEN, exercises can include articulation cards, colour-coded pronunciation cues, graphic pitch contours, visual marking of stress and pauses, joint pronunciation with the teacher, choral and pair work, and repeated listening.

Overall, intonation training should be treated as an integral component of communicative competence. Its effective implementation requires the integration of phonological awareness, connected-speech skills, communicative intention, and inclusive pedagogical support.

3. Methodology and Organization of the Study. The methodological basis of the study consisted of systemic-activity, competence-based, and inclusive approaches. The research employed theoretical analysis, modeling, pedagogical observation, questionnaires, microteaching, and reflection.

The study was conducted at foreign language faculties of higher education institutions in the Kyrgyz Republic. The participants included second- and third-year students studying English, German, and French, as well as teachers from relevant academic departments. The diagnostic procedures included assessment of students' phonetic and intonational competence, methodological readiness to teach intonation, readiness to work with children with SEN, and self-assessment of communicative and pedagogical difficulties.

The analysis showed that most students were aware of the importance of intonation but experienced difficulties in describing it systematically. They did not always know how to select appropriate exercises for different categories of learners and had insufficient experience in adapting phonetic materials for children with SEN.

There is a shortage of qualified specialists capable of combining methodological and psychological approaches to inclusive education in institutions that prepare foreign language teachers. The Kyrgyz State University named after I. Arabaev offers a master's program in "Comparative Special Pedagogy and Psychology," aimed at preparing highly qualified educational professionals to work with persons with disabilities and special educational needs.

Within the framework of the AELLCA project (*Accelerating English Language Learning in Central Asia*), implemented by the British Council, international seminars are held at KSU named after I. Arabaev. These seminars focus on the pedagogical training of English teachers and the development of inclusive educational systems in Central Asian countries.

The Kyrgyz National University named after J. Balasagyn has also hosted an international seminar-training involving professors from the University of Leeds, United Kingdom, devoted to inclusive education and contemporary approaches to assessing second-language writing.

4. Results and Discussion. The study of the development of communicative competence through intonation training in the context of foreign language teaching at higher education institutions in the Kyrgyz Republic employed various research methods, including analysis of university documents, questionnaires, observation, case studies, resource assessment, and examination of university policies concerning inclusive education [11].

The diagnosis of the intonational competence of foreign language faculty students was conducted in three stages: an initial diagnostic stage, a formative stage, and a control stage. The experimental group participated in the formative intervention, while the control group followed the traditional curriculum.

The diagnostic tools included a test of the perception of intonation patterns through listening, a test of the reproduction of intonation patterns through speaking, expert assessment of speech expressiveness, students' self-assessment of their own intonational competence, and assessment of their readiness to teach intonation to children with SEN.

The analysis of the results showed that the majority of students demonstrated medium and low levels of intonational competence. The most problematic areas were the reproduction of intonation patterns and emotional expressiveness of speech, which confirms the need for systematic and purposeful intonation instruction.

4.1. Specific Examples of Intonation Patterns and Exercises. To develop the intonational competence of future foreign language teachers, we developed and tested practical tasks based on specific intonation patterns. The following examples can be used in practical phonetics and foreign language teaching methodology classes.

1. Distinguishing Communicative Sentence Types.

- Yes/no question — rising intonation (↗): *Are you ready?* / *Is it your book?*
- Wh-question — falling intonation (↘): *Where are you going?* / *What time is it?*
- Statement — falling intonation (↘): *I live in Bishkek.*
- Request — rising intonation (↗): *Could you help me?*
- Command — falling intonation (↘): *Close the door.*
- Exclamation — high falling intonation (↘↘): *What a beautiful day!*

These patterns should be introduced not as rigid rules but as commonly occurring tendencies. Students should be encouraged to listen to authentic speech and observe how intonation changes according to context, speaker intention, and interpersonal relationship.

2. Expressing Emotions and Attitudes through Intonation

- Joy — a high falling-rising or rise-fall contour: *That's wonderful!*
- Surprise — a high rising contour: *Really?*
- Uncertainty — a falling-rising contour (↘↗): *Maybe…*
- Sympathy — a low, gentle tone: *I'm so sorry.*
- Irritation — a sharp falling contour: *Stop it!*
- Politeness — a smooth rising contour, particularly in requests: *Would you like some tea?*

The same lexical expression may communicate different meanings depending on intonation. For example: *Really?* /↗/ — genuine surprise or a request for confirmation. *Really.* /↘/ — certainty or emphasis. *Really…* /↘/↗/ — reservation, doubt, or implied disagreement.

Such examples help students understand that intonation is not an additional element of speech but an important component of meaning construction.

3. Exercises for Intonation Practice

- "Say It Differently" — pronounce the same phrase (*Hello!*, *Thank you*, *Sorry*) using different intonation patterns: happily, sadly, with surprise, angrily, or indifferently.

- “Intonation Bingo” — match an audio fragment with an emotion or communicative intention, such as a question, request, command, or exclamation.
- “Emotion Cards” — reproduce utterances according to a given intonation model using a visual card with arrows or other graphic markers.
- “Rhythmic Chains” — practice sentence stress, rhythm, and pausing using simple phrases.
- “Shadowing with Emotions” — repeat after a speaker while maintaining the melody and tempo of the original utterance, followed by emotional variation.
- Role-play dialogues — greetings, requests, expressions of gratitude, apologies, and sympathy with obligatory attention to intonation.
- Dramatization and role reading — development of expressive speech.
- Movement and gesture games — support for children with SEN through multimodal cues, such as moving the hand upward or downward to indicate pitch and clapping to indicate rhythm.

4. Adaptation of Tasks for Children with SEN. The following adaptations can be used: visual supports, including cards with ↗ and ↘ arrows, color-coded pitch patterns, and intonation diagrams; reduced speaking tempo, longer pauses, and repeated practice; gestures, facial expressions, and body movements, such as raising the hand to indicate a higher pitch and lowering it to indicate a lower pitch; pair and group support, including peer tutoring; positive reinforcement and a non-judgmental classroom atmosphere.

5. Content of Foreign Language Faculty Student Training. Based on the analysis of theoretical materials and diagnostic results, an educational module entitled “Intonation in Inclusive Foreign Language Education” was developed. The module can be incorporated into courses in foreign language teaching methodology, practical phonetics, and teaching practice.

Structure of the Module

1. Theoretical-phonetic component — intonation, melody, stress, rhythm, pausing, tempo, timbre, and the functions of intonation in foreign-language speech.
2. Inclusive-pedagogical component — special educational needs, communication barriers, and principles of adapting educational materials.
3. Methodological component — exercises and games for teaching intonation in an inclusive classroom.
4. Diagnostic component — criteria for assessing intonational and communicative competence.
5. Reflective component — lesson analysis, self-assessment, and supervision.

Following the implementation of the module, students demonstrated improvements in the accuracy of perceiving and reproducing intonation patterns, their ability to explain the functions of intonation in a way accessible to schoolchildren, their readiness to select exercises according to SEN, their ability to analyze children’s communication difficulties and adapt tasks accordingly, and their confidence in working in inclusive classrooms.

Students reported that intonation was no longer perceived as a narrow phonetic topic but rather as an instrument for communicative development, inclusion, and support for all learners.

6. Discussion. The results are consistent with the principles of competence-based and inclusive approaches: the development of communicative competence is impossible without attention to the prosodic dimension of speech. For foreign language faculty students, intonation training should therefore be integrated into their methodological preparation.

A future teacher should be able to: master the intonation system of the target language; explain its meaning-distinguishing and emotional functions; adapt phonetic materials for children with SEN; use game-based, multimodal, and communicatively oriented tasks; assess not only formal correctness but also the communicative effectiveness of speech [12].

It is particularly important that intonation can facilitate the participation of children with SEN in communication even when they have a limited vocabulary or difficulties producing extended utterances. In this sense, intonation can serve as an accessible “bridge” to dialogue, cooperation, and social integration.

In the context of foreign language learning in the Kyrgyz Republic, the implementation of inclusive principles contributes to the creation of equal educational opportunities for all students while taking their individual needs and characteristics into account [9]. Inclusive practices help create a friendly, comfortable, and supportive educational environment and provide learners with a successful learning experience.

An integral component of inclusive education is the development of students' communicative skills. English language teaching should provide opportunities to use the language in a variety of communicative situations, thereby improving both productive and receptive communication skills. Assessment in this context may include analysis of students' ability to understand and express ideas in English both orally and in writing.

An important outcome of inclusive education is increased confidence and self-esteem among students, particularly those with special educational needs. Successful foreign language learning contributes not only to the development of language skills but also to greater confidence in students' own abilities.

Differentiated instruction is a fundamental element of inclusive education, particularly in foreign language teaching. This approach requires consideration of students' individual characteristics, needs, and levels of preparation. The first step should be an assessment of each student's language skills, on the basis of which the educational process can be adapted.

As researchers note, successful implementation of inclusive education requires a comprehensive approach that includes teacher preparation, appropriate educational and methodological materials and equipment, and the creation of an atmosphere of tolerance and mutual understanding in the classroom [10].

Differentiated instruction also involves the use of diverse educational materials and teaching methods. Multimedia technologies, interactive exercises, and role-playing activities can facilitate more effective learning while addressing different learning preferences. An important aspect is the creation of a supportive and cooperative classroom environment in which students can work in pairs, assist one another, and develop social and communicative skills.

Modern technologies, including interactive whiteboards and specialized software, can significantly enhance the learning process. They make it possible to diversify teaching methods and provide a more individualized approach to each student.

7. Conclusion. Successful inclusive education requires recognition of students' individual needs and the flexible adaptation of teaching methods. In foreign language education in the Kyrgyz Republic, inclusive approaches help ensure equal learning opportunities and create a supportive educational environment.

Teaching intonation is an important component of communicative competence. It enables future foreign language teachers to master the target language's intonation system, explain its semantic and emotional functions, adapt phonetic materials for students with special educational needs (SEN), apply multimodal and game-based activities, and assess communicative effectiveness.

Inclusive language teaching promotes language development, social integration, and students' confidence. Further research should focus on improving methods for developing intonational and communicative competence and preparing practical recommendations for teachers working in inclusive educational settings in Kyrgyzstan.

References

1. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. – Strasbourg; Cambridge: Council of Europe, 2001. – 256 p.

2. Zhakshylykov B. Professional Training of Foreign Language Teachers in Kirghizia: The Aspect of Communicative Competence // Scientific Research and Development. Modern Communication Studies. – 2024. – Vol. 13, No. 3. – P. 45–52.

3. Salmorbekova R. B., Abduvapova A. Inclusive Education as a Factor of Social Integration of Persons with Disability in Kyrgyzstan // Journal of Pedagogy. – 2023. – No. 2. – P. 24–36.

4. Karabalaeva G. T. The State and Prospects for the Development of Inclusive Higher Education in the Kyrgyz Republic : Report presented at the International Scientific and Practical Conference "Inclusive

Education in Higher Education Institutions: Challenges and Solutions.” – Astana: L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2024.
5. Zhanybekova E. Zh. Inclusive and Environmental Competence: The State of Inclusive Education in the Development of the Professional Culture of the Modern Teacher // Proceedings of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. – 2026. – No. 11. – P. 273–276.
6. Abdykarimova M. N. Functions of Intonation // Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan. – 2020. – No. 5. – P. 112–116.
7. Karmyshakova Z. S. The System of Intonational Means in the Russian and Kyrgyz Languages : Abstract of PhD Dissertation in Philology. – Bishkek, 1995. – 26 p.
8. Tumonbaeva M. Zh. The Relationship between Intonation and Emotion // Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan. – 2019. – No. 8. – P. 98–102.
9. Abdyldaev A. Development Trends of Inclusive Education in Kyrgyzstan. – Bishkek: Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic, 2020. – 48 p.
10. Mambetakunov U., Akylbekova A. Differentiated Instruction as a Foundation for Inclusive Education in Primary School // Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. – 2025. – Vol. 17, No. 1. – P. 64–71. – DOI: 10.58649/1694-8033-2025-1(121)-64-71.
11. Zheenbaeva G. Inclusive Education: Theory and Practice. – Osh: Osh State University Press, 2021. – 156 p.
12. Toktosunova N. Teacher Competence in Educating Children with Disabilities. – Bishkek: Kyrgyz State University named after I. Arabaev, 2019. – 112 p.
13. Dzhumagulova N. S. Modification of Consonant Sounds in Connected Speech // Bulletin of KNU named after Zhusup Balasagyn. – Bishkek, 2025. – Special issue. – P. 242–250.

Reviewer: Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Alishova I.K.

УДК 376.1:81'243

Доорaнбекова Б.Д.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Доорaнбекова Б.Д.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Dooranbekova B.D.
KNU Jusup Balasagyn

ЧЕТ ТИЛИН ОКУТУУДА ИНКЛЮЗИВДИК МАМИЛЕ: СТУДЕНТТЕРДИН ЖЕКЕЧЕ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮН ЭСКЕ АЛУУ МЕНЕН ОКУТУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУ

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ С УЧЁТОМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

AN INCLUSIVE APPROACH TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING: THE EFFECTIVENESS OF INSTRUCTION TAILORED TO STUDENTS’ INDIVIDUAL CHARACTERISTICS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада студенттердин жекече өзгөчөлүктөрүн эске алуу менен чет тилин окутууда инклюзивдик мамилени колдонуунун натыйжалуулугу изилденет. Изилдөөдө студенттердин когнитивдик стилдери, тилдик даярдык деңгээлдери жана мотивациялык өзгөчөлүктөрү эске алынып, дифференциацияланган окутуу ыкмалары сыналган. Бишкек шаарындагы жогорку окуу жайлардын 150 студенти катышкан сандык жана сапаттык ыкмаларды айкалыштырган изилдөөнүн жыйынтыктары дифференциацияланган педагогикалык стратегиялар студенттердин тилдик компетенттүүлүгүн, коммуникативдик активдүүлүгүн жана окууга болгон мотивациясын жогорулатууга өбөлгө түзөрүн көрсөтөт. Макалада орто жана жогорку окуу жайларында чет тилин окуткан мугалимдер жана окутуучулар үчүн практикалык сунуштар берилет.

Аннотация: В статье исследуется эффективность инклюзивного подхода к обучению иностранному языку с учётом индивидуальных особенностей студентов. В ходе исследования, сочетающего количественные и качественные методы, с участием 150 студентов высших учебных заведений Бишкека установлено, что дифференцированные педагогические стратегии, учитывающие когнитивные стили, уровень языковой подготовки и мотивационные особенности обучающихся, способствуют повышению языковой компетенции, коммуникативной активности и учебной мотивации студентов. В статье представлены практические рекомендации для преподавателей иностранных языков средних и высших учебных заведений.

Abstract: The article examines the effectiveness of an inclusive approach to foreign language teaching that takes into account students' individual characteristics. A mixed-methods study involving 150 students from higher education institutions in Bishkek, Kyrgyzstan, indicates that differentiated pedagogical strategies addressing students' cognitive styles, language proficiency levels, and motivational characteristics contribute to the development of language competence, communicative engagement, and learning motivation. The article provides practical recommendations for foreign language teachers at secondary and higher education levels.

Негизги сөздөр: инклюзивдик билим берүү; чет тили; дифференциацияланган окутуу; когнитивдик стиль; тилдик компетенттүүлүк; мотивация; студент.

Ключевые слова: инклюзивное образование; иностранный язык; дифференцированное обучение; когнитивный стиль; языковая компетенция; мотивация; студент.

Keywords: inclusive education; foreign language; differentiated instruction; cognitive style; language competence; motivation; student.

1. Киришүү. Азыркы учурда билим берүү системасы тез өзгөрүп жаткан коомдун талаптарына жооп берүү үчүн үзгүлтүксүз жаңыланып турушу зарыл. Өзгөчө жогорку окуу жайларында чет тилин окутуу практикасы педагогикалык мамилелерди кайра карап чыгууну талап кылууда. Студенттердин когнитивдик, маданий жана тилдик өзгөчөлүктөрүн эске алган инклюзивдик мамиле бул багыттагы актуалдуу маселелердин бири болуп саналат [10, 134-б.].

Дүйнөлүк билим берүү мейкиндигинде инклюзивдик педагогика студенттердин жеке мүмкүнчүлүктөрүн, мурунку тажрыйбасын жана окуу өзгөчөлүктөрүн эске алуу аркылуу бардык билим алуучуларга сапаттуу билим алууга шарт түзүүчү маанилүү педагогикалык мамиле катары таанылган [12]. Бирок Кыргызстандын жогорку окуу жайларында чет тилин окутууда инклюзивдик мамилени колдонуу маселеси теориялык жана эмпирикалык жактан жетиштүү изилдене элек. Бул жагдай изилдөөнүн актуалдуулугун шарттайт.

Макаланын негизги максаты – чет тилин окутууда инклюзивдик мамиленин студенттердин тилдик компетенттүүлүгүнө жана мотивациясына тийгизген таасирин аныктоо жана дифференциацияланган окутуунун натыйжалуу ыкмаларын иштеп чыгуу.

Изилдөөдө төмөнкү суроолорго жооп изделет: 1) Инклюзивдик мамиле чет тилин окутуунун натыйжалуулугуна кандай таасир этет? 2) Студенттердин кайсы өзгөчөлүктөрү дифференциацияланган окутуу стратегияларын аныктоодо эң маанилүү? 3) Кыргызстандын жогорку окуу жайларынын шартында инклюзивдик ыкмаларды кантип натыйжалуу колдонууга болот?

2. Теориялык негиз

2.1. Инклюзивдик билим берүүнүн концепциясы. Инклюзивдик билим берүү – бардык билим алуучулардын жеке өзгөчөлүктөрүнө, жөндөмдүүлүктөрүнө жана маданий айырмачылыктарына карабастан, билим берүү процессине толук кандуу катышуусун камсыз кылууга багытталган педагогикалык мамиле [11]. Бул концепция 1994-жылы кабыл алынган Саламанка декларациясынан тартып дүйнөлүк деңгээлде кеңири таанылып, мектептен жогорку окуу жайларына чейинки билим берүү баскычтарында колдонулуп келет.

Жогорку билим берүүдө инклюзивдик мамиле студенттердин жеке өзгөчөлүктөрүн жана айырмачылыктарын эске алууну билдирет. Бул мамилеге ылайык, ар бир студенттин окуу траекториясы анын жеке мүмкүнчүлүктөрүнө жана муктаждыктарына ылайыкташтырылышы зарыл. Л. С. Выготскийдин [12, 111–112-б.] «жакынкы өнүгүү зонасы» концепциясы бул багыттагы маанилүү теориялык негиздердин бири болуп саналат. Ага ылайык, студент өз алдынча аткара алган тапшырмалардан татаалыраак тапшырмаларды тиешелүү колдоо аркылуу өздөштүрүү менен өнүгөт.

2.2. Дифференциацияланган окутуу теориясы. Дифференциацияланган окутуу (Differentiated Instruction) – К. А. Томлинсон (Tomlinson, 2014) тарабынан өнүктүрүлгөн теориялык жана практикалык мамиле. Бул мамилеге ылайык, окуу мазмуну (content), окуу процесси (process) жана окуунун натыйжасы (product) студенттердин даярдык деңгээлине, окуу өзгөчөлүктөрүнө жана кызыгууларына жараша ылайыкташтырылат [10].

Чет тилин окутууда дифференциацияланган мамиле өзгөчө актуалдуу, анткени студенттердин тилдик даярдык деңгээлдери ар кандай болушу мүмкүн [3]. Мисалы, A1 жана B2 деңгээлиндеги студенттерди бирдей тапшырмалар жана окутуу ыкмалары аркылуу окутуу алардын жеке муктаждыктарын толук эске алууга мүмкүндүк бербейт. Ошондуктан окутуучунун негизги милдети – ар бир студенттин даярдык деңгээлине ылайык тапшырмаларды сунуштоо жана анын тилдик жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө шарт түзүү.

2.3. Когнитивдик стилдер жана тил үйрөнүү. Когнитивдик стиль – адамдын маалыматты кабыл алуу, иштетүү жана пайдалануу жолдорун мүнөздөгөн жеке өзгөчөлүк [9]. Чет тилин үйрөнүүдө визуалдык, аудиалдык жана кинестетикалык окуу стилдери кеңири каралат. Мындан тышкары, маалыматты кабыл алууда контекстке көз карандылык же көз карандысыздык (field dependence/independence), ошондой эле маалыматты иштетүү ылдамдыгы студенттердин чет тилдик компетенттүүлүгүнүн өнүгүшүнө таасир этиши мүмкүн [8].

Айрым изилдөөлөрдө окутуу ыкмаларын студенттердин когнитивдик өзгөчөлүктөрүнө ылайыкташтыруу лексикалык материалды өздөштүрүүгө жана грамматикалык тактыкты жогорулатууга оң таасир тийгизиши мүмкүн экени белгиленет [5]. Бул студенттердин жеке когнитивдик өзгөчөлүктөрүн эске алуунун маанилүүлүгүн көрсөтөт.

3. Изилдөөнүн методологиясы

3.1. Изилдөөнүн дизайны. Изилдөөдө сандык жана сапаттык ыкмаларды айкалыштырган аралаш методологиялык дизайн (mixed-methods design) колдонулду. Сандык бөлүгү изилдөөгө чейинки жана андан кийинки тестирлөөнү, ал эми сапаттык бөлүгү сабак учурундагы байкоолорду жана жарым-жартылай түзүмдөштүрүлгөн маектерди камтыды. Бул ыкма окутуунун сандык көрсөткүчтөрүн жана студенттердин жеке тажрыйбасын ар тараптуу талдоого мүмкүндүк берди.

3.2. Изилдөөнүн катышуучулары жана өткөрүлгөн жери. Изилдөөгө Бишкек шаарындагы үч жогорку окуу жайынан – Ж. Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинен, Кыргыз мамлекеттик педагогикалык университетинен жана Кыргыз-Түрк «Манас» университетинен – 1–2-курстарда окуган жалпы 150 студент катышты. Студенттер максаттуу тандоо ыкмасы (purposive sampling) аркылуу тандалып, эки топко бөлүндү: эксперименталдык топ (n = 75) жана контролдук топ (n = 75). Эки топтогу студенттердин баштапкы тилдик даярдык деңгээли Oxford Placement Test (OPT) аркылуу текшерилип, алардын тил билүү деңгээли A2–B1 аралыгында экени аныкталды.

Изилдөөгө ошондой эле чет тилин окуткан алты окутуучу катышты. Алар менен маектер жүргүзүлүп, инклюзивдик педагогикалык мамилени колдонуудагы тажрыйбалары жана кездешкен кыйынчылыктары тууралуу маалыматтар чогултулду.

3.3. Эксперименталдык окутууну уюштуруу. Эксперименталдык топто 12 жума бою инклюзивдик принциптерге негизделген дифференциацияланган окутуу жүргүзүлдү. Ар бир студенттин окуу өзгөчөлүктөрү Колбдун тажрыйба аркылуу үйрөнүү моделинин (Kolb's Experiential Learning Model) негизинде аныкталды [6]. Лексикалык жана грамматикалык тапшырмалар үч деңгээлде иштелип чыкты: 1) базалык деңгээл – жаңы сөздөрдү которуу жана жаттоо; 2) орто деңгээл

– сөздөрдү контекстте колдонуу жана практикалык тапшырмаларды аткаруу; 3) жогорку деңгээл – чыгармачылык тапшырмаларды аткаруу жана тилдер аралык талдоо жүргүзүү.

Контролдук топто жалпы кабыл алынган коммуникативдик окутуу ыкмасы колдонулуп, тапшырмалар студенттердин жеке өзгөчөлүктөрүнө жана даярдык деңгээлдерине жараша дифференциацияланган эмес.

3.4. Маалыматтарды чогултуу жана талдоо. Студенттердин тилдик компетенттүүлүгү үч көрсөткүч боюнча бааланды: сөз байлыгы (Nation's Vocabulary Levels Test тестинин ылайыкташтырылган варианты), грамматикалык тактык (жазуу иштериндеги каталарды талдоо аркылуу) жана коммуникативдик активдүүлүк (CEFR дескрипторлоруна негизделген оозеки кепти баалоо критерийлери). Сабак учурундагы байкоолордон алынган маалыматтар Браун жана Кларктын [1] тематикалык талдоо ыкмасы аркылуу иштелип чыкты. Маектерден алынган маалыматтар индуктивдик коддоо ыкмасы менен категорияларга бөлүндү.

4. Натыйжалар жана талкуу

4.1. Сандык натыйжалар. Изилдөөдөн кийинки тестирлөөнүн жыйынтыктары эксперименталдык жана контролдук топтордун ортосунда үч көрсөткүч боюнча статистикалык жактан маанилүү айырмачылыктар бар экенин көрсөттү. Эксперименталдык топто лексикалык тесттин жыйынтыгы боюнча орточо өсүш 21,3%ды, ал эми контролдук топто 10,8%ды түздү ($p < 0,01$). Грамматикалык тактык боюнча эксперименталдык топтун жазуу иштериндеги морфосинтаксистик каталар 27%га, контролдук топто 12%га азайды ($p < 0,05$). CEFR дескрипторлорунун негизинде бааланган коммуникативдик активдүүлүк боюнча эксперименталдык топтун көрсөткүчү орточо 1,6 деңгээлге, ал эми контролдук топтуку 0,8 деңгээлге жогорулады.

Студенттердин мотивациясы Дёрньенин (Dörnyei) [4] экинчи тилди үйрөнүүдөгү мотивациялык «Мен» системасынын (L2 Motivational Self System) негизинде бааланып, эксперименталдык топто мотивациянын 18,9%га жогорулаганы аныкталды. Бул жыйынтык дифференциацияланган окутуу студенттердин чет тилин үйрөнүүгө болгон мотивациясын жогорулатууга өбөлгө түзүшү мүмкүн экенин көрсөтөт.

4.2. Сапаттык натыйжалар. Сабак учурунда жүргүзүлгөн байкоолор эксперименталдык топтогу студенттердин тапшырмаларды аткарууга активдүү катышканын жана окууга болгон кызыгуусу жогорулаганын көрсөттү. Инклюзивдик окутуу шартында ар бир студент өзүнүн даярдык деңгээлине ылайык тапшырмаларды аткаруу аркылуу окуу процессине толук кандуу катышууга мүмкүнчүлүк алган. Натыйжада студенттердин коркуу жана уялуу сезимдери азайганы байкалган. Бул көрүнүш Крашендин (Krashen, 1982) аффективдик чыпка гипотезасына шайкеш келет: студент өзүн психологиялык жактан коопсуз сезген шартта чет тилин өздөштүрүүгө жагымдуу мүмкүнчүлүк түзүлөт [7].

Окутуучулар менен жүргүзүлгөн маектерде инклюзивдик ыкмаларды колдонууга кошумча убакыт талап кылынары жана окутуучулардын педагогикалык даярдыгына жогорку талаптар коюлары негизги кыйынчылыктар катары белгиленди. Алты окутуучунун бешөө инклюзивдик стратегияларды колдонуу сабак учурундагы чыңалууну азайтып, студенттердин сабакка катышуу активдүүлүгүн жогорулатканын белгилешкен.

4.3. Инклюзивдик тил окутуунун педагогикалык мааниси. Изилдөөнүн жыйынтыктары инклюзивдик мамиленин чет тилин окутуудагы маанисин бир нече багытта ачып берет.

Биринчиден, дифференциацияланган тапшырмалар системасы студенттердин баштапкы тилдик даярдык деңгээлдериндеги айырмачылыктарды эске алууга мүмкүндүк берет. Мындай мамиле тилди жакшы өздөштүргөн студенттердин кызыгуусун сактоо менен бирге даярдык деңгээли төмөн студенттердин да окуу процессине активдүү катышуусуна жана тилдик жөндөмдөрүн өнүктүрүүсүнө шарт түзөт.

Экинчиден, окутуунун универсалдуу дизайнынын (Universal Design for Learning, UDL) принциптерине ылайык, окуу материалдарын визуалдык, угуу жана практикалык ыкмалар аркылуу

берүү студенттердин маалыматты кабыл алуу мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтет жана алардын тилдик компетенттүүлүгүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт [2].

Үчүнчүдөн, студенттердин өз алдынча окуусун жөнгө салууга багытталган метакогнитивдик стратегияларды (metacognitive strategies) өнүктүрүү узак мөөнөттүү тилдик өнүгүүнүн маанилүү шарттарынын бири болуп саналат [8]. Студент өзүнүн окуу процессин пландап, көзөмөлдөп жана баалай билген учурда, чет тилин аудиториядан тышкары да өз алдынча үйрөнүүгө мүмкүнчүлүк алат.

5. Практикалык сунуштар. Изилдөөнүн жыйынтыктарына таянуу менен Кыргызстандын жогорку окуу жайларында чет тилин окуткан окутуучуларга төмөнкү практикалык сунуштар берилет:

Биринчиден, семестрдин башында студенттердин окуу өзгөчөлүктөрүн жана тилдик даярдык деңгээлдерин аныктоо зарыл. Бул максатта Oxford Learning Styles Survey же Колбдун окуу стилдерин аныктоо сурамжылоосу колдонулушу мүмкүн.

Экинчиден, ар бир тема боюнча тапшырмаларды кеминде үч деңгээлде иштеп чыгуу сунушталат. Бул ар кандай даярдык деңгээлиндеги студенттерге бир сабактын алкагында өз мүмкүнчүлүктөрүнө ылайык тапшырмаларды аткарууга шарт түзөт.

Үчүнчүдөн, коммуникативдик тапшырмаларды аткарууда студенттердин өз ара кызматташуусун жана ролдорду бөлүштүрүү аркылуу активдүү катышуусун камсыз кылуу зарыл. Мисалы, тилдик даярдыгы жогору студент татаалыраак тапшырманы аткарса, баштапкы деңгээлдеги студент башка катышуучулардын колдоосу менен биргелешкен ишке катыша алат.

Төртүнчүдөн, окуу материалдарына маданий ар түрдүүлүктү эске алган мазмунду киргизүү сунушталат. Кыргыз маданиятына байланыштуу тексттерди, диалогдорду жана мисалдарды колдонуу студенттердин маданий өзгөчөлүгүн эске алууга жана чет тилин үйрөнүүнү аларга тааныш турмуштук жагдайлар менен байланыштырууга өбөлгө түзөт.

6. Корутунду. Изилдөөнүн жыйынтыктары чет тилин окутууда инклюзивдик мамилени колдонуу студенттердин тилдик компетенттүүлүгүн, коммуникативдик активдүүлүгүн жана окууга болгон мотивациясын жогорулатууга өбөлгө түзөрүн көрсөтөт. Дифференциацияланган тапшырмалар системасы, студенттердин окуу өзгөчөлүктөрүн эске алуу жана алардын жеке мүмкүнчүлүктөрүн урматтоого негизделген педагогикалык мамиле инклюзивдик жана натыйжалуу тил окутуунун маанилүү шарттары болуп саналат.

Кыргызстандын жогорку окуу жайларында чет тилин окутуунун натыйжалуулугун жогорулатууда студенттердин тилдик жана маданий ар түрдүүлүгүн эске алуу маанилүү. Окутуучу менен студенттин ортосундагы өз ара байланыш, ар бир билим алуучунун жеке окуу траекториясын урматтоо жана окутуу процессин студенттердин муктаждыктарына ылайыкташтыруу инклюзивдик тил окутуунун негизги шарттарын түзөт.

Келечекте бул багыттагы изилдөөлөрдү санариптик инклюзивдик окутуу каражаттарын колдонуу, төмөнкү курстардын студенттерин жана Кыргызстандын аймактарындагы мектептердин окуучуларын камтуу аркылуу кеңейтүү сунушталат.

Колдонулган адабияттар

1. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3, № 2. – P. 77–101.
2. CAST. Universal Design for Learning Guidelines. Version 2.2 [Электрондук ресурс]. – Wakefield, MA : CAST, 2018. – URL: http://udlguidelines.cast.org (кайрылган күнү: 20.04.2026).
3. Crandall J. Collaborate and Cooperate: Teacher Education for Integrating Language and Content Instruction // English Teaching Forum. – 1998. – Vol. 36, № 1. – P. 2–9.
4. Dörnyei Z. Teaching and Researching Motivation. – Harlow : Longman, 2001. – 310 p.
5. Ehrman M., Leaver B. L. Cognitive styles in the service of language learning // System. – 2003. – Vol. 31, № 3. – P. 393–415.
6. Kolb D. A. Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development. – Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1984. – 256 p.

7. Krashen S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Oxford : Pergamon Press, 1982. – 202 p.
8. Oxford R. L. Language learning styles and strategies: An overview // Learning Styles & Strategies. – 2003. – Vol. 1. – P. 1–25.
9. Riding R., Rayner S. Cognitive Styles and Learning Strategies. – London : David Fulton, 1998. – 214 p.
10. Tomlinson C. A. The Differentiated Classroom: Responding to the Needs of All Learners. – 2nd ed. – Alexandria, VA : ASCD, 2014. – 197 p.
11. UNESCO. Policy Guidelines on Inclusion in Education. – Paris : UNESCO, 2009. – 36 p.
12. Vygotsky L. S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978. – 159 p.

Рецензент: филология илимдеринин кандидаты, доценттин м. а. Алишова И.К.
УДК: 378.4

Ду Цзипэн, Карабалаева Г.Т.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ду Цзипэн, Карабалаева Г.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Du Zhipeng, Karabalaeva G.T.
KNU Jusup Balasagyn

ЧОҢ МААЛЫМАТТАР ТЕХНОЛОГИЯСЫНЫН НЕГИЗИНДЕ МЕКТЕПТЕГИ БИЛИМ БЕРҮҮНҮ БАШКАРУУНУ МОДЕРНИЗАЦИЯЛОО
МОДЕРНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ
MODERNIZATION OF SCHOOL EDUCATION MANAGEMENT BASED ON BIG DATA TECHNOLOGIES

Кыскача мүнөздөмө: Интернет технологияларынын тез өнүгүшү алардын колдонулуу чөйрөсүнүн кеңейишине жана чоң маалыматтар технологиясынын өнүгүшүнө шарт түзүүдө. Чоң маалыматтарды колдонуу окуучулардын билим алуусун жана мугалимдердин ишмердүүлүгүн жеңилдетип, билим берүү мекемелеринин өнүгүшүнө өбөлгө түзөт. Заманбап мектептерди башкарууда илимий негизделген чечимдерди кабыл алуу, уюштуруу иштерин өркүндөтүү жана башкаруу процесстерин оптималдаштыруу маанилүү орунду ээлейт. Билим берүү тармагындагы чоң маалыматтар технологиясы башкаруучулук чечимдерди кабыл алууга маалыматтык жана аналитикалык колдоо көрсөтүп, билим берүүнүн сапатын жана башкаруунун натыйжалуулугун жогорулатууга мүмкүндүк берет.

Аннотация: Быстрое развитие интернет-технологий способствует расширению сфер их применения и развитию технологий больших данных. Использование больших данных облегчает образовательную деятельность учащихся и профессиональную деятельность педагогов, а также способствует развитию образовательных учреждений. В управлении современной школой важное значение имеют принятие научно обоснованных решений, совершенствование организационной деятельности и оптимизация управленческих процессов. Технологии больших данных в сфере образования обеспечивают информационно-аналитическую поддержку принятия управленческих решений, способствуя повышению качества образования и эффективности управления.

Abstract: The rapid development of Internet technologies contributes to the expansion of their applications and the advancement of big data technologies. The use of big data facilitates students' learning and teachers' professional activities while supporting the development of educational institutions. Effective management of modern schools requires evidence-based decision-making, improved organizational practices, and optimized management processes. Big data technologies in education provide informational

and analytical support for management decisions, contributing to improvements in educational quality and management efficiency.

Негизги сөздөр: чоң маалыматтар технологиясы; мектеп; билим берүү; заманбап башкаруу.

Ключевые слова: технологии больших данных; школа; образование; современное управление.

Keywords: big data technologies; school; education; modern management.

Introduction

The widespread penetration of modern science and technology in the field of education and teaching has changed traditional educational and teaching modes and enriched the educational and teaching content centered around textbooks. Integrating big data technology into the management of college education can realize the scientific management of college education, improve the pertinence and effectiveness of teaching management, and promote the overall improvement of the quality of college teaching management work. Big data technology can provide more efficient and high-performance management strategies and action paradigms for education management. In the era of data, data plays an important role in human decision-making activities. Compared with previous management measures that were limited to uncertain schemes made based on personal experience, it now relies on regular understanding and forward-looking decisions made based on sufficient scientific data analysis.

I. Big Data

Big data refers to a group of data that exceeds the ability of traditional database software tools to capture, store, manage, and analyze. Big data has typical characteristics such as massiveness, diversity, and high value density. Its commonly used functions mainly include tracking, identification, profiling, prompting, matching, and optimization. Big data technology can obtain data traces generated by people's search on the network and browsing web pages, consumption behaviors, location information, etc., clean the data, and conduct data mining to obtain behavioral trajectories, preferences, positioning, etc. Identification is mainly applicable to data sources such as speech, images, and videos; profiling is to generate a more systematic and comprehensive understanding of an object by tracking, identifying, and matching different data sources of the same individual; evidence is to predict future trends and the possibility of repetitive phenomena based on the portrait; when certain indicators change or there are phenomena beyond expected values, timely warnings will be given; matching is to accurately track, compare, and identify target data in big data based on strong relevance and proximity to achieve more effective supply-demand matching; optimization is to use various algorithms to optimize processes and resource allocation based on the principles of the shortest distance and lowest cost. With the help of big data technology, people will have a deeper understanding of things and have more forward-looking predictions of their development and changes.

II. Educational Informatization

Educational informatization refers to the comprehensive application of modern information technologies based on computers and Internet communication in the field of education, which helps accelerate the speed of comprehensively reforming the education system and adapt to the data requirements for education development proposed by the Internet era. Educational informatization can not only change the traditional educational concepts of teachers but also enrich students' learning methods through the application of new educational technologies. Emphasizing teachers' educational thoughts and ideas, as well as the output of teaching modes, contents, and methods in class will bring what kind of educational information input to students. The concept of quality education no longer requires teachers and parents to instill the idea of "achievement first" in students but focuses on the comprehensive development of students, allowing them to participate in social practice activities more often. Educational reform has great significance for implementing quality education. The environment refers to the environment for learning, including the storage, processing, and transmission of educational information. The educational information

environment mainly includes information network systems for distance education, campus networks in schools, CAI classrooms, network classrooms, various support systems for teaching and learning, and management information systems for managing various educational resources and facilities [1; 2; 3; 4].

III. School Education Management Driven by Big Data Technology

3.1. Construction of School Education Informationization

Educational resources are resources conducive to the development of education. In the process of educational development, resources are a tool. With resources, education can open up a shortcut. By implementing, controlling, and integrating various educational resources, the goal of quality education can be achieved. The use of various educational information resources must conform to the characteristics of educational information and the requirements of the educational process. Educational informatization is the premise of realizing educational modernization. It is an inevitable path. Only by taking solid steps in educational development can we reach the height of educational modernization. Clarifying our educational goals: not only to move forward in the direction of improving the overall quality of Chinese citizens but also to bear in mind the important task of cultivating high-quality talents. Talent is the core of educational competition. Contribute to the development of China's educational information industry, strive for innovation, and continuously pursue more scientific and reasonable educational informatization construction.

3.2. Digital Educational Resources

Digital educational resources can be understood as digital information resources used in the process of education and learning. Their development and utilization play a vital role in the construction of educational informatization. The construction of educational resources is the "catalyst" for implementing educational informatization construction. In the process of educational development, rich educational resources are continuously enriched to accelerate the pace of implementing educational informatization construction. Educational resources can be texts, photos, audios, videos, etc., which are closely related to educational content. Transmitting knowledge from books through advanced digital audio-visual technology to simultaneously transmit texts, graphics, images, and sounds also requires compliance with network standards, good interactive control, and maximizing the utilization of resources. Educational software resources and educational management information resources constitute digital educational resources. Among them, the main content of educational management information resources is the basic data of management information systems, and the main content of educational software resources is educational information such as students or teachers using some online digital courses, multimedia materials, various CAI courseware, etc. for consulting literature, searching for relevant book information, etc., as well as various software tools that can generate, analyze, process, transfer, and utilize educational information resources through digital processing. Educational management information resources mainly involve different resources of databases, aiming to implement modern education management and appropriate software resources to facilitate and support teachers, educational content, educational facilities, educational resources, and their support systems [5].

The application of digital educational resources in education is the most direct one. The educational process is carried out and controlled through the application of various educational information resources. The generation, sorting, analysis, processing, transferring, and applying of various educational information resources should be carried out according to the characteristics of educational information and the requirements of the educational process.

The construction of digital educational resources is a long and arduous project in the long run. We can adopt the principle of "developing while applying", use all possible methods, utilize funds from all directions, and comprehensively build an educational informatization digital resource library. Developing while applying means that once it is completed, it can be put into use immediately. Its application can further promote the development of resources. From a long-term perspective, building digital educational resources is a difficult and lengthy project. We can adhere to the principle of "synchronous development and application", use all possible methods and measures, comprehensively build an educational informatization digital resource library. As long as it is successfully developed or implemented for application, it can be put

into use immediately. Its application can promote resource development, and it is necessary to do a good job of inspection. Once errors occur during application, continuous analysis, evaluation, modification, and upgrading should be done to continuously improve educational digital resources.

IV. Current Situation of Modernization of School Education Management Driven by Big Data Technology

Creating an excellent student support system can provide basic digital resource conditions for the construction of a modern university management system. The student support system mainly provides intellectual, resource, and emotional support outside teaching to maintain students' normal life and learning, promote their comprehensive development, and achieve the goals of higher education. The student support system consists of three parts: management, consultation, and services [6]. Among them, student management includes basic academic record management, daily behavior management, social and extracurricular activity management, scholarship management, housing management, employment management, etc. Consultation services include student training, proactive consultation, psychological counseling, academic consultation, labor consultation, various information services, etc. Using big data school systems to automatically collect data information generated by students in learning and life on intelligent terminal equipment such as campus maps, campus networks, social platforms, mobile communications, etc., clean the collected massive data to remove redundant and meaningless data, and then conduct data mining analysis to obtain effective information that can provide a scientific basis for decision-makers to formulate decisions.

The use of big data technology has fully demonstrated the values of high efficiency, timeliness, science, standardization, fairness, personalization, and humanity in improving the efficiency of university student management work. For example, many universities take the approach of "hidden assistance" by analyzing data to identify groups of truly impoverished students and provide appropriate assistance. "Hidden assistance" means providing appropriate subsidies to students who consume less than the normal standard in the cafeteria due to difficulties by understanding their consumption situation in the cafeteria to alleviate economic pressure.

However, it is not enough to only refer to the single data of cafeteria consumption but also need to collect data such as monthly water card consumption, frequency of washing machine use, telephone fee packages, etc. Combined with survey data on students' family situations, all data are analyzed and summarized to form a user profile. Under the condition that it is ensured that students really have family economic difficulties, every penny of assistance can help truly impoverished students. Integrate the living conditions of students in need of assistance in each department and establish a poverty student database for each semester and update it timely. In terms of learning, new technologies such as smart homework are adopted. Smart homework can intelligently analyze students' learning conditions based on the results of wrong questions after teachers correct assignments. Students still complete homework using exercise books for answering, but unlike before, micro-courses will be pushed to them for wrong questions after correction, which is conducive to the scientific development of education and the implementation of policies such as reducing burdens on students and parents. In the application of big data technology in education management, the problem of determining assistance for impoverished and excellent college students has been solved, achieving scientifically reasonable assistance determination by combining "value rationality" with "instrumental rationality". This is a classic case of conveying warmth and love to students under the application of big data in education management. Moreover, face recognition turnstiles at the entrances and exits of universities during epidemic prevention and control record the basic information of students and the time they enter or leave the campus door through facial recognition, effectively controlling students' off-campus activity time and preventing non-students from staying on campus.

4.1. Big Data Teacher Management System

Teachers are the protagonists in the teacher management system. In recent years, faculty strength has gradually become a focus when people choose schools because teachers' academic degrees and academic levels guarantee the quality of teaching and scientific research in universities. Teacher management should

follow the people-oriented principle. While paying attention to teachers' academic development, it is also necessary to be responsible for their physical and mental health. Only in a harmonious and congenial cultural environment can teachers complete good education for students and devote themselves wholeheartedly to scientific research work. Use big data technology to establish a early warning mechanism for teachers engaged in scientific research and teaching, set "alarm areas" for monitoring teaching quality and research trends, and formulate benchmark goals for teachers to achieve when carrying out various tasks. If not completed on time and accumulated to reach a certain threshold value, the system will mark an alarm to remind managers to pay attention to some teachers' behaviors and find the root causes from analysis.

Besides academic management, private life factors such as health, psychology, social interaction, and career development can also be considered in teacher management. Ensure timely provision of support such as publishing bibliographies, articles, training information, academic information, medical care, psychological knowledge, etc. Referring to student management methods, implementing "teacher portrait" is also a try that benefits teachers. Its more important purpose is to plan teachers' professional development rather than surveillance and control. It can be constructed based on teachers' personal characteristics, professional characteristics, and social characteristics, including teachers' main characteristics, professional skills, scientific achievements, awards and rewards, training and follow-up research, behavioral preferences, strengthening relationships with the academic community, etc., and provide services such as teacher effectiveness assessment, analysis, and suggestions for introducing high-quality talents.

4.2. Strengthening the Establishment of Big Data Educational Management Model

The development of Western education has gradually evolved to its current state through continuous research and exploration. In the process of continuous research, there are many uncertainties. It is precisely because of these many uncertainties that cultural forms based on their own foundations and cultural characteristics have gradually formed. Moreover, when the same problem is placed in different environments and perspectives, it may lead to different results. In recent years, in the process of China's educational development, in-depth understanding, research, and analysis have been made on relevant theories and management methods abroad, then suitable methods for China's national conditions have been found, innovated, and applied to teaching practice to reform and develop China's education.

As teachers, we should make good use of and optimize teaching resources to maximize students' education in learning. Currently, China faces problems of coarseness and complexity in the distribution of teaching resources. In the era of big data, China's teaching resources can be mainly divided into three categories: talent education and training, educational talents, and human resources. For the overall allocation of resources, the key factor is the allocation of material and financial resources.

Teachers are the main component of educational resources. People's ideological cognition of educational experience, teaching methods, teaching theories, and content is a resource in educational resources that exists invisibly but can be mutually understood by others. It occupies a very important position in educational resources. Knowledge learning is an important part of knowledge resources. People's ideological cognition of educational experience, teaching methods, teaching theories, and content occupies a very important position in educational resources. The reform of educational models has a significant impact on resources such as resource management, technical resources, productive forces resources, and educational information resources generated in the context of the big data era. Educators can use these resources (educational big data, cloud applications, and information technology) to design more reasonable and practical teaching plans, stimulate students' interest and thirst for knowledge in learning, help students better complete educational tasks, and achieve the goal of optimizing resource allocation.

Conclusion

In the era of big data, it will completely change the era when management decisions were made only based on experience and intuition. Scientific analysis of data has already shown great effects in management decisions. To promote the development of education and meet the requirements of the times, it is beneficial to carry out educational management work by digitizing the information data of students and teachers. At the same time, as managers, it is necessary to consider the interests of students and teachers and do a good job of

data protection. Once data leaks occur, it will lead to unimaginable consequences.

References

1. Cao Xiaoming. Governance of Modern Schools Driven by Educational Big Data // Educational Information Technology. – 2018. – № 3. – P. 3–6.
2. Wang Yu. Personalized Research on College Student Education Management Work in the Era of Big Data // Wireless Internet Technology. – 2017. – № 6. – P. 127–130.
3. Wu Mei. Research on Strategies for Driving Modernization of University Management by Big Data // Tianjin Vocational College Joint Journal. – 2017. – № 12. – P. 114–119.
4. Sun Peifeng. Research on University Teaching Informatization Management Based on Data Mining Technology // Southern Agricultural Machinery. – 2019. – № 15. – P. 218–230.
5. Cheng Xi, Karabalaeva G. T. Artificial intelligence-enabled teaching model exploration and practice in specialized innovation integrated curriculum // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2025. – № 2. – С. 228–232.
6. Бирманова К., Карабалаев С., Карабалаева Г. Психолого-педагогические механизмы профессионального самоопределения в процессе тьюторского взаимодействия // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2025. – № 4. – С. 29–51.

УДК 376.1(575.2)

Дунганова Ж.Э.
И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети
Дунганова Дж.Э.
Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева
Dunganova J.E.
Kyrgyz State University named after I. Arabaev

КЫРГЫЗСТАНДЫН БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАСЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛОО ШАРТЫНДА ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮНҮ ИШКЕ АШЫРУУНУН КӨЙГӨЙЛӨРҮ ЖАНА КЕЛЕЧЕГИ

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗСТАНА

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTING INCLUSIVE EDUCATION IN THE CONTEXT OF KYRGYZSTAN'S EDUCATIONAL SYSTEM TRANSFORMATION

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кыргыз Республикасында инклюзивдүү билим берүүнү өнүктүрүүдөгү негизги тоскоолдуктар аныкталып, аларды жоюунун багыттары негизделет. Изилдөөнүн илимий мааниси инклюзиянын укуктук, кадрдык, инфраструктуралык жана социалдык-психологиялык факторлорун улуттук шарттарда комплекстүү кароодо турат. Педагогдорду даярдоону өркүндөтүүнүн, мекемелер аралык коштоону өнүктүрүүнүн жана универсалдуу окутуу дизайнын киргизүүнүн зарылдыгы негизделет.

Аннотация: В статье выявлены системные барьеры развития инклюзивного образования в Кыргызской Республике и обоснованы направления их преодоления. Научная значимость работы заключается в комплексном рассмотрении нормативных, кадровых, инфраструктурных и социально-психологических факторов инклюзии с учётом национального контекста. Обоснована необходимость совершенствования подготовки педагогов, межведомственного сопровождения и внедрения универсального дизайна обучения.

Abstract: The article identifies systemic barriers to inclusive education in the Kyrgyz Republic and substantiates ways to address them. Its scientific contribution lies in an integrated analysis of the legal, staffing, infrastructural, and socio-psychological factors affecting inclusion in the national context. The study

highlights the need to improve teacher training, strengthen interagency support, and implement Universal Design for Learning.

Негизги сөздөр: инклюзивдүү билим берүү; өзгөчө билим берүү муктаждыктары; майыптыгы бар балдар; эрте кийлигишүү; педагогдорду даярдоо; жеткиликтүү билим берүү чөйрөсү; универсалдуу окутуу дизайны.

Ключевые слова: инклюзивное образование; особые образовательные потребности; дети с инвалидностью; раннее вмешательство; подготовка педагогов; доступная образовательная среда; универсальный дизайн обучения.

Keywords: inclusive education; special educational needs; children with disabilities; early intervention; teacher training; accessible learning environment; Universal Design for Learning.

1. Введение. Обеспечение равного доступа к качественному образованию является одним из приоритетных направлений развития современной образовательной системы. Инклюзивное образование предполагает не только совместное обучение детей с инвалидностью и детей без инвалидности, но и создание доступной образовательной среды, адаптацию учебных материалов, подготовку педагогов и организацию индивидуального сопровождения обучающихся.

Международной правовой основой инклюзии выступает Конвенция ООН о правах инвалидов [1]. В Кыргызской Республике соответствующие положения закреплены в Законе КР «Об образовании» от 11 августа 2023 года № 179, предусматривающем равные образовательные возможности с учётом индивидуальных потребностей обучающихся [2].

Однако законодательное закрепление права на образование не гарантирует его полноценной реализации. Согласно отчёту UNICEF Learning Is for Everyone: Paving the Pathway for Inclusive Education for Children with Disabilities in Kyrgyzstan (2025), в стране сохраняются архитектурные, институциональные и социальные барьеры [3]. Это обусловливает необходимость комплексного анализа состояния инклюзивного образования.

Цель исследования — выявить основные проблемы развития инклюзивного образования в Кыргызстане и определить перспективы его совершенствования.

Для достижения цели поставлены **следующие задачи**: проанализировать нормативно-правовые основы инклюзии; рассмотреть национальный опыт; выявить кадровые, инфраструктурные и социально-психологические барьеры; определить направления совершенствования подготовки педагогов и сопровождения обучающихся; разработать практические рекомендации.

Объект исследования — процесс развития инклюзивного образования в Кыргызской Республике.

Предмет исследования — нормативные, организационно-педагогические, кадровые и инфраструктурные условия реализации инклюзии.

2. Обзор литературы. Современные исследования рассматривают трудности обучения как результат взаимодействия индивидуальных особенностей обучающегося и образовательной среды. L. Florian подчёркивает, что эффективность инклюзии определяется не только зачислением ребёнка в общеобразовательный класс, но и качеством его участия и доступностью педагогической поддержки [4].

В отчёте UNICEF (2025) среди приоритетов развития инклюзивного образования в Кыргызстане выделяются совершенствование нормативной базы, применение универсального дизайна обучения и повышение квалификации педагогов [3]. Исследование, опубликованное в журнале Social Sciences & Humanities Open, также подтверждает значимость специальной подготовки учителей для развития инклюзивной компетентности [5].

R. Salmorbekova и A. Abduvapova рассматривают инклюзию как фактор социальной интеграции людей с инвалидностью в Кыргызстане [6]. Исследование образовательных организаций Бишкека указывает на проблемы архитектурной доступности, материально-технического

обеспечения и взаимодействия участников образовательного процесса [7]. Практический опыт проекта UNICEF в Сузакском районе демонстрирует потенциал раннего вмешательства, междисциплинарного взаимодействия и участия родителей в сопровождении детей [8].

Таким образом, научные и аналитические материалы подчёркивают необходимость комплексного подхода, объединяющего правовое регулирование, подготовку педагогов, доступность образовательной среды, межведомственное сотрудничество и преодоление общественных стереотипов.

3. Методология исследования. Исследование основано на качественном аналитическом подходе и вторичном анализе нормативных документов, научных публикаций, отчётов UNICEF и материалов реализованных проектов.

Анализ документов применялся для изучения нормативных основ инклюзивного образования. Тематический анализ позволил выделить основные проблемы: кадровую подготовку, доступность инфраструктуры, психолого-педагогическое сопровождение, межведомственное взаимодействие и общественное отношение к инвалидности. Сравнительный анализ использовался для сопоставления законодательных требований и описанных в источниках условий их реализации. Вторичный анализ материалов проектов позволил рассмотреть практические примеры подготовки педагогов и междисциплинарного сопровождения детей.

Для повышения обоснованности выводов сопоставлялись сведения из нормативных документов, научных публикаций и аналитических отчётов. Приоритет отдавался источникам с установленными выходными данными и идентифицируемыми организациями-издателями.

3.1. Ограничения исследования. Работа не является эмпирическим исследованием с самостоятельно собранной выборкой респондентов. В ней не проводились собственные опросы педагогов, родителей или обучающихся, а также статистические расчёты на основе первичных данных. Поэтому выводы характеризуют выявленные по изученным источникам тенденции и системные проблемы, но не претендуют на исчерпывающую количественную оценку состояния инклюзивного образования во всех регионах страны.

Дополнительным ограничением выступает неоднородность источников по времени публикации, методологии и охвату исследуемых групп. По этой причине сведения из отдельных проектов не следует автоматически распространять на всю национальную систему образования.

4. Результаты исследования

4.1. Нормативные основы и этапы развития инклюзивного образования. Развитие инклюзивного образования в Кыргызстане прошло путь от отдельных инициатив по поддержке детей с особыми образовательными потребностями к формированию нормативных и организационных основ инклюзии. Первоначальные проекты способствовали подготовке педагогов, развитию совместного обучения и созданию доступной среды, однако их реализация зависела от ресурсов и возможностей образовательных организаций.

Важным этапом стало принятие Закона Кыргызской Республики «Об образовании» от 11 августа 2023 года № 179 [2]. Статьи 36 и 37 закрепляют принципы равных образовательных возможностей и регулируют вопросы образования лиц с особыми образовательными потребностями.

Однако нормативное закрепление прав требует практических механизмов реализации: подготовки специалистов, адаптации образовательных программ, организации индивидуального сопровождения и обеспечения доступности инфраструктуры. Следовательно, основная задача современного этапа — переход от законодательного признания инклюзии к её системному внедрению в образовательных организациях.

4.2. Результаты реализованных инициатив и значение раннего вмешательства. Реализация проектов в области инклюзивного образования позволила накопить опыт разработки индивидуализированных подходов к обучению, подготовки методических материалов и организации поддержки детей и их семей. В материалах, представленных в исходной версии исследования, указаны разработка проекта индивидуального учебного плана, проекта положения о тьюторстве,

материалов по раннему вмешательству, а также методических пособий для педагогов. Эти направления отражают стремление сформировать практические инструменты для работы с обучающимися, потребности которых не могут быть полностью удовлетворены посредством стандартных форм преподавания. При этом необходимо разграничивать разработку проекта документа, его утверждение и фактическое применение. Наличие подготовленного проекта положения само по себе не свидетельствует о повсеместном внедрении соответствующего механизма в образовательных организациях.

Особое значение имеет развитие раннего вмешательства. В рамках пилотной инициативы в Сузакском районе Джалал-Абадской области, описанной UNICEF, создана трансдисциплинарная команда специалистов, объединившая представителей медицинской, социальной и образовательной сфер [8]. Согласно материалу организации, команда сопровождала 25 детей, а работа ещё с 19 случаями находилась в процессе организации. Важным принципом проекта стало участие родителей в определении потребностей ребёнка и планировании поддержки семьи. Этот пример демонстрирует потенциальные преимущества согласованной работы специалистов. В частности, межведомственное взаимодействие позволяет рассматривать развитие ребёнка комплексно, учитывать условия семейной среды и согласовывать действия различных служб. Вместе с тем результаты одного пилотного проекта не могут рассматриваться как доказательство наличия аналогичных условий во всех регионах Кыргызстана. Для расширения практики необходимы оценка результатов, подготовка кадров, устойчивое финансирование и определение механизмов межведомственной ответственности.

4.3. Кадровый потенциал и профессиональная подготовка педагогов. Профессиональная готовность педагогов является одним из ключевых условий качественного инклюзивного образования. Она предполагает умение адаптировать учебные задания, применять разнообразные методы преподавания и оценивания, учитывать индивидуальные потребности обучающихся и взаимодействовать с родителями и специалистами сопровождения.

Исследование Esengulova и Dzhaparova (2025) показывает, что специальный учебный модуль способствует развитию инклюзивной компетентности педагогов [5]. Однако разовые курсы не заменяют системной подготовки, включающей практические занятия, наставничество и постоянную методическую поддержку.

Важным направлением является также подготовка логопедов, специальных педагогов, сурдопедагогов, тифлопедагогов и специалистов по специальной психологии. Для этого необходимо совершенствовать образовательные программы и расширять сотрудничество педагогических вузов с общеобразовательными организациями.

Таким образом, развитие кадрового потенциала требует сочетания базовой инклюзивной подготовки всех педагогов с углублённой профессиональной подготовкой специалистов специального образования.

4.4. Инфраструктурные и организационные барьеры. Доступность образовательной среды является необходимым условием участия обучающихся в учебном процессе. Она включает не только физическую доступность здания, но и возможность пользоваться учебными материалами, коммуникационными средствами, цифровыми ресурсами и пространствами общего пользования.

К архитектурным барьерам относятся отсутствие доступных входов, неудобные маршруты передвижения, недостаточная приспособленность санитарных помещений и учебных кабинетов. Подобные ограничения могут препятствовать самостоятельному участию обучающихся в жизни образовательной организации.

Другой проблемой является недостаточная доступность учебных материалов и способов коммуникации. Для отдельных обучающихся необходимы альтернативные форматы текста, средства увеличения изображения, субтитры, визуальная поддержка, альтернативная и дополнительная коммуникация и другие ассистивные технологии.

Следовательно, создание инклюзивной среды предполагает комплексную оценку условий обучения. Наличие пандуса, например, не означает, что образовательная организация полностью

доступна: необходимо учитывать весь маршрут обучающегося, доступ к учебным материалам и возможность участия в занятиях и внеучебных мероприятиях.

Не менее важны организационные условия. Если в образовательной организации отсутствует механизм взаимодействия учителя со специалистами сопровождения, индивидуальные потребности ребёнка могут оставаться без должного внимания. Недостаточная координация между образовательными, медицинскими и социальными службами затрудняет комплексную поддержку семей.

В отчёте UNICEF по Кыргызстану архитектурные и институциональные ограничения рассматриваются наряду с общественными установками как существенные препятствия развитию инклюзии [3]. Это подтверждает необходимость объединять инфраструктурные преобразования с организационными и педагогическими мерами.

4.5. Социально-психологические барьеры и модели понимания инвалидности. Эффективность инклюзивного образования зависит от отношения участников образовательного процесса к индивидуальным различиям. Предубеждения, опасения педагогов и недостаточная информированность родителей могут ограничивать участие детей с особыми образовательными потребностями.

В понимании инвалидности выделяют четыре подхода. Благотворительная модель рассматривает человека преимущественно как получателя помощи; медицинская модель акцентирует внимание на состоянии здоровья и функциональных ограничениях; социальная модель связывает трудности участия с барьерами окружающей среды и образовательной системы; культурный подход подчёркивает ценность разнообразия, достоинства и индивидуальности каждого человека.

Развитие инклюзивного образования предполагает переход к правозащитному подходу, основанному на учёте индивидуальных потребностей и устранении барьеров. Для этого необходимы просветительская работа с педагогами, родителями и обучающимися, формирование культуры взаимного уважения и предупреждение дискриминации.

4.6. Универсальный дизайн обучения и адаптация образовательных программ. Одним из перспективных направлений развития инклюзивного образования является универсальный дизайн обучения (Universal Design for Learning, UDL), предусматривающий учёт разнообразия потребностей обучающихся при проектировании учебного процесса. Он предполагает использование различных форм представления материала, выполнения заданий и оценки результатов.

UDL не отменяет образовательных стандартов, а обеспечивает доступные способы достижения учебных целей. В отчёте UNICEF за 2025 год обновление учебных программ на основе принципов универсального дизайна обозначено как одно из направлений развития инклюзивного образования в Кыргызстане [3].

При этом универсальный дизайн не заменяет индивидуальную адаптацию, специальные технические средства и помощь квалифицированных специалистов. Эти меры дополняют друг друга, обеспечивая более доступную образовательную среду.

4.7. Основные вызовы и перспективы развития инклюзивного образования. Анализ позволяет выделить пять основных групп проблем внедрения инклюзивного образования в Кыргызстане: нормативно-правовые: совершенствование механизмов реализации законодательства и обеспечение равного доступа к образованию; кадровые: подготовка педагогов и повышение квалификации специалистов; инфраструктурные: обеспечение доступности зданий, учебных материалов и цифровых ресурсов; институциональные: координация образовательных, медицинских и социальных служб, организация сопровождения семей; социально-психологические: преодоление стереотипов и формирование уважительного отношения к индивидуальным различиям.

Перспективы развития инклюзивного образования связаны с совершенствованием нормативной базы, укреплением подготовки педагогических кадров, расширением раннего выявления образовательных потребностей и межведомственного сопровождения. Важными

направлениями также являются адаптация программ, применение универсального дизайна обучения и ассистивных технологий.

Необходимо развивать мониторинг, оценивающий не только охват обучающихся, но и доступность образовательной среды, участие детей в учебном процессе, результаты обучения и удовлетворённость семей качеством сопровождения.

Таким образом, развитие инклюзивного образования требует комплексного преобразования образовательной системы, объединяющего правовые, кадровые, инфраструктурные и социальные меры.

5. Обсуждение результатов. Результаты проведённого анализа позволяют рассматривать инклюзивное образование в Кыргызстане как комплексную задачу, требующую согласования нормативных, организационных и педагогических механизмов.

Первое существенное наблюдение связано с различием между юридическим закреплением права на образование и наличием практических условий для его реализации. Законодательство формирует необходимую основу, но результативность инклюзии зависит от того, насколько образовательные организации обеспечены специалистами, адаптированными программами и доступной инфраструктурой [2; 3].

Второе наблюдение касается роли профессиональной подготовки педагогов. Результаты исследования развития инклюзивной компетентности показывают, что специальное обучение может улучшать готовность учителей к работе с обучающимися с особыми образовательными потребностями [5]. Однако подготовка кадров должна быть частью непрерывной системы профессионального развития, а не ограничиваться краткосрочными курсами.

Третье наблюдение связано с необходимостью комплексного сопровождения. Опыт трансдисциплинарной команды в Сузакском районе демонстрирует практическую значимость сотрудничества специалистов разных профилей и участия родителей [8]. Вместе с тем для оценки эффективности подобной модели необходимо учитывать её устойчивость, доступность для семей и возможность адаптации к условиям других регионов.

Четвёртое наблюдение заключается в необходимости изменения критериев оценки инклюзии. Количество зачисленных обучающихся не может выступать единственным показателем успешности. Более содержательная оценка должна учитывать реальное участие в учебной деятельности, доступность материалов, индивидуальный прогресс и наличие необходимой поддержки.

Сопоставление рассмотренных источников позволяет заключить, что приоритетные меры должны быть направлены на согласованное развитие всех компонентов системы. Улучшение инфраструктуры без подготовки педагогов, обновление учебных программ без поддержки специалистов и принятие нормативных документов без механизмов реализации не обеспечивают полноценного включения обучающихся в образовательный процесс.

При этом необходимо учитывать региональные различия, ресурсные ограничения и неоднородность потребностей обучающихся. Поэтому внедрение инклюзивного образования должно сопровождаться мониторингом, оценкой результатов и корректировкой принимаемых мер.

6. Выводы и рекомендации. Проведённый анализ нормативных документов, научных публикаций и материалов проектов позволил выявить основные вызовы внедрения инклюзивного образования в Кыргызской Республике. Несмотря на закрепление принципов равенства и недискриминации в законодательстве, их практическая реализация требует укрепления кадрового потенциала, развития доступной образовательной среды и совершенствования механизмов сопровождения.

К основным проблемам относятся недостаточная подготовка педагогов, дефицит специалистов специального образования, инфраструктурные ограничения, слабая координация между службами и сохраняющиеся социальные стереотипы. Материалы UNICEF подчёркивают необходимость комплексного подхода, объединяющего правовые реформы, обновление учебных

программ и подготовку педагогов [3]. Практика раннего вмешательства также подтверждает значимость междисциплинарного взаимодействия и участия семей [8].

На основании результатов исследования предлагаются следующие рекомендации:

1. Нормативно-правовое регулирование: согласовать нормативные документы, совершенствовать механизмы индивидуальной поддержки и регулярно оценивать выполнение установленных требований.

2. Подготовка кадров: развивать подготовку и повышение квалификации педагогов, расширять обучение специалистов специального образования и обеспечивать методическое сопровождение.

3. Раннее вмешательство: укреплять взаимодействие образовательных, медицинских и социальных служб, привлекать родителей к разработке индивидуальных планов поддержки.

4. Доступность среды: оценивать архитектурную и информационную доступность, внедрять универсальный дизайн обучения, использовать ассистивные технологии и адаптированные материалы.

5. Мониторинг и общественное отношение: оценивать не только охват обучением, но и качество участия учащихся, проводить просветительскую работу и предупреждать дискриминацию.

Таким образом, развитие инклюзивного образования в Кыргызстане предполагает переход от формального закрепления соответствующих принципов к системной реализации. Это требует согласованных действий государственных органов, образовательных организаций, педагогических вузов, специалистов и семей.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением региональных различий в доступности образования, потребностей педагогов и семей, а также результативности моделей междисциплинарного сопровождения. Полученные данные позволят уточнить рекомендации с учётом особенностей регионов и уровней образования.

Список использованной литературы

1. Конвенция о правах инвалидов : принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities (дата обращения: 09.10.2026).

2. Об образовании : Закон Кыргызской Республики от 11 августа 2023 г. № 179 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112665/edition/39974/ru (дата обращения: 09.10.2026).

3. Hinostroza-Castillo U., Poleschuk S., Ghawi G. Learning Is for Everyone: Paving the Pathway for Inclusive Education for Children with Disabilities in Kyrgyzstan : research report. – Florence : UNICEF Innocenti – Global Office of Research and Foresight, 2025. – URL: https://www.unicef.org/innocenti/reports/learning-everyone-kyrgyzstan (дата обращения: 09.10.2026).

4. Florian L. What Counts as Evidence of Inclusive Education? // European Journal of Special Needs Education. – 2014. – Vol. 29, № 3. – P. 286–294. – DOI: 10.1080/08856257.2014.933551.

5. Esengulova M., Dzhaparova Z. B., Asanbaeva B., Turdubaeva B. Results of the Pedagogical Experiment on the Development of Inclusive Competence of Teachers of General Education Organisations // Social Sciences & Humanities Open. – 2025. – Vol. 12. – Art. 101897. – DOI: 10.1016/j.ssaho.2025.101897.

6. Salmorbekova R., Abduvapova A. Inclusive Education as a Factor of Social Integration of Persons with Disabilities in Kyrgyzstan // Journal of Pedaqoq.az (International Journal of Pedagogy and Psychology). – 2025. – Vol. 1, № 9. – P. 24–36. – URL: https://journal.pedaqoq.az/?p=1038 (дата обращения: 09.10.2026).

7. Галушкина Е. А., Шарафутдинова А. М., Евсеева Л. П. Барьеры, препятствующие успешной интеграции студентов с особыми возможностями развития в образовательное пространство Кыргызстана (на примере вузов г. Бишкека) // Вестник КНУ имени Жусупа Баласагына. – 2024. – Т. 16, № 4 (120). – С. 11–19. – DOI: 10.58649/1694-8033-2024-4(120)-11-19.

8. UNICEF Kyrgyzstan. Now We Are Together: A Team in Suzak Unites Doctors, Educators, and Social Services. – 10 April 2025. – URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/stories/now-we-are-together (дата обращения: 09.10.2026).
9. UNICEF Kyrgyzstan. Children with Disabilities. – URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/children-with-disabilities (дата обращения: 09.10.2026).
10.Committee on the Rights of Persons with Disabilities. General Comment No. 4 (2016) on the Right to Inclusive Education : CRPD/C/GC/4. – United Nations, 2016. – URL: https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-4-article-24-right-inclusive (дата обращения: 09.10.2026).

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Уметов К.К.

УДК 37.012+811.133.1

Заипова Т.Ф., Азыгалиева Б.К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Заипова Т.Ф., Азыгалиева Б.К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Zaipova T.F., Asygalieva B.K.
KNU Jusup Balasagyn

СТУДЕНТТЕРДИ ЧЕТ ТИЛИНЕ ОКУТУУ ПРОЦЕССИНДЕ КАТАЛАРДЫ ОҢДОО ЫКМАЛАРЫ
СПОСОБЫ КОРРЕКЦИИ ОШИБОК В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
METHODS OF ERROR CORRECTION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO UNIVERSITY STUDENTS

Кыскача мүнөздөмө: Макала француз тилин үйрөнүп жаткан студенттердин оозеки жана жазуу кебиндеги каталарды оңдоо ыкмаларына арналган. Салттуу жана заманбап ыкмалар, анын ичинде жасалма интеллектти колдонуу мүмкүнчүлүктөрү каралат. Кыргыз тилинин таасиринен келип чыккан типтүү каталарга өзгөчө көңүл бурулат. Изилдөөнүн максаты – каталарды оңдоо ыкмаларын системалаштыруу жана алардын коммуникативдик компетенттүүлүктү калыптандыруудагы ролун көрсөтүү. Изилдөөнүн методдору – илимий адабияттарды талдоо, байкоо жүргүзүү жана педагогикалык тажрыйбаны жалпылоо. Изилдөөнүн жыйынтыгында каталарды оңдоонун натыйжалуу стратегиялары (түз, кыйыр, дароо жана кечиктирип оңдоо) аныкталып, жазуу иштериндеги каталарды оңдоо үчүн шарттуу белгилер сунушталган жана жасалма интеллекттин мүмкүнчүлүктөрү сүрөттөлгөн. Изилдөөнүн илимий жаңылыгы – кыргыз тилдүү студенттердин каталарын комплекстүү талдоо жана жасалма интеллектти каталарды оңдоо процессине интеграциялоо.

Аннотация: Статья посвящена способам коррекции ошибок в устной и письменной речи студентов, изучающих французский язык. Рассматриваются традиционные и современные методы, включая использование искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется типичным ошибкам, возникающим под влиянием кыргызского языка. Цель исследования – систематизировать приёмы коррекции ошибок и показать их роль в формировании коммуникативной компетенции. Методы исследования – анализ научной литературы, наблюдение и обобщение педагогического опыта. В результате исследования выявлены эффективные стратегии коррекции ошибок (прямая, косвенная, немедленная и отсроченная), предложены условные обозначения для исправления ошибок в письменных работах и описаны возможности искусственного интеллекта. Научная новизна

исследования заключается в комплексном анализе ошибок кыргызскоязычных студентов и интеграции искусственного интеллекта в процесс коррекции.

Abstract: The article examines methods of correcting errors in the oral and written language production of students learning French. Traditional and modern methods, including the use of artificial intelligence, are considered. Particular attention is paid to typical errors resulting from the influence of the Kyrgyz language. The aim of the study is to systematize error correction techniques and demonstrate their role in developing communicative competence. The research methods include an analysis of scholarly literature, observation, and a synthesis of pedagogical experience. The results identify effective error correction strategies (direct, indirect, immediate, and delayed), propose correction codes for written assignments, and describe the potential applications of artificial intelligence. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of errors made by Kyrgyz-speaking students and the integration of artificial intelligence into the error correction process.

Негизги сөздөр: каталарды оңдоо; ката; француз тилин окутуу; интерференция; жасалма интеллект; коммуникативдик компетенттүүлүк.

Ключевые слова: коррекция ошибок; ошибка; обучение французскому языку; интерференция; искусственный интеллект; коммуникативная компетенция.

Keywords: error correction; error; French language teaching; interference; artificial intelligence; communicative competence.

1. Введение. В процессе обучения иностранному языку можно выделить следующие основные виды деятельности преподавателя: постановка произношения, введение грамматического и лексического материала, закрепление грамматических и лексических конструкций, побуждение студентов к употреблению приобретённых знаний в коммуникативных ситуациях, оценивание этих знаний, которое даёт возможность определить уровень владения языком, и коррекция ошибок. Оценивание знаний и коррекция ошибок являются неотъемлемой частью учебного процесса. Практика показывает, что без ошибок невозможно обучение. В процессе обучения приобретаются языковые знания, но в то же время появляются различные ошибки, следовательно, ошибки являются неизбежным элементом в освоении иностранного языка. Преподаватель и учащийся должны знать, что все допущенные ошибки подлежат исправлению. Ошибку может исправлять сам преподаватель, студент, сделавший её, или кто-то из студентов группы.

С переходом к коммуникативному методу обучения иностранным языкам, который способствует формированию и усовершенствованию таких лингвистических компетенций, как понимание устной и письменной речи, устное и письменное воспроизводство, изменилась стратегия и способы коррекции ошибок. Коррекция ошибок изучающих иностранный язык представляет собой важный компонент обучения, оказывающий существенное влияние на формирование лингвистических компетенций учащихся. Следовательно, коррекцию ошибок можно рассматривать как средство для усовершенствования коммуникативной компетенции. В данной статье анализируются методы коррекции ошибок в обучении французскому языку.

В процессе обучения студентов французскому языку перед преподавателем ставится ответственная задача: выявить ошибку, определить тип ошибки, выбрать время коррекции и способ исправления [1].

2. Обзор литературы по теме исследования. В научной литературе вопросы коррекции ошибок рассматриваются с разных позиций. В работах [1] и [6] представлены общие способы коррекции ошибок в процессе обучения иностранным языкам, при этом акцент делается на необходимости системного подхода к исправлению ошибок. В исследовании [2] подробно описаны виды и способы коррекции ошибок в устной речи, что позволяет преподавателю выбирать стратегию в зависимости от коммуникативной ситуации. Авторы [3] рассматривают методы исправления ошибок в процессе обучения иностранному языку и подчёркивают важность создания благоприятной

атмосферы на занятии. В работе [4] анализируется влияние кыргызского языка на процесс изучения иностранного, что непосредственно связано с проблемой интерференции. В исследовании [5] предложены приёмы коррекции ошибок в устной и письменной речи студентов, включая использование кодов.

Дополнительные источники. В монографии Walz J. C. [6] рассматриваются техники коррекции ошибок для урока иностранного языка с примерами на французском, немецком, испанском и английском языках; особое внимание уделяется само- и взаимокоррекции. В работе Н. Руже [9] исследуется корректирующая обратная связь в письменных работах по французскому языку как иностранному. К. Тальянт [10] выделяет пять типов ошибок в дидактике иностранных языков: лингвистические, фонетические, социокультурные, дискурсивные и стратегические. Исследование [8] демонстрирует применение теории интеръязыка Л. Селинкера к коррекции ошибок у изучающих французский язык, подчёркивая, что ошибки являются не случайными отклонениями, а структурированными этапами развития. В работе [9] предлагается персонализированная коррекция фонетических ошибок на основе верботонального метода. Исследование [15] сравнивает эффективность само-, взаимной и преподавательской коррекции, показывая, что само- и взаимокоррекция играют важную роль в языковом классе.

Несмотря на достаточную разработанность темы, в имеющихся исследованиях недостаточно освещён комплексный подход к коррекции ошибок у кыргызскоязычных студентов, изучающих французский язык. Кроме того, практически не рассматривается потенциал искусственного интеллекта как инструмента коррекции. Настоящая работа восполняет этот пробел: в ней систематизируются типичные ошибки, обусловленные интерференцией, и предлагаются как традиционные, так и современные способы их исправления.

3. Описание метода проведённого исследования. Методологическую основу исследования составляют теоретический анализ научной литературы по проблеме коррекции ошибок [1–15], наблюдение за устной и письменной речью студентов, изучающих французский язык, а также обобщение педагогического опыта. Использованы элементы сравнительного анализа и систематизации практических приёмов. Исследование опирается на коммуникативный подход к обучению иностранным языкам.

4. Описание процесса исследования, его результатов. Классификация ошибок. Ошибки классифицируются по следующим категориям: фонетические, орфографические, лексические, грамматические, стилистические. Кроме этого, существует другая классификация ошибок — по происхождению: случайные, систематические, интерференционные и ошибки по непройденному материалу. Согласно К. Тальянт, в дидактике иностранных языков выделяются пять типов ошибок: лингвистические, фонетические, социокультурные, дискурсивные и стратегические [10]. Разделение ошибок по типам позволяет преподавателю выбирать соответствующие способы исправления в зависимости от целей урока.

Косвенная и прямая коррекция. В процессе преподавания французского языка преподаватель использует так называемую косвенную и прямую коррекцию. Косвенные методы исправления ошибок не прерывают коммуникативную деятельность студента, но привлекают его внимание к ошибке. Преподаватель повторяет высказывание студента в правильной форме, тем самым побуждает студента обратить внимание на допущенную ошибку и исправить её. Преподаватель просит студента повторить сказанное, показывая, что его не поняли. Одним из способов коррекции ошибок является использование невербальных сигналов: жесты, мимика, указывающие на то, что студент сделал ошибку. Это может быть ошибка в произношении, в грамматике, лексике и т.д. Иногда преподаватель при обнаружении ошибки в устной речи студента использует лингвистические термины, такие как: артикль — l’article, время — le temps, предлоги — la préposition, согласование — l’accord и т.д. Таким образом преподаватель акцентирует внимание студента на ошибке.

Пример 1 (косвенная коррекция с использованием лингвистического термина):

Студент: «Hier nous allons au cinéma.»

Преподаватель: «Le temps!!!»

В данном случае преподаватель не исправляет ошибку, а только указывает на неё, давая возможность ученику исправить ошибку самостоятельно. Этот способ стимулирует ученика найти и исправить ошибку самостоятельно после подсказки и способствует усвоению материала, не подавляет его коммуникативную активность. Эти методы коррекции ошибок особенно эффективны и позволяют сохранять естественность высказывания и стимулируют самокоррекцию. Для преподавателя важно, чтобы ученик осознал ошибку и дал правильную форму [2].

Пример 2 (косвенная коррекция через переспрос):

Студент: «Je suis allé à la magasin.»

Преподаватель: «Pardon? Tu es allé où?»

Студент (самокоррекция): «Ah, je suis allé au magasin.»

Этот приём не прерывает коммуникацию, а побуждает студента самостоятельно исправить ошибку.

Прямая коррекция заключается в том, что преподаватель указывает на ошибку и даёт правильный ответ. Это может быть неверное согласование существительного с прилагательным, неправильное использование времён, неправильная форма глагола, неправильно произнесённое слово и т.д.

Пример 3 (прямая коррекция):

Студент: «J’étudie la langue français.»

Преподаватель: «la langue française.»

Далее может последовать комментарий или напоминание грамматического правила.

Пример 4 (прямая коррекция с комментарием):

Студент: «Elle est constitué de touristes.»

Преподаватель: «Elle est constituée de touristes. Attention à l’accord du participe passé avec le verbe être.»

Преподаватель не только даёт правильную форму, но и напоминает правило.

После выявления ошибки перед преподавателем встаёт также вопрос: когда корректировать ошибку — сразу же после совершения ошибки (незамедлительная коррекция) или в конце всего ответа учащегося (отложенная коррекция). Немедленное исправление ошибки влечёт за собой прерывание речи говорящего, что порождает риск потери интереса отвечать. Иногда преподаватель не прерывает речь студента, игнорируя ошибки, но отмечает для себя допущенные ошибки и только в конце высказывания студента начинает комментировать их. «Грамотное использование разнообразных способов коррекции ошибок создаёт на занятии благоприятную атмосферу, способствующую повышению мотивации обучающихся» [3].

Типичные ошибки студентов — носителей кыргызского языка при изучении французского языка. Основной причиной является интерференция, т.е. влияние родного языка, а также отсутствие в родном языке тех или иных грамматических и фонетических особенностей, присущих французскому языку. «При изучении иностранных языков носители кыргызского языка встречаются с целым рядом трудностей, которые объясняются большим количеством различий, связанных с принадлежностью к разным языковым системам родного и изучаемого языка. Эти различия отмечаются на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, грамматическом, семантическом» [4].

1. Фонетические ошибки: неправильное произношение:

а) игнорирование носовых звуков — enfant [ɑ̃fɑ̃] произносится как «анфан»; chanter [ʃɑ̃te] — как «шанте»; matin [matɛ̃] — как «матин»; brun [bʁœ̃] — как «брюн»;

б) одинаковое произношение открытых и закрытых гласных — répéter [ʁepete] произносится как «рэпэтэ»; tête [tɛt] — как «фет»;

в) чтение конечных букв — très [tʁɛ] произносится как «трес»; ils parlent [il paʁl] — как «ильс парлент»; malades [malad] — как «маладес»;

г) несоблюдение правил чтения некоторых сочетаний букв — beau [bo] произносится как «беа»;

д) отсутствие связывания — Les enfants [lez‿ãfã] произносится как «ле анфан»; Aux Etats Unis [oz‿eta‿z‿yni] — как «оэта юни»; неправильное деление на ритмические группы;

е) неправильное ударение — journal [ʒuʁnal] произносится как «журналь».

У кыргызскоязычных студентов часто наблюдается ошибка в произношении глагола regarder [ʁəgaʁde] (произносится как «гёгардэ»), quatre ans [katʁ‿ã] (произносится как «катрзан»).

2. Грамматические ошибки:

– незнание рода существительных и как следствие неправильное употребление артиклей и местоимений: le table вместо la table; ce table вместо cette table; le mère вместо la mère; la cahier вместо le cahier; cette cahier вместо ce cahier; la garçon вместо le garçon; cette garçon вместо ce garçon;

– игнорирование диакритических знаков: fete вместо fête; developpement вместо développement; vetement вместо vêtement;

– неправильный порядок слов: Au cinéma je vais вместо Je vais au cinéma; Ils la chanson chantent вместо Ils chantent la chanson.

3. Лексические ошибки:

Часто допускается калька с родного языка. Сегодня утром — Aujourd’hui le matin вместо Ce matin.

Регулярно наблюдается ошибка в употреблении глаголов: Parler — говорить с кем-то о чём-то, о ком-то и Dire — сказать что-то: Je dis avec mon ami вместо Je parle avec mon ami; Elle dit le français вместо Elle parle français.

Студенты часто делают ошибку в употреблении таких наречий, как Aussi и Non plus. Эти два слова переводятся словом «тоже», но существует правило использования этих слов: J’aime le café. — Moi aussi. Je n’aime pas le café. — Moi non plus.

Пример 5 (лексическая ошибка и коррекция):

Студент: «Je dis avec mon ami en français.»

Преподаватель: «On dit: Je parle avec mon ami en français. Le verbe dire s’emploie pour rapporter des paroles: Il dit qu’il est fatigué.»

Преподаватель не только исправляет ошибку, но и объясняет разницу в употреблении глаголов.

Использование кодов для исправления ошибок. При исправлении ошибок в письменном ответе студента преподаватель использует коды, чтобы идентифицировать ошибки. Эти коды используются и в устной речи [5].

P — ponctuation

S — syntaxe

U — usage

G — grammaire

O — orthographe

Ad — accord du déterminant

An — accord du nom

Ap — accord du participe passé

Apa — accord du participe passé avec auxiliaire avoir

Av — accord du verbe

Cv — conjugaison des verbes

V — vocabulaire

Пример проверки письменной работы студента с использованием кодов:

De tous les chemins arrivent une grande foule. AV

Elle est constitué de touristes et de curieux qui se rendrent à la fête. AP, O

La grande place est toute emplie de stands diverses et variés qui attire les badauds. A

Elle raisonne d’un vacarme joyeux. O

Des tables sont installés sous les grands platanes qui les ombrages. Apa, Cv

Une piste de dance occupe le centre de la place.

Bientôt, les lampes de toutes les couleures allumeront dans la nuit étoilé. O, A

Такой тип проверки работы студента предусматривает самокоррекцию.

Использование искусственного интеллекта для коррекции ошибок. В настоящее время искусственный интеллект широко используется в преподавании иностранных языков. Внедрение искусственного интеллекта в процесс образования является естественным и неизбежным явлением. ChatGPT является самым распространённым представителем искусственного интеллекта. Он часто используется в преподавании иностранных языков, а также может значительно помочь в изучении иностранного языка, но это не значит, что он может заменить преподавателя, так как является только лишь инструментом преподавания. В мире новых технологий роль преподавателя меняется, но не исчезает. Он тесно сотрудничает с искусственным интеллектом, который может выполнить многие задания преподавателя:

1. Создать осмысленный письменный текст на основе заданного контекста.
2. Генерировать тексты разного уровня и сложности.
3. Генерировать ситуативные диалоги и ролевые игры.
4. Разработать тестовые задания.
5. Создать аудиовизуальные материалы для повышения интереса учащихся.
6. Создать виртуального собеседника для практики устной речи учащегося.
7. Выявить и исправить ошибки в письменном задании и в устной речи.

Так, например, корректор ИИ исправляет орфографические и грамматические ошибки сразу же в работе. Использование искусственного интеллекта для коррекции ошибок в письменных заданиях позволяет значительно сократить время, затрачиваемое преподавателем на проверку работ. Для коррекции устной речи используются программы ESLA, Speak, Speechling, которые производят анализ речи и произношения путём сравнения речи ученика с речью носителя языка. Эти программы выявляют ошибки, оценивают и дают рекомендации для исправления произношения.

Пример 6 (использование ИИ для коррекции письменной работы):

Студент вводит текст: «Je suis allé à la magasin hier. J’ai acheté des pommes et une baguette. Le magasin était très grand et il y avait beaucoup de monde.»

ИИ-корректор предлагает исправленный вариант: «Je suis allé au magasin hier. J’ai acheté des pommes et une baguette. Le magasin était très grand et il y avait beaucoup de monde.»

ИИ также может дать комментарий: «Attention: magasin — существительное мужского рода, поэтому используется артикль au (à + le).»

Пример 7 (использование программы Speechling для коррекции произношения):

Студент произносит фразу: «Je voudrais un croissant, s’il vous plaît.»

Программа анализирует произношение и даёт рекомендации: «Обратите внимание на произношение носового звука [ɑ̃] в слове croissant. Попробуйте произнести его более назализованно. Также обратите внимание на связывание: un‿croissant.»

5. Выводы и рекомендации. В заключение следует отметить, что в настоящее время коррекция ошибок при преподавании иностранных языков требует использования современных технологий. Она должна поддерживать стремление студента к коммуникации, стимулировать его в изучении языка, так как очень часто студент не говорит из-за страха сделать ошибку. Наличие или отсутствие ошибок отражает уровень освоения языка студента [6].

Рекомендации:

1. Сочетать косвенную и прямую коррекцию в зависимости от этапа обучения и коммуникативной задачи.

2. Учитывать типичные ошибки, обусловленные интерференцией кыргызского языка, и проводить их профилактику.

3. Использовать систему кодов для исправления письменных работ, стимулируя самокоррекцию.

4. Применять искусственный интеллект как вспомогательный инструмент для коррекции письменной и устной речи.

5. Создавать на занятии благоприятную атмосферу, снижающую страх студентов перед ошибками.

6. Развивать коммуникативную компетенцию студентов через практико-ориентированные задания.

Список использованной литературы

1. Губанова П. Ю., Тупикова С. Е. Способы коррекции ошибок в процессе обучения иностранным языкам // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – С. 173–177. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-korrektsii-oshibok-v-protsesse-obucheniya-inostrannym-yazykam.
2. Кравцевич Н. С., Павлова Т. А., Потовская К. С. Виды и способы коррекции ошибок в устной речи при обучении иностранному языку // Филологический аспект. Серия: Методика преподавания языка и литературы. – 2025. – № 2 (31). – URL: https://scipress.ru/fam/articles/vidy-i-sposoby-korrektsii-oshibok-v-ustnoj-rechi-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku.html.
3. Ангелова М. Н., Анцелевич О. В. Методы исправления ошибок в процессе обучения иностранному языку // Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 3.2.
4. Акчекеева М. С. Кыргызский язык в зеркале иностранного // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2025. – Специальный выпуск.
5. Одинцова Л. И. Приемы коррекции ошибок в устной и письменной речи студентов нелингвистического вуза // Lingua mobilis. – 2013. – № 6 (45). – С. 38–42. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-korrektsii-oshibok-v-ustnoy-i-pismennoy-rechi-studentov-nelingvisticheskogo-vuza.
6. Walz J. C. Error Correction Techniques for the Foreign Language Classroom. – Washington : Center for Applied Linguistics, 1982. – (Language in Education: Theory and Practice ; No. 50). – URL: https://eric.ed.gov/?id=ED217704.
7. Garba M., Simon E. O., Faniran K. F. Applying Selinker’s Theory to Error Correction Among Learners of French: Sacred Heart Catholic College, Ijebu-Ode as a Case Study // International Journal of Human Studies. – 2026. – Vol. 5, № 2. – P. 33–66. – URL: https://asjp.cerist.dz/index.php/en/article/303623.
8. Dańko M., Hamm D. Pour une correction phonétique personnalisée en FLE ou de la remédiation « sur mesure » // Studia Romanica Posnaniensia. – 2017. – Vol. 44, № 2. – P. 175–193. – DOI: 10.14746/strop.2017.442.011.
9. Rougier N. Corrective feedback in French as a foreign language writings // Glottodidactica. – 2014. – Vol. 41, № 1. – P. 113–127. – DOI: 10.14746/gl.2014.41.1.8.
10. Tagliante C. La classe de langue. – Paris : CLE International, 2006.
11. Corder S. P. Error Analysis and Interlanguage. – Oxford : Oxford University Press, 1981.
12. Ellis R. The Study of Second Language Acquisition. – Oxford : Oxford University Press, 2008.
13. Lyster R., Ranta L. Corrective Feedback and Learner Uptake: Negotiation of Form in Communicative Classrooms // Studies in Second Language Acquisition. – 1997. – Vol. 19, № 1. – P. 37–66. – DOI: 10.1017/S0272263197001034.
14. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : ИКАР, 2009.
15. A Comparative Study on Self-Correction, Peer-Correction, and Teacher-Correction in the Language Classroom. – 2022.

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор Акчекеева М.С.
УДК:37.373.6:51

Зикирова Ч.А.
М. Адышев атындагы Ош технологиялык университети
Зикирова Ч.А.
Ошский технологический университет имени М. Адышева
Zikirova Ch.A.
Osh Technological University named after M. Adyshev

ТЕХНИКАЛЫК АДИСТИКТЕРДИН СТУДЕНТТЕРИНДЕ КОММУНИКАТИВДИК КОМПЕТЕНЦИЯНЫ КАЛЫПТАНДЫРУУНУН КАРАЖАТЫ КАТАРЫ КЕЙС-МЕТОДУН КОЛДОНУУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

USING THE CASE METHOD AS A TOOL FOR DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF TECHNICAL STUDENTS

Кыскача мүнөздөмө. Заманбап техникалык университеттер студенттерден инженердик билимдерди гана эмес, ошондой эле өнүккөн англис тили боюнча баарлашуу көндүмдөрүн да талап кылат. Кейс-ыкмасы – бул реалдуу кесиптик кырдаалдарды симуляциялаган, студенттерди активдүү баарлашууга, көйгөйлөрдү талдоого жана кесиптик контексте чечим кабыл алууга үндөгөн натыйжалуу окутуу ыкмасы. Бул изилдөөнүн максаты – техникалык адистиктердин студенттеринин коммуникативдик компетенциясын калыптандыруу үчүн кейс-ыкмасынын мүмкүнчүлүктөрүн аныктоо. Изилдөөдө теориялык ыкмалар (адабиятты карап чыгуу, ыкмаларды салыштырмалуу талдоо) жана эмпирикалык ыкмалар (педагогикалык эксперимент, байкоо жүргүзүү, анкеталарды жана презентацияларды жана отчетторду талдоо) колдонулган. Жыйынтыктар көрсөткөндөй, кейс-ыкмасы студенттердин кесиптик лексикасын билүү жөндөмүн, оозеки жана жазуу жүзүндөгү баарлашууга болгон ишенимин жогорулатат жана командалык иш көндүмдөрүн жана критикалык ой жүгүртүүнү өнүктүрөт. Макалада англис тили сабактарында техникалык адистиктердин студенттеринин коммуникативдик компетенттүүлүгүн калыптандыруунун эң натыйжалуу каражаттарынын бири катары кейс-ыкмасын колдонуу каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу келечектеги адистерди ааламдашуу жана маданияттар аралык өз ара аракеттенүү шарттарында кесиптик баарлашууга даярдоо зарылчылыгы менен шартталган. Кейс-ыкмасында практикалык-багытка өзгөчө көңүл бурулат, ал кесиптик чөйрөдөн реалдуу кырдаалдарды моделдөөгө жана студенттерди активдүү сүйлөө ишмердүүлүгүнө тартууга мүмкүндүк берет.

Аннотация. Современные технические университеты требуют от студентов не только знаний в области инженерии, но и развитых коммуникативных навыков на английском языке. Кейс-метод является эффективной педагогической технологией, позволяющей моделировать реальные профессиональные ситуации, стимулируя студентов к активной коммуникации, анализу проблем и принятию решений в профессиональном контексте. Цель исследования – определить возможности кейс-метода для формирования коммуникативной компетенции студентов технических специальностей. В исследовании использованы теоретические методы (анализ литературы, сравнительный анализ методик) и эмпирические (педагогический эксперимент, наблюдение, анкетирование, анализ презентаций и отчетов). Результаты показали, что применение кейс-метода повышает уровень владения профессиональной лексикой, уверенность в устной и письменной коммуникации, развивает навыки работы в команде и критическое мышление. В статье рассматривается использование кейс-метода как одного из наиболее эффективных средств формирования коммуникативной компетенции студентов технических специальностей на занятиях

английского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки будущих специалистов к профессиональному общению в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделяется практико-ориентированной направленности кейс-метода, который позволяет моделировать реальные ситуации из профессиональной сферы и вовлекать студентов в активную речевую деятельность.

Abstract. Modern technical universities require students to develop not only engineering knowledge but also communicative competence in English. The case method is an effective pedagogical tool that models real professional situations, stimulating students to communicate actively, analyze problems, and make decisions in a professional context. The study aims to determine the potential of the case method for developing communicative competence among technical students. The research employs theoretical methods (literature analysis, comparative methodology review) and empirical methods (pedagogical experiment, observation, surveys, analysis of presentations and reports). Results indicate that using the case method improves students' professional vocabulary, confidence in oral and written communication, teamwork skills, and critical thinking. The article discusses the use of the case method as one of the most effective means of developing the communicative competence of students of technical specialties in English classes. The relevance of the study is due to the need to prepare future specialists for professional communication in the context of globalization and intercultural interaction. Special attention is paid to the practical orientation of the case method, which allows for the simulation of real-life situations from the professional field and the involvement of students in active speech activity.

Негизги сөздөр: компетенция, кейс-ыкмасы, кесиптик коммуникация, критикалык ой жүгүртүү, командалык иш, долбоордук иш, педагогикалык технологиялар.
Ключевые слова: компетенция, кейс-метод, профессиональная коммуникация, критическое мышление, командная работа, проектная деятельность, педагогические технологии.
Key words: competence, case method, professional communication, critical thinking, team work, project-based learning, pedagogical technologies.

Введение: Современный этап развития общества характеризуется усилением процессов глобализации, цифровизации и международной интеграции, что существенно влияет на систему высшего образования. В этих условиях возрастает значимость подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в многоязычной и межкультурной профессиональной среде. Особую роль в этом процессе играет владение иностранным языком, прежде всего английским, который является универсальным средством профессионального и научного общения. Несмотря на очевидную необходимость формирования коммуникативной компетенции, студенты технических специальностей нередко испытывают трудности в практическом использовании английского языка. Это связано с тем, что традиционные методы обучения ориентированы преимущественно на репродуктивную деятельность и не обеспечивают достаточной языковой практики в условиях, приближенных к реальным профессиональным ситуациям. В связи с этим возникает потребность в применении инновационных методов обучения, направленных на активизацию речевой деятельности студентов и развитие их способности к эффективной коммуникации. Одним из таких методов является кейс-метод, который широко используется в бизнес-образовании и постепенно внедряется в практику преподавания иностранных языков.

Сущность кейс-метода заключается в анализе конкретных ситуаций (кейсов), требующих от студентов принятия решений на основе имеющейся информации. В процессе работы с кейсами обучающиеся обсуждают проблемы, выдвигают гипотезы, аргументируют свою позицию и взаимодействуют друг с другом, используя иностранный язык как средство коммуникации. Применение кейс-метода на занятиях английского языка позволяет создать условия для формирования всех компонентов коммуникативной компетенции: лингвистической, социолингвистической и прагматической. Кроме того, данный метод способствует развитию профессионально значимых качеств личности, таких как аналитическое мышление, креативность и

умение работать в коллективе. Целью данного исследования является изучение возможностей кейс-метода как эффективного средства формирования коммуникативной компетенции студентов технических специальностей на занятиях английского языка. В современном образовании всё больше признается важность активных методов обучения, таких как кейс-метод, для формирования ключевых профессиональных и коммуникативных навыков у студентов. Так, в исследовании Hmelo-Silver (2004, стр. 47) отмечается, что проблемное обучение способствует развитию критического мышления и навыков решения реальных задач, что особенно важно при освоении профессиональной лексики и навыков межкультурной коммуникации.

Еще один важный источник — работа Herreid (1997, стр. 22), которая подчеркивает, что использование кейсов увеличивает мотивацию студентов и помогает закреплять теоретические знания за счет анализа практических ситуаций, что актуально для обучения техническим специалистам в условиях виртуальной и межкультурной среды. Кейс-метод, изначально разработанный для бизнес-образования, позволяет студентам не только углубить свои знания по предмету, но и развить навыки критического мышления, групповой работы и решения реальных задач. Этот метод предполагает изучение конкретных случаев из практики, что делает обучение более практико-ориентированным и актуальным. Кроме того, использование кейсов на занятиях английского языка помогает студентам не только улучшить языковые навыки, но и овладеть профессиональной терминологией, необходимой для будущей карьеры. В статье Ким (2020, стр. 55) говорится, что внедрение кейс-метода в обучение иностранным языкам способствует не только развитию устных и письменных навыков, но и формированию у студентов способности аргументировать свою позицию и работать в команде, что очень важно в профессиональной деятельности инженеров и техников. Также, исследование Пателя (2021, стр. 64) показывает, что кейс-метод помогает студентам развивать аналитическое мышление и умение принимать решения в условиях неопределенности, что особенно хорошо подходит для будущих специалистов, сталкивающихся с практическими задачами на производстве или в научных проектах. Наконец, R. Clark (2023, стр. 17) выделяет роль кейсов в межкультурной коммуникации: использование кейс-стади способствует развитию межкультурной восприимчивости и умения адаптировать речь к разным ситуациям, что чрезвычайно важно в условиях глобализации рынка труда.

Подход к обучению через кейс-метод активно исследуется в последние годы, и имеется множество работ, описывающих эффективность данного подхода в различных образовательных контекстах. В частности, исследования показывают, что кейс-метод способствует улучшению мотивации студентов, их вовлеченности в учебный процесс, а также повышает уровень удовлетворенности от обучения. Однако, несмотря на очевидные преимущества, остается ряд вопросов, касающихся подготовки преподавателей к использованию данного метода и его адаптации к специфике технических специальностей.

Таким образом, цель данной работы — исследовать использование кейс-метода как средства формирования коммуникативной коммпетенции студентов технических специальностей на занятиях английского языка. В рамках исследования будет проведен анализ существующих методик, а также представлена практическая часть, включающая примеры использования кейс-метода в учебном процессе.

Актуальность исследования: В условиях глобализации и стремительного развития науки и технологий значительно возрастают требования к выпускникам технических вузов. Современный специалист должен обладать не только глубокими профессиональными знаниями, но и развитой коммуникативной компетенцией, в том числе на иностранном языке. Английский язык сегодня выступает основным средством международного профессионального общения, научного обмена и доступа к передовым технологиям и информации. Однако практика показывает, что традиционные методы обучения иностранным языкам в технических вузах не всегда обеспечивают достаточный уровень сформированности коммуникативных навыков. Обучение часто ориентировано

на усвоение грамматических правил и лексики вне реального контекста их использования, что приводит к разрыву между теоретическими знаниями и практическими умениями общения. В этой связи особую значимость приобретает поиск и внедрение эффективных педагогических технологий, способствующих активному вовлечению студентов в процесс общения. Одним из таких методов является кейс-метод, который позволяет моделировать профессиональные ситуации и стимулирует студентов к активному использованию иностранного языка в условиях, приближенных к реальной коммуникации. Кейс-метод способствует развитию не только языковых навыков, но и критического мышления, умения работать в команде, принимать решения и аргументировать свою точку зрения. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью совершенствования методики преподавания английского языка в технических вузах с целью формирования коммуникативной компетенции студентов и повышения их конкурентоспособности на международном рынке труда.

В современном техническом образовании большое внимание уделяется формированию комплексных компетенций, включающих как профессиональные знания, так и навыки коммуникации на английском языке. Владение языком позволяет студентам: читать и интерпретировать профессиональную документацию; вести деловое и научное общение; участвовать в международных проектах; работать в командах с иностранными коллегами. Однако традиционные методы обучения английскому языку часто ограничены лекциями и стандартными упражнениями, что не обеспечивает достаточной практики коммуникации в профессиональном контексте. Кейс-метод (Case-Based Learning) позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации, требующие анализа, обсуждения и принятия решений, что повышает активность студентов, уверенность в коммуникации и применение профессиональной лексики. Актуальность исследования заключается в необходимости внедрения кейс-метода для формирования коммуникативной компетенции студентов технических специальностей, интегрируя английский язык с профессиональными знаниями.

Цель исследования: определить возможности кейс-метода для формирования коммуникативной компетенции студентов технических специальностей.

Задачи: изучить теоретические основы коммуникативной компетенции и кейс-метода. Определить педагогические условия эффективного внедрения кейс-метода. Разработать методологическую модель формирования навыков коммуникации. Провести педагогический эксперимент с использованием кейс-методов. Сформулировать рекомендации для преподавателей технических вуз.

Объект исследования: студенты технических специальностей, изучающие английский язык.

Предмет исследования: формирование коммуникативной компетенции посредством кейс-метода.

Научная новизна: Разработана методологическая модель кейс-метода для формирования коммуникативной компетенции студентов технических специальностей. Определены педагогические условия эффективного внедрения кейс-метода в обучение английскому языку: сочетание групповой работы, письменных и устных презентаций, реальных инженерных задач. Экспериментально подтверждена эффективность кейс-метода в развитии уверенности студентов, их критического мышления и способности использовать профессиональный английский язык.**Гипотеза:** применение кейс-метода способствует более эффективному развитию коммуникативной компетенции, повышает уверенность студентов и их способность использовать английский язык в профессиональных ситуациях. Коммуникативная компетенция включает: лексико-грамматический компонент: владение профессиональной лексикой; дискурсивный компонент: умение формулировать устные и письменные сообщения; Социокультурный компонент: адаптация языка к профессиональным и культурным нормам; Стратегический компонент: использование компенсаторных стратегий при недостатке знаний. Кейс-метод предполагает работу студентов с реальными или смоделированными профессиональными ситуациями, где необходимо: анализировать

данные и факты; вырабатывать решения и аргументировать их; представлять результаты устно и письменно; обсуждать решения в группе и корректировать подход. Преимущества кейс-метода: активизация учебного процесса; формирование критического мышления; развитие навыков работы в команде; применение профессиональной лексики и коммуникативных стратегий.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе будут применены следующие методы исследования:

Анализ литературы: Будет проведен обзор научных публикаций, посвященных кейс-методу и его применению в обучении иностранным языкам в контексте технических специальностей. Список литературы будет охватывать работы начиная с 2001 года и заканчивая 2025 годом. Особое внимание будет уделено исследованиям, которые касаются формирования коммуникативной компетенции.

Сравнительный анализ: Этот метод позволит сопоставить различные подходы к обучению, использующие кейс-метод. Будет проанализировано, как они применяются в разных освещенных источниках и как влияют на уровень коммуникативных навыков студентов.

Опрос и анкетирование: Для сбора эмпирических данных будет проведено анкетирование студентов технических специальностей и преподавателей, использующих кейс-метод в процессе обучения. Опрос будет направлен на выяснение степени удовлетворенности обучением, а также на оценку влияния кейс-метода на их коммуникативные навыки.

Кейс-анализ: Будет выбран ряд примеров успешного использования кейс-метода на занятиях английского языка. Этот метод даст возможность продемонстрировать реальный опыт применения подхода и выявить его сильные и слабые стороны с точки зрения формирования коммуникативной компетенции.

Теоретические: анализ отечественной и зарубежной литературы по кейс-методу и формированию коммуникативной компетенции; сравнительный анализ методик.

Эмпирические: педагогический эксперимент, наблюдение, анкетирование, анализ устных и письменных проектов студентов. Методы обработки данных: качественный и количественный анализ, сопоставление исходного и конечного уровней навыков коммуникации.

Методологическая модель формирования коммуникативной компетенции: Модель работы с кейс-методом включает последовательные этапы: Постановка кейса: преподаватель предлагает реальную профессиональную ситуацию. Анализ информации: студенты самостоятельно изучают материалы, собирают данные на английском языке. Разработка решения: студенты создают письменный отчет и готовят презентацию. Презентация и обсуждение: студенты представляют свои решения, участвуют в обсуждениях и получают обратную связь. Рефлексия: анализ процесса и результатов, оценка уровня коммуникационных навыков, выявление сильных и слабых сторон.

Педагогический эксперимент: Участники: 50 студентов первого курса инженерных специальностей, изучающих английский язык в рамках профессионально-ориентированных курсов.

Этапы эксперимента:

Диагностический: Оценка исходного уровня коммуникативной компетенции с помощью тестов, устных презентаций и анкетирования. Анализ владения профессиональной лексикой, навыков дискуссии и работы в группе.

Формирующий: 12 занятий с использованием кейс-методов, включающих реальные инженерные ситуации (например, проектирование конструкции, решение технической проблемы, разработка прототипа). Работа в группах 3–5 человек, подготовка письменных отчетов и устных презентаций на английском языке. Постоянная обратная связь от преподавателя и сверстников.

Контрольный: Повторная оценка уровня навыков коммуникации через тесты, презентации и письменные задания. Сравнение исходного и конечного уровней владения профессиональной лексикой и навыков командной работы. Результаты наблюдений: 85% студентов показали улучшение уверенности при устной коммуникации. 78% студентов повысили активность в обсуждениях профессиональных кейсов. Уровень владения профессиональной лексикой увеличился в среднем на 20–25%. Студенты отметили рост критического мышления и способности

аргументированно защищать свои решения. Эксперимент подтвердил, что кейс-метод является эффективным инструментом формирования академической и профессиональной коммуникации у студентов технических специальностей.

Педагогические рекомендации:

1. На основе результатов исследования предлагаются следующие рекомендации:

2. Включение кейс-методов в курсы английского языка для технических студентов с регулярной практикой проектных и профессиональных ситуаций.
3. Использование реальных инженерных кейсов, адаптированных под уровень студентов и цели курса.

Работа в группах, что развивает навыки командной коммуникации и коллективного решения проблем. Акцент на письменные и устные отчеты, включая презентации, дискуссии и аргументацию решений. Регулярная рефлексия студентов и обратная связь от преподавателя для анализа успешности коммуникации. Интеграция профессиональной лексики и терминологии в задания, чтобы студенты активно использовали язык в профессиональном контексте.

Заключение: Кейс-метод является эффективным инструментом формирования академической и профессиональной коммуникации у студентов технических специальностей. Применение кейсов способствует: улучшению навыков устной и письменной коммуникации на английском языке; развитию критического мышления и способности принимать аргументированные решения; формированию командных навыков и способности к совместной работе над проектами; активному использованию профессиональной лексики и терминологии. Внедрение кейс-методов в учебный процесс позволяет студентам интегрировать языковые навыки с профессиональными знаниями, что является ключевым для успешной работы в международной инженерной среде.

Таким образом, формирование коммуникативной компетенции студентов технических специальностей является одной из ключевых задач современного высшего образования. В условиях глобализации и интеграции в международное профессиональное сообщество владение английским языком становится необходимым условием успешной профессиональной деятельности. Проведенный анализ показывает, что кейс-метод является эффективным инструментом развития коммуникативных навыков студентов. Его использование позволяет приблизить процесс обучения к реальным условиям профессиональной деятельности, создать коммуникативно-направленную образовательную среду и обеспечить активное участие студентов в учебном процессе. Кейс-метод способствует не только развитию языковых умений, но и формированию важных универсальных компетенций, таких как критическое мышление, умение принимать решения, работать в команде и аргументированно отстаивать свою точку зрения. Это делает его особенно актуальным для подготовки будущих специалистов технического профиля. Вместе с тем, эффективность применения кейс-метода во многом зависит от профессионализма преподавателя, правильного подбора учебных материалов и учета уровня языковой подготовки студентов. Необходима также методическая разработка кейсов, ориентированных на специфику технических специальностей. В целом можно сделать вывод, что внедрение кейс-метода в процесс обучения английскому языку в технических вузах является перспективным направлением, способствующим повышению качества образования и формированию конкурентоспособных специалистов, способных к эффективной межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Fucius, F. (2001). Case Study Method in Communication Education. Journal of Communication Studies, 14(2), 45-60.

2. Heron, J. (2006). The Role of Case Studies in Enhancing Critical Thinking. International Journal of Teaching and Learning in Higher Education, 18(1), 31-42.

3. Tsai, C. (2012). Case-Based Learning: From Theory to Practice. Teaching in Higher Education, 17(4), 499-511.

4. Wright, A. (2018). Developing Communicative Competence through Case Studies in English Teaching. Journal of Language Teaching and Research, 9(3), 505-513.

5. Kim, J. (2020). Integrating the Case Method into Language Education. Studies in Higher Education, 45(5), 874-888.

6. Patel, D. (2021). A Comparative Study of Traditional and Case-Based Learning Approaches in Technical Education. Journal of Engineering Education, 110(2), 297-315.

7. Clark, R. (2023). Enhancing Language Skills through Case Studies: A New Methodology. Journal of Educational Innovations, 23(1), 15-29.

8. Smith, J. (2025). Future Trends in Case-Based Language Education: Preparing for a Globalized Workforce. International Journal of Multilingual Education, 6(1), 50-67.

9. Hmelo-Silver, C. E. (2004). Problem-Based Learning: What and How Do Students Learn? Educational Psychology Review, 16(3), 235-266. — В этой статье подробно рассматриваются механизмы развития критического мышления и навыков решения реальных проблем (стр. 47).

10. Herreid, C. F. (1997). Case Studies in Science: A Novel Method of Science Education. Journal of College Science Teaching, 27(4), 22-27. — Анализ эффективности кейс-метода в научном образовании, мотивации студентов (стр. 22).

11. Kim, J. (2020). Integrating the Case Method into Language Education. Studies in Higher Education, 45(5), 874-888. — Обзор опыта внедрения кейс-стади в обучение английскому языку для технических студентов (стр. 55).

12. Patel, D. (2021). A Comparative Study of Traditional and Case-Based Learning Approaches in Technical Education. Journal of Engineering Education, 110(2), 297-315. — Сравнение методов обучения, использование кейс-стади в учебном процессе (стр. 64).

13. Clark, R. (2023). Enhancing Language Skills through Case Studies: A New Methodology Journal of Educational Innovations, 23(1), 15-29. — Новые методы развития межкультурных и профессиональных компетенций с помощью кейсов (стр. 17).

Рецензент: Сагыналиев М. Ж. – к.ф. н.

УДК:37.373.6:51

Зикирова Ч.А.
М. Адышев атындагы Ош технологиялык университети
Зикирова Ч.А.
Ошский технологический университет имени М. Адышева
Zikirova Ch.A.
Osh Technological University named after M. Adyshev

ТЕХНИКАЛЫК ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНЫН СТУДЕНТТЕРИНИН ЧЕТ ТИЛДЕГИ КОММУНИКАТИВДИК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮГҮН САНАРИПТИК БИЛИМ БЕРҮҮ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫ АРКЫЛУУ ӨНҮКТҮРҮҮ

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

DEVELOPMENT OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS THROUGH DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Кыскача мүнөздөмө: Заманбап техникалык жогорку окуу жайлары студенттерден кесиптик билим менен катар чет тилде, айрыкча англис тилинде, жогорку деңгээлдеги коммуникативдик

компетенттүүлүктү талап кылат. Санариптик билим берүү технологиялары (СББТ) интерактивдүү, адаптивдүү жана жекелештирилген окутуу мүмкүнчүлүктөрүн түзүү аркылуу бул көндүмдөрдү өнүктүрүүгө ыңгайлуу шарт түзөт. Изилдөөнүн максаты – техникалык адистиктердин студенттеринин чет тилдеги коммуникативдик компетенттүүлүгүн өнүктүрүүдө санариптик билим берүү технологияларынын натыйжалуулугун изилдөө. Изилдөөдө теориялык методдор (илимий адабияттарга сереп салуу, окутуу методикаларын салыштырмалуу талдоо) жана эмпирикалык методдор (педагогикалык эксперимент, байкоо жүргүзүү, сурамжылоо, студенттердин санариптик портфолиолорун талдоо) колдонулган. Изилдөөнүн жыйынтыктары санариптик билим берүү технологияларын англис тилин окутуу процессине киргизүү студенттердин оозеки жана жазуу жүзүндөгү баарлашуу көндүмдөрүн, кесиптик сөз байлыгын, санариптик сабаттуулугун жана көйгөйлөрдү биргелешип чечүү жөндөмдөрүн жакшыртарын көрсөтөт. Студенттердин академиялык жана кесиптик чөйрөдө англис тилин колдонууга болгон мотивациясы, өз алдынчалуулугу жана ишеними жогорулаганы белгиленген.

Аннотация: Современные технические вузы требуют от студентов не только профессиональных знаний, но и высокого уровня иноязычной коммуникативной компетенции, особенно в английском языке. Цифровые образовательные технологии (ЦОТ) создают благоприятные условия для развития этих навыков, обеспечивая интерактивное, адаптивное и персонализированное обучение. Цель исследования – изучить эффективность цифровых образовательных технологий в развитии иноязычной коммуникативной компетенции студентов технических специальностей. В исследовании использованы теоретические методы (обзор научной литературы, сравнительный анализ методик преподавания) и эмпирические методы (педагогический эксперимент, наблюдение, анкетирование, анализ цифровых портфолио студентов). Результаты исследования показывают, что интеграция цифровых образовательных технологий в процесс обучения английскому языку способствует развитию навыков устной и письменной коммуникации, расширению профессионального словарного запаса, повышению цифровой грамотности и совершенствованию навыков совместного решения проблем. Отмечается повышение мотивации, самостоятельности и уверенности студентов при использовании английского языка в академической и профессиональной среде.

Abstract: Modern technical universities require students to possess not only professional knowledge but also a high level of communicative competence in a foreign language, particularly English. Digital educational technologies (DET) provide an effective environment for developing these skills by enabling interactive, adaptive, and personalized learning experiences. The aim of the study is to investigate the effectiveness of DET in enhancing foreign language communicative competence among students of technical universities. The research employs theoretical methods (literature review and comparative analysis of teaching methodologies) and empirical methods (pedagogical experiment, observation, surveys, and analysis of students' digital portfolios). The results indicate that integrating DET into English language teaching improves students' oral and written communication skills, professional vocabulary, digital literacy, and collaborative problem-solving skills. Students demonstrate increased motivation, autonomy, and confidence in using English in academic and professional contexts.

Негизги сөздөр: чет тилдеги коммуникативдик компетенттүүлүк; санариптик билим берүү технологиялары; англис тили; техникалык жогорку окуу жайлардын студенттери; кесиптик коммуникация; санариптик окутуу; онлайн кызматташуу; аралаш окутуу; интерактивдүү окутуу.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция; цифровые образовательные технологии; английский язык; студенты технических вузов; профессиональная коммуникация; цифровое обучение; онлайн-сотрудничество; смешанное обучение; интерактивное обучение.

Keywords: foreign language communicative competence; digital educational technologies; English language; technical university students; professional communication; digital learning; online collaboration; blended learning; interactive learning.

Introduction: In the context of rapid globalization and digital transformation, the ability to communicate effectively in a foreign language has become a critical competence for students of technical universities. Modern engineers, IT specialists, and other professionals are increasingly required to operate in мinternational environments, collaborate across cultures, and access vast amounts of information in foreign languages, particularly English. Consequently, the development of foreign language communicative competence is no longer an optional component of higher education, but a fundamental requirement for professional success and lifelong learning. At the same time, the educational landscape is undergoing significant changes due to the integration of digital technologies. Digital educational tools—such as online learning platforms, virtual classrooms, mobile applications, artificial intelligence systems, and interactive multimedia resources—have transformed traditional teaching methods and created new opportunities for language learning [7]. These technologies allow for personalized learning trajectories, increased learner autonomy, and authentic communication practices that were previously difficult to achieve in conventional classroom settings. For students of technical universities, who often demonstrate a preference for practical, problem-solving approaches and digital environments, the use of digital educational technologies is particularly effective. It enables the integration of language learning with professional content, supports project-based and collaborative learning, and enhances motivation by aligning educational processes with students' interests and future career needs [2; 3; 4]. However, despite the apparent advantages, the implementation of digital technologies in foreign language education also presents certain challenges. These include issues related to digital literacy, the need for pedagogical adaptation, the risk of superficial learning, and unequal access to technological resources. Therefore, it is essential to explore not only the potential but also the methodological foundations of using digital tools to develop communicative competence. This paper aims to analyze the role and effectiveness of digital educational technologies in the development of foreign language communicative competence among students of technical universities. It also seeks to identify key approaches, tools, and strategies that contribute to the formation of linguistic, sociolinguistic, and pragmatic skills necessary for successful communication in professional and academic contexts.

Relevance: Technical universities increasingly focus on preparing students capable of functioning in global professional environments. Foreign language competence, especially in English, is essential for: Reading and interpreting professional and technical documentation; Participating in international projects and research; Collaborating with colleagues across borders; Presenting technical reports and project results in English. Traditional language teaching methods often fail to provide sufficient opportunities for active, real-life communication, limiting the development of communicative competence. Digital educational technologies (DET), such as learning management systems, virtual classrooms, interactive simulations, and mobile learning applications, allow students to practice language in authentic, technology-enhanced environments. These technologies support self-directed learning, collaboration, and immediate feedback, crucial for developing both academic and professional communicative skills. The relevance of this study lies in the urgent need to integrate DET into technical university curricula to form comprehensive foreign language communicative competence aligned with professional requirements.

Aim: To examine the effectiveness of digital educational technologies in developing foreign language communicative competence among technical university students. Objectives: Analyze theoretical foundations of communicative competence and digital learning. Investigate the role of DET in teaching English for specific purposes (ESP). Develop a methodological model for integrating DET in language instruction. Conduct a pedagogical experiment to evaluate the impact of DET on students' language skills. Formulate practical recommendations for instructors in technical universities.

Research Object: Technical university students studying English as a foreign language.

Research Subject: The process of developing foreign language communicative competence using digital educational technologies.

Hypothesis: The integration of DET in English language instruction will enhance students' communicative competence, increase motivation, improve digital literacy, and support autonomous learning.

Theoretical Background: Foreign Language Communicative Competence**.** Communicative competence comprises several components: Linguistic competence: vocabulary, grammar, and professional terminology; Pragmatic competence: using language appropriately in academic and professional contexts; Sociocultural competence: understanding cultural norms and professional etiquette; Strategic competence: compensatory strategies when language knowledge is incomplete [9]. Developing these components requires interactive, authentic, and problem-oriented learning environments, which DET effectively provides [1]. Digital Educational Technologies in Language Learning**:** DET encompasses a variety of tools and platforms, including: Learning management systems (Moodle, Blackboard); Virtual classrooms (Zoom, MS Teams); Online collaborative platforms (Padlet, Google Workspace); Interactive simulations and gamified learning apps; Mobile-assisted language learning applications [8]. Advantages of DET: Promotes autonomy and self-directed learning; Facilitates collaborative projects and peer feedback; Integrates authentic materials and tasks; Supports immediate evaluation and adaptive learning paths; Encourages digital literacy and 21st-century skills.

Research Methods: Theoretical Methods: Literature review on DET, ESP teaching methodologies, and digital pedagogy; comparative analysis of traditional and digital learning methods. Empirical Methods: Pedagogical experiment with experimental and control groups; Observation of student engagement in online platforms; Surveys and questionnaires assessing motivation, self-efficacy, and perceived competence; Analysis of digital portfolios and presentations. Data Analysis: Both qualitative and quantitative approaches were applied to measure growth in communicative competence, digital literacy, and teamwork skills [10].

Methodological Model: The methodological model integrates DET into English language instruction as follows: Orientation Phase: Students are introduced to digital platforms, resources, and project tools. Task Assignment: Students receive professional or academic tasks (e.g., technical report writing, virtual lab simulations, project presentations). Digital Collaboration: Students work in teams using online tools, sharing research, and drafting reports in English. Presentation and Peer Feedback: Students present their findings via virtual meetings; peers and instructors provide structured feedback. Reflection and Self-Evaluation: Students analyze their language use, collaboration skills, and digital competence, setting goals for improvement. This cyclical model emphasizes active participation, technology-mediated collaboration, and autonomous learning [5; 6].

Pedagogical Experiment: Participants: 52 second-year engineering students, divided into experimental (DET-enhanced instruction) and control groups (traditional methods). Experiment Design: Pre-test assessing baseline communicative competence;10-week instructional module integrating DET tools; Collaborative projects and digital assignments; Post-test and evaluation of digital portfolios and oral presentations.

Results: Experimental group improved oral communication scores by 30%, control group by 12%; Written assignments in English improved 25% in experimental vs 10% in control; High engagement observed in online collaborative tasks; Students reported increased confidence, motivation, and satisfaction with digital learning.

Pedagogical Recommendations: Integrate DET tools systematically in ESP courses for technical students. Use authentic tasks reflecting real professional contexts. Encourage teamwork through online collaboration and project-based assignments. Combine synchronous (Zoom, Teams) and asynchronous (Moodle, Google Classroom) learning. Include reflection and self-assessment to enhance autonomy. Develop digital literacy alongside language competence.

Scientific Novelty: Developed a methodological framework for DET-enhanced language instruction. Confirmed the positive effect of DET on communicative competence, motivation, and digital literacy. Identified effective integration strategies for ESP teaching in technical higher education.

Conclusion: Digital educational technologies are highly effective in developing foreign language communicative competence among technical university students. DET fosters: Oral and written communication skills in English; Professional vocabulary acquisition; Team work and collaborative problem-solving; Autonomous and self-directed learning; Digital literacy and 21st-century competencies.

Integrating DET into technical university curricula bridges the gap between language learning and professional practice, preparing students for global engineering environments. In conclusion, the development of foreign language communicative competence among students of technical universities is a complex and multifaceted process that requires innovative pedagogical approaches and the effective integration of digital educational technologies. In today's interconnected world, such competence is essential not only for professional mobility and competitiveness but also for active participation in the global knowledge economy.

The analysis has shown that digital technologies significantly enhance the process of foreign language learning by providing interactive, flexible, and student-centered environments. Tools such as online platforms, virtual simulations, multimedia content, and communication applications facilitate the development of all components of communicative competence, including linguistic accuracy, fluency, intercultural awareness, and pragmatic skills. Moreover, they support the implementation of modern educational approaches, such as blended learning, flipped classrooms, and problem-based learning, which are particularly relevant for technical students. At the same time, the successful application of digital technologies depends on several critical factors, including the digital competence of both teachers and students, the availability of technological infrastructure, and the alignment of digital tools with pedagogical objectives. Without careful planning and methodological support, the use of technology may not lead to the desired educational outcomes.

Therefore, it is necessary to adopt a balanced and systematic approach to the integration of digital technologies in foreign language education. Educators should focus not only on the selection of appropriate tools but also on the design of meaningful learning activities that promote active communication, critical thinking, and professional relevance. Ultimately, the combination of communicative language teaching principles with the potential of digital technologies creates powerful opportunities for preparing technically skilled specialists who are also capable of effective communication in a globalized environment. Future research in this area should focus on developing evidence-based models, evaluating long-term outcomes, and exploring emerging technologies that can further enhance language education.

References

1. Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: проблемы и перспективы. – М. : Просвещение, 1988. – 256 с.

2. Hmelo-Silver C. E. Problem-Based Learning: What and How Do Students Learn? // Educational Psychology Review. – 2004. – Vol. 16, № 3. – P. 235–266. – DOI: 10.1023/B:EDPR.0000034022.16470.f3.

3. Barrows H. S. Problem-Based Learning in Medicine and Beyond: A Brief Overview // New Directions for Teaching and Learning. – 1996. – № 68. – P. 3–12. – DOI: 10.1002/tl.37219966804.

4. Savin-Baden M. Problem-Based Learning in Higher Education: Untold Stories. – Buckingham : Open University Press, 2000.

5. Stoller F. L. Establishing a Theoretical Foundation for Project-Based Learning in Second and Foreign Language Contexts // Project-Based Second and Foreign Language Education: Past, Present, and Future / ed. by G. H. Beckett, P. C. Miller. – Greenwich, CT : Information Age Publishing, 2006. – P. 19–40.

6. Grant M. M. Getting a Grip on Project-Based Learning: Theory, Cases and Recommendations // Meridian: A Middle School Computer Technologies Journal. – 2002. – Vol. 5, № 1. – P. 1–17.

7. Network-Based Language Teaching: Concepts and Practice / ed. by M. Warschauer, R. Kern. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 256 p. – DOI: 10.1017/CBO9781139524735.

8. Godwin-Jones R. Smartphones and Language Learning // Language Learning & Technology. – 2017. – Vol. 21, № 2. – P. 3–17. – DOI: 10.64152/10125/44607.

9. Richards J. C., Rodgers T. S. Approaches and Methods in Language Teaching. – 3rd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

10. Cohen L., Manion L., Morrison K. Research Methods in Education. – 7th ed. – London ; New York : Routledge, 2011. – 758 p.

Reviewer: Doctor of Pedagogical Sciences Sattarova A.T.

УДК 378:316.6:81

Ибраева Б.Э.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ибраева Б.Э.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Ibraeva B.E.
KNU Jusup Balasagyn

КӨП ТИЛДҮҮ БИЛИМ БЕРҮҮ ЧӨЙРӨСҮНДӨ СТУДЕНТТЕРДИН СОЦИАЛДАШУУСУ: ТИЛ САЯСАТЫНЫН ЖАНА МАДАНИЙ ФАКТОРЛОРДУН ИНСАНДЫН ЫҢГАЙЛАШУУ ПРОЦЕССИНЕ ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В МНОГОЯЗЫЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

STUDENT SOCIALIZATION IN A MULTILINGUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: THE INFLUENCE OF LANGUAGE POLICY AND CULTURAL FACTORS ON PERSONAL ADAPTATION

Кыскача мүнөздөмө: Глобалдашуу жана академиялык мобилдүүлүк шартында университеттер барган сайын көп тилдүү жана көп маданияттуу мейкиндиктерге айланып баратат. Макалада көп тилдүү билим берүү чөйрөсүндө студенттердин социалдашуусуна жана инсандык ыңгайлашуусуна тил саясаты менен маданий факторлор кандай таасир этери каралат. Ийгиликтүү социалдашуунун негизги куралы катары маданияттар аралык коммуникативдик компетенттүүлүктүн ролуна өзгөчө көңүл бурулат.

Аннотация: В условиях глобализации и академической мобильности университеты всё чаще становятся многоязычными и мультикультурными пространствами. В статье рассматривается, как языковая политика и культурные факторы влияют на процессы социализации и адаптации студентов в многоязычной образовательной среде. Особое внимание уделяется роли межкультурной коммуникативной компетенции как ключевого инструмента успешной социализации.

Abstract: In the context of globalization and academic mobility, universities are increasingly becoming multilingual and multicultural spaces. The article examines how language policy and cultural factors influence the processes of student socialization and adaptation in a multilingual educational environment. Particular attention is paid to the role of intercultural communicative competence as a key tool for successful socialization.

Негизги сөздөр: социалдашуу; көп тилдүүлүк; тил саясаты; маданияттар аралык коммуникация; ыңгайлашуу; билим берүү чөйрөсү; студенттер.

Ключевые слова: социализация; многоязычие; языковая политика; межкультурная коммуникация; адаптация; образовательная среда; студенты.

Keywords: socialization; multilingualism; language policy; intercultural communication; adaptation; educational environment; students.

The modern system of higher education is being formed under the influence of global processes such as the internationalization of education, academic mobility, and digitalization. These trends contribute to the

development of multilingual and multicultural educational spaces in which students not only acquire new knowledge but also undergo a process of deep cultural and social adaptation.

Under these conditions, student socialization acquires new forms and requires a reconsideration of traditional approaches to teaching. Interaction among representatives of different linguistic and cultural communities, characteristic of universities in the Central Asian region, becomes a factor of personal growth, but at the same time creates new challenges - language barriers, differences in value systems, and difficulties in intercultural communication.

The purpose of the article is to determine the influence of language policy and cultural factors on the process of student socialization in a multilingual academic environment and to identify effective adaptation strategies.

Socialization is traditionally understood as a complex and multi-level process of an individual's assimilation of norms, values, cultural traditions, and patterns of behavior accepted in society. Within the framework of modern humanities research, this process is interpreted not only as adaptation to the social environment but also as the active inclusion of the individual in the system of social interactions, during which their identity, worldview, and communicative strategies are formed [3].

In conditions of multilingualism and cultural diversity, socialization acquires specific features. The individual becomes simultaneously involved in several cultural and linguistic spaces, which requires the mastering of various symbolic systems, norms of speech behavior, and models of interaction. Thus, socialization in a multilingual environment represents not a linear, but a multidimensional process, including the integration of different cultural codes [2].

A special role in this process is played by the concept of intercultural communicative competence, which includes the ability to effectively interact with representatives of other cultures, take cultural differences into account, and adapt one's own behavior in accordance with the context of communication. The formation of this competence becomes a key condition for successful socialization in a multilingual society.

A multilingual environment has a significant impact on the cognitive and personal development of learners. Studies show that proficiency in several languages contributes to the development of cognitive flexibility, critical thinking, and the ability to switch between different systems of knowledge. In addition, regular interaction with representatives of different cultures forms tolerance, empathy, and openness to new experiences.

At the same time, the absence of systematic pedagogical and psychological support in a multilingual environment can lead to the emergence of a number of difficulties. These include a sense of alienation, communicative insecurity, decreased learning motivation, and difficulties in forming a stable identity. These problems are especially acute among students who are in a new cultural environment.

In this regard, the organization of an educational space oriented toward a dialogue of cultures acquires special importance. Such an environment should ensure equal interaction of different languages and cultures, support linguistic diversity, and promote the formation of an atmosphere of mutual respect and understanding.

The psychological comfort of learners and the success of their socialization largely depend on how much the educational environment takes into account the principles of inclusivity, cultural sensitivity, and intercultural interaction. Effective pedagogical practice involves not only teaching a language as a system but also introducing learners to the cultural contexts of its functioning [1].

Thus, socialization in a multilingual environment is a complex integrative process that requires consideration of both linguistic and sociocultural factors. Its success is determined by the ability of the educational system to create conditions for a harmonious combination of language learning and intercultural personal development.

Language policy of a higher educational institution acts as one of the key elements in the formation of the educational space and the most important instrument for regulating academic communication. It

determines the status and functional distribution of languages used in the educational process, scientific activity, administrative documentation, and everyday interaction of participants in the educational process.

In modern conditions, language policy goes beyond a purely organizational mechanism and becomes a factor directly influencing student socialization, the formation of their academic identity, and the success of adaptation in a multilingual environment. The degree of students' involvement in the educational process and their opportunities for full participation in academic and social life largely depend on how thoughtfully and balanced the language policy is constructed.

In the Kyrgyz Republic, as in a number of Central Asian countries, a model of multilingualism is implemented based on the combination of the state (Kyrgyz), official (Russian), and international (primarily English) languages. This trilingual system reflects the socio-cultural specificity of the region and is oriented toward integration into the global educational and scientific space.

On the one hand, such a model opens wide opportunities for students. It contributes to the expansion of their communicative and cognitive horizons, the formation of the ability to function in different linguistic environments, as well as the development of intercultural communicative competence. Proficiency in several languages increases the competitiveness of graduates in the labor market and creates prerequisites for academic mobility and participation in international programs and scientific projects.

Among the main opportunities provided by multilingual language policy are:

- expansion of students' communicative and cognitive capabilities;
- deepening of intercultural interaction in the educational environment;
- formation of professionally mobile and competitive specialists.

At the same time, the implementation of multilingual policy is associated with a number of objective difficulties. One of the most significant problems is the uneven level of language proficiency among students. Differences in language preparation can lead to a decrease in academic performance, limited participation in academic discussions, and the formation of communicative barriers.

An additional factor is the formation of a so-called language hierarchy, in which one of the languages (most often the language of instruction) acquires a dominant status. This can influence the social dynamics within study groups, contributing to the emergence of informal inequality and a decrease in the level of involvement of certain students.

Particular attention should be paid to the risk of social and academic isolation of students who do not sufficiently master the dominant language of instruction. In such conditions, they may experience difficulties in understanding educational material, limitations in communication with teachers and peers, as well as a decrease in learning motivation.

Among the main problematic aspects of language policy are:

- heterogeneous levels of students' language proficiency;
- the presence of a language hierarchy and related social imbalances;
- the risk of marginalization of students with insufficient proficiency in the language of instruction.

In this regard, the development and implementation of a flexible and inclusive language policy oriented toward the real needs of students acquires particular importance. Such a policy should provide conditions for equal access to educational resources regardless of the level of language proficiency, as well as support multilingualism as a valuable resource rather than a source of barriers.

An effective language policy involves the implementation of additional support mechanisms, such as preparatory language courses, the use of bilingual educational materials, the application of adaptive teaching methods, and the development of academic language support for students.

Thus, the language policy of a university acts not only as an instrument for organizing the educational process but also as the most important factor of student socialization, influencing their academic success, social integration, and the formation of intercultural competence [1].

The cultural component is an integral element of the process of personal adaptation in a multilingual educational environment. In a number of cases, cultural differences exert a more significant influence on the success of socialization than linguistic difficulties themselves. This is due to the fact that culture determines

not only the content of communication, but also the forms of its implementation, including norms of behavior, ways of expressing thoughts, and the expectations of participants in interaction.

Particular importance in the academic environment is attached to differences in the perception of communication norms, principles of academic ethics, as well as models of interaction in the "teacher - student" system. For example, in some cultures a hierarchical model prevails, implying distance and formality in communication, whereas in others a more democratic and partnership-based form of interaction is characteristic. A mismatch of expectations in these aspects may lead to misunderstanding, decreased student activity, and the formation of communicative barriers.

An important concept explaining the specifics of intercultural adaptation is cultural distance, which is understood as the degree of difference between the culture to which the student belongs and the culture of the educational environment of the host university. The smaller this distance, the easier and faster the process of adaptation takes place.

Thus, students from Central Asian countries, which have similar historical, social, and cultural foundations, as a rule, adapt more quickly to the conditions of study. At the same time, representatives of more distant cultural contexts face the need for a profound restructuring of habitual patterns of behavior, which may be accompanied by stress and a sense of disorientation.

The key barriers of intercultural interaction include:

- stereotyping and prejudice, forming a distorted perception of representatives of other cultures;
- differences in communicative and behavioral styles, including features of emotional expression, the degree of directness of statements, and norms of politeness;
- insecurity when using a non-native language, limiting participation in communication;
- limited opportunities for informal communication, hindering the establishment of interpersonal connections.

These barriers may lead to a decrease in the level of interaction between students, the formation of closed groups based on linguistic or cultural affiliation, and, as a consequence, to a slowdown in the process of socialization.

Under these conditions, the formation of intercultural communicative competence acquires particular significance, which is considered as an integrative quality of the individual ensuring effective and appropriate interaction in a multicultural environment.

This competence includes:

- knowledge of cultural characteristics of various communities;
- the ability to adapt communicative behavior depending on the context;
- skills of interpreting and overcoming cultural differences;
- the ability to reflect on one's own cultural attitudes and stereotypes.

The development of intercultural competence contributes not only to successful adaptation of students, but also to the formation of their readiness for professional activity in a globalized world.

Thus, taking cultural factors into account and purposeful work on overcoming intercultural barriers are necessary conditions for effective socialization of students in a multilingual educational environment [4].

Effective integration of students into a multilingual academic environment requires a comprehensive and systematic approach, including pedagogical, organizational, and sociocultural measures. Adaptation in this context is considered not only as a process of adjustment to new learning conditions, but also as the active inclusion of the individual in a multilingual and multicultural educational space.

Modern research emphasizes that successful student socialization is possible only under the condition of purposeful formation of a favorable educational environment oriented toward the principles of inclusivity, cultural diversity, and equal access to resources [5]. In this regard, the development and implementation of strategies aimed at reducing linguistic and cultural barriers acquire particular significance.

The key directions of adaptation strategy include the following:

1. Inclusive language practices.

They imply the support of multilingual communication both in academic and extracurricular activities. Creating conditions under which different languages are perceived as a resource rather than a barrier contributes to the formation of a comfortable communicative environment and increases student engagement.

2. Bilingual and multilingual educational programs.

The implementation of programs providing instruction in several languages allows students to simultaneously develop professional competencies and language skills. This increases their academic mobility and competitiveness in the international labor market.

3. Mentoring programs.

The organization of interaction between senior and junior students, as well as the inclusion of international students in the local student community, contributes to faster adaptation. Mentorship reduces stress levels, facilitates orientation in a new environment, and forms stable social connections.

4. Professional development of teachers.

The professional development of educators in the field of intercultural communication and sensitivity to diversity is an important condition for effective teaching. The teacher acts as a mediator between cultures; therefore, their competence in this area directly affects the quality of the educational process.

5. Use of digital educational technologies.

Digital tools (online platforms, educational applications, video communication) make it possible to overcome language barriers, provide access to authentic materials, and create opportunities for intercultural interaction in a virtual environment.

6. Organization of intercultural events.

The holding of round tables, cultural festivals, discussion clubs, and other forms of informal interaction contributes to the development of intercultural dialogue, strengthening mutual understanding, and reducing social distance between students.

7. Integration of the intercultural component into curricula.

The inclusion in course content of comparative aspects of linguoculture, ethnocommunication, and intercultural interaction allows students to form a holistic understanding of cultural diversity and to develop skills of its meaningful perception.

The implementation of these strategies contributes to the formation of an educational environment in which multilingualism and cultural diversity are regarded as valuable resources. Such a model of education not only facilitates the process of student adaptation, but also promotes the development of empathy, tolerance, and the ability for effective intercultural interaction [4].

Ultimately, a systematic approach to organizing adaptation processes ensures an increase in the quality of education, strengthens the social cohesion of the student community, and prepares specialists capable of successfully functioning in a globalized world.

The practice of higher education institutions demonstrates that the successful socialization of students in a multilingual educational environment is possible only under conditions of a systematic and purposeful approach. In this context, the experience of Kyrgyz National University named after J. Balasagyn is of particular interest, where a comprehensive model of student support has been implemented, aimed at promoting multilingualism and intercultural interaction.

An analysis of the university’s practical activities makes it possible to identify a number of effective educational and sociocultural practices designed to facilitate student adaptation and the development of intercultural competence.

One of the key directions is the introduction of bilingual and trilingual educational courses, which enable students to master academic material in several languages. This approach helps to lower language barriers, equalize academic opportunities for students with different levels of language proficiency, and foster flexible linguistic thinking.

A significant role is played by cultural adaptation seminars that familiarize students with academic norms, behavioral rules, and the specific features of the university’s educational environment. These

activities contribute to students' understanding of cultural contexts in the learning process and reduce psychological stress during their transition to a new environment.

An essential element of extracurricular life is the operation of student language clubs, which provide space for informal communication in various languages. Participation in such clubs helps develop communication skills, overcome linguistic insecurity, and build interpersonal connections among students from diverse cultural groups.

Furthermore, intercultural projects and academic conferences make a substantial contribution to the process of socialization. These forms of activity are aimed at exchanging knowledge, experience, and cultural practices, as well as at fostering tolerance and mutual respect. Participation in such events broadens students' academic horizons and enhances their public speaking skills in a multilingual environment.

The comprehensive application of these practices has created an educational environment in which multilingualism is viewed as a developmental asset and cultural diversity as an enrichment factor of the learning process.

The results of these approaches indicate positive dynamics in students' academic motivation, increased communicative activity, and the development of cognitive flexibility. Moreover, students form a sense of belonging to a unified educational community based on principles of mutual respect and cooperation.

Thus, the university's experience confirms that a systematic organization of pedagogical and sociocultural measures is a necessary condition for the effective socialization of students in a multilingual educational environment.

Student socialization in a multilingual university is a complex and multifaceted process depending on the combination of language policy, cultural factors, and organizational support. An effective language policy based on the principles of equality and openness, as well as a deep understanding of cultural differences, create the prerequisites for successful personal adaptation.

Universities that consciously form an inclusive and intercultural educational environment not only contribute to students' academic achievements, but also shape a new generation of open-minded, flexible, and socially responsible global citizens.

A promising direction for further research is the development of practical models for the formation of intercultural competence and the assessment of the impact of multilingual education on the professional mobility of graduates.

References

1. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon : Multilingual Matters, 1997. – 124 p.
2. Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. – 4th ed. – Clevedon : Multilingual Matters, 2006. – 492 p.
3. Piller I. Intercultural Communication: A Critical Introduction. – 2nd ed. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2017. – 227 p.
4. Cross-Cultural and Intercultural Communication / ed. by W. B. Gudykunst. – Thousand Oaks : SAGE Publications, 2003. – 312 p.
5. Cambridge Assessment English. The Impact of Multilingualism on Global Education. – Cambridge, 2018.

Reviewer: Candidate of Philological Sciences Alishova I.K.

УДК 81'243:004

Ибраева Б.Э.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ибраева Б.Э.

КНУ имени Жусупа Баласагына
Ibraeva B.E.
KNU Jusup Balasagyn

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК ТОСКООЛДУКТАРДЫ ЖОЮУНУН КАРАЖАТЫ КАТАРЫ САНАРИПТИК ТЕХНОЛОГИЯЛАР
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
DIGITAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF OVERCOMING INTERCULTURAL BARRIERS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Кыскача мүнөздөмө: Макалада чет тилдерди окутуу процессинде маданияттар аралык тоскоолдуктарды жоюуда санариптик технологиялардын ролу каралат. Окуучулардын маданияттар аралык коммуникативдик компетенттүүлүгүн калыптандырууда заманбап санариптик каражаттардын мүмкүнчүлүктөрү талданат. Онлайн платформаларды, мультимедиялык жана интерактивдүү технологияларды колдонууга өзгөчө көңүл бурулуп, алардын маданияттар аралык баарлашуу көндүмдөрүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөрү көрсөтүлөт. Изилдөөнүн жыйынтыгында санариптик технологиялардын негизги артыкчылыктары жана алардын чет тилдерди окутуунун натыйжалуулугуна тийгизген таасири аныкталат.

Аннотация: В статье рассматривается роль цифровых технологий в преодолении межкультурных барьеров в процессе обучения иностранным языкам. Анализируются возможности современных цифровых инструментов в формировании межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся. Особое внимание уделяется использованию онлайн-платформ, мультимедийных и интерактивных технологий, способствующих развитию навыков межкультурного общения. В результате исследования выявляются основные преимущества цифровых технологий и их влияние на эффективность обучения иностранным языкам.

Abstract: The article examines the role of digital technologies in overcoming intercultural barriers in the process of foreign language teaching. The possibilities of modern digital tools in the formation of students' intercultural communicative competence are analyzed. Special attention is given to the use of online platforms, multimedia, and interactive technologies that contribute to the development of intercultural communication skills. The study identifies the main advantages of digital technologies and their impact on the effectiveness of foreign language teaching.

Негизги сөздөр: санариптик технологиялар; маданияттар аралык коммуникация; чет тилдерди окутуу; коммуникативдик компетенттүүлүк; онлайн билим берүү.

Ключевые слова: цифровые технологии; межкультурная коммуникация; обучение иностранным языкам; коммуникативная компетенция; онлайн-образование.

Keywords: digital technologies; intercultural communication; foreign language teaching; communicative competence; online education.

Коомдун өнүгүүсүнүн азыркы этабы жашоонун бардык тармактарынын, анын ичинде билим берүүнүн, илимдин жана кесиптик ишмердүүлүктүн активдүү санариптешүүсү менен мүнөздөлөт. Санариптик трансформация билим берүү формаларын гана өзгөртпөстөн, билим берүү процессинин өзүнүн мүнөзүн да өзгөртүп, аны кыйла ийкемдүү, жеткиликтүү жана окуучулардын жеке муктаждыктарына багыттайт. Глобалдашуу, академиялык мобилдүүлүктүн жана эл аралык байланыштардын кеңейиши шартында чет тилдерди билүү инсандын кесиптик жана социалдык жактан ийгиликтүү өнүгүүсүнүн ажырагыс шарты болуп калууда. Бул контекстте чет тили жөн гана баарлашуу каражаты эмес, маданияттар аралык өз ара аракеттенүүнүн маанилүү каражаты болуп

саналат жана дүйнөлүк билимдерге, илимий ресурстарга жана маданий ар түрдүүлүккө жетүүнү камсыз кылат [1].

Ошол эле учурда чет тилдерди жана маданияттар аралык коммуникацияны окутуу процесси бир катар объективдүү кыйынчылыктар менен коштолот. Негизги маданияттар аралык тоскоолдуктарга тилдик системалардагы, маданий баалуулуктардагы, социалдык нормалардагы, салттардагы жана жүрүм-турум моделдериндеги айырмачылыктар кирет [2]. Ошондой эле улуттук коммуникативдик стилдердин өзгөчөлүктөрү, маалыматты кабыл алуудагы жана анын маанисин чечмелөөдөгү, вербалдык эмес байланыш каражаттарын колдонуудагы айырмачылыктар олуттуу таасир этет. Бул факторлор ар кандай маданият өкүлдөрүнүн ортосунда түшүнбөстүктөргө, баарлашуудагы кыйынчылыктарга жана өз ара аракеттенүүнүн натыйжалуулугунун төмөндөшүнө алып келиши мүмкүн.

Бул шартта санариптик технологияларды колдонуу өзгөчө актуалдуу болуп, алар маданияттар аралык тоскоолдуктарды жоюунун жана чет тилдерди окутуунун сапатын жогорулатуунун маанилүү каражаты катары кызмат кылат. Заманбап санариптик билим берүү ресурстары, онлайн-платформалар, мультимедиялык каражаттар жана интерактивдүү технологиялар аутенттик тил чөйрөсүн түзүүгө, реалдуу коммуникативдик кырдаалдарды моделдөөгө жана ар түрдүү маданий контексттерге жетүүнү камсыз кылууга мүмкүндүк берет. Мындан тышкары, технологиялар студенттерди эл аралык билим берүү долбоорлоруна, виртуалдык алмашууларга жана тилди алып жүрүүчүлөр менен онлайн баарлашууга тартуу аркылуу маданияттар аралык компетенттүүлүктү өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт.

Ошентип, санариптик технологияларды чет тилдерди окутуу процессине интеграциялоо маданияттар аралык коммуникацияны жеңилдетүү менен гана чектелбестен, окуучуларда тилдик, коммуникативдик жана социомаданий көндүмдөрдүн комплексин калыптандырууга да өбөлгө түзөт. Бул өз кезегинде билим берүү процессинин жалпы натыйжалуулугун жогорулатат жана заманбап глобалдашкан коомдун талаптарына жооп берет.

Изилдөөнүн максаты – чет тилдерди окутуу процессинде маданияттар аралык тоскоолдуктарды жоюунун натыйжалуу каражаты катары санариптик технологиялардын мүмкүнчүлүктөрүн изилдөө, ошондой эле алардын маданияттар аралык компетенттүүлүктү калыптандырууга жана заманбап билим берүү чөйрөсүндө натыйжалуу маданияттар аралык коммуникацияны өнүктүрүүгө тийгизген таасирин аныктоо.

Маданияттар аралык тоскоолдуктар ар кандай маданият өкүлдөрүнүн өз ара аракеттенүү процессинде пайда болгон жана маалыматты туура түшүнүүгө жана чечмелөөгө тоскоолдук кылган кыйынчылыктардын жыйындысы болуп саналат. Чет тилдерди окутуу шартында бул тоскоолдуктар өзгөчө мааниге ээ, анткени тил маданият менен ажырагыс байланышта болуп, тилди алып жүрүүчүлөрдүн баалуулуктар системасын, нормаларын жана жүрүм-турум моделдерин чагылдырат. Маданий контекстти жетиштүү эске албоо маанилердин бурмаланышына, баарлашуудагы кыйынчылыктарга жана билим берүү процессинин натыйжалуулугунун төмөндөшүнө алып келиши мүмкүн.

Маданияттар аралык тоскоолдуктар бир катар негизги айырмачылыктар аркылуу көрүнөт. Биринчи кезекте, бул грамматиканын, лексиканын, стилистиканын жана прагматиканын өзгөчөлүктөрүн камтыган тилдик нормалардагы айырмачылыктар. Тилди жетиштүү деңгээлде билген учурда да окуучулар, айрыкча, социомаданий контекстти эске алууну талап кылган кырдаалдарда ылайыктуу тилдик каражаттарды тандоодо кыйынчылыктарга дуушар болушу мүмкүн.

Коммуникативдик стратегиялардагы айырмачылыктар да маанилүү роль ойнойт. Ар кандай маданият өкүлдөрү баарлашуу процессин ар башкача түзүшөт: билдирүүлөрдүн түз же кыйыр болушу, макулдукту же каршылыкты билдирүү ыкмалары, сылыктык нормалары, диалог жүргүзүү эрежелери айырмаланат. Бул өзгөчөлүктөрдү түшүнбөө баарлашууда түшүнбөстүктөргө жана кээде чыр-чатактарга алып келиши мүмкүн.

Ошондой эле маданий баалуулуктар маанилүү аспект болуп саналат, алар дүйнө таанымды, жүрүм-турумга байланышкан көз караштарды жана социалдык күтүүлөрдү аныктайт. Мисалы, индивидуалисттик жана коллективисттик маданияттардын ортосундагы айырмачылыктар, убакытка, иерархияга, жеке мейкиндикке жана жоопкерчиликке болгон мамиле баарлашуу жана окутуу процессине олуттуу таасир этет.

Өзгөчө көңүл вербалдык эмес жүрүм-турумдагы айырмачылыктарга бурулат, алар жаңсоолорду, мимиканы, көз карашты, баарлашуу учурундагы аралыкты жана интонацияны камтыйт. Бул элементтер ар кандай маданияттарда ар башкача чечмеленет жана сөз аркылуу берилген билдирүүнүн маанисин күчөтүшү же бурмалоосу мүмкүн.

Ошентип, маданияттар аралык тоскоолдуктар чет тилдерди окутуу процессине олуттуу таасир этүүчү комплекстүү көрүнүш болуп саналат.

Санариптик технологиялар заманбап билим берүү мейкиндигинде чет тилдерди окутуунун натыйжалуулугун жогорулатуунун негизги факторлорунун бири болуп саналат [4]. Аларды колдонуу окутуунун салттуу формаларын олуттуу кеңейтүүгө, билим берүү процессин интерактивдүү, жекелештирилген жана маданияттар аралык баарлашуунун реалдуу шарттарына жакындатууга мүмкүндүк берет. Санариптик чөйрөнүн аркасында окуучулар ар түрдүү маалымат булактарына жетүү мүмкүнчүлүгүнө ээ болуп, географиялык чектөөлөргө карабастан коммуникативдик практикага активдүү катыша алышат.

Санариптик технологиялардын эң маанилүү мүмкүнчүлүктөрүнө чет тилдерди үйрөнүү үчүн онлайн-платформалар кирет, алар түзүмдөлгөн курстарды, интерактивдүү тапшырмаларды, автоматтык текшерүүнү жана окуучулардын жеке өзгөчөлүктөрүнө жараша татаалдык деңгээлин ыңгайлаштырууну сунуш кылат. Мындай платформалар окуу, жазуу, угуп түшүнүү жана сүйлөө көндүмдөрүнүн системалуу өнүгүшүнө өбөлгө түзөт.

Тилди алып жүрүүчүлөр менен видеоконференциялар өзгөчө мааниге ээ, алар реалдуу коммуникативдик кырдаалдарды моделдөөгө жана тил чөйрөсүнө түздөн-түз аралашууга мүмкүндүк берет. Мындай өз ара аракеттенүү формалары оозеки сүйлөө көндүмдөрүн өнүктүрүүгө, аутенттик сүйлөөнү угуп түшүнүүгө, ошондой эле башка маданият өкүлдөрү менен түз байланыш аркылуу маданияттар аралык компетенттүүлүктү калыптандырууга жардам берет.

Мобилдик тиркемелер окуу процессин ийкемдүү жана үзгүлтүксүз кылып, каалаган убакта жана каалаган жерде тил үйрөнүүгө мүмкүнчүлүк берет. Алар көбүнчө оюн элементтерин, мотивация системасын жана кыска интерактивдүү тапшырмаларды камтыйт, бул окуучулардын окуу процессине катышуусун жогорулатат жана сабактардын үзгүлтүксүздүгүн камсыз кылат.

Мультимедиялык ресурстар, мисалы, видеоматериалдар, подкасттар, интерактивдүү презентациялар жана электрондук окуу китептери визуалдык жана аудиалдык каналдарды айкалыштыруу аркылуу маалыматты ар тараптуу кабыл алууну камсыз кылат. Бул тилдик материалды жакшы өздөштүрүүгө жана тил үйрөнүлүп жаткан өлкөлөрдүн маданий өзгөчөлүктөрү менен таанышууга мүмкүндүк берет.

Социалдык тармактар жана билим берүү форумдары ар түрдүү өлкөлөрдөн келген окуучулардын ортосунда расмий эмес баарлашууга жана тажрыйба алмашууга шарт түзөт. Алар жазуу түрүндөгү баарлашуу көндүмдөрүн өнүктүрүүгө, сөз байлыгын кеңейтүүгө жана табигый санариптик чөйрөдө маданияттар аралык өз ара аракеттенүү көндүмдөрүн калыптандырууга жардам берет [5].

Ошентип, санариптик технологиялар аутенттик материалдарга жетүүнү камсыз кылат жана реалдуу маданияттар аралык баарлашуу үчүн шарттарды түзөт, бул чет тилдерди окутуунун сапатын жана натыйжалуулугун кыйла жогорулатат. Аларды билим берүү процессине интеграциялоо тилдик көндүмдөрдү гана эмес, көп тилдүү жана көп маданияттуу дүйнөдө натыйжалуу өз ара аракеттенүү жөндөмүн да калыптандырууга өбөлгө түзөт.

Маданияттар аралык коммуникативдик компетенттүүлүктү калыптандыруу глобалдашкан дүйнө шартында чет тилдерди окутуунун негизги максаттарынын бири болуп саналат [1; 3]. Бул

компетенттүүлүк тилдик каражаттарды өздөштүрүүнү гана эмес, башка маданият өкүлдөрү менен алардын баалуулуктарын, нормаларын жана коммуникативдик жүрүм-турум өзгөчөлүктөрүн эске алуу менен натыйжалуу өз ара аракеттенүү жөндөмүн да камтыйт. Бул контекстте санариптик технологиялар аталган көндүмдөрдү өнүктүрүү үчүн ыңгайлуу шарттарды камсыз кылган маанилүү каражат катары кызмат кылат.

Санариптик ресурстарды колдонуу аутенттик сүйлөөнү үзгүлтүксүз угуу мүмкүнчүлүгү аркылуу угуп түшүнүү жана сүйлөө көндүмдөрүн активдүү өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт. Видеоматериалдар, подкасттар, онлайн-жолугушуулар жана интерактивдүү тапшырмалар окуучуларга ар түрдүү акценттерди, интонациялык өзгөчөлүктөрдү жана сүйлөө стилдерин кабыл алууга, ошондой эле реалдуу баарлашууга жакын шарттарда өз оозеки сүйлөөсүн өркүндөтүүгө мүмкүндүк берет.

Санариптик чөйрөнүн маанилүү артыкчылыктарынын бири маданий дүйнө таанымды кеңейтүү мүмкүнчүлүгү болуп саналат. Окуучулар тилди алып жүрүүчүлөрдүн маданияты, салттары, жашоо образы жана баалуулуктары тууралуу ар түрдүү маалымат булактарына жетүү мүмкүнчүлүгүнө ээ болушат. Бул башка маданият жөнүндө кеңири түшүнүк калыптандырууга жана стереотиптик ой жүгүртүүдөн качууга жардам берет.

Мындан тышкары, санариптик технологиялар толеранттуулукту жана эмпатияны калыптандырууга өбөлгө түзөт. Онлайн мейкиндикте ар кандай маданият өкүлдөрү менен өз ара аракеттенүү маданий айырмачылыктарды түшүнүү жана урматтоо жөндөмүн өнүктүрөт, башка көз караштарды кабыл алууга жана конструктивдүү диалог түзүүгө шарт түзөт [7].

Өзгөчө көңүл психологиялык тоскоолдуктарды, айрыкча чет тилде сүйлөөдөн коркууну азайтууга бурулат. Онлайн чөйрө көбүнчө окуучулар тарабынан ыңгайлуу жана коопсуз катары кабыл алынат, бул алардын активдүүлүгүнүн жогорулашына, тилди колдонууда эксперимент жүргүзүүгө даярдыгына жана коммуникативдик жөндөмдөрүнө болгон ишениминин акырындык менен өсүшүнө алып келет.

Ошентип, санариптик чөйрөдө башка маданият өкүлдөрү менен өз ара аракеттенүү студенттерге маданияттар аралык коммуникациянын баалуу практикалык тажрыйбасын алууга мүмкүндүк берет. Бул тилдик көндүмдөрдү өнүктүрүүнү гана эмес, заманбап дүйнөдө ийгиликтүү ыңгайлашуу жана кесиптик жактан өнүгүү үчүн зарыл болгон комплекстүү маданияттар аралык компетенттүүлүктү калыптандырууну камсыз кылат.

Билим берүүдө максималдуу натыйжага жетишүү үчүн санариптик технологияларды колдонуу системалуу жана методикалык негизде болушу керек [6]. Аларды колдонуу окуу процессине мезгил-мезгили менен киргизүү менен чектелбестен, окутуунун максаттарын, мазмунун жана күтүлүүчү жыйынтыктарын эске алуу менен окуу процессинин түзүмүнө максаттуу интеграциялоону талап кылат.

Биринчи кезекте санариптик каражаттарды окутуу процессинин бардык этаптарына интеграциялоо маанилүү шарт болуп саналат. Бул онлайн платформаларды, интерактивдүү тапшырмаларды, санариптик окуу материалдарын жана кайтарым байланыш каражаттарын колдонууну камтыйт, бул окутууну ийкемдүү, ыңгайлаштырылган жана студенттердин жеке муктаждыктарына багытталган кылат.

Окутуунун натыйжалуулугу долбоордук жана коммуникативдик ыкмаларды колдонууда кыйла жогорулайт. Санариптик технологиялардын жардамы менен ишке ашырылган долбоордук ишмердүүлүк өз алдынчалуулукту, сынчыл ой жүгүртүүнү жана кызматташуу көндүмдөрүн өнүктүрөт. Коммуникативдик ыкма болсо окутууну практикага багыттап, тилди реалдуу баарлашуу кырдаалдарында колдонууга шарт түзөт.

Онлайн алмашууларды жана эл аралык биргелешкен долбоорлорду уюштуруу өзгөчө мааниге ээ [5]. Мындай өз ара аракеттенүү формалары түздөн-түз маданияттар аралык баарлашуу үчүн шарт түзөт, студенттерге тилдик көндүмдөрүн практикада колдонууга мүмкүндүк берет жана башка маданият өкүлдөрү менен кызматташуу тажрыйбасын калыптандырат. Бул маданий

айырмачылыктарды тереңирээк түшүнүүгө жана маданияттар аралык компетенттүүлүктү өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт.

Ошондой эле студенттердин санариптик сабаттуулугун өнүктүрүү маанилүү аспект болуп саналат. Санариптик каражаттарды натыйжалуу колдонуу, маалыматты сынчыл баалоо, санариптик этика жана коопсуздук нормаларын сактоо жөндөмү заманбап коомдо ийгиликтүү окуунун жана кесиптик ишмердүүлүктүн зарыл шарты болуп саналат.

Ошентип, аталган ыкмаларды комплекстүү колдонуу студенттердин окуу процессине активдүү катышуусун камсыз кылат, алардын мотивациясын жогорулатат жана санариптик билим берүү чөйрөсүндө чет тилдерди окутуунун натыйжалуулугун жогорулатат.

Талдоо көрсөткөндөй, санариптик технологиялар чет тилдерди окутуунун дидактикалык мүмкүнчүлүктөрүн олуттуу кеңейтет жана маданияттар аралык тоскоолдуктарды жоюунун натыйжалуу каражаты болуп саналат. Алардын билим берүү процессине киргизилиши практикалык коммуникативдик көндүмдөрдү жана окуучулардын маданияттар аралык компетенттүүлүгүн өнүктүрүүгө багытталган интерактивдүү жана ийкемдүү окуу чөйрөсүн түзүүгө өбөлгө түзөт.

Заманбап санариптик каражаттар баарлашуунун реалдуу кырдаалдарын жана тилди алып жүрүүчүлөрдүн маданий өзгөчөлүктөрүн чагылдырган аутенттик тилдик материалдарга жетүүнү камсыз кылат. Бул студенттердин социомаданий контекстти тереңирээк түшүнүүсүнө жана маданияттар аралык өз ара аракеттенүүдө маалыматты туура чечмелөө жөндөмүн өнүктүрүүгө мүмкүндүк берет.

Мындан тышкары, санариптик технологиялар мультимедиялык ресурстарды, интерактивдүү платформаларды жана онлайн баарлашууну колдонуу аркылуу тил чөйрөсүнө толук кандуу аралашуу үчүн шарттарды түзөт [7]. Маанилүү артыкчылыктардын бири – видеоконференциялар, билим берүү платформалары жана эл аралык долбоорлор аркылуу тилди алып жүрүүчүлөр менен түздөн-түз баарлашуу мүмкүнчүлүгү. Бул студенттерге башка өлкөгө барбастан эле баарлашуунун практикалык тажрыйбасын алууга шарт түзөт.

Ошентип, санариптик технологияларды колдонуу чет тилдерди окутуунун натыйжалуулугун жогорулатуу менен гана чектелбестен, окуучулардын маданияттар аралык диалогго даярдыгын калыптандырууга да өбөлгө түзөт, бул заманбап глобалдашкан коомдун негизги талаптарынын бири болуп саналат.

Жүргүзүлгөн талдоо санариптик технологиялар чет тилдерди окутууда маданияттар аралык тоскоолдуктарды жоюунун натыйжалуу каражаты экендигин көрсөтүүгө мүмкүндүк берет. Аларды системалуу жана максаттуу колдонуу билим берүү мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтүүнү камсыз кылат, аутенттик тил чөйрөсүн түзүүгө өбөлгө түзөт жана окуучуларды маданияттар аралык өз ара аракеттенүү процессине активдүү тартат.

Санариптик каражаттар маданияттар аралык коммуникативдик компетенттүүлүктү калыптандырууга, анын ичинде тилдик көндүмдөрдү өнүктүрүүгө, социомаданий маалымдуулукту жогорулатууга, толеранттуулукту калыптандырууга жана маданияттар аралык диалогду натыйжалуу жүргүзүү жөндөмүн өнүктүрүүгө көмөктөшөт. Ар түрдүү ресурстарга жетүү жана тилди алып жүрүүчүлөр менен өз ара аракеттенүү мүмкүнчүлүктөрү аркылуу окуучулар баарлашуунун практикалык тажрыйбасына ээ болушат, бул окутуунун натыйжалуулугун кыйла жогорулатат.

Ошентип, заманбап санариптик чечимдерди билим берүү процессине киргизүү жөн гана актуалдуу багыт эмес, глобалдашкан коом шартында ийгиликтүү иштей алган жана көп тилдүү, көп маданияттуу чөйрөдө натыйжалуу өз ара аракеттене алган квалификациялуу адистерди даярдоонун зарыл шарты болуп саналат.

Колдонулган адабияттар

1. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon : Multilingual Matters, 1997.

2. Hofstede G. Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. – Thousand Oaks : SAGE Publications, 2001.
3. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
4. Warschauer M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. – Cambridge, MA : MIT Press, 2003.
5. Haznedar B., Oztekin E., Akcan S. Enhancing Intercultural Communication via Digital Tools // Literacy Trek. – 2024.
6. Basantes-Andrade A. Integrating Digital Technologies into Intercultural Competence Development // Education Sciences. – 2025.
7. Shakeeva N. Intercultural Communication in Digital Space: Challenges and Strategies // Balasagyn Bulletin. – 2025.

Рецензент: филология илимдеринин кандидаты Алишова И.К.

УДК 37.013.8:004.9 (575.2)

Иманканова Н.Ш., Жолдошбекова Э.А.
М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык илимий-изилдөө университети
Иманканова Н.Ш., Жолдошбекова Э.А.
Кыргызский экономический научно-исследовательский университет имени М. Рыскулбекова
Imankanova N.Sh., Zholdoshbekova E.A.
Kyrgyz Economic Research University named after M. Ryskulbekov

БИЛИМ БЕРҮҮДӨ САНАРИПТИК АҢГЕМЕ ТҮЗҮҮ ТЕХНОЛОГИЯСЫ: ПЕДАГОГИКАЛЫК ПОТЕНЦИАЛЫ ЖАНА ИШКЕ АШЫРУУ ТАЖРЫЙБАСЫ
ЦИФРОВЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ В ОБРАЗОВАНИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ
DIGITAL STORYTELLING IN EDUCATION: PEDAGOGICAL POTENTIAL AND IMPLEMENTATION PRACTICES

Кыскача мүнөздөмө: Макалада заманбап билим берүү процессинде окутуунун инновациялык ыкмасы катары санариптик сторителлингдин педагогикалык потенциалы каралат. Изилдөөнүн максаты – санариптик сторителлингдин билим алуучулардын окуу процессине катышуусуна, санариптик сабаттуулугунун жана сынчыл ой жүгүртүүсүнүн өнүгүшүнө тийгизген таасирин талдоо. Изилдөөнүн методологиясы илимий адабияттарды талдоону жана педагогикалык эксперимент жүргүзүүнү камтыйт. Жыйынтыктар санариптик сторителлинг мотивацияны жогорулатып, чыгармачылыкты өнүктүрүп, инсанга багытталган окутууга өбөлгө түзөрүн көрсөтөт. Эксперименттик маалыматтар студенттердин коммуникативдик көндүмдөрүнүн жана санариптик сабаттуулугунун жакшырганын көрсөтөт. Санариптик сторителлинг заманбап билим берүүнүн талаптарына жооп берген натыйжалуу окутуу каражаты болуп саналат деген жыйынтык чыгарылат.

Аннотация: В статье рассматривается педагогический потенциал цифрового сторителлинга как инновационного метода обучения в современном образовательном процессе. Цель исследования – анализ влияния цифрового сторителлинга на вовлечённость обучающихся в учебный процесс, развитие цифровой грамотности и критического мышления. Методология исследования включает анализ научной литературы и проведение педагогического эксперимента. Результаты показывают, что цифровой сторителлинг повышает мотивацию, развивает креативность и способствует личностно-ориентированному обучению. Экспериментальные данные демонстрируют улучшение коммуникативных навыков и цифровой грамотности студентов. Делается вывод о том, что цифровой

сторителлинг является эффективным инструментом обучения, соответствующим требованиям современного образования.

Abstract: This article examines the pedagogical potential of digital storytelling as an innovative instructional approach in modern education. The aim of the study is to analyze its impact on student engagement, digital literacy, and critical thinking development. The research methodology includes an analysis of academic literature and a pedagogical experiment. The findings indicate that digital storytelling enhances motivation, fosters creativity, and supports learner-centered approaches. The experimental results demonstrate improvements in students' communication skills and digital literacy. The study concludes that digital storytelling is an effective pedagogical tool that meets the requirements of contemporary education.

Негизги сөздөр: санариптик сторителлинг; билим берүү; санариптик сабаттуулук; мультимедиалык окутуу.

Ключевые слова: цифровой сторителлинг; образование; цифровая грамотность; мультимедийное обучение.

Keywords: digital storytelling; education; digital literacy; multimedia learning.

Introduction. The rapid development of digital technologies has significantly transformed modern education, leading to the emergence of innovative teaching methods. One of the most promising approaches is digital storytelling, which integrates traditional narrative practices with multimedia tools. Digital storytelling refers to the use of digital media such as images, audio, and video to create and present stories in an educational context. Digital storytelling has been defined as "the art of telling stories with digital elements including text, graphics, sound, and video" [1]. The relevance of this study is determined by the growing need for educational technologies that foster active learning and student engagement. As digital technologies become increasingly prevalent in modern society, the integration of technology into educational settings has become more efficient, allowing students to create and edit videos and movies to share their own stories with others [2].

The aim of this study is to analyze the pedagogical potential of digital storytelling and evaluate its effectiveness in the educational process.

Literature Review. Digital storytelling has been widely recognized as an effective educational tool. Robin emphasizes that digital storytelling enhances student engagement and promotes active learning [1]. According to Robin, digital storytelling is "a powerful technology tool for the 21st century classroom" that introduces a theoretical framework for using digital storytelling as a tool for student engagement [1, p. 220].

Sadik notes that digital storytelling provides meaningful learning experiences by integrating technology into the curriculum [3]. The study conducted by Sadik aimed to assist Egyptian teachers in developing teaching and learning through the application of digital technology, encouraging students to work through the process of producing their own digital stories using MS Photo Story [3, p. 488].

Smeda, Dakich, and Sharda demonstrate that this approach improves academic performance and student motivation [4]. Their study embraces ideas found in the pedagogy of multiliteracies, as the use of digital storytelling in the classroom helps prepare students for multimodal communication of the 21st century [4, p. 3]. Furthermore, the study is based on Vygotsky's sociocultural theory that learners should be provided with socially rich environments in which to explore complex ideas with their peers, teachers, and outside experts [4, p. 5].

Nair and Yunus highlight its effectiveness in developing communication skills, especially in language learning contexts [5]. Research has shown that digital storytelling provides repeated oral practice and authentic communicative opportunities that support learners' linguistic and affective development [6, p. 165]. Studies have demonstrated that digital storytelling not only enhanced speaking competence but also improved self-confidence, technological skills, and preparedness for lessons [6, p. 170].

The literature analysis also reveals that digital storytelling functions not only as an instructional medium but also as a pedagogical instrument that fosters higher-order thinking skills (HOTS) development

through project-based learning and collaboration [7, p. 110]. Research has shown that students positively participated in creating digital stories by promoting critical thinking and decision-making abilities [8, p. 368].

Digital storytelling also contributes to the development of digital literacy. As noted by Robin, by embracing digital storytelling, language teachers can create dynamic, engaging, and meaningful learning experiences that empower students as autonomous, collaborative, and plurilingual users of language, promoting cultural understanding and inclusion in the language classroom [2, p. 20]. Collaborative digital storytelling projects develop valuable 21st-century skills and multiliteracies, including digital literacy, global literacy, technological literacy, visual literacy, information literacy, empathy and perspective-taking, and community-building [2, p. 22].

Methodology. The study employs a qualitative research approach combined with an experimental method. The methodology includes:

- analysis of academic literature;
- comparative analysis of theoretical frameworks;
- pedagogical experiment;
- synthesis of empirical data.

The selected sources were chosen based on relevance and academic credibility. The literature review included peer-reviewed journal articles, conference proceedings, and monographs published between 2008 and 2025. The search was conducted using the following databases: ERIC, Scopus, Web of Science, and Google Scholar.

Research Design. A pedagogical experiment was conducted involving 40 undergraduate students divided into control and experimental groups. The experimental group used digital storytelling tools, while the control group followed traditional methods.

Procedure. The experiment lasted four weeks within an English language course. Students created digital stories using multimedia tools based on assigned topics. The experimental group received instruction on digital storytelling tools and techniques, including the use of software such as MS Photo Story, Storyboard That, and other multimedia platforms. The experimental group used the Storyboard That platform within a Project-Based Learning (PJBL) framework, which has been shown to improve student engagement, encourage creative expression, and enhance cognitive and narrative structuring abilities [9, p. 112].

Results and Discussion

1. Student Engagement.

Digital storytelling significantly increases student motivation and participation by making the learning process more interactive. The experimental group demonstrated a 30% increase in engagement compared to the control group. These findings are consistent with the results of previous studies. For example, Temel and Yilmaz found that the experimental group's motivation level differed from the control group in a statistically significant way, and incorporating digital stories into language instruction is considered beneficial since it increases student motivation [6, p. 180].

Research has also shown that digital storytelling provides repeated oral practice and authentic communicative opportunities that support learners' linguistic and affective development, accompanied by increased engagement, reduced speaking anxiety, and heightened self-awareness during the storytelling process [6, p. 175].

2. Development of Digital Literacy. Students develop essential digital competencies, including media production and information management. The experimental group showed significant improvement in digital literacy skills. As noted by Robin, collaborative digital storytelling projects develop valuable 21st-century skills and multiliteracies, including digital literacy, technological literacy, visual literacy, and information literacy [2, p. 22].

The study by Wang found that students positively participated in creating digital stories, and their print-based literacy skills, including reading, speaking, writing, translation, and digital literacy proficiency, such as composing multimodal digital texts, all improved [8, p. 375].

3. Critical Thinking Enhancement. The process of creating digital stories requires analysis, synthesis, and evaluation of information. The experimental group demonstrated improved critical thinking skills, as evidenced by the quality of their digital stories and their ability to analyze and synthesize information. Research has shown that digital storytelling fosters critical thinking and social awareness, allowing students to address complex multicultural issues with creativity and depth [10, p. 2055].

Studies have also demonstrated that digital storytelling functions as a pedagogical instrument that fosters higher-order thinking skills (HOTS) development through project-based learning and collaboration [7, p. 115].

4. Communication Skills Improvement. Students improve their ability to express ideas clearly and creatively. The experimental group showed a 15% improvement in academic performance and significant development of communication and digital skills. Research has shown that digital storytelling enhances learners' speaking fluency, writing coherence, and listening comprehension [11, p. 10].

Practical Implementation and Experimental Study

Results. The experimental group demonstrated:

- a 30% increase in engagement;
- a 15% improvement in academic performance;
- significant development of communication and digital skills.

These findings align with the results of Smeda, Dakich, and Sharda, who demonstrated that digital storytelling improves academic performance and student motivation [4, p. 15]. The results also confirm the findings of Sadik, who revealed that digital storytelling projects could increase students' understanding of curricular content [3, p. 495].

Student Feedback. Students reported higher motivation, increased creativity, and improved confidence. Some challenges included technical difficulties and time constraints. These findings are consistent with the results of Çakmak and Andujar, who observed feelings of determination, frustration, and motivation through self-reports, classroom notes, videos, and student narrations [12, p. 115].

Conclusion. Digital storytelling is a powerful pedagogical tool that enhances engagement, creativity, and academic performance. The experimental findings confirm its effectiveness in developing key competencies required in modern education. It is recommended to integrate digital storytelling into educational curricula. Future research should focus on large-scale studies and methodological frameworks for implementation.

References

1. Robin B. R. Digital storytelling: A powerful technology tool for the 21st century classroom // Theory Into Practice. – 2008. – Vol. 47, № 3. – P. 220–228.
2. Robin B. R. The power of digital storytelling to support teaching and learning // Digital Education Review. – 2016. – № 30. – P. 17–29.
3. Sadik A. Digital storytelling: A meaningful technology-integrated approach for engaged student learning // Educational Technology Research and Development. – 2008. – Vol. 56, № 4. – P. 487–506.
4. Smeda N., Dakich E., Sharda N. The effectiveness of digital storytelling in the classrooms: a comprehensive study // Smart Learning Environments. – 2014. – Vol. 1, № 1. – P. 1–21.
5. Nair V., Yunus M. M. A systematic review of digital storytelling in language learning // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. – 2021. – Vol. 11, № 8. – P. 1122–1138.
6. Temel T., Yilmaz C. Investigating the impact of digital storytelling on EFL learners' language motivation levels // Journal of Educational Technology and Online Learning. – 2025. – Vol. 8, № 2. – P. 164–189.
7. Ferguson J., Weiss R., Ettekal A. Connecting Research and Practice in University Instruction: Digital Storytelling as a Pedagogical Tool // Journal of the Scholarship of Teaching and Learning. – 2025. – Vol. 25, № 3. – Article 8.
8. Wang H. Multimodal Digital Storytelling as Literacy Learning and Moral Cultivation Practices for University EFL Students // Arab World English Journal. – 2025. – Vol. 16, № 1. – P. 366–383.

9. Parsazadeh N., Cheng P. Y., Wu T. T., Huang Y. M. Integrating computational thinking concept into digital storytelling to improve learners' motivation and performance // Journal of Educational Computing Research. – 2021. – Vol. 59, № 3. – P. 470–495.
10. Al-Shaye S. Digital storytelling for improving critical reading skills, critical thinking skills, and self-regulated learning skills // Kıbrıslı Eğitim Bilimleri Dergisi. – 2021. – Vol. 16, № 4. – P. 2049–2069.
11. Jao C. Y., Yeh H. C., Huang W. R., Chen N. S. Using digital storytelling to enhance EFL learners' speaking skills // Interactive Learning Environments. – 2024. – Vol. 32, № 1. – P. 1–18.
12. Çakmak F., Andujar A. Exploring Foreign Language Learning and Contextualization through Digital Storytelling Projects and Personal Digital Learning Narratives // Educational Technology & Society. – 2025. – Vol. 28, № 1. – P. 109–122.

Reviewer: Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Biynazarova N.S.

УДК 378.147:811.111:008(575.2)

Имашбекова Н.Дж., Джумагулова Н.С.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Имашбекова Н.Дж., Джумагулова Н.С.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Imashbekova N.Zh., Dzhumagulova N.S.
KNU Jusup Balasagyn

АНГЛИС ТИЛИН ОКУТУУДА ЛИНГВОМАДАНИЯТТААНУУ ЖАНА ЛИНГВОӨЛКӨТААНУУ ЫКМАСЫ: КЫРГЫЗСТАНДЫН КОНТЕКСТИНДЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОНТЕКСТ КЫРГЫЗСТАНА
THE LINGUOCULTURAL AND REGIONAL STUDIES APPROACH TO TEACHING ENGLISH: A KYRGYZSTAN CONTEXT

Кыскача мүнөздөмө: Макалада тилдик эмес адистиктер боюнча билим алган студенттерге англис тилин окутууда лингвомаданият таануу жана өлкө таануу ыкмаларынын мүмкүнчүлүктөрү каралып, Кыргызстандын маданий-билим берүү контекстине өзгөчө көңүл бурулат. Изилдөө чет тилдик компетенттүүлүк грамматикалык жана лексикалык билимдерди гана эмес, маданий жактан шартталган маанилерди чечмелөө жана маданияттар аралык баарлашууга ылайыктуу катышуу жөндөмүн да камтыйт деген түшүнүккө негизделген. Маданияттар аралык тилдик билим берүүнүн негизги эл аралык ыкмалары талданып, алардын Кыргызстандын шарттарында колдонууга ылайыктуулугу каралат. Кыргыз маданиятына тиешелүү мазмунду окуу процессине киргизүүгө өзгөчө көңүл бурулат: «Манас» эпосу, салттуу кийиз килемдер, ак калпак, Нооруз, көк бөрү, тамак-аш салттары жана көчмөн маданий мурастын элементтери. Долбоордук окутууга, салыштырмалуу талдоого, ролдук оюндарга, аутенттик материалдарга, санариптик технологияларга жана маданий ортомчулукка негизделген методикалык ыкмалар сунушталат. Мисалдар студенттер англис тилин өздөрүнүн маданий чөйрөсүн эл аралык аудиторияга сүрөттөө, түшүндүрүү жана тааныштыруу үчүн кантип колдоно аларын көрсөтөт. Жергиликтүү маданий мазмунду англис тилин окутууга системалуу киргизүү тил үйрөнүүнү маңыздуу кылып, маданияттар аралык коммуникативдик компетенттүүлүктү, маданий маалымдуулукту жана ортомчулук көндүмдөрүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөрү белгиленет.

Аннотация: В статье рассматривается потенциал лингвокультурологического и страноведческого подходов к обучению английскому языку в неязыковых высших учебных заведениях с особым вниманием к культурно-образовательному контексту Кыргызстана. Исследование основано на понимании того, что иноязычная компетенция включает не только

грамматические и лексические знания, но и способность интерпретировать культурно обусловленные значения и адекватно участвовать в межкультурной коммуникации. Анализируются основные международные подходы к межкультурному языковому образованию и их применимость к кыргызстанскому контексту. Особое внимание уделяется интеграции кыргызского культурного содержания: эпоса «Манас», традиционных войлочных ковров, ак калпака, Нооруза, кок-бору, пищевых традиций и элементов кочевого наследия. Предлагаются методические приёмы на основе проектного обучения, сравнительного анализа, ролевых игр, аутентичных материалов, цифровых технологий и культурного посредничества. Примеры показывают, как студенты могут использовать английский язык для описания, интерпретации и представления собственной культурной среды международной аудитории. Утверждается, что систематическая интеграция местного культурного содержания в обучение английскому языку делает изучение языка более осмысленным и способствует развитию межкультурной коммуникативной компетенции, культурной осведомлённости и навыков посредничества.

Abstract: The article examines the potential of linguocultural and regional studies approaches to teaching English in non-linguistic higher education, with particular attention to the cultural and educational context of Kyrgyzstan. The study is based on the understanding that foreign-language competence involves not only grammatical and lexical knowledge but also the ability to interpret culturally determined meanings and participate appropriately in intercultural communication. The article analyzes major international approaches to intercultural language education and considers their relevance to the Kyrgyzstani context. Particular attention is given to the integration of Kyrgyz cultural content, including the epic Manas, traditional felt carpets, ak kalpak, Nooruz, kok boru, food traditions and elements of nomadic heritage. Methodological techniques based on project-based learning, comparative analysis, role-playing, authentic materials, digital technologies and cultural mediation are proposed. Examples demonstrate how students can use English to describe, interpret and present their own cultural environment to an international audience. The article argues that systematic integration of local cultural content into English-language instruction can make language learning more meaningful while contributing to the development of intercultural communicative competence, cultural awareness and mediation skills.

Негизги сөздөр: лингвомаданият таануу; өлкө таануу; англис тилин окутуу; маданияттар аралык компетенттүүлүк; маданий мазмун; тилдик эмес жогорку окуу жай; маданияттар аралык коммуникация; маданий ортомчулук.

Ключевые слова: лингвокультурология; страноведение; обучение английскому языку; межкультурная компетенция; культурное содержание; неязыковой вуз; межкультурная коммуникация; культурное посредничество.

Keywords: linguocultural studies; regional studies; English language teaching; intercultural competence; cultural content; non-linguistic university; intercultural communication; cultural mediation.

Introduction. Contemporary foreign-language education treats language proficiency as a multidimensional competence: learners need grammatical accuracy and vocabulary, but also the ability to interpret meanings, recognise culturally determined communication patterns and adapt to different communicative situations [1]. Language is not a neutral system; it functions within social, historical and cultural contexts, so language learning inevitably involves cultural meanings.

This is especially relevant for non-linguistic university students, whose future work may involve international communication, academic and professional mobility, foreign-language documentation and interaction with different cultural communities. Classroom time is often limited, so materials should combine linguistic objectives with content related to students' academic, professional and social experience.

For students in Kyrgyzstan, the cultural dimension of English learning is particularly significant. English is taught in a multilingual and multicultural environment where students already move between linguistic and cultural systems. This experience can become a pedagogical resource if locally relevant

cultural material is incorporated into instruction. Recent research on English teaching in Kyrgyzstan also stresses the national and cultural context [2], but cultural content should not be reduced to isolated facts about traditions. Its main function is to create meaningful communicative situations in which students describe, compare, interpret and mediate cultural meanings in English.

Purpose: to examine the methodological potential of a linguocultural and regional studies approach to English teaching in non-linguistic higher education, using Kyrgyzstan as a contextual example.

Objectives: examine the relationship between language, culture and intercultural competence; analyse international approaches to intercultural language education; identify culturally significant material from Kyrgyzstan suitable for English instruction; examine techniques for integrating such material; show how cultural mediation and comparative learning can be incorporated; formulate recommendations for systematic use of regional studies content.

Theoretical Foundations. The approach is based on the inseparable relationship between language, culture and communication. Byram defines intercultural communicative competence as knowledge, attitudes, interpreting/relating skills, discovery/interaction skills and critical cultural awareness [1]; communication requires cultural meanings and social conventions, and students' own cultural knowledge can support comparison and explanation of their experience. Kramsch stresses that language learning involves constructing meaning in social and cultural contexts [3], so cultural information is part of the semantic and pragmatic environment, not an optional supplement; culturally specific lexis may lack equivalent cultural meaning. Liddicoat and Scarino view language learning as an intercultural process of meaning construction, connections, interaction, reflection and responsibility [4], supporting comparison with Kyrgyz cultural material. Risager takes a transnational perspective [5], relevant because English is international and explaining Kyrgyz concepts in English can be as important as knowledge of British or American conventions. Deardorff treats intercultural competence as a developmental process with attitudes, knowledge, skills and outcomes [6], implying reflection. Dervin warns against fixed, homogeneous cultures [7], so "Kyrgyz culture" should be qualified ("traditionally", "in some regions", "in some families") to avoid stereotyping. Corbett proposes investigating cultural representations, comparing perspectives and communicating across boundaries [8], fitting project work and authentic materials.

Together, these approaches show that linguocultural education involves: language acquisition → cultural interpretation → intercultural interaction → cultural mediation. The last component is especially relevant in Kyrgyzstan, where English serves both to communicate with other cultures and to present Kyrgyz cultural realities internationally.

International Research and the Kyrgyz Context. International research demonstrates a shift from an informational model of cultural teaching toward an intercultural and reflective approach. Students are expected not only to acquire cultural facts but also to interpret meanings, compare perspectives, reflect on assumptions, and communicate across cultural boundaries [1, p. 31–56; 4, p. 11–30; 6, p. 241–266; 8].

This distinction is important for English teaching in Kyrgyzstan. For example, knowing that shyrdak is a traditional felt carpet represents cultural knowledge, whereas the ability to describe its production, cultural significance, and meaning to an international audience demonstrates intercultural and mediation skills.

Kyrgyzstani research also emphasizes the importance of national and cultural context in English-language teaching [2, p. 19–30]. On this basis, a contextualized model can be organized around four interconnected components: Cultural knowledge — knowledge of traditions, history, social practices, and cultural artefacts; linguistic means — vocabulary and language structures needed to describe cultural phenomena; intercultural interpretation — the ability to identify similarities, differences, and culturally determined meanings; cultural mediation — the ability to explain one's cultural environment to an international audience.

The mediation component is particularly important in international communication. For instance, a Kyrgyz student may need to explain jailoo, shyrdak, Manas, or traditional hospitality to an interlocutor

unfamiliar with Kyrgyz culture. This requires not only translation but also an appropriate strategy of cultural explanation.

Kyrgyz Cultural Content as a Resource for English Teaching. Kyrgyzstan offers diverse material for linguocultural instruction, including oral traditions, handicrafts, traditional clothing, food, horse games, celebrations, and nomadic heritage. Such material should be reliable, contextualized, and transformed into language-learning tasks rather than presented as encyclopedic information.

The Epic Manas. The Manas tradition can develop reading, speaking, presentation, and mediation skills. UNESCO recognizes the Kyrgyz epic trilogy Manas, Semetey, Seytek as intangible cultural heritage [9]. Students can prepare a short presentation for international students, explaining the epic's significance, major themes, and culture-specific concepts.

Traditional Felt Carpets. Ala-kiyiz and shyrdak provide authentic material for vocabulary related to materials, colours, patterns, and production processes. UNESCO recognizes this traditional art as Kyrgyz intangible cultural heritage [10]. Students can describe the stages of carpet production or prepare an English-language museum description of a shyrdak.

The Ak-Kalpak. Traditional clothing provides opportunities to develop descriptive and comparative skills. UNESCO includes ak-kalpak craftsmanship among Kyrgyz intangible cultural heritage elements [11]. Students can describe its appearance, materials, decorative elements, and cultural significance and compare it with traditional headwear from another culture.

Nooruz. Nooruz offers opportunities to teach vocabulary related to celebrations, seasonal change, food, family, and community activities. UNESCO recognizes Nooruz as a multinational element of intangible cultural heritage [12]. A practical task may require students to prepare an English-language programme for international visitors, including a welcome message, information about the holiday, traditional food, performances, and games.

Horse Games and Nomadic Heritage. Kok boru can be used to develop vocabulary related to sport, competition, and traditional culture; UNESCO recognizes it among the intangible cultural heritage elements associated with Kyrgyzstan [11]. Students can explain the rules and cultural context or prepare English-language commentary for an international audience. Topics such as jailoo, livestock practices, and nomadic heritage are also relevant to students of agriculture, tourism, geography, and environmental studies.

Cultural Specificity and Translation into English. Regional studies materials help students communicate culture-specific concepts that may not have direct English equivalents. Possible strategies include preserving the original term, transliteration, descriptive translation, contextual explanation, or combining the original term with an English explanation.

For example: jailoo — "a seasonal mountain pasture traditionally used for summer grazing"; shyrdak — "a traditional Kyrgyz felt carpet with decorative patterns"; boorsok — "small pieces of fried dough traditionally served with tea or meals."

The original cultural term does not always need to be replaced by an English equivalent. Retaining it may preserve important cultural meaning. This approach corresponds to the concept of mediation in contemporary language education, where learners are expected to make culturally specific meanings understandable to others [13].

Thus, students should learn not only to find lexical equivalents but also to determine what cultural information an interlocutor needs to understand a particular concept.

Methodological Approaches to Linguocultural Teaching. Project-Based Learning. Project-based learning provides an opportunity to integrate several language skills around a culturally meaningful topic. Possible projects include: "Kyrgyzstan for International Students"; "A Virtual Tour of Bishkek"; "Traditional Crafts of Kyrgyzstan"; "Kyrgyz Cuisine in English"; "The Cultural Heritage of the Tien Shan"; "Introducing *Manas* to an International Audience."

A project may follow the sequence: topic selection → information search → source evaluation → vocabulary preparation → drafting → presentation → peer feedback → reflection.

This sequence ensures that the cultural component remains connected with language-learning objectives.

Comparative Analysis. Comparison is an effective technique for developing cultural awareness and analytical skills. Students may compare: Nooruz and New Year celebrations; Kyrgyz and British forms of hospitality; wedding practices; forms of greeting; food etiquette; national clothing; university communication practices.

Useful language patterns include: “In Kyrgyzstan, it is common to…” “A similar practice can be found in…” “One important difference is…” “Both traditions involve…” “The practice has changed over time…”

Such structures allow students to practise grammar and vocabulary while analyzing cultural phenomena. The purpose of comparison should be interpretation rather than judgment. Students are encouraged to identify social functions, participants, communicative norms, linguistic expressions and values associated with particular practices.

Role-Playing. Role-playing creates situations in which students have to use cultural information spontaneously.

Possible scenarios include: **Tourist information office.** A student explains a Kyrgyz cultural festival to a foreign visitor. **Museum tour.** A student acts as a museum guide and describes traditional clothing or handicrafts. **Restaurant.** A student explains traditional Kyrgyz dishes to foreign guests. **University orientation.** A Kyrgyz student explains local customs to an international student.

The effectiveness of role-playing depends on the clarity of the communicative task and the amount of linguistic preparation provided beforehand.

Authentic Materials. Authentic materials can include museum descriptions, cultural-heritage websites, interviews, documentaries, photographs, menus, maps and institutional publications.

However, authentic material should not be used simply because it is authentic. It must be appropriate to students' language level and connected with a specific learning objective.

For example: Before reading: predict the content. During reading: identify three culturally specific concepts. After reading: explain one of them to a foreign visitor. This sequence converts cultural information into active language practice.

Comparative and Reflective Learning. Comparison and reflection represent important mechanisms of intercultural language learning [4, p. 11–30; 6, p. 241–266; 8].

Comparison enables students to recognize that similar communicative functions may be expressed through different cultural practices. For example, students can compare forms of hospitality in Kyrgyzstan with practices observed in British or American contexts.

The objective is not to classify one practice as more appropriate or advanced. Instead, students identify: the social function of the practice; the participants; the communicative norms; the linguistic expressions involved; the values associated with the practice.

Reflection then allows students to examine their own assumptions. A useful sequence is: Observe → Compare → Interpret → Explain → Reflect.

For example, when studying Nooruz, students may first examine an English-language description of the holiday, compare it with their own experience, identify concepts that require additional explanation and then prepare an English-language presentation for foreign visitors.

Such activities transform regional studies content into a form of experiential intercultural learning.

A Model of a Linguocultural English Lesson. A lesson devoted to a Kyrgyz cultural topic can be organized into five stages.

Stage 1. Activation of prior knowledge. The teacher presents a photograph of a *shyrdak*, *kalpak*, *yurt* or mountain pasture and asks students what they know about the object.

Stage 2. Language preparation. Students learn the vocabulary required to describe the object or cultural practice.

Stage 3. Cultural interpretation. Students read a short English-language text or watch a video and identify the main cultural information.

Stage 4. Communicative production. Students explain the cultural phenomenon to an imaginary foreign visitor.

Stage 5. Reflection. Students discuss: Which concepts were difficult to explain? Which words had no direct English equivalent? What additional information was necessary? What could a foreign visitor misunderstand?

The final stage is important because it encourages students to reflect on cultural mediation rather than simply reproduce information.

Cultural Variation and the Problem of Stereotyping. The use of national cultural material requires methodological caution. Cultural traditions should not be presented as universal characteristics of all members of a national community, since practices may vary by region, generation, family, social environment, and urban or rural context.

Teachers should therefore use formulations such as "Traditionally…", "In some regions…", "Historically…", and "Contemporary practice may differ…". This approach helps avoid stereotypes and allows students to explore how traditional practices change under the influence of urbanization, tourism, social media, and international communication. Such an approach corresponds to Dervin's view of culture as dynamic, contextual, and internally diverse [7].

Assessment of Linguocultural Learning. Assessment should combine linguistic and intercultural dimensions. Intercultural competence can be evaluated through observation, self-assessment, and other-assessment [6, p. 241–266]. Accordingly, student presentations can be assessed according to the accuracy and relevance of cultural content, language accuracy, fluency, cultural interpretation, explanation of unfamiliar concepts, mediation, critical awareness, and communication.

Such assessment evaluates not only what students know about a cultural phenomenon but also their ability to use this knowledge in English for meaningful intercultural communication.

Implications for English Teaching in Non-Linguistic Universities. The integration of international research with the Kyrgyz context has several methodological implications. First, cultural content should correspond to students' academic and professional needs. For example, agricultural students may study rural traditions and agricultural tourism, economics students may explore cultural tourism and local entrepreneurship, while IT students may create digital exhibitions or interactive cultural maps.

Second, students should move from cultural knowledge to cultural mediation. Knowing that *shyrdak* is a traditional felt carpet is only a starting point; students should also be able to explain its production, cultural significance, and contemporary relevance to an international audience.

Third, reflective tasks should help students identify new information, difficulties in explaining cultural concepts, and possible misunderstandings among international audiences. Cultural diversity within Kyrgyzstan should also be recognized, including regional, family, and contemporary variations.

Finally, cultural content should remain integrated with language objectives and support the development of speaking, reading, writing, listening, translation, and mediation skills. These principles reflect the shift from an informational model of cultural teaching toward an intercultural, reflective, and communicative approach [1, p. 31–56; 4, p. 11–30; 6, p. 241–266; 8].

Discussion. The analysis demonstrates that regional studies content can perform several interconnected functions in English-language education.

First, it provides a familiar semantic context. Students already possess knowledge about their own cultural environment, allowing them to concentrate on expressing and interpreting this knowledge in English rather than learning both the subject matter and the language simultaneously.

Second, culturally relevant topics create opportunities for authentic communicative purposes. Students may need to explain a traditional object, introduce a national dish, describe a festival or guide a foreign visitor. Such tasks are closer to real intercultural communication than isolated grammar exercises.

Third, the approach develops mediation skills. The learner becomes an intermediary between cultural contexts and must decide which information is relevant to the interlocutor, which concepts require explanation and which terms should be retained in the original language. This orientation corresponds to the contemporary CEFR emphasis on mediation and pluricultural communication [13].

Fourth, the approach contributes to a more balanced understanding of intercultural education. Students do not only learn about English-speaking cultures; they also acquire the ability to present their own culture through English.

The proposed approach is consistent with Byram's understanding of intercultural communicative competence because students develop knowledge of cultural practices while simultaneously acquiring skills of interpreting, relating and interaction [1, p. 31–56].

It also corresponds to Kramsch's view that language learning involves the construction of meaning between cultural contexts [3]. In the Kyrgyzstani setting, this means that English can function as a medium through which students reinterpret and communicate their own cultural experience.

The approach proposed by Liddicoat and Scarino provides an additional methodological foundation because it emphasizes comparison and reflection as integral components of intercultural language learning [4, p. 11–30].

At the same time, Risager's perspective is important because English functions across national and cultural boundaries [5, p. 1–18]. Limiting cultural instruction to British or American traditions would therefore provide an incomplete picture of the communicative environment in which students may use English.

Deardorff's model further supports the inclusion of attitudes and reflective abilities alongside cultural knowledge [6, p. 241–266]. Meanwhile, Dervin's critique of static cultural categories highlights the need to avoid presenting Kyrgyz traditions as homogeneous and unchanging [7].

The Kyrgyzstani context provides substantial opportunities for implementing these principles because the country's intangible cultural heritage includes diverse elements that can be transformed into educational materials. UNESCO identifies, among others, the *Manas* epic trilogy, *ala-kiyiz* and *shyrdak*, *ak-kalpak* craftsmanship and *kok boru* among the elements associated with Kyrgyzstan's intangible cultural heritage [9–12].

At the same time, the approach has limitations. Cultural materials require careful source selection and adaptation. Some concepts are difficult to explain at elementary language levels. Teachers also need to prevent cultural generalization and maintain a balance between linguistic and cultural objectives. Digital and AI-based resources require additional verification because automatically generated information may reproduce inaccuracies or stereotypical representations.

Thus, the integration of Kyrgyz cultural content should not be interpreted as a return to a purely national model of language teaching. Rather, it represents a movement toward intercultural multilingual education, in which students learn to move between their own cultural experience and diverse international communicative contexts.

Conclusion. The linguocultural and regional studies approach integrates language learning with cultural interpretation, intercultural communication and mediation. For non-linguistic higher education, its value lies in connecting English instruction with students' existing cultural knowledge and future professional communication needs.

International research shows that intercultural language education increasingly emphasises interpretation, comparison, reflection, interaction and mediation; the perspectives of Byram, Kramsch, Liddicoat and Scarino, Risager, Deardorff, Dervin and Corbett provide complementary foundations. Kyrgyz cultural material — Manas, felt carpets, ak-kalpak, Nooruz, kok boru, food traditions and nomadic heritage — can be turned into texts, presentations, role-play, comparative tasks and digital projects.

The central principle is that cultural information should not be an isolated body of facts but the content of meaningful communicative activity. Students should describe, explain, compare and adapt cultural

phenomena for an international audience, which also develops mediation skills reflected in the CEFR Companion Volume.

Implementation does not require a separate regional studies course: material can be integrated into existing English lessons through texts, vocabulary work, projects, discussions, simulations and digital assignments. Teachers should use reliable sources and distinguish historical traditions, contemporary practices and individual experience to avoid stereotyping. Systematic integration of Kyrgyz cultural content can thus support linguistic development, cultural reflection, intercultural communication and mediation, enabling students to use English both to understand other cultures and to represent their own.

References

1. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon : Multilingual Matters, 1997. – 124 p.
2. Качкынов К. Особенности преподавания английского языка с учетом национально-культурного контекста Кыргызстана // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2026. – Т. 18, № 1 (125). – С. 19–30. – DOI: 10.58649/1694-8033-2026-1(125)-19-30.
3. Kramsch C. Language and Culture. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 134 p.
4. Liddicoat A. J., Scarino A. Intercultural Language Teaching and Learning. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. – 192 p.
5. Risager K. Language and Culture: Global Flows and Local Complexity. – Clevedon : Multilingual Matters, 2006. – 195 p.
6. Deardorff D. K. Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization // Journal of Studies in International Education. – 2006. – Vol. 10, № 3. – P. 241–266. – DOI: 10.1177/1028315306287002.
7. Dervin F. Interculturality in Education: A Theoretical and Methodological Toolbox. – London : Palgrave Macmillan, 2016.
8. Corbett J. An Intercultural Approach to English Language Teaching. – Clevedon : Multilingual Matters, 2003. – 192 p.
9. UNESCO. Kyrgyz Epic Trilogy: Manas, Semetey, Seytek [Electronic resource] // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – URL: https://ich.unesco.org/en/RL/kyrgyz-epic-trilogy-manas-semetey-seytek-00876 (accessed: 26.09.2026).
10. UNESCO. Ala-kiyiz and Shyrdak, Art of Kyrgyz Traditional Felt Carpets [Electronic resource] // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – URL: https://ich.unesco.org/en/USL/ala-kiyiz-and-shyrdak-art-of-kyrgyz-traditional-felt-carpets-00693 (accessed: 26.09.2026).
11. UNESCO. Kyrgyzstan [Electronic resource] // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – URL: https://ich.unesco.org/en/state/kyrgyzstan-KG (accessed: 26.09.2026).
12. UNESCO. Nawrouz, Novruz, Nowrouz, Nauryz, Nooruz, Nowruz, Navruz, Nevruz [Electronic resource] // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – URL: https://ich.unesco.org/en/RL/nowruz-02097 (accessed: 26.09.2026).
13. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume. – Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2020.

Reviewer: Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Mukarapova A.K.

УДК 37.0+811.1/.8

Калдыбаева Б.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Калдыбаева Б.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына

Kaldybaeva B.B.
KNU Jusup Balasagyn

ДЕН СООЛУГУНУН МҮМКҮНЧҮЛҮГҮ ЧЕКТЕЛГЕН БАЛДАРДЫ ЧЕТ ТИЛИНЕ ОКУТУУДА МОТИВАЦИЯНЫ ЖОГОРУЛАТУУНУН ЖОЛДОРУ
СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ
WAYS TO INCREASE MOTIVATION IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO CHILDREN WITH DISABILITIES

Кыскача мүнөздөмө: Макалада ден соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген (ДМЧ) балдарды чет тилине окутуунун өзгөчөлүктөрү жана алардын окуу мотивациясын жогорулатуунун педагогикалык жолдору изилденет. Изилдөөгө Бишкек шаарындагы атайын мектеп-интернаттардын жана жалпы билим берүүчү мектептердин 90 окуучусу катышкан. Аралаш методдорго негизделген изилдөөнүн жыйынтыктары оюн технологиялары, сенсордук материалдар, санариптик куралдар жана балдардын жеке жетишкендиктерине негизделген сыйлоо системасы алардын чет тилине болгон кызыгуусун, коммуникативдик активдүүлүгүн жана өзүнө болгон ишенимин кыйла жогорулатарын көрсөттү. Макалада мугалимдерге, атайын педагогдорго жана билим берүү саясаты боюнча адистерге практикалык сунуштар берилет.

Аннотация: В статье исследуются особенности обучения иностранному языку детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и педагогические способы повышения их учебной мотивации. В исследовании с применением смешанных методов приняли участие 90 учащихся специальных школ-интернатов и общеобразовательных школ города Бишкека. Результаты показали, что игровые технологии, сенсорные материалы, цифровые инструменты и система поощрений, основанная на индивидуальных достижениях детей, способствуют значительному повышению их интереса к иностранному языку, коммуникативной активности и уверенности в себе. В статье представлены практические рекомендации для учителей, специальных педагогов и специалистов в области образовательной политики.

Abstract: This article examines the specific features of teaching a foreign language to children with disabilities and pedagogical approaches to enhancing their learning motivation. The study employed a mixed-methods design involving 90 pupils from special boarding schools and mainstream schools in Bishkek, Kyrgyzstan. The findings indicate that game-based learning, sensory materials, digital tools, and reward systems based on individual achievements significantly enhance learners' interest in the foreign language, communicative participation, and self-confidence. The article provides practical recommendations for teachers, special educators, and education policy specialists.

Негизги сөздөр: ден соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген балдар; чет тил; мотивация; инклюзивдик окутуу; оюн технологиялары; санариптик куралдар; атайын педагогика.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья; иностранный язык; мотивация; инклюзивное обучение; игровые технологии; цифровые инструменты; специальная педагогика.

Keywords: children with disabilities; foreign language; motivation; inclusive learning; game-based learning; digital tools; special education.

1. Киришүү. Азыркы дүйнөдө ден соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген (ДМЧ) балдардын билим алуу укугун камсыз кылуу – инклюзивдик билим берүүнүн эң маанилүү максаттарынын бири. БУУнун «Майыптыгы бар адамдардын укуктары жөнүндө» конвенциясы (2006) жана Кыргыз Республикасынын билим берүү мыйзамдары ДМЧ балдардын билим берүү процессине толук кандуу катышуусун камсыз кылууга багытталган [11]. Бирок Кыргызстанда бул категориядагы балдарды чет тилине окутуу практикасы азыркыга чейин жетиштүү деңгээлде илимий жактан изилдене элек.

ДМЧ балдар – угуу, көрүү, сүйлөө, акыл-эс же кыймыл-аракет жагынан ар кандай деңгээлдеги чектөөлөрү бар балдар. Алардын чет тилин үйрөнүү процессинде кездешүүчү кыйынчылыктары физиологиялык чектөөлөр менен гана чектелбестен, эмоционалдык-психологиялык тоскоолдуктарды, өзүнө болгон ишенимсиздикти жана мотивациянын төмөндүгүн да камтыйт [6]. Дал ушул мотивациялык тоскоолдуктарды жоюу – натыйжалуу инклюзивдик тил окутуунун негизги шарттарынын бири.

Мотивация – окуучунун белгилүү бир максатка жетүү үчүн аракеттенүүсүн камсыз кылган ички жана тышкы күчтөрдүн жыйындысы [4]. ДМЧ балдардын чет тилине болгон мотивациясын жогорулатуу стандарттуу окутуу ыкмаларынан тышкары, атайын педагогикалык ыкмаларды, куралдарды жана жагымдуу эмоционалдык чөйрөнү талап кылат.

Бул макалада төмөнкү изилдөө суроолору каралат: (1) ДМЧ балдардын чет тилине болгон мотивациясына кандай педагогикалык ыкмалар эң натыйжалуу таасир этет? (2) Оюн технологиялары, сенсордук окутуу жана санариптик куралдар мотивациянын деңгээлин кандайча жогорулата алат? (3) Кыргызстандын шартында бул ыкмаларды окуу процессине киргизүүнүн натыйжалуу жолдору кандай?

2. Теориялык негиз

2.1. ДМЧ балдарынын чет тилин үйрөнүүдөгү өзгөчөлүктөрү. ДМЧ балдарынын чет тилин үйрөнүүдөгү өзгөчөлүктөрү алардын өнүгүү өзгөчөлүктөрүнө жараша олуттуу айырмаланат. Угуусу бузулган балдар оозеки тилдик маалыматты кабыл алууда кыйынчылыктарга дуушар болуп, көбүнчө көрүү аркылуу маалымат алууга таянышат. Көрүүсү бузулган балдар жазуу материалдарын өздөштүрүүдө атайын жардамчы каражаттарга муктаж болушат. Интеллектуалдык өнүгүүсүндө өзгөчөлүктөрү бар балдар абстракттуу тилдик түзүлүштөрдү өздөштүрүүдө кошумча убакытты жана кайталоо ыкмаларын талап кылышат [12].

Бардык категориялар үчүн жалпы педагогикалык принцип – «ар бир чакан жетишкендикти баалоо». ДМЧ балдарды эмоционалдык жактан коопсуз чөйрөдө окутуу жана алардын өз жетишкендиктерин байма-бай сезишине шарт түзүү окуу мотивациясын жогорулатууга өбөлгө түзөт [2]. Бандуранын өзүнүн натыйжалуулугуна ишенүү (self-efficacy) теориясына ылайык, балада «мен муну аткара алам» деген ишенимди калыптандыруу мотивацияны жогорулатуунун маанилүү кадамдарынын бири болуп саналат [2].

2.2. Мотивация теориялары жана атайын билим берүү. Dörnyei тарабынан сунушталган экинчи тилди үйрөнүүдөгү мотивациялык мамилелер окуучунун тил үйрөнүүгө болгон ички жана тышкы түрткүлөрүн түшүндүрүүгө багытталган [4]. Бул мамилелерде окуучунун келечекте тилди колдоно алган адам катары өзүн элестетүүсү мотивацияны калыптандырууда маанилүү орун ээлейт. ДМЧ балдарында мындай түшүнүктү калыптандыруу кыйын болушу мүмкүн, анткени алар тилди колдонуунун өздөрүнө ылайыктуу практикалык үлгүлөрүн дайыма эле кездештире беришпейт. Ошондуктан мугалимдин милдети – ар бир балага тилди практикалык жагдайларда (ролдук оюндарда, видео жаздырууда, жөнөкөй диалогдордо) колдонууга жана ийгиликтүү тажрыйба топтоого шарт түзүү.

Ryan жана Deci сунуштаган өзүн-өзү аныктоо теориясы (Self-Determination Theory) окуучунун үч негизги психологиялык муктаждыгын бөлүп көрсөтөт: компетенттүүлүк сезими (competence), өз алдынчалуулук (autonomy) жана башкалар менен байланышта болуу сезими (relatedness) [9]. ДМЧ балдарды чет тилине окутууда бул теорияны практикалык жактан колдонууга болот: баланын деңгээлине ылайыкташтырылган тапшырмалар анын компетенттүүлүк сезимин бекемдейт, тапшырманы аткаруу жолун өз алдынча тандоо мүмкүнчүлүгү өз алдынчалуулугун өнүктүрөт, ал эми топтук оюндар жана кызматташтык башкалар менен байланышта болуу сезимин күчөтөт.

2.3. Инклюзивдик тил окутуудагы мотивациялык чөйрө. Мотивациялык чөйрө (motivational climate) – сабактагы жагымдуу атмосфера, мугалим менен окуучунун өз ара мамилеси жана класстагы жүрүм-турум эрежелери аркылуу түзүлгөн психологиялык чөйрө. Ames сунуштаган жетишкендикке жана өздөштүрүүгө багытталган мотивациялык чөйрө (mastery-oriented climate)

концепциясында тапшырманын негизги максаты башкалар менен атаандашууда жеңишке жетүү эмес, окуучунун жеке өнүгүүсүнө жетишүү экендиги белгиленет [1]. ДМЧ балдар үчүн мотивациялык чөйрөнү ушул принциптин негизинде түзүү өзгөчө маанилүү, анткени ийгиликсиздикке байланышкан терс сезимдер алардын чет тилин үйрөнүүгө болгон кызыгуусунун төмөндөшүнө алып келиши мүмкүн.

3. Изилдөөнүн методологиясы

3.1. Изилдөөнүн түзүлүшү. Изилдөөдө сандык жана сапаттык ыкмаларды айкалыштырган методология (mixed-methods design) колдонулду. Сандык изилдөө алдын ала жана жыйынтыктоочу тесттерди, ошондой эле мотивацияны аныктоочу стандартташтырылган анкетаны камтыды. Сапаттык изилдөөдө сабак учурунда байкоо жүргүзүү, мугалимдер жана ата-энелер менен алдын ала даярдалган суроолордун негизинде маектешүү ыкмалары колдонулду. Бул ыкмалар мотивациядагы өзгөрүүлөрдү сандык жактан баалоого жана ар бир баланын жеке тажрыйбасын изилдөөгө мүмкүнчүлүк берди.

3.2. Изилдөөнүн катышуучулары жана өткөрүлгөн жери. Изилдөөгө Бишкек шаарындагы эки атайын мектеп-интернаттын жана эки жалпы билим берүүчү инклюзивдик мектептин 7–11 жаштагы жалпы 90 окуучусу катышты. Алардын арасында угуусу бузулган балдар (n = 22), интеллектуалдык өнүгүүсүндө өзгөчөлүктөрү бар балдар (n = 28), сүйлөөсү бузулган балдар (n = 20) жана бир нече өнүгүү өзгөчөлүктөрү айкалышкан балдар (n = 20) болду. Катышуучулар эксперименттик (n = 45) жана контролдук (n = 45) топторго бөлүндү.

Изилдөөгө ошондой эле жети атайын педагог жана он ата-эне катышып, маек беришти. Ата-энелер менен жүргүзүлгөн маектер балдардын үй шартында чет тилин үйрөнүүгө болгон кызыгуусу жана мугалимдер менен өз ара байланышы жөнүндө кошумча маалымат алууга мүмкүнчүлүк берди.

3.3. Окутуу программасы. Эксперименттик топто он эки жума бою мотивацияны жогорулатууга багытталган инклюзивдик тил окутуу программасы жүргүзүлдү. Программа төрт негизги багытты камтыды.

Биринчи багыт – оюн технологиялары (Game-Based Learning). Ар бир сабакта кеминде 15–20 мүнөт ролдук оюндарга, дидактикалык карточкалар менен иштөөгө жана интерактивдүү тил оюндарына бөлүндү. Оюн ыкмалары балдардын ката кетирүүдөн коркуусун азайтуу жана тилди колдонууга болгон аракетин колдоо максатында пайдаланылды.

Экинчи багыт – сенсордук жана мультимедиалык материалдар. Угуусу бузулган балдар үчүн ачык түстөгү сүрөттүү карточкалар, жаңдоо тилинин (Sign Language) элементтери жана жазуу такталары колдонулду. Интеллектуалдык өнүгүүсүндө өзгөчөлүктөрү бар балдарга символдук сүрөт карточкалары (Makaton) аркылуу жөнөкөйлөштүрүлгөн маалыматтар берилди.

Үчүнчү багыт – санариптик жардамчы каражаттар. Talking Tom, Duolingo Kids, Kahoot! жана сөздөрдү угууга арналган жөнөкөй тиркемелер сабак учурунда жана үй шартында колдонулду. Бул каражаттар балдардын окууга болгон кызыгуусун сактоого көмөктөштү.

Төртүнчү багыт – жеке жетишкендиктерге негизделген шыктандыруу системасы (Achievement-Based Reward System). Ар бир баланын жеке жетишкендиктери эске алынып, жаңы сөздү үйрөнүү, сүйлөмдү туура окуу же диалогго катышуу сыяктуу чакан ийгиликтери «жылдызча», «сертификат» же «жетишкендик картасы» аркылуу белгиленди.

Контролдук топ стандарттуу коммуникативдик ыкманын негизинде окутулду. Бул топто ДМЧ балдардын өзгөчөлүктөрүнө ылайыкташтырылган кошумча ыкмалар колдонулган жок.

3.4. Маалыматтарды чогултуу жана талдоо. Балдардын мотивациясынын деңгээли изилдөөнүн башында жана аягында Dörnyei жана Taguchi тарабынан сунушталган анкетанын (2010) ылайыкташтырылган варианты аркылуу өлчөндү [5]. Тилдик компетенттүүлүк балдардын жаш өзгөчөлүктөрүнө ылайыкташтырылган сөз байлыгын текшерүүчү тест жана жөнөкөй сүйлөшүү тапшырмалары аркылуу бааланды. Байкоонун натыйжалары Braun жана Clarke сунуштаган тематикалык талдоо ыкмасы (2006) боюнча изилденди [3]. Ал эми маектешүүлөрдөн алынган маалыматтар негизги темаларды жана кайталанган пикирлерди аныктоо жолу менен талданды.

4. Натыйжалар жана талкуу

4.1. Мотивациядагы өзгөрүүлөр: сандык маалыматтар. Изилдөөнүн аягында жүргүзүлгөн анкетанын жыйынтыктары эксперименттик топтогу балдардын жалпы мотивация индексинин 26,4%га жогорулаганын, ал эми контролдук топто бул көрсөткүч 9,1%га гана өскөнүн көрсөттү ($p < 0,01$). Мотивациянын эң жогорку өсүшү угуусу бузулган балдарда байкалды: бул топтогу балдардын мотивация индекси 31,2%га жогорулады. Бул натыйжа көрүү жана жаңдоо тилине негизделген ыкмалардын аталган балдардын мотивациясына оң таасирин тийгизгенин көрсөтөт.

Тилдик компетенттүүлүк боюнча эксперименттик топтогу балдардын активдүү сөз байлыгы 19,7%га, ал эми диалогго катышуу жыштыгы 34%га жогорулады. Ошол эле учурда мугалимдердин байкоолору боюнча чарчоодон улам тапшырмаларды аткаруудан баш тартуу учурлары контролдук топко салыштырмалуу 2,3 эсе азайганы белгиленди.

4.2. Сапаттык байкоолор. Сабак учурунда жүргүзүлгөн байкоолор оюн ыкмалары ДМЧ балдардын окуу процессине активдүү катышуусуна өбөлгө түзөрүн көрсөттү. Байкоолордун жүрүшүндө мугалимдер «бул бала мурда сабакта эч нерсе айтчу эмес, бүгүн ролдук оюнда алты сөз айтты» деген сыяктуу учурларды бир нече жолу белгилешкен. Оюн чөйрөсүндө сөздөрдү туура айтууга гана эмес, баланын сабакка катышуусуна да өзгөчө көңүл бурулат. Бул баланын тил үйрөнүүдөгү психологиялык тоскоолдуктарын азайтууга жардам берет.

Ата-энелер менен жүргүзүлгөн маектер балдардын үйгө келгенден кийин өз алдынча чет тилиндеги сөздөрдү колдонуп же оюн тиркемелерин ачып жатканын көрсөттү. Башкача айтканда, алардын тил үйрөнүүгө болгон кызыгуусу мектептен тышкары чөйрөдө да байкалган. Бул жагдай инклюзивдик мотивациялык ыкмалар балдардын тилди өз алдынча үйрөнүүгө болгон умтулуусун күчөтүшү мүмкүн экенин көрсөтөт [8].

Мугалимдер менен жүргүзүлгөн маектер жеке жетишкендиктерге негизделген сыйлоо системасы алар үчүн да педагогикалык жаңылык болгонун көрсөттү. Чакан жетишкендиктерди белгилөө тажрыйбасын сабактарды пландаштырууга киргизгенден кийин балдардын сабакка кечигүү жана окуу процессинен четтөө учурлары азайганы белгиленди.

4.3. ДМЧ балдардын чет тилин үйрөнүүгө болгон мотивациясын жогорулатуучу факторлор. Изилдөөнүн сандык жана сапаттык маалыматтарын жалпылоонун негизинде ДМЧ балдардын чет тилин үйрөнүүгө болгон мотивациясын жогорулатуучу беш негизги фактор аныкталды.

Биринчи фактор – коопсуз тилдик чөйрө. Ката кетирүү терс көрүнүш катары кабыл алынбаган жана жаңы нерселерди сынап көрүүгө шарт түзүлгөн чөйрө баланын тилди колдонууга болгон даярдыгын жогорулатат. Ames сунуштаган өздөштүрүүгө жана жеке жетишкендикке багытталган мотивациялык чөйрөнү түзүү бул жагынан маанилүү педагогикалык ыкмалардын бири болуп саналат [1].

Экинчи фактор – жетишкендиктерди белгилөө. Bandura белгилегендей, адамдын өз мүмкүнчүлүктөрүнө болгон ишенимин бекемдөөнүн маанилүү булактарынын бири – анын мурдагы ийгиликтүү тажрыйбасы [2]. ДМЧ балдар үчүн «жетишкендиктер портфолиосу» же «жылдызчалар журналы» сыяктуу каражаттар өз мүмкүнчүлүктөрүнө болгон ишенимин бекемдөөгө жардам берет.

Үчүнчү фактор – көп сезүү органдары аркылуу кабыл алууга ылайыкташтырылган материалдар. Бир эле маалыматты көрүү, угуу жана тийүү аркылуу кабыл алууга ылайыкташтырып берүү ар кандай өнүгүү өзгөчөлүктөрү бар балдардын окуу материалдарын өздөштүрүүсүнө шарт түзөт жана окуу процессине болгон кызыгуусун арттырат.

Төртүнчү фактор – санариптик каражаттар аркылуу кызыктыруу. Азыркы балдар санариптик технологиялар кеңири колдонулган чөйрөдө өсүп жатышат. Окутуучу тиркемелер жана интерактивдүү оюндар алардын кызыгуусун арттырууга мүмкүнчүлүк берет. Ошондуктан санариптик каражаттарды сабакта чектелген өлчөмдө жана белгилүү бир максат менен колдонуу окуу мотивациясын жогорулатууга өбөлгө түзөт.

Бешинчи фактор – ата-энелердин катышуусу. Мектеп менен үй шартындагы окуу процессинин байланышын чыңдоо үчүн ата-энелерди жөнөкөй тил оюндарына жана сабактан кийинки биргелешкен тапшырмаларга катыштыруу маанилүү. Мындай кызматташтык баланын чет тилин үйрөнүүгө болгон кызыгуусун мектепте да, үй шартында да колдоого жардам берет.

5. Практикалык сунуштар. Изилдөөнүн жыйынтыктарына таянып, ден соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген (ДМЧ) балдарга чет тилин окуткан мугалимдер жана атайын педагогдор үчүн төмөнкү практикалык сунуштар берилет.

1. Психологиялык жактан коопсуз окуу чөйрөсүн түзүү. Ар бир сабакта окуучулардын өздөрүн эркин жана ишенимдүү сезишине шарт түзүү зарыл. Мугалим окуучунун каталарын дароо оңдоого басым жасабастан, «сен туура жолдосуң, дагы бир жолу аракет кылып көрөлү» деген сыяктуу колдоочу сөздөрдү колдонуп, оюндар жана ролдук тапшырмалар аркылуу ийгиликке жетүүгө багытталган жагымдуу чөйрө түзүшү керек.

2. Окуу материалдарын балдардын жеке өзгөчөлүктөрүнө ылайыкташтыруу. Ар бир баланын өнүгүү өзгөчөлүктөрүн жана маалыматты кабыл алуу мүмкүнчүлүктөрүн эске алуу сунушталат. Угуусу бузулган балдар үчүн көрүү аркылуу кабыл алууга негизделген ыкмаларды, ал эми интеллектуалдык өнүгүүсүндө өзгөчөлүктөрү бар балдар үчүн кайталоого, чакан кадамдар менен үйрөтүүгө жана конкреттүү сүрөттөргө негизделген ыкмаларды колдонуу зарыл.

3. Санариптик каражаттарды сабактын максатына ылайык колдонуу. Duolingo Kids, Google Translate тиркемесинин аудио режими, жөнөкөй видеодиалогдор жана интерактивдүү тесттер чет тили сабагынын мазмунуна ылайык пайдаланылышы мүмкүн. Бул каражаттарды балдардын жаш курагын, жеке мүмкүнчүлүктөрүн жана окуу максаттарын эске алуу менен колдонуу сунушталат.

4. Ар бир баланын жеке жетишкендиктерин белгилөө. Окуу жылынын жүрүшүндө ар бир ДМЧ баланын жеке жетишкендиктер картасын жүргүзүү зарыл. Бул карта мугалимге окуучунун жетишкендиктерин байкоого, ал эми балага өзүнүн өнүгүүсүн көрүп, мүмкүнчүлүктөрүнө болгон ишенимин бекемдөөгө жардам берет. Мындай ыкма өзүнүн мүмкүнчүлүктөрүнө ишенүү (self-efficacy) түшүнүгү менен байланыштуу [2].

5. Мектеп менен үй-бүлөнүн байланышын чыңдоо. Ата-энелерге жумасына бир жолу үй шартында аткарууга ылайыктуу жөнөкөй тилдик тапшырмалар жазылган карточкаларды же мессенджер аркылуу кыскача сунуштарды жөнөтүү сунушталат. Бала үйдө ата-энеси менен чет тилинде үйрөнгөн сөздөрдү жана сөз айкаштарын колдонгондо, анын тил үйрөнүүгө болгон кызыгуусу мектептен тышкары да уланып, күнүмдүк жашоосунда бекемделет.

6. Корутунду. Бул изилдөө ден соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген балдарды чет тилине окутууда мотивацияны жогорулатуунун педагогикалык ыкмаларын теориялык жана эмпирикалык маалыматтардын негизинде карап чыкты. Оюн технологиялары, көп сезүү органдары аркылуу кабыл алууга ылайыкташтырылган материалдар, санариптик жардамчы каражаттар жана жеке жетишкендиктерге негизделген сыйлоо системасы бири-бирин толуктап, ДМЧ балдардын чет тилин үйрөнүүгө болгон кызыгуусун арттыруучу инклюзивдик окуу чөйрөсүн түзүүгө өбөлгө түзөт.

Кыргызстандын атайын жана жалпы билим берүүчү мектептеринде бул ыкмаларды колдонуу мугалимдерден педагогикалык ийкемдүүлүктү, жаңы ыкмаларды өздөштүрүүгө даярдыкты жана кесиптик чеберчилигин үзгүлтүксүз өркүндөтүүнү талап кылат. Ошондуктан мугалимдерди кайра даярдоо программаларына ДМЧ балдардын чет тилин үйрөнүүгө болгон мотивациясын колдоо боюнча атайын окуу модулдарын киргизүү билим берүү саясатынын маанилүү багыттарынын бири болушу зарыл.

Келечектеги изилдөөлөрдө ДМЧ балдардын чет тилин үйрөнүүгө болгон мотивациясынын узак мөөнөттүү өзгөрүүлөрүн байкоо, өнүгүү өзгөчөлүктөрүнүн түрлөрү (угуу, көрүү жана кыймыл-аракет мүмкүнчүлүктөрүнүн чектелиши ж.б.) боюнча өзүнчө изилдөөлөрдү жүргүзүү, ошондой эле жасалма интеллектке негизделген тил үйрөтүүчү жардамчы каражаттардын таасирин аныктоо сунушталат.

Колдонулган адабияттар

1. Ames, C. Classrooms: Goals, structures, and student motivation / C. Ames // Journal of Educational Psychology. – 1992. – Vol. 84, № 3. – P. 261–271.
2. Bandura, A. Self-Efficacy: The Exercise of Control / A. Bandura. – New York : W. H. Freeman, 1997. – 604 p.
3. Braun, V. Using thematic analysis in psychology / V. Braun, V. Clarke // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3, № 2. – P. 77–101.
4. Dörnyei, Z. Teaching and Researching Motivation / Z. Dörnyei. – Harlow : Longman, 2001. – 310 p.
5. Dörnyei, Z. Questionnaires in Second Language Research: Construction, Administration, and Processing / Z. Dörnyei, T. Taguchi. – 2nd ed. – New York : Routledge, 2010. – 202 p.
6. Frederickson, N. Special Educational Needs, Inclusion and Diversity / N. Frederickson, T. Cline. – 2nd ed. – Maidenhead : Open University Press, 2009. – 488 p.
7. Krashen, S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition / S. D. Krashen. – Oxford : Pergamon Press, 1982. – 202 p.
8. Little, D. Language learner autonomy: Some fundamental considerations revisited / D. Little // Innovation in Language Learning and Teaching. – 2007. – Vol. 1, № 1. – P. 14–29.
9. Ryan, R. M. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being / R. M. Ryan, E. L. Deci // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, № 1. – P. 68–78.
10. UNESCO. Policy Guidelines on Inclusion in Education. – Paris : UNESCO, 2009. – 36 p.
11. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. – New York : United Nations, 2006. – URL: https://www.un.org/disabilities/documents/convention/convoptprot-e.pdf (дата обращения: 20.04.2026). – Текст : электронный.
12. Westwood, P. Commonsense Methods for Children with Special Educational Needs / P. Westwood. – 7th ed. – London : Routledge, 2018. – 280 p.
13. Кыргыз Республикасынын «Инклюзивдик билим берүү жөнүндөгү» мыйзамы. – Бишкек, 2016. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg (дата обращения: 20.04.2026). – Текст : электронный.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Садыкова Н.А.

УДК 81.25:811.111

Калдыбаева Б.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Калдыбаева Б.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kaldybaeva B.B.
KNU Jusup Balasagyn

ИНКЛЮЗИВДИК МАМИЛЕ МЕНЕН КОТОРМОНУ АЙКАЛЫШТЫРУУ: КӨП ТИЛДҮҮ АУДИТОРИЯЛАРДА КЫРГЫЗЧА-АНГЛИСЧЕ КОТОРМО АРКЫЛУУ ЧЕТ ТИЛДИК КОМПЕТЕНЦИЯНЫ КАЛЫПТАНДЫРУУ

ИНТЕГРАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ПОДХОДА И ПЕРЕВОДА: ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ КЫРГЫЗСКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА В МНОГОЯЗЫЧНЫХ АУДИТОРИЯХ

BRIDGING INCLUSION AND TRANSLATION: DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE THROUGH KYRGYZ–ENGLISH TRANSLATION IN MULTILINGUAL CLASSROOMS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кыргызстандагы көп тилдүү мектеп чөйрөсүндө чет тилдик компетенцияны өнүктүрүүдө кыргызча-англисче котормонун педагогикалык

мүмкүнчүлүктөрү изилденет. Инклюзивдик билим берүү принциптерине жана көп тилдүүлүк боюнча заманбап теорияларга таянуу менен, англис тилин окутууда окуучулардын эне тили болгон кыргыз тилин колдонуу тилдик тактыкты жана маданияттар аралык түшүнүктү жогорулатууга өбөлгө түзөрү каралат. Бишкек шаарындагы жалпы билим берүүчү мектептердин 120 окуучусун камтыган сандык жана сапаттык методдор айкалыштырылган изилдөөдө котормо тапшырмалары тил жөнүндө аң-сезимдүү ой жүгүртүүнү өнүктүрүүгө, окуучулардын окуу процессине активдүү катышуусуна жана эне тили менен үйрөнүлүп жаткан чет тилдин ортосундагы байланышты бекемдөөгө көмөктөшөрү көрсөтүлөт. Изилдөөнүн жыйынтыктары инклюзивдик педагогикалык мамиле менен айкалышкан котормого негизделген окутуу лексиканы өздөштүрүүнү, грамматикалык компетенцияны жана окуучулардын баарлашуудагы ишенимин жогорулатууга өбөлгө түзөрүн көрсөтөт. Макала көп тилдүү билим берүү шарттарында чет тилдерди окутуу боюнча изилдөөлөрдү толуктап, Борбордук Азиядагы англис тили мугалимдерине практикалык сунуштарды берет.

Аннотация: В статье рассматривается педагогический потенциал кыргызско-английского перевода как инструмента развития иноязычной компетенции в многоязычных классах Кыргызстана. На основе принципов инклюзивного образования и современных теорий многоязычия обосновывается положение о том, что использование родного кыргызского языка при обучении английскому языку способствует повышению языковой точности и межкультурной осведомлённости учащихся. В рамках исследования с применением количественных и качественных методов, охватившего 120 учащихся общеобразовательных школ города Бишкека, показано, что структурированные переводческие задания способствуют развитию метаязыковой рефлексии, повышению активности и самостоятельности учащихся в учебном процессе, а также установлению связей между родным и изучаемым языками. Результаты исследования свидетельствуют о том, что обучение с использованием перевода в сочетании с инклюзивным педагогическим подходом способствует улучшению усвоения лексики, развитию грамматической компетенции и повышению коммуникативной уверенности учащихся с различным уровнем языковой подготовки. Статья дополняет исследования в области транслингвизма и содержит практические рекомендации для преподавателей английского языка в многоязычной образовательной среде Центральной Азии.

Abstract: This article examines the pedagogical potential of Kyrgyz–English translation as a tool for developing foreign language competence in multilingual classroom settings in Kyrgyzstan. Drawing on inclusive education principles and current theories of multilingualism, the study argues that leveraging students' native Kyrgyz language in English language teaching enhances both linguistic accuracy and intercultural awareness. Through a mixed-methods study involving 120 secondary school learners in Bishkek, the research demonstrates that structured translation tasks foster metalinguistic reflection, promote learner agency, and bridge the gap between heritage language identity and target language acquisition. The findings suggest that translation-mediated instruction, when embedded within an inclusive pedagogical framework, significantly improves vocabulary retention, grammatical competence, and communicative confidence among learners of varying proficiency levels. The article contributes to the growing body of literature on translanguaging and offers practical recommendations for English language teachers in multilingual Central Asian contexts.

Негизги сөздөр: кыргызча-англисче котормо; чет тилдик компетенция; көп тилдүү класс; инклюзивдик билим берүү; транслингвизм; тил педагогикасы; Борбордук Азия.

Ключевые слова: кыргызско-английский перевод; иноязычная компетенция; многоязычный класс; инклюзивное образование; транслингвизм; языковая педагогика; Центральная Азия.

Keywords: Kyrgyz–English translation; foreign language competence; multilingual classroom; inclusive education; translanguaging; language pedagogy; Central Asia.

1. Introduction. The linguistic landscape of Kyrgyzstan is characterised by a complex interplay of Kyrgyz, Russian, and increasingly English, making its classrooms inherently multilingual spaces. As global

demands for English language proficiency continue to rise, educators in Kyrgyzstan face the dual challenge of promoting foreign language competence while simultaneously honouring the rich multilingual identities of their students. This tension between linguistic inclusion and target language acquisition has become one of the central concerns of contemporary language pedagogy in post-Soviet Central Asia.

Traditionally, English Language Teaching (ELT) methodologies employed in the region have followed communicative and monolingual approaches that discourage the use of students' native languages in the classroom. Such approaches, while grounded in sound theoretical principles, often fail to account for the sociolinguistic realities of learners whose cognitive and cultural frameworks are fundamentally shaped by Kyrgyz and Russian. The result is frequently a form of linguistic exclusion in which students' home languages are treated as obstacles rather than resources.

This article challenges that assumption by proposing that Kyrgyz–English translation, when embedded within an inclusive educational framework, serves as a powerful scaffold for developing foreign language competence. We argue that translation is not merely a pedagogical remnant of the Grammar-Translation Method, but rather a sophisticated metalinguistic activity that activates bilingual cognition, deepens lexical understanding, and nurtures intercultural communicative competence.

The study is guided by the following research questions: (1) How does structured Kyrgyz–English translation activity affect learners' foreign language competence in multilingual classrooms? (2) In what ways does translation-mediated instruction align with the principles of inclusive education? (3) What pedagogical strategies can optimise the use of translation in multilingual ELT contexts in Kyrgyzstan?

2. Theoretical Framework

2.1 Translanguaging and Multilingual Pedagogy. The theoretical foundation of this study rests on the concept of translanguaging, introduced by Cen Williams [11] and significantly developed by García and Wei [7]. Translanguaging refers to the dynamic and fluid use of multiple linguistic resources by multilingual speakers, transcending the boundaries of discrete named languages. In educational contexts, translanguaging pedagogy legitimises the full linguistic repertoire of students and positions multilingualism as an asset rather than a deficit.

García and Wei argue that translanguaging practices create a 'trans-space' in which learners develop deeper understanding of both languages simultaneously [7]. In the Kyrgyz educational context, this means that drawing on Kyrgyz grammatical structures, idiomatic expressions, and cultural references when teaching English does not impede acquisition but instead accelerates it. Several empirical studies conducted in multilingual African and Asian settings have confirmed this finding [3; 5].

2.2 Translation as a Pedagogical Tool. The rehabilitation of translation as a legitimate pedagogical tool has gained considerable momentum over the past two decades. Cook makes a compelling case for what he terms 'use of translation in language teaching' (TILT), arguing that translation develops critical thinking, precision in language use, and metalinguistic awareness [6]. Unlike mechanical substitution exercises, communicative translation tasks require learners to negotiate meaning across cultural and linguistic systems, thus engaging higher-order cognitive processes.

From a psycholinguistic perspective, Kroll and Tokowicz demonstrate that bilingual speakers process second language vocabulary through their first language, particularly at lower proficiency levels. This finding has direct implications for language pedagogy: ignoring the L1 does not eliminate its cognitive influence; rather, it renders that influence implicit and unguided. Structured translation activities make the L1–L2 interface explicit and productive [8].

2.3 Inclusive Education and Linguistic Diversity. Inclusive education, as defined by UNESCO, encompasses the principle that all learners, regardless of their backgrounds, abilities, or identities, have the right to participate fully in educational processes. In the linguistic domain, this translates into recognition of the value of students' home languages and the creation of classroom environments where multilingual identities are affirmed rather than suppressed [10].

Applied to language teaching, inclusive principles demand that ELT methodologies account for the diverse linguistic starting points of learners. In Kyrgyzstan, where a significant proportion of students begin

secondary school with varying levels of Russian-medium instruction and differing degrees of Kyrgyz literacy, a monolingual English-only approach creates systemic barriers for many learners. Translation-mediated instruction, by contrast, allows each student to build bridges from their existing linguistic competence to the target language.

3. Methodology

3.1 Research Design. The study employed a mixed-methods design, integrating quantitative pre- and post-test assessment with qualitative classroom observation and semi-structured interviews. This approach was selected to capture both the measurable outcomes of translation-mediated instruction and the experiential dimensions of its implementation in real classroom contexts.

3.2 Participants and Setting. Participants were 120 secondary school learners (grades 8–10) from three schools in Bishkek, Kyrgyzstan, selected through purposive sampling to represent a range of sociolinguistic profiles. Schools were chosen to include both predominantly Kyrgyz-medium and Russian-medium instruction environments. Participants were divided into two groups: an experimental group (n=60) receiving translation-enhanced instruction, and a control group (n=60) receiving standard communicative language teaching. All participants were at the A2–B1 proficiency level as measured by an Oxford Placement Test administered at the outset of the study.

Additionally, eight English language teachers participated in semi-structured interviews, providing professional perspectives on the implementation challenges and affordances of translation-based approaches.

3.3 Instructional Intervention. The experimental group received twelve weeks of instruction in which structured Kyrgyz–English translation tasks were systematically integrated into existing English lessons. Translation activities were designed at three levels of complexity: (1) lexical-level translation focusing on semantic equivalence and connotation; (2) sentence-level translation addressing grammatical contrast between Kyrgyz and English; and (3) text-level translation involving culturally embedded passages from Kyrgyz literature and contemporary media.

Control group instruction followed the standard school curriculum based on the communicative approach, with no explicit use of Kyrgyz in English lessons.

3.4 Data Collection and Analysis. Foreign language competence was assessed using a purpose-designed instrument measuring vocabulary breadth (Nation's Vocabulary Levels Test, adapted), grammatical accuracy (error analysis of written compositions), and communicative confidence (a speaking rubric adapted from CEFR descriptors). Qualitative data from classroom observations were analysed thematically using Braun and Clarke's framework. Interview data were coded inductively for recurring patterns related to teacher attitudes and pedagogical practices [1].

4. Results and Discussion

4.1 Quantitative Findings. Post-test results revealed statistically significant differences between the experimental and control groups across all three competence domains. The experimental group demonstrated a mean gain of 18.4% in vocabulary test scores compared to 9.7% in the control group ($p < 0.01$). In the grammatical accuracy measure, the experimental group's written compositions showed a 24% reduction in morphosyntactic errors, while the control group showed a 13% reduction ($p < 0.05$). Communicative confidence scores, as assessed through the speaking rubric, increased by a mean of 1.4 CEFR descriptors in the experimental group versus 0.7 in the control group.

These results are consistent with findings from comparable studies conducted in multilingual contexts in Africa and Southeast Asia, and support the hypothesis that structured translation activities accelerate foreign language competence development [2; 9].

4.2 Qualitative Findings. Classroom observations revealed that translation tasks generated notably higher levels of student engagement and peer interaction than conventional communicative tasks. Students frequently initiated spontaneous metalinguistic discussions in Kyrgyz, debating the accuracy of English equivalents for culturally specific terms such as 'ak zhol' (blessing/good fortune) or 'boorukerlk' (compassion/benevolence). These discussions, far from being distractions, demonstrated sophisticated bilingual reasoning and deepened conceptual understanding of target language vocabulary.

Teacher interviews highlighted both the promise and the challenges of translation-mediated instruction. Six of the eight teachers reported that incorporating Kyrgyz–English translation made the classroom more inclusive, particularly for students from rural backgrounds with stronger Kyrgyz than Russian literacy. As one teacher noted, translation gave students 'a door into English that matched where they actually were.' However, two teachers expressed concern about time constraints and the need for professional development in bilingual pedagogy.

4.3 Implications for Inclusive Language Teaching. The findings carry significant implications for the relationship between inclusive education and language pedagogy. By legitimising Kyrgyz as a resource in the English classroom, translation-mediated instruction creates what García and Wei call a 'heteroglossic' space — one in which linguistic diversity is treated as the norm rather than the exception. This shift has particular importance for students whose home languages have historically been marginalised in formal education [7].

Moreover, the graduated complexity of translation tasks allowed learners at different proficiency levels to participate meaningfully in the same instructional activity, a key principle of Universal Design for Learning [4]. Stronger students engaged with nuanced cultural translation challenges, while developing learners consolidated foundational vocabulary through lexical-level tasks. This differentiated engagement supports the inclusive classroom ideal of equity alongside excellence.

5. Conclusion. This study demonstrates that Kyrgyz–English translation, far from being an obsolete pedagogical strategy, represents a theoretically grounded and empirically supported approach to developing foreign language competence in multilingual classrooms. By integrating principles of translanguaging pedagogy with the values of inclusive education, translation-mediated instruction creates learning environments that honour students' linguistic identities while systematically building their English proficiency.

The findings presented here contribute to a growing body of research that challenges the hegemony of English-only approaches in multilingual educational contexts, and offer a model that is particularly relevant to the post-Soviet Central Asian region, where linguistic complexity is a defining feature of the classroom landscape. Future research should investigate the long-term effects of translation-mediated instruction across different age groups and explore its integration with digital tools that can support bilingual learners in under-resourced settings.

For English language educators in Kyrgyzstan and similar multilingual contexts, this study offers a clear message: the mother tongue is not the enemy of the target language. It is, when used thoughtfully and purposefully, its most powerful ally.

References

1. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3, No. 2. – P. 77–101. – DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.

2. Butzkamm W., Caldwell J. A. W. The Bilingual Reform: A Paradigm Shift in Foreign Language Teaching. – Tübingen: Narr Francke Attempto, 2009. – 260 p.

3. Canagarajah S. Translanguaging in the classroom: Emerging issues for research and pedagogy // Applied Linguistics Review. – 2011. – Vol. 2. – P. 1–28.

4. CAST. Universal Design for Learning Guidelines. Version 2.2. – Wakefield, MA: CAST, 2018. – URL: http://udlguidelines.cast.org (дата обращения: 20.04.2026). – Текст: электронный.

5. Cenoz J., Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: Threat or opportunity? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2017. – Vol. 38, No. 10. – P. 901–912.

6. Cook G. Translation in Language Teaching: An Argument for Reassessment. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 177 p.

7. García O., Wei L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. – London: Palgrave Pivot, 2014. – DOI: 10.1057/9781137385765.

8. Kroll J. F., Tokowicz N. Models of bilingual representation and processing // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / ed. by J. F. Kroll, A. M. B. de Groot. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 531–553.

9. Littlewood W., Yu B. First language and target language in the foreign language classroom // Language Teaching. – 2011. – Vol. 44, No. 1. – P. 64–77.

10. UNESCO. Policy Guidelines on Inclusion in Education. – Paris: UNESCO, 2009. – 36 p.

11. Williams C. Arfarniad o Ddulliau Dysgu ac Addysgu yng Nghyd-destun Addysg Uwchradd Ddwyieithog [Evaluation of Teaching and Learning Methods in the Context of Bilingual Secondary Education]: unpublished doctoral thesis. – Bangor: University of Wales, 1994.

Reviewer: Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Sadykova N.A.

УДК 37.016:811.111'36(575.2)

Калдыбаева Ж.Т., Облокулова М.М.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Самарканд мамлекеттик чет тилдер институту. Самарканд шаары, Өзбекстан
Калдыбаева Ж.Т., Облокулова М.М.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Самаркандский государственный институт иностранных языков. Самарканд, Узбекистан
Kaldybaeva Zh.T., Oblokulova M.M.
KNU Jusup Balasagyn
Samarkand State Institute of Foreign Languages. Samarkand, Uzbekistan

АНГЛИС ТИЛИНИН ГРАММАТИКАСЫН ОКУТУУДА ИНКЛЮЗИВДҮҮ МАМИЛЕ
ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
AN INCLUSIVE APPROACH TO TEACHING ENGLISH GRAMMAR

Кыскача мүнөздөмө: Макалада англис тилинин грамматикасын инклюзивдүү окутуунун принциптери жана методдору каралат. Угуу, көрүү, кыймыл-аракет жана когнитивдик өнүгүү бузулуулары сыяктуу өзгөчө билим берүү муктаждыктары бар окуучулардын жеке өзгөчөлүктөрүн эске алууга мүмкүндүк берүүчү дифференциацияланган стратегияларга өзгөчө көңүл бурулат. Бардык окуучулардын окуу процессине катышуусун камсыз кылган жана коммуникативдик компетенттүүлүктү калыптандырууга өбөлгө түзгөн заманбап педагогикалык технологиялар талданат. Англис тилинин грамматикасын окутууда инклюзивдүү мамилени практикада колдонуунун мисалдары келтирилет.

Аннотация: В статье рассматриваются принципы и методы инклюзивного преподавания грамматики английского языка. Особое внимание уделяется дифференцированным стратегиям, позволяющим учитывать индивидуальные особенности учащихся с особыми образовательными потребностями, включая нарушения слуха, зрения, двигательной сферы и когнитивного развития. Анализируются современные педагогические технологии, которые обеспечивают участие всех учащихся в учебном процессе и способствуют формированию коммуникативной компетенции. Приводятся примеры практического применения инклюзивного подхода в преподавании грамматики английского языка.

Abstract: The article examines the principles and methods of inclusive teaching of English grammar. Particular attention is paid to differentiated strategies that allow taking into account the individual characteristics of students with special educational needs, including hearing, vision, motor, and cognitive impairments. Modern pedagogical technologies that ensure the participation of all students in the educational process and contribute to the formation of communicative competence are analyzed. Examples of the practical application of the inclusive approach in teaching English grammar are provided.

Негизги сөздөр: инклюзивдик билим берүү; англис тили; грамматика; дифференциацияланган мамиле; адаптивдик методикалар.

Ключевые слова: инклюзивное образование; английский язык; грамматика; дифференцированный подход; адаптивные методики.

Keywords: inclusive education; English language; grammar; differentiated approach; adaptive methods.

1. Введение. Инклюзивное образование в современной педагогике предполагает не только физический доступ, но и полноценное участие обучающихся в учебном процессе: устранение барьеров восприятия, выполнения заданий, коммуникации и оценивания. UNESCO рассматривает инклюзию и равенство как принципы трансформации образования, а Конвенция ООН о правах инвалидов закрепляет право на инклюзивное образование и разумное приспособление [1; 2].

Особую значимость проблема имеет при обучении иностранным языкам, где одновременно задействованы письменное и устное восприятие, речевая память, упражнения и взаимодействие. Поэтому одинаковое для группы грамматическое содержание может быть доступно в разной степени. Например, по теме First Conditional одному достаточно письменного задания, другому – схемы IF + Present Simple → WILL + V, третьему – карточек, четвёртому – аудиального предъявления и выбора варианта. Грамматическая цель остаётся общей, но способы доступа различаются.

Исследовательская проблема: как организовать преподавание английской грамматики так, чтобы различия обучающихся не снижали доступность содержания и не требовали отказа от единых результатов.

Цель: разработать и апробировать комплекс методических решений для инклюзивного преподавания грамматики английского языка в разнородных группах.

Исследовательские вопросы:

1. Какие барьеры чаще возникают при освоении грамматики обучающимися с разными образовательными потребностями?
2. Какие формы дифференциации и адаптации делают задания доступнее без снижения требований?
3. Какие изменения в достижениях и мотивации наблюдаются при использовании инклюзивных методик?

Научная новизна – систематизация практических способов адаптации грамматического материала по принципу «единая образовательная цель – различные пути её достижения».

2. Обзор литературы. Теоретическую основу исследования составляют работы по инклюзивной педагогике, дифференцированному обучению, универсальному дизайну обучения и доступности образовательных ресурсов.

Одним из важных направлений является концепция инклюзивной педагогики Л. Флориан и К. Блэк-Хокинс. Исследователи показывают, что инклюзивная педагогика ориентирована не на создание отдельного образовательного маршрута для каждой категории обучающихся, а на расширение обычных педагогических практик таким образом, чтобы они учитывали разнообразие учащихся [3]. Исследование основывалось на наблюдении за 11 учителями и анализе их профессиональных представлений об инклюзии.

Данный подход принципиально важен для преподавания иностранного языка: преподаватель не должен автоматически снижать сложность грамматического материала для обучающегося с особыми образовательными потребностями. Более продуктивным является изменение способа предъявления и выполнения задания.

Современная концепция Universal Design for Learning развивает эту идею. В версии UDL Guidelines 3.0, опубликованной CAST в 2024 г., особое внимание уделяется множественным способам представления информации, действия и выражения результата, а также созданию доступных образовательных материалов и технологий [4].

Для преподавания грамматики это означает возможность использовать: текст и визуальную схему одновременно; аудио и письменную транскрипцию; карточки и цифровые упражнения; устный и письменный ответ; индивидуальную и парную работу; несколько уровней поддержки одного и того же задания.

Существенное значение имеет и принцип доступности цифрового контента. Стандарт WCAG 2.2 предусматривает требования к доступности веб-контента для пользователей с нарушениями зрения, слуха, двигательных и некоторых когнитивных функций [5].

Следовательно, использование цифровой платформы само по себе ещё не делает обучение инклюзивным. Необходимо оценивать, насколько конкретный ресурс позволяет изменить размер текста, использовать клавиатурную навигацию, получать текстовую альтернативу аудио или применять другие средства доступности.

UNESCO также подчёркивает, что образовательная система должна учитывать разнообразие обучающихся и устранять структурные и педагогические причины исключения [1; 6].

Вместе с тем анализ литературы показывает недостаточную представленность практико-ориентированных исследований, посвящённых именно адаптации грамматических упражнений английского языка в условиях высшей школы Центральной Азии. Данный пробел определяет направленность настоящего исследования.

3. Методология исследования. Исследование проводилось в 2023–2025 гг. на базе Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына и Самаркандского государственного института иностранных языков.

В исследовании применялись следующие методы: анализ научной литературы по инклюзивному образованию и методике преподавания иностранных языков; педагогическое наблюдение; анализ учебных заданий; разработка и апробация адаптированных грамматических упражнений; сравнительный анализ результатов выполнения заданий; наблюдение за учебной мотивацией; элементы формирующего оценивания.

В учебных группах были представлены обучающиеся с различными образовательными потребностями. В рамках описанной апробации учитывались следующие случаи: 2 обучающихся с нарушениями слухового восприятия; 1 обучающийся с нарушением зрительного восприятия; 1 обучающийся с двигательными ограничениями; 3 обучающихся, испытывавших выраженные когнитивные трудности при освоении отдельных грамматических операций.

При этом указанные характеристики не рассматривались как основания для формирования изолированных групп. Все обучающиеся работали в общей образовательной среде, а различия учитывались при проектировании заданий.

Исследование основывалось на принципе: «Общая образовательная цель + разные способы доступа к материалу + разные способы выражения результата». В качестве грамматического материала были выбраны: Present Simple / Present Continuous; Past Simple; Present Perfect / Past Simple; Passive Voice; Conditional Sentences; Modal Verbs; Gerund / Infinitive.

Для оценки учебного результата использовались задания на распознавание грамматической формы, выбор правильного варианта, трансформацию предложения и самостоятельное употребление грамматической конструкции.

Важно отметить, что количественные показатели, представленные ниже, относятся к локальной педагогической апробации. В связи с отсутствием в исходном массиве данных полного набора индивидуальных баллов, размеров подгрупп и статистических критериев результаты не интерпретируются как доказательство статистически значимого эффекта. Для подтверждения обобщаемости результатов требуется расширенное исследование с предварительной регистрацией выборки, инструментов и статистической процедуры.

4. Результаты исследования. 4.1. Основные принципы инклюзивного преподавания грамматики. Анализ педагогических наблюдений позволил выделить четыре взаимосвязанных принципа.

Принцип 1. Сохранение общей образовательной цели

Если цель урока заключается в освоении First Conditional, все обучающиеся должны понимать структуру и уметь использовать её в коммуникативной ситуации.

Не следует автоматически заменять грамматическое задание на значительно более простое только потому, что обучающийся нуждается в дополнительной поддержке.

Принцип 2. Разнообразие способов представления материала

Например: First Conditional. If + Present Simple → will + V

Визуальная схема может сопровождаться: письменным объяснением; аудиопримером; карточками; коротким диалогом; ситуационной иллюстрацией.

Принцип 3. Разнообразие способов ответа

На вопрос: *What will you do if it rains tomorrow?*

можно предложить: написать предложение; выбрать готовый вариант; составить предложение из карточек; произнести ответ; записать голосовой ответ; выбрать подходящую часть предложения из нескольких вариантов.

Принцип 4. Формирующее оценивание

Ошибка должна рассматриваться не только как итоговая оценка, но и как диагностическая информация.

Если студент постоянно пишет: *If it will rain, I will stay home*, преподаватель определяет конкретную проблему: перенос конструкции **will** после *if*. После этого студент получает дополнительную модель: **If + present → will + verb**

и несколько контрастивных примеров.

4.2. Дифференциация грамматического материала. Дифференциация учитывает не только уровень сложности, но и способ получения информации. При нарушении слуха барьером является зависимость от устного объяснения — помогают письменные инструкции, субтитры, визуальные схемы. При нарушении зрения — мелкий текст и визуальная перегруженность; необходимы увеличенный шрифт, структурированный текст, совместимость с экранным диктором. При двигательных ограничениях — трудности письма или работы с мышью; применяются клавиатурный ввод, устный или цифровой ответ, увеличенное время. При когнитивных трудностях — большой объём информации и сложные инструкции; эффективны пошаговые инструкции, образец, повторение, визуальная структура. При разном уровне владения английским — неодинаковая скорость выполнения; предлагаются задания базового, среднего и повышенного уровня. Таким образом, дифференциация не должна разделять группу на «сильных» и «слабых»; продуктивнее предлагать несколько маршрутов выполнения одной задачи.

4.3. Present Simple и Present Continuous. При изучении различий между Present Simple и Present Continuous обучающимся можно предложить визуальные маркеры.

Present Simple - every day; usually; often; always.

Present Continuous - now; at the moment; today.

Базовое задание: *She usually _____ to university by bus, but today she _____ by taxi.*

Ответ: *She usually goes to university by bus, but today she is going by taxi.*

Для обучающегося, которому необходима дополнительная поддержка, задание может быть разделено на этапы:

1. Найдите маркер времени: **usually / today.**
2. Определите действие: **regular / happening now.**
3. Выберите форму: **goes / is going.**
4. Составьте полное предложение.

Для более подготовленных студентов можно предложить продуктивное задание:

Describe three things you usually do and three things you are doing differently this week.

Таким образом, одна грамматическая тема реализуется на нескольких уровнях когнитивной нагрузки.

4.4. Past Simple. При изучении Past Simple эффективно использовать временную линию:

PAST ← yesterday — last week — two days ago | NOW

Например: *Yesterday I visited the library.*

Задание может быть представлено в трёх вариантах.

Вариант A — выбор: *Yesterday I ___ to the library.*

a) go b) went c) am going

Вариант B — карточки: *yesterday / I / visited / the library*

Вариант C — самостоятельное высказывание:

Write three sentences about what you did yesterday.

Для обучающегося с трудностями письменного выражения содержание задания остаётся прежним, но форма ответа может быть изменена на устную или цифровую.

4.5. Present Perfect и Past Simple. Одна из распространённых трудностей заключается в разграничении:

I visited Issyk-Kul last summer. И *I have visited Issyk-Kul several times.*

Визуальная схема помогает показать различие:

Past Simple → конкретное завершённое время

Present Perfect → опыт / результат / период, связанный с настоящим

Пример: *I went to Osh in 2024. I have been to Osh several times.*

Для обучающихся, которым сложно воспринимать абстрактное объяснение, сначала предлагаются конкретные временные маркеры: yesterday — last year — in 2024

против: ever — never — already — yet — several times.

После этого выполняется классификация примеров.

4.6. Passive Voice. При изучении страдательного залога целесообразно использовать пошаговую модель: **Active:** *Students write essays.* **Object:** essays. **Verb:** write. **Passive:** *Essays are written by students.*

Алгоритм: найти объект; поставить объект в начало; определить время; выбрать форму **be**;

использовать Past Participle; при необходимости добавить *by + agent*.

Для студентов, испытывающих когнитивные трудности, каждый шаг может быть представлен отдельно. Для более подготовленной группы: *People speak English in many countries.* → *English is spoken in many countries.*

Затем предлагается коммуникативное задание: *What products are made in Kyrgyzstan?*

Например: *Honey is produced in Kyrgyzstan. Traditional carpets are made by local artisans.*

Так грамматическая структура переносится из изолированного упражнения в реальный коммуникативный контекст.

4.7. Conditional Sentences. Особое внимание в апробации уделялось условным предложениям.

Для First Conditional используется модель: IF + Present Simple → WILL + V

Например: *If I finish my homework early, I will watch a film.*

Для предотвращения типичной ошибки:

✕ *If I will finish my homework, I will watch a film.* предлагается контраст:

IF — Present

RESULT — WILL

Затем выполняются задания.

Задание 1. Соедините части: *If it rains tomorrow, If I pass the exam, If she has time,*

с: *I will be very happy. she will visit us. we will stay at home.*

Задание 2. Заполните пропуски:

If I ___ enough time, I ___ help you.

Задание 3. Ситуационная задача: *You are planning a weekend in Issyk-Kul. What will you do if the weather is good? What will you do if it rains?*

Для обучающегося с ограниченными возможностями письменного выражения ответ может быть дан устно или с использованием готовых языковых элементов.

4.8. Modal Verbs. Тема Modal Verbs позволяет связать грамматику с реальными университетскими ситуациями.

Например: Students must wear their ID cards. Students can use the library until 8 p.m.

Students should arrive on time.

Обучающимся предлагается распределить предложения по значениям: obligation;

permission; advice.

Для дополнительной поддержки используются пиктограммы и ключевые слова:

must → obligation; can → permission; should → advice

После выполнения упражнения студентам предлагается создать собственные правила: *Students must... Students can... Students should...*

Это позволяет перейти от распознавания формы к её самостоятельному употреблению.

4.9. Gerund и Infinitive. Для темы Gerund / Infinitive эффективным оказался метод сортировки.

Gerund: *enjoy reading-avoid making-finish writing*

Infinitive: *want to learn-decide to study-plan to travel*

Студент получает карточки: **enjoy / read- want / learn- finish / write** и соединяет их.

На следующем этапе необходимо самостоятельно составить предложения:

I enjoy learning English. I want to improve my pronunciation.

Для студентов с более высоким уровнем подготовки предлагается задание на сравнение значений: *I stopped smoking. I stopped to smoke.*

Это позволяет перейти от механического запоминания к осмыслению грамматической структуры.

4.10. Комплексная модель 45-минутного инклюзивного занятия. Для темы First Conditional разработана практическая модель занятия: актуализация (5 мин) — визуальная ситуация «Weather»; объяснение (7 мин) — схема IF + Present → WILL; контролируемая практика (8 мин) — выбор и соединение частей; дифференцированная работа (10 мин) — задания трёх уровней; коммуникативная практика (8 мин) — ситуации «What will you do if…?»; формирующее оценивание (5 мин) — exit ticket; рефлексия (2 мин) — «I can…». Для каждого этапа предусмотрены альтернативные способы участия. Например, в коммуникативной практике по ситуации «You have an exam tomorrow» базовый вариант — «If I pass the exam, I will...»; средний — «If I pass the exam, I will celebrate with my friends»; продвинутый — «If I pass the exam, I will celebrate, but if I fail, I will review the topics and try again». Такое построение сохраняет общую тему при разной степени языковой поддержки.

4.11. Цифровые и ассистивные технологии. Цифровые технологии могут расширять возможности инклюзивного обучения, однако сам факт использования цифрового инструмента не означает его автоматической доступности.

В процессе апробации рассматривались Quizlet, Kahoot, Google Forms, Duolingo, LingQ, Speechify, NVDA, JAWS, средства распознавания речи, субтитры и транскрипты.

Например, при работе с грамматическим видео для обучающегося с нарушением слухового восприятия необходимо предусмотрет**ь: видео → субтитры → письменная инструкция → грамматическая схема.**

Для обучающегося с нарушением зрения: текст → совместимость с экранным диктором → логическая структура заголовков → доступная навигация.

Для обучающегося с двигательными ограничениями: задание → клавиатурный ввод / альтернативный способ ответа → увеличение времени.

Для обучающегося с когнитивными трудностями:

полная инструкция → краткие последовательные шаги → пример → самостоятельное выполнение.

При проектировании цифрового материала целесообразно ориентироваться на требования WCAG 2.2, которые рассматривают доступность цифрового контента для пользователей с различными ограничениями [5].

Использование искусственного интеллекта также может поддерживать дифференциацию. Например, преподаватель может подготовить на основе одной грамматической темы три варианта заданий: **A — базовый уровень; B — средний уровень; C — повышенный уровень.**

Однако сгенерированный искусственным интеллектом материал должен проверяться преподавателем на предмет грамматической корректности, соответствия уровню обучающихся и доступности.

4.12. Инклюзивное оценивание. Традиционное оценивание грамматики часто ориентировано на письменную форму ответа, которая не всегда объективно отражает реальный уровень грамматической компетенции. Поэтому предлагается оценивать четыре компонента: правильность грамматической формы, понимание значения конструкции, способность использовать её в контексте и самостоятельность выполнения. Например, при оценивании First Conditional структура оценивается так: 0 — отсутствует, 1 — имеются ошибки, 2 — правильная; значение: 0 — не понимает, 1 — понимает частично, 2 — понимает; контекст: 0 — не использует, 1 — использует с помощью, 2 — использует самостоятельно; ответ: 0 — не представлен, 1 — с поддержкой, 2 — самостоятельно. Такая система учитывает прогресс, а не только наличие или отсутствие ошибки.

4.13. Результаты педагогической апробации. В ходе локальной педагогической апробации наблюдалась положительная динамика учебных результатов и мотивации обучающихся.

По данным авторской апробации, итоговые показатели экспериментальной группы по грамматическому материалу были выше исходных показателей примерно на 23%**,** а показатели учебной мотивации — примерно на 35%**.**

Полученные данные позволяют предположить, что сочетание визуальной поддержки, дифференцированных заданий, альтернативных форм ответа и цифровых инструментов может положительно влиять на включённость студентов в учебную деятельность.

Однако эти показатели следует интерпретировать осторожно. Они отражают результаты локальной апробации и не должны рассматриваться как доказательство универсального статистического эффекта. Для полноценной проверки необходимо провести исследование с: чётко определённым размером экспериментальной и контрольной групп; тстандартизированным диагностическим тестом; предварительным и итоговым измерением; расчётом среднего значения и стандартного отклонения;

проверкой статистической значимости; оценкой надёжности диагностического инструмента; контролем внешних переменных.

Таким образом, полученные результаты следует рассматривать прежде всего как основание для дальнейшего расширенного исследования.

5. Обсуждение. Полученные результаты подтверждают принципиальную возможность сочетания единых образовательных целей и различных способов их достижения.

Данный вывод соответствует современному пониманию инклюзивной педагогики. Флориан и Блэк-Хокинс рассматривают инклюзивную педагогику как расширение возможностей обычной педагогической практики для участия всех обучающихся, а не как создание полностью отдельных методов для каждой категории учащихся [3].

В свою очередь, UDL 3.0 предлагает проектировать обучение с учётом вариативности обучающихся уже на этапе разработки учебной деятельности [4]. CAST подчёркивает необходимость множественных способов представления информации, действия и выражения результата.

Применительно к преподаванию грамматики это означает переход от модели:

«одна тема — одно упражнение — один способ ответа» к модели: «одна образовательная цель — несколько способов доступа — несколько способов демонстрации результата».

Например, цель: «Студент правильно использует First Conditional» может быть достигнута через: письменное упражнение; карточки; визуальную схему; аудиозадание; цифровой тест; устный ответ; коммуникативную ситуацию.

При этом принципиально важно не смешивать инклюзивность с индивидуализацией в узком смысле. Если каждый обучающийся получает полностью отдельную программу, преподаватель сталкивается с высокой организационной нагрузкой. Более рациональным является проектирование учебного материала таким образом, чтобы один набор ресурсов изначально предусматривал несколько способов взаимодействия.

Следовательно, инклюзивная грамматика может быть определена как организация обучения грамматике, при которой содержание и образовательные результаты остаются общими, а способы восприятия, выполнения и представления результата варьируются в соответствии с потребностями обучающихся.

6. Выводы. Инклюзивное преподавание английской грамматики — это системная организация процесса, а не набор отдельных упражнений. Основной принцип — сочетание общих целей с вариативными способами их достижения. Эффективны визуализация, пошаговые инструкции, дифференциация сложности, альтернативные формы ответа, транскрипты, субтитры и доступные цифровые инструменты. Важно адаптировать не грамматическую цель, а способ её предъявления и выполнения. Инклюзивное оценивание должно учитывать понимание значения конструкции и её использование в коммуникации, а не только правильность письменного ответа. Локальная апробация показала положительную динамику достижений и мотивации, но требует проверки на расширенной выборке. Перспективна разработка региональной модели инклюзивного преподавания иностранных языков для вузов Кыргызстана и Узбекистана. Главный вывод: равенство образовательного результата не означает идентичность учебного процесса; различие способов доступа к одному содержанию делает обучение гибким и доступным.

7. Рекомендации. Рекомендуется: включать элементы UDL в занятия; готовить минимум два способа представления сложного материала; предусматривать альтернативные формы ответа; использовать визуальные схемы и временные линии; давать письменные версии аудиоматериалов; проверять цифровые ресурсы на доступность; дифференцировать по степени поддержки, а не только по сложности; применять формирующее оценивание; повышать квалификацию преподавателей; проводить дальнейшие экспериментальные исследования. Перспективно создание банка инклюзивных грамматических заданий по модели: тема → цель → барьер → адаптация → задание → альтернативная форма ответа → критерии оценивания.

Список использованной литературы

1. UNESCO. A Guide for Ensuring Inclusion and Equity in Education. – Paris : UNESCO, 2017.
2. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. – New York : United Nations, 2006. – Art. 24: Education.
3. Florian L., Black-Hawkins K. Exploring inclusive pedagogy // British Educational Research Journal. – 2011. – Vol. 37, № 5. – P. 813–828. – DOI: 10.1080/01411926.2010.501096.
4. CAST. Universal Design for Learning Guidelines. Version 3.0. – Wakefield, MA : CAST, 2024. – URL: https://udlguidelines.cast.org/.
5. W3C. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2 : W3C Recommendation. – 2024. – URL: https://www.w3.org/TR/WCAG22/.
6. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2020: Inclusion and Education: All Means All. – Paris : UNESCO, 2020.
7. Tomlinson C. A. The Differentiated Classroom: Responding to the Needs of All Learners. – 2nd ed. – Alexandria, VA : ASCD, 2014.

8. Meyer A., Rose D. H., Gordon D. Universal Design for Learning: Theory and Practice. – Wakefield, MA : CAST Professional Publishing, 2014.
9. Vygotsky L. S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.
10. Kukulska-Hulme A., Shield L. An overview of mobile assisted language learning: From content delivery to supported collaboration and interaction // ReCALL. – 2008. – Vol. 20, № 3. – P. 271–289.
11. Godwin-Jones R. Emerging technologies: Mobile apps for language learning // Language Learning & Technology. – 2011. – Vol. 15, № 2. – P. 2–11.
12. Benson P. Teaching and Researching Autonomy in Language Learning. – 2nd ed. – London : Routledge, 2011.
13. Little D. Learner Autonomy 1: Definitions, Issues and Problems. – Dublin : Authentik, 1991.
14. Bloom B. S. et al. Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals. – New York : Longmans, Green, 1956.
15. Qurbonov B. O‘zbek tilidagi forscha o‘zlashmalar xususida // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. – 2025. – Vol. 5, № 3. – P. 450–455.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Гузиева З.К.

УДК 81.271.1:811.111

Киндербаева Н.К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Киндербаева Н.К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kinderbaeva N.K.
KNU Jusup Balasagyn

ГУМАНИСТТИК СТРАТЕГИЯЛАР АРКЫЛУУ ООЗЕКИ СҮЙЛӨӨ КӨНДҮМДӨРҮН ӨРКҮНДӨТҮҮ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
IMPROVING SPEAKING SKILLS THROUGH HUMANISTIC STRATEGIES

Кыскача мүнөздөмө: Макалада гуманисттик стратегиялар аркылуу оозеки сүйлөө көндүмдөрүн өркүндөтүү маселеси каралат. Англис тили чет тили катары окутулган шартта гуманисттик стратегиялардын оозеки сүйлөө көндүмдөрүн өнүктүрүүдөгү натыйжалуулугу талданат. Бул стратегиялар топтук жана жуптук иштерди камтыйт. Алар студенттер оозеки сүйлөө тапшырмаларын аткарууда кездештирген психологиялык тоскоолдуктарды жеңүүгө багытталган. Изилдөө биринчи жана экинчи курстун студенттеринин арасында жүргүзүлгөн. Анын жүрүшүндө тынчсыздануу, өзүнө ишенбөөчүлүк жана уялчаактык сыяктуу негизги психологиялык тоскоолдуктар аныкталып, аларды жеңүүнүн жолдору көрсөтүлгөн. Макалада оозеки сүйлөө көндүмдөрүн өнүктүрүүдө гуманисттик стратегияларды колдонуунун мааниси белгиленет.

Аннотация: В статье рассматривается совершенствование навыков устной речи посредством гуманистических стратегий. Анализируется эффективность гуманистических стратегий в развитии навыков устной речи в условиях преподавания английского языка как иностранного. Данные стратегии включают групповую и парную работу. Они направлены на преодоление психологических барьеров, с которыми студенты сталкиваются при выполнении речевых заданий. Исследование проводилось среди студентов первого и второго курсов. В ходе исследования были выявлены основные психологические барьеры, такие как тревожность, неуверенность в себе и застенчивость, а

также показаны способы их преодоления. В статье подчёркивается важность применения гуманистических стратегий для развития навыков устной речи.

Abstract: The article examines the improvement of speaking skills through humanistic strategies. It analyzes the effectiveness of humanistic strategies in developing speaking skills in the context of teaching English as a foreign language. These strategies include group work and pair work. They are aimed at overcoming psychological barriers that students encounter when performing speaking tasks. The study was conducted among first- and second-year students. The main psychological barriers, such as anxiety, lack of confidence, and shyness, were identified, and ways to overcome them were presented. The article emphasizes the importance of applying humanistic strategies to develop speaking skills.

Негизги сөздөр: гуманисттик стратегиялар; оозеки сүйлөө көндүмдөрү; толеранттуулук; достук маанайдагы чөйрө; өзүнө болгон ишенимди арттыруу; эмпатия.

Ключевые слова: гуманистические стратегии; навыки устной речи; толерантность; доброжелательная среда; повышение уверенности в себе; эмпатия.

Keywords: humanistic strategies; speaking skills; tolerance; supportive environment; building self-confidence; empathy.

Introduction. In one of my English lessons, my students had been working on speaking skills. They had listened to the text and met difficulties in answering the questions. When main question was asked, they were not able to give answers. Then I wanted to find out what the problem was and to know whether they have difficulties with listening task or with speaking one. I decided to ask questions about the plot. They managed to answer all questions. And only after all questions about plot were answered, they were able to give answer to main question from task. And then I came to conclusion, that my students kept the main idea in mind, but couldn't say it. They managed to cope with task after they were given prompts. Researchers argue that the main barrier in gaining speaking skills is psychological barriers. It is known that teachers face various difficulties in teaching speaking lesson procedure. The main problems are: anxiety, lack of confidence, low self-esteem. In order to encourage students to speak and to take part in lesson procedure actively teacher should create supporting atmosphere, reduce anxiety and show empathy. It is called as humanistic approach. It means that teacher should value students' concerns and create friendly, non-threatening environment in order to motivate students to improve their achievements. Humanism is very similar to motivation. Instead of treating them with a sense of authority, it is appropriate and more productive to treat them with care and respect, understanding the struggles that the learners face while learning the target language [5]. This will help the learners overcome the psychological barriers. In this article I studied humanistic strategies in order to show their effectiveness in building students' speaking skills in EFL classroom. Due to the fact, that humanistic strategies proved to be helpful in motivating students and therefore promote their achievements, I found them to be the most effective for teaching speaking skills in English language classroom.

Humanism in EFL Classroom

F. G. Yudha, A. Fatmawati, A. Jauhar, a. Tajuddin argues that teachers should not only focused on language teaching, but also supports students' psychological development by providing a fun, and positive learning environment [6]. The key factor for EFL learners' success in refining their English language proficiency is the psychological state of the learners. Humanistic way of language teaching emerged in 1970's. A widely suggested definition of the word 'Humanism' is that it is an approach that focuses on human values and concerns (Dr. CH. Swathi, 2018). Teacher should be a facilitator who fosters an emotionally secure environment. They should be supportive, caring, and understanding. As facilitators language teachers should understand that effective learning takes place in an environment where qualities of independence, autonomy, creativity are nurtured in an accepted and mindful approach. Therefore learners should be motivated in such a way where the focus is more on language acquisition and its usage. Motivation is a crucial factor in gaining new skills and it is vital in effective teaching and learning process. Dr. CH.

Swathi (2018) states, that the activities should be designed to tap the interest in the learners. Teachers should take into consideration that there is also a need to strike a balance between the different kinds of learners: those who wish to acquire language for specific purposes like job and competitive exams; and those who wish to learn the language for general purposes. The activities should be designed to meet the requirements of both these kinds of students.

The role of facilitator is the key factor in shaping the interest of the students. According to the fact that language acquisition happens best in a stress-free environment, learners should be given enough chance to learn from their mistakes. If the mistakes are strongly disapproved it can have a negative impact on learners and can discourage them. The issue is much more grave and relevant at the graduation level where learners view themselves as adults and expect to be treated with dignity and respect and hence should be handled carefully (Dr. CH. Swathi, 2018). Instead of treating them with a sense of authority, it is more productive to treat them with care and respect, understanding the struggles and obstacles that the learners face while learning the target language. This will help the learners overcome the psychological barriers.

Basic components to the humanistic teachers are: to develop emotional and aesthetic appreciation, create friendship and cooperation as it is a crucial part of social interaction, acquire freedom of mind towards knowledge, reason, understanding and testing intellectually suggested to use group work, simulation, and one to one interaction in order to make lesson procedure more interactive and effective. Simulation is complex role play imitating real-life situation [7]. Humanistic psychology of teaching reduces the anxiety and offers a teaching and learning approach that give students a self-realization of their own potentiality. This humanistic aspect creates environment, which reduces anxiety and increases expectation. Humanistic approach is considered to be crucial due to the demands of today's world are excessive.

Humanistic approach should be applied focusing on understanding the emotional and psychological needs of students. Teacher should engage students in small talk, paid attention to their reactions and adapt their teaching methods to ensure that students felt comfortable and supported in their learning environment. Implementation of psychological strategies, such as fostering intrinsic motivation and using positive reinforcement, significantly contributed to improving learners' language learning outcomes. Teacher should foster intrinsic motivation, providing positive reinforcement, and implementing humanistic approaches to establish an environment suitable to effective language acquisition. Emotionally supportive environment allows learners to engage with the language confidently. Humanistic education promotes students' interest in the class and enhances good teacher-student and student-student relationships. Teacher should never separate the mind from feelings: instead he/she should integrate them thus humanity in the learning process. It is essential to establish a warm, supporting, accepting and non-threatening climate. Teacher could help alleviate foreign language anxiety and facilitate learning by creating a friendly, supportive and relaxed classroom atmosphere that encourage risk-taking. J. Hamer (2007) states that however much we do to foster and sustain students' motivation, teacher can only in the end, encourage by word and deed, offering our support and guidance.

Challenges in gaining speaking skills proficiency

Speaking is one of the basic language skills that to be mastered by English foreign learners due to its significant and its use for communication [4]. Two of challenges in learning English are fostering students' motivation and enhancing their confidence. Retelling the text doesn't give the opportunity to even interact with a peer in a communicative task. Due to the fact that they do not develop oral skills, students should be able to engage in realistic talk. Teacher should find the way, which is different from language banks (vocabulary relevant for the task, linkers, suitable openings and endings, useful expressions), the way which could help students to structure their oral discourse. The development of communicative competence in English has become a central priority in educational reform agendas across any non-English speaking countries. Researchers claim that one of the most challenging competencies for EFL learners to develop is practical speaking skills. Due to the fact that English language nowadays becomes an essential skill, which is demanded in most of the work fields, developing speaking skills is of vital importance in EFL lessons. Dealing with speaking problems should be considered and treated to enhance and develop speaking skills. In

order to teach speaking skills successfully, lesson procedure should be student-centered. Another important aspect is that fluency in speaking skills could be achieved only by listening to the right speaking model and practicing it many times. As the process of comprehension is different from the process of production understanding the language doesn't mean that you can produce it. J. Harmer outlined three main reasons for getting students to speak: firstly, speaking activities provide rehearsal opportunities to practice real-life speaking in the safety of the classroom; secondly, speaking tasks in which students try to use any or all of the language they know provide feedback for both teacher and students; thirdly, the more students have opportunities to activate the various elements of language they have stored in their brains, the more automatic their use of these elements become [1].

Nowadays it is very important to be able to speak English regarding that it is the most commonly accepted language in the world. Due to this fact, it would be very beneficial for those who comprehend it not only to improve their knowledge and skills but also easier for them to get a job. Students face difficulties in gaining proficiency in speaking skills, such as: they may have no idea about pronunciation and grammar that they use and they may be not confident enough to express their idea and may feel hesitant due to the lack of vocabulary. The most significant challenges in teaching speaking skills: inherent difficulty learners' experiences in producing spoken English and fear of making mistakes. It is crucial for educators to understand these challenges in order to tailor their teaching methods effectively and to provide the necessary support to learners. Providing opportunities for practice is essential for developing speaking proficiency. The main barrier in teaching speaking is anxiety. Anxiety is often exacerbated by lack of confidence, which can be rooted in previous students' negative experience. Creating a supportive and respectful learning environment is very important in encouraging learners to overcome these challenges. Teacher should value effort and improvement over perfection to help reduce anxiety and build confidence. In this learning process mistakes should be viewed as a natural part of the learning process. Teacher should take into account not just the intellect, but the emotional needs of a learner too. As a facilitator, language teachers take into consideration the fact that effective learning takes place in an environment where qualities of independence, autonomy, creativity are nurtured in an accepted and mindful approach. Teacher should be facilitator, who shapes the interest of the learners. Learners should be given enough chance to learn from their mistakes, since language acquisition happens best in a stress-free environment. If teacher disapprove mistakes strongly it can have a negative impact on learners and can dishearten them. Students expect to be treated with dignity and respect and hence should be handled carefully.

The challenge of enhancing English speaking sills among students is exceptionally pressing. These challenges are the following: low motivation, learner autonomy, and retention issues. Gamification of learning elements directly contributes to heightened engagement. Teacher should focus on progress rather than perfection. It would help learners develop a more positive attitude toward speaking, ultimately leading to greater proficiency. Positive reinforcement and constructive feedback is crucial in helping learners feel more comfortable and willing to take risks in speaking activities. One of the main teacher's tasks in teaching speaking is taking responsibility to prepare the students as much as possible to be able to speak in English in the real world outside the classroom. Researchers state that one of the important aspects in teaching speaking skill is to use the language instead of repeating it by memorizing. Students should be encouraged to communicate without pressure or fear by working on free practice activities. J. Harmer claimed that prompting is often necessary but, as with correction, teachers should do it sympathetically and sensitively [1].

The main barrier in the language learning process is anxiety. As it can hinder EFL learners' ability to speak and think in the target language, which in turn weaken the effectiveness of language learning process. Therefore, the application of positive reinforcement in teaching is vital, as it can help students reduce their anxiety and increase their motivation to integrate in learning activities. Positive reinforcement in English language learning elevates students' confidence, which is significant in foreign language learning.

F. G. Yudha, A. Fatmawati, A. Jauhar, a. Tajuddin state that students with high anxiety or low motivation may struggle to fully utilize language input, consequently interpreting the learning process, on the

other hand students with high motivation and anxiety show greater language acquisition and utilize their capabilities more effectively [6]. Students' affective filter could be reduced by prioritizing positive reinforcement and focusing on the psychological aspects of students, which would lead to more effective language acquisition. Teacher should create more supportive environment. Implementing affective filter theory in language learning - means creating a learning environment that is low in anxiety, high in motivation and supportive of learners' self-confidence.

Researchers state that many suitable circumstances and providing the students with the aids to help them to learn will achieve good results in the educational process. Creating a friendly environment will encourage to speak and to produce language freely. The main secret to succeed in speaking skill is providing an opportunity to practice. Due to the fact that active learning produces more effective learning outcomes, interactive learning is widely assumed to be effective. Difficulties of speaking such as shyness, fear of mistakes and lack of confidence are main obstacle which should be overcome by students. If students are brave and believe in their abilities, they will learn better, because self-confident students have good self-image and a low level of anxiety. That's why self-confidence plays an important role in improving student's proficiency in speaking. Students could be reluctant to speak, by the reason that they are too shy to express themselves in front of others, particularly when they give personal opinions. Teacher should build lesson procedure in the way that it would reduce student's anxiety, reinforce their self-confidence and create a positive environment to develop their oral performance. Therefore teaching process should increase the number of discussion activities and give students opportunity to practice conversations.

Humanistic strategies

Josefa J. Mardijono claims that learners may face internal and external problems in learning to acquire the oral proficiency in the target language. We should take into consideration affective factors that affect language learning, they are: egocentric factors, transitional factors and motivation. Egocentric factors refer to one's view of self-concept. Self-esteem is one specific aspect of self-concept, which is a personal judgment of worthiness that we hold towards ourselves. Transitional factors refer to one's effort of reaching out beyond the self to others. A human being is considered to be a social being and language is considered to be means of communication used to maintain the social relationship. In order to communicate effectively we need to have empathy [8]. Motivation is known as one of the personality factors that directly affect language learning. It emphasizes the importance of the need for a person to be known, to be accepted, to be approved and accepted by others. Moskowittz (1978) called the strategies employed to attend the affective side of the students to help create a conducive group atmosphere for learning as humanistic strategies [9]. According to J. J. Mardijono (2001) the primary aims of humanistic strategies are to help the students, through active participation, to develop more positive feelings about themselves and their classmates, in a positive group atmosphere. The humanistic strategies I studied in this paper are the following: 1) promoting a co-operative and supportive group atmosphere, 2) providing interactive tasks, 3) reducing anxiety, 4) building confidence and giving positive reinforcement [8].

The main aim of humanistic strategies is minimizing anxiety and enhancing personal growth, which would improve student's English oral proficiency. Successful language teaching utilizes methods to enhance students' engagement in communicative activities based on their backgrounds, opinions, preferences and other personal characteristics. Friendly environment is vital in lesson procedure. It reduces anxiety, increase students' self-confidence in their abilities and therefore promotes their achievements. I applied these humanistic strategies in my classroom by providing pair work and group work activities. I chose several activities that were selected by S. Renaud and E. Tannenbaum (2013), in order to create interpersonal tolerance. Also I included activities, which M. Casamassima and F. Insua developed. These activities were adapted and used in my classroom.

Activity 1: Four Corners. In this activity the teacher selects one of the four categories in Figure 1, and students gather in the appropriate corner according to their membership in the category designations. Taking place in the corners, they share information for a few minutes and then answer questions posed by the teacher. For example, the teacher could give students questions in Category 1, at a basic level, a student

might answer in simple sentences. At an intermediate or higher level, students should give more details about their families or explain why they like a certain sport. Students could form groups on one side of the room or the other depending on their preferences for a food or pastime (e.g., those on the left side prefer salty food, and those on the right prefer sweet food). S. Renaud and E. Tannenbaum suggested other "prefer or not prefer" choices such as dogs or cats, the beach or the mountains, or math or English [3].

I had chosen category 4 for my 1-year students English language classroom. This activity helped my students to communicate with their groupmates about their hobbies, which reduced their anxiety and helped them overcome their shyness. They did not need to have higher level of language they learn in order to be able to exchange their opinions and share information. Also this activity provided a great opportunity to communicate with their peers about themselves and their hobbies and to find out groupmates with similar tastes.

Variations: Advanced students should give answers to more in-depth questions; for example, in Category 1, students might ask each other, "How many members is your family of?" "What are the advantages or disadvantages of your position in the family?" or "How many children do you hope to have?" More advanced students can also follow up in pairs or small groups and discuss why they made their choices.

Table 1. Categories and Options for the "Four Corners" Activity

Category 1: Family Size	**Category 2: Name**
Corner 1: You have 0 brothers and sisters	Corner 1: First name beginning with A–F
Corner 2: You have 1–3 brothers/sisters	Corner 2: First name beginning with G–L
Corner 3: You have 4–5 brothers/sisters	Corner 3: First name beginning with M–R
Corner 4: You have more than 5 brothers/sisters	Corner 4: First name beginning with S–Z
Category 3: Favorite Sport	**Category 4: Favorite Pastime**
Corner 1: Soccer (football)	Corner 1: Listening to music
Corner 2: Basketball	Corner 2: Reading books
Corner 3: Volleyball	Corner 3: Playing sports
Corner 4: Baseball	Corner 4: Watching TV or films

Activity 2: My Hand. In this activity students should trace their hands on colored construction paper, cut out the paper hands, and write their individual characteristics on each finger (e.g., soccer player, math lover, tall, happy). Then the teacher should collect the hands, mix them up, and redistribute them. Students have to take turns reading the words on the paper they receive, and other students have to guess whose hands they are. Hands are then should be put together in a collage entitled "Let's make the world a brighter place!"

This activity was changed and adapted to my English language classroom. I had given out sheet of papers to my students,then my students had drawn their hands. After that I had collected sheet of papers, mixed them up and redistributed them. I gave them two minutes to read words on papers. Then Students in turn had showed papers to group mates and tried to guess out whose hand it had been.

My students had found it exciting and helpful. They had had fun, while they had been doing this activity. It had reduced their anxiety and motivated them to take part in activity actively. Moreover this activity created friendly environment, which directly influenced on students active participation.

Activity 3: Claim, support, question. The fourth activity is Claim, Support, Question (CSQ) [10, p. 91]. This activity means that the students first have to say something or make a point, then provide evidence or a reason for the point, and finally pass the speaking turn to their partners by asking a question. Nowadays people engage in meetings and video conferences at work, where they interact and exchange opinions as they keep the conversation going towards a goal. In everyday routine, we have to interact with others to choose a present for a friend, to decide what to do on the weekend, or to plan where to go on an upcoming holiday. They believed this technique would work for discussion tasks in which students have to interact with each

other to make a decision or solve a problem of viewing several birthday gift options and deciding which one to buy for a friend.

I started this activity by discussion of what they like doing on their free time. Then we started to talk about holidays. I represented this activity on board with clear instruction. Every step, with sample communication, was written on whiteboard. This made the structure be clear.

Here is an extract of what a student pair said:

Student A

Claim: "I'm going to go to village. I want to go camping there."

Support: "I like camping, because the nature is so inspiring."

Question: "What do you think about it?"

Student B

Claim: "You should not go camping. It is better to go climbing."

Support: "Because the weather is very changeable."

Question: "What do you think about it?"

The interaction should go on like this until the students reached a decision. M. Casamassima and F. Insua state that this technique was proved to be helpful for the students in understanding that for interactive communication, they need to pass the turn to their interlocutor. Discussion tasks are not monologues by one student who monopolizes the conversation and leaves little time for the other person to talk, nor are they tasks to be completed by each student individually with no interaction.

Due to clear structure students found it easy and therefore they had been able to manage with task. They enjoyed this activity and were delighted with their ability to cope with this task. As it was similar to every day communication - it was easy to practice. Students didn't spend their time on thinking about how to cope with given task, the only aim was tell about their holiday using instruction. They shared their plans, information and listened to their partner with great interest. Students took part actively therefore they were good at practicing. Active participation let them to develop their oral skills by practicing.

Activity 4: WWW. M. Casamassima and F. Insua in their article *"On How Thinking Shapes Speaking: Techniques to Enhance Students' Oral Discourse"* stated that teachers should take into consideration the fact that teaching speaking skills as well as teaching writing skills required structuring. In English as a foreign language learning contexts, because English is not spoken out in the community, students generally find it very difficult to sustain conversations. M. Casamassima and F. Insua state that teachers should help students produce longer pieces of discourse. M. Casamassima and F. Insua developed a technique that would prove useful for extended speaking tasks, in which students discuss a topic for about a minute. They believed WWW to be a mnemonic device for What you think, what you like, what you do, and other people too. The idea behind it is that a student first gives an opinion on the topic, then says what he or she likes and does in relation to it, and finally extends it to other people. Their technique looked complex, but it was meant to address a complex task that requires students to produce a stretch of sustained discourse. This activity would help students gain confidence as they realized the ability to produce a relatively short piece of discourse, and it would lead to further development of sustained speech over time. M. Casamassima and F. Insua suggested to try the before-and-after format [2].

I used this technique as a game at the beginning of a unit, as it was suggested by authors from their teaching experience. I also made a slight change in this activity and applied it in my English lesson classroom. In the rehearsal stage, I provided short discussion about'breakfast habits. This is what one of my students said before I demonstrated the activity:

"I have for breakfast a glass of milk and cereals in the morning. The doctors say it's very important. My family members eat eggs. Sometimes I don't have many time because of bad traffic and I only have a sandwich."

Mistakes were not corrected. I represented this activity by writing head letters WWW on the board, then asked students about their free-time and hobbies. Then I wrote each question started on letter W on the board. After the demonstration of the activity, student managed to structure her discourse more effectively:

What you think: “I think that breakfast should be healthy.”

What you like: “I like having a glass of milk and cereals.”

What you do: “Sometimes I don’t have breakfast because of bad traffic and I only have a sandwich.”

And other people too: “My family members eat eggs for breakfast.”

The second time that the student attempted to talk about the topic showed better organization. Then I gave them four topics, which were suggested by authors, they are: topics of sports, free-time activities, keeping in touch with friends, and shopping habits and instructed them that they should ask these questions in correct order and give detailed answers in pairs. We had chosen the fourth topic “Shopping Habits”. Clear instructions let them be involved in this activity procedure and encouraged them to make an attempt to develop and increase their oral skills.This topic had been interesting and attracted them by simple reasons: firstly, all of my students were girls; secondly, all of them loved doing shopping; and finally, all of them were interested in fashion. They found it interesting and had been captured by the process of working in pairs. Clear structures, which they should follow in speaking tasks, let them express their thoughts and share their opinions easily as they know how to say what they think. They had had no fear of making mistakes. Every mistake had been corrected at the end of activity by had been written on the board, explained and discussed. There were no strict rules. I just supported them, showed empathy and encouraged them to speak. Supporting environment, friendly atmosphere encouraged them to participate in lesson procedure. This make changes in students achievements, as students took active part in lesson procedure and demonstrated a great desire to cope with tasks.

What does research show?

This research had been done in order to find the way to help students build their oral skills in target language. In my teaching experience I noticed that all of my students of different groups and grades needed to be treated properly, to be supported by teacher and to study in friendly atmosphere. Due to the fact, that numbers of students usually have friends of three or four people, students don’t know their groupmates well. And that’s why they are shy, anxious and insecure. Therefore teacher’s task is to create a non-threatening and friendly environment, show empathy to students, support them and encourage them to speak.

In order to encourage students to speak teacher should take into consideration following items:

- Create non-threatening environment, by showing empathy to students. Mistakes shouldn’t be considered as failure, they should be corrected at the end of the activity.
- Minimizing criticism by creating a friendly environment.
- Reduce anxiety by involving students in interactive tasks. Group work and pair works should be given at the end of the lesson.
- Represent every activity: choose the topic that students would find interesting, write sample on the board, provide clear structures.
- Get feedback from various pairs or groups

Students are usually captured by the process of given tasks, they enjoyed it and had fun. Clear structures on the board accepted as tips by them, and don’t let them switch to their mother tongue. So they have well-structured tasks and give questions and answer according to it. They just made up sentences to exact topic with clear structure. It helped them to practice language and remember the words and sentence structure easily. That lets them use it freely, without spending time on thinking how to use some words or structures. Such practice helps student to gain speaking skills proficiency.

My observation shows that humanistic strategies applied in my classrooms proved to be helpful in overcoming psychological barriers they face while they are dealing with speaking tasks. Expressing themselves helps them to say what they think, which furthermore let them to exchange information and share their opinion easily. Interactive tasks and clear structures encouraged them to take part in group discussions actively and be involved in pair works. That helps them to use language freely, without spending time on preparing answers or checking grammars structure. Students are able to memorize structures, rules and new recently learned words easily by practicing it in classroom. It let them become proficient users of language they learn.

Conclusion. This article demonstrated the importance of humanistic approach and effectiveness of humanistic strategies in teaching speaking skills in foreign language. Building oral skills in English language classroom is one of the most significant tasks in teaching target language. The reason of students' inability to speak is that students suffered from lack of confidence, shyness and anxiety. These are the main psychological barriers, which students face while they are dealing with speaking tasks. In order to overcome these obstacles, teacher as an instructor should create a friendly atmosphere, reduce anxiety and show empathy to students encouraging them to express their thoughts and share opinions by providing group work and pair work activities. Clear structures of the given tasks help students to know how to say what they think. The research had shown that supporting atmosphere, friendly environment and communicative activities give students a great chance to practice their speaking skill in non-threatening atmosphere, which directly influence on their achievement.

The fact, that students had a good communication with their peers, expressing their thoughts with no fear of being laughed or making mistakes convinced us that our strategies proved to be effective. They were encouraged to speak, and there was no matter what mistakes they would make. Mistakes were accepted by students as a chance to improve them by working on them. Therefore they were able to cope with speaking tasks, which was my main aim.

I believe that these strategies are helpful addition to any classroom, where students meet difficulties in dealing with speaking tasks.

References

1. Harmer J. How to Teach English. – 2nd ed. – Harlow : Pearson Education Limited, 2007. – ISBN 978-1-4058-5309-5.
2. Casamassima M., Insua F. On How Thinking Shapes Speaking: Techniques to Enhance Students' Oral Discourse // English Teaching Forum. – 2015. – Vol. 53, № 2. – P. 21–29. – URL: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/53-2_5_casamassima_insua.pdf.
3. Renaud S., Tannenbaum E. Making Connections: Language Activities for Creating Interpersonal Tolerance in the Classroom // English Teaching Forum. – 2013. – Vol. 51, № 2. – P. 24–31, 38. – URL: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/51_2_5_renaud_tannenbaum.pdf.
4. Dewi R., Kultsum U., Armadi A. Using Communicative Games in Improving Students' Speaking Skills // English Language Teaching. – 2017. – Vol. 10, № 1. – P. 63–71. – DOI: 10.5539/elt.v10n1p63.
5. Swathi Ch. Humanistic Approach to Language Acquisition // Language in India. – 2018. – Vol. 18, № 6. – URL: https://languageinindia.com/june2018/swathihumanisticapproachlanguageacquisitionfinal.pdf.
6. Yudha F. G., Fatmawati A., Tujaddin A. J. A. Humanistic Approaches and Positive Reinforcement in EFL Learning in Kampung Inggris Pare: Implementing Krashen's Affective Filter Hypothesis // International Conference English Language Education for Undergraduate Students (ICELS). – 2025. – Vol. 2, № 1. – URL: https://icels.fkip.uniska-kediri.ac.id/index.php/icels/article/view/249.
7. Stevick E. W. Humanism in Language Teaching: A Critical Perspective. – Oxford : Oxford University Press, 1990. – 162 p. – ISBN 978-0-19-437161-2.
8. Mardijono J. J. Humanistic Strategies in the EFL Speaking Class // K@ta. – 2001. – Vol. 3, № 2. – P. 92–108. – URL: https://media.neliti.com/media/publications/143406-EN-humanistic-strategies-in-the-efl-speakin.pdf.
9. Moskowitz G. Caring and Sharing in the Foreign Language Class: A Sourcebook on Humanistic Techniques. – Rowley, MA : Newbury House Publishers, 1978. – 343 p. – ISBN 0-88377-098-9.
10. Ritchhart R. Intellectual Character: What It Is, Why It Matters, and How to Get It. – San Francisco : Jossey-Bass, 2002. – 303 p. – ISBN 978-0-7879-5683-7.

Reviewer: Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Sadykova N.A.

УДК 378.147

Кузнецова В.А., Чыныбаева С.Р.
К. Карасаев атындагы Бишкек мамлекеттик университети
Кузнецова В.А., Чыныбаева С.Р.
Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева
Kuznetsova V.A., Chynybaeva S.R.
Bishkek State University named after K. Karasaev

ЖОГОРКУ БИЛИМ БЕРҮҮДӨ НАТЫЙЖАЛУУ ПИКИР КАЙТАРУУ: ОКУТУУЧУНУН ТАЖРЫЙБАСЫ
ЭФФЕКТИВНАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
EFFECTIVE FEEDBACK IN HIGHER EDUCATION: A TEACHER'S EXPERIENCE

Кыскача мүнөздөмө: Азыркы учурда жасалма интеллект билим алууну жеңилдеткени менен, студенттердин жоопкерчилигин жана окуудагы жетишкендиктерин жогорулатууда окутуучунун колдоосу маанилүү бойдон калууда. Санариптик билим берүү чөйрөсүндө окутуучунун ролу маалымат берүү менен гана чектелбестен, сапаттуу кайтарым байланыш аркылуу студенттердин өз алдынчалуулугун жана жеке өнүгүүсүн колдоого багытталат. Изилдөөнүн максаты – жогорку билим берүүдө кайтарым байланыштын педагогикалык маанисин жана анын окуу процессине тийгизген таасирин талдоо. Изилдөө педагогикалык байкоого, окутуучулук тажрыйбаны рефлексивдүү талдоого жана студенттердин анонимдүү сурамжылоосунун жыйынтыктарына негизделген. Макалада студенттердин кайтарым байланыш тууралуу түп нускасы сакталган пикирлери да берилген. Сурамжылоонун натыйжалары өз убагында берилген так жана конструктивдүү кайтарым байланыш студенттердин окуу процессине активдүү катышуусуна, өзүнө болгон ишениминин бекемделишине жана өз алдынча өнүгүүсүнө өбөлгө түзөрүн көрсөтөт.

Аннотация: В условиях развития цифровых технологий и искусственного интеллекта доступ к знаниям значительно упростился, однако педагогическая поддержка по-прежнему играет важную роль в повышении ответственности студентов и их учебных достижений. Роль преподавателя в цифровой образовательной среде не ограничивается передачей информации, а предполагает поддержку самостоятельности и личностного развития студентов посредством качественной обратной связи. Цель исследования – проанализировать педагогическое значение обратной связи в высшем образовании и её влияние на учебный процесс. Исследование основано на педагогическом наблюдении, рефлексивном анализе преподавательской практики и результатах анонимного опроса студентов. В статье также представлены высказывания студентов об обратной связи с сохранением их оригинальных формулировок. Результаты опроса показывают, что своевременная, конкретная и конструктивная обратная связь способствует повышению вовлечённости студентов в учебный процесс, укреплению их уверенности в себе и развитию самостоятельности.

Abstract: In the context of advances in digital technologies and artificial intelligence, access to knowledge has become significantly easier. However, pedagogical support continues to play an important role in fostering student responsibility and academic achievement. In the digital learning environment, the teacher's role extends beyond delivering information to supporting students' autonomy and personal development through effective feedback. The aim of this study is to analyze the pedagogical significance of feedback in higher education and its influence on the learning process. The study is based on classroom observation, reflective analysis of teaching practice, and the results of an anonymous student survey. It also presents students' reflections on feedback, preserving their original wording. The survey findings indicate that timely, specific, and constructive feedback contributes to student engagement in the learning process, strengthens students' self-confidence, and supports the development of learner autonomy.

Негизги сөздөр: кайтарым байланыш, педагогикалык колдоо, студенттердин окууга активдүү катышуусу, санариптик билим берүү чөйрөсү, өз алдынчалуулук, рефлексия, жогорку билим берүү, педагогикалык байкоо, студенттердин пикирлери.

Ключевые слова: обратная связь, педагогическая поддержка, вовлечённость студентов, цифровая образовательная среда, самостоятельность, рефлексия, высшее образование, педагогическое наблюдение, высказывания студентов.

Keywords: feedback, pedagogical support, student engagement, digital learning environment, learner autonomy, reflection, higher education, classroom observation, student reflections.

What differentiates students who merely reproduce information from those who think critically, solve problems, and succeed professionally? A substantial body of educational research suggests that one of the key factors is feedback.

In higher education, feedback represents a central mechanism through which learning becomes meaningful and developmental rather than reproductive. It not only informs students about the quality of their performance but also guides their cognitive, motivational, and self-regulatory processes. When feedback is purposeful and well-structured, it enables learners to move beyond memorization toward critical thinking, problem-solving, and professional competence. Large-scale meta-analyses demonstrate that feedback has one of the strongest effects on student achievement [1, p.173-177].

Despite its recognized importance, feedback remains one of the most inconsistently implemented pedagogical practices. Students frequently report that feedback is unclear, delayed, or difficult to apply [2, p.1316-1318]. At the same time, teachers face practical constraints such as limited time, large class sizes, and emotional reactions from students.

This distinction between reproductive and meaningful learning highlights the central role of feedback in higher education. The answer often lies in one simple but powerful tool: feedback. In higher education, feedback is more than correction — it is the bridge that turns teaching into a dynamic learning process.

In our experience, feedback acts as a “compass”: it points students in the right direction. For some, it sparks growth; for others, it reveals and corrects mistakes; and for many, it reassures them that they are on the right path.

Effective feedback goes far beyond routine approval or mechanical corrections. It is a genuine dialogue, fostering self-reflection, independent thinking, and learning from experience. It transforms the classroom into a space where teacher and student are partners, working together toward a shared goal.

This article adopts a practitioner-based perspective on feedback. It integrates research findings with sustained classroom experience to explore how feedback can function as a transformative educational tool. Rather than presenting feedback as a technical procedure, the article positions it as a dialogic and relational process embedded in everyday teaching.

Principles of Feedback We Follow. Feedback is deeply connected to formative assessment theory. Black and Wiliam argue that formative assessment—including feedback—has one of the highest impacts on student achievement. Their work shows that feedback helps close the gap between current performance and desired goals [3, p.9-10].

Hattie and Timperley conceptualize feedback as answering three key questions:

1. Where am I going?
2. How am I going?
3. Where to next? [4, p.86–90].

Effective feedback addresses all three, guiding learners toward improvement rather than merely judging performance. Nicol and Macfarlane-Dick emphasize that good feedback supports self-regulated learning. It helps students:

- monitor their own progress
- identify strengths and weaknesses
- develop independent learning strategies.

When students internalize feedback processes, they become less dependent on external evaluation and more capable of self-assessment.

This refers to students' ability to:

• understand feedback

• process it constructively

• use it to improve [5, p. 203–207].

Thus, effective feedback is not only about what teachers say but also about how students interpret and apply it. From long-term classroom experience, feedback appears most powerful when treated as an ongoing conversation rather than a final comment. In practice, feedback often acts as a "compass," helping students navigate their learning. Some students experience feedback as motivation. Others see it as correction. Many perceive it as reassurance that they are progressing correctly. This diversity highlights that feedback operates on cognitive, motivational, and emotional levels simultaneously.

Core Principles of Effective Feedback

Timeliness. Timely feedback is consistently identified as crucial. When feedback is delayed, students may lose connection to the task or fail to see relevance [6, p.155–160]. In classroom practice, discussing common errors in the next lesson and providing short written comments helps maintain immediacy. Students are more likely to apply suggestions when feedback is fresh.

Clarity and Specificity. General comments such as "weak argument" offer little guidance. Specific suggestions—e.g., recommending sources or clarifying thesis statements—transform feedback into actionable advice. Research shows that clear feedback supports self-regulation and goal setting. Students benefit when they know exactly what to improve and how.

Supportive Tone. The emotional tone of feedback significantly influences how it is received. A supportive framing reduces defensiveness and increases openness to revision. For example: "Your introduction is strong. Expanding the conclusion could strengthen your argument further."

Such phrasing encourages improvement rather than discouragement.

Feedback as Dialogue. Feedback is most effective when it becomes interactive. Short post-class conversations allow students to ask questions and clarify misunderstandings.

Dialogic feedback:

- reinforces learning
- builds confidence
- strengthens teacher-student relationships

This aligns with socio-constructivist views that learning is socially mediated.

Student Self-Reflection. Encouraging students to submit reflective notes with their work promotes metacognition. Even hesitant learners gradually become more comfortable evaluating their performance [7, p. 3-6]. Over time, this builds ownership and autonomy.

Peer Feedback. Peer feedback fosters critical thinking and understanding of quality standards. However, students need training in how to give constructive feedback [8, p.389–392]. Using rubrics and modeling examples improves peer assessment reliability.

Challenges and Practical Responses

Limited Time. Rubrics and group discussion of common mistakes help manage workload while maintaining feedback quality.

Emotional Sensitivity. Normalizing mistakes and offering one-to-one clarification reduces negative reactions.

Ignoring Feedback. Revision tasks and follow-up discussions encourage active engagement with feedback.

Insights drawn from our teaching practice highlight feedback as a reflective and purposeful element of instruction that evolves through continuous interaction with learners. We approach feedback as an integral part of the learning dialogue, using it to guide students toward deeper awareness of their progress while

encouraging self-reflection and ownership of learning. Rather than functioning as a simple evaluative measure, feedback is shaped by ongoing observation, responsiveness to learner needs, and a commitment to supportive communication.

Through reflective practice, we consciously balance affirmation and constructive guidance so that students experience feedback as both motivating and developmental. Attention to tone, clarity, and relevance allows feedback to remain meaningful and accessible, fostering a classroom climate built on trust and openness. This practitioner-informed approach positions feedback as a living pedagogical process – one that adapts to students' responses and contributes to sustained academic and personal growth. To examine how these reflective practices translate into observable student engagement, we analyzed survey responses, the results of which are presented in Figure 1.

Figure 1, students demonstrate a high level of engagement in the feedback process, particularly in terms of understanding feedback, emotional response, and willingness to apply recommendations (Detailed survey results are presented in Appendix A, Table 1).

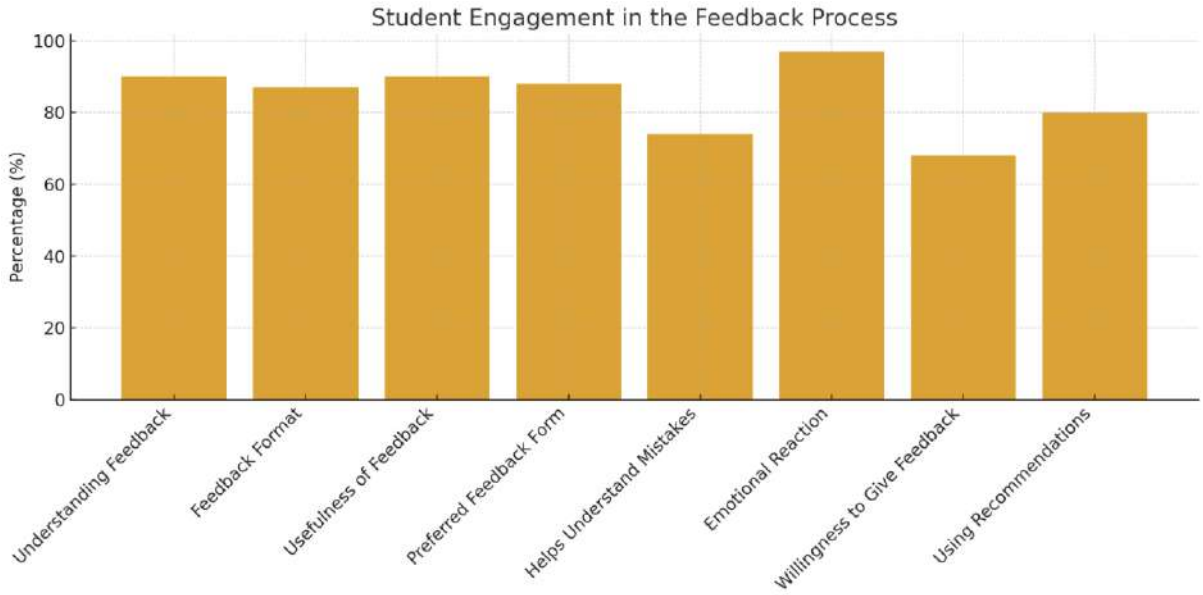


Figure 1. Student engagement in the feedback process (percentage of responses)

The data in Figure 1, reveal several notable patterns in students' responses to feedback. A large majority of students demonstrate a clear understanding of the feedback provided approximately 90% and recognize its usefulness for improving their academic performance, around 90%-92%, suggesting that feedback is perceived as an essential component of learning rather than a purely evaluative measure. Emotional engagement appears particularly strong, with nearly all students reporting that feedback positively influences their motivation and confidence, highlighting the affective dimension of effective feedback practices.

Students show a clear preference for structured and clearly articulated feedback, about 85%-90%, emphasizing the importance of clarity and actionable guidance. At the same time, while most students acknowledge that feedback helps them identify and understand their mistakes, approximately 75%, a smaller proportion express readiness to provide feedback themselves, around 70%. This contrast points to the potential for developing a more reciprocal and dialogic classroom culture, where feedback is not only received but actively exchanged.

Overall, the figure illustrates that students engage with feedback cognitively, emotionally, and behaviorally. These results reinforce the value of feedback practices that are clear, constructive, and

supportive, demonstrating how thoughtfully delivered feedback can foster reflection, motivation, and continuous academic growth.

The final section presents students' written responses describing how the teacher's feedback is perceived during the lesson:

"I like when the teacher gives me feedback specific. Because it's important for me always be aware of "what I need". But feedback has also two sides. And in my opinion the teacher should give me positive feedback for us. Because positive feedback it's a key of our confidence. For example: If I get good feedback, I get interested and motivated more in learning. Also vice versa. If I get bad feedback, it discourages me. Yes, we study and we have mistaken. But even if we make a mistake or completely wrong, I think a teacher should give feedback in gentle way, without discouraging the student. This kind of feedback creates a positive and safe learning environment where students feel respected and comfortable. Our mistakes is a natural part of our learning process, and constructive feedback helps students learn instead of feeling embarrassed. In modern education feedback is not just about correction, but about support, understanding and growth." (Student A; original wording preserved)

"I like how Samara Rysculovna gives feedback. Because she corrects our mistakes right away. It is very efficient to remember and don't make tis mistake again. Also, I like how she gives advice to improve our speech according to our level. For example; adding some new phrasal verbs, idioms, but not basic words that we already know. It is very good because if she didn't say her reflection, I wouldn't know what to improve, how to improve and would stay on one level and wouldn't go to the next higher level." (Student B; original wording preserved)

"From my perspective, S.R knows how to encourage. She doesn't reflect on every mistake we make, because she knows that it can kill or reduce our motivation to learn. There was multiple time when she gave me feedback. It had a very good effect on me. I found out some new information. When she praises me, it gives me confidence and motivation. And, if she says something needs to be corrected, I do my best to do it." (Student C; original wording preserved)

"I'm a freshman. My academic adviser is Valeriia Aleksandrovna. For me, she is a great teacher; she always gives us feedback. If we don't understand something or if we make a mistake, she explains it. Of course, as an academic adviser, she asks us about our problems and tries to help. Actually, my curator's feedback is constructive. I don't know what others think, but for me her feedback helps me improve my knowledge. If you make a mistake and someone corrects it, from my perspective it's helpful, and in the future, you will be aware of it." (Student A; original wording preserved)

"I'm a 1st-year student. I like my teacher's work very much. She explains lessons clearly and makes learning interesting. I like that she is patient, kind, and fair. She is always helpful to students when they have difficulties with understanding the material. She gives useful advice and can explain difficult topics in a simple way. My teacher explains the material clearly. She helps students understand difficult topics by giving clear examples and explaining things in different ways. If students make mistakes in tasks, she goes through them and explains how to do them correctly. She creates a friendly and supportive classroom atmosphere". (Student B; original wording preserved)

"I am a first-year student. Valeriia Aleksandrovna gives constructive and useful feedback. It makes me think, helps me understand the material better, and motivates me to study. Classes are interesting because she explains everything clearly. Sometimes we play games related to the topic. Thanks to her support and attention, the atmosphere in class is very comfortable." (Student C; original wording preserved)

Together, these findings confirm that continuous, personalized, and supportive feedback—combined with concrete examples and opportunities for dialogue—effectively engages students, enhances their learning, and provides valuable insights for teachers to refine their instructional methods.

Learning thrives on interaction, reflection, and guidance — and without feedback, it loses its energy. Students who do not receive timely and constructive comments begin to perceive education as a set of formal tasks. When feedback becomes a regular part of interaction, not only does students' attitude change — so do the results.

We observe that students become more confident, start valuing their achievements, and consciously work on their weaknesses. Importantly, they stop fearing mistakes, realizing that every error is an opportunity for growth, and feedback is a form of support on the path to success. Feedback also encourages students to take ownership of their learning, promoting self-reflection and independent problem-solving.

For teachers, feedback is equally a developmental tool. By observing student reactions, we refine our teaching approaches, adapt to diverse learning styles, and become more attentive to individual differences. In this sense, feedback is a two-way process: by teaching, we also learn.

Conclusion. That is why we believe feedback is not merely an addition to the educational process, but its foundation. It builds learning as a dialogue, cultivating a culture of respect, responsibility, engagement, and growth. In the future, the role of feedback will only increase: digital technologies, analytics, and artificial intelligence will make it more personalized. However, the key elements — human connection, sincerity, and support — will remain unchanged. Only such feedback truly transforms students and helps them grow both professionally and personally. Feedback should be seen as a relational and developmental process. It influences not only performance but also learner identity and motivation. Teachers also learn from feedback interactions, refining their methods and understanding student needs.

References

1. Hattie J. Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement. – London: Routledge, 2009. – 392 p.
2. Carless D., Boud D. The Development of Student Feedback Literacy: Enabling Uptake of Feedback // Assessment & Evaluation in Higher Education. – 2018. – Vol. 43, No. 8. – P. 1315–1325.
3. Black P., Wiliam D. Assessment and Classroom Learning // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. – 1998. – Vol. 5, No. 1. – P. 7–74.
4. Hattie J., Timperley H. The Power of Feedback // Review of Educational Research. – 2007. – Vol. 77, No. 1. – P. 81–112.
5. Nicol D. J., Macfarlane-Dick D. Formative Assessment and Self-Regulated Learning: A Model and Seven Principles of Good Feedback Practice // Studies in Higher Education. – 2006. – Vol. 31, No. 2. – P. 199–218.
6. Shute V. J. Focus on Formative Feedback // Review of Educational Research. – 2008. – Vol. 78, No. 1. – P. 153–189.
7. Panadero E. A Review of Self-Regulated Learning: Six Models and Four Directions for Research // Frontiers in Psychology. – 2017. – Vol. 8. – Article 422.
8. Topping K. J. Peer Assessment // Theory Into Practice. – 2009. – Vol. 48, No. 1. – P. 20–27.

Рецензент: кандидат филологических наук, и. о. доцента Жумакеева Э.Б.

УДК 378.147:004:811.581

Ли Лэ, Ши Цзин
Түндүк-Батыш педагогикалык университетинин Эл аралык маданий алмашуу колледжи, Ланьчжоу, Кытай
Ли Лэ, Ши Цзин
Колледж международного культурного обмена Северо-Западного педагогического университета, Ланьчжоу, Китай
Le Li, Jing Shi
College of International Cultural Exchange, Northwest Normal University, Lanzhou, China

КЫТАЙ ТИЛИН ЧЕТ ТИЛИ КАТАРЫ ОКУТУУ БОЮНЧА МАГИСТРАНТТАРДЫН САНАРИПТИК ЖАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛДЫК ОКУТУУ КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮГҮ: КОМПЕТЕНЦИЯЛАР МОДЕЛИ ЖАНА ӨНҮГҮҮ ТРАЕКТОРИЯСЫ

ЦИФРОВАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАГИСТРАНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»: МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ И ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ

DIGITAL AND INTELLIGENT TEACHING COMPETENCE AMONG MTCSOL STUDENTS: A COMPETENCY FRAMEWORK AND DEVELOPMENT PATHWAY

Кыскача мүнөздөмө: Билим берүүнүн санариптик трансформациясы кытай тилин эл аралык деңгээлде окутуу жаатында педагогикалык кадрларды даярдоого жаңы талаптарды коюуда. Бул, өзгөчө, кытай тилин башка тилдердин ээлерине окутуу боюнча магистрдик программада (MTCSOL) билим алып жаткан студенттердин окутуучулук компетенттүүлүгүн өнүктүрүүгө тиешелүү. Санариптик жана интеллектуалдык окутуу компетенттүүлүгү санариптик технологияларды техникалык жактан колдоно билүү менен гана чектелбейт. Ал технологиялардын педагогикалык баалуулугун баалоону, санариптик ресурстарды окутуунун максаттары менен айкалыштырууну, технологияларды колдонуу менен окуу ишмердүүлүгүн уюштырууну жана далилдерге негизделген рефлексия аркылуу педагогикалык практиканы өркүндөтүүнү да камтыйт. Бул изилдөөдө MTCSOL программасынын магистранттарынын санариптик жана интеллектуалдык окутуу компетенттүүлүгүнүн мазмуну аныкталып, төрт компоненттен турган компетенциялар модели сунушталат: санариптик аң-сезимдүүлүк, санариптик интеграция, санариптик окутуу жана далилдерге негизделген өркүндөтүү. Аталган моделдин негизинде компетенттүүлүктү өнүктүрүүнүн үч этаптуу траекториясы иштелип чыккан. Ал базалык негиздерди калыптандырууну, интеграцияланган окутууну жана далилдерге негизделген инновацияларды камтыйт. Мындан тышкары, санариптик компетенциялардын профили компетенттүүлүктүн өнүгүшүн диагностикалоого, окуу процессиндеги жетишкендиктерди документтештирүүгө жана калыптандыруучу кайтарым байланышты камсыз кылууга багытталган процесске негизделген механизм катары сунушталат. Изилдөөдө компетенттүүлүктүн компоненттеринин, этаптуу окуу тапшырмаларынын жана калыптандыруучу баалоонун ортосундагы концептуалдык байланыштар ачып көрсөтүлөт. Сунушталган модель кытай тилин чет тили катары окутуучу педагогикалык кадрларды даярдоодо санариптик жана интеллектуалдык окутуу компетенттүүлүгүн системалуу өнүктүрүүгө негиз түзөт.

Аннотация: Цифровая трансформация образования предъявляет новые требования к подготовке педагогических кадров в области международного преподавания китайского языка, особенно к развитию преподавательской компетентности у студентов магистратуры по программе подготовки преподавателей китайского языка для носителей других языков (MTCSOL). Цифровая и интеллектуальная преподавательская компетентность предполагает не только владение цифровыми технологиями на операционном уровне, но и способность оценивать их педагогическую ценность, интегрировать цифровые ресурсы с целями обучения, организовывать учебную деятельность с использованием технологий и совершенствовать педагогическую практику посредством рефлексии, основанной на фактических данных. В настоящем исследовании раскрывается содержание цифровой и интеллектуальной преподавательской компетентности магистрантов программы MTCSOL и предлагается модель компетенций, включающая четыре компонента: цифровую осведомлённость, цифровую интеграцию, цифровое преподавание и совершенствование на основе фактических данных. На основе данной модели разработана трёхэтапная траектория развития компетентности, включающая формирование базовых основ, интегрированное преподавание и инновационную деятельность на основе фактических данных. Кроме того, предлагается профиль цифровых компетенций как процессно-ориентированный механизм диагностики развития компетентности, документирования результатов учебной деятельности и обеспечения формирующей обратной связи.

В исследовании раскрываются концептуальные взаимосвязи между компонентами компетентности, поэтапными учебными заданиями и формирующим оцениванием. Предлагаемая модель создаёт основу для систематического развития цифровой и интеллектуальной преподавательской компетентности в рамках подготовки преподавателей китайского языка как иностранного.

Abstract: The digital transformation of education has created new demands for teacher preparation in International Chinese Language Education, particularly in the development of teaching competence among students pursuing a Master of Teaching Chinese to Speakers of Other Languages (MTCSOL) degree. Digital and intelligent teaching competence involves more than the operational use of digital technologies. It also requires teachers to evaluate the pedagogical value of technologies, integrate digital resources with instructional objectives, implement technology-enhanced teaching activities, and improve their practice through evidence-informed reflection. This study conceptualizes digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students and proposes a four-dimensional competency framework comprising Digital Awareness, Digital Integration, Digital Teaching, and Evidence-Based Optimization. Building on this framework, it develops a three-stage pathway consisting of Foundation Building, Integrated Teaching, and Evidence-Based Innovation. The Digital Competency Profile is further proposed as a process-oriented mechanism for diagnosing competency development, documenting learning evidence, and informing formative feedback. The study articulates the conceptual relationships among competency dimensions, staged learning tasks, and formative assessment, offering a framework for the systematic development of digital and intelligent teaching competence in TCSOL teacher education.

Негизги сөздөр: кытай тилин эл аралык деңгээлде окутуу; кытай тилин башка тилдердин ээлерине окутуу боюнча магистрдик программа (MTCSOL); санариптик жана интеллектуалдык окутуу компетенттүүлүгү; санариптик компетенциялардын профили; этаптуу өнүктүрүү.

Ключевые слова: международное преподавание китайского языка; магистратура по преподаванию китайского языка для носителей других языков (MTCSOL); цифровая и интеллектуальная преподавательская компетентность; профиль цифровых компетенций; поэтапное развитие.

Keywords: International Chinese Language Education; Master of Teaching Chinese to Speakers of Other Languages (MTCSOL); digital and intelligent teaching competence; digital competency profile; progressive development.

1. Introduction. The digital transformation of education is reshaping teaching objectives, instructional resources, classroom interaction, and learning assessment. The development of artificial intelligence, learning platforms, digital corpora, and multimodal resources has expanded the range of tools available to language teachers. However, the educational value of these technologies depends not simply on their availability or technical sophistication but on teachers' ability to select, integrate, and evaluate them in relation to specific learning objectives and learner needs.

These developments have particular implications for International Chinese Language Education. Teaching Chinese to Speakers of Other Languages (TCSOL) involves linguistic instruction, intercultural communication, and the interpretation of language use in diverse social and cultural contexts. Digital technologies can provide access to authentic language materials, facilitate multimodal presentation, support individualized learning, and generate evidence of learner performance. At the same time, their effective use requires teachers to make informed pedagogical decisions concerning resource selection, task design, cultural representation, learner participation, and the responsible use of digital information.

Students pursuing a Master of Teaching Chinese to Speakers of Other Languages (MTCSOL) degree constitute an important group in this process. Their professional preparation must equip them not only with knowledge of Chinese language teaching and the ability to design classroom activities but also with the capacity to use digital technologies in pedagogically appropriate, context-sensitive, and reflective ways.

Consequently, the development of digital and intelligent teaching competence should be treated as an integral component of MTCSOL education rather than as a separate technical training requirement.

Existing theoretical perspectives provide useful foundations for addressing this challenge. Shulman's concept of Pedagogical Content Knowledge (PCK) emphasizes the relationship between subject matter and pedagogical reasoning [5]. The Technological Pedagogical Content Knowledge (TPACK) framework further highlights the interaction among technological knowledge, pedagogical knowledge, and content knowledge in teaching practice account of reflective practice also underscores the importance of examining professional action and revising decisions in response to experience [3]. In addition, relevant standards for teachers' digital literacy provide a reference for identifying the knowledge, skills, ethical awareness, and professional practices required in digitally mediated education [1; 2].

These theoretical perspectives provide a foundation for understanding the development of digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students. However, translating these perspectives into an effective training model requires systematic alignment among competency objectives, learning tasks, teaching practice, evidence collection, and formative assessment. Specifically, a competency framework should define the core competencies to be developed; a staged development pathway should specify how these competencies can be progressively cultivated; and an assessment mechanism should identify students' developmental needs and inform subsequent instructional decisions.

To address this need, the present study examines the conceptual structure and developmental logic of digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students. It proposes a four-dimensional competency framework, develops a three-stage development pathway, and conceptualizes the Digital Competency Profile as a mechanism for process-oriented diagnosis and feedback. The study seeks to answer three questions:

(1) What are the principal dimensions of digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students?

(2) How can these competencies be developed through a progressive, task-oriented pathway?

(3) How can process evidence and formative feedback be incorporated into competency development?

By addressing these questions, the study aims to provide a conceptual basis for designing and improving digital and intelligent teaching competence development in TCSOL teacher education.

2. The Concept and Structure of Digital and Intelligent Teaching Competence

2.1. Conceptualizing Digital and Intelligent Teaching Competence. In this study, digital and intelligent teaching competence refers to the integrated capacity of MTCSOL students to evaluate the educational value of technologies, integrate digital resources with teaching content, implement teaching activities, and reflect on and improve teaching by using process evidence in digital and intelligent teaching environments, in accordance with language teaching objectives and learner needs.

This definition involves three fundamental considerations.

First, digital and intelligent teaching competence is oriented toward teaching objectives. Technology use should serve the development of language knowledge, language skills, and communicative competence. The number of tools used or the novelty of their presentation should not be the primary criteria for evaluating teaching.

Second, digital and intelligent teaching competence is context-dependent. International Chinese language teaching involves learners from different countries and cultural backgrounds and with different levels of Chinese proficiency. The selection and adaptation of digital resources therefore need to take into account linguistic difficulty, cultural explanation, learners' cognitive load, and communicative contexts. General digital teaching approaches cannot simply be applied without adaptation.

Third, digital and intelligent teaching competence involves continuous improvement. Teachers need not only to complete instructional design and classroom implementation but also to identify problems based on learner performance, classroom interaction, and teaching feedback, and then adjust teaching content, activity organization, and technology use accordingly. Teachers' professional development depends not only

on the accumulation of knowledge and skills but also on sustained observation and reflection on specific practical contexts.

2.2. A Four-Dimensional Competency Structure. Drawing on theories of teacher professional knowledge, frameworks for technology-integrated teaching, requirements for teachers' digital literacy, and the tasks involved in Chinese language teaching, this study analyzes digital and intelligent teaching competence in terms of four interrelated functional dimensions: technological judgment, the integration of teaching elements, teaching implementation, and evidence-based improvement. Accordingly, the competence is divided into four dimensions: Digital Awareness, Digital Integration, Digital Teaching, and Evidence-Based Optimization. This classification aims to establish correspondences among training objectives, staged learning tasks, and process-oriented assessment.

Digital Awareness: Developing Sound Technological Judgment. Digital Awareness is the foundation of digital and intelligent teaching competence. It primarily refers to teachers' basic understanding of the educational applications of digital technologies and artificial intelligence, as well as their ability to judge the conditions under which these technologies are appropriate, their limitations, and their ethical risks.

The core of this dimension lies not in mastering a particular tool but in determining whether a technology is suitable for a specific teaching objective, meets learners' needs, and raises concerns involving data privacy, information reliability, or academic integrity. This dimension provides the cognitive foundation for subsequent resource selection and teaching decisions.

Digital Integration: Coordinating Technology, Content, and Learner Needs. Digital Integration refers to teachers' ability to integrate digital resources, teaching content, pedagogical methods, and learning activities in accordance with language teaching objectives and learner characteristics.

In Chinese language teaching, integration involves not only the selection of tools but also the digital adaptation of language materials, the contextualized presentation of cultural content, the combination of multimodal resources, and the redesign of learning tasks.

For example, when using AI-generated dialogue materials, teachers need to determine whether the language is natural, whether the communicative context is appropriate, and whether the cultural information is accurate. They must also revise the materials according to learners' proficiency levels. Technology can be transformed into an effective teaching resource only when it is integrated into a specific pedagogical context.

Digital Teaching: Translating Integrated Designs into Teaching Practice. Digital Teaching is the concrete manifestation of digital and intelligent teaching competence in instructional design and implementation. It includes specifying digital teaching objectives, organizing teaching activities, using multimodal materials, designing online and offline interaction, and managing the teaching process.

This dimension emphasizes the practical feasibility of technology-integrated teaching designs. Teachers need not only to identify the tools they intend to use but also to explain how these tools support language input, negotiation of meaning, language output, or feedback, and how teaching activities can be adjusted in response to learner reactions.

Evidence-Based Optimization: Improving Teaching through Process Evidence. Evidence-Based Optimization refers to teachers' ability to collect and interpret relevant evidence from the teaching process in relation to teaching objectives and use that evidence to adjust instructional design and implementation.

Such evidence may include learners' task completion, language production, interaction records, learning feedback, and teachers' reflective records. The key is to establish a connection among teaching objectives, process evidence, problem diagnosis, and instructional adjustment, rather than merely collecting data or relying on statistics generated by digital platforms. Teachers should interpret data in light of their knowledge of language teaching and avoid equating surface-level indicators directly with learning outcomes.

Together, the four dimensions constitute the fundamental structure of digital and intelligent teaching competence. Digital Awareness focuses on technological judgment; Digital Integration focuses on integrating teaching elements; Digital Teaching focuses on instructional action; and Evidence-Based Optimization focuses on reflection and improvement based on evidence. This structure reflects the

relationship between teacher professional knowledge and technology integration while providing an analytical basis for designing training tasks and process-oriented assessment.

3. A Three-Stage Development Pathway for Digital and Intelligent Teaching Competence. The four-dimensional competency structure addresses the question of what should be developed. However, competency dimensions do not directly correspond to training stages. The training process needs to translate competency requirements into learning tasks arranged in a meaningful sequence and use stage-specific outputs to examine students' development.

With this in mind, this study proposes a three-stage development pathway—Foundation Building, Integrated Teaching, and Evidence-Based Innovation—to address the question of how digital and intelligent teaching competence can be developed.

3.1. Foundation Building: Establishing a Foundation in Technological Awareness and Teaching Integration. The Foundation Building stage primarily corresponds to the dimensions of Digital Awareness and Digital Integration. Its main purpose is to help students develop a sound understanding of technology and establish a connection between technology use and Chinese language teaching objectives.

Tasks at this stage may include evaluating digital resources, reviewing AI-generated content, comparing teaching tools, and adapting instructional materials. Students are expected to analyze the suitability of technological tools in terms of teaching objectives, learner proficiency, and resource quality, and to begin adapting general digital materials for specific language teaching contexts.

Stage-specific outputs may include analyses of tool suitability, digital resource evaluation forms, and preliminary instructional designs. Assessment should focus not on how many tools students use but on whether they can explain the reasons for their technological choices, identify problems in resources, and adapt materials appropriately to learner characteristics.

3.2. Integrated Teaching: Completing Instructional Design and Simulated Implementation. The Integrated Teaching stage primarily corresponds to the Digital Teaching dimension. Its main purpose is to translate the technological awareness and resource integration abilities developed in the previous stage into feasible instructional plans.

At this stage, students should work toward clearly defined language teaching objectives and complete learner analysis, teaching content selection, digital resource configuration, classroom activity organization, and learning assessment design. They should then examine the actual relationship between technology use and teaching activities through simulated teaching.

For example, when designing a spoken interaction task, students need to explain how multimodal materials help learners understand the communicative context, how interactive tools support language production, and how teachers should address linguistic or cultural problems in AI-generated materials. Peer feedback and instructor evaluation following simulated teaching can then be used to identify gaps between instructional design and implementation.

Assessment at this stage should focus on the alignment between teaching objectives and technology selection, the suitability of resources for learners' proficiency levels, the coherence of the teaching sequence, and the effective organization of classroom interaction and learning feedback.

3.3. Evidence-Based Innovation: Developing the Ability to Reflect, Adjust, and Redesign. The Evidence-Based Innovation stage primarily corresponds to the Evidence-Based Optimization dimension. Its main purpose is to guide students beyond simply completing a teaching task toward explaining teaching performance and improving teaching practice.

Students may analyze the teaching process using simulated teaching recordings, task completion, language production, and feedback. Their reflections should address specific questions, such as whether learners understood the task requirements, whether digital resources imposed additional cognitive demands, whether the interaction design encouraged the use of the target language, and whether the feedback provided by the teacher helped learners revise their language production.

On this basis, students should propose adjustments supported by evidence and examine whether the revised design better serves the original teaching objectives by redesigning teaching activities or conducting

another simulated lesson. Innovation at this stage does not mean simply pursuing new technologies. Rather, it refers to evidence-informed improvement achieved through problem diagnosis, instructional adjustment, and redesign.

Outputs at this stage may include teaching reflection reports, process evidence analyses, and revised instructional designs. Assessment should focus on whether students can identify problems accurately, interpret evidence appropriately, propose targeted adjustments, and explain the relationship between those adjustments and the teaching objectives.

The three stages are not entirely separate linear steps. Later stages may reveal weaknesses in students' technological judgment or resource integration, requiring them to return to an earlier stage for further learning. The three-stage pathway therefore reflects the general direction of competency development while allowing for necessary revisiting and adjustment based on diagnostic findings.

In summary, developing digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students requires the integration of the competency structure with staged learning tasks, forming a progressive pathway from foundational competency development to teaching practice and then to evidence-based reflection and innovation. At the same time, process evidence should be used to identify students' development continuously and to adjust subsequent training tasks in response to diagnostic findings. The competency structure, staged training, and process feedback thus jointly constitute an overall framework for developing digital and intelligent teaching competence, as shown in Figure 1.

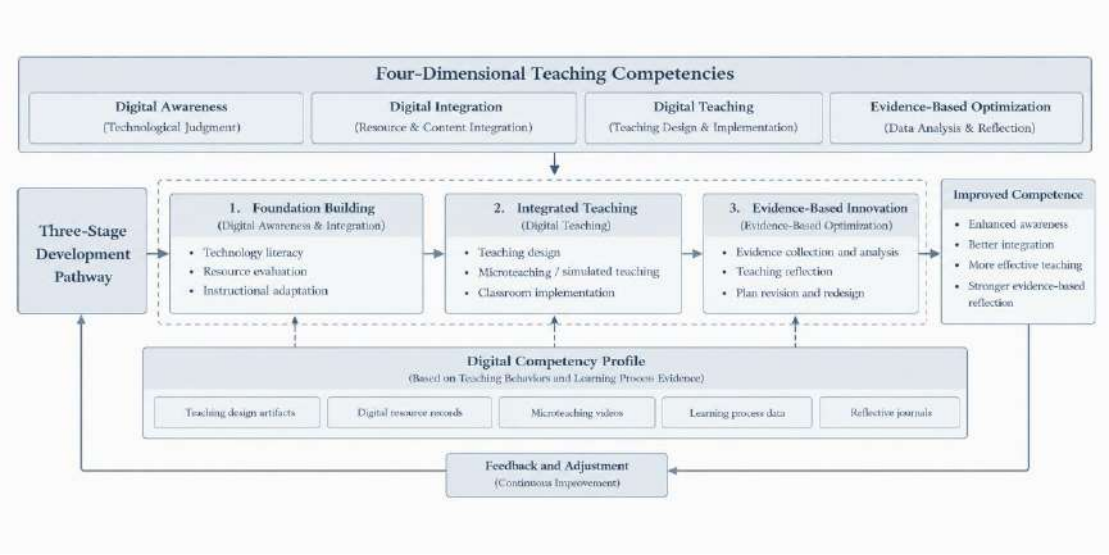


Figure1 .

Overall Framework for Developing Digital and Intelligent Teaching Competence among MTCSOL Students

4. The Digital Competency Profile and the Feedback Mechanism in the Training Process. The three-stage development pathway provides an organizational structure for competency development. However, without a diagnostic mechanism operating throughout the training process, staged tasks, assessment results, and subsequent teaching may remain disconnected.

To address this issue, this study proposes the Digital Competency Profile as a process-oriented diagnostic and feedback mechanism. It is designed to organize, document, and analyze students' performance and changes across different training tasks in relation to the four-dimensional competency structure.

The Digital Competency Profile is neither an independent technological platform nor a static competency label generated from a single indicator. Instead, it provides a structured representation of students' competency development based on teaching artifacts, simulated teaching performance, process feedback, reflective records, and other relevant materials.

4.1. The Basic Components of the Digital Competency Profile. The Digital Competency Profile documents students' performance and changes across different training tasks in relation to the four-dimensional competency structure.

The profile may be constructed from four categories of materials. First, explanations of technological choices and resource evaluation records can be used to examine Digital Awareness. Second, adapted digital resources and instructional designs can be used to examine Digital Integration. Third, simulated teaching performance and feedback records can be used to examine Digital Teaching. Fourth, teaching reflections, process evidence analyses, and revised instructional plans can be used to examine Evidence-Based Optimization.

These materials reflect different competency dimensions while also documenting changes in the performance of the same student across different tasks. The purpose of the profile is not simply to rank students but to help instructors identify their competency strengths, developmental difficulties, and subsequent learning needs.

4.2. The Operational Logic of the Digital Competency Profile. The Digital Competency Profile can operate according to the following sequence: initial diagnosis, staged tasks, evidence collection and documentation, competency analysis, feedback and adjustment, and subsequent diagnosis.

First, diagnostic indicators are established on the basis of the four-dimensional competency structure. An initial assessment is then formed by examining students' preliminary instructional designs and prior experience with technology use.

Second, the staged tasks in Foundation Building, Integrated Teaching, and Evidence-Based Innovation are linked to the corresponding competency dimensions, and evidence of students' actual performance is collected.

Third, instructors analyze competency development in relation to task criteria, simulated teaching quality, and process evidence, and provide students with specific feedback.

Finally, students revise their instructional plans or complete supplementary tasks in response to the feedback, generating new evidence of competency development and entering the next diagnostic cycle.

Throughout this process, assessment criteria should be as specific as possible. For example, the evaluation of digital resource integration may examine whether resources align with teaching objectives, whether their linguistic difficulty is appropriate, whether their cultural information is accurate, and whether students can explain the rationale for their choices.

The evaluation of Evidence-Based Optimization may examine whether the evidence corresponds to the identified problem, whether the interpretation is reasonable, and whether the proposed improvement is appropriately targeted. With explicit assessment criteria, the Digital Competency Profile can become a tool for supporting instructional decisions rather than merely an abstract description of competence.

In summary, the Digital Competency Profile does not provide a one-time assessment of students' teaching competence. Instead, it continuously identifies their competency development through initial diagnosis, implementation of staged tasks, collection of process evidence, competency analysis, and feedback and adjustment. By connecting competency assessment with instructional improvement, this mechanism establishes a cyclical process of ongoing feedback, as shown in Figure 2.

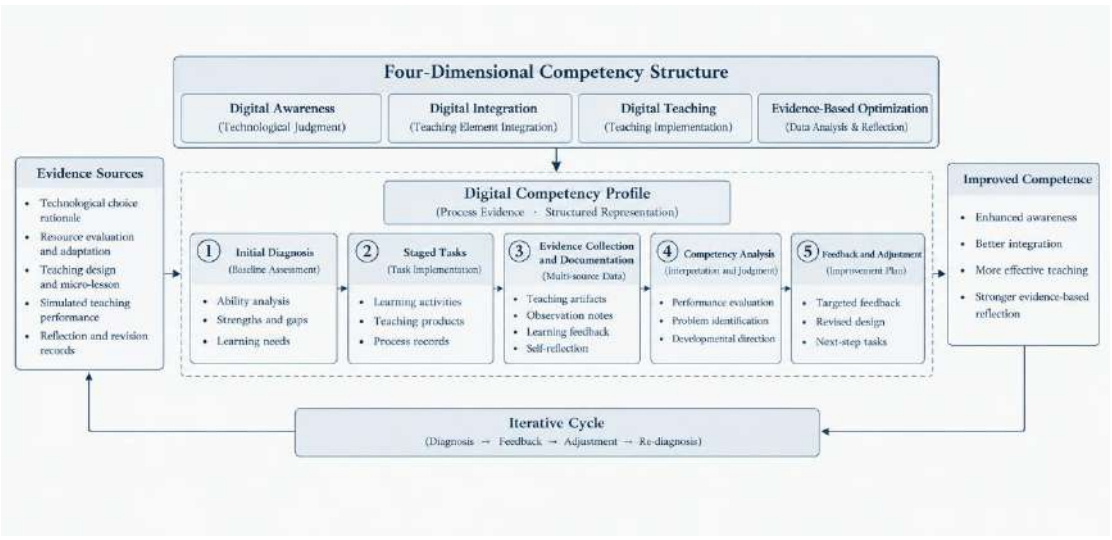


Figure 2. Diagnostic and Feedback Mechanism for Digital and Intelligent Teaching Competence Based on the Digital Competency Profile

4.3. The Overall Relationship within the Development Model. At the overall level, the four-dimensional competency structure, the three-stage development pathway, and the Digital Competency Profile serve different functions.

The four-dimensional structure clarifies the training objectives and competency requirements. The three-stage pathway organizes the tasks through which competencies are developed. The Digital Competency Profile documents and analyzes students' performance during these tasks. Process-oriented assessment and feedback then encourage students to adjust their learning strategies and instructional plans.

The operational relationship of the model can therefore be summarized as follows: the competency structure defines the direction of development; the three-stage tasks organize competency development; the Digital Competency Profile presents process evidence; and feedback and adjustment promote continuous improvement.

This relationship emphasizes the alignment among training objectives, teaching activities, and assessment mechanisms, rather than reducing the development of digital and intelligent teaching competence to digital tool training or the presentation of teaching outcomes.

5. Conclusion. Developing digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students requires a shift from training in tool operation toward an integrated approach combining technological judgment, teaching integration, teaching implementation, and evidence-based improvement.

Drawing on relevant perspectives on teacher professional knowledge, technology integration, and reflective practice, this study proposes a four-dimensional competency structure comprising Digital Awareness, Digital Integration, Digital Teaching, and Evidence-Based Optimization. On this basis, it develops a three-stage pathway—Foundation Building, Integrated Teaching, and Evidence-Based Innovation. It also proposes the Digital Competency Profile as a diagnostic and feedback mechanism operating throughout the training process, connecting competency requirements, staged tasks, process-oriented assessment, and instructional improvement.

The principal significance of this model lies in providing a structured analytical framework for developing digital and intelligent teaching competence among MTCSOL students and in clarifying the conceptual relationships among competency dimensions, training stages, and process evidence. However, the present discussion is primarily based on theoretical analysis and model development and does not yet establish the model's practical effectiveness.

Future research could further refine the assessment indicators for the four competency dimensions in relation to specific courses and training tasks, examine how process evidence represents competency development, and evaluate the applicability of the model across different training contexts through teaching practice.

References

1. Center for Language Education and Cooperation, Ministry of Education of the People's Republic of China. Reference Framework for Digital Literacy of International Chinese Language Teachers. – 2025. – T/ISCLT 004-2025.

2. Ministry of Education of the People's Republic of China. Digital Literacy of Teachers. – 2022. – JY/T 0646-2022.

3. Mishra P., Koehler M. J. Technological Pedagogical Content Knowledge: A Framework for Teacher Knowledge // Teachers College Record. – 2006. – Vol. 108, No. 6. – P. 1017–1054. 4. Schön D. A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. – New York: Basic Books, 1983.

5. Shulman L. S. Those Who Understand: Knowledge Growth in Teaching // Educational Researcher. – 1986. – Vol. 15, No. 2. – P. 4–14.

УДК: 378.4:316.77

Ли Хуан., Баялиева А.С.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ли Хуан., Баялиева А.С.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Li Huan., Bayalieva A.S.
KNU Jusup Balasagyn

КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН БИЛИМ БЕРҮҮ ТАРМАГЫНДАГЫ БАЙЛАНЫШТАРЫН ЧЫҢДООДО АКАДЕМИЯЛЫК МОБИЛДҮҮЛҮКТҮН РОЛУ
РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В УКРЕПЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И КЫРГЫЗСТАНОМ.
THE ROLE OF ACADEMIC MOBILITY IN STRENGTHENING EDUCATIONAL TIES BETWEEN CHINA AND KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Макалада академиялык мобилдүүлүктүн Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы билим берүү кызматташтыгын өнүктүрүүдөгү жана студенттердин маданият аралык коммуникациясын калыптандыруудагы ролу илимий негизде талданат. «Бир алкак – бир жол» демилгесинин алкагында эки өлкөнүн өз ара аракеттенүү механизмдеринин өнүгүү шартында академиялык мобилдүүлүк эл аралык билим берүү кызматташтыгынын маанилүү багыты катары каралат. Макалада кыргыз-кытай академиялык мобилдүүлүгүнүн учурдагы абалы талданып, аны ишке ашыруунун негизги механизмдери аныкталат, ошондой эле практикалык деңгээлде орун алган каржылык, тилдик, маданий жана уюштуруучулук тоскоолдуктар талдоого алынат. Изилдөөнүн жыйынтыгында академиялык мобилдүүлүк студенттердин маданият аралык коммуникациясынын когнитивдик, социалдык жана баалуулук аспектилеринин өнүгүшүнө оң таасир тийгизери негизделет. Автор академиялык мобилдүүлүктүн сапаттык деңгээлин жогорулатууга жана Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы билим берүү байланыштарын чыңдоого багытталган илимий негизделген сунуштарды берет.

Аннотация: В статье на научной основе анализируется роль академической мобильности в развитии образовательного сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном, а также в формировании межкультурной коммуникации студентов. В условиях реализации инициативы «Один пояс — один путь» и развития механизмов взаимодействия между двумя странами академическая мобильность рассматривается как важнейшее направление международного образовательного сотрудничества. В работе систематизировано современное состояние кыргызско-китайской академической мобильности, определены основные механизмы её реализации, а также проанализированы финансовые, языковые, культурные и организационные барьеры, возникающие на практическом уровне. Результаты исследования обосновывают, что академическая мобильность оказывает положительное влияние на развитие когнитивных, социальных и ценностных аспектов межкультурной коммуникации студентов. Автором предложены научно обоснованные рекомендации, направленные на повышение качественного уровня академической мобильности и укрепление образовательных связей между Китаем и Кыргызстаном.

Abstract: This article provides a scholarly analysis of the role of academic mobility in the development of educational cooperation between China and Kyrgyzstan, as well as in the formation of students' cross-cultural communication. In the context of the implementation of the Belt and Road Initiative and the advancement of interaction mechanisms between the two countries, academic mobility is regarded as a key direction of international educational cooperation. The paper systematizes the current state of Kyrgyz–Chinese academic mobility, identifies the main mechanisms of its implementation, and analyzes financial, linguistic, cultural, and organizational barriers encountered at the practical level. The research findings

demonstrate that academic mobility has a positive impact on the development of cognitive, social, and value-based aspects of students' cross-cultural communication. The author proposes scientifically grounded recommendations aimed at improving the quality of academic mobility and strengthening educational ties between China and Kyrgyzstan.

Негизги сөздөр: академиялык мобилдүүлүк; Кытай жана Кыргызстан; студенттер; маданият аралык коммуникация; билим берүү кызматташтыгы.

Ключевые слова: академическая мобильность; Китай и Кыргызстан; студенты; межкультурная коммуникация; образовательное сотрудничество.

Keywords: academic mobility; China and Kyrgyzstan; students; cross-cultural communication; educational cooperation**.**

Introduction. In the context of in-depth globalization and increasingly close regional cooperation, educational internationalization has become an important strategic choice for all countries to improve education quality and enhance national soft power. As the core embodiment of educational internationalization, academic mobility plays an irreplaceable role in connecting the educational systems of various countries, promoting knowledge dissemination and cultural exchanges.

Academic mobility refers to the short-term or long-term migration activities of students and researchers in higher education between educational institutions of different countries or regions for learning, teaching, scientific research and other tasks. It includes student exchanges, scholar visits, joint training, scientific research cooperation and other forms, serving as a "living carrier" for the deepening of international educational ties [10]. At present, academic mobility has become an inevitable trend in the development of global higher education. The concept of "no mobility, no development" has gradually become a consensus in academia, and its occurrence mechanism and practical effects profoundly affect the depth and breadth of educational cooperation among countries [10].

As friendly neighboring countries connected by mountains and rivers, China and Kyrgyzstan have maintained healthy and stable development of bilateral relations since the establishment of diplomatic relations in 1992, upgrading from a "good-neighborly and friendly partnership" to a "comprehensive strategic partnership". The successful holding of the China-Central Asia Summit in 2023 has further pushed China-Kyrgyzstan cooperation into a new stage of all-round, multi-level and high-quality development.

As an important part of bilateral cooperation, educational cooperation has always received great attention and strong support from the governments of both countries. The two sides have signed a number of educational cooperation agreements and established a normalized cooperation mechanism, laying a solid foundation for the development of academic mobility [2]. In 2002, China and Kyrgyzstan signed the Agreement on the Mutual Recognition of Academic Degrees and Diplomas, realizing official academic recognition and removing the core institutional obstacle to academic mobility [12].

The first China-Central Asia Education Ministers' Meeting held in 2025 reviewed and adopted relevant charters and declarations, further improving the top-level design of China-Kyrgyzstan educational cooperation [4]. Under the background of the Belt and Road Initiative, education for Central Asian international students in China has become an important part of China-Kyrgyzstan academic mobility. Its development status, challenges and optimization strategies have also become an important research topic for strengthening China-Kyrgyzstan educational ties [6].

At present, both China and Kyrgyzstan are in a critical period of educational modernization. China is committed to building an educational power and actively promoting the "going global" and "bringing in" of high-quality educational resources. Kyrgyzstan is striving to improve education quality, cultivate high-quality talents and solve various problems in educational development. The demand for educational cooperation between the two sides is becoming increasingly urgent.

As an important bridge connecting the educational systems of China and Kyrgyzstan, academic mobility not only promotes the complementary sharing of educational resources and improves the education

quality and school-running level of both sides, but also enhances mutual understanding and friendship between the youth of the two countries, consolidates the foundation of people-to-people exchanges, and provides lasting impetus for the long-term stable development of bilateral relations.

People-to-people exchanges are an important support for the high-quality development of the Belt and Road Initiative, and their enabling role cannot be separated from academic mobility as an important carrier [7]. However, the current academic mobility between China and Kyrgyzstan still faces many practical difficulties, such as unbalanced mobility scale, insufficient fund guarantees and obvious language and cultural barriers. These problems restrict its role in strengthening bilateral educational ties to a certain extent.

Therefore, it is of great theoretical and practical significance to systematically study the role of academic mobility in strengthening China-Kyrgyzstan educational ties, identify existing problems and put forward optimization paths. Existing researches mostly focus on the global trend of academic mobility, academic exchanges between developed countries, or the macro exploration of China-Kyrgyzstan educational cooperation. There is a lack of systematic research on the mechanism, practical difficulties and optimization paths of academic mobility in strengthening bilateral educational ties, especially the insufficient analysis on the integration of academic mobility and bilateral people-to-people exchanges.

From an international perspective, academic mobility not only affects the career development of talents, but also has a far-reaching impact on cultural identity and cooperation between countries. The multidimensional difficulties faced by Chinese-American scientific and technological talents in international academic mobility also provide reference for the development of China-Kyrgyzstan academic mobility[11]. Transnational academic mobility is closely related to the career development of researchers, and its impact on the scientific research productivity of returned young science and engineering talents has also attracted academic attention[16].

Combined with the latest policy dynamics of the two countries in 2025 and the practical experience of China-Kyrgyzstan educational cooperation, this paper sorts out the core framework of bilateral academic mobility policies through literature research, analyzes the implementation effects with comparative statistical analysis, and explores the collaborative development path by case analysis, so as to provide useful reference for deepening China-Kyrgyzstan academic mobility and strengthening educational ties.

1. Analysis of the Core Framework of Academic Mobility Policies Between China and Kyrgyzstan. Both China and Kyrgyzstan have listed academic mobility as a key task in educational development and incorporated the promotion of bilateral educational ties into the core goals of academic mobility policies. In 2025, the two countries further improved relevant policies and strengthened support for academic mobility. Based on their own national conditions and educational development needs, they formed distinctive policy frameworks.

China has built a systematic "four-in-one" policy framework of legal guarantee, planning guidance, investment support and supervision evaluation. Kyrgyzstan has constructed a practical "three-in-one" policy framework of government leadership, international support and hierarchical responsibility. From the perspective of cultural exchange and mutual learning, as an important form of cross-border higher education cooperation, the construction of China-Kyrgyzstan academic mobility policy framework also draws on the experience of Lancang-Mekong cross-border higher education cooperation [4].

1.1 China's Academic Mobility Policy Framework: Systematic Four-in-One Construction. China's academic mobility policy adheres to the core principles of government leadership, social participation, public welfare and inclusiveness, safety and quality. It integrates the strengthening of China-Kyrgyzstan educational ties into the whole process of policy design and implementation. Under the background of digital transformation, China's academic mobility policy also draws on the experience of digital empowerment in China-ASEAN vocational education cooperation to promote the intellectualization and facilitation of academic mobility [1].

At the legal guarantee level, relevant provisions in the Education Law of the People's Republic of China and the Higher Education Law of the People's Republic of China provide a legal basis for academic mobility and clearly define the protection of the rights and interests of international students and visiting

scholars. In 2025, the Ministry of Education issued the Opinions on Further Promoting Academic Mobility with Central Asian Countries, which specifically clarified the key directions and support measures of China-Kyrgyzstan academic mobility, including expanding student exchange scale, deepening scholar visits and scientific research cooperation, and building cross-border academic exchange platforms [4].

Drawing on the experience of Guangxi's vocational education cooperation with ASEAN countries, China also focuses on strengthening regional linkage in its academic mobility policy with Kyrgyzstan, promoting in-depth cooperation between western provinces and Kyrgyzstan [5]. At the planning guidance level, both the 14th Five-Year Plan for Educational Development and the China Education Modernization 2035 clearly propose to strengthen educational cooperation with countries along the Belt and Road.

It focuses on promoting academic mobility with Central Asian countries including Kyrgyzstan, and advancing the alignment of educational standards and the sharing of educational resources. For example, Shaanxi Province, adjacent to Central Asia, has formulated a special plan for academic mobility with Kyrgyzstan, focusing on promoting cooperation between universities in the province and those in Bishkek, Osh and other places in Kyrgyzstan, and building a characteristic cooperation brand of "academic exchange + talent training" [16]. This planning idea also draws on the experience of Malaysian Chinese education development under the Belt and Road Initiative, focusing on the creation of characteristic brands and cultural integration [3].

At the investment support level, the central finance has set up a special fund for international educational cooperation year by year with increasing investment intensity. By 2025, the cumulative investment in China-Kyrgyzstan academic mobility projects has exceeded 500 million RMB, mainly used for scholarship support, scholar exchange subsidies, joint research project funding and cross-border academic exchange platform construction. Local governments have also increased supporting investment. For example, the Xinjiang Uygur Autonomous Region has set up a special fund for academic mobility with Central Asian countries, providing special subsidies for universities carrying out student exchange and joint training projects with Kyrgyzstan [10]. Drawing on the capital investment model of Guangxi's vocational education cooperation with ASEAN countries, China has continuously expanded the funding channels for China-Kyrgyzstan academic mobility and strengthened the precise investment of funds [5]. At the supervision and evaluation level, a supervision and evaluation mechanism for academic mobility has been established, taking the effect of strengthening educational ties as one of the core evaluation indicators, including student exchange scale, scholar visit frequency, scientific research cooperation achievements and people-to-people exchange effects. In 2025, relying on the International Scholar Exchange Program and the International Student Training Quality Improvement Program, more than 10,000 teachers and management personnel engaged in academic mobility work have been trained, improving their professional ability and cross-cultural communication ability [5].

Job satisfaction of university teachers is closely related to academic mobility. In the supervision and evaluation, China also pays attention to the demands of teachers to improve the sustainability of academic mobility [14].

1.2 Kyrgyzstan's Academic Mobility Policy Framework: Practical Three-in-One Exploration. With the core goals of expanding educational cooperation opportunities, promoting academic exchanges and consolidating bilateral friendship, Kyrgyzstan has deepened the content of academic mobility policies from multiple dimensions in 2025, focusing on solving the problems of insufficient resources and low cooperation level in academic mobility. Drawing on the practical experience of digital and intelligent empowerment in China-Vietnam educational cooperation, Kyrgyzstan is also gradually promoting the digital transformation of academic mobility to improve cooperation efficiency [2].

At the policy planning level, the Ministry of Education and Science of Kyrgyzstan reviewed and adopted the National Strategy for Academic Mobility Development (2025-2030), which clearly proposed to strengthen academic cooperation with China, expand the scale of student and scholar exchanges, introduce high-quality educational resources from China, and promote the alignment of educational standards between the two countries.

The strategy specifically requires Kyrgyzstan's universities to set up special institutions to be responsible for academic mobility cooperation with China, and encourages universities in Bishkek, Osh and other regions to carry out in-depth cooperation with Chinese universities in joint training, scientific research collaboration and other fields [2]. The formulation of this strategy also refers to the strategic planning idea of Lancang-Mekong cross-border higher education cooperation from the perspective of cultural exchange and mutual learning [4].

At the international support level, Kyrgyzstan expands academic mobility resources relying on international organizations and bilateral cooperation. It has obtained a grant of 8 million US dollars from the Global Education Partnership to support academic mobility projects with China, including student scholarship support, scholar exchange training and academic exchange platform construction.

UNESCO has also launched the China-Kyrgyzstan Academic Exchange Program in Kyrgyzstan to support the exchange of young scholars and students between the two countries. However, Kyrgyzstan's academic mobility work is highly dependent on international support with relatively weak independent guarantee capacity [7]. The value concept of people-to-people exchanges empowering the high-quality development of the Belt and Road Initiative also provides theoretical support for Kyrgyzstan to expand international support and deepen China-Kyrgyzstan academic mobility [7].

At the investment guarantee level, Kyrgyzstan's fiscal investment in academic mobility reached 120 million som (about 9.2 million RMB) in 2025, of which 20% was specially used for academic exchange activities with China, including joint research project funding and scholar visit subsidies. Through the Academic Mobility Information Platform, the standardized management of student exchanges and scholar visits has been realized, and additional subsidies have been provided for universities carrying out characteristic cooperation projects with China.

In 2025, Kyrgyzstan added 12 academic exchange institutions, but the coverage of academic mobility is still limited. The number of universities carrying out in-depth academic cooperation with China accounts for only 35% of the total number of universities in the country, showing a significant regional development gap [10]. At the special group guarantee level, Kyrgyzstan has implemented the Young Scholar Exchange Program to provide special support for young scholars to carry out cooperative research with Chinese scholars. However, due to resource constraints, the program has not yet been popularized nationwide.

The positive impact of academic mobility on the scientific research productivity of returned young science and engineering talents also provides an important reference for Kyrgyzstan to implement the Young Scholar Exchange Program [16].

3.Multi-Dimensional Comparative Analysis of the Implementation Effects of Academic Mobility Between China and Kyrgyzstan. Affected by economic development level, resource guarantee capacity, educational foundation and other factors, the two countries show significant differentiated characteristics in the implementation of academic mobility policies. China has realized the coordinated development of scale expansion and connotative quality improvement of academic mobility, effectively strengthening the all-round educational ties with Kyrgyzstan.

Kyrgyzstan is in the stage of resource expansion and foundation improvement. Academic mobility with China has provided important external support for its educational development, but there are still many problems in its role of strengthening educational ties. Research on the time dimension of academic mobility shows that the mobility strategies, trajectories and experiences of overseas scholars have a profound impact on the implementation effects of academic mobility, and this conclusion also provides reference for the optimization of China-Kyrgyzstan academic mobility [13].

3.1 Resource Guarantee: China's Full Coverage and Improved Supporting Facilities, Kyrgyzstan's Steady Expansion with Obvious Regional Gaps. After more than ten years of policy promotion, China has formed a relatively complete academic mobility resource guarantee system, realizing full coverage of cooperation channels with Kyrgyzstan. By 2023, more than 80 Chinese universities have carried out academic mobility cooperation with 32 Kyrgyzstan universities, covering undergraduate, master's and doctoral levels.

The number of Kyrgyzstan students studying in China has exceeded 4,200, and the number of Chinese students studying in Kyrgyzstan is about 450. The scale of academic mobility has increased dozens of times compared with the initial stage of diplomatic relations [10]. In local practice, Shaanxi Province has invested 80 million RMB in special funds to build a China-Kyrgyzstan academic exchange center, providing a platform for student exchanges, scholar visits and scientific research cooperation.

Xi'an University of Architecture and Technology and Osh Industrial University of Kyrgyzstan have jointly established an international architectural college with complete teaching facilities and a sound joint training mechanism [11]. Drawing on the resource guarantee experience of Guangxi's vocational education cooperation with ASEAN countries, China has continuously improved the supporting facilities of China-Kyrgyzstan academic mobility and raised resource utilization efficiency [5].

In 2025, Kyrgyzstan has achieved steady expansion of academic mobility resources. 19 universities have carried out academic exchange cooperation with China, and 25.73 million RMB has been invested in the construction of academic exchange facilities. However, the problem of unbalanced regional distribution of resources is prominent. According to the data from the Ministry of Education and Science of Kyrgyzstan in 2025, the participation rate of universities in Bishkek and Osh in China-Kyrgyzstan academic mobility projects reaches 78%, while that in rural areas is only 21%.

The number of international students in urban universities accounts for 82% of the total number of international students in the country, and the scale of academic mobility in rural universities is extremely small [2]. With the support of China-Kyrgyzstan cooperation, Osh Oblast of Kyrgyzstan has built

Three academic exchange centers and added special classrooms for Chinese language teaching and cultural exchange, becoming a model for regional academic mobility development. This exploration of regional balanced development also draws on the experience of solving regional gaps in China-ASEAN vocational education cooperation [1].

3.2 Guarantee Mechanism: China's Improved System with Strong Support, Kyrgyzstan's Gradual Improvement with High Dependence on External Support. China has built a comprehensive guarantee system covering funds, teachers, institutions and services, forming a special support mechanism for strengthening China-Kyrgyzstan educational ties through academic mobility. In 2022, China's fiscal expenditure on academic mobility with Kyrgyzstan reached 120 million RMB, and the number of government scholarships provided to Kyrgyzstan students exceeded 1,500.

In 2025, among the teachers and management personnel engaged in academic mobility work in Chinese universities, 95.3% have a bachelor's degree or above, and 88% have the ability of cross-cultural communication and international academic exchange. China has established a four-level supervision and evaluation mechanism (central, provincial, municipal and university levels) to regularly evaluate the effect of academic mobility in strengthening China-Kyrgyzstan educational ties, and formulate targeted improvement measures according to the evaluation results.

From 2013 to 2022, China has trained more than 3,000 teachers and academic management personnel for Kyrgyzstan, indirectly improving Kyrgyzstan's academic mobility guarantee system [5]. The experience of constructing cross-cultural exchange mechanisms in western international friendship cities under the Belt and Road Initiative also provides reference for China to improve the guarantee mechanism of China-Kyrgyzstan academic mobility, strengthening cross-cultural communication and collaboration [8].

Although Kyrgyzstan's academic mobility guarantee mechanism is gradually improving, its support capacity is weak and highly dependent on external support. 75% of the investment related to academic mobility with China comes from international aid and China's assistance. In 2025, Kyrgyzstan trained 1,200 teachers engaged in academic mobility work, but there is still a shortage of more than 500 teachers, and the annual turnover rate of rural teachers reaches 20%.

Although the standardized management of student exchanges and scholar visits has been realized, Kyrgyzstan has not yet established a perfect supervision and evaluation mechanism for academic mobility, and the evaluation of the effect of strengthening educational ties lacks scientific indicators. In 2025, China and Kyrgyzstan signed a Memorandum of Understanding on Educational Cooperation, incorporating

academic mobility, teacher training and scientific research cooperation into the core cooperation fields, providing policy support for Kyrgyzstan to improve its guarantee mechanism [6].

Research on the correlation between university teachers' job satisfaction and academic mobility shows that improving teachers' job satisfaction is the key to perfecting the guarantee mechanism and reducing teacher turnover rate [14], and this conclusion also provides reference for Kyrgyzstan to optimize teacher guarantee measures.

3.3 Quality Improvement: China's Mature Model with Connotative Upgrading, Kyrgyzstan's Foundation Improvement Empowered by International Cooperation. China has realized the transformation of academic mobility from scale expansion to connotative quality improvement, forming a "three-in-one" development model of talent training + scientific research cooperation + cultural exchange, which effectively strengthens China-Kyrgyzstan educational ties. For example, Northwest University and Lazzakov National Technical University of Kyrgyzstan have carried out joint training projects in cross-border e-commerce, adopting the "double campus + double tutor" training model.

The graduates have been widely recognized by enterprises and institutions of the two countries. Xinjiang Normal University has developed a series of cross-cultural exchange courses for China-Kyrgyzstan academic mobility, including Chinese and Kyrgyz culture, history and folk customs, which has enhanced the cross-cultural adaptability and mutual understanding of students and scholars of the two countries [16]. At the same time, some Chinese universities have carried out "academic exchange week" activities with Kyrgyzstan universities, realizing the sharing of teaching cases and scientific research achievements, and improving the internationalization level of academic mobility quality.

Drawing on the practice of digital and intelligent empowerment in China-Vietnam educational cooperation, China is also gradually promoting the digital and intelligent transformation of China-Kyrgyzstan academic mobility, realizing the efficient sharing of teaching resources and scientific research achievements through online platforms [2].

Kyrgyzstan's academic mobility quality improvement is in the basic development stage. In 2025, Kyrgyzstan updated more than 80 sets of academic exchange materials related to China, and 70% of the students participating in the student exchange program can proficiently use Chinese or English for academic communication. China-Kyrgyzstan cooperation has played an important role in promoting its quality improvement: the professional ability of trained teachers has increased by an average of 30%.

The 500 sets of teaching equipment and academic books donated by China have covered 15 universities in Kyrgyzstan, and 2 Chinese model universities have established paired cooperation relations with 5 Kyrgyzstan universities, realizing the sharing of teaching resources and academic experience. However, Kyrgyzstan still faces problems such as large regional gaps and fragmented academic cooperation, with insufficient systematicness in connotative quality improvement [7].

Research on the impact of academic mobility on the scientific research productivity of returned young science and engineering talents shows that high-quality academic exchanges and cooperation can effectively improve scientific research productivity, which also provides an important enlightenment for Kyrgyzstan to improve the quality of academic mobility [16].

3.4 Strengthening Educational Ties: Distinctive Characteristics, Complementary Advantages and Great Potential for Cooperation and Mutual Learning. Strengthening China-Kyrgyzstan educational ties through academic mobility includes four core dimensions: coordination of talent training mechanisms, deepening of scientific research cooperation, alignment of educational standards and construction of humanistic identity. China has incorporated the strengthening of educational ties into the national strategic and legal guarantee system, forming a three-dimensional cooperation model of government guidance + university leadership + social participation.

Through systematic policy design, sufficient resource investment and perfect mechanism guarantee, China has realized all-round cooperation in academic mobility, significantly enhancing the coordination of educational development and the mutual recognition of humanistic culture between the two countries. Research on the cross-cultural identity of the community with a shared future for mankind shows that

strengthening transnational academic exchanges and people-to-people interactions is an important path to enhance cross-cultural identity and strengthen ties between countries [9].

Kyrgyzstan has incorporated the strengthening of educational ties with China into its policy goals, focusing on the exchange of educational experience and the inheritance of cross-border culture. With the support of international projects and China-Kyrgyzstan cooperation, cities have formed a relatively systematic cooperation model, focusing on student exchanges and language teaching.

Rural areas carry out academic exchange activities in simple forms such as scholar lectures and student exchange camps, with resource support mainly relying on international aid and China-Kyrgyzstan cooperation. The effect of strengthening educational ties in urban areas is remarkable, but the coverage in rural areas is insufficient, and the depth and systematicness of cooperation need to be improved. The strategic experience of cross-cultural communication of national traditional sports under the Belt and Road Initiative also provides reference for Kyrgyzstan to strengthen cultural inheritance and educational ties through academic mobility [15].

China and Kyrgyzstan have distinctive characteristics and complementary advantages in strengthening educational ties through academic mobility. China has a perfect policy system, sufficient resource guarantee and mature cooperation model, which can provide support for the development of Kyrgyzstan's academic mobility. Kyrgyzstan has unique regional culture and cross-border ethnic exchange experience, which can enrich the connotation of China-Kyrgyzstan academic mobility.

The Belt and Road Initiative and the China-Central Asia mechanism have provided a natural fit for the cooperation between the two countries, with huge potential for cooperation and mutual learning in academic mobility. Drawing on the value concept of cross-cultural communication of national traditional sports under the Belt and Road Initiative, China and Kyrgyzstan can further strengthen cultural integration through academic mobility and promote the development of educational ties to a deeper level [17].

4.Common Problems and Differentiated Challenges in Academic Mobility Between China and Kyrgyzstan

4.1 Common Problems. First, unbalanced urban-rural development. Educational and academic resources of both countries are highly concentrated in cities. Rural areas are short of universities and academic exchange institutions, with simple facilities and weak teaching staff. The scale and quality of academic mobility in rural areas are far lower than those in cities. The urban-rural dual structure restricts the balanced development of academic mobility and the all-round strengthening of educational ties. This problem also exists in China-ASEAN vocational education cooperation under the background of digital transformation, and its solution experience can provide reference for China-Kyrgyzstan academic mobility [1].

Second, insufficient policy accuracy. Neither country has formulated differentiated academic mobility plans for special regions such as multi-ethnic areas and cross-border ethnic areas. There is a lack of targeted support measures for special groups such as low-income families, disabled students and young scholars in remote areas, which affects the fairness and inclusiveness of academic mobility and the effectiveness of strengthening educational ties. Drawing on the experience of precise policy implementation in Guangxi's vocational education cooperation with ASEAN countries, China and Kyrgyzstan can further improve policy accuracy [5].

Third, insufficient coordination and prominent formalization of academic mobility. High-quality academic resources are concentrated in a few demonstration universities, and the resource sharing mechanism is not perfect. Some universities regard academic mobility as a superficial task, lacking systematic cooperation design. The cooperation projects are not highly matched with the educational development needs of the two countries, leading to insufficient cooperation depth and limited effect of strengthening educational ties. This problem is similar to some challenges faced by education for Central Asian international students in China under the Belt and Road Initiative, and its coping strategies can provide reference for China-Kyrgyzstan academic mobility [6].

4.2 Differentiated Challenges. China is facing the dual pressure of connotative quality improvement and balanced coverage. The demand for high-quality academic exchanges and in-depth educational cooperation from society and universities is becoming increasingly urgent, but there is still a gap in the quality of academic mobility between regions and universities. Some areas have problems such as formalization and fragmentation in academic mobility cooperation.

Academic mobility and cross-border cultural inheritance in multi-ethnic areas put forward higher requirements for policy accuracy. How to strengthen mutual trust and humanistic identity between the two countries while promoting academic mobility, and realize the deep integration of academic cooperation and educational ties has become a core problem to be solved in China. Research on transnational academic mobility and the career development of researchers shows that improving the quality and depth of academic mobility is the key to meeting the needs of universities and society [12].

Kyrgyzstan is facing the dual dilemma of resource supply and sustainable development. Restricted by the level of economic development, Kyrgyzstan's fiscal investment in academic mobility is limited, and it is highly dependent on international aid and China-Kyrgyzstan cooperation. Rural areas are facing a serious shortage of teachers with a high turnover rate and weak infrastructure. Kyrgyzstan has not yet formed a systematic academic mobility cooperation system and evaluation mechanism.

The mobility difficulties of students and scholars in remote areas pose severe challenges to the continuity and stability of academic mobility, affecting the sustainability of strengthening educational ties with China. The multidimensional difficulties faced by Chinese-American scientific and technological talents in international academic mobility also provide a warning and reference for Kyrgyzstan to cope with the challenges in academic mobility [11]. Research on the time dimension of academic mobility shows that stable mobility trajectories and reasonable mobility strategies are important supports for ensuring the sustainability of academic mobility [13].

5. Collaborative Development Path of China-Kyrgyzstan Academic Mobility from the Perspective of Strengthening Bilateral Educational Ties. Based on the common problems and differentiated challenges in the development of China-Kyrgyzstan academic mobility, combined with the resource endowments and complementary advantages of both sides, this paper puts forward a collaborative development path with policy mutual learning, resource sharing, quality co-construction and cultural co-transmission as the core, so as to further give play to the role of academic mobility in strengthening China-Kyrgyzstan educational ties.

The proposal of this path draws on the collaborative development concept of Lancang-Mekong cross-border higher education cooperation from the perspective of cultural exchange and mutual learning [4], as well as the value orientation of people-to-people exchanges empowering the high-quality development of the Belt and Road Initiative [7].

5.1 Policy Mutual Learning: Build a Collaborative Development System Framework Oriented to Strengthening Educational Ties. China focuses on high-quality balance and in-depth integration, optimizes the layout of academic mobility resources, promotes the radiation of high-quality urban resources to rural areas, and builds a systematic academic mobility cooperation system. It formulates differentiated plans for special regions and groups, and improves the assessment and incentive mechanism for the effect of strengthening educational ties through academic mobility. Drawing on the policy experience of China-ASEAN vocational education cooperation under the background of digital transformation, China will further improve the digital policy support for China-Kyrgyzstan academic mobility [1].

Kyrgyzstan focuses on resource expansion and systematic promotion, increases fiscal investment, and sets up a special fund for China-Kyrgyzstan academic mobility. It promotes the standardization of academic exchange facilities in rural universities, incorporates cross-cultural communication ability into the teacher access standard, and builds a closed-loop mechanism of policy-implementation-evaluation for academic mobility. Drawing on the policy practice of digital and intelligent empowerment in China-Vietnam educational cooperation, Kyrgyzstan will promote the modernization and intellectualization of its academic mobility policy [2].

The two countries should establish a normalized policy dialogue mechanism, hold special seminars regularly, and jointly formulate the Guidelines for China-Kyrgyzstan Academic Mobility to Strengthen Educational Ties. A cross-border academic mobility coordination mechanism should be established to jointly formulate academic mobility standards and cooperation norms, ensuring the smooth development of academic exchange activities.

Policy communication and coordination in the fields of student exchanges, scholar visits and scientific research cooperation should be strengthened to solve practical problems in academic mobility in a timely manner. Drawing on the experience of constructing cross-cultural exchange mechanisms in western international friendship cities, the two countries should strengthen cross-cultural collaboration in policy communication [8].

5.2 Resource Sharing: Build a Multi-Dimensional Linkage Cross-Border Cooperation Platform. First, deepen the joint training and exchange of teachers and scholars. China will train no less than 200 teachers and academic management personnel for Kyrgyzstan every year, and the two countries will exchange no less than 50 teachers and scholars every year to carry out teaching and scientific research exchange activities. Drawing on the research conclusions on the correlation between university teachers' job satisfaction and academic mobility, attention should be paid to improving teachers' job satisfaction in teacher training to reduce the turnover rate [14].

Second, jointly develop characteristic academic exchange resources, such as China-Kyrgyzstan academic exchange textbooks, cross-cultural communication courseware and scientific research cooperation guides. Build a digital resource sharing platform focusing on rural areas of Kyrgyzstan to realize the sharing of teaching resources and academic achievements. Drawing on the resource sharing experience of China-ASEAN vocational education cooperation under the background of digital transformation, promote the digital sharing of China-Kyrgyzstan academic mobility resources [1].

Third, China will donate materials worth no less than 5 million RMB to rural universities in Kyrgyzstan every year, encourage Chinese institutions to participate in the construction of academic exchange facilities in Kyrgyzstan, and jointly build demonstration bases for China-Kyrgyzstan academic mobility along the Belt and Road. Drawing on the resource investment model of Guangxi's vocational education cooperation with ASEAN countries, strengthen the precise investment and efficient utilization of resources [5].

Fourth, create the brand of China-Kyrgyzstan Academic Exchange Festival, hold academic seminars, student exchange camps and cultural exchange activities regularly. Relying on various cultural and educational institutions, build practical bases for China-Kyrgyzstan academic mobility and people-to-people exchanges. Drawing on the strategy of cross-cultural communication of national traditional sports under the Belt and Road Initiative, strengthen bilateral humanistic identity through cultural exchanges and promote the deepening of educational ties [15].

5.3 Quality Co-Construction: Deepen Two-Way Empowerment Practical Cooperation Through Academic Mobility. First, carry out the pilot project of China-Kyrgyzstan cooperative universities, set up no less than 5 pilot universities in the first batch. Introduce China's advanced educational concepts and management models, explore localized development paths combined with Kyrgyzstan's national conditions, and drive the overall improvement of the quality of China-Kyrgyzstan academic mobility. Drawing on the pilot experience of Guangxi's vocational education cooperation with ASEAN countries, promote the standardized and normalized development of pilot projects [5].

Second, jointly formulate the quality evaluation standard of China-Kyrgyzstan academic mobility, incorporate the effect of strengthening educational ties into the core indicators, including talent training quality, scientific research cooperation level, cultural exchange effect and bilateral mutual trust degree, and establish a cross-border quality monitoring and evaluation mechanism. Drawing on the research on the impact of academic mobility on the scientific research productivity of returned young science and engineering talents, incorporate scientific research cooperation achievements into the core indicators of quality evaluation [16].

Third, expand the scope of paired cooperation between universities, realize the full coverage of paired cooperation between model universities in China's ethnic areas and universities in all oblasts of Kyrgyzstan, and promote the sharing of educational resources and the exchange of academic experience. Drawing on the development experience of Malaysian Chinese education under the Belt and Road Initiative, create characteristic paired cooperation brands [3].

Fourth, jointly set up special research projects to carry out cooperative research on Academic Mobility and the Strengthening of China-Kyrgyzstan Educational Ties, establish a mechanism for sharing and transforming scientific research achievements, and provide theoretical support for the high-quality development of China-Kyrgyzstan academic mobility. Drawing on the research on the cross-cultural identity of the community with a shared future for mankind, deepen the research on academic mobility and cross-cultural identity [9].

Fifth, relying on China's experience in academic mobility development, assist Kyrgyzstan in improving the guarantee system for academic mobility in rural areas, carry out pilot projects of academic exchange support in rural areas of Kyrgyzstan, and solve the problems of insufficient resources and weak teaching staff in rural academic mobility. Drawing on the experience of solving difficulties in the cross-cultural communication of national traditional sports under the Belt and Road Initiative, promote the development of academic mobility in rural areas of Kyrgyzstan [17].

6. Conclusion. Against the backdrop of the in-depth advancement of the Belt and Road Initiative and the normalized operation of the China-Central Asia mechanism, China-Kyrgyzstan academic mobility has achieved remarkable results in promoting educational cooperation and strengthening educational ties. China has built a comprehensive academic mobility policy system and resource guarantee system, formed a mature academic exchange model, and effectively played the role of academic mobility in strengthening China-Kyrgyzstan educational ties.

With the support of international organizations and China-Kyrgyzstan cooperation, Kyrgyzstan has achieved the expansion of academic mobility resources and the improvement of cooperation level. Academic mobility with China has become an important channel for Kyrgyzstan to improve education quality and strengthen bilateral educational ties. However, Kyrgyzstan still faces problems such as insufficient resource supply, obvious regional gaps and weak independent support capacity.

As an important trend in the development of global higher education, the practical effect of "no mobility, no development" of academic mobility also drives China and Kyrgyzstan to continuously deepen academic mobility cooperation [10]. China and Kyrgyzstan not only face common problems such as unbalanced urban-rural development of academic mobility, insufficient policy accuracy and lack of coordination, but also face differentiated challenges based on their own development stages.

At the same time, the two countries have distinctive characteristics and complementary advantages in the field of academic mobility, with great potential for collaborative development. As the core carrier of China-Kyrgyzstan educational cooperation and people-to-people exchanges, academic mobility is an important path to strengthen bilateral educational ties, consolidate strategic mutual trust and promote the construction of a China-Kyrgyzstan community with a shared future.

The value concept of people-to-people exchanges empowering the high-quality development of the Belt and Road Initiative also provides an important guide for the collaborative development of China-Kyrgyzstan academic mobility [7]. In the future, China and Kyrgyzstan should base themselves on their own development reality, take policy mutual learning, resource sharing, quality co-construction and cultural co-transmission as the core path, and deepen all-round cooperation in academic mobility.

Improve the academic mobility policy system of both countries through policy dialogue; make up for Kyrgyzstan's resource shortage through resource interconnection; improve the connotative development level of academic mobility through cooperative school running and scientific research cooperation; consolidate the humanistic foundation of bilateral educational ties through cultural co-transmission.

Drawing on the experience of Lancang-Mekong cross-border higher education cooperation from the perspective of cultural exchange and mutual learning, China and Kyrgyzstan should promote the

development of academic mobility to a deeper level and higher quality [4]. The collaborative development of China-Kyrgyzstan academic mobility will not only promote the high-quality development of bilateral educational cooperation, but also provide talent support, institutional guarantee and cultural nourishment for the in-depth advancement of the Belt and Road Initiative and the construction of the China-Central Asia community with a shared future, writing a new chapter of China-Kyrgyzstan educational cooperation and people-to-people exchanges.

References

1. Feng X. Y. Dilemmas and Breakthroughs of China-ASEAN Vocational Education Cooperation under the Background of Digital Transformation // Journal of Nanning Vocational and Technical University. – P. 1–7.
2. Wei J. C. Empowered by Digital and Intelligence: Jointly Promote New Practices of China-Vietnam Educational Cooperation // China Reform News. – 2026. – January 23. – P. 4.
3. Song Y., Jian Z. X. A New Prospect of Malaysian Chinese Education under the Background of the Belt and Road Initiative // Journal of Ethnic Education Research. – P. 1–9.
4. Liu L. S., Song W. L. Research on Lancang-Mekong Cross-Border Higher Education Cooperation from the Perspective of Cultural Exchange and Mutual Learning // Journal of Yunnan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2026. – Vol. 58, No. 1. – P. 130–138.
5. Chen H. Z., Zhang X. K., Tan D. Current Situation and Deepening Path of Vocational Education Cooperation between Guangxi and ASEAN Countries // Guangxi Education. – 2025. – No. 36. – P. 14–18.
6. Han X. Education for Central Asian International Students in China under the Belt and Road Initiative: Development, Challenges and Strategies // Silk Road. – 2025. – No. 4. – P. 153–165.
7. Yin M., Yin W. Y., Wu X. F. Exploration on the Value of People-to-People Exchanges Empowering the High-Quality Development of the Belt and Road Initiative // Border Economy and Culture. – 2025. – No. 12. – P. 136–140.
8. Tang L. J., Zhang C. A. Construction of Cross-Cultural Exchange Mechanisms in Western International Friendship Cities under the Belt and Road Initiative // Journal of Chengdu Institute of Public Administration. – 2025. – No. 4. – P. 87–96, 119–120.
9. Zhao L. Research on the Cross-Cultural Identity of the Community with a Shared Future for Mankind : dissertation / Zhao L. ; scientific supervisor Wang D. P. – Wuhan : Wuhan Polytechnic University, 2024.
10. Wang S. Y., Zhao W. H. No Mobility, No Development: The Occurrence Mechanism and Practical Effects of Academic Mobility // Research in Educational Development. – 2023. – Vol. 43, No. 9. – P. 10–19.
11. Luo F. L. An Analysis of the Multidimensional Difficulties Faced by Chinese-American Scientific and Technological Talents: From the Perspective of International Academic Mobility // Overseas Chinese History Studies. – 2023. – No. 1. – P. 36–45.
12. Wang S. Y. No Mobility, No Development: Transnational Academic Mobility and the Career Development of Researchers // Community with a Shared Future for Mankind and the Sustainable Development of Higher Education : Proceedings of the 2022 Annual Forum on International Higher Education. – 2022. – P. 31–41.
13. Wang B. Y., Huang Y. Q. The Time Dimension of Academic Mobility: A Study on the Mobility Strategies, Trajectories and Experiences of Chinese Scholars Overseas // Social Sciences in Guangdong. – 2022. – No. 3. – P. 209–223.
14. Liu J. Z. A Study on University Teachers' Job Satisfaction and Academic Mobility : dissertation / Liu J. Z. ; scientific supervisor Sun B. C. – Qingdao : Qingdao University, 2021.
15. Wang J. Y. Cross-Cultural Communication Strategies of National Traditional Sports under the Belt and Road Initiative // Sports Science Research. – 2021. – Vol. 25, No. 1. – P. 19–23, 71.
16. Wei L. C., Huang Y. Research on the Impact of Academic Mobility on the Scientific Research Productivity of Returned Young Science and Engineering Talents: Based on the Analysis of Web of Science Papers // Research in Higher Education of Engineering. – 2020. – No. 1. – P. 67–73.

17. Tuo P. X. The Value, Dilemmas and Solutions of Cross-Cultural Communication of National Traditional Sports under the Belt and Road Initiative // Journal of Nanjing Sport Institute (Social Science Edition). – 2017. – Vol. 31, No. 1. – P. 13–17.

Рецензент:профессор Асипова Н.А.

УДК: 378.4:316.77

Ли Хуан., Баялиева А.С.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ли Хуан., Баялиева А.С.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Li Huan., Bayalieva A.S.
KNU Jusup Balasagyn

АКАДЕМИЯЛЫК МОБИЛДҮҮЛҮК КЫТАЙ ЖАНА КЫРГЫЗСТАНДЫК СТУДЕНТТЕРДИН МАДАНИЯТ АРАЛЫК КОММУНИКАЦИЯСЫН ӨНҮКТҮРҮҮ МЕХАНИЗМИ КАТАРЫ
АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ И КЫРГЫЗСТАНСКИМИ СТУДЕНТАМИ
ACADEMIC MOBILITY AS A MECHANISM FOR DEVELOPING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION BETWEEN CHINESE AND KYRGYZSTANI STUDENTS

Кыскача мүнөздөмө: Академиялык мобилдүүлүк Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы билим берүү тармагындагы кызматташуунун стратегиялык багыты катары студенттердин маданият аралык коммуникациясын калыптандыруунун маанилүү механизми болуп саналат. Тиешелүү эл аралык демилгелердин, программалардын жана институционалдык механизмдердин алкагында эки өлкөнүн ортосундагы академиялык мобилдүүлүк туруктуу мүнөздө өнүгүп, маданият аралык өз ара түшүнүүнү жана билим берүү мейкиндигиндеги интеграцияны камсыз кылуучу практикалык механизм катары калыптанууда. Макалада Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы академиялык мобилдүүлүктүн учурдагы абалы комплекстүү талдоого алынып, аны ишке ашыруунун негизги механизмдери системалаштырылат. Ошондой эле практикалык деңгээлде орун алган көйгөйлөр аныкталат жана аларды чечүүгө багытталган илимий негизделген стратегиялар сунушталат. Изилдөөнүн жыйынтыгында академиялык мобилдүүлүк студенттердин маданиятаралык коммуникациясынын когнитивдик, социалдык жана баалуулук аспектилеринин өнүгүшүнө олуттуу таасир тийгизери негизделет. Ошол эле учурда анын толук кандуу ишке ашуусуна тилдик, маданий жана уюштуруучулук факторлор тоскоолдук кылып жаткандыгы белгиленет. Келечекте академиялык мобилдүүлүктүн сапаттык деңгээлин жогорулатууга, ошондой эле Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы гуманитардык жана маданий байланыштардын бекем пайдубалын чыңдоого багытталган комплекстүү чараларды ишке ашыруу зарылдыгы көрсөтүлөт.

Аннотация: Академическая мобильность является стратегическим направлением сотрудничества в сфере образования между Китаем и Кыргызстаном, а также важным механизмом формирования межкультурной коммуникации среди студентов. В рамках соответствующих международных инициатив, программ и институциональных механизмов академическая мобильность между двумя странами стабильно развивается и становится практическим механизмом обеспечения межкультурного взаимопонимания и интеграции в образовательном пространстве. В статье проводится всесторонний анализ текущего состояния академической мобильности между Китаем и Кыргызстаном, систематизируются основные механизмы ее осуществления, выявляются практические проблемы и предлагаются научно обоснованные стратегии их решения. Исследование приходит к выводу, что академическая мобильность оказывает значительное влияние на развитие когнитивных, социальных и ценностных аспектов межкультурной коммуникации студентов. В то же

время отмечается, что лингвистические, культурные и организационные факторы препятствуют ее полноценной реализации. В будущем необходимо реализовать комплексные меры, направленные на повышение качества академической мобильности, а также на укрепление прочной основы гуманитарных и культурных связей между Китаем и Кыргызстаном.

Abstract: Academic mobility is a strategic area of educational cooperation between China and Kyrgyzstan, as well as an important mechanism for fostering intercultural communication among students. Within the framework of relevant international initiatives, programs, and institutional mechanisms, academic mobility between the two countries is steadily developing and becoming a practical mechanism for promoting intercultural understanding and integration in the educational space. This article provides a comprehensive analysis of the current state of academic mobility between China and Kyrgyzstan, systematizing the main mechanisms for its implementation, identifying practical challenges, and proposing evidence-based strategies for addressing them. The study concludes that academic mobility has a significant impact on the development of students' cognitive, social, and value-based intercultural communication skills. At the same time, it is noted that linguistic, cultural, and organizational factors hinder its full implementation. In the future, comprehensive measures must be implemented to improve the quality of academic mobility and strengthen the solid foundation of humanitarian and cultural ties between China and Kyrgyzstan.

Негизги сөздөр: академиялык мобилдүүлүк; кытай жана кыргыз студенттери; маданият аралык коммуникация; гуманитардык жана маданий алмашуулар.

Ключевые слова: академическая мобильность; китайские и кыргызские студенты; межкультурная коммуникация; гуманитарный и культурный обмен.

Keywords: academic mobility; Chinese and Kyrgyz students; intercultural communication; humanitarian and cultural exchange.

1 Introduction. Against the backdrop of globalization, the internationalization of higher education has become an important trend in the educational development of all countries. As a core manifestation of this trend, academic mobility is not only a crucial channel for knowledge dissemination and talent development, but also a "living carrier" for cross-cultural communication between countries. It includes various forms such as student exchange, joint training and academic seminars, offering face-to-face communication opportunities for students from different countries and serving as a key practical context for eliminating cultural barriers and constructing cross-cultural identity [1].

China and Kyrgyzstan are geographically close and connected by shared people-to-people bonds. Since the establishment of diplomatic relations, bilateral educational cooperation has been deepened continuously, with the scale of academic mobility expanding year by year. In 2002, the two countries signed the Agreement on Mutual Recognition of Academic Degrees and Diplomas, removing institutional barriers to student academic mobility [2]. The first China-Central Asia Education Ministers' Meeting held in 2025 further improved the top-level design of China-Kyrgyzstan educational cooperation, providing policy support for cross-cultural communication between students of the two countries. By 2025, the number of Chinese students studying in Kyrgyzstan and Kyrgyz students studying in China has increased by dozens of times compared with the early stage of diplomatic relations. Various inter-university exchanges and joint research projects have become important platforms for cross-cultural communication between the two countries, and the characteristics of talent mobility networks among universities have provided references for China-Kyrgyzstan inter-university cooperation, while the agglomeration of academic resources has boosted in-depth cooperation between high-quality universities of the two countries [2].

China and Kyrgyzstan belong to different cultural circles, with differences in historical traditions, values and lifestyles. Cross-cultural communication is both an inevitable outcome of academic mobility for students of the two countries and an important value pursuit of academic mobility. The essence of cross-cultural understanding is cultural empathy and two-way dialogue from an equal perspective. Clifford

Geertz's theory of cross-cultural equitable understanding provides an important theoretical guide for Chinese and Kyrgyz students to carry out cross-cultural communication based on academic mobility [3]. However, current academic research on China-Kyrgyzstan academic mobility mostly focuses on macro levels such as policy frameworks and implementation effects. There is a relative lack of specialized research on students' cross-cultural communication, and a systematic analysis of how academic mobility empowers cross-cultural communication and the specific dilemmas in the communication process is insufficient.

As direct participants in China-Kyrgyzstan academic mobility, the cross-cultural communication experience of students from the two countries directly affects the quality and effect of academic mobility, and is more closely related to the depth and breadth of China-Kyrgyzstan people-to-people and cultural exchanges. Based on this, from the perspective of academic mobility, this paper focuses on the practical problems of cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, analyzes the enabling mechanisms, identifies development dilemmas and puts forward optimization strategies, aiming to provide a reference for enhancing the quality and efficiency of cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students and deepening China-Kyrgyzstan educational cooperation and people-to-people and cultural exchanges.

2 Current Situation of Cross-Cultural Communication Between Chinese and Kyrgyz Students from the Perspective of Academic Mobility. Relying on the policy support and practical platforms of China-Kyrgyzstan academic mobility, cross-cultural communication between students of the two countries shows the development characteristics of expanding scale, diversified forms and enriched connotation. The communication scenarios have extended from classrooms to extracurricular activities, and the communication content has expanded from academic research to cultural life, forming an all-round and multi-level communication pattern. From the overall effect of international academic mobility, cross-cultural academic mobility experience has a significant positive impact on the ability improvement and development of participants, which is also verified by the cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students [4].

2.1 Steady Growth of Communication Scale and Diversified Participants. With the continuous improvement of China-Kyrgyzstan academic mobility policies, the volume of mutual exchanges between students from the two countries has increased steadily. Among Kyrgyz students studying in China, in addition to the traditional Chinese language major, the proportion of majors such as engineering technology, economic management and traditional Chinese medicine has increased year by year. Chinese students studying in Kyrgyzstan mainly focus on majors such as Kyrgyz language and literature, regional studies and international trade, which align with the cooperation development needs of China and Kyrgyzstan. The participants have expanded from full-time international students to short-term exchange students, summer study camp participants and joint research project participants. Students with different academic levels and professional backgrounds can all participate in cross-cultural communication, thus forming a broad participatory foundation. This diversification of participants has expanded the radiation range of China-Kyrgyzstan academic mobility, which is consistent with the multi-dimensional impacts of academic career mobility on practitioners' professional development, laying a foundation for the career development and cultural cognition of students from the two countries [5].

2.2 Diverse Communication Forms and In-depth Integration of Academics and Culture. Currently, the forms of cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students take academic mobility as a link and achieve the two-way integration of academic exchange and cultural experience. First, academic communication in the classroom. In aspects such as joint teaching, group discussions and course paper compilation, students of the two countries communicate around professional knowledge and acquire cultural cognition imperceptibly. Second, extracurricular cultural practice. Relying on international student education, universities carry out activities such as folk custom experience, cultural festivals, Chinese corners and Kyrgyz corners, encouraging students from the two countries to gain a deep understanding of each other's history, culture and living customs. Third, cross-cultural scientific research cooperation. In joint research projects and academic seminars, students of the two countries cooperate around common research

topics, deepening their cultural understanding during collaboration and achieving these dual goals of "academic research + cross-cultural communication". As an important carrier of cross-cultural understanding, non-native communication plays a key role in all forms of communication between Chinese and Kyrgyz students. It is not only a tool for information transmission, but also a bridge for interpreting and recognizing cultural meanings [6].

2.3 Improved Communication Platforms with Inter-University Cooperation as the Core Support. Inter-university cooperation between Chinese and Kyrgyz universities is the core platform for promoting students' cross-cultural communication. By 2025, more than 80 Chinese universities have established inter-university cooperative relations with over 30 Kyrgyz universities, signed student exchange and joint training agreements, and established a standardized communication mechanism. Some universities have also co-established joint colleges and academic exchange centers with Kyrgyz universities, thus providing fixed communication venues and resource support for students from the two countries. At the same time, the establishment of platforms such as the China-Central Asia Education Cooperation Forum and the China-Kyrgyzstan Youth Academic Exchange Festival has further broadened the cross-cultural communication channels for students of the two countries, extending such communication from the inter-university to the regional level. Research on the changing dynamics of high-level talent mobility in Chinese universities shows that policy guidance and resource allocation are the core factors driving inter-university cooperation, and the educational policies of China and Kyrgyzstan have also provided the core driving force for bilateral inter-university cooperation and academic mobility [7].

2.4 Initial Achievements in Communication and Gradual Construction of Cross-Cultural Identity. By participating in academic mobility-based cross-cultural communication, the language ability and cross-cultural communication ability of students from the two countries have been significantly improved. Their understanding of each other's culture has deepened from superficial to in-depth, and stereotypes have been gradually eradicated. Many students have established profound friendships in the communication process and become folk ambassadors for China-Kyrgyzstan cultural exchanges. Some international students choose to engage in work related to China-Kyrgyzstan economic and trade, education and cultural cooperation after graduation, converting the outcomes of cross-cultural communication into practical driving force for advancing China-Kyrgyzstan cooperation and thus achieving the radiating effect of "one student studying abroad, making a circle of friends and influencing a community". Cross-cultural identity between Chinese and Kyrgyz students is thus being gradually constructed [8]. Empirical studies from the cross-cultural communication perspective have shown that cultural contact and communication can effectively improve the cognitive identity between heterogeneous cultural groups, which is also verified by the cross-cultural communication practice of Chinese and Kyrgyz students [8].

3 Enabling Mechanisms of Academic Mobility for Cross-Cultural Communication Between Chinese and Kyrgyz Students. Academic mobility is not a simple spatial migration of students, but rather establishes a practical context, a communication bridge and a value bond for cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students. Through three dimensions of scenario empowerment, language empowerment and emotional empowerment, it drives cross-cultural communication from "passive contact" to "active interaction" and from "superficial cognition" to "in-depth comprehension", forming a unique enabling mechanism. Research on the multi-dimensional impact of interdisciplinary mobility on scholars' academic performance shows that cross-regional communication and cooperation can promote the integration of knowledge, and the cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students also brings diverse perspectives to each other's academic learning and cultural cognition [9].

3.1 Scenario Empowerment: Building an Immersive Practical Platform for Cross-Cultural Communication. The essence of cross-cultural communication is interaction at the practical level, and academic mobility provides an immersive cross-cultural practical scenario for Chinese and Kyrgyz students. Compared with online communication and indirect cognition, in the process of academic mobility, students are immersed in the educational and social-cultural environment of the host country, and must directly confront issues such as linguistic communication, life adaptation and cultural disparities. This immersive

experience compels students to proactively understand the host country's culture and master cross-cultural communication skills.

In the classroom scenario, students of the two countries participate in learning together, and different thinking and learning modes interact and collide, prompting students to comprehend cultural differences from an academic perspective. In the life scenario, international students live and interact with local students, deeply experiencing each other's diet, festivals, social etiquette and so on, forging an intuitive understanding of the host country's culture. In the scientific research practice scenario, students of the two countries cooperate around common research topics, forging trust and breaking down cultural barriers while solving problems. This multi-scenario and immersive practical experience is the most direct and effective way to empower cross-cultural communication. Francis L.K. Hsu's cross-cultural understanding approach of "dual experience and in-depth reflection" also provides a theoretical framework for Chinese and Kyrgyz students to carry out cross-cultural communication in immersive scenarios [10].

3.2 Language Empowerment: Promoting the Improvement of Bilingual Ability and Breaking Language Barriers in Communication. Language is the foundation of cross-cultural communication. Academic mobility exerts a positive incentive effect on the linguistic proficiency of Chinese and Kyrgyz students, enhancing their bilingual proficiency and breaking down the core linguistic barriers to cross-cultural communication. To pursue academic studies, Kyrgyz international students in China must learn Chinese systematically. Many of them can use Chinese proficiently for both academic and daily communication after passing the HSK examination. Chinese students studying in Kyrgyzstan need to learn Kyrgyz or Russian to meet their basic academic and living needs in Kyrgyzstan.

At the same time, to promote academic mobility, Chinese and Kyrgyz universities have successively launched bilingual courses and cross-cultural communication courses, integrating linguistic teaching with cultural instruction, enabling students to grasp the cultural connotations behind the target language while learning it. The improvement of language ability not only ensures the smooth progress of academic exchanges, but also enables students from the two countries to exchange ideas and express perspectives in depth, thus laying a solid linguistic foundation for cross-cultural communication. Studies on strategies for fostering cross-cultural understanding competence in secondary vocational English teaching offer a practical reference for bilingual teaching and cultural integration in Chinese and Kyrgyz universities [11].

3.3 Emotional Empowerment: Deepening Emotional Bonds and Building Cross-Cultural Value Identity. The core of cross-cultural communication is emotional bonding and value identity. Through long-term interaction and collaboration, academic mobility enables Chinese and Kyrgyz students to evolve from "cultural strangers" to "cultural partners", deepening emotional bonds and building cross-cultural value identity. During academic mobility, students from the two countries jointly face academic and living difficulties, support one another and gradually forge trust and friendship. Such emotional bonds transcend cultural disparities and serve as an important emotional foundation for cross-cultural communication.

At the same time, through academic exchange and cultural experience, students of the two countries gradually recognize the commonalities and disparities between Chinese and Kyrgyz cultures, and comprehend each other's values and behavioral norms, developing a cross-cultural cognition of "harmony in diversity and seeking common ground while shelving differences". In particular, when communicating on common topics such as the Belt and Road Initiative cooperation and regional development, students from the two countries can achieve value resonance and recognize the common interests and promising prospects of China-Kyrgyzstan cooperation, and thus construct an in-depth cross-cultural value identity, elevating cross-cultural communication to a higher level. Studies on the narrative strategies of Yungang Grottoes commentaries in cross-cultural communication have indicated that the dialectical unity of local cultural genes and global perspective is the key to constructing cultural identity, and this conclusion is also applicable to the construction of cross-cultural value identity of Chinese and Kyrgyz students [12].

4 Practical Dilemmas of Cross-Cultural Communication Between Chinese and Kyrgyz Students from the Perspective of Academic Mobility. Although remarkable achievements have been made in cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, restricted by multiple factors such as

language ability, cultural cognition, guarantee mechanisms and communication forms, cross-cultural communication between students of the two countries still faces many practical dilemmas against the background of academic mobility, and the depth, validity and sustainability of communication need to be further improved.

4.1 Uneven Language Ability and Superficial Cross-Cultural Communication. Although academic mobility has promoted the improvement of the bilingual ability of Chinese and Kyrgyz students, overall, the linguistic proficiency of students from the two countries remains uneven, a factor that has significantly constrained the in-depth development of cross-cultural communication. Some Kyrgyz students studying in China have only basic Chinese proficiency sufficient for daily communication, hampering their ability to conduct in-depth academic exchanges. Some Chinese students studying in Kyrgyzstan have weak language ability due to limited access to Kyrgyz learning resources, and thus can only communicate in Russian or English, which increases communication costs.

Insufficient language ability results in cross-cultural communication between students from the two countries remaining mostly at the level of daily greetings and superficial cultural understanding. It is challenging to conduct in-depth exchanges on academic issues and values, accompanied by prominent issues such as superficial communication content and a single communication format, thus hindering the achievement of genuine cross-cultural mutual understanding. Studies on the cross-cultural understanding implications of non-native communication have pointed out that inadequate linguistic proficiency directly impairs the depth and effectiveness of cross-cultural communication, which is also the core problem faced by the cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students [6].

4.2 Biased Cultural Cognition and Multiple Challenges in Cross-Cultural Adaptation. China and Kyrgyzstan have differences in historical traditions, values and social etiquette. Due to the lack of systematic cross-cultural cognition education, some students have stereotypes and cognitive biases towards the host country's culture, leading to multiple challenges in cross-cultural adaptation. Some students take their own cultural cognition as the evaluation standard, misunderstanding the host country's cultural customs and behaviors, and even triggering cultural conflicts.

At the same time, Chinese and Kyrgyz universities provide insufficient support for the cross-cultural adaptation of international students. Most universities only provide basic living services for international students, lacking systematic cross-cultural adaptation guidance, psychological counseling and other services. Some students experience loneliness and anxiety due to difficulties in cross-cultural adaptation, thus reducing communication with local students and affecting the enthusiasm and sustainability of cross-cultural communication. Practical exploration of vocational education teaching from the perspective of cross-cultural understanding shows that systematic cross-cultural cognition education can effectively improve learners' cultural adaptation ability, and the lack of cross-cultural education in Chinese and Kyrgyz universities has become an important obstacle to students' adaptation [13].

4.3 Imperfect Communication Mechanisms and Lack of Normalized and In-Depth Interactive Platforms. Currently, the cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students mostly relies on temporary activities organized by universities, such as cultural festivals and study camps, and there is a relative lack of normalized and in-depth interactive platforms. Student exchange projects in inter-university cooperation mostly focus on academic learning, with insufficient design and arrangement for cross-cultural communication. The mixed accommodation and mixed learning mechanisms for Chinese and foreign students in some universities are not yet perfect, resulting in limited daily communication opportunities for students of the two countries.

At the same time, the evaluation and incentive mechanisms for cross-cultural communication are missing. Universities have not included cross-cultural communication in the effect evaluation system of academic mobility, and there is no effective incentive for teachers and students participating in cross-cultural communication, leading to low enthusiasm of teachers and students in participating in cross-cultural communication and making it difficult to form a long-term mechanism for communication. Research on the current situation of academic talent mobility in China shows that a sound mechanism and incentive system

are the key to promoting the high-quality development of academic mobility, and the lack of mechanisms for cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students also restricts its sustainable development [1].

4.4 Inadequate Resource Guarantee Restricting the Quality and Efficiency of Cross-Cultural Communication. The high-quality development of cross-cultural communication requires sufficient resource guarantee, but the current resource investment in promoting students' cross-cultural communication by China and Kyrgyzstan is still relatively insufficient. On the one hand, there is a shortage of cross-cultural education resources. Both Chinese and Kyrgyz universities lack systematic cross-cultural communication courses, teaching materials and teachers, making it difficult to carry out professional cross-cultural ability training for students. On the other hand, the investment in funds is insufficient. Cross-cultural communication activities carried out by universities are mostly limited by funds, with small scale and single form, which are difficult to meet the diverse needs of students.

At the same time, restricted by the level of economic development, Kyrgyzstan has relatively limited educational resources. Some universities cannot provide perfect learning and living facilities for Chinese international students, which also affects the cross-cultural communication experience and enthusiasm of Chinese international students. Research on the curriculum design and practice of traditional culture in Chinese international schools shows that high-quality curriculum resources and teacher guarantee are the foundation of promoting cross-cultural education, and the shortage of resources in Chinese and Kyrgyz universities has become an important restriction on improving the quality and efficiency of cross-cultural communication [14].

4.5 Unbalanced Participants and Low Participation of Rural Students. Affected by the unbalanced distribution of educational resources, there are obvious urban-rural differences in the participants of cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students. High-quality educational resources of both countries are highly concentrated in cities, and students in urban universities have far more opportunities to participate in academic mobility and cross-cultural communication than students in rural universities. Due to restrictions such as family economic conditions and language ability, Kyrgyz students in rural areas find it difficult to participate in projects such as studying in China and inter-university exchanges. Cooperation between rural universities in China and Kyrgyz universities is also relatively less, resulting in a shortage of cross-cultural communication opportunities for students.

This imbalance of participants leads to a limited radiation range of cross-cultural communication, making it difficult to achieve all-round and full-coverage communication among the youth groups of China and Kyrgyzstan. Practical activities of cross-cultural international understanding education show that the balanced distribution of educational resources is the key to promoting the full coverage of cross-cultural communication, and the distribution characteristics of educational resources in China and Kyrgyzstan also affect the popularization of cross-cultural communication [15][16].

5 Optimization Strategies for Promoting Cross-Cultural Communication Between Chinese and Kyrgyz Students from the Perspective of Academic Mobility. In view of the practical dilemmas faced by cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, it is necessary to take academic mobility as the core starting point, focus on five directions of language improvement, cultural empowerment, mechanism improvement, resource guarantee and balanced development, promote cross-cultural communication from "superficial contact" to "in-depth integration" and from "temporary interaction" to "normalized development", and effectively improve the quality and effect of communication.

5.1 Strengthen Language Teaching and Build an "Academic + Culture" Bilingual Training System. Language ability is the foundation of cross-cultural communication. It is necessary to deeply integrate language teaching with academic mobility and build an "Academic + Culture" bilingual training system. On the one hand, according to the professional needs and academic communication needs of students, Chinese and Kyrgyz universities should offer targeted bilingual courses such as Academic Chinese and Academic Kyrgyz/Russian, focusing on improving students' academic language expression ability to ensure the smooth development of in-depth academic communication. On the other hand, integrate cultural

teaching into language teaching, add content such as the history, culture, values and social etiquette of the host country in language courses, allowing students to understand cultural connotation while learning the language and reduce cultural cognitive biases.

At the same time, build online and offline language communication platforms such as Chinese-Kyrgyz student language mutual aid groups and online bilingual communication communities, promoting normalized language communication between students of the two countries and improving language ability in practice. The strategies for cultivating cross-cultural understanding ability in secondary vocational English reading teaching can provide specific practical methods for the "Academic + Culture" bilingual teaching in Chinese and Kyrgyz universities [11].

5.2 Strengthen Cultural Empowerment and Carry Out Systematic Cross-Cultural Cognition and Adaptation Education. In view of the problems of students' biased cultural cognition and difficulties in cross-cultural adaptation, Chinese and Kyrgyz universities should carry out systematic cross-cultural cognition and adaptation education to improve students' cross-cultural communication and adaptation abilities. On the one hand, incorporate cross-cultural communication courses into the compulsory courses for international students and exchange students, invite experts in cross-cultural research and senior international students to hold special lectures, explaining China-Kyrgyzstan cultural differences, cross-cultural communication skills, cultural conflict resolution methods and other content to help students establish a correct cross-cultural cognition. On the other hand, assign cross-cultural adaptation tutors to international students, providing one-on-one adaptation guidance and psychological counseling for students, solving problems encountered by students in the process of cross-cultural adaptation in a timely manner and alleviating psychological anxiety.

At the same time, enrich cultural experience activities, organize students to go to local communities, museums and folk villages to carry out immersive cultural experience, allowing students to deeply understand the essence of the host country's culture, eliminate stereotypes and build a comprehensive and objective cultural cognition. Clifford Geertz's theory of cross-cultural equitable understanding can provide theoretical guidance for the cross-cultural cognition education in Chinese and Kyrgyz universities [3].

5.3 Improve Communication Mechanisms and Build Normalized and In-Depth Interactive Platforms. The key to improving the quality and efficiency of cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students lies in improving communication mechanisms and building normalized and in-depth interactive platforms. First, improve the inter-university cooperation mechanism. In academic mobility projects such as student exchange and joint training, specially design cross-cultural communication links such as joint scientific research, cross-cultural research topics and Chinese-foreign student group cooperation, promoting the in-depth integration of academic exchange and cross-cultural communication. Second, establish a mixed training mechanism for Chinese and foreign students, implement mixed accommodation, mixed classrooms and mixed societies, increase daily communication opportunities for students of the two countries, and integrate cross-cultural communication into all aspects of study and life. Third, build regional communication platforms, hold normalized activities such as the China-Kyrgyzstan Youth Academic Exchange Festival, cross-cultural forums and international student innovation and entrepreneurship competitions, promoting cross-university and cross-regional communication between students of the two countries and broadening their communication horizons.

At the same time, establish an evaluation and incentive mechanism for cross-cultural communication, incorporate the effect of cross-cultural communication into the evaluation system of academic mobility, and commend and reward outstanding teachers and students to stimulate their enthusiasm for participating in cross-cultural communication. Research on the changing dynamics and mechanism design of high-level talent mobility in Chinese universities provides a reference for improving the cross-cultural communication mechanism between Chinese and Kyrgyz students [7].

5.4 Increase Resource Guarantee and Provide All-Round Support for Cross-Cultural Communication. Sufficient resource guarantee is an important support for the high-quality development of cross-cultural communication. China and Kyrgyzstan should increase investment in policies, funds, teachers

and other aspects to provide all-round support for cross-cultural communication. At the policy level, the governments of the two countries should further improve the supporting policies for academic mobility and cross-cultural communication, incorporate cross-cultural communication into the top-level design of China-Kyrgyzstan educational cooperation, and clarify development goals and support measures. At the fund level, increase financial investment, set up a special fund for cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, and support universities to carry out cross-cultural communication activities, develop cross-cultural education resources and subsidize rural students to participate in academic mobility. At the teacher level, strengthen the construction of cross-cultural education teacher teams, improve teachers' cross-cultural teaching and guidance abilities through inter-university exchanges and professional training, and provide professional teacher support for cross-cultural communication.

At the same time, Chinese and Kyrgyz universities should strengthen the co-construction and sharing of cross-cultural education resources, jointly develop cross-cultural communication teaching materials and online courses to reduce education costs and improve resource utilization efficiency. The experience of resource development and practice of traditional culture courses in Chinese international schools can provide a reference for the co-construction of cross-cultural education resources in Chinese and Kyrgyz universities [14].

5.5 Promote Balanced Development and Expand the Radiation Range of Cross-Cultural Communication. In view of the unbalanced participants in cross-cultural communication, it is necessary to promote the balanced distribution of educational resources and expand the radiation range of cross-cultural communication. On the one hand, the governments of China and Kyrgyzstan should increase investment in rural education, improve the educational quality and international cooperation capacity of rural universities, promote rural universities to establish inter-university cooperation relations with universities of the other country, and provide more opportunities for rural students to participate in academic mobility and cross-cultural communication. On the other hand, set up special scholarships for academic mobility of rural students, subsidize excellent rural students with financial difficulties to participate in projects such as studying abroad and exchange, alleviate economic pressure and ensure education equity.

At the same time, use digital technology to build online cross-cultural communication platforms, allowing rural students to carry out normalized communication with students of the other country without going abroad, breaking spatial restrictions and realizing full coverage of cross-cultural communication. Practical activities of cross-cultural international understanding education show that the combination of digital platforms and offline activities can effectively expand the radiation range of cross-cultural communication [15; 16].

6 Conclusion. Academic mobility and cross-cultural communication complement and promote each other. Academic mobility builds a practical platform for cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, while cross-cultural communication enriches the connotation and improves the quality of academic mobility. Against the background of the coordinated advancement of the Belt and Road Initiative and the China-Central Asia mechanism, cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students has ushered in new development opportunities, with expanding scale, diversified forms and initial achievements, becoming an important part of China-Kyrgyzstan people-to-people and cultural exchanges. Research on the multi-dimensional impact of academic career mobility on the professional development of researchers shows that high-quality cross-cultural communication can promote the high-quality development of academic mobility, and the cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students has also laid a foundation for the deepening of bilateral academic mobility [5].

Through scenario empowerment, language empowerment and emotional empowerment, academic mobility promotes Chinese and Kyrgyz students to move from passive cultural contact to active cultural interaction and from superficial cultural cognition to in-depth cultural understanding, laying a solid foundation for building cross-cultural identity. Francis L.K. Hsu's cross-cultural understanding path provides an important theoretical support for the cultural understanding and identity construction of Chinese and Kyrgyz students, and the immersive academic mobility scenario makes this path feasible in practice [10].

However, cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students still faces practical dilemmas such as uneven language ability, biased cultural cognition, imperfect communication mechanisms, inadequate resource guarantee and unbalanced participants, which restrict the depth and validity of communication.

In the future, to promote the high-quality development of cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, it is necessary to take academic mobility as the core starting point, strengthen language teaching and cultural empowerment, improve the normalized communication mechanism, increase resource guarantee, and promote urban-rural balanced development. Make academic mobility an "accelerator" for cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students, and cross-cultural communication a "booster" for the academic growth of Chinese and Kyrgyz students. Through the joint efforts of the governments, universities and students of the two countries, promote cross-cultural communication between Chinese and Kyrgyz students to a deeper level and higher quality, let the youth of the two countries enhance friendship and deepen understanding in communication, become inheritors of China-Kyrgyzstan cooperation and disseminators of China-Kyrgyzstan culture, consolidate the youth people-to-people and cultural foundation for building a China-Kyrgyzstan community with a shared future, and inject a steady stream of youthful vitality into promoting the construction of a China-Central Asia community with a shared future. From the perspective of the overall development of academic mobility, the cross-cultural communication practice of Chinese and Kyrgyz students will also provide a new practical sample for international academic mobility and cross-cultural communication, promoting the diversified development of the internationalization of global higher education [4].

References

1. Kang R. Current Situation and Impact Analysis of Academic Talent Mobility // Heilongjiang Pictorial. – 2024. – No. 20. – P. 113–115.

2. Zhang Y. X., Yu M., Xu J. Academic Stratification and Structural Characteristics in the Mobility Network of High-Level University Talents: A Social Network Analysis Based on Work Resumes of Six Types of Project Talents // Journal of Shandong Higher Education. – 2025. – No. 5. – P. 22–29, 90.

3. Zhang L. L. Clifford Geertz's Cross-Cultural Equitable Understanding // Cross-Cultural Communication Studies. – 2025. – No. 1. – P. 69–83.

4. Xu H. T., Shen W. Q., Zhao Y., Ye X. M. Can International Academic Mobility Experience Promote Research Output? A Longitudinal Comparative Analysis of Overseas and Domestic Postdoctoral Researchers // Journal of Soochow University (Educational Science Edition). – 2025. – Vol. 13, No. 1. – P. 92–103.

5. Zhong Y., Wang P. S. The Multidimensional Impacts of Academic Career Mobility on Researchers' Professional Development // Science and Technology Management Research. – 2025. – Vol. 45, No. 22. – P. 157–165.

6. Wu R. H. The Cross-Cultural Understanding Significance of Non-Native Communication // Cross-Cultural Communication Studies. – 2025. – No. 2. – P. 165–185.

7. Xu J., Jia Y. T., Liu X. J. The Changing Dynamics of High-Level Talent Mobility in Chinese Universities: 1998–2022 – A Historical Investigation Based on Data from 25 Groups of Project Talents // Tsinghua Journal of Education. – 2025. – Vol. 46, No. 3. – P. 96–106, 128.

8. Zheng C. R. A Survey on Thai Chinese Majors' Cognition of Chinese Elements from the Perspective of Cross-Cultural Communication : dissertation. – Guilin : Guangxi Normal University, 2025.

9. Zheng H. T., Li M. W., Hu J., Zhao S. K. The Impact of Interdisciplinary Mobility on Scholars' Academic Performance: A Case Study of the Artificial Intelligence Field // Studies in Science of Science. – 2025. – Vol. 43, No. 11. – P. 2312–2323, 2335.

10. Zhang L. L. Francis L. K. Hsu's Path to Cross-Cultural Understanding: Dual Experience and Thorough Reflection // Cross-Cultural Communication Studies. – 2024. – No. 1. – P. 39–50.

11. Zheng Y. X. Research on Strategies for Cultivating Students' Cross-Cultural Understanding Ability in Secondary Vocational English Reading Teaching // English on Campus. – 2025. – No. 25. – P. 9–11.

12.Lu N., Zhang J. J. Achieving the Dialectical Unity of Local Genes and Global Understanding: Narrative Strategies of Yungang Grottoes Commentaries in Cross-Cultural Communication // Global Geography and Humanities. – 2025. – No. 18. – P. 153–155.
13.Tang Y. F. Practical Exploration of Secondary Vocational English Teaching from the Perspective of Cross-Cultural Understanding // Proceedings of the 2023 Annual Academic Conference of China Tao Xingzhi Research Association. – Vol. 3. – Beijing : China Tao Xingzhi Research Association, 2023. – P. 4.
14.Li K. H. A Study on the Curriculum Design and Practice of Traditional Culture in Chinese International Schools : dissertation. – Shanghai : East China Normal University, 2024.
15.Liu D. District-Level Classroom Demonstration Activity of Cross-Cultural International Understanding Education // Huangpu Yearbook / Zhang J. – Shanghai : Shanghai Culture and Art Publishing House, 2019. – P. 242.
16.Liu D. Organizing the “Open, Diverse and Integrated” Classroom Demonstration Activity of Cross-Cultural International Understanding Education // Shanghai Education Yearbook / Lu J. – Shanghai : Shanghai People's Publishing House, 2019. – P. 92.

Рецензент:

УДК 332.8

Лю ЮньХун, Чен Сюелин
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Лю ЮньХун, Чен Сюелин
КНУ имени Жусупа Баласагына
Liu Yunhong, Chen Xueling
KNU Jusup Balasagyn

МУГАЛИМДЕРДИН КЕСИПТИК ОКУУ КООМЧУЛУГУНУН ТЕОРИЯЛЫК МАЗМУНУ (PLC)
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧАЮЩЕГОСЯ СООБЩЕСТВА УЧИТЕЛЕЙ (PLC)
THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF TEACHERS’ PROFESSIONAL LEARNING COMMUNITIES (PLC)

Кыскача мүнөздөмө: Макалада мугалимдердин кесиптик окуу коомчулугунун (Professional Learning Community, PLC) теориялык маңызы изилденет. Изилдөөнүн максаты – PLC концепциясынын мазмунун ачып берүү жана анын теориялык негиздерин системалаштыруу. Изилдөө мугалимдердин кесиптик өнүгүүсү жаатындагы илимий эмгектерди салыштырмалуу талдоого жана теориялык жактан жалпылоого негизделген. Изилдөөнүн жыйынтыгында PLC мугалимдердин кесиптик өз ара аракеттенүүсүнүн формасы гана эмес, жалпы кесиптик максаттарга, педагогикалык көйгөйлөрдү биргелешип изилдөөгө жана кызматташууга негизделген кесиптик билимдерди биргелешип калыптандыруу механизми экени аныкталган. Изилдөөнүн натыйжалары PLC концепциясы Кыргыз Республикасындагы билим берүү реформаларынын шартында педагогика, мектептеги окутуу практикасы жана мугалимдердин кесиптик өнүгүүсү жаатындагы мындан аркы изилдөөлөр үчүн теориялык негиз боло аларын көрсөтөт.

Аннотация: В статье исследуется теоретическая сущность профессионального обучающегося сообщества учителей (Professional Learning Community, PLC). Цель исследования – раскрыть концептуальное содержание PLC и систематизировать его теоретические основы. Исследование основано на сравнительном анализе и теоретическом обобщении научных работ в области профессионального развития учителей. Установлено, что PLC представляет собой не только форму профессионального взаимодействия учителей, но и механизм совместного формирования

профессиональных знаний, основанный на общих профессиональных целях, коллективном исследовании педагогических проблем и сотрудничестве. Результаты исследования показывают, что концепция PLC может служить теоретической основой для дальнейших исследований в области педагогики, школьной практики и профессионального развития учителей в условиях образовательных реформ в Кыргызской Республике.

Abstract: This article examines the theoretical essence of teachers' professional learning communities (Professional Learning Community, PLC). The study aims to clarify the conceptual content of PLC and systematize its theoretical foundations. It is based on a comparative analysis and theoretical synthesis of scholarly research on teacher professional development. The findings indicate that PLC is not merely a form of professional interaction among teachers but also a mechanism for the collaborative construction of professional knowledge, grounded in shared professional goals, collective inquiry into pedagogical issues, and cooperation. The results suggest that the PLC concept can provide a theoretical foundation for further research in pedagogy, school teaching practices, and teacher professional development in the context of educational reforms in the Kyrgyz Republic.

Негизги сөздөр: кесиптик окуу коомчулугу; PLC; мугалимдердин кесиптик өнүгүүсү; мугалимдердин кесиптик билим алуусу; практикалык ишмердүүлүк коомчулугу; Кыргыз Республикасы.

Ключевые слова: профессиональное обучающееся сообщество; PLC; профессиональное развитие учителей; профессиональное обучение учителей; сообщество практики; Кыргызская Республика.

Keywords: professional learning community; PLC; teacher professional development; teacher professional learning; community of practice; Kyrgyz Republic.

1. Введение. В условиях продолжающихся глобальных образовательных реформ профессиональное развитие учителей постепенно переходит от индивидуализированного обучения и внешнего профессионального воздействия к непрерывному, совместному и контекстно обусловленному профессиональному обучению. Традиционная модель профессионального развития преимущественно основывается на централизованных курсах повышения квалификации, лекциях экспертов и освоении учебных программ. Однако педагогическая деятельность отличается высокой сложностью и ситуативностью: учителя работают с различными категориями учащихся, в условиях различного содержания образования, организационной культуры школ и социальных условий. В связи с этим важным направлением исследований в области педагогического образования становится вопрос о том, каким образом учителя могут посредством сотрудничества, совместного исследования и рефлексии осуществлять непрерывное профессиональное обучение и повышать качество педагогической деятельности.

Именно в данном контексте широкое распространение получила концепция профессионального обучающегося сообщества (Professional Learning Community, PLC). Hord (1997) рассматривает профессиональное обучающееся сообщество как организационную форму, в рамках которой учителя и руководители образовательной организации совместно обучаются, планируют деятельность и предпринимают согласованные действия, направленные на улучшение результатов обучения учащихся. В данном подходе акцент переносится с разового повышения квалификации на непрерывное профессиональное исследование и совершенствование [3]. DuFour (2004) подчёркивает, что сущность PLC заключается не просто в объединении учителей, а в формировании культуры сотрудничества, ориентированной на результаты обучения учащихся. Таким образом, PLC предполагает одновременную трансформацию способов профессионального обучения учителей, организационной культуры школы и механизмов совершенствования педагогической деятельности [2]. Теоретические истоки PLC связаны с несколькими направлениями: теорией обучающейся организации, теорией социального обучения, теорией сообществ практики и концепцией

практического знания учителя. Senge (1990) подчёркивает значение общего видения, командного обучения и системного мышления в формировании способности организации к непрерывному развитию [6]. Wenger (1998), рассматривая сообщество практики, показывает, что обучение является не только процессом усвоения знаний, но и результатом социального участия, совместной деятельности и формирования профессиональной идентичности [9]. Cochran-Smith и Lytle (1999) акцентируют взаимосвязь между профессиональным обучением учителей и практическим знанием, подчёркивая возможность формирования профессиональных знаний посредством систематического исследования собственной педагогической практики [1]. Таким образом, PLC может рассматриваться как теоретический конструкт, объединяющий организационное, социальное и профессиональное обучение.

Современные международные исследования PLC преимущественно сосредоточены на определении его содержания, ключевых характеристик, организационных условий, форм лидерства, профессионального сотрудничества учителей, педагогической практики и результатов обучения учащихся. Stoll и соавторы (2006) в своём аналитическом обзоре отмечают значительный потенциал PLC в развитии индивидуальных и коллективных профессиональных возможностей учителей. Вместе с тем формирование эффективного сообщества зависит не только от сотрудничества педагогов, но и от организационной среды, профессиональной культуры, лидерства и наличия соответствующей инфраструктуры [7]. Vescio, Ross и Adams (2008) показали, что развитые PLC могут положительно влиять на педагогическую практику и результаты обучения учащихся, хотя эмпирические доказательства остаются неоднородными, а часть исследований основывается преимущественно на самоотчётах учителей [8]. Louis, Marks и Kruse (1996) также установили, что профессиональные сообщества существенно различаются в разных школах, а их формирование зависит от организационной структуры и кадровых ресурсов [5].

Особого внимания требует вопрос теоретической адаптации PLC к различным национальным образовательным системам. Модель, сформированная преимущественно в англоязычной образовательной среде, не может механически переноситься в другие страны. Её теоретическая применимость должна рассматриваться с учётом профессиональной идентичности учителей, организационной культуры школы, существующих форм педагогического взаимодействия и особенностей образовательного управления. Для Кыргызской Республики данная проблема имеет особую исследовательскую значимость. Современные образовательные реформы направлены на развитие профессиональных компетенций учителей, совершенствование учебных программ и повышение качества образования. В этой связи PLC может рассматриваться не столько как готовая зарубежная организационная модель, сколько как теоретический инструмент анализа процессов профессионального развития учителей.

В последние годы в Кыргызстане продолжается работа по профессиональному развитию учителей, реформированию учебных программ и повышению качества преподавания. При этом соответствующие реформы делают акцент на устойчивом, целенаправленном и практико-ориентированном профессиональном развитии педагогов. В публикации Всемирного банка о профессиональных обучающихся сообществах учителей в Кыргызской Республике отмечается, что в стране уже предпринимаются практические шаги по формированию таких сообществ посредством взаимной поддержки учителей, системы наставничества и регионального сотрудничества [10]. Проект «Learning for the Future», реализуемый с 2020 года, также направлен на повышение эффективности преподавания, развитие цифровых компетенций педагогов и улучшение качества обучения [11].

Таким образом, PLC является не только теоретической концепцией, разработанной в рамках зарубежных исследований образования, но и обладает потенциальной ценностью в качестве инструмента теоретического анализа профессионального развития учителей Кыргызстана.

2. Теоретический раздел

2.1. Формирование и развитие концепции PLC. Теоретическое становление PLC происходило постепенно – от концепции профессионального сообщества учителей к концепции профессионального обучающегося сообщества. Ранние исследования профессиональных сообществ учителей были сосредоточены главным образом на профессиональном взаимодействии педагогов, культуре сотрудничества и организационных условиях школы. Louis, Marks и Kruse (1996) рассматривали профессиональное сообщество учителей как важный элемент организационной перестройки школы и подчёркивали значение профессионального взаимодействия и коллективной ответственности для её совершенствования [5]. Данное направление исследований было связано с проблемой профессиональной изоляции учителей. Little (1990) показала, что традиционная организация педагогической деятельности характеризуется индивидуализмом и относительной изолированностью. При отсутствии устойчивого профессионального взаимодействия педагогические знания остаются преимущественно на уровне индивидуального опыта, а возможности их коллективного анализа и развития существенно ограничиваются [4]. Следовательно, содержательное профессиональное сотрудничество является одним из важных условий профессионального развития учителей. Hord (1997) развила данную идею, введя понятие Professional Learning Community и подчеркнув необходимость не только профессионального взаимодействия, но и совместного исследования проблем обучения учащихся, коллективного планирования и согласованных действий [3].

Таким образом, три компонента понятия PLC отражают его фундаментальную структуру: Professional указывает на профессиональную идентичность участников; Learning – на непрерывность профессионального обучения; Community – на социальный и коллективный характер данного процесса. DuFour (2004) конкретизировал логику PLC, выделив три взаимосвязанных направления: обеспечение обучения учащихся, формирование культуры сотрудничества и ориентацию на результаты [2].

Эволюция концепции PLC отражает более широкую трансформацию представлений о профессиональном развитии учителя. Учитель рассматривается уже не только как получатель внешних знаний, но и как субъект их интерпретации, конструирования и производства. Соответственно, школа понимается не только как место осуществления учебного процесса, но и как пространство непрерывного профессионального и организационного обучения.

2.2. Теоретические основания PLC. PLC имеет несколько взаимосвязанных теоретических оснований, среди которых особое значение имеют теория обучающейся организации, теория сообщества практики и концепция профессионального обучения учителя.

Во-первых, PLC тесно связано с теорией обучающейся организации. Senge (1990) подчёркивает, что устойчивое развитие организации предполагает формирование способности к непрерывному обучению, важнейшими условиями которого являются общее видение и командное обучение [6]. Применительно к школе это означает, что образовательная организация должна выступать не только пространством обучения учащихся, но и организацией, способной к совместному обучению учителей и администрации. В таком понимании PLC представляет школу как систему, в которой формируются новые знания, пересматриваются профессиональные практики и развивается организационный потенциал.

Во-вторых, PLC имеет непосредственную связь с теорией сообщества практики Wenger (1998). Согласно данной концепции, обучение является процессом социального участия, посредством которого человек через совместную практику приобретает знания, формирует профессиональную идентичность и осмысливает значение своей деятельности [9]. Для учителей профессиональные знания формируются не только посредством учебников, курсов повышения квалификации и экспертных лекций, но и через наблюдение, обсуждение, совместную деятельность, профессиональные дискуссии и рефлексию. Следовательно, обучение в рамках PLC представляет собой социальное обучение, непосредственно встроенное в педагогическую практику.

В-третьих, PLC связано с концепцией практического знания учителя. Cochran-Smith и Lytle (1999) выделяют различные формы знания – knowledge-for-practice, knowledge-in-practice и knowledge-of-practice – и подчёркивают, что учителя способны формировать профессиональные знания посредством целенаправленного исследования собственной практики [1].

Таким образом, учитель выступает не только потребителем теоретических знаний, но и субъектом формирования профессионального знания, а собственный педагогический опыт становится ресурсом профессионального исследования и коллективного знания.

В результате можно выделить следующую теоретическую взаимосвязь: теория обучающейся организации отвечает на вопрос, почему учителям необходимо совместное обучение; теория сообщества практики объясняет, как обучение осуществляется посредством участия в совместной практике; концепция практического знания показывает, как учителя формируют профессиональные знания через исследование собственной деятельности. PLC объединяет эти подходы и придаёт профессиональному обучению учителей организационный, социальный и практико-ориентированный характер.

3. Основное содержание профессионального обучающегося сообщества учителей (PLC). На основе рассмотренных теоретических подходов PLC может быть представлено через пять взаимосвязанных компонентов.

3.1. Общее профессиональное видение. Участники сообщества должны сформировать общее понимание целей профессионального развития, обучения учащихся и совершенствования школы. Если участие учителей в совместной деятельности обусловлено исключительно административными требованиями, такое взаимодействие остаётся преимущественно формальным и не соответствует полноценной модели PLC.

3.2. Культура сотрудничества. PLC предполагает профессиональное сотрудничество и коллективную ответственность. Учителя должны быть готовы открыто обсуждать собственный опыт, профессиональные проблемы и результаты деятельности, переводя индивидуальное педагогическое знание в пространство коллективного анализа. Поэтому PLC является не только формой организации профессиональной деятельности, но и особым типом профессиональной культуры школы.

3.3. Коллективное исследование. Сущность PLC заключается не в простом обмене информацией, а в систематическом исследовании общих профессиональных проблем. Подчёркиваемый Hord (1997) принцип continuous inquiry and improvement предполагает способность сообщества постоянно формулировать вопросы, исследовать их и корректировать педагогическую практику [3].

3.4. Ориентация на результаты и доказательства. PLC ориентирует учителей не только на выполнение учебных задач, но прежде всего на вопрос о том, чему реально научились учащиеся. DuFour (2004) рассматривает ориентацию на результаты как один из ключевых элементов PLC [2]. В качестве оснований для коллективного анализа могут использоваться результаты учебной деятельности учащихся, качество выполненных заданий, наблюдения за уроками и другие образовательные данные.

3.5. Непрерывное совершенствование. PLC не является разовым методическим мероприятием. Это циклический процесс профессионального обучения: выявление проблемы – коллективное исследование – педагогическое действие – получение доказательств – рефлексия – корректировка практики. Именно циклический характер отличает PLC от разового повышения квалификации или формального коллективного планирования.

Таким образом, сущность PLC заключается не в формальном объединении учителей, а в формировании устойчивого профессионального сообщества, ориентированного на решение проблем обучения учащихся, коллективное профессиональное обучение, совместное формирование знаний и непрерывное совершенствование педагогической практики.

4. Результаты и обсуждение

4.1. Основные результаты. Теоретический анализ позволяет сделать несколько основных выводов.

Во-первых, сущность PLC не сводится к простому сотрудничеству учителей. Его основой является коллективное профессиональное обучение, организованное вокруг общих педагогических проблем. Переход от административно обусловленного взаимодействия к профессионально ориентированному исследованию способствует превращению совместной деятельности в полноценный процесс профессионального обучения.

Во-вторых, центральным процессом PLC является не передача готовых знаний, а совместное формирование профессионального знания. Учитель выступает одновременно потребителем и создателем профессионального знания. Индивидуальный педагогический опыт посредством обсуждения, сопоставления и рефлексии становится частью коллективной системы знаний.

В-третьих, функционирование PLC имеет выраженный циклический характер. Последовательность «проблема – исследование – практика – доказательства – рефлексия» превращает профессиональное развитие из разового мероприятия в непрерывный процесс.

Следовательно, ключевая ценность PLC заключается не столько в создании отдельной организационной структуры, сколько в формировании устойчивого механизма непрерывного профессионального обучения и совершенствования педагогической практики.

4.2. Теоретическое значение концепции PLC для педагогического образования и школьной методической работы в Кыргызстане. Для Кыргызской Республики PLC представляет интерес прежде всего как теоретическая основа анализа профессионального развития учителей, а не как готовая зарубежная модель, подлежащая непосредственному копированию.

Во-первых, концепция PLC позволяет по-новому рассматривать организационную логику школьной методической работы. Традиционно методическая деятельность может рассматриваться как планирование уроков, обсуждение методики преподавания или обмен индивидуальным опытом. PLC предлагает рассматривать её как процесс коллективного исследования реальных профессиональных и образовательных проблем. В результате единицей анализа становится не только отдельный учитель, но и профессиональное сообщество педагогов, а разовое методическое мероприятие уступает место непрерывному процессу профессионального обучения.

Во-вторых, PLC предоставляет теоретическую основу для рассмотрения учителя как субъекта формирования профессионального знания. Учитель не является исключительно получателем знаний, предлагаемых образовательной политикой, учебными программами, институтами повышения квалификации или экспертами. Через анализ собственной практики и коллективное исследование педагогических проблем учителя способны формировать собственное практическое знание. Для образовательной системы Кыргызстана, находящейся в процессе обновления учебных программ, механизмов оценивания и системы профессионального развития педагогов, данный подход позволяет теоретически переосмыслить роль учителя как активного субъекта образовательных изменений.

В-третьих, PLC может выступать в качестве связующей теоретической концепции, объединяющей педагогическое образование, школьную методическую работу и организационное развитие школы. Современные образовательные преобразования в Кыргызской Республике затрагивают не только профессиональную подготовку учителей, но и содержание образования, оценивание, цифровизацию обучения и качество школьного образования. С позиции PLC исследователь получает возможность рассматривать вопрос о том, каким образом образовательная политика и реформы преобразуются в профессиональное обучение педагогов и далее – в педагогическую практику.

Таким образом, теоретическая ценность PLC для Кыргызстана заключается не в копировании зарубежной модели, а в формировании аналитической основы, позволяющей рассматривать профессиональное развитие как взаимодействие индивидуального и коллективного обучения, теоретического и практического знания, профессионального развития учителей и организационного обучения школы. Такая теоретическая перспектива может стать концептуальной основой для

дальнейшего исследования профессиональных сообществ учителей, культуры педагогического сотрудничества и механизмов профессионального обучения в школах Кыргызстана.

5. Заключение. В целом PLC представляет собой не просто замену традиционных форм методической работы, а теоретическую концепцию, объясняющую, как учителя обучаются, как развивается школа как обучающаяся организация и каким образом формируется профессиональное педагогическое знание.

Теоретическая структура PLC основана на взаимодействии общего профессионального видения, культуры сотрудничества, коллективного исследования, ориентации на доказательства и непрерывного совершенствования. Функционирование PLC может быть представлено как циклический процесс: проблема – исследование – практика – доказательства – рефлексия – совершенствование.

Для исследования педагогического образования и школьной методической работы в Кыргызской Республике PLC имеет перспективное теоретическое значение. Данная концепция позволяет перейти от индивидуализированного понимания профессионального развития к его коллективному и организационному измерению, а также рассматривать учителей не только как потребителей, но и как создателей профессионального знания. Следовательно, PLC может служить теоретической основой для дальнейшего изучения профессиональных сообществ учителей, культуры педагогического сотрудничества и механизмов непрерывного профессионального образования в образовательных организациях Кыргызстана.

Список использованной литературы

1. Cochran-Smith M., Lytle S. L. Relationships of Knowledge and Practice: Teacher Learning in Communities // Review of Research in Education. – 1999. – Vol. 24, No. 1. – P. 249–305. – DOI: 10.3102/0091732X024001249.

2. DuFour R. What Is a Professional Learning Community? // Educational Leadership. – 2004. – Vol. 61, No. 8. – P. 6–11.

3. Hord S. M. Professional Learning Communities: Communities of Continuous Inquiry and Improvement. – Austin, TX: Southwest Educational Development Laboratory, 1997.

4. Little J. W. The Persistence of Privacy: Autonomy and Initiative in Teachers' Professional Relations // Teachers College Record. – 1990. – Vol. 91, No. 4. – P. 509–536.

5. Louis K. S., Marks H. M., Kruse S. D. Teachers' Professional Community in Restructuring Schools // American Educational Research Journal. – 1996. – Vol. 33, No. 4. – P. 757–798. – DOI: 10.3102/00028312033004757.

6. Senge P. M. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. – New York: Doubleday/Currency, 1990.

7. Stoll L., Bolam R., McMahon A., Wallace M., Thomas S. Professional Learning Communities: A Review of the Literature // Journal of Educational Change. – 2006. – Vol. 7. – P. 221–258. – DOI: 10.1007/s10833-006-0001-8.

8. Vescio V., Ross D., Adams A. A Review of Research on the Impact of Professional Learning Communities on Teaching Practice and Student Learning // Teaching and Teacher Education. – 2008. – Vol. 24, No. 1. – P. 80–91. – DOI: 10.1016/j.tate.2007.01.004.

9. Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

10. Chattopadhay T., Iqbal S. A. How the Kyrgyz Republic Is Promoting Professional Learning Communities for Teachers // World Bank Blogs. – 2023. – 16 February. – URL: https://blogs.worldbank.org/en/europeandcentralasia/how-kyrgyz-republic-promoting-professional-learning-communities-teachers.

11. World Bank. Kyrgyz Republic to Enhance Quality of Education with World Bank Financing. – 2020. – 11 June.

12.World Bank. Kyrgyz Republic to Enhance Education Quality with Additional Financing from the World Bank. – 2025. – 26 June.
13.UNESCO. Central Asian Experts Discuss Reforms of Teacher Policies to Improve Educational Outcomes in the Region. – 2023. – 21 September. – URL: https://www.unesco.org/en/articles/central-asian-experts-discuss-reforms-teacher-policies-improve-educational-outcomes-region.

Рецензент: PhD, доцент Молдобаева А.З.

Лю ЮньХун, Чен Сюелин
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Лю ЮньХун, Чен Сюелин
КНУ имени Жусупа Баласагына
Liu Yunhong, Chen Xueling
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗСТАНДЫН ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНДА ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛДЫК ИНТЕРАКТИВДҮҮ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ КОЛДОНУУНУ ИЗИЛДӨӨ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ В ВУЗАХ КЫРГЫЗСТАНА
RESEARCH ON THE APPLICATION OF INTELLIGENT INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN LANGUAGE TEACHING AT UNIVERSITIES IN KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө тилдерди окутууда сүйлөөнү таануу технологиялары жана виртуалдык ассистенттер сыяктуу интеллектуалдык интерактивдүү технологияларды колдонуунун мүмкүнчүлүктөрүн жана натыйжалуулугун баалоого, аларды киргизүүнүн жолдорун аныктоого, ошондой эле колдонууну оптималдаштыруу боюнча сунуштарды иштеп чыгууга багытталган. Салыштырма талдоонун негизинде технологияларды ыңгайлаштыруунун негизги багыттары аныкталган. Изилдөөнүн жыйынтыктары технологиялардын эки түрү тең студенттердин окууга болгон мотивациясын жана оозеки сүйлөө көндүмдөрүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөрүн көрсөтөт. Алардын натыйжалуулугу технологияларды кыргыз тилинин агглютинативдүү түзүлүшүнө, өзгөчө фонемаларына жана басым коюу эрежелерине ылайыкташтыруудан көз каранды. Макалада Кыргызстандын жогорку билим берүү системасын санариптештирүү боюнча практикалык сунуштар берилген.

Аннотация: Данное исследование направлено на оценку потенциала и эффективности применения интеллектуальных интерактивных технологий, таких как распознавание речи и виртуальные ассистенты, в преподавании языков, выявление путей их внедрения, а также разработку рекомендаций по оптимизации их использования. На основе сравнительного анализа определены основные направления адаптации технологий. Результаты исследования показывают, что оба типа технологий способствуют повышению учебной мотивации студентов и развитию навыков устной речи. Их эффективность в значительной степени зависит от адаптации к агглютинативным особенностям кыргызского языка, его специфическим фонемам и правилам постановки ударения. В работе представлены практические рекомендации по цифровой трансформации высшего образования в Кыргызстане.

Abstract: This study aims to evaluate the potential and effectiveness of intelligent interactive technologies, such as speech recognition and virtual assistants, in language teaching, identify approaches to their implementation, and develop recommendations for optimizing their use. A comparative analysis

identified the main directions for adapting these technologies. The findings indicate that both types of technologies contribute to students' learning motivation and the development of oral communication skills. Their effectiveness largely depends on adaptation to the agglutinative structure of the Kyrgyz language, its distinctive phonemes, and stress patterns. The study provides practical recommendations for the digital transformation of higher education in Kyrgyzstan.

Негизги сөздөр: билим берүүнү санариптештирүү; интеллектуалдык интерактивдүү технологиялар; сүйлөөнү таануу; виртуалдык ассистенттер; тилдерди окутуу.

Ключевые слова: цифровизация образования; интеллектуальные интерактивные технологии; распознавание речи; виртуальные ассистенты; преподавание языков.

Keywords: digitalization of education; intelligent interactive technologies; speech recognition; virtual assistants; language teaching.

1. Введение. В условиях ускоряющейся глобальной цифровой трансформации образования интеллектуальные технологии становятся важным инструментом совершенствования методики преподавания языков. В Кыргызстане как многоязычном государстве высшие учебные заведения играют важную роль в формировании языковых компетенций молодёжи. Студенты должны не только овладеть кыргызским языком как средством коммуникации, но и воспринимать его как культурное достояние и значимый инструмент профессионального развития [1; 2].

Однако в настоящее время преподавание кыргызского языка в вузах страны сталкивается с рядом проблем: недостаточным развитием персонализированных моделей обучения, ограниченностью времени для индивидуальных консультаций, недостаточными возможностями для непрерывной языковой практики студентов вне аудитории, а также дефицитом современных интерактивных образовательных ресурсов, адаптированных к специфике кыргызского языка.

Технологии интеллектуального интерактивного взаимодействия, такие как распознавание речи и виртуальные ассистенты, могут стать эффективными инструментами решения указанных проблем [4; 5; 7]. Технологии распознавания речи позволяют студентам тренировать произношение и получать оперативную обратную связь относительно точности артикуляции звуков и построения фраз. Виртуальные ассистенты могут выступать в роли круглосуточных собеседников, отвечать на вопросы, составлять индивидуальные планы занятий и адаптировать учебный контент к уровню знаний обучающихся. Таким образом, исследование применения интеллектуальных интерактивных технологий в преподавании кыргызского языка в вузах Кыргызстана имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Кроме того, применение интеллектуальных интерактивных технологий в вузах Кыргызстана может носить фрагментарный характер: они используются как отдельные программы или приложения без интеграции в целостный образовательный процесс. Это ограничивает возможности использования технологий для развития языковых навыков студентов. В связи с этим центральная проблема данного исследования заключается в необходимости изучения потенциала применения технологий интеллектуального интерактивного взаимодействия (распознавания речи и виртуальных ассистентов) в преподавании языков в вузах Кыргызстана, выявления ключевых факторов, влияющих на их эффективность, и разработки рекомендаций по оптимизации их внедрения.

2. Материалы и методы исследования. Объектом исследования является процесс преподавания кыргызского языка в вузах Кыргызстана. Предметом исследования являются особенности применения, эффективность и барьеры внедрения технологий распознавания речи и виртуальных ассистентов.

В работе использованы следующие методы:

Анализ и синтез научной литературы и документов: обобщение современных моделей применения интеллектуальных технологий в языковом образовании, анализ специфики преподавания кыргызского языка и выявление пробелов в существующих исследованиях.

Сравнительный анализ: сопоставление характеристик различных интеллектуальных интерактивных технологий, их потенциала и эффективности в сфере языкового образования.

Эмпирические методы: сбор мнений преподавателей и студентов о применении технологий распознавания речи и виртуальных ассистентов в преподавании кыргызского языка; проведение интервью с преподавателями для углублённого понимания проблем и перспектив внедрения технологий; наблюдение за фактическим использованием технологий в учебном процессе.

3. Результаты и обсуждение

Роль интеллектуальных интерактивных технологий в языковом образовании. Роль интеллектуальных интерактивных технологий в современном языковом образовании постоянно возрастает, превращая их в инструмент совершенствования обучения, реализации персонализированного подхода и расширения возможностей языковой практики. К данному классу технологий относятся системы искусственного интеллекта, машинный перевод, распознавание и синтез речи, виртуальные ассистенты, интерактивные платформы и приложения, которые могут применяться на различных этапах языкового обучения [3; 8; 9].

Одной из ключевых функций этих технологий является повышение учебной мотивации. По сравнению с традиционными методами современные технологии делают процесс изучения языка более увлекательным и интерактивным. Например, интерактивные обучающие игры, видеоматериалы и виртуальные сценарии позволяют студентам применять языковые навыки в ситуациях, приближенных к реальным, что способствует повышению интереса к обучению. Одновременно технологии обеспечивают оперативную обратную связь (например, исправление ошибок в письменной речи или произношении), позволяя студентам своевременно выявлять свои ошибки и укреплять уверенность в собственных силах [5; 6].

Другой важной функцией является реализация персонализированного обучения. Интеллектуальные технологии способны адаптировать учебный контент к исходному уровню знаний, интересам и целям каждого студента. Например, системы искусственного интеллекта могут анализировать результаты выполнения заданий, выявлять затруднения (грамматические ошибки, неправильное произношение) и предлагать дополнительные упражнения. Это позволяет обучающимся двигаться в собственном темпе, избегая как отставания, так и снижения интереса из-за чрезмерной простоты материала.

Интеллектуальные интерактивные технологии расширяют возможности языковой практики. В условиях ограниченного аудиторного времени студенты не всегда получают достаточную практику устной и письменной речи. Технологии распознавания речи и виртуальные ассистенты позволяют заниматься в любое время и в любом месте как индивидуально, так и в группах. Например, студенты могут использовать приложения с функцией распознавания речи для тренировки произношения, а виртуального ассистента – в качестве собеседника, который отвечает на вопросы и исправляет ошибки [4; 7].

Кроме того, технологии повышают доступность языкового образования. Они открывают доступ к образовательным ресурсам для студентов из отдалённых регионов и лиц с особыми образовательными потребностями. Например, онлайн-курсы и интерактивные платформы позволяют студентам Кыргызстана получать консультации опытных преподавателей кыргызского языка дистанционно.

Технологии также помогают оптимизировать работу преподавателей, автоматизируя рутинные задачи: проверку заданий, оценивание тестов и предоставление обратной связи. Это высвобождает время преподавателя для решения других важных задач: развития коммуникативных навыков студентов, организации интерактивных занятий и индивидуального наставничества. С помощью технологий преподаватель может отслеживать прогресс каждого студента и своевременно корректировать процесс обучения.

Важно подчеркнуть, что интеллектуальные интерактивные технологии не заменяют преподавателя, а являются вспомогательным инструментом. Роль преподавателя остаётся ключевой:

он отбирает подходящие технологии, адаптирует их применение к потребностям студентов, организует образовательный процесс и оказывает необходимую поддержку. Технологии способствуют повышению эффективности работы преподавателя и расширяют возможности обучения.

Результаты эмпирического исследования и обсуждение. Результаты эмпирического исследования показали, что 82% студентов и 77% преподавателей считают существующие интерактивные ресурсы для изучения кыргызского языка недостаточными. 68% респондентов признают вспомогательную роль технологий распознавания речи в тренировке произношения, но отмечают снижение точности распознавания при наличии выраженного акцента и в шумной среде. 71% опрошенных полагают, что функция круглосуточных консультаций виртуального ассистента способствует повышению мотивации, однако указывают на недостаточное понимание системой идиоматических выражений и контекстуальных смыслов кыргызского языка.

Обсуждение результатов показало, что ключевым условием внедрения технологий является их локализация. Необходимо обучение моделей с учётом специфических фонем кыргызского языка (например, гласных [ө], [ү] и согласного [ң]), особенностей ударения, правил агглютинативной грамматики, а также лексического состава языка, включающего заимствования из других языков.

К числу основных барьеров внедрения относятся недостаточный уровень цифровой грамотности преподавателей (на это указали 63% респондентов), ограниченное финансирование (57%), а также недостаточное покрытие сетями связи и недостаточная оснащённость оборудованием в отдалённых регионах (42%). При этом результаты согласуются с представлением о том, что технологии являются вспомогательным инструментом и не могут полностью заменить преподавателя в вопросах проектирования образовательного процесса и оказания эмоциональной поддержки.

Рекомендации по применению интеллектуальных интерактивных технологий в преподавании языков. Для обеспечения эффективного применения технологий распознавания речи и виртуальных ассистентов в вузах Кыргызстана необходима их адаптация с учётом специфики кыргызского языка.

Фонетическая адаптация: Кыргызский язык имеет специфические фонемы (например, гласные [ө], [ү] и согласный [ң]). При адаптации систем распознавания речи необходимо обучать модели распознаванию этих звуков и оценке правильности их произношения. Кроме того, важно учитывать особенности ударения в кыргызском языке [3; 9].

Лексическая адаптация: Необходимо создать полноценную лексическую базу данных кыргызского языка, включающую синонимы, антонимы и идиоматические выражения, с учётом заимствований из других языков, в том числе русского и арабского. Это важно для корректной работы виртуальных ассистентов.

Грамматическая адаптация: Поскольку кыргызский язык является агглютинативным, при адаптации алгоритмов распознавания речи и обработки естественного языка необходимо учитывать особенности словоизменения (склонения и спряжения), а также правила сочетаемости слов [3; 9].

Заключение. По результатам исследования сформулированы следующие основные выводы:

1. Технологии распознавания речи и виртуальные ассистенты обладают потенциалом для повышения эффективности преподавания кыргызского языка, особенно в развитии навыков устной речи и коммуникации.
2. Локализация является одним из ключевых факторов успешного внедрения технологий и должна учитывать фонетические, лексические и грамматические особенности кыргызского языка.
3. Технологии не заменяют преподавателя, а дополняют его деятельность, обеспечивая дополнительные возможности для персонализации обучения.

На основе полученных результатов разработаны следующие рекомендации:

1. Усилить подготовку преподавателей в области цифровой грамотности.
2. Создать специальные фонды для поддержки разработки интеллектуальных образовательных ресурсов на кыргызском языке.

3. Разработать и внедрить единые стандарты оценки языковой компетенции.

4. Начать внедрение технологий с пилотных проектов в вузах, обладающих развитой инфраструктурой и квалифицированными кадрами.

Результаты данного исследования могут быть использованы преподавателями вузов Кыргызстана для совершенствования учебного процесса. Полученные данные могут служить основой для дальнейших исследований цифровой трансформации высшего образования и разработки рекомендаций в области образовательной политики. Предложенные подходы также могут представлять интерес для других многоязычных стран при внедрении интеллектуальных технологий в преподавание национальных языков.

Список использованной литературы

1. Алибекова У. Б. Использование современных образовательных технологий в обучении кыргызскому языку студентов педагогических специальностей // Бюллетень науки и практики. – 2025. – Т. 11, № 12. – DOI: 10.33619/2414-2948/121/64.

2. Алибекова У. Б. О применении информационно-коммуникативных технологий и искусственного интеллекта в процессе подготовки будущих педагогов при обучении кыргызскому языку // Бюллетень науки и практики. – 2025. – Т. 11, № 12. – С. 495–501. – DOI: 10.33619/2414-2948/121/63.

3. Bekarystankyzy A., Mamyrbayev O., Anarbekova T. Integrated End-to-End Automatic Speech Recognition for Languages for Agglutinative Languages // ACM Transactions on Asian and Low-Resource Language Information Processing. – 2024. – Vol. 23, № 6. – Art. 79. – DOI: 10.1145/3663568.

4. Song J. Y., Pycha A., Culleton T. Interactions between voice-activated AI assistants and human speakers and their implications for second-language acquisition // Frontiers in Communication. – 2022. – Vol. 7. – Art. 995475. – DOI: 10.3389/fcomm.2022.995475.

5. Dizon G. Using intelligent personal assistants for second language learning: A case study of Alexa // TESOL Journal. – 2017. – Vol. 8, № 4. – P. 811–830. – DOI: 10.1002/tesj.353.

6. Dizon G. Affordances and constraints of intelligent personal assistants for second-language learning // RELC Journal. – 2023. – Vol. 54, № 3. – P. 848–855. – DOI: 10.1177/00336882211020548.

7. Moussalli S., Cardoso W. Intelligent personal assistants: Can they understand and be understood by accented L2 learners? // Computer Assisted Language Learning. – 2020. – Vol. 33, № 8. – P. 865–890. – DOI: 10.1080/09588221.2019.1595664.

8. Mussakhojayeva S., Dauletbek K., Yeshpanov R., Varol H. A. Multilingual Speech Recognition for Turkic Languages // Information. – 2023. – Vol. 14, № 2. – Art. 74. – DOI: 10.3390/info14020074.

9. Du W., Maimaitiyiming Y., Nijat M., Li L., Hamdulla A., Wang D. Automatic Speech Recognition for Uyghur, Kazakh, and Kyrgyz: An Overview // Applied Sciences. – 2023. – Vol. 13, № 1. – Art. 326. – DOI: 10.3390/app13010326.

Рецензент: PhD, доцент Молдобаева А.З.

УДК 37.013

Мадалиева С.А.
Ош мамлекеттик педагогикалык университети
Мадалиева С.А.
Ошский государственный педагогический университет
Madalieva S.A.
Osh State Pedagogical University

МЕКТЕПКЕ ЧЕЙИНКИ БАЛДАРГА ФОЛЬКЛОРДУК ЧЫГАРМАЛАРДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛОО
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
INTERPRETATION OF FOLKLORE WORKS FOR PRESCHOOL CHILDREN

Кыскача мүнөздөмө: Макалада мектепке чейинки курактагы балдарды тарбиялоодо фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун теориялык жана практикалык негиздери каралат. Фольклордук мурастардын баланын тилдик, когнитивдик жана эмоционалдык өнүгүүсүнө тийгизген таасири талданып, аларды натыйжалуу пайдалануунун жолдору сунушталат. Мектепке чейинки курактагы балдарга арналган жомоктордун, макал-лакаптардын, жаңылмачтардын жана санамактардын жанрдык өзгөчөлүктөрү менен тарбиялык мүмкүнчүлүктөрү ачып берилет. Фольклордук чыгармаларды интерпретациялоо процессинде көркөм окуу, сүрөө-жооп, рольдоштуруу, сүрөт тартуу жана оюн ыкмаларын комплекстүү колдонуу зарылдыгы негизделет. Балдардын жаш өзгөчөлүктөрүн, кабыл алуу деңгээлин, кызыгууларын жана эмоционалдык абалын эске алуу фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун натыйжалуулугун камсыз кылуучу негизги факторлордун бири катары белгиленет. Тарбиячынын чыгармачыл мамилеси жана заманбап педагогикалык ыкмаларды колдонуу балдардын тилдик жана когнитивдик өнүгүүсүнө, руханий дүйнөсүнүн байышына, улуттук аң-сезиминин калыптанышына жана социалдык жүрүм-турумунун өнүгүшүнө өбөлгө түзөрү көрсөтүлөт. Макалада сунушталган ыкмалар мектепке чейинки билим берүү уюмдарынын тарбиячылары жана педагогдору үчүн практикалык мааниге ээ.

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические основы интерпретации фольклорных произведений в воспитании детей дошкольного возраста. Анализируется влияние фольклорного наследия на речевое, когнитивное и эмоциональное развитие ребёнка, предлагаются способы его эффективного использования. Раскрываются жанровые особенности и воспитательные возможности сказок, пословиц и поговорок, скороговорок и считалок, предназначенных для детей дошкольного возраста. Обосновывается необходимость комплексного применения выразительного чтения, беседы, ролевых игр, рисования и игровых методов в процессе интерпретации фольклорных произведений. Учёт возрастных особенностей детей, уровня их восприятия, интересов и эмоционального состояния рассматривается как один из основных факторов, обеспечивающих эффективность интерпретации фольклорных произведений. Показано, что творческий подход воспитателя и использование современных педагогических методов способствуют речевому и когнитивному развитию детей, обогащению их духовного мира, формированию национального самосознания и развитию социального поведения. Предложенные в статье методы имеют практическое значение для воспитателей и педагогов дошкольных образовательных организаций.

Abstract: The article examines the theoretical and practical foundations of interpreting folklore works in the education and upbringing of preschool children. It analyzes the influence of folklore heritage on children's speech, cognitive, and emotional development and suggests ways to use it effectively. The genre-specific characteristics and educational potential of fairy tales, proverbs and sayings, tongue twisters, and counting-out rhymes intended for preschool children are discussed. The article emphasizes the importance of combining expressive reading, discussions, role-playing, drawing, and play-based methods when interpreting folklore works. Consideration of children's age-related characteristics, levels of comprehension, interests, and emotional states is identified as one of the key factors contributing to the effective interpretation of folklore works. The article highlights how educators' creative approaches and the use of modern teaching methods can support children's speech and cognitive development, enrich their inner world, foster national identity, and promote social development. The proposed methods have practical value for preschool educators and teachers.

Негизги сөздөр: фольклор; интерпретация; мектепке чейинки курак; баланын өнүгүүсү; жомок; макал-лакап; жаңылмач; санамак; кептин өнүгүүсү; когнитивдик процесстер.

Ключевые слова: фольклор; интерпретация; дошкольный возраст; развитие ребёнка; сказки; пословицы и поговорки; скороговорки; считалки; речевое развитие; когнитивные процессы.

Keywords: folklore; interpretation; preschool age; child development; fairy tales; proverbs and sayings; tongue twisters; counting-out rhymes; speech development; cognitive processes.

Мектепке чейинки курактагы балдардын ар тараптуу өнүгүүсүндө фольклордук чыгармалар өзгөчө орунду ээлейт. Азыркы учурда балдарды тарбиялоодо улуттук баалуулуктарга таянуу зарылдыгы күч алып жаткан шартта фольклордук мурастарды туура пайдалануу актуалдуу маселелердин бири болуп саналат. Анткени элдик чыгармаларда элдин тарыхы, дүйнө таанымы, адеп-ахлактык нормалары жана жашоо тажрыйбасы чагылдырылган. Бул мурастарды балага жеткирүү аркылуу анын руханий дүйнөсүн байытууга, улуттук аң-сезимин калыптандырууга жана социалдык жүрүм-турумун өнүктүрүүгө мүмкүнчүлүк түзүлөт. Мектепке чейинки куракта бала дүйнөнү негизинен эмоционалдык жана образдык кабыл алуу аркылуу тааныйт. Ушул себептен улам фольклордук чыгармалар анын кебин өнүктүрүүдө, сөз байлыгын кеңейтүүдө жана ой жүгүртүүсүн активдештирүүдө негизги каражаттардын бири болуп эсептелет. Жомоктор, макал-лакаптар, жаңылмачтар жана санамактар баланын эс тутумун, элестетүүсүн жана чыгармачылык жөндөмүн өнүктүрүүгө көмөк көрсөтөт. Мындан тышкары, бул чыгармалар аркылуу бала жакшы менен жаманды айырмалоону, каармандардын жүрүм-турумуна баа берүүнү үйрөнөт. Демек, фольклордук материалдар баланын интеллектуалдык гана эмес, моралдык жана эстетикалык өнүгүүсүнө да таасир этет. Фольклордук чыгармаларды балдарга жеткирүүдө аларды интерпретациялоо өзгөчө маанеге ээ.

Педагогикалык контекстте «интерпретация» деген түшүнүк текстти жеткиликтүү тилде чечмелөөнү, аны окурмандын же угармандын психологиялык деңгээлине ылайыкташтырууну жана чыгарманын маңызын жоготпой жеткирүүнү камтыган татаал процесс болуп эсептелет. Орус психологу Л. С. Выготскийдин «жакынкы өнүгүү зонасы» концепциясына ылайык, баланын учурдагы мүмкүнчүлүктөрүнөн бир аз жогору деңгээлдеги тапшырмаларды чоңдордун же жөндөмдүүрөөк теңтуштарынын жардамы менен аткаруу анын өнүгүүсүнө өбөлгө түзөт. Бул принцип фольклорду интерпретациялоодо да колдонулушу мүмкүн. Баланы окутуунун жана өнүктүрүүнүн бардык жактары бири-бири менен тыгыз байланышкан. Ошондуктан кенже курактагы балдарды ар тараптан өнүктүрүүгө, башкача айтканда, инсанды бүтүндөй өнүктүрүүгө көңүл буруу зарыл [1, 25-б.].

Фольклорду интерпретациялоо дегенде, адегенде чыгарманын тилдик, образдык жана мазмундук өзгөчөлүктөрүн ачып берип, андан соң аларды баланын турмуштук тажрыйбасы менен байланыштырып түшүндүрүү керек. Швейцариялык психолог Ж. Пиаженин когнитивдик өнүгүү теориясына ылайык, 2–7 жаштагы балдардын ой жүгүртүүсүндө символдор жана образдар маанилүү орунду ээлейт. Бул өзгөчөлүк фольклордук чыгармаларды балдардын символдук ой жүгүртүүсүнө ылайык чечмелөөнүн маанилүүлүгүн көрсөтөт.

Интерпретация – чыгарманы жөн гана окуп берүү эмес, анын мазмунун баланын жаш өзгөчөлүгүнө ылайык түшүндүрүү, негизги оюн ачып берүү жана турмуш менен байланыштыруу процесси. Бул процесс тарбиячыдан чыгармачыл мамилени, педагогикалык чеберчиликти жана баланын психологиясын терең билүүнү талап кылат. Интерпретациялоо учурунда бала пассивдүү угуучу болбостон, активдүү катышуучуга айланат. Башкача айтканда, ал угуп гана тим болбостон, ойлонуп, салыштырып, өз пикирин билдирүүгө аракет кылат. Натыйжада алынган маалымат тереңирээк өздөштүрүлүп, узак убакытка сакталат.

Фольклордук чыгармаларды интерпретациялоо мектепке чейинки билим берүүнүн маанилүү бөлүгү болуп саналат. Ал баланын тилдик, когнитивдик жана эмоционалдык өнүгүүсүнө комплекстүү түрдө өбөлгө түзөт жана тарбиячынын максаттуу ишмердүүлүгү аркылуу жакшы натыйжаларга жетүүгө мүмкүнчүлүк берет [2, 30-б.].

Мектепке чейинки курактагы балдарды тарбиялоодо фольклордук чыгармалардын ар түрдүү жанрларын пайдалануу өзгөчө маанеге ээ. Бул куракта бала дүйнөнү көбүнчө образдар жана тил

аркылуу таанып-билгендиктен, фольклордук чыгармалар анын өнүгүүсүнө комплекстүү таасир этет. Жомоктор, макал-лакаптар, жаңылмачтар жана санамактар балдардын кабыл алуу деңгээлине ылайык келген таасирдүү каражаттар болуп саналат.

Жомоктор балдардын эмоционалдык, интеллектуалдык жана адеп-ахлактык өнүгүүсүнө чоң салым кошот. Алар балдардын жакшы сапаттарынын, моралдык баалуулуктарынын жана дүйнө таанымынын калыптанышына таасир этет. Жомоктор аркылуу балдар жакшы менен жаманды айырмалоого, каармандардын жүрүм-турумуна баа берүүгө жана алардын оң сапаттарын өздөштүрүүгө үйрөнүшөт. Каармандардын кыйынчылыктарды акыл-эси жана жакшы сапаттары аркылуу жеңип чыгышы балдар үчүн тарбиялык мааниге ээ. Мындай окуялардан сабак алуу менен балдар турмушта туура чечим кабыл алууга үйрөнүшөт. Жомоктордун жардамы менен балдар жаңы сөздөрдү үйрөнүп, сөз байлыгын кеңейтишет. Жаңы сөздөрдү угуу, сүрөттөрдүн негизинде айтып берүү жана сүйлөмдөрдү түзүү аркылуу алардын кеп көндүмдөрү өнүгөт.

Жомоктор эмоционалдык тарбия берүүдө да маанилүү роль ойнойт. Балдар каармандардын башынан өткөн окуялар аркылуу кубаныч, кайгы, коркуу, үмүт сыяктуу ар кандай сезимдерди таанып, аларды түшүнүүгө үйрөнүшөт. Бул алардын эмоционалдык интеллектин өнүктүрүүгө жардам берет [3, 34-б.].

Жомокторду колдонуу баланын элестетүүсүн жана чыгармачылык ой жүгүртүүсүн өнүктүрүүдө өзгөчө роль ойнойт. Жомоктогу окуялар, каармандар жана алардын аракеттери баланын аң-сезиминде образ катары калыптанып, ал аркылуу бала айлана-чөйрөнү түшүнө баштайт. Тарбиячы жомокторду интерпретациялоодо алардын мазмунун жөнөкөйлөтүп түшүндүрүүгө жана каармандардын жүрүм-турумуна өзгөчө көңүл бурууга тийиш. Бул баланын жакшы менен жаманды айырмалоосуна жана адеп-ахлактык түшүнүктөрдү өздөштүрүүсүнө жардам берет.

Макал-лакаптар кыска, бирок мазмуну терең болгондуктан, аларды балдарга түшүндүрүү өзгөчө ыкманы талап кылат. Макал-лакаптарды турмуштук мисалдар менен байланыштырып түшүндүрүү натыйжалуу. Анткени бала абстракттуу ойду конкреттүү мисалдар аркылуу жеңилирээк кабыл алат. Мындай ыкма баланын логикалык ой жүгүртүүсүн өнүктүрүп, сөздүн маңызын түшүнүүгө шарт түзөт. Кыргыз элинин макал-лакаптары балдарды сылык жана маданияттуу баарлашууга үйрөтөт. Балдардын чыгармачылык жөндөмдөрүн өнүктүрүүдө накыл сөздөрдүн түз жана кыйыр маанисин түшүндүрүү маанилүү. Макал-лакаптарды түшүнүү деңгээли балдардын кептик өнүгүүсүн баалоодо кошумча көрсөткүч катары колдонулушу мүмкүн. Алар мектепке чейинки курактагы балдардын баарлашуу жана сүйлөө көндүмдөрүн өнүктүрүүдө маанилүү орунду ээлейт. Бирок макал-лакаптардагы каймана маанидеги сөздөрдү жана жалпыланган ойлорду түшүнүү мектепке чейинки курактагы балдар үчүн татаал болушу мүмкүн. Анткени аларды туура чечмелөө үчүн бала айтылган ойду өзүнүн турмуштук тажрыйбасы менен салыштыра билиши керек [4, 62-б.].

Жаңылмачтар – айтууга татаал болгон уйкаш муундардын жана сөздөрдүн айкалышынан түзүлгөн, тез айтканда жаңылышууга алып келүүчү чакан фольклордук жанр. Тыбыштардын окшоштугу жана кайталанышы жаңылмачтардын негизги өзгөчөлүгү болуп саналат. Алар көбүнчө балдарга ылайыкталып, оозеки жана жазма адабиятта кездешет. Жаңылмачтардын негизги максаты – тыбыштарды так айтууга, сөздөрдү туура жана ылдам кайталоого көнүктүрүү. Аларды айтууда атайын тандалган тыбыштардын жана сөздөрдүн айкалыштары белгилүү бир кыйынчылыктарды жаратат.

Жаңылмачтар баланын кебин өнүктүрүүдө жана туура сүйлөөсүн калыптандырууда маанилүү роль ойнойт. Алар аркылуу баланын дикциясы, тыбыштарды туура жана так айтуу көндүмдөрү өнүгөт. Тарбиячы жаңылмачтарды кайталоо жана оюн түрүндө колдонуу аркылуу балдардын сүйлөө жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө шарт түзөт. Жаңылмачтарды угуп жана кайталап айтуу учурунда бала тыбыштардын айырмачылыктарын угууга жана аларды туура айтууга көнүгөт. Мисалы, «Шыпыргыны шыпырып Шарип шыпырды» деген жаңылмачта «ш» тыбышы бир нече жолу кайталанат. Бала бул тыбышты так жана ырааттуу айтууга аракет кылат. Натыйжада фонемалык угуу жана тыбыштарды туура айтуу көндүмдөрү өнүгөт.

Жаңылмачтар дикцияны өнүктүрүүдө да маанилүү роль ойнойт. Тилдин активдүү кыймылдарын талап кылган жаңылмачтарды кайталоо сөздөрдү так жана түшүнүктүү айтууга көмөктөшөт. Айрыкча кыргыз тилиндеги «р», «л», «ш», «ж», «с» сыяктуу тыбыштарды айтууга көнүктүрүүдө жаңылмачтардын мааниси чоң. Балдар айрым тыбыштарды туура айтууда кыйналганда, тарбиячылар жаңылмачтарды атайын көнүгүү катары колдонушат. Мисалы, «Кырк кырмызы кыргооч кыркылыптыр» деген жаңылмач «к» тыбышын туура айтуу көндүмүн бекемдөөгө багытталат. Ошентип, жаңылмачтар баланын сүйлөө маданиятын өркүндөтүүгө көмөктөшөт.

Жаңылмачтар интонациялык өнүгүүгө да өбөлгө түзөт. Анткени аларды туура айтууда темп, ыргак жана сөз басымы маанилүү роль ойнойт. Балдар жаңылмачтарды жаттап, аларды тез жана так айтууга аракет кылганда, кептин ыргагын жана үнүн башкарууга үйрөнүшөт. Бул процесс айрым тыбыштарды гана эмес, бүтүндөй сүйлөмдөрдү туура айтууга шарт түзөт. Интонацияны жана темпти башкаруу көндүмдөрү баланын кептик компетенттүүлүгүнүн өнүгүшүнө таасир этет [5, 15-б.].

Санамактар көбүнчө оюн процессинде колдонулуп, балдардын көңүлүн топтоого жана активдүүлүгүн жогорулатууга жардам берет. Ошол эле учурда санамактар аркылуу бала ритмди жана ыргакты сезүүгө үйрөнүп, эс тутумун өнүктүрөт. Санамактарды колдонууда алардын ыргактуу айтылышына көңүл буруп, балдардын биргелешип айтуусун уюштуруу зарыл. Фольклордук чыгармалардын ар бир түрү баланын өнүгүүсүнө өзгөчө салым кошот. Аларды туура тандоо жана максаттуу интерпретациялоо баланын тилдик, когнитивдик жана эмоционалдык өнүгүүсүнө өбөлгө түзөт [6, 78-б.].

Балдарды саноого үйрөтүүдө алгач кыймыл-аракеттерди сан менен айкалыштырып аткарууга жана аларды сөз менен туура айтууга көңүл буруу керек. Мисалы: «Бир алма, эки алма, үч алма, төрт алма – бардыгы төрт алма». Башында балдар бир катарда жайгашкан буюмдардын ар бирине колун тийгизип, үн чыгарып ирети менен санашат. Кийинчерээк үн чыгарбай, көзү менен гана саноого жана топ-топ болуп же иретсиз жайгашкан буюмдарды иретке келтирип саноого үйрөнүшөт. Адегенде балдарга конкреттүү буюмдарды, андан кийин сүрөттөгү буюмдарды санатуу максатка ылайыктуу. Тарбиячы мындай ыкмалар аркылуу балдардын аң-сезимдүү эсептөө көндүмдөрүн, логикалык ой жүгүртүүсүн жана буюмдардын санын туура аныктоо жөндөмүн өнүктүрөт. Ошондой эле балдар кадамдарды, алакан чабууларды, барабандын кагылышын жана коңгуроонун кагылышын саноо аркылуу сан түшүнүгүн бекемдей алышат.

Мектепке чейинки курактагы балдарга фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун негизги максаты – алардын ар тараптуу өнүгүүсүнө шарт түзүү. Интерпретация процесси баланын кептик, когнитивдик жана эмоционалдык өнүгүүсүнө комплекстүү түрдө өбөлгө түзүүчү натыйжалуу ыкма катары каралат. Анткени бала бул куракта маалыматты жөн гана кабыл албастан, аны өзүнүн түшүнүгүнө жана тажрыйбасына жараша өздөштүрөт. Ушул себептен улам фольклордук чыгармаларды жөн гана угузуу жетишсиз, алардын мазмунун түшүндүрүү жана маанисин ачып берүү зарыл.

Биринчи кезекте, интерпретациялоо баланын кебинин өнүгүүсүнө таасир этет. Фольклордук чыгармалардагы образдуу сөздөр, кайталоолор жана көркөм каражаттар баланын сөз байлыгын кеңейтип, туура сүйлөө көндүмдөрүн калыптандырууга жардам берет. Интерпретация учурунда бала жаңы сөздөрдү угуп гана тим болбостон, алардын маанисин түшүнүп, активдүү колдонууга аракет кылат. Натыйжада анын кептик компетенттүүлүгү акырындык менен өнүгөт. Мындан тышкары, интерпретациялоо баланын ой жүгүртүүсүнүн калыптанышына да таасир этет.

Суроо-жооп ыкмасын колдонуу аркылуу балдарды ой жүгүртүүгө, салыштырууга жана жыйынтык чыгарууга багыттоо керек. Чыгармадагы окуяларды талдоо аркылуу бала алардын турмуш менен байланышын түшүнө баштайт. Бул анын логикалык ой жүгүртүүсүнүн өнүгүшүнө негиз түзөт. Мындай иш-аракеттер баланын пассивдүү угуучудан активдүү катышуучуга айланышына өбөлгө түзөт.

Ошондой эле фольклордук чыгармаларды интерпретациялоо эстетикалык жана руханий тарбия берүүнүн маанилүү каражаты болуп саналат. Жомоктордогу каармандардын образдары,

окуялардын өнүгүшү жана алардын жыйынтыгы аркылуу балада жакшы менен жаманды айырмалоо жөндөмү калыптанат. Тарбиячы балдардын көңүлүн каармандардын жүрүм-турумуна буруу менен алардын адеп-ахлактык баалуулуктарды аң-сезимдүү кабыл алуусуна жардам бериши керек. Мындан тышкары, чыгармалардагы көркөм образдар баланын эстетикалык кабыл алуусун калыптандырып, сезимдерин өнүктүрөт. Мектепке чейинки курактагы балдарга фольклордук чыгармаларды интерпретациялоо алардын кебин өнүктүрүүгө, ой жүгүртүүсүн активдештирүүгө жана руханий дүйнөсүн байытууга комплекстүү түрдө өбөлгө түзөт. Бул процессти мектепке чейинки билим берүүнүн маанилүү компоненттеринин бири катары карап, максаттуу жана системалуу түрдө уюштуруу зарыл.

Мектепке чейинки курактагы балдарга фольклордук чыгармаларды интерпретациялоодо колдонулуучу ыкмалар өз ара байланышта болуп, бири-бирин толуктап турат. Бул ыкмаларды комплекстүү колдонуу балдардын материалды терең жана аң-сезимдүү кабыл алуусуна өбөлгө түзөт. Анткени бул куракта бала маалыматты угуу аркылуу гана эмес, көрүү, сезүү жана практикалык иш-аракеттер аркылуу да өздөштүрөт.

Көркөм окуу интерпретация процессинин баштапкы баскычы болуп саналат. Чыгарманы окуп жатканда анын мазмунуна жараша үндүн ыргагын, тембрин жана интонациясын өзгөртүүгө өзгөчө көңүл буруу зарыл. Бул ыкма балдардын эмоционалдык кабыл алуусун күчөтүп, окуяны элестетүүсүнө жардам берет. Натыйжада бала текстти жөн гана угуп тим болбостон, аны сезимдери жана элестетүүсү аркылуу кабыл алат. Андан кийинки этапта суроо-жооп ыкмасын колдонуу аркылуу балдардын ой жүгүртүүсүн активдештирүү керек. Суроолорду берүүдө балдардын жаш өзгөчөлүктөрүн эске алып, жөнөкөйдөн татаалга карай багыттоо зарыл. Бул процесс баланын талдоо, салыштыруу жана жыйынтык чыгаруу жөндөмдөрүн өнүктүрөт. Ошондой эле бала өз оюн эркин айтууга үйрөнүп, анын коммуникативдик көндүмдөрү калыптанат.

Рольдоштуруу ыкмасы интерпретациялоонун натыйжалуу формаларынын бири болуп эсептелет. Балдар каармандардын ролуна киргенде, окуяны тереңирээк түшүнө башташат. Бул учурда бала өзүн башка адамдын ордуна коюп көрүп, анын эмпатиялык жөндөмүнүн өнүгүшүнө шарт түзүлөт. Мындай иш-аракеттер балдардын кызыгуусун жогорулатып гана тим болбостон, алардын социалдык жүрүм-турумунун калыптанышына да өбөлгө түзөт.

Сүрөт тартуу ыкмасы да интерпретация процессинде өзгөчө орунду ээлейт. Балдар уккан чыгармасын сүрөт аркылуу чагылдырганда, анын мазмунун кайрадан ой жүгүртүп, өз түшүнүгүнө ылайык берүүгө аракет кылышат. Бул маалыматты тереңирээк өздөштүрүүгө жана эс тутумда сактоого жардам берет. Сүрөт тартуу тапшырмаларын уюштурууда балдардын жекече өзгөчөлүктөрүн эске алуу зарыл, анткени ар бир бала чыгарманын мазмунун ар башкача кабыл алат. Оюндар аркылуу балдар тыбыштарды айырмалоого жана туура айтууга үйрөнүшөт. Мындан тышкары, оюндар балдардын ой жүгүртүүсүн, угуу жөндөмүн, артикуляциялык көндүмдөрүн жана кептин тактыгын өнүктүрүүгө мүмкүнчүлүк берет.

Оюн элементтерин колдонуу интерпретация процессин жандандырып, балдардын активдүүлүгүн күчөтөт. Оюн аркылуу бала маалыматты жеңилирээк өздөштүрөт, анткени оюн – мектепке чейинки курактагы балдардын негизги ишмердүүлүктөрүнүн бири. Ар кандай дидактикалык оюндарды, кыймыл-аракеттерди жана чыгармачылык тапшырмаларды колдонуу балдардын көңүлүн топтоого жана материалды өздөштүрүүсүнө өбөлгө түзөт. Интерпретациялоонун ар бир ыкмасы баланын өнүгүүсүнө өз алдынча таасир эткени менен, аларды бирдиктүү системада колдонуу натыйжалуураак болот.

Мындай мамиле баланын кептик, когнитивдик жана эмоционалдык өнүгүүсүнө комплекстүү түрдө өбөлгө түзөт. Мисал катары мектепке даярдоо тайпасында өткөрүлүүчү, балдардын алган билимдерин жана көндүмдөрүн колдонууга мүмкүнчүлүк берген «Адабий лото» дидактикалык оюнун карап көрөлү.

Колдонулуучу материалдар: жаныбарлардын жана жомок каармандарынын сүрөттөрү тартылган карточкалар.

Оюндун эрежеси: Тайпадагы балдар жарым ай түрүндө тизилип турушат. Ортого коюлган столго карточкалар жайгаштырылат. Балдар кезеги менен келип, карточкаларды алышат. Аларга карточкадагы сүрөт боюнча каармандын же жаныбардын мүнөзүн жана өзгөчөлүктөрүн айтып берүү тапшырмасы берилет. Бир бала түлкүнүн сүрөтү тартылган карточканы алып, анын өзгөчөлүктөрүн атайт: «Түлкү – куу, жүнү кызыл, токойдо жашаган жапайы жаныбар». Экинчи бала «Көмөч» жомогундагы каармандын сүрөтүн алып, анын өзгөчөлүктөрүн сүрөттөйт: «Көмөч – тоголок, нанга окшош, жомокто качып кетет». Оюн 3–4 тарбиялануучунун катышуусунда кайталанат [7, 112-б.].

Дидактикалык оюндар балдарды тарбиялоо жана окутуу максатында чоңдор тарабынан уюштурулат.

Дидактикалык оюндардын тарбиялык мааниси түздөн-түз эмес, оюн тапшырмалары, аракеттери жана эрежелери аркылуу ишке ашат.

Бул оюндар балдардын таанып-билүү активдүүлүгүн жана интеллектуалдык жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт. Дидактикалык оюндар аркылуу балдар тарбиялык мааниге ээ болгон түшүнүктөрдү жана жаңы предметтик билимдерди өздөштүрүшөт. Алар балдар үчүн кызыктуу жана жеткиликтүү формада уюштурулат.

Дидактикалык оюндар мектепке чейинки курактагы балдардын кебин өнүктүрүүдө маанилүү роль ойнойт. Алар баарлашуу үчүн зарыл болгон сөз байлыгын кеңейтүүгө, сөздөрдүн маанисин түшүнүүгө, жомоктордогу жана башка чакан чыгармалардагы каармандарга мүнөздөмө берүүгө жардам берет. Ошондой эле предметтердин, иш-аракеттердин жана кубулуштардын жалпы белгилерин аныктоо аркылуу сөздөрдүн жалпыланган маанисин өздөштүрүүгө, ой жүгүртүүнү жана өз оюн оозеки баяндоо жөндөмүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт.

Оюн кепти өнүктүрөт, ал эми кеп оюнду уюштурууга жардам берет. Оюндардын негизги максаты – баланын өнүгүүсүнө көмөктөшүү, анын айрым кыйынчылыктарын жоюуга шарт түзүү, чыгармачылык жөндөмүн өнүктүрүү, сөз байлыгын кеңейтүү жана активдештирүү, тыбыштарды туура айтууга, ырааттуу сүйлөөгө жана өз оюн так билдирүүгө үйрөтүү.

Мектепке чейинки курактагы балдарга фольклордук чыгармаларды интерпретациялоодо алардын жаш өзгөчөлүктөрүн эске алуу негизги шарттардын бири болуп саналат. Анткени бул куракта баланын психикалык процесстери өнүгүү баскычында болгондуктан, маалыматты кабыл алуу, иштетүү жана түшүнүү деңгээли ар башкача болот. Ошондуктан ар бир иш-аракетти уюштурууда баланын жекече жана жаш өзгөчөлүктөрүнө таянуу зарыл. Балдардын кабыл алуу деңгээли көбүнчө алардын турмуштук тажрыйбасына, кептик даярдыгына жана ой жүгүртүү мүмкүнчүлүктөрүнө жараша өзгөрөт.

Жомоктогу каармандар балдарды адилеттүүлүккө, адамгерчиликке жана башка жакшы сапаттарды өздөштүрүүгө үндөйт. Мектепке чейинки курактагы балдар менен иштөөдө жомокторду кеңири колдонуу маанилүү, анткени алар тарбия берүүнүн натыйжалуу каражаттарынын бири болуп саналат. Айрым балдар жомоктун мазмунун тез түшүнсө, башкалары кошумча түшүндүрүүгө муктаж болушат. Ушуга байланыштуу интерпретация процессинде маалыматты жөнөкөйдөн татаалга карай берүү, кыска жана түшүнүктүү сүйлөмдөрдү колдонуу, ошондой эле көрсөтмө куралдарды пайдалануу зарыл. Бул баланын материалды өз мүмкүнчүлүктөрүнө ылайык кабыл алуусуна шарт түзөт.

Мектепке чейинки курактагы балдардын кызыгууларын эске алуу фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун натыйжалуулугун жогорулатат. Балдар көбүнчө динамикалуу, кызыктуу жана образдуу материалдарга кызыгышат. Эгерде чыгарма баланын кызыгуусуна дал келсе, ал аны көңүл коюп угуп, активдүү катышууга умтулат. Жомокторду оюн элементтери жана кыймыл-аракеттер менен айкалыштыруу аркылуу балдардын кызыгуусун сактоого аракет кылуу керек. Бул ыкма баланын ички мотивациясын күчөтүп, үйрөнүү процессин жеңилдетет. Мындан тышкары, баланын эмоционалдык абалы да интерпретация процессинде маанилүү роль ойнойт. Бул куракта балдар сезимтал болгондуктан, алардын маанайы окуу процессине таасир этет. Эгерде бала өзүн эркин жана коопсуз сезсе, маалыматты жакшы кабыл алып, өз оюн ачык билдирүүгө аракет кылат. Ошондуктан

сабак учурунда жагымдуу психологиялык чөйрө түзүүгө, балдарды колдоого жана алардын аракеттерин баалоого өзгөчө көңүл буруу зарыл. Мындай шартта бала чыгарманын мазмунун эмоционалдык деңгээлде кабыл алып, аны тереңирээк өздөштүрөт.

Мектепке чейинки курактагы балдардын жаш өзгөчөлүктөрүн эске алуу фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун натыйжалуулугун камсыз кылуучу факторлордун бири болуп саналат. Балдардын кабыл алуу деңгээлин, кызыгууларын жана эмоционалдык абалын туура баалоо аркылуу тарбиячы алардын өнүгүүсүнө ылайык келген окутуу процессин уюштура алат. Фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун натыйжалуулугу бул процесстин туура жана максаттуу уюштурулушуна байланыштуу.

Эгерде тарбиячы чыгарманы жөн гана окуп берүү менен чектелбестен, анын мазмунун баланын жаш өзгөчөлүгүнө ылайык түшүндүрүп, активдүү иш-аракеттер менен коштосо, бул процесс натыйжалуу болот. Ар кандай ыкмалар аркылуу бала материалды жөн гана угуп калбастан, аны аң-сезимдүү кабыл алып, өздөштүрөт. Натыйжада алынган билимди эсинде сактоого жана ар кандай турмуштук кырдаалдарда колдонууга мүмкүнчүлүк түзүлөт.

Фольклордук чыгармаларды интерпретациялоонун баланын өнүгүүсүнө тийгизген таасири көп кырдуу. Биринчиден, бул процесс баланын кебинин өнүгүүсүнө өбөлгө түзөт, анткени ал жаңы сөздөрдү үйрөнүп, аларды туура колдонууга көнүгөт. Экинчиден, баланын ой жүгүртүүсү активдешип, окуяларды талдоого, салыштырууга жана жыйынтык чыгарууга үйрөнөт. Үчүнчүдөн, фольклор аркылуу балада адеп-ахлактык түшүнүктөр калыптанып, жакшы менен жаманды айырмалоону өздөштүрөт. Мындан тышкары, ар кандай иш-аракеттер баланын элестетүүсүн, чыгармачылык жөндөмүн жана эмоционалдык интеллектин өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт. Демек, интерпретациялоо баланын интеллектуалдык, руханий жана социалдык жактан өнүгүшүнө комплекстүү таасир этет [8, 115-б.].

Тарбиячынын иш-аракеттеринин негизги багыттарына мектепке чейинки курактагы балдарды китеп менен тааныштырууда педагогикалык колдоо көрсөтүү, алардын окууга болгон кызыгуусун арттыруу жана чыгарманын мазмунун терең түшүнүүсүнө көмөктөшүү кирет. Ошондой эле тарбиячы ата-энелерге үй-бүлөдө китеп окууну уюштуруу жана балдардын китепке болгон кызыгуусун өнүктүрүү маселелери боюнча колдоо көрсөтөт. Бул милдеттерди аткаруу менен тарбиячы балдардын китепке жана окуу процессине болгон мамилесиндеги өзгөрүүлөрдү байкап, көркөм текстти кабыл алуу өзгөчөлүктөрүн эске алууга жана окуу процессине зарыл түзөтүүлөрдү киргизүүгө тийиш. Балдардын ата-энелери да бул процесске тартылат.

Бул процессте тарбиячынын ролу өзгөчө мааниге ээ. Тарбиячы жөн гана маалымат берүүчү эмес, баланын ой жүгүртүүсүн багыттоочу, кызыгуусун ойготуучу жана анын ички мүмкүнчүлүктөрүн ачууга көмөктөшүүчү жетекчи болуп саналат. Ал ар бир баланын жекече өзгөчөлүктөрүн эске алып, чыгармачыл жана ийкемдүү мамиле кылууга аракеттенет. Тарбиячынын үнү, сүйлөө маданияты, эмоционалдык абалы жана балдар менен болгон мамилеси интерпретация процессинин ийгилигине таасир этет. Ошондуктан тарбиячы өзүнүн кесиптик чеберчилигин дайыма өркүндөтүп, жаңы ыкмаларды изилдеп туруусу зарыл.

Фольклордук чыгармаларды интерпретациялоо – баланын өнүгүүсүнө таасир этүүчү, тарбиячыдан жогорку деңгээлдеги даярдыкты талап кылган татаал, бирок натыйжалуу педагогикалык процесс. Аны туура уюштуруу аркылуу мектепке чейинки курактагы балдардын ар тараптуу өнүгүүсүнө өбөлгө түзүүгө болот. Балдардын грамматикалык жактан туура жана так сүйлөөсүн калыптандыруу мектепке чейинки билим берүү уюмдарында жана үй-бүлөдө эне тилин өнүктүрүүнүн маанилүү милдеттеринин бири болуп саналат. Туура жана байланыштуу кеп баланын мектепке даярдыгына, сабаттуулукту жана окуу көндүмдөрүн ийгиликтүү өздөштүрүүсүнө негиз түзөт.

Колдонулган адабияттар

1. Расулова Г. С., Султанова Р. Ш., Фадина А. И. 3төн 6 жашка чейинки балдарды өнүктүрүү «Балалык» программасына методикалык сунуштар. – Бишкек, 2017. – 48 б.
2. Сейдекулова К. С. Балдар бакчасындагы балдардын эне тилин өстүрүүнүн методикасы. – Бишкек, 2012. – 45 б.
3. Ушакова О. С. Развитие речи и творчества дошкольников: игры, упражнения, занятия. – М.: ТЦ Сфера, 2007. – С. 59–65.
4. Гербова В. В. Приобщение детей к художественной литературе: программа и методические рекомендации. – М.: Мозаика-Синтез, 2008. – 80 с.
5. Леонтьева Л. В. Развитие связной речи в детском саду // Вопросы дошкольной педагогики. – 2019. – № 7 (24). – С. 8–13. – URL: https://moluch.ru/th/1/archive/134/4324.
6. Киселева Т. С., Сергиенко Е. А. Алфавит эмоций. – 2021. – 159 с.
7. Сергиенко Е. А., Марцинковская Т. Д., Изотова Е. И. [и др.]. Социально-эмоциональное развитие детей: теоретические основы. – М.: Дрофа, 2019. – 248 с.
8. Сергиенко Е. А., Хлевная Е. А., Киселева Т. С. Эмоциональный интеллект и интеллект ребенка определяются его родителями. – 2021. – 255 с.

Рецензент: педагогика илимдеринин кандидаты, доцент Касымбеков Э.А.

УДК 81'42:811.134.2:378.147

Мелисбекова Э.Р.
Москва мамлекеттик лингвистикалык университети
Мелисбекова Э.Р.
Московский государственный лингвистический университет
Melisbekova E.R.
Moscow State Linguistic University

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮКТҮ КАЛЫПТАНДЫРУУДА ИСПАН САЯСИЙ ДИСКУРСУНУН ЛИНГВОПРАГМАТИКАСЫ
ЛИНГВОПРАГМАТИКА ИСПАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
THE LINGUOPRAGMATICS OF SPANISH POLITICAL DISCOURSE IN DEVELOPING INTERCULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Кыскача мүнөздөмө: Макала чет тилдерин окутууда маданияттар аралык компетенттүүлүктү калыптандыруунун маанилүү фактору катары саясий дискурстун лингвопрагматикасын изилдөөгө арналган. Саясий дискурсту бийлик, идеология жана адресатка таасир этүү менен байланышкан, социалдык жактан шартталган коммуникациянын формасы катары түшүндүргөн теориялык мамилелер каралат. Саясий коммуникациянын прагматикалык стратегияларына, анын ичинде ынандыруу, тилектештик жана карама-каршы коюу стратегияларына, ошондой эле аларды ишке ашыруучу тилдик каражаттарга өзгөчө көңүл бурулат. Саясий дискурстун маданий жактан шартталган өзгөчөлүктөрү жана алардын маданияттар аралык өз ара аракеттенүү процессиндеги ролу талданат. Испан тилдүү саясий лидерлердин эл алдында сүйлөгөн сөздөрүнүн мисалында саясий тексттерди чет тилдерин окутууда маданияттар аралык компетенттүүлүктү, сынчыл ой жүгүртүүнү жана аутенттүү материалдарды чечмелөө көндүмдөрүн өнүктүрүү үчүн кандайча колдонууга болору көрсөтүлөт. Макалада саясий дискурстун лингводидактикалык потенциалы жогору экендиги жөнүндө жыйынтык чыгарылат, анткени ал билим алуучулардын тилдик, прагматикалык жана маданий даярдыгын айкалыштырууга өбөлгө түзөт.

Аннотация: Статья посвящена исследованию лингвопрагматики политического дискурса как значимого фактора формирования межкультурной компетенции при обучении иностранным языкам. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию политического дискурса как формы социально обусловленной коммуникации, связанной с властью, идеологией и воздействием на адресата. Особое внимание уделяется прагматическим стратегиям политической коммуникации, включая стратегии убеждения, солидаризации и противопоставления, а также языковым средствам их реализации. Анализируются культурно обусловленные особенности политического дискурса и их роль в процессе межкультурного взаимодействия. На примере публичных выступлений испаноязычных политических лидеров показано, каким образом политические тексты могут использоваться в практике преподавания иностранных языков для развития межкультурной компетенции, критического мышления и навыков интерпретации аутентичных материалов. Делается вывод о том, что политический дискурс обладает значительным лингводидактическим потенциалом, поскольку способствует объединению языковой, прагматической и культурной подготовки обучающихся.

Abstract: The article examines the linguopragmatics of political discourse as a significant factor in the development of intercultural competence in foreign language teaching. Theoretical approaches to understanding political discourse as a form of socially conditioned communication related to power, ideology, and influence on the addressee are considered. Particular attention is paid to pragmatic strategies of political communication, including persuasion, solidarity, and opposition, as well as the linguistic means used to implement them. The culturally conditioned features of political discourse and their role in intercultural interaction are analyzed. Using examples from public speeches by Spanish-speaking political leaders, the article demonstrates how political texts can be used in foreign language teaching to develop intercultural competence, critical thinking, and skills in interpreting authentic materials. It is concluded that political discourse has significant linguodidactic potential, as it helps integrate students' linguistic, pragmatic, and cultural training.

Негизги сөздөр: лингвопрагматика; саясий дискурс; маданияттар аралык компетенттүүлүк; чет тилдерин окутуу; маданияттар аралык коммуникация; саясий коммуникация; аутенттүү материалдар; коммуникативдик стратегиялар; лингводидактика; испан тилдүү дискурс.

Ключевые слова: лингвопрагматика; политический дискурс; межкультурная компетенция; обучение иностранным языкам; межкультурная коммуникация; политическая коммуникация; аутентичные материалы; коммуникативные стратегии; лингводидактика; испаноязычный дискурс.

Keywords: linguopragmatics; political discourse; intercultural competence; foreign language teaching; intercultural communication; political communication; authentic materials; communicative strategies; linguodidactics; Spanish-language discourse.

In the context of globalization and expanding intercultural interaction, foreign language learning is particularly important not only as a means of communication but also as a way of developing intercultural competence. The relationship between language, politics, and culture has become increasingly significant in recent decades, as modern foreign language teaching is no longer limited to the acquisition of grammar, vocabulary, and norms of speech behavior. Language proficiency also requires an understanding of the values, communicative attitudes, and forms of linguistic influence characteristic of another cultural environment. Political discourse reflects ideological meanings, national and cultural characteristics of communication, patterns of argumentation, and ways of influencing the addressee. Therefore, examining the linguopragmatics of political discourse allows us to consider a foreign language not only as a means of communication but also as a tool for understanding intercultural differences.

The relevance of the topic is determined by several circumstances. Firstly, in modern linguistics, political discourse is considered as one of the most significant areas of public communication, where the pragmatic mechanisms of language are particularly pronounced. Secondly, the methodology of teaching

foreign languages is increasing attention to the formation of intercultural competence as a mandatory part of the professional training of students. Thirdly, working with authentic political texts, speeches, statements and media materials helps to see how linguistic units function in a real social and cultural context.

The purpose of this article is to consider the linguistic pragmatics of political discourse as a significant factor in the formation of intercultural competence in teaching foreign languages. To achieve this goal, it is necessary to turn to the theoretical foundations of the study of political discourse, identify its pragmatic and culturally determined characteristics, and show how political communication materials can be used in the practice of teaching a foreign language.

The theoretical basis of the work is the works of Russian researchers devoted to the problems of discourse, political communication, intercultural communication and language teaching methods. To understand the nature of discourse, the provisions of N. D. Arutyunova and V. I. Karasik are significant, considering discourse as a complex communicative phenomenon associated with a specific communication situation, values and social roles of participants. A special place is occupied by the works of E. I. Sheigal, A. N. Baranov and V. E. Chernyavsky, in which political discourse is described as a special symbolic and pragmatic system focused on impact, interpretation, and the struggle for meaning. The issues of intercultural communication and the co-study of language and culture are revealed in the works of S. G. Ter-Minasova, O. A. Leontovich and V. V. Safonova. E. I. Passov's ideas about the communicative orientation of teaching foreign languages are important for understanding the methodological foundations of referring to authentic material.

Political discourse in modern linguistics is understood not just as a set of texts on political topics, but as a special form of socially conditioned communication in which language is closely linked to power, ideology, evaluation and influence on the addressee. The definition of discourse proposed by N.D. Arutyunova remains the starting point for this understanding. The researcher connects discourse with speech immersed in life, that is, with an utterance considered in inextricable connection with the communication situation, the speaker's goals and the conditions of perception [2]. V. I. Karasik takes a similar position, considering discourse as a text in its event-based, value-based, and communicative dimensions [4].

Within the framework of this approach, it becomes obvious that political communication cannot be reduced only to a linguistic form: it includes institutional roles, social expectations and cultural codes.

The linguistic and pragmatic perspective makes it possible to more accurately explain the specifics of political discourse. Modern language science increasingly considers meaning not in isolation, but in relation to communicative intent and cultural context [4]. In the political sphere, this is especially important, because here the word is almost always aimed at achieving a certain effect: to mobilize, legitimize, oppose, justify or discredit. Consequently, the pragmatics of political discourse is revealed through intentionality, strategism and orientation towards the mass addressee. A politician's speech, a statement by a government institution, or an election appeal carry not only information, but also an attitude to change opinions and behaviors.

From a theoretical point of view, it is also important that political discourse is closely linked to culture. Language reflects the national vision of the world and reinforces the features of public consciousness [9]. O.A. Leontovich develops this idea in line with intercultural communication, pointing out the dependence of speech behavior on the values, norms and communicative expectations of a particular community [5]. This is especially evident in political communication: the acceptable methods of argumentation, the degree of categoricality, the forms of addressing society, and even ideas about political politeness vary from culture to culture. Without understanding the cultural basis of discourse, it is impossible to fully master foreign language communication [8].

It follows that political discourse should be considered as a multi-layered phenomenon located at the intersection of linguistics, pragmatics and cultural studies. It combines linguistic means, social roles, values and strategies of influence. The linguistic pragmatics of political discourse is not a narrow branch of text analysis, but an important way of understanding how power, ideology, and culturally significant meanings

are shaped through language. This is what makes political discourse especially important for further discussion of intercultural competence and foreign language teaching.

Intercultural competence in modern language education is understood as the ability not only to use a foreign language, but also to correlate an utterance with the values, norms and communicative expectations of another culture. Language does not exist outside the cultural environment, and therefore learning it is inevitably associated with the development of ways of thinking and behavior that are fixed in society [9]. Political discourse is closely related to the cultural context in which it functions. The communication strategies used by political leaders are largely determined by national and cultural characteristics, which makes their analysis an important element in the formation of intercultural competence in the process of teaching foreign languages.

Political communication is built around the struggle for the interpretation of social reality, which means that it inevitably reflects collective ideas about power, society, justice and norm. Consequently, a political text or speech allows the student to see not only linguistic means, but also ways of social self-description. This is its difference from neutral educational texts, where cultural conflict and value position are often smoothed out.

The meaning of a political statement is not limited to the text itself, since it is formed in the context of interpretation, the media environment and the social situation [11]. This thesis is especially important for intercultural learning. The student should understand that the same words may be perceived differently in different political cultures. For example, an appeal to freedom, security, tradition, or reform is filled with specific content depending on national historical experience. Political discourse is important for the formation of intercultural competence because culturally determined models of argumentation, evaluation, and speech influence are particularly clearly manifested in it.

As a result, political discourse can be considered as an effective means of intercultural learning, since it combines linguistic form, pragmatic intention and cultural meaning.

The linguistic and didactic potential of political discourse in the practice of teaching a foreign language is primarily related to its ability to introduce students into the space of real public communication, where the word acts not only as a means of communication, but also as an instrument of assessment, persuasion and self-identification.

The use of political discourse in teaching foreign languages contributes not only to the development of speech skills but also to the ability to understand another culture's communicative practices, which is one of the central manifestations of intercultural competence.

Political communication is based on interpretation and impact, and therefore requires careful reading and comparison of positions [11; 12]. This opens up great opportunities for teaching a foreign language. Working with election speeches, statements by officials, interviews, party programs and analytical publications develops the skills of critical perception of the text, the ability to distinguish between fact and assessment, to see the ways of speech influence on the audience. At the same time, a deeper understanding is being formed of how consent, disagreement, appeal to tradition, collective memory, and national interests are expressed in another culture.

The analysis of public speeches reveals a number of pragmatic strategies aimed at effective impact on the audience. One of the key strategies is persuasion, implemented through argumentation, appeal to values, and the use of emotionally charged vocabulary.

An important role is played by the solidarity strategy aimed at establishing proximity between the speaker and the audience. It is realized through the use of collective identification pronouns, an appeal to common experiences and values, as well as the creation of an image of "unity" between the political leader and the people.

The strategy of opposition, in turn, is based on binary oppositions such as "friend—foe", "people — elite", "past — future". This strategy allows you to structure the perception of information and enhances the impact of the utterance.

The linguistic means of implementing these strategies include metaphors, rhetorical questions, repetitions, parallelisms, and slogan constructions. These tools help to enhance the expressiveness of speech and its memorability.

As an example, let us consider a fragment of a public speech by Andrés Manuel López Obrador, in which key linguopragmatic strategies of political discourse are manifested: «No puede haber gobierno rico con pueblo pobre».

This statement demonstrates the use of a contrasting strategy based on the binary opposition rico – pobre (rich — poor). This structure makes it possible to enhance the pragmatic effect by clearly delineating social roles and appealing to a sense of social justice.

From a linguistic point of view, the phrase is distinguished by its conciseness and syntactic simplicity, which makes it easy to remember and turns it into a kind of political slogan. The use of a negative construction reinforces the categoricality of the statement and gives it a normative character. From a pragmatic point of view, this statement implements a persuasion strategy aimed at forming a certain value attitude among the audience. The politician appeals to the collective expectations of justice and equality, which is especially significant in the context of Latin American political culture.

In addition, this fragment shows a strategy of solidarity with the people, since the speaker implicitly distances himself from the "rich government" and thereby positions himself as a representative of the interests of ordinary citizens. This helps to reduce the social distance between the leader and the audience.

From the point of view of intercultural communication, such statements reflect the culturally specific value of social justice, characteristic of the political discourse of Spanish-speaking countries. The analysis of such examples in the process of teaching a foreign language allows students not only to master language tools, but also to better understand the socio-cultural context in which they function.

In the didactic aspect, this material can be used to analyze lexical and semantic oppositions, identify the pragmatic effect of a statement and organize a discussion about social justice in different cultures.

An additional example can be found in a statement by Pedro Sánchez: «No vamos a dejar a nadie atrás». This statement demonstrates a strategy of solidarity expressed through the first-person plural verb form vamos, which creates a sense of collective identity and inclusion of the audience in a shared social space. The negative construction reinforces the categorical nature of the statement and conveys a sense of commitment.

From a pragmatic point of view, this statement is an example of a political slogan aimed at mobilizing the audience. It appeals to the values of social support and equality, which are particularly relevant in European political discourse.

A comparison of this statement with the previous example makes it possible to identify universal and culturally specific features of political communication in the Spanish-speaking world, which makes such an analysis especially valuable in the context of the formation of intercultural competence.

As an additional example, it is advisable to consider the political rhetoric of former Chilean President Gabriel Boric: "*No venimos a imponer una verdad única*". This statement demonstrates the implementation of a dialogical communication strategy aimed at reducing ideological polarization and creating an image of openness to pluralism. In the context of foreign language teaching, this example may be used for comparative analysis of political rhetoric, discussion of ideological framing, and examination of culturally specific ways of expressing authority and consensus.

A comparative analysis of the political discourse of different cultures reveals differences in communication strategies and values. For example, Spanish-language political discourse is characterized by a high degree of emotionality, expressivity and appeal to collective values, whereas in a number of other cultures a more neutral or rational style of argumentation may prevail. Such differences are caused by cultural norms and traditions of communication, which requires students to be able to adapt their perception and interpretation of foreign language texts. The inclusion of comparative analysis in the educational process promotes the development of flexibility of thinking and the formation of skills of intercultural interaction.

In modern conditions of language education development, the use of authentic materials reflecting real communicative practices is of particular importance. One of these resources is political discourse, in particular public speeches by political leaders with high linguistic and pragmatic potential and a pronounced communicative orientation.

Political discourse is a valuable didactic material because it combines the relevance of the content, the expressiveness of linguistic means and cultural conditioning. Unlike adapted educational texts, it demonstrates the lively functioning of language in socially significant contexts, which contributes to the formation of students' not only linguistic, but also communicative competence. The analysis of such texts makes it possible to identify the features of speech effects, interpret implicit meanings and understand the speaker's intentions.

The use of political discourse in the teaching of foreign languages also promotes the development of critical thinking. Students learn not only to accept the information, but also to analyze it, to reveal hidden meanings, to assess the reliability and intentions of the information space, where an important skill is the ability to work with different types of discourse.

The examination of the theoretical foundations of the topic has shown that political discourse is a form of socially conditioned communication in which language is associated with power, evaluation, ideology, and influence on the addressee.

It is established that its specificity is revealed through situationality, institutionality, strategicity and dependence on the interpretative context. It is also noted that the linguistic-pragmatic approach makes it possible to see in political speech not just the transmission of information, but the purposeful formation of the necessary meanings and assessments. In this regard, political discourse has been characterized as a multi-layered phenomenon located at the intersection of language, culture and social practice.

When addressing the issue of the connection between political discourse and the formation of intercultural competence, it was revealed that it is in political communication that values, norms and patterns of speech behavior characteristic of a particular culture are most clearly manifested. It is emphasized that it is impossible to understand such texts without taking into account historical experience, social expectations and culturally determined ways of interpretation. An important conclusion was the statement that working with political discourse helps to overcome the formal assimilation of foreign language material and translates learning into a meaningful perception of someone else's communicative culture. For this reason, intercultural competence is considered not as an additional element of language training, but as its necessary component.

Political discourse acquires special importance in the aspect of the formation of intercultural competence. In the process of working with public speaking, students become familiar with the values, norms, and communication strategies typical of another culture. This contributes to the development of the ability to adequately perceive and interpret foreign language in its socio-cultural context. In addition, the analysis of political statements makes it possible to identify differences in the ways of expressing evaluation, argumentation and persuasion, which is an important element of intercultural communication.

The use of political discourse in teaching foreign languages also contributes to the development of critical thinking. Students learn not only to perceive information, but also to analyze it, identify hidden meanings, evaluate the reliability and intentions of the information space, where the ability to work with various types of discourse becomes an important skill.

When determining the linguistic and didactic potential of political discourse, it was proved that its use in teaching a foreign language opens up opportunities for combining linguistic, pragmatic and cultural training. Authentic political texts allow you to develop the skills of interpretation, analysis of evaluative vocabulary, recognition of speech strategies and understanding of communicative intent. Working with such material requires careful selection, pedagogical adaptation and consideration of the level of training of students. Its application seems to be most productive at an advanced stage, when the student is able to perceive not only the linguistic form, but also the value-semantic organization of the text.

Didactically, working with political texts can include various types of tasks: analyzing linguistic and pragmatic features, identifying speech strategies, interpreting key statements, as well as organizing

discussions and comparative analysis with one's native language. Such tasks contribute to the active involvement of students in the educational process and the development of their communication skills.

The purpose of the work, which consisted in considering the linguistic pragmatics of political discourse as a significant factor in the formation of intercultural competence in teaching foreign languages, can be considered achieved. Consideration of the topic led to the conclusion that political discourse has significant educational potential, since it combines linguistic form, pragmatic impact and cultural conditionality of meanings.

The analysis has shown that political discourse has significant linguistic and pragmatic potential and is an effective means of influencing the audience through various communication strategies. The use of political discourse in teaching foreign languages contributes to the formation of intercultural competence, the development of critical thinking and skills in interpreting authentic texts. The prospects for further research are related to the development of methodological recommendations for the integration of political discourse into the educational process, taking into account the principles of inclusive learning.

Special attention should be paid to adapting the materials, taking into account the level of language training of students. The use of speech fragments, visual support, and step-by-step analysis makes complex political discourse accessible to a wide audience of students. The practical significance of this problem is related to the possibility of a more meaningful inclusion of authentic political materials in teaching foreign languages in higher education. Further elaboration of the principles of selecting such texts and ways of using them in the classroom, taking into account the tasks of intercultural training of students, seems promising.

References

1. Alefirenko N. F. Modern Problems of Language Science: A Textbook. – 3rd ed. – Moscow: Flinta, 2014.
2. Arutyunova N. D. Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed. by V. N. Yartseva. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990.
3. Baranov A. N., Mikhailova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. Political Discourse: Methods of Analyzing Thematic Structure and Metaphors. – Moscow: INDEM Foundation, 2004. – 94 p.
4. Karasik V. I. The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse. – Volgograd: Peremena, 2002.
5. Leontovich O. A. Introduction to Intercultural Communication: A Textbook. – 4th ed. – Moscow: Flinta, 2019.
6. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Official Website. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/ (accessed: 20.05.2026).
7. Passov E. I. The Communicative Method of Teaching Foreign Language Speaking. – Moscow: Prosveshchenie, 1991.
8. Safonova V. V. The Co-study of Languages and Cultures in the Mirror of Global Trends in Language Education: A Monograph. – Moscow: Euroshkola, 2014.
9. Ter-Minasova S. G. Language and Intercultural Communication: A Textbook. – Moscow: Slovo, 2000.
10. Federal State Educational Standards of Higher Education. – URL: https://fgosvo.ru/ (accessed: 20.05.2026).
11. Chernyavskaya V. E. Political Discourse and the Discourse of Political Science: Text, Context, Interpretation // Political Linguistics. – 2006. – No. 20.
12. Sheigal E. I. Semiotics of Political Discourse: A Monograph. – Volgograd: Peremena, 2000.

Reviewer: Doctor of Philological Sciences, Associate Professor Moiseenkova L.V.

УДК 373.3

Меңдибаева Н.М.
Ош мамлекеттик педагогикалык университети
Меңдибаева Н.М.

Ошский государственный педагогический университет
Mendibaeva N.M.
Osh State Pedagogical University

12 ЖЫЛДЫК БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАСЫНДА БАШТАЛГЫЧ МЕКТЕПТЕ ИНТЕГРАЦИЯЛАНГАН САБАКТАРДЫ УЮШТУРУУНУН ШАРТТАРЫ
УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ В СИСТЕМЕ 12-ЛЕТНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
CONDITIONS FOR ORGANIZING INTEGRATED LESSONS IN PRIMARY SCHOOL WITHIN THE 12-YEAR EDUCATION SYSTEM

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада 12 жылдык билим берүү системасында башталгыч мектепте интеграцияланган сабактарды уюштуруунун педагогикалык негиздери жана шарттары каралат. Интеграцияланган окутуунун теориялык аспектилери талданып, анын окуучулардын билимди системалуу өздөштүрүүсүнө, логикалык ой жүгүртүүсүн жана чыгармачылык жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө тийгизген таасири негизделет. Ошондой эле интеграцияланган сабактарды уюштуруунун негизги шарттары – мугалимдин кесиптик компетенттүүлүгү, окуу-методикалык камсыздоо, билим берүү стандарттарынын шайкештиги жана окуучулардын жаш өзгөчөлүктөрү каралат. Макалада практикалык мисалдар аркылуу интеграцияланган окутууну колдонуу жолдору көрсөтүлүп, аны билим берүү процессинде пайдалануу боюнча сунуштар берилет.

Аннотация: В данной статье рассматриваются педагогические основы и условия организации интегрированных уроков в начальной школе в системе 12-летнего образования. Проанализированы теоретические аспекты интегрированного обучения и обосновано его влияние на системное усвоение знаний учащимися, развитие логического мышления и творческих способностей. Также раскрываются основные условия организации интегрированных уроков, такие как профессиональная компетентность учителя, учебно-методическое обеспечение, соответствие образовательных стандартов и учет возрастных особенностей учащихся. В статье представлены практические примеры применения интегрированного обучения и предложены рекомендации по его использованию в образовательном процессе.

Abstract: This article examines the pedagogical foundations and conditions for organizing integrated lessons in primary school within the 12-year education system. The theoretical aspects of integrated learning are analyzed, and its impact on students' systematic knowledge acquisition, development of logical thinking, and creative abilities is substantiated. The main conditions for organizing integrated lessons are also considered, including teachers' professional competence, methodological support, alignment with educational standards, and consideration of students' age characteristics. The article presents practical examples of applying integrated learning and offers recommendations for its implementation in the educational process.

Негизги сөздөр: интеграцияланган окутуу; 12 жылдык билим берүү; башталгыч мектеп; педагогикалык шарттар; компетенттүүлүк; окуу процесси; методика; текст түзүү; билим берүүнүн сапаты.

Ключевые слова: интегрированное обучение; 12-летнее образование; начальная школа; педагогические условия; компетентность; учебный процесс; методика; построение текста; качество образования.

Keywords: integrated learning; 12-year education; primary school; pedagogical conditions; competence; learning process; methodology; text construction; quality of education.

Азыркы учурда дүйнөлүк коомчулуктун жана ар бир өлкөнүн экономикалык, социалдык, саясий жана маданий чөйрөлөрүндө өсүп келе жаткан муундун социалдашуусун жакшыртууну талап

кылган маанилүү түзүмдүк жана мазмундук өзгөрүүлөр жүрүүдө. Бул өзгөрүүлөрдүн негизги багыты – окуучуну билимди жөн гана кабыл алуучу эмес, аны өз алдынча түшүнүп, турмуштук кырдаалдарда колдоно алган компетенттүү инсан катары калыптандыруу болуп саналат. Ушундай шартта 12 жылдык билим берүү системасына өтүү заманбап талаптарга жооп берген, окуучунун өнүгүүсүн системалуу түрдө камсыз кылууга багытталган маанилүү реформа катары каралууда.

Өлкөбүздө жүргүзүлүп жаткан билим берүү реформасынын максаты – эл аралык билим берүү мейкиндигине интеграцияланган жана таанылган улуттук билим берүү системасын түзүү, улуттун социалдык-маданий мурасынын сакталышын жана өнүгүшүн камсыз кылуу, ошондой эле глобалдык атаандаштыкка жөндөмдүү болууга мүмкүндүк берген сапаттуу билим берүүгө коомдун керектөөлөрүн канааттандыруу.

Дүйнөнүн көптөгөн өлкөлөрүнүн мисалында көрүнүп тургандай, XXI кылымда экономикалык потенциал жаратылыш ресурстарынын болушуна же жоктугуна гана эмес, адам капиталын өнүктүрүү деңгээлине да көз каранды. Ал биринчи кезекте сапаттуу билим алуу мүмкүнчүлүгү жана анын жеткиликтүүлүгү менен аныкталат.

Мына ошондуктан башталгыч мектеп бул системанын эң негизги жана чечүүчү этабы болуп эсептелет, анткени дал ушул мезгилде баланын таанып-билүү жөндөмдөрү, дүйнөгө болгон көз карашы, окууга болгон мамилеси жана социалдык жүрүм-турумунун негиздери калыптанат. Демек, башталгыч класстарда окутууну уюштурууда окуу материалдарын өз-өзүнчө предметтер түрүндө эмес, өз ара байланышта, бирдиктүү мазмун катары берүү маселеси өзгөчө мааниге ээ. Башкача айтканда, интеграцияланган сабактарды уюштуруу зарылдыгы келип чыгууда [4].

Мына ошондуктан интеграцияланган сабактар окуу процессин турмуш менен байланыштырууга, окуучунун ар тараптуу ой жүгүртүүсүн өнүктүрүүгө жана билимди системалуу түрдө өздөштүрүүсүнө шарт түзөт. Мындай сабактар аркылуу окуучу бир эле учурда бир нече предмет боюнча билимдерди өз ара байланышта өздөштүрүп, аларды практикалык маселелерди чечүүдө колдонууга үйрөнөт. Бул өз кезегинде анын чыгармачылык жөндөмүн, логикалык ой жүгүртүүсүн жана өз алдынча чечим кабыл алуу жөндөмүн өнүктүрөт [5].

Ошону менен бирге, интеграцияланган сабактарды натыйжалуу уюштуруу үчүн белгилүү педагогикалык шарттардын болушу зарыл. Аларга мугалимдин кесиптик даярдыгы, окуу программаларынын шайкештиги, методикалык камсыздоо, материалдык-техникалык база жана окуучулардын жаш өзгөчөлүктөрүн эске алуу сыяктуу факторлор кирет. Бул шарттар камсыз кылынганда интеграцияланган окутуу өз максатына жетип, сапаттуу билим берүүгө өбөлгө түзөт.

Демек, 12 жылдык билим берүү системасында башталгыч мектепте интеграцияланган сабактарды уюштуруу маселеси бүгүнкү күндө өзгөчө актуалдуу болуп саналат жана билим берүүнүн сапатын жогорулатууда маанилүү ролду ойнойт.

Интеграцияланган сабактар – бул бир нече окуу предметтеринин мазмунун өз ара байланыштырып, бирдиктүү тема же көйгөйдүн негизинде окутууну уюштуруунун заманбап формасы. Мындай окутуу формасы билимди өз-өзүнчө эмес, системалуу жана комплекстүү кабыл алууга шарт түзөт. Интеграцияланган окутуунун педагогикалык маңызы окуучунун дүйнөнү бүтүн, өз ара байланышкан система катары түшүнүүсүнө жардам берүүдө жатат, анткени реалдуу жашоодо бардык билим тармактары бири-бири менен тыгыз байланышта болот [7].

Интеграцияланган окутуунун дидактикалык негиздери предметтер аралык байланыш принцибине таянат. Бул принцип боюнча бир предметтин мазмуну экинчи предметтин түшүнүктөрү, мыйзам ченемдүүлүктөрү жана ыкмалары менен байланышта каралат. Мисалы, математика менен табият таануу же тил сабагы менен адабиятты жана тарыхты бириктирүү аркылуу окуучуга бир эле көрүнүштү ар тараптан түшүнүү мүмкүнчүлүгү түзүлөт. Бул окуучунун аналитикалык жана логикалык ой жүгүртүүсүн өнүктүрүүгө өбөлгө болот.

Интеграцияланган сабактардын дагы бир маанилүү педагогикалык негизи – системалуулук жана ырааттуулук принциби. Сабактын мазмуну кокусунан тандалбастан, логикалык байланышта

жана белгилүү бир дидактикалык максатка багытталып түзүлөт. Бул окуучунун билимди түшүнүктүү жана иреттүү өздөштүрүүсүнө жардам берет [8].

Мындай сабактарда окутуунун активдүү жана интерактивдүү ыкмалары кеңири колдонулат. Топтук иш, талкуу, изилдөө, долбоордук окутуу сыяктуу ыкмалар окуучунун өз алдынча ой жүгүртүүсүн жана чыгармачылык активдүүлүгүн өнүктүрөт. Ошондой эле окуучу билимди пассивдүү кабыл алуучу эмес, окутуу процессинин активдүү катышуучусу болуп калат.

Интеграцияланган окутууда мугалимдин ролу да өзгөчө мааниге ээ. Мугалим маалымат берүүчү гана эмес, окутуу процессин уюштуруучу, багыттоочу жана окуучунун таанып-билүү ишмердүүлүгүн колдоочу фасилитатор катары иш алып барат. Ал ар кандай предметтик мазмунду логикалык жактан байланыштырып, окуучулар үчүн түшүнүктүү жана кызыктуу окутуу чөйрөсүн түзөт [3].

Демек, интеграцияланган сабактардын педагогикалык негиздери окуучунун ар тараптуу өнүгүүсүнө, билимди системалуу өздөштүрүүсүнө жана турмуштук компетенцияларын калыптандырууга багытталган. Бул ыкма заманбап билим берүүнүн сапатын жогорулатууда жана окуучунун интеллектуалдык потенциалын ачууда маанилүү ролду ойнойт [5].

Башталгыч мектепте интеграцияланган сабактарды натыйжалуу уюштуруу – заманбап билим берүү системасындагы маанилүү маселелердин бири. Анткени бул этапта окуучунун билимге болгон алгачкы мамилеси калыптанат, таанып-билүү ишмердүүлүгүнүн негиздери түптөлөт жана окууга болгон кызыгуусу бекемделет. Интеграцияланган окутуу ушул мезгилде өзгөчө мааниге ээ, бирок аны ийгиликтүү ишке ашыруу үчүн бир катар педагогикалык, уюштуруучулук жана методикалык шарттардын болушу зарыл [3]. Төмөндө педагогикалык шарттарды карап көрөлү.

Биринчи маанилүү шарт – окуу-методикалык камсыздоонун жетиштүүлүгү. Интеграцияланган сабактарды пландаштыруу үчүн мугалимде ар түрдүү предметтердин мазмунун бириктирүүгө мүмкүндүк берген окуу программалары, методикалык колдонмолор жана дидактикалык материалдар болушу керек. Эгерде окуу мазмуну үзүндү-үзүндү жана бири-бирине байланышсыз берилсе, интеграциянын максатына жетүү кыйын болот. Ошондуктан билим берүү стандарттары предметтер аралык байланышты эске алуу менен түзүлүшү зарыл [4].

Экинчи маанилүү шарт – мугалимдин кесиптик компетенттүүлүгү. Интеграцияланган сабактарды уюштуруу мугалимден жогорку деңгээлдеги педагогикалык чеберчиликти, чыгармачылыкты жана бир нече предметтин мазмунун терең түшүнүүнү талап кылат. Мугалим ар кандай билим тармактарын логикалык жактан байланыштырып, аларды бир бүтүн тема катары бере билүүсү керек. Ошондой эле ал интерактивдүү ыкмаларды колдонуп, окуучулардын активдүүлүгүн арттырууга жөндөмдүү болушу зарыл. Бул жагынан мугалимдин үзгүлтүксүз кесиптик өнүгүүсү, квалификациясын жогорулатуу курстары жана методикалык колдоо чоң роль ойнойт.

Үчүнчү шарт – окуу программаларынын жана стандарттарынын шайкештиги. Интеграцияланган окутуу натыйжалуу болушу үчүн мамлекеттик билим берүү стандарты предметтер аралык байланыштарды эске алган ийкемдүү түзүлүшкө ээ болушу керек. Окуу жүктөмү, темалардын ырааттуулугу жана мазмундук байланыштар алдын ала пландалып, мугалимге предметтерди интеграциялоого шарт түзүлүшү зарыл [6].

Төртүнчү шарт – материалдык-техникалык база жана билим берүү чөйрөсү. Заманбап интеграцияланган сабактарды уюштурууда интерактивдүү такталар, мультимедиялык каражаттар, көргөзмө материалдар жана санариптик ресурстарды колдонуу алардын натыйжалуулугун жогорулатат. Мындай чөйрө окуучунун сабакка болгон кызыгуусун арттырып, маалыматты визуалдык жана практикалык түрдө кабыл алуусуна жардам берет.

Бешинчи маанилүү шарт – окуучулардын жаш өзгөчөлүктөрүн эске алуу. Башталгыч класстын окуучуларында абстракттуу ой жүгүртүү жөндөмү калыптануу процессинде болгондуктан, сабактар алардын жаш курагына ылайык, жөнөкөйдөн татаалга карай принцибинин негизинде уюштурулушу керек. Интеграцияланган сабактар оюн, практикалык ишмердүүлүк жана визуалдык материалдар аркылуу уюштурулса, балдардын материалды түшүнүүсү жеңилдейт [2].

Мындан тышкары, класстагы жагымдуу психологиялык атмосфера да маанилүү шарт болуп саналат. Окуучу өз оюн эркин айта алган, ката кетирүүдөн коркпогон чөйрөдө активдүү катыша алат. Бул үчүн мугалим окуучуга колдоо көрсөтүп, шыктандырып жана анын аракеттерин баалап турушу керек.

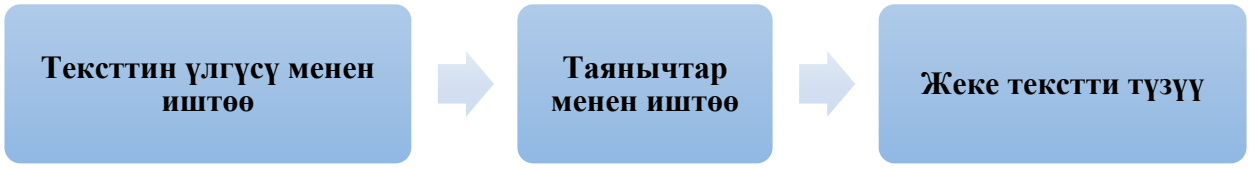
Ошол эле учурда өтүлө турган сабактарды да талапка ылайыкташтыруу керек. Башталгыч мектепте интеграцияланган сабактарды практикалык жактан ишке ашыруу билим берүү процессинин сапатын жогорулатууда маанилүү багыттардын бири болуп саналат. Теориялык негиздер канчалык терең болсо да, алардын чыныгы натыйжалуулугу окуу процессинде кантип колдонулуп жатканына жараша аныкталат. Практикада интеграцияланган сабактарды уюштуруу окуучулардын активдүүлүгүн жогорулатууга, билимди системалуу кабыл алууга жана ар кандай предметтер боюнча билимдерди бирдиктүү система катары өздөштүрүүгө шарт түзөт. Мисал катары «Текст түзөм» стратегиясынын кадамдарын карап көрөлү.

Стратегиянын сүрөттөлүшү. Аталган стратегия жазуу жана сүйлөө көндүмдөрүн калыптандырууга багытталган. Тилдик ишмердүүлүктүн бул түрлөрү кепти өнүктүрүүгө багытталгандыктан, продуктивдүү кеп ишмердүүлүгүнө кирет. Сүйлөө менен жазуунун негизги окшоштугу – экөө тең маалымат берүү кызматын аткарат. Сүйлөө маалыматты түздөн-түз жеткирүүгө багытталса, жазуу маалыматты жазуу жүзүндө жеткирүүгө мүмкүндүк берет. Маалымат берүүнүн негизги каражаттарынын бири – текст.

Стратегияны колдонуунун максаты – окуучуларга текст түзүүнүн алгоритмин түшүнүүгө жардам берүү. Өз оюн оозеки же жазуу жүзүндө билдирүү үчүн окуучулар өздөрүнө белгилүү тилдик каражаттарды тандап алып, алардын жардамы менен зарыл маалыматты жеткирүүгө аракет кылышат. Текст тилдик каражаттардын байланыштуу кепте кандайча колдонуларын көрсөтүүгө мүмкүндүк бергендиктен, окутууда негизги таяныч каражаттарынын бири катары пайдаланылат.

«Текст түзөм» стратегиясы окуучуларга өз алдынча текст түзүүдө үлгүлөрдү, күтүлгөн натыйжалардын моделдерин, негизги сөздөрдү, тезистерди жана аталыштарды пайдаланууга мүмкүнчүлүк берет.

Стратегия 3 кадам менен ишке ашырылат.



1-схема. “Текст түзөм” стратегиясынын негизги кадамдары

Окутуунун максаттары:

- окуучуларды тексттин белгилүү бир түрү менен тааныштыруу;
- окуучуларды өздөрүнө белгилүү тилдик каражаттардын ичинен оозеки жана жазуу жүзүндө текст түзүү үчүн зарыл болгондорун тандап алууга үйрөтүү;
- тандалган тилдик каражаттарды бир бүтүн текстке бириктирүүгө үйрөтүү.

Күтүлүүчү натыйжалар:

Окуучулар:

- тексттердин үлгүлөрү менен таанышышат;
- алардын түзүмүн жана түзүлүш өзгөчөлүктөрүн түшүнүшөт;
- өз алдынча текст түзүшөт.

Окутулуучу класстар: 2–4-класстар.

Керектүү материалдар: үлгү тексттер, тилдик таянычтар камтылган карточкалар.

Класста ишти уюштуруу формалары: жалпы класс менен, жуптарда жана топтордо иштөө.

Стратегияны колдонуу жол-жобосу

Стратегияны колдонуудан мурун

Мугалимге төмөнкүлөр сунушталат:

- окуу материалынын үстүндө иштөө процессинде окуучулар кандай текст түзөрүн (куттуктоо, жарыя, маалыматтык билдирүү, жеке кат, ыраазычылык билдирүү, баяндоо, сүрөттөө, ой жүгүртүү) алдын ала аныктоо;
- тиешелүү тексттердин үлгүлөрүн тандап алуу;
- окуучулар өз алдынча текст түзүүдө пайдалана ала турган тилдик таянычтарды даярдоо;
- текстти баалоо критерийлерин даярдоо.

Стратегияны колдонуу учурунда

1-кадам. Тексттин үлгүсү менен иштөө. Бул баскычта мугалим тексттин үлгүлөрү менен иштөөнү уюштурат. Окуучулар сунушталган тексттин үлгүлөрүн окушат, түшүнүшөт, талдашат жана алардын түзүлүш моделин өздөштүрүшөт. Негизинен окулган текстти түшүнүүгө жана анын тилдик түзүмүн талдоого багытталган тапшырмалар сунушталат.

2-кадам. Таянычтар менен иштөө. Бул баскычта мугалим тарабынан сунушталган таянычтардын негизинде текст түзүү иштери жүргүзүлөт. Окуучулар үлгү текстте камтылган ар кандай деңгээлдеги түзүмдүк бирдиктерге таянып, өз ойлорун түзүшөт. Бул учурда бөштуктарды жана сүйлөмдөрдү толуктоо; тексттин түзүмдүк бирдиктерин кеңейтүү; жөнөкөй сүйлөмдөрдү татаал сүйлөмдөргө, сүйлөмдөрдү абзацтарга бириктирүү; сүйлөмдөрдү жана абзацтарды логикалык жактан кайра топтоо; негизги сүйлөмдүн негизинде абзацты кеңейтүү, абзацтын негизинде текст түзүү сыяктуу көнүгүүлөр аткарылышы мүмкүн.

3-кадам. Өз алдынча текст түзүү. Бул баскычта окуучулар өз алдынча текст жазышат же мугалим тарабынан түзүлгөн кырдаалга ылайык оозеки билдирүү даярдашат.

Баалоо. Тапшырманын жыйынтыгы боюнча окуучулар түзгөн текст бааланат. Баалоо критерийлери мугалим тарабынан тексттин түрүнө жана түзүлүшүнө ылайык иштелип чыгат. Ишти мугалим баалайт же окуучулардын өз ара баалоосу уюштурулат. Өз ара баалоодо окуучулар белгиленген критерийлердин негизинде бири-биринин тексттерин талдап, сунуштарын беришет. Эгер окуучулар жазуу жүзүндөгү текст менен иштешсе, сунуштарды эске алуу менен каталарын оңдоого убакыт берүү маанилүү. Андан кийин гана текст мугалимге текшерүүгө тапшырылат [1].

Куттуктоо текстин түзүү мисалында стратегияны ишке ашыруу. Бул стратегияны ишке ашыруунун мисалы катары куттуктоо текстин түзүүнү карап көрөлү. Куттуктоо тексти оозеки жана жазуу жүзүндө болушу мүмкүн. Мында стратегияны колдонуу принциби өзгөрбөйт [1].

Таблица 1. «Текст түзөм» стратегиясынын этаптары жана тапшырмалардын үлгүлөрү

<table>
<tr><th>Стратегиянын кадамдары</th><th>Тапшырмалардын мисалдары</th></tr>
<tr><td>Тексттин үлгүсү менен иштөө</td><td>1. Куттуктоо открыткасын окугула.
Кымбаттуу Анара Исмаиловна!
Сизди Жаңы жылыңыз менен куттуктайм!
Сизге ден соолук, ийгилик, бакыт каалайм.
Менин куттуктоомду үй-бүлөңүзгө да жеткирип коюңуз.
Урматым менен, Айбек

2. Открыткадан төмөнкү сөздөрдү тапкыла
а) куттуктоо сөздөрүн (аларды жөнөкөй калем менен чийгиле);
б) каалоо кандай айтылганын (көк калем менен чийгиле);
в) куттуктоону жеткирүү өтүнүчүн (жашыл калем менен чийгиле).</td></tr>
<tr><td>Таянычтар менен иштөө</td><td>3. Сунушталган формалардын биринин бөлүкчөлөрүндөгү сөздөрдү алмаштыргыла:
<table><tr><td>Мен (кимди?)</td><td>туулган күнү менен
Жаңы жылы менен</td><td></td><td>куттуктагым келет!</td></tr></table></td></tr>
</table>

		8-Март майрамы менен 23-февраль менен Жеңиш майрамы менен Нооруз майрамы менен		
			чын жүрөктөн чын дилимден ак дилимден кызуу	куттуктайм!

4. Башка каалоо-тилек айткыла. Каалоо-тилекти төмөнкүдөй билдирүүгө болот:

		ийгилик / жетишкендик /бакыт / ден соолук (эмне?)	каалагым келет!
Мен (кимге?)	чын жүрөктөн чын дилимден ак дилимден	жаркын маанай / текшерүү ишин ийгиликтүү жазууну / бардык кыялдары орундалышын (эмне?)	каалайм!

5. Куттуктап коюу өтүнүчүн башкача айтып көргүлө. Аны төмөнкүдөй айтса болот:

Мен (кимге?)	салам / куттуктоо / изги тилек жолдоп,	ийгилик / жетишкендик /бакыт / ден соолук (эмне?)	каалайм!

“

Жеке текстти түзүү	**6. Көрсөтүлгөн конструкцияларды пайдаланып, өзүнөрдүн досторуңарга жаңы жылдык куттуктоо жазгыла.**

Бул стратегиянын өзгөчөлүгү – окуучуну даяр текстти гана кабыл алуучу эмес, өз алдынча ой жүгүртүп, оюн логикалык жана байланыштуу формада билдире алган активдүү субъект катары калыптандырууга багытталгандыгында. Педагогикалык жактан алганда, стратегия кеп ишмердүүлүгүнүн продуктивдүү түрлөрүн – сүйлөө жана жазууну – өнүктүрүүгө багытталгандыгы менен өзгөчө мааниге ээ, анткени дал ушул көндүмдөр аркылуу окуучу өз оюн так, түшүнүктүү жана ырааттуу жеткирүүгө үйрөнөт. Стратегиянын негизги максаты – окуучуларга тексттин түзүлүшүн аң-сезимдүү түшүнүүгө жардам берүү менен бирге, аларды өз оюн логикалык ырааттуулукта жеткирүүгө үйрөтүү.

Педагогикалык жактан алганда, стратегиянын үч кадам менен ишке ашырылышы дидактикалык жактан негиздүү деп эсептөөгө болот. Биринчи кадам – тексттин үлгүсү менен иштөө – окуучуларга текст түзүүнүн үлгүсүн көрсөтөт. Бул этапта окуучулар даяр текстти окуп гана тим болбостон, анын түзүмүн, логикалык байланыштарын жана тилдик өзгөчөлүктөрүн талдашат. Мындай ишмердүүлүк алардын талдоо жөндөмүн өнүктүрүп, тексттин кандайча түзүлөрүн түшүнүүгө шарт түзөт. Башкача айтканда, бул баскычта окуучу «кандай жазуу керек?» деген суроого жооп табат.

Экинчи кадам – таянычтар менен иштөө – окуучунун жарым-жартылай өз алдынча ишмердүүлүккө өтүүсүн камсыз кылат. Бул жерде мугалим тарабынан сунушталган сөздөр, сүйлөмдөр жана түзүмдөр окуучуга таяныч болуп берет. Педагогикалык жактан бул жакынкы өнүгүү

зонасы түшүнүгүнө туура келет, башкача айтканда, окуучу толук өз алдынча аткара албаган ишти мугалимдин багыттоосу аркылуу аткара алат. Таянычтар менен иштөө окуучунун тилдик каражаттарды туура тандоосуна, сүйлөмдөрдү логикалык байланышта түзүүсүнө жана тексттин бүтүндүгүн сактоого жардам берет.

Үчүнчү кадам – өз алдынча текст түзүү – стратегиянын жыйынтыктоочу баскычы болуп саналат. Бул этапта окуучу мурунку кадамдарда алган билимдерин жана көндүмдөрүн өз алдынча колдонуп, толук кандуу текст түзөт. Мында окуучунун чыгармачылыгы, өз алдынчалуулугу жана ой жүгүртүү жөндөмү ишке ашат. Педагогикалык жактан бул баскыч окуучунун компетенттүүлүгүн калыптандырууга багытталган.

Мындан тышкары, бул стратегияда баалоо процесси да маанилүү орунду ээлейт. Баалоонун критерийлерге негизделиши окуучунун өз ишин аң-сезимдүү талдоосуна жана каталарын оңдоосуна мүмкүнчүлүк берет. Өз ара баалоо элементтеринин колдонулушу окуучулардын сынчыл ой жүгүртүүсүн жана бири-биринин ишине жоопкерчилик менен мамиле кылуусун өнүктүрүүгө көмөктөшөт.

Куттуктоо текстин түзүү мисалында бул стратегиянын практикалык мааниси көрүнөт. Окуучулар даяр үлгү аркылуу тексттин түзүлүшүн түшүнүшөт, андан кийин сунушталган тилдик формаларды өзгөртүү аркылуу өз ойлорун кеңейтишет жана акырында өз алдынча куттуктоо текстин түзүшөт. Бул процесс окуучунун тилдик байлыгын арттырууга гана эмес, анын социалдык-коммуникативдик жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө да багытталган, анткени куттуктоо адамдар аралык мамиленин маанилүү формаларынын бири болуп саналат.

Демек, «Текст түзөм» стратегиясы окуучунун байланыштуу сүйлөө жана жазуу көндүмдөрүн өнүктүрүү менен бирге, анын ой жүгүртүү, талдоо жана чыгармачылык жөндөмдөрүн калыптандырууга мүмкүнчүлүк түзөт.

Жүргүзүлгөн теориялык талдоонун жана каралган маселелердин негизинде төмөнкүдөй жыйынтыкка келүүгө болот: 12 жылдык билим берүү системасына өтүү башталгыч билим берүүнүн мазмунун жана уюштуруу формаларын кайра карап чыгуу зарылдыгын шарттайт. Бул шартта интеграцияланган окутуу өзгөчө мааниге ээ болуп, окуучунун билимди бөлүк-бөлүк эмес, бир бүтүн система катары кабыл алуусуна мүмкүндүк берет. Интеграцияланган сабактар аркылуу окуучулар ар кандай предметтердин ортосундагы байланыштарды аңдап түшүнүп, билимди турмуштук кырдаалдарда колдонууга үйрөнүшөт. Бул өз кезегинде алардын функционалдык сабаттуулугун, логикалык ой жүгүртүүсүн жана чыгармачылык жөндөмүн өнүктүрүүгө өбөлгө түзөт [7].

Теориялык талдоонун негизинде интеграцияланган окутуунун натыйжалуулугу бир катар шарттарга көз каранды экенин белгилөөгө болот. Аларга мугалимдин кесиптик даярдыгы, окуу-методикалык камсыздоо, билим берүү стандарттарынын мазмундук шайкештиги, ошондой эле окуучулардын жаш өзгөчөлүктөрүн эске алуу кирет. Бул факторлор өз ара тыгыз байланышта болуп, бирдиктүү системаны түзгөндө интеграцияланган сабактар күтүлгөн натыйжаларды берүүгө өбөлгө түзөт. Демек, интеграция – бул жөн гана бир нече предметти кошуу эмес, окутуунун мазмунун, ыкмаларын жана формаларын өз ара байланышта бириктирген комплекстүү педагогикалык процесс.

Заманбап коом окуучудан даяр билимди гана эмес, аны ар кандай кырдаалда колдонуу жөндөмүн талап кылат. Бул жагынан алганда, интеграцияланган сабактар окуучунун практикалык тажрыйбасын кеңейтип, анын билимге болгон кызыгуусун арттырууга багытталат. Мындай сабактар окуучунун активдүүлүгүн күчөтүп, өз алдынча ой жүгүртүүгө, талдоого жана жыйынтык чыгарууга үйрөтөт. Натыйжада, билим берүү процесси чыныгы турмуш менен байланышкан, маанилүү жана түшүнүктүү процесске айланат.

Практикалык жактан алганда, интеграцияланган окутууну ийгиликтүү ишке ашыруу үчүн бир нече маанилүү сунуштарды белгилөөгө болот. Биринчиден, мугалимдерди атайын даярдоо жана алардын квалификациясын үзгүлтүксүз жогорулатуу зарыл, анткени интеграцияланган сабактарды уюштуруу жогорку деңгээлдеги педагогикалык чеберчиликти талап кылат. Экинчиден, окуу программаларын жана окуу китептерин кайра карап чыгып, предметтер аралык байланыштарды

күчөтүү керек. Үчүнчүдөн, окуу процессинде интерактивдүү жана инновациялык ыкмаларды кеңири колдонуу сунушталат, бул окуучулардын активдүүлүгүн жана кызыгуусун арттырууга өбөлгө түзөт. Төртүнчүдөн, билим берүү мекемелеринде заманбап материалдык-техникалык шарттарды түзүү да маанилүү, анткени интеграцияланган сабактар визуалдык жана практикалык колдоону талап кылат.

Жыйынтыктап айтканда, башталгыч мектепте интеграцияланган окутууну уюштуруу билим берүүнүн сапатын жогорулатуунун маанилүү жолдорунун бири болуп саналат. Ал окуучунун ар тараптуу өнүгүүсүнө шарт түзүп, аны заманбап коомдун талаптарына жооп бере алган, өз алдынча ой жүгүртө билген жана билимди турмушта колдоно алган инсан катары калыптандырууга көмөк көрсөтөт.

Колдонулган адабияттар

1. Башталгыч мектепте дифференциалдык жана интеграциялык окутуу : 1–2-модуль / USAIDдин «Окуу керемет!» долбоору.
2. Выготский Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – М. : Эксмо-Пресс : Смысл, 2004. – 512 с.
3. Криволапова Е. В. Интегрированный урок как одна из форм нестандартного урока / Е. В. Криволапова // Инновационные педагогические технологии : материалы II Международной научной конференции (Казань, май 2015 г.). – Казань : Бук, 2015. – С. 113–115. – URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/150/7921/.
4. Кыргыз Республикасында он эки жылдык мектептик билим берүүгө өтүү концепциясы : Кыргыз Республикасынын Министрлер Кабинетинин 2024-жылдын 30-октябрындагы № 654 токтому менен бекитилген.
5. Кыргыз Республикасынын «Билим берүү жөнүндө» Мыйзамы : 2023-жылдын 11-августу, № 179. – URL: https://edu.gov.kg/organizations/8/pages/286/.
6. Кыргыз Республикасынын жалпы билим берүүнүн мамлекеттик билим берүү стандарты : Кыргыз Республикасынын Министрлер Кабинетинин 2025-жылдын 14-мартындагы № 131 токтому менен бекитилген.
7. Логвина И., Рождественская Л. Формирование навыков функционального чтения : курс для учителей русского языка как родного (II–III ступень обучения) : книга для учителя / И. Логвина, Л. Рождественская. – Тарту : Tartu Ülikooli Narva kolledž, 2012. – URL: https://www.digar.ee/id/nlib-digar:258606.
8. Лямина В. Н. Интегралдык сабактар окуу предметтерине кызыгууну ойготуу каражаттарынын бири / В. Н. Лямина. – 1995. – № 11. – 21–25-б.

Рецензент: педагогика илимдеринин кандидаты, доцент Касымбеков Э.А.

УДК 372.881.1:004

Намазова М.С., Кортобаева С.К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Инновациялык технологиялар жана билим берүү институту
Намазова М.С.,[1] Кортобаева С.К.[2]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Институт современных информационных технологий в образовании[2]
Namazova M.S., Kortobaeva S.K.
KNU Jusup Balasagyn
Institute of Modern Information Technologies in Education

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУ МЕТОДИКАСЫ САНАРИПТЕШТИРҮҮ ЖАНА ГЕНЕРАТИВДИК ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ ДООРУНДА
МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Кыскача мүнөздөмө: Макалада санариптештирүү жана генеративдик жасалма интеллект шартында чет тилдерди окутуу методикасынын өнүгүшү каралат. Изилдөөнүн максаты – чет тилдерди окутуунун методикалык принциптеринин өзгөрүшүн талдоо жана заманбап тилдик билим берүүдө санариптик технологиялар менен генеративдик жасалма интеллекттин ордун аныктоо. Илимий адабияттарды талдоо, салттуу жана санариптик окутуу ыкмаларын салыштыруу жана изилдөөлөрдүн жыйынтыктарын жалпылоо аркылуу санариптик лингводидактиканын негизги багыттары аныкталат. Өзгөчө көңүл көп тилдүү билим берүүгө, коммуникативдик жана маданияттар аралык компетенцияларды өнүктүрүүгө, ошондой эле Кыргызстандагы тилдик билим берүүнүн өзгөчөлүктөрүнө бурулат. Генеративдик жасалма интеллектти окуу материалдарын даярдоодо, тилдик көнүгүүлөрдү уюштурууда жана кайтарым байланыш берүүдө колдонуу мүмкүнчүлүктөрү каралат. Аны пайдалануунда маалыматтын ишенимдүүлүгүн текшерүү, академиялык чынчылдыкты сактоо жана мугалимдин жетектөөчү ролун камсыз кылуу зарылдыгы белгиленет. Жыйынтыгында салттуу педагогикалык ыкмаларды санариптик технологиялар менен айкалыштырууга негизделген, адамга багытталган окутуу мамилесинин маанисси көрсөтүлөт.

Аннотация: В статье рассматривается развитие методики обучения иностранным языкам в условиях цифровизации и распространения генеративного искусственного интеллекта. Цель исследования – проанализировать изменения методических принципов преподавания иностранных языков и определить роль цифровых технологий и генеративного искусственного интеллекта в современной системе языкового образования. На основе анализа научной литературы, сопоставления традиционных и цифровых подходов и обобщения результатов исследований определяются основные направления развития цифровой лингводидактики. Особое внимание уделяется многоязычному образованию, развитию коммуникативной и межкультурной компетенций, а также особенностям языкового образования в Кыргызстане. Рассматриваются возможности применения генеративного искусственного интеллекта при подготовке учебных материалов, организации языковой практики и предоставлении обратной связи. Подчеркивается необходимость проверки достоверности информации, соблюдения академической добросовестности и сохранения ведущей роли преподавателя. В результате обосновывается значимость человекоцентричного подхода, основанного на сочетании традиционных педагогических методов и цифровых технологий.

Abstract: The article examines the development of foreign language teaching methodology in the context of digitalization and the growing use of generative artificial intelligence. The aim of the study is to analyze changes in the methodological principles of foreign language teaching and determine the role of digital technologies and generative artificial intelligence in modern language education. Based on an analysis of scholarly literature, a comparison of traditional and digital teaching approaches, and a synthesis of research findings, the study identifies the main directions in the development of digital language didactics. Particular attention is paid to multilingual education, the development of communicative and intercultural competences, and the specific features of language education in Kyrgyzstan. The article examines the potential of generative artificial intelligence for preparing teaching materials, organizing language practice, and providing feedback. It emphasizes the need to verify the reliability of information, maintain academic integrity, and preserve the leading role of the teacher. The study highlights the importance of a human-centered approach that combines traditional pedagogical methods with digital technologies.

Негизги сөздөр: чет тилдерди окутуу; окутуу методикасы; санариптештирүү; генеративдик жасалма интеллект; санариптик лингводидактика; көп тилдүү билим берүү; коммуникативдик компетенция; маданияттар аралык компетенция; адамга багытталган мамиле.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам; методика обучения; цифровизация; генеративный искусственный интеллект; цифровая лингводидактика; многоязычное образование; коммуникативная компетенция; межкультурная компетенция; человекоцентричный подход.

Keywords: foreign language teaching; teaching methodology; digitalization; generative artificial intelligence; digital language didactics; multilingual education; communicative competence; intercultural competence; human-centered approach.

Introduction. The digital transformation of education has changed not only the technical environment of learning but also the ways of organizing learning activity, interaction between teacher and learner, information search, and monitoring of results. In foreign language teaching, digital technologies have provided constant access to authentic materials, multimedia resources, interactive exercises, and means of online communication. As a result, language education has gradually moved from a predominantly reproductive model to more active, communicative, and personalized learning [1, pp. 45–62].

The development of the digital environment is accompanied by an expansion of learner autonomy. Students can independently choose materials, pace of work, and digital tools, track results, and use various channels of language practice. At the same time, the need to develop the ability to find, evaluate, verify, transform, and create multilingual digital content increases.

In these conditions, multilingualism acquires particular importance. Modern professional and academic communication is increasingly conducted in a multilingual environment, where a specialist needs to interact with representatives of various linguistic and cultural communities. Therefore, proficiency in individual languages should be supplemented by the ability to use the entire available language repertoire to solve communicative and professional tasks [2, pp. 11–20].

Digitalization simultaneously creates prerequisites for the development of multilingual education. Electronic dictionaries, educational platforms, video communication tools, and digital corpora make it possible to compare language systems, organize cross-linguistic transfer, and use previously formed knowledge when learning a new language. Research on multilingual education emphasizes the need for special methodological training of the teacher, who is able to organize the interaction of several languages within a single educational system [3, pp. 158–164].

A new qualitative stage of digital transformation has been the spread of generative artificial intelligence models. Unlike traditional digital resources, which mainly provide pre-prepared content, generative models are able to create texts, dialogues, exercises, explanations, questions, and variants of feedback directly at the user's request. This leads to the need to revise a number of methodological principles.

The aim of the study is to identify the main stages in the evolution of methodological principles of foreign language teaching and to determine the place of digital technologies and generative artificial intelligence in the modern system of language education.

To achieve this aim, the study uses analysis of scholarly literature, comparative analysis of traditional and digital approaches, generalization of research in the field of computer-mediated, multilingual, and intercultural learning, as well as analysis of contemporary studies on the use of generative AI in language education.

1. Evolution of Methodological Principles: From Traditional Methodology to Digital Language Didactics

1.1. From the Traditional Model to Computer-Mediated Learning. Traditional foreign language teaching methodology was based primarily on teacher-organized work with a textbook, explanation of language material, performance of exercises, and subsequent monitoring. Digitalization did not eliminate these principles, but it substantially changed the ways in which they are implemented.

In the early stages, computer technologies were used mainly as additional means for practicing vocabulary, grammar, and individual language skills. With the development of the Internet, the digital environment became simultaneously a source of authentic material and a means of communication. Electronic dictionaries, educational platforms, video materials, online courses, and videoconferencing systems made it possible to combine language learning with real communicative situations [4, pp. 1–18].

The next stage was the spread of mobile technologies. The smartphone turned from an auxiliary device into a constantly available tool for language practice. Students gained the opportunity to work with vocabulary, listening, reading, and speaking outside the classroom. Thus, the boundaries of learning time and space became more flexible.

1.2. Formation of Digital Language Didactics. The systematic study of the pedagogical potential of digital technologies contributed to the formation of digital language didactics—a field that examines the theory and practice of integrating electronic resources and digital technologies into foreign language teaching [5, pp. 1–12].

At the same time, digital language didactics does not imply the mechanical transfer of traditional tasks into the electronic environment. A digital platform can be used not only for completing a test but also for individualizing learning, accumulating information about results, organizing feedback, and building an independent educational trajectory.

Therefore, one of the central principles becomes the pedagogically justified choice of technology. The teacher should proceed not from the question "What technology can be used?" but from the question "What educational task can this technology help solve more effectively?"

In this regard, digital transformation means a transition from technological demonstration to the functional integration of digital resources into the methodological system.

1.3. Blended and Multilingual Learning. The next stage is associated with the spread of blended learning, which combines classroom work, independent activity, and digital interaction. This format makes it possible to distribute learning tasks among the teacher, the student, and the digital platform.

At the same time, multilingual methodology is developing. When learning two or more foreign languages, the digital environment makes it possible to compare language structures, organize cross-linguistic transfer, and use previously formed knowledge when mastering a new language.

In this connection, multilingual communicative competence acquires particular importance, presupposing the ability to use the available language repertoire to solve communicative tasks, and not merely to demonstrate isolated proficiency in each language.

Consequently, the modern digital environment creates prerequisites for the transition from digital language didactics to a more complex model of digital multilingual learning.

2. Digital Transformation of Language Education in Kyrgyzstan. For Kyrgyzstan, the digitalization of language education is of particular importance due to the multilingual educational environment and the need to prepare specialists for academic, professional, and intercultural communication.

A telling example is a study conducted at Kyrgyz National University named after J. Balasagyn in the 2024–2025 academic year. The study involved 70 students studying German at levels A2–B1. The authors analyzed the use of digital platforms, multimedia and authentic materials, social networks, YouTube, podcasts, Quizlet, Duolingo, and artificial intelligence tools. The research methodology included questionnaires, pedagogical observation, comparative analysis, and statistical processing of data [6, pp. 39–48].

It is especially important that digital tools in this study were considered not as an end in themselves but as elements of a comprehensive methodological system. Authentic materials were used for developing listening; digital cards and interactive exercises were used for vocabulary formation; and digital and AI tools were also used in work with written speech, followed by critical editing by students [6, pp. 43–47].

Thus, the results of the study allow us to speak of a transition from the principle of "digital instead of traditional" to the principle of "traditional and digital in functional combination."

Another area of research in Kyrgyzstan is the use of artificial intelligence and digital resources in foreign language teaching. Abdimomunova A.O., Kumari S., and Samsaliev A.M. consider natural language processing technologies, adaptive systems, speech recognition, augmented and virtual reality as tools for expanding language practice and personalizing learning [7, pp. 24–31].

At the same time, the authors emphasize that the introduction of AI does not cancel the leading role of the teacher. The generation of learning materials and the provision of automated feedback should be combined with pedagogical interpretation of results, development of critical thinking, organization of intercultural interaction, and quality control [7, pp. 25–31].

3. Generative Artificial Intelligence as a New Stage of Methodological Evolution. The emergence of ChatGPT and other generative models has become a new stage in the digital transformation of language education. Such systems are capable of creating texts of varying complexity, modeling dialogues, forming exercises, explaining language phenomena, offering editing options, and providing feedback.

Unlike traditional digital platforms, generative AI possesses a high degree of interactivity: content can be formed directly in the process of interaction with the user. This makes it possible to use it as a tool for modeling language situations, preparing materials, and organizing individual practice.

A systematic review of research on the use of ChatGPT in ESL/EFL education showed that generative models are used to expand opportunities for language practice, personalize learning, and support teaching activity. At the same time, researchers note problems of information reliability, confidentiality, and academic integrity [8, pp. 1–18].

Another review of 44 studies on the use of ChatGPT in second language learning shows that a significant part of the research focuses on learners' perceptions of generative AI, the development of written speech, prompt tuning, and the organization of interaction with the model [9, pp. 1–14].

Consequently, it is advisable to consider generative AI not as an independent teaching method but as a technological environment capable of supporting various methodological approaches.

4. Language Didactic Innovations and Research in the Field of AI. Of particular importance for the Kyrgyz educational context is Yu. Lai's study devoted to the integration of artificial intelligence content generation (AIGC) technologies with the principles of second language acquisition for personalized Chinese language learning in Kyrgyzstan. The author examines intelligent learning platforms (ChatGPT, DeepSeek, Doubao), adaptive systems, and generative models, linking their use with personalization of learning, increased motivation, and expanded opportunities for language practice [5, pp. 91–102].

A fundamental position of this study is the need to prepare the teacher to work with AI. The professional competence of the educator should include the ability to choose digital tools, evaluate the quality of generated content, design tasks, and take into account the ethical aspects of using AI. The author especially emphasizes that cultural adaptability is a significant challenge, identifying limitations in addressing the sociocultural contexts of learning that require human pedagogical expertise [5, pp. 95–98].

These positions are consistent with the results of a study by A. Lange and G. Ismailova devoted to the use of AI in teaching German for specific purposes. Using the example of a project implemented in Kyrgyzstan in the summer semester of 2025, the authors showed that ChatGPT-supported exercises are effective for the didactic design of learning materials, providing personalized feedback, and supporting differentiated instruction. The study also revealed teachers' perspectives on the opportunities and risks of using AI in specialized language teaching [6, pp. 273–289].

Thus, the digital competence of the teacher is gradually expanding to AI competence, which includes pedagogical, critical, and ethical understanding of the capabilities and limitations of generative models. A systematic review of 49 empirical studies by S. Lee, H. Choe, D. Zou, and J. Jeon confirms that generative AI performs diverse roles in the language classroom—provider of feedback, tutor, cognitive stimulator, facilitator of interaction, and conversation partner—but requires further study with regard to content quality, excessive dependence on AI, and academic honesty [15, pp. 335–359].

5. From a Digital Tool to a New Methodological Model. Analysis of the studies considered allows us to identify several interrelated changes in methodological principles.

The first is the transition from the transmission of information to the organization of activity. Students not only receive information from the teacher but also independently search for, compare, verify, and transform digital content.

The second is the transition from a unified task to personalization. Digital platforms and generative models make it possible to vary content, level of complexity, pace, and form of learning activity.

The third is the transition from static learning material to dynamic generation. The teacher can form several variants of a text, dialogue, or exercise taking into account the level of language proficiency, professional orientation, and interests of students.

The fourth is the transition from episodic monitoring to constant feedback. Digital tools make it possible to identify errors more quickly, analyze results, and adjust learning activity.

The fifth is the transition from isolated language learning to multilingual interaction. The digital environment makes it possible to compare several languages and use cross-linguistic transfer.

The sixth is the transition from predominantly language training to language and intercultural training. Modern communication requires not only knowledge of grammar and vocabulary but also understanding of cultural norms, communicative strategies, and features of digital interaction.

6. Intercultural Competence in the Digital Educational Environment. Digitalization should not reduce language education to the interaction of the learner with an algorithm. Language is a means of social and cultural interaction; therefore, digital language training should include the development of intercultural competence.

In M. Byram's concept of intercultural communicative competence, a significant place is occupied by knowledge, attitudes, skills of interpretation and interaction necessary for effective communication among representatives of different cultures [11, pp. 31–38]. Further development of this direction is connected with considering language and culture as interrelated components of the educational process [12, pp. 1–18].

For Kyrgyzstan, this problem is especially relevant due to multilingualism and the cultural diversity of the educational and professional environment.

A study by Samsaliev A., Abydynova Sh., Baigasekova I., and Aidarbekova Ch., conducted among 347 students of medical universities in Kyrgyzstan, shows the importance of preparing future specialists for intercultural interaction. The authors identified language and cultural barriers in professional communication and substantiated the need for systematic inclusion of the intercultural component in professional training [13, pp. 98–106].

Although the study was carried out in the field of medical education, its conclusions have broader methodological significance. A foreign language should be considered not only as a system of lexical and grammatical units but also as a means of professional interaction in a culturally diverse environment.

Consequently, modern language training should include not only digital literacy but also digital communicative and intercultural competence.

7. A Practical Model for Using Generative AI. The most productive model appears to be one in which generative AI is included in the educational process as an object of interaction, analysis, and critical verification.

The first stage is setting a communicative task. The teacher determines the language and professional goal: for example, developing skills of argumentation, dialogic speech, written communication, or professional vocabulary.

The second stage is generating material. AI is used to create a text, dialogue, dictionary, questions, a role-play situation, or several variants of a task.

The third stage is critical verification. Students check the created material for factual, linguistic, stylistic, and cultural errors.

The fourth stage is editing and independent activity. The generated material becomes the basis for independent language work. Students correct errors, expand the content, change the communicative situation, and create their own version.

The fifth stage is reflection. Learners analyze which part of the material was created by AI, what was changed by a human, and for what reasons.

For example, when studying English, students can be asked to generate a dialogue with AI entitled "International Student Visits Bishkek." After generation, students must check the cultural authenticity of the dialogue, identify possible stereotypes, replace inaccurate elements, add real Kyrgyzstan realities, and present the edited version to the group.

In such a model, generative AI becomes not a replacement for learning activity but an object of critical analysis and a means of creating language practice.

8. Digital Platforms and Generative AI: A Functional Approach.

It is advisable to choose digital tools based on the educational function they perform.

Quizlet — systematization, memorization, and repetition of vocabulary;

- Duolingo and similar adaptive platforms — regular language practice;
- YouTube and other video resources — development of listening and work with authentic speech;
- Zoom, Microsoft Teams, and similar systems — synchronous communication;
- generative AI models — creation, transformation, editing, and discussion of language material;
- speech recognition systems — support for work on pronunciation and oral speech.

However, the presence of a large number of tools does not in itself ensure an improvement in the quality of learning. The results of research on digital and interactive technologies in teaching German show the need for their consistent and methodologically justified inclusion in the educational process [6, pp. 43–47].

Therefore, the main methodological principle becomes not the maximum number of digital tools but their functional complementarity.

9. Risks and Limitations of Using Generative AI. Despite its significant pedagogical potential, the use of generative AI is associated with a number of limitations.

First, generative models are capable of creating convincingly formulated but factually erroneous information. Therefore, the result of generation cannot automatically be considered reliable educational material [8, pp. 10–18].

Second, the problem of academic integrity arises. If a student presents a fully generated text as their own work, it becomes difficult to assess their actual language knowledge and degree of independence.

Third, there is a risk of reducing learner autonomy. The constant use of AI to perform simple language operations may limit the development of one's own strategies of search, analysis, and formulation.

Fourth, issues of confidentiality and processing of user data must be taken into account. International UNESCO recommendations emphasize the need for a human-centered approach, data protection, ensuring equal access, and pedagogical justification for the use of generative AI [15, pp. 1–44].

Fifth, generative models may reproduce cultural stereotypes or insufficiently take into account the local context. Therefore, for Kyrgyzstan, verification of content related to history, culture, languages, and national realities is especially important.

Finally, digitalization may increase educational inequality if different groups of students have unequal access to devices, stable Internet, and paid digital services. Therefore, digital transformation must be accompanied by institutional measures to ensure access to technology.

10. Practical Recommendations for Universities in Kyrgyzstan. On the basis of the studies considered, the following recommendations can be formulated:

1. Include digital and AI literacy in the training programs of future foreign language teachers.
2. Use generative AI primarily as a learning tool, not as a replacement for independent activity.
3. Develop tasks that require critical analysis and editing of AI content.
4. Form institutional rules of academic integrity when using generative models.

5. Teach students to verify facts, sources, and linguistic and cultural correctness of generated material.

6. Use the Kyrgyz cultural and professional context when developing prompts and learning tasks.

7. Combine digital tools with direct interaction between the teacher and students.

8. Develop intercultural communication as an obligatory component of language education.

9. Evaluate the effectiveness of AI not only by user satisfaction but also by objective changes in language results.

10. Develop institutional recommendations for the safe, ethical, and pedagogically justified use of generative AI.

Conclusion. The evolution of methodological principles of foreign language teaching has passed from a predominantly traditional model to computer-mediated, digital, and blended learning, and then to multilingual digital formats and the use of generative artificial intelligence.

Modern digital language didactics expands educational opportunities through access to authentic materials, interactivity, personalization, and diverse forms of communication. Generative AI takes this process to a new level, making it possible to create individualized materials, model communicative situations, provide feedback, and support independent work.

At the same time, digitalization should not be considered as a sequential replacement of traditional methodology. Studies conducted in Kyrgyzstan show the promise of an integrative approach in which digital technologies are combined with communicative, interactive, and intercultural methods.

Of particular importance are studies devoted to digital technologies, artificial intelligence, language didactic innovations, and intercultural interaction. The study of digital technologies in teaching German demonstrates the need to combine digital and traditional means. The work on AI and digital resources shows the importance of preserving the leading role of the teacher. The study of language didactic innovations emphasizes the need to prepare teachers for the pedagogically and ethically justified use of AI. The study of intercultural interaction of future doctors confirms the importance of including the intercultural component in professional training.

Thus, a promising model of foreign language teaching can be represented by the following formula: traditional pedagogy + digital language didactics + multilingualism + intercultural communication + generative AI + critical and ethical reflection.

The key condition for this transformation remains the preservation of the leading role of the human being. Generative AI is capable of accelerating and expanding learning activity, but the setting of pedagogical goals, assessment of information quality, interpretation of cultural meanings, development of independence, and responsibility for the educational result must remain within the sphere of the teacher's professional decision.

References

1. Chapelle C. A. Computer Applications in Second Language Acquisition: Foundations for Teaching, Testing and Research. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 215 p.

2. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment – Companion Volume. – Strasbourg : Council of Europe, 2020. – 278 p.

3. Безукладников К. Э., Прохорова А. А. Методическая система мультилингвального обучения будущих инженеров: эмпирическое исследование // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466. – С. 158–164. – DOI: 10.17223/15617793/466/19.

4. Dudeney G., Hockly N., Pegrum M. Digital Literacies. – London : Pearson, 2013. – 256 p.

5. Innovations in Learning Technologies for English Language Teaching / ed. by G. Motteram. – London : British Council, 2013. – 198 p.

6. Босумбаева Т., Уметов К., Султанова М., Самсалиев А. Современные тренды в изучении немецкого языка: применение технологий и интерактивных методов // Вестник Кыргызского

национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 39–48. – DOI: 10.58649/1694-8033-2025-3(123)-39-48.
7. Абдимомунова А., Кумари С., Самсалиев А. Роль искусственного интеллекта и цифровых ресурсов в обучении иностранным языкам // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2025. – Специальный выпуск. – С. 24–31.
8. Lo C. K., Yu P. L. H., Xu S., Ng D. T. K., Jong M. S. Y. Exploring the application of ChatGPT in ESL/EFL education and related research issues: a systematic review of empirical studies // Smart Learning Environments. – 2024. – Vol. 11. – Article 50. – P. 1–18.
9. Yang L., Li R. ChatGPT for L2 learning: Current status and implications // System. – 2024. – Vol. 124. – Article 103351. – P. 1–14.
10.Бакашова Ч. К., Самсалиев А. М. Лингводидактические инновации XXI века: роль искусственного интеллекта // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2025. – Специальный выпуск. – С. 187–194.
11.Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. – Clevedon : Multilingual Matters, 1997. – 124 p.
12.Kramsch C. Language and Culture. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 134 p.
13.Samsaliev A., Abydynova Sh., Baigesekova I., Aidarbekova Ch. Formation of future doctors' readiness for intercultural interaction in Kyrgyzstan // Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. – 2025. – Vol. 17, No. 2. – P. 98–106. – DOI: 10.58649/1694-8033-2025-2(122)-98-106.
14.Айдарбекова Ч. С., Самсалиев А. М., Босумбаева Т. Р. Особенности понятия вежливости в интернет-дискурсе // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2025. – Специальный выпуск. – С. 72–80.
15.Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. – Paris : UNESCO, 2023. – 44 p.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Мамытова А.К.

УДК 37.01+004.8

Очокеева А.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Очокеева А.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Ochokeeva A.B.
KNU Jusup Balasagyn

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада чет тилин окутуудагы жасалма интеллект технологияларын колдонуу каралат. Ал санарип платформаларынын, автоматтык текшерүү системаларынын, виртуалдык чатботтордун жана мобилдик тиркемелердин мүмкүнчүлүктөрүн талдайт. Окуучулардын мотивациясына, жекелештирилген окутууга, билим берүүнү сапариптештирүү шартында мугалимдин ролунун өзгөрүшүнө өзгөчө көңүл бурулат.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности применения технологий искусственного интеллекта в процессе преподавания иностранных языков. Анализируются возможности цифровых платформ, систем автоматической проверки, виртуальных собеседников и мобильных приложений. Особое внимание уделяется вопросам мотивации студентов, персонализации обучения и изменению роли преподавателя в условиях цифровизации образования.

Abstract: This article examines the application of artificial intelligence technologies in foreign language teaching. It analyzes the capabilities of digital platforms, automatic proofreading systems, virtual chatbots, and mobile apps. Particular attention is paid to student motivation, personalized learning, and the changing role of the teacher in the context of digitalization of education.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; чет тилдер; санариптик билим; онлайн окутуу; тил компетенттүүлүгү; билим берүү технологиялары.

Ключевые слова: искусственный интеллект; иностранные языки; цифровое образование; онлайн-обучение; языковая компетенция; образовательные технологии.

Keywords: artificial intelligence; foreign languages; digital education; online learning; language competence; educational technologies.

1. Введение. Цифровизация образования расширяет применение искусственного интеллекта (ИИ) для создания учебных текстов, упражнений, аудиоматериалов и презентаций, а также организации интерактивного обучения.

Преподавание французского языка предполагает развитие фонетических, лексических, грамматических, социолингвистических и коммуникативных компетенций. Особые трудности связаны с произношением носовых гласных, интонацией, **liaison**, употреблением артиклей, согласованием временных форм и выбором речевого регистра.

ИИ может облегчить подготовку и адаптацию учебных материалов, создание диалогов и аудиозаданий. Однако сгенерированные материалы требуют проверки на языковую точность, культурную уместность и соответствие учебным целям.

Проблема исследования заключается в необходимости определить, каким образом функциональные возможности ИИ могут быть соотнесены со спецификой преподавания французского языка и какие педагогические, языковые и организационные ограничения необходимо учитывать в образовательной практике Кыргызстана.

Цель исследования — систематизировать дидактические возможности применения ИИ в преподавании французского языка с учётом международных исследований и работ кыргызстанских авторов, а также разработать методические рекомендации по использованию цифровых инструментов.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи:** проанализировать научно-методические подходы к использованию ИИ в обучении иностранным языкам; рассмотреть исследования кыргызстанских учёных по вопросам ИИ и цифровизации языкового образования; сопоставить возможности ИИ-инструментов с задачами преподавания французского языка; разработать примеры применения ИИ для развития основных языковых навыков; рассмотреть использование ИИ при изучении французской литературы, культуры и истории; выявить риски и сформулировать рекомендации по ответственному применению ИИ в языковом образовании.

Объект исследования — процесс преподавания французского языка в условиях цифровизации образования.

Предмет исследования — дидактические возможности и ограничения использования искусственного интеллекта при формировании иноязычной коммуникативной компетенции.

Научная новизна работы состоит в предметно ориентированной систематизации возможностей ИИ применительно к преподаванию французского языка с учётом публикаций кыргызстанских авторов. Практическая значимость заключается в разработке примеров учебных заданий и рекомендаций, которые могут быть адаптированы для высших учебных заведений и других образовательных организаций.

2. Обзор литературы

2.1. Международные исследования искусственного интеллекта в языковом образовании. В современной лингводидактике искусственный интеллект рассматривается как средство

совершенствования обучения иностранным языкам. П. В. Сысоев анализирует технологии ИИ и их методический потенциал, систематизируя основные направления исследований [1; 2]. К ним относятся применение чат-ботов и голосовых помощников, автоматизация оценки языковых навыков, адаптация учебных материалов и персонализация обучения.

П. В. Сысоев и Е. М. Филатов рассматривают возможности и ограничения чат-ботов в обучении иностранным языкам [3]. П. В. Сысоев, Е. М. Филатов и Д. О. Сорокин исследуют применение чат-ботов и голосовых помощников для развития речевых умений [4]. Эти работы позволяют обосновать использование диалоговых инструментов для моделирования коммуникативных ситуаций и дополнительной речевой практики. Вместе с тем применение ИИ требует проверки достоверности ответов, языковой корректности и соответствия учебным целям.

Таким образом, международные исследования выделяют четыре основных направления применения ИИ: создание учебных материалов, развитие речевых навыков, автоматизированная обратная связь и персонализация обучения. Их практическая результативность зависит от выбранного инструмента и педагогического контроля.

2.2. Исследования кыргызстанских учёных. Исследования кыргызстанских авторов позволяют рассмотреть применение ИИ с учётом особенностей национальной образовательной системы.

А. Ж. Качкынчиева, М. М. Джумаева и Э. Ж. Жумагулова анализируют использование ИИ в преподавании английского языка, уделяя внимание цифровой компетентности педагогов, персонализации обучения, чат-ботам и автоматизированному оцениванию [5]. Авторы также отмечают риски, связанные с конфиденциальностью, доступностью технологий и снижением самостоятельности обучающихся.

Ж. Нуруева и Р. Муктарбекова рассматривают возможности ИИ в педагогической деятельности [6], а в последующей работе анализируют результаты опроса 207 педагогов Кыргызстана: 67 % респондентов активно использовали ИИ, а 76 % выразили готовность развивать соответствующие компетенции [7]. Эти данные подчёркивают актуальность подготовки преподавателей к использованию цифровых технологий, однако не свидетельствуют непосредственно об эффективности ИИ в обучении французскому языку.

У. Б. Алибекова исследует применение информационно-коммуникационных технологий и ИИ в подготовке будущих педагогов, изучающих кыргызский язык [8]. Г. Бактыкалы кызы рассматривает возможности ИИ для формирующего оценивания при обучении английскому языку, включая поддержку самостоятельности и саморегуляции обучающихся [9]. Эти исследования важны для разработки методических подходов к цифровизации языкового образования в Кыргызстане.

Сопоставление публикаций показывает, что кыргызстанские учёные уделяют внимание цифровой компетентности преподавателей, персонализации обучения, автоматизированной обратной связи и ответственному использованию ИИ. Однако рассмотренные работы преимущественно посвящены английскому и кыргызскому языкам либо общим вопросам цифровизации образования.

Таким образом, сохраняется необходимость систематизации возможностей ИИ применительно к преподаванию французского языка, включая обучение фонетике, грамматике, лексике, развитие речевых навыков и изучение французской литературы и культуры. Настоящее исследование направлено на рассмотрение этих возможностей и разработку соответствующих методических рекомендаций.

3. Методы исследования. Исследование носит теоретико-аналитический характер. Использованы анализ научных публикаций, сравнительно-описательный и функциональный методы. Рассмотрены международные и кыргызстанские исследования по применению ИИ в языковом образовании, а также сопоставлены возможности цифровых сервисов в создании учебных материалов, адаптации заданий, визуализации информации, организации диалоговой практики и синтезе речи.

Функции рассмотренных инструментов соотнесены с задачами преподавания французского языка, включая развитие основных речевых навыков и изучение литературы, культуры и истории Франции. На этой основе сформулированы примеры учебных заданий и методические рекомендации.

Педагогический эксперимент и статистическая оценка результатов обучения не проводились. Поэтому выводы характеризуют потенциальные направления применения ИИ, эффективность которых требует эмпирической проверки.

4. Процесс исследования и результаты

4.1. Функциональные возможности ИИ-инструментов. В исследовании рассмотрены семь ИИ-инструментов для преподавания французского языка: ChatGPT, Twee, Diffit, MagicSchool AI, Gamma, Talkpal и ElevenLabs. Они помогают создавать учебные материалы, адаптировать задания, разрабатывать презентации, моделировать диалоги и формировать аудиоупражнения. ChatGPT и Twee подходят для работы с текстами и грамматикой, Diffit и MagicSchool AI — для адаптации материалов и планирования занятий, Gamma — для визуализации информации, Talkpal — для разговорной практики, а ElevenLabs — для развития навыков аудирования и произношения.

Таким образом, применение ИИ позволяет разнообразить учебный процесс, учитывать уровень подготовки студентов и развивать основные речевые навыки. При этом подготовленные материалы необходимо проверять на грамматическую точность и соответствие целям обучения.

Twee ориентирован на создание учебных материалов для языковых занятий, включая упражнения и вопросы к текстам [10]. Diffit позволяет адаптировать образовательные материалы к различным уровням чтения и создавать задания на основе текста [11]. MagicSchool AI предоставляет инструменты для подготовки образовательных ресурсов и планирования уроков [12]. Gamma может использоваться для создания визуальных презентаций [13]. Talkpal предлагает ИИ-инструменты для языковой практики, в том числе французского языка [14]. ElevenLabs поддерживает синтез речи на французском языке [15].

Указанные возможности следует рассматривать как функциональные характеристики сервисов, а не как свидетельство доказанной педагогической эффективности. Результат зависит от правильности формулировки задания, качества исходных данных, уровня обучающихся и последующей проверки материала.

4.2. Использование ИИ при обучении французской грамматике и лексике. Грамматическая подготовка является важной частью освоения французского языка. На разных этапах обучения трудности могут возникать при выборе артиклей, согласовании существительных и прилагательных, употреблении местоимений, построении отрицательных конструкций и выборе временных форм.

ChatGPT можно использовать для подготовки нескольких вариантов объяснения одного правила. Например, преподаватель может запросить объяснение различий между *passé composé* и *imparfait* для уровня A2, сопровождаемое примерами и упражнениями. Полученный материал необходимо проверить по учебнику или авторитетному грамматическому справочнику, особенно если объяснение касается контекстуального выбора времени.

Пример задания:

Complétez les phrases avec le passé composé ou l’imparfait.

Quand j’_____ (être) enfant, je _____ (passer) mes vacances à la campagne.

Hier, nous _____ (visiter) un musée.

Il _____ (pleuvoir) quand le train _____ (arriver).

После выполнения задания обучающиеся должны объяснить выбор глагольной формы. Таким образом, работа направляется не только на получение правильного ответа, но и на понимание грамматического значения.

Для отработки артиклей можно подготовить упражнения на различение *un, une, des, le, la, les* и случаев отсутствия артикля. Важно учитывать, что употребление артикля зависит от значения существительного, контекста и коммуникативной задачи. Поэтому автоматическая проверка

отдельных предложений не всегда позволяет оценить, насколько хорошо обучающийся понимает правило.

В области лексики ИИ может помочь разработать тематические подборки слов и выражений по темам «Образование», «Путешествия», «Профессии», «Покупки», «Здоровье» и «Культура». Для каждого слова можно подготовить контекстный пример, типичное словосочетание и вопрос для устного ответа.

Twee может применяться для подготовки дополнительных лексических и грамматических упражнений [10]. Diffit — для создания текстов различной сложности на одну тему [11]. Например, материал о системе образования Франции можно представить в сокращённом варианте для уровня A2 и в более развёрнутом виде для уровня B1.

Дифференциация должна сохранять основное содержание текста и соответствовать конкретной учебной цели. Простое сокращение предложений не всегда облегчает понимание, если при этом нарушаются логические связи или исчезают необходимые пояснения. Поэтому окончательный вариант материала должен проверяться преподавателем.

4.3. ИИ при обучении французской фонетике и говорению. Фонетическая подготовка предполагает развитие навыков артикуляции, различения звуков, восприятия интонации и ритма речи. Для изучающих французский язык трудности могут представлять носовые гласные, различение отдельных гласных, произношение конечных букв и явление *liaison*.

ИИ можно использовать для создания перечней слов, фонетических заданий и коротких текстов, в которых повторяются определённые звуки или сочетания. Например, обучающимся можно предложить сравнить произношение слов *beau* и *bon*, *sans* и *son*, а затем определить, как звучание меняется в связной речи. Такие примеры необходимо проверять с учётом фонетической нормы и особенностей произношения.

Синтез речи с помощью ElevenLabs позволяет подготовить дополнительные аудиофрагменты на французском языке [15]. Преподаватель может использовать их для упражнений на понимание общего содержания, выделение ключевой информации, распознавание знакомых конструкций и последующее воспроизведение услышанного.

При этом синтезированная речь не должна полностью заменять аутентичные материалы. Для развития аудирования важно знакомить обучающихся с различными голосами, темпами речи и естественными особенностями общения. Поэтому целесообразно сочетать созданные аудиоматериалы с записями естественной речи, соответствующими уровню и задачам курса.

Для развития говорения можно моделировать бытовые и профессиональные ситуации: заказ еды в ресторане, покупка билета, заселение в гостиницу, знакомство с однокурсниками или обращение в университетскую администрацию. ChatGPT может использоваться для подготовки сценариев и коммуникативных заданий, а Talkpal — для дополнительной разговорной практики [14].

Пример задания: *Vous êtes à la gare. Demandez des renseignements sur les horaires, le prix du billet et le quai de départ.*

Обучающийся должен запросить сведения о времени отправления, стоимости билета и платформе. При оценивании учитываются полнота диалога, грамматическая правильность, выбор вежливых формул и соответствие реплик ситуации.

При этом автоматическую обратную связь нельзя считать окончательным заключением об уровне устной речи. Качество распознавания и оценки произношения может зависеть от технических условий и особенностей конкретного сервиса. Поэтому педагогическая оценка должна включать самостоятельное наблюдение преподавателя и анализ коммуникативного результата.

4.4. Использование ИИ при обучении чтению, письму и аудированию. Чтение и аудирование требуют умения понимать основную мысль, находить конкретную информацию, устанавливать логические связи и интерпретировать содержание. ИИ может использоваться для подготовки дополнительных текстов и вопросов, однако материалы должны соответствовать уровню обучающихся и целям занятия.

Например, на основе текста о Лионе можно подготовить вопросы:

Où se trouve Lyon ?

Pourquoi cette ville est-elle connue ?

Quels lieux aimeriez-vous visiter et pourquoi ?

На уровне A2 основное внимание уделяется пониманию фактической информации. На уровне B1 можно предложить сравнить Лион с другим городом, обосновать выбор туристического маршрута и подготовить короткое сообщение на французском языке.

При обучении письму ChatGPT может помочь сформировать план эссе, подготовить образец письма или разработать критерии самооценки. Обучающимся можно предложить написать электронное письмо другу о поездке во Францию, описание своего города или краткое рассуждение о значении изучения иностранных языков.

Обратную связь целесообразно организовать по нескольким критериям: соответствие теме, логичность, грамматическая правильность, лексическое разнообразие и коммуникативная уместность. Вместо полного переписывания текста система может выделить проблемные места и предложить вопросы, помогающие обучающемуся самостоятельно исправить ошибки.

При работе с аудиоматериалами можно использовать последовательность из трёх этапов. До прослушивания обучающиеся знакомятся с ключевой лексикой, во время прослушивания выполняют задания на понимание, после прослушивания пересказывают содержание или отвечают на вопросы. Синтезированная речь может быть полезна для создания дополнительных упражнений, но её следует сочетать с аутентичными записями.

Важным условием является сохранение самостоятельности обучающегося. Если ИИ предоставляет готовый перевод, эссе или ответы на все вопросы, образовательная задача может быть сведена к копированию результата. Поэтому преподавателю следует предусматривать объяснение языковых решений, исправление ошибок и обсуждение содержания.

4.5. Применение ИИ при изучении французской литературы. Французская литература является важным средством развития читательской, языковой и культурной компетенции. На занятиях могут рассматриваться произведения Антуана де Сент-Экзюпери, Шарля Перро, Жана де Лафонтена, Виктора Гюго и других авторов.

ИИ может применяться для подготовки вопросов к произведению, объяснения отдельных лексических единиц, разработки заданий на характеристику персонажей и организации дискуссии. Например, при изучении «Маленького принца» можно предложить обучающимся обсудить отношения между героями, значение символических образов и основные темы произведения.

Для начального уровня уместны задания на определение персонажей, последовательности событий и значения ключевых слов. Для более подготовленных обучающихся можно предложить анализ метафор, авторской позиции и философских идей.

При этом необходимо различать оригинальный литературный текст, адаптированный вариант и сгенерированное ИИ изложение. Адаптация может облегчить понимание произведения, но способна изменить стилистические особенности и смысловые оттенки. Поэтому ИИ не должен заменять чтение оригинала и самостоятельную интерпретацию текста.

Преподавателю необходимо проверять точность цитат, сведения об авторе и историко-культурный контекст. Сгенерированное толкование литературного образа следует использовать как возможную отправную точку для обсуждения, а не как единственную правильную интерпретацию.

4.6. ИИ в страноведении и изучении истории Франции. Страноведческая подготовка предполагает знакомство с географией, культурой, историей, общественной жизнью и региональными особенностями Франции. Эти темы позволяют связывать изучение языка с культурным контекстом его употребления.

Gamma можно использовать для создания презентаций о Париже, Лионе, Марселе, регионах Франции, архитектуре, музеях и культурных событиях [13]. ChatGPT может помочь разработать вопросы, краткие информационные тексты и задания на сопоставление культурных явлений.

Например, при изучении темы «Регионы Франции» обучающимся предлагается сравнить два региона по географическому положению, климату, культурным особенностям и достопримечательностям. Итоговым заданием может стать короткая презентация на французском языке с использованием сравнительных конструкций.

Историческая тематика может включать Французскую революцию, Жанну д'Арк, Наполеона Бонапарта и Шарля де Голля. Для уровня A2 целесообразно подготовить краткие тексты и задания на хронологическую последовательность. Для уровня B1 можно предложить анализ причин и последствий событий, сопоставление исторических интерпретаций и подготовку аргументированного выступления.

При использовании ИИ в страноведении и истории особенно важна проверка фактической точности. Система может смешивать даты, чрезмерно упрощать сложные процессы или представлять спорную интерпретацию как общепринятый факт. Поэтому сведения необходимо сверять с научными и справочными источниками.

Страноведческая подготовка не должна ограничиваться туристическими сведениями. Обучающимся важно знакомиться с современной культурой, системой образования, общественными институтами и языковым разнообразием Франции. ИИ может помогать в подготовке заданий для обсуждения этих вопросов, однако отбор содержания и проверка достоверности остаются ответственностью преподавателя.

4.7. Ограничения и условия ответственного использования ИИ. Анализ научных публикаций и функций цифровых сервисов позволяет выделить основные ограничения применения ИИ в преподавании французского языка.

Языковые и культурные ограничения связаны с возможными грамматическими ошибками, неточностями произношения и неуместным употреблением речевых формул. Поэтому необходимо проверять артикли, согласование, временные формы, liaison и соответствие высказываний коммуникативному контексту.

Педагогические ограничения обусловлены риском снижения самостоятельности обучающихся и недостаточной точностью автоматизированного оценивания. Обратную связь ИИ следует использовать как вспомогательный ресурс, дополняя её анализом преподавателя.

Организационные и этические ограничения включают доступность цифровых ресурсов, защиту персональных данных и соблюдение принципов академической добросовестности.

С учётом указанных ограничений предлагается следующая модель применения ИИ:

1. Определение учебной цели и критериев оценивания.
2. Выбор подходящего инструмента и подготовка материала.
3. Проверка языковой и фактической точности результата.
4. Выполнение задания и анализ результатов обучающимися.
5. Оценка полезности инструмента и выявление ошибок.

Предлагаемая модель носит рекомендательный характер. Использование ИИ должно определяться учебными задачами, доступностью технологий и возможностью преподавателя контролировать качество материалов.

5. Выводы и рекомендации. Сравнительный анализ семи ИИ-инструментов выявил различия в их функциональной направленности. ChatGPT и Twee подходят для создания текстов и языковых упражнений, Talkpal — для разговорной практики, ElevenLabs — для генерации аудиоматериалов, Diffit и MagicSchool AI — для подготовки и адаптации учебных ресурсов, Gamma — для создания презентаций.

Результаты анализа позволяют рекомендовать выбор ИИ-инструментов в соответствии с целями занятия, дифференциацию заданий с учётом уровня студентов и обязательную проверку языковой точности сгенерированных материалов. Сервисы Talkpal и ElevenLabs целесообразно сочетать с живым общением и работой с аутентичными материалами, а Gamma — с практическими языковыми упражнениями.

В условиях Кыргызстана применение ИИ необходимо соотносить с доступностью цифровых технологий, компетенциями преподавателей и многоязычной образовательной средой.

Ограничением исследования является его теоретико-аналитический характер: экспериментальная проверка эффективности сервисов не проводилась. Поэтому выявленные возможности отражают их потенциальную дидактическую ценность, а не доказанное улучшение результатов обучения.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с экспериментальной оценкой влияния отдельных ИИ-инструментов на развитие устной и письменной речи, фонетических навыков и самостоятельности студентов, а также с определением условий их эффективного применения в многоязычной образовательной среде Кыргызстана.

Таким образом, исследование позволило установить соответствие между функциональными возможностями семи ИИ-инструментов и задачами преподавания французского языка. Дальнейшие исследования должны быть направлены на экспериментальную оценку их влияния на развитие языковых навыков студентов.

Список использованной литературы

1. Сысоев П. В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 3. – С. 6–16.

2. Сысоев П. В. Использование технологий искусственного интеллекта в обучении иностранному языку: тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 294–308. – DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308.

3. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 66–72. – DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-1-66-72.

4. Сысоев П. В., Филатов Е. М., Сорокин Д. О. Чат-боты и голосовые помощники в развитии иноязычных речевых умений обучающихся // Язык и культура. – 2023. – № 63. – С. 272–289. – DOI: 10.17223/19996195/63/14.

5. Kachkynchieva A. Zh., Dzhumaeva M. M., Zhumagulova E. Zh. Peculiarities of Effective Use of Artificial Intelligence in English Language Teaching // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 12-2 (99). – P. 153–156. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-12-2-153-156.

6. Nurueva Zh., Muktarbekova R. Artificial Intelligence in Education: New Opportunities for Teachers // Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. – 2024. – № 3 (119). – P. 455–461. – DOI: 10.58649/1694-8033-2024-3(119)-455-461.

7. Nurueva Zh., Muktarbekova R. The Teacher in the Era of Artificial Intelligence // Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. – 2025. – Vol. 17, No. 1 (121). – P. 80–88. – DOI: 10.58649/1694-8033-2025-1(121)-80-88.

8. Алибекова У. Б. Об применении информационно-коммуникативных технологий и искусственного интеллекта в процессе подготовки будущих педагогов при обучении кыргызскому языку // Ta’lim jarayonida integrativ yondashuv: nazariya va amaliyot asosida hayotiy ko‘nikmalarni rivojlantirish. – 2026. – № 1. – С. 300–305. – DOI: 10.5281/zenodo.19190922.

9. Baktykaly kyzy G. AI-Assisted Formative Assessment in English Language Education: Student Autonomy, Learning Outcomes, and Conditions of Implementation // European Research Materials. – 2026. – № 12. – URL: https://ojs.scipub.de/index.php/ERM/article/view/7924 (дата обращения: 13.10.2026).

10.Twee. AI-Powered Language Teaching Tools and Lesson Materials [Электронный ресурс]. – URL: https://twee.com/ (дата обращения: 13.10.2026).

11.Diffit. How to Get Started on Diffit [Электронный ресурс]. – URL: https://support.diffit.me/hc/en-us/articles/21792858262157-How-to-get-started-on-Diffit (дата обращения: 13.10.2026).

12.MagicSchool AI. Frequently Asked Questions [Электронный ресурс]. – URL: https://www.magicschool.ai/faq (дата обращения: 13.10.2026).
13.Gamma. AI-Powered Presentation Platform [Электронный ресурс]. – URL: https://gamma.app/ (дата обращения: 13.10.2026).
14.Talkpal. AI Language Learning Platform [Электронный ресурс]. – URL: https://talkpal.ai/ (дата обращения: 13.10.2026).
15.ElevenLabs. What Languages Do You Support? [Электронный ресурс]. – URL: https://elevenlabs.io/docs/help-center/other/what-languages-do-you-support (дата обращения: 13.10.2026).

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор Акчекеева М.С.
УДК 378:61:316.77:008

Самсалиев А.М., Алимджанова Д.Н., Амридинов Ш.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Самарканд мамлекеттик медициналык университети
Самсалиев А.М., Алимджанова Д.Н., Амридинов Ш.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Самаркандский государственный медицинский университет
Samsaliev A. M., Alimdjanova D.N., Amridinov Sh.A.
KNU Jusup Balasagyn
Samarkand State Medical University

МЕДИЦИНАЛЫК УНИВЕРСИТЕТТЕРДИН СТУДЕНТТЕРИНДЕ ЭЛ АРАЛЫК КОММУНИКАЦИЯЛЫК МАДАНИЯТТЫН САБАТТУУЛУГУН ӨНҮКТҮРҮҮ ПРИНЦИПТЕРИ
ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ГРАМОТНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
PRINCIPLES OF DEVELOPING LITERACY IN INTERNATIONAL COMMUNICATION CULTURE AMONG STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES

Кыскача мүнөздөмө: Макалада медициналык университеттердин студенттеринин эл аралык коммуникациялык маданиятын өнүктүрүүнүн теориялык-методологиялык жана уюштуруучулук-педагогикалык негиздери каралат. Теманын актуалдуулугу медициналык билим берүүнүн интернационалдашуусу, академиялык мобилдүүлүктүн өсүшү, англис тилиндеги жана көп тилдүү билим берүү программаларынын кеңейиши, ошондой эле келечектеги дарыгерлерди маданияттар аралык чөйрөдө бейтаптар, кесиптештер жана илимий коомчулук менен кесиптик байланыш түзүүгө даярдоо зарылдыгы менен шартталган.

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические и организационно-педагогические основы развития международной коммуникационной культуры у студентов медицинских университетов. Актуальность темы определяется интернационализацией медицинского образования, ростом академической мобильности, расширением англоязычных и многоязычных образовательных программ, а также необходимостью подготовки будущих врачей к профессиональному взаимодействию с пациентами, коллегами и научным сообществом в межкультурной среде.

Abstract: This article examines the theoretical, methodological, organizational, and pedagogical foundations for developing international communication culture among medical university students. The relevance of this topic is determined by the internationalization of medical education, the growth of academic mobility, the expansion of English-language and multilingual educational programs, and the need to prepare future physicians for professional interaction with patients, colleagues, and the scientific community in an intercultural environment.

Негизги сөздөр: эл аралык коммуникациялык маданият; коммуникативдик сабаттуулук; медициналык университеттердин студенттери; маданияттар аралык компетенттүүлүк; медициналык билим берүү; кесиптик коммуникация.

Ключевые слова: международная коммуникационная культура; коммуникативная грамотность; студенты медицинских университетов; межкультурная компетентность; медицинское образование; профессиональная коммуникация.

Keywords: international communication culture; communicative literacy; medical university students; intercultural competence; medical education; professional communication.

Введение. Современное медицинское образование развивается в условиях глобализации науки, транснационального обмена знаниями и роста международной академической и профессиональной мобильности [1, с. 14–16]. Для студента медицинского университета коммуникативная подготовка уже не ограничивается владением профессиональной терминологией или стандартами врачебного общения внутри одной языковой среды. Будущий врач должен быть готов к взаимодействию с пациентами разного культурного происхождения, к участию в международных исследовательских и образовательных проектах, к чтению и обсуждению англоязычной научной литературы, а также к коммуникации в мультикультурных клинических командах [4, с. 108–110]. В связи с этим особое значение приобретает развитие грамотности международной коммуникационной культуры как интегрального качества личности и профессионала.

В педагогическом и медицинском дискурсе близкими по содержанию категориями выступают intercultural competence, intercultural communication skills и cultural competence in medical education [2, с. 28–30; 3, с. 294–295]. В исследованиях по медицинскому образованию подчеркивается, что межкультурная компетентность будущих врачей включает не только знания о культурном разнообразии, но и навыки общения, адаптивность, саморефлексию, критическое отношение к стереотипам и способность к этически выверенному взаимодействию [7, с. 112–115]. Для медицинских университетов задача развития международной коммуникационной культуры особенно актуальна, поскольку ошибки коммуникации в здравоохранении могут влиять не только на качество обучения, но и на качество будущей клинической практики [6, с. 46–48].

Цель исследования — обосновать принципы развития грамотности международной коммуникационной культуры у студентов медицинских университетов.

Задачи исследования:

1. Уточнить сущность понятия «грамотность международной коммуникационной культуры» в контексте медицинского образования.

2. Выявить ключевые принципы ее развития у студентов медицинских университетов.

3. Обосновать место международной коммуникационной культуры в структуре профессиональной компетентности будущего врача.

Материалы и методы исследования. Исследование имеет теоретико-аналитический характер. Использованы методы анализа научных публикаций по межкультурной компетентности, медицинскому образованию и профессиональной коммуникации, систематизации понятийных подходов, сравнительно-теоретического обобщения и структурно-функционального моделирования. В качестве опорных источников использованы рамочные документы UNESCO по межкультурным компетенциям [1], материалы Совета Европы по развитию межкультурной компетентности через образование [2], а также обзоры и аналитические исследования, посвященные культурной компетентности и межкультурной коммуникации в медицинском образовании [3; 5; 6]. UNESCO рассматривает межкультурные компетенции как совокупность знаний, навыков, установок и ценностей, необходимых для конструктивного и уважительного взаимодействия в условиях культурного разнообразия [1, с. 14–16], а медицинские исследования подчеркивают staged learning,

reflexive practice и интеграцию межкультурного обучения в клинические и доклинические модули [5; 7].

1. Теоретическое понимание грамотности международной коммуникационной культуры. Под грамотностью международной коммуникационной культуры у студентов медицинских университетов целесообразно понимать интегративную способность эффективно, этично и профессионально осуществлять общение в межкультурной и многоязычной среде, используя языковые, социокультурные, поведенческие и цифровые ресурсы в учебной, научной и клинической деятельности [2, с. 33–35; 3, с. 296]. Такая грамотность включает несколько взаимосвязанных компонентов: когнитивный, коммуникативно-практический, ценностно-этический, рефлексивный и цифровой [5, с. 78–80].

2. Принципы развития грамотности международной коммуникационной культуры

2.1. Принцип межкультурной чувствительности. Первым базовым принципом выступает принцип межкультурной чувствительности. Для медицинского университета это означает обучение будущего врача умению распознавать различия в коммуникативных нормах, способах выражения боли, отношении к лечению, семейной роли в принятии решений и ожиданиях от врача [3, с. 298–300]. Этот принцип непосредственно вытекает из концепции межкультурной компетентности, предложенной UNESCO [1, с. 22–24].

2.2. Принцип профессиональной направленности. Этот принцип требует интегрировать межкультурное обучение в клинический контекст: сбор анамнеза, информированное согласие, объяснение диагноза, обсуждение тактики лечения, командное взаимодействие и научная презентация результатов [4, с. 112–113]. В медицинском образовании культурная компетентность наиболее результативна тогда, когда она не существует в виде изолированного факультативного курса, а встраивается в longitudinal curriculum через лекции, семинары, клинические симуляции, проекты и исследовательскую работу [7, с. 56–58].

2.3. Принцип коммуникативной практикоориентированности. Обучение должно строиться на моделировании реальных или приближенных к реальности ситуаций: интервью с пациентом, клинические диалоги, межпрофессиональные обсуждения, работа со стандартизированными пациентами, case-based learning и OSCE-подобные коммуникативные станции [5, с. 82–84]. Систематический обзор по обучению межкультурной коммуникации в медицинских школах показывает, что лучшие образовательные вмешательства обычно включают именно практику, рефлексию и взаимодействие с культурно разнообразными сообществами [6, с. 47–49].

2.4. Принцип языковой интеграции. Для студентов медицинских университетов международная коммуникационная культура тесно связана с владением иностранным языком, прежде всего английским как языком международной науки и части образовательных программ. Однако развитие языковой подготовки должно идти не параллельно с межкультурной, а в единой системе [2, с. 40–42]. Это означает, что языковые курсы должны включать профессиональные сценарии, медицинскую этику, культуру клинического диалога, международные академические жанры и навыки объяснения сложной информации простым языком. Такой подход соответствует представлениям о staged cultural learning и интегрированном формировании культурной компетентности в медицинском образовании [4; 7].

2.5. Принцип рефлексивности. Рефлексивность предполагает систематическое осмысление студентом собственных коммуникативных реакций, ценностей, скрытых предубеждений и профессиональных трудностей [3, с. 301–302]. В медицинском образовании именно рефлексивные дневники, guided reflection, обсуждение трудных случаев и обратная связь после симуляций считаются важными механизмами формирования осознанной культурной компетентности [2, с. 56–58].

2.6. Принцип этической ответственности. Международная коммуникационная культура в медицине неразрывно связана с профессиональной этикой. Общение врача не может строиться только по логике эффективности передачи информации; оно должно учитывать автономию пациента,

конфиденциальность, уважение к достоинству личности, недискриминацию и справедливость [3, с. 299–300]. Грамотность международной коммуникационной культуры следует формировать на пересечении языковой подготовки, медицинской деонтологии и биоэтики [4, с. 114].

2.7. Принцип цифровой медиативности. Современная международная коммуникация студентов-медиков происходит не только очно, но и через цифровые платформы: онлайн-курсы, телемедицинские форматы, международные вебинары, виртуальные обмены, научные базы данных и сетевые исследовательские проекты [1, с. 22–24]. Следовательно, грамотность международной коммуникационной культуры должна включать умение использовать цифровые каналы общения, соблюдать академическую и профессиональную сетевую этику, критически отбирать источники и осуществлять межкультурное взаимодействие в гибридной среде [5, с. 86–87].

2.8. Принцип непрерывности и поэтапности. Формирование международной коммуникационной культуры не может быть результатом разового модуля. Оно требует поэтапного развития на протяжении всего периода обучения: от доклинического этапа, где закладываются основы терминологии, академического письма и межкультурной осведомленности, до клинического этапа, где формируются практические навыки общения с пациентом и командой [4, с. 113–114]. В исследованиях по медицинскому образованию подчеркивается staged learning throughout undergraduate curriculum, когда ранние формы обучения дополняются практикой, симуляциями и интеграцией в клинические дисциплины [6; 7].

3. Критерии и показатели сформированности. Для оценки грамотности международной коммуникационной культуры у студентов медицинских университетов целесообразно использовать комплексный подход [3, с. 301; 5]. Он может включать: уровень межкультурной осведомленности; качество речевого взаимодействия в клинических сценариях; способность объяснять медицинскую информацию понятным языком; умение проявлять уважение и эмпатию; степень рефлексивности; качество участия в международных академических проектах; соблюдение цифровой и профессиональной этики.

Кыргызский опыт показывает, что включение межкультурных модулей на всех этапах обучения – от первого до выпускного курса – позволяет системно подготовить врача к работе в поликультурной среде, тогда как фрагментарные занятия не дают устойчивого результата [8, с. 98–99].

Результаты исследования. В результате теоретического анализа установлено, что грамотность международной коммуникационной культуры у студентов медицинских университетов должна рассматриваться как интегративная профессионально-личностная характеристика, объединяющая языковую компетентность, коммуникативную практику, рефлексию, межкультурную чувствительность, цифровую грамотность и этическую ответственность [1; 2; 4]. Предложенные принципы (межкультурной чувствительности, профессиональной направленности, коммуникативной практикоориентированности, языковой интеграции, рефлексивности, этической ответственности, цифровой медиативности, непрерывности и поэтапности) образуют системную основу для разработки образовательных программ и учебных курсов, направленных на развитие данной компетенции у будущих врачей [5; 6; 7].

Заключение. Полученные результаты позволяют утверждать, что в медицинском университете международная коммуникационная культура не должна трактоваться как факультативный гуманитарный блок. Напротив, в условиях глобализации здравоохранения и интернационализации образования она становится частью профессиональной безопасности, качества общения и академической конкурентоспособности будущего врача. Это особенно важно для университетов, реализующих англоязычные программы, привлекающих иностранных студентов или участвующих в международных проектах.

Таким образом, развитие грамотности международной коммуникационной культуры у студентов медицинских университетов представляет собой стратегически значимое направление модернизации профессиональной подготовки будущих врачей. Его актуальность обусловлена ростом

международного академического взаимодействия, культурного разнообразия пациентов и необходимостью эффективной коммуникации в глобальном медицинском пространстве. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку диагностического инструментария и экспериментальную апробацию предложенных принципов в реальном образовательном процессе медицинских вузов.

Список использованной литературы

1. UNESCO. Manual for Developing Intercultural Competencies: Story Circles. – Paris : UNESCO, 2020. – 56 p.
2. Council of Europe. Developing Intercultural Competence through Education. – Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2013. – 128 p.
3. Betancourt J. R., Green A. R., Carrillo J. E., Ananeh-Firempong O. II. Defining Cultural Competence: A Practical Framework for Addressing Racial/Ethnic Disparities in Health and Health Care // Public Health Reports. – 2003. – Vol. 118, No. 4. – P. 293–302.
4. Lie D. A., Lee-Rey E., Gomez A., Bereknyei S., Braddock C. H. III. Intercultural Competence in Medical Education: Essential to Acquire, Difficult to Assess // Teaching and Learning in Medicine. – 2009. – Vol. 21, No. 2. – P. 108–115.
5. Liu J., Gill E., Chew S. P. S., Tan A. J. M. Cultural Competence Education for Undergraduate Medical Students: A Scoping Review // Frontiers in Education. – 2022. – Vol. 7. – Art. 894393. – 12 p.
6. Rahman U., Haque M. M., Kabir M. F., Hossain M. S. Inter-cultural Communication Skills Training in Medical Education: A Review of Teaching Methods // European Journal of Medical and Health Sciences. – 2023. – Vol. 5, No. 2. – P. 45–52.
7. Seeleman C., Suurmond J., Stronks K. Cultural Competence in Medical Education: A Review of the Literature // Journal of Medical Education and Curricular Development. – 2015. – Vol. 2. – P. 111–120.
8. Samsaliev A., Abydynova Sh., Baigesekova I., Aidarbekova Ch. Formation of Future Doctors' Readiness for Intercultural Interaction in Kyrgyzstan // Bulletin of the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. – 2025. – Vol. 17, No. 2. – P. 98–106. – DOI: 10.58649/1694-8033-2025-2(122)-98-106.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Уметов К. К.

УДК 81 246.2

Сатарова Г.Н., Акунова А.Р.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети
Сатарова Г.Н.,[1] Акунова А.Р.[2]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева[2]
Satarova G.N., Akunova A.R.
KNU Jusup Balasagyn
I. Arabaev Kyrgyz State University

КЕНЖЕ КЛАССТАРДЫН ОКУУЧУЛАРЫ ҮЧҮН БИЛИНГВАЛДЫК ЖАНА КӨП ТИЛДҮҮ ЧӨЙРӨНҮ ТҮЗҮҮДӨ НЕЙРОГИМНАСТИКАНЫ ЖАНА НЕЙРО ОЮНДАРДЫ КОЛДОНУУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОГИМНАСТИКИ И НЕЙРОИГР ПРИ СОЗДАНИИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ И МНОГОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ

THE USE OF NEUROGYMNASTICS AND NEUROGAMES IN CREATING A BILINGUAL AND MULTILINGUAL ENVIRONMENT FOR PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада башталгыч мектепте кыргыз тилин экинчи тил катары үйрөтүүдө нейрогимнастиканы жана нейро оюндарды колдонуу маселеси каралат. Нейрогимнастика жаңы тилди үйрөнүүдө көңүл буруу, эс тутум, сүйлөө жана ой жүгүртүү процесстерин активдештирүүгө багытталган көнүгүүлөрдүн комплекси катары мүнөздөлөт. Нейро оюндар окуучулардын таанып-билүү жана тилдик активдүүлүгүн жогорулатуучу кошумча окутуу каражаты катары сунушталат. Макалада билингвалдык жана көп тилдүү чөйрөдө нейрогимнастиканы жана нейро оюндарды пайдалануунун айрым ыкмалары, практикалык көнүгүүлөр жана аларды сабакта уюштуруунун жолдору берилет. Макаланын максаты – башталгыч класстын окуучуларына кыргыз тилин экинчи тил катары үйрөтүүдө нейрогимнастиканы жана нейро оюндарды пайдалануунун методикалык мүмкүнчүлүктөрүн көрсөтүү.

Аннотация: В статье рассматривается применение нейрогимнастики и нейроигр при обучении кыргызскому языку как второму в начальной школе. Нейрогимнастика характеризуется как комплекс упражнений, направленных на активизацию внимания, памяти, речевых и мыслительных процессов при изучении нового языка. Нейроигры рассматриваются как дополнительное средство обучения, способствующее повышению познавательной и речевой активности учащихся. В статье представлены отдельные методы использования нейрогимнастики и нейроигр в билингвальной и многоязычной среде, практические упражнения и способы их организации на уроке. Цель статьи – показать методические возможности применения нейрогимнастики и нейроигр при обучении учащихся начальных классов кыргызскому языку как второму.

Abstract: The article examines the use of neurogymnastics and neurogames in teaching Kyrgyz as a second language in primary school. Neurogymnastics is described as a set of exercises aimed at activating attention, memory, speech, and thinking processes when learning a new language. Neurogames are considered an additional teaching tool that can promote students' cognitive and language activity. The article presents selected methods for using neurogymnastics and neurogames in a bilingual and multilingual environment, as well as practical exercises and ways of organizing them in the classroom. The aim of the article is to demonstrate the methodological possibilities of using neurogymnastics and neurogames in teaching Kyrgyz as a second language to primary school students.

Негизги сөздөр: нейрогимнастика; нейро оюндар; нейро көнүгүүлөр; кенже класстын окуучулары; билингвизм; көп тилдүүлүк; кыргыз тили; орус тили; англис тили; таанып-билүү ишмердүүлүгүн активдештирүү; окутуунун натыйжалуулугу; окутуу каражаттары.

Ключевые слова: нейрогимнастика; нейроигры; нейроупражнения; учащиеся младших классов; билингвизм; многоязычие; кыргызский язык; русский язык; английский язык; активизация познавательной деятельности; эффективность обучения; средства обучения.

Keywords: neurogymnastics; neurogames; neuro-exercises; primary school students; bilingualism; multilingualism; Kyrgyz language; Russian language; English language; activation of cognitive activity; learning effectiveness; teaching tools.

Азыркы мезгилде маалыматтын көлөмү күндөн-күнгө өсүп, глобалдык өзгөрүүлөр тездик менен жүрүп жаткан шартта маалыматты иштеп чыгуу, талдоо жана сактоо үчүн жаңы технологияларды издөө актуалдуу маселелердин бири болуп саналат. Дүйнөнүн ар түрдүү тармактарындагы өзгөрүүлөр жана өнүгүүлөр билим берүү мейкиндигине да өз таасирин тийгизүүдө. Анткени адам жашоосунун бардык этаптарында жаңы билимдерди өздөштүрүп, аларды башкалар менен бөлүшүп келет. Бул процесс ата-эне менен баланын, мугалим менен окуучунун, улуу жана кийинки муундардын, ошондой эле ар түрдүү социалдык топтордун өз ара карым-катышында ишке ашат.

Билим берүү тармагындагы заманбап өзгөрүүлөр окуу-тарбия процессине катышкан адистерден жаңы максаттарды аныктоону жана окутуунун натыйжалуу ыкмаларын издөөнү талап кылат. Бул маселе башталгыч класстардын мугалимдерин даярдоодо өзгөчө актуалдуу, анткени

башталгыч мектеп баланын андан аркы билим алуусунун негизин түзөт. Кенже мектеп курагы баланын инсандык, эмоционалдык жана когнитивдик өзгөчөлүктөрү интенсивдүү өнүккөн мезгил болуп саналат. Азыркы учурда видеооюндар, кыска видеороликтер, мультфильмдер жана ар түрдүү санариптик каражаттар балдардын күнүмдүк жашоосунун ажырагыс бөлүгүнө айланды. Алардын баланын сүйлөө, ой жүгүртүү жана таанып-билүү активдүүлүгүнө тийгизген таасирин педагогикалык жактан эске алуу зарыл. Ошондуктан билим берүү процессинде колдонулуучу оюндарды жана санариптик материалдарды балдардын жаш өзгөчөлүктөрүнө жана окуу максаттарына ылайык тандоо маанилүү.

Учурда нейрогейминг түшүнүгүнүн бирдиктүү аныктамасы калыптана элек. Ал нейробиология жана оюн дизайны жаатындагы изилдөөлөр менен тыгыз байланышта каралат. Тактап айтканда, нейрогейминг когнитивдик неврологиянын, оюн дизайнынын жана аларга байланыштуу тармактардагы изилдөөлөрдүн жетишкендиктерине негизделген багыттардын бири катары мүнөздөлөт [1].

Нейро оюндар – когнитивдик функцияларды өнүктүрүүгө жана изилдөөгө багытталган интерактивдүү санариптик оюндар. Алар кадимки көңүл ачуучу видеооюндардан билим берүүчүлүк жана өнүктүрүүчүлүк максаттары менен айырмаланат. Нейро оюндарды түзүүдө балдардын жаш өзгөчөлүктөрүн, психологиялык жана педагогикалык талаптарды эске алуу маанилүү. Мындай оюндар окуучулардын таанып-билүү активдүүлүгүн колдоого, көйгөйлөрдү чечүү жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө жана окуу процессине кызыгуусун арттырууга багытталат.

Биздин изилдөөбүздө нейро оюндар кенже класстын окуучуларынын окуу процессине активдүү катышуусуна жана билингвалдык чөйрөдөгү сүйлөө активдүүлүгүнүн өнүгүшүнө өбөлгө түзүүчү кошумча каражат катары каралат. Нейрогимнастика, нейрокыймылдар жана нейро оюндар окуу процессинде өз ара байланышта пайдаланылып, алынган маалыматты практикада колдонууга жана бекемдөөгө багытталат. Мугалимдин кенже класстын окуучуларынын жаш курактык жана психологиялык өнүгүү өзгөчөлүктөрүн эске алуусу нейрогимнастиканы жана нейро оюндарды башталгыч билим берүүдө максатка ылайыктуу пайдалануунун маанилүү шарттарынын бири болуп саналат.

Балдардын нейропсихологиясынын өзгөчөлүктөрүнө ылайык, 12 жашка чейин мээнин ийкемдүүлүгү жогору болот, бул өз кезегинде баланын өнүгүүсүндөгү көйгөйлөрдү эрте аныктоого жана аларды чечүүнүн жолдорун издөөгө мүмкүнчүлүк берет. Мектеп мугалимдеринин билдирүүлөрүнө жана педагогикалык практикадагы байкоолорго караганда, башталгыч класстын окуучулары күн сайын бир катар көйгөйлөргө туш болушат: алар маалыматты узак убакытка эстеп калууда жана көңүлүн топтоодо кыйынчылыктарга дуушар болушат, жүрүм-турумунда айрым көйгөйлөр байкалат, ошондой эле оозеки жана жазуу кебинде ар кандай логопедиялык мүнөздөгү бузулуулар кездешет. Бул көйгөйлөр башталгыч класстын окуучуларынын эне тилин, экинчи жана чет тилдерди үйрөнүүдө билим берүү стандарттарында каралган талаптарды өздөштүрүүсүнө терс таасирин тийгизет. Ошол эле учурда, тилекке каршы, жогоруда айтылган көйгөйлөргө туш болгон кенже класстын окуучуларынын саны өсүп баратканы байкалууда. Ушуга байланыштуу билингвалдык жана көп тилдүү чөйрөдө кыргыз, орус, англис жана башка тилдерди окутууда нейрогимнастиканы, нерв-булчуң көнүгүүлөрүн жана нейрографиканы колдонуу тилдерди окутуу процессин өркүндөтүүгө жана окуу ишмердүүлүгүн баланын психологиялык өзгөчөлүктөрүнө ылайык уюштурууга өбөлгө түзөт деп эсептейбиз.

Айрым терминдерди кененирээк карап чыгуу талап кылынат. И. А. Кисиль менен Н. Д. Стейндин аныктамасына ылайык, нейрохимия деп жалпы мээнин активдүүлүгүн өнүктүрүүгө багытталган көп функциялуу көнүгүүлөрдүн комплексин, ошондой эле чет тили аркылуу интеллектти изилдөөнү түшүнүүгө болот [3]. Нейрогимнастика мээдеги байланыштарды түзүүгө жана алардын ортосундагы өз ара аракеттенүүнү активдештирүүгө багытталган каражаттардын бири катары каралат, бул өз кезегинде окуучунун окуу ишмердүүлүгүнө оң таасирин тийгизет. Нейро оюндар

жана нейрогимнастика тилди үйрөтүү жана окутуу процессинин натыйжалуулугун жогорулатууга багытталган каражаттар катары түшүндүрүлөт.

Жыйынтыктап айтканда, нейрогимнастиканы, нейро оюндарды жана нейро көнүгүүлөрдү башталгыч мектепте тил үйрөтүү процессинде максатка ылайыктуу жана системалуу колдонуу төмөнкү натыйжаларга жетүүгө жардам берет:

– кош тилдүү жана көп тилдүү чөйрөдө окуучулардын интеллектуалдык жөндөмдөрүн өнүктүрүүгө;

– маалыматты эстеп калуу, аны толук жана так кайра айтып берүү жөндөмдөрүн өркүндөтүүгө;

– окуу ишмердүүлүгүнүн натыйжалуулугун жогорулатууга жана тил үйрөнүү сабактарында чарчоону азайтууга;

– стрессти жана психологиялык чыңалууну азайтууга ж.б.

Макалада сунушталган нейрогимнастиканын түрлөрү жөнүндө маалыматты түшүнүү менен кабыл алып, аларды практикада колдонуу аркылуу ой жүгүртүү, сүйлөө жана кыймыл-аракет механизмдерин активдештирүүгө багытталган иштерди жүргүзүү зарыл. Мындай иш-аракеттер тил мугалимине сабактын темасын, окуучулардын жаш өзгөчөлүктөрүн жана даярдык деңгээлин эске алуу менен нейрогимнастикалык көнүгүүлөрдү туура тандоого, аларды сабакта максатка ылайыктуу пайдаланууга жана практикалык материалдарды колдонууга мүмкүнчүлүк берет. Окумуштуулардын пикири боюнча, сабактын натыйжалуулугун жогорулатуу максатында класста белгилүү бир багыттагы нейрогимнастикалык көнүгүүлөрдү 2–3 мүнөттүн ичинде аткаруу жетиштүү [2]. Мындан тышкары, төмөнкүдөй методикалык принциптер сакталууга тийиш: белгилүү бир этапта көнүгүүлөрдүн элементтери циклдүү түрдө кайталанышы; алардын татаалдыгы акырындык менен жогорулашы; таасир берүүчү тапшырмалардын жана көрсөтмөлөрдүн ырааттуу берилиши.

Башталгыч класстарда тил үйрөнүү сабактарында окуучулардын тилдик көндүмдөрүн өркүндөтүүгө багытталган нейрогимнастикалык көнүгүүлөрдүн мисалдарын келтиребиз жана мугалимдерге аларды практикада колдонуу боюнча методикалык сунуштарды беребиз.

Кенже мектеп курагындагы окуучуларга эне тили менен катар экинчи жана чет тилдерди окутуу – комплекстүү когнитивдик процесстердин өз ара байланышын талап кылган өзгөчө методикалык багыт. Бул куракта балдардын мээси интенсивдүү өнүгүп, тилди өздөштүрүүгө байланышкан нейрондук байланыштар активдүү түзүлөт. Нейрогимнастика тил үйрөнүү процессинде мээнин эки жарым шарынын ишин өз ара шайкештендирүүгө, көңүл бурууну, угуп түшүнүүнү, маалыматты тез эстеп калууну, туура кайталоону жана сөздөрдү автоматташтыруу процесстерин жеңилдетүүгө багытталган натыйжалуу метод катары каралат.

Акыркы нейропедагогикалык изилдөөлөр көрсөтүп тургандай, кыймыл аркылуу активдешкен мээ тилди үйрөнүүнү 40–60% чейин тездетет. Тил үйрөнүү – визуалдык, аудиалдык, кинестетикалык каналдардын бириккен ишмердиги болгондуктан, нейрогимнастикалык көнүгүүлөр бул процессти оптималдаштырат.

Бул макаланын негизги максаты – башталгыч класстын окуучуларына кыргыз тилин орус, англис тили менен катар үйрөтүүдө нейрогимнастиканын методикалык ролун түшүндүрүү жана анын практикалык, педагогикалык жактан туура колдонуу жолдорун сунуштоо. Ал үчүн алгач бул багыттагы адабияттардын библиографиясын түзөбүз.

1. Нейрогимнастика + тил изилдөө боюнча негизги эл аралык адабият:

1. Dennison, P. & Dennison, G. “Brain Gym® Teacher’s Edition”

(Brain Gym International, 2010)

- Нейрогимнастиканын 26 негизги кыймылынын теориясы, тилди үйрөнүүгө жана өздөштүрүүгө түздөн-түз таасир этет.

- Башталгыч мектепте колдонуу боюнча практикалык нускамалар.

2. “Smart Moves: Why Learning Is Not All in Your Head” — Carla Hannaford (2005)

- Кыймылдын мээге тийгизген таасири, тил үйрөнүү, эс тутум илимий жактан түшүндүрүлөт.
- Педагогдор үчүн негизги эмгек.

3. Sousa, D. “How the Brain Learns” (4th edition, 2011)

- Окуучунун мээси тилди кандай кабыл алат?
- Нейро-үйрөнүү + кыймыл аркылуу тилди тездетүү боюнча бөлүмдөр бар.

4. Willis, J. “Research-Based Strategies to Ignite Student Learning” (2006)

- Моторика жана эмоциялар аркылуу тил үйрөнүүнү активдештирүү боюнча сунуштар.
- Нейрогимнастиканын сүйлөө менен байланышы.

5. Jensen, E. “Teaching with the Brain in Mind” (2nd edition, 2008)

- Нейрон байланыштарынын түзүлүшү, сүйлөөнү үйрөнүүдө кыймылдын ролу.
- Практикалык нейропедагогикалык кеңештер.

II. Тилди окутууда моторика (компетенттүү) жана нейрондук методдор

6. James J. Asher — “Learning Another Language Through Actions: The Complete Teacher's Guidebook” (2009)

- Сочи методунун негиздөөчүсү.
-Кыймыл менен чет тилин үйрөнүү-нейрогимнастиканын педагогикалык негизи.

7. Curtain, H. & Dahlberg, C. “Languages and Learners: Making the Match” (2016)

- Башталгыч мектепте чет тилин окутууда кыймыл, оюн, ритм, мотриканы колдонуу.

8. Cameron, L. “Teaching Languages to Young Learners” (2001)

- Балдардын жаш өзгөчөлүктөрү + мотриканы үйрөнүү.
- Нейрогимнастика үчүн методикалык базаны камсыз кылат.

III. Япон менен Кытай тажрыйбалары (кыймыл аркылуу тилди үйрөнүү)

9. Sugiyama, Y. (Japan). “Movement and Memory in Language Learning” – Tokyo University Press

- Жапон башталгыч мектептериндеги "координациялык тил көнүгүүлөрү".
- Кыймыл + сөз = жаттоо 3 эсе жогору.

10. Zhang, Y. (China). “Kinesthetic Learning in EFL Classrooms” – Beijing Normal University Studies

- Кытай класстарында моторика, нейро-машыгуу жана сөздү өздөштүрүү боюнча илимий эксперименттер.

IV. Психология, когнитивдик неврология боюнча билим берүү адабияты

11. Sousa & Tomlinson — “Differentiation and the Brain” (2018)

- Кыймыл аркылуу тилди үйрөнүп жаткан студенттерде маалымат тез иштелип чыгары далилденген.

12. Tokuhama-Espinosa, T. “The New Science of Teaching and Learning” (2010)

- Неврология + тил үйрөнүү + мотриканы интеграциялоо.

13. Medina, J. “Brain Rules” (2014)

- Моторика эс тутумду 10 эсе жакшыртат деп түшүндүрөт.
- Тил үйрөнүүгө колдонулганда, таасири өтө жогору.
18. "Нейропедагогика жана нейродидактика" — Усманова Н. (2021)
- Кыргыз мектептеринде нейро илимди колдонуу боюнча.

19. "Чет тилдерди окутуунун заманбап ыкмалары" - А. Шамова, Н. Ладыженская
-Физикалык кыймыл, оюн, визуалдык-синестезиялык окуу боюнча бөлүмдөр бар.

20. "6-10 жаштагы балдарды окутуунун психологиясы" - Элконин, Запорожец
- Моторика + маалымдуулук + тилдик байланыш

Теориялык негиздер. Экинчи же чет тил үйрөнүүнүн психологиялык өзгөчөлүктөрү:
1. Кыска көңүл буруу аралыгы;
2. Угуунун үстөмдүгү;
3. Кайталоонун маанилүүлүгү;
4. Сөздөрдү кыймыл менен байланыштырып жаттоо;
5. Илимий тил менен: “кинестетик-вербалдык бирикме”.
Нейрогимнастиканын тил үйрөнүүдөгү орду. Негизги таасирлери:
Угуу аркылуу кабыл алуу күчөйт;
Фонематикалык угуу такталат;
Сөздү туура айтууга жардам берет;
Жаңы фразаларды тез эстөөгө көмөктөшөт;
Сүйлөм структурасын кабылдоону жеңилдетет;
Сөздөрдү мейкиндик менен ассоциация кылып үйрөтөт;
Нейропластика жана тил үйрөнүү. Чет тилди өздөштүрүүдө төмөнкү мээ зоналары активдешет:
Брока зонасы – сүйлөө;
Вернике зонасы – түшүнүү;
Префронталдык кабык – концентрация;
Мотордук кабык – кыймыл;
Мажемеленген жарым шардын визуалдык системасы.
Нейрогимнастика ушул зоналарды бир синхрондук механизмге келтирет.

Педагогикалык-методикалык негиздер:
Тилди кыймыл аркылуу үйрөтүү;
Кыймылдык ассоциация;
Мейкиндиктик-вербалдык ой жүгүртүү;
Эки канал менен окутуу (угуу + кыймыл).

Башталгыч класстын мугалими үчүн методикалык талаптар;
Сабактын башында 3–5 мүнөттүк нейрогимнастика;
Ар бир жаңы сөзгө кыймылдык символ берүү;
Диалогдорду мотордук ритм менен айтуу;
Фразаларды ритм, кол кыймылы, тепкич моделдери аркылуу бекемдөө. [4].

Эми төмөндө эки тилдүү жана көп тилдүү окутууга ылайыкташтырылган нейрогимнастикалык көнүгүүлөрдүн практикалык сүрөттөлүшү сунушталат.

1. "Кресттик кадам/Сунушту активдештирүү" (Cross Crawl).

Максаты: сол жана оң жарым шарларды, тилди активдештирүү.

Керектелүүчү каражат: талап кылынбайт.
Узактыгы: 1-2 мүн.
Мугалимдин уюштуруусу:
1. Окуучулар түз туруп, "оң кол — сол тизе, сол кол — оң тизе" кыймылын жай аткарышат.
2. Мугалим темпти жай ылдамдатат.
3. Ар бир сокку менен окуучу бир сөз, бир фраза айтат.
Билингвалдык / көп тилдүү колдонуу:
Кыргызча: Алма, мугалим, китеп...
Орусча: Яблоко, учитель, книга…
Англисче: apple, teacher, book…
3 тилде айтуу: алма- яблоко- apple…

2. «Мээ баскычтары / угууну күчөтүү» (Brain Buttons).
Максаты: угууну, концентрацияны күчөтүү.
Керектелүүчү каражат: жок.
Узактыгы: 1 мүн.
Уюштуруу:
1. Окуучу моюндун алдындагы эки чекитти акырын укалайт.
2. Мугалим сөздү 3 жолу айтат, окуучу 1 жолу кайталайт же котормосун айтат.
Көп тилдүүлүктүн мисалы: teacher, teacher, teacher – мугалим, учитель, учитель, учитель – мугалим.

3. «Жалкоо 8/ ритм менен фразалар".
English: Lazy 8
Максаты: визуалдык–кинестетикалык байланыш.
Материал: А4 форматындагы кагаз же абада сүрөткө тартуу
Узактыгы: 1-2 мүн.
Уюштуруу:
1. Балдар чексиздиктин белгисин (жатып алган 8) абага же кагазга түшүрүшөт.
2. Алар ар бир чексиздикти айланууда сөздү же фразаны айтышат.
Көп тилдүүлүктө:
dig – большой - чоң
small – маленький – кичине

4. «Air Writing/Абада кат жазуу».
Максаты: тамга-тыбыш байланышын бекемдөө.
Керектелүүчү каражат: жок
Узактыгы: 1 мүн.
Уюштуруу:
1. Мугалим тамганы айтат, окуучу абада чоң жазат.
2. Ушул тамга менен башталган сөздү 3 тилде айтат.
Мисалы: «К» тыбышын угуу, тамгасын жазуу, сөздөрдү 2 же 3 тилде айтуу: китеп – книга – book.

5. «Ear–Shoulder Switch /кулакты жана ийинди жупташтыруу».
Максаты: фонематикалык угууну тануу
Каражат: талап кылынбайт.
Узактыгы: 1 мүн.
Уюштуруу:

1. Окуучу акырын оң кулагын сол ийнине, сол кулагын оң ийнине созот.

2. Мугалим айткан сөздөгү эскертүү берилген белгилүү бир тыбышты угар замат кыймылын токтотот.

Мисалы: «ш» – ким укса, кыймылды токтот!”

Билингвуал: жаз-весна, жай-лето, күз – осень, кы**ш**- зима.

6. «Mirror Reading /Күзгү окуу».

Максаты: мейкиндик жана визуалдык кабыл алуу.

Каражат: карточкалар.

Узактыгы: 2 мүн.

Уюштуруу:

1. Мугалим тескери сөздөр тескери жазылган карточканы берет.

2. Окуучу кыймыл менен чагылдырып, сөздү айтат.

Тилдик мисал:

Карточкада тескери жазылган dog → ит → эт сөздөрү. Окуучу иттин кыймылын денеси, мимикасы менен көрсөтөт. Окуучулар сөздү 2 же 3 тилде айтышат.

7. «Rhythm Clapping /ритм менен чапкылоо».

Максаты: муундардын бөлүнүшү, сөз структурасын бекемдөө.

Каражат: талап кылынбайт.

Узактыгы: 1 мүн.

Уюштуруу:

1. Мугалим сөздү айтат, окуучулар муунга бөлүп кол чабышат.

2. Сөздөр эки-үч тилде айтылат.

Мисал:

и-диш (эки чабуу), по-су-да (3 чабуу)…

8. «Sky Tracing /абадагы чоң жазуу».

Максаты: визуалдык сөз жаттоо.

Каражат: жок.

Узактыгы: 1 мүн.

Уюштуруу:

1. Окуучулар сөздү толугу менен абада чоң форматта жазышат.

2. Андан кийин 3 тилде айтып беришет.

9. «Eye Tracking/ көздү активдештирүү.

Максаты: окуу процессине көздүн кыймылын даярдоо.

Узактыгы: 1 мүн.

Уюштуруу:

1. Мугалим карандашты солго, оңго, өйдө-ылдый жылдырат.

2. Ошол учурда окуучу жаңы сөздү угуп, айтат.

10. «Walk&Talk – бас жана айт».

Максаты: стрессти азайтуу, фразаларды автоматташтыруу.

Узактыгы: 2 мүн.

Уюштуруу:

1. Окуучулар класста парталарды тегеренип жай басышат.

2. Мугалим берген сөз айкашын же сүйлөмдү 3 тилде айтышат.

11. Этиште секир/Verb Hop

Узактыгы: 1 мүн.

Уюштуруу:

Мугалим кыймыл-аракетти билдирген этиш сөздү айтып жатканда окуучу секирип, затты билдирген зат атооч сөздөрдү айтып жатканда токтойт.

12. Отур, тур/ Sit–Stand Vocabulary

Узактыгы: 1-2 мүн.

Уюштуруу:

Окуучу айтылган сөздү түшүнгөндө-ордунан турат.

Карама-каршы сөз айтылса-отурат.

13. Топ менен суроо-жооп.

Максаты: Диалог түзүү

Каражат: жумшак топ

Узактыгы: 2-3 мүн.

Уюштуруу:

1. Топту ыргытып: "Сенин атың ким?»

2. Топту кармаган окуучу жооп берет.

14. Манжа грамматикасы.

Максаты: грамматикалык түзүлүштү моделдөө

Материал: жок

Узактыгы: 2 мүн

Мен китеп окуп жатам. Я читаю книгу.

Манжалар менен сүйлөмдөгү сөздөрдү ирети менен ошол тилдин грамматикасына ылайык айтып берет:

1- бармак: субъект, зат атооч, ээ

2-сөөмөй: объект, зат атооч, толуктооч

3-ортон, аты жок: этиш, баяндооч

15. «Сол кол менен кат».

Узактыгы: 1 мүн.

Максаты: Нейрон байланыштарды иштетет.

Уюштуруу: мугалим сөздөрдү айтат, окуучулар сол колу менен жазышат.

Сол колу менен жазгандарга, оң колу менен жазуу эскертилет.

16. "TPR Commands/курулуш-монтаждоо командасы".

Узактыгы: 2 мүн.

Максаты: Кыймылдар аркылуу жаңы сөздөрдү оңой жаттатуу. Угуу, түшүнүү, буйруктарды аткаруу жөндөмүн өнүктүрүү. Мээнин майда мотордук жана тил борборлорун бир убакта активдештирүү (тил үйрөнүү).

Аткаруу тартиби:

1. Мугалим кыргыз тилинде (же башка тилде) буйрук берет.

2. Окуучу кыймыл-аракетти аткарат.

3. Андан кийин окуучу өзү буйрук бере баштайт.

Бул балдар үчүн жагымдуу, динамикалуу, визуалдык, чыгармачыл иш.

Буйруктардын мисалы (англисче + англисче түшүндүрмө):

Go to the door. Touch the door. Come back.

(Эшикке бар, тий, кайтып кел.)

Lift the box. Put it down.

(Кутучаны көтөр. Аны түшүр.)

Hammer! Hammer! Stop.

(Балка менен мыкты кагуу, токтоону буйрук боюнча аткарат.)

17. Күзгүнүн алдында сүйлөө.

Узактыгы: 2 мүн.

Максаты: Тыбыштардын таза, туура артикуляциясын чыгарууга машыгуу. Ооздун, тилдин, жаактын кыймылын көз менен көзөмөлдөө. Ылдамдыкты, тактыкты жакшыртуу.

Аткаруу тартиби:

1. Ар бир балага кичинекей күзгү берилет.
2. Мугалим жаңы фонеманы же сөздү көрсөтөт.
3. Бала күзгүгө карап, ошол тыбышты же сөздү так, туура кыймылдар кайталайт.
4. Күзгүнүн алдында "мимика жана сөздөр" көнүгүүлөрү кошулат.

Кошумча оюн: Мугалим сөздөрдү ар кандай сезимдер менен айтат, бала күзгүгө карап туурайт.

18. Кол менен жазылган сөздөрдү тааныу (тактилдик сөз издөө).

Узактыгы: 1 мүн.

Максаты: Тактиль каналын иштетип, сөздөрдү тез жаттата аласыз. Тамга формасын бекемдөө, сөздүн графикасы мээде сакталып калат. Окуу ылдамдыгын жакшыртуу.

Керектелүүчү каражаттар: Кум, маннка, туз менен тайыз табак.

Аткаруу тартиби:

1. Мугалим сөздү айтат.
2. Бала бул сөздү сөөмөйү менен кумдун бетине жазат.
3. Жазуу учурунда сөздү 2-3 жолу үн чыгарып кайталайт.

Мисалы: sun, cat, long, mother, book…

Кыргызча: апа, үй, токой, жумуртка, кашык…

Эмне үчүн натыйжалуу? Тактилдүүлүк + үн + моторика = сөз мээге 3 канал аркылуу жетет эс тутум 2-3 эсе көбөйөт.

19. Эмоцияны чагылдыруу оюну.

Узактыгы: 2 мүн.

Максаты: Чет тилдеги эмоциялардын аттарын тез жаттап алыңыз. Интонация, ритм, мимика менен сүйлөө жөндөмүн өнүктүрүү. Эмоционалдык интеллектти жогорулатуу.

Аткаруу тартиби:

1. Мугалим сезимдерди билдирген сөздөрдү айтат.
2. Бала бул сезимдерди денеси, мимикасы аркылуу көрсөтөт.
3. Андан кийин ошол эле эмоцияны камтыган сөз айкашы айтылат

Эмне үчүн натыйжалуу? Эмоция сөздөрү кыймыл менен айкалышып, тил кырдаалдык формада үйрөнүлөт.

20. Мээ үчүн йога.

Узактыгы: 1-2 мүн.

Максаты: Сол жана оң мээ жарым шарларынын синхрондошуусу. Чет тилдеги сөздөрдү тез жаттоо. Концентрацияны, эс тутумду, реакцияны күчөтүү.

Аткаруу тартиби:

Оң кол менен айлананы сызып айланат.

Сол кол жогору-ылдый вертикалдуу кыймыл жасайт.

Бул учурда сөз, сөз айкашы айтылат.

Жеңил түрү:

1. Бала колун кыймылдата баштайт.

2. Мугалим жаңы сөздөрдү айтат.

3. Бала кыймылын токтотпостон сөздү кайталайт.

Татаал түрү:

Айлануу кыймылын тездетүү + сөздүн сүйлөмдө колдонулушу, сүйлөм түзүү.

Эмне үчүн натыйжалуу? Кыймыл + сөз күчү бир эле учурда мээнин тил жана кыймыл борборлорун активдештирет. Бул ыкма Японияда "тилди координациялоо" катары кеңири колдонулат.

3-4-класстар үчүн нейрокыймылдар колдонулган сабактын модели.

1. Уюштуруу (3 мүн.) 3 тилде саламдашуу.

2. Нейрогимнастика (5 мүн.)

Cross Crawl

Lazy 8

Sky Tracing

3. Жаңы сөздөрдү үйрөтүү (7 мүн.) 3 тилде.

4. Практикалык тапшырма (10 мүн.)

TPR + Ball Toss Q&A + Finger Grammar

5. Диалогдук иш (10 мүн.)

Жупта 3 тилде роль ойноо.

6. Ой жүгүртүү (5 мүн.)

"Бүгүн эмнени үйрөндүң?".

Нейрогимнастикаларды колдонууну жайылтуу боюнча мастер-класстын иштелмеси (30 мүн).

1. “Мээнин сол–оң байланышы жана тил” (кыска лекция).

2. 10 нейрогимнастиканын демонстрациясы.

3. Чет тил сабагынын жандуу модели.

4. Жыйынтык жана сунуштар.

Жыйынтыктап айтканда, нейрогимнастика, нейро оюндар тил үйрөтүүдө эмне үчүн натыйжалуу? Балдардын 70%и кыймыл аркылуу жакшы үйрөнүшөт: сөз + кыймыл = узак эс тутум. Бул иш-аракеттерди, оюндарды колдонуу аркылуу сабактын жүрүшүндө кенже мектеп окуучусунун мээсинин нерв байланыштары стимулдашат, жазуу жана кепти башкаруу жакшырат, атаандаштык өнүгөт, тилди үйрөнүү мотивациясынын деңгээлин жогорулатуу үчүн пайдалуу болмокчу. Педагогикалык эксперименталдык байкоого таянсак азыркы учурда жалпы коомчулукта билим берүүнүн бардык тармагында нейрогимнастиканы колдонууга болгон кызыгуу, активдүүлүк байкалат жана интернет мейкиндигинде жаңы иштелип жаткан санарип технологияларын талдасак да бул кошумча каражаттарды иштеп чыгууга болгон интесивдүүлүктүн артканы белгиленди, алар тууралуу кийинки изилдөөлөрүбүздө чагылдырабыз.

Колдонулган адабияттар

1. “Effects of Physical Movement on Vocabulary Acquisition in Young Learners” – Journal of Applied Linguistics (2017)

2. “Brain-Based Learning and Foreign Language Teaching” – International Journal of

Language Education (2020)
3. “The Role of Motor Activities in Second Language Learning for Primary School Students” – ELT Research Journal (2019)
4. “Kinesthetic Techniques in EFL Classrooms for Children” – Asian EFL Journal (2018)

Рецензент: КРнын Билим берүүсүнө эмгек сиңирген кызматкер, п.и.к., доцент Мураталиева А.

Сары менен белгилеп койгон бөлүктү кайра иштеп чыгыңыз: адабияттарды тизме түрүндө бербей, негизги ойлорун өз ара байланыштырып, адабиятка сереп түрүндө жазыңыз. Булактарга текст ичинде шилтеме берип, толук маалыматын адабияттар тизмесине киргизиңиз. Сандык маалыматтарды («3 эсе», «10 эсе» ж.б.) булак менен негиздеңиз.
Мисалы:
1. Dennison, P. & Dennison, G. “Brain Gym® Teacher’s Edition” (Brain Gym International, 2010)
– Нейрогимнастиканын 26 негизги кыймылынын теориясы, тилди үйрөнүүгө жана өздөштүрүүгө түздөн-түз таасир этет.
– Башталгыч мектепте колдонуу боюнча практикалык нускамалар.
Муну тексте, мисалы, мындай берүүгө болот:
П. Деннисон жана Г. Деннисон өз эмгегинде нейрогимнастиканын негизги кыймылдарын карап, аларды билим берүү процессинде, анын ичинде башталгыч мектепте колдонуунун практикалык жолдорун сунушташат [№].

УДК 378.147:811.111:004.

Сулайманова Н.Ж., Мирзалим кызы Г., Раббимов Анвар уулу О.
Самарканд мамлекеттик чет тилдер институту
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Сулайманова Н.Ж.,[1] Мирзалим кызы Г.,[2] Раббимов Анвар уулу О.[1]
Самаркандский государственный институт иностранных языков[1]
КНУ имени Жусупа Баласагына[2]
Sulaimanova N. Zh., Mirzalim kyzy G., Rabbimov Anvar uulu O.
Samarkand State Institute of Foreign Languages
KNU Jusup Balasagyn

ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНЫН СТУДЕНТТЕРИНЕ ЧЕТ ТИЛДЕРИН ОКУТУУДА ГЕНЕРАТИВДИК ЧАТ-БОТТОРДУН ДИДАКТИКАЛЫК МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨРҮ
ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЧАТ-БОТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
DIDACTIC POTENTIAL OF GENERATIVE AI CHATBOTS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO UNIVERSITY STUDENTS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада жогорку окуу жайларында чет тилдерин окутууда генеративдик жасалма интеллектке негизделген диалогдук чат-боттордун дидактикалык мүмкүнчүлүктөрү каралат. Изилдөөнүн максаты – студенттердин өз алдынча тил үйрөнүү практикасында чат-ботторду колдонуунун натыйжалуулугун негиздөө. Изилдөө методдору катары илимий адабияттарды талдоо жана бакалавриат менен магистратура деңгээлиндеги студенттерге англис тилин окутуу боюнча педагогикалык тажрыйбаны жалпылоо колдонулду. Изилдөөнүн жыйынтыгында чат-ботторду колдонуунун негизги артыкчылыктары аныкталды: окутууну жекелештирүү, жеткиликтүүлүк, ыкчам кайтарым байланыш жана студенттердин окууга болгон мотивациясын жогорулатуу. Изилдөөнүн илимий жаңылыгы генеративдик чат-боттордун дидактикалык потенциалын тактоодо жана алардын студенттердин жеке билим берүү траекториясын түзүүдөгү ролун аныктоодо турат. Практикалык мааниси чат-ботторду окуу процессине киргизүү

аркылуу окутуунун натыйжалуулугун жогорулатуу жана коммуникативдик компетенттүүлүктү өнүктүрүү мүмкүнчүлүгү менен байланыштуу.

Аннотация: В статье рассматриваются дидактические возможности использования диалоговых чат-ботов, основанных на генеративном искусственном интеллекте, в обучении иностранным языкам в системе высшего образования. Цель исследования – обоснование эффективности чат-ботов как инструмента организации самостоятельной языковой практики студентов. Методы исследования включают анализ научной литературы, а также обобщение педагогического опыта преподавания английского языка студентам бакалавриата и магистратуры. В работе выявлены ключевые преимущества применения чат-ботов: персонализация обучения, доступность, мгновенная обратная связь и повышение учебной мотивации. Научная новизна заключается в уточнении дидактического потенциала генеративных чат-ботов и определении их роли в формировании индивидуальных образовательных траекторий студентов. Практическая значимость исследования связана с возможностью интеграции чат-ботов в образовательный процесс с целью повышения эффективности обучения и развития коммуникативной компетенции обучающихся.

Abstract: This article explores the didactic potential of generative AI-based conversational chatbots in foreign language teaching in higher education. The purpose of the study is to substantiate the effectiveness of chatbots as a tool for organizing students' independent language practice. The research methods include an analysis of academic literature and a review of pedagogical experience in teaching English to undergraduate and graduate students. The study identifies key advantages of chatbot use, including personalized learning, accessibility, immediate feedback, and increased student motivation. The scientific novelty lies in clarifying the didactic potential of generative chatbots and defining their role in shaping individual learning trajectories. The practical significance of the study lies in the potential integration of chatbots into the educational process to enhance learning outcomes and develop students' communicative competence.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; генеративдик жасалма интеллект; чат-боттор; чет тилдерин окутуу; жогорку билим берүү; билим берүүнүн санариптешүүсү; коммуникативдик компетенттүүлүк; жеке билим берүү траекториясы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративный искусственный интеллект; чат-боты; обучение иностранным языкам; высшее образование; цифровизация образования; коммуникативная компетенция; индивидуальная образовательная траектория.

Keywords: artificial intelligence; generative artificial intelligence; chatbots; foreign language teaching; higher education; digitalization of education; communicative competence; individual learning trajectory.

Introduction. Modern universities are experiencing a transformation in foreign language teaching through dialogue-based chatbots powered by generative AI. These tools provide students with round-the-clock access to interactive practice tailored to individual needs, helping to overcome language barriers and increase motivation. Despite the active integration of chatbots into education, their role in university-level language training remains insufficiently studied. The purpose of this paper is to justify the effectiveness of AI chatbots as partners for independent language practice. The methods include literature analysis and generalization of teaching English to bachelor's and master's students. The scientific novelty consists in identifying the advantages of integrating voice-based dialogue chatbots built on generative artificial intelligence into the educational process of foreign language learning. The theoretical significance of the work lies in substantiating the feasibility of using virtual assistants (dialogue chatbots) in foreign language teaching and learning, as well as in demonstrating the value of text-based dialogue chatbots for implementing an individualized approach to each student.

The practical significance is seen in their application in practical language courses. The introduction of chatbots makes it possible to create an individual learning trajectory, gain personalized experience, and

increase both motivation and learning efficiency. In the 21st century, artificial intelligence has acquired the status of a new scientific field. Advanced learning systems have been developed, the diversity of educational formats has increased, and modern teaching methods have been created. It has become obvious that traditional forms of education must be combined with computer-based ones [5 p 168]. Radical changes caused by scientific and technological revolutions (the spread of personal computers, smartphones, tablets, the expansion of the Internet, the growing influence of social networks) have fundamentally altered our lifestyle as well as approaches to teaching and learning. Artificial intelligence is reshaping higher education and is playing an increasingly important role in language teaching and learning. The digital educational community faces several tasks: 1) to develop students' ability to transform acquired data into knowledge; 2) to create a basis for identifying the most essential information; 3) to foster inquisitiveness, inspire creativity and a positive attitude toward the educational process.Artificial intelligence in higher education is a type of machine-based digital learning designed to mimic human brain functions, perform logical tasks, and engage in dialogue with students in different languages an undeniable advantage in foreign language learning. Educational institutions worldwide are using chatbots to improve the learning process.

A chatbot (from English chat to talk, botrobot) is a computer program that simulates human conversation to solve communicative tasks [6 p.151.].A modern linguist-educator must be proficient in computer technologies and have the skills to use information technologies for working with text and speech, teaching languages, and creating speech models in linguistic research. In machine learning, intelligence is defined as a system's ability to successfully achieve various goals across a wide range of environmental conditions. Currently, a phenomenon of digital intelligence has emerged, generated by the collaboration of humans and computer systems with elements of AI [2 p. 225–234.]. Artificial intelligence has the following distinctive features: an embedded model of the external world, the ability to supplement and update knowledge, the ability to generate information not initially programmed, understanding of human language, the ability to communicate with humans, and adaptation to environmental conditions.A distinction is made between "strong" and "weak" artificial intelligence. "Strong" AI (hypothetically) would be capable of systematic thinking, emotions, and self-awareness. "Weak" AI is represented by a wide range of robotic technologies and structures solving narrow cognitive tasks (e.g., artificial neural networks that learn to analyze information, draw conclusions, make decisions, and offer suggestions) [2 p. 225–234.]. A neural network is a machine learning model based on the imitation of biological neurons [1 p. 210].In education, there is enormous interest in generative artificial intelligence as a cutting-edge technology. Generative AI is becoming a transformative resource, changing how universities operate and deliver educational services. It combines various advanced electronic technologies based on neural networks to generate new data such as images, text, audio, video, and music. Generative AI (ChatGPT) is a distinct class of AI developed by OpenAI [6]. The ChatGPT chatbot understands complex human languages and generates rich, structured responses. DALL-E (also by OpenAI) generates digital images. Google introduced Bard based on the PaLM language model. Generative AI can not only provide an answer but also generate its content beyond explicit programming. Augmented AI models such as ChatGPT combine both generative and conversational AI [4 p.66].

Generative AI models use deep learning to analyze patterns in large datasets and then create new, plausible outputs. The popularity of generative AI surged in 2023 largely due to OpenAI's ChatGPT and DALL-E. Major technology companies (Google, Microsoft, Amazon, Meta) have created their own generative AI tools. Examples of generative models include ChatGPT, Bard, BingChat, Claude, and DALL-E. Multimodal models can simultaneously understand and process several types of data (text, images, audio), enabling them to generate more complex outputs [3 p.186].A chatbot is a text-based conversational AI agent that can guide, advise, and resolve questions and doubts on any topic. Educational chatbots are computer programs based on modern generative AI technology. They can simulate human conversations and provide detailed answers on a wide range of topics. Furthermore, an educational chatbot acts as a virtual assistant, helping teachers and students efficiently perform various tasks [1p. 210]. Educational institutions integrate chatbots with Learning Management Systems (LMS). Key advantages of educational chatbots

include: personalized learning, 24/7 accessibility, instant feedback, the ability to practice language skills without evaluative judgment, recording conversations, assistance in memorizing information, and conducting anonymous surveys. Examples of chatbots: ChatGPT (OpenAI, GPT model), Bard (Google, PaLM), Bing Chat (Microsoft, GPT), Claude (Anthropic),

QuizBot (quiz questions with immediate feedback) [3]. Considerable attention is being paid to mobile chatbots as language learning assistants. Most university students own smartphones, making them active users of internet applications. Chatbots provide instant responses, anytime-anywhere accessibility, match students' need for self-paced learning, and create a sense of authenticity in a native-language environment. Successful applications include: Duolingo (gamified chatbot for speaking practice), Mondly (34 languages, oral and written communication, pronunciation recognition), Andy (English conversation practice, personal tutor) [6 p.151]. All these examples have an advantage over human teachers in providing model pronunciation. A specific algorithm of a student's actions under the guidance of a teacher [7 p. 204–216.] characterizes an individual educational trajectory. The Financial University has implemented the Rosetta Stone Catalyst e-learning platform (the successor to Rosetta Stone Advantage). The program includes a chatbot with exercises in pronunciation, vocabulary, grammar, reading popular science texts, and listening. The system continuously records student achievements, allows building an individual learning path, and increases the effectiveness of foreign language acquisition.

Discussion. The integration of generative AI chatbots into foreign language education raises important pedagogical and methodological questions. While their advantages are widely acknowledged, it is essential to critically assess their limitations and potential risks. One of the main concerns is the over-reliance of students on artificial intelligence. Learners may become dependent on chatbot-generated responses, which can reduce their ability to think critically and independently formulate ideas in a foreign language. Therefore, it is important for teachers to design tasks that encourage active cognitive engagement rather than passive consumption of information. Another issue is the accuracy and reliability of chatbot responses. Although generative AI systems provide sophisticated and contextually appropriate answers, they may occasionally produce incorrect or misleading information. This requires the development of students' digital literacy skills, enabling them to evaluate and verify information obtained from AI tools. Despite these challenges, chatbots can significantly enhance the learning process when used appropriately. They provide a low-anxiety environment where students can practice speaking and writing without fear of making mistakes. This is particularly important for shy or less confident learners. Moreover, chatbots support differentiated instruction by adapting to individual learning styles and pace. Students can receive personalized feedback and engage in interactive communication, which contributes to the development of communicative competence. Thus, the effectiveness of chatbot integration depends largely on the pedagogical strategies employed by teachers. AI should be viewed not as a replacement for educators, but as a complementary tool that enhances traditional teaching methods.

Pedagogical Implications. The use of generative AI chatbots in higher education requires the reconsideration of teaching approaches and learning strategies. First, teachers need to develop digital competence and understand how to effectively integrate AI tools into the curriculum. This includes designing tasks that promote interaction, creativity, and critical thinking. Second, it is important to incorporate chatbot-based activities into different stages of the lesson, such as:

- warm-up discussions
- vocabulary practice
- grammar exercises
- speaking simulations
- writing feedback

Third, assessment methods should also be adapted. Instead of focusing solely on final results, teachers should evaluate the learning process, including students' interaction with AI tools and their ability to use them effectively. Finally, ethical considerations must be addressed. Students should be informed about responsible AI use, academic integrity, and data privacy.

In conclusion, generative chatbots have great potential to transform foreign language education, but their successful implementation depends on thoughtful pedagogical design and responsible use. [4 p.66].

The introduction of chatbots into the educational process has been successfully implemented by many universities and has proven useful for both teachers and students. The experience of teaching foreign languages has convincingly demonstrated the practical value of integrating virtual assistants: teachers can fully immerse students in the subject through interactive classes, making learning engaging and productive compared to traditional textbook-based lessons. AI systems also provide adaptability, personalization, and rapid assessment of student performance, enabling real-time adjustment of the educational process. However, despite all advantages, it is the teacher who selects the appropriate solution taking into account all human factors. Research shows that the integration of dialogue chatbots improves students' language proficiency from beginner to intermediate and from intermediate to advanced levels [6 p.151]. Chatbot technologies have been widely integrated into the education sector and will continue to be used for teaching, learning, administration, assessment, and counseling.

References

1. August S. E., Tsaima A. Artificial Intelligence and Machine Learning: An Instructor's Exoskeleton in the Future of Education // Innovative Learning Environments in STEM Higher Education / ed. by J. Ryoo, K. Winkelmann. – Cham : Springer, 2021. – P. 79–105. – DOI: 10.1007/978-3-030-58948-6_5.
2. Belogash M. A., Melnichuk M. V. Digital Educational Environment and Cognitive Aspects of Learning // Russian Humanitarian Journal. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 225–234.
3. Generative AI: Principles, Opportunities and Risks // TechRepublic. – 2023. – URL: https://www.techrepublic.com.
4. Lim W. M. et al. Generative AI in Education: Transformation or Disruption? // The International Journal of Management Education. – 2023. – Vol. 21, No. 2. – Art. 100812.
5. Osipov G. S. Intelligent Systems and Knowledge Acquisition Processes. – Moscow : Nauka, 1997. – 168 p.
6. Smutny P., Schreiberova P. Chatbots for Learning: A Review of Educational Chatbots for the Facebook Messenger // Computers & Education. – 2020. – Vol. 151. – Art. 103862. – DOI: 10.1016/j.compedu.2020.103862.
7. Zeer E. F., Symanyuk E. E., Lebedeva E. V. Individual Educational Trajectories in the System of Continuous Education // Pedagogical Education in Russia. – 2017. – No. 8. – P. 204–216.
8. Asanova U. A., Satybaldieva Ch. A. The Use of Artificial Intelligence Technologies in Teaching Foreign Languages at University // Vestnik KNU Jusup Balasagyna. – 2023. – No. 2 (62). – P. 45–52.
9. Mambetakunov E. T., Kylychbekova N. Zh. Digital Transformation of Education: Opportunities and Risks of Chatbot Integration // Vestnik KNU Jusup Balasagyna. – 2024. – No. 1 (63). – P. 78–86.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Андашева Р. М.

УДК 347.78:004.8
DOI 10.58649/1694-9099-2026-1-XX-XX

Сян Цайлян[1], Кадырбек Уметов[1,*]
Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин юридикалык институту[1]

Сян Цайлян[1], Кадырбек Уметов[1,*]
Юридический институт Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына[1]

CaiLiang Xiang[1], Kadyrbek Umetov[1,*]
Law institute, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn[1]
ORCID: 0009-0008-3164-872X; 0009-0001-8508-3006
*Corresponding author: umetov.k@mail.ru

КЫРГЫЗСТАНДА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ОКУТУУ ҮЧҮН МАШИНА ОКУЙ ТУРГАН АВТОРДУК УКУК ЭСКЕРТМЕЛЕРИ
МАШИНОЧИТАЕМЫЕ ОГОВОРКИ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КЫРГЫЗСТАНЕ
MACHINE-READABLE COPYRIGHT RESERVATIONS FOR AI TRAINING IN KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Машина окуй ала турган укук сактоо белгилери автордук укук ээлерине чыгармаларды тексттерди жана маалыматтарды талдоо же жасалма интеллектти окутуу үчүн уруксатсыз колдонууга каршы экенин автоматташтырылган түрдө билдирүүгө мүмкүндүк берет. Изилдөө Кыргызстандын 2023-жылдын 17-мартындагы консолидацияланган автордук укук мыйзамын доктриналык талдоону, Европа Бирлигинин жана Кытайдын укуктук ыкмаларын функционалдык салыштырууну жана институттук моделдөөнү айкалыштырат. Кыргызстандын мыйзамы чыгарманы компьютердин эс тутумуна жазууну кайра чыгаруу деп эсептейт, бирок тексттерди жана маалыматтарды талдоонун жалпы өзгөчөлүгүн же машина окуй турган баш тартуу механизмин белгилебейт. Ошондуктан чет өлкөдө жайгаштырылган белги автоматтык түрдө чет өлкөлүк укуктук натыйжа жаратпайт. Макала далилдик мааниден, жол-жоболук шайкештиктен жана келечектеги окутуу өзгөчөлүгүнөн материалдык чыгаруудан турган үч деңгээлдүү моделди сунуштайт.

Аннотация: Машиночитаемые оговорки позволяют правообладателям автоматически сообщать, что охраняемые произведения не должны использоваться для интеллектуального анализа текстов и данных или обучения искусственного интеллекта без разрешения. Исследование сочетает доктринальный анализ консолидированного русскоязычного текста законодательства Кыргызстана, функциональное сравнение права Европейского союза и регулирования Китая, а также институциональное проектирование. Законодательство Кыргызстана относит запись произведения в память компьютера к воспроизведению, но не предусматривает общего исключения для анализа данных или установленного законом машиночитаемого отказа. Поэтому иностранный сигнал не имеет автоматически исполняемого зарубежного эффекта. Предлагается единая трехуровневая модель: доказательственное значение, процедурное соблюдение и материальное исключение из будущего внутреннего исключения для обучения ИИ. Минимальные правила должны определять совместимые сигналы, соразмерные обязанности по обнаружению и учету, а также процедуру исправления.

Abstract: Machine-readable reservations allow copyright holders to communicate that protected works should not be used for text and data mining or artificial-intelligence training without authorisation. Their cross-border effect remains uncertain when a signal is attached abroad but copying is directed from Kyrgyzstan. This study combines doctrinal analysis of the consolidated Russian text of Kyrgyz copyright legislation, functional comparison of European Union and Chinese rules, and institutional design. Kyrgyz law treats storage in computer memory as reproduction but contains neither a general training exception nor a statutory machine-readable opt-out. A foreign-origin signal therefore has no self-executing foreign effect, although it may be relevant evidence under ordinary law. The study proposes a three-level model: evidentiary relevance, procedural compliance, and substantive exclusion from a future domestic training exception. Minimum rules should define interoperable signals, require proportionate detection and records, and provide a correction procedure.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; автордук укук; чек ара аралык таануу; Кыргызстан; машина окуй турган белги; тексттерди жана маалыматтарды талдоо.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторское право; трансграничное признание; Кыргызстан; машиночитаемая оговорка; интеллектуальный анализ текстов и данных.

Keywords: artificial intelligence; copyright; cross-border recognition; Kyrgyzstan; machine-readable reservation; text and data mining.

1 Introduction

Generative artificial-intelligence systems commonly require source acquisition, corpus construction, format conversion and repeated storage in computer memory. Copyright questions therefore arise before any model output is generated. Machine-readable reservations seek to communicate, at computational scale, that one or more automated uses require authorisation. They may be placed in HTTP headers, origin-server policy files, webpage or publication metadata, or other rights-management information. The European Union links such reservations to the general text-and-data-mining (TDM) exception, while recent provider rules require practical policies for detecting and respecting them [6-8].

The problem becomes more difficult when the signal crosses borders. A publisher may attach a reservation to a work hosted in France, a Kyrgyz company may direct collection from Bishkek, and a third-country cloud service may store the corpus. The legal meaning assigned to the signal at its origin does not necessarily travel with the file. Copyright remains territorial, so the law governing each reproduction, exception and remedy must be identified [18, 22].

Kyrgyzstan is a useful test case. Its current copyright statute treats recording a work in computer memory as reproduction, yet its enumerated limitations contain no express general TDM or AI-training exception. Its national digital-transformation programme nevertheless promotes artificial intelligence, machine learning and data-intensive services [3]. Developers and right holders therefore face a gap between a technologically broad reproduction right and the absence of a specialised mechanism for declaring, detecting and contesting training uses.

This article asks four questions: which training-related copies fall within current Kyrgyz copyright law; what legal relevance a reservation can have before a statutory opt-out exists; how a signal attached abroad should be treated when Kyrgyz law governs a covered act; and which minimum rules can improve predictability without exceeding local administrative capacity. Its contribution is a consolidated three-level recognition model. Recognition means that domestic law assigns a defined evidentiary, procedural or substantive function to an interoperable declaration; it does not mean automatic enforcement of foreign law.

2 Literature Review

Recent literature distinguishes input-side copying from output infringement and debates whether computational analysis should be governed through exceptions, licensing or combinations of both [5, 9, 19]. Transparency and reservation mechanisms can reduce information asymmetry, but they do not by themselves prove ownership, use or infringement. They may also strengthen large publishers and data intermediaries if individual creators cannot control the relevant technical infrastructure [2, 10].

European scholarship increasingly examines Article 4(3) of Directive 2019/790, the copyright chapter of the General-Purpose AI Code of Practice and the three-step test. The central insight is sequential: the law must first define a TDM permission and only then specify what a reservation changes [16-17]. Chinese analysis addresses a different function. The 2023 Interim Measures require lawful sources, non-infringement, source explanations and complaint channels, but do not create an EU-style copyright opt-out. Their comparative value lies in source governance and provider accountability rather than substantive equivalence [25-26].

Private international law adds a second gap. Lex loci protectionis remains the main connecting principle for infringement, while ownership and contract may be governed by other laws [15, 22]. Existing work does not adequately explain how a foreign-origin technical declaration should be separated from the law governing the copying act in a transitional jurisdiction without a TDM settlement. This article addresses that gap while limiting regional claims to jurisdictions that protect foreign works, control material digital storage and lack a specialised mining regime.

3 Materials and Methods

The research combines doctrinal analysis, functional comparative law and institutional design. The principal Kyrgyz source is Law No. 6 of 14 January 1998 on Copyright and Related Rights in the consolidated Russian edition dated 17 March 2023, together with Law No. 62 of 17 March 2023. The Ministry of Justice text is treated as operative; older English translations are used only as reading aids. International sources include the Berne Convention, TRIPS, the WIPO Copyright Treaty and the WIPO-HCCH guide on private international law.

The EU and China are compared by regulatory function rather than as symmetrical copyright systems. The EU provides a positive-law example of a reservation that changes access to a general TDM exception. China provides an implementation-layer example of source, complaint and supervision duties. The proposal is evaluated against legal certainty, interoperability, proportionality and administrative feasibility. Publicly accessible sources were updated to 4 September 2026; no unpublished Kyrgyz judicial or administrative practice is claimed.

4 Results and Discussion

4.1 Kyrgyz Copyright Law and Current Legal Effect

Article 4 of the consolidated Kyrgyz statute states that recording a work in computer memory constitutes reproduction, and Article 16 reserves reproduction to the author or other right holder [13]. Durable downloads, retained corpus copies and comparable fixations of protected expression therefore present a strong prima facie reproduction issue. Not every computational representation is necessarily a protected copy: a claimant must still identify protected expression and connect it to a particular act. Tokens, statistical features and model parameters require separate analysis, while fleeting technical representations depend on duration, content and any applicable limitation.

Articles 18-26 contain specific limitations for uses including quotation, teaching, libraries, reporting and software. They do not establish a general TDM or AI-training exception and do not make an exception depend on machine-readable reservation. A research purpose cannot independently authorise an unrestricted corpus. At the same time, a reservation cannot presently perform the precise EU function of displacing a domestic general TDM permission, because no such permission has been identified.

The current effect must therefore be stated cautiously. An attributable, dated and specific signal may be evidence of what was communicated, but it does not prove title, copying, substantiality, knowledge, fault or damages. Publicly available materials do not establish a Kyrgyz doctrine under which an automated reservation necessarily defeats implied consent or aggravates liability. Those consequences depend on ordinary civil, procedural and evidentiary law or on future legislation. This distinction prevents reform proposals from being presented as existing law.

4.2 Foreign-Origin Signals and Applicable Law

A machine-readable copyright reservation is defined here as an attributable and technically detectable declaration that identifies protected material and states that one or more automated uses require authorisation. A foreign-origin reservation is one first made available through infrastructure, metadata or a rights-management arrangement outside Kyrgyzstan before the act for which protection is claimed under Kyrgyz law. Foreign origin describes factual provenance, not nationality or automatic applicability of foreign law.

Relevant connecting facts include the right holder's residence, first publication, origin server, place where metadata was attached, place from which crawling was directed, corpus-storage location and target market. They serve different functions and should not be collapsed into a single place of the signal. Where Kyrgyz law governs a reproduction directed or controlled in Kyrgyzstan, it determines the right, exception and remedy. Foreign law and technical specifications may clarify authority and intended meaning. A nationality-neutral domestic rule should give a qualifying foreign-origin declaration the same treatment as a local one.

Treaty rules reinforce this separation. National treatment protects qualifying foreign works and right holders but does not import every foreign enforcement mechanism. Berne Article 5(2) also prohibits

formalities for the enjoyment and exercise of copyright; failure to use a recognised syntax must not extinguish the reproduction right or imply consent. A reservation may instead condition reliance on a newly created general training exception. Such an exception must separately satisfy the three-step test by defining a special case, evaluating conflict with normal exploitation and preventing unreasonable prejudice through proportionate safeguards [1, 11, 17, 24].

Table 1. Technical signals and appropriate legal treatment

Carrier	Technical advantage	Legal limitation	Proposed treatment
robots.txt	Predictable crawler location	Does not prove title or express a granular copyright licence	Relevant only if domestic rules map a specific instruction to a defined use
HTTP TDM header	Resource-linked and detectable at acquisition	May be lost on redistribution; server controller may lack authority	Recognised subject to authority, scope and timing
TDMRep origin file	Structured, scalable and licence-link capable	Depends on origin server and conflict priorities	Recognised with published priority and verification rules
HTML or EPUB metadata	Work-level and capable of travelling with content	May be stripped, altered or issued without authority	Presumptively relevant if integrity and authority are shown
Natural-language terms	Human-readable evidence of intended conditions	Uncertain incorporation and poor automated processing	Evidence of notice; substantive effect only where legislation permits

Source: developed by the authors from the cited legal and technical materials.

4.3 Functional Lessons from the European Union and China

EU Directive 2019/790 creates two TDM channels. Article 3 protects qualifying scientific-research uses, while Article 4 provides a broader exception only where the use has not been expressly reserved in an appropriate manner. For publicly available online content, Recital 18 identifies machine-readable means. The signal does not create copyright; it removes reliance on Article 4, leaving authorisation or another legal basis necessary. The AI Act adds organisational duties for general-purpose AI providers, including a copyright-compliance policy, state-of-the-art identification of reservations and a summary of training content [7-8].

China's Interim Measures do not establish an equivalent opt-out. They require providers to use lawful sources, avoid IP infringement, explain source categories to regulators and provide complaint channels [4]. The comparison is therefore functional: the EU demonstrates how a signal can affect a defined exception; China demonstrates how source governance and complaint procedures support implementation. Kyrgyzstan should borrow this sequence without treating unlike instruments as doctrinal equivalents.

Table 2. Functional comparison and Kyrgyz design choice

Function	European Union	China	Kyrgyz design choice
Training baseline	Research and general TDM exceptions	No equivalent statutory opt-out	Define permission before opt-out
Signal effect	Reservation defeats reliance on Article 4	Not specified	State consequence expressly in copyright law
Detection	GPAI copyright policy	Lawful-source	Proportionate screening

Function	European Union	China	Kyrgyz design choice
	and technology duty	governance	and records
Complaints	Instrument-specific enforcement	Provider complaint mechanism	Low-cost notice, verification and correction
Transparency	Training-content summary	Regulatory source explanations	Internal provenance first; calibrated public disclosure later

Source: developed by the authors from the cited legal and technical materials.

4.4 A Three-Level and Staged Governance Model

The proposed model consolidates validity and recognition into three levels. Level one is evidentiary relevance: a signal may show issuer, scope, timing and communicated objection, but it does not establish ownership or liability. Level two is procedural compliance: legislation may require reasonable detection at crawling or ingestion, preservation of relevant records, verification of conflicts and a correction procedure. Level three is substantive exclusion: when a future general training exception applies, a valid reservation removes reliance on it. Each level has a separate legal basis and consequence.

Minimum rules should be technology-neutral. A valid declaration should identify the resource, reserved use, issuer or authorised representative and effective date; internationally used carriers should qualify through functional equivalence. Providers controlling acquisition should check at initial collection and material dataset updates, retain source and decision records, and respond to credible correction notices. A later signal should ordinarily govern new collection, retraining and fine-tuning after a reasonable implementation period rather than automatically require model unlearning. Conflicting credible signals should trigger temporary exclusion and verification.

Policy alternatives reveal why sequencing matters. Retaining a permission-only baseline avoids new administration but creates high clearance costs and weak practical enforcement. Procedural recognition improves evidence and provenance but does not state when training is lawful. A two-tier exception can protect defined public-interest research and permit broader mining subject to reservation, but it requires accessible standards. Collective or statutory licensing may reduce search costs for represented repertoires but demands tariff, repertoire and distribution infrastructure. Kyrgyzstan should therefore begin with definition, non-discrimination, records and correction, and consider safe harbours, enhanced consequences, a public query service or regulatory sandbox only after evidence of capacity and market need.

The model also reallocates transaction costs. Right holders must issue scoped and attributable declarations; publishers must preserve authorised work-level choices; data suppliers must disclose provenance and retained signals; developers must screen, document and decide whether to exclude, license or rely on another basis. Standardised signals reduce repeated bilateral search, but over-compliance can exclude public-domain or authorised materials, and dominant intermediaries may become unavoidable licensing gateways. Periodic review should measure detection errors, complaint resolution time, licensing uptake and burdens on small creators and developers [2, 10].

5 Conclusions

The four research questions can be answered directly. First, current Kyrgyz law can control durable source acquisition, corpus storage and other fixations of protected expression because computer-memory recording falls within reproduction; transient representations and model parameters remain act- and content-specific. Second, before statutory reform a machine-readable reservation has no autonomous opt-out effect. It may be relevant evidence, but ownership, use, consent, fault and remedy must be proved independently.

Third, a foreign-origin signal should not be enforced merely because foreign law gives it an effect. The law governing the covered act determines the domestic consequence. When Kyrgyz law applies, an interoperable foreign declaration satisfying the same authority, scope and timing conditions as a local declaration should receive equivalent treatment. National treatment supports equal access; the prohibition of

formalities prevents metadata from becoming a condition of copyright itself; and the three-step test constrains the design of any new training exception.

Fourth, the minimum legislative package should define valid signals, recognise functional equivalence, require proportionate detection and records, and create a verification and correction process. A later copyright amendment may link a valid reservation to loss of reliance on a general training exception. Safe harbours, enhanced responsibility, public registries and sandboxes are second-stage measures requiring evidence of institutional capacity. The proposal is a Kyrgyz model with bounded relevance for similarly situated Central Asian jurisdictions, not a universal transplant. Further research should test actual licensing practices, technical error rates and the effect of compliance costs on smaller market participants.

References

[1] Berne Union (1971) Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, Paris Act, World Intellectual Property Organization, Geneva, available at https://www.wipo.int/treaties/en/ip/berne/ (accessed 4 September 2026).

[2] Buick, A. (2025) 'Copyright and AI training data-transparency to the rescue?', Journal of Intellectual Property Law & Practice, Vol. 20, No. 3, pp. 182-192, doi: 10.1093/jiplp/jpae102.

[3] Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic (2024) Concept of Digital Transformation of the Kyrgyz Republic for 2024-2028, Ministry of Digital Development, Bishkek, available at https://digital.gov.kg/ (accessed 4 September 2026).

[4] Cyberspace Administration of China, National Development and Reform Commission, Ministry of Education, Ministry of Science and Technology, Ministry of Industry and Information Technology, Ministry of Public Security and National Radio and Television Administration (2023) Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services, promulgated 13 July 2023, effective 15 August 2023, available at https://www.cac.gov.cn/ (accessed 4 September 2026).

[5] de la Durantaye, K. (2025) 'Control and compensation: a comparative analysis of copyright exceptions for training generative AI', IIC-International Review of Intellectual Property and Competition Law, Vol. 56, No. 4, pp. 737-770, doi: 10.1007/s40319-025-01569-6.

[6] European Commission (2025) General-Purpose AI Code of Practice: Copyright Chapter, European Commission, Brussels, available at https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/contents-code-gpai (accessed 4 September 2026).

[7] European Union (2019) Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on Copyright and Related Rights in the Digital Single Market, Official Journal of the European Union, L 130, pp. 92-125.

[8] European Union (2024) Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence, Official Journal of the European Union, L 2024/1689.

[9] Funta, R. and Krásna, D. (2025) 'Legal limitations and justifications in the training and deployment of generative AI models under copyright law', TalTech Journal of European Studies, Vol. 15, No. 3, pp. 162-179, doi: 10.2478/bjes-2025-0035.

[10] Gans, J.S. (2026) 'Copyright policy options for generative artificial intelligence', Journal of Law and Economics, Vol. 69, No. 1, Article 1, available at https://chicagounbound.uchicago.edu/jle/vol69/iss1/1/ (accessed 4 September 2026).

[11] Geiger, C., Griffiths, J. and Hilty, R.M. (2010) 'Declaration: a balanced interpretation of the "three-step test" in copyright law', JIPITEC, Vol. 1, No. 2, pp. 119-122.

[12] Kazakhstan (1996/2018) Law No. 6-I of 10 June 1996 on Copyright and Related Rights, as amended up to 20 June 2018, WIPO Lex, available at https://www.wipo.int/wipolex/ (accessed 4 September 2026).

[13] Kyrgyz Republic (1998/2023) Law No. 6 of 14 January 1998 on Copyright and Related Rights, consolidated edition of 17 March 2023, Centralised Database of Legal Information, Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic, available at https://cbd.minjust.gov.kg/17/edition/1240396/ru (accessed 4 September 2026).

[14] Kyrgyz Republic (2023) Law No. 62 of 17 March 2023 on Amendments to the Law on Copyright and Related Rights and Repeal of Certain Legislative Acts, Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic, available at https://cbd.minjust.gov.kg/4-3308/edition/1240272/ru (accessed 4 September 2026).
[15] Matulionyte, R. (2013) ‘Calling for party autonomy in intellectual property infringement cases', Journal of Private International Law, Vol. 9, No. 1, pp. 77-101, doi: 10.5235/17441048.9.1.77.
[16] Ordelin Font, J.L. (2025) ‘Derechos de autor y entrenamiento de sistemas de IA generativos: las obligaciones de transparencia y la minería de textos y datos en la normativa europea', IDP. Revista de Internet, Derecho y Política, No. 42, doi: 10.7238/idp.v0i42.431327.
[17] Senftleben, M. (2026) ‘Text and data mining, generative AI, and the copyright three-step test', IIC-International Review of Intellectual Property and Competition Law, Vol. 57, No. 1, pp. 80-96, doi: 10.1007/s40319-026-01680-2.
[18] Trimble, M. (2015) ‘The multiplicity of copyright laws on the internet', Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal, Vol. 25, No. 2, pp. 339-405.
[19] Tyagi, K. (2024) ‘Copyright, text and data mining and the innovation dimension of generative AI', Journal of Intellectual Property Law & Practice, Vol. 19, No. 7, pp. 557-570, doi: 10.1093/jiplp/jpae028.
[20] Uzbekistan (2006) Law No. LRU-42 of 20 July 2006 on Copyright and Related Rights, WIPO Lex, available at https://www.wipo.int/wipolex/ (accessed 4 September 2026).
[21] W3C TDM Reservation Protocol Community Group (2024) TDM Reservation Protocol, Version 2, W3C Community Group Final Report, available at https://www.w3.org/community/reports/tdmrep/CG-FINAL-tdmrep-20240202/ (accessed 4 September 2026).
[22] WIPO and HCCH (2019) When Private International Law Meets Intellectual Property Law: A Guide for Judges, World Intellectual Property Organization and Hague Conference on Private International Law, Geneva.
[23] World Intellectual Property Organization (1996) WIPO Copyright Treaty, WIPO, Geneva, available at https://www.wipo.int/treaties/en/ip/wct/ (accessed 4 September 2026).
[24] World Trade Organization (1994) Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, WTO, Geneva, available at https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips.pdf (accessed 4 September 2026).
[25] You, L. and Luo, H. (2025) ‘Copyright implications and legal responses to AI training: a Chinese perspective', Laws, Vol. 14, No. 4, Article 43, doi: 10.3390/laws14040043.
[26] Zhang, J. and Li, X. (2026) ‘Fair use in training AI models: a review and prospect of the relevant legal development in China', German Law Journal, Vol. 26, pp. 1235-1259, doi: 10.1017/glj.2026.10183.

Авторлор жөнүндө маалымат

Сян Цайлян, Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин юридикалык факультетинин докторанты. E-mail: xiangcailiang@hualixy.edu.cn

Кадырбек Уметов, Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин юридикалык факультетинин профессору жана докторанттардын илимий жетекчиси. E-mail: umefov.k@mail.ru

Сведения об авторах

Сян Цайлян, докторант юридического института Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. E-mail: xiangcailiang@hualixy.edu.cn

Кадырбек Уметов, доцент и научный руководитель докторантов юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. E-mail: umetov.k@mail.ru

Information about the authors

CaiLiang Xiang, PhD Candidate, Law School, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn. E-mail: xiangcailiang@hualixy.edu.cn

Kadyrbek Umetov, Professor and Doctoral Supervisor, Law School, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn. E-mail: umetov.k@mail.ru

DOI 10.58649/1694-9099-2026-1-XX-XX

Уметов Кадырбек;Сян Цайлян
[1] Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин Юридикалык институту, Бишкек 720001, Кыргыз Республикасы

Кадырбек Уметов*; Сян Цайлян
[1] Юридический институт Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Бишкек 720001, Кыргызская Республика

Kadyrbek Umetov*;CaiLiang Xiang
[1] Law institute, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek 720001, Kyrgyz Republic
CaiLiang Xiang: PhD candidate and Lecturer, Guangzhou Huali College; ORCID 0009-0008-3164-872X
Kadyrbek Umetov: Professor and Doctoral Supervisor; ORCID 0009-0001-8508-3006
*Corresponding author: umefov.k@mail.ru; +996 55536 31 88

ЧЕК АРАЛЫК ГЕНЕРАЦИЯЛЫК ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ОКУТУУДА АВТОРДУК УКУКТУН КОЛЛИЗИЯЛЫК ЖӨНГӨ САЛЫНЫШЫ: АЙМАКТУУЛУКТАН АРАКЕТТЕРДИ ЭТАП-ЭТАБЫ МЕНЕН ЛОКАЛДАШТЫРУУ

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОЛЛИЗИОННОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ: ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ К ПОЭТАПНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ

CROSS-BORDER GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRAINING UNDER COPYRIGHT CONFLICT OF LAWS: FROM TERRITORIALITY TO ACT-BY-ACT LOCALISATION

Кыскача мүнөздөмө: Чек аралык генерациялык жасалма интеллектти окутууда маалыматка жетүү, маалымат топтомун түзүү, эсептөө жана жайылтуу ар башка катышуучуларга жана мамлекеттерге бөлүнөт. Макала аймактуулукка жана коргоо талап кылынган өлкөнүн укугуна негизделген аракеттерди этап-этабы менен локалдаштыруу ыкмасын сунуштайт. Эл аралык автордук укук актылары, европалык эл аралык жеке укук, сот практикасы жана тармактар аралык адабият доктриналык жана салыштырма ыкма менен талданды. Модель иштеп чыгуу цикли жаңы коллизиялык норма эмес, далилдик карта катары колдонулат. Ар бир талап боюнча форум, корголуучу өлкө, бузулган укук, талаштуу аракет, олуттуу аймактык байланыш, колдонулуучу мыйзам жана пропорционалдуу коргоо чарасы аныкталат. Аткаруу жазуулары аракеттин ордун, уюштуруучулук көзөмөл жооптуу субъектти, ал эми рынокко багытталуу юрисдикцияны аныктоого жардам берет; алардын эч бири өз алдынча дүйнөлүк жоопкерчиликти түзбөйт.

Аннотация: Трансграничное обучение генеративного искусственного интеллекта распределяет доступ, формирование наборов данных, вычисления и внедрение между различными участниками и государствами. Статья предлагает метод поэтапной локализации действий, основанный на территориальности и праве страны, для которой испрашивается охрана. Международные акты об авторском праве, европейское международное частное право, судебная практика и междисциплинарная литература исследованы доктринальным и сравнительным методом. Жизненный

цикл разработки модели рассматривается как карта доказательств, а не как новое коллизионное правило. Для каждого требования устанавливаются форум, страна охраны, заявленное право, предполагаемое действие, существенная территориальная связь, применимое право и соразмерное средство защиты. Записи об исполнении помогают локализовать поведение, организационный контроль — установить ответственного субъекта, а направленность на рынок — обосновать юрисдикцию или регуляторные обязанности; ни один фактор сам по себе не создаёт всемирной ответственности за нарушение авторского права.

Abstract: Cross-border generative artificial intelligence training separates access, dataset formation, computation and deployment across actors and states, creating uncertainty about jurisdiction, applicable law and proof. This article develops an act-by-act localisation method grounded in territoriality and the law of the country for which protection is claimed. It uses doctrinal and comparative analysis of international copyright instruments, European private international law, selected case law and an interdisciplinary literature library. The analysis distinguishes jurisdiction from applicable law and treats the model-development lifecycle as evidence rather than as a new conflicts rule. For each claim, the method requires identification of the forum, protected country, asserted right, alleged act, material territorial connection, applicable law and proportionate remedy. Execution records help locate conduct, organisational control helps attribute it, and market direction may support jurisdiction or regulatory duties; none independently creates worldwide copyright liability. Machine-readable reservations, transparency duties and licensing must receive legal effect from their own governing rules. The method reduces overreach while making distributed training disputes more predictable and auditable.

Негизги сөздөр: коргоочу өлкөнүн укугу; эл аралык юрисдикция; тексттерди жана маалыматтарды талдоо; аймактуулук; машина окуй турган укуктарды сактоо; укуктук локалдаштыруу

Ключевые слова: право страны охраны; международная юрисдикция; анализ текстов и данных; территориальность; машиночитаемое резервирование прав; правовая локализация

Keywords: lex loci protectionis, international jurisdiction, text and data mining, territoriality, machine-readable reservation, legal localisation

1 Introduction

Generative artificial intelligence development can involve a source website in one state, a crawler in another, a dataset host in a third, computation in several cloud regions and deployment in worldwide markets. Copyright disputes arising from that chain are often framed as if the model or project had one legal location. That framing obscures the territorial structure of copyright and encourages courts to treat accessibility, headquarters, server location or market presence as a universal connecting factor.

The practical stakes have increased as commercial training, web scraping and text and data mining have attracted divergent legal responses. Recent scholarship maps the machine-learning lifecycle, compares national exceptions and examines transparency, licensing and remuneration (Kretschmer et al., 2024; de la Durantaye, 2025; Quintais, 2025). Other studies show that training data can be mirrored, sampled or only partly used, and that audit results depend on access, calibration and model version (Longpre et al., 2024; Naser, 2026). The legal analysis must therefore connect a territorially bounded right to a technically verifiable act without assuming that the whole development pipeline is governed by one law.

This article asks how established copyright jurisdiction and choice-of-law doctrine should be operationalised when training is distributed. Its purpose is not to create a new choice-of-law rule. It develops a structured method for identifying the forum, country of protection, asserted right, pleaded conduct, relevant territorial evidence, applicable law and permissible relief. The novelty lies in using the lifecycle as an evidential map while keeping legal functions separate. The method is intended for courts, parties, developers and regulators that need a claim-specific account of cross-border training.

2 Literature Review

Three bodies of literature frame the problem. First, copyright scholarship analyses whether acquisition, corpus construction and training involve reproduction and whether exceptions cover those acts. The

comparative literature shows that lawful access, commercial purpose, retention and rights reservation receive different treatment across jurisdictions (Thongmeensuk, 2024; Tyagi, 2024; de la Durantaye, 2025). Work on the generative-AI supply chain further demonstrates that crawlers, dataset vendors, model developers and deployers may perform different legally relevant acts (Lee et al., 2025).

Second, research on scraping and access separates technical reachability from legal authorisation. Automated retrieval is not itself a legal conclusion: authentication, paywalls, contractual limits, technical barriers and source legitimacy affect the analysis (de Silva & de Letona, 2024; Fontana, 2025; Matias, 2025). A publicly reachable shadow-library copy may be unauthorised, while a subscriber may lawfully view a database yet lack permission for bulk extraction. Copyright, contract and cybersecurity questions must therefore be classified separately.

Third, transparency and auditing scholarship addresses the information asymmetry created by opaque datasets and models. Dataset documentation can reveal source, licence and provenance, but published summaries rarely establish use of a particular work. Membership and influence tests may support targeted disclosure, yet they produce false positives and cannot independently prove infringement (Longpre et al., 2024; Ravichander et al., 2025; Zhu et al., 2026). Proposals for remuneration and collective licensing respond to transaction costs and substitution, but they do not determine which national copyright law governs an upstream copy (Ludwig et al., 2024; Senftleben, 2023).

The literature is consequently rich on lifecycle stages and substantive policy but thinner on the sequence linking those facts to jurisdiction and applicable law. A lifecycle description may identify where evidence exists, but it cannot displace territoriality. The research gap is an operational framework that assigns each fact a limited doctrinal role and prevents a market-facing obligation from becoming a retrospective rule for foreign training conduct.

3 Materials and Methods

The study uses doctrinal legal research and a structured comparative synthesis. The primary materials are Article 5(2) of the Berne Convention, Articles 4 and 7(2) of the Brussels I bis Regulation, Article 8 and recital 26 of the Rome II Regulation, selected Court of Justice decisions on internet copyright jurisdiction, and the CLIP Principles. These materials were examined according to legal function: jurisdiction, classification, applicable law, substantive infringement and remedy.

The secondary library comprised 61 deduplicated records concerning generative-AI training, scraping, text and data mining, transparency, dataset audits, licensing and remuneration. Forty-seven records were available in full text; fourteen were used only for bibliographic orientation and did not support unique core conclusions. Sources were coded against seven lifecycle stages: source publication, automated access, copying and preprocessing, dataset provision, training, deployment and output. Each source was then classified by the legal or evidential question it addressed.

The analysis followed four controls. Jurisdiction and applicable law were kept separate. Copyright issues were distinguished from contract, access, data-protection and market-regulation questions. Technical facts were admitted only for a stated legal function, such as localisation or attribution. Finally, proposed remedies were tested against territorial scope and proportionality. The resulting method was evaluated through a hypothetical multi-state training dispute rather than presented as country-specific legal advice.

4 Results and Discussion

4.1 Territoriality, Jurisdiction and Applicable Law

The doctrinal baseline is territorial. Article 5(2) of the Berne Convention links the extent of protection and means of redress to the law of the country where protection is claimed. In the European Union, Article 8(1) Rome II expressly applies the law of the country for which intellectual-property protection is claimed, while Article 8(3) prevents party derogation. The rule does not necessarily govern ownership, procedure or contract, but it anchors infringement, exceptions and remedies to the asserted territorial right.

Jurisdiction is a prior and different question. A defendant's domicile supplies the general European forum, while Article 7(2) Brussels I bis permits proceedings where the harmful event occurred or may occur. Pinckney and Hejduk accepted territorially limited jurisdiction based on local protection and online

accessibility, but confined the forum to local damage. Accessibility therefore may support adjudicatory authority over local harm; it does not select one substantive law for every upstream copy.

Multi-state infringement can consequently require several protecting laws. The CLIP Principles propose de minimis limits and restricted consolidation for ubiquitous infringement, but they are model principles rather than binding law. Current European evaluation materials continue to identify ubiquitous online infringement as a difficulty under Article 8 Rome II. A court should not create a closest-connection exception merely because one law would be convenient.

4.2 Copyright-Relevant Acts and Evidential Indicators

The lifecycle remains useful when treated as evidence. Source access may reveal whether credentials, a paywall or a technical restriction were bypassed. Downloading and preprocessing may create retained copies, transformed derivatives and training shards. Dataset provision may involve separate distribution or database interests. Training may repeatedly load material in a specified compute region, while retrieval and output can create downstream copies or communications. These acts should not be merged into the model as a single object.

Three indicators require disciplined use. Execution evidence, including storage records, cloud-region settings and job logs, can locate a material copy or process, although transient routing is weak evidence. Organisational control, including dataset selection, approval and checkpoint management, helps attribute conduct but does not move every copy to the manager's office. Market direction can support jurisdiction, damage or an independent regulatory duty, yet cannot automatically govern a foreign training reproduction.

Machine-readable reservation illustrates the distinction. A robots instruction or policy endpoint can prove expression, timing and receipt. Its copyright effect depends on the law governing the relevant text-and-data-mining act; its contractual effect depends on formation and applicable contract law. Preserving the signal in a dataset manifest improves proof, but the signal is not self-executing worldwide law (Buick, 2024; Liu et al., 2025).

Table 1. Act-by-act localisation sequence

Step	Question	Principal evidence or rule
1. Forum	Why may this court hear the claim?	Domicile, harmful event, consent; territorial limit
2. Protection	Which country's right is asserted?	Pleading of protected country and territorial damage
3. Act	What conduct allegedly infringes?	Access, copy, dataset supply, training, retrieval or output
4. Localisation	Where and by whom was it performed?	Storage, compute, job logs, control and intended recipients
5. Law	Which law governs infringement?	Lex loci protectionis and any authorised consolidation rule
6. Parallel issues	Do other regimes apply?	Contract, cybersecurity, data protection and market regulation
7. Relief	What remedy fits the proved act?	Territorial, technically feasible and non-duplicative relief

4.3 Applying the Act-by-Act Method

Step one identifies the forum and the territorial reach of its jurisdiction. Step two requires the claimant to name the country or countries whose protection is sought; an allegation that protected works trained a global model is insufficient. Step three identifies the right and conduct, such as a crawler download, retained corpus copy, dataset supply, training-related reproduction, retrieval copy or public communication.

Step four localises and attributes that act using material evidence. The inquiry should distinguish deliberate storage or repeated processing from incidental packet transit and should identify the undertaking

that selected, initiated or materially furthered the operation. Step five applies the protecting law to the asserted right, exception and remedy. If several countries' rights are pleaded, territorial analysis remains the default unless the forum has a recognised consolidation rule.

Step six classifies adjacent issues separately. A reservation receives copyright effect from the law governing the relevant mining act; a licence follows the applicable contract law subject to mandatory copyright rules; access and data claims follow their own regimes; and market-facing transparency duties apply according to their enabling legislation. Step seven links evidence and relief to the proved act. Targeted confidential disclosure is preferable to a presumption of worldwide use, and model-wide deletion or retraining requires special scrutiny because the same system may embody lawful conduct elsewhere.

4.4 Worked Cross-Border Example

Assume that a French author pleads infringement of French copyright. A United States company directs a crawler to a French source, a vendor stores the dataset in Singapore, a developer selects it and initiates training in Japan, and the model is offered in the European Union. The forum must first establish jurisdiction and then identify the specific French protection and act for which relief is requested.

A French court may adjudicate damage within France without making French law govern every Singaporean dataset copy or Japanese training event. Protection in Singapore or Japan must be pleaded and analysed under the applicable conflicts rules if relief is sought for those acts. A reservation at the French source may prove notice, but its effect on Japanese reproduction depends on the law governing the protection invoked or on a binding contract. Offering the model in the European Union may separately trigger transparency duties; market access does not retrospectively relocate foreign copies.

4.5 Policy Implications and Limitations

The method does not resolve substantive disagreement over commercial training. Individual licensing maximises control but produces high transaction costs; collective licensing improves scale but depends on representation; statutory schemes increase certainty but may impose rigid rates; broad mining exceptions support access but require credible reservation and transparency mechanisms (Latif et al., 2024; Senftleben, 2026; Shanklin et al., 2026). Those choices belong to the protecting law, not to an inferred global law of the model.

The practical contribution is narrower. Developers can maintain source identifiers, policy snapshots, dataset manifests, storage records, job specifications, training mixtures and model-version hashes. Rightholders can plead country, right and act with greater precision. Courts can order proportionate disclosure and avoid double recovery. These measures also reduce the risk that compliance infrastructure advantages only large platforms or that small-language and minority repertoires remain unrepresented (Precel et al., 2024; Rademeyer & Selvadurai, 2026).

The study has limitations. The library is weighted toward English-language, European and North American material; technical audits use heterogeneous methods; and fourteen records were not available in full text. The article abstracts common connecting principles rather than supplying country-by-country advice. Pending litigation and regulatory implementation require verification at submission. Empirical testing should compare cloud logs, data-residency controls, orchestration records and decision centres in real disputes.

5 Conclusions

Cross-border generative-AI training contains several potentially relevant acts rather than one legally located model. Established doctrine supplies the governing sequence: jurisdiction, classification, country of protection, pleaded act, factual localisation, applicable law and territorially proportionate relief. Lex loci protectionis remains the rule for infringement, exceptions and remedies.

The lifecycle contributes evidence, not an autonomous conflicts code. Execution records help locate conduct; organisational control helps attribute it; market direction may support jurisdiction or regulation. Machine-readable reservations, licences and transparency obligations retain the effects assigned by their governing law. Applied in this bounded way, act-by-act localisation makes distributed training disputes more

predictable while preserving national copyright choices. Future research should test the method against real multi-region records and develop interoperable provenance and confidential-audit standards.

Funding

The study was not funded.

Acknowledgements

None.

Conflict of Interests

The authors declare no conflict of interests.

Use of Artificial Intelligence

The authors conducted the entire process under full human supervision, using artificial intelligence for literature compilation and manuscript typesetting. The authors independently reviewed and verified all sources, legal analyses and conclusions and assume full responsibility for the final manuscript.

References

[1] Anonymous. (2025). Transparency (in training data) is what we want. Nature Machine Intelligence, 7, 329. https://doi.org/10.1038/s42256-025-01023-9

[2] Buick, A. (2024). Copyright and AI training data—Transparency to the rescue? Journal of Intellectual Property Law & Practice, 20, 182. https://doi.org/10.1093/jiplp/jpae102

[3] Chaparro, J., & Ramírez, L. (2024). Legal implications of web scraping in the training of generative artificial intelligence models. Revista La Propiedad Inmaterial, 167. https://doi.org/10.18601/16571959.n38.07

[4] Colbjornsen, T., Haidemariam, T., & Preminger, M. (2026). Digital parasitism: The use of pirated books in AI training datasets. Convergence. https://doi.org/10.1177/13548565261464938

[5] Court of Justice of the European Union. (2013). Pinckney v KDG Mediatech AG, Case C-170/12, EU:C:2013:635.

[6] Court of Justice of the European Union. (2015). Pez Hejduk v EnergieAgentur.NRW GmbH, Case C-441/13, EU:C:2015:28.

[7] de la Durantaye, K. (2025). Control and compensation: A comparative analysis of copyright exceptions for training generative AI. IIC, 56, 737. https://doi.org/10.1007/s40319-025-01569-6

[8] de Silva, J., & de Letona, L. (2024). The right to scrape data on the internet. Global Privacy Law Review, 5, 5. https://doi.org/10.54648/gplr2024001

[9] European Commission. (2025). Evaluation of Regulation (EC) No 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II), SWD(2025) 9 final.

[10] European Union. (2007). Regulation (EC) No 864/2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II), OJ L 199/40.

[11] European Union. (2012). Regulation (EU) No 1215/2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters, OJ L 351/1.

[12] Font, J. (2025). Copyright and training of generative AI systems: Transparency obligations and text and data mining in European regulations. IDP, 42. https://doi.org/10.7238/idp.v0i42.431327

[13] Fontana, A. (2025). Web scraping: Jurisprudence and legal doctrines. Journal of World Intellectual Property, 28, 197. https://doi.org/10.1111/jwip.12331

[14] Kowala, M. (2024). Protection of press publishers in the age of generative AI. IIC, 55, 1604. https://doi.org/10.1007/s40319-024-01515-y

[15] Kretschmer, M., Margoni, T., & Oruç, P. (2024). Copyright law and the lifecycle of machine learning models. IIC, 55, 110–138. https://doi.org/10.1007/s40319-023-01419-3

[16] Latif, M., Manap, N., & Althabhawi, N. (2024). Proposal for copyright compensation for AI data training in Malaysia. IIUM Law Journal, 32. https://doi.org/10.31436/iiumlj.v32i2.978

[17] Lee, K., Cooper, A., & Grimmelmann, J. (2025). Talkin' 'bout AI generation: Copyright and the generative-AI supply chain. Journal of the Copyright Society of the USA, 72, 251–409.

[18] Liu, E., et al. (2025). Somesite I used to crawl: Awareness, agency and efficacy in protecting content creators from AI crawlers. https://doi.org/10.1145/3730567.3732913

[19] Longpre, S., et al. (2024). A large-scale audit of dataset licensing and attribution in AI. Nature Machine Intelligence, 6. https://doi.org/10.1038/s42256-024-00878-8
[20] Ludwig, H., et al. (2024). Towards collecting royalties for copyrighted data for generative models. Proceedings of ICWS. https://doi.org/10.1109/ICWS62655.2024.00020
[21] Matias, C. (2025). Access revisited: AI training at the intersection of copyright and cybercrime laws. Computer Law & Security Review, 57, 106149. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2025.106149
[22] Max Planck Group on Conflict of Laws in Intellectual Property. (2011). Principles on conflict of laws in intellectual property, Arts. 3:601–3:603.
[23] Naser, M. (2026). Auditing the shadows: A review of methods to detect shared training data in large language models. ACM Computing Surveys, 58. https://doi.org/10.1145/3774897
[24] Precel, H., et al. (2024). A canary in the AI coal mine: American Jews may be disproportionately harmed by intellectual property dispossession in large language model training. https://doi.org/10.1145/3613904.3642749
[25] Quintais, J. (2025). Generative AI, copyright and the AI Act. Computer Law & Security Review, 56, 106107. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2025.106107
[26] Rademeyer, M., & Selvadurai, N. (2026). Out from the shadows: Developing effective copyright laws for AI training datasets and shadow libraries. Journal of Intellectual Property Law & Practice, 21, 22. https://doi.org/10.1093/jiplp/jpaf072
[27] Ravichander, A., et al. (2025). Information-guided identification of training data imprint in proprietary large language models. University of Washington.
[28] Rosati, E. (2025). The future of the movie industry in the wake of generative AI. Computer Law & Security Review, 59, 106207. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2025.106207
[29] Senftleben, M. (2023). Generative AI and author remuneration. IIC, 54, 1535. https://doi.org/10.1007/s40319-023-01399-4
[30] Senftleben, M. (2026). Text and data mining, generative AI, and the copyright three-step test. IIC, 57, 67. https://doi.org/10.1007/s40319-026-01680-2
[31] Shanklin, G., et al. (2026). The case for contextual copyleft: Licensing open-source training data and generative AI. International Journal of Law and Information Technology, 34. https://doi.org/10.1093/ijlit/eaag003
[32] Thongmeensuk, S. (2024). Rethinking copyright exceptions in the era of generative AI. Journal of World Intellectual Property, 27, 278–295. https://doi.org/10.1111/jwip.12301
[33] Tyagi, K. (2024). Copyright, text and data mining and the innovation dimension of generative AI. Journal of Intellectual Property Law & Practice, 19, 557–570. https://doi.org/10.1093/jiplp/jpae028
[34] World Intellectual Property Organization. (1979). Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, Art. 5(2).
[35] Zhu, H., et al. (2026). Auditing partial dataset usage in large language models via fuzzy membership aggregation. IEEE Transactions on Fuzzy Systems, 34, 1064. https://doi.org/10.1109/TFUZZ.2026.3665818

УДК 378.4(575.2):502.131.1

Токторбаева К.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Токторбаева К.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Toktorbaeva K.A.
KNU Jusup Balasagyn

ТУРУКТУУ ӨНҮГҮҮ МАКСАТТАРЫНА ЖЕТҮҮ АЛКАГЫНДА КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЖОГОРКУ БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАСЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛОО

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

TRANSFORMATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE CONTEXT OF ACHIEVING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кыргыз Республикасынын жогорку билим берүү системасын Туруктуу өнүгүү максаттарына жетүү алкагында трансформациялоонун заманбап багыттары каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу жогорку билим берүүнүн адам капиталын өнүктүрүүдөгү, инновациялык экономиканы калыптандыруудагы, социалдык мобилдүүлүктү жогорулатуудагы жана өлкөнүн узак мөөнөттүү туруктуу өнүгүүсүн камсыз кылуудагы ролунун өсүшү менен шартталат. Өзгөчө көңүл 4-ТӨМгө – «Сапаттуу билим берүү» максатына, ошондой эле анын 5-ТӨМ «Гендердик теңчилик», 8-ТӨМ «Татыктуу эмгек жана экономикалык өсүш», 9-ТӨМ «Индустриялаштыруу, инновациялар жана инфраструктура», 10-ТӨМ «Теңсиздикти азайтуу» жана 16-ТӨМ «Тынчтык, адилеттүүлүк жана натыйжалуу институттар» максаттары менен өз ара байланышына бурулат. Изилдөөдө статистикалык талдоо, салыштырма баалоо, системалык ыкма жана динамикалык катарларды талдоо методдору колдонулду. Кыргыз Республикасынын Улуттук статистика комитетинин расмий статистикалык маалыматтары, ошондой эле Кыргыз Республикасынын ченемдик-укуктук жана стратегиялык документтери изилдөөнүн эмпирикалык негизин түздү. Талдоо көрсөткөндөй, Бишкек жана Ош шаарларында студенттердин жогорку деңгээлде топтолушу сакталып калууда, бул билим алуу мүмкүнчүлүктөрүнүн аймактар боюнча бирдей бөлүштүрүлбөгөнүн көрсөтөт. Ошондой эле маалыматтык-коммуникациялык технологиялар багытында адистерди даярдоонун өсүшү санариптик экономиканын өнүгүүсү менен байланышкан маанилүү тенденция катары бааланат. Жогорку билим берүүнү андан ары трансформациялоо билим алуу мүмкүнчүлүктөрүн сандык жактан кеңейтүүгө гана эмес, билим берүүнүн сапатын жана жеткиликтүүлүгүн жогорулатууга, санариптештирүүнү жана академиялык мобилдүүлүктү өнүктүрүүгө, билим берүү программаларынын эмгек рыногунун талаптарына шайкештигин камсыз кылууга жана ТӨМгө жетүүдөгү университеттердин салымын күчөтүүгө багытталышы керек деген тыянак чыгарылды.

Аннотация: В статье рассматриваются современные направления трансформации системы высшего образования Кыргызской Республики в контексте достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью высшего образования в формировании человеческого капитала, развитии инновационной экономики, обеспечении социальной мобильности и достижении долгосрочных целей устойчивого развития страны. Особое внимание уделено взаимосвязи трансформационных процессов в высшем образовании с ЦУР 4 «Качественное образование», а также с ЦУР 5 «Гендерное равенство», ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура», ЦУР 10 «Уменьшение неравенства» и ЦУР 16 «Мир, правосудие и эффективные институты». В исследовании использованы методы статистического анализа, сравнительной оценки, системного подхода и анализа динамических рядов. Эмпирическую базу составили официальные статистические данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики, а также нормативно-правовые и стратегические документы Кыргызской Республики. Анализ показывает, что в республике сохраняется высокая территориальная концентрация студентов в Бишкеке и городе Ош, что свидетельствует о неравномерности пространственного распределения образовательных возможностей. Отдельное внимание уделено расширению подготовки кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий, которое непосредственно связано с цифровой трансформацией экономики. Сделан вывод о том, что дальнейшая трансформация высшего

образования должна быть направлена не только на количественное расширение образовательных возможностей, но и на повышение качества и доступности образования, развитие цифровизации и академической мобильности, обеспечение соответствия образовательных программ требованиям рынка труда и усиление вклада университетов в достижение ЦУР.

Abstract: The article examines the contemporary transformation of the higher education system of the Kyrgyz Republic in the context of achieving the Sustainable Development Goals (SDGs). The relevance of the study is determined by the growing role of higher education in human capital development, the formation of an innovation-oriented economy, social mobility, and the long-term sustainable development of the country. Particular attention is paid to the relationship between higher education transformation and SDG 4 “Quality Education”, as well as SDG 5 “Gender Equality”, SDG 8 “Decent Work and Economic Growth”, SDG 9 “Industry, Innovation and Infrastructure”, SDG 10 “Reduced Inequalities”, and SDG 16 “Peace, Justice and Strong Institutions”. The study employs statistical analysis, comparative assessment, a systems approach, and time-series analysis. The empirical basis comprises official statistical data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, as well as regulatory and strategic documents of the Kyrgyz Republic. The analysis demonstrates that a high degree of territorial concentration of students in Bishkek and Osh persists, indicating an uneven spatial distribution of educational opportunities. Particular attention is paid to the expansion of training in information and communication technologies (ICT), which is directly linked to the digital transformation of the economy. The study concludes that further transformation of higher education should focus not only on the quantitative expansion of educational opportunities but also on improving the quality and accessibility of education, advancing digitalization and academic mobility, enhancing the alignment of educational programs with labor market requirements, and strengthening the contribution of universities to the achievement of the Sustainable Development Goals.

Негизги сөздөр: жогорку билим берүү; туруктуу өнүгүү; Туруктуу өнүгүү максаттары; 4-ТӨМ; адам капиталы; санариптештирүү; билим берүүнүн сапаты.

Ключевые слова: высшее образование; устойчивое развитие; Цели устойчивого развития; ЦУР 4; человеческий капитал; цифровизация; качество образования.

Keywords: higher education; sustainable development; Sustainable Development Goals; SDG 4; human capital; digitalization; quality of education.

В современных условиях высшее образование рассматривается не только как самостоятельный сектор социальной сферы, но и как один из ключевых механизмов долгосрочного социально-экономического развития государства. Качество подготовки специалистов определяет способность экономики воспринимать технологические изменения, формировать новые отрасли, повышать производительность труда и обеспечивать социальную мобильность населения. В связи с этим трансформация высшего образования непосредственно связана с реализацией глобальной Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года.

Для Кыргызской Республики данная проблема приобретает особую значимость. Ограниченность природных ресурсов, необходимость повышения производительности труда, значительная роль человеческого капитала и возрастающее значение цифровых технологий объективно повышают требования к системе подготовки кадров. Университеты становятся не только центрами профессиональной подготовки, но и важными субъектами формирования инновационной среды, научно-исследовательского потенциала и предпринимательских компетенций.

Центральное место в системе Целей устойчивого развития занимает ЦУР 4, предусматривающая обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможностей обучения на протяжении всей жизни для всех. При этом образование имеет межсекторальный характер и оказывает воздействие на достижение целого комплекса других целей, включая сокращение социального неравенства, повышение занятости, развитие инноваций, обеспечение гендерного равенства и формирование эффективных институтов.

Кыргызская Республика последовательно формирует национальную систему мониторинга ЦУР. Национальный статистический комитет указывает, что обновленный национальный набор показателей ЦУР учитывает приоритетные направления развития страны и национальную специфику.

Целью настоящего исследования является выявление основных тенденций трансформации системы высшего образования Кыргызской Республики и определение ее роли в достижении Целей устойчивого развития на основе официальных статистических данных.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении количественных изменений системы высшего образования не изолированно, а в непосредственной связи с задачами устойчивого развития. Такой подход позволяет перейти от оценки простого расширения образовательного охвата к анализу способности системы высшего образования обеспечивать качественный человеческий капитал, территориальную доступность образования, цифровую готовность и соответствие подготовки специалистов потребностям национальной экономики.

Информационную основу исследования составили официальные данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Дополнительно использованы официальные документы в сфере образования и национального развития.

Методологически исследование основано на сочетании количественного и качественного подходов. Количественный анализ использован для оценки динамики численности студентов, изменения образовательной сети и пространственного распределения обучающихся. Системный подход позволил рассматривать высшее образование как элемент более широкой социально-экономической системы, взаимодействующий с рынком труда, инновационной сферой, цифровой экономикой и государственной политикой устойчивого развития.

При интерпретации статистических данных учитывалось, что рост численности студентов сам по себе не свидетельствует о повышении качества образования. Поэтому количественные показатели рассматривались одновременно с институциональными факторами: доступностью образования, структурой подготовки кадров, территориальной концентрацией, развитием ИКТ-компетенций и необходимостью соответствия образовательных программ требованиям рынка труда.

Одной из наиболее заметных тенденций последних лет является увеличение численности студентов высшего профессионального образования.

Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики (см. табл. 1), количество студентов организаций высшего профессионального образования в 2020 году составило 214157 человек, а в 2024 году 231239 человек. Таким образом, за рассматриваемый период численность студентов увеличилась на 17082 человека, или примерно на 8 процентов [1].

Таблица 1. Численность студентов организаций высшего профессионального образования Кыргызской Республики по территории, человек

	2020	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Кыргызская Республика	**214 157**	**230 206**	**227 582**	**222 940**	**231 239**
Баткенская область	7 668	10 156	11 836	10 677	9 236
Джалал-Абадская область	10 569	10 953	11 731	11 772	12 127
Иссык-Кульская область	3 079	3 481	4 343	4 403	4 346
Нарынская область	3 102	3 006	3 566	3 292	3 804
Ошская область	-	-	-	-	-
Таласская область	1 699	1 871	2 003	1 969	1 885
Чуйская область	5 058	5 926	6 238	6 290	5 447
г.Бишкек	113 101	113 531	117 092	122 695	132 165
г.Ош	69 881	81 282	70 773	61 842	62 229

Как видно из данных таблицы 1, представленная динамика не является линейной. После заметного роста в 2021 году произошло сокращение численности студентов в 2022–2023 годах, а затем в 2024 году наблюдалось восстановление и увеличение показателя до 231 239 человек. Такая динамика показывает, что система высшего образования обладает определенной способностью адаптироваться к внешним изменениям, однако одновременно свидетельствует о необходимости более глубокого анализа факторов, влияющих на образовательный спрос [1].

Особого внимания заслуживает сопоставление численности студентов с количеством высших учебных заведений. В 2020/2021 учебном году функционировало 57 головных высших учебных заведений, и в начале 2024/2025 учебного года их также насчитывалось 57. При этом число студентов за тот же период увеличилось более чем на 8 процентов. Следовательно, рост образовательного контингента происходил преимущественно внутри существующей институциональной сети, а не за счет значительного расширения числа головных организаций высшего образования [1; 2].

Данный факт имеет двойственное значение. С одной стороны, сохранение количества организаций при росте контингента может свидетельствовать о более интенсивном использовании существующей инфраструктуры и концентрации ресурсов. С другой стороны, увеличение нагрузки на образовательную инфраструктуру потенциально требует соответствующего роста преподавательского состава, обновления материально-технической базы, развития цифровых образовательных ресурсов и повышения качества управления. Поэтому количественное расширение студенческого контингента должно сопровождаться институциональным укреплением университетов.

Важной особенностью является высокая доля контрактного обучения. По данным Национального статистического комитета, на начало 2024/2025 учебного года в организациях высшего профессионального образования обучалось более 231 тыс. студентов, при этом около 88 процентов составляли студенты, обучавшиеся на контрактной основе [2].

Высокая доля контрактного обучения отражает значительную роль частного финансирования в обеспечении доступа к высшему образованию. Вместе с тем такая структура может усиливать зависимость образовательных возможностей от уровня доходов домохозяйств.

В рамках ЦУР 4 это означает, что вопрос качества образования должен рассматриваться одновременно с вопросом его экономической доступности. С точки зрения устойчивого развития расширение образовательных возможностей должно сопровождаться механизмами поддержки студентов из социально уязвимых групп.

Пространственное распределение студентов является одним из ключевых индикаторов доступности высшего образования. По данным Национального статистического комитета, в 2024 году из 231 239 студентов организаций высшего профессионального образования 132 165 приходились на Бишкек, а 62 229 — на город Ош (см. табл. 1). Таким образом, на два крупнейших образовательных центра приходилось около 84 процентов общего числа студентов [1].

Полученная структура свидетельствует о выраженной территориальной концентрации высшего образования. В то время как в Бишкеке в 2024 году обучалось 132 165 студентов, в Джалал-Абадской области данный показатель составлял 12 127 человек, в Баткенской области — 9 236, в Чуйской области — 5 447, в Иссык-Кульской области — 4 346, в Нарынской области — 3 804 и в Таласской области — 1 885 человек [1].

Такая концентрация объективно связана с историческим формированием университетской инфраструктуры, численностью населения, наличием крупных научных и экономических центров и концентрацией рабочих мест. Однако с позиции устойчивого развития чрезмерная пространственная концентрация создает риск неравномерного доступа к образовательным ресурсам. Молодежь из регионов вынуждена нести дополнительные расходы, связанные с переездом, проживанием и транспортом, что особенно существенно для семей с ограниченными доходами.

В этой связи региональная политика в сфере высшего образования должна быть направлена не обязательно на механическое увеличение количества университетов, а на развитие устойчивых

образовательных экосистем в регионах. К ним могут относиться филиалы и кампусы, дистанционные образовательные программы, региональные научно-образовательные центры, совместные программы университетов, цифровые платформы и механизмы целевой подготовки кадров для региональных рынков труда.

Особое значение имеет развитие цифрового компонента. Цифровизация способна частично уменьшить влияние географического фактора, обеспечивая доступ студентов из регионов к образовательным материалам, электронным библиотекам, онлайн-курсам и дистанционным формам взаимодействия. Однако цифровизация сама по себе не устраняет территориальное неравенство, если сохраняются различия в качестве интернет-инфраструктуры, цифровых навыках и доступности оборудования. Поэтому цифровая трансформация должна сопровождаться развитием соответствующей инфраструктуры и человеческого капитала.

Одним из наиболее показательных направлений трансформации является изменение масштабов подготовки специалистов в области информационно-коммуникационных технологий. Согласно официальной статистике ЦУР, численность студентов высшего профессионального образования, обучавшихся по направлению ИКТ, увеличилась с 10 324 человек в 2020 году до 16 318 человек в 2024 году. Таким образом, прирост составил 5994 человека, или около 58 процентов [1].

Показательно, что рост происходил и среди женщин. Численность женщин, обучавшихся по ИКТ-направлениям в системе высшего профессионального образования, увеличилась с 4 131 человека в 2020 году до 5 931 человека в 2024 году. Численность мужчин за тот же период изменилась с 6 193 до 10 387 человек. Это означает, что цифровая трансформация образования сопровождается расширением участия женщин в ИКТ-подготовке, хотя гендерный разрыв сохраняется [1].

Рост ИКТ-подготовки следует рассматривать как положительный структурный сдвиг, поскольку цифровые компетенции становятся необходимым условием функционирования практически всех современных отраслей экономики. В условиях Кыргызской Республики развитие ИКТ-образования может способствовать расширению занятости молодежи, развитию цифрового предпринимательства, дистанционной занятости и экспорта услуг. Тем самым вклад высшего образования выходит за рамки ЦУР 4 и непосредственно связан с ЦУР 8 и ЦУР 9.

Вместе с тем увеличение числа студентов ИКТ-направлений еще не означает автоматического повышения качества цифрового человеческого капитала. Система образования должна обеспечивать не только освоение базовых информационных технологий, но и развитие программирования, анализа данных, искусственного интеллекта, кибербезопасности, цифрового управления и предпринимательских компетенций. Кроме того, необходимо постоянное обновление образовательных программ с учетом высокой скорости технологических изменений.

Таким образом, перспективным направлением трансформации становится переход от традиционной модели подготовки специалистов к модели непрерывного формирования компетенций. Университеты должны создавать условия, при которых выпускник способен не только применять знания, полученные в период обучения, но и самостоятельно осваивать новые технологии и адаптироваться к изменениям профессиональной среды. Именно такой подход соответствует концепции обучения на протяжении всей жизни, закрепленной в логике ЦУР 4.

В рамках устойчивого развития особое значение приобретает понятие человеческого капитала. Для Кыргызстана, где экономический потенциал в значительной степени зависит от качества трудовых ресурсов, образование является одним из основных инструментов повышения производительности и конкурентоспособности. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года рассматривает систему образования как основу устойчивого развития человеческого потенциала и предусматривает обеспечение равного доступа к качественным образовательным услугам независимо от места проживания, пола, возраста, состояния здоровья и социально-экономического положения [3].

В этом отношении трансформация высшего образования должна быть ориентирована на достижение баланса между массовизацией и качеством. Увеличение числа студентов расширяет образовательный охват, однако при отсутствии соответствующего повышения качества может возникнуть разрыв между формальным получением диплома и реальными профессиональными компетенциями выпускников. Поэтому одним из центральных критериев эффективности системы должна стать востребованность компетенций выпускников на рынке труда.

Важным направлением является усиление связи университетов с работодателями. Высшее образование должно формировать не только теоретическую подготовку, но и практические навыки, способность работать в команде, решать нестандартные задачи, использовать цифровые инструменты и создавать новые продукты и услуги. Концептуальные документы в сфере развития высшего образования Кыргызстана также связывают перспективную модель университетов с большей академической свободой, практико-ориентированным обучением, инновациями и сотрудничеством с бизнесом.

С точки зрения ЦУР это означает переход от модели «образование ради диплома» к модели «образование как инвестиция в устойчивое развитие». В такой системе эффективность университета оценивается не только количеством обучающихся и выпускников, но и качеством их профессиональной интеграции, научной и инновационной активностью, вкладом в региональное развитие и способностью создавать общественную ценность [3; 4].

Наиболее очевидной является связь высшего образования с ЦУР 4. Закон Кыргызской Республики «Об образовании» непосредственно закрепляет понятие образования для устойчивого развития как образования, ориентированного на формирование знаний, навыков и компетенций для решения социальных, экономических и экологических проблем. Закон также определяет доступность и качество образовательных услуг как базовые принципы системы образования [4].

Однако вклад высшего образования не ограничивается ЦУР 4. Подготовка квалифицированных кадров оказывает влияние на рынок труда и экономический рост, что соответствует ЦУР 8. Университетская наука и инновационная деятельность связаны с ЦУР 9. Обеспечение равного доступа к образованию относится к ЦУР 10, а развитие гендерно сбалансированной образовательной среды — к ЦУР 5. Формирование профессиональных и гражданских компетенций, в свою очередь, способствует развитию эффективных институтов и соответствует ЦУР 16 [4; 5].

Таким образом, университет следует рассматривать как институциональную платформу реализации сразу нескольких направлений устойчивого развития. Через образовательную функцию он формирует человеческий капитал; через научную деятельность — новые знания и технологии; через взаимодействие с бизнесом — инновации и занятость; через общественную деятельность — социальный капитал и гражданские компетенции. Такая многофункциональность делает высшее образование одним из системообразующих институтов реализации национальной стратегии устойчивого развития.

Несмотря на положительную динамику численности студентов и развитие отдельных перспективных направлений, система высшего образования Кыргызстана сталкивается с рядом структурных ограничений. Первое из них связано с территориальной концентрацией образовательных ресурсов. Значительная часть студентов сосредоточена в Бишкеке и Оше, что ограничивает доступ населения регионов к широкому спектру образовательных программ.

Вторая проблема связана с высокой долей контрактного обучения. При доле около 88 процентов студентов, обучавшихся на контрактной основе в 2024/2025 учебном году, экономический фактор остается значимым условием доступа к высшему образованию. Это требует развития адресной финансовой поддержки, стипендиальных механизмов и других инструментов обеспечения равенства возможностей.

Третья проблема заключается в необходимости постоянного обновления содержания образования. Быстрое развитие технологий приводит к тому, что знания и профессиональные навыки

быстрее устаревают. Поэтому образовательные программы должны становиться более гибкими, модульными и ориентированными на формирование переносимых компетенций. Особенно это актуально для ИКТ, инженерных, экономических и других динамично развивающихся направлений.

Четвертая проблема связана с необходимостью усиления исследовательской функции университетов. Устойчивое развитие невозможно без собственной научной базы, способной решать национальные проблемы в сфере энергетики, изменения климата, водных ресурсов, сельского хозяйства, медицины, цифровизации и регионального развития.

Следовательно, модернизация университетов должна предусматривать не только обновление учебного процесса, но и развитие научно-исследовательской инфраструктуры.

Первым стратегическим направлением должна стать ориентация системы высшего образования на качество образовательных результатов. Необходимо совершенствовать механизмы внутреннего и внешнего обеспечения качества, регулярно обновлять образовательные программы и усиливать участие работодателей в формировании требований к компетенциям выпускников.

Вторым направлением является цифровая трансформация. Она должна включать развитие цифровых образовательных платформ, электронных библиотек, систем управления обучением, цифровых лабораторий и современных методов оценки знаний. При этом цифровизацию следует понимать не как простую замену бумажных материалов электронными, а как изменение самой архитектуры образовательного процесса.

Третьим направлением является развитие региональных образовательных возможностей. В условиях концентрации студентов в городах Бишкек и Ош целесообразно расширять использование дистанционных программ, сетевого взаимодействия университетов, совместных образовательных программ и региональных центров компетенций. Это позволит повысить доступность высшего образования без обязательного создания большого количества новых организаций.

Четвертым направлением является усиление связи университетов с рынком труда. Необходим переход к более тесному взаимодействию между университетами, государством и работодателями при разработке образовательных программ, организации практики, подготовке кадров и оценке результатов обучения. Университетская подготовка должна быть ориентирована на реальные социально-экономические задачи страны.

Пятым направлением следует считать развитие человеческого потенциала преподавателей. Невозможно осуществить трансформацию образования без постоянного профессионального развития профессорско-преподавательского состава. Особенно важны цифровые компетенции, современные педагогические методы, исследовательские навыки, владение иностранными языками и способность участвовать в международных академических сетях.

Шестым направлением является усиление международной интеграции. Академическая мобильность, совместные образовательные программы, международные научные проекты и участие университетов в глобальных образовательных сетях могут способствовать повышению качества образования и ускорению распространения современных академических практик. При этом международное сотрудничество должно быть связано с национальными приоритетами, а не рассматриваться как самостоятельная цель.

Проведенный анализ показывает, что система высшего образования Кыргызской Республики находится в процессе структурной трансформации. Наиболее очевидным количественным результатом является увеличение численности студентов с 214 157 человек в 2020 году до 231 239 человек в 2024 году. При этом количество головных высших учебных заведений сохранилось на уровне 57. Следовательно, основная динамика последних лет связана прежде всего с изменением масштабов деятельности существующей образовательной сети [1; 2].

Одновременно выявлена высокая территориальная концентрация высшего образования. В 2024 году на Бишкек и Ош приходилось около 84 процентов студентов организаций высшего профессионального образования. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего развития

региональных механизмов доступа к высшему образованию и более активного использования цифровых и сетевых образовательных форм [1].

Положительной тенденцией является рост подготовки кадров в области информационно-коммуникационных технологий. Численность студентов высшего профессионального образования по ИКТ-направлениям увеличилась с 10 324 человек в 2020 году до 16 318 человек в 2024 году. Данный показатель свидетельствует о постепенной адаптации системы образования к требованиям цифровой экономики, однако одновременно требует дальнейшего повышения качества и практической направленности подготовки [1].

Вместе с тем трансформация высшего образования не может оцениваться исключительно по числу студентов и образовательных организаций. Ее результативность должна определяться качеством человеческого капитала, доступностью образования, соответствием компетенций выпускников потребностям экономики, исследовательским потенциалом университетов, уровнем цифровизации и вкладом образовательных организаций в решение социальных и экологических задач.

В рамках достижения Целей устойчивого развития система высшего образования должна постепенно переходить от преимущественно количественной модели расширения доступа к качественно новой модели устойчивого университетского развития. Такая модель предполагает интеграцию образования, науки, инноваций, цифровых технологий, предпринимательства и социальной ответственности.

В стратегической перспективе целесообразно сформировать систему оценки вклада университетов в достижение ЦУР, включающую показатели доступности образования, качества подготовки, трудоустройства выпускников, научной результативности, цифровой зрелости, гендерного и территориального равенства, экологической ответственности и взаимодействия с региональными сообществами. Это позволит сделать вклад высшего образования в устойчивое развитие измеримым и управляемым [1; 3; 4].

Таким образом, трансформация системы высшего образования Кыргызской Республики должна рассматриваться как долгосрочный институциональный процесс, непосредственно связанный с качеством человеческого капитала и конкурентоспособностью государства.

Основной задачей следующего этапа является не столько дальнейшее количественное увеличение числа обучающихся, сколько повышение качества, доступности и практической значимости образования, развитие исследовательского потенциала и формирование университетов как активных субъектов устойчивого социально-экономического развития Кыргызской Республики.

Список использованной литературы

1. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Статистика Целей устойчивого развития Кыргызской Республики, 2015–2024 [Электронный ресурс]. – Бишкек, 2025. – URL: https://stat.gov.kg/ru/publications/monitoring-pokazatelej-celej-ustojchivogo-razvitiya-v-kyrgyzskoj-respublike/ (дата обращения: 15.09.2026).
2. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2020–2024 [Электронный ресурс]. – Бишкек, 2025. – URL: https://stat.gov.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 15.09.2026).
3. Кыргызская Республика. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 года [Электронный ресурс]. – Бишкек, 2025. – URL: https://www.gov.kg/files/news/froala/d0d92a4f1e52345a4e0bb0570f58b41290374e75.pdf (дата обращения: 15.09.2026).
4. Кыргызская Республика. Об образовании : Закон Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – URL: https://edu.gov.kg/organizations/8/pages/287/ (дата обращения: 15.09.2026).

5. Организация Объединенных Наций. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк, 2015. – URL: https://sdgs.un.org/2030agenda (дата обращения: 15.09.2026).
6. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Численность студентов организаций высшего профессионального образования по территории [Электронный ресурс] // Открытые данные. – Бишкек. – URL: https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/342/ (дата обращения: 15.09.2026).

Рецензент: доктор экономических наук, профессор Акылбекова Н.И.

УДК 81+37.013+004.8

Токталиева Т.Ж., Токобаева С.Б., Канатова Н.Т.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
К.И. Скрябин атындагы Кыргыз улуттук агрардык университети
Токталиева Т.Ж.,[1] Токобаева С.Б.,[2] Канатова Н.Т.[2]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Кыргызский национальный аграрный университет имени К.И. Скрябина[2]
Toktalieva T.Zh., Tokobaeva S.B., Kanatova N.T.
KNU Jusup Balasagyn
Kyrgyz National Agrarian University named after K.I. Skryabin

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН АНГЛИС ТИЛИН АДАПТИВДҮҮ ОКУТУУДАГЫ НАТЫЙЖАЛУУЛУГУ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АДАПТИВНОМ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
EFFECTIVENESS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ADAPTIVE ENGLISH LANGUAGE LEARNING

Кыскача мүнөздөмө: Макалада жогорку билим берүү системасында англис тилин адаптивдүү окутууда жасалма интеллектти колдонуунун мүмкүнчүлүктөрү каралат. Изилдөөнүн максаты – ЖИни окутуунун жекелештирилген циклине интеграциялоонун педагогикалык моделин негиздөө. Изилдөөнүн методологиялык негизин заманбап эмпирикалык изилдөөлөрдү, систематуу серептерди жана метаанализдерди талдоо жана системалаштыруу түзөт. ЖИ тилдик кыйынчылыктарды аныктоого, тапшырмаларды дифференциациялоого, лексикалык жана грамматикалык компетенцияларды өнүктүрүүгө, оозеки жана жазуу кебин машыктырууга, ошондой эле ыкчам кайтарым байланыш берүүгө көмөктөшө алары көрсөтүлдү. Сунушталган модель диагностика, жеке профиль, окуу максаты, адаптивдүү тапшырма, ЖИнин кайтарым байланышы, өз алдынча оңдоо, окутуучунун баалоосу, рефлексия жана кайталап диагностика жүргүзүү этаптарын камтыйт. ЖИнин натыйжалуулугу педагогикалык уюштурууга байланыштуу экени жана аны окутуучунун ордун басуучу эмес, окутуу процессин жекелештирүүнү күчөтүүчү курал катары колдонуу максатка ылайыктуу экени белгиленет.

Аннотация: В статье рассматриваются возможности искусственного интеллекта (ИИ) в адаптивном обучении английскому языку в высшем образовании. Цель исследования – обосновать педагогическую модель интеграции ИИ в индивидуализированный цикл обучения. Методологическую основу составили анализ и систематизация современных эмпирических исследований, систематических обзоров и метаанализов. Показано, что ИИ может поддерживать диагностику языковых трудностей, дифференциацию заданий, развитие лексической и грамматической компетенций, практику устной и письменной речи и оперативную обратную связь. Предлагаемая модель включает диагностику, индивидуальный профиль, учебную цель,

адаптированное задание, обратную связь от ИИ, самостоятельную коррекцию, оценку преподавателя, рефлексию и повторную диагностику. Сделан вывод о том, что эффективность зависит прежде всего от педагогического сценария, а ИИ целесообразно использовать как дополнение к работе преподавателя.

Abstract: The article examines artificial intelligence (AI) in adaptive English language learning in higher education. The aim is to develop a pedagogical model for integrating AI into an individualized learning cycle. The methodology includes analysis and systematization of recent empirical studies, systematic reviews, and meta-analyses. The findings indicate that AI can support diagnostic assessment, differentiated tasks, vocabulary and grammar development, speaking and writing practice, and immediate feedback. The proposed model includes diagnosis, an individual learner profile, a learning goal, an adaptive task, AI feedback, self-correction, teacher assessment, reflection, and repeated diagnosis. The study concludes that educational effectiveness depends on the pedagogical scenario and teacher involvement. AI should therefore be used as a component of a teacher-guided adaptive system rather than as a substitute for the teacher.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; адаптивдүү окутуу; англис тили; жекелештирүү; жогорку билим берүү; тилдик компетенттүүлүк; генеративдик жасалма интеллект.

Ключевые слова: искусственный интеллект; адаптивное обучение; английский язык; персонализация; высшее образование; языковая компетенция; генеративный искусственный интеллект.

Keywords: artificial intelligence; adaptive learning; English language; personalization; higher education; language competence; generative artificial intelligence.

Введение. Цифровая трансформация высшего образования сопровождается расширением применения искусственного интеллекта в учебной деятельности. Современные системы способны анализировать ответы обучающихся, выявлять повторяющиеся ошибки, генерировать задания различной сложности и предоставлять оперативную обратную связь. Для языкового образования эти возможности особенно значимы, поскольку студенты одной группы могут существенно различаться по словарному запасу, грамматической подготовке, скорости восприятия речи, произношению и готовности вступать в коммуникацию.

Проблема заключается в том, что традиционная организация занятий часто предполагает общий учебник, единый темп и одинаковый набор заданий. При таком подходе сильный студент может не получать заданий достаточной сложности, тогда как студенту с более низким уровнем владения языком требуются дополнительные объяснения и практика. Адаптивное обучение изменяет эту логику: результат предыдущего этапа становится основанием для выбора следующего задания. Искусственный интеллект может обеспечивать технологическую поддержку такого цикла, однако решение о педагогической целесообразности каждого действия должно оставаться за преподавателем.

Эмпирическая база последних лет позволяет говорить о значимом потенциале ИИ, но не об универсальном автоматическом эффекте. Метаанализ 40 эмпирических исследований с участием 3290 обучающихся показал высокий общий эффект ИИ для результатов изучения английского языка ($g = 0{,}812$) [1]. Более поздний метаанализ 46 исследований и 117 эффектов также выявил статистически значимый общий эффект ($g = 0{,}74$) и показал, что результаты зависят от условий внедрения [2]. Систематический обзор 2026 года, охвативший исследования 2023–2025 годов, отмечает потенциал ИИ для персонализации, но одновременно указывает на проблемы подготовки преподавателей, технических ограничений, этики и конфиденциальности [3].

Цель настоящей работы состоит в теоретическом обосновании возможностей ИИ в адаптивном обучении английскому языку и разработке педагогической модели его интеграции в образовательный процесс. Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить содержание

адаптивного обучения; систематизировать функции ИИ; сопоставить результаты современных исследований; определить возможности персонализации языковых заданий; выявить ограничения и риски; определить роль преподавателя; предложить модель адаптивного цикла.

Методология исследования носит теоретико-аналитический характер. Были проанализированы научные публикации и систематические обзоры, посвященные ИИ в языковом образовании и адаптивному обучению, преимущественно за 2024–2026 годы. Сопоставлялись цели исследований, характеристики выборок, рассматриваемые языковые навыки, результаты и ограничения. На основе обобщения результатов осуществлено педагогическое моделирование адаптивного цикла. Поскольку самостоятельное экспериментальное исследование авторами не проводилось, количественные показатели используются только как результаты опубликованных работ и не интерпретируются как собственные экспериментальные данные.

Адаптивное обучение английскому языку и возможности искусственного интеллекта. Адаптивное обучение можно определить как организацию образовательного процесса, при которой содержание, сложность, последовательность и форма заданий изменяются с учетом результатов и индивидуальных характеристик обучающегося. В языковом образовании это означает переход от принципа «одна тема – одно упражнение для всех» к последовательности «диагностика – индивидуальная трудность – соответствующее задание – обратная связь – коррекция». Центральным элементом становится обратная связь, поскольку именно она связывает результат выполненной работы с последующим учебным действием.

Первой функцией ИИ в такой системе является диагностика. Инструменты автоматизированного анализа могут использоваться для выявления типичных грамматических ошибок, ограниченного словарного запаса, трудностей понимания текста, особенностей письменной речи и некоторых характеристик устного ответа. При этом автоматическая диагностика не должна рассматриваться как окончательная оценка уровня студента: ее данные требуют педагогической интерпретации.

Вторая функция – формирование индивидуального профиля. Например, один студент может демонстрировать относительно сильные навыки чтения и словарный запас при трудностях в говорении и грамматике, а другой – хорошие грамматические знания, но ограниченный словарный диапазон и недостаточную беглость речи. Для обоих может сохраняться общая тема занятия, однако объем языкового материала, сложность текста и тип практики будут различаться.

Третья функция – адаптация лексического материала. ИИ способен создавать контекстные примеры, задания на синонимы и антонимы, упражнения на употребление новых слов, тексты различной сложности и индивидуальные тесты. Например, тема Travel может быть общей для группы, но один студент будет работать со словами ticket, luggage, airport, passport, а другой – с accommodation, destination, sightseeing, boarding pass. Тем самым единая содержательная тема сохраняется, а языковая нагрузка становится дифференцированной.

Четвертая функция связана с грамматикой. Если система фиксирует повторяющиеся ошибки типа She work in a bank, He go to university every day, следующий этап может быть направлен на отработку формы глагола в третьем лице единственного числа настоящего простого времени (Present Simple). При этом целесообразно не просто выдавать большое количество однотипных упражнений, а постепенно переводить студента от выбора формы и заполнения пропусков к созданию собственных предложений и коммуникативному использованию грамматической конструкции.

Таким образом, ценность ИИ определяется не количеством автоматически созданных материалов, а его включением в замкнутый цикл, где данные о результатах студента используются для выбора следующего педагогического шага.

ИИ в развитии речевых навыков и индивидуальной практике. Особый интерес представляет применение диалоговых систем для развития устной речи. Систематический обзор 24 исследований ИИ-чат-ботов в практике английской устной речи показывает перспективность таких инструментов для развития навыков говорения, уверенности, вовлеченности и снижения тревожности

[4]. Важное преимущество состоит в возможности многократно повторять речевую ситуацию без давления аудитории. Студент может сначала потренироваться индивидуально, получить комментарии и только после этого выполнять аналогичное задание в группе или перед преподавателем.

Например, при изучении темы Job Interview студент может пройти последовательность: краткая диагностика – пробное интервью с ИИ – анализ типичных ошибок – повторное интервью – рефлексия – живое интервью с преподавателем. В такой цепочке ИИ не заменяет коммуникацию, а создает промежуточное пространство для подготовки к ней. Это особенно важно для обучающихся, которые испытывают страх ошибки или недостаток уверенности при публичном говорении.

Письменная речь требует другого сценария. Педагогически продуктивнее использовать ИИ как промежуточного консультанта, а не как автора готового ответа. Оптимальной может быть последовательность: студент самостоятельно создает текст; ИИ выявляет ошибки или проблемные места; студент исправляет их; ИИ объясняет оставшиеся трудности; создается вторая версия; преподаватель оценивает итоговый результат. Такой подход поддерживает языковую осознанность и снижает риск того, что технология фактически выполнит учебное задание вместо обучающегося.

ИИ может использоваться также для адаптации чтения и аудирования. Одна и та же тема может быть представлена на уровнях A2, B1 и B2 с различной лексической и синтаксической сложностью. Это позволяет работать с разноуровневой группой над общей проблематикой, сохраняя различный объем языковой нагрузки. Особенно перспективен такой подход для профессионально ориентированного английского, где содержание дисциплины должно быть единым, а языковая форма – доступной конкретному студенту.

Вместе с тем вопрос мотивации требует осторожной интерпретации. Систематический обзор исследований аффективных факторов показал интерес к влиянию ИИ на мотивацию, вовлеченность, отношение к обучению и тревожность, но также подчеркнул необходимость дальнейших исследований [5]. Поэтому нельзя утверждать, что использование ИИ автоматически повышает мотивацию каждого обучающегося. Более обоснованно говорить о создании условий для гибкой практики, немедленной обратной связи и повторения, тогда как мотивационный эффект зависит от содержания задания, степени самостоятельности и педагогического сценария.

Адаптивная персонализация и профиль обучающегося. Для полноценного адаптивного обучения необходим механизм представления учебных потребностей студента. В простейшем варианте профиль может включать четыре блока: языковые компетенции, типичные ошибки, текущую учебную цель и степень необходимой поддержки. Такой профиль не должен быть статичной характеристикой. После выполнения серии заданий он обновляется, поскольку сильная сторона может стать устойчивой, а ранее скрытая трудность – проявиться при переходе к другой коммуникативной ситуации.

Языковые компетенции целесообразно рассматривать раздельно по основным видам речевой деятельности. Например, общий уровень студента может условно соответствовать B1, однако его чтение может быть ближе к B2, а говорение – к A2–B1. В этом случае одинаковая нагрузка по всем видам деятельности будет неэффективной. Адаптация должна направлять больше практики на отстающий компонент, не прекращая поддержание уже сформированных навыков.

Важным элементом профиля являются устойчивые ошибки. Их необходимо отличать от случайных ошибок выполнения. Если студент несколько раз подряд неверно использует одну и ту же грамматическую конструкцию в разных заданиях, это может быть основанием для изменения учебной цели. Если же ошибка возникает один раз, более рационально наблюдать за дальнейшей динамикой, не перегружая обучение ненужным повторением.

Профиль должен также учитывать образовательную цель. Один студент может изучать английский для академического общения, другой – для профессиональной деятельности, третий – для повседневной коммуникации. Даже при одинаковом уровне владения языком содержание

адаптивных заданий будет различаться. Поэтому персонализация должна строиться не только вокруг вопроса «что студент знает?», но и вокруг вопроса «для чего ему необходимо применять язык?».

Еще одним параметром адаптации может быть степень когнитивной поддержки. Одному студенту полезно предоставить перевод ключевых слов и образец ответа, другому – только краткую подсказку, а более подготовленному – коммуникативную задачу без предварительного шаблона. В таком случае адаптируется не только сложность языка, но и количество внешней помощи. Это позволяет постепенно снижать зависимость от подсказок и переводить обучающегося к самостоятельному выполнению задания.

Адаптация по видам речевой деятельности. Адаптивный подход особенно важен потому, что языковая компетентность имеет многокомпонентную структуру. Студент может хорошо читать и понимать письменный текст, но испытывать трудности при спонтанном говорении. Другой обучающийся может уверенно поддерживать бытовой разговор, но допускать большое количество грамматических ошибок в письменной речи. Поэтому общий результат теста не всегда дает достаточное основание для выбора следующего учебного задания.

В развитии говорения ИИ может выполнять функцию безопасной тренировочной среды. Студент получает возможность повторить одну и ту же ситуацию несколько раз, постепенно усложняя ответы. Например, на первом этапе он отвечает на короткие вопросы о себе, затем объясняет профессиональные обязанности, после чего участвует в развернутом интервью. Такая последовательность позволяет адаптировать не только языковой материал, но и коммуникативную сложность.

При работе с письменной речью наиболее продуктивным является поэтапное редактирование. Студент сначала создает собственный текст, затем получает указания на проблемные места и самостоятельно предлагает исправления. После этого можно запросить объяснение тех ошибок, которые остались. Такой сценарий существенно отличается от просьбы «переписать текст правильно», поскольку сохраняет интеллектуальную работу обучающегося и превращает исправление в учебную деятельность.

Для чтения адаптация может включать изменение объема текста, частотности лексики и степени синтаксической сложности. Однако упрощение не должно превращаться в постоянное снижение требований. Цель адаптивного обучения состоит в постепенном продвижении студента к более сложному материалу. Поэтому после успешного выполнения облегченной версии следует предлагать задание следующего уровня, позволяющее проверить перенос навыка.

Для аудирования можно изменять длину фрагмента, скорость речи, количество предварительных подсказок и характер вопросов после прослушивания. Начальный этап может требовать выделения ключевой информации, а последующий – понимания деталей, отношения говорящего и скрытых смыслов. Автоматическая расшифровка может использоваться как средство последующей проверки, но не должна полностью заменять собственное восприятие звучащей речи.

Педагогическая модель адаптивного цикла. Обобщение рассмотренных исследований позволяет представить адаптивное обучение английскому языку как замкнутый педагогический цикл. Его первый этап – диагностика исходного уровня и выявление конкретной трудности. Второй этап – формирование индивидуального профиля, включающего сильные стороны, дефициты и ближайшую образовательную цель. Третий этап – подбор или генерация адаптированного задания. Четвертый – самостоятельное выполнение студентом. Пятый – получение обратной связи от ИИ. Шестой – самостоятельная коррекция. Седьмой – оценка преподавателя. Восьмой – рефлексия. Девятый – повторная диагностика и корректировка следующей цели.

Предлагаемая модель принципиально отличается от упрощенной схемы «студент – ИИ – готовый ответ». В центре находится не готовый ответ, а изменение образовательной траектории на основе результата деятельности. ИИ выполняет операции, которые особенно трудно масштабировать в больших группах: генерирует варианты упражнений, предлагает дополнительные примеры, поддерживает индивидуальную тренировку и дает оперативную обратную связь. Преподаватель, в

свою очередь, определяет образовательные цели, интерпретирует результаты и принимает решения о дальнейшем обучении.

Важным элементом цикла является переход от обратной связи к самостоятельной коррекции. Если система только сообщает студенту правильный вариант, учебный эффект может оказаться ограниченным. Более продуктивно сначала указать на характер ошибки, затем предложить студенту самостоятельно определить проблему и лишь после этого предоставить объяснение. Такой порядок превращает обратную связь от ИИ в средство развития языковой осознанности.

Эффективность предложенного цикла можно оценивать не только по итоговой контрольной оценке. Более информативными показателями являются изменение частоты типичных ошибок, увеличение самостоятельности при выполнении заданий, перенос изученной конструкции в новый контекст, рост объема продуктивной лексики и способность студента объяснить собственную ошибку. Для речевых заданий дополнительно можно учитывать длину и связность ответа, разнообразие используемых языковых средств и способность поддерживать диалог.

Такой подход важен потому, что конечный результат может быть одинаковым у двух студентов, достигших его разными путями. Один студент способен самостоятельно объяснить правило и применить его в новой ситуации, другой получает правильный ответ только после значительного количества подсказок. Если учитывать исключительно правильность конечного ответа, различие в степени сформированности навыка останется незаметным. Адаптивная система должна фиксировать процесс обучения, а не только его итог.

Следовательно, диагностические данные следует использовать для принятия педагогических решений, а не для постоянного рейтингового контроля. Студенту важно понимать, что анализ ошибок предназначен для выбора следующего шага. Такая установка снижает риск восприятия цифровой диагностики как дополнительного наказания за ошибки и переводит ее в область формирующего оценивания.

Организация адаптивного занятия. На уровне отдельного занятия предложенную модель можно реализовать в виде последовательности из пяти функциональных блоков. Первый блок – короткая диагностика, позволяющая определить исходную точку. Второй – индивидуальная микрозадача, соответствующая выявленной трудности. Третий – самостоятельное выполнение задания и получение обратной связи. Четвертый – перенос навыка в коммуникативную ситуацию. Пятый – рефлексия и фиксация следующей цели. Такая организация не требует, чтобы все занятие проходило во взаимодействии с ИИ.

Например, при изучении темы Professional Communication преподаватель сначала предлагает студентам самостоятельно ответить на несколько вопросов. На основе полученных результатов часть студентов получает задание на профессиональную лексику, другая часть – на грамматическое оформление ответов, третья – на развитие развернутого высказывания. После индивидуальной практики все возвращаются к общей коммуникативной задаче. Таким образом, различия между студентами учитываются на этапе подготовки, но не препятствуют общей коммуникации.

Оценивание эффективности. Оценивание эффективности ИИ в языковом обучении должно включать несколько уровней. Первый уровень – непосредственный учебный результат: правильность грамматических конструкций, объем и точность лексики, понимание текста, качество письменного и устного высказывания. Второй – динамический: насколько быстро студент исправляет повторяющуюся ошибку и переносит новый навык в другую задачу. Третий – метакогнитивный: способен ли обучающийся определить собственную трудность и выбрать способ ее устранения.

Отдельно следует оценивать качество самой адаптации. Если система постоянно предлагает студенту задания одного типа, несмотря на изменение результатов, ее нельзя считать действительно адаптивной. Адаптация предполагает наличие связи между предыдущим результатом и последующим заданием. Поэтому одним из критериев качества может быть прозрачность этой связи: преподаватель и студент должны понимать, почему предложено именно такое упражнение.

Перспективы применения в высшем образовании Кыргызстана. Для высшего образования Кыргызстана рассматриваемая проблематика имеет практическое значение в связи с необходимостью подготовки студентов к профессиональной и академической коммуникации на английском языке. Важным условием внедрения ИИ является подготовка преподавателя, поскольку цифровой инструмент сам по себе не формирует педагогическую модель. Исследования, посвященные подготовке современного преподавателя и развитию познавательной активности обучающихся, также подчеркивают значение профессиональной готовности педагога к использованию новых образовательных средств [8; 9].

В условиях вуза адаптивный подход может быть особенно полезен в группах с неоднородным уровнем языковой подготовки. Вместо полного разделения студентов на постоянные уровневые подгруппы можно сохранять общую тему курса и варьировать отдельные задания, объем поддержки и скорость продвижения. Это позволяет одновременно поддерживать общую образовательную среду и учитывать индивидуальные различия.

Для первоначального внедрения целесообразно выбирать ограниченный набор сценариев с понятным результатом: индивидуальная тренировка грамматики, расширение профессиональной лексики, подготовка к устному диалогу, предварительная проверка письменного текста. После накопления опыта можно переходить к более сложным траекториям, включающим несколько видов речевой деятельности.

Перспективным направлением является также разработка локальных педагогических рекомендаций по использованию ИИ. В них могут быть определены допустимые виды помощи, требования к проверке ответов, правила указания использования ИИ и критерии оценки самостоятельности студента. Это позволит перейти от стихийного использования отдельных сервисов к согласованной образовательной практике.

Результаты и обсуждение: педагогическая модель адаптивного цикла. Сопоставление современных исследований подтверждает такую трактовку. Метаанализ Xu и Wang выявил высокий общий эффект ИИ для результатов обучения английскому языку [1]. Torres и Kahveci получили средне-высокий общий эффект и отметили, что ИИ лучше работает как дополнение к обучению, а не как его замена [2]. Систематический обзор Uygun и Demir показал, что ИИ чаще всего используется для персонализированной практики и обратной связи, однако сохраняются ограничения, связанные с подготовкой преподавателей, технической инфраструктурой и этическими вопросами [3]. Обзор адаптивного образования также показывает, что алгоритмические подходы позволяют строить персонализированные траектории, но требуют внимания к интерпретируемости, данным и справедливости образовательных решений [6].

На практике модель может применяться в General English, English for Specific Purposes, смешанном обучении и самостоятельной работе. Например, при изучении темы Job Interview диагностика может выявить недостаток профессиональной лексики и трудности с построением развернутого ответа. ИИ формирует набор микрозаданий, после которых студент проходит повторное интервью. Преподаватель анализирует не только конечный ответ, но и динамику ошибок. Если трудность оказывается коммуникативной, дальнейшая работа переносится от грамматических упражнений к парной или групповой практике.

Таким образом, главным объектом адаптации становится не только учебный материал, но и образовательная траектория. Это соответствует современному пониманию адаптивного образования как системы, в которой цифровые данные используются для своевременного изменения учебного воздействия [6].

Ограничения, педагогическая безопасность и роль преподавателя. Положительные результаты исследований не означают, что применение ИИ лишено рисков. К основным ограничениям относятся ошибки и неполнота автоматически генерируемой информации, академическая недобросовестность, зависимость от подсказок, вопросы конфиденциальности и неравный доступ к цифровым ресурсам. Для языкового образования дополнительным риском

становится снижение самостоятельности: если студент постоянно получает готовую формулировку, он может меньше анализировать собственные ошибки и реже самостоятельно строить высказывание.

Поэтому эффективная интеграция ИИ должна начинаться не с выбора конкретного сервиса, а с определения образовательной цели. Вторым условием является диагностика, позволяющая понять, что именно необходимо адаптировать. Третьим – обязательная самостоятельная работа студента с полученной обратной связью. Четвертым – участие преподавателя в оценке результата. Пятым – сочетание индивидуальной цифровой практики с реальной коммуникацией. Такой подход соответствует выводу современных исследований о том, что педагогическая организация применения технологии может быть важнее различий между отдельными ИИ-платформами [2].

Роль преподавателя в данной модели не сокращается, а становится более сложной. Преподаватель выступает разработчиком образовательного сценария, диагностом, экспертом, модератором, консультантом и контролером качества. ИИ способен обнаружить повторяющуюся ошибку, но не всегда способен определить ее педагогическую причину. Например, большое количество грамматических ошибок может быть связано не с отсутствием знания правила, а с тем, что студент не успевает применить его в реальном речевом потоке. В таком случае увеличение числа грамматических упражнений не решит проблему; необходима коммуникативная практика.

Этическая сторона также требует отдельного внимания. Студенты должны понимать, какие задачи допустимо выполнять с помощью ИИ, как проверять полученную информацию и каким образом обозначать использование цифровых инструментов. Преподавателю необходимо устанавливать границы между помощью и выполнением работы вместо обучающегося. В этом отношении ИИ следует рассматривать как инструмент формирования самостоятельности, а не как механизм устранения интеллектуального усилия.

Снижение коммуникативной тревожности также нельзя трактовать как доказанный универсальный эффект. Обзор AlTwijri и Alghizzi включил 21 релевантное исследование и показал перспективность ИИ для аффективных факторов, одновременно отмечая необходимость дальнейшей эмпирической проверки [5]. Следовательно, индивидуальный диалог с ИИ может быть полезным переходным этапом, но конечной целью остается способность студента взаимодействовать с реальными людьми.

Важным результатом теоретического анализа является уточнение места ИИ в структуре педагогического управления. В адаптивной модели технология не является самостоятельным субъектом принятия образовательных решений. Она обеспечивает сбор и обработку информации, предлагает варианты материалов и поддерживает тренировку, тогда как критерии качества и образовательные цели задаются преподавателем. Такое распределение функций позволяет использовать преимущества автоматизации без отказа от профессионального педагогического суждения.

Перспективы дальнейшей работы связаны с переходом от теоретической модели к ее экспериментальной проверке в реальных группах студентов. Необходимо определить оптимальную продолжительность адаптивного цикла, сравнить различные виды обратной связи, изучить влияние уровня цифровой грамотности преподавателя и проверить устойчивость результатов после прекращения интенсивной поддержки со стороны ИИ. Особенно важным является вопрос переноса: улучшение выполнения заданий в цифровой среде должно сопровождаться улучшением реального речевого взаимодействия.

Выводы. Проведенный анализ показывает, что искусственный интеллект обладает существенным потенциалом для адаптивного обучения английскому языку в высшем образовании. Его наиболее обоснованные функции связаны с диагностикой, дифференциацией заданий, оперативной обратной связью, дополнительной речевой практикой и поддержкой самостоятельной коррекции.

Предложенная модель «диагностика – профиль – цель – адаптивное задание – выполнение – обратная связь от ИИ – самостоятельная коррекция – оценка преподавателя – рефлексия – повторная

диагностика» позволяет связать технологические возможности ИИ с педагогической логикой индивидуализации. При этом ИИ не должен рассматриваться как замена преподавателю. Перспективным направлением является экспериментальная проверка модели в условиях конкретного вуза с контрольной и экспериментальной группами и измерением динамики языковых результатов, автономности и коммуникативной тревожности.

Список использованной литературы

1. Kessler G. Technology and the future of language teaching // Foreign Language Annals. – 2018. – Vol. 51, № 1. – P. 205–218. – DOI: 10.1111/flan.12318.
2. Torres P. J., Kahveci Y. E. Effectiveness of Artificial Intelligence (AI) in language teaching // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2025. – Vol. 9. – Article 100522. – DOI: 10.1016/j.caeai.2025.100522.
3. Uygun E., Demir B. A PRISMA-based systematic review of artificial intelligence in English as a foreign and second language education (2023–2025) // Discover Education. – 2026. – Vol. 5. – Article 478. – DOI: 10.1007/s44217-026-01504-y.
4. Du J., Daniel B. K. Transforming language education: A systematic review of AI-powered chatbots for English as a foreign language speaking practice // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2024. – Vol. 6. – Article 100230. – DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100230.
5. AlTwijri L. A., Alghizzi T. M. Investigating the integration of artificial intelligence in English as foreign language classes for enhancing learners' affective factors: A systematic review // Heliyon. – 2024. – Vol. 10, № 10. – Article e31053. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e31053.
6. Hariyanto, Kristianingsih F. X. D., Maharani R. Artificial intelligence in adaptive education: a systematic review of techniques for personalized learning // Discover Education. – 2025. – Vol. 4. – Article 458. – DOI: 10.1007/s44217-025-00908-6.
7. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. – Paris: UNESCO, 2023.
8. Шарипова М., Ысмаилова Р. Методологические основы и эмпирический анализ интеграции искусственного интеллекта в обучении английскому языку в средней школе: на примере города Ош, Кыргызстан // Открытый журнал евразийских исследований. – 2026. – № 1. – DOI: 10.65469/eijournal.2026.1.9.
9. Sulaimanova R. T. Theoretical Study of the Issue of Teacher Training in Kyrgyzstan // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2021. – № 4 (108). – С. 53–58.
10. Rebolledo R., Gisbert M. Aprendizaje adaptativo del inglés como lengua extranjera con herramientas de inteligencia artificial: una revisión sistemática de la literatura // Profesorado. – 2025.
11. The use of artificial intelligence in English language teaching and learning in higher education: a systematic literature review // Cogent Education. – 2026.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Алишова И. К.

УДК 37.016:811.1/.9'36

Уметов К.К., Курбонов Б.Ч.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Самарканд мамлекеттик чет тилдер институту
Уметов К. К., Курбонов Б.Ч.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Самаркандский государственный институт иностранных языков
Umetov K.K., Qurbonov B.Ch.
KNU Jusup Balasagyn
Samarkand State Institute of Foreign Languages

ЧЫГЫШ ТИЛДЕРИНИН ГРАММАТИКАСЫН ИНКЛЮЗИВДИК ОКУТУУ
ИНКЛЮЗИВНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ГРАММАТИКИ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
INCLUSIVE GRAMMAR TEACHING OF EASTERN LANGUAGES

Кыскача мүнөздөмө: Макалада азыркы билим берүү чөйрөсүндө чыгыш тилдеринин — араб, перс жана түрк тилдеринин — грамматикасын инклюзивдик окутуунун методикалык негиздери каралат. Иштин максаты ар кандай билим берүү муктаждыктары бар окуучулар үчүн грамматикалык материалдын жеткиликтүүлүгүн камсыздаган педагогикалык чечимдерди системалаштыруудан турат. Методологиялык негизди илимий-методикалык адабияттарды талдоо, салыштырма-педагогикалык ыкма, адаптивдик окуу тапшырмаларын моделдөө жана дифференциалдык окутуу практикаларын жалпылоо түздү. Натыйжада инклюзивдик аудиторияда чыгыш тилдеринин грамматикасын өздөштүрүүнүн негизги кыйынчылыктары аныкталып, материалды тандоонун эффективдүү принциптери белгиленип, түшүндүрүүнүн мультимодалдык стратегиялары, угуу, көрүү, тирек-кыймыл аппаратынын бузулушу жана когнитивдик өзгөчөлүктөрү бар окуучуларды колдоо формалары сүрөттөлүп, адаптацияланган көнүгүүлөрдүн үлгүлөрү сунушталды. Инклюзивдик грамматика окутуу мазмунду жөнөкөйлөтүүгө эмес, материалды берүү жана бышыктоо ыкмаларынын вариативдүүлүгүнө негизделиши керектиги көрсөтүлдү. Дифференциация, визуализация, санариптик куралдар жана коммуникативдик практиканын айкалышы окууга кошулууну, мотивацияны жана грамматикалык структураларды өздөштүрүүнүн сапатын жогорулатат деген жыйынтык чыгарылды.

Аннотация: В статье рассматриваются методические основания инклюзивного преподавания грамматики восточных языков — арабского, персидского и турецкого — в современной образовательной среде. Цель работы состоит в систематизации педагогических решений, которые обеспечивают доступность грамматического материала для обучающихся с различными образовательными потребностями. Методологическую основу составили анализ научно-методической литературы, сравнительно-педагогический подход, моделирование адаптивных учебных заданий и обобщение практик дифференцированного обучения. В результате выделены основные трудности усвоения грамматики восточных языков в инклюзивной аудитории, определены эффективные принципы отбора материала, описаны мультимодальные стратегии объяснения, формы поддержки учащихся с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательной сферы и когнитивными особенностями, а также предложены образцы адаптированных упражнений. Показано, что инклюзивное преподавание грамматики должно строиться не на упрощении содержания, а на вариативности способов представления и отработки материала. Сделан вывод о том, что сочетание дифференциации, визуализации, цифровых инструментов и коммуникативной практики повышает учебную включённость, мотивацию и качество усвоения грамматических структур.

Abstract: The article examines the methodological foundations of inclusive teaching of the grammar of Eastern languages — Arabic, Persian, and Turkish — in the modern educational environment. The purpose of the study is to systematize pedagogical solutions that ensure the accessibility of grammatical material for learners with diverse educational needs. The methodological basis comprises an analysis of scientific and methodological literature, a comparative pedagogical approach, modeling of adaptive learning tasks, and generalization of differentiated instruction practices. As a result, the main difficulties in mastering the grammar of Eastern languages in an inclusive classroom are identified, effective principles for selecting material are determined, multimodal explanation strategies are described, forms of support for students with hearing, visual, and musculoskeletal impairments and cognitive differences are outlined, and samples of adapted exercises are proposed. It is shown that inclusive grammar teaching should be based not on simplifying content but on varying the ways of presenting and practicing material. The conclusion is drawn that a combination of differentiation, visualization, digital tools, and communicative practice increases educational inclusion, motivation, and the quality of mastering grammatical structures.

Негизги сөздөр: инклюзивдик билим берүү; чыгыш тилдери; грамматика; араб тили; перс тили; түрк тили; дифференциалдык окутуу; окутуунун универсалдык дизайны; мультимодалдык окутуу; адаптивдик методикалар.

Ключевые слова: инклюзивное образование; восточные языки; грамматика; арабский язык; персидский язык; турецкий язык; дифференцированное обучение; универсальный дизайн обучения; мультимодальное обучение; адаптивные методики.

Keywords: inclusive education; Eastern languages; grammar; Arabic; Persian; Turkish; differentiated instruction; universal design for learning; multimodal learning; adaptive methods.

Введение. Современное образование всё в большей степени ориентируется на обеспечение равного доступа к обучению независимо от индивидуальных возможностей, особенностей восприятия и образовательных потребностей обучающихся. Инклюзивное образование в настоящее время рассматривается не только как система организации обучения лиц с инвалидностью или особыми образовательными потребностями, но и как более широкий педагогический подход, направленный на создание условий, в которых каждый обучающийся может участвовать в образовательном процессе и достигать академических результатов [1; 2].

Особую актуальность данная проблема приобретает в сфере преподавания иностранных языков. Языковое обучение требует одновременного развития нескольких видов речевой деятельности, усвоения новой лексики, грамматических структур, фонетических особенностей и способов письменного выражения мысли. При этом традиционная организация учебного процесса нередко предполагает единый темп работы и единый способ предъявления материала, ориентированный на условного «среднего» обучающегося. В условиях неоднородной академической группы подобная модель не всегда обеспечивает равный доступ к содержанию обучения.

Для восточных языков данная проблема имеет дополнительное значение. Арабский, персидский и турецкий языки существенно различаются как между собой, так и с русским, узбекским и кыргызским языками по ряду структурных характеристик. Арабский язык предполагает освоение особой графической системы, направления письма справа налево, развитой системы словообразовательных моделей и сложной морфологии. Персидский язык характеризуется специфической письменной традицией, системой изафетных конструкций и особенностями грамматического оформления словосочетаний. Турецкий язык основан преимущественно на агглютинативном принципе, последовательном присоединении аффиксов и закономерностях гармонии гласных. Эти особенности требуют от студентов высокого уровня аналитической деятельности и способности устанавливать связи между формой, значением и функцией языковых единиц.

Проблема заключается в том, что сложность грамматического материала может усиливаться не только вследствие его объективной лингвистической специфики, но и вследствие способа его предъявления. Если новая структура объясняется исключительно в устной форме, часть студентов может испытывать трудности при восприятии инструкции. Если правило представлено только в виде сложной таблицы, возникают дополнительные барьеры для обучающихся, которым требуется аудиальное сопровождение, увеличенный формат или последовательное пошаговое объяснение. Следовательно, вопрос доступности обучения связан не только с содержанием, но и с организацией доступа к этому содержанию.

Современные концепции инклюзивной педагогики предлагают перейти от последующей адаптации уже существующего учебного материала к его первоначальному проектированию с учётом разнообразия обучающихся. Одним из наиболее разработанных подходов является универсальный дизайн обучения, предусматривающий множественность способов представления информации, организации учебной деятельности и демонстрации результатов [3]. Такой подход позволяет рассматривать вариативность не как исключительную меру для отдельных студентов, а как характеристику качественно организованного образовательного процесса.

Важное значение имеет и концепция дифференцированного обучения, разработанная К. Томлинсон. Согласно данному подходу, преподаватель может варьировать содержание, процесс, учебный продукт и образовательную среду в зависимости от уровня подготовки, интересов и особенностей обучающихся [4]. Применительно к преподаванию грамматики это означает возможность достижения общей образовательной цели различными путями. Например, все студенты могут осваивать одну грамматическую конструкцию, однако одни работают преимущественно со схемой, другие – с текстовым алгоритмом, третьи – с интерактивным заданием или речевой ситуацией.

В странах Центральной Азии вопросы инклюзивного образования постепенно занимают более заметное место в образовательной политике и научно-методических исследованиях. В Узбекистане развитие инклюзивного образования рассматривается как одно из направлений модернизации системы образования. Одновременно развивается исследовательский интерес к применению современных образовательных технологий и к организации обучения студентов в условиях разнообразия образовательных возможностей [5; 6]. В Кыргызстане также ведётся работа по развитию инклюзивного образования, изучаются вопросы социализации и обучения детей и молодёжи с особыми образовательными потребностями [7].

Вместе с тем предметно ориентированные исследования, специально посвящённые инклюзивному преподаванию грамматики восточных языков, пока представлены недостаточно широко. Большинство существующих работ рассматривает либо общие вопросы инклюзивной педагогики, либо преподавание иностранных языков без учёта структурной специфики конкретных языковых систем. Это определяет необходимость разработки методической модели, которая объединяла бы достижения инклюзивной педагогики с лингвистическими особенностями арабского, персидского и турецкого языков.

Цель статьи — обосновать и описать модель инклюзивного преподавания грамматики восточных языков на основе дифференцированного, мультимодального и коммуникативно ориентированного подходов. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

выявить основные барьеры, возникающие при изучении грамматики восточных языков в инклюзивной аудитории;

определить принципы адаптации грамматического материала;

описать особенности преподавания грамматики арабского, персидского и турецкого языков с учётом разнообразия образовательных потребностей;

разработать систему адаптивных и дифференцированных упражнений;

предложить структуру инклюзивного грамматического занятия;

определить возможности использования цифровых технологий и интеллектуальных инструментов в обеспечении доступности обучения.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении преподавания грамматики восточных языков как единой методической системы, в которой лингвистическая специфика языка сочетается с принципами инклюзивной педагогики, универсального дизайна обучения и дифференциации.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования предложенной модели при разработке учебных программ, практических курсов грамматики, учебно-методических пособий и программ повышения квалификации преподавателей восточных языков.

Материалы и методы. Исследование носит теоретико-методический характер. Материалом послужили положения инклюзивной педагогики, общедидактические принципы преподавания иностранных языков, а также методические наблюдения, накопленные в процессе обучения грамматике арабского, персидского и турецкого языков в Самаркандском государственном институте иностранных языков (СамГИИЯ) и других вузах региона. Анализ охватывал такие элементы учебного

процесса, как объяснение нового грамматического материала, его закрепление, тренировочные и коммуникативные упражнения, формы обратной связи.

Методологический инструментарий включал несколько взаимосвязанных методов. Первый метод — аналитико-синтетический, позволивший выделить из имеющихся педагогических подходов те положения, которые непосредственно применимы к преподаванию грамматики в инклюзивной аудитории. Второй метод — сравнительно-педагогический: он использовался для сопоставления различных способов подачи одного и того же грамматического явления в зависимости от типа образовательной потребности. Третий метод — моделирование, с помощью которого были спроектированы образцы заданий, адаптированных для учащихся с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательной сферы и когнитивными особенностями. Четвёртый метод — функционально-коммуникативный анализ, позволивший оценить, насколько грамматический материал может быть встроен в реальную речевую деятельность, а не оставаться набором абстрактных правил.

При проектировании модели учитывались три группы факторов: лингвистические (тип языка, характер письма, прозрачность моделей), психологические (темп восприятия, объём памяти, ведущий канал информации) и организационно-методические (формат урока, наличие технических средств, возможность групповой работы). Основополагающим стал принцип универсального дизайна обучения, согласно которому материал изначально проектируется как доступный для максимально широкого круга учащихся. Это означает множественность способов предъявления (визуальный, аудиальный, текстовый, схематический, тактильный) и вариативность форм активности.

Важным дополнением к методологии стало обращение к региональным исследованиям. Так, в работах Н.З. Рузиевой обосновывается необходимость формирования речевой компетенции в инклюзивной среде через поэтапное предъявление языковых моделей [13, с. 79]. Г. Болтакулова акцентирует внимание на социальной интеграции учащихся с особыми потребностями и предлагает конкретные приёмы организации парной работы [14, с. 17].

Для решения поставленных задач применялись аналитико-синтетический, сравнительно-педагогический и моделирующий методы.

Аналитико-синтетический метод позволил систематизировать положения инклюзивной педагогики и определить те из них, которые могут быть непосредственно применены к обучению грамматике восточных языков.

Сравнительно-педагогический метод использовался для сопоставления традиционной и адаптивной моделей объяснения грамматического материала, а также для анализа различий между преподаванием арабского, персидского и турецкого языков.

Метод моделирования применялся при разработке структуры грамматического занятия и системы адаптивных упражнений. В рамках моделирования учитывались особенности восприятия информации, темп учебной деятельности, объём рабочей памяти, необходимость визуальной или аудиальной поддержки, а также возможность использования цифровых средств.

При анализе грамматического материала учитывались три группы факторов.

Первая группа – лингвистические факторы. К ним относятся особенности письменности, морфологической структуры, порядка слов, словообразовательных моделей и степени прозрачности грамматических закономерностей.

Вторая группа – психолого-педагогические факторы. Они включают индивидуальный темп восприятия, особенности концентрации внимания, объём рабочей памяти и предпочтительные способы обработки информации.

Третья группа – организационно-методические факторы. К ним относятся продолжительность занятия, доступность цифровых ресурсов, формат обратной связи, возможность индивидуальной и групповой работы.

В качестве критериев оценки эффективности предлагаемой модели были определены:

1. Доступность объяснения грамматического явления.
2. Степень включённости студентов в учебную деятельность.

3. Возможность самостоятельного выполнения задания.

4. Наличие понятной обратной связи.

5. Способность переносить усвоенную грамматическую структуру в письменную и устную речь.

При разработке модели учитывались результаты исследований, посвящённых мультимедийному обучению. Согласно Р. Майеру, сочетание различных каналов представления информации может способствовать более эффективному усвоению материала при условии рациональной организации когнитивной нагрузки [8]. Поэтому мультимодальность в данном исследовании рассматривается не как механическое увеличение количества учебных материалов, а как продуманное сочетание нескольких способов объяснения.

Результаты. 1. Основные барьеры усвоения грамматики восточных языков

Проведённый анализ позволил выделить несколько групп барьеров, которые могут возникать при изучении грамматики восточных языков.

Первая группа связана с особенностями восприятия учебной информации. Если объяснение строится исключительно на устной речи преподавателя, студентам, которым необходимы письменные или визуальные опоры, может быть трудно удерживать последовательность грамматического правила. Напротив, использование только текстовых таблиц способно создавать затруднения для тех, кому требуется аудиальное сопровождение.

Вторая группа барьеров обусловлена сложностью и объёмом грамматической информации. В традиционной практике преподаватель нередко представляет правило целиком, включая терминологическое описание, исключения и большое количество примеров. Для части студентов такая организация материала может приводить к перегрузке рабочей памяти. В результате усваивается лишь отдельная часть правила без понимания его функционального значения.

Третья группа связана с графической спецификой восточных языков. При изучении арабского и персидского языков дополнительную сложность представляет освоение письма справа налево и распознавание букв в различных позициях. Для студентов, испытывающих трудности со зрительным восприятием или обработкой графической информации, традиционная форма работы с письменным текстом может требовать дополнительной адаптации.

Четвёртая группа относится к темпу учебной деятельности. Некоторые студенты нуждаются в большем времени для анализа конструкции, записи примера или выполнения упражнения. При жёстко фиксированном темпе занятия они могут не успевать завершить одну операцию до перехода к следующей.

Пятая группа включает трудности переноса правила в речь. Даже при правильном воспроизведении грамматической схемы студент может испытывать затруднения при её использовании в реальной коммуникативной ситуации. Поэтому обучение грамматике должно включать не только объяснение формы, но и последовательный переход от понимания к применению.

Таким образом, основная проблема заключается не только в сложности языковой системы. Существенное значение имеет соответствие между способом предъявления материала и возможностями его восприятия.

2. Принципы адаптации грамматического материала. На основе проведённого анализа были определены шесть основных принципов.

1. Принцип сегментации. Сложная грамматическая структура должна быть разделена на относительно самостоятельные смысловые элементы. Например, при изучении турецкой глагольной формы студент сначала определяет основу слова, затем последовательно добавляет аффиксы, устанавливая значение каждого элемента. Только после этого рассматривается целостная форма.

Аналогичный подход может использоваться в арабском языке при изучении морфологических моделей. Вместо одновременного предъявления всей парадигмы преподаватель последовательно знакомит студентов с корнем, моделью и изменением значения.

2. Принцип мультимодального представления. Одно и то же грамматическое явление должно иметь несколько способов представления:

- краткое устное объяснение;
- письменную формулировку;
- схему или таблицу;
- примеры;
- алгоритм выполнения;
- при необходимости – аудиальное или цифровое сопровождение.

Такой подход соответствует принципам универсального дизайна обучения [3].

3. Принцип минимизации когнитивной перегрузки. Введение нового правила должно сопровождаться ограничением второстепенной информации. На первом этапе студенту необходимо понять основную закономерность. Исключения и дополнительные случаи могут вводиться после формирования базовой модели.

Например, вместо одновременного изучения всех вариантов турецкого падежного аффикса целесообразно сначала сформировать понимание его основной функции, а затем постепенно вводить фонетические варианты.

4. Принцип повторения с вариацией. Повторение не должно сводиться к механическому многократному выполнению однотипного упражнения. Одна и та же структура может закрепляться посредством:

- выбора правильного варианта;
- сопоставления формы и значения;
- восстановления последовательности;
- преобразования предложения;
- составления собственного высказывания;
- участия в диалоге.

Такой подход позволяет сохранять основную учебную цель при изменении характера деятельности.

5. Принцип дифференциации. Общая грамматическая цель сохраняется для всей группы, однако уровень поддержки может различаться.

Например, при изучении конструкции все студенты должны построить предложение, но:

- первая группа получает готовую схему;
- вторая – набор слов;
- третья самостоятельно формулирует высказывание;
- четвёртая использует конструкцию в расширенной коммуникативной ситуации.

Дифференциация в данном случае обеспечивает разные пути достижения единого образовательного результата.

6. Принцип функционально-коммуникативной направленности. Грамматическая структура должна изучаться не изолированно, а в связи с её функцией. После аналитического этапа студенту предлагается ситуация, в которой новая форма становится средством выражения определённого смысла.

Например, изучение формы прошедшего времени может завершаться заданием «Расскажите, что вы делали вчера», а изучение вопросительных конструкций – созданием краткого интервью.

3. Особенности преподавания грамматики арабского языка

Арабский язык отличается развитой системой морфологии, в которой существенную роль играют корень и словообразовательная модель. Для начинающих студентов одной из основных трудностей является восприятие связи между формой слова и его значением. В инклюзивной аудитории целесообразно использовать принцип морфологической визуализации. Корень и

структурные элементы слова могут быть представлены в виде последовательной схемы: корень → модель → грамматическое значение → функция в предложении.

Например, при объяснении глагольных форм преподаватель может сначала выделить корневые согласные, затем показать модель и только после этого рассматривать полную парадигму. Эффективным является также использование карточек и конструкторов. Студенты получают отдельные элементы слова и последовательно собирают форму. Такая работа переводит абстрактное правило в конкретную операцию. Особое внимание должно уделяться связи между письменной и устной формой. Для этого полезно сочетать графическое представление слова с его аудиальным воспроизведением и транскрипционной или иной вспомогательной опорой на начальных этапах обучения.

4. Особенности преподавания грамматики персидского языка

При преподавании персидского языка целесообразно использовать линейные модели и устойчивые речевые конструкции. Многие грамматические явления могут быть представлены как последовательность взаимосвязанных компонентов.

Например, при изучении изафетной конструкции студенту предлагается не только определение правила, но и схема: существительное + показатель связи + определяющий компонент.

После освоения базовой модели постепенно увеличивается сложность конструкции. Сначала используются отдельные словосочетания, затем – словосочетания с несколькими определениями, после чего модель включается в предложение и текст.

Для студентов, которым требуется более высокая степень структурированности, эффективны алгоритмы:

- определить главное слово;
- определить зависимый компонент;
- установить связь между ними;
- выбрать соответствующую грамматическую форму;
- прочитать конструкцию целиком.

Пошаговая организация задания делает процесс анализа более прозрачным и снижает вероятность случайных ошибок.

5. Особенности преподавания грамматики турецкого языка

Турецкий язык обладает выраженной агглютинативной структурой, что позволяет использовать его морфологическую систему как основу для конструирования слова.

Методически эффективной является работа по принципу: основа → первый аффикс → изменение значения → следующий аффикс → полная форма.

Например, вместо предъявления студентам сразу сложного слова преподаватель предлагает постепенно расширять основу. После присоединения каждого аффикса обсуждается его функция.

Такой подход обладает несколькими преимуществами. Во-первых, он делает внутреннюю структуру слова наглядной. Во-вторых, позволяет студенту самостоятельно контролировать процесс образования формы. В-третьих, создаёт условия для постепенного перехода от выполнения задания по образцу к самостоятельному конструированию.

Для закрепления материала могут использоваться карточки с морфемами, цифровые конструкторы и задания на восстановление правильной последовательности аффиксов.

6. Система адаптированных упражнений

Предлагаемая модель включает несколько типов упражнений.

Упражнения на распознавание. Студент определяет изучаемую грамматическую форму среди нескольких вариантов.

Пример: **Найдите форму прошедшего времени и объясните, какой элемент указывает на её значение.**

Такое задание может быть представлено в текстовом, аудиальном или интерактивном формате.

Упражнения на сопоставление. Необходимо установить соответствие между формой и её функцией.

Например:

Грамматическая форма	**Значение**
Форма 1	просьба
Форма 2	сообщение о прошлом
Форма 3	запрет

Данный тип задания позволяет сначала сформировать понимание значения, а затем перейти к самостоятельному употреблению формы.

Упражнения на конструирование. Студент получает отдельные элементы и собирает грамматически правильную единицу. Для турецкого языка это могут быть основа и аффиксы. Для арабского языка – элементы морфологической модели. Для персидского языка – компоненты словосочетания.

Алгоритмические упражнения. Особенно полезны для студентов, которым требуется чёткая последовательность действий. Например:

Шаг 1. Прочитайте предложение.

Шаг 2. Найдите основу.

Шаг 3. Определите грамматический показатель.

Шаг 4. Установите значение формы.

Шаг 5. Составьте аналогичное предложение.

Коммуникативные упражнения. После выполнения аналитических заданий грамматическая структура должна использоваться в речи. Примеры:

- составить мини-диалог;
- описать изображённую ситуацию;
- задать вопросы партнёру;
- рассказать о событии;
- выполнить ролевое задание.

Таким образом, грамматика становится средством решения коммуникативной задачи.

Обсуждение. Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости пересмотра традиционного представления о преподавании грамматики как о преимущественно объяснительно-тренировочном процессе. В условиях инклюзивного образования центральным становится не только вопрос о том, какое правило должен усвоить студент, но и вопрос о том, каким образом он получает доступ к этому правилу.

Исследования в области инклюзивной педагогики показывают, что разнообразие обучающихся не должно рассматриваться исключительно как проблема, требующая отдельных компенсаторных решений. Более продуктивным является создание такой образовательной среды, в которой вариативность способов обучения предусмотрена изначально [1; 3].

Применительно к грамматике восточных языков это означает отказ от единственного канала объяснения. Если преподаватель использует только лекционное изложение, часть студентов может испытывать трудности. Если материал представлен исключительно в виде схемы, это также ограничивает возможности некоторых обучающихся. Мультимодальная организация позволяет компенсировать данные ограничения.

Однако мультимодальность не должна превращаться в избыточность. С точки зрения теории мультимедийного обучения важна рациональная организация информации и предотвращение когнитивной перегрузки [8]. Поэтому преподаватель должен отбирать те визуальные, аудиальные и интерактивные элементы, которые действительно помогают понять правило.

Важным является и вопрос дифференциации. В инклюзивной аудитории нецелесообразно создавать полностью изолированные образовательные маршруты для отдельных студентов. Более продуктивной представляется модель общей учебной цели и различных способов её достижения. Все студенты осваивают одну грамматическую категорию, однако степень поддержки и форма выполнения задания могут различаться.

Такой подход имеет особое значение для групповой работы. Совместное выполнение учебных задач способствует не только усвоению материала, но и формированию культуры академического взаимодействия. При правильно организованной парной и групповой работе различия между студентами становятся ресурсом взаимного обучения.

Отдельного внимания заслуживает использование цифровых технологий. Современные образовательные платформы позволяют варьировать сложность заданий, предоставлять автоматическую обратную связь, использовать аудиальное сопровождение и обеспечивать повторное выполнение упражнения. Исследования в области образовательных технологий показывают, что цифровые средства могут расширять доступ к обучению, однако их эффективность зависит от педагогического проектирования [9; 10].

Особый интерес представляют интеллектуальные цифровые инструменты. Они могут использоваться для создания упражнений различного уровня сложности, упрощения формулировок инструкций, преобразования текста в аудио и организации индивидуальной обратной связи. Вместе с тем применение таких средств требует контроля со стороны преподавателя. Автоматически сгенерированное упражнение не всегда учитывает конкретные цели курса, языковую норму и методическую последовательность.

Для вузов Центральной Азии развитие данного направления имеет практическое значение. Расширение программ подготовки специалистов по восточным языкам сопровождается необходимостью обновления методических подходов. В этой связи целесообразно разрабатывать учебные материалы, которые изначально предусматривают различные форматы представления информации и уровни поддержки.

Региональный аспект исследования заключается также в необходимости учитывать языковую ситуацию обучающихся. Студенты могут владеть несколькими языками – узбекским, кыргызским, русским и другими. Это создаёт дополнительные возможности для сопоставительного объяснения грамматических явлений, однако требует осторожности. Сопоставление должно использоваться как средство осознания структуры изучаемого языка, а не как источник механического переноса грамматических моделей.

Таким образом, инклюзивное преподавание грамматики восточных языков следует рассматривать как комплексную методическую систему, включающую:

- лингвистический анализ изучаемого материала;
- определение возможных учебных барьеров;
- вариативность способов объяснения;
- дифференциацию заданий;
- пошаговое формирование навыка;
- коммуникативное применение грамматики;
- использование доступных цифровых технологий;
- регулярную обратную связь.

Заключение. Проведённое исследование показало, что преподавание грамматики арабского, персидского и турецкого языков в инклюзивной образовательной среде требует не упрощения содержания, а изменения способов организации доступа к нему.

Основные трудности усвоения грамматики связаны как с объективной сложностью языковых систем, так и с традиционными способами подачи материала. Единый темп обучения, преобладание одного канала восприятия и перегруженность терминологией могут создавать дополнительные барьеры для студентов с различными образовательными потребностями.

Наиболее перспективной является модель, основанная на сочетании принципов универсального дизайна обучения, дифференциации и мультимодального представления информации. Такая модель предполагает сегментацию сложного материала, использование визуальных и аудиальных опор, пошаговое формирование грамматического навыка, вариативность заданий и обязательный переход от анализа формы к её коммуникативному использованию.

Для арабского языка эффективным является представление грамматики через морфологические модели и визуализацию корневой структуры. При преподавании персидского языка целесообразно использовать линейные схемы, устойчивые конструктивные модели и пошаговые алгоритмы анализа. Для турецкого языка особую значимость имеет морфемное конструирование, позволяющее последовательно проследить процесс образования слова.

Предлагаемая структура инклюзивного занятия включает следующие этапы:

- создание мотивационной и коммуникативной ситуации;
- мультимодальное представление нового материала;
- выполнение заданий по образцу;
- дифференцированную самостоятельную работу;
- применение грамматической конструкции в речи;
- рефлексию и самопроверку.

Региональный контекст Узбекистана и Кыргызстана подтверждает необходимость дальнейшего развития методических исследований в области инклюзивного преподавания иностранных и восточных языков. Перспективными направлениями являются разработка специальных учебно-методических комплексов, проведение эмпирических исследований с участием студентов различных категорий, создание доступных цифровых ресурсов и повышение квалификации преподавателей.

Таким образом, инклюзивное преподавание грамматики восточных языков представляет собой не дополнительный компонент традиционной методики, а направление её качественного развития. Чем точнее преподаватель учитывает особенности изучаемой языковой системы и разнообразие способов восприятия учебного материала, тем выше вероятность достижения устойчивого и осмысленного результата.

Список использованной литературы

1. Florian L., Black-Hawkins K. Exploring inclusive pedagogy // British Educational Research Journal. – 2011. – Vol. 37, № 5. – P. 813–828. – DOI: 10.1080/01411926.2010.501096.
2. UNESCO. A Guide for Ensuring Inclusion and Equity in Education. – Paris: UNESCO, 2017. – 46 p. – DOI: 10.54675/MHHZ2237.
3. CAST. Universal Design for Learning Guidelines. Version 2.2. – Wakefield, MA: CAST, 2018.
4. Tomlinson C. A. How to Differentiate Instruction in Academically Diverse Classrooms. – 3rd ed. – Alexandria, VA: ASCD, 2017. – 186 p.
5. Mardieva Sh. A. Oliy ta’lim muassasalarida talabalarni inklyuziv ta’limga jalb etish // Tamaddun Nuri. – 2025. – № 2 (65). – P. 146–149. – DOI: 10.69691/zper2153.
6. Norbayeva I. A. Modern Educational Technologies for Teaching Foreign Languages in Inclusive Education // Modern Science and Research. – 2025. – Vol. 4, № 4. – P. 1065–1068. – DOI: 10.71337/inlibrary.uz.science-research.79165.
7. Барсанаева Д. С. Педагогические условия социализации детей в школе через инклюзивное образование: дис. ... канд. пед. наук. – Бишкек, 2019.
8. Mayer R. E. Multimedia Learning. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
9. Warschauer M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
10. VanLehn K. The relative effectiveness of human tutoring, intelligent tutoring systems, and other tutoring systems // Educational Psychologist. – 2011. – Vol. 46, № 4. – P. 197–221.

11.Qurbonov B. O‘zbek tilidagi forscha o‘zlashmalar xususida // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. – 2025. – Vol. 5, № 3. – P. 450–455.
12.Мусина С., Муканова С., Серебряникова М. Обучение иностранному языку в инклюзивной образовательной среде университета // Scientific Journal of Pedagogy and Economics. – 2025. – Vol. 413, № 1. – P. 271–283. – DOI: 10.32014/2025.2518-1467.896.
13.Ruziyeva N. Z. Developing Students’ Speech Competence in Inclusive Education // Современные подходы в преподавании иностранных языков. – Самарканд: СамГИИЯ, 2025. – С. 78–85.
14.Boltakulova G. Inclusive Education and Social Integration: Practical Approaches // Journal of Advanced Research in Education. – 2025. – Vol. 4, № 2. – P. 15–22.

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор Шаршенова Р. М.

УДК 81'272:004.7

Чонмурунова Н.Ж., Бхавана
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Джавахарлал Неру университети
Чонмурунова Н.Ж., Бхавана
КНУ имени Жусупа Баласагына
Университет имени Джавахарлала Неру
Chonmurunova N.Zh., Bhavana
KNU Jusup Balasagyn
Jawaharlal Nehru University

ЗАМАНБАП ОКУТУУЧУНУН ОРУС ТИЛИН ЧЕТ ТИЛ КАТАРЫ ОКУТУУДАГЫ САНАРИПТИК КУРАЛДАРЫ
ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ОБЛАСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
DIGITAL TOOLS FOR MODERN TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Кыскача мүнөздөмө: Макалада орус тилин чет тил катары окутууда санариптик куралдарды колдонуу мүмкүнчүлүктөрү каралат. Адабияттарды талдоо жана функционалдык классификациялоо аркылуу санариптик ресурстар системалаштырылып, аларды Кыргызстандагы билим берүү шартында натыйжалуу тандоо боюнча сунуштар берилет.

Аннотация: В статье рассматриваются цифровые инструменты преподавания русского языка как иностранного. На основе анализа научной литературы и функциональной классификации систематизированы цифровые ресурсы и предложены рекомендации по их методически обоснованному применению с учётом образовательного контекста Кыргызстана.

Abstract: The article examines digital tools for teaching Russian as a foreign language. Through literature analysis and functional classification, digital resources are systematized and recommendations are developed for their pedagogically appropriate use in the educational context of Kyrgyzstan.

Негизги сөздөр: санариптик компетенциялар; санариптик сабаттуулук; санариптик технологиялар; социалдык тармактар; тиркемелер; МКТ компетенциялары.

Ключевые слова: цифровые компетенции; цифровая грамотность; цифровые технологии; социальные сети; приложения; ИКТ-компетенции.

Keywords: digital competencies; digital literacy; digital technologies; social media; applications; ICT competencies.

1. Introduction. In recent years, young people from Pakistan, India, and Turkey have shown interest in studying in Russia and other CIS countries, especially Kyrgyzstan; Indian and Pakistani students are primarily oriented toward medical education. The pandemic and the subsequent years made the online format particularly relevant, so teachers mastered various platforms; however, systematic work on developing digital competencies is needed. ICT contributes to the formation of communicative competence, and digital transformation expands opportunities for organizing instruction, delivering materials, communication, and assessment, while supporting independent learning and a variety of teaching methods. This is especially important for teaching Russian as a foreign language, where vocabulary, grammar, reading, writing, listening, and speaking must be developed. In Kyrgyzstan, Russian-language education takes place in a multilingual environment, so international digital approaches should be combined with local needs. Digital tools help practice vocabulary, create contextual materials, organize collaborative work and oral communication, but their value depends on alignment with learning objectives, students' proficiency levels, and the teacher's methodology.

International research emphasizes the importance of teachers' digital competence and the purposeful integration of technology into language instruction [2–5]. Studies by Kyrgyzstani scholars B. K. Kalmanbetova, A. B. Adigineeva, G. S. Tagaeva, and E. A. Supataeva also address digital technologies in teaching Russian as a foreign, non-native, and professional language [6–9]. These studies provide a national context for examining the practical application of digital resources. The aim of this study is to classify digital tools used in RFL instruction and identify their potential methodological applications in light of international research and the experience of Kyrgyzstan. The research objectives are to examine relevant international and national studies, classify digital tools by instructional function, identify their potential for developing language skills, and formulate practical recommendations while considering technical and pedagogical limitations.

The object of the study is the teaching of Russian as a foreign language in a digital educational environment. The subject is the functional and methodological potential of digital tools used in RFL instruction. The scientific novelty lies in developing a functional classification that links digital tools to specific language-learning objectives while incorporating research conducted in Kyrgyzstan.

The practical significance lies in applying this classification to lesson planning, the development of learning materials, and the organization of independent study. The proposed framework is analytical and does not constitute an experimentally validated ranking of platform effectiveness.

2. Literature Review

2.1. International Research on Digital Competence and Language Education. The theoretical foundation of this study includes research on teachers' digital competence, technology-enhanced language learning, computer-assisted instruction, and mobile learning.

M. S. Tsvetkova and V. M. Kiryukhin emphasize the importance of teachers' digital competence in contemporary education [1]. In RFL instruction, this competence involves not only operating digital tools but also selecting appropriate resources, designing learning activities, and assessing their educational value.

C. Redecker's *European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu* identifies key areas of digital competence, including the use of resources, teaching, assessment, and learner empowerment [2]. Although the framework is not specifically designed for teaching Russian, its principles can be adapted to language-learning objectives.

G. Kessler highlights the changing role of technology in language education and the need to integrate digital resources into teaching practice [3]. C. A. Chapelle emphasizes the importance of evaluating computer-assisted language learning in relation to instructional objectives and learning outcomes [4]. A. Kukulska-Hulme, H. Lee, and L. Norris examine mobile learning opportunities, including vocabulary practice, listening activities, and independent study [5].

Collectively, these studies suggest that digital tools should be selected according to learning objectives and integrated into a methodologically coherent teaching process. Their effectiveness depends not only on technical capabilities but also on task design, learner needs, and assessment.

2.2. Digital Technologies in Russian-Language Education in Kyrgyzstan. Research conducted in Kyrgyzstan provides a national perspective on digital technologies in Russian-language education. Relevant studies were published in the 2024 conference collection *Outstanding Russian Language Scholars of Kyrgyzstan*.

B. K. Kalmanbetova examines the linguistic and didactic aspects of digital technologies in teaching Russian as a foreign language [6]. A. B. Adigineeva focuses on digital technologies in teaching professional Russian, highlighting their relevance to academic and professional communication [7]. G. S. Tagaeva addresses the influence of digital technologies on teaching Russian as a non-native language [8], while E. A. Supataeva considers the use of information and communication technologies in Russian-language instruction [9].

These studies establish the relevance of digital resources to language education in Kyrgyzstan and underline the importance of considering learners' needs and instructional contexts. However, the availability of digital platforms does not mean that all tools are equally suitable for every educational objective.

The present study brings international frameworks and Kyrgyzstani research together to develop a functional classification of digital tools for RFL instruction. It distinguishes resources according to their potential roles in course management, language practice, communication, content creation, and assessment. The contribution lies in relating these functions to the methodological needs of Russian-language education in Kyrgyzstan rather than claiming that such classification is entirely new.

3. Research Methods. The study employs an analytical and descriptive approach combining scholarly literature review with functional analysis of digital tools for teaching Russian as a foreign language (RFL). The research methods include literature analysis to examine international and Kyrgyzstani studies on digital competence and technology-enhanced language learning; systematization and functional classification to group digital resources by their educational purposes; comparative-descriptive analysis to identify their potential applications and limitations; methodological modeling to develop illustrative classroom activities; and generalization to formulate practical recommendations. The research was conducted in four stages: reviewing theoretical approaches, examining the Kyrgyzstani educational context, classifying digital resources by function, and developing examples of classroom application and recommendations. The study is based on scholarly publications and the stated functions of selected digital platforms. It does not include experiments, surveys, classroom observations, or statistical measurements of learning outcomes. Therefore, the findings describe potential educational applications rather than establish a causal relationship between digital tool use and language proficiency.

4. Results and Discussion

4.1. Digital Competence in Teaching Russian as a Foreign Language. The analysis of international and Kyrgyzstani research indicates that the use of digital tools requires the integration of technological skills with methodological decision-making. For the purposes of RFL instruction, the following components of teachers' digital competence can be distinguished:

Information competence: searching for, selecting, and evaluating digital learning materials.

Technological competence: using the functions of educational platforms and applications.

Methodological competence: matching digital activities to lesson objectives and students' proficiency levels.

Communicative competence: organizing meaningful interaction between students and teachers.

Assessment competence: interpreting the results of digital assignments and identifying learning needs.

Ethical competence: observing privacy, copyright, and digital safety requirements.

These components are interconnected. A teacher may be able to create an interactive exercise but still need to determine whether the exercise is appropriate for the students' level and whether it develops the intended skill.

For example, a multiple-choice test can help identify whether students recognize a grammatical form. To determine whether they can use the form independently, the teacher must also provide opportunities for sentence construction, dialogue, or written communication.

This distinction is central to digital RFL instruction. Digital exercises are most useful when they form part of a learning sequence that progresses from recognition and comprehension to guided practice and independent language use.

4.2. Functional Classification of Digital Tools. The analysis identified several functional categories of digital resources for teaching Russian as a foreign language (RFL). The selected platforms are illustrative rather than exhaustive.

1. Course management: Google Classroom and Microsoft Teams are used to distribute materials, assign tasks, and organize communication.

2. Oral communication: Zoom and Microsoft Teams support online lessons, dialogues, discussions, and oral presentations.

3. Collaborative learning: Padlet and Mentimeter facilitate brainstorming, group discussions, and response collection.

4. Vocabulary learning: Quizlet and Wordwall support vocabulary revision, flashcards, and matching exercises.

5. Interactive exercises: LearningApps, Wordwall, and Educaplay provide grammar practice, sequencing, and multiple-choice tasks.

6. Multimedia creation: Canva and Genially enable the development of presentations, visual materials, and interactive resources.

7. Assessment and feedback: Google Forms, Kahoot!, and Online Test Pad support quizzes, comprehension checks, and formative assessment.

8. Electronic learning materials: Russian-language educational portals, including Russian Electronic School, provide texts, audio, and multimedia resources.

Note. Platform availability, functions, and pricing may change and should be verified before use. The analysis shows that the effectiveness of digital resources depends on their alignment with learning objectives. Some platforms serve multiple purposes: Microsoft Teams supports both course management and communication, while Wordwall enables various interactive language exercises [10].

4.3. Digital Tools for Vocabulary and Grammar Development. Vocabulary and grammar are essential components of communicative competence. Digital tools such as Quizlet, Wordwall, and LearningApps can be used to support the presentation, practice, and revision of language material.

For example, when teaching the topic “University Life,” a teacher can prepare electronic flashcards containing words such as *lecture*, *timetable*, *student dormitory*, *library*, *examination*, and *academic department*. Students can match words with definitions, images, or example sentences.

The activity can be extended through a sequence of tasks:

Students identify the meaning of new words.

They match words with definitions or illustrations.

They complete sentences using the new vocabulary.

They prepare short dialogues related to university life.

They write a short description of their university or daily academic routine.

This sequence connects vocabulary recognition with independent language production.

Digital tools can also support grammar practice. When teaching the Russian prepositional case, for example, students can complete exercises requiring them to select the appropriate form in sentences such as *Я учусь в университете* and *Книга лежит на столе*. The teacher can then ask students to formulate their own sentences and use the relevant structures in a dialogue.

The main methodological advantage of interactive exercises is that they provide opportunities for repeated practice and immediate feedback in tasks that support automatic checking. However, correct

answers in a closed-ended exercise do not necessarily indicate that students can use a grammatical structure in spontaneous communication.

Therefore, interactive exercises should be combined with productive tasks, including dialogue construction, sentence completion, short written texts, and discussion.

4.4. Developing Reading and Writing Skills. Digital platforms can facilitate the distribution of texts, the submission of assignments, and the provision of feedback. Google Classroom and Microsoft Teams can be used to organize written work, while Google Forms and similar services can support selected types of reading-comprehension assessment.

A lesson based on a Russian-language text may include the following stages:

Introducing the topic and key vocabulary.

Reading the text and identifying its main idea.

Locating specific information and interpreting unfamiliar words.

Preparing a summary or written response.

Reviewing feedback and revising the text.

For example, students may read an adapted text about higher education in Kyrgyzstan, identify its main points, and prepare a short written commentary. This activity integrates reading comprehension, vocabulary development, and writing.

For professional Russian, digital materials can also be selected according to students' academic or professional needs. This approach is consistent with the subject addressed in Adigineeva's research on digital technologies in teaching professional Russian [7].

However, specialized materials must be adapted to students' proficiency levels. Authentic professional texts may contain terminology, complex sentence structures, or background information that is difficult for learners. Teachers should therefore provide vocabulary support, clear instructions, and tasks appropriate to the intended outcomes.

Digital platforms can simplify the management of written assignments, but they cannot replace methodological guidance. Writing activities should require students to formulate their own ideas, organize information, and apply language structures in context.

4.5. Developing Listening and Speaking Skills. Listening and speaking require opportunities to process spoken language and participate in meaningful communication. Videoconferencing tools, audio recordings, and video materials can support these activities.

Zoom and Microsoft Teams can be used to organize online lessons, pair work, and group discussions. Audio and video materials can provide examples of pronunciation, vocabulary in context, and everyday or academic communication.

For example, when studying the topic "Around the City," students can listen to a dialogue in which one person asks for directions. They then identify key expressions, answer comprehension questions, reconstruct the route, and perform their own dialogue.

A sequence for developing speaking skills may include: listening to or watching a model dialogue; identifying the main idea and key expressions; completing a short comprehension activity; practicing a dialogue using a model; producing an original dialogue in a new situation.

This approach links receptive and productive skills. It also ensures that listening activities are followed by opportunities to use the language independently.

In multilingual groups, teachers should consider differences in pronunciation, listening comprehension, and vocabulary knowledge. Replaying audio materials, providing transcripts when appropriate, and introducing key expressions before listening can help make activities more accessible.

Digital communication tools can extend opportunities for oral practice, but the educational value of these activities depends on student participation and the quality of interaction. Watching a video or joining an online meeting does not automatically ensure that students develop speaking competence.

4.6. Multimedia Content and Collaborative Learning. Canva and Genially can be used to prepare visual presentations, diagrams, illustrations, and interactive materials. These resources may be useful for introducing vocabulary, explaining sequences, and presenting communicative situations.

For example, a teacher introducing the topic "City and Transport" can prepare a visual map containing locations such as a university, a library, a hospital, and a bus station. Students can use the map to practice asking for directions and describing routes.

Padlet and Mentimeter can support collaborative activities by allowing students to contribute ideas and responses. Before reading a text, the teacher might ask students to share associations with the topic. After reading, they can summarize the main ideas or formulate questions for discussion.

Such activities can encourage participation and provide a structure for collaborative learning. They may be particularly useful when students need time to formulate responses before presenting them to the group.

Nevertheless, visual and interactive resources should serve the learning objective. Excessive animation, decorative elements, or large amounts of information can distract students from the language material. Teachers should prioritize clarity, appropriate vocabulary, and meaningful interaction.

4.7. Digital Assessment and Feedback. Digital assessment tools can support formative assessment, provide information about common errors, and simplify the collection of student responses.

Google Forms, Kahoot!, and Online Test Pad can be used for selected types of grammar, vocabulary, and reading-comprehension tasks. For example, a teacher may prepare a short test on the use of Russian case forms and then ask students to construct original sentences using the same grammatical structures.

Digital assessment offers several potential advantages. It can reduce the time needed to check closed-ended questions, help identify frequently occurring errors, and provide an overview of students' responses.

However, automated assessment has limitations. It may not adequately evaluate the coherence of a written text, the appropriateness of language use in a particular context, the quality of argumentation, or spontaneous oral communication. These aspects require additional assessment methods, including teacher feedback, oral tasks, written assignments, and observation of student performance.

Feedback should explain the nature of an error and, where possible, suggest how it can be corrected. In RFL instruction, this is important because errors may arise from differences between Russian and students' first languages, insufficient understanding of grammatical rules, or limited vocabulary.

Accordingly, digital tests should form part of a broader assessment system rather than serve as the sole measure of communicative competence.

4.8. Methodological and Technical Limitations. The analysis identifies several limitations that teachers should consider when integrating digital tools into RFL instruction.

Access to technology. Students may have unequal access to devices, reliable internet connections, and suitable learning environments. Teachers should consider alternative ways of accessing materials and completing assignments.

Differences in language proficiency. Resources designed for native speakers may be too difficult for learners of Russian. Teachers need to evaluate the complexity of texts, vocabulary, grammatical structures, and instructions before using materials.

Limits of automated feedback. Correct responses in digital tests do not establish that students can use language independently in communication. Productive tasks remain necessary.

Excessive use of platforms. Requiring students to work across too many digital services can complicate the learning process. A limited set of complementary tools may be more manageable.

Digital safety and privacy. Teachers should consider account requirements, the collection of personal information, copyright restrictions, and the conditions under which student work is shared.

Methodological mismatch. A resource may offer technically advanced features without being appropriate for a particular learning objective. The teacher should select tools according to their instructional value rather than their novelty.

These limitations are particularly relevant when applying digital technologies in multilingual educational environments. They support the need for teachers to combine technological competence with methodological planning and awareness of students' learning conditions.

5. Conclusions and Recommendations. This study examined digital tools for teaching Russian as a foreign language (RFL), combining international approaches to digital competence and technology-enhanced language learning with research conducted in Kyrgyzstan.

The analysis identified functional categories of digital resources, including course management, vocabulary and grammar practice, reading, writing, listening, speaking, collaborative learning, multimedia creation, and assessment. These tools can expand learning opportunities, facilitate communication, and support independent language practice.

However, their effectiveness depends on alignment with learning objectives, content quality, students' proficiency levels, and teachers' digital and methodological competence. Digital resources should complement rather than replace traditional teaching methods and meaningful language interaction.

The following recommendations are proposed:

Align tools with learning objectives and the language skills being developed.

Sequence activities progressively, from language recognition to independent use.

Adapt materials to students' proficiency levels and educational needs.

Combine digital exercises with communication, including dialogues, discussions, and writing tasks.

Use comprehensive assessment, integrating automated tests with oral and written assignments.

Consider Kyrgyzstan's multilingual context and students' academic and professional needs.

Prioritize accessibility and digital safety, including privacy, copyright, and internet availability.

Develop teachers' digital competence through training in technology integration, task design, and assessment. The scientific contribution of this study lies in integrating international approaches and Kyrgyzstani research into a functional framework for selecting digital resources for RFL instruction. This framework can support lesson planning and the development of learning materials for international students. The main limitation is the absence of experimental data; therefore, the study does not establish a causal relationship between digital tool use and improved language proficiency. Future research should test the proposed framework in classroom settings and evaluate its impact on learning outcomes.

In conclusion, effective digital language teaching requires purposeful tool selection, appropriate materials, active student participation, and systematic assessment. Combining international approaches with Kyrgyzstani research offers a foundation for further development of digitally supported Russian-language education.

References

1. Tsvetkova M. S., Kiryukhin V. M. Advanced Digital Competence of the Teacher // Teacher Education in the 21st Century. – IntechOpen, 2019. – DOI: 10.5772/intechopen.83788.

2. Redecker C. European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu / ed. by Y. Punie. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. – DOI: 10.2760/159770.

3. Kessler G. Technology and the Future of Language Teaching // Foreign Language Annals. – 2018. – Vol. 51, № 1. – P. 205–218. – DOI: 10.1111/flan.12318.

4. Chapelle C. A. Computer Applications in Second Language Acquisition: Foundations for Teaching, Testing and Research. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – DOI: 10.1017/CBO9781139524681.

5. Kukulska-Hulme A., Lee H., Norris L. Mobile Learning Revolution: Implications for Language Pedagogy // The Handbook of Technology and Second Language Teaching and Learning / ed. by C. A. Chapelle, S. Sauro. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2017. – P. 217–233. – DOI: 10.1002/9781118914069.ch15.

6. Kalmanbetova B. K. The Use of Digital Technologies in Teaching Russian as a Foreign Language and Their Linguistic and Didactic Description // Outstanding Russian Language Scholars of Kyrgyzstan: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Commemorating the 100th Anniversary

of L. A. Sheiman and G. S. Zenkov. – Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University, 2024. – P. 194–198. – ISBN 978-9967-36-059-4.
7. Adigineeva A. B. The Use of Digital Technologies in Teaching Professional Russian // Outstanding Russian Language Scholars of Kyrgyzstan: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Commemorating the 100th Anniversary of L. A. Sheiman and G. S. Zenkov. – Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University, 2024. – P. 28–34. – ISBN 978-9967-36-059-4.
8. Tagaeva G. S. The Influence of Digital Technologies on Improving the Quality of Teaching Russian as a Non-Native Language // Outstanding Russian Language Scholars of Kyrgyzstan: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Commemorating the 100th Anniversary of L. A. Sheiman and G. S. Zenkov. – Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University, 2024. – P. 299–304. – ISBN 978-9967-36-059-4.
9. Supataeva E. A. Information and Communication Technologies in Teaching Russian // Outstanding Russian Language Scholars of Kyrgyzstan: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Commemorating the 100th Anniversary of L. A. Sheiman and G. S. Zenkov. – Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University, 2024. – P. 286–292. – ISBN 978-9967-36-059-4.
10.Microsoft Support. Skype Is Retiring in May 2025: What You Need to Know [Электронный ресурс]. – URL: https://support.microsoft.com/en-us/skype/f596c90a-b3b0-42c2-b120-d0630642f1f9 (дата обращения: 20.10.2026).
11.Google Classroom: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://classroom.google.com/ (дата обращения: 20.10.2026).
12.Zoom for Education: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.zoom.com/en/products/collaboration-tools/solutions/education/ (дата обращения: 20.10.2026).
13.Padlet: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://padlet.com/ (дата обращения: 20.10.2026).
14.Wordwall: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://wordwall.net/ (дата обращения: 20.10.2026).
15.Quizlet: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://quizlet.com/ (дата обращения: 20.10.2026).
16.LearningApps.org: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://learningapps.org/ (дата обращения: 20.10.2026).
17.Canva: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.canva.com/ (дата обращения: 20.10.2026).
18.Genially: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://genially.com/ (дата обращения: 20.10.2026).
19.Google Forms: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://forms.google.com/ (дата обращения: 20.10.2026).

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Мамытова А.К.

УДК:37.013:37.018

Чжоу Чэн Ю., Баялиева А.С.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Чжоу Чэн Ю., Баялиева А.С.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Zhou Chengyu.,Bayalieva A.S.
KNU Jusup Balasagyn

КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН МЕКТЕПКЕ ЧЕЙИНКИ БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАЛАРЫНА ЭТНОМАДАНИЯТТЫ ИНТЕГРАЦИЯЛООНУН АБАЛЫ ЖАНА ОПТИМАЛДАШТЫРУУ ЖОЛДОРУ

СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ И КЫРГЫЗСТАНА

CURRENT STATE AND OPTIMIZATION PATHWAYS FOR INTEGRATING ETHNOCULTURE INTO THE PRESCHOOL EDUCATION SYSTEMS OF CHINA AND KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Этномаданиятты мектепке чейинки билим берүү системасына интеграциялоо улуттук билим берүүнүн мазмунун байытуучу маанилүү иш-чара болуп саналат. Ошондой эле Кытай менен Кыргызстандын маданий-билим берүү кызматташтыгынын негизги багыттарынын бири катары каралат. Макалада эки өлкөнүн мектепке чейинки билим берүү практикасында этникалык маданиятты интеграциялоо тажрыйбалары изилдөөнүн объектиси катары алынган. Изилдөөдө бул процесстин азыркы абалы өз ара байланышкан төрт багыт боюнча системалуу талданат: ресурстук камсыздоо, институционалдык кепилдик механизмдери, билим берүүнүн сапатын жогорулатуу жана маданий интеграция. Типтүү практикалык учурларды жалпылоо аркылуу эки тарап туш болгон жалпы көйгөйлөр жана өзгөчө кыйынчылыктар аныкталат. Кытай менен Кыргызстандын ресурстук потенциалы жана артыкчылыктары эске алынып, максаттуу жана ишке ашырууга мүмкүн болгон оптималдаштыруу жолдору сунушталат. Изилдөөнүн жыйынтыктары мектепке чейинки билим берүү тармагында кытай-кыргыз кызматташтыгын тереңдетүүгө жана мектепке чейинки баскычта этномаданияттын натыйжалуу мурасталышына практикалык негиз катары кызмат кыла алат.

Аннотация: Интеграция этнокультуры в систему дошкольного образования является важным направлением, способствующим обогащению содержания национального образования. Одновременно она рассматривается как одно из ключевых направлений культурно-образовательного сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном. В статье в качестве объекта исследования рассматриваются практики интеграции этнической культуры в дошкольное образование двух стран. Проводится системный анализ современного состояния данного процесса по четырём взаимосвязанным направлениям: ресурсное обеспечение, институциональные механизмы поддержки, повышение качества образования и культурная интеграция. На основе обобщения типичных практических примеров выявляются общие проблемы и специфические вызовы, с которыми сталкиваются обе стороны. С учётом ресурсного потенциала и преимуществ Китая и Кыргызстана предлагаются целенаправленные и реализуемые пути оптимизации. Полученные результаты могут служить практической основой для углубления китайско-кыргызского сотрудничества в сфере дошкольного образования и содействовать эффективной передаче этнокультурного наследия на этапе дошкольного образования.

Abstract: The integration of ethnoculture into preschool education represents an important approach to enriching the content of national education and preserving cultural heritage. At the same time, it constitutes one of the key directions of cultural and educational cooperation between China and Kyrgyzstan. This article examines practices of ethnocultural integration in preschool education in both countries. A systematic analysis of the current state of this process is conducted across four interrelated dimensions: resource provision, institutional support mechanisms, quality enhancement in education, and cultural integration. Through the synthesis of representative practical cases, the study identifies common issues as well as context-specific challenges faced by both sides. Taking into account the resource potential and complementary advantages of China and Kyrgyzstan, the paper proposes targeted and feasible optimization pathways. The findings may serve as a practical foundation for strengthening China–Kyrgyzstan cooperation in the field of preschool education and for promoting the effective transmission of ethnocultural heritage at the preschool stage.

Негизги сөздөр: кытай-кыргыз билим берүү кызматташтыгы; мектепке чейинки билим берүү; этномаданият; интеграциялоо; маданий мурас; педагогикалык практика.

Ключевые слова: китайско-кыргызское образовательное сотрудничество; дошкольное образование; этнокультура; интеграция; культурное наследие; педагогическая практика.

Keywords: China–Kyrgyzstan educational cooperation; preschool education; ethnoculture; integration; cultural heritage; pedagogical practice.

1.Introduction. As the starting point of the national education system, preschool education is a key position for the enlightenment and inheritance of ethnic culture. Deeply integrating ethnic culture into the teaching and practice of preschool education is not only an inevitable requirement for safeguarding the diversity of ethnic cultures, but also an important way to enhance the localization and characteristic connotation of preschool education [1].

Kyrgyzstan, relying on its unique cultural resources such as grassland nomadic civilization and the Epic of Manas, has formed a preschool education cultural core with distinct regional characteristics. In ethnic areas of China, a diversified model of ethnic culture integration in preschool education has been constructed with bilingual teaching, ethnic traditional games and folk culture experience as the core, and a wealth of characteristic practical cases have emerged in various regions [2]. Thus, the two countries have a natural cooperative compatibility in the field of cultural inheritance and preschool education integration.

Furthermore, with the continuous deepening of China-Kyrgyzstan educational cooperation, the scope of bilateral cooperation has expanded from higher education and vocational education to preschool education, with the successive implementation of practices such as joint training of preschool teachers, pairing assistance between kindergartens, and educational policy exchanges [3]. In 2025, both countries updated their relevant preschool education policies to further strengthen the core requirement of ethnic culture integration [4].

At present, academic research in this field mostly focuses on the practical exploration of a single country, lacking a systematic comparison and in-depth analysis of the implementation effects of ethnic culture integration in preschool education between China and Kyrgyzstan. Moreover, existing studies mostly focus on the practice of cross-border ethnic cultural inheritance [5], with insufficient discussion on the path of ethnic cultural co-inheritance under the background of China-Kyrgyzstan bilateral educational cooperation. Based on this, this paper takes the latest policies and practices of the two countries as the foundation, analyzes the current situation of ethnic culture integration combined with typical cases, sorts out the core problems, and puts forward optimization paths, so as to provide targeted references for cultural and educational cooperation in preschool education between China and Kyrgyzstan.

2. Current Situation of Ethnic Culture Integration in Preschool Education between China and Kyrgyzstan. Both China and Kyrgyzstan have incorporated ethnic cultural inheritance into the core goals of preschool education development, and further improved the policy system and strengthened practical implementation in 2025 [4]. However, affected by factors such as economic development level, resource guarantee capacity and cultural development background, the two countries show differentiated development characteristics in the integration of ethnic culture into preschool education.

China has formed a systematic integration model and is moving towards connotative improvement, with various kindergartens developing a wealth of characteristic practical cases [2]; Kyrgyzstan is in the stage of resource expansion and basic model construction, forming some regional typical experiences relying on international cooperation and local exploration, and China-Kyrgyzstan educational cooperation has provided an important external support for Kyrgyzstan's practice of ethnic culture integration in preschool education [3].

2.1 Resource Supply: Comprehensive Coverage and Sound Supporting Facilities in China, Steady Expansion with Urban-Rural Imbalance in Kyrgyzstan. Through years of policy promotion, China has achieved comprehensive coverage of resources for ethnic culture integration in preschool education. In 2023, the gross enrollment rate of three-year preschool education in China reached 91.1%, and

that in ethnic areas exceeded 80 per cent [6]. All regions have improved hardware supporting facilities and resource development around the integration of ethnic culture.

Ethnic areas such as Changji Hui Autonomous Prefecture and Bayingolin Mongolian Autonomous Prefecture, Baicheng County in Xinjiang have invested special funds to renovate ethnic culture education facilities, build characteristic cultural resource databases of the Kazakh and Uyghur ethnic groups, and realize full coverage of ethnic cultural activities and teaching resources in public kindergartens; kindergartens in inland areas have also created characteristic spaces combined with regional culture. For example, the Kindergarten Affiliated to China Women's University has built the "Baicaoyuan" folk culture experience area, integrating traditional farming culture and folk craft experience, which has become a typical resource carrier for the integration of Han traditional culture into preschool education [2]. Thus, the allocation of resources for ethnic culture integration in preschool education between urban and rural areas has tended to be balanced.

Kyrgyzstan has added 560 preschool education institutions by 2025, with the number of standardized full-time kindergartens reaching 1,997, realizing the steady expansion of resources for ethnic culture integration in preschool education [4]. However, there is a prominent imbalance in the distribution of such resources between urban and rural areas and among different groups.

According to the relevant data of the United Nations Children's Fund in 2025, the offering rate of ethnic culture courses in urban kindergartens of Kyrgyzstan reached 81 per cent, and most of them are equipped with basic resources such as ethnic culture activity rooms and nomadic civilization exhibition corners; only 23 per cent of kindergartens in rural areas offer ethnic culture courses, with a serious shortage of professional teaching aids and characteristic spaces; the participation rate of preschool education for children from high-income families exceeds 50 per cent, while that for children from low-income families and remote nomadic tribes is less than 20 per cent. Only in Osh Oblast, supported by China-Kyrgyzstan cooperation, three preschool education institutions with supporting ethnic culture activity corners have been built, equipped with felt crafts, epic story picture books and other resources, becoming a regional demonstration sample for the integration of ethnic culture into preschool education in rural Kyrgyzstan [3].

2.2 Guarantee Mechanism: Sound System with Strong Support in China, Initial Construction with Heavy Dependence on External Support in Kyrgyzstan. China has constructed a comprehensive guarantee mechanism for the integration of ethnic culture into preschool education covering funds, teachers, institutions and supervision. The national fiscal expenditure on preschool education reached 298.22 billion yuan in 2022, and ethnic areas such as Xinjiang and Inner Mongolia have set up special funds for cultural and educational development, with the special funds of all provinces exceeding 200 million yuan in 2025[6], providing a solid financial guarantee for the development of ethnic cultural resources and the organization of characteristic activities in kindergartens.

The proportion of kindergarten principals and full-time teachers with college degrees or above in ethnic areas reaches 93.1 per cent, and 85 per cent of them have the ability of bilingual teaching and ethnic cultural activity organization. All regions regularly carry out ethnic culture education and training. For example, Yunnan and Qinghai provinces organize preschool teachers to learn ethnic singing and dancing as well as traditional crafts, effectively improving their practical teaching ability [7]; a four-level supervision and evaluation mechanism has been established, incorporating the integration of ethnic culture into the core indicators of preschool education assessment, and realizing full coverage of cultural education subsidies for children from special groups [8]. At the same time, China has provided support for Kyrgyzstan through special teacher training and educational policy exchanges. In 2025, Xinjiang Normal University systematically trained 120 preschool teachers for Kyrgyzstan, focusing on consolidating their ability in ethnic culture teaching and activity organization, and helping Kyrgyzstan improve its teacher guarantee system[9].

Kyrgyzstan's fiscal investment in preschool education reached 927 million Kyrgyz som (approximately 70 million Chinese yuan) in 2025, 15 per cent of which is earmarked for the construction of ethnic culture activity rooms. It has realized the automation of education voucher management through the

"Barlak" platform, providing additional fund subsidies for kindergartens offering ethnic culture characteristic courses, and gradually constructing a localized basic guarantee mechanism [4].

Nevertheless, Kyrgyzstan's overall guarantee capacity is weak: 70 per cent of the investment related to ethnic culture integration relies on international aid and China-Kyrgyzstan bilateral cooperation; there is a shortage of more than 3,000 preschool teachers nationwide, with an annual turnover rate of 18 per cent in rural areas, and only 20 per cent of on-the-job preschool teachers have professional educational backgrounds, lacking systematic ability in ethnic culture teaching [4]; a sound supervision and evaluation mechanism for preschool education has not yet been established, and the ethnic culture adaptation support for children with disabilities and other special groups is only piloted in Jalal-Abad Oblast. Through the "Growing in Love" project, characteristic support such as traditional music therapy and felt art crafts is provided for children with disabilities, but it has not been promoted nationwide due to resource constraints [3].

In 2025, China and Kyrgyzstan formally signed the Memorandum of Understanding on Educational Cooperation, incorporating the joint training of preschool teachers and cultural education support for special groups into the core cooperation fields, which provides clear policy support for Kyrgyzstan to improve its guarantee mechanism for ethnic culture integration [10].

2.3 Quality Improvement: Mature Model with Rich Cases in China, Basic Improvement Empowered by Cooperation in Kyrgyzstan. China has realized the transformation of ethnic culture integration in preschool education from "scale coverage" to "connotative quality improvement", forming a mature integration model of "cultural curriculum + activity experience + environmental immersion"[1]. Various kindergartens have developed a wealth of replicable and scalable typical cases based on local cultural characteristics:

Changji Hui Autonomous Prefecture in Xinjiang has developed 20 sets of ethnic culture characteristic curriculum systems and constructed a "1+7+8" cultural education model, deeply integrating ethnic singing and dancing as well as folk games into children's daily teaching; Baicheng County has realized the all-dimensional coverage of ethnic culture education in "curriculum, activities and environment", with full coverage of bilingual teaching in all public kindergartens in ethnic areas under its jurisdiction [2]; the Kindergarten Affiliated to China Women's University has built a folk culture experience space with "Baicaoyuan" as the core, carrying out immersive experience activities such as rice dumpling making for the Dragon Boat Festival, moon cake making for the Mid-Autumn Festival, and traditional farming, and compiled the *Picture Book of Folk Culture Enlightenment* at the same time, deeply integrating Han traditional culture into daily teaching; kindergartens in Guangxi Zhuang Autonomous Region have introduced brocade weaving, bronze drum patterns and Zhuang folk songs into the classroom, building immersive characteristic kindergartens with Zhuang culture [11]. Thus, the systematicness and effectiveness of ethnic culture integration have been significantly improved.

Kyrgyzstan's quality of ethnic culture integration in preschool education is at the stage of basic improvement. In 2025, it updated more than 120 kinds of preschool learning materials containing ethnic cultural content, mainly including the picture books of the Epic of Manas and nomadic life picture books. 75 per cent of children receiving preschool preparatory education nationwide can proficiently use their native language, and remarkable achievements have been made in ethnic language enlightenment [4].

China-Kyrgyzstan bilateral cooperation has become the core driving force for the improvement of Kyrgyzstan's quality of ethnic culture integration: the professional ability of Kyrgyz preschool teachers trained by China has increased by an average of 25 per cent, and they have gradually mastered the design and organization methods of ethnic culture theme activities [9]; 500 sets of ethnic handcraft teaching aids donated by China have covered 12 rural preschool education institutions in Kyrgyzstan, providing hardware support for the regular development of ethnic handcraft courses [10]; two demonstration kindergartens in Xinjiang have established a pairing cooperation relationship with three core preschool education institutions in Bishkek of Kyrgyzstan, realizing the full-process sharing of teaching cases and activity designs. Kyrgyz kindergartens have learned from China's "environmental immersion" model to build characteristic spaces such as nomadic civilization theme walls and ethnic culture exhibition areas [3].

However, Kyrgyzstan still faces prominent problems such as a large regional quality gap and fragmented ethnic culture integration, failing to form a systematic ethnic culture curriculum design system and quality improvement standards, with significantly insufficient connotative development capacity [4].

2.4 Cultural Integration: Distinct Characteristics and Complementary Advantages of the Two Countries, Great Potential for Cooperative Learning. The integration of ethnic culture into preschool education includes four core dimensions: ethnic language teaching, traditional custom enlightenment, cultural activity experience and cultural environment construction [1]. Based on their own cultural backgrounds and educational development levels, China and Kyrgyzstan have formed distinctive practical models of ethnic culture integration, with significant complementarity in policy systems, educational models and cultural resources.

China has incorporated the integration of ethnic culture into the national education development strategy and legal guarantee system, forming a three-dimensional teaching model of "national common language + ethnic language + traditional culture" [12]. The practice of ethnic culture integration of the Han nationality and various ethnic minorities has developed in parallel, and both urban and rural kindergartens have formed mature practical experiences: building localized characteristic teaching materials through curriculum design, carrying out immersive folk custom experience through activity implementation, creating an all-round cultural space through environmental immersion, and realizing the interconnection of high-quality resources through alliance sharing. A multi-level guarantee system including finance, teachers and teaching materials has been formed, realizing full coverage of ethnic culture integration in preschool education between urban and rural areas, and effectively enhancing children's ethnic cultural identity and national identity [2].

Kyrgyzstan focuses on the protection of ethnic languages and the inheritance of grassland nomadic civilization, taking ethnic language teaching as the core, and has formed a relatively systematic ethnic culture integration model in urban areas relying on international projects and China-Kyrgyzstan bilateral cooperation. For example, core kindergartens in Bishkek carry out no less than two theme activities such as the Epic of Manas story telling and nomadic folk custom experience every week, and introduce the "ethnic cultural cognition" evaluation tool at the same time to strengthen children's perception of ethnic culture [4].

Restricted by resources and teachers, rural areas can only carry out ethnic culture enlightenment in simple forms such as ethnic culture activity corners, traditional game experience and felt craft practice, making it difficult to achieve systematic and in-depth cultural integration [3]. Kyrgyzstan's resource support for ethnic culture integration mainly relies on international aid and China-Kyrgyzstan bilateral cooperation. Although remarkable achievements have been made in the popularization of ethnic languages, the coverage in rural areas is insufficient, and the depth, systematicness and sustainability of cultural integration need to be urgently improved [4].

The complementary advantages of China and Kyrgyzstan have laid a solid foundation for deepening bilateral preschool education cooperation: China has a sound policy system, a mature teaching model, rich practical cases, and sufficient resource guarantee capacity [2]; Kyrgyzstan has unique cultural resources such as grassland nomadic civilization and cross-border ethnic cultural inheritance experience [5]. Therefore, the two countries have great potential for cooperative learning and coordinated development.

3. Core Problems of Ethnic Culture Integration in Preschool Education between China and Kyrgyzstan

3.1 Common Problems. Urban-rural development imbalance: High-quality resources for ethnic culture integration in preschool education of both countries are highly concentrated in urban areas. Rural areas are faced with insufficient preschool education institutions, simple hardware facilities and weak professional teachers, with the offering rate of ethnic culture courses and the frequency of cultural activities far lower than those in urban areas [13].

Although rural kindergartens in China have realized full coverage of resources for ethnic culture integration, their characteristic and connotative development level is far lower than that of urban kindergartens, with the lagging construction of immersive cultural experience spaces and systematic

curriculum systems [2]; rural areas in Kyrgyzstan even lack basic teaching resources and professional teachers for ethnic culture, and most kindergartens cannot carry out regular ethnic culture enlightenment activities [4]. The urban-rural dual structure has become a core bottleneck restricting the balanced development of ethnic culture integration in the two countries.

Insufficient policy accuracy: Neither country has formulated differentiated implementation plans for ethnic culture integration for special areas such as multi-ethnic inhabited areas and cross-border ethnic inhabited areas [5], and lacks targeted cultural education support measures for special groups such as nomadic families, low-income families and children with disabilities [8].

Some kindergartens in multi-ethnic inhabited areas of China fail to realize the integrated teaching of various ethnic cultures, with their cultural integration plans lacking localized adaptability [11]; Kyrgyzstan has no effective coping strategies for the mobility of children from nomadic families, making it difficult to achieve the continuity of ethnic culture education [4]. Thus, the adaptability of policy implementation to local reality and children's development needs is significantly insufficient.

Formalization of cultural integration: High-quality resources for ethnic culture education of both countries are concentrated in a small number of demonstration preschool education institutions, with an imperfect resource sharing mechanism, leading to the lack of high-quality cultural resource support for grass-roots kindergartens [1].

Some kindergartens regard ethnic culture integration as a superficial task, lacking systematic curriculum design and activity planning. For example, some kindergartens only carry out simple folk custom activities on traditional festivals, failing to integrate ethnic culture into daily teaching and children's daily life [1], which has a low matching degree with children's cognitive characteristics and development needs, and greatly reduces the effectiveness of ethnic culture integration [7].

3.2 Differentiated Challenges. China is faced with the dual pressure of "connotative quality improvement and deepening" and "comprehensive balanced promotion". With the advancement of the high-quality development of preschool education, the public's demand for the quality of ethnic culture integration in preschool education is increasingly high. However, the quality gap of integration among different regions and kindergartens is still prominent, with insufficient characteristic development of rural kindergartens and kindergartens in inland non-ethnic areas [2].

Some regions have problems of fragmented and superficial cultural integration, and cultural integration education in multi-ethnic inhabited areas puts forward higher requirements for the accuracy of policy design and teaching implementation [11]; how to realize the integration and mutual learning of various ethnic cultures and cultivate children's cross-cultural understanding and communication ability has become an urgent core problem for the integration of ethnic culture into preschool education in China [5].

Restricted by the economic development level, Kyrgyzstan is faced with the dual predicament of "insufficient resource supply" and "weak sustainable development capacity". Kyrgyzstan's overall fiscal investment in preschool education is limited, and the integration of ethnic culture is highly dependent on international aid and China-Kyrgyzstan bilateral cooperation, with weak independent guarantee capacity [4].

Rural areas are faced with a serious shortage of teachers with a high turnover rate and weak infrastructure, making it difficult to support the systematic practice of ethnic culture integration [3]; a localized ethnic culture curriculum system and quality evaluation mechanism have not yet been formed [9], and the mobility of children from nomadic families poses a severe challenge to the continuity of cultural education, resulting in significantly insufficient sustainable development capacity of ethnic culture integration [4].

4. Feasible Optimization Paths of Ethnic Culture Integration in Preschool Education between China and Kyrgyzstan. Based on the current development, typical cases and core problems of ethnic culture integration in Sino-Kyrgyz preschool education, and drawing on the two countries' resource endowments and complementary advantages, this paper proposes targeted and collaborative optimization paths from four dimensions—policy, resources, quality and culture—to advance the high-quality development of this integration [1].

4.1 Mutual Learning of Policies and Constructing a Cultural Inheritance-Oriented Institutional System. Based on the actual educational development and cultural characteristics of the two countries, we should promote the two-way exchange and localized adaptation of policies on ethnic culture integration in preschool education, and construct a preschool education institutional system with cultural inheritance as the core [12].

China should focus on "high-quality balance and connotative deepening", optimize the layout of ethnic culture education resources, promote the radiation and popularization of typical cases and practical experiences of high-quality urban kindergartens to rural areas [2], formulate differentiated ethnic culture integration plans for multi-ethnic inhabited areas and cross-border ethnic areas [5], improve the assessment and incentive mechanism for the effect of cultural integration, and strengthen the accuracy of policy implementation [8].

Kyrgyzstan should focus on "resource expansion and systematic promotion", increase the local fiscal investment in preschool education, set up a special fund for ethnic culture education[4], promote the standardized construction of cultural facilities in rural preschool education institutions, incorporate the ability of ethnic culture teaching into the core admission standards for preschool teachers[9], and construct a closed-loop mechanism of "policy formulation - practical implementation - effect evaluation - optimization and improvement" to improve policy execution capacity[3].

A regular policy dialogue mechanism for ethnic culture integration in preschool education between China and Kyrgyzstan should be established, with special seminars and policy exchange meetings held regularly [3], and the "Guidelines for China-Kyrgyzstan Cooperation on Ethnic Culture Integration in Preschool Education" jointly formulated to clarify the goals, contents and paths of bilateral cooperation; in the meantime, a cross-border ethnic culture education coordination mechanism should be built to jointly develop curriculum and teaching resources for the inheritance of cross-border ethnic cultures such as the Kyrgyz ethnic group [5], ensure the continuity of ethnic culture education for cross-border children, and promote the coordination and institutional co-construction of policies on ethnic culture integration in preschool education of the two countries [10].

4.2 Co-construction and Sharing of Resources and Building a Multi-dimensional and Interconnected Cross-border Cooperation Platform. We should make up for Kyrgyzstan's resource shortcomings through resource interconnection, promote resource sharing between the two countries through platform co-construction, and build an all-round and multi-level cross-border cooperation platform for resources of ethnic culture integration in preschool education [3].

First, deepen the joint training and exchange of teachers: China trains no less than 200 preschool teachers with systematic ethnic culture teaching ability for Kyrgyzstan every year, focusing on training practical abilities such as ethnic cultural activity organization and characteristic cultural space construction [9]; the two countries exchange no less than 50 preschool education personnel every year for teaching exchange and practical research, with Chinese teachers sharing experience in creating characteristic kindergarten cases [2] and Kyrgyz teachers teaching localized methods of nomadic culture enlightenment [4], so as to bidirectionally improve the ethnic culture teaching ability of teachers from both sides [7].

Second, jointly develop characteristic cultural education resources: compile targeted teaching resources such as "China-Kyrgyzstan Ethnic Culture Picture Book for Preschool Children" and "Manual of Ethnic Traditional Games" combined with typical practical cases of the two countries [2], build a digital sharing platform for China-Kyrgyzstan preschool education ethnic culture resources focusing on rural areas of Kyrgyzstan [4], and upload characteristic teaching cases, teaching aid design schemes and curriculum system templates of the two countries to realize the efficient flow of high-quality cultural resources across regions and national borders [1].

Third, strengthen material and infrastructure support: China donates no less than 5 million Chinese yuan of cultural and educational materials and teaching aids to rural preschool education institutions in Kyrgyzstan every year [10] to help them build standardized ethnic culture activity rooms and characteristic cultural experience areas; encourage Chinese educational institutions to participate in the construction of

preschool education infrastructure in Kyrgyzstan, and jointly build China-Kyrgyzstan ethnic culture education demonstration kindergartens [3] to form replicable and promotable localized practical samples [2].

Fourth, create cultural exchange brands: regularly hold two-way exchange activities such as the "China-Kyrgyzstan Folk Culture Experience Week" and "Little Ambassadors of Ethnic Culture"[10], and jointly build preschool education cultural practice bases relying on cultural venues and folk custom bases of the two countries [11] to promote cultural mutual learning and emotional connection between children of the two countries[5].

4.3 Collaborative Improvement of Quality and Deepening bidirectionally Empowered Teaching Practice Cooperation. We should promote quality improvement through bilateral cooperation, learn from typical practical cases of the two countries, drive the collaborative quality improvement of ethnic culture integration in preschool education of the two countries, and deepen bidirectionally empowered teaching practice cooperation on ethnic culture integration [1].

First, carry out the pilot project of China-Kyrgyzstan cooperative preschool education institutions: set up no less than five cooperative pilot kindergartens in core cities of Kyrgyzstan such as Bishkek and Osh for the first time, introduce China's mature model of "cultural curriculum + activity experience + environmental immersion" and experience in creating typical cases [2], and explore localized paths of ethnic culture integration combined with Kyrgyzstan's local cultural characteristics such as nomadic culture and the Epic of Manas [4] to form practical experiences with both international vision and local characteristics [3].

Second, jointly formulate quality evaluation standards for ethnic culture integration in preschool education: incorporate core evaluation indicators such as ethnic language enlightenment, traditional custom experience, cultural environment construction and curriculum system design [1], establish a China-Kyrgyzstan cross-border preschool education quality monitoring and evaluation mechanism [9], and realize the connection and coordination of the quality evaluation systems for ethnic culture integration in preschool education of the two countries [4].

Third, expand the scope of kindergarten pairing cooperation: realize full coverage of pairing between characteristic demonstration kindergartens in ethnic areas and inland China and core preschool education institutions in all oblast of Kyrgyzstan [3], promote the all-round sharing of teaching cases, curriculum resources and activity designs [2], and establish a regular teaching exchange mechanism. Chinese kindergartens provide professional guidance for Kyrgyz kindergartens on the construction of characteristic cultural spaces and systematic curriculum design [9], and Kyrgyz kindergartens share localized practical experience of nomadic culture enlightenment [4].

Fourth, jointly set up special research topics: carry out joint scientific research on themes such as "the path of ethnic culture integration in preschool education", "cross-border ethnic culture enlightenment education" and "research on typical cases of characteristic kindergarten construction" [5], establish a mechanism for sharing and transforming scientific research achievements [7], and guide the practical development of ethnic culture integration in the two countries through theoretical research [1].

Fifth, rely on China's experience in special education development to help Kyrgyzstan improve the guarantee system for ethnic culture integration in preschool education for special groups [8], jointly carry out pilot projects of cultural education support for children with disabilities and nomadic children in rural areas of Kyrgyzstan [4], and improve the inclusiveness and adaptability of ethnic culture integration through characteristic forms such as traditional music therapy and folk craft practice [3; 1].

4.4 Cultural Co-inheritance and Promoting the Inheritance of Ethnic Culture and Cross-cultural Exchange. Taking ethnic cultural inheritance as the core, we should explore the common connotation in the cultures of the two countries, promote the co-inheritance of Chinese and Kyrgyz ethnic cultures combined with the typical practical experiences of both sides, and cultivate children's cross-cultural understanding and communication ability at the same time [5].

China should give play to its advantages in curriculum design, model construction and case creation [2], and Kyrgyzstan should tap its unique resources, such as grassland nomadic civilization and cross-border ethnic culture [4], to jointly develop China-Kyrgyzstan ethnic culture characteristic courses adapted to

children's cognitive characteristics [1]. Through children-friendly forms such as folk games, handcraft making and epic story telling [7], the ethnic cultures of the two countries are deeply integrated into daily teaching, enabling children to perceive the charm of different cultures and establish local cultural identity in the enlightenment stage [12].

We should promote the construction of a tripartite cultural inheritance system of "kindergarten - family - society"[13], learn from the home-kindergarten co-education model of "Baicaoyuan" in the Kindergarten Affiliated to China Women's University[2], and guide families of the two countries to actively participate in ethnic cultural inheritance through forms such as folk exchanges, parent-child folk custom activities and rural cultural festivals[11], so as to integrate ethnic culture into daily life and family upbringing [7].

Explore the friendly cooperation connotation in the cultures of the two countries, integrate the concept of cross-cultural understanding and inclusive mutual learning into the whole process of preschool education [5], and regularly carry out cultural mutual learning activities for Chinese and Kyrgyz children [10]. This enables the inheritance of ethnic culture to become an important link of cultural exchanges between China and Kyrgyzstan [3], and promotes the bidirectional empowerment and coordinated development of cultural integration and preschool education cooperation between the two countries [1].

5. Conclusion. Both China and Kyrgyzstan have made phased practical achievements in the field of ethnic culture integration in preschool education: China has constructed a comprehensive ethnic culture integration system with mature models and sound guarantees, with various regions emerging a wealth of distinctive typical practical cases [2], moving towards connotative and high-quality development; Kyrgyzstan has realized the initial expansion of resources and the improvement of basic capacity for ethnic culture integration with the support of international organizations and China-Kyrgyzstan bilateral cooperation, made remarkable achievements in ethnic language enlightenment and nomadic civilization inheritance [4], and formed some regional typical experiences [3].

However, both sides still face common problems such as urban-rural development imbalance, insufficient policy accuracy, and formalization of cultural integration [1]. At the same time, due to the differences in development stages, they are faced with differentiated challenges of "connotative quality improvement and deepening combined with comprehensive balanced promotion" in China and "insufficient resource supply combined with weak sustainable development capacity" in Kyrgyzstan, respectively [7].

China and Kyrgyzstan have highly complementary resource endowments, policy systems and practical models in the field of ethnic culture integration in preschool education [5]. China's mature cases and model experiences form a good cooperation foundation with Kyrgyzstan's unique cultural resources [4], providing a solid support for deepening bilateral preschool education cooperation on ethnic culture integration [3].

In the future, the two countries should base on their own actual educational development and cultural characteristics, take policy mutual learning, resource co-construction and sharing, quality collaborative improvement and cultural co-inheritance as the core paths, and deepen the all-round and multi-level bilateral cooperation in ethnic culture integration in preschool education [1]. We should improve the cultural inheritance-oriented institutional system through policy coordination [8], make up for the resource shortcomings in rural areas of Kyrgyzstan through resource interconnection [9], improve the overall quality of ethnic culture integration in the two countries through practical cooperation and case sharing [2], and guard the ethnic roots and lay a solid foundation for China-Kyrgyzstan cultural exchanges through cultural co-inheritance [12].

The coordinated development of ethnic culture integration in preschool education between China and Kyrgyzstan can not only lay a solid foundation of local culture for the growth of children in the two countries [7], but also enrich the connotation of China-Kyrgyzstan cultural exchanges [10], provide talent support and cultural nourishment for the common development of education in the two countries [3], and write a new chapter of China-Kyrgyzstan educational cooperation and lasting friendship.

In conclusion, the collaborative exploration of ethnic culture integration in preschool education is an important practice to deepen China-Kyrgyzstan educational and cultural cooperation, and it also provides a reference for cross-border ethnic cultural inheritance in neighboring countries.

References

1. LI J. Integration of ethnic culture into preschool education: Value, dilemmas and optimization [J]. – Studies in Preschool Education, 2024. – Vol. 41, No. 5. – P. 37–45.
2. Preschool Education Research Center. A collection of typical cases of ethnic culture integration in preschool education in China [M]. – Beijing: Educational Science Press, 2024.
3. Secretariat of China-Kyrgyzstan Education Cooperation Forum. Compilation of achievements of China-Kyrgyzstan Education Cooperation Forum (2025) [C]. – Bishkek: Kyrgyz National University of Education Press, 2025.
4. Ministry of Education of Kyrgyzstan. White paper on the development of preschool education in Kyrgyzstan (2025) [R]. – Bishkek: Ministry of Education of Kyrgyzstan Press, 2025.
5. WANG Y. Research on the path of cross-border ethnic cultural inheritance under the Belt and Road Initiative [J]. – Journal of Ethnic Education, 2025. – Vol. 36, No. 2. – P. 89–96.
6. XU L. H. The national targets for the number of preschool education slots per 1,000 population and the new inclusive preschool education slots were exceeded in 2025 [N]. – China Financial News, 2026. – January 6. – P. 2.
7. YU Y. Q. Necessity and approaches of carrying out ethnic culture education in kindergartens [J]. – Gansu Education, 2019. – No. 23. – P. 112.
8. FU T. X. A study on the policy implementation of inclusive preschool education in Neijiang City [D]. – Chengdu: University of Electronic Science and Technology of China, 2025.
9. International Education College of Xinjiang Normal University. Summary report on the China-Kyrgyzstan joint training project for bilingual preschool teachers (2025) [R]. – Urumqi: Xinjiang Normal University Press, 2025.
10. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Singing the friendship between China and Kyrgyzstan – The Chinese Embassy in Kyrgyzstan carried out activities in the preschool education institution of Naryn Oblast [EB/OL]. – Beijing: Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2025. – June 30. – Accessed: 20.02.2026.
11. ZHAO M. An investigation and analysis of the current situation of ethnic cultural inheritance in preschool education: A case study of Hani cultural inheritance in Honghe [J]. – Cultural and Educational Materials, 2018. – No. 6. – P. 84–86.
12. WANG S. S. A study on the integration of excellent Chinese ethnic culture into the values education of preschool children [J]. – Journal of Jilin Institute of Education, 2020. – Vol. 36, No. 10. – P. 24–27.
13. HU Y., WANG L. L. Orientation, problems and solutions of ethnic cultural inheritance in kindergartens in ethnic areas [J]. – Chinese Ethnic Education, 2019. – No. 12. – P. 52–54.

Рецензент: кандидат педагогических наук, доцент Асаналиева Ч.Н.

УДК 37.013:37.018

Чжоу Чэн Ю., Баялиева А.С.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Чжоу Чэн Ю., Баялиева А.С.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Zhou Chengyu., Bayalieva A.S.
KNU Jusup Balasagyn

ЖИБЕК ЖОЛУ ЦИВИЛИЗАЦИЯСЫНЫН МУРАСЫ КОНТЕКСТИНДЕ КЫРГЫЗСТАН МЕНЕН КЫТАЙДЫН ИНКЛЮЗИВДҮҮ МЕКТЕПКЕ ЧЕЙИНКИ БИЛИМ БЕРҮҮДӨГҮ МАСЕЛЕЛЕРДИ БИРГЕЛЕШИП ЧЕЧҮҮСҮН ИЗИЛДӨӨ

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ИНКЛЮЗИВНОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСТАНА И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО НАСЛЕДИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

STUDY ON THE JOINT RESOLUTION OF INCLUSIVE PRESCHOOL EDUCATION CHALLENGES IN KYRGYZSTAN AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL HERITAGE OF THE SILK ROAD

Кыскача мүнөздөмө: «Бир алкак – бир жол» демилгесинин тереңдеп өнүгүшү жана Жибек жолун куруу контекстинде билим берүү тармагындагы өз ара аракеттенүү Кыргызстан менен Кытайдын гуманитардык кызматташтыгынын негизги байланыштарынын бири болуп калды, ал эми улуттук маданиятты сактоо инклюзивдүү мектепке чейинки билим берүүнү өнүктүрүүгө Жибек жолу цивилизацияларын өз ара таануу багытында өзгөчө маани берди. Бул макалада изилдөөнүн объектиси катары Кыргызстан менен Кытайдын инклюзивдүү мектепке чейинки билим берүү саясаты алынган. Изилдөөдө документтерди талдоо, салыштырма статистикалык анализ жана кейс-изилдөө ыкмалары колдонулуп, эки өлкөнүн саясатынын негизги алкактары системалаштырылган, жыйынтыктар төрт негизги багыт боюнча салыштырмалуу талданган: ресурстар менен камсыздоо, кепилдик механизмдери, сапатты жогорулатуу жана улуттук маданиятты интеграциялоо. Кыргызстандын 2025-жылдагы мектепке чейинки билим берүү тармагындагы акыркы саясатын жана Кытай–Кыргызстан кызматташтыгынын тажрыйбасын эске алуу менен автор саясатты ишке ашыруудагы жалпы көйгөйлөрдү жана айырмаланган кыйынчылыктарды талдайт, ошондой эле «саясатты өз ара үйрөнүү, ресурстарды бөлүшүү, сапатты биргелешип жогорулатуу жана маданий мурасты сактоо» принциптерине негизделген төрт багыттан турган биргелешкен өнүгүү жолун сунуштайт. Изилдөө көрсөткөндөй, Кыргызстан менен Кытайдагы инклюзивдүү мектепке чейинки билим берүү өзүнчө өзгөчөлүктөргө ээ: Кытайда – мазмунду өркүндөтүү аркылуу сапатты жогорулатуу, Кыргызстанда – негизги мүмкүнчүлүктөрдү кеңейтүү. Алардын өз ара толуктоочу кызматташуусу регионалдык билим берүүнүн сапаттуу өнүгүшүнө өбөлгө түзүп, Кытай–Кыргызстан гуманитардык кызматташтыгын тереңдетүүгө жана Жибек жолу цивилизацияларын өз ара таанууну илгерилетүүгө теориялык жана практикалык негиз берет.

Аннотация: В условиях углубления инициативы «Один пояс – один путь» и строительства Шёлкового пути взаимодействие в сфере образования стало ключевым звеном гуманитарного сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем, а сохранение национальной культуры придало развитию инклюзивного дошкольного образования особое значение в контексте взаимного познания цивилизаций Шёлкового пути. В данной статье объектом исследования является политика инклюзивного дошкольного образования Кыргызстана и Китая. В исследовании применялись методы анализа документов, сравнительного статистического анализа и анализа кейсов. Основные направления политики двух стран систематизированы, а результаты её реализации проанализированы в сравнительном аспекте по четырём ключевым направлениям: обеспечение ресурсами, механизмы гарантий, повышение качества и интеграция национальной культуры. С учётом новейшей политики дошкольного образования Кыргызстана на 2025 год и практики кыргызско-китайского сотрудничества автор анализирует общие проблемы и различающиеся вызовы при реализации политики, а также предлагает путь совместного развития по четырём направлениям, основанный на принципах «взаимное изучение политики, совместное использование ресурсов, совместное повышение качества и сохранение культурного наследия». Исследование показало, что инклюзивное дошкольное образование в Кыргызстане и Китае имеет отличительные особенности: в Китае – повышение качества за счёт совершенствования содержания, в Кыргызстане – расширение базовых возможностей. Их взаимодополняющее сотрудничество способствует качественному развитию

регионального образования, обеспечивает теоретическую основу и практические ориентиры для углубления гуманитарного сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном и продвижения взаимного познания цивилизаций Шёлкового пути.

Abstract: Against the backdrop of the deepening of the Belt and Road Initiative and the construction of the Silk Road, educational connectivity has become a key link in people-to-people and cultural cooperation between China and Kyrgyzstan, while the preservation of ethnic culture has given the development of inclusive preschool education special significance in the context of mutual learning among Silk Road civilizations. This paper examines the inclusive preschool education policies of China and Kyrgyzstan using document analysis, comparative statistical analysis, and case study methods. It systematizes the main policy frameworks of the two countries and compares their implementation outcomes across four key dimensions: resource provision, support mechanisms, quality improvement, and ethnic cultural integration. Taking into account Kyrgyzstan's latest preschool education policies in 2025 and the experience of China–Kyrgyzstan cooperation, the author analyzes common problems and differing challenges in policy implementation and proposes a collaborative development approach based on four key areas: policy mutual learning, resource sharing, joint quality improvement, and cultural heritage preservation. The study finds that inclusive preschool education in China and Kyrgyzstan has distinct characteristics: China focuses on improving quality through content enhancement, while Kyrgyzstan emphasizes expanding basic educational opportunities. Their complementary cooperation can promote the high-quality development of regional education, providing theoretical support and practical guidance for deepening China–Kyrgyzstan people-to-people and cultural cooperation and advancing mutual learning among Silk Road civilizations.

Негизги сөздөр: Жибек жолу; цивилизацияларды өз ара таануу; инклюзивдүү мектепке чейинки билим берүү; мектепке чейинки билим берүү саясаты; салыштырма талдоо.

Ключевые слова: Шёлковый путь; взаимное познание цивилизаций; инклюзивное дошкольное образование; политика в сфере дошкольного образования; сравнительный анализ.

Keywords: Silk Road; mutual learning of civilizations; inclusive preschool education; preschool education policy; comparative analysis.

1. Introduction. Inclusive preschool education features public welfare, fairness and accessibility, which is a key measure to ensure educational equity at the starting point. The integration of ethnic culture into preschool education is not only an important way to inherit the Silk Road civilization, but also a core grasp to enrich the connotation of inclusive preschool education. Kyrgyzstan is endowed with distinctive regional characteristics for its preschool education by the grassland nomadic civilization, the Epic of Manas and other cultural elements, while ethnic areas along the Silk Road in China have formed a cultural education model centered on bilingual teaching and ethnic traditional games. The two countries have a natural fit for cooperation in the integration of cultural inheritance and preschool education.

Since the launch of the Silk Road construction, China-Kyrgyzstan educational cooperation has gradually extended from higher education and vocational education to the preschool education field: the 2025 China-Kyrgyzstan Education International Forum promoted the signing of the "Manas Plan" student exchange program[1]; China issued the “Preschool Education Law of the People's Republic of China”and implemented four rounds of preschool education action plans, incorporating traditional cultural enlightenment into the core requirements for quality improvement; Kyrgyzstan updated the national preschool education standards and improved the voucher system in 2025, exploring the coordinated path of integrating inclusive preschool education with ethnic cultural inheritance[2]. The Chinese Embassy in Kyrgyzstan has also provided teaching support for nomadic children through the "Summer Pasture Kindergarten" project, which has become a typical practice of non-governmental exchange in preschool education between China and Kyrgyzstan [3].

Current academic research on this topic is mostly focused on the policy combing of a single country or macro cooperation, lacking a systematic comparison of the implementation effects of inclusive preschool education policies between the two countries, especially the special analysis of the dimension of "ethnic cultural integration". This paper combs policy texts through the literature research method, analyzes core indicators through the data comparison method, and studies cooperation practices through the case analysis method. Based on the latest policy dynamics of the two countries in 2025, this research provides a useful reference for the preschool education cooperation between the two countries. The following will first analyze the core frameworks of the two countries' policies, laying a foundation for the subsequent analysis.

2. Analysis of the Core Frameworks of Inclusive Preschool Education Policies between China and Kyrgyzstan. Both China and Kyrgyzstan have listed inclusive preschool education as a priority for educational development and incorporated ethnic cultural inheritance into the core goals of their policies. In 2025, both countries further improved their preschool education policies and strengthened the requirements for ethnic cultural integration [2]. China has formed a systematic four-in-one policy framework of "legal guarantee, planning guidance, investment support and supervision evaluation", while Kyrgyzstan has built a practical three-in-one policy framework of"government leadership, international support and hierarchical responsibility"[2].

2.1 China's Inclusive Preschool Education Policy Framework: A Systematic Four-in-One Construction. China's inclusive preschool education policy adheres to the core principle of "government leadership, social participation, public welfare and inclusiveness, safety and quality", and integrates ethnic culture into the whole process of policy design and implementation.

At the legal guarantee level, the “Preschool Education Law of the People's Republic of China” implemented in 2025 has incorporated the integration of ethnic culture into inclusive preschool education into the legal guarantee system for the first time, providing a legal basis for bilingual teaching and the development of characteristic courses in ethnic areas [4].

At the planning guidance level, four rounds of preschool education action plans all require tapping local cultural resources. For example, Changji Prefecture in Xinjiang has incorporated the Kazakh Aytes and Uyghur Muqam art into the characteristic resource database of preschool education, and Baicheng County has realized the full coverage of ethnic cultural activities in public kindergartens [2].

At the investment support level, the central finance has cumulatively invested more than 220 billion yuan in special funds for the development of preschool education over the years, and earmarked a "special fund for cultural integration" for ethnic areas. In 2023, the proportion of preschool education in the national fiscal education expenditure reached 6.2%, and all regions have given preferential financial subsidies to inclusive kindergartens in ethnic areas [2].

At the supervision and evaluation level, a county-level supervision and evaluation mechanism for the popularization and inclusiveness of preschool education has been established, incorporating the situation of ethnic cultural integration into the assessment indicators. Relying on the "Preschool Teacher Training Program", more than 80,000 preschool teachers in ethnic areas have been trained in 2025, improving their ability of bilingual teaching and organizing ethnic cultural activities [2].

2.2 Kyrgyzstan's Inclusive Preschool Education Policy Framework: A Practical Three-in-One Exploration. Kyrgyzstan takes "expanding educational opportunities and inheriting ethnic culture" as its core goal, and has deepened its policy content in multiple dimensions in 2025[2]. At the policy planning level, it has approved the National Education Standard for Preschool Education and Child Care, taking Kyrgyz ethnic language teaching and traditional custom enlightenment as the core content, requiring kindergartens to carry out no less than 2 ethnic cultural theme activities every week, and introducing the "ethnic cultural cognition" evaluation tool [2].

At the international support level, it has expanded preschool education resources with a 12.6 million US dollar grant from the Global Partnership for Education (GPE), and the United Nations Children's Fund (UNICEF) has launched the "Early Development Support Program". However, only 20% of preschool

teachers in Kyrgyzstan have professional backgrounds, and the proportion is less than 15% in rural areas, showing a prominent shortage of teachers [2].

At the investment and guarantee level, Kyrgyzstan's fiscal investment in preschool education reached 927 million som (about 70 million RMB) in 2025, 15% of which was earmarked for the construction of ethnic cultural activity rooms. The automation of voucher management has been realized through the "Balalyk" platform, and additional subsidies have been given to inclusive kindergartens offering ethnic cultural characteristic courses; 560 preschool education institutions have been established in 2025, but the preschool education coverage rate of Kyrgyzstan is only 32.3%, with a significant development gap between regions and groups[2]. At the level of special group guarantee, the "Growing in Love" project has been implemented in Jalal-Abad Oblast, providing ethnic cultural adaptation support for disabled children, such as rehabilitation through traditional music therapy and improving hands-on ability through felt art handcraft activities. However, due to resource constraints, the project has not been promoted nationwide [2].

3. **Multi-Dimensional Comparison of the Implementation Effects of Inclusive Preschool Education Policies between China and Kyrgyzstan.** Affected by factors such as economic development level and resource guarantee capacity, the two countries show significant differentiated characteristics in the four dimensions. China has realized the coordinated development of full coverage and connotation-based quality upgrading, while Kyrgyzstan is in the stage of resource expansion and basic improvement, and China-Kyrgyzstan educational cooperation has provided an important external support for the development of Kyrgyzstan's preschool education [2].

3.1 Resource Supply: China's Full Coverage with Improved Cultural Supporting Facilities vs. Kyrgyzstan's Steady Expansion with Severe Urban-Rural Gap. China has realized the full coverage of inclusive preschool education resources through more than ten years of policy promotion. In 2023, there were 236,000 inclusive kindergartens in China, accounting for 86.2% of the total, the gross enrollment rate of preschool education for three years reached 91.1%, and the enrollment rate in ethnic areas such as the "Three Districts and Three Prefectures" exceeded 80%. In local practice, Changji Prefecture in Xinjiang has invested 120 million yuan in special funds for the transformation of ethnic cultural facilities, and Baicheng County has a 97% public kindergarten rate and 100% inclusive coverage rate, realizing the full coverage of ethnic cultural education in urban and rural areas [2].

Kyrgyzstan has achieved steady resource expansion in 2025, with 1,997 full-time standard kindergartens and 257,300 children in kindergartens, but there is a serious urban-rural imbalance in resource distribution. According to 2025 UNICEF data, the opening rate of ethnic cultural courses in urban kindergartens in Kyrgyzstan is 81%, while it is only 23% in rural areas; the participation rate of preschool education for children from high-income families exceeds 50%, while it is less than 20% for children from low-income families and remote nomadic tribes. With the support of China-Kyrgyzstan cooperation, 3 inclusive kindergartens have been built in Osh Oblast of Kyrgyzstan, with ethnic cultural activity corners added, becoming a regional model [2].

3.2 Guarantee Mechanism: China's Improved System with Strong Support for Cultural Integration vs. Kyrgyzstan's Gradual Improvement with Heavy Dependence on External Support. China has built a comprehensive guarantee system covering funds, teachers and institutions, and formed a special support mechanism for ethnic cultural integration [2]. In 2022, the national fiscal expenditure on preschool education reached 298.22 billion yuan, and in 2025, the special funds for ethnic cultural education in provinces such as Xinjiang and Inner Mongolia all exceeded 200 million yuan each; in 2025, the proportion of preschool principals and full-time teachers with college degrees or above in ethnic areas reached 93.1%, and 85% of them have the ability of bilingual teaching and organizing ethnic cultural activities; a four-level supervision and evaluation mechanism has been established, and from 2013 to 2022, financial at all levels have cumulatively invested 82.5 billion yuan to support 65.51 million special group children, with a 100% subsidy coverage rate in ethnic areas [2]. In 2025, Xinjiang Normal University trained 120 preschool teachers for Kyrgyzstan, indirectly improving Kyrgyzstan's teacher guarantee system [5].

Kyrgyzstan's guarantee mechanism is gradually improving, but its support capacity is weak and it is highly dependent on external support [2]. 70% of its investment in ethnic cultural integration relies on international aid, and 52,000 preschool teachers have been trained in 2025, but there is still a shortage of more than 3,000 teachers, with an annual turnover rate of 18% for rural teachers; although the standardized management of vouchers has been realized, there is no perfect supervision and evaluation mechanism, and the cultural education support for special groups is only piloted in some oblasts [2]. In 2025, China and Kyrgyzstan signed the “Memorandum of Understanding on Educational Cooperation”, incorporating preschool teacher training and special group support into the key cooperation areas, providing policy support for Kyrgyzstan to improve its guarantee mechanism [6].

3.3 Quality Improvement: China's Mature Cultural Education Model with Connotation-Based Upgrading vs. Kyrgyzstan's Basic Improvement with the Help of International Cooperation. China has realized the transformation from "scale expansion" to "connotation-based quality upgrading", forming a trinity ethnic cultural integration model of "cultural curriculum + activity experience + environmental infiltration"[2]. For example, Changji Prefecture in Xinjiang has developed 20 sets of ethnic cultural characteristic curriculum systems, forming a "1+7+8" cultural education model (1 core cultural concept, 7 types of characteristic courses, 8 brand activities). Baicheng County has realized the "three integration" of ethnic cultural education (into curricula, activities and environments), and 100% of public kindergartens carry out bilingual teaching. At the same time, some inclusive kindergartens in Xinjiang have carried out the "Silk Road Cultural Little Envoy" exchange activities with kindergartens in Osh Oblast of Kyrgyzstan, improving the internationalization level of preschool education quality [2].

Kyrgyzstan's preschool education quality improvement is in the stage of basic improvement, and more than 120 types of learning materials containing ethnic cultural content have been updated in 2025, with 75% of children participating in preschool preparation education able to proficiently use their native language [2]. China-Kyrgyzstan cooperation has played a significant role in promotion: the professional ability of trained preschool teachers in Kyrgyzstan has increased by an average of 25%, 500 sets of handcraft teaching aids donated by China have covered 12 rural kindergartens in Kyrgyzstan, and 2 demonstration kindergartens in Xinjiang have established a pairing cooperation relationship with 3 inclusive kindergartens in Bishkek of Kyrgyzstan to share teaching cases. However, Kyrgyzstan still faces problems such as a large regional gap and fragmented cultural integration, with insufficient systematicness in connotation-based quality upgrading [2].

3.4 Ethnic Cultural Integration:Distinctive Characteristics and Complementary Advantages between China and Kyrgyzstan with Great Potential for Cooperative Mutual Learning. The integration of ethnic culture into inclusive preschool education includes four core dimensions: ethnic language teaching, traditional custom enlightenment, cultural activity experience and cultural environment construction [7]. China has incorporated it into the national strategy and legal guarantee system, forming a three-dimensional teaching model of "national common language + ethnic language + traditional culture". Through curriculum-based design, activity-based implementation, environment-based infiltration and alliance-based sharing, an all-round integration model has been built, forming a multiple guarantee system of finance, teachers and teaching materials, realizing the full coverage of ethnic cultural education in urban and rural areas, and significantly enhancing children's cultural identity and national identity [2].

Kyrgyzstan has incorporated ethnic cultural integration into its policy goals, focusing on the protection of ethnic language and the inheritance of grassland nomadic civilization. With ethnic language teaching as the core and relying on international projects and China-Kyrgyzstan cooperation, a relatively systematic integration model has been formed in urban areas, while simple forms such as ethnic cultural activity corners and traditional game experiences are adopted in rural areas; resource support mainly relies on international aid and China-Kyrgyzstan cooperation, with remarkable results in ethnic language popularization, but insufficient coverage in rural areas and to-be-improved depth and systematicness of integration [2].

China and Kyrgyzstan have distinctive characteristics and complementary advantages: China has a sound policy system and mature education model, while Kyrgyzstan has unique grassland nomadic

civilization and cross-border ethnic cultural inheritance experience [7]. The Silk Road culture provides a natural fit for the cooperation between the two countries, with great potential for cooperative mutual learning [2].

4. Common Problems and Differentiated Challenges in the Development of Inclusive Preschool Education between China and Kyrgyzstan

4.1 Common Problems. First, the unbalanced urban-rural development. Educational and cultural resources of both countries are highly concentrated in cities, with insufficient kindergartens, shabby facilities and weak teaching staff in rural areas. The inclusive coverage rate and educational quality in rural areas are much lower than those in cities, and the urban-rural dual structure restricts the balanced development of inclusive preschool education [2].

Second, the insufficient policy precision. Neither of the two countries has formulated differentiated cultural integration plans for special areas such as multi-ethnic inhabited areas and cross-border ethnic inhabited areas, and there is a lack of cultural education support measures for special groups such as nomadic families, low-income families and disabled children [2].

Third, the insufficient coordination and formalization of cultural integration. High-quality cultural resources are concentrated in a small number of demonstration kindergartens, with an imperfect resource sharing mechanism; some kindergartens only take cultural integration as a superficial work, lacking systematic curriculum design, and the matching degree with children's development needs is insufficient[7; 8].

4.2 Differentiated Challenges. China is facing the dual pressure of "connotation-based quality upgrading" and "balanced coverage"[7]. The people's demand for "high-quality kindergartens" and "high-quality cultural education" is increasingly urgent, but there is still a gap in cultural education quality between regions and kindergartens; some areas have the problems of formalization and fragmentation in cultural integration; the cultural integration education in multi-ethnic inhabited areas and cross-border ethnic cultural inheritance put forward higher requirements for policy precision; how to strengthen children's Silk Road cultural identity and national identity while inheriting ethnic culture has become a key problem to be solved [2].

Kyrgyzstan is facing the dual dilemma of "resource supply" and "sustainable development"[2]. Restricted by the economic development level, Kyrgyzstan has limited financial investment and a strong dependence on international aid and China-Kyrgyzstan cooperation; there is a serious shortage of teachers with a high turnover rate in rural areas and weak infrastructure; a systematic ethnic cultural curriculum system and assessment mechanism have not been formed, and the mobility of children from nomadic families brings severe challenges to the continuity of cultural education [2].

5. The Path of Collaborative Development of Inclusive Preschool Education between China and Kyrgyzstan from the Perspective of Mutual Learning of Silk Road Civilizations. Based on the common problems and differentiated challenges in the development of inclusive preschool education of the two countries, and combined with the resource endowments and complementary advantages of both sides, this paper puts forward a collaborative development path of "policy mutual learning, resource sharing, quality co-construction and cultural inheritance"[2].

5.1 Policy Mutual Learning: Building a Collaborative Development Institutional Framework Oriented to "Cultural Inheritance". China focuses on "high-quality balance and in-depth integration", optimizes the layout of cultural resources, promotes the radiation of high-quality urban resources to rural areas, builds a systematic ethnic cultural curriculum system, formulates differentiated plans for special regions and groups, and improves the assessment and incentive mechanism for the effect of cultural integration [2].

Kyrgyzstan focuses on "resource expansion and systematic promotion", increases financial investment, sets up a special fund for ethnic cultural education, promotes the standardized construction of cultural facilities in rural kindergartens, incorporates cultural education ability into the teacher admission standards, and builds a closed-loop mechanism of "policy - implementation - evaluation"[2].

The two countries should establish a normalized policy dialogue mechanism, hold regular special seminars, and jointly formulate the “Guidelines for the Integration of Ethnic Culture in Inclusive Preschool Education between China and Kyrgyzstan”[2]; establish a cross-border ethnic cultural education coordination mechanism, jointly develop cultural inheritance courses for cross-border ethnic groups such as the Kyrgyz people, and ensure the continuity of cultural education for cross-border children [7].

5.2 Resource Sharing: Building a "Multi-dimensional Linkage" Cross-Border Cooperation Platform. First, deepen the joint training and exchange of teachers, training no less than 200 preschool teachers for Kyrgyzstan every year and exchanging no less than 50 personnel between the two countries annually [2]. Second, jointly develop characteristic resources such as the “China-Kyrgyzstan Silk Road Culture Children's Enlightenment Picture Book”, and build a digital resource sharing platform with a focus on rural areas of Kyrgyzstan [2]. Third, donate materials worth no less than 5 million yuan to rural kindergartens in Kyrgyzstan every year, encourage Chinese institutions to participate in the infrastructure construction of kindergartens in Kyrgyzstan, and build demonstration kindergartens along the Silk Road [2]. Fourth, create the "Silk Road Culture Enlightenment" brand, hold regular "Silk Road Cultural Little Envoy" exchange activities, and develop preschool education cultural practice bases relying on cultural venues [2].

5.3 Quality Co-construction: Deepening the "Two-way Empowerment" Practical Education through Cooperation. First, carry out the pilot project of China-Kyrgyzstan cooperative kindergartens, with no less than 5 pilot kindergartens in the first batch, introducing China's advanced educational concepts and management models and exploring the development path of kindergartens combined with Kyrgyzstan's national conditions [2].

Second, jointly formulate the quality evaluation standards for inclusive preschool education, incorporate the effect of ethnic cultural integration into the core indicators, and establish a transnational quality monitoring and evaluation mechanism [2].

Third, expand the scope of pairing cooperation between inclusive kindergartens, realizing the full coverage of pairing between demonstration kindergartens in ethnic areas of China and inclusive kindergartens in all oblasts of Kyrgyzstan [2]. Fourth, jointly set up special research topics to carry out cooperative research on "ethnic cultural integration in inclusive preschool education", and establish a mechanism for sharing and transforming scientific research results [2]. Fifth, relying on China's special education experience, assist Kyrgyzstan in improving the guarantee system for preschool education of special groups, and jointly carry out pilot projects of cultural education support for special groups in rural areas of Kyrgyzstan [2].

6. Conclusion. Under the background of mutual learning of Silk Road civilizations, China and Kyrgyzstan have achieved remarkable results in the development of inclusive preschool education and ethnic cultural integration[2]. China has built a preschool education public service system covering urban and rural areas, forming a mature pattern of ethnic cultural integration; with the support of international organizations and China-Kyrgyzstan cooperation, Kyrgyzstan has realized resource expansion and quality improvement, but still faces problems such as insufficient resource supply and a significant urban-rural gap [2]. The two countries are faced with common problems such as unbalanced urban-rural development, insufficient policy precision and inadequate coordination of cultural integration, as well as differentiated development challenges. Meanwhile, they have distinctive characteristics and complementary advantages in ethnic cultural integration, with great potential for collaborative development [7].

In the future, China and Kyrgyzstan should base themselves on their own development realities, take the core path of "policy mutual learning, resource sharing, quality co-construction and cultural inheritance" to deepen the all-round cooperation in inclusive preschool education: improve their respective inclusive preschool education policy systems through policy dialogue, fill the resource gap of Kyrgyzstan through resource interconnection, enhance the connotation-based development level of preschool education through cooperative kindergartens and scientific research cooperation, and inherit the Silk Road civilization through cultural inheritance [2]. The collaborative development of China-Kyrgyzstan inclusive preschool education

will provide talent support, social security and cultural nourishment for the construction of the Silk Road, writing a new chapter in China-Kyrgyzstan people-to-people and cultural cooperation [6].

References

1. China-Kyrgyzstan Education Cooperation Forum Secretariat. Compilation of Achievements of the China-Kyrgyzstan Education International Forum (2025) [C]. – Bishkek: Kyrgyz National University of Education Press, 2025.
2. Ministry of Education of Kyrgyzstan. White Paper on the Development of Preschool Education in Kyrgyzstan (2025) [R]. – Bishkek: Publishing House of the Ministry of Education of Kyrgyzstan, 2025.
3. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. The Friendship between China and Kyrgyzstan Sung by Children's Voices – The Activity of the Chinese Embassy in Kyrgyzstan at the Summer Pasture Kindergarten in Naryn Oblast [EB/OL]. – Beijing: Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2025-06-30.
4. Xu L. H. The Targets of Per Thousand Population Nursery Places and New Inclusive Nursery Places in 2025 Have Been Exceeded [N] // China Financial News. – 2026. – January 6. – P. 002.
5. School of International Education, Xinjiang Normal University. Summary Report of the China-Kyrgyzstan Preschool Teacher Bilingual Training Program (2025) [R]. – Urumqi: Xinjiang Normal University Press, 2025.
6. People's Daily. Joint Statement of the People's Republic of China and the Kyrgyz Republic on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership for a New Era [EB/OL]. – Beijing: People's Daily Press, 2025-02-01.
7. Wang Y. Research on the Path of Cross-border Ethnic Preschool Cultural Inheritance under the Belt and Road Initiative [J] // Journal of Ethnic Education Research. – 2025. – Vol. 36, No. 2. – P. 89–96.
8. Li J. The Integration of Ethnic Culture into Inclusive Preschool Education: Value, Dilemma and Optimization [J] // Studies in Preschool Education. – 2024. – No. 5. – P. 37–45.

Рецензент:

УДК 81.243+37.018

Эркебуланова Н.Ш., Акчекеева М.С., Абдуллаев С.Н.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
К. Тыныстанов атындагы Ысык-Көл мамлекеттик университети
Эркебуланова Н.Ш.,[1] Акчекеева М.С.,[1] Абдуллаев С.Н.[2]
КНУ имени Жусупа Баласагына[1]
Иссык-Кульский государственный университет имени К. Тыныстанова[2]
Erkebulanova N.Sh., Akchekeeva M.S., Abdullaev S.N.
KNU Jusup Balasagyn
Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov

ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНДА ФРАНЦУЗ ТИЛИН ЧЕТ ТИЛИ КАТАРЫ ОКУТУУДА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ЖАНА ЖАҢЫ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ПАЙДАЛАНУУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING FRENCH AS A FOREIGN LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION

Кыскача мүнөздөмө: Макалада жогорку окуу жайларында француз тилин чет тили катары (FLE) окутуу процессине жасалма интеллект (ЖИ) технологияларын жана генеративдик нейрондук тармактарды киргизүүнүн теориялык-методологиялык жана практикалык аспектилери изилденет. Эмпирикалык маалыматтарды жана ата мекендик, ошондой эле чет өлкөлүк изилдөөчүлөрдүн

эмгектерин талдоонун негизинде ЖИнин дидактикалык мүмкүнчүлүктөрү, окутууну жекелештирүү моделдери, адаптивдик тренажёрлор, кепти таануу сервистери жана диалогдук боттордун өзгөчөлүктөрү ачып көрсөтүлөт. ЖИнин каталарын дидактикалык максатта пайдаланууга, сынчыл ой жүгүртүүнү өнүктүрүүгө, промпт-сабаттуулукту калыптандырууга жана социолингвистикалык жана этикалык тобокелдиктерди жеңүүгө өзгөчө көңүл бурулат. Жасалма интеллект жогорку технологиялуу жардамчы, ал эми окутуучу негизги педагогикалык медиатор катары кызмат кылган гибриддик тилдик билим берүү моделине өтүүнүн зарылдыгы негизделет.

Аннотация: В статье исследуются теоретико-методологические и практические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и генеративных нейросетей в процесс обучения французскому языку как иностранному (FLE) в высшей школе. На основе анализа эмпирических данных и исследований отечественных и зарубежных авторов раскрываются дидактический потенциал ИИ, модели персонализации обучения, адаптивные тренажёры, сервисы распознавания речи и диалоговые боты. Особое внимание уделяется дидактизации ошибок ИИ, развитию критического мышления, формированию промпт-грамотности и преодолению социолингвистических и этических рисков. Обосновывается необходимость перехода к гибридной модели языкового образования, в которой ИИ выступает высокотехнологичным ассистентом, а преподаватель – ключевым педагогическим медиатором.

Abstract: The article explores the theoretical, methodological, and practical aspects of integrating artificial intelligence (AI) technologies and generative neural networks into teaching French as a foreign language (FLE) in higher education. Based on an analysis of empirical data and academic literature, the article examines the didactic potential of AI, personalized learning models, adaptive tutoring systems, speech recognition services, and conversational chatbots. Special emphasis is placed on the didactic use of AI errors, the development of critical thinking, the formation of prompt literacy, and the mitigation of sociolinguistic and ethical risks. The study substantiates the need to transition to a hybrid model of language education in which AI serves as an advanced technological assistant, while the instructor remains the primary pedagogical mediator.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект; француз тили чет тили катары; жогорку билим берүү; лингводидактика; адаптивдик окутуу; нейрондук тармактар; тил үйрөнүүчүнүн өз алдынчалыгы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; французский язык как иностранный; высшее образование; лингводидактика; адаптивное обучение; нейросети; языковая автономия.

Keywords: artificial intelligence; French as a foreign language; higher education; language pedagogy; adaptive learning; neural networks; learner autonomy.

1. Введение. Цифровая трансформация высшего образования в первой четверти XXI века приобретает всесторонний и необратимый характер. Стремительное развитие систем искусственного интеллекта (ИИ), алгоритмов машинного обучения и крупных языковых моделей (LLM, Generative AI) кардинально меняет архитектуру университетского языкового образования. Французский язык как иностранный (Français Langue Étrangère – FLE), занимающий уникальное положение в системе международной дипломатии, глобальной юриспруденции, научных коммуникаций и культурного обмена, требует внедрения инновационных лингводидактических стратегий, способных сочетать традиции классической филологии с передовыми технологическими возможностями.

Актуальность данной проблематики обусловлена необходимостью преодоления традиционного противоречия между массовым характером университетского обучения и возрастающей потребностью в глубокой персонализации образовательных траекторий студентов. Традиционные методические модели, ориентированные на усреднённого обучающегося, нередко сталкиваются с ограничениями при формировании высокой языковой автономии, гибких профессионально ориентированных навыков (FSP/FOS) и навыков естественной коммуникации в иноязычной среде.

Теоретико-методологическим фундаментом данного исследования выступает социокультурная теория развития Л. С. Выготского, согласно которой овладение языком происходит в процессе опосредованного социального взаимодействия через механизм педагогического «скаффолдинга» (scaffolding) и работу в зоне ближайшего развития (ЗБР) обучающегося [5]. В современной цифровой образовательной среде функции интерактивного посредника частично принимают на себя диалоговые нейросетевые агенты и адаптивные платформы, предоставляющие мгновенную обратную связь и динамическую коррекцию языковых ошибок.

Параллельно теоретическая рамка работы опирается на концепции субъектности и учебной автономии Х. Холека и П. Бенсона, в которых автономия рассматривается как способность студента самостоятельно конструировать, регулировать и критически оценивать собственную познавательную деятельность [8]. В свою очередь, в контексте экономической теории человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер) владение французским языком в сочетании с цифровой грамотностью представляет собой важнейший актив, определяющий конкурентоспособность выпускника вуза на глобальном рынке труда [12].

Цель настоящего исследования – комплексный анализ дидактического потенциала, эмпирических профилей использования и педагогических трансформаций при интеграции технологий искусственного интеллекта в процесс преподавания французского языка в вузе, а также разработка рекомендаций по оптимизации гибридной модели языкового обучения.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. систематизировать теоретические подходы к концептуализации ИИ в лингводидактике высшей школы;
2. провести критический обзор современной научной литературы по проблемам применения нейросетей в преподавании FLE;
3. проанализировать эмпирические данные о частоте, целях и восприятии ИИ студентами и преподавателями университетов;
4. описать практические механизмы работы ИИ-инструментов в формировании основных видов речевой деятельности;
5. выявить ключевые социолингвистические, когнитивные и этические риски и предложить трансформационные педагогические стратегии.

2. Обзор литературы. Исследования, посвящённые интеграции цифровых технологий и искусственного интеллекта в преподавание иностранных языков, демонстрируют стремительную эволюцию научных взглядов – от первичной фиксации технологических новинок к глубокому анализу их трансформационного влияния на когнитивные процессы и методологию обучения.

2.1. Концептуализация ИИ в лингводидактике и автономия обучающихся. В фундаментальном эмпирическом исследовании К. Шмид и Е. Митеры (2026), проведённом среди студентов романской филологии (N = 97), подчёркивается, что технологии ИИ стали привычной частью повседневной академической практики: 98 % респондентов имеют прямой опыт работы с ИИ, при этом свыше 80 % используют его регулярно (несколько раз в неделю или ежедневно) [12]. Авторы увязывают освоение французского языка с помощью ИИ с формированием человеческого капитала, показывая, что 95 % студентов констатируют ускорение темпов изучения языка. Тем не менее 70 % респондентов категорически отрицают возможность полной замены преподавателя-человека алгоритмом, отводя ИИ роль вспомогательного элемента [12].

Вопросы трансформации учебной автономии подробно рассматриваются в исследовании А. ЭльМухтади, Ш. Сухад и Н. Сугати (2025). Опираясь на классические труды Х. Холека (1981) и П. Бенсона (2013), авторы исследуют опыт использования генеративного ИИ студентами естественных факультетов при обучении французскому языку в смешанном формате. Результаты показывают, что осмысленное и рефлексивное взаимодействие с ChatGPT и аналогичными платформами способствует соконструированию лингвистических компетенций, повышению критической рефлексии и формированию метаязыковой осознанности [8].

2.2. Оптимизация работы преподавателя и создание учебного контента. Освоение дидактического потенциала нейросетей преподавательским корпусом проанализировано в работах В. М. Ереминой (2024) и С. В. Кудряшовой (2024). В. М. Еремина на примере платформ Twee и Perplexity AI демонстрирует, как нейросети оптимизируют рутинную подготовку преподавателя вуза к занятиям [2]. Нейросеть Twee позволяет за считанные секунды генерировать дифференцированные текстовые материалы, вопросы с множественным выбором (ABCD), задания на аудирование на основе видео с YouTube и формулировки для дискуссий. Авторы подчёркивают, что нейросети выступают мощным дидактическим инструментом, предотвращающим эмоциональное выгорание педагога, однако требуют обязательной экспертной верификации сгенерированного контента [1; 2].

С. В. Кудряшова (2024) исследует интеграцию ИИ в преподавание французского языка для специальных целей (FSP) на примере юриспруденции в Саратовской государственной юридической академии. Автор иллюстрирует использование ChatGPT для создания симуляций профессионального общения (виртуальный зал судебных заседаний, интервью с представителями юридических профессий), толкования специфических терминов-лакун и составления специализированных лексико-грамматических упражнений [3]. Подобный подход подготавливает студентов к реальной профессиональной коммуникации, сочетая языковую подготовку с погружением в правовую культуру Франкофонии.

2.3. Педагогические вызовы, ошибки ИИ и этические проблемы. Анализу рисков и дидактическому использованию ошибок ИИ посвящено исследование А. Шахби (2026), проведённое среди 72 преподавателей французского языка в Марокко. А. Шахби указывает, что ключевыми проблемами при генерации текстов нейросетями являются упрощённость дискурса, скрытые грамматические неточности, фактологические «галлюцинации» и культурные искажения [6]. Однако автор предлагает инновационную стратегию – «дидактизацию ошибок ИИ», при которой сгенерированные нейросетью погрешности сознательно предъявляются студентам для анализа и исправления, что стимулирует критическое мышление и глубокое понимание структуры языка [6].

Проблематика применения машинного перевода (DeepL, Google Translate) при обучении письменной речи на французском языке исследована Э. Хеллмих (2021) с использованием метода отслеживания действий на экране (computer tracking) и метода критических инцидентов (CIT). Исследование показало, что студенты с высоким уровнем цифровой грамотности используют переводчики для контекстуальной перекрёстной проверки, в то время как менее подготовленные обучающиеся демонстрируют механическое копирование, что снижает качество текста и речевую автономию [10]. Наконец, работы П. Чауби (2024) и Ф. Оласеинде (2024) акцентируют внимание на этических рисках: защите персональных данных, алгоритмической предвзятости и опасности деградации базовых письменных навыков при делегировании когнитивной нагрузки нейросетям [7; 11].

3. Описание метода проведённого исследования. Для достижения цели исследования и обеспечения достоверности выводов применялся комплексный методологический подход, сочетающий теоретико-аналитические методы с вторичным синтезом эмпирических данных крупномасштабных международно ориентированных исследований.

3.1. Методологический дизайн. Исследование построено на основе смешанной исследовательской парадигмы (mixed-methods research design), интегрирующей количественные статистические данные и качественный тематический анализ. Использование принципа триангуляции данных (Data Triangulation) позволило сопоставить позиции трёх основных субъектов образовательного процесса: студентов филологических и неязыковых специальностей, преподавателей французского языка высшей школы и институциональных экспертов.

3.2. Характеристика эмпирической базы. В качестве эмпирической основы для обобщения и вторичного анализа использованы репрезентативные данные четырёх ключевых исследовательских проектов 2021–2026 гг.:

1. Эмпирическое исследование К. Шмид и Е. Митеры (2026, Польша): анкетирование 97 студентов бакалавриата и магистратуры романской филологии (86 женщин, 11 мужчин; 80 студентов в возрасте 18–22 лет, 17 студентов – 23–26 лет). Инструментарий включал 15 структурированных вопросов, нацеленных на выявление частоты, целей, воспринимаемой эффективности и опасений при использовании ИИ [12].

2. Исследование А. Шахби (2026, Марокко): смешанный дизайн, охватывающий онлайн-опрос 72 преподавателей французского языка как иностранного (FLE) из различных университетских центров и 12 полуструктурированных интервью для глубокого анализа методики работы с ошибками ИИ [6].

3. Масштабный отраслевой опрос ассоциации FLEUR (2024, Великобритания): исследование тенденций в преподавании французского языка в университетах Великобритании (N = 77 преподавателей), проведённое в период с марта по июнь 2024 г., фиксирующее приоритетные направления развития лингводидактики [9].

4. Лабораторное исследование Э. Хеллмих (2021, США): компьютерное трекинговое исследование (computer tracking, n = 26) с фиксацией видеозаписи экрана, методом стимулированного воспоминания (stimulated recall) и последующими интервью для анализа когнитивных процессов при использовании онлайн-переводчиков в процессе письменной речи на французском языке [10].

3.3. Методы обработки и интерпретации данных. Количественные данные обрабатывались методами описательной статистики (распределение частот, процентные доли). Качественные данные получены путём тематического кодирования транскриптов интервью и протоколов критических инцидентов (Critical Incident Technique – CIT). Теоретическая интерпретация результатов проводилась с использованием компаративного анализа, системного моделирования педагогических процессов и методов лингводидактического конструирования.

4. Описание процесса исследования, его результатов. Анализ полученных данных позволил структурировать результаты исследования по четырём ключевым содержательным блокам: эмпирический профиль использования ИИ, функциональные направления лингводидактической интеграции, классификация профилей автономии студентов и выявление институционально-этических барьеров.

4.1. Эмпирический профиль использования ИИ студентами и преподавателями. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о высоком уровне проникновения ИИ-инструментов в университетскую среду. Как отражено в материалах К. Шмид и Е. Митеры (2026), 98 % студентов романской филологии регулярно или эпизодически применяют ИИ при изучении французского языка. При этом интенсивность использования распределяется следующим образом: 26 % студентов обращаются к ИИ ежедневно, 56 % – несколько раз в неделю, и лишь 18 % используют его редко [12].

Анализ конкретных целей применения ИИ показал преобладание утилитарных задач, связанных с переводом и освоением языковой структуры. Подробное распределение целевых установок студентов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Основные цели использования ИИ-инструментов студентами при изучении французского языка

Направление использования ИИ	**Доля студентов (%)**	**Характер дидактических задач**
Перевод текстов (Translation)	35	Быстрый поиск контекстуальных эквивалентов, работа с сервисами DeepL, Google Translate, Reverso.
Освоение лексики (Vocabulary learning)	26	Запоминание новых слов, генерация тематических подборок, работа в приложениях Duolingo, Babbel.
Грамматические упражнения (Grammar)	22	Проверка правил, отработка синтаксических конструкций, разъяснение согласования времён.
Подготовка письменных	9	Редактирование эссе, составление планов,

работ (Writing)		стилистическая коррекция текста.
Разговорная практика (Conversation)	6	Диалоги с чат-ботами, голосовые тренажёры, отработка произношения.
Другие цели (Other)	2	Поиск страноведческой информации, генерация идей для проектов.

Источник: составлено авторами по данным [12].

Данные таблицы 1 показывают, что подавляющее большинство студентов (83 % в сумме) используют ИИ для решения базовых исполнительских задач (перевод, лексика, грамматика), в то время как сложная продуктивная деятельность (письмо и диалоговая речевая практика) остаётся менее освоенной (15 % в сумме). Это свидетельствует о необходимости специального обучения студентов стратегиям высокого уровня (prompt engineering, критический анализ сгенерированного текста) [2; 10].

Со стороны преподавательского корпуса отмечается высокая степень осознания необходимости освоения ИИ-технологий. Согласно исследованию FLEUR (2024), 50,6 % преподавателей французского языка в университетах Великобритании назвали технологии и ИИ наиболее актуальной сферой, требующей приоритетного методического внимания [9]. При этом 35 % преподавателей уже активно внедряют ИИ-сервисы в учебный процесс, а 58 % выражают позитивное и открытое отношение к использованию ИИ в преподавании [9].

4.2. Четыре ключевых вектора лингводидактической интеграции ИИ. На основе обобщения практического опыта [2; 3; 6] выделены четыре основных направления функционального применения ИИ в процессе обучения французскому языку в вузе:

1. **Персонализация и адаптивные траектории обучения.** Адаптивные алгоритмы (Mondly, Memrise, Duolingo) оценивают текущий уровень знаний студента, фиксируют системные ошибки и автоматически регулируют уровень сложности заданий. Это позволяет отрабатывать специфические трудности французской грамматики – согласование времён (concordance des temps), употребление сослагательного наклонения (subjonctif) и глагольное управление.

2. **Виртуальная разговорная иммерсия и диалоговые агенты.** Использование диалоговых систем на базе LLM (ChatGPT, Google Gemini) создаёт иммерсивную языковую среду. Чат-боты выступают в роли доброжелательных партнёров по коммуникации, снимающих психологический барьер и страх перед ошибкой. В обучении профессиональному французскому языку (FSP/FOS) чат-боты симулируют профессиональные роли (адвокат, нотариус, инженер), позволяя отрабатывать навыки устной речи в аутентичных сценариях [3].

3. **Оптимизация работы преподавателя и генерация учебного контента.** Использование специализированных педагогических нейросетей (Twee, Perplexity AI) позволяет преподавателю оперативно создавать дифференцированные учебные материалы, адаптировать аутентичные тексты к уровням CEFR (A1–C2), генерировать упражнения на аудирование по видео с YouTube, создавать викторины и темы для дискуссий [2].

4. **Автоматизированный формирующий контроль (e-Assessment).** Алгоритмы обработки естественного языка (NLP) обеспечивают мгновенную экспресс-проверку письменных работ по параметрам грамматики, синтаксиса и вокабуляра. Приложения распознавания речи (Speechling, TalkPal) анализируют фонетическую сторону речи – произношение, интонацию и темп, предоставляя обучающимся мгновенную обратную связь [3].

4.3. Дифференциация профилей автономии студентов и восприятие эффективности. Анализ восприятия эффективности ИИ показал, что 95 % студентов констатируют субъективное ускорение процесса обучения [12]. Сопоставительная оценка эффективности ИИ в сравнении с традиционными методами обучения представлена в таблице 2.

Таблица 2. Оценка эффективности ИИ-инструментов в сравнении с традиционными методами обучения французскому языку

Категория оценки	Доля	Методическая интерпретация результатов

эффективности	ответов (%)	
Очень эффективны (Very effective)	5	Признание превосходства ИИ невелико; технологии не воспринимаются как полная замена традиционным методам обучения.
Скорее эффективны (Rather effective)	27	Положительная оценка ИИ как полезного технологического ассистента.
Сопоставимы (Comparable)	24	Восприятие ИИ как равноценного дополнения к учебникам и аудиторным занятиям.
Менее эффективны (Less effective)	40	Значительная доля студентов указывает на дефицит живого общения и культурного контекста.
Неэффективны (Ineffective)	4	Полное отрицание пользы ИИ из-за недоверия к качеству генерации.

Источник: составлено авторами по данным [12].

Кластерный анализ поведенческих стратегий обучающихся позволяет выделить три основных профиля учебной автономии студентов при взаимодействии с ИИ:

– Автономный профиль (40,2 %): ИИ используется исключительно как вспомогательный катализатор; студенты критически верифицируют сгенерированные тексты, сохраняют высокую когнитивную вовлечённость и глубокую рефлексию [8].

– Зависимый профиль (47,8 %): происходит тотальное делегирование ИИ функций продуцирования и редактирования текстов, снижается метаязыковой анализ, возрастает уязвимость к ошибкам нейросети [6].

– Селективный профиль (12,0 %): избирательное применение ИИ при семантическом декодировании сложных текстов при сохранении самостоятельности в решении базовых упражнений.

4.4. Анализ опасений, социолингвистических и этических рисков. Массовое внедрение ИИ обнажило ряд серьёзных опасений со стороны студентов и преподавателей. Согласно данным К. Шмид и Е. Митеры (2026), структура главных опасений студентов распределяется следующим образом: риск языковых и грамматических ошибок ИИ (37 %), отсутствие живого человеческого контакта и невербальной коммуникации (24 %), риск технологической зависимости и утраты автономии (19 %), дефицит глубокого культурного контекста (18 %) [12].

Особую социолингвистическую проблему представляет алгоритмическое смещение (algorithmic bias). Обучающие выборки крупных языковых моделей сформированы преимущественно на европейском стандарте французского языка (français standard de France). В результате алгоритмы часто классифицируют как «ошибочные» легитимные национальные и региональные варианты французского языка (варианты канадской, африканской и карибской Франкофонии), что создаёт угрозу нивелирования языкового разнообразия [6].

5. Выводы и рекомендации. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы и рекомендации по реформированию лингводидактической практики в высшей школе:

1. Интеграция технологий искусственного интеллекта в обучение французскому языку в вузе является неизбежным и высокоперспективным вектором развития лингводидактики. ИИ обеспечивает беспрецедентные возможности для персонализации обучения, адаптивного дриллинга и виртуальной языковой иммерсии.

2. Искусственный интеллект не способен заместить преподавателя-человека. Оптимальной формой организации образовательного процесса является гибридная модель обучения (blended learning), в которой ИИ выполняет функции высокотехнологичного тренажёра и ассистента, а преподаватель выступает экспертом, фасилитатором и эмоционально-этическим медиатором.

3. Дидактизация ошибок ИИ представляет собой эффективный методический ресурс. Намеренное предъявление студентам сгенерированных нейросетью текстов, содержащих

грамматические или дискурсивные погрешности, стимулирует метаязыковую осознанность, развивает критическое мышление и навыки редактирования.

4. Требуется системное формирование промпт-грамотности (Prompt Engineering & AI Literacy) у студентов и преподавателей. В университетские учебные программы необходимо включать специализированные модули по составлению эффективных промптов, критической оценке источников и этике академического цитирования.

5. Необходима трансформация системы оценивания. В условиях доступности генеративных нейросетей акцент должен смещаться с контроля конечного письменного продукта на формирующее оценивание процесса создания работы (защита проектов через устные собеседования, рефлексивные дневники работы с ИИ).

Список использованной литературы

1. Евстигнеев М. Н. Нейросеть Twee – новый инструментарий для педагога английского языка / М. Н. Евстигнеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 1428–1442. – DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442.

2. Еремина В. М. Возможности нейросетей в процессе подготовки преподавателя к занятиям по иностранному языку и создании учебного контента / В. М. Еремина // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 102–112. – DOI: 10.21209/2658-7114-2024-19-3-102-112.

3. Кудряшова С. В. Роль искусственного интеллекта в языковом образовании (на примере французского языка в сфере юриспруденции) / С. В. Кудряшова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2024. – № 3. – С. 68–80. – DOI: 10.15593/2224-9389/2024.3.6.

4. Сысоев П. В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта / П. В. Сысоев // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 10. – С. 9–33. – DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33.

5. Awanbor J. E. Artificial Intelligence in French Language Education: Enhanced Effectiveness and Personalized Learning / J. E. Awanbor, G. B. I. Okon // NIU Journal of Educational Research. – 2026. – Vol. 12, No. 1. – P. 61–67.

6. Chahbi A. Generative Artificial Intelligence in French as a Foreign Language (FLE) Education: Pedagogical Challenges and Impacts on Learning Outcomes / A. Chahbi // Science Step Journal. – 2026. – Issue 13. – P. 1–12.

7. Chaubey P. Artificial intelligence & teaching and learning of french: Ethical and pedagogical challenges / P. Chaubey // Metaversalize. – 2024. – Vol. 1, No. 2. – P. 81–90. – DOI: 10.22105/metaverse.v1i2.75.

8. ElMouhtadi A. L'intelligence artificielle générative (IAg) dans l'apprentissage du FLE chez l'étudiante et l'étudiant marocains : étude de cas de la Faculté des sciences de Rabat / A. ElMouhtadi, S. Souhad, N. Soughati // Revue internationale des technologies en pédagogie universitaire. – 2025. – Vol. 22, No. 1. – P. 1–17. – DOI: 10.18162/ritpu-2025-v22n1-16.

9. FLEUR Network. 2024 Survey on Teaching French as a Foreign Language in UK Higher Education: Survey Report. – Association of French Teachers in Further and Higher Education in the UK, 2024. – 50 p.

10.Hellmich E. A. Machine Translation in Foreign Language Writing: Student Use to Guide Pedagogical Practice / E. A. Hellmich // Alsic. Apprentissage des Langues et Systèmes d'Information et de Communication. – 2021. – Vol. 24, No. 1. – DOI: 10.4000/alsic.5705.

11.Olaseinde F. O. Artificial Intelligence: The Educational Relevance in the Teaching and Learning of French Language in the 21st Century / F. O. Olaseinde // MJALE (Ekiti State University). – 2024. – Vol. 5, No. 1. – P. 102–110.

12.Szmyd K. Artificial Intelligence in Higher Education – An Empirical Study on its Impact on French Language Learning Efficiency and Human Capital Formation / K. Szmyd, E. Mitera // European Research Studies Journal. – 2026. – Vol. XXIX, Issue 1. – P. 509–526.

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор Шаршенова Р.М.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-27:800.6+177.1

Абдразак Жумабай уулу
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Абдразак Жумабай уулу
КНУ имени Жусупа Баласагына
Abdrazak Zhumabai uulu
KNU Jusup Balasagyn

«РАХМАТ» ДЕП АЙТПАЙ ЭЛЕ СЫЛЫК БОЛУУ: БАЙЛАНЫШ ТИЛИ КАНТИП ИШТЕЙТ
ВЕЖЛИВОСТЬ БЕЗ «СПАСИБО»: КАК РАБОТАЕТ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ
POLITENESS WITHOUT SAYING “THANK YOU”: HOW THE LANGUAGE OF COMMUNICATION WORKS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала коммуникациядагы сылыктыктын табиятын изилдеп, сылыктык негизинен «рахмат», «сураныч» жана «кечиресиз» сыяктуу стандарттык сөз айкаштары аркылуу гана билдирилет деген салттуу көз карашты сынга алат. Макала колдонмо лингвистика жана социолингвистика теорияларына, өзгөчө сылыктыкты социалдык гармонияны сактоого жана маектештин «жүзүн» коргоого багытталган коммуникативдик стратегиялардын татаал системасы катары түшүнүү керек деген көз карашка таянат. Сүйлөө актыларынын теориясындагы локутивдик, иллокутивдик жана перлокутивдик актылар түшүнүктөрүн колдонуу менен макала бир эле сөз айкаштары ниетке, интонацияга жана контекстке жараша ар кандай социалдык функцияларды аткара аларын көрсөтөт. Айрыкча коммуникациянын вербалдык эмес аспектилери – интонация, көз байланышы жана убакытты туура тандоо – көбүнчө сөздөрдүн өзүнө караганда көбүрөөк маанини билдирет. Изилдөө ошондой эле сылыктыкты билдирүүдөгү маданияттар аралык айырмачылыктарды баса белгилеп, сылыктык стандарттык сөз айкаштары менен гана чектелбестен, грамматика, унчукпоо же иш-аракеттер аркылуу да билдириле аларын көрсөтөт.

Аннотация: Данная статья посвящена природе вежливости в коммуникации и ставит под сомнение традиционное представление о том, что она выражается преимущественно с помощью стандартных фраз, таких как «спасибо», «пожалуйста» и «извините». Статья опирается на теории прикладной лингвистики и социолингвистики, в частности на концепцию, согласно которой вежливость следует понимать как сложную систему коммуникативных стратегий, направленных на поддержание социальной гармонии и защиту «лица» собеседника. Используя понятия теории речевых актов, включая локутивные, иллокутивные и перлокутивные акты, в статье показано, как одни и те же фразы могут выполнять разные социальные функции в зависимости от намерения, интонации и контекста. Особое внимание уделяется невербальным аспектам коммуникации – таким как интонация, зрительный контакт и выбор момента, – которые зачастую передают больше смысла, чем сами слова. В исследовании также освещаются межкультурные различия в выражении вежливости и показывается, что вежливость может передаваться с помощью грамматики, молчания или действий, а не только через стандартные выражения.

Abstract: This article is devoted to the nature of politeness in communication, challenging the traditional view that it is expressed primarily through standard phrases such as “thank you,” “please,” and “sorry.” The article draws on theories of applied linguistics and sociolinguistics, particularly the concept that politeness should be understood as a complex system of communicative strategies aimed at maintaining social harmony and protecting the interlocutor’s “face.” Using concepts from speech act theory, including locutionary, illocutionary, and perlocutionary acts, the article demonstrates how identical phrases can perform different social functions depending on intention, tone, and context. Particular attention is paid to nonverbal aspects of communication – such as intonation, eye contact, and timing – which often convey more meaning than the words themselves. The study also highlights cross-cultural differences in the

expression of politeness, showing that politeness can be conveyed through grammar, silence, or actions rather than through formulaic expressions.

Негизги сөздөр: сылыктык; сылыктык тили; гармониялуу мамилелер; локутивдик акт; иллокутивдик акт; перлокутивдик акт; этикет боюнча колдонмолор; ыраазычылык билдирүү.

Ключевые слова: вежливость; язык вежливости; гармоничные отношения; локутивный акт; иллокутивный акт; перлокутивный акт; руководства по этикету; выражение признательности.

Keywords: politeness; language of politeness; harmonious relationships; locutionary act; illocutionary act; perlocutionary act; etiquette guides; expression of appreciation.

Politeness is traditionally associated with certain words: “thank you,” “please,” and “sorry.” It seems that these words form the foundation of polite communication. In reality, however, the language of politeness is much broader and deeper. Is it possible to be polite without using these familiar phrases? And how does the language of communication actually work? Politeness isn’t just about using the “right” words; it’s an entire system of behavior. It includes intonation, word choice, context, and even nonverbal cues. A person might say “thank you” curtly or irritably - and that will sound less polite than a sincere “yeah, got it” delivered with a friendly tone. Thus, politeness is first and foremost an attitude toward the person you’re speaking with, rather than a formal set of expressions. Nevertheless, within the framework of modern pragmatics and sociolinguistics, politeness is understood in a much broader sense - as a complex system of communicative strategies aimed at maintaining harmonious relationships between communication partners.

The aim of this study is to examine how politeness is expressed in language without the mandatory use of standard expressions of gratitude, as well as to identify the mechanisms underlying polite communication. In 1987, linguist Penelope Brown and philosopher Stephen Levinson published a work that became a foundational concept for understanding politeness in human language [1]. Their theory, based on Erving Goffman’s concept of “face,” posited that all people bring two fundamental social needs to every interaction: the desire for approval and the desire to avoid imposition. Politeness, they argued, is a complex system of linguistic strategies that we use to protect these needs - both our own and those of others. Their theory did not require any specific word. Not “please.” Not “excuse me.” And, most importantly, not “thank you.” It required something both simpler and far more complex: the recognition of the other person as a social being whose face must be saved. This distinction between the form of politeness and its essence is the subject of this essay. It is not claimed here that phrases such as “thank you” are useless. That is not the case. But at best, they are a superficial expression of something deeper. And at worst, they are a substitute for it.

The Myth of Polite Words

There is a deeply ingrained cultural belief that politeness is equated with a specific set of words. Children are taught to say “thank you” even before they begin to understand how to use certain opening phrases [2; 3]. Underlying this is the assumption that politeness is a kind of code, and that mastering it means knowing the right words. This is a fundamental mistake. Words are vehicles, not content. The words “thank you” can be spoken with sincere warmth, out of mechanical habit, with passive aggression, or with outright contempt and in each case, they perform a completely different social act. Linguists call this the distinction between a locutionary act (what is said literally), an illocutionary act (what was intended), and a perlocutionary act (the effect it produces). “Thank you” is very easy to say as a locutionary act. As an illocutionary and perlocutionary act as sincere gratitude that reaches the recipient - it is an entirely different matter.

Politeness is not a demonstration of respect. It is a way to show another person that their presence, their efforts, and their experience matter. In his seminal work on speech act theory, philosopher J. E. Austin distinguished between “sincerely” and “performatively” uttered statements. A sincere statement is something the speaker believes. A performative statement, on the other hand, creates social reality at the moment it is uttered as, for example, when a judge says, “I sentence you” [2].

What Is the Nature of Politeness?

Brown and Levinson's "face-saving" theory remains the most reliable analytical tool for understanding the reasons behind politeness. In their view, any communicative act carries a certain degree of "face threat" - the potential to undermine the interlocutor's sense of self-worth or autonomy. A request poses a threat to "positive face" (the desire to be liked and to receive approval). Politeness is a set of strategies that speakers use to mitigate these threats.

It is important to note that these strategies do not necessarily involve any specific words. They include: acknowledging that you are imposing something on another person, expressing solidarity, making reservations that leave room for the other person, and attending to the other person's interests before expressing your own. None of them require the words "please" or "thank you." Together, they constitute politeness in its most functional sense [4].

Channels that go beyond words

Communication researchers estimate that between 65 and 93 percent of emotional meaning in face-to-face communication is conveyed through nonverbal channels: intonation, facial expressions, posture, pauses, eye contact, and physical proximity. This has direct implications for politeness. A doctor who makes eye contact, slows down their speech, and sits down rather than standing over the patient demonstrates more respect than one who expresses sympathy with perfectly phrased sentences while staring at a screen.

Tone, what linguists call prosody, has particular power. The same sentence, "You didn't have to do that," can sound like sincere gratitude, a mild rebuke, or bitter sarcasm, depending on intonation, tempo, and stress. Conversely, a "thank you" spoken without expression or in a detached manner may fail to convey gratitude at all, regardless of its literal meaning.

Choice of timing as a strategy of politeness.

One of the least discussed aspects of polite communication is the timing factor. The moment when something is said is just as important as the content of the statement itself. Immediate acknowledgment of a contribution before moving on to the next item or changing the subject - signals that the contribution has truly been noticed. A delayed or formulaic acknowledgment, especially if it follows several other agenda items, conveys the opposite: that it is more of a formality than a sincere acknowledgment. That is why, in many corporate cultures, the most respected communicators are not those who send the most thank-you notes, but those who demonstrate in real time that they are listening. The very act of listening - truly listening, without formulating a response, without checking your phone is in itself an act of profound courtesy. It says, "You deserve my full attention." No words can achieve this. Only constant presence.

Cross-Cultural Evidence

In different situations, the same words can be interpreted differently. For example, in a friendly conversation, excessive formality can create social distance, while in a business setting, a complete lack of politeness can come across as rude. Sometimes, not saying "thank you" doesn't mean you're being rude. In some cultures, appreciation is expressed in other ways, such as through actions, the tone of communication, or mutuality.

Comparative linguistics provides some of the most compelling evidence that politeness is structural rather than lexical in nature. In Japanese, a language distinguished by a rich system of honorific forms, the choice of verb ending, pronoun, and even vocabulary depends on the relative social status of the speaker and the listener. Politeness is not added to speech through special phrases - it is embedded in the grammar itself. A Japanese speaker cannot utter a simple sentence without first determining the social relationship between themselves and their interlocutor.

In many West African linguistic communities, researchers have documented complex systems of respectful communication built around forms of address, turn-taking in conversation, and the strategic use of proverbs - none of which correspond to Western markers of politeness. Silence itself is often a form of respect, while speaking too quickly or being overly talkative can be seen as rude.

Meanwhile, in many Northern European cultures, especially in Scandinavian ones, the expansive culture of gratitude characteristic of Anglo-American communication may be perceived more as a game than as sincerity. A Finn who says nothing but attentively helps you carry something heavy is, within the

framework of his communicative norms, demonstrating profound politeness. Transferring the vocabulary of politeness from another culture into this context can lead to a completely opposite result.

In written communication and especially in professional and journalistic texts the dynamics of politeness shift once again. The author cannot rely on intonation, pauses, or eye contact. What remains are structural choices (how is the reader's intelligence respected?), epistemic caution (how are claims qualified?), attention to the reader's presumed knowledge and time, and the fundamental question of whether the text treats its reader as a person or as a vessel.

An article that begins by explaining what its audience almost certainly already knows violates the rules of politeness, not because of rudeness, but because of a failure to properly imagine the reader. An email in which the request is buried in the fourth paragraph after lengthy justifications wastes the reader's time in a way that no amount of "please" can make up for. Politeness in writing is mainly a matter of structure: a respectful writer implicitly asks, "What does this person need from this text, and have I managed to provide it effectively?"

At the basis of gratitude as a linguistic act lies a paradox. Sincere gratitude, when it is genuinely felt, is typically specific in nature. It names what was done, acknowledges the effort expended by the recipient, and conveys the significance of that action. "Thank you for staying late to fix this - I know you had plans, and it saved the project" - this is an act of appreciation. "Thank you!" - this is a social reflex. In both cases, a word from the same word family is used. But only in one case is it genuine gratitude.

In his work on positive psychology, psychologist Martin Seligman proposed the "thank-you letter" as one of the most reliable and effective ways to increase well-being - not because it contains magic words, but because it requires the writer to be specific, clear, and attentive to the other person's contribution. This exercise works precisely because it forces the writer to go beyond template phrases and truly acknowledge another person's achievements.

Here is what is always necessary for polite communication - in its best form: sincere attention. Attention to the fact that someone has made an effort. Attention to the fact that the question deserves a genuine answer. Attention to the fact that this person currently has a sense of honor that needs to be protected, and they must be treated appropriately.

Conssequences for how we write and speak.

The analytical model developed here has practical implications. If politeness consists primarily in acknowledging the other person's worth and showing sincere attention, rather than in following lexical norms, then those who wish to show sincere respect should pay attention to aspects other than those typically recommended by etiquette guides. They should pay attention to specificity: general praise is less polite than specific acknowledgments, since the latter make it clear that you have noticed. They should pay attention to timeliness: an immediate response, even if incomplete, often expresses more respect than a belated, polished one. They should pay attention to proportionality: asking for too much without responding to a request threatens one's reputation; toning down a request means preserving one's reputation. And one should pay attention to the nature of one's attention - whether it is undivided or divided, focused on the other person or directed elsewhere.

None of this rules out the use of polite words. "Thank you," said sincerely and with complete devotion, remains a powerful communicative act. But its power lies not in the syllables themselves, but in what it signifies. The word is only a means. The goal is the acknowledgment of another person's efforts, existence, and value.

Alternative Ways to Express Politeness are the followings:

Even without standard polite phrases, politeness can be demonstrated through:

- a courteous tone;
- paying attention to the other person;
- the ability to listen without interruptions;
- clear and gentle expressions;
- empathy.

For example, instead of “thank you,” a person might say:

- “That’s really helpful”
- “Now it makes more sense”
- “I appreciate that”

Such phrases not only express gratitude but also make it more meaningful.

Conclusion: The Grammar of Politeness.

Language is not merely a system for conveying information. It is a medium through which social relationships are created, maintained, and destroyed. Politeness is a set of communicative practices that take this into account, i.e., they acknowledge in every interaction that something more than just the semantic content of what is said is at stake.

Findings from linguistics, intercultural communication, and psychology come to the same conclusion: what matters is not whether the word “thank you” is present, but whether acknowledgment is present. Acknowledgment of effort. Acknowledgment of imposition. Acknowledgment of the other person as a social being with needs, dignity, and a face worth protecting. A language that says “thank you” a hundred times a day but never looks the other person in the eye has mastered the form of politeness perfectly but has completely missed its essence. A language that says nothing but is fully focused on the other person, listens attentively, and structures its speech with the listener’s needs in mind, has understood what politeness is truly for.

The architecture of respectful communication is built not from words, but from attention. Words are only the finishing touch. The structure, the load-bearing walls, the foundation - all of this is attention. And attention, as anyone who has ever felt truly heard will tell you, needs no translation. Therefore, politeness is a complex communicative phenomenon that goes beyond the use of individual words such as “thank you.” It is realized through a system of strategies that include verbal, nonverbal, and contextual components. I’d like to conclude my article with the following sentence that the absence of standard phrases does not preclude politeness, provided that the basic principles of respectful communication are observed: attention to the conversation partner, consideration of the context, and an appropriate choice of language.

References

1. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
2. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford: Oxford University Press, 1962.
3. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
4. Leech G. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983.
5. Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. – New York: Academic Press, 1975.
6. Lakoff R. The Logic of Politeness; or, Minding Your P’s and Q’s // Chicago Linguistic Society. – 1973.
7. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Садыкова Н.А.

УДК 821.512.154-32:81'25=111

Айылчиева Н.А., Кочкорова Н.А.
Б.Осмонов атындагы Жалал-Абад Мамлекеттик Университети
Айылчиева Н.А., Кочкорова Н.А.
Жалал-Абадский Государственный университет имени Б.Осмонова
Ayilchieva N.A. Kochkorova N.A.
Jalal-Abad State University named by B.Osmonov

Ч. АЙТМАТОВДУН «АК КЕМЕ» ПОВЕСТИНДЕГИ ЭМОЦИОНАЛДЫК КАРАЖАТТАРДЫ АНГЛИС ТИЛИНЕ КОТОРУУНУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПОВЕСТИ Ч. АЙТМАТОВА «БЕЛЫЙ ПАРОХОД» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
PECULIARITIES OF TRANSLATING EMOTIONAL EXPRESSIVE MEANS INTO ENGLISH IN CH. AITMATOV'S NOVELLA “THE WHITE SHIP”

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада көркөм чыгармалардагы эмоционалдык-экспрессивдүү каражаттардын өзгөчөлүктөрү жана алардын котормодо берилиши талданат. Көркөм тексте каармандардын ички дүйнөсүн, сезимдерин жана психологиялык абалын тилдик каражаттар аркылуу чагылдыруу чыгарманын көркөм-эстетикалык таасирин күчөтөрү белгиленет. Изилдөөнүн негизги багыты катары Чыңгыз Айтматовдун «Ак кеме» повестиндеги эмоционалдык каражаттардын англис тилине которулушу каралат. Сырдык сөздөрдүн, эмоционалдык-экспрессивдүү лексиканын, метафоралардын, салыштыруулардын жана илептүү сүйлөмдөрдүн которулуу өзгөчөлүктөрү мисалдардын негизинде талданат. Изилдөөнүн жыйынтыгында көркөм котормонун сапаты эмоционалдык мазмунду, автордук стилди жана чыгарманын көркөмдүк өзгөчөлүктөрүн сактоо менен түздөн-түз байланыштуу экени белгиленет.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности эмоционально-экспрессивных средств в художественных произведениях и их передачи при переводе. Отмечается, что изображение внутреннего мира, чувств и психологического состояния персонажей с помощью языковых средств усиливает художественно-эстетическое воздействие произведения. Основное внимание уделяется особенностям перевода эмоциональных средств на английский язык в повести Чингиза Айтматова «Белый пароход». На конкретных примерах анализируются способы передачи междометий, эмоционально-экспрессивной лексики, метафор, сравнений и восклицательных предложений. В результате исследования подчеркивается, что качество художественного перевода непосредственно связано с сохранением эмоционального содержания, авторского стиля и художественных особенностей произведения.

Abstract: This article examines the features of emotional and expressive devices in literary works and their rendering in translation. It emphasizes that the representation of characters' inner worlds, feelings, and psychological states through linguistic devices enhances the artistic and aesthetic impact of a literary work. The study focuses on the translation of emotional devices into English in Chingiz Aitmatov's novella The White Ship. Using specific examples, it analyzes the translation of interjections, emotionally expressive vocabulary, metaphors, similes, and exclamatory sentences. The study concludes that the quality of literary translation is closely related to the preservation of emotional content, the author's style, and the artistic features of the original work.

Негизги сөздөр: көркөм котормо; эмоционалдык каражаттар; экспрессивдүү лексика; метафора; сырдык сөздөр; салыштыруу; стилистикалык өзгөчөлүктөр; көркөм образ; эмоционалдык боёк.

Ключевые слова: художественный перевод; эмоциональные средства; экспрессивная лексика; метафора; междометия; сравнение; стилистические особенности; художественный образ; эмоциональная окраска.

Keywords: literary translation; emotional devices; expressive vocabulary; metaphor; interjections; simile; stylistic features; literary image; emotional coloring.

Киришүү. Көркөм тексте тил маалымат жеткирүүчү каражат гана эмес, каармандын ички дүйнөсүн, автордун баалоосун жана чыгарманын эмоционалдык атмосферасын түзүүчү көркөм система болуп саналат. Эмоционалдык-экспрессивдүү каражаттарга сезимди түздөн-түз билдирген лексика, сырдык сөздөр, эпитеттер, метафоралар, салыштыруулар, кайталоолор, илептүү түзүлүштөр

жана интонациялык ыкмалар кирет. Алардын мааниси сөздүн өзүнчө тургандагы мааниси менен чектелбейт: конкреттүү контекстте бул каражаттар каармандын абалын жана баяндоонун жалпы маанайын күчөтүшү мүмкүн.

Көркөм чыгарманы которууда түпнускадагы мазмунду сактоо менен бирге анын стилистикалык жана эмоционалдык таасирин башка тилдин каражаттары аркылуу кайра жаратуу талап кылынат. А. В. Фёдоров котормону тилдик гана эмес, адабий-стилистикалык маселелер менен да байланышкан иш катары карайт [2]. Ю. Найда эквиваленттүүлүктү кабыл алуучуга тийгизген таасир менен байланыштырган [3]. П. Ньюмарк болсо коммуникативдик жана семантикалык котормонун айырмасын белгилеп, котормочунун чечими тексттин максатына жана өзгөчөлүгүнө жараша кабыл алынарын көрсөтөт [4]. Бул теориялык жоболор «Ак кеме» повестиндеги эмоционалдык каражаттарды талдоого негиз түзөт.

Изилдөөнүн актуалдуулугу Ч. Айтматовдун чыгармаларындагы психологиялык тереңдикти жана улуттук көркөм дүйнөнү англис тилдүү окурманга жеткирүү маселеси менен аныкталат. Повесттеги баланын ак кемеге болгон кыялы, чоңдор дүйнөсүндөгү жалгыздыгы жана жаратылыш менен болгон байланышы эмоционалдык таасирди түзүүчү негизги компоненттердин катарына кирет.

Заманбап изилдөөлөрдө көркөм котормонун стилистикалык өзгөчөлүктөрүн сактоо маселеси кайрадан көңүл борборуна чыгып жатат. Ma, Husain жана Wan Sulong 2014–2024-жылдардагы 61 изилдөөнү системалуу карап чыгып, котормодо автордук стилди кайра жаратуу багытында теориялык түшүнүктөрдү тактоо, тилдердин кеңири спектрин камтуу жана натыйжаларды ишенимдүү баалоо зарылдыгын белгилешет [6]. Бул тыянак «Ак кеме» повестин талдоодо да маанилүү: эмоционалдык каражаттарды жөн гана санап чыгуу жетишсиз, алардын тексттеги функциясын жана англисче котормодо кандай таасир түзөрүн түшүндүрүү керек.

Көркөм тексттеги эмоция дайыма эле сезимди түз атаган сөздөр аркылуу берилбейт. Hanafi англис-араб көркөм котормолорун талдоодо көмүскө маанинин, психологиялык подтексттин жана түз айтылбаган сезимдердин ролун белгилейт [7]. Бул ыкма «Ак кеме» повестиндеги жалгыздыкты талдоодо колдонууга ылайыктуу: баланын жалгыздыгы lonely сөзү менен гана эмес, аны курчаган тоолордун зордугу жана баланын аларга салыштырмалуу кичинекейлиги аркылуу да берилет.

Айтматовдун чыгармаларын которууга арналган жаңы изилдөөлөр да салыштырма-лингвомаданий талдоонун маанисин көрсөтөт. Chinloda «Ак кеме» повестиндеги фразеологизмдердин араб тилине которулушун карап, образдарды кабыл алуу тилдик айырмачылыктар менен катар котормо тилинин маданий чөйрөсүнө да көз каранды экенин белгилейт [8]. Ал эми Gümüş жана Abduvaliyeva 2025-жылы жарыяланган изилдөөсүндө «Ак кеме» чыгармасынын түрк тилиндеги бир котормосундагы маанилик жоготууларды, анын ичинде ортомчу тил аркылуу которуунун тобокелдиктерин талдашат [9]. Бул эмгектер англис тилиндеги котормону да сөздүк деңгээлде гана эмес, образдын маданий жана эмоционалдык функциясын эске алуу менен талдоо зарылдыгын бекемдейт.

Мындан тышкары, Linин 2026-жылы жарыяланган эмпирикалык изилдөөсү 471 университет студентинин маалыматтарына таянып, которулган адабий текстти кабыл алууда эмоционалдык таасир жана когнитивдик катышуу өз ара байланышта иштээрин көрсөтөт; эмоционалдык резонанстын күчү маданий контекстке жараша өзгөрүшү мүмкүн [10]. Бул макалада окурмандарга эксперимент жүргүзүлгөн эмес, ошондуктан аталган жыйынтык түздөн-түз «Ак кеме» котормосу боюнча эмпирикалык далил катары эмес, эмоционалдык таасирди түшүндүрүүчү азыркы теориялык багыт катары пайдаланылат.

Изилдөөнүн максаты жана милдеттери. Изилдөөнүн максаты — Ч. Айтматовдун «Ак кеме» повестинин англис тилиндеги котормосунда эмоционалдык-экспрессивдүү каражаттардын берилишин контексттик жана стилистикалык жактан талдоо.

Максатка жетүү үчүн төмөнкү милдеттер коюлду: 1) эмоционалдык-экспрессивдүү каражаттардын котормодогу функцияларын аныктоо; 2) англис тилиндеги текшерилүүчү үзүндүлөрдү талдоо; 3) лексикалык тандоонун, кайталоонун жана образдуулуктун эмоционалдык

таасирге кошкон салымын көрсөтүү; 4) цитаталарды илимий жактан туура шилтеме берүү принциптерин белгилөө.

Изилдөөнүн объектиси — «Ак кеме» повестиндеги эмоционалдык-экспрессивдүү тилдик каражаттар. Предмети — алардын англис тилиндеги котормодо берилиши жана стилистикалык функциялары.

Изилдөөнүн материалдары жана ыкмалары. Материал катары Mirra Ginsburg которгон The White Ship чыгармасынын онлайн жеткиликтүү электрондук нускасында кездешкен үзүндүлөр пайдаланылды [1]. Изилдөөдө контексттик талдоо, салыштырма талдоо жана стилистикалык талдоо ыкмалары колдонулду. Талдоо бирдиктери эмоционалдык мааниси контекстте байкала турган лексикалык сөз айкаштары жана кайталоолор болду.

Методологиялык чектөө: колдонулган электрондук нусканын тексттик көрүнүшүндө цитаталардын басма беттери ишенимдүү түрдө аныкталган жок. Ошондуктан бул вариантта ойдон чыгарылган бет номерлери берилбейт.

Талдоонун ишенимдүүлүгүн жогорулатуу үчүн ар бир мисал үч деңгээлде каралды: (1) лексикалык деңгээл — эмоционалдык маанини түз билдирген сөз; (2) стилистикалык деңгээл — кайталоо, эпитет жана сүйлөмдүн бөлүнүшү; (3) образдык деңгээл — каарман менен пейзаждын же символдун өз ара байланышы. Бул бөлүштүрүү статистикалык жыйынтык катары эмес, текстти ырааттуу талдоого жардам берген автордук аналитикалык схема катары сунушталат.

Натыйжалар жана талкуу.

1. Жалгыздыкты билдирген лексика жана контекст

Котормодогу эң маанилүү мисалдардын бири — “The boy felt at that moment very small, and very lonely. Alone among the huge mountains rising on all sides” [1]. Бул үзүндүдө “very small” жана “very lonely” айкаштары каармандын физикалык көлөмүн гана эмес, анын психологиялык жактан алсыз жана обочолонгон абалын да билдирет. “Very” күчөткүчүнүн кайталанышы сезимдин даражасын арттырат. Андан кийинки “Alone among the huge mountains” сүйлөм фрагменти жалгыздыкты өз алдынча интонациялык бирдик катары бөлүп көрсөтөт.

“Huge mountains” айкашы жаратылыштын чоңдугун баса белгилейт. Контекстте тоолордун масштабдуулугу баланын жалгыздык сезимине карама-каршы коюлат: айлана-чөйрө зор, ал эми бала өзүн өтө кичинекей сезет. Демек, эмоционалдык таасир “lonely” сөзү аркылуу гана эмес, каарман менен пейзаждын ортосундагы көлөмдүк карама-каршылык аркылуу түзүлөт. Котормочу бул байланышты сактоо үчүн сөздөрдүн лексикалык маанисин гана эмес, алардын сүйлөмдөгү ордун жана контексттик өз ара аракетин да эске алышы керек.

2. Кайталоо жана эмоционалдык чыңалуу

Ак кемени көргөн учурду сүрөттөгөн үзүндүдө “There it was!” деген сүйлөм эки ирет кайталанат [1]. Кайталоо окуянын динамикасын күчөтүп, баланын күтүүсү ишке ашкан учурду эмоционалдык жактан белгилейт. Бул жерде кайталоо ашыкча сөздүк кайталоо эмес; ал каармандын көңүлүнүн бир нерсеге толук топтолушун жана кубанычтуу толкунданууусун көрсөтөт.

Мындай түзүлүштү которууда кайталанган сүйлөмдү стилистикалык себепсиз кыскартуу эмоционалдык ритмди алсыратышы мүмкүн. Ошол эле учурда котормочу кайталоону сөзмө-сөз сактоо менен чектелбестен, максаттуу тилде анын табигый угулушун жана каармандын реакциясын эске алууга тийиш. Бул жагынан кайталоо тексттин семантикалык жана прагматикалык деңгээлдерин бириктирген каражат катары көрүнөт.

3. Пейзаж жана каармандын ички дүйнөсү

Англисче үзүндүдө тоолор “enormous and endless” деп мүнөздөлөт, ал эми баланын абалы “very small, and very lonely” деген сөз айкаштары аркылуу берилет [1]. “Enormous” жана “endless” сын атоочтору мейкиндиктин чексиздигин элестетет. Алардын эмоционалдык функциясы түздөн-түз сезимди атоодон айырмаланат: пейзаж каармандын ички абалын кыйыр түрдө күчөтөт.

Бул мисалдан жаратылыш сүрөттөлүшүн өз алдынча фон катары гана кароого болбой турганы көрүнөт. Ал каармандын психологиялык абалын ачууга катышат. Көркөм котормодо ушундай

образдык байланыштар сакталса, англис тилдүү окурман каармандын жалгыздыгын түз айтылган маалымат катары гана эмес, пейзаж менен болгон контраст аркылуу да кабыл алат.

4. Ак кеме образынын символдук функциясы

Повесттин аталышындагы “the white ship” образы баланын кыялы жана үмүтү менен тыгыз байланышта. Англисче үзүндүдө кеме “long, powerful, splendid” деп сүрөттөлөт жана анын көрүнүшү баланын көңүлүн толугу менен ээлейт [1]. Бул эпитеттер кеменин визуалдык мүнөздөмөсүн гана бербестен, бала үчүн анын өзгөчө маанисин да күчөтөт.

Ак кемени үмүттүн, кыялдын жана башка жашоого умтулуунун символу катары чечмелөө тексттин жалпы мазмунуна таянган интерпретация болуп саналат. Аны сөзсүз түрдө жалгыз мүмкүн болгон чечмелөө катары көрсөтүүгө болбойт; символдун мааниси чыгарманын контекстинде ачылат. Котормодо “white ship” деген негизги образды өзгөртпөй сактоо маанилүү, анткени ал повесттин аталышы менен да, баланын кыял дүйнөсү менен да байланышкан.

5. Эмоционалдык таасирдин үч катмары: кошумча талдоо

Биринчи катмар — түз эмоционалдык аталыш. “Very lonely” каармандын жалгыздык сезимин ачык атайт. Экинчи катмар — күчөтүү жана ритм: “very small, and very lonely” түзүлүшүндө very сөзүнүн кайталанышы эки белгини тең күчөтүп, сүйлөмдүн ыргагын түзөт. Үчүнчү катмар — контексттик контраст: “huge mountains” деген сүрөттөмө баланын өзүн “very small” сезиши менен бирге берилгенде, жалгыздык жеке психологиялык абалдан кеңири мейкиндикте өзүн алсыз сезүү тажрыйбасына айланат. Бул үч катмар бир эле үзүндүнүн эмоционалдык күчүн өз ара толуктап турат.

Кызыктуу котормочулук маселе “Alone among the huge mountains rising on all sides” деген фрагментте байкалат. “Alone” сөзүнүн өзүнчө сүйлөм катары берилиши синтаксистик бөлүнүүнү жана тыныгууну күчөтөт. Эгер бул фрагмент мурунку сүйлөмгө кошулуп, бир гана узун сүйлөмгө айландырылса, мазмун негизинен сакталышы мүмкүн, бирок жалгыздыкка басым жасаган ритм алсырайт. Демек, котормодо пунктуация менен сүйлөмдүн бөлүнүшү да эмоционалдык каражат катары каралышы керек.

“There it was!” кайталоосу кубанычты гана эмес, көз менен издөө, таануу жана көңүлдүн бир чекитке топтолушу сыяктуу кабыл алуу этаптарын да элестетет. Кайталоону алып салуу окуянын фактылык мазмунун сакташы мүмкүн, бирок баяндоонун темпин жана баланын реакциясынын күчүн төмөндөтөт. Ошондуктан бул жерде котормонун сапатын лексикалык дал келүү менен гана өлчөө жетишсиз; синтаксистик ритмдин сакталышын да эске алуу зарыл.

Ак кеменин образына байланыштуу дагы бир кызыктуу жагдай — символдун көп маанилүүлүгү. “The white ship” деген сөз айкашы түз мааниде кеме жөнүндө айтса, чыгарманын бүтүндөй контекстинде баланын кыялына, үмүтүнө жана башка жашоого умтулуусуна байланышкан образ катары кабыл алынат. Муну котормочу тексттин ичинде “hope” же “freedom” сөздөрүн кошуп түшүндүрүү аркылуу эмес, негизги образды жана анын контексттеги байланышын сактоо аркылуу жеткире алат. Түшүндүрмөнү текстке кошуп жиберүү автордук көп маанилүүлүктү азайтышы мүмкүн.

Таблица 1. Эмоционалдык каражаттардын англис тилиндеги мисалдары жана функциялары

Эмоционалдык каражат	Англис тилиндеги конкреттүү мисал	Тексттеги функциясы	Кыргызча түшүндүрмө
Эмоционалдык-экспрессивдүү лексика	“very lonely” [1]	Каармандын обочолонуу сезимин түз билдирет.	Very күчөткүчү lonely сөзүнүн эмоционалдык даражасын арттырат.
Күчөткүч жана кайталоо	“very small, and very lonely” [1]	Каармандын абалын эки өз ара байланышкан белги аркылуу күчөтөт.	Very сөзүнүн кайталанышы баланын кичинекейлик жана жалгыздык сезимдерин баса белгилейт.
Пейзаждык	“huge mountains”;	Кең мейкиндикти жана	Тоолордун зордугу баланын

эпитеттер	“enormous and endless” [1]	каармандын жалгыздыгын карама-каршы коюп көрсөтөт.	өзүн кичинекей сезишин контекст аркылуу күчөтөт.
Кайталоо	“There it was! … There it was!” [1]	Күтүүнүн ишке ашкан учурун эмоционалдык жактан белгилейт.	Сүйлөмдүн кайталанышы баланын толкунданууусун жана кубанычын берет.
Эпитеттер	“long, powerful, splendid” [1]	Ак кеменин таасирдүү көрүнүшүн сүрөттөйт.	Сын атоочтор кеменин сырткы көрүнүшүн жана бала үчүн өзгөчө маанисин күчөтөт.
Символдук образ	“the white ship” [1]	Баланын кыялы жана үмүтү менен байланышат.	Ак кеме чыгарманын контекстинде баланын кыял дүйнөсүнүн символу катары чечмеленет.

Жыйынтыктар. Бул макаланын кошумча аналитикалык салымы — эмоционалдык таасирди үч өз ара байланышкан катмар аркылуу карoo: түз лексикалык билдирүү, стилистикалык күчөтүү жана образдык контекст. Бул схема «Ак кеме» повестиндеги жалгыздык, кайталоо жана ак кеме символун талдоодо колдонулуп, кийинки изилдөөлөрдө түпнуска менен котормонун бир нече басылышын салыштыруу, цитаталардын пагинациясын текшерүү жана окурмандардын кабыл алуусун өзүнчө изилдөө аркылуу кеңейтүүгө болот.

Талдоо «Ак кеме» повестинин англис тилиндеги котормосунда эмоционалдык таасир бир нече тилдик жана композициялык каражаттын өз ара аракетинен түзүлөрүн көрсөттү. “Very small, and very lonely” айкашы каармандын ички абалын түз билдирсе, “huge mountains”, “enormous and endless” сыяктуу пейзаждык мүнөздөмөлөр анын жалгыздыгын кыйыр түрдө күчөтөт. “There it was!” сүйлөмүнүн кайталанышы күтүүнүн ишке ашкан учурун баса белгилейт, ал эми “long, powerful, splendid” эпитеттери ак кеменин бала үчүн эмоционалдык маанисин ачууга көмөктөшөт.

Демек, көркөм котормодо эмоционалдык каражаттарды берүү лексикалык эквивалентти тандоо менен эле чектелбейт. Котормочу контекстти, сүйлөмдүн ыргагын, кайталоону, пейзаж менен каармандын ички дүйнөсүнүн байланышын жана символдук образдардын бүтүндүгүн эске алышы керек.

Колдонулган адабияттар

1. Aitmatov Ch. The White Ship / translated by M. Ginsburg. – Электронный ресурс. – URL: https://cslnaskr.krena.kg/collections/uploads/white-ship-chingiz-aitmatov-.pdf (дата обращения: 27.10.2026).
2. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 5-е изд. – Москва: Филология три, 2002.
3. Nida E. A. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. – Leiden: Brill, 1964.
4. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York: Prentice Hall, 1988.
5. Айылчиева Д. Т. О выводимости константы и переменных в изречениях Конфуция // Елабужские филологические чтения: сборник научных трудов / под ред. О. В. Закировой, Э. Р. Ибрагимовой. – Елабуга, 2022.
6. Ma G., Husain S., Wan Sulong W. M. Stylistic Reproduction in Translation Studies (2014–2024): A Systematic Review // SAGE Open. – 2025. – DOI: 10.1177/21582440251396159.
7. Hanafi H. Beyond Words: The Translation of Emotion and Subtext in Selected Literary Texts // International Journal of Linguistics and Translation Studies. – 2025. – Vol. 6, № 2. – P. 64–81. – DOI: 10.36892/ijlts.v6i2.586.

8. Chinloda M. S. Features of Interlanguage Translation of the Imagery of a Literary Text by Means of the Arabic Language: Based on the Story “The White Steamship” by Ch. Aitmatov // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2024. – Vol. 15, № 4. – P. 1443–1454. – DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1443-1454.
9. Gümüş M., Abduvalieva G. Cengiz Aytmatov’un Beyaz Gemi Adlı Eserinin Çevirisinde Anlam Kayıpları Sorunu // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. – 2025. – № 60. – P. 197–216. – URL: https://dergipark.org.tr/tr/pub/tdded/article/1819854.
10.Li X. Exploring the Psychological and Cognitive Mechanisms of Literary Translation: A Multilevel Moderation Perspective on Cultural Context // Acta Psychologica. – 2026. – Vol. 263. – Article 106215. – DOI: 10.1016/j.actpsy.2026.106215.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент Асылбекова Ч.А.

УДК: 81'27:395:81:37:81’374

Алишова М.К., Мамбеталиева А.Ш.
Ала Тоо эл аралык университети
Кусеин Карасаев атындагы Бишкек мамлекеттик университети
Алишова М.К., [1]Мамбеталиева А.Ш.[2]
Международный университет Ала-Тоо[1]
Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева[2]
Alishova M.K., Mambetalieva A.Sh.
Ala-Too International University
Bishkek State University named after K. Karasaev

ДҮЙНӨНҮН ТИЛДИК СҮРӨТҮНДӨГҮ ЛАКУНАЛАР ЖАНА АЛАРДЫН КОТОРМОСУ
ЛАКУНЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ИХ ПЕРЕВОД
LACUNAE IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW AND THEIR TRANSLATION

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада ар бир элдин өзгөчө дүйнө таанымын чагылдырган тилдик сүрөттөлүштөр жана алардагы лакуналар, башкача айтканда, бир тилде бар болуп, экинчи тилде кездешпеген маданий-лексикалык бирдиктер изилденет. Илимий макаланын негизги максаты – дүйнөнүн тилдик сүрөтүндөгү лакуналардын табиятын, пайда болуу себептерин жана алардын улуттук менталитет менен байланышын ачып берүү, ошондой эле котормо процессиндеги мындай боштуктарды толтуруунун жолдорун аныктоо. Бул багытта маданий өзгөчөлүктөрдү сактоо менен бирге, түп нусканын маанисин так жеткирүүчү функционалдык эквиваленттерди табуу маселеси каралат. Изилдөөдө тилдер аралык дал келбестиктерди жоюуда сүрөттөмө котормо, калькалоо жана транскрипция сыяктуу натыйжалуу ыкмалар сунушталат. Ар түрдүү маданияттарда дүйнөнүн тилдик сүрөтү түрдүү каражаттар жана жолдор аркылуу берилет, себеби дүйнөнү кабыл алуу ар бир этностун улуттук-маданий өзгөчөлүктөрүнө жараша болот.

Аннотация: В этой статье исследуются языковые представления и лакуны в них, которые отражают уникальное мировоззрение каждого народа, то есть культурно-лексические единицы, существующие в одном языке и не имеющие соответствий в другом. Основная цель научной статьи – раскрыть природу лакун в языковой картине мира, причины их возникновения и их связь с национальным менталитетом, а также определить способы восполнения таких пробелов в процессе перевода. В этом направлении рассматривается вопрос о поиске функциональных эквивалентов, которые точно передают значение оригинала, сохраняя при этом культурные особенности. В исследовании предлагаются эффективные методы устранения межъязыковых несоответствий, такие как описательный перевод, калькирование и транскрипция. Языковая картина мира в разных

культурах передается различными средствами и способами, поскольку восприятие мира зависит от национально-культурных особенностей каждого этноса.

Abstract: This article examines linguistic representations and lacunae that reflect the unique worldview of each nation, that is, cultural and lexical units that exist in one language but have no equivalents in another. The main purpose of the article is to reveal the nature of lacunae in the linguistic picture of the world, the causes of their occurrence, and their connection with the national mentality, as well as to identify ways to fill such gaps during the translation process. In this context, the issue of finding functional equivalents that accurately convey the meaning of the original while preserving cultural characteristics is considered. The study suggests effective methods for overcoming interlingual discrepancies, such as descriptive translation, calquing, and transcription. The linguistic picture of the world is conveyed through different means and methods across cultures, since the perception of the world depends on the national and cultural characteristics of each ethnic group.

Негизги сөздөр: дүйнөнүн тилдик сүрөтү; лакуна; маданий өзгөчөлүк; лексикалык бошток; улуттук менталитет; тилдер аралык дал келбестик; транскрипция; котормо таануу; коомдук иерархия; функционалдык эквивалент.

Ключевые слова: языковая картина мира; лакуна; культурная самобытность; лексический пробел; национальный менталитет; межъязыковое несоответствие; транскрипция; переводоведение; социальная иерархия; функциональный эквивалент.

Keywords: linguistic picture of the world; lacuna; cultural identity; lexical gap; national mentality; interlingual discrepancy; transcription; translation studies; social hierarchy; functional equivalent.

Тил менен маданияттын алып жүрүүчүсү же ээси – адам. Котормо – бул тилдик трансформация гана эмес, улуттук баалуулуктарды дүйнөлүк деңгээлге чыгаруучу жана башка маданияттардын кенчине жол ачуучу стратегиялык көпүрө.

Маданият – адам тарабынан калыптандырылган, адамзат коомунун турмушундагы феномен. Андыктан маданият материалдык жана руханий ишмердүүлүктүн, социалдык-тарыхый, эстетикалык, моралдык нормалардын жана баалуулуктардын натыйжасы болуп эсептелет. Аталган баалуулуктар адамдын дүйнө таанымын көрсөтүү менен, түрдүү концептуалдык жана тилдик каражаттар аркылуу туюндурулат.

А. Вежбицкая Клиффорд Герц тарабынан берилген аныктаманы колдоого алып, «Маданият – тарыхый жактан берилүүчү маанилердин моделдери, символдор менен толукталган түшүнүктөр, адамдардын бири-бири менен жашоо жана турмуштук эрежелер жөнүндөгү билимдерин алмашуусу» деген аныктаманы сунуштаган [3].

В. Л. Маслова маданият менен тилдин өз ара карым-катышын төмөндөгүдөй мүнөздөйт:

- тил – ата-бабалардан мурас катары сакталып келген маданияттын маанилүү бир бөлүгү;
- тил – маданиятты таанып, үйрөнүүчү негизги курал [6].

Демек, тил маданияттын ажырагыс бөлүгү жана анын негизги куралы. Сөздөр аркылуу дүйнөнүн сүрөтүн туюнтуу – абдан маанилүү маселелердин бири. Ар түрдүү маданияттарда дүйнөнүн тилдик сүрөтү (ДТС) түрдүү каражаттар жана жолдор аркылуу берилет, себеби дүйнөнү кабыл алуу ар бир этностун улуттук-маданий өзгөчөлүктөрүнө жараша болот. Лингвомаданий, этнологиялык, лингвосоциологиялык жактан алып караганда, ДТСтин өзгөчөлүгүн изилдөө жеңилге турат. Себеби тилдик каражаттарды коомдун, маданияттын жана элдин психологиялык өзгөчөлүктөрүнүн контекстинде изилдөө алардын айырмачылыктарын табууга жардам берет жана башка маданияттагы элдердин дүйнө таанымынын өзгөчөлүктөрүн салыштырып изилдөөгө өбөлгө түзөт. Ал эми котормодо этномаданий, лингвомаданий өзгөчөлүктөрдү бир тилден экинчи тилге толук жеткирүү дайыма эле мүмкүн боло бербейт, ошондуктан бошток, башкача айтканда, лакуналар пайда болот.

Лакуна деген сөз латын тилинен которгондо «бошту к», «көңдөй» же «бош орун» деген маанини туюнтат. Лингвистика жана котормо изилдөөлөрүндө ал башка лингвистикалык же маданий системада тиешелүү бирдиктин жоктугун билдирет. Бул терминдин маанилүүлүгү анын көңүлдү бир татаал сөздөн тилдердин ортосундагы мамилеге буруп жаткандыгында. Лакуна – бул жөн гана белгисиз сөз эмес, бир маданияттагы тажрыйбанын белгилүү бир бөлүгү башка маданиятта башкача тилдик каражаттар аркылуу туюнтуларын көрсөткөн белги.

Котормо теориясындагы бошту ктардын контекстинде котормо бир сөздү экинчисине алмаштыруунун ордуна маданий маанини чечмелөө процессине айланат. Ошондуктан котормочу бирдиктин семантикалык өзөгүн аныктап, максаттуу окурман үчүн кайсы элементтер маанилүү экендигин белгилеп, түшүндүрмө, функционалдык эквивалент, транслитерация же адаптация ыкмаларынын кайсынысы артыкчылыктуу экендигин чечиши керек. Эң негизгиси, котормо чечими сөздүн формалдык окшоштугуна гана эмес, анын тексттеги функциясына да негизделиши керек [8].

Тил коммуникация куралы гана эмес, маданий маалыматты сактоо, өткөрүп берүү жана калыптандыруу механизми катары да каралат. С. Г. Тер-Минасова белгилегендей, тил маданий тажрыйбаны өткөрүп берүүнүн жана улуттук өзгөчөлүктү (иденттүүлүктү) сактоонун эң маанилүү куралы болуп саналат [7]. Тилдин улуттук-маданий өзгөчөлүктөрүн изилдөөдө лингвокультурологиялык ыкма маанилүү ролду ойнойт. Бул маселени чечүү үчүн алгач дүйнөнүн тилдик сүрөтү (ДТС) түшүнүгү жана А. Стамовдун «Хан Тейиш» романынан алынган үзүндү лингвомаданият таануу илиминин алкагында талданат. Дүйнөнүн тилдик сүрөтү (ДТС) – бул тилдин ээси болгон улуттун айлана-чөйрөнү, коомду, көзгө көрүнгөн жана көрүнбөгөн нерселерди, адамдык мамилелерди жана дүйнөнү кандай кабыл алгандыгынын тилдик каражаттар аркылуу чагылдырылышы [2].

Мисалы:

– Бала жети жашка чейин атасынын колун кармап, аны ээрчип өсөт экен. Бала жетиден он беш жашка чыкканча «Ата, бул эмне? Бу кандай?»-деп сурап өсөт. Бала он беш жаштан жыйырма бир жашка дейре: «Ата, мен кылайын»-деп анын жүгүн жеңилдетүүгө аракеттенет. Ал эми бала жыйырма бир жаштан отуз жашка чыкканча: «Атам билбейт, мен андан кыйынмын» дегендей манчыркап калат. Андай манчыркоо атага оор тийип жатканын балаң чиркин туймак беле, - деп келип Чаа бий дымыды да, көпчүлүктөн көзүн тартып алган жок. Бала отуз жаштан ашып, кырк жашка келгенде атамдан сурагылачы, атам менен кеңешейинчи деп калганын көрүп, ичи жылыйт тура. Ошентип балаң кургур кыркка жакындаганда: «Атам билет, атам чечет»-деп атасын сыйлап, аны кудайындай көрүп каларын билгенде төбөң көккө жетип, ишенимиң артат экен, эл-журтум, - деп сөзүн бүтүрдү [9, 306–307-бб.].

А. Стамовдун «Хан Тейиш» романынан алынган үзүндүдө кыргыз этносунун улуттук-маданий дүйнө таанымындагы «Ата» жана «Бала» концепттеринин орду, тактап айтканда, курактык психология жана ата-баланын ортосундагы иерархиялык мамиле баяндалган.

Кыргыз маданиятында адамдын жаш курагына жараша коомдук-социалдык жана философиялык милдеттер жүктөлүп турат. Мисалы, мүчөл жаш, ордо бузар кырк жаш ж. б. Чаа бийдин сөзүндө баланын өсүшү 7, 15, 21, 30 жана 40 жаш сыяктуу маанилүү хронологиялык баскычтарга бөлүнүп, ар бир куракта баланын атага (коомго) болгон мамилесинин динамикасы кыргыздын менталитетине, тарбия салтына мүнөздүү түрдө берилген.

Бул тексттин фрагментин англис тилине которууда британ маданиятындагы айырмачылыктардан улам мазмундук жана маданий лакуналар, башкача айтканда, котормодо түз эквиваленти жок маданий бошту ктар пайда болушу мүмкүн. Себеби Британиядагы үй-бүлөлүк модель жана социалдык баалуулуктар кыргыз маданиятынан айырмаланат.

Британ маданияты үчүн лакуна болгон негизги учурларга токтоло кетсек, кыргыздар үчүн ата идеал, атанын сөзү ыйык. Бул түшүнүк «Атасын кудайындай көрүп каларын...» деген контексттен айкындалат. «Атам билет, атам чечет» деген сөздөр атаны өтө бийик тутуп, аны идеал катары кабыл алууну билдирет. Британ маданиятында мындай мамиле башкача кабыл алынышы мүмкүн. Батыш, өзгөчө британ маданияты индивидуализмге (individualism) көбүрөөк багытталган. Анда баланын эрте

бойго жетип, 18 жаштан тартып өз алдынча жашоого умтулуусу кеңири таралган көрүнүш катары каралат. Ошондуктан бул көрүнүштү менталдык лакуна катары кароого болот.

Кийинки «Атам билбейт, мен андан кыйынмын...» деген фрагментте курактык баскычтардагы мамилелер чагылдырылган. Британ маданиятында өспүрүм курактагы каршылыктар (rebellious/teenage years) психологиялык түшүнүктөр аркылуу түшүндүрүлөт. Бирок кыргыз ДТСиндегидей, Чаа бийдин тили менен айтканда, «манчыркоонун атанын жүрөгүнө оор тийиши» жана ага коомчулуктун баа бериши британдыктарда улуттук деңгээлдеги философиялык салт катары каралбайт.

«Чаа бий дымыды...» деген фрагментте «бий» түшүнүгү институттук лакуна катары каралат. Бий эл алдында акылмандык, калыстык менен үлгү көрсөтүп, коомдук тарбия берүү милдетин аткарган. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгүндө «бий» сөзүнө революцияга чейинки казактардын жана кыргыздардын соту деген аныктама берилген. Мисалы: «Өрдөк жокто чулдук бий» (макал), «Мен болгон ишти бийге айттым» (Баялинова).

Ошондой эле «кан» түшүнүгүнө токтолсок, бул британ маданиятында түз эквиваленти жок түшүнүктөрдүн бири катары каралат. Мурда кыргыздарда Октябрь революциясына чейин мамлекеттик жетекчини же аймактык башкаруучуну «кан» деп аташкан. Казактарда «хан» деп аташат. Бул түшүнүк денедеги канга салыштырылып, элди башкаруунун маңызын, адилеттүүлүктү жана өлкөнүн бүтүндүгүн дене мүчөлөрүнүн иштеши аркылуу түшүндүргөн философиялык метафора катары берилет. Бул түшүнүктүн келип чыгышы функционалдык жана органикалык окшоштук менен байланыштырылат. Кан дене мүчөлөрүнүн кичине-чоңдугуна карабай, мээден баштап буттун учуна чейин жүгүрөт. Ал бардык органдарды азыктандырат.

«Кан» (жетекчи) деп аталуунун себеби да ушул салыштыруу аркылуу түшүндүрүлөт: башкаруучу бүтүндөй элге, анын коомдогу ордуна, байлыгына же уруусуна карабай, бирдей жана адилеттүү мамиле кылууга тийиш. Мамлекеттеги эң кичинекей катмар же катардагы жаран да башкаруучунун камкордугунан жана мыйзамдын адилеттүүлүгүнөн сыртта калбашы керек деген түшүнүк берилет.

Лингвистикалык анализди улантсак, лингвомаданият таануу илиминде бул текст этнолингвистикалык жана социолингвистикалык өңүттө каралат. Муну төмөнкү факторлор менен түшүндүрүүгө болот. Биринчиден, ата, бала, бий – этносоциалдык ролдор. Текстте улуттук үй-бүлөлүк институт, кыргыз этносунун патриархалдык коомдук түзүлүшү, атанын үй-бүлөдөгү жана уруудагы статусу чагылдырылган. Бул – социолингвистикалык өңүт.

Экинчиден, ар бир куракка берилген мүнөздөмө (мисалы, 15 жашта жүгүн жеңилдетүү, 21 жашта манчыркоо, 40 жашта кеңешүү) кыргыз элинин кылымдар бою топтолгон улуттук тажрыйбасынын негизинде калыптанган менталдык стереотиптерди чагылдырат. Бул психолингвистикалык жана стереотиптик образдарды түзөт.

Үчүнчүдөн, этностук баалуулуктардын аксиологиялык аспектиси каралат. Текстте кыргыз маданияты үчүн карыны сыйлоо, атанын батасын алуу, атанын кадыр-баркын таануу маанилүү баалуулуктар катары көрсөтүлгөн. Британ маданиятында эркиндикке жана тең укуктуулукка (egalitarianism) басым жасалса, кыргыздын тилдик сүрөтүндө иерархияга жана атага болгон сыйга (filial piety) өзгөчө маани берилет.

Бул текст кыргыз коомунун дүйнөнү кабыл алуу өзгөчөлүгүн, анын ичинен адам өмүрүнүн этаптарын моралдык-этикалык жактан баалоо концепциясын чагылдырат. Тексттеги «манчыркоо», «төбөң көккө жетүү», «кудайындай көрүү» сыяктуу тилдик каражаттарды британ маданиятына түз которууда маданий-семантикалык лакуналар пайда болушу мүмкүн. Текст этнолингвистикалык жана социомаданий өзгөчөлүктөрдү камтыйт, анткени анда улуттук психология, каада-салт жана коомдук ролдор тилдик каражаттар аркылуу берилген.

Корутундуда лакуна түшүнүгүн талдоо эквиваленттүүлүк ар дайым салыштырмалуу экендигин жана бирдиктин коммуникативдик функциясына көз каранды экендигин көрсөтөт. Бул термин түз эквиваленттин жоктугу кокустук эмес, реалдуулукту категорияларга бөлүүнүн ар кандай

жолдору менен байланыштуу экендигин түшүндүрүүгө жардам берет. Бул ыкма котормо механикалык лингвистикалык операция гана эмес, коммуникативдик жана маданий иш-аракет деген ойго дал келет [5].

Салыштырмалуу талдоо көрсөткөндөй, лакуналарды которууда маани жарым-жартылай гана берилет: негизги мазмун сакталганы менен, анын маданий жана эмоционалдык өзгөчөлүктөрү солгундашы мүмкүн. Муну менен катар, маданий өзгөчөлүктөр орусча котормодо көбүрөөк сакталса, англисче котормодо маанини жалпылоо жана жөнөкөйлөтүү басымдуулук кылат.

Изилдөөдө лакуналарды берүү үчүн транслитерация, сүрөттөө, функционалдык алмаштыруу жана семантикалык жалпылоо сыяктуу ар түрдүү стратегиялар колдонулары аныкталды. Стратегияны тандоо лакунанын мүнөзүнө жана котормонун коммуникативдик милдетине байланыштуу.

Ошентип, лакуналар көркөм тексттин маанилүү бөлүгү болуп саналат жана которууда комплекстүү мамилени талап кылат. Тилдер менен маданияттардын ортосундагы айырмачылыктардан улам, лакуналардын маанисин маданий-маанилик жоготуусуз толук жеткирүү дайыма эле мүмкүн боло бербейт. Бул жыйынтыктар теориялык изилдөөлөрдө жана котормочулардын практикалык ишмердүүлүгүндө колдонулушу мүмкүн.

Санариптик доордо филолог-котормочунун баалуулуктарды сактоодогу ролу өсүүдө. Азыркы жасалма интеллект өнүккөн заманда машина текстти которо алат, бирок ал улуттук духту сезе албайт. Биз, окумуштуу-чет тилчилер, котормо аркылуу кыргыз дүйнө таанымын дүйнөлүк симфониянын ажырагыс бөлүгү катары таанытууга тийишпиз. «Котормо – бул элдердин ортосундагы руханий көпүрө». Кыргыз тилиндеги баалуулуктарды сапаттуу котормолор аркылуу дүйнөлүк интеллектуалдык мураска кошуу ар бирибиздин милдетибиз.

Котормо – бул улуттук баалуулуктардын келечеги.

Колдонулган адабияттар

1. Абдразакова Г. Ш. Концепт жана аны окутуунун айрым маселелери : окуу-методикалык курал. – Бишкек, 2018. – 96 б.
2. Алишова М. К. Дүйнөнүн тилдик сүрөтү жана котормо : монография. – Бишкек, 2019. – 330 б.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 263–305.
4. Караева З. К. Перевод и семиотика: Многоязычное бытие эпоса «Манас» и теоретико-методологические проблемы переводоведения : монография. – Бишкек : 2006. – 332 с.
5. Кенжебаев Д. О. Котормонун илимий-теориялык негиздери. – Бишкек, 2014. – 336 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2001. – 208 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
8. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю., Крюков А. Н. и др. Этнопсихолингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
9. Стамов А. Хан Тейиш : тарыхый роман. – Бишкек : Бийиктик, 2012. – 808 б.
10. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Биринчи бөлүк / жалпы ред. А. Акматалиев. – Бишкек : Авангард пресс, 2015. – 800 б.
11. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү / ред. Э. Абдуллаев, Д. Исаев. – Фрунзе : Мектеп, 1984. – Т. 1. – 622 б.

Рецензент:

УДК.21.373.234:811

Алишова И.К.

Жусуп Баласагын атындагы КУУ

Алишова И.К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Alishova I.K.
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗ ЖАНА АНГЛИС ТИЛДЕРИНДЕГИ ТУУГАНЧЫЛЫК АТАЛЫШТАРДЫН ОНОМАСИОЛОГИЯЛЫК АСПЕКТИЛЕРИ
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
ONOMASIOLOGICAL ASPECTS OF KINSHIP TERMS IN KYRGYZ AND ENGLISH

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада кыргыз жана англис тилдериндеги тууганчылык аталыштардын ономасиологиялык аспектилери салыштырмалуу каралат. Кыргыз маданиятында адамга ат коюу маанилүү орунду ээлейт. Жеке ысымдар жана тууганчылык терминдери коомдун мүчөлөрүн атоодо колдонулуп, алардын белгилүү бир өзгөчөлүктөрүн чагылдырат. Антропонимдер негизинен адамдарды бири-биринен айырмалоо кызматын аткаруу менен бирге, алардын жынысы, улуту, диний таандыктыгы жана айрым учурларда белгилүү бир социалдык чөйрөгө тиешелүүлүгү жөнүндө да маалымат берет.

Аннотация: В данной статье рассматриваются ономасиологические аспекты терминов родства в кыргызском и английском языках в сравнительном плане. В кыргызской культуре именование человека занимает важное место. Личные имена и термины родства используются для обозначения членов общества и отражают определённые их характеристики. Антропонимы выполняют прежде всего функцию индивидуализации людей, одновременно указывая на их пол, национальность, религиозную принадлежность, а в отдельных случаях – на принадлежность к определённой социальной среде.

Abstract: This article examines the onomasiological aspects of kinship terms in Kyrgyz and English from a comparative perspective. Personal naming plays an important role in Kyrgyz culture. Personal names and kinship terms are used to refer to members of society and reflect certain characteristics of individuals. Anthroponyms primarily serve to distinguish individuals from one another while also providing information about their gender, nationality, religious affiliation, and, in some cases, membership in a particular social group.

Негизги сөздөр: ономасиология; антропоним; ат тергөө; куда; санжыра.

Ключевые слова: ономасиология; антропоним; традиция избегания личных имён; сватовство; генеалогия.

Keywords: onomasiology; anthroponym; name avoidance tradition; marriage alliance; genealogy.

Тууганчылык терминдерин тилдик фактылардын негизинде иликтөөдө ономасиологиялык изилдөө өзгөчө ыкма катары колдонулат. Мында тилдик фактыларды талдоо алардын маанисинен формасына карай багытталат.

Тилдик фактыларды изилдөөнүн ономасиологиялык мүнөзү түркологиядагы жаңы багыттын өкүлү болгон функционалдык лингвистиканын негизги, жетектөөчү принциптеринин бири болуп саналат. Кыргыз тилинин антропонимикасында адамдардын он миңдеген жеке ысымдары, фамилиялары жана лакап аттары бар. Бул тармак материалдарды чогултуу, системалаштыруу жана ар кандай маалымдамаларды, сөздүктөрдү жарыялоо жагынан дагы изилдөөгө муктаж. Ошол эле учурда аларды изилдөө үчүн ишенимдүү булактар бар. Адамдардын аты-жөндөрү кыргыз санжыраларында, мүрзө таштарындагы жазууларда, элдик көркөм чыгармаларда жана ар кандай тарыхый документтерде кездешет.

Азыркы кыргыз антропонимдеринин курамы абдан ар түрдүү. Кыргызстандын ар кайсы аймактарында катталган он жашка чейинки балдардын ысымдарын талдоо кыргыз антропонимиконунун негизги бөлүгүн жалпы түрк жана энчилүү кыргыз ысымдары түзөрүн көрсөттү. Араб, перс, Батыш Европа жана орус ысымдары да кыйла кеңири таралган.

Бул темада жеке ысымдардын тууганчылык терминологиясы менен болгон байланышынын эки жагы талкууланат. Биринчиси – кептик кырдаалдагы ысымдар системасы менен тууганчылык терминдер системасынын ортосундагы байланыш, экинчиси – айрым антропонимдердин айрым тууганчылык терминдери менен генетикалык байланышы.

Жогоруда айтылгандардан көрүнүп тургандай, биринчи аспект жалпы, универсалдуу мүнөзгө ээ болуп, белгилүү бир элдин ысымдарынын бүтүндөй жыйындысын жана ага ылайык келген тууганчылык тутумун камтыйт. Ал эми экинчи аспект, кыязы, биринчисинин натыйжасы катары жеке энчилүү ысымдарга жана терминдерге гана тиешелүү.

Түрк элдеринде өз ара пикир алышуу процессинде жеке ысымдар тууганчылык терминдери менен айкалышып колдонулат. Этикалык көз караштарга жана калыптанып калган салттарга ылайык, адамга кайрылууда анын сүйлөөчүгө карата туугандык мамилесин билдирген терминди колдонуу артыкчылыктуу деп эсептелет. Бирок ошол эле терминдер адамдардын бүтүндөй тобуна тиешелүү болушу мүмкүн болгондуктан, конкреттүү бир адамга кайрылууда анын ысымы терминге кошулат.

Ал эми белгилүү бир чөйрөгө карата айтылганда тууганчылык терминдери жеке ысымдар менен байланышсыз колдонулат. Кыргыздар өз ата-энесине, чоң атасына жана чоң энесине ысымдары менен эмес, тиешелүү тууганчылык терминдери аркылуу кайрылышат. Атасынын же апасынын улуу агаларынын бирине, эжесине же агасына түз кайрылууда да ушундай эле көрүнүш байкалат. Бир нече улуу ага-ини, эже-карындаш болгондо, алардын ар бирине кайрылууда «ортон-ортон», «кичүү-кичүү» деген аныктоочулар жана ысымдар кошулат.

Кыргыздын салты боюнча аял күйөөсүнө кайрылганда да, башка адамдар менен сүйлөшкөндө да анын аты менен атабайт. Ал эми белгилүү бир чөйрөгө карата айтылганда туугандык терминдер жеке ысымдар менен байланышсыз колдонулат. Кыргыздардын түпкү ата-энесине, чоң атасы менен чоң энесине ысымдары менен эмес, тиешелүү терминдер менен кайрылышат. Атасынын же апасынын улуу агаларынын бирине, эжесине, агасына түз кайрылууда да ушундай эле көрүнүш байкалат. Бир нече улуу ага-ини, эже-карындаш болгондо, алардын ар бирине карата айтылганда “ортон-middle”, “кичүү-elder, older” аныктоочулары жана ысымдары кошулат. Кыргыздын салты боюнча аял күйөөсүнө кайрылганда да, башка адамдар менен сүйлөшкөндө да анын ысмы менен атабайт. Мындай учурда *өзү* «you», *сен, сиз* «you». Эгерде балдары болсо, анда– *атасы* “daddy - атасы” деп кайрылуу абзел. Күйөөсүнүн ата энесин, бир туугандарын, абысындарын, ал гана эмес бир туугандарынын балдарын, кыздарын тергөө салт. Кыргыз маданиятында сакталып калган "табу”.

Жаңырык катары тээ алыскы доорлордун (качан башчыларынын аты аталбаганда, ага тийишкен эмес). Кыргыз тилиндеги "тергөө" аттарындагы табу маданияты көптөгөн синонимдердин пайда болушуна себеп болот. Кыргыз тилинде лакап аттардын көпчүлүгүнүн келип чыгышы кыргыз элинин тарыхындагы окуяларга, үрп-адат салттарына байланыштуу болгон. Мисалы, жаңы келген келин кайындарын, улуу-кичүүлөрдү өз аттары менен атай алган эмес, ал тергөө сөздөр менен тергеп айткан: Шоопур кайним, Мугалим бала, Догдур кыз ж.б. Кыргыз маданиятындагы "табу тергөө" табунун кайрылуу формасы, тактап айтканда, ысымдарга тыюу катары карайт.

А. Гюнгор “тергөө” проблемаларынын сыры, анын түйүнү этнолингвистикага гана тиешелүү эмес. Ал - элдин өткөндөгү тарыхын, этнографиясын, фольклорун ж.б.у.с. өз кучагына алган этномаданиятына да таандык экенин эске салат” [Гюнгор, 1999, 158-164бб.]. Кыргыз тилчи, профессор Карбоз Дыйкановдун пикирине караганда, «Кыргыз элинде улууну урматтоо, кичүүнү кадырлоо себебинен ат тергөө (www.bizdin.kg) пайда болгон. Ат тергөө менен ошол ысымга уйкаш сөздөрдү да тергешет» [65.186 бет]

Кыргыз тууганчылык термини *куда, кудача, келин, жеңе, күйөө бала, жезде, кайын ага, кайын эже* ысымы менен аталбайт. Бирок кудалардан айырмалап атоолор кездешет. Маселен тун уулдун

же кыздын кайын атасын алгачкы деген сөздүн ордуна сый көрсөтүп, аяр мамилени көрсөтүү максатында “кан куда” деп аташат. Ошондой эле жакын тааныш же жоро-жолдоштордун арасында “бел куда”(аялы боюнда бар кезде шерттешип, убадалашып алуусу), “бешик куда” (ымыркай, бешикте жаткан кезде убадалашкан кездеги) деген атоолор болгон, азыркы кезде сейрек кездешүүчү тууганчылык аталыштар.

Тууганчылык терминдери менен антропонимдер бир системанын байланышы сыяктуу. Алар жалпы системага биригип, алар менен үй-бүлөлүк жана тубаса байланыштар менен байланышкан бүт жамаатты, айылды жана башка калктуу пункттарды камтыйт. Өзүнчө колдонулган ысымдар жана туугандык терминдер да коллективдин бардык мүчөлөрүн камтыйт, бирок аларга бир жактуу мүнөздөмө берет. Антропонимдер негизинен адамдарды айырмалайт, ошол эле учурда классификациялык жүктү көтөрүп, белгиленген адамдын жынысын, улутун, диний таандыктыгын жарым-жартылай көрсөтүп турат, жана башка учурларда белгилүү бир социалдык чөйрөгө тиешелүүлүгүн да чагылдырат. Тууганчылык терминдери менен антропонимдер бир системанын байланышы сыяктуу. Алар жалпы системага биригип, алар менен үй-бүлөлүк жана тубаса байланыштар менен бүт жамаатты, айылды жана башка калктуу пункттарды жалпы биримдикти камтыйт. Өзүнчө колдонулган ысымдар жана туугандык терминдер да коллективдин бардык мүчөлөрүн камтыйт, бирок аларга бир жактуу мүнөздөмө берет. Антропонимдер негизинен адамдарды айырмалайт, ошол эле учурда классификациялык жүктү көтөрүп, белгиленген адамдын жынысын, улутун, диний таандыктыгын жарым-жартылай көрсөтүп турат, жана башка учурларда белгилүү бир социалдык чөйрөгө тиешелүүлүгүн да чагылдырат.

Аталыштар тутумунун жана тууганчылык терминдеринин тутумунун жалпы иш-аракетинде алардын ар бири экинчисине туташып, аны толуктап жана түзөтүп турат. Мында антропонимдер белгилүү бир жамааттын мүчөлөрүнүн мамилелерин жөнгө салат, жекелештирет, ал эми тууганчылык терминдери адамдарды ар бир инсанга мүнөздүү болгон белгилүү даражалар жана категориялар боюнча топтоштурат. Кыргыз тилиндеги антропонимикада миңдеген жеке ысымдар, фамилиялар жана лакап аттар бар, булар материалдарды чогултуу, системалаштыруу жана ар кандай сөздүктөрдү, маалыматтарды чыгаруу үчүн дагы изилдөөнү талап кылган тармак болуп эсептелет. Ошол эле учурда, бул ысымдарды изилдөө үчүн ишенимдүү жана пайдалуу булактар бар. Кыргыз санжыраларындагы тарыхый документтер, табыттардагы жазуулар, таштардагы тамгалар жана элдик оозеки чыгармалар аркылуу бул ысымдар муундан муунга өтүп, сакталып келе жатат.

Байыркы түрк ономастикасына кайрылган В.У.Махпировдун пикирине таянсак, түрк ономастикасы анын системалары таң калаарлыктай татаал, көп катмарлуу, ошол эле учурда көп кырдуу жана терең сырдуу көрүнүштөр

Азыркы кыргыз антропонимдеринин курамы ар тараптан бай жана көп түрдүүлүккө ээ. Акыркы беш-он жылда Кыргызстандагы аймактарда катталган он жашка чейинки балдардын ысымдарына байланыштуу изилдөөлөрдө, негизинен кыргыз антропонимикасынын көп бөлүгү жалпы түрк жана энчилүү кыргыз аттарынан түзүлгөнү белгилүү. Кыргыздар арасында көп колдонулган аттарга негизинен кыргыздын салттуу, улуттук ысымдары, ошондой эле ислам дининин таасири менен арабча жана персче аттар да кирген. Мисалы, балдарга коюлган популярдуу аттар арасында:

1.Айым,Аяна, Аруузат, Нурэл, Байэл, Мурад сыяктуу аттар кеңири тараган.

2. Али, Билал, Нурислам, Раяна, Ибрахим, Абдулла, Хадижа, Умар, Салиха, Айлин сыяктуу диний аттар дагы көп коюлган.

3. Ариет, Темирлан, Каныкей, Аймира сыяктуу кыргыздын классикалык аттары да кеңири колдонулуп келүүдө.

Мындан тышкары, кыргыз тилинде «канат» же «бек» сыяктуу аттар да көп коюлат, ошондой эле кыздардын аттарында "гүл", "нур", "ай" сыяктуу символикалык маанилүү компоненттер да кеңири колдонулат. Ошондой эле, акыркы жылдары дүйнөлүк тенденцияларга да көз салуу менен, балдардын ысымдары арасында батыш тилдерине таандык аттар дагы көбөйгөн. Ал эми араб, перс, Батыш Европа жана орус аттары да аймактарда кеңири колдонулуп, жаш балдардын ысымдарынын

курамын толуктоодо. Англис тилдүү өлкөлөрдө эң көп коюлган ысымдар кыздар үчүн Эмма, Элизабет, Мэри, Патрисия, Дженнифер, эркек балдар үчүн Лиам, Уильям, Джеймс, Джон, Майкл, Роберт болгон [Forum Daily New York журналынан алынды]. Мында жеке ысымдардын тууганчылык терминологиясы кептик ситуациядагы ысымдардын системасы менен тууганчылык терминдер системасынын ортосундагы байланыш жана айрым антропонимдердин кээ бир туугандык терминдер менен генетикалык байланышы тууралуу сөз болмокчу. Кыргыздардын илгери тараган жеке ысымдарына бир катар туугандык терминдер негиз болгон. Бүгүнкү күндө алардын бири кыргыз фамилияларынын курамында, ошондой эле энчилүү аттардын компоненттеринде сейрек кездешет. Биз бул көрүнүш антропонимикалык система менен туугандык системанын байланышынын натыйжаларынын бири катары каралышы керек деп эсептейбиз. Кыргыздар, кээ бир башка түрк элдери сыяктуу эле, үй-бүлөнүн кичүү уулу кичине кенжеге ат коюу үчүн атайын терминге ээ болгон. Кичүү уулунун өзгөчө абалы (салт боюнча) үй, атасынын үйү ал өлгөндөн кийин кичүү уулуна өтөт), балким, жеке ысымдардын бүтүндөй диапазону үчүн негиз болгон тиешелүү терминдин пайда болушу менен шартталган. Маселен, эркек балага мындай ысымдар ыйгарылган: *Кичине (варианты: Кенже), Кенжебай Кенже+бай, Кенже+кул* «кичине + Алланын кулу», *Кенжемырза Кенже+мырза, Кенжебек Кенже+ бек, Мырза+бек* – түзүүчү компонент, кан тукумунун ысымдарынан кийин колдонулган наам, ошондой эле ысымдан мурун колдонулган ар кандай сабаттуу адамдын наамы».

Кыздардын дагы *Кенже сөзү менен ысым коюлат,* мисалы, *Кенжебийке, Кенже+бийкеч,* “кичүү + ханыша”*, Кенжекан, Кенже + кан* “кичүү + ханзаада, бийлик, эбегейсиз күчтүү; кичүү башкаруучу, титул, Кенжебү, Кенже+бү, Кенжегүл, Кенже+ гүл. *Кенжетай антропононими,* (тай – кичирейтип эркелетүү суффикси) эки жыныстыкта тең бирдей колдонулат.

Узак мөөнөттүү колдонуунун натыйжасында, кенже термини антропоним катары кабылданып, жеке адамдарга бекитиле баштайт. Туугандык терминдерди жеке ысымга айлантуу механизми жөнүндө сөз болгондо, бул ысым адамга өмүр бою берилген эмес.

Эрезеге жетип, бирок белгилүү бир мөөнөткө ээ болбой, эркек чыныгы жана акыркы ысымды алган. Аттардын ыраатсыздыгы, алардын жаш курагы жана социалдык абалынын өзгөрүшүнө байланыштуу өзгөрүшү түрк элдеринин арасында кеңири жайылган көрүнүш болсо керек. Түрктөр туулгандан өлгөнгө чейин европалыктардай эле аталышкан эмес. Түрк ысымы ар дайым анын коомдогу ордун көрсөтүп келген. Бала кезинде аты – жөнү, жигит-чини, күйөөсү-наамы болгон, эгер ал кан болсо, ал титул өзгөчө тепкич системасына ылайык өзгөргөн.

Кыргыздарда ушундай убактылуу ысымдардын бири катары «*кенже*» туугандык термини кызмат кыла алмак. Бул анын туруктуу жеке ысымдарынын катарына өтүшү үчүн белгилүү бир көпүрө болду.

Ушундай эле жол менен "небере" тууганчылыгынын башка термини өткөн деп божомолдош керек (вариантары: жээн). Бул термин кыз ысымдарды жаратат: *Жээн, Жээнбай, Жээнбек, Жээналы, Жээнсүйөр, Жээнкожо.* Бул эркек ысымдарынын баары эки компоненттүү: *Жээн+бай*, *Жээн+бек*, *Жээн+кул, Жээн+аалы,* Жээн+*сүйөр*, *Жээн+кожо* жана башкалар. Бул аталыштарда туугандык терминдер чагылдырылган. Жээн - эне тарапта " жээн небере" же "небере" дегенди билдиргендиктен, бул матриархаттын жаңырыгы болуп саналат. Жээн компоненти бар кыздардын аттарын кыргыз тилинде бир гана Жээн+бийке "небере + айым", Жээн+гүл "небере+гүл", Жээн+бү "небере" деп таптык. Жээн компоненти бар ысым апасынын өз айылындагы (же үй-бүлөсүндөгү) балага берилген, апасынын төркүндөрү тарабынан айтылган жээн термини аркылуу ыйгарылган.

Ата термини жеке ысымдар же антропонимдердин курамдык бөлүгү катары тууганчылык аталышка ээ болуп калды: *Атабай, Атабек, Атакан, Атамырза*(вариантары), *баба*, *Бабахан, ага, аке* (*Акай, Агабек, Акайхан, Акетай* варианттары *(тай- эркелетүүчү кичирейтилген суффикс,)).* Кыргыз фамилиялардын составында *куда* тууганчылык атоо дагы кездешет. Мисалы: *Куда, /Кудаш, Кудашев.*

Бул терминдердин ар бири антропонимияга өзүнүн жеке жолун басып өткөн деп болжойбуз. Бул терминдердин лакап атка айлангандыгы, кээде урмат – сыйга, кээде артыкчылыкка ээ болгондугу алардын өзгөрүшүндө белгилүү роль ойногон.

Бул жолду тууганчылык терминдеринен кээ бир кыргыз аттары да басып өткөнү ыктымал. Бирок, туугандык терминдердин антропоним категориясына өтүү мүмкүнчүлүгү чектелген.

Англия менен Шотландиянын айрым аймактарында тукум куума фамилиялардын консолидациясы 17-кылымга чейин уланган. Бирок жалпысынан алганда, 12-кылымда дворяндардын артыкчылыгы 17-кылымда көпчүлүк адамдар үчүн зарыл болуп калган. Маселен, биз изилдөөбүздү Оантропонимикалык фамилияларга анализ жүргүзсөк. Мисалы: Кээ бир учурларда фамилиялар эч өзгөрүүсүз калган. Мисалы, Энтони, Нил, Аллен, Деннис, Генри, Томас, Уолтер. [https://ky.svayambhava.org/origem-dos-sobrenomes]

Көптөгөн англис антропонимикалык фамилияларында "мындайдын уулу" дегенди билдирген -son морфемасы бар. Диксон – Диктин уулу, Эбботсон -Эбботтун уулу, Томпсон-Томдун уулу, Джэксон – Джектин уулу. Шотландиялык тоолуу аймактардын тургундары Мас – "уул" префиксин колдонушат: Маккартни – (McCartney), МакГрегор – (McGregor), белгилүү Макдональд (McDonald) – Дональдтын уулу болуп чыкты.

Ирландияда да чоң атасынын атынан О префиксин колдонуу менен фамилия түзүү күчтүү салты бар: О Хара (O'Hara), Онейл (O'Neil),О’Келли (O’Kelly) О’Коннор (O’Connor), О’Хиггинс (O’Higgins), О’Кифф (O’kiff), О’Гормон (O’Gormon).

Төмөндө ар кандай тилдерде колдонулган префикстер фамилияларда ата-баланын байланышын көрсөтүп, ар кайсы маданияттарда кеңири колдонулгандыгын таблица түрүндө көрсөтөбүз:

Тили	Моделдер / Аффикстер	Семантикасы (Мааниси)	Лингвокультурологиялык түшүндүрмөсү	Этимологиясы жана тарыхый фону
Англис тили	**-son** / **-s** (суффикстер)	«... уулу»	Фамилиялар көбүнчө атасынын же энесинин жеке ысымына ушул көрсөткүчтөрдү улоо аркылуу жасалат. Ошондой эле **-er, -ar, -man, -ing** аффикстери кесипти билдирет.	**Johnson** — «Жондун уулу» (Иса пайгамбардын шакиртинин атынан, «Кудай ырайымдуу» деген мааниде). **Dickson** — «Диктин уулу» (Германдык *Richard* — «жогорку бийликке ээ» атынан). **Baker** (набайчы), **Smith** (темир уста), **Gardener** (багбан) сыяктуу кесиптик аталыштар да фамилияга айланган.
Шотланд тили	**Мас-** / **Мс-** (префикс)	«... уулу», «тукуму»	Шотландиянын тоолуу аймактарында (кландарында) ата-бабанын атын жана улуттук өзгөчөлүктү сактоо максатында ысымдын алдына кошулат.	**MacDonald** — «Дональддын уулу». Бул кландын тарыхы байыркы заманга барып такалат. **MacGregor** — «Грегордун уулу». 1600-жылдардын

				башында Англия жана Шотландия өкмөтү тарабынан бул фамилияны колдонууга расмий тыюу салынса да, эл өз салтынан баш тарткан эмес.
Ирланд тили	**O’** (префикс)	«... небереси», «урпагы»	Ирландиядагы улуттук кландардын түзүлүшү жана ата-бабанын коомдогу ээлеген орду, падышалык башкаруу тарыхы менен тыгыз байланыштуу.	**O’Reilly** — «Рейлинин урпагы». 16-кылымда Британиянын колониялык режимине каршы турган эң байыркы падышалык кландардан. **O’Hara** — «Харанын урпагы». 12–15-кылымдарда Ирландиядын түндүк-батышында бийлик жүргүзгөн атактуу тукум.
Испан тили	**De** / **De la** (префикси)	«...-дан / -ден» (таандык байланыш)	Бул моделдеги фамилиялар көбүнчө диний түшүнүктөр (христиандык табу) же географиялык объекттер менен байланыштуу калыптанган.	**De la Cruz** — «Кресттен» же «Крестке таандык» деген мааниде. Мындай фамилияларды негизинен монахтар же динчил адамдар алышкан. **Del Rio** — «Дарыядан».
Түрк тили	**-оглы (-oğlu)** (компонент)	«... уулу»	Патриархалдык коомго мүнөздүү система. Ал жөнөкөй эле фамилия эмес, эркектердин линиясы боюнча тукумду жана генеалогиялык байланышты так көрсөтөт.	**Mehmet oğlu** — «Мехметтин уулу». Түркияда XX кылымдын башында гана (Ататүрктүн реформасы менен) фамилия мыйзамы кабыл алынганга чейин ушул модель негизги ролду ойногон.
Кыргыз тили	**уулу**, **кызы**, **теги** (компоненттер)	«... баласы», «... урпагы»	Кыргыздарда ысымдын жана тукумдун мааниси өтө чоң. Сый-урматты, рухий дүйнөнү жана санжыраны	**Алиш уулу Култай**, **Култай кызы Изат**. «Теги» термини байыркы түрк

			чагылдырат.	тилиндеги «тегин» (*канзаада, каган урпагы*) сөзү менен генетикалык байланышта (мис., *Тынчтыкбек Чоротегин*).
Орус тили	**-ов / -ева, -ев / -ева** (суффикстер)	«...-га таандык», «... урпагы»	Атасынын же чоң атасынын жеке ысымына таандык мүчөлөрдүн уланышы аркылуу патронимикалык фамилиялар тутумун түзөт.	**Petrov** — «Петрдин үй-бүлөсүнө, тукумуна таандык» (Петрдин уулу) деген маанини билдирет. Бул модель кийинчерээк Совет доорунда кыргыз антропонимиясына да зор таасир эткен.

Ошондуктан, тууганчылык терминдеринин иштөө механизми, тууганчылык терминдеринин антропонимия менен байланышы кыргыз тилиндеги энчилүү аттардын өнүгүшүнүн жүрүшүнө көрүнүктүү таасирин тийгизди.

Колдонулган адабияттар

1. Абдувалиев И. А. Этимология жана лексикография [Текст] / И. А. Абдувалиев. – Бишкек, 2007. – 144 б.
2. Гапаров С. Лексикологические и стилистические проблемы функционирования слова и словосочетания [Текст]: Сб. ст. / отв. ред. д. филол. н., проф. И. Р. Гальперин. – М.: Б.и., 1977. – 248 с.
3. Исаев Д. Жер-суу аттарынын сыры [Текст] / Д. Исаев. – Фрунзе, 1977. – 152 б.
4. Калбаев А. Алтын казык. Аксы баяны [Текст] / А. Калбаев. – Жалал-Абад, 2014. – 14 б.
5. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / түз.: А. А. Акматалиев, И. Абдувалиев, Ж. Семенова ж.б. – Бишкек: Аврасия Пресс, 2011. – 1-бөлүк. – 880 б.; 2-бөлүк. – 891 б.
6. Юдахин К. К. Русско-киргизский словарь [Текст] / К. К. Юдахин. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 990 с.
7. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь [Текст] / К. К. Юдахин. – Кн. I. А–К. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 503 с.

Рецензент: ф.и.к.,доцент Мукарапова А.К.

УДК 81'25:008

Андашова Р.М., Каримова С.С., Умарова А.С.
И. Арабаев атындагы КМУ
Самарканд мамлекеттик чет тилдер институту
Андашова Р.М.,[1] Каримова С.С.,[2] Умарова А.С.[1]
КГУ имени И. Арабаева[1]
Самаркандский государственный институт иностранных языков[2]
Andashova R.M., Karimova S.S., Umarova A.S.
KSU named after I. Arabaev
Samarkand State Institute of Foreign Languages

КӨП МАДАНИЯТТУУ ЧӨЙРӨДӨ КЫРГЫЗ ТИЛИНЕН ЖАНА КЫРГЫЗ ТИЛИНЕ КОТОРУУНУН ЛИНГВОМАДАНИЙ КЫЙЫНЧЫЛЫКТАРЫ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА И НА КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ
LINGUOCULTURAL DIFFICULTIES OF TRANSLATION FROM AND INTO KYRGYZ IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT

Кыскача мүнөздөмө: Макалада көп маданияттуу чөйрөдө кыргыз тилинен жана кыргыз тилине которуунун лингвомаданий кыйынчылыктары каралат. Реалияларды, фразеологиялык бирдиктерди, эквиваленти жок лексиканы жана маданий белгилери бар бирдиктерди камтыган улуттук-маданий өзгөчөлүктөрдү чагылдыруу маселелерине өзгөчө көңүл бурулат. Ар кандай маданият өкүлдөрүнүн дүйнөнү кабыл алуусундагы, ой жүгүртүүсүндөгү жана баарлашуу нормаларындагы айырмачылыктарга байланыштуу которуу кыйынчылыктарынын негизги себептери талданат. Макалада бул кыйынчылыктарды жеңүү стратегиялары, атап айтканда, адаптация, компенсация, калькалоо жана сүрөттөп которуу ыкмалары каралат. Көп маданияттуу чөйрөдө ийгиликтүү которуу үчүн котормочунун тилдик гана эмес, терең маданияттар аралык компетенттүүлүгү да талап кылынат деген жыйынтык чыгарылат.

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокультурные проблемы перевода с кыргызского языка и на кыргызский язык в условиях поликультурной среды. Особое внимание уделяется проблемам передачи национально-культурной специфики, включая реалии, фразеологизмы, безэквивалентную лексику и культурно-маркированные единицы. Рассматриваются основные причины возникновения переводческих трудностей, связанные с различиями в языковых картинах мира, менталитете и коммуникативных нормах представителей различных культур. В статье также рассматриваются стратегии преодоления указанных трудностей, такие как адаптация, компенсация, калькирование и описательный перевод. Делается вывод о том, что успешный перевод в поликультурной среде требует не только языковой, но и глубокой межкультурной компетенции переводчика.

Abstract: This article examines the linguocultural challenges of translating from and into Kyrgyz in a multicultural environment. Particular attention is paid to the challenges of conveying national and cultural specificity, including cultural realia, phraseological units, non-equivalent vocabulary and culturally marked units. The article analyses the main causes of translation difficulties, which are linked to differences in linguistic worldviews, mentalities and communicative norms among representatives of different cultures. It also examines strategies for overcoming these difficulties, such as adaptation, compensation, calquing and descriptive translation. The conclusion is drawn that successful translation in a multicultural environment requires not only linguistic competence but also a high level of intercultural competence on the part of the translator.

Негизги сөздөр: маданияттар аралык байланыш; улуттук өзгөчөлүк; маанилик шайкештик; тилдик тоскоолдуктар; сүрөттөп которуу; адаптация; этномаданий бирдиктер; кептик этикет; коммуникативдик компетенция; маданий контекст.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; национальная специфика; смысловая эквивалентность; языковые барьеры; описательный перевод; адаптация; этнокультурные единицы; речевой этикет; коммуникативная компетенция; культурный контекст.

Keywords: intercultural communication; national specificity; semantic equivalence; language barriers; descriptive translation; adaptation; ethnocultural units; speech etiquette; communicative competence; cultural context.

Introduction. In the context of globalization and the active expansion of intercultural contacts, translation is becoming particularly important as a means of ensuring effective communication between representatives of different languages and cultures. The multicultural space, characterized by the coexistence and interaction of various cultural traditions, value systems and communicative norms, poses difficult tasks for the translator related to the adequate transmission of not only linguistic, but also cultural content. Modern research in the field of translation studies emphasizes that translation cannot be considered solely as a process of replacing linguistic units. V.N. Komissarov notes that translation is a complex type of speech activity, including interpretation and transformation of meaning in accordance with the norms of another culture [4, p. 47]. L.S. Barkhudarov adheres to a similar position, emphasizing that the main difficulty of translation lies in the discrepancy between language systems and cultural contexts [1, p. 62].

A special role in understanding translation processes is played by the linguistic and cultural approach. V.A. Maslova considers language as a carrier of cultural information, which makes translation not only a linguistic, but also a cultural phenomenon [7, p. 35]. S.G. Ter-Minasova emphasizes that intercultural communication is impossible without taking into account the national and cultural specifics reflected in the language [9, p. 112]. This is especially relevant in the context of translation from and into Kyrgyz, where ethnocultural features play a significant role. Foreign scholarship also pays great attention to the problems of cultural conditioning of translation. M. Baker considers translation as a form of representation of reality, which reflects the cultural and ideological characteristics of society [11, p. 78]. L. Venuti introduces the notions of "domestication" and "alienation", emphasizing the need to choose a strategy depending on the purpose of translation and cultural context [20, p. 95]. These approaches allow for a deeper understanding of the mechanisms of text adaptation in a different cultural environment. The cognitive aspect of translation is also an important area of modern research. E.-A. Gutt connects the translation process with the interpretation of meaning based on the principles of relevance, which emphasizes the role of the translator's subjective perception of the text [13, p. 56]. In turn, A. Pym considers the translator as a mediator who makes decisions in conditions of uncertainty and intercultural differences [19, p. 102]. In addition, research in the field of globalization highlights the impact of multilingualism on translation activities. M. Cronin notes that in the context of global interaction, the need to take cultural diversity into account in translation increases [12, p. 67]. D. Katan considers translation as a process of intercultural adaptation, requiring a translator to have developed intercultural competence [15, p. 141].

Despite a significant amount of research in the field of translation studies, the problems of translation from and into Kyrgyz remain insufficiently developed in international scientific practice. This is due to the fact that the Kyrgyz language has a unique linguistic and cultural specificity, including realities, phraseological units and concepts that do not have direct correspondences in other languages. In such circumstances, the translator is faced with the need to choose adequate strategies for conveying cultural meaning. The relevance of this article is due to the need for a comprehensive analysis of the linguistic and cultural difficulties of translation from and into Kyrgyz in a multicultural environment. The purpose of this article is to systematize the linguistic and cultural difficulties of translation and identify effective strategies for overcoming them based on modern theoretical approaches.

Methodology and methods. This article is devoted to the analysis of linguistic and cultural difficulties of translation from the Kyrgyz language and into the Kyrgyz language in a multicultural environment. By type of research, this article is a qualitative theoretical and applied research with elements of conceptual analysis. The choice of this approach is due to the fact that the problems of translating culturally marked vocabulary cannot be exhaustively described exclusively by quantitative methods, since a significant part of translation decisions depend on the context, the pragmatic situation and the cultural background of the communicants. In this regard, special attention is paid to the interpretation of meanings, the functional load of language units and the communicative effect of translation. The theoretical basis of the research is modern works in the field of translation studies, intercultural communication and linguoculturology. To understand the nature of translation difficulties, the provisions of equivalence and translation transformations developed by V.N. Komissarov [4, p. 53], as well as L.S. Barkhudarov's ideas

about structural and semantic differences of languages as a source of translation problems were used [1, p. 71]. When analyzing the cultural component of meaning, the provisions of linguoculturology were taken into account, according to which language is considered as a form of storing and transmitting the cultural experience of the people [7, p. 28]. To interpret the intercultural aspects of translation, the concepts of S.G. Ter-Minasova were used, considering communication as the interaction of carriers of various cultural codes [9, p. 118]. In addition, the approaches of L. Venuti were used, highlighting the strategies of "domestication" and "alienation" of the text depending on the degree of preservation of the cultural specificity of the original [20, p. 97]. To assess the pragmatic adequacy of the translation, the functionalist ideas of K. Nord were taken into account, according to which the translation decision is determined by the purpose of the text and the needs of the addressee [18, p. 44]. The research material includes linguistic units and text fragments containing culturally significant elements of the Kyrgyz language and their translations into English, as well as reverse translations into Kyrgyz. The corpus of analyzed materials includes proverbs and sayings, expressions, addresses, names of household items, elements of traditional culture, ethnographic realities, as well as fragments of journalistic and artistic texts. The following methods were used in the research process. First of all, the continuous sampling method was used to select examples from dictionaries, textbooks, works of art, and open text sources. Next, a comparative method was used, which made it possible to establish differences between the original unit and its translated equivalent at the level of meaning, structure, and stylistic function. Contextual analysis was used to determine the role of a linguistic unit in a specific speech situation and identify hidden pragmatic meanings.

One of the key methods was linguistic and cultural analysis, aimed at identifying the national and cultural content of linguistic units. It was used to identify cultural associations, symbolic meanings, and value orientations anchored in a word or expression. For example, an analysis of units related to the concepts of hospitality, respect for elders, family relations, and nomadic tradition revealed that their translation requires not a literal replacement, but the transfer of a cultural function. The method of classification of translation strategies was also used. All identified solutions were divided into the following groups: transliteration, calculation, descriptive translation, functional analogue, adaptation, compensation and omission. This allowed us to determine which methods are most effective in conveying various types of culturally marked vocabulary. The used methodology combines modern humanitarian approaches and practical text analysis tools, which ensures the reliability of the research results and allows for a comprehensive examination of the linguistic and cultural difficulties of translation from and into Kyrgyz in a multicultural environment.

Discussion and results. Practical analysis has shown that linguistic and cultural difficulties of translation from and into Kyrgyz language in a multicultural environment are systemic in nature and are associated not only with differences in language structures, but also with the discrepancy between cultural models of perception of the world. The greatest difficulties are caused by realities, phraseological units, forms of speech etiquette and culturally labeled concepts reflecting the peculiarities of national consciousness. One of the most significant groups of difficulties is ethnocultural realities, that is, words and expressions denoting objects, phenomena or social practices characteristic of Kyrgyz culture. Such units include, for example, *boz uy, komuz, tushoo kesuu, aiyl, ak kalpak.* Such lexemes, as a rule, do not have full equivalents in other languages, which confirms the thesis of the lack of equivalence of culturally determined vocabulary [7, p. 56]. The analysis showed that the most effective strategy for transferring such units is to combine transliteration with a brief explanation. For example, the word *boz ui* in an English-language text can be rendered as *boz ui* (traditional Kyrgyz nomadic spelling). This approach allows you to preserve the national flavor and at the same time ensure the understanding of the reader. Similar conclusions are drawn by L. Venuti, emphasizing the importance of preserving the cultural specificity of the original through a strategy of "alienation" [20, p. 101]. The second significant group of difficulties is related to phraseological units and proverbs, since they contain figurative meanings closely related to the historical and cultural experience of the people. For example, the Kyrgyz proverb “At – adamdyn kanaty” literally means "Horse – wings of man," but its true meaning is related to the role of the horse in the traditional culture of a nomadic society. In

Russian, the translation “Конь – верный помощник человека” "The horse is a faithful helper of man" would be more adequate. This confirms the position that the literal translation of expressions often leads to a loss of pragmatic effect [4, p. 84].

When translating phraseological units, the methods of functional analog and descriptive translation are the most productive. This result correlates with the position of A.V. Fedorov, who noted that the preservation of the function of expression is more important than the mechanical reproduction of its structure [10, p. 142]. A special place is occupied by units of speech etiquette, since the norms of politeness and forms of address differ in different cultures. For example, in the Kyrgyz speech tradition, forms of respectful address to elders in age and status, as well as indirect ways of expressing requests, are widely used. When translated into English, such constructions often require pragmatic adaptation. So, the expression “Oturup ketiniz” literally translates as "Sit down and stay", however, in a communicative context it corresponds to the English “Please, have a seat”. The data obtained confirm S.G. Ter-Minasova's thesis that intercultural communication is impossible without taking into account the hidden norms of speech behavior fixed in language [9, p. 126].

In addition, it was revealed that a lack of understanding of label forms leads to communication failures and misinterpretation of the speaker's intentions. The next important category is concepts and values that have no direct correspondence in other languages. For example, the concepts of *yzaat* (respect, reverence), *namys* (honor, dignity), and *yrys* (well-being, granted happiness) have multifaceted semantics and are closely related to the national value system. Their translation requires not only linguistic, but also cultural interpretation. In such cases, descriptive translation or contextual disclosure of meaning is effective [3, p. 214].

Comparative analysis has shown that the success of translation largely depends on the level of intercultural competence of the translator. It is not enough to know the grammar and vocabulary of languages; knowledge of history, traditions, patterns of behavior and symbolic meanings of cultural units is necessary. As noted by D. Katan, the translator acts not just as an intermediary between languages, but as an interpreter of cultural codes [15, p. 158].

Thus, the results of the research allow us to conclude that the linguistic and cultural difficulties of translation from and into Kyrgyz are multilevel in nature. They manifest themselves at the lexical, phraseological, pragmatic and conceptual levels. The most effective strategies for overcoming them are descriptive translation, functional analog, cultural adaptation, and partial preservation of the national cultural element of the source text. The use of these strategies contributes to the achievement of adequate translation and successful intercultural communication in a multicultural environment.

Conclusion. The materials of the article has confirmed that in the conditions of a multicultural space, translation from and into the Kyrgyz language is a complex multi-level process that goes beyond the simple linguistic replacement of units. Translation activity in this context requires taking into account not only the lexical and grammatical features of the compared languages, but also the national and cultural specifics reflected in the value system, communicative norms and linguistic worldview of the people. The study found that the main sources of linguistic and cultural difficulties are ethnocultural realities, non-equivalent vocabulary, phraseological units, forms of speech etiquette and concepts with pronounced cultural content. Such elements often do not have direct correspondences in the translation language, as a result of which they require the use of special translation solutions [4, p. 96]. This confirms the position that the adequacy of translation is determined not by the literal coincidence of linguistic forms, but by the degree of preservation of the content and communicative function of the text [10, p. 188]. The analysis showed that the most productive strategies for overcoming the identified difficulties are descriptive translation, functional analogue, adaptation, compensation and partial preservation of the national and cultural component of the original. The choice of a specific strategy depends on the genre of the text, the communicative purpose, the target audience and the degree of familiarity of the addressee with the culture of the source language. This conclusion correlates with modern functionalist approaches that consider translation as a purposeful activity [18, p. 72]. The intercultural competence of the translator is of particular importance in the problem under

study. It was revealed that successful transmission of cultural meanings is possible only if there is a deep knowledge of traditions, norms of behavior, historical experience and symbolic codes of both cultures. In modern conditions, the translator acts not only as a linguistic mediator, but also as a mediator of intercultural interaction [15, p. 164]. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in the training of translators, teaching disciplines on the theory and practice of translation, intercultural communication and linguoculturology. The findings can also be useful in the development of textbooks, bilingual dictionaries and methodological materials focused on Kyrgyz-Russian and Kyrgyz-English translation.

Thus, translation from and into Kyrgyz in a multicultural environment requires an integrated approach combining linguistic accuracy and cultural sensitivity. The prospects for further research are related to the study of digital translation, automated systems for processing the Kyrgyz language, as well as the peculiarities of transmitting national and cultural meanings in media discourse and online communication.

References

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: ЛКИ, 2020. – 240 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2020. – 288 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2020. – 390 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Альянс, 2020. – 253 с.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2021. – 368 с.
6. Латышев Л. К. Технология перевода. – М.: Академия, 2021. – 320 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2021. – 208 с.
8. Осмонов О. Кыргыз тили жана маданият. – Бишкек: Илим, 2021. – 220 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2021. – 624 с.
10. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 2020. – 416 с.
11. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. – London: Routledge, 2020. – 240 p.
12. Cronin M. Translation and Globalization. – London: Routledge, 2022. – 197 p.
13. Gutt E.-A. Translation and Relevance: Cognition and Context. – 2nd ed. – London: Routledge, 2020. – 222 p.
14. House J. Translation: The Basics. – London: Routledge, 2023. – 210 p.
15. Katan D. Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. – London: Routledge, 2020. – 350 p.
16. Kelly D. A Handbook for Translator Trainers. – London: Routledge, 2021. – 280 p.
17. Newmark P. A Textbook of Translation. – New York: Prentice Hall, 2020. – 292 p.
18. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. – London: Routledge, 2021. – 154 p.
19. Pym A. Exploring Translation Theories. – 3rd ed. – London: Routledge, 2022. – 200 p.
20. Venuti L. The Translator’s Invisibility: A History of Translation. – London: Routledge, 2021. – 353 p.

Рецензент:

УДК 81'25:174(575.2)

Асанова У.
Эл аралык Европа университети
Асанова У.
Международный европейский университет
Asanova U.
International European University

ЖОГОРКУ ЖЕКЕ МАДАНИЯТ – СИНХРОНДУК КОТОРМОЧУНУН ИЙГИЛИКТҮҮ КАРЬЕРАСЫНЫН НЕГИЗИ
ВЫСОКАЯ ЛИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА
HIGH PERSONAL CULTURE AS THE FOUNDATION OF A SUCCESSFUL CAREER AS A SIMULTANEOUS INTERPRETER

Кыскача мүнөздөмө: Макалада жеке маданияттын синхрондук котормочулардын кесиптик өнүгүүсүндөгү жана ийгиликтүү ишмердүүлүгүндөгү ролу каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу эл аралык илимий, билим берүү жана кесиптик өз ара аракеттенүүнүн күчөшү менен аныкталат; мында синхрондук котормо тил аралык жана маданияттар аралык коммуникациянын маанилүү куралы болуп саналат. Макалада котормочунун кесиптик компетенциясы чет тилин билүү жана атайын котормо ыкмалары менен гана чектелбестиги жөнүндөгү жобо негизделет. Жогорку когнитивдик жүктөм, убакыттын тардыгы, эмоционалдык чыңалуу жана маданияттар аралык өз ара аракеттенүү шарттарында адистин иштөө жөндөмүн аныктоочу инсандык сапаттарга өзгөчө маани берилет.

Изилдөөнүн максаты – жеке маданиятты синхрондук котормочунун кесиптик компетенциясынын фундаменталдык компоненти катары теориялык жактан негиздөө. Тийиштүү илимий адабияттарды талдоонун негизинде котормочунун жеке маданиятынын негизги компоненттери системалаштырылат: кесиптик этика, интеллектуалдык өнүгүү, коммуникативдик маданият, маданияттар аралык маалымдуулук, эмоционалдык интеллект, өзүн-өзү көзөмөлдөө жана үзгүлтүксүз өз алдынча билим алууга умтулуу. Изилдөөдө бул мүнөздөмөлөр кесиптик ишенимдүүлүк, кардарлардын ишеними, коммуникациянын сапаты жана котормочунун кесиптик беделі менен түздөн-түз байланыштуу экендиги көрсөтүлөт.

Кыргызстандагы синхрондук котормочуларды даярдоого өзгөчө көңүл бурулат, мында кесиптик ишмердүүлүк кеминде үч тилде – кыргыз, орус жана англис тилдеринде иштөөнү камтыйт. Изилдөөнүн жаңылыгы Кыргызстандын көп тилдүү жана көп маданияттуу чөйрөсүндө синхрондук котормочулардын инсандык-маданий мүнөздөмөлөрүн системалаштырууда жана бул компоненттерди келечектеги адистерди кесиптик даярдоого киргизүү зарылдыгын негиздөөдө турат.

Аннотация: В статье рассматривается роль личной культуры в профессиональном становлении и успешной деятельности синхронных переводчиков. Актуальность исследования определяется возрастающей интенсивностью международного научного, образовательного и профессионального взаимодействия, в котором синхронный перевод служит важным инструментом межъязыковой и межкультурной коммуникации. В статье обосновывается положение о том, что профессиональная компетенция переводчика не может ограничиваться владением иностранным языком и специальными техниками перевода. Особое значение придаётся личностным качествам, определяющим способность специалиста работать в условиях высокой когнитивной нагрузки, ограниченного времени, эмоционального напряжения и межкультурного взаимодействия.

Цель исследования – дать теоретическое обоснование личной культуры как фундаментального компонента профессиональной компетенции синхронного переводчика. На основе анализа соответствующей научной литературы систематизируются основные компоненты личной культуры переводчика: профессиональная этика, интеллектуальное развитие, коммуникативная культура, межкультурная осведомлённость, эмоциональный интеллект, самоконтроль и приверженность непрерывному самообразованию. В исследовании показано, что эти характеристики непосредственно связаны с профессиональной надёжностью, доверием заказчиков, качеством коммуникации и профессиональной репутацией переводчика.

Особое внимание уделяется подготовке синхронных переводчиков в Кыргызстане, где профессиональная деятельность предполагает работу как минимум с тремя языками – кыргызским, русским и английским. Новизна исследования состоит в систематизации личностно-культурных характеристик синхронных переводчиков в условиях многоязычной и поликультурной среды

Кыргызстана и в обосновании необходимости включения этих компонентов в профессиональную подготовку будущих специалистов.

Abstract: The article examines the role of personal culture in the professional development and successful performance of simultaneous interpreters. The relevance of the study is determined by the increasing intensity of international scientific, educational, and professional interaction, in which simultaneous interpreting serves as an important instrument of interlingual and intercultural communication. The article substantiates the position that an interpreter's professional competence cannot be limited to foreign-language proficiency and specialized interpreting techniques. Particular importance is attached to personal qualities that determine a specialist's ability to work under conditions of high cognitive load, time constraints, emotional tension, and intercultural interaction.

The aim of the study is to provide a theoretical justification of personal culture as a fundamental component of the professional competence of a simultaneous interpreter. Based on an analysis of the relevant scholarly literature, the principal components of an interpreter's personal culture are systematized: professional ethics, intellectual development, communicative culture, intercultural awareness, emotional intelligence, self-control, and commitment to lifelong self-education. The study demonstrates that these characteristics are directly associated with professional reliability, clients' trust, the quality of communication, and the interpreter's professional reputation.

Particular attention is paid to the training of simultaneous interpreters in Kyrgyzstan, where professional activity involves working in at least three languages – Kyrgyz, Russian, and English. The novelty of the study lies in systematizing the personal and cultural characteristics of simultaneous interpreters in the context of Kyrgyzstan's multilingual and multicultural environment and substantiating the need to incorporate these components into the professional training of future specialists.

Негизги сөздөр: синхрондук котормо; жеке маданият; кесиптик компетенция; кесиптик этика; маданияттар аралык коммуникация; эмоционалдык интеллект; өзүн-өзү көзөмөлдөө; үзгүлтүксүз билим берүү.

Ключевые слова: синхронный перевод; личная культура; профессиональная компетенция; профессиональная этика; межкультурная коммуникация; эмоциональный интеллект; самоконтроль; непрерывное образование.

Keywords: simultaneous interpreting; personal culture; professional competence; professional ethics; intercultural communication; emotional intelligence; self-control; lifelong education.

Introduction. In the context of the globalization of scientific, educational, economic, and cultural relations, there is a growing need for specialists capable of ensuring effective communication among representatives of different linguistic and cultural communities. Simultaneous interpreters occupy a particularly important position among such specialists, as their professional activity is associated with facilitating communication at international conferences, scientific forums, diplomatic events, negotiations, educational programs, and other forms of professional interaction. Simultaneous interpreting is considered one of the most complex forms of interpreting. An interpreter simultaneously receives the source message, processes its meaning and linguistic form, and produces the target-language message with virtually no delay. Such activity requires a high level of concentration, well-developed working memory, the ability to make rapid decisions, a high speed of speech production, and resistance to stress. The cognitive complexity of simultaneous interpreting has been extensively examined in the research of D. Gile, particularly within his Effort Models of interpreting [1].

However, cognitive and linguistic abilities alone do not guarantee professional success. An interpreter does not work within an isolated linguistic system but operates in a specific social, cultural, and communicative context. The interpreter's behavior, adherence to professional ethics, ability to maintain neutrality, appropriate interaction with participants, and control of emotional states affect not only the quality of interpreting but also the level of trust placed in the specialist. Therefore, there is a need to broaden the

traditional understanding of the professional competence of simultaneous interpreters. Alongside linguistic, interpreting, communicative, and subject-matter competencies, a personal and cultural component should be taken into consideration. This component includes a system of values, behavioral norms, intellectual interests, communicative attitudes, cultural awareness, and the ability to regulate one's emotions. For Kyrgyzstan, this issue is particularly significant. The country's multilingual and multicultural environment creates a need for specialists capable of working professionally in Kyrgyz, Russian, and English. At the same time, simultaneous interpreting requires not only proficiency in three linguistic systems but also an understanding of the cultural norms, communicative models, and social contexts associated with each language.

The aim of the study is to provide a theoretical justification of the importance of high personal culture as a fundamental component of the professional competence and successful career of a simultaneous interpreter.

To achieve this aim, the following objectives were formulated:

1. to examine the specific features of simultaneous interpreting as a professional activity;
2. to analyze existing approaches to the professional competence of interpreters;
3. to identify the principal components of an interpreter's personal culture;
4. to reveal the relationship between personal culture, professional ethics, intercultural communication, and emotional stability;
5. to substantiate the need to develop personal culture among future simultaneous interpreters within the professional education system of Kyrgyzstan.

Literature Review. Contemporary Translation and Interpreting Studies view the interpreter as a complex professional agent whose activity is determined by the interaction of cognitive, linguistic, communicative, psychological, and social factors. F. Pöchhacker emphasizes the interdisciplinary nature of interpreting research and considers interpreting an independent field of scholarly inquiry encompassing diverse forms of professional activity and research approaches [2].

One of the fundamental areas in simultaneous interpreting research is the study of cognitive processes. In his Effort Models, D. Gile demonstrates that during simultaneous interpreting, a specialist performs several interconnected operations simultaneously: perception and analysis of the source message, production of speech in the target language, and management of memory and attention. The high demands placed on limited cognitive resources make concentration, self-control, and the application of strategies for overcoming interpreting difficulties particularly important [1].

Thus, cognitive preparation is a necessary but not sufficient condition for professional effectiveness. Contemporary research on individual differences in interpreting draws attention to such characteristics as personality, stress resistance, anxiety, empathy, and emotional intelligence. These factors may influence the performance of interpreting tasks and therefore require more systematic consideration in interpreter education and training [7].

Professional ethics also occupies an important place in interpreter training. R. Setton and A. Dawrant include professionalism and ethics as a distinct component of conference interpreter training, alongside technical skills in simultaneous and consecutive interpreting [3]. This makes it possible to conclude that an interpreter's professional culture is not an external addition to professional qualifications but an integral part of professional practice.

The principal ethical principles of interpreting include confidentiality, neutrality, responsibility, accuracy in conveying information, and respect for all participants in communication. Violations of these principles may have consequences extending beyond a particular interpreting situation, since interpreters often have access to professional, scientific, diplomatic, or other sensitive information.

Emotional intelligence deserves particular attention. S. Hubscher-Davidson emphasizes the importance of studying emotional and non-cognitive characteristics of translators and interpreters as a significant area of Translation Studies [4]. Emotional intelligence enables specialists to recognize their own emotional states, regulate them, and respond appropriately to the emotional states of other participants in

communication. This perspective has been further developed in contemporary empirical research. A study by S. Ferdowsi and M. H. Razmi involving 248 translation students examined the relationships among emotional intelligence, creativity, self-efficacy, and performance in simultaneous interpreting tasks. The authors identified relationships between psychological characteristics and interpreting performance, confirming the importance of taking individual psychological factors into account in the training of future interpreters [6]. F. Çoban and Ü. Albiz Telci likewise emphasize the importance of incorporating emotional intelligence into translator education and identify self-awareness, empathy, communication skills, and the ability to recognize the emotional states of communication participants as important components [5].

Contemporary reviews of research on stress in interpreting and translation demonstrate that simultaneous interpreting is associated with cognitive, emotional, and physiological demands. A review of physiological studies covering publications from 1990 to 2020 demonstrates sustained scholarly interest in the relationship between stress, cognitive load, and professional interpreting and translation activities [8].

Thus, the literature review makes it possible to identify several interconnected areas: cognitive readiness, professional ethics, communicative competence, intercultural competence, and emotional stability. Together, these dimensions constitute a broader quality of the specialist—personal and professional culture.

At the same time, in our view, it is insufficient to consider these characteristics in isolation. For a professional simultaneous interpreter, they constitute an integrated system. Knowledge of ethical principles without the ability to apply them under stressful conditions is insufficient; cultural awareness without developed communication skills does not guarantee effective communication; and linguistic competence without intellectual development limits an interpreter's ability to work with professional and scientific subject matter. For this reason, personal culture can be regarded as an integrative characteristic of an interpreter's professional identity.

Research Methodology. The study is theoretical and analytical in nature. Its methodological basis consists of findings and approaches developed in contemporary research on the theory and practice of interpreting, professional interpreter training, the psychology of interpreting activity, and intercultural communication. The following methods were employed: Theoretical analysis was used to examine scholarly approaches to interpreter professional competence.

Analysis and systematization of scholarly literature were used to identify the principal components of personal culture and their relationship to interpreting activity. The comparative-analytical method was used to compare the cognitive, ethical, communicative, and psychological requirements placed on simultaneous interpreters. Contextual analysis was used to examine the issue in relation to the multilingual educational and professional environment of Kyrgyzstan. Generalization was used to formulate conclusions concerning the role of personal culture in the professional training of future simultaneous interpreters. The object of the study is the professional activity of simultaneous interpreters. The subject of the study is the personal and cultural characteristics of simultaneous interpreters and their significance for professional effectiveness. The theoretical model of the study can be represented through the following interconnected components: personal culture → professional behavior → quality of communication → trust and reputation → professional success. This model makes it possible to regard personal culture not as an abstract moral quality but as a factor directly related to professional outcomes.

Personal Culture as a Component of the Professional Competence of a Simultaneous Interpreter. The concept of *personal culture* is broad and encompasses a set of values, knowledge, behavioral norms, communication patterns, and attitudes that determine an individual's actions in different social situations. In the context of professional interpreting, personal culture acquires a specialized meaning. It is manifested in a specialist's ability to comply with professional norms, respect communication participants, deal appropriately with cultural differences, regulate emotional reactions, continuously expand knowledge, and objectively evaluate professional performance.

Based on the literature analysis, the following principal components of a simultaneous interpreter's personal culture can be identified:

Table 1. Main Components of a Simultaneous Interpreter’s Personal Culture

Component	Main Content	Professional Significance
Professional ethics	confidentiality, neutrality, responsibility	building trust
Intellectual development	expanding knowledge, broad outlook, analytical thinking	working with specialized subject matter
Communicative culture	clarity, politeness, correctness, adaptability	effective interaction
Intercultural awareness	understanding values, norms, and traditions	preventing communication conflicts
Emotional intelligence	self-awareness, empathy, emotional regulation	stability in challenging situations
Self-control	management of attention, stress, and behavior	consistent interpreting quality
Lifelong self-education	reading, professional development, practice	long-term professional growth

Thus, personal culture represents an integrated system of qualities combining professional, intellectual, communicative, and personal characteristics.

Professional Ethics. Ethical behavior is one of the most important indicators of an interpreter's professional culture. Unlike many other professions, interpreters often act as mediators in communication whose content may be confidential or sensitive. The principle of confidentiality means that information obtained in the course of professional activity must not be disclosed. Neutrality implies avoiding deliberate distortion of a speaker's position and refraining from using the interpreting role to express one's own political, social, or personal views. Responsibility is demonstrated through thorough preparation for an event, study of terminology, verification of factual information, and awareness of the consequences of interpreting decisions. Professional ethics, therefore, is not only a system of moral requirements but also a mechanism for building professional reputation.

Intellectual Development. A simultaneous interpreter must be an intellectually flexible professional. International conferences may address medicine, economics, education, energy, law, diplomacy, science, or information technology. Therefore, knowledge of general vocabulary alone is insufficient. Intellectual development involves continuously expanding background knowledge, working with specialized terminology, reading professional literature, and keeping track of current events. This becomes particularly important in a multilingual professional environment. An interpreter working with Kyrgyz, Russian, and English must take into account not only lexical and grammatical differences but also different ways of conceptualizing reality.

Communicative Culture. An interpreter's communicative culture is manifested in speech, behavior, and interaction with event participants. Although the primary work of a simultaneous interpreter is performed through a microphone and does not always involve direct contact with the audience, the interpreter's professional behavior remains part of the overall communicative situation. Important characteristics include clarity, correctness, politeness, adaptability, and respect for the communicative norms of different cultures. An interpreter must understand that a literal transfer of linguistic form does not always ensure the transmission of communicative meaning. Professional culture therefore involves the ability to take the speaker's intention and the cultural context of the utterance into account.

Intercultural Awareness. A simultaneous interpreter is simultaneously a linguistic and cultural mediator. The task is not merely to transform a message from one language into another but also to ensure its appropriate reception by representatives of another culture. Differences may occur in forms of address, the degree of directness, expressions of agreement or disagreement, the use of humor and metaphors, and references to historical and cultural realities. Insufficient cultural awareness may result in communication misunderstandings even when the interpretation is formally accurate. Therefore, future interpreters should study the cultures of the countries and linguistic communities with which they work. In Kyrgyzstan, particular importance should be attached to the ability to compare Kyrgyz, Russian, and English-language communicative cultures.

Emotional Intelligence and Self-Regulation. Emotional intelligence is one of the most promising areas in contemporary interpreter education. Research indicates that emotional characteristics may be associated with interpreting quality and specialists' ability to cope with professional demands [4; 5; 6].

For simultaneous interpreters, the following abilities are particularly important:

awareness of one's own emotional state;

the ability to remain calm;

management of anxiety;

empathy;

the ability to perceive the emotional tone of a speaker;

resilience to criticism;

the ability to recover quickly after an error.

Errors in simultaneous interpreting are inevitable even for experienced professionals. However, professionalism involves not only minimizing errors but also responding constructively to them and continuing to work without a substantial decline in performance.

Cognitive Load and Personal Resilience. Simultaneous interpreting is an activity in which several cognitive processes occur simultaneously. The interpreter listens to the source speech, identifies meaningful units, retains part of the information in working memory, predicts the continuation of the utterance, selects equivalents in the target language, and simultaneously monitors their own speech. D. Gile emphasizes that many of the difficulties associated with interpreting result from the distribution of limited cognitive resources among several tasks [1].

Consequently, professional training should include the development of memory, attention, information-processing speed, and predictive abilities. However, cognitive readiness must be combined with psychological resilience.

Contemporary research into the physiological and psychological aspects of interpreting demonstrates that simultaneous interpreting involves not only cognitive but also emotional and physiological demands [8].

In this context, self-control becomes an integral part of professional culture. An interpreter must be able to regulate speech rate, maintain concentration, and rapidly restore attention when difficulties arise.

Personal Culture and Professional Reputation. One of the most important outcomes of developed personal culture is professional trust. Clients of interpreting services evaluate specialists not only according to the number of languages they speak and their formal qualifications. Punctuality, responsibility, confidentiality, appropriate behavior, teamwork, and readiness for advance preparation are also important. Thus, professional reputation is formed as a result of a combination of professional and personal characteristics. This relationship can be represented as follows: competence → reliability → trust → professional reputation → new professional opportunities.

In this context, high personal culture becomes a form of professional capital.

The Importance of Personal Culture in the Training of Simultaneous Interpreters in Kyrgyzstan. For Kyrgyzstan, the training of qualified simultaneous interpreters is particularly relevant due to the multilingual nature of social and professional communication. Training specialists capable of working professionally in Kyrgyz, Russian, and English requires the development of comprehensive competence. Proficiency in three languages alone does not mean that an individual is ready to perform simultaneous interpreting.

Students should learn to:

process spoken information rapidly;

analyze and reproduce content simultaneously;

switch between linguistic systems;

work with terminology;

preserve semantic accuracy;

take cultural context into account;

regulate their emotional state;

observe professional ethics;

prepare independently for new subject areas.

Therefore, simultaneous interpreter training should extend beyond traditional language education. Educational programs should include specialized components aimed at developing personal culture. These may include courses and practical modules on professional ethics, intercultural communication, public speaking, professional communication, stress management, and reflection on professional practice.

Table 2. Main Areas for Developing the Personal Culture of Future Simultaneous Interpreters

Area	**Possible Forms of Work**
Professional ethics	analysis of professional situations and case studies
Emotional intelligence	self-regulation and reflective training
Intercultural competence	analysis of cultural differences
Communicative culture	role plays, discussions, conferences
Intellectual development	reading specialized literature
Stress resilience	simulation of high-load situations
Self-education	individual research projects
Professional reflection	self-assessment and peer assessment of interpreting

Particular importance should be attached to the simulation of authentic professional situations. Students should be exposed to recordings of international conferences, presentations by specialists from different fields, interviews, and diplomatic and academic discussions. This approach makes it possible to develop linguistic, cognitive, communicative, and personal characteristics simultaneously.

Lifelong Self-Education as a Condition for Professional Development. Personal culture is not a fixed quality that is formed once and remains unchanged. It develops throughout an individual's professional life. A simultaneous interpreter must constantly improve linguistic competence, broaden their outlook, follow social, political, and scientific developments, acquire new terminology, and refine interpreting strategies.

- Lifelong self-education may include:
- regular reading of academic and socio-political literature;
- study of specialized terminology;
- viewing and analyzing professional speakers' presentations;
- regular practice in simultaneous interpreting;
- participation in conferences and professional communities;
- receiving feedback from colleagues;
- analyzing one's own interpreting errors;
- mastering digital tools and modern technologies.

Professional reflection is an important element of self-education. An interpreter should be able to analyze not only the result but also the process of professional activity: what difficulties arose, why an error occurred, which strategies proved effective, and how the result can be improved in the future.

Results and Discussion. The theoretical analysis conducted in this study makes it possible to formulate several principal conclusions. First, the professional success of a simultaneous interpreter is determined by a combination of factors rather than by linguistic competence alone. Cognitive abilities, language knowledge, interpreting skills, and personal qualities interact in professional practice. Second, personal culture performs an integrative function. It combines professional ethics, intellectual development, communicative culture, intercultural awareness, and emotional stability. Third, emotional intelligence should be considered one of the components of professional training rather than merely a personal quality. Contemporary research confirms the relevance of incorporating emotional and psychological factors into interpreter education [4; 5; 6]. Fourth, professional ethics is directly related to trust in the interpreter. In contemporary conference interpreter training programs, professionalism and ethics are regarded as independent components of professional education [3]. Fifth, the trilingual training model is of particular

importance for Kyrgyzstan. Working with Kyrgyz, Russian, and English requires not only linguistic flexibility but also well-developed intercultural competence. Sixth, personal culture is a dynamic construct. It develops through education, professional practice, self-analysis, and lifelong self-education. Thus, the central proposition of this study—that personal culture is a fundamental factor in professional success—receives theoretical support. At the same time, it should be emphasized that personal culture does not replace professional competence; rather, it ensures its effective implementation.

Practical Recommendations. Based on the analysis conducted, the following recommendations can be proposed for simultaneous interpreter training in Kyrgyzstan.

1. Integrate professional ethics into educational programs. Students should study confidentiality, neutrality, responsibility, and professional behavior through specific case studies.

2. Develop emotional intelligence. Interpreter-training programs should include exercises aimed at self-regulation, empathy, stress management, and professional reflection.

3. Strengthen the intercultural component. Training should include comparison of the communicative norms of Kyrgyz, Russian, and English-speaking cultures.

4. Create opportunities for regular simultaneous interpreting practice. The educational process should approximate authentic conference conditions as closely as possible.

5. Develop lifelong self-education skills. Future interpreters should be taught to work independently with terminology, professional sources, and contemporary information resources.

6. Use professional reflection. After completing interpreting tasks, students should analyze their own errors and identify ways to overcome them.

7. Develop professional identity. Students should perceive interpreters not merely as language specialists but as professional mediators among people, institutions, and cultures.

Conclusion. Simultaneous interpreting is a complex professional activity that requires the simultaneous mobilization of linguistic, cognitive, communicative, and personal resources. Therefore, the professional training of future specialists should not be limited to the development of linguistic and interpreting competence. The analysis demonstrates that high personal culture can be regarded as an integrative component of the professional competence of a simultaneous interpreter. It includes professional ethics, intellectual development, communicative culture, intercultural awareness, emotional intelligence, self-control, and readiness for lifelong self-education.

Personal culture directly affects an interpreter's ability to work under conditions of high cognitive and emotional load, interact appropriately with communication participants, maintain neutrality, and demonstrate professional responsibility. In the long term, these qualities contribute to the development of trust and a stable professional reputation.

For Kyrgyzstan, this issue is particularly important because of the need to train specialists capable of working professionally within the Kyrgyz-Russian-English linguistic environment. Such interpreters must possess not only a high level of proficiency in three languages but also a well-developed capacity for intercultural interaction.

Consequently, the development of personal culture among future simultaneous interpreters should become a purposeful component of professional education. High personal culture is not an additional advantage that should be developed only after graduation. It should be cultivated simultaneously with linguistic, interpreting, and professional competencies.

Lifelong self-education is of particular importance. A contemporary simultaneous interpreter must continuously expand their knowledge, improve professional skills, analyze their own performance, and adapt to new communication conditions. It is precisely the combination of professional competence and high personal culture that creates the foundation for a sustainable and successful professional career.

References

1. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. – 278 p.

2. Pöchhacker F. Introducing Interpreting Studies. – 2nd ed. – London: Routledge, 2016. – 267 p.
3. Setton R., Dawrant A. Conference Interpreting: A Complete Course. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. – 470 p.
4. Hubscher-Davidson S. Emotional Intelligence and Translation Studies: A New Bridge // Meta: Translators' Journal. – 2013. – Vol. 58, № 2. – P. 324–346. – DOI: 10.7202/1024177ar.
5. Çoban F., Albiz Telci Ü. The Role and Importance of Emotional Intelligence in the Acquisition of Translation Skills and Translator Training: Does a Translator or Interpreter Need Emotional Intelligence? // The Journal of International Lingual, Social and Educational Sciences. – 2016. – Vol. 2, № 2.
6. Ferdowsi S., Razmi M. H. Examining Associations Among Emotional Intelligence, Creativity, Self-Efficacy, and Simultaneous Interpreting Practice Through the Mediating Effect of Field Dependence/Independence: A Path Analysis Approach // Journal of Psycholinguistic Research. – 2022. – Vol. 51. – P. 255–272. – DOI: 10.1007/s10936-022-09836-0.
7. Korpal P., Mellinger C. Interpreting and Individual Differences // The Routledge Handbook of Interpreting. – London: Routledge.
8. Gieshoff A. C., Lehr C., Hunziker Heeb A. Stress, Cognitive, Emotional and Ergonomic Demands in Interpreting and Translation: A Review of Physiological Studies // Developments in Cognitive Translation and Interpreting Studies. – 2021. – P. 404–439. – DOI: 10.1075/cogls.00084.gie.
9. Qiu G. Towards the Effects of Translators' Emotional Intelligence and Anxiety on Their Translation Quality // Heliyon. – 2023. – Vol. 9, № 9. – Article e19276. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e19276.
10. Gjurchevska Atanasovska K., Mickoski N. Enhancing Emotional Intelligence in Interpreting Students: Possibilities and Perspectives // Journal of Contemporary Philology. – DOI: 10.37834/JCP2471071gja.

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор Шаршенова Р.М.

УДК 811.512.154:811.111(575.2)

Атабаева Ж.Р., Садыкова С.З.
КР Президентине караштуу УИА
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Атабаева Ж.Р.,[1]Садыкова С.З.,[2]
НАН КР при Президенте КР[1]
КНУ имени Жусупа Баласагына[2]
Atabaeva Zh.R., Sadykova S.Z.,
NAS KR under the President of the Kyrgyz Republic
KNU Jusup Balasagyn
ORCID 0009-0002-3946-733X[1]
ORCID ID: 0009-0006-7914-0103[2]

КЫРГЫЗ ТИЛИНИН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ ЛАРС ЙОХАНСОНДУН ТЕОРИЯСЫ БОЮНЧА ОСОБЕННОСТИ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА ПО ТЕОРИИ ЛАРСА ЮХАНСОНА SPECIFIC FEATURES OF THE KYRGYZ LANGUAGE IN THE FRAMEWORK OF LARS JOHANSON'S THEORY

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Ларс Йохансондун «Turkic» (2020) аттуу фундаменталдык эмгегинин негизинде кыргыз тилинин түрк тилдеринин арасындагы орду, анын фонетикалык, морфологиялык, синтаксистик жана лексикалык өзгөчөлүктөрү иликтенет. Йохансондун түрк тилдеринин салыштырма грамматикасы, диахрониялык өнүгүшү жана типологиялык классификациясы боюнча изилдөөлөрү заманбап түркологиянын маанилүү илимий булактарынын катарына кирет. Макалада кыргыз тилинин түндүк-батыш (кыпчак) бутагындагы Чыгыш Кыпчак тобуна кирери, анын фонетикалык (өзгөчө лабиалдык аттракция), морфологиялык

(кооператив-реципроктук мүчөнүн көп функциялуулугу) жана синтаксистик (салыштырма сүйлөмдөрдүн жөнөкөй тиби) өзгөчөлүктөрү каралат. Ошондой эле кыргыз тилинин лексикасындагы араб, фарс, монгол жана орус тилдеринен кирген сөздөргө көңүл бурулат. Изилдөөнүн жыйынтыгында кыргыз тилинин түрк тилдеринин арасындагы өзгөчө орду аныкталып, анын түштүк алтай тили менен генетикалык жакындыгы, казак тили менен конвергенциялык байланыштары жана монгол тилдеринин таасири белгиленген.

Аннотация: В данной статье на основе фундаментального труда Ларса Йохансона «Turkic» (2020) исследуется место кыргызского языка в системе тюркских языков, его фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности. Исследования Йохансона в области сравнительной грамматики, диахронического развития и типологической классификации тюркских языков относятся к числу важных научных источников современной тюркологии. В статье рассматривается принадлежность кыргызского языка к восточнокыпчакской группе северо-западной (кыпчакской) ветви, его фонетические (особенно лабиальная аттракция), морфологические (полифункциональность кооперативно-реципрокного аффикса) и синтаксические (простой тип сравнительных предложений) особенности. Также уделяется внимание арабским, персидским, монгольским и русским заимствованиям в лексике кыргызского языка. В результате исследования определяется особое место кыргызского языка среди тюркских языков, отмечаются его генетическая близость с южноалтайским языком, конвергентные связи с казахским языком и влияние монгольских языков.

Abstract: This article, based on Lars Johanson’s fundamental work *Turkic* (2020), examines the place of the Kyrgyz language in the system of Turkic languages and its phonetic, morphological, syntactic, and lexical features. Johanson’s studies on the comparative grammar, diachronic development, and typological classification of Turkic languages are among the important scholarly sources in modern Turkology. The article examines the classification of Kyrgyz within the East Kipchak group of the Northwestern (Kipchak) branch, as well as its phonetic (particularly labial attraction), morphological (polyfunctionality of the cooperative-reciprocal suffix), and syntactic (simple type of comparative clauses) features. Attention is also paid to Arabic, Persian, Mongolian, and Russian loanwords in the Kyrgyz lexicon. The study identifies the distinctive position of Kyrgyz among the Turkic languages and notes its genetic proximity to Southern Altai, convergent ties with Kazakh, and the influence of Mongolian languages.

Негизги сөздөр: Ларс Йохансон; кыргыз тили; түркология; түрк тилдери; фонетика; морфология; синтаксис; лабиалдык аттракция; кооператив-реципроктук мүчө; кирме сөздөр.

Ключевые слова: Ларс Йохансон; кыргызский язык; тюркология; тюркские языки; фонетика; морфология; синтаксис; лабиальная аттракция; кооперативно-реципрокный аффикс; заимствования.

Keywords: Lars Johanson; Kyrgyz language; Turkology; Turkic languages; phonetics; morphology; syntax; labial attraction; cooperative-reciprocal suffix; borrowings.

1. Киришүү. Акыркы он жылдыктарда түркология илими олуттуу өнүгүп, түрк тилдеринин салыштырма грамматикасы, диахрониялык өнүгүшү жана типологиялык классификациясы боюнча көптөгөн фундаменталдык эмгектер жарык көрдү. Алардын арасында швед тилчиси, түрколог Ларс Йохансондун (Lars Johanson) «Turkic» (2020) аттуу монографиясы өзгөчө орунду ээлейт. Ларс Йохансон – Германиядагы Майнц университетинин профессору, түрк тилдеринин грамматикасы жана типологиясы боюнча дүйнөгө таанымал адис. Анын эмгектери түркологиянын классикалык булактарынын катарына кирет [1, IX-б.].

Бул макалада Йохансондун теориялык жоболоруна таянып, кыргыз тилинин түрк тилдеринин арасындагы орду, анын фонетикалык, морфологиялык, синтаксистик жана лексикалык өзгөчөлүктөрү иликтенет. Макаланын максаты – Йохансондун классификациясы жана сүрөттөмөлөрү аркылуу кыргыз тилинин башка түрк тилдеринен айырмаланган белгилерин аныктоо жана аларды лингвистикалык жактан негиздөө.

Изилдөөнүн актуалдуулугу кыргыз тилинин түрк тилдеринин системасындагы ордун заманбап түркологиялык методологиянын негизинде кайрадан карап чыгуу зарылдыгы менен шартталган. Йохансондун эмгегинде тилдердин классификациясына, алардын өнүгүшүнө жана өз ара байланыштарына жаңыча көз караштар сунушталат. Бул кыргыз тилинин филогенетикалык жана типологиялык маселелерин жаңыча түшүнүүгө мүмкүндүк берет.

Макаланын милдеттери: 1) Йохансондун классификациясы боюнча кыргыз тилинин ордун аныктоо; 2) кыргыз тилинин фонетикалык өзгөчөлүктөрүн (өзгөчө үндүүлөрдүн үндөшүүсүн) сүрөттөө; 3) морфологиялык системасынын өзгөчөлүктөрүн талдоо; 4) синтаксистик түзүлүштөрүнүн өзгөчөлүктөрүн көрсөтүү; 5) лексикалык фондунун өзгөчөлүктөрүн аныктоо.

2. Изилдөөнүн теориялык негиздери жана адабияттарга сереп

2.1. Түркология илиминде кыргыз тилинин изилдениши

Кыргыз тили түркология илиминде көптөгөн изилдөөлөрдүн объектиси болуп келген. Анын түрк тилдеринин системасындагы орду, фонетикалык, морфологиялык жана лексикалык өзгөчөлүктөрү орусиялык, советтик жана Батыш өлкөлөрүнүн түркологдору тарабынан ар тараптуу каралган.

Орусиялык түркологиянын негиздөөчүлөрүнүн бири В. В. Радлов (1837–1918) кыргыз тилинин фонетикасына жана морфологиясына олуттуу көңүл бурган. Анын «Опыт словаря тюркских наречий» (1893–1911) аттуу фундаменталдык эмгегинде кыргыз тилинин лексикасы кеңири чагылдырылган [2, XII-б.]. Радлов кыргыз тилин түрк тилдеринин түндүк-чыгыш тобуна киргизип, анын алтай жана хакас тилдери менен байланышын белгилеген.

Советтик түркологиянын өкүлү Н. А. Баскаков (1905–1995) түрк тилдеринин классификациясын иштеп чыккан. Анын классификациясы боюнча кыргыз тили кыпчак тобуна кирет жана казак, каракалпак, ногой тилдери менен бир топту түзөт [3, 45-б.]. Баскаков кыргыз тилинин фонетикалык жана морфологиялык өзгөчөлүктөрүн салыштырып талдаган.

Кыргыз тил илиминде кыргыз тилинин түрк тилдеринин системасындагы орду К. К. Юдахин, Б. М. Юнусалиев, А. Т. Тойчубекова, З. К. Ахметова, Т. С. Маразыков жана башка окумуштуулардын эмгектеринде каралган [4, 12–15-б.]. Бул изилдөөлөрдө кыргыз тилинин фонетикалык, морфологиялык жана лексикалык өзгөчөлүктөрү баяндалып, анын түрк тилдеринин арасындагы орду аныкталган.

Батыш түркологиясында кыргыз тили Г. Дёрфер, К. Менгес, А. Рона-Таш, А. М. Щербак сыяктуу окумуштуулардын эмгектеринде каралган [5, 78-б.]. Бул изилдөөлөрдө кыргыз тилинин эски кыргыз тилинен келип чыгышына байланышкан филогенетикалык маселелер, анын башка түрк тилдери менен байланышы талданган.

2.2. Ларс Йохансондун түркологиялык мектеби жана теориясы. Ларс Йохансон (1936-жылы туулган) – заманбап түркологиянын көрүнүктүү өкүлдөрүнүн бири. Анын негизги эмгектери түрк тилдеринин салыштырма грамматикасына, аспектологиясына жана диахрониялык типологиясына арналган. Йохансондун ири эмгектеринин бири – «Turkic» (2020) монографиясы. Анда түрк тилдеринин салыштырма грамматикасы, классификациясы жана тарыхый өнүгүшү каралган [1, 1–45-б.].

Йохансондун теориялык алкагы төмөнкү негизги принциптерге таянат:

1. **Диахрониялык-типологиялык ыкма:** тилдерди синхрониялык абалында гана эмес, тарыхый өнүгүшүндө да кароо. Йохансон тилдик өзгөрүүлөрдүн багыттарын жана мыйзам ченемдүүлүктөрүн аныктоого умтулат [1, 15-б.].
2. **Аймактык (ареалдык) фактор:** аймактык байланыштар жана коңшу тилдер тилдердин өнүгүшүнө олуттуу таасир этет. Йохансон кыргыз тилинин казак, өзбек жана монгол тилдери менен байланышын өзгөчө белгилейт [1, 31-б.].
3. **Конвергенция жана дивергенция:** тилдер убакыттын өтүшү менен бири-бирине жакындашы (конвергенция) же бири-биринен алысташы (дивергенция) мүмкүн. Кыргыз тилинин тарыхында XVII кылымдан баштап казак тили менен конвергенция байкалат [1, 31-б.].

4. **Код-көчүрүү (code-copying):** тилдердин өз ара таасиринде код-көчүрүү механизми маанилүү орунду ээлейт. Бул процесс аркылуу бир тилден экинчи тилге грамматикалык, лексикалык же фонетикалык элементтер өтөт [1, 137-б.].

Йохансондун бул теориялык принциптери түрк тилдеринин классификациясын жана алардын өнүгүү мыйзам ченемдүүлүктөрүн жаңыча кароого мүмкүндүк берет.

2.3. Йохансондун эмгегинде кыргыз тилинин филогенетикалык маселелеринин каралышы

Йохансон кыргыз тилинин түрк тилдеринин системасындагы ордун карап, анын филогенетикалык маселелерине кеңири токтолот. Автор байыркы кыргыз тили менен азыркы кыргыз тилинин ортосундагы байланыш маселесин көтөрөт. Байыркы кыргыз тили Орхон-Енисей жазма эстеликтеринде (б.з. VII–X кылымдар) чагылдырылган жана Орхон түрк тилине, байыркы уйгур тилине жакын болгон [1, 31-б.]. Бирок азыркы кыргыз тилинин байыркы кыргыз тилинен түздөн-түз келип чыгышы канчалык деңгээлде негиздүү экени так аныкталган эмес.

Йохансон азыркы кыргыз тилинин өнүгүшүнө төмөнкү факторлор таасир эткенин белгилейт [1, 31–32-б.]:

1. **Казак тили менен конвергенция:** XVII кылымдан баштап кыргыз жана казак тилдеринин жакындашуусу байкалат. Бул процесс айрыкча түндүк диалектилерде күчтүү болгон. Түштүк диалектилерге өзбек тилинин таасири басымдуу.
2. **Ойрат (монгол) тилинин таасири:** кыргыз тилине монгол тилдеринин, өзгөчө ойрат тилинин таасири олуттуу болгон. Бул таасир айрыкча фонетикада (лабиалдык аттракция) жана лексикада байкалат.
3. **Орус тилинин таасири:** XIX кылымдын экинчи жарымынан баштап орус тилинин таасири күчөгөн. Бул таасир лексикада, синтаксисте жана тилдик нормалардын калыптанышында байкалат.

Кыргыз тилинин тарыхый өнүгүү жолу анын түрк тилдеринин түндүк-батыш (кыпчак) бутагынын ичинде өзүнө мүнөздүү орунду ээлешине шарт түзгөн.

3. Изилдөөнүн методдору

Бул макалада кыргыз тилинин өзгөчөлүктөрүн жана түрк тилдеринин системасындагы ордун аныктоо үчүн төмөнкү илимий методдор колдонулду.

Салыштырма-тарыхый метод. Кыргыз тилинин казак, алтай, хакас жана башка түрк тилдери менен окшоштуктары, айырмачылыктары жана тарыхый өнүгүүсүнүн мыйзам ченемдүүлүктөрү аныкталды.

Синхрониялык-сүрөттөөчү метод. Кыргыз тилинин азыркы фонетикалык, морфологиялык, синтаксистик жана лексикалык өзгөчөлүктөрү системалаштырылды.

Типологиялык метод. Йохансондун типологиялык классификациясына таянып, кыргыз тилинин түрк тилдеринин системасындагы орду аныкталды.

Диахрониялык талдоо. Кыргыз тилинин тарыхый өнүгүшү, коңшу тилдердин таасири жана тилдик өзгөрүүлөрдүн мыйзам ченемдүүлүктөрү изилденди.

3.1. Изилдөөнүн материалдары

Изилдөөнүн негизги материалдары катары Ларс Йохансондун «Turkic» (2020) аттуу эмгеги, ошондой эле башка түркологдордун эмгектери, кыргыз тилинин фонетикасы, морфологиясы, синтаксиси жана лексикасы боюнча илимий булактар, сөздүктөр жана грамматикалык сүрөттөмөлөр алынды.

4. Изилдөөнүн жүрүшү жана натыйжалары

4.1. Кыргыз тилинин түрк тилдеринин классификациясындагы орду

Ларс Йохансондун классификациясы боюнча, түрк тилдери төмөнкү негизги бутактарга бөлүнөт [1, 29–30-б]:

1. Түштүк-Батыш бутагы (Огуз): түрк, азербайжан, түркмөн, гагауз, салар, хорасан түркчөсү.
2. Түндүк-Батыш бутагы (Кыпчак):

- Чыгыш Кыпчак: кыргыз, түштүк алтай, теленгит, чулым;
- Түндүк Кыпчак: башкырт, татар;
- Түштүк Кыпчак: казак, каракалпак, ногой.

3. Түштүк-Чыгыш бутагы (Карлук): өзбек, уйгур, чагатай, или түркчөсү.

4. Түндүк-Чыгыш бутагы (Сибирь): хакас, тува, якут, долган, шор, сарыг-уйгур.

5. Анклавдык тилдер: чуваш, халаж.

Кыргыз тили Түндүк-Батыш (Кыпчак) бутагынын Чыгыш Кыпчак тобуна кирет [1, 29-б.]. Йохансон белгилегендей, кыргыз тилинин Түштүк Алтай тили менен жакын генетикалык байланышы бар жана убакыттын өтүшү менен казак тилине да жакындап кеткен. Бул аймактык өз ара аракеттенүүнүн натыйжасы катары каралат [1, 31-б.].

Кыргыз тилинин классификациядагы ордун төмөнкү таблица аркылуу көрсөтүүгө болот:

Топ	**Кирүүчү тилдер**	**Кыргыз тилинин байланышы**
Түштүк-Батыш (Огуз)	Түрк, азербайжан, түркмөн	Алыс, бирок лексикалык окшоштуктар бар
Түндүк-Батыш (Кыпчак)	Кыргыз, казак, татар, башкырт	Жакын (өзгөчө казак тили менен)
Түштүк-Чыгыш (Карлук)	Өзбек, уйгур	Орточо (өзгөчө түштүк диалектилерде)
Түндүк-Чыгыш (Сибирь)	Хакас, тува, якут	Орточо (тарыхый байланыш)

4.2. Фонетикалык жана фонологиялык өзгөчөлүктөр

4.2.1. Үндүүлөр системасы

Йохансондун сүрөттөмөсү боюнча, кыргыз тилинде сегиз кыска үндүү фонема бар: /i/, /ï/, /u/, /ü/, /e/, /a/, /o/, /ö/ [1, 163–164-б.]. Мындан тышкары, узун үндүүлөр да кездешет, алар консонанттардын түшүшүнүн натыйжасында пайда болгон (мисалы, тоо < таг). Бул кубулуш Йохансондун айтымында, “компенсатордук узартуу” деп аталат [1, 169-б.].

Төмөнкү таблицада кыргыз тилинин үндүү системасынын түрк тилдеринин ичиндеги орду көрсөтүлгөн:

Үндүү	**Кыргыз**	**Түрк (Огуз)**	**Казак**	**Хакас**
Жакын/катуу	и	i	і	И
Жакын/жоон	ы	ı	ы	ы
Жакын/тегерек	у	u	у	у
Жакын/жумшак/тегерек	ү	Ü	ү	ӱ
Ачык/катуу	а	a	а	а
Ачык/жоон	э/е	e/e	е/э	е
Ачык/тегерек	о	o	о	О
Ачык/жумшак/тегерек	ө	ö	ө	ӧ

4.2.2. Лабиалдык аттракция. Кыргыз тилинин эң мүнөздүү фонетикалык өзгөчөлүктөрүнүн бири – күчтүү [±тегерек] гармония, башкача айтканда, лабиалдык аттракция. Йохансон бул кубулушту “күчтүү [±тегерек] гармониянын” мисалы катары көрсөтөт [1, 200–202-б.]. Лабиалдык аттракциянын маңызы – төмөнкү муундагы үндүүлөрдүн тегеректелиши, башкача айтканда, алар мурунку муундагы тегерек үндүүнүн таасири астында [–тегерек] абалынан [+тегерек] абалына өтүшү мүмкүн.

Мисалдар:

- көл-дөр-дөн (көл+PL+ABL) – мында акыркы муундагы ө үндүүсү биринчи муундагы ө менен гармониялашат.
- күн-дөр (күн+PL) – ү жана ө гармониясы.

- үй-лөр-үбүз-дө (үй+PL+POSS1PL+LOC) – көп муундуу сөздөрдө да гармония сакталат.

- көз-дөр-дө-гү (көз+PL+LOC+PREDET) – бардык муундардагы тегерек үндүү.

Бул кубулуш Йохансондун айтымында, “лабиалдык аттракция” деп аталат жана ал кыргыз тилинде монгол тилдеринин (халха, бурят) таасири астында өнүккөн аймактык өзгөчөлүк катары каралат [1, 200–201-б.]. Кыпчак тилдеринин ичинде лабиалдык аттракция эң күчтүү кыргыз тилинде өнүккөн. Казак тилинде бул кубулуш алсызыраак, ал эми огуз тилдеринде дээрлик жок.

4.2.3. Консонанттар системасы. Кыргыз тилиндеги консонанттардын өзгөчөлүгү – аффрикаталардын дистинкциясы. Йохансондун маалыматы боюнча, кыргыз тилинде č жана š фонемаларынын карама-каршылыгы муун аягында нейтралдашууга жакын [1, 171–172-б.]. Мисалы, ач- (ачуу) жана аш- (ашуу) сөздөрүндө ч жана ш фонемалары өзүнүн дистинкциясын сактайт, бирок кээ бир позицияларда алардын карама-каршылыгы начарлайт.

Ошондой эле, ǰ фонемасы (‹ж›) кээ бир диалектилерде жумшак палаталдык d [ɟ] же t [c] формасында уюштурулушу мүмкүн [1, 172-б.]. Мисалы, жол сөзү кээ бир түштүк диалектилерде [ɟol] же [col] катары айтылышы мүмкүн.

Маргиналдык фонемаларга f, v, ž кирет, алар негизинен кирме сөздөрдө учурайт (фабрика, ванна, журнал).

4.2.4. Үндүү гармониясынын морфофонемалык схемасы. Йохансон кыргыз тилиндеги үндүү гармониясын төмөнкүдөй морфофонемалардын системасы катары сунуштайт [1, 200, 203-б.]:

- Морфофонема {I4} – ï, i, ụ, ü (жогорку эмес муундардагы жакын-жогорку бош үндүүлөр)

- Морфофонема {A4} – a, e, o, ö (төмөнкү муундардагы үндүүлөр)

Бул эки типтин айкалышы кыргыз тилинин сөз формаларын төмөнкүдөй кылып түзөт:

- көл-дөр-дөн (A4 тиби) – а типтүү гармония

- күн-дөр (I4 тиби, андан кийин A4) – аралаш гармония

- үй-лөр-үбүз-дө (I4 → A4 → I4) – татаал гармония. Йохансондун морфофонемалык схемасы кыргыз тилиндеги гармониянын татаалдыгын жана системалуулугун көрсөтүүгө мүмкүндүк берет.

4.3. Морфологиялык өзгөчөлүктөр

4.3.1. Атоочтук системалар

Көптүк мүчөсү: Кыргыз тилинде көптүк мүчөсү {+L3A2r} тибине кирет [1, 281-б.]:

Сөз	**Көптүк формасы**	**Мүчө**
ат	ат-тар	-тар
бал	бал-дар	-дар
көз	көз-дөр	-дөр
үй	үй-лөр	-лөр

Йохансондун байкоосу боюнча, кыргыз тилиндеги көптүк формалардын өзгөчөлүгү – алардын үндүү гармониясына толук баш ийиши [1, 281-б.]. Бул кыпчак тилдерине жалпы мүнөздүү, бирок кыргыз тилинде гармониянын татаалдыгы өзгөчө байкалат.

Уңгу мүчөлөрү: Кыргыз тилинин тарамыш системасында генетикалык жана аккузативдик мүчөлөрдүн айкалышы байкалат [1, 288, 293-б.]:

Уңгу	**Мүчө**	**Мисалдар**
Генитив	{+NIn	адам-дын, көз-дүн, таш-тын
Аккузатив	{+NI}	адам-ды, көз-дү, таш-ты

Айырмалоочу белги – акыркы -n мүчөсүнүн болушу (генитивде) жана жоктугу (аккузативде). Датив, локатив, аблатив жана инструменталь мүчөлөрү да стандарттуу түркчө формаларда келет.

4.3.2. Этиштик системалар. Диатезалык модификациялар: Йохансон түрк тилдериндеги диатезалык мүчөлөрдүн ичинен кыргыз тилинин кооператив-реципроктук мүчөсү {-(I)š-} өзгөчө орунду ээлейт [1, 365, 387-б.]. Бул мүчө төмөнкүдөй кызматтарды аткарат:

1. Өз ара аракетти билдирет: көр-үш- (көрүшүү), сүй-үш- (сүйүшүү), бир-иш- (биришүү).

2. Жардам көрсөтүү маанисин берет: жардам-даш- (жардамдашуу), бөл-үш- (бөлүшүү).

3. Кээде 3-жак көптүк формаларда жак мүчөсү катары колдонулат [1, 387, 415-б.]: Кел-иш-ти (“Алар келишти”) – бул жерде -иш кооператив-реципроктук мүчө эмес, көптүктүн көрсөткүчү катары чыгат.

Кызыктуусу, кыргыз тилинин айрым диалектилеринде бүтүрүүчү мүчөнүн (терминатив) 3-жак көптүк формасында {-(Ị)š} мүчөсү колдонулат. Мисалы, Келишти (“Алар келишти”) формасындагы -иш- кооператив-реципроктык мүчө эмес, көптүктүн көрсөткүчү катары чыгат [1, 415-б.].

Каузативдер: Кыргыз тилинде каузативдик мүчөлөрдүн бир нече тиби бар [1, 368–370-б.]:

Мүчө	**Мисалдар**
{-(Ị)r-} // {-(Ụ)r-}	пиш-ир- (пиширүү), тап-тыр- (таптыруу)
{-(Ị)t-}	үйр-өт- (үйрөтүү), өл-үт- (өлүтүү, өлтүрүү)
{-DỤr-}	өл-түр- (өлтүрүү), бир-дир- (бирдирүү)
{-GỤz-}	көр-гөз- (көрсөтүү), ой-гоз- (ойгозуу)

Йохансон кыргыз тилиндеги каузативдик мүчөлөрдүн көп түрдүүлүгүн анын тарыхый өнүгүшүнүн натыйжасы, башка тилдер менен байланышынын көрсөткүчү катары карайт [1, 370-б.].

4.3.3. Поствербалдык конструкциялар. Йохансон түрк тилдериндеги поствербалдык конструкциялардын ичинен кыргыз тилинде жат- (“жатуу”) жардамчы этиши менен түзүлгөн конструкцияларды өзгөчө белгилейт [1, 377, 403-б.]:

- **Бара жатат – континуативдик мааниде колдонулат: кыймыл-аракет учурда аткарылып, дагы уланып жатат.**

- Жазып жатат – фокалдык интратерминалдуулуктун реновациясы (“ал жазып жатат” – азыр жазып жаткан учурга басым).

Бул конструкциялар түрк тилдеринин көпчүлүгүндө кездешпеген, алар негизинен Түндүк-Батыш жана Түштүк-Чыгыш тармактарына мүнөздүү [1, 403-б.]. Йохансон бул конструкциянын пайда болушун монгол тилдеринин таасири менен байланыштырат.

4.4. Лексикалык өзгөчөлүктөр

4.4.1. Негизги лексикалык фонд. Йохансондун салыштырмалуу анализдери кыргыз тилинин лексикасында төмөнкүдөй өзгөчөлүктөрдү көрсөтөт [1, 130–132-б.]:

Огуз эмес тилдерге мүнөздүү сөздөр:

Мааниси	**Кыргыз**	**Огуз тилдери (түрк)**
кол	кол	Эл
карышкыр	бөрү	курт
табуу	тап-	бул-
көп	көп	чок

Соматикалык терминдер:

Мааниси	**Кыргыз**	**Түрк**	**Хакас**	**Якут**
кол	кол	эл	хол	Илии
баш	баш	баш	пас	бас
көз	көз	гөз	көс	хас

Түс аталыштары:

Мааниси	**Кыргыз**	**Түрк**	**Хакас**
Кызыл	кызыл	кызыл	хызыл
сары	сары	сары	сары
кара	кара	кара	хара

4.4.2. Кирме сөздөр. Кыргыз тилинин лексикасына араб-фарс, монгол жана орус тилдеринен кирме сөздөр олуттуу таасир эткен [1, 136–140-б.]:

Араб-фарс кирмелери: акыл, илим, маани, убакыт, пикир, бакча, куноо, тозок. Йохансон белгилегендей, кыргыз тилине араб-фарс кирме сөздөрү көбүнчө өзбек тили аркылуу келген [1, 136-б.].

Монгол кирмелери: макта- (“мактоо”), менен (“бирге”), байла- (“байлоо”), күнөө, тозок. Йохансон кыргыз тилиндеги монгол кирмелеринин көпчүлүгү орто монгол тилинен киргендигин белгилейт. Өзгөчө кыргыз тилинин түндүк диалектилеринде монгол элементтери көп кездешет [1, 137–139-б.].

Орус кирмелери: Кыргызстандагы орус таасиринин натыйжасында көптөгөн орус сөздөрү кирген, алардын айрымдары эл аралык терминдер: машина, завод, фабрика, институт, университет, телефон, телевизор, компьютер [1, 139–140-б.].

4.5. Синтаксистик өзгөчөлүктөр

4.5.1. Ээлик конструкциялар. Йохансондун маалыматы боюнча, кыргыз тилиндеги ээлик конструкциялар төмөнкүдөй мүнөздөмөлөргө ээ [1, 495–496-б.]:

Стандарттык ээлик конструкциясы: Асандын китеби (ээлик + тарамыш)

- Ээ: генитивдик мүчө менен (+NIn): Асан-дын
- Буюм: 3-жак таандык мүчөсү менен: китеб-и

Таандык мүчөнүн түшүрүлүшү: Кээ бир колдонулуштарда таандык мүчө түшүрүлүшү мүмкүн: биздин үй (стандарттык биздин үй-үбүз ордуна). Бул кубулуш өзгөчө оозеки сүйлөөдө байкалат.

4.5.2. Салыштырмалуу багыныңкы сүйлөмдөр. Кыргыз тилиндеги салыштырмалуу багыныңкы сүйлөмдөр төмөнкү типтерге бөлүнөт [1, 549–555-б.]:

Жөнөкөй (жанаша турган) тип: мен көргөн киши – катышуучулук атоочтук түздөн-түз аныкталуучу сөздүн алдында турат. Бул тип кыргыз тилинде басымдуулук кылат.

Таандык тип: менин көргөн адамым – мында баш сөз таандык мүчө менен коштолот. Бул тип кыргыз тилинде сейрек кездешет, негизинен түштүк диалектилерге мүнөздүү.

Йохансондун байкоосу боюнча, кыргыз тилиндеги салыштырмалуу сүйлөмдөрдүн курулушу жөнөкөй жанаша турган типке негизделген, анткени таандык тип алтай, хакас, тува тилдерине караганда азыраак өнүккөн [1, 557-б.].

4.5.3. Эки компоненттүү этиштер. Кыргыз тилинде эки компоненттүү этиштердин төмөнкүдөй түрлөрү бар [1, 501–502-б.]:

1. Жеңил этиштер (Light verbs): кыл- (негизинен формалдуу, салтанаттуу контексттерде), эт-, бол-.

2. Конвербдик конструкциялар: алып кел-, көрүп тур-, жазып ал-.

3. Кызматтык этиштер (Auxiliaries): поствербалдык конструкцияларда колдонулат: жазып жатат, көрүп койду, айтып бер-.

4.6. Кыргыз тилинин түрк тилдеринин системасындагы орду (жыйынтыктоочу таблица)

Өзгөчөлүк	**Кыргыз тили**	**Башка Кыпчак тилдери**	**Огуз тилдери**
Классификация	Чыгыш Кыпчак тобу	Казак, каракалпак	Түрк, азербайжан
Үндүү гармониясы	Күчтүү (лабиалдык аттракция)	Орточо	Алсыз
Кооператив-реципроктук мүчө	Көп функциялуу	Чектелүү	Чектелүү
жат- конструкциясы	Бар	Чектелүү	Жок
Салыштырмалуу сүйлөмдөр	Жөнөкөй тип	Аралаш тип	Аралаш тип
Монгол кирмелери	Көп	Орточо	Аз

5. Жыйынтыктоо жана сунуштар. Ларс Йохансондун “Turkic” (2020) аттуу фундаменталдык эмгеги түрк тилдеринин салыштырмалуу грамматикасы, диахрониялык өнүгүшү жана типологиялык классификациясы боюнча заманбап түркологиянын эң маанилүү булактарынын бири болуп саналат. Йохансондун теориялык алкагына таянган бул изилдөө төмөнкүдөй негизги корутундуларды чыгарууга мүмкүндүк берди:

1. Кыргыз тилинин классификациядагы орду: Кыргыз тили Түндүк-Батыш (Кыпчак) бутагынын Чыгыш Кыпчак тобуна кирет. Ал Түштүк Алтай тили менен генетикалык жакын байланышта жана убакыттын өтүшү менен казак тилине жакындап кеткен. Бул жакындашуу аймактык өз ара аракеттенүүнүн натыйжасы катары каралат.

2. Фонетикалык өзгөчөлүктөр: Кыргыз тилинин эң мүнөздүү фонетикалык өзгөчөлүгү – күчтүү [±тегерек] гармония (лабиалдык аттракция), анда төмөнкү муундагы үндүүлөр да тегеректелиши мүмкүн. Бул кубулуш кыргыз тилин монгол тилдери менен жакындаштырат жана аны түрк тилдеринин ичинде өзүнчөлүктүү кылат.

3. Морфологиялык өзгөчөлүктөр: Кооператив-реципроктук мүчө {-(I)š-} көп функциялуулугу менен өзгөчөлөнөт. Ал кээ бир контексттерде өз ара аракетти, жардам көрсөтүүнү билдирсе, башка контексттерде көптүктүн көрсөткүчү катары да чыгат. Бул мүчөнүн полисемиясы кыргыз тилинин морфологиялык системасынын татаалдыгын көрсөтөт.

4. Синтаксистик өзгөчөлүктөр: Салыштырмалуу багыныңкы сүйлөмдөрдүн жөнөкөй (жанаша турган) тиби басымдуулук кылат, таандык тип азыраак өнүккөн. Бул кыргыз тилин алтай, хакас, тува сыяктуу түндүк-чыгыш түрк тилдеринен айырмалайт. Мындан тышкары, жат- жардамчы этиши менен түзүлгөн поствербалдык конструкциялар кыргыз тилинин синтаксистик системасынын өзүнчөлүктүү элементи болуп саналат.

5. Лексикалык өзгөчөлүктөр: Кыргыз тилинин лексикасына араб-фарс, монгол жана орус тилдеринен кирме сөздөр олуттуу таасир эткен. Араб-фарс кирмелери көбүнчө өзбек тили аркылуу келсе, монгол кирмелери орто монгол тилинен өздөштүрүлгөн. Орус кирмелери XIX кылымдын экинчи жарымынан баштап күчөгөн.

Сунуштар. 1. Кыргыз тилинин фонетикалык, морфологиялык, синтаксистик жана лексикалык өзгөчөлүктөрүн мындан ары тереңирээк изилдөө, айрыкча диалектилик айырмачылыктарды салыштырмалуу талдоо сунушталат.

2. Йохансондун “код-көчүрүү” теориясынын негизинде кыргыз тилине монгол жана орус тилдеринин таасирин өзүнчө изилдөө актуалдуу. Бул изилдөө кыргыз тилинин тарыхый өнүгүшүнүн этаптарын тактоого жардам берет.

3. Кыргыз тилинин салыштырмалуу багыныңкы сүйлөмдөрүнүн типологиясын жана алардын диалектилик варианттарын изилдөө кыргыз тилинин синтаксистик системасын толук кандуу түшүнүүгө мүмкүндүк берет.

4. Кыргыз тилиндеги лабиалдык аттракциянын диалектилик варианттарын жана анын фонетикалык системага тийгизген таасирин изилдөө актуалдуу. Бул изилдөө кыргыз тилинин фонетикалык эволюциясынын мыйзам ченемдүүлүктөрүн аныктоого жардам берет.

5. Йохансондун теориясын кыргыз тилинин башка аспектилерине (мисалы, сөз жасоо, тилдик норма, тилдик өзгөрүүлөр) колдонуп, комплекстүү изилдөөлөрдү жүргүзүү сунушталат.

Колдонулган адабияттар

1. Johanson L. Turkic. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 1100 p.
2. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий : в 4 т. – Санкт-Петербург, 1893–1911.
3. Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – Москва : Наука, 1988. – 312 с.
4. Юдахин К. К. Кыргыз тилинин грамматикасы. – Фрунзе : Кыргызстан, 1968. – 450 б.
5. Дёрфер Г. Тюркские языки // Языки мира : Тюркские языки. – Москва : Наука, 1996. – С. 75–89.
6. Johanson L. Die grammatischen Termini des Osmanischen. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1977. – 98 S.

7. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Ленинград : Наука, 1970. – 210 с.
8. Маразыков Т. С. Кыргыз тилиндеги текстерди уюштуруучу каражаттар. – Бишкек, 1996. – 180 б.
9. Ахметова З. К. Кыргыз тилинин фонетикасы. – Бишкек : Илим, 2002. – 120 б.
10. Тойчубекова А. Т. Кыргыз тилинин морфологиясы. – Бишкек : Кыргыз улуттук университети, 2005. – 156 б.
11. Юнусалиев Б. М. Кыргыз тилинин грамматикасы. – Фрунзе : Мектеп, 1970. – 280 б.
12. Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples : An Introduction to Turkic Studies. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1995. – 256 p.
13. Róna-Tas A. Turkic Languages // The Encyclopedia of Language and Linguistics. – Oxford : Pergamon, 1994. – Vol. 9. – P. 4694–4700.
14. Йохансон Л. Кыргыз тилинин аспектологиясы // Кыргыз тили жана адабияты. – 2018. – № 3. – Б. 15–28.
15. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү / ред. Б. О. Орузбаева. – Бишкек : Кыргызстан, 1998. – 680 б.

Рецензент: филология илимдеринин кандидаты, доцент Мукарапова А.К.

УДК 808.5:821.512.154

Баймырзаев Б.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Баймырзаев Б.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Baimyrzaev B.A.
KNU Jusup Balasagyn

ЭЛДИК НАРКТУУЛУК МАСЕЛЕСИ ТОПЧУГҮЛ ШАЙДУЛЛАЕВАНЫН АҢГЕМЕЛЕРИНДЕ
ПРОБЛЕМА НАРОДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАССКАЗАХ ТОПЧУГУЛЬ ШАЙДУЛЛАЕВОЙ
THE ISSUE OF TRADITIONAL VALUES IN TOPCHUGUL SHAIDULLAYEVA'S SHORT STORIES

Кыскача мүнөздөмө. Кыргыз Республикасынын эл жазуучусу, белгилүү прозаик жана социолог Т. Шайдуллаеванын чыгармачылыгы окурмандарга белгилүү. Макалада жазуучунун чыгармачылыгындагы элдик нарктуулуктун орду, калемгердин чыгармачылык өзгөчөлүктөрү жана алардын улуттук адабияттагы мааниси каралат. Буга чейин жарык көргөн эмгектерде анын чыгармачылыгынын айрым жактары талданганы менен, адабий-теориялык багыттагы изилдөөлөр негизинен Кыргызстандын эгемендүүлүк жылдарында жүргүзүлө баштаган. Элдик нарктуулуктун улуттук жазма адабияттагы ордун атайын илимий изилдөөнүн объектиси катары кароо зарыл. Бул багытта Т. Шайдуллаеванын чыгармачылыгы өзгөчө көңүл бурууга арзыйт. Анын чыгармаларын бүгүнкү күндүн көз карашынан талдап, жаңыча илимий мамиле жасоо маанилүү. Макала жазуучунун өмүр жолуна жана чыгармачылыгындагы элдик нарктуулук маселесине арналган.

Аннотация: Творчество народного писателя Кыргызской Республики, известного прозаика и социолога Т. Шайдуллаевой широко известно читателям. В статье рассматриваются место народных ценностей в творчестве писательницы, особенности её художественного мастерства и их значение в национальной литературе. В ранее опубликованных трудах освещались отдельные аспекты её творчества, однако исследования литературоведческого и теоретического характера стали проводиться преимущественно в годы независимости Кыргызстана. Изучение роли народных ценностей в национальной письменной литературе представляет собой актуальную научную задачу. Особого внимания в этом отношении заслуживает творчество Т. Шайдуллаевой. Анализ её произведений с позиций современного литературоведения требует новых научных подходов. Статья посвящена жизненному пути писательницы и проблеме народных ценностей в её творчестве.

Abstract: The works of T. Shaidullayeva, a People's Writer of the Kyrgyz Republic, a prominent prose writer and sociologist, are well known to readers. This article examines the role of traditional values in her works, the distinctive features of her literary writing, and their significance in national literature. Previous studies have addressed certain aspects of her literary contributions; however, literary and theoretical research on her works began to develop primarily during the years of Kyrgyzstan's independence. Examining the role of traditional values in national written literature remains an important area of scholarly inquiry. In this context, T. Shaidullayeva's works deserve particular attention. An analysis of her literary heritage from contemporary perspectives requires new scholarly approaches. The article focuses on the writer's life and the issue of traditional values in her literary works.

Негизги сөздөр: орунча; шалыпая; шалыкер; гаджет.
Ключевые слова: орунча; шалыпая; шалыкер; гаджет.
Keywords: oruncha; shalypaya; shalyker; gadget.

Киришүү. XX кылымдын 70-жылдарынын аягы – 80-жылдарынын башындагы кыргыз адабиятынын белгилүү өкүлдөрүнүн катарында жазуучу Т. Шайдуллаеванын ысымы да чоң ишенич, чыгармачылык канааттануу менен аталат. Т. Шайдуллаева чыгармачыл чөйрөгө эрте аралашып, эмнени, кантип чыгармага айландыруунун жолдорун жаш окуучу курагынан эле талдай билип, чыныгы изденүү эмне натыйжа берерин так ажыратып, тааный баштаган. Анын чыгармаларында жөнөкөй айыл турмушу сүрөттөлүп, андагы карапайым адамдардын, көбүнесе айылдык аялдардын жан дүйнөсү чеберчилик менен ачылып берилгенин айтпай коюуга болбойт. Мындай чыгармачылык жетишкендик анын соңку жарык көргөн «Балакана», «Кадакчы» деген чыгармалар жыйнактарынан ачык көрүнөт. Албетте, кыргыз көркөм прозасынын ийгилиги катары таанылган мындай чыгармалар анын жеке өзүнө гана таандык өзгөчөлүк катары кабылданышы да жөн жерден эмес. Кыргыз адабият таануучулары анын чыгармаларындагы өзгөчөлүктөрдү белгилеп келишкен менен, андагы нарктуулук, элдүүлүк сапаттары буга чейин өзүнчө изилдөөнүн объектиси катары каралышы керек болсо да, бул маселе бүгүнкү күнгө чейин жетиштүү изилденбей келди. Мына ушул айтылган өзгөчөлүктөр менен бирге эле анын чыгармаларындагы эң башкы сапаттык белги – элдик нарктуулук проблемасы башка чыгармачылык өзгөчөлүктөрүнөн бөлүнүп каралууга тийиш. Анын соңку мезгилде жарык көргөн «Балакана», «Кадакчы» прозалык жыйнактары ошондой сапаттык белгилерге карк экенин эске алганда, биздин бул макалабыздын илимий объектиси жана андагы козголгон илимий проблеманын негизи бар экенин ар бир окурман жана илимий нукта ой жүгүртө билген атайын адис шар эле баамдайт. Эмесе, сөз ошол багытта болсун.

Аталган маселенин илимий жактан изилдениш абалы. КР эл жазуучусу Т. Шайдуллаеванын чыгармачылыгы XX кылымдын 80-жылдарына туура келет. Ал өзүнүн гезитке берген маегинде [1] алгачкы чыгармачылыгы окуучулук мезгилинен башталганын белгилеген. Ошол мезгилдеги «Кыргызстан пионери» гезитине жана өздөрүнүн райондук гезитине басылган чакан кабарлары аны келечекте журналист болууга шыктандырса, СССРдин 50 жылдыгы атындагы Кыргыз мамлекеттик университетине келип окуган мезгили аны философ, профессор Р. Ачылова менен байланыштырып, ошол убактагы жаңы кесип, өзүнчө илимий тармак болуп эсептелген социология жана философия илимдерине кызыгуусун жараткан. Анын илимге аралашуусуна ыңгайлуу шарт түзүлүп, Рахат эже айылдан келген зээндүү, тырышчаак кыздын билим деңгээлин, алгачкы аракеттерин байкаган соң аны өзүнө тартып, келечекте кыргыз кыздарынан чыккан белгилүү илимпоздордун катарын толуктоого ниет кылганын байкоого болот. Натыйжада, Т. Шайдуллаева ошол эле 80-жылдардын аягында Кыргызстанда эми жаңыдан түптөлүп келе жаткан социология илими боюнча кыргыз кыздарынан чыккан тунгуч окумуштуу катары илимдин кандидаты даражасына ээ болот. Буларды белгилеп жатканыбыздын себеби – жазуучу Т. Шайдуллаеванын чыгармачылык өзгөчөлүгү дал ушул жаңы илим тармагы болуп жаткан социология менен тыгыз байланыштуу болуп, анын адабияттагы айкын жолунун андан ары байсалдуу уланышына түздөн-түз

түрткү болуп келгендигин айтпай кетүү мүмкүн эмес. Демек, анын алгачкы аңгемелеринен тартып соңку жазылып, жарыкка чыккан прозалык жыйнактарына [2, 124-б.] чейин айыл турмушу жана анда жашаган карапайым адамдардын образы дал ошол социологдун көзү менен каралып, баа берүүгө келгенде айтылуу Р. Ачылованын мектебине таандык философиялык чен-өлчөм, калыс баа, нукура элдик нарк кашкайып көрүнүп турат. Анын чыгармачылыгына кайрылышкан жоон топ адабиятчы-окумуштуулар анын калемине таандык, жеке өзүнө мүнөздүү өзгөчөлүктөрдү белгилеп көрсөтүшкөн менен, анын элге жетип, сүймөнчүлүк менен кабылданып жатышына себепкер болуп келген элдик нарктуулуктун ролу негедир өз орду менен айтылбай келе жатышы көңүлдү өзүнө бурбай койбойт. Жазуучу Т. Шайдуллаеванын чыгармачылыгына буга чейин адабиятчы-окумуштуулар О. Ибраимов, А. Муратов, Б. Шамшиев, Н. Казакова, Ж. Орозалиева, Р. Аманова ж. б. кайрылышып, өздөрүнүн бир-эки макаласын арнашкан жана жазуучунун чыгармачылыгындагы алгылыктуу өзгөчөлүктөр жөнүндө жеткиликтүү баа берип, туура ой-пикирлерди ортого салышканын айтышыбыз керек.

«А бирок азыркы кыргыздардын, биздин замандын, азыркы интернет менен толгон-токой гаджеттердин доорундагы улутташтарыбыздын, айрыкча айыл-апада жашаган карапайым замандаштарыбыздын көркөм бейнеси кандай? Азыркы калем ээлери буга маани береби, кызыгабы? деген сөзсүз суроо туулбай койбойт. Маселен, мага, бери жагы 40 жылдан бери шаарда жашаган кыргыз интеллигенти үчүн, адабиятчы үчүн бул суроо бекерчиликтен берилген курулай риторика эмес. Бул чыны менен эле актуалдуу суроо» [4, 3-б.]. Ырас, «сөзсүз суроо» болбосо да, адабиятчы өзү белгилегендей, катардагы эле суроонун берилиши мыйзам ченемдүү көрүнүш болчу. Бул суроолордун түпкү тамыры кайда, эмнеликтен мындай суроонун орун алып жаткандыгына да өзү таамайлап түшүнүк берет: «Биринчиден, “адабият-турмуш күзгүсү” деген хрестоматиялык формула азыр деле маанисинен тая элек. Анткени бул формула тарых тастыктаган, турмуш далилдеген айныгыс чындык... Ырасында эле бул суроо учурдагы адабиятыбыз ага тагылган ошол орчундуу коомдук милдетти аздыр-көптүр өтөп атабы, андан азыркы замандын адамдарынын инсандык, моралдык-этикалык, социалдык, керек болсо идеялык-философиялык толгонууларын чагылдырууга чамасы жетүүдөбү деген суроо» [5, 4-б.] маанилүү экенин айтып, ал азыркы улуттук адабият чөйрөсүн ойлонтууга тийиш экенине басым жасайт. Албетте, макаланын автору, эгерде биздин адабият мындай суроого ынанымдуу жооп таппаса, анда саналып өткөн көркөм сөз чеберлеринин жеткен чыгармачылык бийиктигинен кийин улуттук адабиятта андай адабий-эстетикалык жаңы чектер жаралбай, чыгармачылык тыныгуу өкүм сүрүп жаткандай таасир берерин эске алганда, соңку чыгармачылык саамалыктар бул ойлордон чукул баш тартууга үндөйт. Ырас, мындай учурларда соңку кыргыз прозасында изги чыгармачылык жаңылыктын изи түшүп жатканын, айрыкча академик О. Ибраимов «учур адабиятындагы жаңы сөз, керек болсо көркөм ачылыш» деп баалаган эл жазуучусу Т. Шайдуллаеванын чыгармачылыгындагы нарктуулук маселеси көңүлдү өзүнө бурбай койбойт.

«Улуттук “нарктуулук” идеясы» жөнүндө эл жазуучусу, педагогика илимдеринин доктору, профессор С. Рысбаев өз эмгегинде «улуттук нарк» деп эмнени түшүнөбүз деген суроого минтип жооп берет: «Нарк – улуттук мийзам, элдик конституция, жазылбаган элдик мийзамдар, адамдын абийирине, ар-намысына, адамдык ариетине негизделген, кылымдар бою калыптанган, улуттун ар бир мүчөсү тарабынан милдеттүү түрдө аткарылууга тийиш болгон, акыл-эстүүлүк менен ар-намыстуулукка таянган элдик эрежелер системасы» [3, 33-б.]. Демек, бул айтылган элдик чен-өлчөмдөрдүн аталган жазуучунун чыгармаларынан такай орун алып келе жаткандыгын биз, кыргыз коому, жалпы окурман журтчулугу сезип-туйган болсок, анда бул маселе боюнча өзүнчө сөз болушу зарыл.

Негизги маселелер. Буга чейин таланттуу жазуучу Т. Шайдуллаеванын чыгармачылыгында көтөрүлгөн негизги көйгөйлөр, анын калемине таандык оригиналдуу өзгөчөлүктөр жөнүндө көп эле жолу айтылгансыды. Бүгүнкү күндө бизди кызыктырган жагдай – ошол чыгармачылык жетишкендиктердин башаты, авторду белгилүү кара сөз чебери катары таанытkан жана элден өзгөчөлөнткөн башкы белги эмне болушу мүмкүн деген суроо. Бул суроого жооп издей турган

болсок, анда, жеке менин баамымда, жазуучунун элге жаккан жана эл туура көргөн позициядан туруп чыгарма жазып, акыркы бүтүмдү да ошол элдин оюндагы тыянак менен чыгарышы деп билсек болот. Демек, элибиз эзелтеден эле карманып, колдонуп келген эң улуу эреже-тартип – элдик нарктуулук биринчи орунда турган. Жазуучу Т. Шайдуллаева өзүнүн көпчүлүк чыгармаларында ошол аң-сезим, түшүнүк менен ой жүгүртүп, акыркы бүтүм-тыянакты да ошол өңүттөн чыгарары анын жазгандарынан даана көрүнүп турат. Болбосо, биз көп сөз кылган «Орунча», «Чыныгүл», «Кадакчы», «Бири кем дүйнө», «Пирим» ж. б. аңгемелеринде жазуучу дөңиздин түбүндө чөгүп жаткан асыл таштай бааланып, кастарланып келген элдик нарктуулуктун мийзам-чегинде ойлонуп, ошол аспектиден бүтүм чыгара билгенин айтууга тийишпиз. Автордун мындай аруу тилеги менен келечек максатын, бул чыгармалардын өз ичине катылган баалуу сырын бүгүнкү бардык эле окурмандар жете түшүнөт деп айтуу кыйын. Анткени биз бекер жеринен улуттук «Уңгу жолубузга» кайтууну Эл Башчыбыз баш болуп каалап жана талап кылып жатканыбыз жок. Себеби биз акыркы доорлордо элдик наркты жана анын коомдук турмуштан, улуттук аң-сезимден алган ордун жоготуп койгонубуз да чындык болчу. Ошол мухит түбүнө чөгүп кеткен асыл баалуулуктарыбыздын ичинде адамдык аруу дүйнөбүзгө шек кетпесин, адамдык ар-намысыбызды таза сактайлы деген иш-аракеттер элдик нарктын күзгүсү болуп келгени эч кимге жашыруун эмес. Ошондон улам мурунку муунга карап кийинки муун бой түзөп, улуулардын өрнөктүү салтын, жүрүм-турумун, башкаларга жасаган адамдык мамилесин өздөрүнө үлгү катары тутунушкан. Мына ушул асыл сапаттар элибиздин өзгөчөлүгүн айгинелеп, муундан муунга тарбиянын түпкү пайдубалы катары кабылданып келгени да чын эмеспи. Жазуучу ошол асыл нарктарды эл ичинен баалуу акак таштардын күкүмүндөй кылып жыйнап, чогултуп, анан ылайыгына жараша өз чыгармаларында ыктуу пайдалана билүүнүн чебери экенин баса белгилөөгө тийишпиз. Жазуучу Т. Шайдуллаеванын жогоруда биз санап көрсөткөн айрым чыгармаларынын арасында көп айтылып, оң көз караштарга ээ болуп келаткан анын «Чыныгүл» аңгемесине токтолуп, андагы башкы өзгөчөлүк – автордун элдик нарктын чегинде ой жүгүртүп, башкы каарманы Чыныгүл тутунган турмуштук позициянын да ошол чен-өлчөмгө, туруктуу түшүнүктөргө негизделгендигинде демекчибиз. Биз буга чейин бул каармандын чыгармадагы жасаган турмуштук кадамдарын (өмүрлүк жубайларынан ажыраган, жашы өтүп калган беш эркекке улам турмушка чыгуусу – Б. Б.) анын ыймандуулугу деп түшүндүрүп келген болсок, ошол ыймандын тазалыгы жана анын бекем орун-очок алуусу да эзелтен келе жаткан нарктуулукка байланыштуу экенин эч этибарга албайбыз. Болбосо, башкы каарман Чыныгүл эмне үчүн аялдары кайтыш болгон ошол кары адамдар менен нике жаңыртууга макулдук берип олтурат? Албетте, бул жашы өтүп калган аялдын жеке кызыкчылыгына байланыштуу иш эмес. Ал мындай кескин кадамга өзүнө сөз айттырган адамдардын эл ичиндеги кадыр-баркына доо кетпесе экен деп, эң башкысы, учурдагы абал-шартын эске алып барып олтурат.

«Чыныгүл бир айылдын ичинде эле беш ирет чалга тийди. Бешөө тең андан мурда өлүп, бешөөсүн тең өз колу менен о дүйнө узатты. Ал минтип эрден эрге тие тургандай эрсирек аял да эмес эле... Айыл аксакалдарынын сөзүн жерге таштай албай, жалбарып колун сурагандардын көңүлүн кыя албай...» [2, 158-б.].

Демек, өзүнө сөз айттырган адамдар жана ортого түшкөн аял-эркектер да элге алымдуу, таанымал адамдар экенин унутпасак. Ушундай адамдардын берген кеп-кеңеши, турмуштук маанилүү сунушу дайым эле бардык ак жоолукчан аял затына айтыла берген эмес. Муну ошол элдик баага татыган, нарк-насилди кармана билген аялзаты гана туура кабылдай алган. Ошондой ички ыйманы элдик нарктын эреже-тартибине ылайык өнүп-өскөн аял-эркек гана бул маселени туура түшүнүү менен чечүүгө умтулган. Аталган аңгемедеги башкы каарман Чыныгүлдүн артыкчылыгы, турмуштук жеңиши дал ушул жагында десек болот.

«Билинбей жылдар өтүп, ал чачын ак, бетин бырыш баскан кемпир болду. Бирок дагы эле өзү ойлогондой уулунун үйүнө кайтып келе албады. Анын картайып калганына карабай чалдар жуучу түшкөнүн койгон жок. Акыркы ирет чалы өлгөн соң, кырк күндөн кийин Чыныгүл уулунун үйүнө кайтып келмекчи эле. Эми гана көйнөк-көнчөктөрүн жыйнап, камынып атканда айыл аксакалдары

баягы эле сүрдүү, сөзү өктөм айыл аксакалдары чогулуп барып аны: “Дагы бир жолу соопчулук кыл эми”- деп көп жылдар башкарма болуп иштеген Абдыразак аксакалга нике кыйышкан. Бул чалы Чыныгүл барганда эле ооруп төшөктө экен. Картайган чалдарды багуу боюнча тажрыйбасы да, жоопкерчилиги да мол Чыныгүл кемпир өз милдеттерин бул үйдүн босогосун аттары менен эле аткарып кирди. Анан калса чалдардын баары тегиз окшош бир нерсеге муктаж эле – аларды баладай асырап, карап багуу керек» [2, 162-б.].

Чыгармадагы экинчи жагдай – соңку кыргыз адамдары ошол элдик нарктуулуктун ички мийзам-ченемдеринен эрте эле кол үзүп калгандыктан, ыймансыздык, кайдыгерлик, өзүмчүлдүк, карөзгөйлүк ж. б. у. с. терс кыял-жоруктар күн санап кыргыз коомун каптап жаткандыгын айтсак болот. Муну жазуучу Чыныгүлдүн уулу менен келинининн акыркы ирет өзүнө карата жасаган мамилеси аркылуу берет. Жазуучу Т. Шайдуллаева ушундай маани-мазмунга жык толгон чыгармалары менен бизди ошол айтылган терс багыттан кайтып, туура, элди эл кылып келген байыркы нарктуу жашообузга чакырууда.

Жазуучунун дагы бир чыгармасы “Орунча” деп аталат. Бул чыгарма эми түшүм жыйноо алдында турган маалда күндүн катуу шатырата төгүп келген абалынан чоочуп, шалыпаяны жаандан улам күчөп келген селден сактап калуу аракетинде жүргөн шалыкерлер арасындагы орунча аял Бүсаранын эмгекке болгон астейдил мамилесин сүрөттөө менен башталат. Мында жазуучу мурдагы эки никесинен жолу болбой калган аялдын башка бирөөгө орунча (өгөй аял) болуп барган Бүсаранын тагдыры жөнүндө баяндайт. Чыгармада Бүсаранын аялы төрөттөн каза болгон адамга анын кайын энеси Карачачтын кийлигишүүсү менен орунча аял болуп барышы, анын ал жердеги ак ниет аракети баарына жагып, эми аны “орунча” дебей өз атынан чакырууну күйөөсү бул жарык дүйнөдөн узап кетип бараткандагы акыркы керээзи катары табыштайт. Башкы каарман орунча аял болуп нике жаңыртып жатышына эч кандай каршылык көрсөтпөстөн, тескерисинче, ичинен ыраазы болуп, кайын энеси Карачачка миң мертебе купуя ырахматын айтат. Демек, турмуштан жолу болбой, жалгыз бой жашоодон тымызын баш тартып келген Бүсара үчүн эми кайрадан нике жаңыртып, үй-жай күтүп олтурушу чынында жакшылыктын жышааны катары кабылданат. Ал үчүн эң башкы коркунуч - бир үйдө жападан жалгыз күн өткөрүү, эне милдетинен эч себепсиз кол жуу. Мына ушул турмуштук мийзамдын түпкүлүгү илгертен бери келе жаткан эл наркына жипсиз байланган. Мындан аял-коломто ээси, “кызыл от кызыр калбайт” деген элдик философия өз үстөмдүгүн орнотуп келгенин көрөбүз. Бүсарадай аялдын турмушка чыкпай, бой жашоосу (эл арасында мындай жагдай ал аялдын кандайдыр бир оор айыбы же кемчилдиги бар экенинен кабар берген -Б.Б.) кимди болсо да ар кандай ойлорго жетелеши табигый көрүнүш болчу. Ал ириде эл ичинде өзү жөнүндө ошондой оң-терс ойлордун тымызын жана ачык айтылып жатышынан чоочуйт эле. Бул Бүсара жашаган аймакта андай аял эл наркынан четте туруп, чыныгы кыргыз болбой калган адамдын жорук-жосуну катары кабылданмак.Мындай жагдай ал аялдын урук-тукумуна, мурда-кийин тутунуп келген кайын журтуна чейин бетине чиркөө болуп, кайда болсо да моралдык жоопкерчиликтин басымдуу бөлүгү булардын үлүшүнө оодук каралган. Бүсара алы-күчү барында ошол аймактын бардык аялдары жасап келген жумуштарды чын дили менен жасоону өзүнчө ырахат , анан калса, өзүнүн башкы милдети катары эсептейт. Демек, коломто ээси катары аял киши барган үйүнүн бардык жумушун чын дилинен жасап, ошондон эл ыраазычылыгын жана эмгектин ырахатын алуу – эч жерде кагаз бетине түшпөгөн элдик мийзам болуп келген. Аны мийзам катары кабылдатып, бекем кармап келген күч - эл наркы эле.

Жазуучунун ушул маселени кылдат чагылдыра билген чыгармаларынын катарында «Кадакчы» аңгемеси да турат. Чыгарма үй-бүлөдөгү көнүмүш турмушка арналып, анда аял менен эркектин табигый жашоосу сүрөттөлөт. Ушул бизге көнүмүш кыргыз үй-бүлөсү аркылуу жазуучу адамдын, айрыкча аялдын ички жан дүйнөсүн кылдат ачууга жетишкен. Бир көзү азиз Калбү менен Кайнардын жашоосунда орун алган жагдай – мындагы үй-бүлөлүк жашоонун ритми башкача фондо өтүп, окурмандарга өзгөчө түшүнүк жараткандыгы десек болот. Эсепчилик кесипти аркалаган Кайнар эл катары үйүнө мас болуп келген учурларда болгон күчүн үйүндөгү идиш-аяктан, пияла-

чайнектен чыгарат эле. Буга жедеп көнгөн Калбү идиш-аягын үйдө далдаа жерге катып, эптеп аман алып калчу. Баары бир ал пияла-чайнек бүгүн болбосо эртең талкаланар эле.

«– Балам ай, качан эсиңе кирет экенсиң! Чыны, чайнектин да убал-сообу бар, же артып-ашып аткан идишиң болсочу..., пайда-залалды аликүнчө билбейсиң! Элге окшоп катыныңдан чыгарбайсыңбы күчүңдү?! Бейкүнөө буюмда не айып...» [2, 23-б.].

Карыган энеси канча какшап, суранса деле бул адат ошол бойдон өзгөрүүсүз кала берген. Эркектин өз аялына жасаган бул мамилесин эмне менен түшүндүрүүгө болот? Бир көзү азиз аялды аябу же сыйлообу? Же адамдагы ыймандуулуктун белгисидир... Күйөөсү Кайнардын аялына жасаган мындай мамилеси көпкө чейин сакталып жүрүп, Калбүнүн кадакчыга көңүлү ооп, ага ачык эле жардамчы, анан калса жан шерик боло баштаган мезгилден тартып өзгөрөт. Ошол эле учурда Калбүнүн кабак-кашында, баскан-турганында да байкаларлык белгилер орун ала баштаган болчу. Ал жөнүндө чыгармада:

«Кадакчы ушул күндөрү Калбүгө не создөрдү айтып-дегенин уккан, билген жан болбоду. Бир гана көзгө урунган чындык кадакчыга каттаган Калбү өзүнүн “бир көзүм жок” деген өксүгүн такыр унутуп салгандай, басканда баштагыдай эңкейип албай койкоюп, бою түзөлүп, балбылдаган жалгыз көзү жолуккан адамды жазганбай тик карап, пейил, мүнөзү ачык тартып, башкача боло түшкөн эле» [2, 28-б.].

Ушундан улам Кайнар эркек катары аялына кол көтөрүп, аны кызгана баштайт. Ошондон кийин гана булардын мамилеси бузулуп, кадакчынын артынан бул айылдан Калбү да кетүүгө мажбур болот. Калбүнүн соңку тагдыры жөнүндө эл ичинде мындай кабарлар, оң-терс имиштер тарайт:

«Андан көп өтпөй бу айыл Калбүсүн да жоготту. Эртең мененки автобуста район борборуна кеткен аял ошол бойдон үйүнө кайрылып келбеди. Эл ичинде ар түркүн сөз, бир даары ага чаң жугузгусу келбей: “Калбү аскердеги уулун көргөнү чек арага кетсе керек, жок, уулуна эмес, жаңы төрөгөн күйөөдөгү кызына кол кабыш кылганы кетиптир” десе, көпчүлүгү аны ачык эле жактырбады: “Бу баягы кадакчысын издеп көрүнгөн жерде жүрсө керек”» [2, 30-б.].

«Эл оозуна элек жок» эмеспи, чыгармада бул эрди-катындын (Кайнар менен Калбүнүн – Б. Б.) турмушу ушундай жыйынтык менен аяктады. Эми биздин окурман катары жан дүйнөбүздө эмне калды? Биринчиден, кыргыз аялынын таза жан дүйнөсү көрүнсө, экинчиден, аял-эркек ортосундагы түшүнүшүү, эзелтен келе жаткан ыймандуулук байкалат. Үчүнчүдөн, ошол жогоруда саналып өткөн жан дүйнө тазалыгы же ыймандуулуктун түпкү башаты эл наркына негизделген. Болбосо, бир көзү азиз, бир караганда башка жанга да, өзүнө да өңү серт көрүнгөн аялы Калбүнү Кайнар эмне үчүн башында эле сабай берген жок? Албетте, ал башында аны аяды жана бир көзү майып аялга эркек башы менен кол көтөрүү эл салтында да, эзелтен келе жаткан наркында да жок болчу. Кайнарды ошол элдик мийзам, эреже токтотуп келди. Анан калса, жүрөк каалоосун же ички сезимди токтотуу мүмкүн эмес экенин билген Калбүнүн акыры айылдан кол үзүп кетиши деле ошол өзүн жана элди сыйлоо муктаждыгынан келип чыккан жокпу? – деген суроо жаралат. Демек, мында деле аял ыйманы артыкчылыкка ээ болуп, эл ичиндеги бийик нарктуулуктун улуу желеги желбиреп жаткандай түшүнүк калтырат.

Мындан чыгаруучу жалпы жыйынтык: эл жазуучусу Т. Шайдуллаеванын чыгармалары, жогоруда айтылып өткөндөй, айыл турмушун андагы карапайым адамдардын жашоо-турмушу менен айкалыштырып, алардын ички жан дүйнөсүн, моралдык-нравалык туруктуу сапаттарын элдик бийик түшүнүктөрдүн, башкача айтканда, нарктуулуктун деңгээлинен туруп ачып бергендиги менен баалуу десек болот. Биз аталган жазуучунун айрым чыгармаларынын мисалында гана ой бөлүштүк. Эгер көпчүлүк чыгармаларына кайрылып, андагы улуттук баалуулуктарга басым жасай турган болсок, анда макаланын мазмуну менен көлөмү алда канча артат. Ошондуктан бул маселе боюнча өзүнчө иликтөө зарылчылыгы бар экендиги байкалууда. Жазуучу Т. Шайдуллаеванын чыгармаларына мүнөздүү мындай табигый табылгалар бүгүнкү заман көйгөйүнө дал келет жана азыркы мамлекеттик «Уңгу жол – улуттук бийиктик» программасынын ачык мисалы катары каралууга татыктуу. Биздин милдет – азыркы гуманитардык билимдердин алкагында мындай чыгармаларга башкы артыкчылык

берүү менен аларды кыргыз коомуна тегиз жайылтуу. Бул калемгердин чыгармачылыгы боюнча буга чейин да айрым ой-пикирлерди макала түрүндө [6] айтып келсек да, мында анын чыгармачылык табиятына мүнөздүү болгон башкы белгини атайын баса белгилөө зарылчылыгы менен ушул маселеге кайрылдык. Жазуучунун калемине таандык башкы сапат – элдик нарктуулук экендигин анын чыгармаларын кунт коюп окуган окурман жазбай ажыратып билет, түшүнөт. «Коомубузда кандай адамдар жашап атат, алардын жан дүйнөсү, адамдык, кишичилик дараметтери кандай? Алар эмне деген нарк-насилди, руханий асылдыктарды карманышат, деле азыркы кыргыздар биздин улутту улут кылып сактап, кыргыз деген наамыбызды жоготпой келген дөөлөттөрдү ойдогудай мурастай алдыкпы?» [4, 4-б.] – деген суроону узатып, бул сурооого жоопту адабиятчы эл жазуучусу Т. Шайдуллаеванын чыгармаларынан тапкандыгын жар салат. Ушул өңүттөн алып караганда, жазуучу Т. Шайдуллаеванын калеминен жаралган чыгармалардан алынуучу рухий кенч көлөмү жагынан чексиз жана баасы кунсуз экендигин көрөбүз.

Колдонулган адабияттар

1. Шайдуллаева Т. Адамдар оңолсо, заман да оңолот (Эл жазуучусу Т. Шайдуллаева менен болгон маек). – Бишкек, 2007.
2. Шайдуллаева Т. Балакана: аңгемелер. – Бишкек: Турар, 2022. – 184 б.
3. Рысбаев С. Кыргыздын улуттук баалуулуктары жана нарктуу түшүнүктөрү. – Бишкек: AG5P, 2021.
4. Ибраимов О. Биздин замандын кишилери же Топчугүл Шайдуллаеванын прозадагы лирикасы // Шайдуллаева Т. Балакана: аңгемелер. – Бишкек: Турар, 2022. – 3-б.
5. Баймырзаев Б., Мүсүралиева Э. Жазуучуну жылоологон ойлор // Тил жана маданият. – 2025. – 14-октябрь, 17-ноябрь; 2026. – 19-январь.

Рецензент: филология илимдеринин кандидаты, доцент Медетов А.С.

УДК812533111

Бокоева Э.М., Абдукаримова З.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Бокоева Э.М., Абдукаримова З.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Bokoeva E.M., Abdukarimova Z.B.
KNU Jusup Balasagyn

ЭКОНОМИКАЛЫК ТЕКСТТЕРДИ АНГЛИС ТИЛИНЕ КОТОРУУДАГЫ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨР. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. FEATURES OF TRANSLATING ECONOMIC TEXTS INTO ENGLISH.

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада экономикалык текстердин англис тилине которуудагы негизги өзгөчөлүктөрү каралган. Экономикалык тексттерди которуунун өзгөчөлүгү ар кандай экономикалык реалдуулуктарда болгон айырмачылыктарды эске алуу менен так котормо берүү болуп саналат. Экономикалык тексттердин эң так котормосу, котормочу эквиваленттүү терминдерди тандаганда. Экономикалык тексттерди которуунун негизги максаттарынын бири – маалыматты лексикалык, грамматикалык, стилистикалык деңгээлде берүү, ошондой эле тексттин прагматикалык функциясын берүү.

Аннотация: В статье рассматриваются основные особенности перевода экономических текстов на английский язык. Особенностью перевода экономических текстов является предоставление точного перевода, учитывающего различия, существующие в различных экономических реалиях. Наиболее точный перевод экономических текстов достигается тогда, когда переводчик подбирает

эквивалентные термины. Одной из основных целей перевода экономических текстов является передача информации на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях, а также передача прагматической функции текста.

Abstract: This article examines the main features of translating economic texts into English. A special feature of the translation of economic texts is the provision of accurate translation, taking into account the existing differences in various economic realities. The most accurate translation of economic texts is when the translator chooses equivalent terms. One of the main purposes of translating economic texts is to present information at the lexical, grammatical, and stylistic levels, as well as to provide a pragmatic function of the text.

Негизги сөздөр: экономика, термин, лексика, грамматика, стилистикалык, фразеология, эквиваленттүүлүк, адекваттуу, аббревиатура.

Ключевые слова: экономика, термин, лексика, грамматика, стилистика, фразеология, эквивалентность, адекватность, аббревиатура.

Key words: economics, term, vocabulary, grammar, stylistics, phraseology, equivalence, adequacy, abbreviation.

Экономикалык тексттерди англис тилине которууда өзгөчөлүктөр.

Экономикалык котормо – бул финансылык, бухгалтердик, банктык, инвестициялык документтерди, тармактык статистикалык изилдөөлөрдү, ошондой эле баалуу кагаздарды, биржа документтерин, декларацияларды, чарбалык документтерди жана башка нерселерди которуу. Эл аралык ишмердүүлүктүн кеңейиши компанияларды бухгалтердик эсептин жана финансылык отчеттуулуктун эл аралык стандарттарына өтүүдө, эл аралык рынокко чыгуу, чет өлкөлүк инвестицияларды тартуу, биргелешкен ишканаларды түзүү, экспертизаларды жана эл аралык аудитти жүргүзүү документтерди алдын ала талдоо, финансылык жана статистикалык изилдөөлөрдүн натыйжаларын баалоо менен байланышкан, алар башка чет тилге – англис, кытай, немис, орус жана башка тилдерге которулууга тийиш.

Азыркы учурда экономикалык тексттерди которуу банк системасынын жана эл аралык сооданын өнүгүшүнө байланыштуу абдан популярдуу болуп калды. Котормочу сөзсүз түрдө экономикалык текстти которо алат, бирок экономика тармагындагы сабатсыздыктан анын мааниси бузулат. Ошондуктан экономикалык тексттердин которууда – котормочу англис тилин гана билбестен, котормочунун экономикалык терминология тармагында билими болушу керектигин эске алуу зарыл [6].

Ошондой эле, экономикалык тексттерди котормочу экономикалык тексттер өтө маалыматтуу жана көп сандагы терминдерди камтыганын эске алышы керек. Экономикалык тексттердин маалыматтык мазмуну дайыма эле ырааттуу боло бербейт. Экономикалык тил көп сандагы метафоралар жана фразеологиялык бирдиктер менен толтурулган.

Экономикалык тексттер бир катар спецификалык лексико-грамматикалык өзгөчөлүктөргө ээ, алар төмөнкүлөрдү толук камтыйт: 1) экономикалык терминдер аркылуу берилген экономикалык лексиканын көп болушу; 2) тексттерде тилдик аныктамалардын жалпы адабий катмарынан стилистикалык четтөөлөрдүн болушу (айрыкча экономикалык документтерде); 3) аббревиатуралардын болушу, алардын көпчүлүгү экономикалык тексттерде жана документтерде (билдирүүлөр, чечимдер, баяндамалар) гана колдонулат. Ушуга байланыштуу көпчүлүк аббревиатураларды которууда котормочу бул аббревиатуралардын маанисин түшүнүү үчүн сөздүктөргө, маалымдамаларга же издөө системаларына кайрылышы керек экендигин белгилей кетүү керек; 4) "котормочу" деп аталган сөздөрдүн жана терминдердин тобу (мисалы, figure» - сан, «data», "маалымат" жана башка сөздөр, алардын транслитерациясы которулган тексттин маанисин бурмалоого алып келет; 5) экономикалык темадагы тексттерде тилдин жалпы катмарында

колдонулбаган өзгөчө идиомалык туюнтмалардын жана фразеологиялык айкалыштардын кеңири колдонулушу.

Экономикалык тексттердеги фразеологиялык бирдиктер нейтралдуу стилде которулушу керектигин да белгилей кетүү керек. Фразеологиялык бирдиктерди которуудагы негизги кыйынчылык – бир дагы сөздүк фразеологиялык бирдиктерди экономикалык контекстте колдонуунун бардык мүмкүнчүлүктөрүн бере албайт. Белгилүү болгондой, экономикалык макалаларда атайын лексика жана терминдерден тышкары жалпы лексика да кездешет, ал эми көп колдонулган сөздөрдүн бир бөлүгү (provision- камсыз кылуу, patent-патент, discount- арзандатуу) которууда кыйынчылык жаратпайт, бирок бул түрдөгү сөздөрдүн экинчи бөлүгү белгилүү бир кыйынчылыктарды жаратат, анткени анын кормосу түздөн-түз контексттен көз каранды.

Кеңири колдонулуучу лексиканын түрлөрүнүн төмөнкүдөй топтору кирет: 1) функционалдык сөздөр (before, since, as, after, for -чейин, бери, катары, кийин, үчүн), алардын өзгөчөлүгү, алардын айрымдары кептин бир бөлүгүнүн ичинде ар кандай мааниге ээ жана мындан тышкары, кептин ар кандай мүчөлөрүнүн милдетин аткара алат. Мисалы: «OK, so we have arranged for finance and now we can go ahead with marketing» [4]. "Макул, биз каржы маселесин чечтик, эми биз маркетингди уланта алабыз" 2) күнүмдүк колдонуудан айырмаланган мааниде колдонулган сөздөр. Мисалы, «to be red» ар кандай мааниге ээ “кызылда болуу”, “банкрот болуу же карызга батуу” деп которулат. Мисалы: «The economic crisis shows no sign of improving and we are deep in the red at the bank» -Экономикалык кризис жакшырганын көрсөткөн жок, банк кызарып көрсөтүп калды. [5] же дагы башка мисал: «The old model of running the businesses has outlived its purpose» -Эски бизнес модели" эскирип бүттү.

Ошентип, экономикалык тексттерди которуунун негизги максаттарынын бири – маалыматты лексикалык, грамматикалык, стилистикалык деңгээлде берүү, ошондой эле тексттин прагматикалык функциясын берүү. Бул максаттардын аткарылышы котормонун адекваттуулугу аркылуу ишке ашат, бул котормочудан ар кандай тилдер аралык трансформацияларды, башкача айтканда, котормо трансформацияларын жасай билүүсүн талап кылат

Экономика тексттерин англис тилине которуудагы дагы бир негизги эрежесин да белгилей кетүү керек: котормо тексти бардык мүнөздөмөлөрү жана параметрлери боюнча (котормонун тактыгы, стили, мааниси) түпнускага окшош жана максаттуу аудитория тарабынан оптималдуу кабыл алуу үчүн эң так ылайыкташтырылган болушу керек.

Сүйлөөнүн 5 негизги стили бар: расмий иш, публицистикалык, илимий, көркөм жана оозеки. Тексттин ушул стилдердин бирине таандык болушу анын максаттарын жана милдеттерин, ошондой эле котормо тилде мурдатан эле берилген текст стилинин мүнөздөмөлөрү болгон айырмалоочу белгилерин аныктайт.

Которууда эки тексттин ортосунда белгилүү бир байланыш түзүлөт. Эки текстти салыштырып, котормо процессинде анын формасы жана мазмуну кандай өзгөргөнүн түшүнүүгө болот. Федоров А.В. эки тараптан которууну кароону сунуш кылды. Биринчиден, котормо бул оригиналдуу тилдеги текстти котормо тилде кайра жаратуу процесси. Экинчиден, котормо бул котормо тилдеги жаңы текст түрүндөгү натыйжа [4, б. 265].

Бул эки түшүнүк көп учурда чаташтырылып, бирин экинчиси менен алмаштырып, синоним катары колдонулат. Котормо эквиваленттүүлүгү баштапкы текст менен анын котормосунун ортосундагы байланышты чагылдырат. Котормонун адекваттуулугу котормонун тилдер аралык байланыштын конкреттүү актынын максатына, талаптарына жана шарттарына шайкеш келишинде.

Эквиваленттүүлүк жана адекваттуулук түшүнүктөрүнүн карама-каршылыгы котормонун кош мүнөзү менен байланышкан. А.В. Федоровдун аныктамасы, котормо процесс да, натыйжа да. Эквиваленттүүлүк котормону натыйжа катары карайт, ал эми адекваттуулук котормо процессинин агымы жана анын берилген коммуникативдик шарттарга ылайык келиши менен байланышканын карайт.

Котормонун адекваттуулугунун даражасы көбүнчө котормочунун котормо трансформацияларын жүргүзүү жөндөмдүүлүгүнөн көз каранды, башкача айтканда, котормочу сөз

байлыгы жок же аны берилген шарттарда колдонуу мүмкүн болбогон учурларда котормочу колдонгон котормо ыкмаларынан көз каранды. Башкача айтканда, адекваттуу котормо – бул котормо тилинин нормаларын сактоо менен булак маалыматын туура берген котормо. Сөзмө-сөз котормо да адекваттуу болушу мүмкүн, башкача айтканда, сөзмө сөз аткарылган, бирок котормо тилинин нормаларын бузбаган жана түпнуска тексттин маанисин бурмалаган эмес.

Котормо теориясы бир нече бөлүмдөрдү камтыйт. Котормонун жалпы теориясы котормо процессинде кайсы тилдер тартылганына жана тексттердин кандай стили колдонулганына көз каранды болбогон айрым котормо эрежелерин изилдейт. Котормонун белгилүү бир теориясы котормо процессине катышкан жуп тилдерди изилдейт. Котормонун атайын теориясынын изилдөө объектиси болуп түрдүү стилдерге таандык тексттерди которуунун айырмалоочу белгилери саналат.

Экономикалык котормо котормонун атайын теориясынын концепциясына кирет. "Экономика" терминин бир нече аныктамалары бар.

Биринчиден, бул өлкөнүн экономикасынын тармактарын жана анын айрым аймактарын, ошондой эле кээ бир өндүрүш шарттарын изилдөөчү илим. Экинчиден, экономика коомдун экономикалык ишмердүүлүгүн, ошондой эле өндүрүш, бөлүштүрүү, алмашуу жана керектөө системасында өнүккөн мамилелердин жыйындысын билдирет.Экономика адамдын керектөөлөрүн максималдуу канааттандыруу үчүн чектелген ресурстарды эффективдүү пайдалануу маселелерин изилдейт [3].

Экономикалык тексттерди которуу үчүн атайын лексиканы билүү талап кылынат, анын маанисин зарыл болгон учурда атайын сөздүктөрдөн жана маалымдама китептеринен табууга болот. Мисалы, “ *businessman*” деген сөз ишкер кээ бир учурда бизнесмен деп которула берет, ал эми экономика тармагындагы *«interest»* деген сөз “пайыз” дегенди билдирет [5].

Экономикалык тексттерди которууда сиз көптөгөн кыскартууларды жана уюмдардын аталыштарын кездештирүүгө болот. Аббревиатураларды которуунун бир нече жолу бар: - Бул аббревиатуранын негизин түзгөн сөздүн же сөз айкашынын котормосу. Мисалы, *GDP (gross domestic product)*- ИДП (ички дүң продукт) деп которулат [1]. Котормодо эквиваленттерди колдонуу. Мисалы, G7 - “Чоң жети” же “Жети өлкөнүн тобу” деп которулат. Сөзмө-сөз котормо. Мисалы*, «World Bank»*- Дүйнөлүк банк деп которулат [5].

Көптөгөн сөз айкаштарына фразеологиялык бирдиктер жана идиомалык сөз айкаштары кирет. Алардын котормосу котормо тилдеги окшош эквиваленттерди тандоо жолу менен ишке ашырылат. Мисалы, «to do business»- бизнес жасоо деп которулат [1].

Экономикалык тексттерди которууда өзгөчө кыйынчылыкты эквиваленттүү эмес лексика, башкача айтканда, турмуш чындыгын билдирген жана учурда котормо тилинде эквиваленти жок чет элдик сөздөр жана сөз айкаштары көрсөтөт. Эквиваленттүү эмес лексиканы которуунун бир нече жолу бар: Котормо тилде мааниси жакын сөз же сөз айкашын тандоо. Маселен, *«vulture fund»* деген сөз айкашынын эң жакын котормосу -кузгу фонд же фонд (финансылык оор кырдаалда турган компаниялардын акцияларына алардын абалы жакшы жагына өзгөрөт жана алар инвесторлорго пайда алып келет деген үмүт менен инвестициялоочу мекеме) [5].

Экономикалык тексттердин негизги өзгөчөлүктөрүнүн бири – терминдердин көптүгү. Мисалы: salary -айлык эмгек акы (1 айга), wages- айлык эмгек акы (саатына, жумасына) ж.б.

Экономикалык тексттерди англис тилине которууда, котормо учурдагы баардык талаптарга жооп бериши үчүн, тексттин ичиндеги терминологияны туура колдонуу маанилүү. Ар бир термин өзүнүн маанисин сактап, контекстке туура келиши керек, ал эми тексттин өзү түпкү маңызын жоготпоого тийиш. Бул башка экономикалык реалдуулукта жашаган окурман окуганынын маанисин туура түшүнүшү үчүн зарыл, дагы бир өзгөчөлүгү – тактыкка болгон талаптардын жогорулашы. Мындай тексттердеги ар кандай каталар, айрыкча каржылык документтерге келгенде, бюджетке, убакытка жана ыйгарым укуктарга зыян келтирет.

Тексттин кайсы гана түрү болбосун котормо процессине карата өзүнө мүнөздүү өзгөчөлүктөргө ээ. Натыйжада, котормочу бул өзгөчөлүктөрдү түшүнүү үчүн маанилүү. Анткени экономика биздин

жашообуздун бардык чөйрөсүнө тиешелүү болгондуктан, экономикалык тексттерди адекваттуу которуу жөндөмү заманбап дүйнөдө зарыл.

Экономикалык тексттерге мүнөздүү төмөнкү сапаттар бөлүнөт:

• Тексттин басымдуу бөлүгү көп сандагы терминдерден турган экономикалык лексикадан турат.

• Экономикалык эмес тилде сейрек колдонулган идиомалардын жана фразеологиялык бирдиктердин болушу.

Кээде стилге карата жалпы нормалардан кыйла чоң четтөөлөр болот.

• Тексттин ушул түрүнө өзгөчө болгон аббревиатураларды колдонулушу.

Котормочунун негизги милдети котормо текстинде баштапкы материалда камтылган бардык маалыматты жеткирүү болуп саналат. Буга бир нече котормо трансформациясын аткаруу менен жетишүүгө болот.

Котормо адекваттуу болушу үчүн экономикалык тексттерди которууда эске алынууга тийиш болгон өзгөчөлүктөрдүн тобу бар. Булар биринчи кезекте терминдерди колдонууну камтыйт. Көбүнчө мындай тексттерде котормосу бир түшүнүктүү болбогон терминдер кездешет. Мындай учурда котормочу баштапкы тексттин контекстинин негизинде кайсы мааниге ылайыктуу экенин өзү чечиши керек.

Мындан тышкары жалпы лексика экономикалык мүнөздөгү тексттерде да кездешет. Бирок, бул жерде көп колдонулган сөздөрдүн бир бөлүгү котормодо көйгөй жаратпай турганына көңүл буруу керек, ал эми калган бөлүгүн төмөнкү категорияларга бөлүүгө болот: 1. Күнүмдүк турмуштан башка мааниде колдонулган сөздөр. 2. Автордун сүрөттөлүп жаткан маалыматка болгон мамилесин билдирүүгө же аны тактоого мүмкүндүк берүүчү сөздөр же сөз айкаштары. 3. «Котормочу» деп аталган транслитерацияланган котормосу чыныгы котормо менен дал келбеген сөздөр же терминдер. Мисалы, англис тилинде: academic -академик – бул мугалим, академик эмес, soda -соода эмес, газдалган суусундук ж.б.

Адекваттуу котормо жасоо үчүн котормочу которулуп жаткан текстти түшүнүшү жана андагы колдонулган терминология системасы жөнүндө жалпы түшүнүккө ээ болушу керек. Ал эми бейтааныш терминдерди жана лексиканы которуу үчүн атайын сөздүктөрдү колдону керек. Экономикалык тексттер да көбүнчө аббревиатураларды камтыйт. Аларды түшүнүү үчүн котормочу сөздүктү, маалымдаманы же интернет издөө системасына кайрылышы керек.

Экономикалык мүнөздөгү тексттер да бир катар грамматикалык белгилери менен мүнөздөлөт. Албетте, конкреттүү экономикалык грамматика жок, бирок кээ бир грамматикалык кубулуштар тексттин башка түрлөрүнө караганда аларда көбүрөөк кездешет, ал эми башкалары өтө сейрек колдонулат.

Ошентип, экономикалык тексттерди которуу процессинде терминдердин так жана адекваттуу которулушуна өзгөчө көңүл буруу зарыл. Жана ошондой эле экономикалык тексттердин грамматикалык, стилистикалык жана лексикалык касиеттерин эске алуу.

Колдонулган адабияттар

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
2. Буранов Дж.Б. Сравнительная типология английского и тюркского языков. М., 1989.
3. Ицкович В.А Языковая норма. М., 1968.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Санкт-Петербург. 2002.
5. Караева З. Перевод и семиотика. Бишкек. 2006.
6. Кенжебаев Д. Котормонун лингвистикалык маселелери. Бишкек. 2005.
7. Комиссаров. В.Н. Общая теория перевода. 1973.
8. Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2007.

9. Борисов А.Б. Большой экономический словарь: 10 000 терминов. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Книжный мир, 2009,864с.2001. 10. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб, 2001.

11. Федоров Б.Г. Англо-русский толковый словарь валютно-кредитных терминов. – М.: Финансы и статистика, 1992. – 240 с.

12. The Economist, 23 June 2016. «A series of unfortunate events» (page 21)

13. Современный экономический словарь он-лайн. Источник: http//www.economic –enc.net/

Рецензент:ф.и.к., Садыкова Н.А.

УДК 81.1:811.111

Гамалина К.С., Акунова Г.Т.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Гамалина К.С., Акунова Г.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Gamalina K.S., Akunova G.T.
KNU Jusup Balasagyn
ORCID 0009-0004-5565-7576
ORCID 0009-0000-8029-3904

ЫРЫМ-ЖЫРЫМДАР ЖАНА КААДА-САЛТТАР ТИЛДИК ЖАНА МАДАНИЙ ИЗИЛДӨӨЛӨРДҮН ОБЪЕКТИСИ КАТАРЫ
ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНЯ
RITUALS AND CUSTOMS AS AN OBJECT OF LINGUACULTURAL RESEARCH

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада каада-салт жана ырым-жырымдар менен байланышкан маданий коддор заманбап маданий тил илиминин алкагында изилденет. Салыштырмалуу типологиялык ыкма англис, орус жана кыргыз тилдеринин фразеологиялык тутумдарын аныктоого жана салыштырууга мүмкүнчүлүк берет. Конок күтүү жана ника ритуалдык контексттеринде тилдин «когнитивдик-баалоочу» функциясына өзгөчө көңүл бурулат. Талдоо ырым-жырымдар универсалдуу социалдык функцияларды аткарганы менен, алардын тилдик ишке ашырылышы өзүнчө маданий коддорду чагылдыраарын көрсөтөт. Изилдөөнүн жыйынтыгында англис ритуалдык маданияты светтик жана прагматикалык мүнөзгө ээ болуп баратат, орус ритуалдык маданияты жамааттык жана эмоционалдуу бойдон калууда, ал эми кыргыз ритуалдык маданияты ыйык генеалогиялык иерархияны сактап калат.

Аннотация: Данная статья исследует культурные коды связанные с обычаями и обрядами в рамках современной лингвокультурологии. Сравнительно-типологический подход исследования позволяет выявить и сравнить особенности фразеологической системы английского, русского и кыргызского языков. Особое внимание уделяется «когнитивно-оценочной» функции языка в ритуальных контекстах гостеприимства и бракосочетания. Анализ показывает, что, хотя ритуалы выполняют универсальные социальные функции их лингвистическая реализация отражает различные культурные коды. Исследование приходит к выводу, что английская обрядовая культура становится более светской и прагматичной, русская обрядовая культура остается общинной и эмоциональной, кыргызская сохраняют сакральную генеалогическую иерархию.

Abstract: This article examines the cultural codes associated with customs and rituals within the framework of modern linguacultural studies. A comparative typological approach allows us to identify and compare the phraseological systems of the English, Russian, and Kyrgyz languages. Particular attention is paid to the "cognitive-evaluative" function of language in ritual contexts of hospitality and marriage. The analysis shows that although rituals perform universal social functions, their linguistic implementation reflects different cultural codes. The study concludes that English ritual culture is becoming more secular

and pragmatic, Russian ritual culture remains communal and emotional, and Kyrgyz ritual culture retains a sacred genealogical hierarchy.

Негизги сөздөр: лингвомаданият таануу, маданий код, фразеологиялык бирдиктер, маданият, ырым-жырым жана каада-салт.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурный код, фразеологические единицы, культура, обряды и обычаи.

Key words: linguacultural studies, cultural code, phraseological units, culture, rituals and customs.

В современной лингвистике наблюдается тенденция смещения в изучении языка. Раньше центром внимания был структурный анализ, а сейчас фокус переносится на более философский аспект. В центре внимания стоит человек, а язык анализируется как сокровищница культурно-национального самосознания народа. Лингвокультурология является одним из наиболее востребованных направлений в этой области. Будучи относительно молодой наукой, она динамично развивается в области науки. Лингвокультурология ставит перед собой задачу исследовать взаимосвязь языка и культуры. Одним из наиболее плодотворных направлений является изучение обычаев и обрядов как неотъемлемой части культурного кода народа. Обычаи и обряды несут в себе глубокий пласт смыслов и знаний передаваемых из поколения в поколение. Они отражают мировоззрение, ценности и исторический опыт народов. Именно язык служит основным инструментом передачи этих культурных кодов. З.К. Дербишева пишет по этому по-воду: «… культура — это не просто совокупность артефактов, т.е. вечного мира, созданного руками человека, это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность» [1, с.19]. Язык впитал в себя как номинативные, так и коннотативные значения, связанные с ритуальными аспектами жизни общества. Обряды и обычаи — это своего рода семиотические системы т.е. «коды» культуры, — которые выражаются через мысли, чувства и внутреннее состояние человека. При совершении обряда возникают особые языковые единицы, такие как благословения (бата), запреты (табу). Эти языковые единицы называются фразеологизмами. Гильфанова Д.А. в своей работе писала: «особая роль в изображении языковой картины мира принадлежит фразеологическим единицам, которые по праву могут быть охарактеризованы в качестве сокровищницы языка народа, его культуры, традиции и обычаев» [2, с.3]. Данные единицы хранят «внутреннюю форму» обряда или обычая. Со временем форма выполнения обряда может видоизмениться или даже исчезнуть, но ее лексическая составляющая сохраняется. Фразеологизм может приобрести более широкий спектр понятий или приобрести новое понятие. Так, к примеру русский фразеологизм *«перегнуть палку»* был связан с оружейным искусством т.е. изготовлением охотничьего лука. В современном языке данная языковая единица все еще используется, но уже в другом смысле, весьма отличительным от изначального значения. Сейчас выражение *«перегнуть палку»* означает впасть в крайность или перейти границы допустимого. Таким образом данная языковая единица сохранилась в языке, хоть и претерпела существенное изменение изначального смысла. Лингвокультурология изучает связь языка и культурных кодов, которые формируют восприятие реальности.

Тематика и значимость обрядов и обычаев разнообразна. Это может быть предостережение, благословление, прощание, гостеприимство, знакомство, сватовство, напутствие и многое другое. На сегодняшний день некоторые из когда-то знаковых поверий представляют лишь исторический интерес, но многие из них помогают современному человеку жить, творить и обогащать духовное и внутреннее богатство.

Актуальность данного исследования заключается в трехъязычном сравнительно-типологическом анализе. Фокус исследования когнитивно-оценочная функция в ритуалах гостеприимства и бракосочетания трех представленных языков. Английская и русская

лингвокультурология создали обширные теоретические основы. Включение кыргызского языка предоставляет уникальную возможность изучить культурный код кочевой жизни. Кыргызское языковое мировоззрение, характеризуется глубоким почтением к родословной и окружающей природе. Данная точка зрения резко контрастирует со славянским общинным, эмоциональным кодом и западным прагматико-индивидуалистическим кодом.

Кроме того, включение когнитивно-оценочного компонента позволяет изучить как при помощи ритуализированной речи человек оценивают свой социальный статус и эмоциональный переход. Сравнивая, как эти три разные культуры отражают гостеприимство и брак, мы имеем возможность видеть универсальные абстрактные понятия и присущие национальные черты. Цель данной статьи — выявить эти культурные коды, обеспечивая более глубокое понимание того, как «человек в языке» остается привязанным к ритуалам своих предков.

Исследование выявляет частотные фразеологические единицы и ритуальные формулы в английском, русском и кыргызском корпусах, относящихся к обычаям и обрядам. Как было упомянуто в одной из наших предыдущих статьях «иногда человеку легче использовать фразеологическую единицу, чтобы выразить свою мысль или чувство, чем пытаться подобрать другие слова» [3, с.229].

Гостеприимство: Концепция «Гость»

Гостеприимство играет важную роль как в культуре каждого народа, так и в лингвистических единицах текста. Однако в некоторых культурах акцент смещается с общественного восприятия на священный долг перед гостем. Фразеологизмы связанные с гостеприимством являются своеобразными носителями культурных кодов. В данных кодах зашифрованы представления о долге, радушии, приеме и правилах поведения при встрече гостей. Анализ фразеологизмов, связанных с тематикой гостеприимства, позволяет приоткрыть завесу особенностей ментальности и этикета трех народов. Однако как в своей стать отмечает Нарынбек к М. «в любой фразеологической единице наиболее сложным моментом при ее изучении является ее понятийно-семантическая сторона, хотя функции и роль ее структурно-грамматической стороны также немаловажны» [4, с.375]. Многие смыслы уходят корнями в историю и быт народа. Зачастую понятийно-семантический аспект требует от изучающего не только знания языка, но и знания истории, этнографии и психологии народа.

Множество фразеологических единиц в английском языке подчеркивают важность оказания радушного приема гостю. Английский концепт гостеприимства сосредоточен на социальной непринужденности. Фразеология гостеприимства подчеркивает комфорт, личные границы и социальный статус.

"Make yourself at home"- (Чувствуйте себя как дома) — это своего рода устранение формальных барьеров. Данный оборот призван сломать «лёд» между гостем и хозяином, подчеркивая, что хозяин рад видеть гостя в своем доме и хочет чтобы ему было комфортно и уютно как у себя дома. Аналогично, *“make someone free of one’s house”.*

“*To roll out the red carpet”* означает оказать самый теплый и торжественный прием, сравнивая его с церемониальным проходом знаменитостей по красной дорожке. Эта метафора, подчеркивает уважение и особое внимание к гостю. Также схожее выражение радушного приема прослеживается во фразе- “*To kill the fatted calf” – (Завалить самого жирного теленка)*. Устроить пышный пир в честь гостя или чьего-либо возвращения домой.

“The groaning board” (стонущий стол). Фразеологизм передает масштаб пира, который был устроен в честь гостя. «Стонущий» от обилия еды; аналог русского фразеологизма «*пир горой»* или *«пир на весь мир»*.

“To wine and dine someone”. (Наливать кому-то вино и подавать угощенья). Угощать гостя по высшему разряду, обычно данная единица подчеркивает намеренье хозяина расположить к себе гостя, ставя перед ним самые лучшие яства и напитки.

“Welcome with open arms” – соответствует русскому фразеологизму *(Принять с распростертыми объятиями).*

"Keep open house/doors" – (держать двери настежь открытими). Подчеркивает, что англичане всегда готовы открыть свои двери гостю.

С другой стороны, некоторые идиомы могут указывать на потенциальные трудности, связанные с приемом гостя. К примеру выражение - "*to be a bit of a burden"* дает намек на то, что факт присутствия гостя требует не малых усилий и ресурсов. Аналогично, выражение "*to overstay one's welcome"* прямым текстом указывает на нежелательность длительного пребывания гостя. Данный фразеологизм подчеркивает, что его визит начинает выходить за рамки разумного и даже обременяет хозяина.

Говоря о русском гостеприимстве следует начать с того что, идея щедрости и изобилия занимает ключевое место в русском фразеологическом поле, касающемся гостей. Так, выражение *«Хлеб и соль»* символизирует духовную связь между хозяином и гостем. Встреча гостя хлебом и солью буквально выражает символ радушия, доброжелательности и приглашения к дружескому общению. Отказ от хлеба-соли воспринимается как крайняя степень неуважения.

«Милости просим» это своего рода приветствие и приглашение гостя в дом и ко столу.

«От всей души» данная фраза подчеркивает бескорыстность и искренность хозяина. *«Стелить ковровую дорожку»* или *«раскатывать ковровую дорожку»* - *т.е.* готовить очень теплый прием гостю, подчеркнуть его долгожданность и радость его прибытия.

«Принять с распростертыми объятиями» -этот фразеологизм говорит сам за себя, подчеркивая радость встрече драгоценного гостя.

«*Пир горой»* т.е. богатое застолье. Выражение восходит к традиции встречать высокопоставленных особ, монархов или знаменитостей. При встрече таких особ расстилалась красная ковровая дорожка, как символ особой чести. Сейчас употребляется в контексте официальных визитов или встреч знаменитостей.

«Сажать во главе стола». Оказывать кому-либо особое почтение т.е. выделить человека среди других, признать его главную роль. Оказывать гостю особое почтение.

«Кормить на убой». Много угощать вкусными, калорийными яствами. В современности данная единица используется больше как шутливое высказывание означающее невероятно пышное застолье.

Русские пословицы и поговорки также ярко иллюстрируют концепцию радушия хозяина. *"Гость в дом – радость в дом"* – отражение общепринятого позитивного взгляда на приход гостя.

"Не красна изба углами, а красна пирогами" – подчеркивает, что главное в приеме – это забота и угощение, а не внешняя роскошь. Аналогично – *« хоть не богат, да гостям рад».*

«Гостю почет, хозяину честь» или *«доброму гостю хозяин рад»* - подчеркивает уважение к гостю и необходимость оказания достойного приема.

Также хочется отметить фразеологизм *«скатертью дорожка».* В незапамятное время данное выражение служило пожеланием легкого, доброго пути. Здесь можно провести параллель с кыргызским выражением *«ак жол»* также пожелание доброго пути и пожелания удачи в предстоящем пути или деле. Скатерть для приема гостей в русском стиле тоже была обычно белая отсюда и параллель в использовании белого цвета как пожелания всего самого наилучшего и светлого. Но в современном обществе русский фразеологизм приобрёл более ироничное или даже саркастическое значение. Сейчас используется как пожелание, чтобы человек скорее ушел или же выражает безразличие к уходящему. В современности фразеологизм практически не используется в его первоначальном значении.

В русской культуре как и в любой другой, существуют фразеологизмы обозначающие границы и обременённость пребыванием гостей. Фразеологический оборот *«быть обременительным»* или *«тяготить своим присутствием»* несут в себе оттенок нежелательности затянувшегося визита, показывая, что гость перестает быть желанным. *«Пора и честь знать».* Используется как тонкий намек гостю, что время визита подошло к концу. Также данный оборот

может быть использован самим гостем, показывая, что он благодарен хозяину за гостеприимство и готов отправиться домой.

«*Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?»* высказывание представляет собой шутливый, но тем не менее тонкий намек на затянувшееся застолье.

В Кыргызском концепте гостеприимства отражается священная иерархия. Гость — это человек, посланный Богом или даже судьбой. Это отражается в установке на безусловное, безукоризненное принятие гостя.

«Кел, кул, кагылайын» - данный фразеологизм является традиционным очень теплым приветствием дорого гостя. Близко по значению к русскому фразеологизму *«милости просим».*

Пословица «*Конок — атаңдан улук»* (Гость важнее отца) возводит гостя почти до божественного статуса. Аналогично, *«Конок менен ырыскы чогуу келет»* (С гостем приходит и благодать/достаток). Фразеологизм подчеркивает веру в то, что радушие приносит хозяину удачу. Аналогично, *«Конок келсе -кут кулет»*. В русском языке существует аналог данному выражению - *"Гость в дом – радость в дом"*

«Аттын башындай эт» -(мясо величиной с голову коня). Фразеологизм подчеркивает изобилие еды, подаваемое гостю. Для гостя ничего жалеть нельзя.

З.К. Дербишева с своей монографии отмечает следующее: «Часто бывает, что кыргызы все, что они накопили, приобрели, могут потратить на гостя. Они могут экономить на себе, даже на детях, ради того, чтобы достойно встретить гостей. Отсюда и пословица: *«Конокко колуңда барыңды бер*» (Гостю отдай все, что имеешь)» [1, с. 62]. Выражение *«Кудай коногу»* (Божий гость)- относится к встрече и приему случайного путника. Даже такому нежданному гостю хозяин предоставит кров и пищу. Это подчеркивает священность ритуала приема и угощения гостей ранее кочевым народом Кыргызстана. Фразеология кыргызского языка предоставляет чёткие границы видов гостей, а также степень их почитания. Так, к примеру выражение *«Сый конок»* (Почетный гость). Прием почетного гостя предусматривает соблюдение всех ритуалов. Один из них *«жилик тартуу»* (угощение определенными частями мяса в соответствии со статусом гостя). Ритуальная фраза *«Өйдө өтүңүз»* (Проходите на почетное место/төр). Или *«Төргө өтүңүз»* (Пожалуйста, займите почетное место) отражает пространственную организацию юрты, дома кочевника. Слово төр т.е. место, наиболее удаленное от входа, предназначено для самых уважаемых людей. Выражение *«Тузу буйруу»* (соль предписана). Подразумевает, что случайному гостю было суждено судьбой оказаться в этом доме и отведать его угощение. Схожий фразеологизм имеет место быть и в русском языке, где гостя из древне также было принято встречать хлебом и солью. В обоих культурах данный фразеологизм подчёркивает важную, даже священную связи между гостем и хозяином.

«Ак чачуу» (Окроплять белым). Данный фразеологизм подчёркивает чистоту помыслов хозяина. В кыргызской культуре белый цвет играет особенную, сакральную роль. Так почётного гостя принято встречать белым светом т.е. молочными продуктами такими как бозо или кумыс.

В кыркызской культуре, как и во многих других встречается и не совсем радушное отношение к гостю. Так, к примеру выражение *«конок бир консо — кут, эки консо — жут»* (если гость ночует раз — счастье, если ночует два раза — джут. У кыргызов гостей принято угощать самыми лучшими блюдами, что может быть весьма накладным делом для хозяев.

Сравнительно-типологический анализ концепта «Гостеприимство» в английской, русской и кыргызской лингвокультурах

Область сравнения	Английский язык	Русский язык	Кыргызский язык
Философская доминанта	**Социальный комфорт и прагматизм.** Акцент на снятии формальных барьеров и обеспечении удобства.	**Духовная общность и радушие.** Акцент на искренности («от всей души») и сакральной связи.	**Сакральный долг и иерархия.** Гость как божественный посланник; безусловный приоритет

			интересов гостя.
Ключевые символы и маркеры	«Красная дорожка» (статус), «упитанный телец» (праздник), «открытые двери»	«Хлеб-соль» (единство), «белая скатерть» (чистота), «глава стола» (почет)	«Ак» / Белый цвет (молоко, благословение), «Төр» (почетное место), «Мясо величиной с голову коня» (изобилие).
Метафора изобилия	*The groaning board* (стонущий стол) — упор на физическую массу еды и масштаб пира.	*Пир горой* — упор на социальный размах и щедрость, превосходящую достаток хозяина.	*Конокко колуңда барыңды бер* — упор на жертвенность; гость важнее благополучия семьи.
Пространственная организация	*At home* — стирание границ между частным и общественным пространством.	*Красный угол / Главы стола* — выделение гостя в структуре традиционного жилища.	*Төргө өтүңүз* — строгая иерархическая локализация в юрте, максимально удаленная от входа.
Границы и негативные смыслы	*Overstay one's welcome* — прямое указание на нарушение личных границ и ресурсов	*Пора и честь знать* — ироничное, косвенное напоминание о завершении социального акта	*Эки консо — жут* — экономический аспект; признание того, что ритуал может быть разорительным.
Статус гостя	Социально-равный партнер, которому оказывают внимание.	Уважаемый человек, вызывающий радость в доме.	*Конок — атаңдан улук* — статус гостя выше родового (отца), почти сакральный статус.

Анализ собранных фразеологических единиц связанных с гостеприимством, позволяет сделать следующие выводы:

Лингвокультурный код английского гостеприимства направлен на индивидуальный комфорт. Фразеологизмы весьма четко описывают такие понятия как личное время и ресурсы. Можно заключить, что для англичан очень важно межличностное пространство, которое поддерживается через законы светского этикета.

Русский же код направлен на эмоциональный подход. Встреча гостей «хлебом и солью» играет роль духовного единения хозяина дома и прибывшего гостя. Также следует отметить, что русской фразеологии присуща гиперболизация («пир горой», «кормить на убой»). Данные фразеологизмы подчёркивают огромные траты как сил так и денежных средств на встречу и угощение дорогих гостей. Также в русской фразеологии используется ирония как намек , что гость затянул с визитом («пора и честь знать», «не надоели ли вам хозяева»). Лингвокультурный код кыргызского народа сохранил свои архаично-сакральные черты.

Появление гостя - это «кут» (благодать с выше). Данный маркет обьясняет самопожертвование хозяина и иерархию угощения по чинам. Также цветовая символика т.е. белый цвет служит маркером чистоты помыслов кыргызского гостеприимства.

Ритуалы жизненного цикла: свадьбы и помолвки

Брачные ритуалы, как и ритуалы гостеприимства — это лингвистические «капсулы времени». Они из древне призваны сохранять культурные коды народа. Анализ фразеологии трех языков открывает уникальные различия в менталитете, социальных установках и исторических традициях свадебных ритуалов.

В английском языке процесс помолвки больше относится к официальному или визуальному символу.

Так например разговорная фраза *«To pop the question»* - «сделать предложение», относится к более современному высказыванию и означает внезапность и решительный настрой будущего супруга. Аналогичный, но более традиционный фразеологизм *«To ask for someone's hand in marriage»* — прямой эквивалент русского аналога *«просить руки и сердца»*, восходит к привычной традиции сложившейся с давних пор. Фразеологизм -*«To be spoken for»* — отражает социальный статус человека т.е. *«занята или занят»*.

"To give the bride away"- *«Отдать невесту замуж»* отражает официальный переход женщины из одной семьи в другую, в современном обществе используется как символическая ритуальная фраза.

Как отмечает Рогач О.А. «- большое количество молодых людей отдают предпочтение церковному браку и белой свадьбе. Белый цвет связан не только с нарядом невесты, но и с традицией украшать церковь белыми цветами» [5,с.234]. Образ невесты во всех трех культурах отражает концепт чистоты и непорочности, поэтому невеста облачается в белый цвет во время свадебной церемонии. Но стоит отметить, что в современной западной фразеологии сравнительно недавно вошел в обиход ироничный фразеологизм «Bridezilla» (Bride + Godzilla). Сочетание данных слов описывает невесту, одержимую порядком. Данный фразеологизм очень ярко отражает западный акцент индивидуализма и необходимости в идеальной организации свадьбы.

Брак как ограничения свободы, в английском языке выражается следующими метафоричными фразами - *"the bonds of matrimony" – «узы брака».* Брак воспринимается как связывание. "*Ball and chain"* - данное высказывание больше относится к мужьям, которые часто используют метафоры тяжести или даже тюремного заключения описывая семейную жизни.

В русском языке огромный пласт фразеологизмов связан с процессом сватовства.

«Просить руки» - стандартный этикетный оборот.

«Бить по рукам» - отражает договорной характера брака. Данный оборот также выражается языковой единицей *«Рукобитье»* - сейчас это архаичное понятие. Тем не менее оно сохраняет идею «заключения» брачного договора, отражая договорной характер исторического славянского сватовства.

«Пропить невесту» - отсылка к обряду «пропивания», закрепляющему договор сватовства. «Денежки на стол, девушку за стол». пословица сравнивает смотрины невесты и последующее сватовство с «куплей» невесты. Как писала в своем исследовании Колкова Н.А. - «Иносказанный характер фольклорных текстов обусловлен желанием людей запутать злые силы, которые могли помешать сватовству. Торговля- один из древнейших социальных институтов, с помощью него и маскируется действие сватовства». [6,с.87]

Фразеологизм *«Идти под венец»* происходит из древнего обычая возлагать венцы или короны на головы молодоженов, во время венчания. Данный обряд являлся символом любви и создания новой семьи. Аналогична фраза – *«Играть свадьбу»* или более метафоричное выражение *«Связать судьбу».*

В русской культуре существовал концепт *«вытья»* или *«прощания с девичьей волей».* Данный концепт на ряду с фразеологизмом типа *«отрезать косу»* являлись символом перехода девушки во власть мужа. В современном обществе данные единицы по большей части относятся к архаичным т.к. обряды такого характера утратили свою практическую значимость.

В русском языке, как и в английском существуют фразы, означающие ограничение свободы после вступления в брак. Так, к примеру концепт *«хомут», «хомут на шею одеть/навесить»* отражает всю тяжесть супружеской жизни.

В кыргызской культуре обряды и обычаи связанные с браком занимают одно из ключевых мест. Данный факт отражается в богатом наборе фразеологических единиц. Свадебная обрядность

(үйлөнүү үлпөтү) – это сложная система ритуалов, где каждый этап сопровождается особыми фразеологизмами. Каждая фразеологическая единица имеет свой глубокий этнокультурный смысл.

Ритуал *«Сөйкө салуу»* (Надевание сережек) служит как лингвистическим так и физическим символом помолвки. С этого момента девушка считается «занятой». Другой важной единицей является *«Кыз узатуу»* (Проводы дочери), который несет в себе глубокий эмоциональный и ритуальный смысл. Данный ритуал часто сопровождается кошоком (ритуальной жалобой), существующей как специфический лингвокультурный текст. *«Ак жол»* (Белый путь) -это пожелание легкой и счастливой жизни в новой семье. Белый цвет является символом чистоты и благословения.

Религиозный аспект обракосочетания это – «Нике». Во время совершения Нике, существует обряд под названием *«Суу ичишүү»* (Вместе испить воду). Это отсылка к ритуальной чаше воды, данный фразеологизм символизирует духовное соединение и разделение общей судьбы.

«Отуң өчпөсүн» (Пусть не гаснет твой огонь). Огонь это метафора домашнего очага, восходящая к преемственности поколений и жизни рода.

«Кийит кийгизүү» это обряд одаривания родственников обычно одеждой. Обряд символизирует признание статуса новоиспеченных родственников и укрепление родственных связей.

«Калың берүү» - обряд выплаты приданого за невесту. В семантике языка данный обряд, это акт взаимного уважения между родами.

Также следует отметить еще один фразеологизм связанный с выплатой - *«эне сүтү»* (молоко матери). Данный обряд символизирует выражение благодарности матери невесты за то, что она вырастила дочь вскормив ее своим молоком. Данный обряд подчеркивает неоценимую роль женщины-матери в кыргызской культуре и совершается обычно в время Нике или *«кыз узатуу».*

«Келинге жоолук салуу» (надевание платка невестке). Этот обряд происходит в доме мужа, когда мать мужа или другая уважаемая женщина из семьи надевает на келин обязательно белый платок. Такой же обряд практикуется и в русской традиционной свадьбе, когда мать жениха покрывает невестку белым платком. Обычно данная церемония происходит после праздничного застолья.

Сравнение ключевых этапов и фразеологизмов

Ритуал	Английский	Русский	Кыргызский	Общие черты/различия
Помолвка/Сватовство	Pop the question" (внезапность), "Ask for hand" (традиция), "Spoken for" (статус)	"Просить руки", "Бить по рукам", "Рукобитье" (договор)	"Сөйкө салуу" (надевание сережек, статус "занятой")	общее: официальный статус. Различие: английский — индивидуальный акт; русский/кыргызский — родовой договор.
Переход невесты	Give the bride away" (отдача семьи)	"Идти под венец", "Отрезать косу" (прощание с девичеством)	"Кыз узатуу" (прощание с кошоком), "Келинге жоолук салуу" (платок как символ)	Общее: символический разрыв с родней. Кыргызский усиливает эмоциональность (кошок).
Символы единства	"Bonds of matrimony" (узы), "Ball and chain" (ограничение)	"Играть свадьбу", "Связать судьбу", "Хомут на	"Суу ичишүү" (вода вместе), "Ак жол" (белый путь), "Отуң	Общее: метафоры связи/ограничения. Различие: английский/русский — негатив (цепи,

		шею"	өчпөсүн" (огонь очага)	хомут); кыргызский — позитив (вода, огонь, путь).
Социальный аспект	"Bridezilla" (индивидуализм, контроль)	"Пропить невесту" (договор)	"Калың берүү" (приданое), "Эне сүтү" (благодарность матери), "Кийит кийгизүү" (одежда родне)	Английский — личный перфекционизм; русский — архаичный договор; кыргызский — родовые дары и уважение.

Нами было выделено и исследовано 70 фразеологических единиц английского, русского и кыргызского языков. Проведённый сравнительно-типологический анализ фразеологии гостеприимства и бракосочетания позволяет заключить, что каждый язык пронизан глубоким национальным культурным кодом. Лингвистическая реализация обрядов и обычаев демонстрирует этнокультурные и лингвокультурные различия трех разноструктурных языков. Английская лингвокультура отражает светский и прагматичный характер обрядов и обычаев. Основой общества является индивидуализм, соблюдение личных границ и социальная непринужденность. Лингвокультура русского народа выражается в ценностях общинности и эмоциональности. Она еще сохранила архаичные черты договорных отношений, метафоричность потери свободы и гиперболизацию щедрости русской души. Кыргызская языковая картина мира демонстрирует сохранность ценностей номадного, сакрального характера. Язык хранит в себе иерархию гостеприимства, уважение к матери-кормилице и неразрывную связь с родословной. Фразеологический фонд работает как сокровищница внутренней формы обычаев, даже если их физическое исполнение претерпевает изменения. Таким образом, дальнейшее изучение ритуальных кодов обеспечивает более глубокое понимание того, как современный «человек в языке» сохраняет неразрывную ментальную и духовную связь с наследием своих предков. Анализ когнитивно-оценочного компонента показал, что выявленные доминанты — договор, ограничение свободы, чистота и очаг — выступают связующим звеном между прошлым и настоящим.

Список использованной литературы

1. Дербишева З.К. «Язык и этнос» Монография. Москва, 2017г.;

2. Гильфанова Д.А. «Фразеологизмы, характеризующие свадебные обряды в английском, русском и татарском языках» Современные исследования социальных проблем №9(29), 2013 г.;

3.Гамалина К.С. «Сложности перевода фразеологических единиц», Вестник КНУ им. Ж. Баласагына (специальный выпуск) 2025г.;

4. Нарынбек к Мээрим «Метафора и метонимия как основы вторичной номинации фразеологизмов в кыргызском и английском языках», Вестник КНУ им. Ж. Баласагына (специальный выпуск) 2025г.;

5. Рогач О.А. «Этнолингвистические особенности вербального выражения компонентов английского свадебного обряда», Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украина, 2013г.;

6. Колкова Н.А. «Русская фразеология в контексте свадебной обрядности», Вестник ЮУрГУ, № 1, 2010.

Рецензент:к.ф.н., доцент Мукарапова А.К.

УДК 82-3(494.1/.3

Джолоева Р.Н., Калдыбаева Ж.Т.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Джолоева Р.Н., Калдыбаева Ж.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Dzholoeva R.N., Kaldybaeva Zh.T.
KNU Jusup Balasagyn

ҮЙ-БҮЛӨ МАДАНИЙ КОНЦЕПТ КАТАРЫ: НЕМИС ЖАНА КЫРГЫЗ МАКАЛДАРЫН САЛЫШТЫРМА ТАЛДОО
СЕМЬЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ И КЫРГЫЗСКИХ ПОСЛОВИЦ
FAMILY AS A CULTURAL CONCEPT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GERMAN AND KYRGYZ PROVERBS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада «үй-бүлө» маданий концептинин немис жана кыргыз макалдарында чагылдырылышы салыштырма негизде талданат. Үй-бүлөлүк баалуулуктарды, туугандык мамилелерди, бала тарбиясын, улууларды урматтоону жана муундар аралык мурастуулукту туюндуруунун өзгөчөлүктөрү каралат. Изилдөө материалына макалдар киргизилип, максаттуу тандоо, семантикалык, компоненттик, салыштырма жана лингвомаданий талдоо ыкмалары колдонулду. Изилдөөдө эки тилде тең жалпы семантикалык моделдер бар экени, бирок алардын образдык берилиши улуттук-маданий өзгөчөлүктөргө ээ экени аныкталды. Түз эквиваленттерге караганда семантикалык жана функционалдык окшоштуктар басымдуулук кылары көрсөтүлдү.

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ репрезентации культурного концепта «семья» в немецких и кыргызских пословицах. Рассматриваются особенности отражения семейных ценностей, родственных отношений, воспитания детей, уважения к старшим и межпоколенческой преемственности. Материалом исследования послужили немецкие и кыргызские пословицы, отобранные методом целевой выборки. Применены семантический, компонентный, сопоставительный и лингвокультурологический методы. Установлено наличие общих семантических моделей при различии национально-культурных способов их образного выражения. Показано преобладание семантических и функциональных соответствий над прямыми эквивалентами.

Abstract: The article presents a comparative analysis of the cultural concept of “family” in German and Kyrgyz proverbs. It examines the representation of family values, kinship relations, child-rearing, respect for elders and intergenerational continuity. German and Kyrgyz proverbs were selected through targeted sampling and analyzed using semantic, componential, comparative and linguocultural methods. The findings reveal common semantic models alongside culturally specific forms of their figurative representation. Semantic and functional correspondences are shown to prevail over direct structural equivalents.

Негизги сөздөр: маданий концепт; паремиология; туугандык байланыш; үй-бүлөлүк баалуулуктар; үй-бүлөлүк тарбия; лингвомаданият; маданияттар аралык коммуникация.

Ключевые слова: культурный концепт; паремиология; родство; семейные ценности; семейное воспитание; лингвокультура; межкультурная коммуникация.

Keywords: cultural concept; paremiology; kinship; family values; family upbringing; linguoculture; intercultural communication.

1. ВВЕДЕНИЕ

Семья является одной из базовых сфер человеческого опыта и одновременно важнейшим социальным и культурным институтом. Представления о семье формируются под воздействием исторических, социальных, религиозных и культурных факторов и получают устойчивое выражение в языке. Особый интерес в этом отношении представляют пословицы, поскольку они концентрируют

в краткой и образной форме коллективный опыт, ценностные установки и модели поведения, закреплённые в языковой традиции.

В современной лингвистике изучение пословиц осуществляется в рамках паремиологии, фразеологии, лингвокультурологии и когнитивного языкознания. Пословица может рассматриваться не только как устойчивое высказывание с обобщённым и дидактическим содержанием, но и как культурно маркированная единица, посредством которой языковое сообщество интерпретирует типичные жизненные ситуации.

Концепт «семья» имеет сложную структуру и включает взаимосвязанные компоненты: родителей, детей, супругов, родство, дом, воспитание, заботу, ответственность, уважение к старшим, семейное единство и межпоколенческую преемственность. В паремиях эти компоненты могут выражаться непосредственно либо актуализироваться посредством метафорических образов дома, очага, дерева, крови, плодов, гнезда и других культурно значимых реалий.

Сопоставление немецких и кыргызских пословиц представляет особый научный интерес. Обе языковые культуры располагают богатым паремиологическим материалом, однако исторические и социально-культурные условия его формирования существенно различались. Поэтому сходные представления о семье могут получать различное языковое и образное оформление.

Цель исследования заключается в выявлении универсальных и национально-культурных особенностей репрезентации концепта «семья» в немецких и кыргызских пословицах. Объектом исследования являются немецкие и кыргызские пословицы, репрезентирующие представления о семье, родстве, браке, родительско-детских отношениях, воспитании, семейном единстве и межпоколенческой преемственности.

Предмет исследования составляют семантические, образные и лингвокультурные особенности репрезентации концепта «семья» в немецкой и кыргызской паремиологии.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: рассмотреть основные теоретические подходы к изучению пословиц как лингвокультурных единиц; определить основные семантические компоненты концепта «семья»; сформировать сопоставительный корпус немецких и кыргызских семейных пословиц; классифицировать материал по основным тематико-семантическим группам; установить основные типы межъязыковых соответствий; выявить культурно маркированные образы и модели семейных отношений; определить значение результатов для перевода и межкультурной коммуникации.

Научная новизна исследования состоит в систематизированном сопоставлении немецких и кыргызских семейных пословиц по единой совокупности параметров: семейное единство, родство, родители и дети, воспитание, брак, дом, межпоколенческая преемственность и семейный конфликт.

2. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретическую основу исследования составляют труды по фразеологии, паремиологии и лингвокультурологии.

В.Н. Телия рассматривает устойчивые языковые единицы в тесной связи с культурной коннотацией и подчёркивает значение национально-культурного компонента в их семантике [1]. Данный подход позволяет рассматривать семейные пословицы как единицы, в которых фиксируются не только определённые значения, но и культурно обусловленные способы оценки действительности.

Н.Ф. Алефиренко подчёркивает необходимость комплексного изучения фразеологии с учётом взаимодействия языка, сознания и культуры [2]. Для настоящего исследования принципиально важно положение о том, что значение устойчивой единицы не сводится к сумме значений её компонентов. Образная структура пословицы актуализирует определённую ситуацию и соответствующий культурный сценарий.

М.Д. Степанова и И.И. Чернышева рассматривают особенности лексической и фразеологической системы современного немецкого языка [3]. Их исследования имеют значение для описания структурно-семантических характеристик немецкого материала. При этом в настоящей работе

проводится разграничение пословиц, фразеологизмов и афористических высказываний, поскольку их смешение может нарушить сопоставимость исследуемого корпуса.

Е.В. Новикова исследует отношения родителей и детей в немецкой лингвокультуре на материале фразеологизмов и афоризмов [4]. Данный подход представляет интерес для анализа семейной семантики, однако материал фразеологии и афористики шире собственно паремиологического фонда. Поэтому в настоящем исследовании немецкие единицы дополнительно проверяются с точки зрения их пословичного статуса.

Проблема концепта «семья» изучалась также в межъязыковых исследованиях. Ян Фан рассматривает концепт «семья» на материале русского и китайского языков и показывает его многокомпонентную структуру, включающую представления о родстве, семейных отношениях и социальных ролях [5]. Это положение имеет методологическое значение и для настоящего исследования.

Для анализа кыргызского материала особое значение имеют работы, посвящённые семейной тематике в кыргызской паремиологии. M. Köylü и M. Bekmurzay рассматривают институт семьи на материале кыргызских пословиц, уделяя внимание браку, выбору супруга, воспитанию детей, отношениям с родителями и семейной преемственности [6].

B. Zorlu анализирует представления о семье и родстве в кыргызских пословицах [7]. Особое значение для сопоставительного исследования имеет обращение автора к широкому пониманию родства, выходящему за пределы отношений между супругами и детьми.

У.Ч. Шавк систематизирует значительный корпус кыргызских пословиц и сопровождает его переводами и соответствиями [8]. Данный материал представляет интерес для определения характера межъязыковых соответствий и анализа переводческой эквивалентности.

А.К. Мукарапова исследует отражение семейных ценностей в английских, русских и кыргызских пословицах и поговорках [9]. Автор обращает внимание на отношения между поколениями, уважение к старшим и семейную взаимосвязь.

М.Б. Розыкова сопоставляет семейные паремии русской, кыргызской и узбекской лингвокультур [10], выявляя сочетание универсальных и этнокультурно обусловленных моделей.

M. Kuchiboev и Sh. Utayev исследуют выражение семейных отношений в немецких, русских и узбекских пословицах [11]. Их работа подтверждает продуктивность сопоставительного подхода к семейной паремиологии и создаёт основу для дальнейшего расширения круга сопоставляемых языков.

Таким образом, анализ литературы показывает, что семейная тематика достаточно широко представлена в паремиологических исследованиях. Вместе с тем сопоставление немецких и кыргызских пословиц по единой системе семантических параметров представляет самостоятельный исследовательский интерес.

Следует особо подчеркнуть, что пословицы не могут рассматриваться как прямое статистическое отражение поведения современных носителей языка. Они представляют исторически сформированные модели оценки действительности. Поэтому наличие определённой пословицы свидетельствует о существовании соответствующей языковой и культурной формулы, но не доказывает универсальность выраженной в ней установки для современного общества.

3. МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на сопоставительном, семантическом, компонентном и лингвокультурологическом подходах.

На первом этапе сформирован массив немецких и кыргызских паремий, связанных с семьёй, родством и семейными отношениями. На втором этапе проверялось соответствие единиц признакам пословицы: относительная самостоятельность высказывания, обобщённость содержания, устойчивость и воспроизводимость, оценочно-дидактический компонент. Это позволило не смешивать пословицы с поговорками, фразеологизмами и афоризмами.

Единица анализа — отдельная пословица, рассматриваемая с точки зрения семантической структуры, образной организации, коммуникативной функции и культурной маркированности. Критерии отбора: связь с концептом «семья», устойчивость формы, обобщённое культурно значимое содержание.
Методы: целевая выборка; семантический анализ; компонентный анализ; сопоставительный метод; лингвокультурологический анализ.
Классификация межъязыковых соответствий: полное соответствие (совпадают содержание, функция и в значительной степени образ); семантический аналог (совпадает идея, различается образ); функциональный аналог (сходная функция при различии содержания или образа); этнокультурно специфическая единица (соответствие не обнаруживается).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Семья как дом и пространство совместной жизни

Одним из базовых компонентов концепта «семья» является представление о доме как пространстве принадлежности и защищённости.
Немецкая пословица „Eigener Herd ist Goldes wert“ буквально означает «Собственный очаг стоит золота». В данном выражении *Herd* выступает как метонимический образ собственного домашнего пространства. Немецкие словарные источники фиксируют данную формулу как пословицу со значением высокой ценности собственного дома и домашнего хозяйства [12; 13].
Кыргызская пословица «Өз үйүм — өлөң төшөгүм» также выражает идею особой ценности собственного дома. В ней домашнее пространство связывается с чувством принадлежности и привычной жизненной средой.
Сходство двух единиц заключается в общем концептуальном компоненте «свой дом как ценность», тогда как образная структура различается. Поэтому данные единицы целесообразно квалифицировать как семантические аналоги, а не как полные эквиваленты.

4.2. Родство и сходство поколений

Одним из наиболее устойчивых немецких образов является пословица: „Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm.“ Она используется для обозначения сходства детей с родителями, прежде всего в отношении поведения, характера или других качеств. Словарные источники непосредственно фиксируют её как немецкую пословицу [14].
Кыргызская пословица «Алма сабагынан ашып түшпөйт» также основана на образе плода и дерева и передаёт представление о преемственности между поколениями.
В данном случае наблюдается особенно близкое образно-семантическое соответствие. Общий компонент можно определить как «проявление родительских качеств в потомстве».
Другой немецкой единицей является: „Art lässt nicht von Art.“ Duden фиксирует данную формулу как пословичное выражение, обозначающее сохранение определённых характеристик родителей в потомстве [15].
Кыргызская пословица «Ата көргөн ок жонот, эне көргөн тон бычат» выражает более конкретизированную модель передачи практического опыта: ребёнок осваивает навыки, наблюдая за родителями.
Таким образом, в обеих языковых культурах семья представляется важнейшим каналом передачи опыта, однако немецкий материал чаще акцентирует сходство или наследование признаков, тогда как кыргызский — наблюдение, обучение и практическую преемственность.

4.3. Родительское влияние и воспитание

Немецкая пословица: „Was Eltern säen, ernten die Kinder.“ строится на метафоре земледелия. Действия родителей представлены как «посев», результаты которого проявляются в жизни детей. В данном случае семья концептуализируется как первичная среда формирования личности.
Кыргызская пословица: «Уядан эмнени көрсө, учканда ошону алат»
также подчёркивает влияние семейной среды. Однако вместо метафоры посева и урожая используется образ гнезда и птицы: ребёнок усваивает то, что наблюдает в родительском окружении.

Таким образом, обе паремии реализуют общий компонент «семья как первичная среда социализации», но используют различные образы.

4.4. Родство как социальная ценность

Немецкая пословица: „Blut ist dicker als Wasser.“ связана с представлением о повышенной значимости кровного родства. Немецкие лексикографические источники фиксируют её как пословицу со значением особой прочности родственных связей [16].

В кыргызском паремиологическом материале идея родства также выражается посредством многочисленных пословиц, акцентирующих особую ценность родственников: «Агайынды жаман деп, тууганды кайдан табасың».

В подобных единицах родство представляется не только как биологическая связь, но и как социальная ответственность и взаимная поддержка.

Сходство немецкого и кыргызского материала заключается в высокой семантической значимости родственных отношений. Различие проявляется преимущественно в способе образной репрезентации: немецкая пословица использует абстрактно-метафорический образ крови, тогда как кыргызские единицы чаще конкретизируют отношения между родственниками.

4.5. Брак и расширение родственных связей

Немецкая пословица: „Wer heiratet, heiratet die Familie mit.“ передаёт представление о том, что вступление в брак предполагает установление отношений не только между супругами, но и между их родственниками. Данная формула фиксируется в немецком паремиологическом материале как выражение идеи расширения социальных связей через брак [17].

Близкую концептуальную модель в кыргызском материале представляет пословица: «Энесин көрүп кызын ал, этегин көрүп тонун ал». В ней семейная среда рассматривается как показатель качеств потенциальной супруги. Однако в отличие от немецкой единицы кыргызская пословица делает акцент на выборе брачного партнёра и оценке его семейного происхождения.

Таким образом, общий компонент можно определить как «брак и семейное окружение», однако конкретные коммуникативные акценты различаются.

4.6. Дети как ценность

Немецкая пословица: „Kinder machen arm an Geld und reich an Freude.“ строится на противопоставлении материальных затрат и эмоционального богатства. Дети представлены одновременно как источник материальной ответственности и эмоциональной ценности.

В кыргызской паремиологии широко известна пословица: «Балалуу үй — базар, баласыз үй — мазар». Здесь наличие детей связывается с жизнью, движением и социальной наполненностью дома, тогда как бездетность метафорически противопоставляется жизненному пространству.

Обе пословицы демонстрируют высокую ценность детей, однако используют различные способы её выражения. Немецкая единица строится на антитезе «материальные затраты — эмоциональная радость», кыргызская — на противопоставлении «жизнь — безжизненность».

4.7. Родительская забота и ответственность

Немецкая пословица: „Kleine Kinder, kleine Sorgen; große Kinder, große Sorgen.“ передаёт представление о том, что содержание и характер родительской ответственности изменяются вместе с возрастом ребёнка. Пословичные источники фиксируют данную формулу как устойчивое выражение, связанное с отношениями родителей и детей [18].

В кыргызском материале аналогичная идея выражается через пословицы о воспитании и ответственности родителей: «Абийир тапса баласы, атасына бак конот». Здесь благополучие и нравственное становление ребёнка связываются с благополучием семьи и родителей.

Общим семантическим компонентом является понимание родительства как длительной ответственности, однако немецкая пословица акцентирует динамику заботы во времени, а кыргызская — связь поведения ребёнка с семейным благополучием и репутацией родителей.

4.8. Уважение к старшим

Кыргызская паремиология особенно богата единицами, регулирующими отношения между поколениями. Пословица: «Карысы бардын ырысы бар» представляет старшее поколение как источник жизненного опыта и благополучия. Другая единица: «Улууну урматта, кичүүнү ызатта» формулирует нормативную модель взаимного уважения между поколениями.

В немецком языке близкую ценностную установку выражает: „Wer noch Eltern hat, weiß nicht, was er hat.“ Пословица подчёркивает, что значение родителей особенно остро осознаётся после их утраты [19].

Сопоставление показывает общность ценности старшего поколения, но различие коммуникативных моделей. Кыргызские пословицы чаще формулируют социальную норму непосредственно, тогда как немецкая единица выражает ценность родителей через осмысление возможной утраты.

4.9. Семейное единство

Кыргызская пословица: «Ырыс алды — ынтымак» связывает благополучие с единством и согласованностью отношений. В немецком языке близкую функциональную установку выражает: „Einigkeit macht stark.“ Однако немецкая единица имеет более широкую сферу применения и не ограничивается семейными отношениями.

Следовательно, обе пословицы реализуют компонент «единство как условие благополучия», но кыргызская единица имеет более выраженную связь с коллективной моделью совместной жизни.

4.10. Семейный конфликт

Паремиологическая картина семьи включает не только положительные ценности, но и конфликты. Немецкий материал содержит формулы, подчёркивающие эмоциональную сложность семейных конфликтов.

Кыргызская пословица: «Казан-аяк кагышат, эрди-катын табышат» представляет семейное столкновение через образ соприкасающихся предметов. Конфликт при этом не интерпретируется как разрушение семейного единства, а включается в общую модель совместной жизни.

Таким образом, семейная паремиология обеих культур признаёт возможность разногласий между близкими людьми. Однако способы их концептуализации различаются.

5. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Результаты анализа можно представить следующим образом:

Семантическая сфера	Немецкая паремия	Кыргызская паремия	Тип соответствия
Дом	*Eigener Herd ist Goldes wert*	«Өз үйүм — өлөң төшөгүм»	семантический аналог
Сходство поколений	*Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm*	«Алма сабагынан ашып түшпөйт»	близкое образно-семантическое соответствие
Наследование качеств	*Art lässt nicht von Art*	«Ата көргөн ок жонот, эне көргөн тон бычат»	семантический аналог
Родительское влияние	*Was Eltern säen, ernten die Kinder*	«Уядан эмнени көрсө, учканда ошону алат»	семантический аналог
Родство	*Blut ist dicker als Wasser*	«Агайынды жаман деп, тууганды кайдан табасың»	функциональный аналог
Брак	*Wer heiratet, heiratet die Familie mit*	«Энесин көрүп кызын ал...»	семантический аналог
Дети	*Kinder machen arm an Geld und reich an Freude*	«Балалуу үй — базар, баласыз үй — мазар»	функционально-смысловой аналог
Родительская	*Kleine Kinder, kleine*	пословицы о	функциональный аналог

ответственность	*Sorgen; große Kinder, große Sorgen*	воспитании	
Старшее поколение	*Wer noch Eltern hat, weiß nicht, was er hat*	«Карысы бардын ырысы бар»	семантический аналог
Единство	*Einigkeit macht stark*	«Ырыс алды — ынтымак»	функциональный аналог
Семейный конфликт	немецкие пословичные формулы о семейном конфликте	«Казан-аяк кагышат, эрди-катын табышат»	образно-смысловой аналог

Сопоставление показывает, что наиболее устойчивыми семантическими компонентами концепта «семья» являются: родство и происхождение; родительское влияние; воспитание и передача опыта; ценность детей; дом и семейное пространство; уважение к старшим; семейное единство; брак и родственные связи; семейная ответственность; конфликт и его преодоление.

При этом одинаковый концептуальный компонент может выражаться посредством различных образов. Так, родительская преемственность в немецком языке может концептуализироваться через образ яблока и дерева, а в кыргызском — через гнездо, птицу, практический навык или непосредственную связь между родителями и детьми.

Это позволяет говорить о наличии двух уровней соответствия: концептуального и образно-языкового. На концептуальном уровне немецкий и кыргызский материалы обнаруживают значительное сходство. На образном уровне различия оказываются более заметными.

6. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты подтверждают, что концепт «семья» относится к числу культурно значимых концептов, имеющих одновременно универсальное и национально маркированное содержание. Универсальность проявляется в том, что в обеих языковых культурах представлены представления о значимости родства, воспитании детей, родительской ответственности, семейном единстве и преемственности поколений.

Национально-культурная специфика проявляется прежде всего в выборе образов. Немецкий материал демонстрирует активное использование образов домашнего очага, дерева, плода, крови, посева и урожая. Кыргызский материал чаще актуализирует образы дома, гнезда, рода, старших и младших поколений, практического опыта и коллективного взаимодействия.

При этом подобные различия не следует интерпретировать как абсолютное противопоставление двух культур. Паремиологический фонд является исторически сложившимся и включает разновременные культурные модели. Кроме того, частотность и продуктивность конкретных пословиц в современном языке могут отличаться от их исторической распространённости.

Особое значение имеет различие между прямым эквивалентом и функционально-смысловым соответствием. Даже при наличии общего концептуального содержания немецкая и кыргызская пословицы могут использовать совершенно разные образы. Поэтому при переводе необходимо учитывать не только словарное значение, но и коммуникативную функцию, оценочный компонент и культурную ассоциативность.

7. ВЫВОДЫ

Проведённое сопоставительное исследование немецких и кыргызских пословиц показало, что концепт «семья» имеет многоуровневую структуру и включает представления о родстве, супружеских и родительско-детских отношениях, воспитании, межпоколенческой преемственности, семейном единстве и взаимной ответственности.

Сопоставление выявило сочетание универсальных и национально-культурных компонентов. К универсальным относятся ценность родственных связей, детей, уважения к старшим, семейного единства и влияние семьи на формирование личности. Национальная специфика преимущественно проявляется в образно-символической репрезентации: немецкие пословицы используют образы

очага, дерева, яблока, крови, посева и урожая, тогда как кыргызские — дома, гнезда, рода, старших и младших поколений, коллективного опыта и взаимосвязи.

Установлено, что между немецкими и кыргызскими паремиями преобладают семантические и функциональные соответствия, а не полные структурно-образные эквиваленты. Это подтверждает общность ряда семейных ценностей при различии способов их языкового выражения.

Особое значение имеют представления о родительском влиянии и межпоколенческой преемственности: в обеих культурах семья осмысляется как пространство передачи опыта, ценностей и моделей поведения. При этом содержание пословиц отражает различные историко-культурные модели и не всегда может рассматриваться как непосредственное описание современной семьи.

Таким образом, немецкие и кыргызские пословицы сочетают общечеловеческое ценностное содержание с национально специфическими способами его репрезентации. Полученные результаты могут быть использованы в лингвокультурологии, сопоставительной паремиологии, теории перевода и межкультурной коммуникации.

Перспективы исследования связаны с расширением корпуса пословиц, количественной верификацией результатов и привлечением современных электронных корпусов для изучения частотности и актуального функционирования семейных паремий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 271 с.

Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. 310 с.

Новикова Е. В. Особенности взаимоотношений родителей и детей в немецкой лингвокультуре (на материале фразеологизмов и афоризмов) // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2021. № 4 (27).

Ян Фан. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 250–255.

Köylü M., Bekmurzay M. Kırgız Atasözleri Işığında Aile Kurumu // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018. Vol. 7. No. 1. P. 119–147.

Zorlu B. Kırgız Atasözlerinde Aile ve Akraba Anlayışı // Uluslararası Türk Dünyası Araştırmaları Sempozyumu. S. 615–626.

Şavk Ü. Ç. Kırgız Atasözleri. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2018.

Mukarapova A. K. Отражение семейных ценностей в английских, русских и кыргызских пословицах и поговорках // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 8. С. 38–42.

Розыкова М. Б. Сходство и различие паремий о семье, семейных традициях в русской, кыргызской и узбекской лингвокультурах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-3. С. 198–202.

Kuchiboev M., Utayev Sh. Expression of Family Relations in Proverbs (Based on German, Russian, and Uzbek Proverbs) // Foreign Linguistics and Linguodidactics. 2024. Vol. 2. Iss. 3. P. 182–186.

Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Freiburg; Basel; Wien: Herder.

Duden. Sprichwörter und Redewendungen. Mannheim: Dudenverlag.

Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Hrsg. von K. F. W. Wander. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1867–1880.

Duden. Art. Wendungen, Redensarten, Sprichwörter: «Art lässt nicht von Art». Berlin: Bibliographisches Institut.

Duden / Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. «Blut ist dicker als Wasser». Немецкая пословичная формула о силе родственных связей.

Sprichwörterbuch. «Wer heiratet, heiratet die Familie mit». Немецкая пословичная формула о браке и родственных связях.

Sprichwörterbuch. «Kleine Kinder, kleine Sorgen; große Kinder, große Sorgen». Немецкая пословичная формула о родительской ответственности.
Sprichwörterbuch. «Wer noch Eltern hat, weiß nicht, was er hat». Немецкая пословичная формула о ценности родителей.
Молдобаева Т. Сөз берметтери. Макал-лакаптар. Фрунзе: Кыргызстан, 1983.
Ибрагимов М. Кыргыз макал-лакап, учкул сөздөр. Кара-Балта: Салам, 2005.

Рецензент: к.ф.н. доцент Гузиева З.К.

УДК 81 (575.2)

Жолдошбекова Э.А., Иманканова Н.Ш.
М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык илимий-изилдөө университети
Жолдошбекова Э.А., Иманканова Н.Ш.
НИУ КЭУ им. М. Рыскулбекова
Zholdoshbekova E.A., Imankanova N. Sh.
Kyrgyz Economic Scientific Research University
named after M. Ryskulbekov

ЧЕТ ӨЛКӨЛҮК ФИЛОЛОГИЯДАГЫ МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК ДИСКУРС: ТЕОРИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ ЖАНА ПРАГМАТИКАЛЫК АСПЕКТИЛЕРИ
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ
INTERCULTURAL DISCOURSE IN FOREIGN PHILOLOGY: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRAGMATIC IMPLICATIONS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада заманбап чет өлкөлүк филологиядагы маданияттар аралык дискурстун теориялык негиздери жана прагматикалык өзгөчөлүктөрү каралат. Изилдөөнүн актуалдуулугу тилдик маанилерди жана коммуникативдик ниеттерди чечмелөөдө маданий, когнитивдик жана социалдык факторлорду эске алуу зарылдыгы менен шартталган. Макаланын максаты — маданияттар аралык дискурсту изилдөөнүн негизги теориялык багыттарын системалаштыруу жана алардын лингвистикалык талдоодогу маанисин аныктоо. Изилдөөдө илимий адабиятты теориялык талдоо, салыштырма прагматикалык чечмелөө жана контексттик-семантикалык талдоо колдонулган. Дискурстун социокогнитивдик ыкмасы, сүйлөө актыларынын теориясы, сылыктык категориясынын маданий шарттуулугу, идентиктин дискурста калыптанышы жана санариптик коммуникациянын өзгөчөлүктөрү талданган. Тилдик, прагматикалык жана социалдык-маданий деңгээлдерди бириктирген комплекстүү талдоонун зарылдыгы негизделген.
Аннотация: Статья посвящена теоретическому осмыслению межкультурного дискурса и его прагматических характеристик в современной зарубежной филологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью учитывать культурные, когнитивные и социальные факторы при интерпретации языковых значений и коммуникативных намерений. Цель работы заключается в систематизации основных подходов к изучению межкультурного дискурса и определении их значения для лингвистического анализа. Методологическую основу составляют теоретический анализ научной литературы, сопоставительная прагматическая интерпретация и контекстуально-семантический анализ. Рассмотрены социокогнитивный подход к дискурсу, теория речевых актов, культурная обусловленность вежливости, дискурсивное конструирование идентичности и особенности цифровой коммуникации. Обоснована необходимость интеграции языкового, прагматического и социокультурного уровней анализа. Научная значимость работы состоит в

систематизации теоретических положений, применимых к исследованию межкультурного взаимодействия, включая кыргызско-иностранные коммуникативные контакты.

Abstract: This article examines the theoretical foundations and pragmatic characteristics of intercultural discourse in contemporary foreign philology. The relevance of the study stems from the need to consider cultural, cognitive, and social factors when interpreting linguistic meaning and communicative intentions. The aim is to systematize major approaches to intercultural discourse and establish their significance for linguistic analysis. The methodology combines a theoretical review of scholarly literature, comparative pragmatic interpretation, and contextual-semantic analysis. The article discusses sociocognitive approaches to discourse, speech act theory, the cultural conditioning of politeness, discursive identity construction, and digital communication. It argues for an integrated analytical framework that incorporates linguistic, pragmatic, and sociocultural dimensions. The study contributes to the systematization of theoretical approaches applicable to intercultural interaction, including Kyrgyz and international communicative contexts.

Негизги сөздөр: маданияттар аралык дискурс; чет өлкөлүк филология; дискурс-анализ; прагматика; сүйлөө актылары; маданий семантика; коммуникативдик идентүүлүк; маданияттар аралык коммуникация.

Ключевые слова: межкультурный дискурс; зарубежная филология; дискурс-анализ; прагматика; речевые акты; культурная семантика; коммуникативная идентичность; межкультурная коммуникация.

Keywords: intercultural discourse; foreign philology; discourse analysis; pragmatics; speech acts; cultural semantics; communicative identity; intercultural communication.

1. Введение

Современная филология исследует язык не только как систему фонетических, грамматических и лексических единиц, но и как средство социального взаимодействия. Расширение международных контактов, развитие многоязычного образования и распространение цифровых коммуникационных платформ усиливают интерес к тому, каким образом представители различных культур создают, передают и интерпретируют смыслы.

В этом контексте межкультурный дискурс представляет собой значимый объект лингвистического исследования. Он позволяет рассматривать речевое взаимодействие с учётом языковых норм, фоновых знаний, социальных отношений и культурных представлений участников коммуникации. При таком подходе высказывание анализируется не изолированно, а в связи с ситуацией его употребления и возможными интерпретациями адресата.

Теоретическую основу подобного понимания формируют исследования Т. А. ван Дейка, рассматривающего взаимосвязь дискурса, познания и социального контекста [1], а также Дж. Серля, разработавшего концепцию речевых актов [2]. Исследования Э. Т. Холла позволяют дополнить этот подход анализом культурных закономерностей коммуникации [3]. Вместе эти научные направления создают основу для изучения того, как языковая форма взаимодействует с коммуникативными намерениями и культурными ожиданиями.

Актуальность темы определяется тем, что формальное владение иностранным языком не всегда обеспечивает успешность общения. Грамматически правильное высказывание может восприниматься как чрезмерно категоричное, неуместное или недостаточно вежливое, если коммуниканты по-разному понимают нормы обращения, дистанции, согласия и отказа. Следовательно, для адекватной интерпретации необходимо учитывать не только языковую компетенцию, но и прагматические условия употребления языковых средств.

Особое значение данная проблема имеет для многоязычных обществ, в том числе Кыргызстана, где межкультурные контакты предполагают взаимодействие различных языковых и коммуникативных традиций. Исследование П. К. Кадырбековой, посвящённое вербальным аспектам немецко-кыргызской межкультурной коммуникации, рассматривает речевой этикет, речевые акты, вежливость

и культурно маркированные концепты [4]. Эта работа показывает практическую значимость сопоставительного анализа для понимания коммуникативных различий.

Проблема исследования заключается в необходимости систематизировать подходы, позволяющие объяснять взаимосвязь языкового значения, коммуникативного намерения и культурного контекста, не сводя различия между культурами к упрощённым национальным характеристикам.

Цель исследования — систематизировать теоретические подходы к межкультурному дискурсу и раскрыть их значение для анализа семантических, прагматических и идентификационных процессов.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

Рассмотреть основные теоретические подходы к изучению дискурса и межкультурной коммуникации.

Определить роль культурного контекста в интерпретации языковых значений.

Проанализировать прагматическую вариативность речевых актов и стратегий вежливости.

Охарактеризовать дискурсивные механизмы конструирования идентичности.

Обосновать возможности применения интегративного подхода в современной филологии.

Научная новизна работы заключается в систематизации взаимосвязи трёх аналитических измерений межкультурного дискурса: семантического, прагматического и социокультурного. Работа носит теоретико-аналитический характер; её выводы представляют собой обобщение научных подходов, а не результаты самостоятельного количественного эксперимента.

2. Обзор научной литературы

2.1. Дискурс как социально-когнитивное явление

В современной лингвистике понятие дискурса охватывает не только последовательность языковых единиц, но и условия их производства, распространения и интерпретации. В социокогнитивном подходе Т. А. ван Дейка контекст рассматривается во взаимосвязи с представлениями участников о ситуации общения, их знаниями, ожиданиями и социальным опытом [1].

Для межкультурного анализа эта концепция имеет принципиальное значение. Участники коммуникации могут по-разному оценивать одну и ту же ситуацию, поскольку опираются на неодинаковые фоновые знания и интерпретативные модели. При этом различия нельзя автоматически объяснять национальной принадлежностью: на понимание влияют образование, профессиональная среда, возраст, индивидуальный опыт и конкретная коммуникативная задача.

Теория речевых актов Дж. Серля позволяет дополнить данный подход анализом действий, совершаемых посредством высказываний [2]. Просьба, обещание, предупреждение или извинение представляют собой не просто языковые конструкции, а способы достижения определённых коммуникативных целей.

Авторская интерпретация этих положений состоит в том, что дискурсивный смысл формируется во взаимодействии языковой формы, коммуникативной интенции и контекстуальных условий. Поэтому грамматического анализа недостаточно для объяснения того, почему одно высказывание воспринимается как просьба, а другое — как требование, хотя их формальная структура может быть сходной.

2.2. Культура и интерпретация коммуникативного поведения

Исследования Э. Т. Холла обращают внимание на значение культурных моделей, которые влияют на организацию общения и интерпретацию поведения [3]. В межкультурной коммуникации часть ожиданий остаётся невыраженной: собеседники могут предполагать, что определённая форма обращения, способ выражения несогласия или порядок ведения разговора понятны без дополнительного объяснения.

Однако культурные закономерности не следует рассматривать как жёсткие правила, одинаково применимые ко всем представителям общества. Аналитическая ценность концепции Холла состоит прежде всего в том, что она побуждает исследователя выявлять контекстуальные условия коммуникации, а не ограничиваться буквальным значением высказывания.

Дополнительное теоретическое основание даёт концепция культурных сценариев А. Вежбицкой. В работе о культурных сценариях и межкультурной коммуникации исследовательница показывает возможности описания культурно обусловленных представлений о том, как люди должны говорить, действовать и взаимодействовать в определённых обстоятельствах [5].

Применительно к филологии этот подход позволяет изучать, как представления о вежливости, уважении, личной автономии и социальных обязанностях отражаются в речевых формулах. При этом культурный сценарий следует рассматривать как аналитическую модель, требующую подтверждения языковыми данными, а не как неизменное свойство каждого носителя языка.

Таким образом, исследования культурного контекста дополняют социокогнитивную теорию дискурса: первые позволяют выявлять интерпретативные предпосылки общения, а вторая объясняет их связь с познавательными процессами и социальной ситуацией.

2.3. Межкультурная прагматика и речевые акты

Межкультурная прагматика изучает использование языка в ситуациях взаимодействия людей, различающихся языковым опытом и культурными ориентирами. И. Кечкеш подчёркивает динамический характер такого взаимодействия: участники опираются на уже существующие нормы, одновременно адаптируя свои высказывания к конкретной ситуации общения [6].

Это положение позволяет избежать двух крайностей. Первая заключается в предположении, что коммуникативные нормы полностью универсальны. Вторая состоит в представлении культур как изолированных систем, между которыми невозможно взаимопонимание. Реальная коммуникация предполагает сочетание общих механизмов взаимодействия и ситуативно формирующихся различий.

Теория вежливости П. Брауна и С. Левинсона рассматривает речевые стратегии в связи с социальными отношениями и стремлением участников сохранить приемлемый образ себя и собеседника [7]. Хотя эта модель оказала существенное влияние на прагматические исследования, её применение к межкультурному материалу требует учитывать особенности конкретных языков, жанров и социальных ситуаций.

Для анализа межкультурного дискурса особенно важны просьбы, отказы, благодарности, извинения и обращения. Одинаковая коммуникативная цель может выражаться посредством различных языковых средств. Например, просьба может оформляться прямым императивом, вопросительной конструкцией или косвенным указанием на потребность. Выбор формы зависит от отношений между участниками, степени официальности, срочности и сложившихся коммуникативных ожиданий.

2.4. Кыргызские исследования межкультурной коммуникации

Для рассмотрения межкультурного дискурса в Кыргызстане особое значение имеет монография П. К. Кадырбековой *Verbale Aspekte deutsch-kirgisischer interkultureller Kommunikation*, опубликованная издательством Peter Lang в 2021 году [4]. В работе рассматриваются речевой этикет, речевые акты, вежливость, табу, эвфемизмы и ключевые концепты немецкой и кыргызской лингвокультур. <Cite refs={["turn944427search0"]}/>

Научная значимость данного исследования состоит в предметном сопоставлении немецкого и кыргызского коммуникативного материала. Такой подход позволяет рассматривать межкультурную коммуникацию не только как абстрактную теоретическую проблему, но и как область, в которой языковые формы связаны с конкретными традициями обращения, приветствия, благодарности, извинения и выражения уважения.

Исследование Р. К. Машиевой и Г. З. Мамытовой, посвящённое этнопрагмалингвистической специфике этикетных форм речевого поведения, также представляет интерес для анализа культурно обусловленных способов организации общения [8]. Его тематическая направленность позволяет включить кыргызский языковой материал в более широкий разговор о соотношении прагматических норм и лингвокультурных особенностей.

Вместе с тем при сопоставлении кыргызского и иностранных языков важно избегать прямого переноса выводов, полученных на ограниченном материале, на всех носителей соответствующих

языков. На речевое поведение влияют не только культурные традиции, но и возраст, социальная роль, степень знакомства, региональная принадлежность и коммуникативная ситуация.
Включение кыргызских исследований в зарубежную теоретическую традицию позволяет не просто иллюстрировать общие концепции локальными примерами, но и проверять их объяснительные возможности на материале конкретного языкового взаимодействия. Это особенно важно для разработки сопоставительных исследований, ориентированных на выявление как сходств, так и различий между коммуникативными практиками.

2.5. Культурные модели и ограничения сравнительного подхода

Модель культурных измерений Г. Хофстеде получила широкое распространение в исследованиях межкультурного взаимодействия [9]. Она предлагает сравнительные параметры для анализа ценностных ориентаций и социальных установок в различных обществах.
Вместе с тем такие модели необходимо использовать осторожно. Статистические характеристики обществ не позволяют непосредственно предсказывать поведение конкретного человека. Если исследователь объясняет каждую особенность высказывания исключительно национальной культурой, он рискует проигнорировать ситуативные, институциональные и индивидуальные факторы.
В межкультурной филологии сравнительные модели целесообразно применять как инструменты формирования исследовательских вопросов. Их положения необходимо сопоставлять с языковыми данными, контекстом общения и результатами конкретных исследований.
В качестве дополнительной теоретической опоры можно использовать работы по межкультурной прагматике, в которых языковые нормы рассматриваются в связи с взаимодействием, социальными отношениями и культурными ожиданиями [6; 7].
Обобщение литературы показывает, что межкультурный дискурс целесообразно исследовать на пересечении социокогнитивной теории, прагматики, культурной семантики и сопоставительной лингвистики. При этом сохраняется методологическая задача: объединить указанные подходы в единую аналитическую рамку, не сводя языковые различия к набору фиксированных национальных характеристик. Именно эта задача определяет направленность настоящей работы.

3. Методология исследования

Исследование имеет теоретико-аналитический характер и основано на критическом рассмотрении научных концепций дискурса, речевых актов, культурной семантики и межкультурной коммуникации.
Материалом исследования послужили научные работы по социокогнитивному анализу дискурса, теории речевых актов, межкультурной прагматике, культурным сценариям, а также исследования немецко-кыргызской коммуникации и кыргызского речевого этикета.
Использованы следующие методы.
Теоретико-аналитический метод применялся для выделения основных понятий, сопоставления исследовательских позиций и определения возможностей их использования при изучении межкультурного дискурса.
Сопоставительный метод позволил рассмотреть общие принципы анализа речевых актов и культурно обусловленные особенности коммуникативных норм. Он ориентирован на выявление исследовательских параметров, а не на установление заранее заданных различий между отдельными культурами.
Контекстуально-семантический анализ использовался для определения роли ситуации, фоновых знаний и культурных ассоциаций в интерпретации языкового значения.
Прагматическая интерпретация применялась для рассмотрения коммуникативных намерений, способов выражения просьбы, отказа, благодарности и других речевых действий.
На основе этих методов сформирована трёхуровневая аналитическая модель.
Микроуровень — языковая форма, лексическое значение, грамматическая конструкция и иллокутивная функция высказывания.

Мезоуровень — жанр, тип взаимодействия, отношения между участниками и принятые способы организации речевого обмена.
Макроуровень — социальные нормы, культурные представления, институциональные условия и идеологические рамки коммуникации.
Уровни рассматриваются во взаимосвязи. Например, интерпретация просьбы зависит от её языкового оформления, отношений между собеседниками и условий общения. Ни один из уровней сам по себе не обеспечивает полного объяснения коммуникативного значения.
Ограничение исследования заключается в отсутствии самостоятельного количественного корпуса высказываний и экспериментальной проверки предложенной модели. Поэтому полученные результаты следует понимать как теоретическое обобщение и методологическое обоснование дальнейших исследований.

4. Результаты исследования и их обсуждение

4.1. Культурная обусловленность языкового значения

Анализ теоретических подходов показывает, что значение языковой единицы нельзя полностью объяснить только её словарным определением. В реальном общении смысл формируется с учётом контекста, предыдущего опыта участников и их представлений о ситуации. Эта позиция согласуется с социокогнитивным подходом к дискурсу и исследованиями межкультурной прагматики [1; 6].
Особенно отчётливо данный принцип проявляется при интерпретации культурно значимых понятий. Слова, обозначающие уважение, гостеприимство, ответственность, свободу или справедливость, могут иметь близкие словарные значения, но различаться по ассоциациям, типичным ситуациям употребления и прагматическим последствиям.
Например, форма обращения, выражающая уважение в одной коммуникативной ситуации, может восприниматься как чрезмерно официальная в другой. Аналогично, буквальный перевод формулы благодарности не всегда передаёт степень эмоциональной вовлечённости или социальную функцию оригинала.
При этом культурная обусловленность не означает полной непереводимости значений. Переводчик и исследователь могут выявлять функциональные соответствия, анализируя контекст употребления, участников общения и коммуникативную цель.
Результат анализа: для адекватного описания межкультурного дискурса необходимо объединять лексико-семантический анализ с изучением контекста и прагматической функции. Словарная эквивалентность является важным, но недостаточным условием интерпретации.

4.2. Прагматическая вариативность речевых актов

Теория речевых актов позволяет разграничивать языковую форму высказывания и действие, которое посредством него совершается [2]. В межкультурном общении такое разграничение особенно важно, поскольку одинаковая форма может выполнять разные функции в зависимости от интонации, отношений между собеседниками и коммуникативной ситуации.
Рассмотрим условные примеры:
«Закройте, пожалуйста, окно».
«Не могли бы вы закрыть окно?»
«Здесь немного холодно».
Первое высказывание представляет собой прямую просьбу, второе оформлено как вопрос о возможности совершить действие, а третье может функционировать как косвенная просьба. Однако последнее значение не является обязательным: в зависимости от ситуации фраза может быть простым сообщением о температуре.
Следовательно, прагматическая интерпретация определяется не только конструкцией, но и контекстом. Аналогичный принцип действует при выражении отказа, несогласия, благодарности и извинения.
Вежливость также не может быть сведена к количеству смягчающих слов. В определённых ситуациях прямой ответ воспринимается как проявление ясности и уважения к времени собеседника, тогда как

чрезмерно косвенное высказывание может создавать неопределённость. В других условиях косвенность позволяет уменьшить категоричность и сохранить доброжелательные отношения. Работы П. К. Кадырбековой о немецко-кыргызской коммуникации дают основание рассматривать речевой этикет и формы вежливости как значимые объекты сопоставительного анализа [4]. Теоретические положения П. Брауна и С. Левинсона позволяют дополнительно исследовать связь речевых стратегий с социальными отношениями [7].

Результат анализа: межкультурный прагматический анализ должен учитывать коммуникативную цель, форму высказывания, социальные отношения и контекст. Универсальные классификации речевых актов полезны, но не заменяют анализа конкретного языкового материала.

4.3. Дискурс и конструирование идентичности

Языковое взаимодействие участвует в формировании и выражении социальной идентичности. Выбор обращений, стилистического регистра, языкового кода и способов аргументации может обозначать профессиональную принадлежность, социальную дистанцию, солидарность или стремление подчеркнуть индивидуальную позицию.

В межкультурной коммуникации идентичность не обязательно определяется принадлежностью к одной языковой или национальной группе. Человек может использовать несколько языков, адаптировать речевое поведение к различным аудиториям и сочетать коммуникативные ресурсы разных культур.

Социокогнитивный подход позволяет рассматривать подобные процессы в связи с контекстом и представлениями участников о себе и других [1]. В свою очередь, теория культурных сценариев помогает анализировать, какие представления о допустимом и ожидаемом поведении актуализируются в конкретном высказывании [5].

Однако использование нескольких языков или смешение языковых средств само по себе не доказывает наличие гибридной идентичности. Для такого вывода необходимо изучить контекст, коммуникативную функцию и интерпретацию самими участниками.

Результат анализа: идентичность целесообразно исследовать как динамический аспект дискурсивного взаимодействия. Филологический анализ должен учитывать способы самопрезентации, выбор языковых средств и социальные условия, в которых формируются значения принадлежности.

4.4. Цифровая коммуникация и трансформация дискурса

Цифровая среда расширяет возможности межкультурного общения и изменяет условия интерпретации высказываний. В текстовых сообщениях отсутствуют многие элементы непосредственного взаимодействия, включая интонацию и часть невербальных сигналов. Их функции могут частично компенсироваться пунктуацией, эмодзи, изображениями, форматированием и дополнительными пояснениями.

При этом цифровой дискурс не следует рассматривать как полностью отдельную систему, независимую от традиционной коммуникации. Он сохраняет многие общие прагматические механизмы, но реализует их в условиях ограниченных невербальных сигналов, асинхронности и потенциально широкой аудитории.

Например, краткий ответ «Хорошо» может выражать согласие, формальное подтверждение, недовольство или стремление завершить разговор. Интерпретация зависит от предыдущих сообщений, отношений между собеседниками и особенностей цифрового жанра. Аналогичным образом ирония, шутка или критика могут восприниматься неоднозначно при отсутствии интонации и общей ситуативной информации.

В многоязычной коммуникации дополнительную сложность создаёт различие в ожиданиях относительно степени прямоты, допустимости публичного несогласия и способов выражения эмоционального отношения. Вместе с тем такие различия необходимо устанавливать на основании конкретных данных, а не выводить из предположений о национальных характерах.

Результат анализа: изучение цифрового межкультурного дискурса предполагает сочетание прагматического и контекстуального анализа с исследованием мультимодальных средств. Особое внимание следует уделять связи между языковым оформлением сообщения, цифровым жанром и интерпретацией адресата.

4.5. Интегративная модель анализа межкультурного дискурса

Обобщение рассмотренных подходов позволяет предложить аналитическую модель, объединяющую три взаимосвязанных измерения.

Первое измерение — **семантическое**. Оно охватывает значение языковых единиц, культурные ассоциации и контекстуальные смысловые оттенки.

Второе измерение — **прагматическое**. Оно включает коммуникативную цель, иллокутивную функцию, способы выражения речевых актов и интерпретацию вежливости.

Третье измерение — **социокультурное**. Оно охватывает социальные отношения, культурные ожидания, идентичность участников и институциональные условия коммуникации.

Эти измерения не существуют изолированно. Например, при анализе отказа исследователь определяет языковую форму высказывания, устанавливает его коммуникативную функцию, а затем учитывает отношения между участниками и условия общения. Такой подход позволяет избежать объяснения коммуникативного результата только лексикой или только культурными различиями.

Практическое значение модели состоит в возможности её использования при сопоставлении текстов, анализе диалогов, переводе, изучении речевого этикета и преподавании иностранных языков. Для эмпирической проверки модель необходимо применять к конкретному материалу с заранее определёнными критериями анализа.

Таким образом, основной результат теоретического исследования заключается в обосновании комплексного подхода, который связывает языковую форму, прагматическую функцию и социокультурный контекст в единой системе анализа.

5. Выводы и рекомендации

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, межкультурный дискурс следует рассматривать как форму языкового взаимодействия, в которой смысл формируется во взаимосвязи языковых средств, коммуникативных намерений и контекстуальных условий. Социокогнитивный подход позволяет учитывать роль знаний и представлений участников в интерпретации высказываний.

Во-вторых, прагматическая интерпретация не сводится к грамматической форме предложения. Просьбы, отказы, благодарности и другие речевые акты необходимо анализировать с учётом их коммуникативной функции, отношений между участниками и конкретной ситуации общения.

В-третьих, культурные нормы влияют на способы выражения вежливости и организации взаимодействия, однако не определяют поведение каждого носителя языка однозначно. Культурные модели следует использовать как исследовательские инструменты, сопоставляя их с реальными языковыми данными.

В-четвёртых, идентичность может выражаться и изменяться в процессе дискурсивного взаимодействия. Её анализ предполагает внимание к выбору языковых средств, стилистическим стратегиям и социальным условиям коммуникации.

В-пятых, цифровые платформы создают дополнительные условия для межкультурной интерпретации. Асинхронность, ограниченность невербальных сигналов и мультимодальность сообщений требуют расширения традиционных методов дискурс-анализа.

В-шестых, исследования кыргызско-иностранной коммуникации имеют значение для проверки общетеоретических положений на материале конкретных языков. Сопоставление кыргызского с немецким и английским языками может способствовать более точному описанию речевого этикета, коммуникативных стратегий и контекстуальных значений.

На основании полученных выводов предлагаются следующие рекомендации:

При анализе межкультурного дискурса объединять семантический, прагматический и социокультурный подходы.
При исследовании речевых актов учитывать не только языковую форму, но и коммуникативную ситуацию, отношения между участниками и ожидаемый результат общения.
При переводе культурно маркированных выражений проверять не только словарное соответствие, но и прагматическую функцию оригинала.
Развивать сопоставительные исследования кыргызского и иностранных языков на материале реальных диалогов, текстов и цифровых коммуникаций.
При использовании моделей культурных различий избегать обобщений, которые не подтверждены конкретным материалом.
В преподавании иностранных языков уделять внимание интерпретации речевых намерений, стратегиям вежливости и предупреждению межкультурных недоразумений.
Перспективы дальнейших исследований связаны с формированием сопоставимого корпуса кыргызских, немецких и английских диалогов, анализом просьб и отказов в различных коммуникативных ситуациях, а также изучением прагматических особенностей цифровой коммуникации. Эмпирическая проверка предложенной модели позволит уточнить её объяснительные возможности и определить условия применения в филологических исследованиях.

6. Библиографический список

Van Dijk T. A. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511481499.
Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
Hall E. T. *Beyond Culture*. — New York : Anchor Press/Doubleday, 1976.
Kadyrbekova P. *Verbale Aspekte deutsch-kirgisischer interkultureller Kommunikation*. — Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Warszawa ; Wien : Peter Lang, 2021. — 258 S. — DOI: https://doi.org/10.3726/b17333.
Wierzbicka A. Cultural Scripts and Intercultural Communication // *Pragmatics across Languages and Cultures* / ed. by A. Trosborg. — Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2010. — P. 43–78. — DOI: https://doi.org/10.1515/9783110214444.1.43.
Kecskes I. *Intercultural Pragmatics*. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199892655.001.0001.
Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
Машиева Р. К., Мамытова Г. З. Этнопрагмалингвистическая специфика этикетных форм речевого поведения (на материале кыргызской лингвокультуры) // *Русский язык: традиции и инновации в изучении и преподавании* : материалы международной научно-практической конференции. — 2025. — С. 281–287. — DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.18072132.
Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. — 2nd ed. — Thousand Oaks : Sage Publications, 2001.

Рецензент: к. пед. н., доцент Бийназарова Н. С.

УДК 811: 81.255

Идаева А.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ph.D. Идаева А.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Ph.D. Idaeva A.B.
KNU named after Jusup Balasagyn

АНГЛИС ЖАНА КЫРГЫЗ ТИЛДЕРИНДЕГИ КЕПТИК АГРЕССИЯ ЖАНА АНЫ КОТОРУУНУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ
ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ И ЕЁ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ
VERBAL AGGRESSION AND ITS TRANSLATIONAL ASPECTS IN ENGLISH AND KYRGYZ LANGUAGES

Кыскача мүнөздөмө: Изилдөө вербалдык агрессиянын лингвистикалык өзгөчөлүктөрүн жана анын котормо аспектилерин талдоого арналган. Иштин актуалдуулугу заманбап коммуникацияда агрессивдүү сүйлөөнүн кеңири таралышы менен шартталат. Макалада «вербалдык агрессия» түшүнүгүнүн концептуалдык табияты жана семантикалык негизи каралып, бул маселеге байланыштуу түрдүү илимий тармактардагы көз караштар талдалат. Өзгөчө аталган терминдин ар түрдүү илимий чөйрөлөрдөгү аныктамасына басым жасалып, маанисине карай тармактар аралык кубулуш катары түшүндүрүлөт. Мындан тышкары, анализ англис жана кыргыз тилдериндеги вербалдык агрессияны чагылдырган идиомаларга, фразеологиялык бирдиктерге жана туруктуу сөз айкаштарына багытталган. Салыштырма ыкманын негизинде бул бирдиктердин структуралык, семантикалык жана прагматикалык өзгөчөлүктөрү, ошондой эле аларды которууда жаралган кыйынчылыктар изилденет. Өзгөчө маданий өзгөчөлүктөрдү, коммуникативдик ниетти жана функционалдык эквиваленттүүлүк принцибин эске алуу менен мындай бирдиктерди тил аралык контекстте натыйжалуу түрдө которуу стратегиялары эске алынат.

Негизги сөздөр: вербалдык агрессия, кептик агрессия, каргыштар, кемсинтүүлөр, тыюу салынган сөздөр, котормо, эквиваленттер.

Аннотация: Настоящее исследование посвящено изучению лингвистической реализации вербальной агрессии и её переводческих аспектов. Актуальность работы обусловлена широким распространением агрессивной речи в современной коммуникации. В статье рассматриваются концептуальная природа и семантический объём понятия «вербальная агрессия», а также обобщаются и синтезируются научные подходы к данной проблеме в рамках различных дисциплин. Особое внимание уделяется определению термина «вербальная агрессия» в разных областях научного знания, где он интерпретируется как междисциплинарное явление. Кроме того, анализ сосредоточен на идиомах, фразеологических единицах и устойчивых выражениях, репрезентирующих вербальную агрессию в английском и кыргызском языках. В рамках сравнительного подхода исследуются их структурные, семантические и прагматические характеристики, а также трудности, возникающие при их переводе. Особый акцент ставится на выявлении эффективных стратегий передачи подобных единиц в межъязыковом контексте с учётом культурной специфики, коммуникативного намерения и принципа функциональной эквивалентности.

Ключевые слова: вербальная агрессия, речевая агрессия, ругательства, оскорбления, слова-табу, перевод, эквиваленты.

Abstract: The present study examines the linguistic realization of verbal aggression and its implications for translation. The relevance of the research is implicated by the pervasive occurrence of aggressive speech in contemporary communication. The paper investigates the conceptual nature and semantic scope of verbal aggression, incorporating and synthesizing scholarly perspectives on the issue across disciplines. Particular attention is paid to the definition of the term “verbal aggression” within various fields of inquiry, where it is approached as an inherently interdisciplinary phenomenon. Furthermore, the analysis focuses on idioms, phraseological units, and set expressions that encode verbal aggression in English and Kyrgyz languages. Through a comparative analysis, the study explores the structural, semantic, and pragmatic characteristics of

these units, as well as the challenges they pose for translation. Special emphasis is placed on identifying effective strategies for rendering such expressions in cross-linguistic contexts, taking into account cultural specificity, communicative intent, and functional equivalence.

Keywords: verbal aggression, speech aggression, curses, insults, taboo words, translation, equivalents.

Interpersonal communication through language is one of the most essential aspects that form the core of social life. Every word, phrase, or expression carries meaning not only through its content but also through the intonation, context, and emotional tone in which it is used. In particular, sentences or idioms that express aggression are important linguistic elements that reflect a person's inner world, emotional state, sorrow, frustration, or anger. For this reason, the issue of verbal aggression holds a special place in linguistics, psychology, and communication theory.

Verbal aggression is the expression of a person's anger, dissatisfaction, or hostility through language. It can appear in the form of threats, insults, mockery, scolding, sarcasm, and other verbal acts. Verbal aggression often stems from stereotypes, cultural limitations, and societal values, and it is expressed through forms unique to each language.

According to the Macmillan Dictionary (an online English language dictionary), 'aggression' refers to an angry feeling that incites a desire to attack or defeat someone else. It can also refer to a situation in which one country attacks another or when someone physically attacks another person [4]. In modern linguistics, a number of terms are in use to refer to the phenomenon: speech aggression but also language of aggression, verbal aggression, communicative aggression, language of violence, language of hesitation, as well as discourse of verbal extremism. The psychological dictionary defines verbal aggression as follows: 'Verbal aggression is a form of verbal behavior in which negative emotions are expressed through intonation and other non-verbal components of speech, along with the threatening content of the statement' [8]. The stylistic dictionary provides the following definition: 'Speech aggression - the use of language to express hostility and to hurt someone's pride and dignity through one's manner of speech' [10]. According to Enina L., 'verbal aggression is the sphere of speech behavior that is determined by the speaker's aggressive state [9]. Aggressive state, as a psychological phenomenon, is reflected in the choice of language and speech tools when verbal aggression is explicitly expressed. It is viewed as a purposeful and meaningful speech behavior where the speaker chooses specific tactics and linguistic tools to induce a negative emotional state in the target [7].

The emergence and development of verbal aggression are primarily dependent on social conditions and psychological factors. General social instability and the steady increase in antisocial behavior, particularly among adolescents, cultivate environments where speech aggression becomes a "code" of behavior. The propaganda of violence in the media, including aggressive music, computer games, and "action" cinema, provides models for destructive speech behavior [1].

Cognitive psychology identifies four primary reasons for choosing aggressive behavior: failure, social learning, psychological trauma, lack of conversational skills. It should be noted that all these factors are interrelated. When individuals fail to achieve goals, their balance is upset, leading to violent verbal reactions [1]. Social learning is related to children and adults, who learn to communicate using violent language if they live in environments where it is common. While psychological trauma derives from unresolved psychological issues or pathologies can trigger aggression. And the last is lack of conversational skills, which means that violence is often a resort for those unable to clearly express their requests or needs [2].

The general classification of verbal aggression, utilizes three scales: physical/verbal, active/passive, and direct/indirect. Active direct aggression implies immediate threats, insults, or humiliation aimed at a person or group. Active indirect aggression involves the dissemination of false information, slander, and "behind the back" gossip. Passive direct aggression is characterized by a refusal to engage in dialogue or

interaction, effectively ignoring the interlocutor to express a negative attitude. Passive indirect aggression is a refusal to provide specific verbal explanations when requested [6].

Another significant issue to highlight is the evolution and new types of verbal aggression on social media. The digital age has transformed verbal aggression through the anonymity and deindividuation inherent in online platforms, leading to lower self-control and reduced empathy for victims [5].

Cyberbullying and trolling are the most common ways of expressing verbal aggression online. These represent evolved forms of hidden, often anonymous aggression that utilize technology to harass individuals. Hate speech is regarded as a rhetoric, which is meant to dehumanize others based on gender, religion, or ethnicity [6].

Political disengagement is also one of the types of expressing verbal aggression on social media. On platforms like Instagram, verbal aggression between opposing political parties - characterized by character and competence attacks - has been shown to increase cynicism, distrust, and apathy among young voters [3].

While traditional theories of verbal aggression often define it as an interpersonal communicative strategy aimed at inflicting psychological pain through insults, threats, or character attacks, its practical manifestation is heavily influenced by cultural and linguistic contexts. This study bridges these theoretical foundations with empirical evidence by comparing verbal aggression in English and Kyrgyz languages through praseolocial and idiomatic units.

There are about 90 profanities in English which are considered inappropriate to be spoken out even in a daily conversation. In the United States' recorded programs, the performers who used profanities would be censored with beep sounds. The English profanities commonly refer to taboo words, which cause these profanities are banned during the television performances of live shows, even in formal occasions. The profanities are in its synonyms with the swear words or curse words Therefore, taboo words and curses were not included in this study. Idioms and phrases expressing aggression were analyzed instead and they were provided with their semantics and translations in the following paragraphs.

"Nurse a Grudge Against Someone" is an idiomatic phrase means to hold onto anger or resentment toward someone for a long period of time, not letting go of negative feelings. It can be translated into Kyrgyz by a similar phraseological expression "кек сактоо", since both of them convey the idea of holding negative feelings toward someone.

"Dish It Out" means to freely dispense criticism, abuse, or punishment, often without considering the recipient's feelings. It is frequently used in the context of someone being willing to criticize others, but not take it themselves. In Kyrgyz it might sound like "сөгүш айтуу, катуу мамиле жасоо".

Another idiomatic phrase "Have a Bone to Pick" means to have something to argue about with someone, which means that the person is angry or having a grievance, complaint, or issue with someone that you want to discuss or argue about. It signifies an intention to confront a person regarding an annoying action or an unresolved, unpleasant matter. It is often used informally when bringing up a previously avoided topic. It can be translated into Kyrgyz as "нааразы болуу" or "нааразычылык билдирүү".

"Burned up" is a phrasal verb with several distinct meanings, usually referring to intense heat, destruction, or anger. "Өрттөнүп кетүү" is a word for word translation into Kyrgyz, which also sometimes might express inner destruction caused by anger.

The next idiom is "Bear with a sore head" and it means the person is in a bad mood and gets annoyed over little things and describes someone who is very irritable, grumpy, or bad-tempered, especially for no clear reason. There is a phrase in Kyrgyz, semantically close and which says: "Жини/ачуусу мурдунун учунда".

"Rage-quit" means quitting out of frustration or anger and shows how people are so angry about something that they quit. While "Blow off steam or Let off stream" expresses someone discharging anger without hurting anyone or anything. It means to release pent-up emotions, frustration, or anger, often by talking, venting, or engaging in an activity to calm down. In Kyrgyz it is said: "Ачуусун чыгаруу".

"Scratch someone's eyes out" is an idiom describing extreme anger, aggression, or a threat to attack someone fiercely, often associated with a stereotypical "catfight" scenario. It implies a vicious, close-quarters

physical assault. It might be translated into Kyrgyz like “көзүн чукуу”, which means to point out someone's shortcomings or mistakes, to ridicule, to embarrass, or to say or do things that anger someone.

When people are mad at someone or annoyed, and they want to leave their immediate area. They say, "Go Fly a Kite! Quit bothering me!" The idiom is slang and dates around the 1900s. The phrase “Go fly a kite” in English is a rude or dismissive expression that means to tell someone to go away or stop bothering you. There are some several expressions in Kyrgyz, which are similar in meaning like “Жогол!”, “Жиниме тийбе”, “Барчы”, “Ары тур” etc. “Get Off My Back!” can be considered as a synonymous expression which means annoyance with someone telling the person what to do or criticizing, when the person wants to be left alone. In informal situations it is usually common to say in Kygryz “Башымды жей бербе!”, “Бар кет!”.

Kyrgyz language is rich for phrases used at the moment of anger, scolding or even curses. For instance, “башын жутсун”, “кан кускур”, “үйүң күйгүр”, “өлүгүңдү көрөйүн”, “кудай алгыр”, “эсиңе жара чыккыр”, “өл”, “жерге кир”, “мойнуң үзүлгүр” etc.

The Kyrgyz phrase “Башын жутсун” is a strong curse or expression of anger, often said when someone is very upset or wishing misfortune on someone. In English it is similar to saying: “Go to hell!”, “Damn them!”, “May they suffer!”.

The Kyrgyz phrase “Кан кускур” literally means “Die.” It’s a very strong curse used to express intense anger, hatred, or a deep wish for someone to suffer. It’s definitely not something said casually, but more like an emotional outburst during serious conflict. English equivalents (in tone and meaning) might be: “Curse you!”, “Go to hell!”, “May you suffer!”, Or even “Drop dead!”, though this is also extreme.

In Kyrgyz there is a phrase “Үйүң күйгүр” which literally means “May your house burn down.” It’s a serious curse, expressing extreme anger or hatred, basically wishing total misfortune on someone and their home. This kind of phrase is highly emotional and usually said in moments of intense rage. English equivalents in tone and meaning could be: “May everything you have burn!”, “Burn in hell!”, “May disaster strike your home!”. Again, these are emotionally loaded phrases and not meant for light or casual use, just like in Kyrgyz.

There are many variations of curses regarding death in Kyrgyz, which express deep hatred and wishing death upon someone. For instance “Өлүгүңдү көрөйүн” is an extremely harsh curse, expressing deep hatred, essentially wishing death upon someone. It’s one of the strongest insults in Kyrgyz, used only in situations of extreme anger or conflict. English equivalents in tone (not literal meaning) might include: “I hope you die!”, “Drop dead!”, “I’d rather see you dead!”, “To hell with you!” (softer but still angry). These reflect the emotional intensity, though none match the exact cultural and verbal impact of the Kyrgyz phrase. “Кудай алгыр” is a synonymous curse which literally means “May you die”, wishing that God would take the person away. It’s less direct than “Өлүгүңдү көрөйүн” but still very negative and emotionally charged. English equivalents in tone and meaning might include: “God damn you!”, “May God strike you down!”, “I hope you die!”. The Kyrgyz phrase “Жерге кир” might be positioned as synonymous curses for the latter.

The Kyrgyz phrase “Эсиңе жара чыккыр” is a a curse wishing mental suffering or confusion on someone - implying that their thoughts become troubled, confused, or tormented. It’s not as extreme as wishing death, but it’s still a strong negative expression. English translation in tone and meaning might be: “May you lose your mind!”, “May your mind rot!”, “Go mad!”, “Hope you go crazy!” It’s often said in frustration or resentment, wishing psychological distress rather than physical harm. “Мойнуң үзүлгүр” is also a curse expressing a physical harm and literally means “May your neck break”. It’s definitely not something to say lightly, but very emotionally charged and offensive in serious conflicts.

A scolding is a word spoken with the intent to cast a curse on someone. In the epic “Manas,” among the ritual and everyday songs, curses appear frequently. Similar to praise, they are used for wishes and blessings. However, in contrast to praise, they are used with the purpose of malice, to harm, or to bring misfortune to someone, with the magical power of words being utilized to achieve this purpose. For instance: жел таман, арам, көсөл, албарсты, кашкулак, желмогуз, кузгун, куубаш, бейбаш, ажыкыз, иттин баласы, шүмшүк, селсаяк, акмак, бозбаш, айбан, салпаяк, сөрөй, келжир, келесоо, мыкаачы; etc.

The Kyrgyz words “албарсты”, “желмогуз” express mysterious creatures with superpower, mostly negative, and are mostly used towards women. These words are perceived as an insult. English translation of “албарсты” and “желмогуз” might be “a witch”. Additionally, the word “арам” is translated as “evil,” “wicked,” or “immoral” in English. It’s used to describe something or someone who is morally wrong, dishonest, or harmful. Equivalents in English include: “Evil”, “Wicked”, “Vile”, “Immoral”. It’s a strong word that carries a moral judgment about someone’s character or actions.

Insulting words in Kyrgyz language are used to describe words that are aimed at criticizing or belittling someone, attacking their dignity or honor. These words are meant to demean a person, lowering their respect and value, and are harsh and negative in nature.

There are insults regarding animals or creatures, where people are compared with animals like кузгун, куубаш, иттин баласы etc. Literal meaning of the word “кузгун” is a “crow” in English. It refers to the bird “crow”, known for its black feathers and intelligence. In some contexts, “кузгун” can also be used metaphorically to describe a person as dark, gloomy, or unpleasant, similar to how “crow” might symbolize bad luck in some cultures. A word “куубаш” can be used literally to describe the animal “fox”. However, it can also be used metaphorically to describe someone as cunning, sly, or deceptive, similar to the way “fox” is used in English to describe someone who is clever in a tricky or sneaky way. Depending on the context, it could be used either neutrally or negatively. While “иттин баласы” is a term used to insult someone, implying that the person is worthless or of low character, often similar to calling someone a “bastard” or “scoundrel” in English. It’s a very offensive phrase and is often used in anger. Another word “айбан” can be referred to this category, because it is often used in a derogatory sense to describe someone who behaves in a cruel, barbaric, or primitive manner, as if lacking human qualities or compassion. Its literal meaning in English is “An animal”

Another category of verbal aggression in Kyrgyz language can be related to behavioral peculiarities such as “бейбаш”, “шүмшүк”, “селсаяк”, “акмак” etc. The word “бейбаш” means “a troublemaker” in English. It is typically used to describe someone who doesn’t follow rules or behaves irresponsibly, and can have a negative connotation depending on context. Another word “шүмшүк” is a negative word used to describe a person who is deceitful, cunning, sly, a mocker or a despised person, with unpleasant behavior. There are no direct figurative equivalents in English, but in some contexts, it could be used to describe someone as “villain”, “brat” or “bastard”. Additionally, “селсаяк” can refer to someone who is seen as restless, jobless, homeless, aimless or unsettled. The phrase “Жел таман” also means “restless wanderer” or “drifter.” It’s used to describe someone who doesn’t stay in one place or is unreliable. An excellent equivalent in English could be “rolling stone”. There is one more word from this category: “Көсөл” and it is translated as “lazy”. It carries a negative connotation, often used to criticize someone who avoids work or effort.

The next category of aggressive phrases in Kyrgyz are related to mental skills of a person and mostly emphasize the lack of knowledge, education or erudition. For example, the word “акмак” means “fool” or “idiot” in English. It is used to describe someone who is perceived as stupid, ignorant, or lacking in common sense. Equally the words “келжир” and “келесоо” are close in meaning. It’s a derogatory term, often used to insult someone’s intelligence or decision-making. English equivalents include: “Fool”, “Idiot”, “Moron” etc.

Insults regarding religious notions include words and phrases like кудай урсун, күн менен кошо батайын, баламдын боорун жейин, этегим эки болбосун, ант урсун, нан урсун, туз урсун, баламдын күнүн көрбөйүн etc. Generally speaking, they all imply a desire for divine retribution or punishment. These are strong curses or expressions of frustration used when someone is angry or upset with another person. English equivalents might include: “God damn you!”, “May God punish you”, “God strike you down”.

In summary, it is essential to recognize that each culture possesses distinct mechanisms for articulating aggression. Although the use of swear words appears to be a universal phenomenon, their specific forms, functions, and communicative purposes vary considerably across cultural contexts. Every linguistic community maintains its own repertoire of taboo expressions, which often reflect deeper societal

norms, belief systems, and value structures. For instance, in English-speaking societies, profanity commonly draws upon references to bodily functions, sexuality, and religion. In contrast, in languages such as Mandarin Chinese, offensive expressions are more likely to target family relations and ancestral lineage.

This cultural embeddedness renders the translation of profanity particularly complex, as it demands not only linguistic competence but also a high degree of cultural awareness. Translators must interpret and transfer layers of meaning, emotional intensity, and sociocultural implications to reproduce the intended pragmatic effect in the target language. Moreover, the study of swearing extends to phonetic features, since sound patterns may enhance the perceived force of taboo expressions.

Verbal aggression hinders effective communication by preventing the full exchange of information and making interaction strategies impossible. Whether in the school environment, professional subcultures, or social media, it serves as a tool for asserting power and dominance. Understanding these linguistic mechanisms is essential for ensuring communicative security and fostering more respectful discourse in the digital age. Moreover, all above mentioned idioms and phraseological units represent a form of verbal aggression in language. They allow a person to express dissatisfaction, anger, or opposition toward others. Thus, when translating them, it is crucial to consider not only linguistic but also psychological and cultural aspects. Consequently, translators are frequently required to choose between literal fidelity and cultural equivalence, depending on contextual factors. In creative domains such as literature and film, adaptive strategies are often preferred to preserve expressive impact and ensure resonance with the target audience.

References:

1. Abdisalam kyzy A, Abdimusa kyzy A, Akim kyzy Zh (2024) The Causes of Verbal Aggression and Ways to Overcome It // Bulletin of Science and Practice T. 10. №4. 2024 https://doi.org/10.33619/2414-2948/101
2. Garaeva L. M., Nurieva G. R. (2020) Verbal Aggression of Interprofessional Communication: On the Material of Russian and English Languages //International Journal of Society, Culture & Language, 8(3), 2020, ISSN:2329-2210. Pages: 28-36
3. Luthfiyah Qurratuain, Irfan Aulia Syaiful, Ahmad Naufalul Umam (2023). Verbal Aggression on Social Media Instagram and Political Disengagement on Voters in Indonesia // Biopsikososial Vol. 7 No. 1 April 2023, ISSN 2599 – 0470. Pages: 766-777
4. Macmillan English dictionary: https://www.macmillanenglish.com/us/dictionary
5. Nikolaeva T. Y. (2024) Verbal aggression towards women in English-language online discourse // Philology. Theory & Practice. 2024. Volume 17. Issue 10. Pages: 3785-3793
6. Tavdgiridze K. (2023) The Verbal Aggression as a Linguistic Phenomenon and the Ways of its Expression in Social-Political Discourses // TELEMATIQUE ISSN: 1856-4194 Volume 22 (1), 2023, pages: 1890-1896
7. Бгуашева Д.А. Сарказм как форма скрытой вербальной агрессии // Гуманитарные и со циальные науки. 2025. Т. 112. № 5. С. 112-118. doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-112-118
8. Боловин, Ю. С. (2005). Словарь психолога-практика / сост. Боловин С.Ю. Мн., 2005
9. Енина Л. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в политкультурном обществе : толерантность и мультикультуризм как ориентиры профессионального поведегния : (материалы исслед. и науч.-практ. конф.). – М., 2002
10. Кожина, М. (2003). Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003. С. 340.

УДК: 37.091.3:811.111

Кадыралиева Д.Ж.
Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети
Касмалиева С. С.
Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясы
Кадыралиева Д.Ж.
КНУ им Ж.Баласагына
Касмалиева С.С.
НАН КР.
Kadyralieva D. Zh.
Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn.
Kasmaliyeva S. S.
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

БИЛИНГВИЗМ ЖАНА ТААНЫП-БИЛҮҮ
БИЛИНГВИЗМ И КОГНИЦИЯ
BILINGUALISM AND COGNITION

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада эки тилдүүлүк эки тил системасынын, адамдын жеке өзгөчөлүктөрүнүн жана социалдык чөйрөнүн өз ара аракеттенүүсүндө калыптанган татаал тилдик жана когнитивдик көрүнүш катары каралат. Кош тилдүүлүк түшүнүгүнө берилген негизги аныктамалар жалпыланып, анын түрлөрү, ошондой эле эки тилди өздөштүрүүдө жана колдонууда эс тутумдун, көңүл буруунун, тилдик жөндөмдөрдүн жана баарлашуу тажрыйбасынын ролу талданат. Тилдердин ортосунда которулуу, тилдерди ар кандай деңгээлде билүү, үй-бүлөнүн жана билим берүү чөйрөсүнүн таасири өзүнчө каралат. Эки тилдүүлүк бардык тилдик көндүмдөрдүн бирдей деңгээлин билдирбестиги жана когнитивдик артыкчылыкты сөзсүз камсыз кылбастыгы белгиленет. Анын өнүгүшү тилди колдонуу жыштыгына, баарлашуунун максатына, окутуунун сапатына жана социалдык шарттарга байланыштуу. Эки тилдүүлүктү лингвистикалык, психолингвистикалык, психологиялык жана педагогикалык өңүттөрдү бириктирген комплекстүү ыкма менен изилдөө зарылдыгы жөнүндө жыйынтык чыгарылат.

Аннотация: В статье билингвизм рассматривается как сложное языковое и когнитивное явление, формирующееся в процессе взаимодействия двух языковых систем, индивидуальных особенностей человека и социальной среды. Обобщаются основные подходы к определению двуязычия, характеризуются его разновидности, а также анализируется роль памяти, внимания, языковых способностей и речевого опыта в освоении и использовании двух языков. Отдельное внимание уделяется переключению языковых кодов, неравномерности владения языками, влиянию семьи и образовательной среды на развитие билингвальной компетенции. Подчёркивается, что билингвизм не предполагает обязательного равенства языков во всех видах речевой деятельности и не гарантирует универсального когнитивного преимущества. Его развитие зависит от интенсивности языковой практики, целей общения, качества обучения и общественных условий. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к изучению двуязычия, объединяющего лингвистические, психолингвистические, психологические и педагогические аспекты.

Abstract: The article examines bilingualism as a complex linguistic and cognitive phenomenon shaped by the interaction of two language systems, individual characteristics, and the social environment. It outlines major approaches to defining bilingualism and describes its principal types. Particular attention is

paid to memory, attention, language aptitude, and communicative experience in the acquisition and use of two languages. The article also discusses language switching, differences in proficiency across languages and skills, and the role of family and educational contexts in developing bilingual competence. It argues that bilingualism does not require equal proficiency in every language skill and does not guarantee a universal cognitive advantage. Its development depends on the intensity of language use, communicative goals, educational quality, and social conditions. The article concludes that bilingualism should be studied through an integrated approach combining linguistic, psycholinguistic, psychological, and pedagogical perspectives.

Негизги сөздөр: эки тилдүүлүк, билингвизм, когниция, психолингвистика, тилдик жөндөмдөр, эс тутум, көңүл буруу, тилдердин алмашуусу, тилдик чөйрө, маданияттар аралык коммуникация.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, когниция, психолингвистика, языковые способности, память, внимание, переключение языков, языковая среда, межкультурная коммуникация.

Keywords: bilingualism, cognition, psycholinguistics, language aptitude, memory, attention, language switching, language environment, intercultural communication.

Введение

В условиях глобализации, миграции, расширения образовательных контактов и развития цифровой коммуникации владение несколькими языками становится важным ресурсом социальной и профессиональной деятельности. Люди используют разные языки в семье, учебном заведении, на работе и в общении с представителями других культур. В результате билингвизм следует рассматривать не как редкое исключение, а как распространённую форму языкового опыта, которая может возникать естественным путём или развиваться в ходе целенаправленного обучения.

Актуальность изучения билингвизма обусловлена тем, что двуязычие затрагивает не только языковую компетенцию, но и процессы восприятия, хранения и обработки информации. При использовании двух языков человек соотносит речевые формы с контекстом, выбирает средства выражения, учитывает особенности собеседника и при необходимости переключается между языковыми системами. Эти процессы представляют интерес для лингвистики, психолингвистики, когнитивной психологии и методики преподавания иностранных языков.

Цель статьи — обобщить теоретические представления о билингвизме и рассмотреть взаимосвязь двуязычия с когнитивными процессами, индивидуальными языковыми способностями и условиями формирования языковой компетенции. Для достижения цели поставлены следующие задачи: уточнить содержание понятия «билингвизм»; охарактеризовать основные типы двуязычия; рассмотреть роль памяти, внимания и языковой восприимчивости; проанализировать влияние семьи, общества и образовательной среды; определить педагогические условия поддержки билингвальных учащихся.

Методологическую основу работы составляют анализ и обобщение научных подходов к двуязычию, сопоставление определений, классификация разновидностей билингвизма и теоретическая интерпретация когнитивных и социально-педагогических факторов. Статья носит теоретический характер; собственные экспериментальные данные в ней не представлены.

1. Понятие билингвизма и основные подходы к его изучению

В научной литературе билингвизм обычно определяется как владение и использование двух языков одним человеком или языковым сообществом. Однако содержание этого понятия зависит от исследовательской задачи. В одних случаях акцент делается на практическом употреблении языков, в других — на уровне сформированности речевых навыков, условиях усвоения второго языка или особенностях взаимодействия языковых систем в сознании человека. Поэтому билингвизм нельзя сводить к единственному критерию, например к одинаковому уровню владения двумя языками.

У. Вайнрайх связывал билингвизм с практикой попеременного использования двух языков [1, с. 25]. Такой подход позволяет сосредоточиться на реальном речевом поведении: важно не только

знать языковые формы, но и применять их для общения. А. Д. Швейцер рассматривал двуязычие в контексте социальной организации языков и их функционирования в обществе [2, с.176]. Это подчёркивает, что языковая компетенция развивается не изолированно: выбор языка часто определяется социальными ролями, коммуникативной ситуацией и распространённостью конкретного языка в определённой сфере.

Е. М. Верещагин обращал внимание на психолингвистическую сторону двуязычия, связывая его с механизмами порождения и понимания высказываний, принадлежащих разным языковым системам [3, с. 176]. В рамках такого подхода важно исследовать, как человек усваивает языковые единицы, связывает их со значениями и использует в речевой деятельности. Л. В. Щерба, рассматривая языковую систему во взаимосвязи с речевой деятельностью, создаёт теоретическую основу для анализа того, как языковые знания проявляются в конкретном употреблении [4, с.432].

Следует различать билингвальную компетенцию и сбалансированное двуязычие. Первый термин обозначает способность пользоваться двумя языками в определённых ситуациях, тогда как второй обычно предполагает относительно сопоставимый уровень владения ими. На практике языковые навыки часто распределяются неравномерно. Например, человек может свободно разговаривать на одном языке в бытовой среде, но лучше читать профессиональную литературу на другом. Такое распределение не отменяет билингвизма, а отражает связь языка с конкретными сферами деятельности.

При описании двуязычия учитывают также способ формирования языков. Естественный билингвизм развивается в условиях непосредственного общения, например в многоязычной семье или сообществе. Искусственный, или учебный, билингвизм формируется преимущественно благодаря систематическому обучению. На практике эти формы могут сочетаться: язык, первоначально освоенный в классе, постепенно становится средством повседневного общения, если у человека появляются реальные возможности его использовать.

2. Разновидности билингвизма

Классификация билингвизма зависит от критериев, выбранных исследователем. По условиям формирования выделяют естественное и учебное двуязычие; по степени владения языками — сбалансированное и доминантное; по характеру речевой деятельности — рецептивное, репродуктивное и продуктивное. Эти классификации не исключают друг друга: один и тот же человек может, например, быть естественным билингвом с доминированием одного языка и более развитыми навыками понимания, чем самостоятельного говорения.

Рецептивный билингвизм характеризуется способностью понимать речь на втором языке, даже если активное использование этого языка ограничено. Репродуктивные умения проявляются в воспроизведении усвоенных слов, выражений и моделей. Продуктивное владение предполагает самостоятельное создание высказываний с учётом ситуации общения. На практике эти компоненты развиваются неодновременно: учащийся может хорошо понимать текст, но испытывать затруднения при спонтанном ответе.

Различают также координативный и субординативный типы двуязычия. В упрощённом описании координативный билингвизм предполагает относительную самостоятельность языковых систем, а при субординативном использовании второго языка его единицы могут в большей степени соотноситься с системой первого языка. Эти термины отражают теоретические модели организации языкового опыта, однако реальное языковое сознание сложнее жёсткого разделения на два типа. Степень взаимодействия языков может меняться в зависимости от опыта, задачи и уровня владения.

Ещё один важный параметр — возраст и условия начала освоения второго языка. Раннее знакомство с двумя языками может происходить одновременно, если ребёнок регулярно слышит их с первых лет жизни. Последовательное двуязычие развивается, когда второй язык начинает активно усваиваться после того, как основы первого уже сформировались. Ни один из вариантов сам по себе не гарантирует конкретного результата: важны качество языкового взаимодействия, регулярность практики, эмоциональная поддержка и доступ к содержательному общению.

3. Когнитивные процессы в билингвальной деятельности

Когниция охватывает процессы восприятия, внимания, памяти, мышления и принятия решений. В двуязычной деятельности эти процессы обеспечивают распознавание речевых сигналов, установление значений, выбор слов и построение высказываний. При понимании речи человек выделяет звуковые и грамматические признаки, соотносит их с известными языковыми моделями и интерпретирует сообщение в контексте. При говорении он планирует содержание, выбирает языковые средства и контролирует результат.

Рабочая память помогает временно удерживать части сообщения, пока устанавливаются связи между ними. Это особенно важно при восприятии длинных предложений, понимании инструкций и формулировании сложных ответов. При освоении второго языка ограниченность словарного запаса может увеличивать когнитивную нагрузку: учащемуся приходится одновременно искать нужное слово, вспоминать грамматическую форму и следить за ходом разговора. С практикой отдельные операции становятся более привычными, благодаря чему больше внимания можно уделять содержанию сообщения.

Важную роль играет внимание, позволяющее выделять значимые элементы речи и не отвлекаться на нерелевантные стимулы. При общении на двух языках человек учитывает, какой язык уместен в данной ситуации, какие слова понятны собеседнику и какие выражения соответствуют нормам общения. При этом переключение между языками может быть как осознанным, так и привычным. Оно часто обусловлено сменой адресата или темы, а также отсутствием точного эквивалента, эмоциональной окраской слова или стремлением подчеркнуть определённую мысль.

При обсуждении когнитивных эффектов билингвизма необходимо избегать чрезмерных обобщений. Сам факт владения двумя языками не означает автоматического превосходства человека над монолингвами в памяти, математике или исполнительных функциях. Результаты исследований могут различаться в зависимости от возраста, образования, социального положения, языковой практики и используемых тестов. Поэтому обоснованнее говорить о специфическом опыте обработки языковой информации, который может развивать определённые стратегии, но не обеспечивает одинакового преимущества во всех когнитивных задачах.

4. Языковые способности и индивидуальные различия

Люди отличаются по темпу и способам освоения языков. Одни легче запоминают новые слова, другие быстрее замечают грамматические закономерности, третьи обладают хорошей слуховой дифференциацией или увереннее используют язык в спонтанном общении. Языковые способности включают несколько взаимосвязанных компонентов: фонетическое кодирование, грамматическую чувствительность, ассоциативное запоминание и способность выявлять закономерности в языковом материале.

Фонетическое кодирование связано с восприятием и сохранением звуковой формы слова. Оно помогает различать близкие звуки, запоминать последовательности и воспроизводить их при говорении. Грамматическая чувствительность проявляется в способности замечать отношения между словами и определять их функции в предложении. Ассоциативное запоминание помогает связывать форму слова с его значением, а индуктивные способности — выводить общие правила на основе ряда примеров. Эти компоненты развиваются в ходе опыта и целенаправленного обучения, хотя индивидуальные различия между учащимися сохраняются.

И. М. Холодная подчёркивала взаимосвязь интеллектуальных способностей и других психологических характеристик личности [6]. В контексте языкового обучения это позволяет учитывать не только собственно языковую восприимчивость, но и мотивацию, уверенность, стратегии саморегуляции и готовность практиковаться. Успех в изучении языка определяется не одним качеством, а сочетанием личностных и внешних факторов.

Следовательно, преподавателю важно выявлять сильные стороны учащегося и создавать условия для развития менее сформированных навыков. Если ученик хорошо понимает устную речь, но с трудом пишет, ему необходима дополнительная практика планирования текста и

редактирования. Если возникают трудности с восприятием на слух, полезны короткие аудиоматериалы, повторное прослушивание и работа с ключевыми словами. Дифференцированный подход позволяет поддерживать развитие языковой компетенции без необоснованного сравнения учащихся между собой.

5. Социальная среда и межкультурное измерение

Билингвизм развивается во взаимодействии с социальной средой. Семья, школа, профессиональное окружение, средства массовой информации и цифровые платформы предоставляют разные возможности для использования языков. Если один язык преобладает в образовании и официальной коммуникации, а другой применяется главным образом в семейном кругу, языковая компетенция может распределяться по функциональным сферам. В таком случае поддержание обоих языков требует разнообразного опыта чтения, письма, обсуждения и участия в культурной жизни.

Семейное общение играет особую роль в формировании языковых привычек. Совместное чтение, рассказывание историй, обсуждение повседневных событий и общение с родственниками создают естественные условия для усвоения лексики и речевых моделей. При этом важно избегать противопоставления языков как более или менее ценных. Положительное отношение к родному языку может поддерживать чувство принадлежности, а освоение второго языка расширяет возможности образования, трудоустройства и межкультурного взаимодействия.

Билингвизм тесно связан с межкультурной коммуникацией. Язык передаёт не только информацию, но и нормы вежливости, культурные ассоциации, способы выражения согласия и несогласия. Прямой перевод слов не всегда обеспечивает понимание намерения говорящего, поскольку одинаковые по словарному значению выражения могут отличаться по уместности и эмоциональной окраске. Поэтому развитие билингвальной компетенции предполагает знакомство с культурным контекстом, умение задавать уточняющие вопросы и готовность учитывать другую точку зрения.

В многоязычном обществе важна и институциональная поддержка языкового разнообразия. Доступ к учебным материалам, квалифицированным преподавателям и возможностям практического использования языков влияет на устойчивость билингвизма. Если учащийся может развивать только разговорные навыки, но не имеет условий для чтения и письма на одном из языков, его компетенция может оставаться ограниченной определёнными сферами. Поэтому образовательные программы должны учитывать развитие всех основных видов речевой деятельности.

6. Билингвизм в обучении языкам

Образовательная работа с билингвальными учащимися требует анализа их языкового опыта и учебных потребностей. Уровень владения языками может различаться в аудировании, говорении, чтении и письме, поэтому общая оценка не всегда отражает реальные возможности обучающегося. Диагностические задания должны выявлять, какие языковые действия выполняются уверенно, а какие нуждаются в дополнительной поддержке.

Одним из полезных инструментов является сопоставление языков. Учащиеся могут анализировать порядок слов, способы выражения времени, особенности словообразования, устойчивые выражения и нормы речевого этикета. Сравнение позволяет осознать как сходства, так и различия языковых систем. При этом важно не превращать родной язык в источник ошибок: знания первого языка могут служить опорой для понимания нового материала, если преподаватель помогает учащимся замечать границы переноса.

Коммуникативные задания — интервью, ролевые игры, дискуссии, совместные проекты и презентации — дают возможность использовать язык для достижения конкретной цели. В ходе таких заданий учащиеся тренируются задавать вопросы, объяснять непонятное, перефразировать мысль и реагировать на реплики партнёра. Эти умения важны для реального общения и помогают переходить от воспроизведения готовых конструкций к самостоятельному построению высказываний.

Использование цифровых ресурсов может расширить доступ к языковому материалу. Электронные словари, аудиозаписи, видеоматериалы, субтитры и интерактивные упражнения позволяют работать в индивидуальном темпе и повторять сложные элементы. Однако автоматический перевод и цифровые помощники не всегда учитывают контекст, стиль и культурные нормы. Поэтому учащихся следует обучать проверке значений, сопоставлению нескольких источников и редактированию полученного текста.

Немаловажен психологический климат на занятиях. Если ошибка воспринимается как естественная часть обучения, учащиеся чаще пробуют новые конструкции и активнее участвуют в разговоре. Конструктивная обратная связь должна указывать на конкретную трудность и предлагать путь её исправления. Поддерживающая атмосфера особенно важна для тех, кто опасается акцента или сравнения с более опытными говорящими.

7. Проблемы и перспективы исследования

К трудностям развития билингвизма относятся недостаточная практика, ограниченность учебных ресурсов, неравный социальный статус языков и разрыв между бытовой и академической речью. Учащийся может уверенно общаться в повседневных ситуациях, но испытывать затруднения при чтении научного текста или подготовке аргументированного письменного ответа. Это показывает, что языковая компетенция многомерна и должна развиваться с учётом различных коммуникативных задач.

Возраст начала освоения второго языка является значимым, но не единственным фактором. Ранний контакт с языком может обеспечить длительный период практики, однако без регулярного содержательного общения он не гарантирует высокого уровня владения. Взрослые учащиеся, в свою очередь, могут успешно осваивать язык благодаря сформированным учебным стратегиям, осознанной мотивации и систематической работе. Следовательно, необходимо учитывать сочетание возрастных, когнитивных, социальных и педагогических условий.

Перспективным направлением является изучение того, как языковые навыки переносятся из одной системы в другую. Стратегии понимания текста, планирования письменной работы и анализа информации могут быть полезны при использовании разных языков, однако специфическая лексика и грамматические нормы требуют отдельного освоения. Не менее актуально исследование двуязычия в цифровой среде, где языки используются в социальных сетях, видеоматериалах, дистанционном обучении и автоматизированных системах перевода.

Для дальнейшего изучения билингвизма необходимы исследования, учитывающие реальные условия жизни участников, интенсивность использования каждого языка, образовательный опыт и конкретные показатели речевой деятельности. Сопоставление результатов разных групп должно сопровождаться вниманием к социальным и методическим различиям. Такой подход позволит точнее определить, какие факторы поддерживают развитие двуязычия и какие образовательные решения наиболее полезны в конкретных условиях.

Заключение

Билингвизм представляет собой динамическое явление, в котором взаимодействуют языковые знания, когнитивные процессы, индивидуальные способности и социальные условия. Владение двумя языками не обязательно предполагает одинаковый уровень всех речевых навыков: компетенция может распределяться в зависимости от сфер общения, образовательного опыта и частоты использования языков. Поэтому двуязычие следует оценивать не только по формальному знанию языковых правил, но и по способности решать коммуникативные задачи.

Память, внимание, фонетическое кодирование, грамматическая чувствительность и умение выявлять языковые закономерности участвуют в освоении и использовании второго языка. Вместе с тем результаты развития зависят от мотивации, качества практики, поддержки семьи и образовательной среды. Билингвальный опыт может формировать специфические стратегии обработки языковой информации, однако нельзя считать когнитивные преимущества универсальными для всех людей и всех видов деятельности.

Практическая поддержка билингвизма предполагает создание возможностей для регулярного использования обоих языков, развитие аудирования, говорения, чтения и письма, уважительное отношение к языковому разнообразию и обучение межкультурной коммуникации. Комплексный подход позволяет рассматривать двуязычие как ресурс личностного развития и общественного взаимодействия, одновременно учитывая возможные трудности и индивидуальные различия.

Список использованной литературы

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике: языковые контакты / под ред. В. Д. Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 25–51.

2. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.

3. Верещагин Е. М. Психология и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Издательство Московского университета, 1969. 159 с.

4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 2014. 432 с. Библиографические сведения требуют сверки с использованным изданием.

5. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. 3-е изд. 2004. Библиографические сведения об издательстве и месте издания следует уточнить.

6. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.; Томск, 1997. Библиографические сведения об издательстве и объёме следует уточнить.

7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. Библиографические сведения следует сверить с титульным листом издания.

Рецензент: к.ф.н., доцент Сооронкулова Н.А.
Кадыралиева Д.Ж. - кандидат филологических наук, доцент
межфакультетской кафедры иностранных языков КНУ им. Ж.Баласагына. +996 550 546 862
Касмалиева С.С. - ст. преподаватель кафедры иностранных языков НАН КР.

УДК 811.133.1:81.255.4

Касьянова Г.В.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Касьянова Г.В.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kasianova G.V.
KNU Jusup Balasagyn

КОТОРМОДОГУ ЖАЛГАН ЭКВИВАЛЕНТТЕР
ЛОЖНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ПЕРЕВОДЕ
FALSE EQUIVALENTS IN TRANSLATION

Кыскача мүнөздөмө: Макала француз жана орус тилдериндеги «жалган дос сөздөрдү» карайт. Алардын семантикалык жана стилистикалык айырмачылыктары талданат. Контексттин мааниси белгиленет.

Аннотация: Статья рассматривает явление «ложных друзей переводчика» во французском и русском языках. Анализируются их семантические и стилистические различия, а также влияние родного языка. Подчеркивается важность контекста при переводе.

Abstract: The article examines “false friends” in French and Russian. It analyzes their semantic and stylistic differences and the influence of the native language. The importance of context is emphasized.

Негизги сөздөр: жалган дос сөздөр; семантика; стилистика; калька; котормо; контекст; алынма сөздөр.

Ключевые слова: ложные друзья переводчика; семантика; стилистика; калька; перевод; контекст; заимствования.

Keywords: false friends; semantics; stylistics; calque; translation; context; borrowing.

En apprenant une langue étrangère et en la parlant, nous avons souvent la tendance de transposer nos habitudes linguistiques dans cette langue. Notre langue maternelle, qui fait une partie intégrale de nous, nous pousse à faire de fausses analogies et, donc, à utiliser des russismes.

Dans le domaine du lexique, l'influence de la langue maternelle se fait sentir dans le phénomène qui a été appelé *faux amis du traducteur* par certains auteurs. [3]

La langue russe a plusieurs mots qui ont été empruntés au français. Çela augmente des risque du mal choix des mots pour les apprenants. Notamment, en repérant les correspondances du type *aventure, élégan, profession, bottines, information* dans les deux langues, les apprenants s'habituent à l'idée que les mots similaires sont les «amis» non seulement par la forme mais également par le sens. Mais, en réalité, ces mots sont souvent de faux amis car pas tous les mots emruntés au français par le russe ont préservés leur sens primaire.

Il s'en suit que les faux équivalents ou, autrement dit, les faux amis du traducteur forment un groupe de mots qui se ressemblent à l'écrit et/ou à l'oral et qui ont souvent les mêmes origines mais leurs significations sont différentes dans deux ou plusieures langues. Le terme «faux amis» a été utilisé pour la première fois par M. Koessler et J. Derocquigny dans le livre «Faux amis : les pièges du vocabulaire anglais « en 1928. [4]

Il est à noter qu'il arrive souvent que la signification de deux mots des langues différentes peut être la même mais ces deux mots ne seront pas quand même équivalents. Çela peut s'expliquer par leur différence stylistique. Par exemple, un de ces mots peut appartenir à la langue soutenue et même archaïque et l'autre peut faire partie du langage courant. Il s'en suit qu'il y a deux aspects par lesquels les mots peuvent se différencier. Ce sont l'aspect sémantique et l'aspect stylistique.

1.1.Aspect sémantique.

Cet aspect inclut deux niveaux auxquels on peut trouver des différences entre les mots de deux langues qui semblent similaires. Ce sont le niveau de mot et le niveau de combinaison des mots.

Au niveau de mot, il s'agit de la différence sémantique de deux mots qui semblent similaires. Cette différence peut étre représentée dans toutes les significations de ces deux mots ou seulement dans une seule. À titre d'exemple, nous présentons les mots *acteur ,compote auditoire et régisseur.*

Le mot français *acteur* correspond au mot russe dans sa signification de personne qui joue dans une pièce de théâtre ou dans un film . Mais contrairement à la langue russe, le mot français *acteur* est utilisé le plus souvent dans un sens large et désigne une personne qui participe activement en quelque activité. Par exemple, dans les actualités on peut entendre l'expression comme *acteur des relations internationales* ou bien lire sur le mûr d'une gare en France *soyez acteurs de la propreté* . Dans ces deux cas , le mot *acteur* ne peut pas être traduit vers le russe comme *актёр* mais on le traduit plutôt comme *участник* et *блюститель*.

Le mot *compote* dans la langue russe désigne une boisson chaude à la base des fruits. Cependant, le mot similaire français est utilisé pour désigner une écrasée des fruits.

Le mot *auditoire* correspond au mot russe *аудитория* à sa signification des auditeurs. Mais en russe ce mot a également une signification supplémentaire – la salle d'études. Dans ce cas, ce mot devient le faux ami pour les apprenants du français russophones car il peut provoquer une incompréhension lors de leur communication avec des locuteurs francofones.

[3] В. Л. Муравьёв «Ложные друзья переводчика «, М. 1985,с. 3

[4] M. Koessler et J. Derocquigny «Faux amis : les pièges du vocabulaire anglais « P. 1928 , p.1/2

Le mot russe *режиссёр* a été emprunté au français par le russe au 19 siècle. [5] Après être entré dans la langue russe, ce mot a commencé à être utilisé pour désigner une personne qui régit l'interprétation des rôles par les acteurs de théâtre. Le mot n'est toujours utilisé que dans le domaine du cinéma ou du théâtre pour désigner une personne qui est responsable de la production des films ou de l'organisation des spectacles . Cependant, le mot français *régisseur* existe également dans le français moderne. Il est utilisé dans le sens moins large que celui russe. Ce mot est utilisé le plus souvent pour désigner une «personne qui gère une propriété»[6]. Si on traduit le mot russe *режиссёр* vers le français, il est nécessaire d'utiliser le *mot metteur en scène*. Il est à noter que ce mot peut également être utilisé dans le domaine du théâtre mais, contrairement au mot russe, il ne signifie qu'une personne qui régit matériellement les représentations théâtrales. Autrement dit, ce mot désigne une personne qui aide au metteur en scène mais il ne représente pas le metteur en scène lui-même.

Au niveau de combinaison des mots il est question des mots qui ne sont faux équivalents que dans certaines expressions. Ainsi, le mot français *panique* correspond à celui du russe. Cependant on dit en français *être pris de panique* et pas *tomber dans la panique* comme en russe. Dans ce cas, le mot *panique* devient faux ami pour les natifs des deux langues car il les pousse à utiliser les verbes incorrectes pour la combinaison.[7]

Un autre exemple que nous pouvons citer c'est le mot *note*. Ce mot est l'équivalent exacte du mot russe *нота* dans sa signification *note de musique*. Cependant, il devient le faux ami si on traduit le mot russe composé *нотная тетрадь*. Si on traduit ce mot littérallement comme *cahier de notes* il aura la signification d'un simple carnet. Pour traduire exactement le mot *нотная тетрадь*, il est obligatoire de remplacer le mot *note* par celui *musique*. Ce replacement nous donnera l'équivalent exacte de ce mot russe en français, cahier de musique. [8]

1.2.Aspect stylistique.

Cet aspect inclut les mots de deux langues ayant la même signification mais qui se différencient par leur stylistique. Dans ce cas, le mot français appartient le plus souvent à la langue soutenue et celui du russe fait partie du langage courant . À titre d'exemple, nous proposons l'analyse des mots français *blondin, brunet* qui ont la même signification ainsi que la même forme sonore que les mots russes *блондин, брюнет.*

Le mot *blondin* devient très courant en 19 siècle vers les années 70.[9] On le trouve dans la description des personnages de plusieures oeuvres littéraires de cette époque telles que «Petit chien» de La Fontaine ou «Noble de province « de Hauteroche. Cependant, ce mot n'était pas utilisé pour décrire une personne avec les cheveux blonds. Dans la plupart des cas, on l'employait quand il s'agissait d'un jeune homme qui cherche l'attention des femmes.[10] De plus, ce mot avait la valeur péjorative. Cela s'explique par le suffixe diminutif qu'on ajoute au mot *blond* pour former le mot *blondin*. Aujourd'hui, on rencontre rarement ce mot dans cette signification. Par contre, il a acquis un nouveau sens. On utilise ce mot pour désigner « un transporteur aérien qui est utilisé pour transporter des matériaux, principalement sur les grands chantiers du secteur public».[11] Il s'en suit que le mot *blondin* ne peut pas être considéré comme l'équivalent exacte du mot russe *блондин* et le seule mot qu'on utilise en français pour désigner une personne avec les cheveux blonds sans nuances péjoratives c'est le mot *blond*.

[5] https://ecanet.ru/word/%D0%A0%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80

[6] https://dictionnaire.lerobert.com/definition/regisseur

[7] В. Л. Муравьёв «Ложные друзья переводчика «, М. 1985,с. 27

[8] В. Л. Муравьёв «Ложные друзья переводчика «, М. 1985., с. 26

[9] https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire/definition/blondin

[10] https://www.littre.org/definition/blondin

[11] https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/blondin/9900

Le mot français *brunet* ressemble d'après sa forme ainsi que sa signification au mot russe *брюнет*. Cependant, contrairement au mot russe, celui français est considéré comme désué à partir de la fin du 20 siècle. De plus, malgré la resemblance sémantique des mots *брюнет* et *brunet*, le mot français ne signifie pas exactement la même chose que le mot russe. Le mot russe *брюнет* désigne une personne à cheveux bruns tandis que le mot français désigne une personne dont les cheveux sont un peu bruns.[12] La nuance est dûe au suffixe diminutif *et* qui compose ce mot. De plus, le mot *brunet* dans sa forme féminine *brunette* a une signification supplémentaire qui n'existe pas dans la langue russe. Notamment, il désigne des chansons d'amour populaires dont les textes et les motifs sont faciles à retenir.[13] Ce genre de musique était pupulaire en France en 17-18 siècles.

Il y a également un autre cas de l'aspect stylistique où on rencontre des différences de traduction. C'est le cas où le mot français appartient au langage courant et il peut être défini comme neutre. Cependant le mot russe qui semble similaire à celui du français est archaïque. En outre, ce mot peut avoir une valeur ironique. Pour l'exemple, comparons les mots *appartement* et *аппартаменты, bataille et баталия* dans deux langues.

Le mot français *appartement* est neutre et très courant mais le mot similaire en russe *аппартаменты* a le plus souvent une valeur ironique. Contrairement au mot français qui ressemble à celui du russe, le mot *аппартаменты* désigne non seulement un logement mais «une maison ou même une chambre qui est preque inhabitable «[14]

Le mot français *bataille* désigne «un combat entre deux armées ou un échange de coups «[15]. Cela correspond à la signification de ce mot en russe. Cependant le mot russe *баталия* est utilisé dans la plupart des cas dans le sens ironique désignant une simple querelle.

Comme la traduction précise des mots du type *баталия* ou *аппартаменты* n'est pas toujours possible dans la langue littéraire, il est recommandé de trouver les équivalents de ces mots dans la langue familière.

1.3. Mots fantômes

Le mot fantôme est l'uninité lexicale d'une langue dont la signification est compréhensible pour les natifs d'une autre mais dont la forme diffère d'une langue à l'autre. [16]Cependant il existe également des cas où le mot de ce type n'existe que dans une de deux langues mais les natifs d'une autre peuvent le comprendre quand même. Cela s'explique par l'existance de la même racine qu'ils entendent dans ce mot dans les mots de leur langue maternelle. Dans ce cas il s'agit des lacunes dans le lexique d'une langue du point de vue d'une autre langue. Pour mieux comprendre ce phénomène linguistique, nous allons analyser les mots russes «велотурист», «дирижёр « « авантюрист», «инструктаж» qui poussent souvent des apprenants du français russophones à faire de fauses traductions.

Le mot russe «велотурист» est composé des mots «вело» et «турист». On trouve ces deux mots également dans la langue française «vélo» et «touriste». Donc ce mot est compréhensible pour les natifs du français. Néanmoins, on ne peut pas l'utiliser dans notre discours quand on parle en français car il existe un autre mot que les natifs utilisent à sa place. C'est le mot «cyclotouriste».

Le mot russe «дирижёр» a été formé du verbe français «diriger « et du suffixe français «eur» qui désigne une personne impliquée dans une action, une domaine ou une fonction. [17] Dans la langue française on trouve les mots formés de la même façon. Ce sont les mots comme «vendeur» ou «chanteur». Pourtant,

[12] https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9B2362

[13] https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/definition/brunette/

[14]https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/272384/%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B

[15] https://dictionnaire.lerobert.com/definition/bataille

[16] [16] В. Л. Муравьёв «Ложные друзья переводчика «, М. 1985,с. 5

[17] https://www.francaisfacile.com/exercices/exercice-francais-2/exercice-francais-128794.php

malgré son origine française[18], ce mot n'existe pas que dans la langue russe. En français on utilise le mot «chef orchestre» à sa place .

Le mot «авантюрист» a été créé du mot français «aventure» à qui on a ajouté le suffixe «iste». Dans la langue française on trouve le mot avec le même sens. Ce mot est également dérivé du mot «aventure «. C'est le mot – aventurier. Cependant, comme on le voit, ce mot a le suffixe «ier» à sa fin au lieu de celui «iste» ce qui le différencie du mot russe.

Le mot russe «инструктаж» a été formé du verbe français «instruire» et du suffixe «age» qui est ajouté aux racines des mots français pour en faire des noms d'action. Dans la langue française on trouve de nombreux mot créés de cette façon. Par exemple, ce sont les mots tels que «gaspillage», «apprentissage», «passage», «mariage» etc. Cependant, malgré son origine française et sa correction morphologique, le mot «instructage» n'existe pas dans la langue française. Les natifs du français utilisent le mot «instruction» à sa place . Il est à noter que le mot «instruction» lui-même est aussi un faux équivalent pour les apprenants russophones ainsi que pour les ceux francophones car le mot russe «инструктаж» ne désigne qu'un papier qui contient des récommandations à suivre. Donc, on peut en conclure que les apprenants des deux côtés devraient faire plus d'attention aux mots ayants les terminaisons suivantes: iste, eur , age, .1.4. Les calques et les faux équivalents

Après avoir envisagé la notion du faux équivalent , il est également important d'aborder la question du lien entre la calque et le faux ami du traducteur.

Comme il est connu , la calque est le résultat d'une traduction littérale. On peut calquer la structure de la phrase ou celle d'un mot avec son sens[19], mais également il est possible de laisser la forme de la langue à laquelle on traduit et calquer uniquement le sens de la phrase ou du mot étranger.

Dans le deuxième cas on peut dire que les notions de la calque et du faux ami du traducteur sont très proches : Les faux amis du traducteur apparaissent aussi quand le sens d'un mot d'une langue est attribué à un mot d'une autre langue.

Cependant il existe une particularité très importante qui différencie les faux amis du traducteur des calques. Dans le cas du faux équivalent on transmet le sens ainsi que la forme phonique d'un mot d'une langue dans une autre. On le fait puisqu'on pense que ce mot existe et s'emploie de la même façon dans les deux langues . C'est exactement cette fausse supposition qui fait la différence entre la calque et le faux ami du traducteur.

Pourtant les faux amis et les calques sont ensemble influencés par le contexte . Pour mieux comprendre cette influence , nous allons analyser les phrases suivantes qui contiennent le mot "*film*" :

- Le film a été réalisé par Quentin Tarantino ;
- Retirez le film autour de la barquette avant réchauffage .

Dans la première phrase, le mot *film* est utilisé avec le verbe *réaliser*. De plus, on mentionne le nom d'un célèbre réalisateur dans cet énoncé. Donc, dans ce cas, le mot *film* est utilisé pour désigner une oeuvre cinématographique. Dans le deuxième exemple, le même mot est combiné avec les mots *barquette* et *réchauffage*. Il s'en suit que, dans ce cas, il s'agit plutôt d'un objet en plastique qu'on utilise pour emballer les plats que d'une oeuvre cinématographique. Dans ces exemples cités ci-dessus , on observe l'influence du type du contexte le plus répandu dans la traduction– *le restein*. Il inclut les mots et les expressions qui entourent un mot qu'on traduit. Ce type de contexte est appelé «restreint» car il s'agit d'une proposition ou parfois même de quelques mots qui influencent sur le sens d'une unité lexicale ou d'un énoncé traduit. Cependant il arrive souvent que le contexte n'est pas créé à partir des mots utilisés par les interlocuteurs mais par des phénomènes culturels ou quelque situation connue aux orateurs. Par exemple, on peut entendre la phrase suivante lors d'une conversation amicale : «La Belle Dormante recèle de nombreux secrets». En

[18] https://www.svoboda.org/a/392886.html

[19] Anastasiya Krotova «Specifics of native russian speakers, perception of phraseological calques», Philology and culture journal, 2022., p. 33

envisageant cette phrase, on pourrait dire qu'il s'agit de la citation d'un film ou d'un livre. Cependant, dans ce cas, l'expression la «Belle Dormante « est le surnom de la ville de Bordeaux. Si on ne possède pas cette information, on fera une mauvaise traduction. Donc, dans ce cas, il s'agit d'un contexte un peu extraliguistique.

Il s'en suit que le contexte est «un ensemble des conditions naturelles, sociables, culturelles dans lesquelles se situe un énoncé, un discours»[20]

Il s'en suit qu'en traduisant quelque texte ou en parlant une langue étrangère, il est primordial de prendre en considération le contexte, le ton du discours ainsi que l'effet que les paroles devraient produire.

Bibliographie

1. Муравьёв В. Л. Ложные друзья переводчика. 2е издание, изд-во «Просвещение», Москва, 1985 г.
2. Олейникова К. Н. Заимствование и калька как результат англоязычного влияния в современномрусском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Санкт-Петербург : Университет : Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2018 г.
3. Хууруниайнен С. Французские заимствования в русском языке (преимущественно во второй половине XX века). Дипломная работа магистра. Тампере: Университет Тампере, 2005 г.
4. Koessler. M. et Derocquigny J. Faux amis : les pièges du vocabulaire anglais. Éd. Librairie Vuibert, Paris, 1928.
5. Krotova A. Specifics of native rusdian speajers, perception of phraseological calques. Philology and culture journal, 2022.

Sources électroniques

6. https://ecanet.ru/word
7. https://dictionnaire.lerobert.com
8. https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire
9. https://www.littre.org/definition
10. https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais
11. https://www.dictionnaire-academie.fr
12. https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr
13. https://dic.academic.ru
14. https://www.francaisfacile.com/exercices/exercice-francais-2/exercice-francais-128794.php
15. [1]https://www.svoboda.org/a/392886.html

Рецензент: к.ф.н., профессор Акчекеева М.С.

Касьянова Г.В. – преподаватель кафедры романо-германских языков, КНУ имени Жусупа Баласагына. +996 771 336 877

Козиева И.К.
Бухара мамлекеттик университети
Козиева И.К.
Бухарский государственный университет
Koziyeva I. K.
Bukhara State University

[20]https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/contexte/18593

ОНОМАСТИКАЛЫК ЛЕКСИКОГРАФИЯ
ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
ONOMASTIC LEXICOGRAPHY

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада ономастикалык лексикография, сөздүктөрдүн келип чыгышы жана алардын чечмелениши, атайын аттардын тилдеги орду жана жалпы аттардан айырмасы изилденет. Көйгөйлөрдү теориялык негиздөө жана чечүү жолдору каралат. Атайын ономастикалык сөздүктөрдө антропонимдер менен топонимдердин лингвистикалык өзгөчөлүктөрү жана маданий контексти сүрөттөлөт. Изилдөөнүн жаңылыгы — ономастикалык сөздүктөрдүн тарыхын библиялык тексттерге түшүндүрмөлөрдөн жана алиппе китептеринен баштап азыркы антропонимикалык жана топонимикалык сөздүктөргө чейин системалуу көрсөтүүдө, орус, батыш жана латыш лексикографиялык традицияларын салыштырууда. Методдору: сүрөттөмө, тарыхый-салыштырма жана лексикографиялык талдоо. Жыйынтыктары: ономастикалык лексикография негизинен антропонимдер менен топонимдерге багытталган, ал эми башка оним класстары аз изилденген.

Аннотация: В статье рассматривается ономастическая лексикография: происхождение словарей и их интерпретация, положение имён собственных в языке и их отличие от нарицательных. Анализируются теоретические обоснования проблем и пути их решения. Описывается лингвистическая специфика антропонимов и топонимов, а также их культурный фон в специальных ономастических словарях. Новизна исследования состоит в систематизации истории ономастических словарей — от глоссариев к библейским текстам и азбуковников до современных антропонимических и топонимических словарей, с учётом русской, западной и латышской лексикографических традиций. Методы: описательный, историко-сравнительный, лексикографический анализ. Результаты показывают, что ономастическая лексикография сосредоточена преимущественно на антропонимах и топонимах, тогда как другие классы онимов представлены недостаточно.

Abstract: This article examines onomastic lexicography: the origin of dictionaries and their interpretation, the position of proper names in language and their difference from common names. It analyzes theoretical substantiation of the problems and their solutions. The linguistic specifics of anthroponyms and toponyms and their cultural background are described in special onomastic dictionaries. The novelty of the study lies in systematizing the history of onomastic dictionaries—from glossaries to biblical texts and ABC books to modern anthroponymic and toponymic dictionaries—while taking into account Russian, Western, and Latvian lexicographic traditions. The methods are descriptive, historical-comparative, and lexicographic analysis. The results show that onomastic lexicography focuses mainly on anthroponyms and toponyms, whereas other classes of onyms remain insufficiently represented.

Негизги сөздөр: ономастика, антропонимия, лексикография, ономастикалык сөздүк, топоним, этимология.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, лексикография, ономастический словарь, топоним, этимология.

Keywords: onomastic, anthroponomy, dictionaries, lexicography, explanatory dictionary, etymology.

The linguistic specifics of anthroponyms and toponyms and their cultural background are described in special onomastic dictionaries. The beginning of the history of onomastic dictionaries should be considered lists of words with comments that contain not only common names, but also a number of proper names. In Russian and Western languages , onomastic dictionaries originate in glossaries to biblical texts.

The beginning of the history of onomastic dictionaries should be considered lists of words with comments containing not only common names, but also a number of proper names.

In Russian lexicography, the earliest monuments containing a significant number of proper names include minei, which are monthly lists of church services and days of commemoration of persons revered by

the church. Scientists refer to the first dictionary works as small lists of incomprehensible words and proper names, or ABC books, widely distributed in Russia in the period from XIII to XVIII centuries . The ABC books were handwritten interpretations of words, terms, and proper names, arranged in alphabetical order. The lists of the alphabet books were often compiled on the basis of glossaries and marginalia for various kinds of church books [Superanskaya 1979, 243], in the texts of which there were a considerable number of words incomprehensible to the Russian reader. Naturally, borrowed names of saints also fell into the circle of words requiring clarification. The type of dictionary in the ABC books has not yet been established, the principles of encyclopedic and philological interpretations were intertwined in them. At the same time, they combined the tasks of future experts. dictionaries, dictionaries of foreign words, spelling, etc. The type of bilingual vocabulary was also improved in them [Superanskaya 1979, 242].

The ”Interpretation of alphabetical names" can serve as an example of a consistent alphabetical presentation of onomastic material Maxim the Greek (the second half of the XVI century). This principle finds development in the early printed lexicon of Pamva Berinda. It is also typical for printed Bible appendices, which were significant in volume and included not only toponyms and anthroponyms, but also obscure words [Superanskaya 1979]

While in Russian and Western languages onomastic dictionaries originate in glossaries to biblical texts, in the history of the languages of small nations, proper names first come to the attention of linguists when compiling translation dictionaries and are entered into their dictionaries, and only subsequently dictionaries of general dictionaries for proper names are closed. An example of this is the first steps of Latvian lexicography. The vocabulary of the Latvian language is presented for the first time in bilingual German-Latvian and Latvian-German dictionaries published in In the 18th century, they were compiled by German priests.3 A number of Latvian personal names are included in the Latvian-German dictionary of G.F. Stendera (1761). The names in this dictionary are placed in the dictionary, their German correspondences are given to them, for example, male names: Beerents — Bernhard, Jehzis — Jacob, Gabris — Gabriel, female names: Dahrte — Dorothea, Dse — Elisabeth, Sappe — Sophia. Several hundred geographical names of Latvia can be found in Latvian-German dictionary (1772-1777) compiled by the Vidzeme pastor J. Lange [Zemzare 1961, 147-152]. German-Latvian proper name matches in dictionaries can be considered as one of the early searches for optimal ways to convey non-equivalent vocabulary.

Starting with the Russian-Latvian-German dictionary (Moscow, 1872), which was created by famous figures of Latvian culture (Young Latvians of the Kyrgyz Republic). Valdemars, A. Spagis, Fr. Brivzemnieks), onomastic vocabulary is not included in the corpus of Latvian dictionaries, but is included in appendices. This is the case before the beginning of the study of onomastic vocabulary per se, including its lexicography.

Maxim the Greek's "Interpretations of Alphabetical Names" (the second half of the 16th century) can serve as an example of a consistent alphabetical presentation of onomastic material. This principle finds development in the early printed vocabulary of Pamva. Beryndy. It is also typical for printed applications to Bibles that were significant in volume and included not only toponyms and anthroponyms, but also obscure words.

Lexicographic practice focuses mainly on the material of two categories of onyms: anthroponyms and geographical names. There are few dictionaries of other classes (cosmonyms, theonyms, zoonyms, ergonyms, etc.) in modern lexicography. New types of dictionaries are being compiled or They are designed, as a rule, for anthroponyms and toponyms. [Staltman 1989, p. 68].

Onomasticons are collections of personal names indicating the time and place of their fixation. The first dictionaries of Russian personal names were created according to the type of onomasticons. Onomastic dictionaries (onomasticons) are the most ancient type of lexicographic products. Already in the first Russian alphabet books proper names were described , mainly biblical and mythological names. Of the dictionaries of the past, the most interesting are the Dictionary of Ancient Russian Personal Names by N. M. Tupikov (1903) and the Geographical Dictionary of the Russian Land by N. Barsov (1865).

Russian Russian Personal Names Dictionary by S. B. Veselovsky (Ancient Russian names, nicknames and surnames, 1974), Dictionary of Russian Personal Names by N. A. Petrovsky (1984, 1996, 2000), Dictionary of Russian Personal Names by A. N. Tikhonov, L. Z. Boyarinova and A. G. Ryzhkova deserve attention from modern anthroponymic dictionaries (Russian Russian Russian Russian Family Names (1995), Dictionary of Russian Personal Names by A.V. Superanskaya (1998), Dictionary of Russian Surnames by V. A. Nikonov (1993) and Russian Surnames by Y. Fedosyuk (1972, 1981, 1996), as well as Dictionary of Modern Russian Surnames by I. M. Ganzhina. All of them contain the etymology of names and surnames, and dictionaries The names give variants and forms of personal names. Some information of a cultural nature (about famous speakers, literary characters, etc.) is given in the Dictionary of Names (1996) and Dictionary of Surnames (1997) by E. Grushko and Yu. Medvedev.

The two most famous dictionaries of anthroponyms are: The first dictionary, "Russian Surnames: A Popular etymological Dictionary" by Yu. A. Fedosyuk, is designed for the curious reader; a short introductory article introduces him to the most important problems of studying and interpreting surnames. The dictionary arranges the surnames alphabetically and explains in small articles which word each of them comes from. The dictionary ends with a kind of instruction for the reader on how to search for the origin of his last name if it could not be found in this publication.

The second dictionary, the Dictionary of Russian Surnames by V. A. Nikonov, is written by a well—known specialist in onomastics, the author of many theoretical works on toponymy and anthroponymy. The dictionary was published after the author's death, so the name of the compiler, E. L. Krushelnitsky, is also on the cover. Of the 70,000 surnames prepared for description in the dictionary for this edition, the author has selected mainly those that are not described in Fedosyuk's dictionary or those whose characteristics require clarification. These two dictionaries relate to each other. Built, like the previous dictionary, according to the alphabetical principle, it differs from it in the concreteness of the data provided: the articles contain references to dated documents, exact geographical coordinates, and sometimes quotes from scientific papers — confirmatory or polemical. So, in the article to the name of Dyatlov it is indicated that it is recorded in the documents of 1495 and 1547. In the article to the last name Efimochkin states that she was registered "in the Khvastovichi district in the south-east of the Kaluga region," where similar surnames are common: Grishechkin, Klimochkin, Savochnik, Stepochkin.

Russian (and world) toponymy is described in V. A. Nikonov's "Short Toponymic Dictionary" (1966) and E. M. Pospelov's "School Toponymic Dictionary", on the basis of which the following dictionaries of this author were compiled: "Geographical Names of the World" (1998, 2000) and "Toponymic Dictionary" (2002).

Russian Russian encyclopedia "Russian Onomastics and Onomastics of Russia" deserves special attention (dictionary; ed. academician O. N. Trubachev). Based on the achievements of onomastics, the dictionary gives an idea of the origin of the names of rivers and mountains, cities and villages of various regions of Russia; about the names, patronymics, surnames, nicknames of Russian people; names of ancient gods, animal names, names of winds, names of stars. The history of words is presented in close connection. with local history. The dictionary's articles contain information on the history and culture of the Russian people, and introduce the names of honored artists. monks, chroniclers, names of tribes and peoples of Russia, etc. The book opens a series of special dictionaries that implement the materials of the academic project "Russian Encyclopedia".

E. A. Levashov's Dictionary of Geographical Names (2000) is a linguistic dictionary (with grammatical characteristics of declension of toponyms).

Many universities have prepared (or are compiling) toponymic dictionaries for a specific region of Russia: "Toponymic Dictionary of Central Russia" by G. P. Smolitskaya (2003) and "Toponymic Dictionary of the Moscow Region" by E. M. Pospelov (2000), "Geographical names of the Urals" (1987), "Geographical names of the Sverdlovsk Region" (2000) and "Geographical names of the Tyumen North" (1997) by A. K. Matveev and many others. others [Rubleva 2016, pp. 156-163]. In the typology of such dictionaries, it is important, firstly, to contrast fixing and explanatory dictionaries. The first type of

description is the Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire, edited by P. P. Semenov, published in St. Petersburg first in 1863-1867, and then in 1873-1885. This tradition was developed in Soviet reference books: M. S. Bodnarsky's Dictionary of Geographical Names (2nd ed. Moscow, 1958); Dictionary of Geographical Names of the USSR (Moscow, 1968; 2nd ed., revised and additional M., 1983), including 17,000 titles. Their addressees are geographers, cartographers, publishing and postal workers. "Geographical encyclopedic dictionary. Geographical names" (Moscow, 1986) is more informative due to the encyclopedic information itself.

Explanatory dictionaries are named, as a rule, with the mention of the term toponymic: "Geographical names. Toponymic dictionary. Handbook for teachers" by M. N. Melkheeva (M., 1961); "Short toponymic Dictionary" by V. A. Nikonov (M., 1966), which contains 4,000 geographical names; "School toponymic Dictionary" by E. M. Pospelov (M., 1988), which describes 1,250 toponyms, about half of which are foreign; "Geographical names of the world: A toponymic dictionary" by E. M. Pospelova (Moscow, 1998; 2nd ed., stereotype, Moscow, 2001). In these dictionaries, which are often addressed to schools (see: school, for teachers), the linguistic side is most pronounced: the comments relate not only to the geographical object, but also to the fate of the toponym — its etymology and etiology.

Along with the general toponymic dictionaries of the country or the world, specialized dictionaries are also being created. The first specialization is a certain territory, as a result of which local or regional toponymic dictionaries appear: "Lists of populated places of the Russian Empire. Ryazan Province" (St. Petersburg, 1862); "Geographical and Statistical Dictionary of the Amur and Primorsky Regions" by A. Kirillov (Blagoveshchensk, 1894); "Short toponymic Dictionary of the Kamchatka Region (From the history of the origin of geographical names)" by V. P. Kuskov (Petropavlovsk-Kamchatsky, 1967); "Do you know?: Dictionary of Geographical Names of the Leningrad Region" by S. V. Kislovsky (L., 1968); "From Aba to Ya: Geographical Dictionary of Kuzbass" by A. A. Mitarev (Kemerovo, 1970); "Local names on the map of Chukotka. A Short Toponymic Dictionary" by G. A. Menovshchikov (Magadan, 1972"The whole Voronezh land. A short historical and toponymic dictionary" by V. A. Prokhorov (Voronezh, 1973); "Geographical Dictionary of the Amur Region" by N. K. Shulman (Blagoveshchensk, 1978); "Geographical names of the Urals: A short toponymic dictionary" by A. K. Matveev (Sverdlovsk, 1980); "Geographical names of the Upper Kama Region: With a short toponymic dictionary" by A. S. Krivoshchekova-Gantman (Perm, 1983); "Toponymic Dictionary of the North-East of the USSR" by V. V. Leontiev, K. A. Novikova (Magadan, 1989); "Kuvandyk Region in geographical Names" by S. M. Strelnikov (Zlatoust, 1994); "Secrets of the names of the land of Kuznetsk: A short toponymic dictionary of the Kemerovo region. 3000 names" by V. M. Shabalin (Kemerovo, 1994); "Toponymic Dictionary of Central Russia" by G. P. Smolitskaya (Moscow, 1998); "Toponymic Dictionary of Seliger Region" by V. F. Ivanov (Tver, 2003).

Thus, Among the regional dictionaries, as can be seen even from the above list, there are both recording dictionaries and explanatory ones. In the latter case, the words origin, secrets, riddles, interrogative pronouns why, where from, and how appear in dictionary names. So, the question is: "Why are they so named?" It appears on the covers of dictionaries published in Leningrad by K. Gorbachev and E. Khablo (1962; 1967), in Nukus by K. Abdimuratov (1970), and in Krasnoyarsk by Y. R. Kislovsky (1999). The second specialization in the description of toponymy is a certain historical period. The tradition of such descriptions, involving work with historical documents, chronicles and other sources, begins with "Materials for the historical and geographical dictionary of Ancient Russia up to and including the 14th Century" by N. P. Barsov (Vilna, 1865). Its continuation can be seen in the "Short Historical and Geographical Dictionary" by N. Verigin (Tver, 1895) and "Names of Ancient Russian Cities" by V. P. Neroznak (Moscow, 1983) Linguistic onomastic dictionaries exist only in the project: see, for example, in the collection "Dictionaries and Linguistics" (1982) toponymic linguistic dictionary prospectuses (N.V. Podolsk) and the dictionary of Russian surnames (Yu. A. Fedosyuk).

References

1. Begmatov E. A. The meaning of the names of Uzbekistan references (dictionary). 14 600 namesisoxi.2nd edition. - Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan (dictionary), 2007. — 608 r.

2. Nafasov T. Markayev transition: moving on the Site, Search Uzbek ethnoanthroponyms//onomastics Uzbekistan onomastics. Sat. fast.Rep II. scientific-practical.conf. - Against, 1989. —P.136-140.

3. Nikonov V. A. Name and society. –M.: Nauka. 1974. — 278 pages.

4. Superanskaya A.V. Phonological and morphological structure of proper names.-M.: Nauka, 1969.

5. Petrovsky N.A. Dictionary of Russian personal names.-M.: Publishing House Soviet Encyclopedia,1966.

6. Ermolich D.I. Proper names between languages and cultures.-M.: R.Valent, 2001.

7. Komiljonovna K. I. Changes in the system of anthroponyms in the Uzbek language at the end ofthe 20th century-the beginning of the 21st century //Zien Journal of Social Sciences and Humanities. –2022. – T. 10. – C. 65-67.

8. Kozieva I. ANTHROPONYMY STUDIES //Science and innovation. – 2023. – T. 2. – №. C10. –C. 63-65.

9. Koziyeva I. ISSUES OF ANTHROPONYMY IN UZBEK AND RUSSIAN LINGUISTICS//Science and innovation. – 2023. – T. 2. – №. B1. – C. 121-123.

10. Komiljonovna K. I. THE ORIGIN OF PERSONAL NAMES IN RUSSIAN ANTHROPONYMY//Open Access Repository. – 2023. – T. 9. – №. 3. – C. 277-281.

11.Koziyeva I. K. The Boundaries of Onomastic Vocabulary 10th International Conference on Computer Science and Engineering (UBMK), Istanbul, Turkiye,2025,pp.1563-1568, doi: 10.1109/UBMK67458.2025.11206932.

УДК 811.512.154:81-2

Кыркбаева Г.Н.
И.Абдраимов атындагы КАИ
Кыркбаева Г.Н.
КАИ им.И.Абдраимова
Kurkbaeva G.N.
KAI named after I. Abdaimov

ПОЛИМАДАНИЙ МЕЙКИНДИКТЕ КЫРГЫЗ ТИЛИНЕ/ТИЛИНЕН КОТОРУУНУН АКТУАЛДУУ КӨЙГӨЙЛӨРҮ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С/НА КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА CURRENT ISSUES OF TRANSLATION FROM/INTO THE KYRGYZ LANGUAGE IN A MULTICULTURAL SPACE

Кыскача мүнөздөмө: Макалада азыркы көп маданияттуу жана санариптик мейкиндикте кыргыз тилинен башка тилдерге (орус, англис) которуунун актуалдуу лингвистикалык жана технологиялык көйгөйлөрү комплекстүү түрдө изилденет. Изилдөөнүн жүрүшүндө котормо тааануу илиминин байыркы мезгилден берки калыптануу тарыхына сереп салынып, чет элдик жана кыргызстандык окумуштуулардын котормонун лингвистикалык маңызы тууралуу концепцияларына талдоо жүргүзүлөт. Автор кыргыз тилинин агглютинативдик түзүлүшүнө байланыштуу котормо процессинде пайда болгон лингвистикалык интерференция жана терминологиялык башаламандык маселелерин өзгөчө баса белгилейт. Макалада маданий коддорду жана эквиваленти жок лексиканы берүүнүн прагматикалык кыйынчылыктары каралып, алардын маданияттар аралык коммуникациядагы орду аныкталат. Ошондой эле, нейрондук машиналык котормонун (NMT) кыргыз тилине карата мүмкүнчүлүктөрү жана «ресурсу аз тил» катары анын санариптик чөйрөдөгү

кемчиликтери талданат. Изилдөөнүн жыйынтыгында котормонун сапатын жогорулатуу, тилдин тазалыгын сактоо боюнча практикалык сунуштар берилет.

Аннотация: В данной статье комплексно исследуются актуальные лингвистические и технологические проблемы перевода с кыргызского на другие языки (русский, английский) в условиях современного поликультурного и цифрового пространства. В ходе исследования проводится обзор истории становления переводоведения с древнейших времен, а также анализируются концепции зарубежных и кыргызстанских ученых о лингвистической сущности перевода. Автор уделяет особое внимание вопросам лингвистической интерференции и терминологической неопределенности, возникающим в процессе перевода в связи с агглютинативным строем кыргызского языка. Рассматриваются прагматические трудности передачи культурных кодов и безэквивалентной лексики, определяется их роль в межкультурной коммуникации. Также анализируются возможности нейронного машинного перевода (NMT) применительно к кыргызскому языку и его недостатки в цифровой среде как «малоресурсного языка». По итогам исследования предлагаются практические рекомендации по повышению качества перевода, сохранению чистоты языка.

Abstract: This article comprehensively examines the current linguistic and technological challenges of translation from Kyrgyz into other languages (Russian, English) in the modern multicultural and digital environment. The study reviews the history of translation studies from ancient times and analyzes the concepts of international and Kyrgyz scholars on the linguistic essence of translation. The author pays particular attention to issues of linguistic interference and terminological ambiguity that arise during translation due to the agglutinative nature of the Kyrgyz language. The pragmatic difficulties of conveying cultural codes and non-equivalent vocabulary are examined, and their role in intercultural communication is determined. The potential of neural machine translation (NMT) for the Kyrgyz language and its limitations in the digital environment as a "low-resource language" are also analyzed. The study offers practical recommendations for improving translation quality and preserving the purity of the language.

Негизги сөздөр: котормо, кыргыз тили, көп маданияттуу мейкиндик, маданияттар аралык байланыш, концепт, терминология, тилдик интерференция, санариптештирүү.

Ключевые слова: перевод, кыргызский язык, поликультурное пространство, межкультурная коммуникация, концепт, терминология, языковая интерференция, цифровизация.

Key words: translation, Kyrgyz language, multicultural space, intercultural communication, concept, terminology, language interference, digitalization.

Киришүү .Котормо түшүнүгү, өзөгүндө, эки же андан ашык этностордун жана инсандардын ортосундагы маданияттар аралык коммуникацияны камсыз кылган негизги механизм болуп саналат. Башкача айтканда, маалыматты бир тилден экинчи тилге которуу — коомдогу саясий-экономикалык, маданий жана башка мамилелерди орнотуудагы эң зарыл курал болуп саналат. Котормо процесси аркылуу гана ар башка тилдик чөйрөдө жашаган адмдардын ортосунда диалог түзүлүп, коммуникациялык байланыштар ишке ашат. Ааламдашуунун алкагында интеграциялануу процессиндеги эң негизги көрсөткүчтөрдүн бири болуп коммуникациялык алака болуп эсептелет. Бул учурда бир тилден экинчи тилге которуу маселеси орчундуу мааниге ээ.

Тарых баракгары тастыктап тургандай, котормого болгон муктаждык алгачкы цивилизациялардын (шумер, андан уланып аккаддыктар, вавилондуктар ж.б.) түптөлүшү менен катар эле маданий алака түзүү зарылчылыгынан улам калыптана баштаган. Котормо ишмердүүлүгү тууралуу алгачкы расмий документтештирилген маалыматтар б.з.ч. III кылымга тиешелүү [1].

Байыркы Вавилон цивилизациясынан калган чопо жадыбалдарда шумердик жана аккаддык тилдерде параллель жазылган руханий маанайдагы тексттерди кездештиребиз. Мындан улам, котормо алгач сакралдуу, ыйыкталган тексттерди сактоо иретинде жана эки тилдеги айтылышында келип чыккан айырмачылыктарды аныктоо максатында колдонулгандыгын көрүүгө болот.

Байыркы замандарда эле түптөлгөн бул илим узак убакыттар бою өз алдынча илим тармагы катары калыптанып чыга албады. Аны илим катары кабылдоо аракеттери дисциплиналар аралык өңүттө жасала баштаган.

Ал эми *котормо* түшүнүгүнүн кеңири илимий тармактын бир бөлүгү катары изилдениши XX кылымдын 50–60-жылдарына туура келет. Башкача айтканда, эки адамдын ортосунда сүйлөнүп жаткан кеп байланышын жөн гана сөзмө-сөз алмаштыруу эмес, ал процесстин илимий деңгээлде ишке ашырылышын камсыздоо. Окумуштуу А. Федоровдун айтуунча, котормо бул жылдары "атайын лингвистикалык жана теориялык изилдөөлөрдүн предмети катары калыптана баштаган [2].

Кыргызстандык илимпоз В. Шаповалов котормого бүгүнкү күндө замандаштарыбыздын мамилесин төмөнкүчө аныктайт: "Жалпысынан алганда, тилчилер адатта котормону бир тилдеги текстти экинчи тилдеги текст менен алмаштыруу катары аныкташат. Ал эми түзүлүп жаткан текст түп нусканы (оригиналды) алмаштыра алуусу үчүн ага коюлуучу талаптарды, ошондой эле түп нуска менен котормо тексттердин ортосундагы жана ушул тексттердин айрым бөлүктөрү менен бирдиктеринин ортосунда пайда болгон мамилелерди изилдөөгө кийин гана өтүшөт" [3, 9]. котормо таануу илиминдеги **лингвистикалык мамиленин** өзөгүн түзөт.

Бул айтылгандар абдан жөндүү. Чынында эле, В. Шаповаловдун бул көз карашына ылайык, котормо жөн гана механикалык алмаштыруу эмес, эки башка тилдик системанын ортосундагы татаал байланыш катары каралууга тийиш.

Бүгүнкү күндөгү полимаданий мейкиндикте бул концепция жаңыча маанеге ээ болууда. Эгер мурда тилчилер тексттердин бирдиктеринин (сөздөрдүн, сүйлөмдөрдүн) шайкештигине гана көңүл бурушса, азыркы изилдөөлөр котормонун прагматикалык жана маданий аспектилерине басым жасоодо. Шаповалов белгилегендей, оригинал менен котормонун ортосундагы мамилелер (эквиваленттүүлүк жана адекваттуулук) тилдик гана эмес, коомдук-маданий деңгээлде да каралышы зарыл.

Бүгүнкү күндө заманбап коомчулук маалыматтын көптүгү жана түрдүүлүгү менен айырмаланып турат. Кыргызстанда кыргыз тили менен катар эле орус жана англис тилдеринде эле эмес, башка көптөгөн тилдерде маалымат алмашуу тынымсыз жүрүп турат. Мындай шартта котормо процесси жөн гана сөздөрдү бир тилден экинчи тилге өткөрүү эмес, маданияттар аралык көпүрө болуу кызматын аткарууда. Бирок, маалыматтык агымдын интенсивдүүлүгү котормонун сапатына жана тилдин тазалыгына олуттуу коркунучтарды жаратууда.

Ушундай жагдайда кыргыз тилинен башка тилдерге же тескерисинче, башка тилдерден кыргыз тилине туура жана сапаттуу которуу зарылчылыгы күч алууда.

Котормо таануу илиминин тарыхый жана теориялык негиздерин түшүнүү, ошондой эле азыркы мезгилдин чакырыктарын талдоо менен айкалыштыруу — республикадагы котормо ишмердүүлүгүн өнүктүрүүнүн стратегиялык багыттарын аныктоого мүмкүндүк берет. Жогоруда айтылгандарды эске алуу менен изилдөөнүн *максатын* төмөнкүдөй аныктоого болот: полимаданий мейкиндикте кыргыз тилинен/тилине которуунун заманбап лингвистикалык жана технологиялык көйгөйлөрүн комплекстүү талдоо жана котормо ишмердүүлүгүн өнүктүрүүнүн стратегиялык багыттарын иштеп чыгуу.

Ал үчүн макалада төмөнкүдөй *милдеттер* каралмакчы:

1. Котормо таануу илиминин тарыхый калыптанышын жана теориялык негиздерин изилдөө.
2. Кыргыз тилинин өзгөчөлүгүнө ылайык лингвистикалык талдоо жүргүзүү.
3. Полимаданий чөйрөдө котормо таануу илиминин өнүгүүсүндөгү кыйынчылыктарды талдоо.
4. Котормону өздөштүрүүдө технологиялык чакырыктардын кыргыз тилине карата мүмкүнчүлүктөрүн жана кемчиликтерин, санариптештирүү шартында кыргыз тилиндеги котормонун сапатына таасир этүүчү факторлорду изилдөө.

Макаланын методологиялык негизин төмөнкүдөй илимий усулдардын комплекси түздү:

Салыштырма-типологиялык усул – кыргыз жана орус тилдеринин түзүлүшүндөгү айырмачылыктарды жана алардын котормого тийгизген таасирин изилдөө үчүн колдонулду.

Аналитикалык усул – котормо таануу илиминдеги теориялык маалыматтарды талдоо жана жалпылоо үчүн пайдаланылды.

Контент-анализ – заманбап котормонун сапатын баалоо жана аныктоо максатында колдонулду.

Негизги бөлүк

Котормо процессине тилдердин түзүлүшү эле эмес, эки элдин жашаган жери, тарыхы, жаратылышы жана өзгөчө менталитети да түздөн-түз таасир этет. Ар бир тилдин өзүнө гана мүнөздүү дүйнө таанымы болгондуктан, котормодо бир калыптагы ыкмаларды колдонуу мүмкүн эмес. Ошондуктан, ар бир текст котормочудан өзгөчө мамилени жана татаал маданий-лингвистикалык маселелерди чечүүнү талап кылат. Белгилүү америкалык окумуштуу Юджин Найданын айтуунча котормолорду түрлөргө бөлүнүштүрүүдө төмөндөгүдөй негизги факторлорго таянуу зарыл: “оригинал текстеги кабар, информациянын мүнөзү; автордун тексте берейин деген ой мүдөөсү; котормо багытталган аудиториянын өзгөчөлүгү” [4, 114].

Кыргызстанда котормо ишмердиги XX кылымдын экинчи жарымынан баштап калыптана баштаган. “1950-жылдары А.Пушкин, М.Лермантов, И.Тургенев сыяктуу орус прозаиктеринин жана поэттеринин чыгармаларын кыргыз тилине которуу менен башталган. Ошол учурдагы котормочуларга К. Маликов, О. Орозбаев, С. Бектурсунов, К.Баялинов, А. Осмонов, Р.Шукурбеков, Т. Уметалиевдерди киргизсек болот” [5, 4].

Бүгүнкү күндү котормочулук теориялык базага, концептуалдык аппаратка, системалаштырылган терминологиялык негизге ээ өз алдынча илимий дисциплина болуп эсептелет. Заманбап коомдо маалыматтык агымдын тыгыздыгы кыргыз тилинин трансформацияланууусуна жана анын функционалдык мүмкүнчүлүктөрүнүн кеңейишине алып келгени менен бир катар терең лингвистикалык маселелерди ачыкка чыгарды.

Кыргыз тилден/кыргыз тилине которууда семантикалык олуттуу мүчүлүштөргө жол берилүүдө.

Таб – Кыргыз тилине которуудагы типтүү семантикалык жана стилистикалык каталар

Баштапкы варианты	**Калькаланган котормо**	**Туура вариант**	**Талдоо**
Я читаю очень интересную книгу	Мен окуп жатам абдан кызыктуу китепти	Мен абдан кызыктуу китеп окуп жатам	Орус тилиндеги этиштин ортодо келиши кыргыз тилинин табиятына туура келбейт
Решение было принято комиссией	Бул чечим комиссия тарабынан кабыл алынды	Комиссия бул чечимди кабыл алды	«Тарабынан» сөзүн ашыкча колдонуу (пассив) тилди супсак кылат.
Он дал слово	Ал өзүнүн сөзүн берди.	Ал убада берди (же сөз берди)	«Дать слово» фразеологизмин түз которуу маанилик тактыктын жоголушуна алып келет.
Айланайын	Дорогой мой (контекстке ылайык)	Родной (түшүндүрмөсү менен)	Концепттерди түз которуу анын ички эмоционалдык жана маданий жүгүн жоготот

Булак: автор тарабынан түзүлдү.

Глобалдашуу доорунда пайда болгон жаңы түшүнүктөрдү кыргыз тилине которууда кээде сөзмө-сөз калькалоо ыкмасы колдонулуп, тилдин ички мыйзам ченемдүүлүктөрү эске алынбай калууда. Тилдин сулуулугу, ийкемдүүлүгү стилистикалык деградацияга алып келүүдө. Кыргыз тилинин бай мүмкүнчүлүктөрүн колдонуунун ордуна которуу процессинде кыргыз тилинин өзгөчөлүктөрүнө туура келбеген одоно, супсак фразалар жазылып жатат. Кыргызча эле жазылган, бирок орус (же англис) тилинин эрежесине ылайык түзүлгөн сүйлөмгө айланып калууда. Натыйжада, “жасалма” тил пайда болууда. Текстти окуганда ар бир сөздү түшүнөсүң, бирок ошол эле учурда кыргызча эмес, башка тилде сүйлөп жаткандай сезилет. Анткени котормочу, айталы, орус тилинде айтылган сүйлөмдөгү ар бир сөздү орун тартибин бузбастан кыргыз тилиндеги сөздөр менен гана алмаштырып койгон. Бул көрүнүштү илимий тилде синтаксистик интерференция же калькалоо деп айтылат. Белгилүү окумуштуу У. Вайнрайхтын айтуунча: “Тилдик интерференциянын пайда болушунун шарты болуп тилдердин байланышы, башкача айтканда, эки тилдик жамааттын ортосундагы кептик баарлашуу саналат” [6, 1–7].

Мисалы: *Я читаю интересную книгу о путешественниках. – Мен окуп жатам кызыктуу китепти саякатчылар жөнүндө.*

Көрүнүп тургандай, сөздөрдү мындай таризде которуу менен жалпы сүйлөмдүн маанисин кайсы бир деңгээлде түшүнүүгө болот, бирок, ошол эле учурда кыргыз тилинин ички баалуулугу, табигый ыргагы бузулат.

Ал эми котормо түшүнүгүн полимаданий мейкиндиктен алганда, ал коммуникациялык мамилелерди орнотуучу негизги курал болуу менен бирге эле, ошол тилдин идентүүлүгүнүн көрсөткүчү да болуп эсептелет. Себеп дегенде, айрым-айрым сөздөрдү которууда анчейин көйгөй жаралбашы мүмкүн, бирок фразеологизмдерди, концепттерди которууда сөзмө-сөз которуу ыкмасы маанилик кыйроого (коллапс) алып келет.

Маселен, кыргыз тилиндеги фразеологизмдердин терең инде элдин кылымдар бою топтогон тажрыйбасы, дүйнө таанымы жана образдуу ой жүгүртүүсү жатат. Алсак, “кой оозунан чөп албаган”, “жумурткадан кыр издеген” деген сыяктуу фразеологизмдерди сөзмө-сөз которо турган болсок, ал башка тилдин алып жүрүүчүсү үчүн эч кандай маани бербеген логикалык жактан байланышпаган сөздөрдүн тизмегине гана айланып калат.

Ар бир улуттун улуттук өзүнчөлүгүн идентификациялап турган концепттер бар. Мисалга кыргыз тилиндеги *намыс, айланайын, көп жаша, жолу улуу* ж.б. сыяктуу концепттер жөн гана сөз эмес, алар бүтүндөй бир маданияттын баалуулуктар системасын камтыйт. Аларды башка тилге которууда котормочу сөздүктү эмес, эки элдин менталитетин салыштырууга тийиш. Семантикалык деңгээлде гана чектелип калуу – бул тилдин «ички энергиясын» жана маданий кодун жок кылуу дегенди билдирет.

Мисалы, кыргыз элинин турмушунун энциклопедиясы эсептелген “Манас” эпосу ушундай концепттерге бай.

Жолукса жолборс албайбы,

Анан менин жолум катып калбайбы!

Качырса каман чалбайбы,

Анан менин кадемим катып калбайбы [7, 27].

Демек, котормонун чыныгы чеберчилиги сөздөрдү алмаштырууда эмес, түп нускадагы ойдун духун жана маданий контекстин сактап, аны экинчи тилдин табиятына шайкеш келтирүүдө.

Акыркы мезгилдерде дүйнөлүк котормочулук илиминде жасалма интеллектке, башкача айтканда нейрондук машиналык котормого (НМК – NMT) негизделген котормочулук ишмердүүлүк күч алууда. НМК – бул демек, жөн гана котормонун сөздүк курамынын өнүктүрүлүшү эмес, котормо жаатындагы технологиялык төңкөрүш десек болот. Бул жаатта эмгектенген белгилүү окумуштуулар Д. Сафина жана Р. Камаевдин пикиринче, «нейрондук машиналык колдонмо 6 баллдык өлчөө шкаласы менен алганда идеалдуу делген текстке карата 5 – 5,7 баллга чейин жетет» [8, 70–72.].

Нейротармакта сүйлөм бир бүтүндүк катары окулат, көп маанилүү сөздөрдүн колдонулушун контекстке карата иликтөөгө алат, талдайт. Бирок, мындай котормону адамдын кормосунан артык, же тескерисинче, адамдын кормосу машиналык кормодон жогору деп айтуу бүгүнкү күндө бир жактуу болуп калмакчы. Анткени, бул эки котормонун алдында дагы деле эки башка милдет турат.

Машиналык кормонун эң башкы жана талашсыз артыкчылыгы – ылдамдыгы, ыкчамдыгы. Ал эми адамдын кормосу машиналык кормого салыштырмалуу жай болгону менен, анда тандоо мүмкүнчүлүктөрү арбын. Окумуштуу В. Котенконун айтуунча, «адам кормодо тандоо эркиндигине жана контекстти терең кабыл алуу жөндөмүнө ээ, бул азыркы тапта ага машинага караганда кыйла натыйжалуу жана так жыйынтыктарды көрсөтүүгө мүмкүндүк берет» [9, 226].

Жыйынтык

Бүгүнкү күндө кыргыз тилинде НМК технологиялары толук ыңгайлашып бүтө электигине карабастан, кормо ишмердүүлүгүндө кеңири колдонулуп келе жаткандыгы анык. Алгоритмдер тилдин контексттик жана прагматикалык өзгөчөлүктөрүн, өзгөчө кыргыз тилине мүнөздүү болгон агглютинативдик түзүлүштү толук кандуу иштеп чыга албай жатканы менен бул маселенин чечилиши күн санап жакшыртылууда.

Эгер, мындан беш-он жыл мурда кормо менен тиешелүү тармактагы (айталы, элчилер, тил үйрөнүүчүлөр) айрым гана адамдар алектенсе, бүгүнкү күндө санариптик жана нейрондук тармактар доорунда бул көрүнүш массалык мааниге, башкача айтканда системалык мүнөзгө ээ болууда. ChatGPT, Google/Yandex сыяктуу тармактык системалар миңдеген, миллиондогон котормолордун арасынан эң дал келген жоопторду алып чыгышат. Бул учурда жеке адамдын кормосуна караганда нейрондук машиналык кормонун натыйжалуулугу кыйла жогору болушу толук ыктымал.

Ал эми кыргыз тилинде маселе кыйла өзгөчөлүү. Нейротүйүндөр сапаттуу которуусу үчүн ага миллиондогон даяр сүйлөмдөрдүн жуптарын (кыргызча-англисче, кыргызча-орусча ж.б.) жүктөө зарыл. Бизде мындай санариптештирилген маалыматтар (корпустар) европалык тилдерге караганда кыйла аз. Кыргыз тили (башка түрк тилдериндей эле) агглютинативдик тилдердин катарына киргендиктен, мүчөлөр абдан көп. Ал эле эмес, бир эле мүчөнүн бир нече варианттары да бар.

Мисалы: барыш жөндөмөсү *-га, -ге, -го, -гө; -ка, -ке, -ко, -кө* деп 8 вариантка ээ болсо, *-лар: – лер, -лор, -лөр, -дар, -дер, -дор, -дөр, -тар, -тер, -тор, -төр* деп 12 вариантка чейин өзгөрөт. Нейротармактар үчүн мындай көрүнүш флективдүү тилдердеги (айталы, орус, англис) сөздөрдү которгонго караганда кыйла кыйынчылыктарды жаратат.

Учурда кыргыз тилинденги кормо илими полимаданий мейкиндикте лингвистикалык гана эмес, стратегиялык мүнөзгө ээ көйгөйлөргө туш болууда. Тилдин тазалыгын сактоо менен бирге, аны заманбап илимдин, техниканын жана санариптик дүйнөнүн тилине айландыруу үчүн кормо маселесине комплекстүү мамиле талап кылынат. Лингвистикалык тазалыкты сактоо, маданий өзгөчөлүктөрдү туура берүү жана санариптик технологияларды кыргыз тилинин ички логикасына ылайыкташтыруу – бүгүнкү күндүн негизги стратегиялык багыттары болуп саналат.

Колдонулган адабияттар

1. Stolze R. Übersetzungstheorien: Eine Einführung. – 5., überarb. und erw. Aufl. – Tübingen, 2008
2. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1968
3. Шаповалов, Вячеслав Иванович. Ш 24 Язык переводческой науки: Учебная энциклопедия. Словарь терминов транслатологии: В 2 т. – Т. 2 / Инн. проект «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и профессиональной подготовки специалистов». – Б.: КРСУ, 2015. 614 с. ISBN 978-9967-19-262-1
4. Найда Ю. А. К науке переводить: принципы соответствий / Ю. Найда ; перев. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистик. – М., 1978

5. Котормо жана анын лингвистикалык табияты. Усулдук көрсөтмө /ЫМУ – Каракол, 2017. – 38 б.

6. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования [Текст]. Б., 2000.

7. Манас – кыргыз элинин батырдык эпосу [Текст] / Сагынбай Орозбаковдун варианты боюнча академиялык басылыш. – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – 1 китеп. – 567 б.

8. Сафина Д.Р., Камаев Р.Р. Использование искусственных нейронных сетей в современном машинном переводе // Информационные технологии в исследовательском пространстве разноструктурных языков : сборник трудов конференции. – Казань, 2017.

9. Котенко В.В. Перспективы развития нейронного машинного перевода в контексте концепции открытого образования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 4 (182). – С. 225–231.

Рецензент:к.ф.н., Исмаилова Ж.К.

УДК: 811.11+392.7

Мамутова З.Дж.
Ж. Баласагын атындагы КУУ
Мамутова З. Дж.
КНУ им. Ж. Баласагына
Z. D. Mamutova
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn

НЕМИС ТИЛИНИН МАТЕРИАЛЫНДАГЫ МЕЙМАНДОСТУКТУН УЛУТТУК-МАДАНИЙ ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ
НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГОСТЕПРИИМСТВА НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF HOSPITALITY BASED ON THE GERMAN LANGUAGE

Кыскача мүнөздөмө: Макала немис меймандостук маданиятын европалык жана дүйнөлүк мурастын маанилүү бөлүгү катары изилдөөгө арналган. Немис маданиятынын негизги элементтери каралат: тарых, музыка, философия жана искусство. Улуттук каада – салттарды, майрамдарды, ашкананын жана күнүмдүк турмуштун өзгөчөлүктөрү. Салттуу меймандостук баалуулуктарын азыркы маданият менен айкалыштырууга өзгөчө көңүл бурулат.

Аннотация: Статья посвящена изучению немецкой культуры гостеприимства как важной части европейского и мирового наследия. Рассматриваются ключевые элементы немецкой культуры: история, музыка, философия и искусство. Национальные традиции, праздники, особенности кухни и повседневной жизни. Особое внимание уделяется сочетанию традиционных ценностей гостеприимства и современной культуры.

Abstract. The article is devoted to the study of German hospitality culture as an important part of European and world heritage. Key elements of German culture are examined: history, music, philosophy and art. National traditions, holidays, features of cuisine and everyday life. Special attention is paid to the combination of traditional values of hospitality and modern culture.

Негизги сөздөр: маданият; меймандостук; улуттук каада-салттар; салттуу баалуулуктар; заманбап тенденциялар.

Ключевые слова: культура; гостеприимство; национальные традиции; традиционные ценности; современные тенденции.

Keywords: hospitality; culture; national traditions; traditional values; current trends.

Цель статьи – ознакомить читателя с основными чертами немецкой культуры гостеприимства, раскрыть ее историческое развитие, культурные традиции, вклад в мировое искусство и философию, а также показать особенности современной жизни в Германии. Рассмотреть влияние культуры на современное немецкое общество.

Под культурой понимается специфическое средство организации жизнедеятельности людей, которая выражается в результатах материального вклада, социальных норм и ценностей, отношении людей к природе, друг другу, а также по отношению к себе [1].

Национально – культурная специфика гостеприимства немцев характеризуется организованностью, уважением к личному пространству, вежливостью и умеренностью в проявлении эмоций. Немецкое гостеприимство основано не на внешней демонстративности, а на уважение, порядке и внимательном отношении к гостю.

Эта одна из форм человеческого бытия, социальный опыт, который реализуется в жизни отдельных индивидов или социальных групп. Другими словами, культура может рассматриваться как универсальное явление для одной определенной нации, как специфическим образом построенная ориентационная система. Эта ориентационная система влияет, как правило, на восприятие, мышление и поведение представителей той или иной культуры. Культура является средством восприятия и преобразования мира и имеет уникальный одноразовый характер, который определяет своеобразие и специфику истории каждого народа.

В повседневной жизни понятие «культура» употребляется, в трех значениях.

1. Под культурой подразумевается отдельная сфера жизни общества, которая существует в виде системы учреждений и организаций, занимающихся производством и распространением духовных ценностей (общества, клубы, театры, музеи).
2. Под культурой понимается совокупность ценностей и норм, присущих большой группе, общности, народу или нации (элитарная культура, культура молодежи).

Культура интерпретируется как выражение высокого уровня достижений человека в какой – либо деятельности (культура быта, культурный человек в значении «воспитанный и образованный») [2].

Германия часто ассоциируется с порядком, пунктуальностью и дисциплиной. Особенность немецкого гостеприимства – четкое соблюдение договоренностей. В последние десятилетия Германия становится все более интернациональной, и в крупных городах гостеприимство приобретает новые формы. Немцы с интересом относятся к другим культурам, любят делиться своими традициями, особенно в праздничные периоды – во время рождественских ярмарок или фестивалей урожая. Соблюдаемые традиции в Германии привлекают множество туристов. Благодаря сохраненным традициям и обычаям, передаваемым из поколения в поколение, каждый народ может самоидентифицироваться. Культура гостеприимства - Willkommenskultur – отношение германской общественности, государственных институтов к мигрантам. Это желание, чтобы граждане Германии были гостеприимны к мигрантам.

Народная культура и традиционная культура, включающая культурные пласты разных эпох от глубокой древности до настоящего времени, субъектом которой является народ – коллективная личность, которая означает объединение всех индивидов коллектива общностью культурных связей и механизмов жизнедеятельности. В широком смысле культура – это все, что создано человеком, она включает в себя как материальную, так и духовную культуру. Культура также говорит о качестве жизни. Она создает ощущение доверия и солидарности между людьми. Она доставляет удовольствие и счастье людям. Культура учит толерантности и взаимопониманию.

Немцы известны своим гостеприимством – Gastfreundschaft, которое сочетает в себе теплоту, уважение и скрупулезность. Гостеприимство немцев обычно сдержанное и формальное. Гостеприимство является важной частью культуры любого народа и отражает его ценности, образ жизни и отношение к окружающим. Немецкое гостеприимство имеет свои особенности, которые сформировались под влиянием истории, менталитета и социального устройства Германии. Один из

важнейших аспектов немецкого гостеприимства – пунктуальность. Пунктуальность показывает, что вы цените время собеседника. В гости чаще приглашают заранее, спонтанные визиты не очень приняты. Точное время важно; прийти вовремя – знак уважения. Такие фразы, как *«Entschuldigung, dass ich zu spät bin», «Извините за опоздание», «Vielen Dank für die Einladung», «большое спасибо за приглашение»,* поможет вам ориентироваться в этих нормах.

Вопрос: *«Wie geht es Ihnen?» «Как у Вас дела?»*

Один из главных черт немецкого гостеприимства является планирование, в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Не принято слишком долго засиживаться в гостях, важно уйти вовремя, но не сразу после еды. Немецкое гостеприимство не подразумевает «надрываться» перед приходом гостей. Акцент делается на общении, а не на обильном угощении. Подают кофе с пирогом или легкие закуски. «Нет» в значении «нет». Не принято настойчиво предлагать что-то после того, как гость отказался. Приглашение в гости – знак доверия, поэтому отказ может быть воспринят негативно.

Понимание норм гостеприимства в той или иной культуре может дать глубокое понимание языка и социальной структуры этой культуры. Немецкое гостеприимство богато традициями и этикетом. Гостеприимство в немецкой культуре может показаться менее ярко выраженным по сравнению с южноевропейскими или восточными культурами, оно все же занимает важное место и проявляется по – своему – с акцентом на уважение, порядок и искренность.

В Германии не принято приходить в гости без предварительного приглашения. Даже близкие друзья и родственники обычно договариваются о визите заранее и уточняют время. Это связано с уважением к личной жизни и распорядку дня хозяев. Немцы редко приглашают в гости знакомых людей, даже тогда отношения уже установлены. Если пригласили домой – это признак доверия и уважения. Гости будут стараться принять максимально комфортно и сдержанно. Опоздание на встречу, считается невежливым. Лучше прийти на час раньше, чем опоздать на 1 минуту. Принести небольшой подарок – обычай: цветы, шоколад, бутылка вина. Цветы можно дарить в нечетном количестве, избегая лилий, хризантем и гвоздики. Такой подход показывает, что немцы ценят не стоимость подарка, а внимание и уважение. Еда и напитки подаются с четким порядком. Принято с начала дождаться, когда все сядут за стол, затем сказать «*Guten Appetit!»* перед началом трапезы. Хозяева стараются, чтобы гостю было комфортно.

Вежливость и спокойная беседа ценятся больше, чем шум. Немцы соблюдают правила этикета, стараются не перебивать собеседников и поддерживать уважительный тон разговора. Отношение хозяев к гостю проявляется в заботе без навязчивости. Немцы стараются создать удобные условия: предлагают напитки, еду, место для отдыха, однако не склонны чрезмерно опекать гостя. Долгие посиделки не всегда ожидаются. После еды – *«Danke, es war sehr lecker!»* «Спасибо, было очень вкусно!» - вежливо и ценится хозяевами. Немцы придают большое значение чистоте и уюта в доме, особенно при приеме гостей. Вежливость проявляется через сдержанное, но искреннее внимание. Люди стараются создать теплую, но не навязчивую атмосферу – важно уважать личное пространство.

После визита также принято проявлять вежливость. Немцы часто благодарят хозяев за приглашение – лично, по телефону или сообщением. В некоторых случаях отправляют открытку или небольшое письмо с благодарностью. Это считается хорошим тоном воспитанности. В целом немецкое гостеприимство отражает такие ценности, как уважение, порядок, ответственность и искренность. Оно может показаться сдержанным по сравнению с традициями других народов, однако за внешней строгостью скрывается глубокое уважение к человеку и его личным границам. Немцы считают, что настоящее гостеприимство – это не пышность и изобилие, а внимание, пунктуальность и честное отношение к гостю. Молодежь, особенно в крупных городах, предпочитает неформальные встречи в кафе, парках или на совместных мероприятиях, что также является современной формой гостеприимства.

Гостеприимство – это важная человеческая и культурная ценность, выражающая готовность человека или сообщества принимать гостей с теплотой, уважением и заботой. Оно охватывает не только внешние действия, но и внутреннее отношение – открытость, щедрость, уважение к другому.
Основное значение гостеприимства:
Принять человека у себя дома - значит показать, что он тебе важен, что ты готов делиться своим пространством и ресурсами. Гостеприимство укрепляет дружбу, способствует сближению, разрушает барьеры между людьми. Как для личности, так и для страны, народа в целом. Гостеприимство на национальном уровне помогает развивать туризм, культурный обмен и международные отношения.

В разных культурах гостеприимство может быть не только обычаем, но нравственным долгом. Быть гостеприимным – значит быть человечным, отзывчивым, способным на сочувствие и заботу. Раньше, когда путешествия были опасны, а гостиниц почти не было, гостеприимство было необходимым элементом выживания. Люди, особенно странники, зависели от доброты других – накормят ли их, пустят ли под крышу. Поэтому в древности и средневековье гостеприимство было неотъемлемой частью морали. Сегодня гостеприимство сохраняет свою важность, хотя и принимает разные формы. Принять человека дома, быть вежливым и открытым с приезжими или новыми коллегами, проявить дружелюбие к чужому. Гостеприимство – это мост между людьми.

Немецкая культура – это сплав глубокой истории, современных традиций, высокого искусства и современного образа мышления. Культура и менталитет Германии отражают стремление к порядку, ответственности, честности и уважению к правилам. Эти качества проявляются не только в общественной жизни, но и в повседневных мелочах – от пунктуальности до экологического сознания.

Немецкая культура – это один из самых распространенных в Европе, является официальным в Германии. Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне и части Бельгии. Культура Германии – это богатая смесь традиций и современных достижений, которая продолжает удивлять и вдохновлять мир. Германия гордится своим культурным наследием и активно развивается в различных областях, от искусства и музыки до технологий и науки. Это уникальное сочетание древних традиций, богатого исторического наследия и современного европейского образа жизни и гармоничное сочетание древних традиций и современных ценностей.

Уважение к порядку, трудолюбию и качеству делает немецкое общество одним из самых стабильных и организованных в Европе. Знакомство с культурой Германии помогает лучше понять ее народ, историю и вклад в мировое наследие. Немцы, как правило, склонны к прямому общению, ценя честность и открытость. В немецкой культуре прямое и честное общение распространено и высоко ценится. Люди ожидают дуг от друга прямого выражения своего мнения. Если у окружающих сложится впечатление, что кто – то скрывает свои истинные мысли, они могут быть весьма разочарованы.

В повседневной жизни немцев можно увидеть такие важные черты, как организованность, уважение к правилам, экологичность и приверженность качеству.

Германия занимает важное место в культурной жизни Европы и мира. Ее вклад в музыку, философию, архитектуру и повседневную культуру сложно переоценить. После объединения Германии в 1990 году страна снова стала одним из культурных лидеров Европы. Сегодня немецкая культура – это сочетание богатой истории, уважения к традициям и открытости к современным веяниям. Германия активно развивает искусство, музыку, кино, философию, поддерживает культурный диалог и международное сотрудничество. Немецкая культура – это удивительная сочетание глубоких исторических традиций и современных тенденций, сформированное под влиянием регионального разнообразия, религиозных устоев и общеевропейских тенденций. Несмотря на глобализации, немцы бережно хранят народные ремёсла, фестивали и местные обычаи, что делает их культуру живой и самобытной.

Немецкая культура занимает особое место в истории Европы. От классической музыки и философии до современных технологий и искусства – Германия формировала и продолжает

формировать культурный ландшафт мира. Немецкая культура представляет собой удивительный синтез глубоких исторических корней и динамичного современного развития. Она формировалась под влиянием множества факторов – от регионального разнообразия до глобальных исторических событий, что сделало ее одной из самых богатых и самобытных в Европе.

Культурные ценности Германии связаны с многочисленными замками и городами резиденциями курфюрстов. Немецкая культура часто ассоциируется с такими качествами, как трудолюбие, аккуратность и пунктуальность.

Пословицы, поговорки, выражающие культуру – это краткие, традиционные выражения, передающие практическую мудрость, моральные уроки или культурные ценности. Эти выражения часто основаны на устных традициях и отражают опыт и верования сообщества, служа инструментами общения и обучения в рамках данной культуры. Пословицы отражают уникальные особенности своих культур через определенные темы, язык и контекст. Немецкие пословицы и устойчивые выражения наглядно показывают, какие ценности считаются важными: трудолюбие, самостоятельность, аккуратность, уважение к другим. Каждая пословица часто связана с культурными верованиями, историческим опытом или нормами, которые формируют восприятие людьми окружающего мира.

Deutsche Kultur: Ordnung muß sein, aber Spaß auch!- Немецкая культура: Порядок должен быть, но и веселье тоже!

Andere Länder, andere Sitten.- Другие страны – другие обычаи.

Das Leben ist kurz, die Kunst ist lang.- Жизнь коротка, искусство вечно.

Danke für das essen! – Спасибо за еду!

Der Appetit kommt beim Essen. – Аппетит приходит вовремя еды.

Die Liebe geht durch den Magen. Любовь приходит через желудок.

Ost und west, daheim das Best.- В гостях хорошо, а дома лучше.

Lieber eine Stunde früher, als eine Minute später. – Лучше на час раньше, чем на минуту позже.

Немецкое искусство и музыка – это один из самых ярких и значимых вкладов Германии в мировую культуру. Германия – одна из столиц современного искусства. С древности и до наших дней немцы развивали архитектуру, живопись, музыку и дизайн. Сочетая строгость философскую глубину и творческое новаторство. Германия считается родиной великих композиторов: Иоганн Себастьян Бах – мастер барочной музыки, автор духовных и органных произведений. Многие немецкие композиторы не только создавали музыку, но и формировали философское понимание ее значения. Искусство и музыка – это гордость культуры. Они олицетворяют духовную глубину, строгость формы и постоянный поиск нового. Германия известна своими достижениями в музыке; Кант, Ницше. Литературе – Гете, Гессе, Шиллер. От Баха до Баухауса, от Дюрера до Раммштейна – немецкое творчество всегда было частью мировой культурной истории.

Германия – страна с богатой историей, культурой и разнообразными традициями, которые привлекают множество людей со всего мира. Переезд в эту страну предполагает не только изучение языка, но и знакомство с культурными особенностями. Это помогает лучше понять местных жителей и интегрироваться в общество. Немцы ценят порядок, трудолюбие и точность. Немецкие традиции охватывают все аспекты жизни – от праздников и гастрономии до обычаев и семейных ценностей [3].

Историческое и философское наследие. Немецкая культура имеет многовековую историю, тесно связанную с политическими, религиозными и философскими процессами в Европе. Немецкая философия имеет богатое и разнообразное наследие, охватывающее различные направления и течения. В Средние века немецкие земли были центром европейской учености. Одним из самых влиятельных деятелей стал Мартин Лютер, начавший Реформацию. Позже философы Гегель, Фридрих Ницше и Иммануил Кант задали направление развитию европейской мысли.

Традиции в немецкой культуре. Формирование традиций в Германии связано с множеством факторов: географическое положение, исторические события, влияние соседних культур и религий.

Соблюдение традиций в современном немецком обществе остается важной частью культурной идентичности. Традиция – в антропологии набор представлений обычаев, навыков и привычек практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение; например, традиция поздравлять с днем рождения при помощи открыток, торта.

Многие традиции сохраняются и передаются из поколения в поколение, особенно в сельской местности и маленьких городах. В больших городах и среди молодежи можно наблюдать различное отношение к традициям. Тем менее, многие немецкие традиции переживают своеобразное возрождение, становясь популярными среди молодежи, которая видит в них возможность объединения и праздника. Это особенно заметно на фестивалях и в социальных сетях, где традиционные костюмы и обычаи часто демонстрируются и обсуждаются.

Немецкие традиции играют важную роль в жизни общества. Многие из них уходят корнями в Средневековье и по сей день остаются актуальными, сочетая историческое наследие с современными формами празднования. В Германии принято уважать обычаи, следовать правилам и отмечать праздники с размахом, особенно в кругу семьи. Традиции Германии – это сочетание древних обычаев, семейных и региональных праздников с современными взглядами на свободу, равенство и толерантность, в немецком обществе есть место юмору, самоиронии и душевной глубине. Изучая немецкую культуру, мы не только расширяем кругозор, но и лучше понимаем. Как устроено мышление и поведение людей в другом обществе. Это помогает воспитывать уважение к различиям и учиться лучшему у других народов.

Традиции Германии – это отражение ее исторического пути, национального характера и жизненных ценностей. Через праздники, обычаи и повседневные нормы немцы выражают уважение к порядку, семье и обществу. Эти традиции не только украшают культурную жизнь, но и помогают сохранять связь между поколениями, укрепляя идентичность нации. Немецкие традиции – это важная часть культуры страны. Они учат уважению к людям, природе и времени. От праздничных шествий до экологических привычек – все это делает Германию особенной и уникальной. Таким образом, немецкие традиции продолжают жить и развиваться, адаптируясь к реалиям современного общества и находя отклик в сердцах новых поколений.

Традиция – это система верований или поведения (народный обычай), действующая внутри группы людей или общества с каким значением или своим значением символом, имеющим корни в прошлом. Традиции могут сохраняться и увеличиваться в течение тысяч лет – само слово «традиция» происходит от латинского слова «tradere», буквально означающего ответственность, вручать, отдавать на хранение. Хотя, как сообщается, можно предположить, что традиции были изобретены намеренно, политические или культурные, в течение отведенного периода времени. Традиция – «traditio» предание, обычай – сложившаяся анонимно, в результате накопленного опыта, система норм, представлений, правил и образцов, которой руководствуется в своем поведении довольно обширная и стабильная группа людей.

Люди в Германии умеют радоваться, сохранять старое и уважать новое. Их традиции делают жизнь ярче и теплее – не только в праздники, но и каждый день.

Обычаи и традиции – это живое отражение немецкой культуры. Они формируют общественные нормы, укрепляют семейные связи и передаются от поколения к поколению.

Немецкие традиции отражают глубокую связь народа с историей, природой и семейными ценностями. Они формировались веками, впитывая христианские, региональные и народные элементы. Несмотря на современные изменения, многие из этих традиций остаются живыми и важными для немецкого общества. Местные традиции – это уникальные обычаи, практики, верования и ритуалы, характерные для конкретного сообщества или культуры. Эти традиции часто отражают исторический, социальный и географический контекст региона, помогая поддерживать чувство идентичности и преемственности среди его жителей. Немецкие традиции и обычаи разнообразны и охватывают праздники, свадебные обряды, повседневные манеры и многое другое.

Освоение немецкого языка через культуру – это не просто увлекательное знакомство с традициями страны, но и важный шаг к пониманию ее жителей, интеграции в их социум. Поскольку Германия имеет богатую историю, многие обычаи веками передаются из поколения в поколение. Современные граждане Германии стараются сохранить культурный ландшафт страны, но при этом остаются открытыми к его обогащению [4].

Формирование традиций в Германии связано множеством факторов: географическое положение, исторические события, влияние соседних культур и религий. Соблюдение традиций в современном немецком обществе остается важной частью культурной идентичности. Многие традиции сохраняются и передаются из поколения в поколение, особенно в сельской местности и маленьких городах и маленьких городах. В больших городах и среди молодежи можно наблюдать различное отношение к традициям.

Некоторые молодые люди проявляют большой интерес к культурному наследию и активно участвуют в традиционных праздниках, видя в этом способ сохранить свою идентичность и наследие. Другие могут воспринимать некоторые традиции как устаревшие или неактуальные в условиях современного глобализированного мира. Многие немецкие традиции переживают своеобразное возрождение, становясь популярными среди молодежи, которая видит в них возможность объединения и праздника. Это особенно заметно на фестивалях и в социальных сетях, где традиционные костюмы и обычаи часто демонстрируются и обсуждаются. Таким образом, немецкие традиции продолжают жить и развиваться, адаптируясь к реалиям современного общества и находя отклик в сердцах новых поколений [5].

Праздники и обряды. Рождество - один из главных и самых любимых праздников в Германии. Традиционно украшают дом, ставят рождественский венок и елку, пекут печенье (Plätzchen), обмениваются подарками. В городах открываются рождественские ярмарки с глинтвейном (Glühwein), сладостями и ремесленными изделиями. Праздники и традиции являются неотъемлемой частью немецкой жизни, поскольку они являются способом почтить прошлое, укрепить общественные связи и отметить важные вехи жизни – от Рождества и Октоберфеста до личных праздников, таких как дни рождения.

Национальная одежда. Хотя в повседневной жизни носят обычную современную одежду, во время праздников и фестивалей часто можно увидеть традиционные костюмы.

Ледерхозе – короткие кожаные штаны с подтяжками, мужской костюм. Дирндль – женское платье с корсетом, блузкой и передником. Эти наряды стали символом национальной идентичности и часто используются на туристических и культурных мероприятиях. Немцы любят наряжаться. Во время Октоберфеста женщины надевают традиционное платье со шнуровкой и вырезом, прикрепляя на него бант, если он расположен с левой стороны - девушка свободна, если с правой стороны – замужем. Привычки, праздники и традиции народа могут рассказать о его истории и менталитете.

Кулинарные традиции. Кухня Германии отличается региональным разнообразием и сытностью. Традиционными блюдами являются: колбаски, особенно в Баварии и Тюрингии. Квашеная капуста (Sauerkraut) и картофель в разных видах. Традиционные блюда: Bratwurst -жареная колбаска, Sauerbraten – тушеное мясо, Schweinshaxe – свиная рулька, Brezel - соленый крендель, Apfelstrudel -яблочный пирог.

Национальными характерными чертами своего национального характера являются: деловитость, вежливость, трудолюбие, пунктуальность, обязательность. Чувство долга, дружелюбие. Сентиментальность, любовь к порядку и честность. Немцы уделяют большое внимание балансу между работой и личной жизнью, часто ставя отдых и время, отведенное семье, выше профессиональных обязательств, что находит отражение в их решительной поддержке политики отпусков и отпусков по уходу за ребенком. В Германии принцип баланса между работой и личной жизнью обеспечивается за счет четко определенного рабочего времени, щедрой политики предоставления отпусков и законодательной базы, которая предусматривает длительный отпуск по

уходу за ребенком для обоих родителей. От немецких специалистов ожидается высокая пунктуальность, компетентность, точность и внимание к деталям, но между работой и личной жизнью существует четкая грань. Немцы предпочитают сохранять сосредоточенность и продуктивность в рабочее время.

В целом немецкий образ жизни сочетает в себе традиционные ценности эффективности, пунктуальности, приватности и стремления к порядку в повседневной жизни с более прогрессивными ценностями, такими как устойчивое развитие, экологическая сознательность и социальное равенство. Семья играет центральную роль, уделяя особое внимание совместному времяпрепровождению, особенно в праздники. Семья играет важную роль в любом обществе, и немецкая культура не исключение.

Повседневная жизнь структурирована, работа и отдых четко разделены, а социальное взаимодействие обычно планируется заранее и обсуждение заранее, что отражает более широкое культурное понимание предсказуемости и планируемости. Высоко ценятся виды спорта на открытом воздухе, наука, литература и искусство. В целом, образование и интеллектуальные занятия высоко ценятся, при этом особое внимание уделяется развитию самостоятельности и критического мышления с раннего возраста. Главной чертой немецкого менталитета считается дисциплина. Немцы стараются приходить вовремя, выполнять свои обязанности точно и добросовестно. Даже в повседневных делах важны точность и структура: у каждого события есть план, у каждой задачи – дедлайн. Немцы – очень рациональные и практичные люди. Они не любят тратить время впустую, предпочитают четкие договоренности и заранее обговаривают даже мелкие детали. Однако это вовсе не делает их «сухими» - напротив, в немецкой культуре много теплых традиций. Немецкие пословицы и поговорки хорошо передают характер народа.

Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen. – Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Übung macht den Meister. – Повторение – мать учения. Эти выражения подчеркивают уважение к труду, ответственности и стремление к качеству.

Современные немцы – люди прагматичные, дисциплинированные и вежливые. Они строго соблюдают правила, ценят честность и пунктуальность. Немецкое общество стремится к равенству и социальной справедливости. Немцы в целом терпимы к чужим культурам, если соблюдаются базовые нормы: уважение к законам, гендерное равенство, права человека. Избегание ненужных эмоций – национального характера. Люди стараются быть сдержанными, логичными и в быту, и на работе.

Молодые немцы часто решают путешествовать по миру, участвовать в волонтерских проектах за рубежом или изучать то, что им интересно, а потом искать, как на этом заработать. Конечно, такие варианты возможны только потому, что Германия – привилегированная страна с множеством финансовых стимулов и системой социальной защиты, позволяющей гражданам исследовать и развиваться за пределами традиционных карьерных путей.

Знакомство с традициями Германии – важный шаг на пути к пониманию страны и ее культуры.

Германия славится своими богатыми и разнообразными традициями, которые формировались на протяжении многих веков. Немецкий язык является важным инструментом для успешной интеграции в общество. Это позволяет не только лучше понять традиции и обычаи, но и почувствовать себя увереннее в повседневной жизни, будь то общение на работе, в учебе или в кругу друзей. Немецкий язык - не просто средство общения, а важная часть культурной самобытности Германии. Он отражает особенности мышления, национального характера и исторического развития страны. Через язык открывается доступ к великому литературному наследию, к традициям и ценностям немецкого общества. Изучая немецкий язык, понимание истории и культуры Германии поможет понять ее особенности и, следовательно, повседневную жизнь немцев. Традиции и обычаи - неотъемлемая часть любой нации, это то, что существенно отличает жителей одной страны от других. Германия тоже не исключение.

Владение языком необходимо для повседневного общения, решения бытовых вопросов, учебы, работы и участия в общественной жизни. Владение языком не только облегчает общение, но и открывает двери к более глубокому пониманию культурных нюансов. Многие традиции сопровождаются уникальными диалектами, песнями и выражениями, которые можно оценить только зная язык.

Язык и культура тесно связаны между собой, и в Германии это особенно заметно. Немецкий язык не только средство общения, но и важный носитель исторических, культурных и философских ценностей народа. Через язык передаются традиции, образ мышления, нормы поведения и национальная идентичность. Немцы гордятся своим языком и стремятся его сохранять, несмотря на глобализацию. Поддержка языка считается важным элементом сохранения культуры и традиции.

Изучая язык и культуру одновременно, можно создать прочную основу для успешной и гармоничной жизни в новой стране. Понимание языка позволяет общаться, строить отношения и интегрироваться к местным обычаям.

Язык отражает культуру своего народа, его социальное устройство, его менталитет и мировоззрение. Тайна языка заключается в его способности быть выразителем национальной ментальности, где фразеологизмы, символы и метафоры являются «ценнейшим источником сведений о культуре». Важнейшей функцией языка является то, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение, а также играет решающую роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа и нации. В языке как зеркале культуры, отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [6].

Язык, речь, культура, речевой акт, речевое поведение и коммуникация тесно между собой взаимосвязаны. Культура является таким социальным феноменом, который приобретается во взрослой жизни человека и сопровождает его речь в процессе речевой деятельности, а также невербальной коммуникации. Культура представляет собой крайне сложное и многогранное явление, выражающее все стороны человеческого бытия. Она включает в себя все, что создано человеческим разумом и руками. Язык как орудие вербальной коммуникации рассматривается как орудие культуры важнейшей частью культуры и все особенности структуры и функционирования могут считаться проявлением культуры языкового или этнического коллектива.

Язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель.

Окружающий мир, духовная жизнь и поведение людей осознаются в когнитивных структурах, которые в свою очередь, реализуются в языковых категориях и формах. Каждый народ по своему членит мир, осуществляет категоризацию и концептуализацию реальной картины мира [7].

Изучение языка позволяет глубже понять культуру, ее традиции и обычаи. Сочетание знания языка и культуры способствует успешной интеграции в новое общество, позволяет чувствовать себя уверенно и комфортно, а также полноценно участвовать в жизни страны. Таким образом, изучение языка и культуры одновременно создает прочную основу для успешной и гармоничной жизни в новой стране, помогая адаптироваться, общаться и интегрировать в местное сообщество.

Знание культуры помогает адаптироваться к новым условиям, понимать социальные нормы, избегать ошибок в общении и налаживать более тесные связи с местными жителями.

При изучении языка очень важно понимать традиции, образ жизни, ценности и мировоззрение общества, к которому принадлежит этот язык. Язык – это способ самовыражения культуры, а культурные элементы глубоко укоренены в языке.

Например, идиомы, пословицы, даже слова, используемые в языке, отражают образ мышления и образ жизни, характерный для данной культуры.

Идиомы: *Den Nagel auf den Kopf treffen.* - Попасть гвоздем по голове.
Bei Mutter Grün. - На лоне природы. У матушки – природы.
Das ist im grünen Bereich. - Это нормально. Это в зеленой зоне.
Немцы люди, которые любят, когда все идет как надо, то есть «в зеленой зоне».
Немецкие пословицы отражают пунктуальность, трудолюбие и прагматизм, часто фокусируясь на порядке, терпении и мудрости.
Wer lesen kann, ist klar im Vorteil.- Кто умеет читать, тот в выигрыше.
Man lernt nie aus.- Никогда не поздно учиться.
Ein Buch mit sieben Siegeln. - Книга с семью печатями [8].

Изучение таких выражений помогает не только расширить словарный запас, но и лучше понять менталитет носителей языка. При изучении языка полезно обращать внимание на контекст, в котором употребляются эти выражения, чтобы правильно их использовать.

Заключение

Гостеприимство в немецкой культуре – это уважение к человеку, пунктуальность по времени и искренность намерений. Здесь меньше «внешней теплоты», но если вы стали гостем в немецком доме, вас примут со всем вниманием, которое предполагает глубокую культуру личного пространства и уважения к другим.

Немецкие традиции – это основа культурной идентичности народа. Они объединяют прошлое и настоящее, придают смысл праздникам и обычаям, формируют уважение к культуре, дисциплине и семье. Несмотря на современные изменения, традиции остаются важной частью жизни в Германии.

Германия также известна как страна поэтов и мыслителей. Богатая искусством, литературой, музыкой и технологическими изобретениями, немецкая культура известна своим стремлением к совершенству. Глубоким уважением к истории, защитой свободы мысли и неизменной приверженностью принципам устойчивого развития.

Изучая традиции Германии, мы лучше понимаем, как живет немецкое общество, что оно ценит и как сохраняет свою культурную идентичность, несмотря на современные перемены.

Изучение культуры другой страны помогает развивать уважение, расширять кругозор и лучше понимать мировое разнообразие.

Немецкие пословицы, традиции и поведение в быту показывают, что немцы – практичные, дисциплинированные и ответственные люди. Это делает их культуру уникальной и интересной для изучения.

Литература:

1. «Культурология» A. Thomas. Kulturstandards. 1990. Deutschland.
2. «Основы межкультурной коммуникации» Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин.2003г.
   Москва.
3. «От культуры гостеприимства к культуре интеграции» О.В. Михина. 2018г. Екатеринбург.
4. «Традиция» https:/ru.wikipedia.org
5. «Традиции Германии» https://www.de-online
6. «Лингвокультурология» учебное пособие. Маслова В.А. 2001г. Москва.
7. «Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации» Монография. 2012г. Бишкек. Кадырбекова П. К. (374-376)
8. «Народная культура» https://ru.wikipedia.org

Рецензент: проф. Акчекеева М.С.

УДК 811.512.154:811.112.2

Пайзулаева А.У.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Пайзулаева А.У.
КНУ имени Ж. Баласагына
Paizulaeva A.U.
KNU named after Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗ ЖАНА НЕМИС ТИЛДЕРИНДЕ ШАРТТУУЛУКТУ БИЛДИРҮҮ КАРАЖАТТАРЫ: ГРАММАТИКАЛЫК ЖАНА ПРАГМАТИКАЛЫК САЛЫШТЫРМА ТАЛДОО
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УСЛОВНОСТИ В КЫРГЫЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
MEANS OF EXPRESSING CONDITIONALITY IN KYRGYZ AND GERMAN: A GRAMMATICAL AND PRAGMATIC CONTRASTIVE ANALYSIS

Кыскача мүнөздөмө: Макалада кыргыз жана немис тилдериндеги шарттуулукту билдирүүчү каражаттар салыштырма аспектиде талданат. Кыргыз тилиндеги -са/-се формалары, немис тилиндеги *wenn* багыныңкы сүйлөмдөрү жана *Konjunktiv II* формалары каралып, алардын функционалдык окшоштуктары менен айырмачылыктары аныкталат. Изилдөөнүн жаңылыгы шарттуулукту билдирүүчү каражаттарды грамматикалык формалары боюнча гана эмес, сүйлөмдүн семантикалык өзгөчөлүктөрүн жана колдонулуу контекстин эске алуу менен салыштырма талдоодо турат.

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ средств выражения условности в кыргызском и немецком языках. Рассматриваются формы -са/-се в кыргызском языке, придаточные предложения с союзом *wenn* и формы *Konjunktiv II* в немецком языке. Выявляются их функциональные сходства и различия. Научная новизна исследования заключается в сопоставлении средств выражения условности не только с точки зрения их грамматических форм, но и с учетом семантических особенностей предложения и контекста употребления.

Abstract: The article presents a contrastive analysis of the means of expressing conditionality in Kyrgyz and German. It examines the Kyrgyz forms *-ca/-ce*, German subordinate clauses introduced by *wenn*, and the forms of *Konjunktiv II*, identifying their functional similarities and differences. The scientific novelty of the study lies in comparing these means of expressing conditionality not only in terms of their grammatical forms but also by taking into account sentence semantics and the context of use.

Негизги сөздөр: кыргыз тили; немис тили; шарттуулук; шарттуу ыңгай; шарттуу сүйлөм; модалдуулук; салыштырма грамматика.

Ключевые слова: кыргызский язык; немецкий язык; условность; условное наклонение; условное предложение; модальность; сопоставительная грамматика..

Keywords: Kyrgyz; German; conditionality; conditional mood; conditional clause; modality; contrastive grammar.

Киришүү

Тил адамдын ой жүгүртүүсүн, көз карашын жана коммуникативдик ниетин билдирүүнүн негизги каражаты болуп саналат. Сүйлөө учурунда адам окуяны же аракетти гана билдирбестен, анын ишке ашуу шартын, мүмкүнчүлүгүн, болжолдуулугун жана натыйжасын да көрсөтөт. Мындай маанилерди туюнтууда шарттуулук категориясы өзгөчө орун ээлейт.

Кыргыз жана немис тилдери грамматикалык түзүлүшү боюнча айырмаланган тилдер болуп саналат. Кыргыз тили агглютинативдүү тил катары грамматикалык маанилерди көбүнчө мүчөлөр аркылуу билдирет. Немис тилинде флексиялык формалар, жардамчы этиштер, аналитикалык конструкциялар

жана сөздөрдүн сүйлөмдөгү орду маанилүү роль ойнойт. Ошондуктан эки тилдеги шарттуулукту салыштыруу формалардын сырткы окшоштугун гана эмес, алардын функциясын жана контекстте туюндурган маанисин да эске алууну талап кылат.

Кыргыз тилиндеги шарттуу ыңгайдын негизги көрсөткүчү -са/-се мүчөсү болуп саналат. А. Акунова, Б. Чокошева жана Эшимбекова Г. шарттуу ыңгайды кыймыл-аракеттин ишке ашышына шарт болгон этиштик форма катары түшүндүрүшөт [1, с. 62]. Немис тилинде шарттык байланыш көбүнчө wenn, falls жана sofern сыяктуу байланыштыргычтар аркылуу берилет; реалдуу шарттарда Indikativ, ал эми болжолдуу жана реалдуу эмес кырдаалдарда Konjunktiv II колдонулушу мүмкүн [3; 4].

Теманын актуалдуулугу кыргыз жана немис тилдеринин шарттуулук каражаттарын функционалдык жактан салыштыруу зарылдыгы менен аныкталат. Мындай изилдөө тилдердин грамматикалык системаларын терең түшүнүүгө, немис тилин үйрөтүүдө эне тилдин таасирин эске алууга жана котормодо маанилик дал келүүлөрдү туура тандоого жардам берет.

Изилдөөнүн максаты — кыргыз жана немис тилдеринде шарттуулук маанисин билдирүүчү негизги каражаттарды салыштырып, алардын грамматикалык, семантикалык жана прагматикалык өзгөчөлүктөрүн аныктоо. Максатка жетүү үчүн төмөнкү милдеттер коюлду: шарттуулук түшүнүгүнүн теориялык мазмунун кароо; кыргыз тилиндеги -са/-се формаларынын кызматын талдоо; немис тилиндеги wenn-конструкцияларын жана Konjunktiv IIни мүнөздөө; эки тилдин ортосундагы окшоштуктар менен айырмачылыктарды аныктоо; жыйынтыктардын тил үйрөтүү жана котормо үчүн маанисин көрсөтүү.

Изилдөөнүн объектиси — кыргыз жана немис тилдериндеги шарттуулукту билдирүүчү конструкциялар. Предмети — бул конструкциялардын грамматикалык түзүлүшү, маанилик түрлөрү жана коммуникативдик кызматтары. Макаланын илимий жаңылыгы эки тилдин формаларын түздөн-түз теңдештирбестен, аларды бирдей семантикалык критерийлер боюнча салыштырууга аракет жасалганында. Практикалык мааниси салыштырма мисалдарды тил үйрөтүүдө жана котормо көнүгүүлөрүндө колдонуу мүмкүнчүлүгү менен байланыштуу.

1. Изилдөөнүн теориялык негизи жана адабияттарга обзор

Шарттуулук семантикалык жактан эки компоненттин — шартты билдирген бөлүктүн жана натыйжаны билдирген бөлүктүн — ортосундагы байланышты камтыйт. Шарттуу конструкцияда шарт катары берилген окуя ишке ашса, экинчи окуянын ишке ашышы күтүлөт, болжолдонот же мүмкүн деп каралат. Бирок шарттуу сүйлөмдөрдүн баары эле бирдей деңгээлде реалдуу эмес. Айрымдары жалпы мыйзам ченемдүүлүктү же ишке ашышы ыктымал жагдайды билдирсе, башкалары элестетилген же өткөндө ишке ашпай калган кырдаалды көрсөтөт.

Кыргыз тилинин морфологиясы боюнча окуу куралында грамматикалык ыңгай сүйлөөчүнүн кыймыл-аракеттин чындыкка болгон мамилесин билдирүүчү категория катары түшүндүрүлөт. Шарттуу ыңгай -са мүчөсү аркылуу уюшулары жана аракеттин ишке ашышына шарт болгон жагдайды көрсөтөрү белгиленет [1, с. 62–63]. Бул аныктама кыргыз тилиндеги шарттуулукту морфологиялык категория катары талдоого негиз берет. Ошол эле учурда сүйлөмдүн толук маанисин аныктоодо баяндоочтун формасы, лексикалык курамы жана контекст да маанилүү.

Г. С. Акишева кыргыз тилиндеги шарттуу, тилек жана максат ыңгайларын англис тилиндеги шарттуу ыңгай менен функционалдык-грамматикалык аспектиде салыштырат [2, 26–29-б.]. Бул эмгек кыргыз тилиндеги ыңгай категорияларынын башка тилдеги бир гана грамматикалык форма менен толук дал келбей турганын көрсөтүүгө жардам берет. Бирок анын изилдөө объектиси англис тили болгондуктан, макалада ал кыргыз-немис түз салыштыруусунун далили катары эмес, функционалдык салыштыруунун методологиялык мисалы катары колдонулат.

Немис тилинин шарттуу сүйлөмдөрү боюнча Leibniz-Institut für Deutsche Sprache институтунун grammis маалымат системасында wenn, falls жана sofern шарттык байланыштыргычтар катары көрсөтүлүп, wenn-сүйлөмдөрүнүн шарттык, мезгилдик жана башка колдонулуштары айырмаланат [3]. Бул жагдай шарттуу сүйлөмдү аныктоодо байланыштыргычтын өзүн гана эмес, контекстти да

эске алуу зарылдыгын көрсөтөт. Бир эле wenn формасы бардык учурларда шарттык маанини билдире бербейт.

Duden маалымдамасында Konjunktiv I көбүнчө кыйыр кепти белгилөө үчүн колдонулса, Konjunktiv II мүмкүн болгон, элестетилген жана реалдуу эмес жагдайларды билдирүүдө маанилүү экени белгиленет [4]. Ошондой эле айрым Konjunktiv II формалары Indikativ Präteritum менен дал келгенде же эскиргендей угулганда würde + Infinitiv конструкциясы колдонулушу мүмкүн [5]. Демек, немис тилинде шарттуулукту бир гана Konjunktiv II менен чектөө туура эмес: реалдуу болушу мүмкүн болгон шарттар Indikativ менен да бериле алат.

Адабияттарды салыштырып кароо бул изилдөөнүн негизги багытын аныктоого мүмкүндүк берет. Кыргыз тили боюнча булак шарттуу ыңгайдын морфологиялык көрсөткүчүн түшүндүрөт; Акишеванын эмгеги функционалдык салыштыруунун зарылдыгын көрсөтөт; немис тили боюнча расмий грамматикалык ресурстар шарттык конструкциялардын түрлөрүн жана Konjunktiv IIнин кызматтарын тактайт. Каралган булактарда кыргыз жана немис тилдеринин шарттуулук каражаттары бирдиктүү критерийлер боюнча түз салыштырылбагандыктан, бул макалада реалдуулук даражасы, грамматикалык форма, синтаксистик түзүлүш жана коммуникативдик функция негизги салыштыруу критерийлери катары алынат.

2. Изилдөөнүн методдору жана материалы

Изилдөө сыпаттоо, салыштырма-типологиялык жана контексттик талдоо ыкмаларына негизделет. Сыпаттоо ыкмасы ар бир тилдеги грамматикалык каражаттарды өзүнчө мүнөздөөгө колдонулат. Салыштырма-типологиялык ыкма шарттуулуктун мааниси окшош болгон кыргызча жана немисче сүйлөмдөрдүн түзүлүшүн салыштырууга мүмкүндүк берет. Контексттик талдоо форманын конкреттүү мааниси бүтүндөй сүйлөмдүн ичинде кандайча аныкталарын көрсөтүү үчүн колдонулат. Изилдөөнүн материалы катары кыргыз тилинин морфологиясы боюнча окуу куралы, кыргыз жана англис тилдериндеги ыңгай категорияларын салыштырган илимий макала, ошондой эле немис тилинин шарттуу сүйлөмдөрү жана Konjunktiv II боюнча Duden жана grammis ресурстары пайдаланылды [1–5]. Булактар теориялык түшүндүрмөлөрдү тактоо үчүн колдонулду. Макалада статистикалык маалыматтар, эксперименттик жыйынтыктар же көлөмү көрсөтүлгөн корпустук материалдар пайдаланылган жок.

Мисалдарды тандоодо төрт критерий жетекчиликке алынды: биринчиден, сүйлөмдө шарт менен натыйжанын байланышы болушу; экинчиден, шарттын реалдуу же болжолдуу мүнөзү ажыратылышы; үчүнчүдөн, эки тилде семантикалык жактан салыштырууга боло турган сүйлөмдөрдүн берилиши; төртүнчүдөн, мисалдардын грамматикалык түзүлүшү түшүндүрүлүшү. Немисче мисалдар стандарттуу грамматикалык моделдерге ылайык түзүлдү, кыргызча мисалдар алардын маанилик функциясын салыштыруу үчүн берилди.

Методологиялык чектөө катары макалада корпустук же эксперименттик талдоо жүргүзүлбөгөнүн белгилөө зарыл. Ошондуктан жыйынтыктар бардык сүйлөө кырдаалдары боюнча статистикалык жалпылоо катары эмес, тандалган грамматикалык конструкциялардын сапаттык салыштырма талдоосу катары чечмеленет. Бул чектөө макаланын корутундуларын негиздүү деңгээлде кармоого жана изилдөөнүн келечектеги багыттарын так көрсөтүүгө шарт түзөт.

3. Кыргыз тилиндеги шарттуулукту билдирүү каражаттары

Кыргыз тилиндеги шарттуу ыңгайдын негизги формалдык көрсөткүчү -са/-се мүчөсү болуп саналат. Мүчөнүн варианты үндөшүү мыйзамына ылайык тандалат: барса, келсе, болсо, көрсө. Бул форма этишке грамматикалык шарттуулук маанисин берет. А. Акунова, Б. Чокошева жана Г. Эшимбековалар шарттуу ыңгайдын мүчөсү -са экенин жана анын аракеттин ишке ашышы үчүн шарт болгон кыймыл-аракетти билдирерин көрсөтүшөт [1, с. 62].

Мисалы: «Эгер студент тапшырманы аткарса, окутуучу анын ишин текшерет». Бул сүйлөмдө «аткарса» формасы шартты, «текшерет» формасы натыйжаны билдирет. «Эртең убактым болсо, китепканага барам» деген сүйлөмдө да баруу аракети убакыттын болушуна шартталган. Бул эки мисалда шарттын ишке ашуусу реалдуу мүмкүнчүлүк катары берилген.

Шарттуу форма дайыма эле бирдей семантикалык өңүттү туюнтпайт. «Убактың болсо, мага жардам бер» деген сүйлөмдө шарттуу форма өтүнүч же сунуш менен байланышат. «Ким көп окуса, ал көптү билет» деген сыяктуу жалпылоочу сүйлөмдөрдө шарттык байланыш жалпы мыйзам ченемдүүлүккө жакын маанини туюнта алат. Демек, -са/-се формасынын кызматы синтаксистик чөйрө жана сүйлөө максаты менен бирге каралышы керек.

Кыргыз тилинде болжолдуу же ишке ашпай калган жагдайды билдирүүдө шарттуу форма негизги сүйлөмдөгү -мак/-мек сыяктуу формалар менен айкалышы мүмкүн: «Убактым көбүрөөк болсо, китепти толук окуп чыкмакмын». Бул сүйлөмдө «болсо» формасы шартты, «окуп чыкмакмын» формасы шарт аткарылган учурдагы болжолдуу натыйжаны билдирет. Мындай конструкцияны немис тилиндеги Konjunktiv II менен функционалдык жактан салыштырууга болот, бирок эки системанын грамматикалык түзүлүшү бирдей эмес.

Өткөн убакытка байланышкан ишке ашпай калган шарт төмөнкүдөй берилет: «Кечээ убактым болгондо, жыйынга катышмакмын». Бул сүйлөмдө сүйлөөчү жыйынга катышуу аракети ишке ашпаганын же ишке ашуусу мүмкүн болбой калганын кыйыр түрдө билдирет. Мындай маанини түшүндүрүүдө шарттуу бөлүктү гана эмес, бүтүндөй сүйлөмдүн формасын талдоо керек.

Ошентип, кыргыз тилиндеги шарттуулук бир морфологиялык мүчө менен гана чектелбейт. -са/-се формасы шарттык мамиленин негизги көрсөткүчү болгону менен, натыйжа бөлүгүндөгү этиштик форма, лексикалык каражаттар жана контекст шарттын реалдуулук даражасын аныктоого катышат. Бул өзгөчөлүк кыргыз жана немис тилдерин салыштырганда маанилик деңгээлди өзүнчө кароонун зарылдыгын көрсөтөт.

4. Немис тилиндеги шарттуулук каражаттары

4.1. Wenn-конструкциялары жана Indikativ

Немис тилинде шарттык мамилени билдирүүдө wenn байланыштыргычы кеңири колдонулат. Мындан тышкары falls жана sofern сыяктуу каражаттар да шарттык маанини билдире алат [3]. Wenn-сүйлөмдөрү шарттык гана эмес, мезгилдик же башка контексттик маанилерде да колдонулушу мүмкүн. Ошондуктан байланыштыргычтын бар экендиги сүйлөмдүн шарттуу экенин автоматтык түрдө билдирбейт; анын мааниси контекстте аныкталат.

Реалдуу болушу мүмкүн болгон шартта Indikativ колдонулат: Wenn ich Zeit habe, lese ich das Buch. — «Эгер убактым болсо, китепти окуйм». Wenn es morgen regnet, bleiben wir zu Hause. — «Эгер эртең жамгыр жааса, үйдө калабыз». Бул сүйлөмдөрдө шарт ишке ашышы мүмкүн болгон жагдай катары берилет, ал эми этиштер Indikativ формасында турат.

Немис тилинин багыныңкы сүйлөмүндө жакталган этиш, адатта, сүйлөмдүн аягында жайгашат. Мисалы, Wenn ich Zeit habe деген бөлүктө habe этиши аягында келет. Кыргыз тилинде болсо этиштин шарттуу формасы -са/-се мүчөсү аркылуу түзүлөт. Бул айырма эки тилдин синтаксистик уюшулушун салыштырууда маанилүү критерий болуп саналат.

4.2. Konjunktiv II жана болжолдуу шарт

Konjunktiv II немис тилинде элестетилген, болжолдуу же реалдуу эмес жагдайларды билдирүүдө колдонулат. Duden бул форманын мүмкүн болгон жана реалдуу эмес кырдаалдарды туюнтуудагы кызматын белгилейт [4]. Мисалы: Wenn ich mehr Zeit hätte, würde ich ein neues Projekt beginnen. — «Эгер убактым көбүрөөк болсо, жаңы долбоор баштамакмын». Hätte формасы шартты, würde ... beginnen конструкциясы болжолдуу натыйжаны билдирет.

Дагы бир мисал: Wenn ich an deiner Stelle wäre, würde ich die Aufgabe anders lösen. — «Сенин ордуңда болсом, тапшырманы башкача чечмекмин». Бул сүйлөмдө сүйлөөчү чыныгы учурда башка адамдын ордунда эмес, ошол жагдайды элестетип жатат. Демек, Konjunktiv II сүйлөөчүнүн реалдуулукка болгон мамилесин көрсөтөт.

Өткөн мезгилдеги каршы фактылык шартта Konjunktiv IIнин өткөн формасы колдонулат: Wenn ich gestern Zeit gehabt hätte, hätte ich an der Sitzung teilgenommen. — «Кечээ убактым болгондо, жыйынга катышмакмын». Бул сүйлөмдө убакыттын болбогону жана жыйынга катышуу аракети ишке

ашпаганы контексттен түшүнүлөт. Кыргызча сүйлөмдө бул маани шарттуу форма менен катар -мак/-мек формасы аркылуу берилет.

Konjunktiv IIни Konjunktiv I менен чаташтырбоо керек. Duden маалымдамасында Konjunktiv I негизинен кыйыр кепти билдирүүдө, ал эми Konjunktiv II мүмкүн болгон, элестетилген жана реалдуу эмес жагдайларды көрсөтүүдө колдонулары белгиленет [4]. Ошондуктан бул макалада шарттуулукка байланыштуу бөлүк катары Konjunktiv II гана талдоого алынат.

4.3. Würde + Infinitiv конструкциясы

Немис тилинде würde + Infinitiv конструкциясы Konjunktiv IIнин айрым формалары менен катар колдонулат. Duden маалымдамасында бул конструкция айрым формалар Indikativ Präteritum менен бирдей болуп калган учурда же жөнөкөй Konjunktiv II формасы эскиргендей угулганда маанини тактоо үчүн пайдаланылары айтылат [5]. Мисалы: Ich würde helfen, wenn ich Zeit hätte. — «Убактым болсо, жардам бермекмин».

Бул конструкцияны бардык учурларда милдеттүү деп эсептөөгө болбойт. Hätte, wäre, könnte сыяктуу кеңири колдонулган формалар көп учурда түз Konjunktiv II түрүндө эле берилет. Демек, форма тандоо этиштин түрүнө, сүйлөмдүн стилине жана контекстке жараша аныкталат. Салыштырма талдоодо würde + Infinitiv кыргыз тилиндеги -мак/-мек формасы менен айрым учурда функционалдык жактан жакындашы мүмкүн, бирок грамматикалык түзүлүшү боюнча башкача экенин эске алуу зарыл.

5. Кыргыз жана немис тилдериндеги шарттуулуктун салыштырма талдоосу

Эки тилдеги шарттуулук каражаттарын салыштыруу үчүн грамматикалык форма, шарттын реалдуулук даражасы, сүйлөмдүн синтаксистик түзүлүшү жана коммуникативдик функциясы деген төрт критерий колдонулду. Бул критерийлер бир гана формалдык окшоштукка таянбай, сүйлөмдүн толук маанисин салыштырууга мүмкүнчүлүк берет.

Биринчи критерий — грамматикалык форма. Кыргыз тилинде шарттуу ыңгай -са/-се мүчөсү аркылуу уюшулат. Немис тилинде шарттык мамиле wenn сыяктуу байланыштыргыч жана этиштин Indikativ же Konjunktiv II формалары аркылуу берилет. Ошондуктан кыргыз тилиндеги шарттуу ыңгай бир грамматикалык мүчө менен мүнөздөлсө, немис тилиндеги шарттуу конструкция бир нече каражаттын өз ара аракеттенүүсү менен түзүлөт.

Экинчи критерий — реалдуулук даражасы. «Эгер эртең убактым болсо, китепканага барам» жана Wenn ich morgen Zeit habe, gehe ich in die Bibliothek сүйлөмдөрүндө шарт реалдуу болушу мүмкүн болгон жагдай катары берилет. Ал эми «Убактым көбүрөөк болсо, китепти толук окуп чыкмакмын» жана Wenn ich mehr Zeit hätte, würde ich das Buch ganz lesen сүйлөмдөрүндө шарт болжолдуу жагдай катары көрсөтүлөт. Бул салыштыруу кыргыз тилинде маанинин бүтүндөй конструкция аркылуу, немис тилинде болсо Konjunktiv IIнин формалдык көрсөткүчтөрү аркылуу такталарын көрсөтөт.

Үчүнчү критерий — синтаксистик түзүлүш. Кыргыз тилинде шарттуу бөлүктөгү баяндооч көбүнчө сүйлөмдүн аягында келип, -са/-се мүчөсүн кабыл алат. Немис тилиндеги wenn-багыныңкы сүйлөмүндө жакталган этиш аягына жайгашат. Бирок бул окшоштук эки тилдин жалпы сүйлөм түзүлүшү бирдей дегенди билдирбейт: кыргыз тилинде шарттуулук этиштин морфологиялык формасы аркылуу, немис тилинде байланыштыргыч жана этиштин орду менен кошо берилет.

Төртүнчү критерий — коммуникативдик функция. Эки тилде тең шарттуу конструкциялар сунуш, кеңеш же белгилүү бир аракеттин аткарылышына байланышкан ойду билдирүүгө катыша алат. Мисалы, «Убактың болсо, жардам берип кой» сүйлөмү сылык өтүнүч катары колдонулушу мүмкүн. Немис тилинде сылык өтүнүч көп учурда Könnten Sie mir bitte helfen? деген Konjunktiv II формасы менен берилет. Бул сүйлөмдөрдүн грамматикалык түзүлүшү айырмаланса да, коммуникативдик максаты жагынан жакындашат.

Төмөнкү таблица салыштыруунун негизги жыйынтыктарын жалпылайт.

1-таблица. Кыргыз жана немис тилдериндеги шарттуулук каражаттарынын салыштырма мүнөздөмөсү

Критерий	Кыргыз тили	Немис тили

Негизги каражат	-са/-се шарттуу ыңгайы	wenn/falls/sofern; Indikativ; Konjunktiv II
Реалдуу шарт	Эгер убактым болсо, барам.	Wenn ich Zeit habe, gehe ich.
Болжолдуу шарт	Убактым болсо, бармакмын.	Wenn ich Zeit hätte, würde ich gehen.
Өткөн чак, ишке ашпаган шарт	Убактым болгондо, катышмакмын.	Wenn ich Zeit gehabt hätte, hätte ich teilgenommen.
Синтаксистик белги	Шарттуу этиштик форма	Багыныңкы сүйлөмдө жакталган этиш аягында
Маанини аныктоо	Форма, натыйжа бөлүгү жана контекст	Байланыштыргыч, этиштин формасы жана контекст

Таблицадагы мисалдардан көрүнүп тургандай, эки тилде шарт менен натыйжанын семантикалык байланышы бар. Бирок шартты билдирген грамматикалык каражаттар жана алардын формалдык уюшулушу айырмаланат. Кыргыз тилиндеги -са/-се формасын немис тилиндеги Konjunktiv II менен бардык учурларда түздөн-түз теңдештирүү мүмкүн эмес. Айрым контексттерде алар функциясы боюнча жакындаса, реалдуу шарттарда кыргыз тилиндеги -са/-се немис тилиндеги Indikativ менен да салыштырылат.

Бул жыйынтык котормо процессинде өзгөчө маанилүү. Эгер котормочу кыргыз тилиндеги -са формасын көргөн сайын немис тилиндеги Konjunktiv IIни тандаса, реалдуу шартты билдирген сүйлөмдөрдө маанилик жана грамматикалык ката кетириши мүмкүн. Тескерисинче, немец тилиндеги Konjunktiv IIни кыргыз тилине сөзмө-сөз өткөрүү да дайыма туура эмес. Туура эквивалентти тандоодо шарттын реалдуулугу, сүйлөөчүнүн көз карашы жана сүйлөмдүн коммуникативдик максаты эске алынууга тийиш.

6. Талкуу жана изилдөөнүн практикалык мааниси

Жүргүзүлгөн талдоо шарттуулукту бир гана морфологиялык көрсөткүчкө байлап коюу жетишсиз экенин көрсөтөт. Кыргыз тилинде -са/-се формасы негизги грамматикалык каражат болуп саналат, бирок сүйлөмдүн натыйжа бөлүгү жана контекст маанинин реалдуу же болжолдуу экенин аныктоого катышат. Немис тилинде болсо шарттык байланыш көбүнчө wenn сыяктуу байланыштыргыч аркылуу белгиленип, этиштин Indikativ же Konjunktiv II формасы реалдуулукка болгон мамилени көрсөтөт [3; 4].

Бул айырмачылыкты тил үйрөтүүдө ачык түшүндүрүү зарыл. Студенттерге грамматикалык формаларды өз-өзүнчө жаттатуу менен чектелбестен, бирдей семантикалык кырдаалды эки тилде ар башка каражаттар менен кантип билдирүүгө болорун көрсөтүү натыйжалуу. Мисалы, алгач реалдуу шарт берилген сүйлөмдөрдү салыштырып, андан кийин болжолдуу жана өткөндө ишке ашпаган шарттарды талдоо сунушталат.

Практикалык сабакта студенттерге кыргызча сүйлөмдөрдүн маанисин аныктап, аларды немис тилине которуу тапшырмасы берилет. Андан соң студенттер эмне үчүн белгилүү бир сүйлөмдө Indikativ, башка сүйлөмдө Konjunktiv II колдонулганын түшүндүрөт. Мындай тапшырма форма менен маанинин ортосундагы байланышты аң-сезимдүү өздөштүрүүгө шарт түзөт.

Котормо ишинде да контексттик мамиле маанилүү. Бирдей шарттык мазмун ар башка тилдерде бирдей грамматикалык форма менен берилбеши мүмкүн. Мисалы, кыргыз тилиндеги сылык өтүнүч шарттуу форма аркылуу берилсе, немис тилинде Konjunktiv II формасындагы модалдык этиш колдонулушу мүмкүн. Бул көрүнүш тил аралык эквиваленттүүлүк формалардын окшоштугуна эмес, алардын коммуникативдик кызматына негизделерин көрсөтөт.

Макалада көрсөтүлгөн тенденциялар сапаттык грамматикалык салыштыруунун жыйынтыгы болуп эсептелет. Келечектеги изилдөөдө кыргыз жана немис тилдериндеги көркөм, публицистикалык, академиялык жана сүйлөшүү тексттеринен мисалдарды топтоп, шарттуулуктун ар бир түрүнүн колдонулуш жыштыгын жана прагматикалык функцияларын өзүнчө кароо зарыл.

Корутунду жана сунуштар

Изилдөөнүн максатына ылайык кыргыз жана немис тилдериндеги шарттуулукту билдирүүчү негизги грамматикалык каражаттар салыштырылды. Талдоонун негизинде төмөнкү жыйынтыктар чыгарылды.

Биринчиден, шарттуулук эки тилде тең бир окуянын ишке ашуусун башка бир шартка байланыштырган семантикалык категория болуп саналат. Анын маниси грамматикалык форма менен катар сүйлөмдүн толук түзүлүшүнө жана контекстке жараша аныкталат.

Экинчиден, кыргыз тилинде -са/-се формалары шарттуу ыңгайдын негизги көрсөткүчү болуп эсептелет. Бул форма реалдуу болушу мүмкүн болгон шарттарды билдирүүдө да, башка этиштик формалар менен айкалышканда болжолдуу жагдайларды туюнтууда да колдонулат [1].

Үчүнчүдөн, немис тилинде шарттуулук wenn, falls жана sofern сыяктуу байланыштыргычтар, Indikativ жана Konjunktiv II формалары, ошондой эле würde + Infinitiv конструкциясы аркылуу берилет. Реалдуу болушу мүмкүн болгон шарттарда Indikativ колдонулушу мүмкүн, ал эми Konjunktiv II көбүнчө элестетилген, болжолдуу жана реалдуу эмес кырдаалдарды билдирет [3–5].

Төртүнчүдөн, кыргыз тилиндеги шарттуу ыңгай менен немис тилиндеги Konjunktiv II айрым контексттерде функционалдык жактан жакындашат, бирок алардын грамматикалык түзүлүшү жана колдонулуу шарттары бирдей эмес. Ошондуктан котормодо формалдык окшоштукка гана таянбастан, шарттын реалдуулук даражасын жана коммуникативдик максатын аныктоо зарыл.

Бешинчиден, салыштырма талдоо тил үйрөтүүдө жана котормодо практикалык мааниге ээ. Окутууда реалдуу шарт, болжолдуу шарт жана өткөндө ишке ашпай калган шарт өзүнчө салыштырылып, ар бир сүйлөмдүн грамматикалык формасынын тандалышы негизделиши керек.

Келечектеги изилдөөлөр үчүн кыргыз жана немис тилдеринин корпустарынан алынган мисалдарды талдоо, шарттуу конструкциялардын колдонулуш жыштыгын аныктоо жана алардын ар түрдүү коммуникативдик кырдаалдардагы функцияларын изилдөө сунушталат. Мындай ыкма бул макалада сунушталган сапаттык жыйынтыктарды кеңейтүүгө жана эмпирикалык материал менен бекемдөөгө мүмкүндүк берет.

Пайдаланылган адабияттар

1. Акунова А., Чокошева Б., Эшимбекова Г. Азыркы кыргыз тили. Морфология: жогорку окуу жайдын педагогика факультетин сырттан окуган студенттер үчүн кошумча окуу куралы. — Бишкек, 2009. — 150 б.

2. Акишева Н. С. Функционально-грамматическая типология английского сослагательного наклонения (The Subjunctive Mood) и кыргызских условного (шарттуу ыңгай), желательного (тилек ыңгай) и долженствовательного (максат ыңгай) наклонений // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 26–29.

3. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. Konditionalsätze // Grammatisches Informationssystem grammis. URL: https://grammis.ids-mannheim.de/systematische-grammatik/

4. Dudenredaktion. Konjunktiv I oder II? // Duden Sprachwissen. URL: https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/konjunktiv-1-oder-2.

5. Dudenredaktion. Konjunktiv II oder „würde“-Form? // Duden Sprachwissen. URL: https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Konjunktiv-2-oder-w%C3%BCrde-Form.

Рецензент: Гузиева З. К. – к.ф.н., доцент КНУ им. Ж. Баласагына

УДК. 811.111:81

Садыкова А. С.
Ж.Баласагын атындагы КУУ
Садыкова А. С.
КНУ имени Ж, Баласагына

Sadykova A.S.
The Kyrgyz National University named after J. Balasagyn

А.СИЛЛИТОУНУН «ЭШИКТИН АЧКЫЧЫ» РОМАНЫНДАГЫ ЭМФАТИКАЛЫК ФРАЗАЛАР
ЭМФАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЫ ПО РОМАНУ А.СИЛЛИТОУ «КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ»
EMPHATIC PHRASES IN THE NOVEL «THE KEY TO THE DOOR» BY A. SILLITOE

Аннотация: Бул макалада А.Силлитоунун «Эшиктин ачкычы» романындагы басымдуу сөз айкаштары б.а (эмфатикалык фразалар) каралат. Башкача айтканда, эмфаза сүйлөмдүн белгилүү бир бөлүгүн окурманга же угармандын көңүлүнө көбүрөөк жеткиликтүү кылып, ага өзгөчө маани жана эмоционалдык өң берет. Көркөм адабиятта эмфаза каармандардын сүйлөөсүнүн жана баяндоонун көркөмдүүлүгүн күчөтүү үчүн кызмат кылат. Ал диалогдордо эмоцияларды, мамилени же чыңалууну чагылдырууга, ошондой эле сүрөттөлүштөгү маанилүү деталдарга көңүл бурууга жардам берет. Эмфазалык конструкциялар өзгөчө сүйлөө стилине жана көркөм тексттерге мүнөздүү, анткени авторлор жандуу сүйлөөнү туурап, аны табигый угузганга умтулушат. Мисалы, **Alan Sillitoунун “The Key to the Door”** романында эмфаза каармандардын сүйлөөсүн мүнөздөп берүүдө жана баяндоонун эмоционалдык өңүн түзүүдө маанилүү роль ойнойт.

Аннотация: В данной статье рассматриваются эмфатические фразы (т.е., акцент) в романе А. Силлитоу «Ключ к двери». Иными словами, акцент делает определенную часть предложения более понятной читателю или слушателю, придавая ей особое значение и эмоциональный тон. В художественной литературе акцент служит для усиления выразительности речи и повествования персонажей. Он помогает передать эмоции, отношение или напряжение в диалоге, а также привлечь внимание к важным деталям в сцене. Эмфатические конструкции особенно характерны для устной речи и литературных текстов, поскольку авторы стремятся имитировать живую речь и придать ей естественное звучание. Например, в романе Алана Силлитоу «Ключ к двери» ударение играет важную роль в характеристике речи персонажей и создании эмоционального тона повествования.

Abstract^This article considers the emphatic phrases (i.e., emphatic phrases) in A. Sillitoe's novel "The Key to the Door." In other words, emphasis makes a certain part of a sentence more accessible to the reader or listener, giving it special meaning and emotional tone. In fiction, emphasis serves to enhance the expressiveness of characters' speech and narration. It helps to convey emotions, attitudes, or tension in dialogue, as well as to draw attention to important details in a scene. Emphatic constructions are particularly characteristic of spoken language and literary texts, as authors strive to imitate live speech and make it sound natural. For example, in Alan Sillitoe's novel “The Key to the Door”, emphasis plays an important role in characterizing the characters' speech and creating the emotional tone of the narrative.

Негизги сөздөр: эмфаза; көркөм; эмоцияналдык өң; интонация; лексика; грамматика каражаттары; көркөмдүүлүктү күчөтүү; сүйлөө стили.

Ключевые слова: эмфаза; литературное изображение; эмоциональная окраска; интонация; вокабуляр; лексика; грамматические средства; инструменты; стиль речи.

Keywords: emphasis; artistic/literary; emotional coloring/tone; intonation; vocabulary; grammatical means/tools; style of speech.

Эмфаза — билдирүүнү көркөм кылып, анын маанилүү маанилик басымдарын баса белгилөөнүн негизги ыкмаларынын бири. Эмфаза — бул билдирүүдөгү белгилүү бир элементти өзгөчө бөлүп көрсөтүү катары түшүнүлөт; ал интонация аркылуу, сөздөрдүн кадимки тартибин өзгөртүү же ар кандай лексикалык жана грамматикалык каражаттарды колдонуу менен ишке ашат. Башкача айтканда, эмфаза сүйлөмдүн белгилүү бир бөлүгүн окурманга же угармандын көңүлүнө көбүрөөк жеткиликтүү кылып, ага өзгөчө маани жана эмоционалдык өң берет. Көркөм адабиятта эмфаза каармандардын сүйлөөсүнүн жана баяндоонун көркөмдүүлүгүн күчөтүү үчүн кызмат кылат. Ал

диалогдордо эмоцияларды, мамилени же чыңалууну чагылдырууга, ошондой эле сүрөттөлүштөгү маанилүү деталдарга көңүл бурууга жардам берет. Эмфазалык конструкциялар өзгөчө сүйлөө стилине жана көркөм тексттерге мүнөздүү, анткени авторлор жандуу сүйлөөнү туурап, аны табигый угултканга умтулушат. Мисалы, **Alan Sillitoynun "The Key to the Door"** романында эмфаза каармандардын сүйлөөсүн мүнөздөп берүүдө жана баяндоонун эмоционалдык өңүн түзүүдө маанилүү роль ойнойт. Бул роман Ноттингемдин жумушчу табынын сүйлөө диалектинин элементтери менен жарым-жартылай жазылгандыктан, сөз айкаштарын ар түрдүү каражаттарын, анын ичинде эмфазаны талдоо үчүн бай материал берет.

Эмфазаны логикалык басым, гипербола же экспрессивдүү (билдирүү) лексика сыяктуу башка стилистикалык каражаттардан айырмалап кароо керек. Логикалык басым (сөздү өзгөчө басым менен айтуу) жазма текстте графикалык түрдө берилет (мисалы, же *it is ... that* сыяктуу конструкциялар аркылуу). Гипербола (ашкере көбүртүп айтуу) жана башка троптор образдуулукту күчөтөт, ал эми эмфаза негизинен аллегориясыз эле түзүлүштүк же лексикалык бөлүп көрсөтүү болуп саналат. Мисалы, нейтралдуу «He was very upset» деген сүйлөмдү эмфазалык «He did feel upset» варианты менен салыштырып көрөлү. Экинчи учурда *did* жардамчы этиши грамматикалык максатта эмес, ырастоочу билдирүүгө басым кошуу үчүн колдонулат — бул эмфазалык конструкция болуп саналат. Ошентип, эмфаза жаңы образ же салыштыруу алып келбейт, ал болгону бар сөздөрдүн маанисин баса белгилейт. Бул аны метафора, ирония жана кошумча маанилик өңдөрдү киргизген башка айтылыш каражаттарынан айырмалап турат. Эмфаза болсо, тескерисинче, сүйлөмдүн түздөн-түз маанисин күчөтөт. Тилдеги **эмфазанын функциялары** ар түрдүү. Ал логикалык-маанилик функцияны аткара алат, билдирүүдөгү негизги компонентти бөлүп көрсөтүү үчүн (мисалы, аракеттин субъектин же объектин).

Ошондой эле эмоционалдык-экспрессивдүү функциясы болушу мүмкүн, билдирүүнүн эмоционалдык үнүн күчөтүү — таң калыштууну, нааразылыкты, ишенимди ж.б. көрсөтүү үчүн. Эмфаза көп учурда контрасттык функцияны аткарат, каршылыкты баса белгилейт: «Not a single word did he say» – ал бир да сөз айткан жок (инверсия категорикалык четке кагууну баса көрсөтөт). Диалогдук сүйлөшүүдө эмфазалык айткычтар байланыш орнотуу функциясын да аткара алышат — сүйлөшүүчүгө көңүл бурдуруу же билдирүүнү баса белгилөө үчүн.

Мисалы: «But I do care!» – бул жерде *do* жооптун эмоционалдык таасирин күчөтөт. Англис тилинде, сөздөрдүн туруктуу тартиби менен, эмфазалык трансформациялар өзгөчө сөз айкалыштары болуп саналат. Нейтралдуу тартиптен (субъект – предикат – толуктоо) ар кандай алмашуу дароо көңүлдү буруп, көбүнчө маанини жүктөйт. Ошондуктан синтаксистик эмфаза (мисалы, сөздөрдүн тартибин өзгөртүү) сөз айкалыш англис сүйлөөсүнө абдан мүнөздүү. Мындан тышкары, *very, absolutely, such, so* сыяктуу лексикалык күчөтүүчү сөздөр, ар кандай айтылыштык сөздөр жана риторикалык конструкциялар кеңири колдонулат.

Бул бөлүм эмфазанын феноменин англис тилинде терең изилдөөгө арналган, мисал катары "The Key to the Door" романы колдонулат. 1.1-берене эмфаза түшүнүгүн жана аны башка стилистикалык каражаттардан айырмалоону тактайт, эмфазанын функцияларын тизмектейт жана анын колдонулушун романдан мисалдар менен көрсөтөт. 1.2-берене эмфазанын негизги лексикалык каражаттарын (күчөтүүчү сапташтак сөздөр, эмоционалдык жүктөлгөн лексика, ызы-чуу билдирген конструкциялар) романдан мисалдар менен талдайт. 1.3-берене эмфазаны грамматикалык каражаттар менен билдирүүгө (инверсия, бөлүнгөн сүйлөмдөр, эмфазалык *do*, синтаксистик элементтердин кайталоосу) арналган — ошондой эле **The Key to the Door романынан** мисалдар менен. 1.4-берене макулдашуу конструкцияларын (*although, though, even though, while/whereas*) карайт жана алар текстте эмфазалык контрастты кантип түзөрүн көрсөтөт.
Бардык мисалдар түптүк тилде берилет, романдын бөлүмү (Chapter) көрсөтүлгөн жана кайсы техника колдонулуп жаткандыгы жана кандай эффект алынганы тууралуу талдоосу менен коштолгон. Презентациянын тили — орусча, академиялык стильде, так түзүмгө жана туруктуу аналитикалык логикага ээ.

Алан Силлитонун «Эшиктин ачкычы» (The Key to the Door) аттуу романынан басым жасоочу ыкмалар колдонулган мүнөздүү мисалдарды карап чыгабыз. Ар бир мисалга тиешелүү бөлүм (Ch.) көрсөтүлүп, басым кандайча жаратылганы жана анын кандай таасир бергендиги түшүндүрүлөт.

1. Синтаксистик параллелизм аркылуу басымдык карама-каршылык:

'We'll get consumption if we stay here,' he called. She turned on him: "Where do you think we're going to live then? Under the canal bridge?" ***"No," he answered, "we'll get a house." (Ch.1).*** Бул диалогдо жубайлар суу каптаган үйү тууралуу талашып жатышат. Ситон алар калса, алар ооруп калат (керектөө) деп кыйкырып, аялы ачууланып алар кайда жашай турганын сурайт - көпүрөнүн астында? Ситон катуу жооп берет: 'Жок, биз үй алабыз.' - 'Жок, биз үй алабыз.' Бул жерде так карама-каршылык бар: керектөө жана үй алуу. Эки сөз айкашындагы «биз алабыз...» этишинин кайталанышы параллелдүү түзүлүштү түзөт, мында толуктоочтор гана өзгөрөт (оорукка каршы үй). "Бул жерде калсак, керектөөнү алабыз" деди ал. Ал ага бурулду: "Анда биз кайда жашайбыз деп ойлойсуң? Канал көпүрөсүнүн астында?" «Жок, - деп жооп берди ал, - биз үй алабыз. (Ch.1).

2. Диалогдо кайталоо жана экспрессивдүү лексика аркылуу басым жасоо:

*''What does this smell like on my coat, Lilly?' "Why," she says, "it's paraffin." "**That's what "Arold done,**' I told her. 'He got mad at summit… though I don't know what, and this is what he went and done.' Lilly turned white with rage… 'You know what I'd do if it was my coat?' Lilly said. 'I'd wait for him coming in that gate, then I'd put a match to it and throw it over him in flames. I **would, by bleeding Christ, I would an' all. No ' No bleeding man 'un do that to me.***'" (Ch.1). Бул менин пальтомдун жыты кандай, Лилли?' "Эмне үчүн," дейт ал, "бул парафин". **"Аролд ушундай кылды"** дедим мен ага. "Ал сумматка жинденип кетти... бирок мен билбейм, ал эмне кылды, эмне кылды." Лилли ачууланып агарып кетти... "Билесиңби, эгер бул менин пальтом болсо эмне кылат элем?" - деди Лили. «Мен анын ошол дарбазадан кирип келишин күтмөкмүн, анан ага ширеңке салып, аны отко ыргытмакмын. Машаяктын канын агызып, мен баарын каалайт элем. Эч бир кандуу адам 'мени мындай кылбасын'" (Ch.1). Бул фрагмент каармандардын басым менен каныккан эмоционалдык сүйлөө жаркын мисалы болуп саналат. Биринчиден, Вера (баяндамачы) кошунасы Лиллиге күйөөсү Гарольд пальтосуна керосин куюп салганын түшүндүрөт («Аролд ушундай кылды» – Гарольд ушундай кылды). "Бул ... кылган" курулушу "Муну Гарольд кылган" деген сөзгө барабар - Вера ким күнөөлүү экенин баса белгилейт. Ал жөн эле бир фактыны айтпастан, күйөөсүнүн аракетине басым жасап, ушуну + коет. Андан кийин өзгөчө көңүл бурууга татыктуу болгон Лилинин эмоционалдуу монологу.

Бул мисалда бир нече баса белгилөө ыкмалары колдонулган: Вера менен сүйлөмдү бөлүү («Гаролд ушундай кылган»), Лилинин кайталоосу жана инверсиясы («Мен... мен болмокмун», «No man «un do...»), ошондой эле экспрессивдүү сөздөрдүн көптүгү (кан агуу) жана илеп интонациялары белгиленет. Мунун баары биригип абдан күчтүү эмоционалдык боёкту жаратат. Бул жерде басым Лиллинин ачуусун жана кыжырданууусун билдирүү үчүн кызмат кылат - анын сөзү ар бир сүйлөм түзмө-түз болгон окуянын кабыл алынгыстыгы жөнүндө кыйкырып тургандай курулган. "Мен болмокмун" деген сөздүн кайталанышы анын коркунучун бекемдейт, ал эми "No man "un do..." инверсиясы "no man" абсолюттук мааниге басым жасайт. Бул эпизод диалогдун экспрессивдүүлүгүн синтаксистик деңгээлде (кайталоо, инверсия) жана лексикалык деңгээлде (кан салуу, интеръекциялар) кантип күчөтөрүн эң сонун көрсөтүп турат.

3. Мактоо толтурулган интонациялык жана лексикалык басым:

"Брайан аны бир короодон ыргытып жиберди, анын жеп кеткенин көрдү. «Аа, жакшы бала бар экен, анын айткандарын аткарат», - деди Ситон. «Эми мен сага тамеки картасын берем.» (Ch.1). Бул көрүнүштө атасы (Ситон) кичинекей Брайанды алдаганга үйрөтөт (квитанцияны өрттөп жиберет) жана уулун ага баш ийгендиги үчүн мактайт. Анын саптары 'Ах!' илеп менен башталат – ал илеп белгиси менен өз алдынча кесилиш катары ажыратылат. Бул "Ах!" канааттануу жана жеңилдик билдирет - Ситтон Брайан анын көрсөтмөлөрүн аткарганына ыраазы. Андан кийин "Жакшы бала бар" – стандарттуу мактоо үнү келет: "Молодец." Бул жерде басым Ах! өзү жана мактоо интонациясы. Жакшы деген сөздү позитивдүү баалоонун лексикалык интенсификатору катары кароого болот,

бирок эң негизгиси мактоонун алдында тыныгуу жана үндөп коюу болуп саналат. Ситондун жообу ачык эле эмоционалдуу угулат – окурман атасынын ыраазы болгон үнүн элестетет. Басым интонациялык жактан («А!» жана илеп белгиси аркылуу) жана лексикалык жактан («сен жакшы баласың» деген нейтралдуу сөздүн ордуна жакшы жигит деген сөздү интерфекциясыз тандоо менен) жетишилет. Жазылган текстте бул так илеп басымы: «!» жана «Аа!» деген сөздүн болушу күчтүү эмоцияны (кубаныч, сыймыктануу) билдирет.

4. Автордун сүрөттөмөсүндө басымдуу бөлүнүү конструкциясы (ит-жарык):

«Бул бир нече саатка созулган оюн болду.» (Ch.10).

Бул мисал Брайандын бала кезиндеги окуядан алынган. Жазуучу Брайан сааттын жебелерин карап, сааттын жебеси менен канчалык аз ойной алганын мындайча сүрөттөйт: "Бул бир нече саатка созулган оюн болду." Бул жерде нейтралдуу "Оюн саатка созулду" дегендин ордуна "It was ... that ..." конструкциясы колдонулуп, "оюн" деген сөздү баса белгилейт. Б.а. элемент - бул учурда, болуп жаткан нерсе зеригүү же башка нерсе эмес, чынында эле оюн болгон. Автор айтылбаган суроого жооп берип жатат: «Бул эмне болду?» — Оюн. Ошентип, сөз оюну логикалык басымга ээ болот.

Бул сүйлөмдөгү басым түшүндүрмө кызматын аткарып, сөз айкашына кошумча маани берет. Каарман үчүн бул эрмек чындап эле оюн катары кабыл алынганын окурман түшүнөт. басым жок, кургак деп айтууга болот: "Күтүү саатка созулду." - күтүү бир нече саатка созулду. Бирок Силлитое бала үчүн бул иш-аракеттин ойноок, элестүү мүнөзүн баса белгилегиси келген, ошондуктан ал жарыгын колдонот. Анын таасири сүйлөмдүн тыянак сыяктуу категориялык жана экспрессивдүү угулат. Ал таасирди бекемдеген чекит менен бөлүнгөн. Натыйжада, басымдын аркасында биз Брайандын элестетүүсүндө бул оюн экенин ачык түшүнөбүз (сырттан караганда бул жөн гана көпкө күтүү болсо да). Бул мисал грамматикалык реструктуризациянын жардамы менен (It was... that ... дегендин киришүүсү) автор каалаган түшүнүккө семантикалык басым жасоого кантип жеткенин көрсөтөт.

5. Маанисин бекемдөө үчүн кайталоо аркылуу басым жасоо:

‘...бирок роман окулуп, кайра окулуп, кайра окулду.’ (Ch.5).

Бул Брайандын «Баардыктар» романына болгон кызыгуусун сүрөттөйт. “Окуп, кайра окудум, кайра окудум” деген сөз айкашы “окуу” этишинин үч жолу кайталанышы. “Роман көп жолу окулду” дегендин ордуна, автор атайылап кайталайт: оку, кайра оку, кайра оку. Бул лептикалык кайталоо күчтүү баса белгилөөчү функцияга ээ - ал Брайан бул китепти канчалык деңгээлде окуганын баса белгилейт. Бул жердеги кайталоо эки максатты аткарат: семантикалык жактан көптүктү бекитет, ал эми стилистикалык жактан учурдун экспрессивдүүлүгүн, салтанаттуулугун жаратат (окуу этиши күч менен үч жолу угулат дегендей).

Мунун таасири, окурман эрксизден кайра-кайра окуу фактысына көбүрөөк көңүл буруп, анын каарман үчүн толкунданууусун же маанисин сезет. Бул кайталоо ыкмасы (градация) чечендик өнөрдө басым жасоо үчүн көп колдонулат. Мында адабий текстте каармандын дилгирлигин берип, китептин таасирин эмоционалдуу түрдө баса белгилейт. Котормосун салыштырып көрөлү: «Роман окулду, кайра окулду жана дагы бир жолу окулду» – бул жөнөкөй кабар эмес, окуунун маанисине басым жасалганы дароо байкалат.

Ошентип, окулган сөз формасын кайталоо жөнөкөй, бирок күчтүү баса белгилөө ыкмасы болуп саналат. Кызыгы, Силлитоу үч жолу кайталоону колдонгон, бул сөз айкашына толуктук жана ритмдик сезимди берет. Бул мисал лексикалык-синтаксистик басымды көрсөтөт: бир эле сөздү бир сөз айкашында кайталоо аркылуу кыймыл-аракетке өзгөчө экспрессивдүү басым жасалат.

Келтирилген мисалдар басымдын ар кандай түрлөрүн камтыйт: лексикалык (2 жана 3-мисалдардагы атооч, каргыш сөздөр), грамматикалык (1, 2, 4, жана 5-мисалдардагы кайталоо, инверсия) жана алардын айкалыштары. Мына ушул мисалдарга таянып, «Эшиктин ачкычы» романынын тилинде сценалардын эмоционалдык тонун күчөтүү, ойду карама-каршы коюу, каармандарга (алардын сөзү аркылуу) мүнөздөмө берүү үчүн басым жасалат деген жыйынтыкка

келүүгө болот. Силлитоу эмфатикалык ыкмаларды ар кандай жолдор менен колдонот: кээде ачык (Бул оюн болгон...), кээде кыйыр түрдө (диалекттин инверсиясы No man ‘un do...), бирок жалпысынан басым анын прозасынын стилинин ажырагыс бөлүгү болуп саналат.

Негизги лексикалык эмфатикалык конструкциялар

Баса берүүнүн лексикалык каражаттары – сөздүн маанисин же эмоционалдык боегун күчөтүүчү жеке сөздөр же туруктуу сөз айкаштары. Аларга төмөнкүлөр кирет:

• **сапаттын же фактынын даражасын баса белгилеген тактооч жана бөлүкчөлөр** (абсолюттук, чындыгында, так, да, абсолюттук, чындап эле, жуп, ж.б.);

• **эмоционалдуу сөздөр жана сөз айкаштары** – интервьюлар (оо, аа, вах), каргыш сөздөр (кандуу, наалат, баггер жана алардын диалектилик формалары), оозеки сөз күчөткүчтөр («абдан» маанисинде туура, өлүү, диалекттик туюнтмалар);

• **илеп конструкциялары** – эмне/кандай (Кандай күн! Кандай сонун!) менен өзгөчө илеп сүйлөмдөр да, күчтүү эмоцияны билдирген илеп белгиси бар каалаган сүйлөм да.

1940-жылдардагы эмгек чөйрөсүн чагылдырган Силлитоенун каармандарынын сөзүндө лексикалык басым абдан айкын көрүнүп турат. Каармандар өздөрүнүн сезимдерин билдирүү үчүн көбүнчө оозеки тилдеги күчөткүчтөрдү жана орой лексиканы колдонушат жана алардын саптары көбүнчө илеп катары айтылат. Бул өзгөчөлүктөр кепти табигый жана эмоционалдык жактан бай кылат. Андан ары лексикалык эмфатикалык каражаттардын ар бир чакан тобун романдан мисалдар аркылуу талдайбыз.

Күчөтүүчү тактоочтор

Күчтөндүрүү - өзгөчөлүктөрдү күчөтүү же жогорку сапатты билдирүү үчүн колдонулган сөздөр. Англис тилинде эң кеңири таралгандары: (***very, really, so, too, utterly, absolutely, completely, quite, even)*** абдан, чындап, ушунчалык, абдан, таптакыр, абсолюттук, толугу менен, абдан, түгөй (ар түрдүү функцияларда). Алар көбүнчө сын атоочтун же башка тактоочтун алдында, кээде этиштин алдында келип, маанинин күчүн күчөтөт.

«Эшиктин ачкычы» романында каармандар негизинен оозеки сүйлөмдөгү күчөткүчтөрдү (ошондой эле, ошондой, ошондой) колдонушат, ошондой эле автор сүрөттөөдө да абдан колдонот. Келгиле, кээ бир мисалдарды карап көрөлү:

1. Англис тилиндеги **“ever so”** деген сүйлөмдөгү күчөтүүчү (colloquial intensifier) сөз айкашы кыргызчага маанисине жараша бир нече түрдө которулат.

Негизги мааниси — **“өтө”, “абдан”, “ушунчалык”**.

Мисалдар:

- *ever so beautiful* → **абдан сулуу**
- *ever so tired* → **өтө чарчадым**

«Эгерде сиз мага нанды кийинки жумага чейин карызга берүү жолун көрө алсаңыз, мен абдан ыраазы болмокмун, мен жана бардыгына ыраазы болом.» *‘If you could see your way to lending me a loaf till next week, I'd be **ever so grateful**, I would and all.’* (Ch.3).

Бул сөздү кошунасы Верадан карызга нан берүүсүн суранат. "Дайыма ушунчалык ыраазымын" **‘ever so grateful’** деген сөз айкашы "абдан ыраазымын" дегенди билдирген типтүү британиялык оозеки интенсификатор. Формалдуу "абдан ыраазымын" ордуна, эмоционалдуу жана чын ыкластуураак угулат "ар дайым ушунчалык ыраазымын" тандалат. Күчтөндүрүүчү сөз сүйлөөчүнүн сөзүнө өзгөчө сылык, жагымдуу үн берет. Ал түзмө-түз мындай дейт: "Мен абдан ыраазы болмокмун." Мындан тышкары, бул сөз айкашынан кийин дароо эле аял: "Мен каалайт элем, мен баарын каалайт элем" деп кошумчалайт - кайра кайталоо ***‘I would, I would an’ all"*** (Лилли менен мурда көргөндөй, §1.1.3, 2-мисалды караңыз) кепилдиктин чынчылдыгын бекемдөөгө кызмат кылат.

Бул жерде басым так **“ever so”** деген үстө аркылуу берилет. Ансыз *“I'd be grateful”* жөн гана сылык сөз айкашы болуп калат. Ал эми аны менен бирге колдонулганда, бул өтө сылык жана күчөтүлгөн ыраазычылык убадасын билдирет. Романдын контекстинде бул кошунанын жөнөкөйлүгүн жана көз карандылыгын көрсөтөт. Окурман үчүн **“ever so”** дароо эле бул сапта күчтүү

эмоция (ыраазычылык) билдирилип жатканын баса белгилейт. Котормодо аны **“өтө ыраазы болом”** же **“чексиз ыраазы болом”** деп берсе болот. Ошентип, **“ever so”** — каармандын сөзүн күчөтүп, маанини баса көрсөтүүчү лексикалык күчөткүчтүн ачык мисалы болуп саналат. Бул үзүндүнүн кыргызча котормосу жана түшүндүрмөсү:

Котормо:

«Башка дүйнөнүн балдары ага азыр Экскалибурдай буттары коюлуп турган көлмөдөгүлөрдөн алда канча бактылуураак угулчу.» (Ch.1)

Түшүндүрмө:

Бул жерде кичинекей Брайандын кыялдары сүрөттөлөт: ал дарыянын ары жагынан «башка дүйнөдөгү» балдардын үндөрүн угат жана алар жергиликтүү балдарга караганда алда канча бактылуу сезилет.

“so much happier” деген сөз айкашы кош күчөтүүнү камтыйт: **“so” + “much”** салыштырма сын атооч **“happier”** алдында колдонулган. Жөн гана *“happier than...”* (бактылуураак) жетишсиз болгондуктан, автор ага **“so much”** кошуп, маанини абдан күчөтөт, башкача айтканда **“алда канча бактылуураак”**, же **“өтө эле бактылуураак”** дегенди билдирет.

Демек, бул жерде **“so much”** — салыштыруу маанисин күчөтүп, айырманы өзгөчө баса белгилеген лексикалык күчөткүч болуп саналат. Бул конструкциянын басым берүүчү ролу — кабыл алууда чоң айырмачылыкты көрсөтүү: башка балдар Брайан билген балдарга караганда алда канча бактылуураак. Бала үчүн бул карама-каршылык абдан күчтүү сезилет, жана **“so much”** аркылуу окурман да муну терең сезет. Эгер ал болбосо, сүйлөм алсызыраак угулмак: *“sounded happier”* — жөн гана «бактылуураак». Ал эми *“so much happier”* — айырмачылыктын чоң деңгээлин түздөн-түз көрсөтөт.

Орус тилинде бул адатта күчөткүч менен которулат: **«намного счастливее»**. Демек, бул мисал **“so”** жана **“much”** сыяктуу күчөткүч үстөөлөр бирге колдонулуп, салыштырууда басымды кантип жаратарын көрсөтөт. Сюжеттик деңгээлде бул Брайандын кыялкечтигин жана жашоо башка жерде бактылуураак деген сезимин баса белгилейт. Бул үзүндүнүн кыргызча котормосу жана түшүндүрмөсү:

Котормо:

«Дубалдар өтө терең болуп кетчү, ал эми мунаралар өтө бийик көтөрүлгөндө кулап түшчү…» (Ch. 2)

Түшүндүрмө:

Бул жерде Брайандын кумдан сепилдерди жана туннелдерди куруп жатып, алардын акыры урап кала турганы сүрөттөлөт. Себеби ал дубалдарды **өтө терең**, мунараларды болсо **өтө бийик** кылып салган.

“too” деген үстө сапаттын ашыкча даражасын билдирет: керектүүдөн да терең, конструкция көтөрө алгандан да бийик. Бул жерде **“too”** антонимдик күчөткүч катары кызмат кылат — дароо эле **«ашыкча, нормадан көп»** деген маанини берет.

Эки жолу кайталанып колдонулушу (*too deep… too high…*) өзгөчө басым жаратат: баары ашыкча болгондуктан, ураш сөзсүз болот. Мындан тышкары, **“too”** сөзүнүн кайталанышы сүйлөмгө ритм берип, симметрияны жаратат — бул окурмандын таасирин күчөтөт. Бул ыкма грамматикалык кайталоого да байланыштуу, бирок негизги нерсе — **“too”** сөзүнүн даражаны күчөтүүчү лексикалык ролу.

Брайандын балалык кабыл алуусунда **«өтө терең»** жана **«өтө бийик»** дегендер нааразычылыкты билдирет: ал өтө аракет кылган сайын, анын курулуштары кайра-кайра урап калат.

Бул тексттин кыргызча котормосу:

“too” каармандардын диалогдорунда да кездешет. Мисалы, Мэвис мындай дейт: *«жүрү, болбосо бирөөнү көргөнгө өтө кеч болуп калат»* (Ch.2) — башкача айтканда, *«шашыл, болбосо өтө кеч болуп калат»*.

Бул жерде **“too late”** — **«өтө кеч», «ашыкча кеч»** деген маанини берет жана эскертүүнү күчөтөт. Ушундай бардык учурларда **“too”** терс ашыкчалыкты баса белгилеп, эмфатикалык

функцияны аткарат — башкача айтканда, **«too …»** конструкциясы жагымсыз натыйжаны өзгөчө басым менен көрсөтөт.

Басымды билдирүүнүн эң кеңири таралган грамматикалык каражаттары.

Грамматикалык (синтаксистик) басым берүү каражаттары — бул сүйлөмдүн түзүлүшүнө байланыштуу болгон ар кандай ыкмалар, алар айтылуунун керектүү бөлүгүнө кошумча басым же экспрессивдүүлүк берет. Аларга төмөнкүлөр кирет:

- **инверсия** — **(inversion)**сөздөрдүн кадимки түз тартибинен четтөө;
- **бөлүнгөн сүйлөмдөр (cleft sentences)**, айрыкча *it is/was ... that/who* жана *what ... is ...* сыяктуу конструкциялар;
- **эмфатикалык do** — **(emphatic do)** басым берүү үчүн ырастоочу сүйлөмдөрдө *do/does/did* жардамчы этишинин колдонулушу;
- **синтаксистик элементтердин кайталоосу** — (repetition of syntactic elements) параллелдик конструкциялар, анафора (сүйлөмдөрдүн башында кайталоо), эпифора (аягында кайталоо) (repetition of the beginning of sentences), epiphora (endings) ж.б., алар керектүү бөлүктү кайталоо аркылуу баса белгилейт.

Белгилеп кеткендей, англис тилинин синтаксиси бир топ катуу болгондуктан, ар кандай четтөөлөр же өзгөчө конструкциялар дароо эле айырмаланып, өзгөчө басым катары кабыл алынат. Эми бул ыкмалардын ар бирин өз-өзүнчө **«The Key to the Door»** чыгармасынан алынган мисалдар менен карап көрөлү. Белгиленгендей, англис тилинин синтаксиси бир топ катуу болгондуктан, ар кандай четтөөлөр же өзгөчө конструкциялар дароо эле өзгөчөлөнүп кабыл алынат. Эми бул ыкмалардын ар бирин өз-өзүнчө **«The Key to the Door»** чыгармасынан алынган мисалдар аркылуу карап көрөлү. Эмфатикалык каражаттарды талдоону жыйынтыктап жатып, **«The Key to the Door»** романы тилдин бардык деңгээлдеринде басым берүү кандай иштей турганын кеңири көрсөтөрүн белгилейбиз. Лексикалык эмфатикалык элементтер (күчөткүчтөр, экспрессивдүү сөздөр, кыйкырык-үндөр) сүйлөөгө түс берип, эмоционалдык тереңдик кошот.

Грамматикалык каражаттар (инверсия, cleft-конструкциялар, *do* формасы, кайталоо) маанилик карама-каршылыктарды баса белгилөөгө, маанилүү деталдарды бөлүп көрсөтүүгө же баяндоонун динамикасын күчөтүүгө жардам берет. Жеңилдетүүчү (concessive) конструкциялар анчалык көзгө урунбаса да, «каршылык» маанисин түзүүдө өз ролун ойнойт жана кошумча эмфатикалык боёк берет (айрыкча *though* — Силлитоунун стилине мүнөздүү байланыштыргыч).

Демек, англис тилиндеги басым берүү көп кырдуу көрүнүш экенин жыйынтыктоого болот. Бир эле романдын мисалында анын эң жөнөкөй көрүнүштөрүн да (мисалы, «Ah!» деген кыйкырык — жана образ жанданып кетет), ошондой эле татаал синтаксистик формаларын да (сүйлөмдү бөлүү — жана ой так баса белгиленет) көрө алабыз. Автор булардын баарын каармандарды жана чыгарманын негизги идеяларын таасирдүү жеткирүүгө мүмкүндүк берген куралдар катары колдонот. -бөлүм көрсөткөндөй, басым (эмфаза) стильдин маанилүү бөлүгү болуп саналат: ал көркөм милдеттерди аткарат — мейли бул баланын аң-сезиминде кыял менен чындыкты карама-каршы коюу болсун, же диалогдо ачууну жана көтөрүлүшчүл маанайды жеткирүү болсун.

Макалалардын бөлүмдөрүндө (2 жана 3-бөлүмдөрдө) бул байкоону башка тилдик деңгээлдерде жана романдын орусча котормосу менен салыштырып дагы тереңдетүүгө болот. Бирок азыртан эле айкын нерсе — басым берүү механизмдерин түшүнүү бизге Alan Sillitoy сыяктуу автордун чеберчилигин жана тексттеги ар бир экспрессивдүү элементтин семантикалык жүгүн жакшыраак баалоого мүмкүнчүлүк берет. Эмфатикалык конструкциялар — бул басым берүү үчүн колдонулган тилдик каражаттар; алар авторго же сүйлөөчүгө сүйлөмдөгү белгилүү бир сөздү же сөз айкашын өзгөчө бөлүп көрсөтүүгө, ага кошумча маанилүүлүк же салмак берүүгө мүмкүнчүлүк түзөт. Бир аныктамага ылайык, эмфатикалык конструкция — бул *«семантикалык жактан маанилүү болгон сүйлөм бөлүгүн бөлүп көрсөтүүгө кызмат кылган синтаксистик түзүлүш; ал маалыматты баса белгилөө, анын маанилүүлүгүн көрсөтүү жана маектештин көңүлүн буруу үчүн колдонулат»*.

Англис тилинде басым берүү лексикалык каражаттар аркылуу (айрым сөздөрдү же күчөткүчтөрдү тандоо), синтаксистик каражаттар аркылуу (кадимки сөз тартибин өзгөртүү же кошумча структуралар), же экөөнүн айкалышы аркылуу ишке ашырылат. Тексттеги мындай эмфатикалык элементтерди аныктоо — котормочу автордун ниетин сактап калуу үчүн жасай турган биринчи кадам болуп саналат. Англис тили ошондой эле айрым ойлорду баса белгилөө үчүн күчөткүч үстөөлөрдү жана бөлүкчөлөрдү (“even”, “just”, “really”, “absolutely”, “at all”) колдонот. Бул грамматикалык сигналдарды таануу абдан маанилүү — анткени алар окурманга же котормочуга сүйлөмдүн кайсы бөлүгү кошумча эмоционалдык же логикалык жүк алып жүрөрүн көрсөтөт. Жыйынтыктап айтканда, англис сүйлөмүндөгү эмфатикалык элементтерди аныктоо үчүн төмөнкүлөргө көңүл буруу керек: адаттан тыш синтаксис (инверсиялар, бөлүнгөн сүйлөмдөр), күчөткүч сөздөр (*even, only, did, so, such*), пунктуация жана просодикалык белгилер (кыйкырык сүйлөмдөр, риторикалык суроолор), кайталоо же параллелизмдер, ошондой эле контексттик маанилүүлүк белгилери.

Котормочунун аналитикалык окуусу — башкача айтканда, «бул бөлүк басым менен айтылган» деп аныктай билүүсү — кийинки бардык иштин негизи болуп саналат, анткени түшүнүү учурунда жоголгон ар кандай басым, көп учурда котормодо да жоголуп калат. Англис тилин үйрөтүүдө (айрыкча эне тили англисче эмес студенттерге) окутуучулар эмфатикалык конструкцияларды көбүнчө студенттердин экспрессивдүү (сезимди, ойду так жана таасирдүү билдирүү) жөндөмүн өнүктүрүү үчүн колдонушат.

Cleft (жарык) сүйлөмдөр же терс инверсия сыяктуу түзүлүштөрдү түшүнүү окуучунун расмий жана расмий эмес англис тексттерин түшүнүү деңгээлин кыйла жакшыртат. Котормо үйрөнүп жаткан студенттер үчүн эмфатикалык конструкциялар бир эле учурда да кыйынчылык, да чыгармачыл котормо чечимдерин өнүктүрүүгө мүмкүнчүлүк болуп саналат.

Котормо практикасындагы студенттерге көбүнчө булак тексттен эмфатикалык элементтерди табуу жана алардын мүмкүн болгон котормолорун талкуулоо тапшырмасы берилет. Сабактан тышкаркы, профессионалдык жана бизнес-коммуникацияда тил ар дайым нейтралдуу жана түз болот деп ойлошу мүмкүн. Бирок иш жүзүндө тажрыйбалуу коммуникация адистери эмфатикалык конструкцияларды (бирок кыйла көзөмөлдөнгөн түрдө) негизги ойлорду тактоо, аудиторияны ынандыруу же шашылыштыкты билдирүү үчүн көп колдонушат. Сабактан тышкаркы, профессионалдык жана бизнес-коммуникацияда тил ар дайым нейтралдуу жана түз болот деп ойлошу мүмкүн. Бирок иш жүзүндө тажрыйбалуу коммуникация адистери эмфатикалык конструкцияларды (бирок кыйла көзөмөлдөнгөн түрдө) негизги ойлорду тактоо, аудиторияны ынандыруу же шашылыштыкты билдирүү үчүн көп колдонушат.

Колдонулган адабияттар:

1. **Sillitoe, Alan.** *Key to the Door*. London: W.H. Allen, 1961. – 446 p.
2. **Sillitoe, Alan.** *Klyuch ot dveri* (Russian translation of *Key to the Door*, by V. A. Smirnov). Moscow: Progress, 1964. – 330 p.
3. **Drobysh, V. A., & Galitskaya, Y. N.** Emphatic Constructions: Their Peculiarities and Translation into Russian // *Collection of Student Research Papers, Polessky State University*. 2018. – pp. 277–279.
4. **Gurienko, M. A.** Syntactic emphatic constructions in teaching foreign languages // *Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 2020. – No. 2, pp. 76–80.
5. **Referat.ru Academic Essay.** “Sposoby perevoda prostorechiya, ispol’zovannogo v romane A. Sillitou *Klyuch ot dveri*, na russkii yazyk” [Methods of Translating Colloquialisms Used in Alan Sillitoe’s *Key to the Door* into Russian]. 2004. (Accessed online for analysis of translation choices).

Рецензент: Садыкова Н.А. – кандидат филологических наук, доцент

Садыкова А. С. –старший преподаватель кафедры англистика КНУ имени Ж, Баласагына.
0558 221 123

Р Е Ц Е Н З И Я

Күндүзгү курстун студенттери үчүн «Морфология » дисциплинасы боюнча А.Силлитоунун «Эшиктин ачкычы» романындагы басымдуу сөз айкаштары б.а эмфатикалык фразалар деген макала жазылган. Ага окутуучу Садыкова А.С тарабынын түзүлгөн.

Бул макалада А.Силлитоунун «Эшиктин ачкычы» романындагы басымдуу сөз айкаштары б.а (эмфатикалык фразалар) каралат. Башкача айтканда, эмфаза сүйлөмдүн белгилүү бир бөлүгүн окурманга же угармандын көңүлүнө көбүрөөк жеткиликтүү кылып, ага өзгөчө маани жана эмоционалдык өң берери жазылган. Көркөм адабиятта эмфаза каармандардын сүйлөөсүнүн жана баяндоонун көркөмдүүлүгүн күчөтүү үчүн кызмат кылганы көрсөтүлгөн. Ал диалогдордо эмоцияларды, мамилени же чыңалууну чагылдырууга, ошондой эле сүрөттөлүштөгү маанилүү деталдарга көңүл бурууга жардам берилгени айтылат. Эмфазалык конструкциялар өзгөчө сүйлөө стилине жана көркөм тексттерге мүнөздүүлүгү көрстөтүлөн, анткени автор жандуу сүйлөөнү туурап, аны табигый угузганга умтулганы билинип турат. Мисалы, **Alan Sillitoунун “The Key to the Door”** романында эмфаза каармандардын сүйлөөсүн мүнөздөп берүүдө жана баяндоонун эмоционалдык өңүн түзүүдө маанилүү роль ойногону көрсөтүлгөн. Котормо практикасындагы студенттерге көбүнчө булак тексттен эмфатикалык элементтерди табуу жана алардын мүмкүн болгон котормолорун талкуулоо тапшырмасы берилет. Сабактан тышкаркы, профессионалдык жана бизнес-коммуникацияда тил ар дайым нейтралдуу жана түз болот деп ойлошу мүмкүн. Бирок иш жүзүндө тажрыйбалуу коммуникация адистери эмфатикалык конструкцияларды (бирок кыйла көзөмөлдөнгөн түрдө) негизги ойлорду тактоо, аудиторияны ынандыруу же шашылыштыкты билдирүү үчүн көп колдонушат. Сабактан тышкаркы, профессионалдык жана бизнес-коммуникацияда тил ар дайым нейтралдуу жана түз болот деп ойлошу мүмкүн. Бирок иш жүзүндө тажрыйбалуу коммуникация адистери эмфатикалык конструкцияларды (бирок кыйла көзөмөлдөнгөн түрдө) негизги ойлорду тактоо, аудиторияны ынандыруу же шашылыштыкты билдирүү үчүн көп колдонушат.

Макала англис тилинин грамматикасын терең үйрөнүп жаткан 1-3-курстун “Котормо жана котормо таануу” студенттери үчүн “Морфология” предметине коюлган талаптарга жооп берет.

Рецензент: к.ф.н., доцент Садыкова Н.А.**УДК 811.512.154'373.45:811.112.2(575.2)**

Тактарбаева Э.М., Самсалиев А.М., Кубанычбекова Г. К.
Ж. Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети
Тактарбаева Э. М., Самсалиев А. М., Кубанычбекова Г. К.
КНУ имени Ж. Баласагына
Takhtarbaeva E.M. Samsaliev A.M., Kubanycubekova G.K.
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn

-

НЕМИС ТИЛИНЕН КЫРГЫЗ ТИЛИНЕ ӨЗДӨШТҮРҮЛГӨН СӨЗДӨРДҮН КИРИШИ: БУЛАКТАРЫ ЖАНА ЫҢГАЙЛАШУУСУ
НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОЧНИКИ И АДАПТАЦИЯ
GERMAN LOANWORDS IN THE KYRGYZ LANGUAGE: SOURCES AND ADAPTATION

Кыскача мүнөздөмө: Элдин ар бир тарыхый доору анын тилинде из калтырат. Кыргыз жана немис тилдеринин өз ара аракеттенүүсү орус же араб тилдеринин таасиринен айырмаланып, өзүнүн өзгөчөлүгүнө ээ. Бул макалада немис тилинен кыргыз тилине өздөштүрүлгөн сөздөрдүн кирүү жолдору, алардын тематикалык классификациясы, ошондой эле фонетикалык жана грамматикалык

ассимиляция процесстери каралат. Эки тилдин ортосундагы фонетикалык жана фразеологиялык деңгээлдеги салыштырма-типологиялык параллелдерге өзгөчө көңүл бурулат.

Аннотация: Каждая эпоха в истории народа оставляет след в его языке. Взаимодействие кыргызского и немецкого языков имеет свою специфику, отличную от влияния русского или арабского языков. В данной статье рассматриваются пути проникновения немецких заимствований в кыргызский язык, их тематическая классификация, а также процессы их фонетической и грамматической ассимиляции. Особое внимание уделяется сравнительно-типологическим параллелям, существующим между двумя языками на фонетическом и фразеологическом уровнях.

Abstract: Every epoch in the history of a people leaves its mark on their language. The interaction between the Kyrgyz and German languages has its own specific features, distinct from the influence of Russian or Arabic. This article examines the ways German borrowings penetrate the Kyrgyz language, their thematic classification, and the processes of their phonetic and grammatical assimilation. Special attention is paid to the comparative-typological parallels existing between the two languages at the phonetic and phraseological levels.

Негизги сөздөр: өздөштүрүлгөн сөздөр; германизмдер; тилдик байланыштар; ассимиляция; типология; фразеология.

Ключевые слова: заимствования; германизмы; языковые контакты; ассимиляция; типология; фразеология.

Keywords: borrowings; Germanisms; language contacts; assimilation; typology; phraseology.

ВВЕДЕНИЕ

В разные исторические периоды язык Кыргызстана претерпевал значительные изменения. Кыргызский язык, относящийся к тюркской группе, на протяжении веков контактировал с различными языковыми системами: арабской, персидской, русской, а через них — с западноевропейскими. Влияние немецкого языка на кыргызский было менее прямым и масштабным, чем влияние русского в XVIII–XIX веках, однако оно сохраняет историко-культурное значение и представляет интерес для лингвистов, особенно в области сопоставительной типологии, лексикологии и истории языка. Язык каждого народа отражает его историю, культуру и социальные взаимодействия, и изучение германизмов в кыргызском языке помогает глубже понять эти процессы.

Изучение германизмов позволяет выявить закономерности лексического заимствования, процессы фонетической и грамматической адаптации, а также типологические сходства между языками разных семей. Как отмечает У. Вайнрайх, языковые контакты являются одним из важнейших факторов развития лексической системы языка [10].

Цель исследования — выявить особенности проникновения немецких заимствований в кыргызский язык и определить закономерности их адаптации.

Задачи исследования:

Определить источники и пути проникновения немецких слов в кыргызский язык.

Составить тематическую классификацию германизмов в кыргызской лексике.

Исследовать использование германизмов в фразеологии, культурной памяти и топонимии.

Выявить типологические параллели между немецким и кыргызским языками на уровне морфологии и фразеологии.

Определить роль германизмов в современном кыргызском языке и их влияние на развитие лексического состава.

Актуальность исследования. Изучение германизмов в кыргызском языке важно для понимания исторических и культурных связей Кыргызстана с Европой, а также для выявления общих закономерностей лексического заимствования в тюркских языках. Несмотря на ограниченное количество, немецкие заимствования отражают развитие науки, техники, военного дела и бытовой сферы, помогая установить типологические параллели между кыргызским и немецким языками.

Объект исследования: кыргызский язык в его взаимодействии с немецким языком и процессами заимствования лексики. **Предмет исследования:** немецкие заимствования (германизмы) в

кыргызском языке, их фонетическая и грамматическая ассимиляция, а также типологические параллели с немецкой лексикой и фразеологией.

Методы исследования:

Сопоставительный анализ немецкой и кыргызской лексики.

Корпусный анализ заимствованных слов в текстах и словарях.

Историко-этимологический метод для прослеживания источников заимствований.

Научная новизна работы заключается в системном анализе немецких заимствований в кыргызском языке с учетом их источников, путей проникновения и особенностей фонетико-грамматической ассимиляции. В исследовании выявлены типологические параллели между немецким и кыргызским языками и показана роль германизмов как элементов культурно-исторической памяти и межкультурной коммуникации. **Практическая значимость** заключается в возможности использования результатов исследования в курсах лексикологии, сопоставительной типологии и теории языковых контактов, а также при разработке учебных и лексикографических материалов по немецкому и кыргызскому языкам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Пути проникновения немецких заимствований

Пути проникновения немецких слов в кыргызский язык можно разделить на несколько этапов. **Ранние контакты**, уходящие корнями в эпоху Великого переселения народов, некоторые исследователи связывают с взаимодействием гуннского (предкового для кыргызов) и готского (древнегерманского) языков в IV–VI веках. Это взаимодействие, по мнению ученых, могло оставить след не столько в лексике, сколько в фонетическом и интонационном строе языков [1, с. 15].

Значительно более ощутимый пласт немецкой лексики вошел в кыргызский язык через языки-посредники. Основную роль здесь сыграл русский язык, особенно в советский период, когда научная, техническая и военная терминология активно заимствовалась из немецкого в русский, а затем транслировалась в национальные языки республик СССР.

Таким образом, немецкие заимствования в кыргызском языке можно классифицировать по сферам употребления, многие из которых совпадают с тематическими группами в русском языке, но с учетом местной специфики освоения. Таким образом, классическим путем заимствования стала цепочка: латинский/итальянский → немецкий → русский → кыргызский. Это хорошо прослеживается на примере слова картофель (от лат. tuber через итал. tartufolo и нем. Kartoffel), которое в кыргызском языке закрепилось в фонетически адаптированной форме *картөшкө* [4, с. 210].

Тематическая классификация германизмов

Немецкие заимствования в кыргызском языке (германизмы) проявляются в различных сферах: военной и административной лексике, профессиях и социальных статусах, бытовой сфере, науке, технике, искусстве и культуре. Их изучение позволяет выявить пути проникновения заимствований, механизмы фонетической и грамматической ассимиляции, а также проследить типологические параллели между немецким и кыргызским языками.

Немецкие заимствования в кыргызском языке можно классифицировать по сферам употребления:

1. **Военная и административная лексика:** Эта группа слов активно входила в язык через уставы, технику и систему управления, построенную по европейским образцам. Примеры: солдат (нем. der Soldat), штаб (der Stab), фельдшер (der Feldscher), ефрейтор (der Gefreite), плац (der Platz), капрал (нем. der Korporal), гауптвахта (нем. die Hauptwache), фельдмаршал (нем. der Feldmarschall), юнкер (нем. der Junker), вахта (нем. die Wache), штурм (нем. der Sturm), марш (нем. der Marsch). Эти слова демонстрируют преимущественно военный канал заимствования, характерный для XVIII–XIX вв., а затем закрепившийся в советский период [5].

2. Профессии и социальные статусы: Многие названия профессий пришли вместе с развитием ремесел и промышленности. Примеры: слесарь (der Schlosser), егерь (der Jäger), шахтёр (нем. der Schacht), маляр (нем. der Maler). бухгалтер (нем. der Buchhalter), парикмахер (нем. der

Perückenmacher), фельдшер (нем. der Feldscher) гастарбайтер (der Gastarbeiter — слово, актуальное и в современном контексте трудовой миграции) [3]. Особенно показательно слово *бухгалтер*, сохранившее сложную словообразовательную структуру (Buch + Halter), но полностью ассимилированное в кыргызской грамматической системе: *бухгалтер+лер, бухгалтер+дин.*

3. Бытовая лексика и предметы обихода: Слова, связанные с домашним хозяйством, кухней и одеждой, прочно вошли в обиход. Примеры: рюкзак (der Rucksack), галстук (das Halstuch), бутерброд (das Butterbrot), вафля (die Waffel), кастрюля (die Kasserolle), рюмка (der Römer), шланг (die Schlange — через значение «змея»), кран (нем. der Kran), галстук (нем. das Halstuch), фартук (нем. das Vortuch). Особый интерес представляет слово **фартук**, где наблюдается характерная адаптация начального согласного комплекса.

4. Научные и технические термины: Эта группа активно пополнялась через образование и литературу. Примеры: лаборатория (das Labor), трактор (der Traktor), айсберг (der Eisberg), маршрут (die Marschroute), шайба (в технике, die Scheibe), шрифт (die Schrift), штамп (нем. der Stempel), шпилька (нем. die Spille), шнур (нем. die Schnur), циферблат (нем. das Zifferblatt), верстак (нем. die Werkstatt), ландшафт (нем. die Landschaft), курорт (нем. der Kurort).

5. Искусство и культура: Примеры: мольберт (das Malbrett), флейта (die Flöte), вальс (der Walzer), аншлаг (der Anschlag — в значении «объявление», позже «полный сбор»), балетмейстер (через нем. посредничество). Дирижёр (через немецкую музыкальную традицию), **вальс (***Walzer - катающийся).* Музыкальная терминология демонстрирует влияние немецкой профессиональной школы и показывает интеграцию германизмов в культурную практику Кыргызстана [7].

Германизмы в культурной памяти и топонимии

Германизмы в кыргызском языке закрепились не только в лексике, но и в исторической памяти и культурных практиках. Слова жарманке (от нем. Jahrmarkt — ярмарка), абзац (Absatz — красная строка), аншлаг (Anschlag — полный зал), шлагбаум (Schlagbaum), гроссмейстер (Großmeister) активно функционируют в экономическом, театральном, техническом и шахматном дискурсах [1]. Они демонстрируют полную морфологическую адаптацию под нормы кыргызского языка и активно используются в падежных формах: *Караколдун жарманкеси, шлагбаум+ду ачуу, гроссмейстер+лер.*

Процессы ассимиляции германизмов

При заимствовании немецкие слова проходят несколько этапов ассимиляции в кыргызском языке:

Фонетическая ассимиляция. При заимствовании немецкие слова проходят несколько этапов фонетической адаптации к нормам кыргызского языка. Немецкие звуки заменяются на наиболее близкие в кыргызской фонетической системе. Характерной чертой является адаптация твердых немецких согласных, а также замена звуков, отсутствующих в системе кыргызского вокализма и консонантизма.

Особый интерес представляет судьба немецких умлаутированных гласных [ö] и [ü]. Хотя в кыргызском языке существуют фонетически близкие фонемы [ө] и [ү], в заимствованиях, пришедших через русский язык-посредник, эти звуки часто редуцируются до [о], [е], [у]. Это связано с тем, что русский язык, выступавший основным проводником заимствований в советский период, не имеет умлаутированных гласных и передает немецкие [ö] и [ü] через свои орфографические и произносительные нормы [3].

Кроме того, заимствованная лексика подчиняется действию закона сингармонизма, фундаментального для тюркских языков. Ярким примером такой адаптации является слово *картофель*, которое через цепочку посредников вошло в кыргызский язык в форме *картөшкө*, где гласные гармонизированы по ряду и огубленности.

Грамматическая ассимиляция. Немецкие существительные теряют свой род и артикли, подчиняясь законам кыргызской агглютинации. Они приобретают аффиксы множественного числа, падежей и принадлежности, характерные для кыргызского языка: бутерброд+тор (бутерброды), штаб+та (в штабе), рюкзаг+ым (мой рюкзак) [4].

В случае с прямыми немецкими заимствованиями во фразеологии кыргызского языка можно наблюдать полукальки, где немецкий именной компонент соединяется с кыргызским глаголом, или же заимствованное слово полностью ассимилируется в составе исконно кыргызского оборота. Например, выражение, связанное с понятием штраф (от нем. die Strafe), может использоваться в конструкции штраф салуу (наложить штраф), где глагол является исконно кыргызским [2, с. 67].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно функционирования германизмов в кыргызском языке:

1. Источники заимствований. Основным каналом проникновения немецкой лексики в кыргызский язык является язык-посредник (русский), через который в советский период транслировалась научно-техническая, военная и бытовая терминология. Гипотеза о древних гуннско-готских контактах требует дальнейшего изучения, однако фонетические параллели подтверждают наличие глубинных типологических связей.
2. Тематическое разнообразие. Германизмы охватывают широкий спектр сфер: военное дело (солдат, штаб), профессии (бухгалтер, слесарь), быт (рюкзак, бутерброд), науку и технику (лаборатория, трактор), искусство (вальс, мольберт). Это свидетельствует о многоканальности заимствования и интеграции немецких слов в различные сферы жизни.
3. Степень ассимиляции. Большинство германизмов полностью адаптированы к фонетической и грамматической системе кыргызского языка. Они подчиняются закону сингармонизма (картөшкө), агглютинативному строю (бухгалтер+лер, бухгалтер+дин) и активно участвуют в словообразовательных процессах.
4. Культурная интеграция. Отдельные германизмы (жарманке, аншлаг, гроссмейстер) функционируют не только как лексические единицы, но и как элементы культурной памяти, закрепленные в профессиональном дискурсе и топонимии.
5. Типологические параллели. Выявленное сходство на фонетическом уровне (наличие умлаутированных фонем, общность интонационных структур) и во фразеологии (полукальки типа *штраф салуу*) подтверждает перспективность сопоставительного изучения двух языков.

Заключение

Проведенное исследование показало, что немецкие заимствования, несмотря на их сравнительно небольшое количество в современном кыргызском языке, представляют собой значимый историко-культурный пласт лексики, отражающий процессы научного, технического и культурного взаимодействия с европейской традицией. Установлено, что основным каналом проникновения германизмов выступал русский язык-посредник, через который данные лексические единицы интегрировались в различные тематические сферы — военную, профессиональную, бытовую и культурную. Анализ показал, что большинство германизмов прошло последовательные этапы фонетической и грамматической адаптации и полностью включилось в агглютинативную систему кыргызского языка. Выявленные структурные и фразеологические параллели между немецким и кыргызским языками свидетельствуют о продуктивности сопоставительного подхода в исследовании языковых контактов. Полученные результаты позволяют уточнить механизмы лексического заимствования в тюркских языках и расширяют представления о закономерностях межъязыкового взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований связаны с корпусным анализом германизмов и более широким сравнительным изучением процессов заимствования в тюркских языках.

Литература:

1. Тулеева Ч.С. Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков. Алматы, 2010.
2. Турдакунова С.А. Фразеологические параллели в немецком и кыргызском языках. Бишкек, 2009.
3. Уметов К.К. Словообразование в немецком и кыргызском языках. Бишкек, 2018.

4. Фиш М.Ш. Словообразование немецкого языка в сопоставлении с киргизским языком. Фрунзе: Мектеп, 1967.
5. Москальская О.Н. Большой немецко-русский словарь. Москва, 2008.
6. Немецко-кыргызский словарь / под ред. П. Кадырбековой. Бишкек, 2010.
7. Кадырбекова П. Лингвокультурологические аспекты межкультурной коммуникации. Бишкек, 2014.
8. Кайкыбашева А.К., Мураталиева З., Сарыкбаева Ж. Семантический анализ немецких и кыргызских прилагательных // Вестник ОшГУ. 2018.
9. Гертель О.И. О сдвигах в семантике заимствований // Вопросы диалектологии немецкого языка. Омск, 1975.
10. Weinreich U. *Languages in Contact*. New York, 1953.
11. Thomason S., Kaufman T. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. Berkeley, 1988.
12. Haugen E. *The Analysis of Linguistic Borrowing*. Language, 1950.

Рецензент: к.ф.н.доцент Уметов К.К.

Тактарбаева Э. М. - преподаватель КЕФ, КНУ им.Ж.Баласагына
Самсалиев А. М. - старший преподаватель кафедры романо-германских языков Кыргызский Национальный Университет им. Жусуп Баласагына
Кубанычбекова Г. К. - преподаватель кафедры романо-германских языков Кыргызский Национальный Университет им. Жусуп Баласагына

УДК 811.512.154’373.7:811.111

Уланова Р.У.
КРЭАУнун Политехникалык колледжи
Уланова Р. У.
Политехнический колледж МУКР
Ulanova R. U.
Polytechnic College of the International University of the Kyrgyz Republic (IUKR)

КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕГИ «АТ/Жылкы» КОМПОНЕНТИ КАТЫШКАН ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРДИН ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК ЖАНА ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫК ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «КОНЬ» В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ
LEXICAL-SEMANTIC AND ETHNOLINGUISTIC FEATURES OF KYRGYZ PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING THE COMPONENT "HORSE"

Кыскача мүнөздөмө: Макалада кыргыз тилиндеги «ат» компоненти катышкан фразеологизмдердин лексика-семантикалык жана этнолингвистикалык өзгөчөлүктөрү изилденет. Кыргыз элинин салттуу маданиятында жылкы өзгөчө мааниге ээ болгондуктан, тилдин фразеологиялык катмарында атка байланышкан туруктуу сөз айкаштары кеңири орун алган. Изилдөөдө салыштырма, лексика-семантикалык жана этнолингвистикалык методдор колдонулуп, фразеологизмдердин семантикалык түзүлүшү, тематикалык топтору жана кыргыз элинин дүйнөтаанымын чагылдыруудагы ролу каралат. Жыйынтыгында атка байланышкан фразеологизмдер

кыргыз элинин маданий-тарыхый тажрыйбасын жана этномаданий баалуулуктарын чагылдырган маанилүү тилдик бирдиктер экендиги аныкталат.

Аннотация: В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом «ат» (конь) в кыргызском языке с точки зрения лексико-семантического и этнолингвистического анализа. Актуальность исследования обусловлена особым местом лошади в традиционной культуре кыргызского народа, что связано с исторически сложившимся кочевым образом жизни. Применяются сравнительно-сопоставительный, лексико-семантический и этнолингвистический методы. Материалом послужили данные фразеологических словарей кыргызского языка, фольклорные источники и примеры из эпоса «Манас». Анализируются семантическая структура фразеологизмов с компонентом «ат», их тематические группы и особенности функционирования. Установлено, что данные фразеологизмы являются важным элементом национальной языковой картины мира.

Abstract: This article examines phraseological units containing the component "at" (horse) in the Kyrgyz language from lexical-semantic and ethnolinguistic perspectives. The relevance of the study is determined by the special place of the horse in the traditional culture of the Kyrgyz people, historically connected with their nomadic lifestyle. The study employs comparative, lexical-semantic, and ethnolinguistic methods. The research material includes data from Kyrgyz phraseological dictionaries, folklore sources, and examples from the epic Manas. The article analyzes the semantic structure of phraseological units with the component "at", their thematic groups, and their functioning in the modern Kyrgyz language.

Негизги сөздөр: этномаданий бирдик; лексема; фразема; зооним; гиппоним; этнолингвистика.

Ключевые слова: этнокультурная единица; лексема; фразема; зооним; гипоним; этнолингвистика.

Keywords: ethnocultural unit; lexeme; phraseme; zoonym; hyponym; ethnolinguistics.

1. Киришүү

Тил – элдин тарыхынын, маданиятынын жана дүйнөтаанымынын күзгүсү. Элдин турмуш-тиричилиги, чарбалык ишмердүүлүгү жана руханий дүйнөсү тилде, айрыкча фразеологиялык катмарда айкын чагылдырылат. Кыргыз тилиндеги фразеологизмдер элдин тарыхый тажрыйбасын, дүйнөтаанымын жана руханий маданиятын чагылдырган маанилүү тилдик катмар болуп эсептелет.

Кыргыз элинин тарыхый жашоо образында жылкы өзгөчө мааниге ээ болгон. Көчмөн турмуш шартында ат негизги транспорт каражаты гана эмес, согуштук курал, байлыктын жана эркиндиктин символу катары да каралган. Ошондуктан кыргыз тилинин лексикалык жана фразеологиялык фондунда жылкыга байланышкан сөздөр жана туруктуу сөз айкаштары кеңири таралган.

Кыргыз элинин салттуу турмушунда жана дүйнөтаанымында жылкы өзгөчө орунду ээлейт. Байыркы мезгилден тартып кыргыздар көчмөн жашоо образын жүргүзүп келишкен. Көчмөндөр үчүн ат жөн гана унаа эмес, күнүмдүк турмуштун, маданий жашоонун жана руханий ишенимдердин ажырагыс бөлүгү болуп эсептелген.

Изилдөөнүн максаты – кыргыз тилиндеги «ат» компоненти катышкан фразеологизмдердин лексика-семантикалык жана этнолингвистикалык өзгөчөлүктөрүн аныктоо.

Изилдөөнүн милдеттери:.кыргыз тилиндеги атка байланышкан фразеологизмдерди топтоо; алардын семантикалык түзүлүшүн талдоо; фразеологизмдерди тематикалык топторго бөлүү; алардын этнолингвистикалык маанисин аныктоо.

Изилдөөнүн илимий жаңылыгы: кыргыз тилиндеги «ат» компоненти катышкан фразеологизмдер системалуу түрдө талданып, алардын лексика-семантикалык топтору аныкталды; фразеологизмдердин этнолингвистикалык мазмуну кыргыз элинин дүйнөтаанымы менен байланышта каралды; атка байланышкан фразеологизмдердин кыргыз маданиятындагы ролу көрсөтүлдү.

2. Изилдөө темасы боюнча адабияттарга серep

Лингвистика илиминде жаныбарлардын аталыштарын билдирген сөздөр зоонимдер деп аталат (грек. zoo – жаныбар, onyma – ысым). Алардын ичинде жылкыга байланышкан аталыштар гиппонимдер катары өзүнчө классификацияланат. Эл аралык жана орус лингвистикасында зоонимдер кененирээк топторго бөлүнөт: гиппонимдер (жылкылар), кинонимдер (иттер), орнитонимдер (куштар), инсектонимдер (курт-кумурскалар) жана башкалар [1, 60-б.].

Бул тилдик бирдиктерди изилдөө элдин маданияты менен тилдин ортосундагы байланышты терең түшүнүүгө мүмкүндүк берет. Анткени лингвистика жашоонун бардык тармактары менен тыгыз байланышта – тил аркылуу дүйнөнү жана андагы ар бир көрүнүштү таанып-билүүгө болот. Жаныбарларды изилдеген илим зоология деп аталса, алардын аталыштарын илимий жактан талдоо менен ономастика алектенет.

Кыргыз жана казак тил илиминде фразеологизмдерди изилдөөгө арналган эмгектер бар. К. Жусуповдун «Кыргыз тилинин фразеологиясы» (1998) эмгегинде фразеологизмдердин жалпы маселелери каралса, Ж. Осмонованын «Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү» (2010) кыргыз тилиндеги фразеологиялык бирдиктерди системалаштырууга арналган [6; 7]. Казак изилдөөчүсү І. Кеңесбаевтын «Фразеологиялық сөздік» (2007) эмгегинде түрк тилдериндеги фразеологизмдердин бай материалдары келтирилген [2]. Р.А. Авакованын «Қазақ фразеологиясының семантикасы» (2003) эмгегинде фразеологизмдердин семантикалык өзгөчөлүктөрү иликтенген [3].

С.А. Жиреновдун изилдөөсүндө казак жана кыргыз тилдериндеги «лошадь» компоненти катышкан фразеологизмдердин этнолингвистикалык касиеттери салыштырылган [5; 10]. Автордун эмгеги биздин изилдөө үчүн методологиялык жактан маанилүү.

Чет элдик окумуштуулардын эмгектеринде да зоонимдердин фразеологиялык системадагы орду ар кандай аспектилерде каралган. А. Вежбицкаянын (A. Wierzbicka) маданиятты тил аркылуу таанууга арналган эмгектеринде зоонимдердин семантикалык табияты жана алардын улуттук дүйнөтаанымды чагылдыруудагы ролу иликтенген [15]. Д. Добровольскийдин (D. Dobrovol'skij) фразеология теориясына арналган эмгектеринде фразеологизмдердин универсалдык жана улуттук өзгөчөлүктөрү, алардын семантикалык түзүлүшү жана маданият менен байланышы терең талданган [16].

Логан П. Смиттин (Logan P. Smith) жана Сабагат Эмирдин (Sabahat Emir) классификацияларында анималистикалык фразеологиянын түзүлүшү жана анын негизиндеги зоонимдик компоненттердин топторго бөлүнүшү сунушталган [8]. Л.В. Бабина менен Е.В. Долгованын изилдөөсүндө англис тилиндеги зоонимдердин фразеологиялык бирдиктердеги интерпретациялык потенциалы концептуалдык анализ жана когнитивдик моделдөө методдору аркылуу каралган [9]. Бул эмгектер зоонимдердин фразеологиялык системада кандайча маани түзөөрүн жана алардын аркылуу адам жөнүндөгү билимдердин берилишин көрсөтөт.

Ошондой эле Чайенкованын (Chayenkova) изилдөөсүндө украин, түрк жана англис тилдериндеги «жылкы» зооними катышкан фразеологизмдер салыштырылып, алардын семантикалык топторго бөлүнүшү жана маданий өзгөчөлүктөрү аныкталган [13]. Ал эми Раева менен Экердин (Raeva, Eker) эмгегинде түрк тилдериндеги зоофразеологизмдердин лингвомаданий семантикасы изилденип, жылкы лексемасынын түрк маданиятындагы өзгөчө орду көрсөтүлгөн [12].

Жогоруда аталган чет элдик жана орус эмгектеринде фразеологизмдердин жалпы теориялык, семантикалык жана салыштырма маселелери каралганы менен, кыргыз тилиндеги «ат» компоненти катышкан фразеологизмдердин лексика-семантикалык жана этнолингвистикалык өзгөчөлүктөрү атайын системалуу изилденген эмес. Ошондуктан бул тема илимий жактан актуалдуу жана толукталышы зарыл.

3. Изилдөөнүн методдорунун сүрөттөлүшү

Изилдөөдө лингвистикалык талдоонун бир нече методдору колдонулду:

1. Салыштырма метод – ат компоненти катышкан фразеологизмдердин маанилик өзгөчөлүктөрүн аныктоо үчүн колдонулду.

2. Лексика-семантикалык анализ – фразеологизмдердин маанисин жана алардын семантикалык түзүлүшүн изилдөө үчүн колдонулду.
3. Этнолингвистикалык метод – фразеологизмдердин элдин маданияты жана салттары менен болгон байланышын аныктоо үчүн колдонулду.

Изилдөөнүн материалы катары кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүктөрү, фольклордук материалдар, «Манас» эпосу жана башка эпикалык чыгармалар пайдаланылды. Ошондой эле салыштыруу үчүн казак, түрк жана англис тилдериндеги фразеологизмдер боюнча эмгектерге кайрылдык.

4. Изилдөө процессинин сүрөттөлүшү жана жыйынтыктары

4.1. «Ат» лексемасынын лексика-семантикалык талдоосу

Жылкыга байланышкан аталыштар жана фразеологизмдер кыргыз тилинин негизги сөздүк фондусунун өзөгүн түзөт. «Жылкы» лексемасынын жалпылоочу мааниси төмөнкү курамдык компоненттер аркылуу ачылат: ат (эркек жылкы, жалпы мааниде), кулун (эмип жүргөн тай), тай (бир жашар жылкы), бээ (ургаачы жылкы), тулпар (шамдагай, күлүк ат). Бул лексемалардын ичинде эң кеңири колдонулганы – «ат». Анткени ат күнүмдүк тиричиликте эркек кишинин бөлүнбөс шериги, анын статусунун көрсөткүчү болгон.

4.2. «Ат» компоненти катышкан фразеологизмдер жана алардын маанилери

Төмөндө кыргыз тилиндеги «ат» лексемасы негизинде түзүлгөн фразеологизмдердин мааниси, семантикалык өңүттөрү жана этнолингвистикалык мүнөздөмөсү келтирилди:

1. Ат арытуу – алыс сапарга жол тартуу, узак жол жүрүү.
2. Ат байгелүү болсун! – ат сайышта же байгеде аттын жеңишине тилектештик билдирүү, ырым-бата [2].
3. Ат жалын тартып минүү – эр жетип, чоңоюу, азамат болуу, өз алдынча жашоого өтүү.
4. Ат жалына казан асуу – согуш, чабуул же көч мезгилиндеги шашылыш турмуш, ашты-шек жашоо.
5. Ат коюу – чабуул коюу, качыруу, кол салуу; ошондой эле тездик менен жөнөп кетүү.
6. Ат үстүндө – кара жумушка аралашпаган, артыкчылыктуу абалдагы адам; жеңил абалда болуу.
7. Ат үстүнөн – үстүртөн, майда-чүйдөсүнө барбай, тереңдетип изилдебей мамиле кылуу.
8. Ат чабым жер – элдик аралык өлчөмү, болжол менен 10–15 чакырым.
9. Аттын кулагы менен тең ойноо – мыкты чабандес, ат үстүндө абдан эркин жана чебер жүргөн адам.
10. Аты ыргайдай, өзү торгойдой – өтө эле арыктап, азып-тозуп кеткен адам.
11. Аттан-төөдөн түшкөндөй – орду жок, одоно сөз же кыймыл-аракет.
12. Атын сатуу – максатка жетүү үчүн башкалардын атын, даражасын же аброюн уятсыздык менен пайдалануу.
13. Ат байлады – сый көрсөтүү, тартуу тартуулоо, урматтоо.
14. Ат басым – өтө кыска аралыкты билдирген өлчөм бирдиги.
15. Аттын тизгинин алуу – башкарууну колго алуу.
16. Аттын кашкасындай – абдан белгилүү адам.
17. Ат соорусун салуу – артка чегинүү.
18. Аттан ооп түшүү – кыйын абалга кабылуу.
19. Атка жеңил тайга чак – шамдагай адам.
20. Эр мурундуу келет, жылкы эриндуу келет – эркек кишинин мүнөзү менен жылкынын табиятын салыштырган макал.
21. Ат салышуу – жарышуу, мелдешүү.
22. Ат майы – аттын күчүн убактылуу пайдалануу, бирөөнүн атын минип алуу.
23. Ат тезегин кургатпай – өтө кыска убакыттын ичинде, бат эле.
24. Бээ саам – болжол менен бир жарым сааттык убакыт аралыгы (бээлерди ар 1,5 саатта саашат).
25. Ат кара тил болгондо – жай-күз мезгили (июлдан октябрга чейин), жайытта тоют көп болгон убакыт.

26. Алдына ат салдырбаган – эч кимге алдырбаган, өтө тың, чыйрак, күчтүү.
27. Ат ойнотуу – ат үстүндө абдан шамдагай, эркин жүрүү, атка мыкты жүрүү.
28. Тай чабым жер – ат чабым жерден кичирээк аралык (болжол менен 3 км).
29. Кунан чабым жер – болжол менен 5–7 км аралык.
30. Ат аягы жетээр жер – алыс жер, ат менен жетүүчү аралык.
31. Ат көкүлүн (куйругун) кесүү – кетүү, араздашуу, байланышты үзүү.
32. Атта жал, адамда кам жок – кыйын, жайсыз жагдай, оор абал.
33. Ат жетпес, атан жетпес жер – өтө алыс, жетүү кыйын болгон аралык.
34. Жылкы мүнөз (жылкы кыял) – мүнөзү тез өзгөрүлчөөн, туруксуз, кыял жоруктуу адам; жылкы сыяктуу мүнөзү бар киши. Мисалы: «Кээ адам жылкы мүнөз болот, ушул жигитке жумшак мамиле жакпайт» (Укаев).
35. Жылан чакпай, жылкы теппей – эч нерсе болбой, жөндөн жөн, эч себепсиз, өзүнөн-өзү эле. Мисалы: «Жылан чакпай, жылкы теппей эле учетчик эмгегин сураган Кожобектин жер-жеберине жетти» («Чалкан»). Бул фразеологизмдин сөздөрүнүн орду алмашып, «Жылкы теппей, жылан чакпай» түрүндө да колдонулат.
36. Жылкы оттогондой – тыптыйпыл кылып, эчтемесин калтырбай (жеп-ичүү, талоо жөнүндө).
37. Жылан сыйпагандай – тыптыйпыл кылып, таптакыр эчтеме калтырбай.
38. Илик салбаган жылкы – укурук салып кармалбаган, унаа катары минилбеген азоо жылкы; башкарылбаган, эркин жүргөн адам же нерсе.
39. Кырк жылкы.
40. Ат тери кылуу – бир аз гана, анча-мынча дыбыратып өтүү (жамгырга карата).
41. Ат куйругун кесип жиберүү (ат куйругун кесүү, ат куйругун кыркуу) – байланышты толук үзүү, кайра калыбына келгис араздашуу; ошондой эле тарыхый мааниде душманды маскаралоо, кемсинтүү. Мисалы: «Ат куйругун кыркышып, ажыраган туугандан» (фольклор).

4.3. Лексика-семантикалык топтор

Бул фразеологизмдерди төмөнкүдөй топторго бөлүүгө болот:

Жол жана кыймылга байланышкан - ат арытуу, атка конуу, ат чабым жер; - ат тезегин кургатпай; - ат аягы жетээр жер; - ат жетпес, атан жетпес жер.

Убакытты билдирген: - бээ саам; - ат кара тил болгондо

Адамдын сапатын жана мүнөзүн мүнөздөгөн: - ат жалын тартуу, атка жеңил тайга чак, эр мурундуу келет, жылкы эриндуу келет; - алдына ат салдырбаган; - ат ойнотуу; - жылкы мүнөз (жылкы кыял); - илик салбаган жылкы; азоо.

Социалдык абалды билдирген: - ат үстүндө болуу, атка минер.

Иш-аракетти жана абалды билдирген: - аттын башын буруу, ат соорусун салуу, аттын тизгинин алуу; - жылан чакпай, жылкы теппей; - жылкы оттогондой, жылан сыйпагандай; - ат тери кылуу; - ат салышуу; - ат майы; - ат көкүлүн (куйругун) кесүү.

Өлчөмдү билдирген: - тай чабым жер; - кунан чабым жер

Башка маанилерди билдирген: - Атта жал, адамда кам жок; - Кырк жылкы кут болсун!

4.4. Этнолингвистикалык талдоо

Аталган фразеологизмдер кыргыз элинин дүйнөтаанымын жана маданиятын чагылдырат. Көчмөн коомдо ат минүү эркек баланын жетилгендигинин белгиси болгон. Ошондуктан «ат жалын тартуу» фразеологизми адамдын бой жетип, жоопкерчилик ала баштаганын билдирет. «Ат үстүндө болуу» фразеологизми бийлик жана башкаруу түшүнүктөрү менен байланышкан.

«Жылкы мүнөз» фразеологизми адамдын туруксуз, тез өзгөрүлчөөн мүнөзүн мүнөздөйт. Бул жерде жылкынын табияты – эркиндикти сүйүү, кыял жоруктуулук – адамдын мүнөзүнө салыштырылып берилет. Ал эми «Жылан чакпай, жылкы теппей» фразеологизми «эч себепсиз, жөндөн жөн» деген маанини берет жана сүйлөм ичинде көбүнчө терс баа берүү үчүн колдонулат. Бул бирдиктер кыргыз тилинин фразеологиялык катмарындагы зоонимдик компоненттердин байлыгын дагы бир жолу көрсөтөт.

Кыргыз элинин салттуу турмушунда жылкыга байланышкан көптөгөн ырым-жырымдар бар. Мисалы, ат (же башка мал) сатылганда же тартуулганда нокто менен жүгөндү бербөө салты бар. Анткени аларда малдын куту, берекеси бар деп эсептелет. Эгер ноктону берсе, береке кетет деп ишенишет [4]. Ошондой эле малды, өзгөчө башына урууга болбойт, малдын колдоочусу зыян келтириши мүмкүн деп эсептелген. Укуруктан же бакандан аттабоо салты да бар (Камбар ата) – бул жакырчылыкка алып келет деп ишенишет.

Бул ырым-жырымдар фразеологизмдер менен катар кыргыз элинин этномаданий өзгөчөлүктөрүн ачып берет.

4.5. «Манас» эпосундагы атка байланышкан образдар

Кыргыз фольклорунда жана адабиятында атка өзгөчө маани берилет. Өзгөчө «Манас» эпосунда баатырлардын аттары өз алдынча сүрөттөлүп, алардын күчү, ылдамдыгы жана туруктуулугу баса белгиленет. Мисалы:

«Аккула аттын туягы
Жер титиретип дүңгүрөйт» («Манас» эпосу)

Бул саптар жылкынын баатырдык маданияттагы маанисин айкын көрсөтөт. Жылкынын мындай ыйыктыгы тилде да терең чагылып, фразеологиялык каражаттарда сакталып калган.

«Манас» эпосунда жылкы жөн гана унаа эмес, баатырдын тагдырлашы, анын күч-кубатынын, эрдигинин жана ата-журтка болгон сүйүүсүнүн символу катары терең сүрөттөлөт. Эпостогу тулпарлардын образдары архаикалык мифтик түшүнүктөрдөн тартып, реалдуу баатырдык доорго чейинки эволюцияны басып өткөн. Төмөндө эпостогу негизги тулпарлардын көркөм сүрөттөлүштөрү жана аларга байланышкан үзүндүлөр келтирилет.

Аккула – Манастын канаты. Манастын минген аты Аккула эпосто эң кеңири сүрөттөлгөн тулпар. Ал Кула бээнин үчүнчү кулуну катары дүйнөгө келет жана үчөөнүн ичинен эң чыгааны болот. Аккуланын сырткы кебетеси да өзгөчө сүрөттөлөт:

«Аккуланын куйругу жибек,
Туралары уюткан болот,
Кулагынан караңгыда шам күйүп...»

Саякбай Каралаевдин вариантында Аккуланын күлүктүгү мындайча берилет:

«Чаткаягы Чаткалдай,
Жүрүп берсе чатына,
Жүктүү төө баткандай»

Бул салыштыруулар аттын кыймылынын оордугун, бирок ошол эле учурда күчтүүлүгүн жана баатырдык милдетти аткарууга жаралгандыгын көрсөтөт. Аккула Манастын астында гана эмес, анын кеңешчиси катары да сүрөттөлөт: «Манас баатырга тагдырлаш Каккула аты кеңешин айтып, алдыда турган иштерди эскертет». Бул деталь эпостун мифтик-архаикалык катмарына таандык – тулпар ээси менен сүйлөшө алат, ага акыл-насаат айтат.

Мааникер – Көкөтөйдүн ашындагы талаштын борбору. Көкөтөй хандын Мааникер аттуу тулпары Аккула менен Тайторудан, Сарала менен Көк аладан, Алгара менен Ачбуудандан кем эмес тулпар катары сүрөттөлөт. Мааникердин образы аркылуу эпосто Ата-Журт темасы жана намыс түшүнүгү да чагылдырылат. Мааникердин күлүктүгү төмөнкү саптарда ачык берилет:

«Сексен күкү чуркаса,
Серпиндиси, даңканы.
Сегиз таш жерге бураса,
Күчөй турган мал эле.
Алтымыш күндүк дайраны,
Аттап өтөр жан эле»

Бул сүрөттөөлөрдө Мааникер жөн гана ылдам ат эмес, тоо-ташты, дайраны жеңил өтө турган, мейкиндикте абаны жиреп кетип бараткандай күлүк тулпар катары берилет. Анын Көңурбай менен

Жолой тарабынан талашуусу – Көкөтөйдүн ашындагы чырдын башталышы болуп, эпостун сюжетинин өнүгүшүндө маанилүү роль ойнойт.

Тайтору – Каныкейдин арманынын символу. Тайторунун образы эпосто жөн гана чыгаан күлүк тулпардын көркөм элеси эмес, ал аркылуу Ата-Журт темасы, эпостук циклдин уланышы, Семетейдин жетилиши жана Каныкейдин трагедиялуу тагдыры берилет. Тайтору Каныкейдин жан дүйнөсүндөгү кайгылуу армандын, мүдөөнүн орундалышын чагылдырган образ катары кызмат кылат.

Алгара жана Ачбуудан – Жолойдун канаттуу тулпарлары. Эпосто Кула бээ аттуу табышмактуу жылкы тууралуу айтылат. Ал жоголуп кетип, кайыптан кайра келип, үч кулун тууйт: биринчи кулуну – Алгара, кийинкиси – Ачбуудан, үчүнчүсү – Аккула. Алгара менен Ачбуудан Жолойдун астында куштай учуп, жоолашта өскөн жаныбарлар катары сүрөттөлөт. Алар дайыма ат оюндарында байгелүү орундарды алып жүрөт:

«Ачбуудан келет аркырап,
Оозунан карандай,
Кандын жыты буркурап...»

Бул саптарда Ачбуудандын жоокердик мүнөзү, канга суусаган табияты баса белгиленет.

Башка баатырлардын тулпарлары. Эпостогу негизги каармандардын ар биринин өз тулпары бар. Алмамбеттики – Сарала, Бакайдыкы – Көктулпар, Чубактыкы – Көкала, Сыргактыкы – Көкчебич. Алмамбет Манаска келгенде, Манас ага Аккула баш болгон тогуз атты тартуу кылат, анын артынан Сарала тулпарды баш кылып дагы тогуз атты тартат. Алмамбет өзүнө Сараланы алып калат. Бул эпизод аттардын социалдык статус белгиси катары кызмат кылгандыгын көрсөтөт – баатырга тартуу кылынган аттар анын даражасын, кадыр-баркын билдирет.

«Манас» эпосунда жылкы өзгөчө мааниге ээ: «ат адамдын канаты» болуп, жылкы минерге унаа, жегенге эт, ичерге кымыз болгон. Ошондуктан эпосто Аккула баштап баатырлардын көптөгөн тулпарлары жөнүндө айтылып, алардын сын-сыпаттары көркөм баяндалат. Бул сүрөттөөлөр аркылуу жылкынын баатырдык маданияттагы орду, анын ээси менен болгон руханий байланышы жана элдин этнолингвистикалык дүйнөтаанымы айкын көрүнөт.

5. Жыйынтыктар жана сунуштар

Кыргыз тилиндеги «ат» компоненти катышкан фразеологизмдер элдин тарыхый турмушунун, маданиятынын жана дүйнөтаанымынын маанилүү тилдик чагылдырылышы болуп саналат. Алар кыргыз элинин көчмөн маданиятына байланышкан түшүнүктөрдү, салт-санааларды жана баалуулуктарды сактап келген. Жылкы кыргыз элинин турмушунда өзгөчө орунду ээлегендиктен, ага байланышкан сөздөр жана туруктуу сөз айкаштары тилдин фразеологиялык катмарында кеңири чагылдырылган.

Ат компоненти катышкан фразеологизмдер кыргыз тилинин сөздүк курамында өзгөчө мааниге ээ болгон тилдик байлык катары каралат. Алар кыргыз элинин негизги чарбасы болуп келген жылкы чарбачылыгынын негизинде калыптанып, элдин тарыхый эсинде жана маданий мурасында сакталган образдуу тилдик бирдиктер болуп эсептелет.

Тилдин өнүгүү процессинде ат лексемасынын негизинде пайда болгон айрым фразеологизмдер баштапкы түз маанисинен алыстап, жаңы, өтмө мааниге ээ болгон. Натыйжада алар адамдын мүнөзүн, жүрүм-турумун, аракетин жана коомдук мамилелерин мүнөздөгөн туруктуу сөз айкаштарына айланган. Мисалы, «жылкы мүнөз» фразеологизми адамдын туруксуз мүнөзүн, «жылан чакпай, жылкы теппей» фразеологизми эч себепсиз болгон окуяны, «илик салбаган жылкы» фразеологизми башкарылбаган, эркин жүргөн адамды же нерсени билдирет.

Сунуштар:

1. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүктөрүн «ат» компоненти катышкан фразеологизмдер менен толуктоо.

2. Аталган фразеологизмдерди кыргыз тилин окутууда, айрыкча этнолингвистика жана лингвокультурология курсунда колдонуу.

3. Казак, түрк, англис жана башка тилдердеги окшош фразеологизмдер менен салыштырма изилдөөлөрдү жүргүзүү.

4. «Манас» эпосунан жана башка кенже эпостордон алынган атка байланышкан фразеологизмдерди өзүнчө иликтөө.

6. Колдонулган адабияттардын тизмеси

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
2. Кеңесбаев І. Фразеологиялық сөздік. — Алматы: Арыс, 2007. — 800 б.
3. Авакова Р.А. Қазақ фразеологиясының семантикасы: филол. ғылым. док. дисс. қолжазбасы. — Алматы, 2003. — 257 б.
4. Ер қанаты: [жинақ] / құраст. Ж. Аупбаев. — Алматы: Қайнар, 1987. — 328 б.
5. Жиренов С.А. Этнолингвистические свойства фразеологизмов с компонентом «лошадь» в казахском и киргизском языках (на основе лексемы «конь») // Вестник КРСУ. — 2013. — Т. 13. — № 3. — С. 185–189.
6. Жусупов К. Кыргыз тилинин фразеологиясы. — Бишкек: Кыргызстан, 1998. — 240 б.
7. Осмонова Ж. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. — Бишкек: Бийиктик, 2010. — 320 б.
8. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу. — Бишкек: Кыргызстан, 1995. — 1-китеп.
9. Махмуд Кашгари. Дивану лугатит-түрк. — Ташкент: Фан, 1960–1963. — Т. 1–3.
10. Бабина Л.В., Долгова Е.В. Interpretive potential of zoonyms in English phraseological units // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 102–111.
11. Смит Л.П. Фразеология английского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 208 с.
12. Raeva A., Eker S. Linguoculturalogical semantic aspects of zoo-phraseological units in Turkic languages // Eurasian Journal of Philology. — 2024. — Vol. 195, No. 3. — P. 89–98.
13. Чайенкова О.К. Phraseological units with the component-zoonym «horse» (on the material of Ukrainian, Turkish, and English languages) // Записки з українського мовознавства. — 2020. — Вип. 33. — С. 74–82.
14. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. — New York: Oxford University Press, 1997. — 328 p.
15. Dobrovol'skij D. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. — Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1988. — 264 S.

Уланова Рахат Улановна - преподаватель ПК МУКР, rahatik_0206@mail.ru 0009-0006-3764-2471

УДК:81` 271.14.

Уметалиева Т.У.
К. Карасаев атындагы Бишкек мамлекеттик университети
Уметалиева Т.У.
Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева
Umetalieva T.U.
K. Karasaev Bishkek State University

КОНТАМИНАЦИЯ КУБУЛУШУНУН ТҮРЛӨРҮ
ВИДЫ КОНТАМИНАЦИИ
TYPES OF CONTAMINATION

Кыскача мүнөздөмө: Кептин сапаттуулугу анын максаттуулугу менен шартталса, кептин начарлыгы, кептеги каталар тилдеги контаминация, кептеги ачакей ойлуулук, чалып сүйлөөчүлүк, көп сөздүүлүк, ыксыз кайталоочулук (тавтология, плеоназм) аркылуу мүнөздөлөт. Контаминация – өзгөчө тилдик кубулуш катары кепте кеткен каталардын негизги себептеринин бири. Ошондуктан аны байкоо жана катанын келип чыгуу себебин аныктап, механизмдерин ачуу кептеги каталарды кетирбөөнүн негизи болуп эсептелет. Контаминация кубулушу тилдик каражат-бирдиктердин структуралык деңгээлдери боюнча жиктелет: фонетикалык, морфологиялык, лексика-семантикалык, синтаксистик жана стилистикалык контаминация ж.б. Фонетикалык контаминация тыбыштардын алмашылып колдонулушу, ашыкча же кем колдонулушу, башка бир сөздүн таасири менен ага окшоштурулуп ката формалардын пайдаланылышы сыяктуу процесстер менен шартталат. Кыргыз тилинде агглютинация механизминин, сөз жасоонун морфологиялык жолунун күчтүү өнүгүшү морфологиялык контаминациянын жаралышына негиз болот. Лексика-семантикалык контаминациянын кеңири тараган түрү катары тавтологиялык контаминацияны көрсөтүүгө болот. Тавтологиялык контаминацияны грамматикалык формалар да, лексемалык каражаттар да уюштурат. Лексика-синтаксистик контаминация тизмектеше турган сөздөрдүн өз ара айкашуу мүмкүнчүлүгү же валенттүүлүгү менен байланышат. Тилде бири-бири менен тизмектешчү сөздөр да, бири-бири менен тизмектеше албоочу сөздөр да бар.

Аннотация: Качество речи определяется ее целенаправленностью, тогда как речевые недостатки и ошибки характеризуются языковой контаминацией, нечеткостью выражения мысли, нарушением речевой последовательности, многословием и неоправданным повторением (тавтологией, плеоназмом). Контаминация как особое языковое явление является одной из основных причин возникновения речевых ошибок. Поэтому ее выявление, определение причин возникновения ошибки и раскрытие механизмов ее образования служат основой предупреждения речевых ошибок. Явление контаминации классифицируется в соответствии со структурными уровнями языковых средств и единиц: выделяются фонетическая, морфологическая, лексико-семантическая, синтаксическая и стилистическая контаминация и др. Фонетическая контаминация обусловлена такими процессами, как чередование звуков, их избыточное или недостаточное употребление, а также образование ошибочных форм под влиянием другого слова. Сильное развитие механизма агглютинации и морфологического способа словообразования в кыргызском языке создает основу для возникновения морфологической контаминации. Одним из распространенных видов лексико-семантической контаминации является тавтологическая контаминация. Она может формироваться как грамматическими формами, так и лексическими средствами. Лексико-синтаксическая контаминация связана с сочетаемостью слов, то есть с их валентностью. В языке существуют слова, способные сочетаться друг с другом, а также слова, сочетаемость которых ограничена.

Abstract: The quality of speech is determined by its purposefulness, whereas speech deficiencies and errors may be characterized by linguistic contamination, lack of clarity in expressing ideas, disrupted speech coherence, verbosity, and unjustified repetition (tautology and pleonasm). Contamination, as a specific linguistic phenomenon, is one of the major causes of speech errors. Therefore, identifying

contamination, determining the causes of errors, and revealing the mechanisms of their formation are important for preventing speech errors. The phenomenon of contamination can be classified according to the structural levels of linguistic means and units, including phonetic, morphological, lexico-semantic, syntactic, and stylistic contamination. Phonetic contamination is caused by such processes as sound alternation, excessive or insufficient use of sounds, and the formation of incorrect forms under the influence of another word. The strong development of agglutination and the morphological method of word formation in the Kyrgyz language provides a basis for the emergence of morphological contamination. Tautological contamination may be regarded as one of the widespread types of lexico-semantic contamination. It can be formed by both grammatical forms and lexical means. Lexico-syntactic contamination is related to word combinability, or valency. In a language, some words can combine with one another, whereas the combinability of others is restricted.

Негизги сөздөр: контаминация; кеп; кептик ката; тавтология; стилистика; тилдик кубулуш.

Ключевые слова: контаминация; речь; речевая ошибка; тавтология; стилистика; языковое явление.

Keywords: contamination, speech, speech error, tautology, stylistics, linguistic phenomenon.

Контаминация кубулушу тилдеги өзгөчө кубулуш катары тилдик структуралардын, каражат-бирдиктердин өз ара таасири, алардын бири-бирине өтүп катмарланышы, чокмороктолушу, биригиши, интерференциясы аркылуу мүнөздөлөт да, кептеги каталардын пайда болуу механизмин көрсөтөт. Кепте кездешкен каталардын, өзгөчө тилдин структуралык деңгээлдериндеги каражат-бирдиктер боюнча кеткен каталардын көбү ушул контаминация кубулушуна байланышкан. Контаминация кубулушун тилдик каражат-бирдиктердин структуралык деңгээлдери боюнча жиктеп карoого болот: фонетикалык деңгээлдеги контаминация; морфологиялык деңгээлдеги контаминация; лексика-семантикалык деңгээлдеги контаминация; синтаксистик деңгээлдеги контаминация (лексика-синтаксистик); стилистикалык деңгээлдеги контаминация ж.б.

1. Фонетикалык контаминация – тыбыштардын алмашылып колдонулушу, ашыкча же кем колдонулушу, башка бир сөздүн таасири менен ага окшоштурулуп ката формалардын пайдаланылышы ж.б.у.с. процесстер менен мүнөздөлөт. Бүгүнкү күндө көчөө, Жээмбай, Орозалиев, прецендент, компроментировать, агентик, артиске, тексти, артисти, мөөрөй, Амангелди, Алмакүл, Асангул, Чымгоргон, кол гап, тил гат, үвөлүк, ава, өргөө, шерне, үй-бүлөө, активдүү, арстан, бары, Сарыкул, Эсенгул, Айганыш, Абдулдаев, Акүй, Оруспай, Акматпек, Рыспай ж.б.у.с. фонетикалык формада жазылган сөздөр арбын учурайт.

Мындай сөздөрдү ким жазбасын, ким колдонбосун, булар тилдин фонетикалык законуна, нормасына такыр кайчы келип, ката катары гана аныкталышы талапка ылайык. Анткени бул сөздөрдүн ар бирин кыргыз тилинин фонетикалык законуна, калыптанып калган нормага, эреже-талаптарга ылайык талдап көрсөк, алардын төмөнкүчө жазылышы ката болуп эсептелбейт жана кыргыз адабий тилинин жалпы эл кабыл алып, коомчулук тарабынан милдеттүү деп эсептелген нормасына төп, шайкеш келет: Жээнбай, Орозаалы, Аалиев, кечээ // кечөө, текстке, артистке, текстти, артистти, агенттик, Аманкелди, Алмагүл, Асанкул, Чымкоргон, кол кап, тил кат, үбөлүк, аба, өргө, үй-бүлө, активдүү, арыстан, шерине, баары, Эсенкул, Сарыгул, Айканыш, Абдылда, Ак үй, Орузбай, Акматбек, Ырысбай.

Анткени Жээнбай деген сөз эки морфемадан турат: жээн жана бай. Айтканда биринчи морфеманын аягында турган уяң үнсүз –н тыбышы экинчи морфеманын башында турган эрин-эринчил –б тыбышынын таасири менен алга карай ээрчишип, прогрессивдүү ассимиляциянын натыйжасында –м тыбышына өтүп айтылат. Бирок жазууда –н тыбышы аркылуу эле жазылышы керек, анткени жээм деген уңгу кыргыз тилинде жок, бул сөздүн уңгусу – жээн.

Кыргыз тилинде Али деген ат – Аалы деген аттын гана фонетикалык жактан бузулушу. Ошондуктан Кадыраалы, Асанаалы, Аалиев деп эле жазылганы дурус. Албетте, Аалынын алгачкы

варианты араб тилиндеги Али сөзү менен байланышат, бирок биздин тилге ал фонетикалык жактан өздөштүрүлүп, Аалы формасына өткөн.

«Текстке», «артистке», «текстти», «артистти» деген чет тилден өздөштүрүлгөн сөздөрдүн ката варианттары, б.а. бирден каткалаң тыбыштарынын түшүрүлүп калышы кыргыз тилинде үч каткалаң тыбыш бир сөздө катар айтылбай тургандыгы жөнүндөгү норма менен түшүндүрүлөт. Б.а., бул факт кыргыз тилиндеги сөздөрдө каткалаң үнсүздөрдүн тизмектеше алуу аналогиясына негизделет.

Көпчүлүк учурларда тигил же бул сөздүн тыбыштык турпаты үндүү жана үнсүз тыбыштардагы үндөштүк (сингармонизм) законуна ылайык аныкталат. Кыргыз тилинде р, л тыбыштарынын сөз башында келбеши Ырысбай, Ырысбек, ылакап, ырыс сөздөрүнүн ушул формада жазылышын, айтылышын шарттайт.

2. Морфологиялык контаминация. Кыргыз тилинде агглютинация механизминин, сөз жасоонун морфологиялык жолунун күчтүү өнүгүшү морфологиялык контаминациянын жаралышына негиз болот. Кеп ишмердигинде тилдеги мурдатан кеңири колдонулуп жүргөн өнүмдүү моделге, схемага окшоштурулуп, ошого негизделип, ошол моделдин таасири менен жасалган сөздөр арбын учурайт [Мусаев, 1999]. Тил ошол сөз жасоо моделинин, схемасынын негизинде жасалган сөздөр аркылуу (бул боюнча жогоруда сөз болгон эле) байыйт, өнүгөт, тилдин лексикалык кору толукталат, жаңы сөздөр жасалат.

Маселен: ишчи, окурман, көрөрмандар, билермандар, ишкер, мушкер, зергер, зерчи, өнөргер, саясаткер, сүрөткер, талапчыл, аокердик, кетермандык ж.б.у.с. сөздөр жана ушулар сыяктуу сөздөр кыргыз тилинде сөз жасоонун өнүмдүү модель-схемасына төп келет жана мындай сөздөрдүн жасалышы адабий тилдик нормага кайчы келбейт.

Ошондой болсо да, тигил же бул автор тарабынан жасалып, бирок активдүү лексикалык катмарга кире албай, кыргыз тилинде сүйлөгөн жалпы коомчулук тарабынан колдоого, колдонулууга алынбай жабыркаган, өмүрү аз «жеке автордук» сөздөр – окказионализмдердин жаралышына негиз болгон ушул морфологиялык контаминация кубулушу. Бүгүнкү күндө кыргыз тилинде кездешип жүргөн, өзгөчө телерадио журналисттеринин сөздөрүндө, гезит беттеринде «жабалактаган» төмөнкү өңдүү ката жасалган сөздөр ушул морфологиялык контаминациянын негизинде, б.а. мүчөлөрдүн катмарлашуусунун, чокмороктошуусунун натыйжасында жаралган: камкорчу, арбындады, талапкерчилик, зергерчи, ишкерчилик, пахтакерчилик, саясаткерчилик, сүрөткерчилик, паракорчулук, зарылчылдык, керекчилик, баарысы, барайлык, узатайлык, бирөөсү, экөөсү, үчөөсү, төртөөсү, бешөөсү, алтоосу, жетөөсү, сегизөөсү, оноосу.

Келтирилген мисалдарда камкорчу, ишкерчилик, зергерчи, саясаткерчилик, сүрөткерчилик, талапкерчилик, паракорчулук, пахтакерчилик деген сөздөр морфологиялык контаминациянын негизинде ката жасалган.

Берилген сөздөрдүн ката экендигин буларды морфемаларга ажыратып, кыргыз тилиндеги сөз жасоонун өнүмдүү модель-схемасына ылайык туура жасалган сөздөр менен салыштырып, алардагы аналогияны тактаганда эле ачык көрөбүз. Кам+кор+чу, иш+кер+чи+лик, зер+гер+чи, саясат+кер+чи-лик, пара+кор+чу-лук, пахта+кер+чи+лик, сүрөт+кер+чи+лик, талап+кер+чи+лик. Мындагы биринчи морфемалар: кам, иш, зер, саясат, пара, сүрөт, пахта, талап–уңгу зат атоочтор. Буларга кесипти билдирүүчү экинчи морфемалар уланып, уңгу зат атооч билдирген лексикалык мааниси боюнча “кесиптенген” киши дегенди билдирип калды: камкор, ишкер, зергер, саясаткер, паракор, пахтакер, сүрөткер, талапкер. Ошол кесиптеги киши маанисин билдирген бул сөздөргө кесипти билдирүүчү үчүнчү морфемалар (ар кандай фонетикалык вариантта) уланып, морфологиялык контаминациянын натыйжасында ал сөздүн морфемалык структурасы катмарланып, чокмороктошуп: камкорчу, ишкерчи, зергерчи, саясаткерчи, паракорчу, пахтакерчи, сүрөткерчи, талапкерчи деген ката сөздөр жасалды: Бул сөздөргө төртүнчү морфема- катыштык сан атоочту жасоочу –дык мүчөсү (ар кандай фонетикалык вариантта) уланып, морфологиялык контаминациянын натыйжасында ката жасалган сөздөрдүн дагы бир ката варианты пайда болду: пахтакерчилик, ишкерчилик, саясаткерчилик, паракорчулук, сүрөткерчилик, талапкерчилик.

Морфологиялык контаминациянын негизинде жасалган бул ката, жеке автордук окказионализм сөздөрдүн туура, ката эмес варианттары төмөнкүлөр: камкор, зергер, саясаткерлик, сүрөткерлик, талапкерлик, паракорлук, ишкердик, пахтакердик. Булардын ката варианттары тилде кеңири кездешип, бирок булардан айырмаланып туура, катасыз эле жасалган малчылык, чарбачылык, пахтачылык, тамекичилик, саясатчылык, сүрөтчүлүк деген сымал сөздөр сөз жасоо модель-схемасынын таасиринде аларга аналогия катары жасалган, алар аркылуу мотивацияланган болсо керек. Жогорку катаны бөлөкчө түшүндүрүүгө мүмкүн эмес [Мусаев, 1999].

Көпчүлүк учурларда сөз жасоодогу айырмачылык паронимдердин жаралышына негиз болот. Маселен: кура, курак, курактык, куруктуу, курама туунду сөздөрү кур сөзү аркылуу мотивировкаланган. Бирок морфологиялык контаминациянын негизинде жаралган «курамалык», «курамалуу» деген сөздөр эч кандай мотивацияга ээ эмес – ката сөздөр. «Курактык», «куруктуу» сөздөрүн мотивациялаган курак сөзүндөй эле «курама» сөзү да турганы менен, ал сөздөн деривациялык туунду сөз жаралбайт. Тилдеги өнүмдүү модель-схеманын аналогиясына салып, «курамалык», «курамалуу» деген сөздөрдү жасагандар морфологиялык контаминация кубулушунун негизинде ката сөз жасап колдонгондуктарын сезиши мүмкүн эмес.

Бүгүнкү күндө кеңири кездешип жүргөн агенттик – агентчилик деген сөздөр сөз жасоонун ар түрдүү негиздерине ээ пароним сөздөр экендигине карабай (агентство – агент), кыргыз тилиндеги тексттерде биринин ордуна экинчиси колдонулуп, катачылыкты көрсөтүп келатат. Булардын бири агент – жашыруун жүргөн киши, «разведчик», «шпион» деген маанини туюнтса, экинчиси агентчилик дегени мекемени, агентствону билдирет. Агентствону агенттик деп аташып, айрым бир авторлор аны разведчиктердин, жашыруун атайын миссия, тапшырма менен жүргөн шпиондун уюгу катары көрсөтүп алгандарын сезишээр бекен.

Агенттик – агентчилик деген сөздөр кыргыз тилинде ажырым колдонулуп жүргөн акимдик – акимчилик деген сөздөр менен бирдей аналогияга дал келет. Акимчилик – аким отурган, иштей турган жай, мекеме. Ал эми акимдик – акимге тиешелүү дегенди билдирет: акимдик кызмат, акимдик орун, акимдик убада ж.б.у.с. Ошондуктан «акимчилик» дегендин ордуна «акимдик» деген сөздү колдонуу кандай ката болсо, «агентчилик» деген сөздүн ордуна «агенттик» деген сөздү пайдалануу да ошондой эле өтө орой ката болуп эсептелет.

Мындай паронимдерди алмаштыруу, чаташ колдонуу – морфологиялык контаминациянын натыйжасы. Буларды мындай сөздөрдүн сөз жасоо негиздерин аныктоо аркылуу гана тактап, туура айтууга жана туура жазууга болот. Антпегенде пароним сөздөрдүн баарын бири-биринин ордуна колдонуп, лексика-семантикалык ар кыл табияттагы лексемалардын араларына чек коюлбай, омоним, синоним, пароним сөздөр семантика-функционалдык, семантика-структуралык жактан өз ара ажырабай, бири-экинчисине эквивалент бирдик катары жогорудагыдай ката колдонулуп калуу ыктымалдуулугун күчөтөт. Бул болсо кеп маданиятына терс таасир этүү менен, тилдик каражат-бирдиктерди пайдалануу сабатсыздыгыбыздын гана күчөшүнө алып келет [Ахматов, 2003].

3.Лексика-семантикалык контаминация. Лексика-семантикалык контаминациянын кеңири тараган түрү катары тавтологиялык контаминацияны көрсөтүүгө болот. Тавтологиялык контаминацияны грамматикалык формалар да, лексемалык каражаттар да уюштурат. Мында бир эле маанини туюнткан грамматикалык ар кандай формалар, лексемалык каражаттар бири-бири менен тизмектешип, бирин-бири кайталап колдонулат да, грамматикалык эч кандай жаңы маани киргизишпей, көп формалуулукту, көп сөздүүлүктү жаратып, грамматикалык жана синтаксистик-стилдик каталардын келип чыгышын шарттайт. Мындай контаминациянын классикалык үлгүсү катары кепте кездешип жүргөн камкорчу, зергерчи, ишкерчи, дыйканчы, чайкорчу, шоопурчу ж.б.у.с. сөздөрдү көрсөтүүгө болот. Мындагы -кор (фонетикалык ар кыл вариантта) формасы билдирген “кесиптик” мааниге ушул эле “кесиптик” маанини туюнтуучу -чы мүчөсү фонетикалык ар кыл вариантта кабаттала тизмектешип, грамматикалык эч кандай жаңы маани жаратпастан, тавтологиялык контаминациянын, сөздүн грамматикалык-структуралык ката формасынын пайда

болушун гана шарттады. Бул сөздөрдүн тавтологиялык контаминацияланбаган туура варианты болуп камкор, зергер, ишкер, дыйкан, шоопур, чайкор формалары эсептелет.

4. Тавтологиялык контаминация маанилеш лексемалардын кош кабат колдонулушу аркылуу да пайда болот. Маселен:

1. Жакшы ийленип жасалган жумшак көлдөлөңдөр, кичинекей кооз чарчы куректардан куралган курама курак төшөктөр керегенин боюн тиреп жыйналган (К.А.).
2. Эгемендүүлүктүн алгачкы жылдарында көптөгөн айыл-кыштак, жерлердин аттары кайра өзгөртүлүп аталды (КТ. 1995. 16.03).
3. Жогорку баадагы кымбат товарларды өндүрүү жалпы калктын сатып алуу.

Бул мисалдардагы алды сызылган сөздөрдүн колдонулушу – тавтологиялык контаминациянын бир көрүнүшү.

...Куректардан куралган курама курак төшөк деген тизмектеги асты сызылган төрт сөздүн сөз жасоо негизи – кур сөзү. Бул этиштик маанидеги сөзгө этиш жасоочу мүчө жалгануу менен этиштен этиш жасалды, ага зат атооч жасоочу мүчө жалгануу менен курак зат атооч сөзү жасалды. Бул сөз майда-майда кездемелерден чогултулуп, куралып жасалган нерсени атоо үчүн колдонулат.

Маселен, курак төшөк, курак туш кийиз, курак чапан ж.б.у.с. Ал эми куралган, курама, куректардан деген сөздөрдүн баары – ушул айтылышта тавтологиялык контаминациянын негизинде пайда болгон ката, бул жерде сөздөр ашыкча колдонулган. Курак төшөк деген дагы, курама төшөк деген дагы, куралган төшөк десек дагы, куректардан жасалган төшөк десек дагы, баары бир курак төшөк деген гана маанини түшүнөбүз. Ошондуктан жогорку мисалды: «Жакшы ийленип жасалган жумшак көлдөлөңдөр, кичинекей кооз чарчы куректардан жасалган же куралган төшөктөр керегенин боюн тиреп жыйылган» деп эле түзсө, дурус болчудай.

Ошол эле учурда «керегенин боюн тиреп жыйылган» деген тизмекте да тавтологиялык контаминация бар. «Керегенин боюн тиреп» дегендин өзү – «жыйылган» деген сөзгө контексттик синоним. Көлдөлөңдөр, төшөктөр керегенин боюн тиреп турган болсо, демек, алар жыйылып турган болот. Бул контексттик семантика аркылуу аныкталып турат. Ошондуктан жогорку сүйлөмдү «Жакшы ийленип жасалган жумшак көлдөлөңдөр, кичинекей кооз чарчы куректардан куралган же жасалган төшөктөр керегенин боюн тирейт» деп эле бүтсө, дагы дурус болмок.

Экинчи мисалдагы «...аттары кайра өзгөртүлүп аталды» деген тизмекте да тавтологиялык контаминация орун алган. Кайра аталды, өзгөртүлүп аталды, аттары... өзгөртүлдү деген эле тизмектерде айыл-кыштак, жерлердин аттарынын мурдагыдан өзгөртүлүп, жаңы ат менен аталгандыгы, мурдагы атынын өчкөндүгү жөнүндөгү ой айтылгандыгы ачык эле көрүнүп турат. Ошондуктан ал сүйлөмдү: «Эгемендүүлүктүн алгачкы жылдарында көптөгөн айыл-кыштак, жерлер өзгөртүлүп аталды; Эгемендүүлүктүн алгачкы жылдарында көптөгөн айыл-кыштак, жерлердин аттары өзгөртүлдү; Эгемендүүлүктүн алгачкы жылдарында көптөгөн айыл-кыштак, жерлер кайра аталды» деп эле түзсө, дурус болот.

Үчүнчү мисалда «...прогрессти жогорулатуу, өркүндөтүү» дегендин өзү тавтология. Прогресстин өзү – өнүгүү, жогорулоо, өркүндөө. Ошондо сүйлөмүбүз Илимий-техникалык өнүгүүнү же жогорулоону өркүндөтүү, жогорулатуу болуп калып жатат. Андыктан ал сүйлөмдү жөн гана «Илимий-техникалык прогресс (же өнүгүү) – бүгүнкү мезгилдин талабы» деп эле куруш керек.

Төртүнчү мисалдагы «жогорку баадагы кымбат товарлар» дегенди карап көрөлү. Мында «жогорку баадагы» жана «кымбат» дегендер бири-бирине абсолюттук синонимдик катышта турушат. Булардын бирөө эле колдонулса, дурус болмок. Анткени «жогорку баадагы» дегендин өзү «кымбат» дегенди билдирсе, «кымбат» дегендин өзү «жогорку баадагы» дегенди билдирип, бул сөздөр бири-бирине карата абсолюттук синонимдик катарды түзүп турушат. Ошондуктан кымбат товарларды же жогорку баадагы товарларды өндүрүү жалпы калктын сатып алуу мүмкүнчүлүгүнө туура келбейт деп эле сүйлөсө, туура болмок.

5. Лексика-синтаксистик контаминация тизмектеше турган сөздөрдүн өз ара айкашуу мүмкүнчүлүгү же валенттүүлүгү менен байланышат. Тилде бири-бири менен тизмектешчү сөздөр,

бири-бири менен тизмектеше албоочу сөздөр да бар. Ар бир сөздүн валенттүүлүк мүмкүнчүлүгү ар башка. Ошондуктан сөздөр тил илиминде аваленттүү, бир валенттүү, эки валенттүү, үч валенттүү жана көп валенттүү сөздөр деп, алардын синтаксистик мүмкүнчүлүгү аныкталат. Ушул өзгөчөлүгүнө ылайык айрым бир сөздөр өз ара тизмек курганда тандап-тескеп айкашат.

Маселен, «бет ачаар» менен «жүз ачаар» бири-бирине синоним боло албайт, «бетин ач» дегенде күнөөсү ачылды, айыбы ачылды деген маанини берсе, «жүзүн ач» дегенде коомчулукка биринчи жолу тартууланып жатат деген маанини берет. Ошондуктан булардын биринин ордуна экинчисин колдонуу – ката. Ушундай эле пикирди деңгээли кеңейет, ролго ээ болот, маани ойнойт, чара көрүү, канаттуу сөздөр, акыл-эсиң көбөйүп калыптыр, эрежени аткаруу, талапты сактоо дегендерге байланыштуу да айтсак болот. Буларды чара колдонуу, учкул сөздөр, эрежени сактоо, роль ойнойт, мааниге ээ болот, деңгээли көтөрүлөт же жогорулайт, талапты аткаруу, акыл-эс кирип десек, туура, катасыз болот деген пикирдебиз.

Жыйынтыктап айтканда, контаминация, жогоруда белгиленгендей, кебибиздеги катанын жаралышына негиз, себеп болуу менен, кептин ачакей маанилүү, кош маанилүү, түшүнүксүз, ката болушун шарттап, тилдик каражат-бирдиктердин зарылчылыксыз эле көп колдонулушуна, кептеги плеоназм кубулушунун орун алышына алып келет.

Колдонулган адабияттар

1. Мусаев С.Ж. Кеп маданияты жана норма. -Б.:1999 -241
2. Ахматов Т.К.Кыргыз адабий тилинин нормалары. Б.:2003.

УДК 81’373.7:81’23(=512.154=111)

Үсөнова С.Т.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Тагаев М.Дж.
Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Россия Славян Университетинин
Үсөнова С.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Тагаев М.Дж.
Кыргызско-Российский Славянский Университет имени Б. Ельцина
Usonova S.T.
KNU Jusup Balasagyn Institute of Foreign Languages
Tagaev M. Dzh.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. Yeltsin

АНГЛИС ЖАНА КЫРГЫЗ ФРАЗЕОЛОГИЯСЫНДАГЫ *AT/HORSE* КОМПОНЕНТИ КАМТЫЛГАН ЗООМОРФИЗМДЕРДИН ЛИНГВОМАДАНИЙ ЖАКТАН ТАЛДОО
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗООМОРФИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *AT/HORSE* В АНГЛИЙСКОЙ И КЫРГЫЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
A LINGUACULTURAL STUDY OF ZOOMORPHISMS CONTAINING THE COMPONENT *AT/HORSE* IN ENGLISH AND KYRGYZ PHRASEOLOGY

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада англис жана кыргыз фразеологиясындагы *am / horse* компоненти камтылган зооморфизмдерге лингвомаданий талдоо жүргүзүлөт. Изилдөөнүн актуалдуулугу зооморфтук кодду этномаданий өзгөчөлүктөр жана адам тууралуу когнитивдик түшүнүктөр тууралуу изилдөөлөрдүн аздыгы менен аныкталат. Илимий иштин теориялык негизин

фразеология, лингвомаданият таануу жана когнитивдик лингвистика боюнча концепциялар, ошондой эле түрк жана англис лингвистикасындагы зооморфтук образдар боюнча заманбап изилдөөлөр түзөт. Изилдөөдө сыпаттоо методу, компоненттик талдоо жана салыштырма талдоо колдонулду. Изилдөө материалы катары сөздүктөрдөн жана маданий-тарыхый контексттен алынган *am / horse* компоненти бар фразеологиялык бирдиктер пайдаланылды. Макала зооморфтук коддун универсалдуу, бирок маданий жактан айырмаланган өзгөчөлүктөрүн изилдөөгө салым кошот жана маданияттар аралык байланыштын өнүгүшүнө өбөлгө түзөт. Изилдөөнүн корутундусунда “адам бул жаныбар” деген негизги концептуалдык метафора эки тилде тең байкалат, бирок анын конкреттүү чагылдырылышы улуттук-маданий айырмачылыктар менен аныкталары көрсөтүлөт

Аннотация: В статье представлено лингвокультурологическое исследование зооморфизмов с компонентом ат / horse в английской и кыргызской фразеологии. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения зооморфного кода как средства выражения этнокультурной специфики и когнитивных представлений о человеке. Теоретическую основу составляют концепции фразеологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики (и современные исследования зооморфных образов в тюркских и англоязычных традициях. В качестве методов использованы описательный метод, компонентный анализ и сопоставительный анализ. Материалом послужили устойчивые фразеологические единицы, содержащие компонент ат / horse, извлечённые из словарей и культурно-исторического контекста. Работа вносит вклад в изучение универсального, но культурно варьируемого зооморфного кода и способствует межкультурной коммуникации. Исследование опирается на представление о зооморфном коде как средстве выражения этнокультурных особенностей и концептуальных представлений о человеке. Показано, что базовая концептуальная метафора «люди есть животные» проявляется в обоих языках, однако её конкретное воплощение в исходных доменах обусловлено национально-культурными различиями.

Abstract: This article presents a linguacultural study of zoomorphisms containing the component at / horse in English and Kyrgyz phraseology. The relevance of the research is determined by the need to investigate the zoomorphic code as a means of expressing ethnic and cultural features and cognitive representations of human beings.

The theoretical framework is based on the concepts of phraseology, cultural linguistics, and cognitive linguistics, as well as modern studies of zoomorphic images in Turkic and English linguistic traditions.

The methods used in the research include descriptive analysis, component analysis, and comparative analysis. The material of the study consists of stable phraseological units (idioms) containing the component at / horse, extracted from dictionaries and cultural-historical contexts.

This work contributes to the study of the zoomorphic code as a universal yet culturally variable phenomenon and promotes intercultural communication. The research is based on the understanding of the zoomorphic code as a means of expressing ethnic and cultural features and conceptual representations of human beings. It is shown that the basic conceptual metaphor “humans are animals” is present in both languages; however, its specific realization in source domains is determined by national and cultural differences.

Негизги сөздөр: зооморфизм; фразеологиялык бирдиктер (идиомалар); ат / horse компоненти; этномаданий өзгөчөлүктөр; зооморфтук код; концептуалдык метафора; англис жана кыргыз фразеологиясы; маданияттар аралык байланыш.

Ключевые слова: зооморфизм, фразеологические единицы (идиомы), компонент ат / horse, этнокультурные особенности, зооморфный код, концептуальная метафора, английская и кыргызская фразеология; межкультурная коммуникация.

Keywords: zoomorphism; phraseological units (idioms); at / horse component; ethnic and cultural features; zoomorphic code; conceptual metaphor; English and Kyrgyz phraseology; intercultural communication.

Введение

В современной лингвистике актуально изучаются аспекты зооморфного кода в разных языках. Зооморфный код часто актуализируется фразеологическими единицами, которые в свою очередь выражает этнокультурную специфику в каждом языке [1, с. 227]. В данном исследовании изучаются особенности интерпретации зооморфизмов во фразеологии в кыргызском и английском языках. В кыргызском языке фразеологические единицы выражаются термином *фразеологиялык бирдиктер*, а в английском языке — *idioms*. Такие сопоставительные исследования выявляют специфику лингвокультурных и лингвоконцептуальных различий и способствуют межкультурной коммуникации между кыргызами, британцами и американцами.

Целью исследования является изучение и сопоставление зооморфизмов с компонентом *am / horse* в кыргызской и английской фразеологии, выявив их этнокультурные особенности.

Задачами исследования выступают:

- описать фразеологические единицы с компонентом *am / horse* в кыргызском и английском языках;
- выявить семантические и образные особенности данных единиц;
- провести сопоставительный анализ зооморфизмов в двух языках;
- определить этнокультурные различия и сходства в интерпретации образа лошади в двух языках.

Теоретические аспекты исследования

Теоретическую базу исследования зооморфизмов во фразеологии составляют классические и современные лингвистические концепции.

Фразеологические единицы определяются как устойчивые сочетания слов с переносным значением. В.В. Виноградов отмечает, что фразеологизмы — это «устойчивые словосочетания с целостным значением» [2, с.10]. А.В. Кунин определяет фразеологическую единицу как устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [3, с. 37].

Лингвокультурологический подход придает особое значение культурному коду. По мнению В. Н. Телия, «фразеология является носителем культурной памяти народа» [4, с.142]. В этом контексте зооморфный код выступает как система устойчивых образов животных, через которые интерпретируются человеческие качества и социальные явления.

Когнитивная лингвистика считает, что зооморфизмы во фразеологии основаны на метафорах. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают: «наша концептуальная система по своей природе метафорична» [5, с. 158], что объясняет перенос свойств животных на человека.

Современные исследования показывают, что зооморфизмы во фразеологии функционируют не только как образные средства языка, но и как важные элементы этнокультурной репрезентации. Так, Р. Авакова подчёркивает, что «зооморфные фразеологизмы отражают этнокультурные и когнитивные представления тюркских народов» [6, с. 6]. Данное положение указывает на тесную связь языка и традиционного мировосприятия, в котором образы животных занимают центральное место. «Анималистические фраземы формируют систему оценочных характеристик человека в тюркских языках» [6, с.8]. Это позволяет рассматривать зооморфный код как механизм категоризации человеческих качеств через устойчивые культурные ассоциации (например, храбрость — волк, выносливость — конь, хитрость — лиса). С позиций лингвокультурологии, А. Раева и С. Екер отмечают, что изучение названий животных в тюркских языках, а также исследование фразеологических единиц, образованных с использованием зоонимических компонентов, служит основой для культурного анализа ключевых ценностей тюркских народов, отражённых в языке [7, с.93]. В этом контексте особое значение приобретает символическая нагрузка отдельных зоонимов, отражающая кочевую культуру, хозяйственный уклад и систему ценностей тюркских народов.

«Система зооморфных образов является универсальным, но культурно варьируемым кодом» [7, с. 94]. Это означает, что при наличии общих архетипических моделей в тюркских языках наблюдаются различия в интерпретации отдельных животных образов. Дальнейшее развитие данного направления связано с когнитивным подходом. Исследование концептуальной структуры

зооморфизмов во фразеологии позволяет выявить более глубокие и существенные свойства человека, предмета и явлений.

В рамках данного подхода зооморфный код интерпретируется как часть когнитивной системы, структурирующей знания о человеке и мире.

В англоязычной литературе, Kövecses (1997) отмечает, что метафоры, в основе которых лежат образы животных во многих языках описывают человеческое поведение. Трусливые люди сравниваются с курами, смелые — со львами, а тех, кто легко подчиняется другим, — с овцами. В разных языках коннотации и номинации различаются, но общая концептуальная метафора «люди как животные» является универсальной и присутствует в различных культурных контекстах [8, с.325].

Dowker (2003) пишет, что британском английском языке «fox-лиса» используется для обозначения «хитрого и коварного человека», тогда как канадском английском языке данная лексема выражает «привлекательную женщину». Способы использования зооморфных метафор, безусловно, зависят от культурных традиций [9, с. 318]. В сопоставительном исследовании Talebinejad and Dastjerdi (2005) зооморфных метафор в английском и персидском языках с 44 примерами, отмечается, что такие метафоры в определенной степени похожи, но многие из них выражают культурную специфику. Например, в английском языке лексема shark означает «нечестный человек, мошенник», тогда как в персидском — «мужчина, у которого не растёт или очень слабо растёт борода» [10, с.147].

Wierzbicka (1985) в концептуализации людей о животных имеют значение: «среда обитания», «размер», «внешний вид», «поведение» и «отношение к людям» [11, с. 150]. Leach (1964 изучал как британцы классифицируют животных по категориям съедобность и табу, которые, в свою очередь, связаны с вопросами убийства и вербальных оскорблений [12].

В исследовании *Интерпретация зооморфных метафор китайскими и английскими детьми и взрослыми: результаты исследования* Ch.Wang and A. Dowker (2008) делается вывод о том, что взрослые чаще объясняют зооморфные метафоры через черты характера, а дети — через внешний вид. Например, *Paul is a sheep— Пол — овца:* дети обычно думают о внешности, а взрослые — о характере *(docile, dependent — послушный, зависимый*). В следующем примере *Robert is a dog* дети говорят *loud / hairy — шумный / волосатый,* а взрослые — *stupid / loyal — глупый / верный.* В целом дети больше описывают внешний вид, а взрослые — психологические качества; при этом английские участники (особенно дети) чаще дают такие “внешние” описания, чем китайские [13, с. 233-234].

Методы исследования

В данном исследовании используются описательный метод, компонентный анализ и метод сопоставительного анализа, каждый из которых выполняет определённую функцию в изучении зооморфизмов с компонентом *am / horse* в английской и кыргызской фразеологии. В рамках описательного метода фразеологизмы рассматриваются как устойчивые языковые единицы с устойчивой формой и переносным значением, при этом осуществляется их распределение по положительной, отрицательной или нейтральной оценке образа лошади. Компонентный анализ выявляет семантику фразеологизмов, связанных с образом лошади: силы и выносливости, трудолюбия, зависимости от культурного контекста (например, рабочее животное или символ статуса).Компонентный анализ также позволяет выявить, как буквальное значение компонента horse / ат трансформируется в переносное и какие культурные смыслы при этом актуализируются. Метод сопоставительного анализа применяется для выявления сходств и различий в использовании зооморфного компонента horse / ат в английской и кыргызской фразеологических системах. Данный метод позволяет установить универсальные и национально-специфические особенности языковой картины мира.

Результаты и обсуждение

В данной статье изучаются зооморфизмы во фразеологии с компонентом *am / horse* в кыргызском и английском языках. Лингвокультурологическое исследование зооморфизмов с

компонентом *am / horse* в английской и кыргызской фразеологии в сравнительном аспекте остается открытым.

Кыргызы, будучи кочевым народом, находились в тесной взаимосвязи с животным миром, что отразилось в языке через систему ассоциативных образов.

У кыргызов среди всех видов скота кыргызы особенно ценили лошадей, она воспринималась как благородное животное. Они служили средством передвижения, кумыс из их молока считался ценным напитком, а мясо — важным и полезным продуктом питания. В военное время лошадь помогала воину догнать врага при преследовании и спасти жизнь при отступлении. Кочевые кыргызы практически не передвигались пешком. Во всех эпосах, в том числе в «Манасе», лошади богатырей имели собственные имена, например Аккула, Тайтору и другие.

Лексема *ат* в кыргызском языке вербализуется рядом слов, обозначающих лошадь на разных возрастных стадиях и по полу: *жылкы (общее название), ат (лошадь для верховой езды), бээ (кобылица), байтал (молодая кобылица), айгыр (жеребец), быштy (двухлетняя лошадь), тай (жеребёнок второго года жизни), кулун (новорождённый жеребёнок).* Также в кыргызской культуре существует мифологическое название *тулпар* (сказочный, быстрый конь из эпосов). По типу движения выделяются: *кулук* (очень быстрая скаковая лошадь), *жорго* (лошадь с плавным ходом), *таскак* (лошадь с быстрой рысью), *чобур* (слабая, медленно идущая лошадь).

У кыргызов лексема *ат (лошадь)* используется для описания человека или его действий (движения, образа жизни, поведения), а не просто самой лошади. Это отражается во зооморфических фразеологизмах: *ат арытуу* — преодолевать большие расстояния (ехать издалека); *ат жалына казан ас* — есть во время пути (перекус в дороге); *ат тезегин кургатпай* — ездить очень часто, не давая передышки.

Крепкое здоровье человека передается через образ лошади: *ден соолугу аттай.* Человека, который лёгкий на подъём, ловкий, проворный и послушный называют *атка жеңил, тайга чак*.

Социально-политические значения выражаются **фразеологизмами** *атка минер* **— чиновник, представитель власти;** *ат салышуу* **— участвовать в каких-либо выборах или борьбе. Фразеологические единицы** ***ээрден көчүк кыйшайды, үзөңгүдөн бут тайды*** **восходит к кыргызскому эпосу «Манас». В кочевом обществе слезть с седла, отпустить поводья и соскользнуть ногой со стремени символизировали утрату власти, богатства и социального статуса. В настоящее время данные зооморфизмы часто используются в политическом дискурсе.**

Кыргызы считали лошадь умным животным: она знала дом своего хозяина, место содержания и даже в случае кражи могла самостоятельно вернуться. В кыргызской культуре через этот образ описывается человек, который по каким-либо причинам потерял родину или семью. Этот образ передается в пословицах : ***Ат айланып казыгын табат; Адашкандын айбы жок кайрып үйрүн тапкан соң*** **(«Лошадь, обойдя круг, находит свой кол; Заблудившийся не виноват, если он снова находит свой табун»).**

Фразеологизм ***аттын кашкасындай*** **обозначает хорошо известного, легко узнаваемого человека, поскольку кашка (белое пятно на лбу лошади) является ярким визуальным признаком, который сразу привлекает внимание.**

Гендерно маркированная фразеологическая единица ***ат токур*** **обозначает сына в семье. В кыргызской семье дочь не передается через этот образ; сын же воспринимается как наследник, который “седлает коня” после отца и продолжает его путь. Это отражает идею преемственности и передачи социальных ролей по мужской линии. Пословицы** ***байтал чыгып байге албайт*** **(«кобылица, выйдя на скачки, не выигрывает приз») и** ***тай туйлап тактыга чыкпайт*** **(«жеребёнок, хоть и брыкается, не поднимается на трон») относятся к гендерно маркированным единицам и в переносном смысле используются для характеристики женщины, которая стремится к власти в семье и обществе.**

В кыргызской культуре ребёнка, особенно сына, часто называют *кулунум*, что основано на образе жеребёнка (кулун) и выражает любовь родителей к ребенку.

Фразеологизм *бээ десең төө дейт* характеризует человека, который неправильно понимает или искажает сказанное. Фразеологизмы *жылкы мүнөз, жылкы кыял* («лошадиный характер») в кыргызском языке описывают человека с переменчивым характером. *Жылкыңа карап ышкыр* («свисти, исходя из количества своих лошадей») означает «живи по своим возможностям и средствам». В кочевом обществе количество скота, особенно лошадей, считалось показателем богатства и высокого статуса человека.

У кыргызов рождение девочки в семье традиционно обозначалось выражением *кырк жылкы* («сорок лошадей»). При заключении брака в качестве калыма за невесту могли давать до сорока и более лошадей.

***Лошадь* имеет важную роль в истории и культуре Великобритании. Образ лошади встречается в древности, например в изображении королевы Боудикки в колеснице, запряжённой лошадьми. Древние жители Британских островов также создавали гигантские изображения лошадей на меловых холмах южной Англии.**

В фольклоре со Средневековья сохраняется традиция подковы над дверью как символа удачи. Согласно легенде, святой Данстан обманул дьявола и подковал его, после чего тот пообещал не входить в дом с подковой. Подкова обычно размещается концами вниз, чтобы «собирать» удачу.

Лошади занимают особое место в британской королевской церемониальной культуре, официальных мероприятиях и военной истории, при этом для этих функций часто используются специально выведенные породы.

Лексема *horse* выражается следующими словами: *horse* (лошадь), *mare* (кобыла), *stallion* (жеребец), *foal* (жеребёнок), *colt* (жеребёнок-самец), *filly* (молодая кобыла), *gelding* (кастрированный конь); по возрасту бывают *foal* (новорождённый жеребёнок), yearling (годовик,1–2 года). По функциональному признаку выделяются: *riding horse* (верховая лошадь), *workhorse* (рабочая лошадь) *warhorse* (боевой конь), *racehorse*(скаковая лошадь).

Как показывают фактические материалы в английском языке лексема *horse* ассоциируется с умом, талантом и властью. Например, фразеологизм *a dark horse* обозначает человека с скрытыми, неожиданными способностями или неизвестным прошлым, который внезапно добивается успеха («темная лошадка»). *To get on a high horse* («занять высокую позицию / вести себя высокомерно») описывает человека с завышенным чувством превосходства и высокомерным поведением Фразеологизм *give someone free rein* обозначает предоставление полной свободы действий. В кыргызском языке данное значение передаётся выражением *тизгинди берүү*. Лексема *rein* в английском языке и слово *тизгин* в кыргызском языке обозначают «поводья», что отражает общую метафору управления и контроля в обоих языках.

A mare — британский сленг, обозначающий очень неудачный или трудный день/ситуацию *(nightmare). A Mare in the Night (nightmare) «ночная кобыла»* выражение происходит из древнего фольклора и обозначал «mare» — демона или духа в образе кобылы, который, по поверьям, садился человеку на грудь во время сна и вызывал кошмары. *A cheeky mare* (UK, informal) — выражение, которое используется в разговорной речи для описания женщины как озорной, дерзкой или немного хитрой, обычно в шутливой форме. *A silly mare / a stupid mare* — неформальное и уничижительное выражение, используемое по отношению к женщине и означающее, что она ведёт себя глупо, раздражающе или неразумно.

Horse around означает «играться, дурачиться или вести себя несерьёзно». В кыргызском языке ему соответствует выражение *эшек такалоо*, которое обозначает бездельничать, заниматься пустыми делами. Чувство голода в английском языке передается фразеологизмом *I could eat a horse* («я очень голоден, я такой голодный, что могу съесть лошадь»), а в кыргызском языке *иттей ачка* («голодный как собака») является близким по значению выражение *иттей ачка*.

В английской культуре сила и крепкое здоровье выражаются зооморфизмами *(as) healthy as a horse* **(«здоровый как лошадь») и** *(as) strong as a horse* **(«сильный как лошадь»). В кыргызском языке этим выражениям соответствует** *ден соолугу аттай* **(«здоровье как у лошади»), а сила часто передаётся через образ быка:** *өгүздөй күчтүү* **(«сильный как бык»).**

Пословица *Don't change horses in midstream* («Не меняй лошадей на переправе») означает, что не следует менять лидера, решение или стратегию в процессе их реализации. В кыргызском языке существует аналогичная пословица: *Ашууда ат алмашпайт* («нельзя менять лошадь на перевале»), что отражает универсальность человеческого мышления.

Like a colt/foal in a pasture — фразеологическое сравнение, которое описывает человека, ведущего себя свободно, игриво и энергично, обычно связывается с молодостью и активностью. В кыргызском языке близкое выражение *кулундай туйлаган*, которое передаёт образ энергичного, подвижного человека.

Некоторые зооморфизмы имеют общую индоевропейскую этимологию (греческого происхождения), например *work like a Trojan*, что означает работать очень усердно и неустанно. Происхождение выражения *a gift horse* («подаренная лошадь») связано с традицией оценивать возраст и здоровье лошади по зубам, а также с образом Троянского коня как символа «подарка с обманом». Выражение часто используется в пословице *Don't look a gift horse in the mouth* («Дарёному коню в зубы не смотрят»), которая означает, что не следует критиковать подарок или искать в нём недостатки.

В английской культуре усердная работа, как физическая, так и умственная, часто ассоциируется с лошадью: *work like a horse*. В кыргызском языке аналогичное значение передаётся выражением *эшектей иштөө*, при этом в кыргызской культуре тяжёлая работа нередко связывается с образом осла.

Выводы

Сопоставление показывает, что образ лошади в английской культуре связан с идеями силы, работоспособности и выносливости. В кыргызской традиции лошадь имеет более глубокое культурно-бытовое значение как важная часть кочевого образа жизни, а также выступает символом статуса и власти.

В обоих языках зооморфические фразеологизмы с компонентом *am / horse* используются для характеристики человека и его действий, включая поведение, образ жизни и особенности движения. При этом в обеих языковых системах наблюдаются гендерно маркированные зооморфизмы, однако в английском языке их количество меньше, чем в кыргызском.

В английской фразеологии чаще встречается негативная коннотация зооморфизмов с компонентом *am/horse*, тогда как в кыргызском языке отрицательная оценочность выражена значительно слабее, поскольку образ лошади в кыргызской культуре традиционно воспринимается как благородный.

В обоих языках кобыла (байтал, мээ / mare) ассоциируется с женщиной. Кроме того, в кыргызской культуре жеребёнок сопоставляется с ребёнком (кулунум), тогда как в английской фразеологии такая ассоциация отсутствует. В обоих языках *кулун / foal* связан с образом молодости и игривости.

Данная тема остается недостаточно изученной, поэтому в дальнейших исследованиях необходимо рассмотреть и другие зооморфные фразеологизмы. Это позволит более полно раскрыть особенности зооморфного кода в обоих языках и внести вклад в его комплексное изучение.

Список использованной литературы

1. Усенова С. Т. Лингвомаданият кодун изилдөөнүн маселелери // Alatoo Academic Studies. – 2021. – № 3. – С. 220–229. – DOI: https://doi.org/10.17015/aas.2021.213.024
2. Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц русского языка. – М., 1947. – С. 5–30.

3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1996. – 432 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago, 1980. – 242 p.
6. Avakova R. A., Tuimebaev Zh., Kudyarova Sh. T., Dossanova A. M., Samatov I. Semantic of zoomorphic phraseological units in Turkic languages // Bulletin of Al-Farabi Kazakh National University. Philological Series. – 2024. – DOI: 10.26577/EJPh.2024.v196.i4.ph1.
7. Raeva A., Eker S. Linguoculturological semantic aspects of Turkic zoophraseological units // Eurasian Journal of Philology Science and Education. – 2024. – Vol. 195, No. 3. – Pp. 91–102. – DOI: https://doi.org/10.26577/EJPh.2024.v195.i3.ph09
8. Kövecses Z. In search of the metaphor system of English // HUSSE Papers 1997: Proceedings of the Third Biennial Conference / ed. M. Kurdi, J. Horváth. – Pécs, Hungary: University Press, 1997. – Pp. 323–338.
9. Dowker A. Young children's and adults' use of figurative language: How important are cultural and linguistic influences? // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language / ed. B. Nerlich, Z. Todd, V. Herman, D. D. Clarke. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – Pp. 317–332.
10. Talebinejad M., Dastjerdi H. A cross-cultural study of animal metaphors: When owls are not wise! // Metaphor and Symbol. – 2005. – Vol. 20, No. 2. – Pp. 133–150.
11. Wierzbicka A. Different cultures, different languages and different speech acts // Journal of Pragmatics. – 1985. – Vol. 9. – Pp. 145–178.
12. Leach E. R. Anthropological aspects of language: animal categories and verbal abuse // New Directions in the Study of Language / ed. E. H. Lenneberg. – Cambridge, MA: MIT Press, 1964. – Pp. 23–63.
13. Wang C., Dowker A. Interpretation of animal metaphors: Evidence from Chinese and English children and adults // Proceedings of the 2007 Child Language Seminar: 30th Anniversary. – University of Reading, 2008. – Pp. 216–225.

Рецензент:

УДК 32.019.5: 304.3

Токсоналиева Р.М., Чжао Бинбин, Шадыбекова А.Ш.
Жусуп Баласанын атындагы КУУ
Токсоналиева Р.М., Чжао Бинбин, Шадыбекова А.Ш.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Toksonalieva R.M., Zhao Bingbing, Shadybekova A.Sh.
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗ ЖАНА КЫТАЙ МАСС-МЕДИАСЫНДА АЯЛДЫН ОБРАЗЫ
ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В КЫРГЫЗСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МАСС-МЕДИА
THE IMAGE OF A WOMAN IN KYRGYZ AND CHINESE MASS MEDIA

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада кыргыз жана кытай масс-медиасында аялдардын образдары каралат. Кыргызстан менен Кытай салттары жана өнүгүү этаптары менен айырмаланган уникалдуу эки социалдык-маданий мейкиндик. Мындай айырмачылык масс-медиада аялдардын образынын чагылдырылышы аркылуу берилет. Коом өнүккөн сайын аялдардын образдары да тездик менен өзгөрүлүп, гендердик социалдашуу процесстерине олуттуу таасир берүүдө. Бүгүнкү күндөгү аялдардын заманбап образы медиа чөйрөсү менен түздөн-түз байланыштуу, мында масс-медиа белгилүү бир мүнөздөмөлөргө ээ аялдардын образын жаратуу менен катар аудиториянын аң-сезиминде аялдардын медиа образын калыптандырат. Автор эки өлкөдө тең маданий айырмачылыктарга, коомдогу олуттуу өзгөрүүлөргө карабастан, аялдардын образы масс-медиада салттуу жана заманбап стилдер менен айкалыша баштаганын жана мындай берилиш бирдей артыкчылыкка ээ экендигин белгилейт.

Аннотация: В статье рассматриваются образы женщин в кыргызской и китайской масс-медиа. Кыргызстан и Китай представляют собой два уникальных социально-культурных пространства с разными традициями и этапами развития, что отражается и на изображении женщин в масс медиа. Женские образы в стремительно трансформировались по мере развития общества и оказывают значительное влияние на процессы гендерной социализации. Современный образ женщины сегодня напрямую связан с медиапространством, где масс-медиа создает образ женщины с определенными характеристиками, одновременно формируя медиаобраз женщины в сознании аудитории. Автор обращает внимание на то, что несмотря на культурные различия, а также значительных изменений в обществе обеих странах образ женщины начал переплетаться с традиционным и новым стилем, и ни одна из сторон не имеет абсолютного преимущества.

Abstract: This article examines the images of women in Kyrgyz and Chinese mass media. Kyrgyzstan and China represent two unique socio-cultural spaces with different traditions and stages of development, which is reflected in the portrayal of women in the media. Female images have rapidly transformed as society developed and significantly influence gender socialization processes. The modern image of women today is directly linked to the media landscape, where mass media creates an image of women with specific characteristics, simultaneously shaping the media's image of women in the minds of audiences. The author points out that despite cultural differences and significant changes in society in both countries, the image of women has begun to intertwine with traditional and modern styles, with neither side enjoying an absolute advantage.

Негизги сөздөр: масс-медиа, стереотиптер, аялдардын образы, гендердик репрезентация, медиаобраз, санариптик платформа, заманбап аял.

Ключевые слова: масс-медиа, стереотипы, образ женщины, гендерное репрезентация, медиаобраз, цифровая платформа, современная женщина.

Keywords: mass media, stereotypes, image of women, gender representation, media image, digital platform, modern woman.

XXI-кылымда коомчулук саясий, экономикалык жана социалдык түзүлүштүн өзгөрүүсү менен шартталган, ошондой эле салттуу баалуулуктар системаларынын жана этикалык идеалдардын масштабдуу трансформациясынын натыйжасында жашоонун көптөгөн тармактарында терең өзгөрүүлөрдү башынан кечирүүдө. Мындай шартта "гендердик теңчилик туруктуу социалдык-экономикалык жана институционалдык өнүгүүнүн негизги принциптеринин бири болуп саналат" [1,458]. Коомдо болуп жаткан өзгөрүүлөр эркектер менен аялдардын ортосундагы кесиптик, моралдык-психологиялык, эстетикалык жана үй-бүлөлүк мамилелерге, ошондой эле жалпысынан үй-бүлө институтуна терең таасирин тийгизди. Натыйжада, аялдардын образы, алар жашаган доорго жана мезгилге жараша тынымсыз өзгөрүп турууда. Учурда аялдардын заманбап образы маалымат технологиялары, глобалдашуу жана технологиялык өнүгүү менен мүнөздөлгөн медиамейкиндиги менен түздөн-түз байланыштуу. "Бүгүнкү күндө медиамейкиндиги маалыматтын булагы катары заманбап адамдын жашоосунун ажырагыс бөлүгү болуп калды" [2, 315]. Масс-медиа азыркы учурда медиачөйрөдө белгилүү бир мүнөздөмөлөргө ээ аялдардын образдарын жаратып, ошол эле учурда аудиториянын аң-сезиминде аялдардын медиаобразын калыптандырган арена болуп калды. Аялзаттык сапат, аял түшүнүктөрү жана алардын заманбап коомдогу ролу, абалы таптакыр жаңы мааниге ээ болуусу масс-медиада аялдардын образынын репрезентациясы өзгөчө актуалдуу маселе болуп баратат. Албетте, медиа агымдарынын динамикалык өзгөрүүлөрү, күнүмдүк жашоонун санариптештирилиши жана виртуалдаштырылышы аялдардын образына олуттуу жана калыптандыруучу таасирин тийгизет. Аялдардын образы заманбап заманда өзгөчө көңүл чордонунда болууда жана аны масс-медиада изилдөө актуалдуу илимий маселеге айланууда. Ушул себептен масс-медиада аялдардын образын изилдөө стереотиптерден арылууга, салттуу ролдорду кайра карап чыгууга жана жаңы нерселерди түшүнүүгө жардам берет.

Бул макалада кыргыз жана кытай масс-медиасындагы аялдардын образдары каралат. Кыргызстан менен Кытайда ар кандай тарыхый, маданий жана социалдык контексттерге ээ болгон аялдардын образы масс-медиада гендердик социалдашуу процесстерине олуттуу таасир этет. Ушул макаланын алкагында масс-медиада аялдардын образын изилдөөдө "образ", "медиаобраз" жана "аялдын образы" түшүнүктөрүнө өзгөчө көңүл буруу маанилүү. Себеби бул түшүнүктөрдү изилдөө бизге масс-медиада аялдардын образдарынын калыптануу механизмдерин тереңирээк түшүнүүгө мүмкүндүк берет.

Алгач "образ" түшүнүгүнө көңүл бурушубуз керек. С.Кузнецов "Орус тилинин чоң түшүндүрмө сөздүгүндө" "образ" түшүнүгүнө төмөндөгүдөй аныктама берет:

"1. Сырткы көрүнүш, келбет; кебете-келбет.

2. Кимдир бирөөнүн элестетүүсүндө же ойлорунда жаралган кимдир бирөөнүн же бир нерсенин жандуу, визуалдуу чагылдырылышы.

3. Объективдүү чындыктын кубулуштарын аң-сезимдүү кабылдоонун формасы; чагылдыруу, тышкы дүйнөнүн предметтеринин жана кубулуштарынын акыл-эс тарабынан берилиши.

4. Конкреттүү жеке кубулуш түрүндө жеңилдетилген чындыктын жалпыланган көркөм кабылдоосу.

5. Мүнөз, түзүлүш, бир нерсенин багыты" [3].

Изилдөөчү Э.Азнаурова образды "чындыктын кандайдыр бир фактысынын визуалдык чагылдырылышы, кубулуштардын жана объектилердин жетишсиз чагылдырылышы, анда ал белгилер түшүнүү менен тандалып алынган, алардын жардамы менен берилген түшүнүктү конкреттүү сүрөт түрүндө жеткирүүгө болот" [4,123] деп сүрөттөйт. Биз "образ" терминин "адамдын аң-сезиминде объекттин формасынын чагылдыруусу" катары түшүнөбүз [5, 432].

Масс-медиа тармагында образ жөнүндө сөз кылганда, биз биринчи кезекте медиаобразды айтабыз. Бул макалада биз дал ушул медиаобразды талкуулайбыз. "Образдын сезимталдык

белгилеринде объектинин тышкы касиеттери, байланыштары жана мейкиндик-убакыт мамилелери берилет, алар объект менен түздөн-түз өз ара аракеттенүү аркылуу аныкталат. Ойдогу образ – бул субъекттин абстракциялоочу ишмердүүлүгүнүн натыйжасы, объектинининн субъектке репрезентациялоосунун ыкмасы" [6, 473]. Бүгүнкү күндө медиаобраз түшүнүгү заманбап изилдөөлөрдө маанилүү орунду ээледи, бирок, анын чечмелениши бүдөмүк бойдон калууда. Жалпысынан медиаобраз түшүнүгү көптөгөн изилдөөчүлөр тарабынан изилденген жана изилденүүдө. Л.В.Хочунская медиаобраз түшүнүгүнө төмөнкүдөй жумушчу аныктама берет: "Автордун медиа текстинде коддолгон, диалогдук (полилогиялык) мүнөзгө ээ жана адресаттын баалуу реакциясын жараткан медиа объектинин баалуулукка негизделген түшүнүгү" [7]. Изилдөөчү Т.Н.Галинская медиаобраз, медиакоммуникацияда массалык аң-сезимдин жаралышынын бир формасы катары, блогдордон жана социалдык тармактардан, массалык маалымат каражаттарыннан алынган маалыматка негизделген рационалдуу жана эмоционалдык кабылдоолордун айкалышын билдирет деп эсептейт. Анын айтымында, бул кабылдоолор "интернет колдонуучуларынын социалдык тармактарда, блогдордо жана медиа каражаттарынын веб-сайттарында спонтандык жалгашма сөздөрүнө гана негизделген" [8, 94]. Ошентип, заманбап медиа медиаобраздын жаралышына жана анын калыптануусуна бардык шарттарды түзөт. Жогорудагы аныктамалар жана чечмелөөлөргө таянып, медиаобраз маанилүү социалдык ролду ойнойт, анткени ал чындыкты автордун көз карашы аркылуу гана эмес, окурмандардын өздөрүнүн коммуникациясы аркылуу да чагылдырат деген тыянак чыгарсак болот.

Ошондой эле "аялдын образы" деген терминди тактоо маанилүү. Аялзаттык сапат, аялдын образы жана аялдын өзүн-өзү презенттациялоо өзгөчөлүктөрү – бул масс-медиа аркылуу өздөштүрүлгөн социалдык конструкт. "Аялдын образы" аныктамасы эки түшүнүктөн турат: аял жана аялзаттык сапат. Аял – бул "эркекке карама-каршы жыныстагы адам; аял адамынын мүнөздөмөлөрүн жана сапаттарын чагылдырган аял жынысы; турмушка чыккан же турмушка чыкпаган аял жынысы" [9, 139]. Аялдын образы социалдык түшүнүк менен калыптанат жана өз ара байланышкан социалдык конструкциялардын системасынын ажырагыс бөлүгү болуп саналып, тышкы жана ички көрүнүштүн белгилүү бир категориялары түздөн-түз алар каралып жаткан маданиятка жана коомго көз каранды. Ошондой эле, визуалдык образдар бүгүнкү күндө маанилүү ролду ойной турганын белгилей кетүү керек. Масс-медиа коом үчүн алгылыктуу болгон аялдардын моделин калыптандырат. Медиадагы аялдардын образдарынын кабыл алынышы коомдук пикирге, социалдык нормаларга жана маданий мамилелерге олуттуу таасир этет. Бул жагынан алганда, визуалдык маданият көбүнчө эркектерге эмес, аялдарга багытталган. Себеби, аялдар эстетикалык объекттини жана маданий семантиканы алып жүрүүчүлөрү катары социалдык чындыкка таасир этүүгө жана аны өзгөртүүгө жөндөмдүү. Аял заты масс-медианын продукциясынын максаттуу аудиториясы катары коомдун гендердик маданиятынын негизги принциптерин чагылдырып, аң-сезимде заманбап аялдардын образдарынын эталондорун калыптандырат.

Аялдын образын түзүүнүн өзгөчөлүктөрү аялдардын азыркы учурдагы ордунун тарыхый контекстине түздөн-түз көз каранды экенин белгилей кетүү керек. Масс-медианын контентин изилдөөдө аялдын образы, статусу жана укуктары социалдык, экономикалык жана маданий өзгөрүүлөрдүн жүрүшүндө олуттуу өзгөрүүлөргө дуушар болгонун көрсөтүп турат. Кыргызстанда гендердик нормалар салттуу (көчмөн, патриархалдык) маданият менен советтик мурастын кесилишинде калыптанган. Кытайда – терең конфуцийчилик салттар, реформа жана модернизация аркылуу трансформациялоо, партиялык идеология жана мамлекеттик жөнгө салуунун таасири аркылуу. Ошол эле учурда салттуу коомдо бааланган аялдын баардык жеке сапаттары жубай жана эне ролдору менен байланышкан. Аялзатына баш ийүүчүлүк, эмгекчилдик, камкордук жана жөнөкөй болуу сапаттары таандык болгон. Салттуу маданиятта аялдар ар дайым эркектердин толуктоочусу катары каралган. Белилеп кетүү керек, заманбап коомдо аялдардын масс-медиадагы аялдардын классикалык гендердик стереотиптерге негизделген салттуу образдары Кыргызстан менен Кытайда өз актуалдуулугун жоготкон жок. Изилдөө көрсөткөндөй, бул образдар көбүнчө эненин, аялдын, үй

кожойкесинин жана аялзаттыктын символунун ролдору менен байланыштуу. Руханий чөйрөдө аялдардын мурдагы жогорку ролун кайра жандандыруу тенденциясы бүгүнкү күндө барган сайын актуалдуу болуп баратат жана бул гендердик мамилелерди жана жалпысынан коомдук жашоону шайкеш келтирүүнүн маанилүү шарты. Кыргызстандагы телевидение жана кино тармагын талдоо көрсөткөндөй, аялдын образы көбүнчө “улуттук баалуулуктардын” символу катары каралат – кийимде, жүрүм-турумда жана сүйлөөдө, булардын баары маданий идентүүлүк менен байланышкан. Улуттук телекөрсөтүү программаларында аялдар көбүнчө салттуу кийимчен, маданиятты жана үй-бүлөлүк баалуулуктарды алып жүрүүчү катары көрсөтүлөт. Совет доорунда кыргыз (советтик) аялдары, гендердик мифке ылайык феминисттик жана патриархалдык сапаттарды айкалыштырган, ден соолуктун – физиологиялык жана моралдык күчтүн үлгүсү катары кызмат кылган. Ошол эле учурда, заманбап кинодогу аялдардын образы өтө карама-каршылыктуу. Бир жагынан, биз аялдардын үй кожойкелери, алсыз жана инфантилдүү жаш кыз катары сүрөттөлүшүн көрөбүз. Экинчи жагынан, фундаменталдык стереотиптерди жана институционалдык тоскоолдуктарды жеңип, күчтүү, жашоонун баардык чөйрөсүндө өзүн реализациялаган аялдарды көрсөткөн бир катар тасмалар да бар.

Эгерде кытай масс-медиаларын карай турган болсок, анда “аялдын образы кытайдын массалык маалымат каражаттарында жоголуп кеткен жок – анда балдарды тарбиялоочу жана үй очогунун сакчысы катары берилет – мындай аял үчүн үй-бүлө биринчи орунда, ал эми жумушу экинчи орунда турат” [10]. Ошол эле учурда, акыркы он жылдыктарда болгон коомдук-саясий өзгөрүүлөрдүн, ошондой эле маалымат мейкиндигинин өнүгүшүнүн таасири астында аялдын образы бир топ өзгөрдү. Бүгүнкү күндө “идеалдуу образ” үй кожойкеси, ишкер айым, сүйүктүү, камкор эне жана бекемдүү дос сыяктуу социалдык ролдордун уникалдуу айкалышын камтыйт. Бул образдар аялдарды көз карандысыз, кесиптик жактан ийгиликтүү жана социалдык жактан активдүү, коомдук процесстерге таасир этүүгө жана калыптанган нормаларды өзгөртүүгө жөндөмдүү инсандар катары сүрөттөйт. Бул образ мезгилдин рухуна шайкеш келет жана азыркы социалдык чындыкты чагылдырат. Кытайдын масс-медиасында өзүнүн сырткы келбетине жана ден соолугуна кам көргөн, эркектерден экономикалык жактан гана эмес, моралдык жактан да көз карандысыз, ийгиликтүү аялдын образын жайылтышат. О.Н.Ворошилованын айтымында, “заманбап аялдын образы бир нече түшүнүктөрдөн турат, мисалы:

1. Сулуу аял – аялдын образынын эң маанилүү компоненти болуп саналат.

Аял адам айлана-чөйрө үчүн сулуу жана жагымдуу болушу керек жана ар дайым тыкан көрүнүшү керек.

2. Аял сексуалдык өнөктөш катары. Аял эркек үчүн жагымдуу болушу керек.

3. Аял жубай катары – аялдын образынын компоненти болуп саналат, ал аялдын белгилүү бир куракта турмушка чыгуу милдетин гана эмес, ошондой эле анын аял катары күйөөсүнө кам көрүүнү, никени сактоого умтулууну жана ишенимдүү жубай болууну билдирет.

4. Аял эне катары – аялдын образынын салттуу компоненти болуп саналат, ал балдардын төрөлүшүн жана тарбияланышын чагылдырат.

5. Аял үй кожойкеси катары. Ал үй жумуштарын, үй тазалоодон жана тамак жасоодон баштап, балдарына жана күйөөсүнө кийим сатып алууга чейинки бардык үй милдеттерин мойнуна алат.

6. Аял ишчи катары. Бүгүнкү күндө үй-бүлөнүн багуучусу эркек эмес аял болуп баратат. Ошондой эле аял өз бизнесине ээ болуп, иштеп, акча таба алат” [11, 55].

Аялдардын образдарынын өзгөрүшүндө түздөн-түз аял журналдары да чоң роль ойнойт, анткени алар азыркы коомдук көз караштарды чагылдырган жаңы аялдардын образдарын жаратышат. Мисал катары “Бишкекчанка” журналын карап көрсөк болот. Ушул журналдын мазмунуна жүргүзүлгөн анализдин негизинде (2015-жылдан 2019-жылга чейин) аялдын эң кеңири таралган образы ишкер айым экенин белгилеп кетүү керек. Бүгүнкү күндө аял сулуу жүздүү, сымбаттуу жана чымыр денелүү, абдан жагымдуу зат.

Аялдардын образдарын колдонуу учурда абдан популярдуу. Жарнама жана көңүл ачуу контенттеринде аялдардын образдары керектөөчүлөрдүн активдүүлүгүн стимулдаштыруу үчүн

колдонулат. Бул өз учурунда сулуулук стандарттарына, өзүн-өзү сыйлоого жана аялдардын жүрүм-турумуна таасир этет. Кыргызстанда жарнамадагы аялдын образдарын кандай кабыл алаарын аныктоо үчүн анонимдүү онлайн сурамжылоо жүргүзүлдү (121 респондент катышкан). Мисалы, жарнамада кайсы аялдын образын көп көрөсүз деген суроого респонденттердин 26% “сүйкүмдүү аял”, 13% “идеалдуу үй кожойкеси”, 11% “камкор эне” жана 17% “ишкер айым” деп тандашты. Сурамжылоонун жыйынтыктары көрсөткөндөй, “сүйкүмдүү аял” жана “ишкер айым” образдары жарнамадагы жагымдуу аял образдары болуп саналат. Бул образдарды негизинен жаш респонденттер белгилешкен.

Кытайда жаңы косметикалык каражаттарды жарнамалоочу жарнамалык кампанияларда аппак жана назик жүздүү, чоң көздүү моделдер көрсөтүлөт. “Аялдар модалуу кийимдерди, косметиканы жана үй буюмдарын керектөөчүлөр катары аныкталат; бул образ аялдардын камкор эне, балдарын багуучу, мода сүйүүчү жана үй кожойкеси катары стереотиптик образын бекемдейт” [12]. “Кытай сулуулугу” деп аталган улуттук аялдык багыт кытайлык социалдык тармактарда барган сайын популярдуу болуп баратат. Заманбап масс-медиада сырткы келбеттин сулуулугу визуалдык кабыл алууларга таасир этет жана ошондой эле ийгиликтин ачкычы болуп саналат.

Акыркы он жылдыктарда аялдардын масс-медиадагы образы топ өзгөрдү. Бүгүнкү күндө аялдар саясат, илим жана экономика сыяктуу жогорку деңгээлдеги тармактарда барган сайын көбүрөөк кызматтарды ээлеп жатышат. Мунун баары масс-медиада чагылдырылууда. Буга карабастан масс-медиада аялдар өкүлчүлүктүн жетишсиздиги жана салттуу гендердик ролдордун үстөмдүгүнүн кеңири жайылышы сыяктуу тоскоолдуктарга туш болууда. Ошол эле учурда аялдардын тилектештиги, аялдардын санариптик жана социалдык медиага активдүү катышуусу сыяктуу жаңы тенденциялар салттуу стереотиптердин айырмаланган аялдардын жаңы моделдерин жана образдарын түзүүдө.

Санариптик платформалардын (социалдык медиа, видео блогдор, подкасттар, стриминг ж.б.) өнүгүшү аялдардын ар түрдүү жана көп кырдуу образдарын түзүүгө мүмкүндүк берет. Санариптик платформалар аялдарга ойлорун ачык айтууга жол берет. Мына ушул платформада аялдардын образдары ар түрдүү жана көп кырдуу болуп жаралууда. Эгерде мурда аялдардын образы чектелген көз караш менен чагылдырылган болсо, эми алар өздөрүнүн индивидуалдуулугун көрсөтө алышат, бир жактуу стереотиптерге каршы чыгып, жаңы, реалдуу жана инклюзивдүү образдарды түзө алышат. Бул өзгөчө Кыргызстан жана Кытай үчүн актуалдуу, анткени жаңы медиа акырындык менен калыптанган түшүнүктөргө каршы чыгып, аялдардын ар түрдүү топторуна мүмкүнчүлүк жаратууда. Мисалы, Кыргызстанда аялдардын блогердик коомчулуктары активдүү өнүгүп, салттуу стереотиптерден чыгып, эркиндикке жана ар түрдүү көз карашты кабыл алган аялдардын жаңы моделдерин жана образдарын жайылтууда. Кыргыз Instagram баракчасында аялдардын өзүн-өзү көрсөтүүсүнө – салттуу ролдордон баш тартып, көз карандысыз, активдүү жана ийгиликтүү инсандардын образына – карай жылышы байкалууда. Мындай көрүнүш санариптик платформанын мүнөзү менен шартталган (визуалдык, интерактивдүү жана өзүн-өзү билдирүү үчүн жеткиликтүү). Кытайда, катуу мамлекеттик цензурага карабастан, Douyin (TikTok сыяктуу) платформасы аялдардын жаңы образын – ийгиликтүү карьерадагы аялдардын, ишкер айымдардын жана санариптик активисттердин пайда болушуна өбөлгө түзүүдө. Социалдык медиа (Weibo, Xiaohongshu, Douyin) сулуулуктун, жашоо образынын жана кесиптик канааттануунун жаңы стандарттарын түзүүгө жана жайылтууга көмөктөшүүдө. Кытайда санариптик платформалар аркылуу “интернет-жылдыздары” жана “аял-пикир лидери”сыяктуу жаңы типтеги аялдын медиа образын колдонуп жаткан тенденция күч алууда. Платформалык технологиялар аялдарга өзүн-өзү көрсөтүү жана гендердик маселелерди талкуулоо үчүн медиамейкиндик берүү менен аялдарды коомдук процесстерге таасир этүүгө жана калыптанган нормаларга каршы турууга жөндөмдүү көз карандысыз, кесиптик жактан ийгиликтүү жана социалдык жактан активдүү инсандар катары көрсөтөт.

Ошентип, кыргыз жана кытай масс-медиасында аялдардын образы салттардын, саясий контексттин жана социалдык өзгөрүүлөрдүн айкалышын чагылдырат. Эки өлкөдө тең маданий

айырмачылыктарга, коомдогу олуттуу өзгөрүүлөргө карабастан, аялдардын образы масс-медиада салттуу жана заманбап стилдер менен айкалыша баштаган жана мындай берилиш бирдей артыкчылыкка ээ. Масс-медиадагы аялдардын образы саясий, экономикалык, социалдык, руханий жана жашоонун башка чөйрөлөрүнө активдүү катышуу менен коомдун руханий-моралдык жана гармониялуу өнүгүшүнө олуттуу салым кошууга жөндөмдүү.

Колдонулган адабияттар

1. Кулназаров А.Ж., Арапова Э.Б., Акунова А.М., Сатыбалдиева А.К. Международный подход на продвижение гендерного равенства в органах местного самоуправления //«Вестник КНУ им. Ж.Баласагына. Бишкек, 2025, №4, С.457-466
2. Токсоналиева Р.М. Медиамейкиндигинин коомдук-саясий абалга тийгизген таасири // Вестник КНУ им. Ж.Баласагына. Бишкек, 2025, №4, 315-319.
3. Большой толковый словарь русского языка //Отв. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003.
4. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент: Фан, 1973.
5. Бестужев-Лада И.В. Образ // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. Под ред. С.С.Аверинцева, Э.А.Араб-Оглы и др. - М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1989.
6. Новая философская энциклопедия. Т.3., М., 2001.
7. Хочунская Л.В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект //Вестник Российского университета дружба народов. Серия: Литературоведение, журналистика. М., 2013, С.91-93.
8. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике. // Вестник Оренбургского государственного университета, 2013, № 11(160), С.91-94.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.,2000.
10. Буянова Н.В., Лобанова Т.Н. Медийный образ китайской женщины культурного фона КНР. URL:https://elibrary.ru/download/elibrary_24432801_70510995.pdf (дата обращения 02.01.2026)
11. Ворошилова О.Н. Образ женщины в современном мире (по материалам современных российских женских журналов) // Манускрипт. 2016. Вып. 5 (67). С. 54–57.
12. Цао Ян. Изменение женского образа в китайской женской прессе. URL:https://moluch.ru/archive/348/78330 (дата обращения 02.01.2026)

Рецензент: ф.и.к., доцент Максутова Б.Б.

Халилов А.Д., Эркинбекова А.Э.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Халилов А.Д., Эркинбекова А.Э.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Khalilov A.D., Erkinbekova.A.E.
KNU Jusup Balasagyn

ЖАЛПЫГА МААЛЫМДОО КАРАЖАТТАРЫНДА БАЛДАРДЫН УКУКТАРЫН КОРГОО МАСЕЛЕСИ
ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS IN MODERN MASS MEDIA

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада заманбап жалпыга маалымдоо каражаттарында балдардын укуктарынын корголушу маселеси каралат. Санариптик медианын өнүгүшү балдардын жеке

жашоосун, коопсуздугун жана психологиялык абалын коргоо боюнча жаңы чакырыктарды жаратары белгиленет. Изилдөөдө ЖМКнын балдардын өнүгүүсүнө тийгизген таасири талданып, киберзомбулук, шарентинг, коммерциялык эксплуатация жана маалыматтын көзөмөлсүз таралышы сыяктуу көйгөйлөр аныкталат. Контент-анализдин негизинде медиада балдардын укуктарынын бузулушунун негизги формалары көрсөтүлүп, аларды алдын алуу үчүн мыйзамдык жана коомдук сунуштар берилет.

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема защиты прав детей в современных средствах массовой информации. Отмечается, что развитие цифровых медиа создает новые вызовы для обеспечения неприкосновенности частной жизни, безопасности и психологического благополучия детей. В работе анализируется влияние СМИ на развитие детей, а также выявляются такие проблемы, как кибербуллинг, шарентинг, коммерческая эксплуатация и неконтролируемое распространение информации. На основе контент-анализа определяются основные формы нарушения прав детей в медиапространстве и предлагаются меры по их предотвращению.

Abstract: This article examines the issue of protecting children's rights in modern mass media. The development of digital media creates new challenges for ensuring children's privacy, safety, and psychological well-being. The study analyzes the influence of media on children's development and identifies such problems as cyberbullying, sharenting, commercial exploitation, and uncontrolled information dissemination. Based on content analysis, the main forms of children's rights violations in the media space are identified and measures for their prevention are proposed.

Негизги сөздөр: балдардын укуктары, ЖМК, медиа, санариптик медиа, киберзомбулук, медиа этика.

Ключевые слова: права детей, СМИ, медиа, цифровые медиа, кибербуллинг, медиаэтика.

Key words: children's rights, mass media, digital media, cyberbullying, media ethics.

Киришүү: XXI кылым маалымат технологияларынын тездик менен өнүгүп жаткан мезгили болуп саналат. Санариптик коммуникациялардын глобалдашуусу коомдук турмуштун дээрлик бардык тармактарына олуттуу өзгөрүүлөрдү алып келди. Интернет, социалдык тармактар жана мобилдик технологиялар адамдардын маалымат алуу, пикир алмашуу жана коомдук процесстерге катышуу формаларын өзгөртүп жатат. Мындай шартта жалпыга маалымдоо каражаттары (ЖМК) коомдук пикирди калыптандыруучу, социалдык баалуулуктарды жайылтуучу жана коомдогу маалымат агымын жөнгө салуучу негизги институттардын бири болуп калды.

Акыркы жылдары социалдык тармактардын жана интернет платформаларынын кеңири жайылышы медиа өндүрүштүн салттуу структурасын олуттуу өзгөрттү. Мурда маалыматты негизинен журналисттер жана редакциялар даярдап таратса, азыр ар бир интернет колдонуучу контент жаратуучу жана маалымат таратуучу болуп калды. Бул көрүнүш медиа мейкиндиктин демократиялашуусуна шарт түзгөнү менен бирге маалыматтын сапатына, ишенимдүүлүгүнө жана этикалык нормаларга байланыштуу жаңы көйгөйлөрдү да жаратты.

Мындай шартта балдардын укуктарын коргоо маселеси өзгөчө мааниге ээ болууда. Балдар коомдун эң аярлуу социалдык катмары болуп саналат жана алардын психологиялык коопсуздугу, жеке жашоосу жана социалдык аброю медиадагы маалыматтардын мазмунуна түздөн-түз көз каранды. Балдар тууралуу маалыматтарды туура эмес же сенсациялуу формада чагылдыруу алардын психологиялык абалына, социалдык адаптациясына жана келечектеги өнүгүүсүнө терс таасир тийгизиши мүмкүн. [1]

Кыргыз Республикасынын Улуттук статистика комитетинин маалыматы боюнча, 2025-жылдын башына карата өлкөдө 18 жашка чейинки 2,7 миллионго жакын бала жашайт. Бул көрсөткүч балдардын укуктарын коргоо маселеси мамлекеттик жана коомдук деңгээлде канчалык масштабдуу экенин айгинелейт. [2]

Заманбап медиа чөйрөдө балдардын укуктары бир катар жаңы коркунучтарга туш болууда. Санариптик платформаларда маалыматтын тез таралышы, социалдык тармактардагы көзөмөлдүн жетишсиздиги жана аудитория үчүн сенсациялуу контентке болгон суроо-талап балдардын жеке жашоосуна кийлигишүүгө алып келиши мүмкүн. Мындан тышкары, интернет мейкиндигинде киберзомбулук, шарентинг жана коммерциялык эксплуатация сыяктуу көрүнүштөр кеңири жайылып жатат.

Ушуга байланыштуу медиада балдардын укуктарын коргоо маселесин илимий жактан изилдөө жана анын негизги көйгөйлөрүн талдоо өзгөчө актуалдуу болуп саналат. Изилдөөнүн негизги максаты — жалпыга маалымдоо каражаттарында балдардын укуктарынын корголушунун деңгээлин талдоо, медиадагы негизги көйгөйлөрдү аныктоо жана аларды чечүүнүн мүмкүн болгон жолдорун сунуштоо болуп эсептелет.

Изилдөөнүн методологиясы

Бул изилдөөдө бир нече илимий ыкмалар колдонулду. Биринчи кезекте теориялык талдоо ыкмасы пайдаланылып, балдардын укуктарына байланыштуу эл аралык документтер, мыйзамдар жана илимий эмгектер каралды. [1;]

Мындан тышкары контент-анализ ыкмасы колдонулду. Изилдөө алкагында Кыргызстандагы интернет медиада жарыяланган материалдар талданып чыкты. Контент-анализ медиада балдардын образы кандай контекстте чагылдырыларын жана журналисттик этиканын нормалары канчалык деңгээлде сакталарынын баалоого мүмкүндүк берет.

Ошондой эле салыштырма талдоо ыкмасы колдонулуп, Кыргызстандагы медиа тажрыйбасы эл аралык стандарттар менен салыштырылды.

ЖМКнын балдардын өнүгүүсүнө тийгизген таасири

Психологиялык жана педагогикалык изилдөөлөргө ылайык, медиа баланын дүйнө таанымын калыптандыруучу маанилүү социалдык фактор болуп саналат. [3] Балдар күнүмдүк жашоосунда телевизия, интернет, социалдык тармактар жана мобилдик тиркемелер аркылуу ар кандай маалыматтарды кабыл алышат. [4] Бул маалыматтар алардын ой жүгүртүүсүнө, баалуулуктар системасына жана социалдык жүрүм-турумуна түздөн-түз таасир этет.

Жалпыга маалымдоо каражаттары балдардын өнүгүүсүнө бир нече негизги багытта таасир берет.

Когнитивдик таасир.

Медиа аркылуу алынган маалымат баланын билим деңгээлин кеңейтүүгө, жаңы түшүнүктөрдү өздөштүрүүгө жана дүйнө тууралуу маалымат алууга жардам берет. Мисалы, билим берүүчү программалар, документалдык фильмдер жана интерактивдүү онлайн платформалар балдардын интеллектуалдык өнүгүүсүнө оң таасир тийгизет.

Эмоционалдык таасир.

Балдар эмоционалдык жактан чоңдорго караганда сезимтал болгондуктан, медиадагы агрессивдүү мазмун, зордук-зомбулук көрүнүштөрү же трагедиялуу окуялар алардын психологиялык абалына терс таасир тийгизиши мүмкүн. Изилдөөлөр көрсөткөндөй, зордук-зомбулук камтылган контентти көп көргөн балдарда коркуу сезими же агрессивдүү жүрүм-турум көбүрөөк байкалат.

Баалуулуктарды калыптандыруу.

ЖМК коомдогу маданий нормаларды жана социалдык ролдорду чагылдырып гана тим болбостон, аларды активдүү калыптандырат. Медиада көрсөтүлгөн каармандар, блогерлер жана популярдуу инсандар балдар үчүн үлгү болуп калышы мүмкүн.

Жүрүм-турумдук моделдөө.

Социалдык тармактардын өнүгүшү менен блогерлер, инфлюенсерлер жана медиа каармандар жаш аудитория үчүн авторитеттүү образга айланды. Балдар алардын жашоо образына, сүйлөө маданиятына жана жүрүм-турумуна окшошууга аракет кылышат. Ошондуктан медиа мазмунунун сапаты жана жоопкерчиликтүү даярдалышы чоң мааниге ээ.

Санарип медианын өсүшү жана жаңы чакырыктар

Акыркы он жылдыкта санариптик технологиялардын өнүгүшү медиа мейкиндиктин мүнөзүн олуттуу өзгөрттү. Интернет жана социалдык тармактар маалымат таратуунун эң жеткиликтүү жана тез каналдарына айланды. Бирок бул өзгөрүүлөр менен бирге балдардын укуктарын коргоо жаатында бир катар жаңы чакырыктар пайда болду. [4]

Биринчи көйгөй — маалыматтын көзөмөлсүз таралышы. Интернет аркылуу балдардын жеке маалыматтары, сүрөттөрү жана видеолору өтө тез тарайт. Көп учурда мындай маалыматтар ата-энелер же башка колдонуучулар тарабынан ойлонулбай жарыяланат. Бул балдардын жеке жашоого болгон укугун бузуп, алардын коопсуздугуна коркунуч жаратышы мүмкүн.

Экинчи көйгөй — киберзомбулук. Социалдык тармактарда мазактоо, коркутуу, жалган маалымат таратуу же агрессивдүү комментарийлер жазуу сыяктуу көрүнүштөр кеңири тараган. Киберзомбулук балдардын психологиялык абалына олуттуу зыян келтирип, депрессияга же социалдык обочолонууга алып келиши мүмкүн.

Үчүнчү көйгөй — шарентинг. Бул ата-энелердин балдары тууралуу маалыматтарды, сүрөттөрдү жана видеолорду социалдык тармактарда активдүү жарыялоосу. Айрым учурларда мындай маалыматтар баланын макулдугусуз жарыяланып, анын жеке жашоосуна кийлигишүү катары бааланышы мүмкүн.

Төртүнчү көйгөй — коммерциялык эксплуатация. Социалдык тармактарда айрым блогерлер жана контент жаратуучулар балдардын катышуусунда рекламалык материалдарды даярдап, коммерциялык киреше табышат. Бул көрүнүш баланын образын экономикалык ресурс катары колдонуу маселесин жаратат.

Кыргызстандын маалымат мейкиндигинде балдар тууралуу материалдар негизинен социалдык көйгөйлөр, билим берүү жана коомдук окуялар контекстинде жарыяланат. Бирок медиадагы материалдардын мазмунун талдоо көрсөткөндөй, көп учурда балдардын образы терс окуялар менен байланышта чагылдырылат.

Мисалы, жаңылыктарда балдар көбүнчө зомбулукка кабылган, кырсыкка учураган же кылмыштын курмандыгы болгон каарман катары көрсөтүлөт. Мындай маалыматтар коомдук мааниге ээ болгону менен, аларды чагылдырууда этикалык принциптер дайыма эле сакталбайт.

Айрым учурларда журналисттер балдардын аты-жөнүн, жашаган жерин же жүзүн ачык көрсөтүп коюшат. Бул болсо баланын жеке жашоосуна кийлигишүү болуп эсептелет жана анын коопсуздугуна коркунуч жаратышы мүмкүн.

Ошондой эле медиада сенсациялуу тилдин колдонулушу кеңири тараган. “Шок окуя”, “үрөй учурган көрүнүш”, “коркунучтуу трагедия” сыяктуу сөз айкаштары баланын трагедиясын сенсацияга айландыруу коркунучун жаратат.

Мындай ыкма аудиториянын көңүлүн бурууга жардам берген менен, баланын кызыкчылыгына каршы келиши мүмкүн.

Кыргызстандагы медиада балдардын укуктарынын чагылдырылышы (Kaktus.media мисалында)

Кыргызстандын интернет медиасында балдарга байланышкан темалар кеңири чагылдырылып келет. Мисал катары өлкөдөгү популярдуу жаңылык порталдарынын бири болгон **Kaktus.media** сайтындагы материалдарды карап чыгууга болот. Бул портал коомдогу актуалдуу окуяларды, социалдык көйгөйлөрдү жана билим берүү тармагындагы жаңылыктарды үзгүлтүксүз жарыялап турат. [5]

2025-жылдагы материалдарды контент-анализ ыкмасы аркылуу карап чыгуу көрсөткөндөй, порталдын жаңылыктарында жана аналитикалык материалдарында балдарга байланышкан бир нече негизги темалар кездешет. Алар төмөнкү багыттарга бөлүнөт:

1. Социалдык жана коопсуздук темалары.

Медиада балдар көбүнчө жол кырсыктары, үй-бүлөлүк зомбулук же башка социалдык көйгөйлөрдүн контекстинде чагылдырылат. Мисалы, Kaktus.media порталында жол кырсыгына кабылган же жабыркаган балдар тууралуу жаңылыктар жарыяланган. [5] Мындай материалдар

коомчулуктун көңүлүн коопсуздук маселелерине бурууга жардам берет. Бирок айрым учурларда баланын жашы, жашаган жери же башка жеке маалыматтары көрсөтүлүшү мүмкүн.

2. Билим берүү жана өспүрүмдөрдүн психологиясы.

Kaktus.media сайтында ата-энелерге жана мугалимдерге арналган аналитикалык материалдар да жарыяланат. Мисалы, порталдын «Ата-энелерге» бөлүмүндө өспүрүмдөрдүн психологиялык абалы, буллинг менен күрөшүү жана интернеттеги коркунучтар тууралуу кеңеш берүүчү материалдар жарыяланган. Бул материалдар өспүрүмдөрдүн эмоционалдык абалын түшүнүүгө жана ата-энелерге практикалык жардам берүүгө багытталган.

3. Интернет коопсуздугу жана санариптик чөйрө.

Акыркы жылдары медиада балдардын интернеттеги коопсуздугу тууралуу темалар да көбөйүүдө. Мисалы, Kaktus.media сайтында өспүрүмдөр үчүн интернеттеги коркунучтар, кибербуллинг жана социалдык тармактардын таасири тууралуу аналитикалык макалалар жарыяланган.

Контентти талдоо көрсөткөндөй, балдар тууралуу материалдардын көпчүлүгү социалдык көйгөйлөрдү чагылдырууга багытталган. Ошол эле учурда медиада балдардын позитивдүү образын көрсөтүүгө багытталган материалдар салыштырмалуу аз кездешет.

Бирок медиада балдардын аты-жөнүн, сүрөтүн же жашаган жерин ачык көрсөтүү алардын жеке жашоосуна болгон укугун бузуу коркунучун жаратат. Ошондуктан журналисттер жана медиа уюмдар балдардын укуктарын коргоо боюнча эл аралык стандарттарды сактоосу зарыл.

2025-жылы Кыргызстандагы интернет медиада балдардын коопсуздугу жана укуктары тууралуу бир катар актуалдуу материалдар жарыяланган. Мисалы, **2025-жылдын октябрь айында** жаңылык порталында 14 жаштагы кызга кол салуу тууралуу материал жарыяланган. Бул окуя Чүй облусунун Садовое айылында болгон жана окуя тууралуу маалымат коомчулуктун чоң реакциясын жараткан.

Материалда укук коргоо органдары шектүү адамды кармагандыгы жана окуя боюнча тергөө иштери башталгандыгы тууралуу маалымат берилген. Мындай материалдар коомдо балдардын коопсуздугу жана укуктарын коргоо маселесине көңүл бурууга жардам берет. Ошол эле учурда журналисттер материал даярдоодо баланын жеке маалыматтарын толук ачык көрсөтпөөгө аракет кылышкан, бул медиа этиканын талаптарын сактоо аракетинин мисалы болуп эсептелет.

Бул окуя коомчулукта кеңири талкуу жаратып, балдардын коопсуздугу, ата-энелердин жоопкерчилиги жана мамлекеттик органдардын иши тууралуу талкууларды күчөткөн. Мындай маалыматтар медианын социалдык көйгөйлөрдү көтөрүүдөгү ролун көрсөтөт.

Эл аралык медиа тажрыйба

Дүйнөнүн көптөгөн өлкөлөрүндө медиада балдардын укуктарын коргоо маселеси өзгөчө көңүл борборунда турат. Эл аралык уюмдар жана журналисттик ассоциациялар бул багытта атайын этикалык принциптерди иштеп чыгышкан. [6]

Мисалы, журналисттерге төмөнкү принциптерди сактоо сунушталат: [6]

- баланын жеке жашоосун коргоо
- баланын макулдугусуз анын сүрөтүн же видеосун жарыялабоо
- баланы сенсациялуу контенттин объектиси кылбоо
- баланын коопсуздугун биринчи орунга коюу

Көптөгөн өлкөлөрдө редакцияларда атайын этикалык стандарттар иштелип чыгып, балдар тууралуу материалдарды даярдоодо кошумча текшерүү процедуралары колдонулат.

Айрым мамлекеттерде балдардын катышуусу менен даярдалган материалдар алдын ала эксперттик баалоодон өткөрүлөт. Бул ыкма балдардын укуктарын бузууга жол бербөөгө жардам берет.

Медиада балдардын укуктарын коргоонун келечеги

Санариптик технологиялардын өнүгүшү медианын ролун дагы да күчөтүүдө. Ошондуктан медиада балдардын укуктарын коргоо маселеси келечекте дагы актуалдуу бойдон калат.

Бул багытта бир нече негизги багыттарды белгилөөгө болот.

Биринчи багыт — медиа сабаттуулукту өнүктүрүү. Балдар, ата-энелер жана мугалимдер санариптик коопсуздук жана маалыматты жоопкерчилик менен колдонуу тууралуу билимге ээ болушу керек.

Экинчи багыт — журналисттердин кесиптик даярдыгын жогорулатуу. Журналисттер үчүн балдардын укуктары боюнча атайын тренингдерди өткөрүү медиадагы этикалык стандарттарды бекемдөөгө жардам берет.

Үчүнчү багыт — мыйзамдык базаны өркүндөтүү. Балдардын жеке маалыматтарын мыйзамсыз жарыялаган учурларда жоопкерчиликти күчөтүү зарыл.

Төртүнчү багыт — коомдук көзөмөлдү күчөтүү. Коомдук уюмдар жана жарандык коом медиадагы этикалык нормалардын сакталышын көзөмөлдөөгө катышуусу керек.

Жыйынтык:Жалпыга маалымдоо каражаттары коомдук пикирди калыптандырууда жана социалдык баалуулуктарды жайылтууда чоң роль ойнойт. Ошондуктан медиада балдардын укуктарын коргоо маселеси өзгөчө мааниге ээ.

Санариптик медианын өнүгүшү жаңы мүмкүнчүлүктөр менен катар жаңы коркунучтарды да жаратты. Киберзомбулук, шарентинг жана маалыматтын көзөмөлсүз таралышы балдардын коопсуздугуна олуттуу таасир этүүдө.

Комплекстүү укуктук, институционалдык жана коомдук чараларды ишке ашыруу аркылуу гана балдардын укуктарын медиада эффективдүү коргоого мүмкүнчүлүк түзүлөт. Бул өз кезегинде коомдо балдардын кызыкчылыгын биринчи орунга коюу маданиятын калыптандырууга өбөлгө түзөт.

Колдонулган адабияттар

1. Конвенция о правах ребенка. – Нью-Йорк: ООН, 1989.
2. Кыргыз Республикасынын Улуттук статистика комитети. Кыргызстандагы балдардын абалы боюнча статистикалык маалыматтар. – Бишкек, 2025.
3. Buckingham D. Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture. – Cambridge: Polity Press, 2003.
4. Livingstone S., Haddon L. Children, Risk and Safety on the Internet. – Bristol: Policy Press, 2009.
5. Кыргызстандагы балдар жана өспүрүмдөр тууралуу жаңылыктар // Kaktus.media:
6. Закон Кыргызской Республики «О средствах массовой информации». –

Рецензент: доцент Максутова Б.Б.

УДК 101.1:17.023(575.2)

Аалиева Н. К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Аалиева Н. К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Aalieva N.K.
KNU Jusup Balasagyn

СОЦИАЛДЫК-МАДАНИЙ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДООРУНДАГЫ КЫРГЫЗ ЭТНОАКСИОЛОГИЯСЫНЫН ФИЛОСОФИЯЛЫК ЖАНА МЕТОДОЛОГИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ЭТНОАКСИОЛОГИИ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF KYRGYZ ETHNOAXIOLOGY IN THE ERA OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION

Кыскача мүнөздөмө: Макала XX–XXI кылымдардын тогошуусундагы системалык трансформациялардын алкагында кыргыз этноаксиологиясынын теориялык-методологиялык контурларын изилдөөгө арналган. Автор салттуу постномадалык этосту декомпозициялоо аркылуу улуттук моралдык идеалдардын инварианттуу өзөгүн жана глобалдашуу процесстеринин таасири астында алардын динамикалык өзгөрүү маркерлерин ачып көрсөтөт. Кыргыз коомунун социомаданий регуляторлору катары кызмат кылган негизги этикалык категорияларды («абийир», «намыс», «убал») талдоого өзгөчө көңүл бурулат. Компаративдик жана герменевтикалык талдоонун негизинде, баалуулуктар аномиясын жеңүү үчүн ата мекендик социалдык-философиялык ой-пикирде жаңы постнеклассикалык парадигманы иштеп чыгуу зарылчылыгы негизделген.

Аннотация: В статье исследуются теоретико-методологические контуры кыргызской этноаксиологии сквозь призму системных трансформаций рубежа XX–XXI веков. Автор осуществляет декомпозицию традиционного постномадического этоса, выявляя инвариантное ядро национальных моральных идеалов и маркеры их динамических изменений под влиянием глобализационных процессов. Особое внимание уделяется анализу фундаментальных этических категорий («абийир», «намыс», «убал»), выступающих в качестве социокультурных регуляторов кыргызского общества. На основе компаративного и герменевтического анализа обосновывается необходимость выработки новой постнеклассической парадигмы в отечественной социально-философской мысли для преодоления ценностной аномии.

Abstract: In strict accordance with the standards of the Bulletin of KNU, this article explores the theoretical and methodological dimensions of Kyrgyz ethnoaxiology through the prism of systemic transformations at the turn of the 20th and 21st centuries. The author undertakes a decomposition of the traditional post-nomadic ethos, identifying the invariant core of national moral ideals and the markers of their dynamic shifts driven by globalization. Particular emphasis is placed on the analysis of fundamental ethical categories (“abiyir”, “namys”, “ubal”) functioning as socio-cultural regulators of Kyrgyz society. Drawing on comparative and hermeneutic analysis, the study substantiates the necessity of developing a new post-nonclassical paradigm within domestic socio-philosophical thought to overcome value anomie.

Негизги сөздөр: этноаксиология, моралдык идеалдар, кыргыз философиясы, баалуулуктардын трансформациясы, постномадалык этос, абийир, намыс, глобалдашуу

Ключевые слова: этноаксиология, моральные идеалы, кыргызская философия, трансформация ценностей, постномадический этос, абийир, намыс, глобализация.

Keywords: ethnoaxiology, moral ideals, Kyrgyz philosophy, transformation of values, post-nomadic ethos, abiyir, namys, globalization.

Глобализационные сдвиги первой четверти XXI века поставили перед транзитивными обществами центральноазиатского региона жесткую дилемму: тотальная унификация по вестернизированному образцу либо поиск внутренних ресурсов для сохранения цивилизационной самобытности. Для суверенного Кыргызстана, находящегося в точке пересечения кочевого субстрата, советского модернизационного наследия и постиндустриальных цифровых реалий, философское осмысление архитектоники национальных ценностей приобретает статус онтологической безопасности. Моральные идеалы этноса — это не статические артефакты прошлого, подлежащие музейной консервации, а динамическая регулятивная система, определяющая векторы социальной консолидации и адаптационный потенциал общества в условиях перманентного кризиса идентичности.

Проблема исследования коренится в экспликации онтологических оснований кыргызского этоса в ситуации аксиологического излома. Традиционная номадическая цивилизация выработала синкретическую нормативную матрицу, где этическое не отделялось от практического бытия, а регуляция общественных связей осуществлялась посредством неформальных институтов общественного мнения. В условиях современности происходит болезненный, часто деструктивный транзит от коллективистской постномадической парадигмы к атомизированному, индивидуализированному прагматизму. Философский анализ данного процесса требует преодоления как этноромантического идеализма, так и европоцентристского редукционизма. Необходима строгая методологическая депланация, способная дифференцировать константные (ядерные) элементы этнокультуры от ее динамических, трансформирующихся компонентов. Целью данной статьи является обоснование этноаксиологического подхода как суверенного инструментария анализа эволюции моральных идеалов кыргызского общества.

Теоретико-философское осмысление духовной культуры кыргызов имеет глубокую академическую tradition, однако сам аксиологический поворот в отечественной науке оформился относительно недавно. Руководствуясь принципом историзма, важно подчеркнуть, что базис современной этноаксиологии закладывался в трудах мыслителей, осуществивших переход от описательно-этнографического собирательства к концептуальному философскому анализу постномадического бытия.

Фундаментальное значение для понимания генезиса национальной идентичности имеют труды А. Какеева, который детально обосновал синкретичный характер кыргызской философской мысли, ее укорененность в онтологии кочевого пространства и космизме мироощущения [1, с. 45]. В его исследованиях наглядно продемонстрировано, что ценностные доминанты номадов формировались не в виде абстрактных теоретических догм, а в качестве живых экзистенциальных императивов, где человек и космос находились в состоянии неразрывного диалога.

Важный вклад в категориальное разграничение этических и эстетических параметров традиционного сознания внес Т. Аскаров [2, с. 88]. В его работах подробно рассмотрена структура морального сознания кыргызского этноса, где такие концепты, как «ар» (честь) и «намыс» (достоинство), функционируют не просто как психологические феномены, а в качестве категориального каркаса всей нормативной этики. Аскаров фактически первым указал на то, что эти категории определяют границы индивидуальной свободы внутри жестко детерминированной кочевой общины.

В контексте социально-философского анализа процессов модернизации и трансформации институтов власти ключевое значение имеют монографии М. Артыкбаева [3, с. 112]. Он осуществляет глубокую экспликацию генезиса кыргызской государственности сквозь призму изменения аксиологических ориентиров управленческой элиты. Артыкбаев вскрывает деструктивные последствия механического наложения западных либерально-демократических шаблонов на

традиционный патриархально-коллективистский этос, что приводит к ценностному расколу и росту социальной аномии.

Социокультурный и экологический аспекты кочевой аксиологии, отражающие коэволюцию человека и биосферы, глубоко проанализированы в философско-публицистическом наследии Э. Шукурова [4, с. 23]. Ученый акцентировал внимание на уникальной экологической этике кыргызов, где природа выступала не объектом прагматической эксплуатации, а сакральным субъектом диалога, что кодифицировано в метафизических запретах-табу («обол», «убал»).

Различные аспекты аксиологического кризиса и трансформации ментальных структур в современном транзитивном обществе Кыргызстана регулярно становятся предметом дискуссий на страницах вестника. Так, в контексте осмысления ценностного раскола важный вклад в исследование динамики духовных и морально-нравственных ориентиров общества вносят работы М. М. Амердиновой [5].

Несмотря на наличие весомого массива научных публикаций, в современной кыргызстанской философии ощущается дефицит комплексных исследований, синтезирующих этноаксиологический подход с инструментарием постнеклассической науки. Изменения, происходящие в структуре моральных идеалов под воздействием тотальной цифровизации и глокализации, требуют депланации привычных подходов и выработки новой методологической матрицы. Большинство авторов концентрируются на констатации кризиса ценностей, упуская из виду внутренние адаптационные механизмы этнокультуры, способные трансформировать внешние вызовы в ресурсы развития.

Исследование ценностных трансформаций на стыке традиционного постномадического уклада и постиндустриальной цифровой реальности требует междисциплинарного эпистемологического фундамента. Автор исходит из того, что классический европоцентристский методологический инструментарий, сформированный на базе линейно-модернизационных теорий, демонстрирует эвристическую ограниченность при анализе центральноазиатских социумов. Механический перенос западных либерально-индивидуалистических схем на кыргызскую ментальную почву не позволяет эксплицировать глубинные механизмы сохранения национальной идентичности. В связи с этим в качестве сквозной теоретической матрицы в данной работе применяется этноаксиологический подход, интегрированный с принципами постнеклассической науки и синергетики.

Этноаксиологический подход позволяет рассматривать моральные идеалы этноса не как статический набор артефактов прошлого или догматический кодекс, а как сложную, открытую, самоорганизующуюся систему. В этой системе выделяется инвариантное (ядерное) этнокультурное основание и вариативная (периферийная) зона, подверженная флуктуациям под воздействием внешних цивилизационных вызовов.

Для реализации поставленных исследовательских задач был развернут комплекс следующих комплементарных методов:

Диалектический метод и принцип историзма. Данный инструментарий позволил проследить генезис кыргызских моральных идеалов в их имманентном развитии. Метод ориентирован на выявление внутренних противоречий в процессе транзита от синкретического кочевого этоса к советскому квазимодернизационному ценностному контуру, и далее — к современному этапу аномии и суверенного аксиогенеза. Историзм исключает умозрительную модернизацию прошлого, требуя оценки этических концептов в контексте конкретно-исторических способов кочевого производства и воспроизводства жизни.

Герменевтико-семиотический анализ. Применяется для философской экзегезы и дешифровки латентных смыслов, закодированных в памятниках устного народного творчества и, в первую очередь, в героическом эпосе «Манас». Эпос рассматривается нами не как фольклорный памятник, а как метафизический и нормативно-этический архив этноса. Нам важно было эксплицировать не буквальный сюжетный ряд, а ценностную семиотику таких базовых лексем, как «абийир» (совесть), «намыс» (честь/достоинство), «ынтымак» (согласие) и «убал» (категория греха/ответственности перед бытием).

Компаративно-философский метод. Использовался для синхронного и диахронного сопоставления ценностных ориентаций различных страт современного кыргызстанского общества. С его помощью зафиксированы точки бифуркации — ценностные разрывы между поколением «постсоветского транзита» и цифровым поколением «зумеров», а также между урбанизированными и руральными сообществами республики.

Структурно-функциональный анализ. Позволил рассмотреть традиционные моральные идеалы через призму их регулятивной прагматики. В рамках этой оптики концепты «ар» и «уят» (стыд) анализируются как эффективные институты внеправового социального контроля, выполняющие функцию стабилизации социума в условиях институциональной слабости легальных правовых механизмов [5, с. 142].

Эмпирический базис исследования носит триангуляционный характер, что обеспечивает верифицируемость философских обобщений и исключает спекулятивный академизм. Источниковый компендиум дифференцирован на три автономных, но логически увязанных уровня:

Текстуально-аксиологический уровень: В качестве генеральной совокупности текстов для герменевтического анализа взята эпическая трилогия «Манас. Семетей. Сейтек» в канонических версиях сказителей Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева. На основе контент-анализа текстовых массивов была реконструирована модель идеального человека («карандай эр», «чын уул») и выделены маркеры кодекса «Джети осуят» (Семь заветов Манаса), выступающего нормативным ядром этнокультуры.

Институционально-нормативный уровень: Проанализированы стратегические государственные документы Кыргызской Республики за период 2021–2026 гг., включая Указ Президента КР «О духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности» и Концепцию развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны». Исследование данных текстов позволило зафиксировать процесс институционализации и ревитализации этноаксиологических концептов, их перевод из плоскости обыденного сознания в плоскость государственной идеологии и образовательных стандартов.

Социо-метрический уровень: Осуществлен вторичный методологический анализ результатов репрезентативных социологических мониторингов, проведенных Национальным статистическим комитетом КР, а также ведущими исследовательскими институтами страны (включая Центр социальных исследований НАН КР) за последние пять лет. В фокус анализа попали замеры ценностных ориентаций молодежи, уровень доверия к традиционным и модернистским институтам, а также специфика трансформации семейных ценностей [6, с. 74].

Экспликация этноаксиологического каркаса кыргызского общества в условиях современного транзита позволяет зафиксировать глубокие амбивалентные процессы. Традиционная нормативная матрица, веками функционировавшая в рамках постномадического этоса, сегодня подвергается интенсивному давлению со стороны глобального информационного и рыночно-капиталистического пространства. В ходе исследования нами была выявлена и теоретически обоснована структурная перестройка ключевых этических концептов кыргызской культуры, определяющих регуляцию как индивидуального, так и коллективного бытия.

Центральной осью традиционной кыргызской ethics исторически являлась дихотомия концептов «абийир» (внутренний имманентный самоконтроль, совесть) и «уят» (внешний трансцендентный регулятор, социальный стыд). Философский анализ показывает, что в классической кочевой общине «уят» обладал колоссальной онтологической силой: угроза общественного порицания и остракизма со стороны рода выступала более эффективным превентивным инструментом против девиантного поведения, нежели любые правовые санкции. Наше исследование фиксирует радикальную деформацию этого механизма на современном этапе.

В условиях стремительной урбанизации, атомизации общества и, что особенно важно, тотальной медиатизации и цифровизации (экспансия платформ Instagram, TikTok) институт традиционного коллективного «уята» претерпевает симулякризацию. Происходит феномен, который

мы определяем как «цифровой уят» или «сетевой остракизм». Внешний стыд теряет свою укорененность в авторитете локальной общины или института аксакалов, превращаясь в инструмент манипулятивного конструирования общественного мнения в виртуальном пространстве. Общественное осуждение десакрализируется, превращаясь из морального регулятора в кратковременный медийный контент, что порождает у молодого поколения цинизм и ценностный релятивизм.

Параллельно с этим концепт «абийир», требующий глубокой рефлексии и внутренней автономии личности, вытесняется прагматическими императивами рыночного успеха. Капитализация социальных отношений приводит к тому, что традиционные категории «намыс» (честь) и «ар» (достоинство) редуцируются к внешним маркерам престижа, материального благосостояния и демонстративного потребления (феномен чрезмерных тоев и статусных трат). Честь («намыс») из экзистенциальной категории ответственности за свой род и народ превращается в эгоцентрический конструкт самопрезентации.

Важным направлением дискуссии в отечественной социально-философской мысли является соотнесение традиционного этнического самосознания с новыми политико-правовыми конструктами. В частности, нами был подвергнут критическому анализу процесс имплементации государственной концепции гражданской идентичности «Кыргыз жараны», активно развертываемой в республике. С философской точки зрения концепт «Кыргыз жараны» представляет собой попытку перехода от моноэтнической модели консолидации к поликультурной, гражданско-национальной матрице современного демократического типа. Однако здесь возникает глубокое аксиологическое противоречие.

Традиционный кыргызский этос глубоко укоренен в патернализме, родоплеменной солидарности («ынтымак») и примате коллективного над индивидуальным. В то же время концепция «Кыргыз жараны» апеллирует к категориям либерально-правового дискурса: индивидуальным правам человека, правовой ответственности и равенству перед законом независимо от этнической принадлежности. В ходе дискуссии с коллегами-философами (в частности, развивая идеи М. Артыкбаева) мы утверждаем, что механический синтез этих систем невозможен без создания переходных «аксиологических мостов».

Наши результаты показывают, что концепция гражданской идентичности рискует остаться сугубо бюрократическим конструктом, если она не будет органически увязана с глубинными этическими архетипами кыргызов. Например, правовое равенство и солидарность граждан должны транслироваться через ревитализацию традиционного концепта «ынтымак» (согласие, синергия), который в кочевой культуре мыслился как высший закон выживания социума. Ценность государственности должна опираться на эпический архетип «эл» (народ-государство), зафиксированный в эпосе «Манас» [7, с. 56].

Таким образом, в процессе трансформации ценностей в Кыргызстане наблюдаются три ключевые тенденции:

Аксиологическая гибридизация: формирование синкретических ценностных ориентаций у современной молодежи, сочетающих в себе элементы глобального прагматизма, исламского ренессанса и остаточных элементов кочевых традиций.

Деградация неформальных институтов контроля: традиционный авторитет старших («аксакалдар соту», институты общины) теряет реальную регулятивную силу, уступая место хаотичному влиянию цифровых медиа.

Проблема конструирования гражданской идентичности и ее психологического восприятия молодым поколением глубоко коррелирует с выводами Камчыбек уулу М., подчеркивающего амбивалентный характер самопонимания личной и социальной идентичности в трансформирующемся кыргызском социуме [9].

Потребность в суверенном аксиогенезе: государственные программы духовно-нравственного развития демонстрируют понимание кризиса, однако они требуют серьезного философско-методологического очищения от догматизма и этноромантизма.

В дискуссионном ключе необходимо подчеркнуть, что фиксация «кризиса ценностей» в Кыргызстане не должна трактоваться как цивилизационный тупик. С позиций синергетического подхода, наблюдаемая сегодня ценностная аномия — это неизбежная фаза флуктуации и хаоса, предшествующая выходу аксиологической системы на новый уровень упорядоченности. Задача суверенной философской мысли заключается не в консервации архаики, а в экспликации тех ядерных, инвариантных смыслов кыргызской этноаксиологии, которые способны выступить фильтрами против деструктивных трендов глобализации и составить этический фундамент модернизирующегося общества.

Комплексный социально-философский и этноаксиологический анализ процессов трансформации моральных идеалов в современном Кыргызстане позволяет сформулировать ряд теоретических обобщений и выводов, имеющих как фундаментальное научное, так и прикладное значение для суверенного аксиогенеза.

Во-первых, обоснована эвристическая состоятельность и методологическая суверенность этноаксиологического подхода в качестве полипарадигмальной матрицы исследования транзитивных обществ Центральной Азии. Доказано, что традиционный постномадический этос кыргызов представляет собой не статичную архаическую систему, обреченную на поглощение глобализационной унификацией, а сложную, открытую, самоорганизующуюся структуру. Данная структура обладает инвариантным ценностно-смысловым ядром («абийир», «намыс», «ынтымак») и динамичной, лабильной периферией, способной адаптироваться к изменяющимся историческим и технологическим контекстам.

Во-вторых, в ходе исследования зафиксирован глубокий качественный сдвиг в функционировании традиционных механизмов социального контроля. Дихотомия внутреннего императива совести («абийир») и внешнего регулятора социального стыда («уят») претерпевает радикальную деформацию под воздействием рыночного прагматизма и тотальной цифровизации медиапространства. Процесс симулякризации института «уята» и его дрейф в сторону виртуального сетевого остракизма приводит к размыванию авторитета традиционных общинных институтов (включая институт аксакалов) и порождает латентные риски ценностной аномии среди молодого поколения. Честь («намыс») в условиях капитализации социальных связей зачастую редуцируется к демонстративному потреблению и внешним маркерам престижа, теряя свое исходное экзистенциальное и коллективно-ответственное содержание.

В-третьих, выявлены имманентные противоречия в процессах институционализации новых гражданских идентичностей. Установлено, что государственная концепция «Кыргыз жараны», апеллирующая к либерально-правового дискурсу индивидуальных прав и равенства перед законом, нуждается в органичном синтезе с глубинными этическими архетипами кыргызского этноса. Доказано, что механическое наложение западных модернизационных шаблонов без создания «аксиологических мостов» ведет к отчуждению граждан от правовых институтов. Ревитализация и перевод категории «ынтымак» (согласие/синергия) из плоскости бытового сознания в ранг фундаментального гражданского принципа солидарности видится ключевым условием успешной консолидации полиэтничного общества Кыргызстана.

В дискуссионном контексте подчеркнуто, что современный кризис ценностных ориентаций в Кыргызской Республике следует интерпретировать в категориях философской синергетики — не как цивилизационный тупик или деградацию, а как закономерную точку бифуркации. Наблюдаемый хаос и гибридизация ценностных паттернов (сочетающих элементы номадизма, советского наследия, исламского ренессанса и глобального консьюмеризма) выступают необходимым этапом флуктуации системы перед ее переходом в новое устойчивое состояние.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее выводы могут быть интегрированы в государственные программы духовно-нравственного воспитания личности, направленные на преодоление кризиса идентичности и конструирование суверенной идеологической платформы развития Кыргызстана в XXI веке.

Список использованной литературы

1. Какеев А. К. Философские мыслеобразы кочевой культуры. – Бишкек: Илим, 2003. – 214 с.
2. Аскаров Т. А. Эстетическое постижение мира: Истоки и структура. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – 176 с.
3. Артыкбаев М. Т. Трансформация политической культуры и ценностей кыргызского общества в эпоху суверенитета. – Бишкек: Кут-Бер, 2011. – 320 с.
4. Шукуров Э. Д. Дикая природа и человек: экологическая этика кочевников // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2015. – Спецвыпуск. – С. 22–27.
5. Амердинова М. М. Динамика духовных ценностей в условиях социокультурного транзита // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2024. – № 2. – С. 115–121.
6. Токтосунов А. А. Ментальность и ценностные ориентации кыргызского этноса: социально-философский анализ. – Бишкек: Илим, 2018. – 198 с.
7. Исаев К. И. Социальные трансформации в современном Кыргызстане: ценности, идентичность, адаптация / под ред. К. И. Исаева. – Бишкек: Учкун, 2022. – 240 с.
8. Сулайманов Д. К. Эпическое наследие кыргызов в контексте современных идеологических процессов // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2021. – № 4. – С. 54–59.
9. Камчыбек уулу Мырзабек. Психологический анализ самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2021. – № 4 (108). – С. 120–125.

Рецензент: доктор философских наук, заведующий отделом истории философии Института философии им. А. Алтмышбаева НАН КР Бабашов А. К.

УДК 17.023:394(575.2)

Аалиева Н. К.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Аалиева Н. К.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Aalieva N.K.
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗДАРДЫН САЛТТУУ ЭТНОЭТИКЕТИ ЖӨНГӨ САЛУУЧУ СИСТЕМА ЖАНА УЛУТТУК ИДЕНТТҮҮЛҮКТҮ САКТООНУН ИМПЕРАТИВИ КАТАРЫ
ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТНОЭТИКЕТ КЫРГЫЗОВ КАК РЕГУЛЯТИВНАЯ СИСТЕМА И ИМПЕРАТИВ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
TRADITIONAL ETHNOETIQUETTE OF THE KYRGYZ AS A REGULATORY SYSTEM AND AN IMPERATIVE FOR PRESERVING NATIONAL IDENTITY

Кыскача мүнөздөмө: Макала кыргыздардын салттуу этноэтикетин бирдиктүү ченемдик-жөнгө салуучу система катары социалдык-философиялык экспликациялоого арналган. Текст XXI кылымдын постиндустриалдык трансформациялары жана аксиологиялык кризиси шартында номаддардын күнүмдүк жана сакралдык жүрүм-турумунун онтологиялык негиздерин жана

прагматикасын изилдейт. Негизги көңүл инсандар аралык жана муундар аралык өз ара аракеттенүүнү жөнгө салуучу «абийир», «намыс», «убал» жана «обол» концепттери менен детерминацияланган этикеттик коддорду чечмелөөгө бурулат. Этноэтикетти кайра жандандыруу жана аны азыркы жарандык аң-сезимдин структурасына интеграциялоо моралдык деградацияны жеңүүнүн жана кыргыз этносунун маданий-цивилизациялык өзгөчөлүгүн сактоонун императиви экендиги далилденген.

Аннотация: В статье осуществляется социально-философская экспликация традиционного этноэтикета кыргызов как целостной нормативно-регулятивной системы. В условиях постиндустриальных трансформаций и аксиологического кризиса XXI века автор исследует онтологические основания и прагматику обыденного и сакрального поведения номадов. Основное внимание уделяется дешифровке этикетных кодов, детерминированных концептами «абийир», «намыс», «убал» и «обол», регулирующих межличностное и межпоколенческое взаимодействие. Доказывается, что ревитализация этноэтикета и его интеграция в структуру современного гражданского сознания являются императивом преодоления ценностной деградации и сохранения культурно-цивилизационной самобытности кыргызского этноса.

Abstract: In accordance with the academic standards of the Bulletin of KNU, this article provides a socio-philosophical explication of the traditional ethnoetiquette of the Kyrgyz as an integrated normative and regulatory system. In the context of 21st-century post-industrial transformations and axiological crises, the author explores the ontological foundations and pragmatics of nomadic everyday and sacral behavior. Particular emphasis is placed on decoding etiquette patterns determined by the concepts of “abiyir”, “namys”, “ubal”, and “obol”, which govern interpersonal and intergenerational relations. The study argues that the revitalization of ethnoetiquette and its integration into the framework of modern civic consciousness represent an imperative for overcoming moral degradation and ensuring the cultural and civilizational preservation of the Kyrgyz identity.

Негизги сөздөр: этноэтикет, кыргыз баалуулуктары, моралдык идеалдар, иденттүүлүк, социомаданий трансформация, улуттук нарк, абийир, намыс.

Ключевые слова: этноэтикет, кыргызские ценности, моральные идеалы, идентичность, социокультурная трансформация, национальный нарк, абийир, намыс.

Keywords: ethnoetiquette, Kyrgyz values, moral ideals, identity, socio-cultural transformation, national nark, abiyir, namys.

Современная социальная философия все чаще обращается к микросоциологическим и культурно-антропологическим структурам как к латентным факторам глобальной макросоциальной стабильности. В ситуации аксиологического излома начала XXI века, когда транзитивные общества Центральной Азии переживают системную деформацию ценностных ориентаций, проблема ревитализации поведенческих кодов предстает в качестве прикладной и теоретической необходимости. Для Кыргызской Республики, где глубинная кочевая ментальность сталкивается с деструктивными вызовами сетевого общества и потребительского прагматизма, особое звучание приобретает феномен традиционного этноэтикета (улуттук нарк). Этикет номадов — это не внешняя декоративная форма вежливости, а жестко детерминированная онтологическая система жизнеобеспечения, выработанная веками постномадического бытия. [1]

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления нарастающей моральной деградации и дезинтеграции социальных связей внутри кыргызстанского социума. Утрата навыков традиционной коммуникации, межпоколенческий разрыв и деформация институтов обычного права приводят к росту агрессии и ценностной аномии. Целью статьи является раскрытие социально-философской сущности кыргызского этноэтикета как регулятивной системы, способной выступить внутренним иммунным барьером против деструктивных трендов глокализации и составить основу духовно-нравственного воспитания современного гражданина.

Изучение нормативной культуры кыргызов имеет междисциплинарный бэкграунд, сформированный на стыке этнографии, лингвистики и этики. Истоки осмысления обычного права (адат) и поведенческих паттернов кочевников содержатся в дореволюционных трудах Ч. Валиханова и В. Радлова, зафиксировавших синкретический характер морального сознания номадов. В советский и постсоветский периоды описательный этнографический материал получил теоретическое переосмысление.

Важнейший вклад в разработку категориального аппарата отечественной этики внес Т. Аскаров, дифференцировавший моральные константы национальной духовности [2, с. 88]. Философско-методологическое обоснование космизма и экологичности кочевого бытия, напрямую определяющих структуру этикета взаимодействия с природой, представлено в работах А. Какеева [1, с. 45] и Э. Шукурова [4, с. 23]. В контексте новейших исследований особую значимость приобретает монография Г. Аалиевой и Н. Аалиевой «Этноэтикет кыргызов», где феномен поведенческой культуры впервые представлен в виде концептуальной доктрины, соотносимой с указами Президента КР о национальном нарке.

На страницах ведущих научных изданий республики ведется перманентная дискуссия о судьбе культурного наследия. В частности, в «Вестнике КНУ им. Ж. Баласагына» профессор М. М. Амердинова справедливо отмечает амбивалентную динамику духовных ценностей в условиях современного социокультурного транзита, указывая на опасность утраты ментальных маркеров идентичности [5, с. 116]. Процессы деформации институтов морали анализируются также в трудах А. Токтосунова [6, с. 142] и М. Артыкбаева [3, с. 112]. Вместе с тем социально-философский анализ регулятивного потенциала именно этноэтикета, рассматриваемого как живой инструмент преодоления ценностного кризиса в условиях цифровизации, до сих пор не получил исчерпывающего освещения.

Методологический контур работы задан интеграцией этноаксиологического и структурно-функционального подходов. Этноэтикет рассматривается нами как сложноструктурированная подсистема духовной культуры, выполняющая коммуникативную, интегративную, трансляционную и защитную функции в социуме.

В качестве основного аналитического инструментария применены:

Герменевтический метод: использовался для экспликации этикетных кодов, зашифрованных в малых жанрах кыргызского фольклора (макал-лакаптар — пословицы и поговорки), а также в этических диалогах героев эпоса «Манас».

Компаративный анализ: позволил сопоставить традиционные поведенческие императивы (улуттук нарк) с современными паттернами сетевого поведения (нетикет) городской и сельской молодежи КР.

Декомпозиция семиотического поля культуры: дала возможность выделить элементарные поведенческие акты (приветствие, гостеприимство, трапеза, почитание старших) и возвести их к глубинным философским категориям кочевого этоса.

В рамках депланации методологического контура исследования принципиально важно эксплицировать эпистемологический потенциал синергетической парадигмы, применяемой к анализу динамики этноэтикетных структур. Традиционная поведенческая культура номадов рассматривается нами как диссипативная система, находящаяся в состоянии перманентного обмена информационными и ценностными флуктуациями с внешней средой. Использование синергетического инструментария позволяет уйти от статического, сугубо этнографического описания ритуалов к динамическому моделированию аксиогенеза. Этноэтикет в данной оптике выступает как сложный социокультурный аттрактор, который в точках исторической бифуркации (таких как советская модернизация или суверенный транзит рубежа XX–XXI веков) удерживает архитектонику национальной идентичности от полной энтропии и хаотизации.

Дополнительно в методологическую матрицу интегрирован семиотический подход Ю. Лотмана о концепте «семиосферы». Мы постулируем, что кыргызский этноэтикет формирует суверенную

семиосферу — замкнутое, но проницаемое смысловое пространство, внутри которого каждый жест, пространственное расположение участников коммуникации (например, этикетная рассадка в юрте по принципу «төр» и «улага») и вербальные формулы обладают жестко детерминированным семиотическим статусом. Декодирование этих латентных знаковых систем требует применения метода философской деконструкции, позволяющего обнаружить за внешними бытовыми ритуалами глубокие онтологические смыслы, связывающие человека номадической культуры с архитектоникой космоса. Междисциплинарный синтез этноаксиологии, синергетики и семиотики культуры исключает умозрительность исследовательских выводов и обеспечивает многомерность философского анализа поведенческих кодов в условиях ценностного излома современного общества.

Эмпирическую базу исследования составили тексты устного народного творчества, материалы современных монографических исследований этнокультурных традиций КР, а также результаты контент-анализа репрезентативных социологических срезов, отражающих динамику трансформации ценностей семьи и брака в Кыргызстане за период 2022–2025 гг.

В результате проведенного социально-философского анализа установлено, что традиционный кыргызский этноэтикет функционирует не как внешнее наложение этикетных предписаний (подобно европейскому придворному или буржуазному этикету), а как внутреннее экзистенциальное развертывание нарака — неписаного кодекса чести и космического порядка. В кочевом мире, лишенном институтов классического отчужденного государства и писаного позитивного права, этикет выступал тотальным регулятором бытия. Нарушение этикетного кода означало автоматический выход из коммуникативного поля этноса и приравнивалось к метафизическому преступлению против предков.

В основе архитектоники кыргызского этноэтикета лежит триада категорий: абийир (внутренний цензор), намыс (внешний статус взаимной ответственности) и убал (метафизический закон воздаяния). Наше исследование позволило структурировать проявления этих категорий в рамках трех генеральных этикетных кодов:

Вертикальный (геронтологический) код: Отношения «Старший – Младший» (улуу-кичүү). Уважение к старшим (карылыкты сыйлоо) в кыргызском этноэтикете носит сакральный характер. Поведение младшего жестко регламентировано: запрет пересекать дорогу старшему, перебивать его речь, сидеть в его присутствии без разрешения. Старость в номадической культуре осмыслялась как высшая точка аккумуляции жизненной мудрости (кут), а благословение старшего (бата) выступало онтологическим залогом успешной социализации личности. В современных условиях урбанизации этот код размывается, авторитет старости сменяется авторитетом технократического превосходства молодежи, что ведет к деструкции межпоколенческих связей.

Горизонтальный (коммуникативный) код: Гостеприимство (коноктошуу) и ритуал приветствия (саламдашуу). Приветствие кочевников — это развернутый опрос о здоровье близких, состоянии скота и пастбищ, что символизировало восстановление гармонии вселенной при встрече двух субъектов. Институт гостеприимства (конок ырысы) выступал ключевым механизмом выживания в суровых географических условиях. Гость, даже будучи врагом, обладал статусом неприкосновенности. Нами зафиксировано, что в условиях рыночной экономики гостеприимство коммерциализируется, теряя свой сакральный смысл и превращаясь в инструмент демонстративного потребления.

Экологический (коэволюционный) код: Взаимодействие с окружающей средой. Категории убал (грех по отношению к живому) и обол (первозданная чистота бытия) накладывали строгие этикетные запреты (табу) на прагматическое насилие над природой. Запреты плевать в воду, ломать живые ветви без нужды, истреблять молодняк зверей регулировали природопользование эффективнее экологического права.

Проблематика деформации данных кодов в XXI веке находит живой отклик в отечественном академическом дискурсе. В частности, на страницах «Вестника КНУ им. Ж. Баласагына» проректор по науке М. Камчыбек уулу в своем психологическом анализе идентичности подчеркивает

амбивалентный и часто противоречивый характер самопонимания личной и социальной идентичности у современной кыргызской молодежи, находящейся на стыке традиционных архетипов и глобальной массовой культуры [9, с. 120]. Ценностная гибридизация приводит к тому, что молодежь, утрачивая этноэтикетные навыки, погружается в хаотичное пространство виртуального общения, лишенного этических ориентиров.

Развертывание содержательного анализа вертикального (геронтологического) этикетного кода требует более глубокой философской экспликации феномена «улуулук» (старшинство) в кыргызской культуре. В ходе герменевтического анализа пословиц и поговорок (макал-лакаптар) нами было выявлено, что детерминация статуса старшего опирается не на биологический возраст как таковой, а на степень приобщенности индивида к трансляции нарака — абсолютного социокультурного канона этноса. Поговорка «Атадан алтоо болсоң да, ар кимдин өзүнчө намысы бар, улууну улуктоо — элдин салты» («Даже если вас шестеро от одного отца, у каждого своя честь, но почитание старшего — закон народа») эксплицирует онтологический приоритет иерархического порядка над индивидуальным эгоцентризмом. Младший, подчиняясь старшему, подчиняется не личности, а транслируемому через нее транссубъективному опыту предков (аталар сөзү). В ситуации аксиологического транзита XXI века этот код подвергается деструктивной профанации. В условиях постиндустриального информационного общества, где скорость обновления технологического знания превышает скорость смены поколений, происходит десакрализация опыта старейшин. Молодое поколение, адаптированное к цифровым реалиям, начинает воспринимать носителей традиционной мудрости как носителей архаичного, невалидного знания, что порождает глубокий экзистенциальный разрыв и ценностную дезориентацию внутри семейных институтов.

Особое внимание в контексте результатов исследования следует уделить трансформации горизонтального коммуникативного кода в пространстве виртуальных взаимодействий. Феномен, который мы определяем как деформация этноэтикета в зеркале нетикета, наглядно иллюстрирует процесс утраты кыргызским обществом традиционных коммуникативных фильтров. В традиционной культуре кочевников вербальный акт был жестко скован рамками ответственности, что фиксировалось в императиве «Баш кесилсе да, тил кесилбейт, бирок сөз кадыры — өмүр кадыры» («Голова может быть отсечена, но язык не отсекается, однако ценность слова — это ценность жизни»). Принцип «сөз кадыры» (священность слова) требовал от коммуникатора строгого соблюдения этикетных дистанций, недопущения оскорбления чести (намыс) собеседника, поскольку вербальная агрессия могла спровоцировать межродовой конфликт.

В современной виртуальной среде кыргызстанского сегмента социальных сетей (Facebook, Instagram) наблюдается тотальная карнавализация и деградация этого кода. Анонимность и отсутствие непосредственного телесного контакта в сети приводят к феномену «освобождения от уята». Внешний социальный стыд, бывший главным регулятором в традиционном социуме, в цифровом пространстве перестает функционировать. Это порождает агрессивный речевой дискурс, хейт-спич и массовый сетевой остракизм, направленный на разрушение репутации личности. Происходит опасная подмена: глубокий, ритуализированный, уважительный диалог, ориентированный на достижение консенсуса (ынтымак), вытесняется плоским, клиповым, агрессивным сетевым противостоянием.

В рамках дискуссионного поля статьи необходимо сопоставить полученные нами результаты с теоретическими выводами современных исследователей идентичности. Развивая идеи, опубликованные на страницах вестника, мы вступаем в полемику с позицией жесткого модернизационного детерминизма. Некоторые авторы полагают, что этноэтикет является пережитком патриархального общества и должен быть полностью заменен универсальными стандартами западного бизнес-этикета и правового либерализма. Мы утверждаем обратное: слепое копирование атомизированных западных поведенческих моделей без учета постномадического субстрата приводит лишь к усугублению маргинализации сознания.

Этноэтикет кыргызов обладает мощным гуманистическим потенциалом, так как в его основе лежит концепт «адамкерчилик» (человечность), содержательно близкий к философии экзистенциализма и персонализма. Ревитализация этноэтикета в XXI веке — это не призыв к возврату в архаическое прошлое, а требование модернизации самой поведенческой культуры на основе ее коренных духовных констант. Традиционные этикетные паттерны должны быть переосмыслены как этический фундамент новой гражданской идентичности, способный гармонизировать отношения между государством, обществом и индивидом в Кыргызской Республике.

В дискуссионном ключе мы утверждаем, что преодоление кризиса идентичности невозможно путем искусственной консервации архаичных бытовых форм кочевой жизни. Речь должна идти о философской ревитализации духа этноэтикета. Современная концепция гражданской идентичности «Кыргыз жараны» обречена на отчуждение от массового сознания, если ее правовые стандарты не будут органически сопряжены с этноэтикетными паттернами коллективной солидарности и взаимного уважения (сый-урмат). Традиционный этноэтикет должен рассматриваться постнеклассической наукой как стратегический культурный капитал, способный гармонизировать социальное пространство Кыргызстана в эпоху глобальных потрясений.

Социально-философское исследование традиционного кыргызского этноэтикета подводит к следующим выводам:

Во-первых, этноэтикет кыргызов представляет собой целостную, онтологически укорененную нормативно-регулятивную систему, выступавшую в эпоху номадизма главным гарантом сохранения социокультурной целостности этноса. В основе этой системы лежит глубокое понимание космического баланса, где этикетные акты приветствия, гостеприимства и почитания старших выступали механизмами воспроизводства социального и природного согласия (ынтымак).

Во-вторых, в эпоху тотальной трансформации ценностей и цифровизации традиционные этикетные коды (геронтологический, коммуникативный, экологический) подвергаются эрозии, коммерциализации и симулякризации. Разрыв традиционных коммуникативных связей порождает феномен ценностной аномии и моральной деградации, дестабилизируя институты семьи и гражданского общества.

В-третьих, ревитализация этноэтикета, очищенного от элементов патриархального догматизма, является насущным императивом суверенного развития Кыргызстана. Интеграция этноэтикетных смыслов в государственные программы образования и концепты гражданственности позволит сформировать устойчивый ценностный каркас личности современного кыргызстанца, способного противостоять нивелирующему давлению глобальной массовой культуры и сохранять цивилизационную аутентичность.

Список использованной литературы

1. Какеев А. К. Философские мыслеобразы кочевой культуры. – Бишкек: Илим, 2003. – 214 с.
2. Аскаров Т. А. Эстетическое постижение мира: Истоки и структура. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – 176 с.
3. Артыкбаев М. Т. Трансформация политической культуры и ценностей кыргызского общества в эпоху суверенитета. – Бишкек: Кут-Бер, 2011. – 320 с.
4. Шукуров Э. Д. Дикая природа и человек: экологическая этика кочевников // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2015. – Спецвыпуск. – С. 22–27.
5. Амердинова М. М. Динамика духовных ценностей в условиях социокультурного транзита // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2024. – № 2. – С. 115–121.
6. Токтосунов А. А. Ментальность и ценностные ориентации кыргызского этноса: социально-философский анализ. – Бишкек: Илим, 2018. – 198 с.
7. Исаев К. И. Социальные трансформации в современном Кыргызстане: ценности, идентичность, адаптация / под ред. К. И. Исаева. – Бишкек: Учкун, 2022. – 240 с.

8. Сулайманов Д. К. Эпическое наследие кыргызов в контексте современных идеологических процессов // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2021. – № 4. – С. 54–59.

9. Камчыбек уулу Мырзабек. Психологический анализ самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2021. – № 4 (108). – С. 120–125.

Рецензент: доктор философских наук, заведующий отделом истории философии Института философии им. А. Алтмышбаева НАН КР Бабашов А. К.

УДК 159.922.2/4

Абдылдаева Г.О., Ыстамкулов Б.
Жусуп Баласанын атындагы КУУ., МГПУ
Абдылдаева Г.О., Ыстамкулов Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына.,МГПУ
Abdyldaeva G. O., Ystamkulov B.
KNU Jusup Balasagyn., MGPU

АДАМ ЖАШООСУНДАГЫ ИСКУССТВОНУН ОРДУ.
МЕСТО ИСКУССТВА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.
THE PLACE OF ART IN HUMAN LIFE.

Кыскача мүнөздөмө: Берилген макалада искусство жөнүндө кыскача түшүнүк, анын адамзатка тийгизген таасирдүү функциялары, ролу жана элибиздин искусствого болгон мамилеси баяндалган. Учурдагы өзгөрүлүп жаткан жашообузда искусстводогу жалпы өзгөрүүлөр жана психологиялык таасири камтылган. Ошондой эле, заманбап жана чет элдик окумуштуулардын искусствого болгон көз караштары баяндалат.

Аннотация: В данной статье дается краткое представление об искусстве, его различных функциях, роли и деятельности нашего народа в сфере искусства. В связи с различными изменениями современной жизни, включено психологическое влияние искусства на человека. Также, описываются научные взгляды современных и зарубежных ученых.

Abstract: This article provides a brief overview of art, describes the various functions, roles and activities of our people in the field of art. Due to the changes in modern life, the psychological impact of art on a person is included. It also describes the scientific views of modern and foreign scientists.

Негизги сөздөр: искусство, функция, адамзат, таасир, заманбап.
Ключевые слова: искусство, функция, человечество, влияние, современность.
Keywords: art, function, humanity, influence, modernity.

Жалпы илимий деңгээлде белгилүү болгондой, адамдын мээсиндеги эки чоң бөлүктүн оң жагы математикалык ой жүгүртүүгө салым кошсо, ал эми сол жагы чыгармачылык жөндөмдүүлүккө жооптуу. Бири-бирине окшош болбогон бул эки функциялуу бөлүк адамдын жүрүм-турумун, ой жүгүртүүсүн жана башка маанилүү иш-аракеттерин жөнгө салат. Ал эми биздин макалада чыгармачылык, башкача айтканда, искусство жаратуу тууралуу маалымат баяндалат. Искусство – жашоону таанып-билүү ыкмасы жана адамзаттын адилеттүүлүк үчүн күрөшү (Ю. Лотман). Искусство – бул адамга эмоционалдык дем берүүчү психологиялык азык деп белгилесек да болот. Ар тараптуу эмоцияларды жаратуу менен, эң башкысы, адамдын кабыл алуусуна оң жана терс таасирлерди алып келет.

Кыргыз элибизде көптөн бери сакталып жана бааланып келе жаткан искусствонун негизги түрлөрү:

Архитектура. Жыл өткөн сайын ар кандай курулуштар салынып, шаарларыбыздын көркүн ачып, жашообузга заманбап шарттар түзүлүүдө.

Скульптура – бул өнөр тарыхтын сакталышына, жерибиздин кооздугун билдирүүгө жана маалымат берүүчү белги катары кызмат кылат.

Көркөм кол өнөрчүлүк психологиялык ырахат берүүчү функциясынан тышкары, чет элдик коноктордун да көңүлүн буруп, суктандырып турат.

Көркөм адабият өсүп келе жаткан жаш муунга элибиздин өзгөчөлүктөрүн сүрөттөп, кызыктуу окуялар аркылуу билимге болгон багытты көрсөтөт.

Музыка – биз көрбөгөн, бирок сезе ала турган чындыкка дал келген жогорку функциялуу мааниге ээ. Бул багыт өзүнө тарыхты, кооздукту, тарбияны жана башка бизге керектүү болгон чөйрөнү толуктайт.

Бий – биринчи кезекте ден соолук жана күч-кубат менен тыгыз байланышкан. Максаттуу кыймыл-аракеттер бий аркылуу жашообузда көп жеңилдиктерди жаратат.

Адамзат искусствосуз жашай албайт. Анын ар тараптуу пайдаланууга жардам берген жана маңызын ачкан негизги функциялары бар. Алар:

Эстетикалык функциясы – бул дүйнөдөгү сулуулуктун мыйзамдарын өздөштүрүү менен аткарылат.

Коммуникативдик функциясы. Байланыштын бир түрү катары искусство адамдарга ой-пикирлери менен алмашууга, элдердин тарыхы жана маданий тажрыйбалары менен таанышууга мүмкүнчүлүк берет.

Гносеологиялык функциясы. Искусство – бул чындыкты чагылдыруу жана дүйнөнүн кереметтерин таанып-билүү ыкмасы, ошондой эле социалдык мамилелерди курууга, психологиялык тынчтыкка жана адеп-ахлактыкка чакырат.

Тарбиялык функциясы. Адамга таасир этип, руханий жактан өркүндөтүүнү жана эстетикалык көз карашты тарбиялоо менен гана чектелбестен, жашоого болгон адилеттүү мамилеге үйрөтөт.

Гедонисттик функциясы. Инсанга ырахат, канааттануу алып келүү менен айырмаланат.

Эвристикалык (чыгармачыл) функциясы чыгармачылыкты жаратуу, аны кабыл алуу жана баалуулугун өздөштүрүү менен айырмаланат.

Толуктоо функциясы – адамдын аң-сезими жана реалдуулуктун ортосундагы эмоционалдык жана интеллектуалдык жеңилдетүүчү көпүрө катары саналат [2].

Искусствонун адам жашоосундагы ролу:

1. Билдирүү. Искусство, адабият, музыка, бий сыяктуу ар кандай формалар аркылуу ойлорду, сезимдерди, пикирлерди билдирүү үчүн эң мыкты каражат. Бул нерсени сөз менен айтып жеткирүү мүмкүн болбогон учурда дагы, башкалар менен жана өзүбүз менен байланышууга мүмкүнчүлүк берет.

2. Илхам жана жаратуу. Искусство адамдарды жаратууга, жаңылыкты ойлоп табууга жана ой жүгүртүүсүн өркүндөтүүгө шыктандырат.

3. Терапия. Искусство көпчүлүк учурда терапиялык натыйжа берет: эмоционалдык көйгөйлөрдү чечүүгө, чыңалууну жеңүүгө, маанайды жакшыртууга жана атүгүл бактылуулукту сезүүгө жол көрсөтөт. Кээде искусство адамга дем-күч берет деп айтылат.

4. Сулуулук жана эстетикалык ырахат. Искусство уникалдуу объектилерден ырахат алууга мүмкүнчүлүк берет, натыйжада адамдын жан дүйнөсү жагымдуу сезимдерге толот.

5. Социалдык аракеттенүү. Искусство адамдардын ортосундагы байланышты жакшыртат. Көргөзмөлөр, спектаклдер, ыр кечелер жана башка маданий иш-чаралар адамдардын баарлашуусуна жана ой-пикирлерин бөлүшүүгө өбөлгө түзөт.

Искусствонун бардык ролдору биригип, адамдардын жашоосуна уникалдуу жана баалуу таасир тийгизип, аны кызыктуу кылат [4].

Кыргыз элибиз байыркы кылымдардан бери бирдиктүү топтук уюмдарды түзүшүп, биргеликте ар кандай иш-аракеттерди жүргүзүп келишкен. Мисалы, боз үй тигүү маселеси. Боз үй тигүү – бул өзгөчө көчмөн эл экенибизди, тарыхыбызды сактаган уникалдуу искусствонун түрү деп аныктасак болот. Бул иш процесси топтук аракетти талап кылат, ошону менен биримдикке, ынтымакка, меймандостукка жана башка адамдын психологиялык абалына маанилүү болгон функцияларды аткарат:

Маалымат берүү жана алмашуу. Жаңылыкты угуу жана жаңы маалыматты кабыл алуу психологиялык ички кызыкчылыкты, жаңы ой-максаттарды жаратат.

Альтруизм. Башкаларга күтүлбөгөн жардам берүү жана кам көрүү активдүүлүгү.

Коммуникативдик жөндөмдүүлүктүн өнүгүшү. Айрыкча жаштарга, алардын ичинде жаш балдар жана өспүрүмдөргө улуу инсандар менен иш алып барууну, баарлашууну, туура мамиле жасоого өбөлгө түзөт.

Заманбап жашообузда искусствонун өзгөрүшү адамзатка чоң таасирин тийгизгенин көрүүгө болот. Бул көрүнүш өткөн кылымдын ортосундагы технологиялык прогресстен улам башталып, искусствонун өзгөрүшүнө дүйнөлүк деңгээлде таасирин тийгизген. Биздин ата-бабаларыбыз жаратып келген "кол эмгек", башкача айтканда, кол өнөрчүлүк доору санариптешүү дооруна өтүп, искусство компьютердик (жасалма) багытында иш алып барып жатабыз. Албетте, бул чоң жетишкендик, бирок терс таасирин дагы байкасак болот.

Технологиялык искусство адамга чоң мүмкүнчүлүктөрдү бергендиги белгилүү, бирок убакытты жана физикалык күчтү үнөмдөө менен башка татаал маселелерди жаратат. Айрыкча психикалык абалдын өзгөрүшүнө терс таасирин тийгизүүсү жыл сайын күчөп бара жатат. Мисалы:

1. Эмоционалдуу көрүнүштөр: чарчоонун күчөшү; эс тутумдун жана көңүлдүн начарлашы; жаңы маалыматты өздөштүрүүнүн төмөндөшү; абстракттуу жана мейкиндиктик ой жүгүртүүнүн басаңдашы; сүйлөөнүн бузулушу (сөздөрдү түшүнүү жана табуу); соматикалык жагымсыз сезимдер; эмоциялардын башкарылгыс, ыраатсыз көрүнүшү; психодиагностикада ой жүгүртүү деңгээлинин төмөндөшү.

2. Жеңил когнитивдик бузулуулар: когнитивдик өндүрүмдүүлүктүн төмөндөшү (эс тутумдун начарлашы, көңүл буруунун начарлашы, окуудагы кыйынчылыктар); неврологиялык белгилер; баш оорусу ж.б.

Санариптүү искусство – биз билген эле искусство, бирок башка каражаттар колдонулат. Олег Сороко бул искусствону үч багытка бөлөт, алар:

1. Классикалык санариптүү искусство – колдонмо каражаттар менен ишке ашырылат.

2. Глич-арт – каталардын негизинде искусство өзгөчө жаралат.

3. Алгоритмикалык искусство – иреттүүлүктү билдирет [5].

Заманбап технологиялардын тынымсыз колдонулушу адамга оң жагынан да, терс көрүнүштөргө да алып келет. Көптөгөн окумуштуулар, изилдөөчүлөр белгилегендей, адамда көз карандылык пайда болот. Бул жагдайды, албетте, биз өзүбүздүн жашообузда жана айлана-чөйрөбүздө көрсөк болот. Мисалы, жаштардын кичинекей кезинен баштап эле телефон кармап көнүп жатышканы. Ооба, бул бир жагынан технологиялык каражаттар менен иштегенди, колдонгонду үйрөнөт, бирок анын дээрлик "адамга" таандык болгон эволюциялык жогорку психологиялык функцияларынын толугу менен калыптанбашы жана өнүкпөгөндүгү байкалууда.

Дүйнөлүк окумуштуулар белгилегендей, XX кылымда биринчи орунга спорт чыкты. Бирок спорт өзүнүн оюн мазмунун жоготту. Убакыт өткөн сайын спорт чөйрөсүнө көбүрөөк коммерциялык иш-аракеттер кирип жатат жана спорттук оюндун маңызы жоголуп бараткандай.

Бардык жерде коммерциялык атаандаштык гүлдөп жатат. Бул көрүнүш жашоонун саясий, экономикалык, билим берүү жана башка чөйрөлөрүндө байкалып жатат жана адамдардын искусствого болгон көз карашын түп тамыры менен өзгөртүүдө [1].

Искусство адамдардын ортосундагы байланыш катары эсептесек болот. Мисалы:

Автор > Сүрөт, кол өнөрчүлүк, музыка, скульптура, поэзия ж.б. < Көрүүчү

Автор өзүнүн субъективдүү көз карашын чагылдырат. Ал жараткан өнөрдү көрүүчүлөр, угуучулар же окурмандар кабыл алышат. Субъективдүү көз караш менен тарыхый окуяларга, замандын өзгөрүү жолдорун билүүгө, маданий баалуулуктарды сактоого жана башка нерселерге чакырышы мүмкүн. Эки адамдын ортосундагы кандайдыр бир көзгө көрүнбөгөн сезимдүү мамилеге чакырат [1].

Россиялык окумуштуу Татьяна Черниговскаянын айтымы боюнча, искусство илимден бир канча кадам алдыда жүрөт. Жашоосун искусствого арнаган адамдар илимге таандык болгон чоң ачылыштарды жаратышкан. Жаңы ачылыштар, көркөм өнөр, татаал музыка адамдын мээсиндеги нейрондук функцияларды ишке ашырат. Адам баласы акыл-эстүүлүктөн дагы физиологиялык жактан кубат алат. Илимден искусствонун дагы бир айырмасы, искусство эбегейсиз күчкө ээ. Ал күч адамзатты жок болуп кетүүдөн сактайт [3].

Искусствону түшүнүү – бул татаал процесс экенин эске алуу керек, себеби көрүнүшү абдан жөнөкөй болгону менен, аны жаратуу жана ал жолдо жүрүү оңой эмес. Искусствону кабыл алуу адамды "катарсиске" чыгууга багыттайт. Адамдын аң-сезимин жандыруу менен ар кандай таасирдүү күчкө ээ.

Бүгүнкү күндө искусство адамга эмне үчүн керек деген суроого так жооп берүү кыйын. Айрымдар искусство адамдын жашоосун кооздоо үчүн керек деп ойлошот жана ошол кооздукту жашоонун түбөлүктүү мыйзамы катары табууга умтулушат. Чындыгында, "кооздук" адамды дайым толкундантат. Мисалы, бул түшүнүктү сактоого жаратылыштан, жакындарынан, айлана-чөйрөсүндөгү болуп жаткан окуялардан пайдаланат. Искусство тарыхында мындай учурлар аябай көп кездешет. Башкалар искусство адамды тарбиялашы керек деп эсептешет. Алар көркөм чыгармалардан "жакшылык", "пайда", "адилеттүүлүк" издешет. Ошондой эле, искусство – бул дүйнөнү таанып-билүү жолу деп аныктасак болот жана анын максаты – чындыктын жаңылыгын ачуу менен калыптандыруу, себеби искусство ар кандай кызыкчылыктарды канааттандыруу жөндөмдүүлүгүнө ээ.

Список использованной литературы

1. Быстрова Т. Ю. Культурология : учебник / Т. Ю. Быстрова [и др.] ; под общ. ред. канд. ист. наук, доц. О. И. Ган. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 192 с.
2.Данилова, А. В. Искусство как объект научного исследования : учеб. пособие / А. В. Данилова, Е. В. Маруфенко ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. - Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 155 с.
1. «Если вы не обременяете мозг, тогда и не на что обижаться». Черниговская о роли искусства, и при чем тут спасение человечества.
2. Зачем человеку искусство.
3. Цифровое искусство. Технология NFT | Олег Сороко |EDxStPetersburg.

Рецензент: “Мамдекеттик башкаруу”илимдеринин доктору.,проф Иманбердиев Д.Ч.

УДК

Ахметова С.М. Эркебуланова Н.Ш.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Ахметова С.М. Эркебуланова Н.Ш.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Ahmetova S.M.Erkebulanova N.Sh.
KNU J.Balasagyn

КОЖА АХМЕД ЯСАВИНИН МУРАСЫ ЖАНА УЙРЕК АПАНЫН ОБРАЗЫ: РУХАНИЙ-АДЕП-АХЛАКТЫК ИДЕАЛДЫН ТИПОЛОГИЯЛЫК ОКШОШТУГУ

НАСЛЕДИЕ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ И ОБРАЗ УЙРЕК АПА: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА

THE HERITAGE OF KHOJA AHMED YASAWI AND THE IMAGE OF ÜYREK APA: TYPOLOGICAL SIMILARITY OF THE SPIRITUAL AND MORAL IDEAL

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кожа Ахмед Ясавинин мурасында жана Уйрек апанын [өрдөктүн энеси]-тынышты Токарастан Айзанын Ыйык келишимдеринде чагылдырылган руханий—адеп-ахлактык идеалдын казак этномаданий түшүнүктөрүнүн контекстиндеги типологиялык окшоштуктары каралат. Ата мекендик жана чет өлкөлүк авторлордун изилдөөлөрүнүн негизинде келип чыгышы жана таралышы Евразиянын байыркы маданий салттары менен байланышкан сүңгүү куш мифинин варианттарынын генетикалык жалпылыгынын типологиялык жана бир катар илимий концепцияларында маселеси каралат. Салттуу казак коомуна да, Ясавинин руханий-адеп-ахлактык салтына да мүнөздүү болгон баалуулуктар багытынын жалпылыгына: адеп-ахлактык тазалыкка, кайрымдуулукка жана боорукердикке, адамдарга кызмат кылууга, талаш-тартыштарды чечүүдө адилеттүүлүккө, ошондой эле социалдык статуска эмес, жеке адеп-ахлактык сапаттарга негизделген руханий кадыр-баркка өзгөчө көңүл бурулат. Автор Казак аял Уйрек апа — Тыныстаныш Токарыстан Сексызынын образында чагылдырылган бул мүнөздөмөлөрдү Хожи Ахмед Ясавинин хикметтеринде айтылган адеп-ахлактык идеалдар менен салыштырууга болорун көрсөтөт. Муну менен изилдөө суфий окуусунун Урек апанын образын түзүүгө түздөн-түз таасирин тийгизбейт. Окшоштук салыштырма-типологиялык мамиленин алкагында ар кандай тарыхый-маданий контексттерде калыптанган жакын баалуулук моделдеринин көрүнүшү катары каралат. Мындай мамиле салттуу маданиятта инсандын руханий-адеп-ахлактык беделин калыптандыруунун жалпы механизмдерин аныктоого мүмкүндүк берет. Бул жагынан алганда, Уйрек апанын образы жаратман куштун архаикалык мотивинен адамдын макулдугу мейкиндигин жаратуучу жана сактоочу аялдын этикалык-социалдык моделине өтүү катары каралат.

Аннотация: В статье рассматривается типологическое сходство духовно-нравственного идеала, отражённого в наследии Ходжи Ахмеда Ясави и сакральных заветах Уйрек апа [Мать Утка]—Тыныштық Токарыстанқызы, в контексте казахских этнокультурных представлений. На основе исследований отечественных и зарубежных авторов рассматривается проблема типологической и, в ряде научных концепций, генетической общности вариантов мифа о ныряющей птице, происхождение и распространение которого связываются с древними культурными традициями Евразии. Особое внимание уделяется общности ценностных ориентиров, характерных как для традиционного казахского общества, так и для духовно-нравственной традиции Ясави: нравственной чистоте, милосердию и состраданию, служению людям, справедливости в разрешении споров, а также духовному авторитету, основанному не на социальном статусе, а на личных нравственных качествах. Автор показывает, что эти характеристики, воплощённые в образе казахской женщины Уйрек апа — Тыныштық Токарыстанқызы, могут быть сопоставлены с нравственными идеалами, выраженными в хикметах Ходжи Ахмеда Ясави. При этом исследование не предполагает прямого влияния суфийского учения на формирование образа Уйрек апа. Сходство рассматривается в рамках сравнительно-типологического подхода как проявление близких ценностных моделей, сформировавшихся в различных историко-культурных контекстах. Такой подход позволяет выявить общие механизмы формирования духовно-нравственного авторитета личности в традиционной культуре. В этом отношении образ Уйрек апа рассматривается как переход от архаического мотива птицы-созидательницы к этико-социальной модели женщины-хранительницы, созидающей и сохраняющей пространство человеческого согласия.

Abstract: The article examines the typological similarity of the spiritual and moral ideal reflected in the legacy of Khoja Ahmed Yasawi and the sacred precepts of Uirek apa [Mother Duck]- Tynyshtyk

Tokarystankyz, in the context of Kazakh ethnocultural concepts. Based on the research of domestic and foreign authors, the problem of typological and, in a number of scientific concepts, the genetic community of variants of the myth of the diving bird, the origin and spread of which are associated with the ancient cultural traditions of Eurasia, is considered. Special attention is paid to the commonality of values characteristic of both traditional Kazakh society and the spiritual and moral tradition of Yasawi: moral purity, mercy and compassion, service to people, justice in dispute resolution, as well as spiritual authority based not on social status, but on personal moral qualities. The author shows that these characteristics, embodied in the image of the Kazakh woman Uirek Apatynyshtyk Tokarystankyzy, can be compared with the moral ideals expressed in the hikmet of Khoja Ahmed Yasawi. At the same time, the study does not imply the direct influence of Sufi teachings on the formation of the image of Uirek Apa. Similarity is considered within the framework of a comparative typological approach as a manifestation of similar value models formed in various historical and cultural contexts. This approach makes it possible to identify the general mechanisms of the formation of the spiritual and moral authority of a person in traditional culture. In this regard, the image of the Uirek apa is considered as a transition from the archaic motif of the creative bird to the ethical and social model of the guardian woman, who creates and preserves the space of human consent.

Негизги сөздөр: Хожа Ахмед Ясави, Уйрек апа, Тыныстык Токарыстаныкыя, суучул куш жөнүндөгү миф, Лувр, суу кушу, казактын салттуу коому, руханий-адеп-ахлактык идеалы, хикметтер, руханий авторитет, салыштырма-типологиялык анализ, этномаданий салт.

Ключевые слова: Ходжа Ахмед Ясави, Уйрек апа, Тыныштық Токарыстанқызы, миф о ныряющей птице, Лувр, водоплавающая птица, казахское традиционное общество, духовно-нравственный идеал, хикметы,

Keywords: Khoja Ahmed Yasawi, Uirek apa, Tynyshtyk Tokarystankyz, the myth of the diving bird, Louvre, waterfowl, Kazakh traditional society, spiritual and moral ideal, hikmet, spiritual authority, comparative and typological analysis, ethnocultural tradition.духовный авторитет, сравнительно-типологический анализ, этнокультурная традиция.

Введение. В истории казахского народа сохранилось немало имен женщин, чья мудрость, общественный авторитет и нравственное влияние нашли отражение в устной исторической памяти. Народные предания, шежире [родословная] и семейные воспоминания свидетельствуют о том, что отдельные женщины выступали посредницами в разрешении конфликтов, хранительницами традиционных ценностей и советницами влиятельных представителей родовой знати. Одной из таких исторических личностей является Токарыстанқызы Тыныштық, более известная в народной традиции как Уйрек апа [Мать-Утка], жившая, по данным устной традиции, во второй половине XVIII — первой половине XIX века.

Генеалогические сведения о происхождении Уйрек апа сохранились преимущественно в устной родовой памяти, а также в записях историка-краеведа К. Егизбайұлы и творчестве поэта К. Алтынбаева. Согласно воспоминаниям её потомка Ертая Батхолдина, настоящее имя Уйрек апа — Тыныштық, тогда как имя «Үйрек» («Утка») представляет собой народное прозвище, закрепившееся за ней позднее. По происхождению она принадлежала к роду Каратай — одному из крупных подразделений ветви Ергенекти-Кокжарлы племени Найман Среднего жуза. Исторически представители рода Каратай расселялись преимущественно на территории Восточного Казахстана — в районах современного Катон-Карагая, Курчума, Маркаколя и Тарбагатая. Эти территории длительное время являлись пространством их кочевий, а позднее — местами постоянного проживания.

Предположительно, Тыныштык Токарыстанкызы родилась на территории современного Катон-Карагайского района. Данное предположение основывается на устной родословной традиции, согласно которой её отцом был Токарыстан, которого в отдельных вариантах шежире называют одним из известных представителей рода Каратай. В некоторых вариантах родословных преданий

непосредственно указывается, что его дочерью была Уйрек апа. Вместе с тем, поскольку эти сведения преимущественно имеют устный характер, их следует рассматривать как часть историко-родовой памяти и соотносить с другими доступными источниками.

Следует учитывать, что в казахской родословной и устной исторической традиции имена женщин фиксировались значительно реже, чем имена мужчин. В связи с этим сохранение имени Уйрек апа в коллективной памяти потомков на протяжении нескольких поколений представляет особый интерес. Оно может рассматриваться как косвенное свидетельство значимости этой женщины в семейной и родовой памяти, а устойчивость преданий о её личности — как показатель её особого нравственного и общественного авторитета в традиционной среде.

Методы исследования. Методом исследования являются духовно-нравственные представления, отражённые в наследии Ходжи Ахмеда Ясави, и их типологическое сопоставление с образом Уйрек апа в казахской этнокультурной традиции.

Историческая личность Токарыстанқызы Тыныштық, получившая в народной традиции имя Уйрек [Үйрек] апа, в коллективном сознании оказалась связана с более древним мифологическим архетипом, в котором образ водоплавающей птицы символизировал материнское покровительство, духовную защиту, благодать (*құт*), священную силу (*кие*) и жизнетворящее начало. Именно соединение исторической памяти и мифологической символики делает предание об Уйрек [Үйрек] апа ценным источником для изучения традиционного мировоззрения, духовной культуры и мифопоэтического наследия казахского народа.

Согласно народному преданию, её известный поступок — отказ покинуть зимовку ради того, чтобы не потревожить дикую утку, высиживавшую яйца, и дождаться появления утят — воспринимается не просто как бытовой эпизод, а как проявление милосердия, бережного отношения к живому и уважения к природному миру. В традиционном мировоззрении подобное поведение может интерпретироваться как выражение нравственного принципа гармоничного сосуществования человека и природы. Именно этот сюжет, сохранившийся в народной памяти, способствовал формированию особого образа – Уйрек апа (Тыныштық Токарыстанқызы) — не только как уважаемой женщины своего рода, но и как нравственного авторитета, воплощающего идеалы сострадания, ответственности и заботы о жизни [1].

Образ утки в тюркской и казахской мифопоэтической традиции связан с более широким комплексом представлений о птице как посреднике между различными сферами мироздания. Способность птиц перемещаться между водой, землёй и небом обусловливала их символическое восприятие как существ, связанных с переходом между различными пространствами бытия. В этом контексте образы водоплавающих птиц могли наделяться символическими значениями, связанными с жизненной силой, продолжением рода, обновлением и сохранением природного порядка.

Ряд исследователей как Г.Е.Шкалина, В.В. Напольских обосновывает положение *о **типологической и генетической общности вариантов мифа о ныряющей птице,*** связывая его происхождение и распространение прежде всего с древними культурными традициями Евразии, в том числе с урало-алтайским и азиатским ареалами.

В своей монографии «Священный мир марийский» Г. Е. Шкалина обращает внимание на то, что миф о ныряющей птице (МНП) занимает основополагающее место в мифологии многих народов мира, и не только Евразии. В качестве персонажей этого мифа чаще всего выступают водоплавающие птицы — утки, селезни, гуси и гагары. В мифологическом сюжете водоплавающая птица, выступающая в роли ***творца и демиурга,*** ныряет на дно первичного океана и добывает оттуда частицу земли, из которой впоследствии возникает суша [2].

По мнению исследователя, особое внимание в изучении данного мифологического комплекса привлекают три взаимосвязанные темы: акт ныряния птицы; добывание из глубины мирового океана не всей земной тверди, а лишь небольшой частицы, из которой впоследствии формируется суша; и сама водоплавающая птица как мифологический субъект космогонического действия. Данный сюжет получил широкое освещение в зарубежной и отечественной научной литературе.

В фундаментальной монографии «Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)» известного российского этнолога и лингвиста-финноугроведа В. В. Напольских ключевое внимание уделено общеуральскому мифу о птице (обычно утке), которая ныряет на дно первичного океана, чтобы достать комок земли, из которого затем разрастается суша [3].

С.В.Жарникова пишет, «...что образы водоплавающих птиц в русской народной традиции исключительную роль. Зачастую именно утица, лебедь или гусь маркируют собой сферу сакрального в обрядовых песнях календарного цикла.

Так, «уточка полевая» или «утка луговая» – характерные персонажи песен масленицы – праздника, связанного с культом предков и заклинанием плодородия грядущего земледельческого года. В одной из масленичных песен масленицу называют «белой уткой» ...» [4, 13].

Б. Б. Бадмаев отмечает, что в бурятской лексике существует родовое обозначение утки — *нугаһан*. Косвенным указанием на женскую природу этой птицы, по мнению исследователя, можно считать также традицию давать девочке при рождении имя Нугаһан. В бурятской мифологии утка связывалась с двумя сферами обитания — небом и водой, в связи с чем ей приписывалась соответствующая символика — небесная и водная. Образ этой водоплавающей птицы занимал важное место в мифологических представлениях бурят и был включён в их *космогонические воззрения* [5, 77-78]

В этом контексте особый интерес представляет образ утки ***Лувр*** в повести Ч. Т. Айтматова «Пегий пёс, бегущий краем моря». Хотя данный образ непосредственно связан с мифологической традицией народов Дальнего Востока, его семантика обнаруживает типологическое сходство с широко распространённым евразийским мотивом водоплавающей птицы как созидательного начала. В начале легенды перед читателем — первозданный мир, где существует только вода: ещё нет земли, нет берега, нет места для гнезда. Лувр летает над бескрайней водой и ищет место, куда можно снести яйцо. Ключевой момент — ***самопожертвование птицы:*** не найдя материала для гнезда, она выдёргивает перья из собственной груди и из них устраивает гнездо. Именно с этого плавучего гнезда, согласно преданию в произведении, начинает образовываться земля. Лувр оказывается связана с первозданной водной стихией, гнездом, яйцом и возникновением земного пространства. Тем самым образ птицы приобретает космогоническую функцию: материнское начало оказывается непосредственно связано с созданием пространства жизни [6].

Сопоставление этого образа с казахским преданием об Уйрек апа — Тыныштық позволяет выйти на более широкий уровень сравнительно-типологического анализа. В казахской традиции утка также становится символическим центром повествования, однако её функция трансформируется как архетип водоплавающей птицы: от космогонического мифа к этическому идеалу. Образы утки Лувр в художественно-мифологическом мире Ч. Айтматова и Уйрек апа в казахской устной традиции принадлежат к различным культурным и повествовательным системам, однако обнаруживают типологическую близость в семантике материнского начала, гнезда, заботы о потомстве и созидания пространства жизни. Если Лувр выступает как космогоническая созидательница, создающая из собственного жертвенного начала первое пространство земли, то Уйрек апа воплощает этическое и социальное созидание — сохранение семьи, рода, согласия и нравственного порядка.

Таким образом, образ водоплавающей птицы в космогонической мифологии может рассматриваться как один из архаических образов ***созидательного начала,*** связанного с переходом от первозданной водной стихии к упорядоченному пространству земли и жизни.

С этой точки зрения образ утки в предании об Уйрек апа может рассматриваться не только как элемент конкретного повествовательного сюжета, но и как проявление более древнего символического пласта, отражающего особое отношение человека к живой природе. Само имя Уйрек апа («Мать-Утка») в данном контексте приобретает значение культурного символа, в котором соединяются память о конкретном поступке женщины, её нравственный облик и последующая идеализация в коллективной памяти.

Таким образом, образ Уйрек апа может быть интерпретирован как своеобразный культурный код, в котором воплощаются традиционные представления о нравственной чистоте, милосердии, мудрости и ответственности человека перед живым миром. При этом образ утки выступает не просто как сюжетный мотив, а как символ, посредством которого конкретный человеческий поступок получает более широкое этическое и культурное значение.

Методология. Методологической основой исследования является сравнительно-типологический подход, позволяющий сопоставить духовно-нравственные модели, представленные в хикметах Ходжи Ахмеда Ясави и в устной традиции, связанной с образом Уйрек апа, без предположения о прямой генетической связи между ними.

Центральное место в духовно-нравственном наследии Ходжи Ахмеда Ясави занимает идея внутреннего совершенствования человека, достигаемого через искреннее служение Всевышнему, нравственное самовоспитание и заботу о других. В «Диван-и Хикмет» неоднократно подчёркивается, что истинная духовность не исчерпывается внешним соблюдением религиозных предписаний, но проявляется в милосердии, смирении, сострадании, честности, преодолении гордыни и внимательном отношении к нуждающимся [7]. Любовь к Богу в этой системе ценностей сопряжена с нравственной ответственностью человека перед другими людьми, а духовное совершенствование предполагает преодоление эгоизма и стремление приносить пользу окружающим.

Особое значение в суфийской этике имеет бережное отношение к внутреннему миру другого человека. В суфийской литературе неоднократно встречается мысль о необходимости не причинять боли человеческому сердцу. Джавад Нурбахш, характеризуя этические принципы суфийского пути, приводит наставление: «Если ты не в состоянии радовать сердца, так по крайней мере остерегайся причинять им боль». [8]. Данное положение созвучно нравственной установке, согласно которой духовность проявляется не только в отношении человека к Богу, но и в его способности бережно относиться к внутреннему миру другого.

В суфийской традиции особое место занимает понятие *ар-Рахма* — милость, милосердие, сострадание. Оно связано с исламским представлением о Божественной милости и находит отражение в нравственном идеале человека, проявляющего сострадание, заботу, терпение и готовность помогать другим. В культурно-символическом плане подобные качества могут связываться с образом матери как носительницы заботы, защиты и духовного наставничества. Именно поэтому в настоящем исследовании образ Уйрек апа рассматривается не как результат непосредственного воздействия суфийского учения, а в рамках ***сравнительно-типологического сопоставления***. Народная традиция представляет Уйрек апа как женщину, обладающую нравственным авторитетом, способную примирять конфликтующие стороны, проявлять милосердие и заботу о живом мире. В свою очередь, в духовно-нравственном наследии Ясави высоко оцениваются милосердие, сострадание, смирение, любовь к человеку и ответственность за нравственные последствия собственных поступков.

Таким образом, сопоставление этих двух образов позволяет выявить сходство ***ценностных моделей*** как два самостоятельных культурных материала, обнаруживающих сходную нравственную установку.

Согласно устному преданию, Самембет и его супруга умерли в один год, оставив после себя девять сыновей. Чтобы сохранить семью и обеспечить воспитание осиротевших детей, родственники приняли решение выдать четырнадцатилетнюю Тыныштык замуж за старшего из братьев — Жанкиси Самембетулы, происходившего из рода Мурын, входящего в состав ветви Кыдыр племени Найман.

На долю юной Тыныштық выпала непростая ответственность: стать для своего супруга Жанкиси верной женой, заменить мать его младшим братьям, быть для них заботливой келин и хранительницей большого семейного очага. Несмотря на юный возраст, она сумела найти подход к каждому из восьми деверей, учитывать особенности их характера и своим отношением поддерживать в них взаимное уважение, доброжелательность и чувство семейного единства.

Особенно показательным в народной памяти сохранился её способ поддерживать согласие за общим дастарханом. Усаживая деверей за стол, она с доброй улыбкой говорила: *«Көжем көп, қоюы көп, таласпай ішіңдер, бәріңе жетеді, талассаңдар берекең кетеді»* [9]. В литературном переводе: *«Похлёбки у нас много, она густая. Ешьте дружно, не спорьте — всем хватит. А станете ссориться — уйдёт благодать».*

В этой короткой бытовой формуле выражен важный для традиционной культуры нравственный принцип: ***береке*** — благополучие, достаток и согласие — непосредственно связывается с отсутствием раздора и взаимных претензий. Таким образом, забота Тыныштык о семейном очаге проявлялась не только в повседневном уходе за домочадцами, но и в стремлении поддерживать между ними согласие.

Постепенно, начиная с семейного дастархана, Тыныштык удалось сплотить вокруг себя большую семью Самембет. Благодаря уму, доброму нраву, выдержке и рассудительности она приобрела уважение не только среди родственников, но, согласно устной традиции, и за пределами аула. Впоследствии эти качества стали важной частью её образа в коллективной памяти.

Именно в этом контексте особый интерес представляет сопоставление данного предания с нравственными установками, выраженными в хикметах Ходжи Ахмеда Ясави. В 36-м хикмете «О сиротах и гарипах» особое место занимает призыв к милосердному и бережному отношению к сиротам, гарипам и людям, оказавшимся в положении жизненной уязвимости.

В хикмете рассказывается о сироте, обратившемся к Пророку со своей нуждой. Отвечая ему с состраданием, Пророк напоминает о собственном сиротстве и обращается к людям с призывом бережно относиться к сиротам и гарипам:

«Я и *сам сирота, я вырос в сиротстве и странничестве.*
Кто является сиротой — знайте,
тот близок к моей общине.
Увидев сироту, не причиняйте ему боли;
увидев гариба, не раните его сердце.
Сироты в этом мире часто оказываются беззащитными,
а участь гариба тяжела» [10, 36-й хикмет].

Таким образом, в данном хикмете сиротство представлено не только как социальное положение, требующее помощи и защиты, но и как состояние особой человеческой уязвимости, предполагающее сострадание, бережное отношение и нравственную ответственность окружающих.

Сопоставление данного хикмета с преданием о Тыныштык не предполагает прямой связи между двумя сюжетами. На типологическом уровне, однако, обнаруживается сходная нравственная установка: забота о человеке, оказавшемся в уязвимом положении, рассматривается как важное проявление нравственной ответственности. У Ясави эта установка выражена в призыве защищать сироту и не причинять боли гарибу; в предании о Тыныштык она воплощена в конкретном жизненном поведении молодой женщины, которая приняла на себя заботу о восьми младших братьях своего мужа и стремилась сохранить между ними взаимное уважение и согласие. При этом принципиально важно учитывать различие в характере и статусе рассматриваемых источников: хикметы являются поэтическим выражением духовно-нравственной традиции, связанной с именем Ходжи Ахмеда Ясави, тогда как сведения об Уйрек апа сохранились преимущественно в устной родовой памяти, семейных преданиях и шежире. Поэтому их сопоставление не ставит целью доказать прямое историческое влияние ясавийской традиции на формирование образа Уйрек апа. Напротив, оно позволяет выявить типологически сходные нравственные модели, в которых забота о человеке, находящемся в уязвимом положении, милосердие, стремление к сохранению согласия и ответственность за другого выступают важными признаками нравственной зрелости и духовного авторитета. В этом отношении история Тыныштык может рассматриваться как конкретное воплощение тех нравственных ценностей, которые в хикметах Ясави получают религиозно-

философское осмысление. Однако сходство следует понимать именно как созвучие ценностных установок, а не как свидетельство их общего происхождения или прямой преемственности.

В «Диуани хикмет» Ходжа Ахмед Ясауи постоянно возвращается к необходимости проверять человека по его делам, а не по внешним словам и заявлениям. Для Ясауи духовное совершенствование связано с тем, чтобы: очищать сердце; контролировать нафс; избегать зла; совершать добрые дела; быть справедливым; помогать нуждающимся; не причинять вреда другому человеку; отвечать за свои поступки перед Всевышним. Поэтому можно говорить о общем этическом принципе: истинная ценность человека проявляется в его поступках.

В кораническом аяте 36:65 и духовно-нравственном наследии Ходжи Ахмеда Ясауи обнаруживается типологически сходное понимание нравственной ответственности человека, согласно которому истинная оценка личности определяется не внешними словами, а её поступками. Коранический образ рук и ног, свидетельствующих о совершённых человеком деяниях, акцентирует неотвратимость ответственности за земную жизнь. В «Диуани хикмет» аналогичная этическая установка раскрывается через призыв к самоконтролю, очищению сердца, преодолению нафса и совершению добрых дел. Таким образом, в обоих источниках нравственное совершенство предстает как единство внутреннего состояния человека и его практических действий.

Особого внимания заслуживает народное имя Уйрек апа. Если в древнетюркской мифологии водоплавающая птица символизировала происхождение жизни, защиту потомства и гармонию мироздания, то в условиях исламской культуры этот образ утрачивает космогоническое значение и приобретает нравственно-символическое содержание. Забота, милосердие, покровительство и ответственность за других становятся главными характеристиками духовной матери, а сам образ птицы превращается в культурный символ этих качеств. Следовательно, связь образа Уйрек апа с ясавийской традицией следует понимать не как свидетельство ее принадлежности к определенному суфийскому братству, а как проявление общих духовно-нравственных идеалов, сформировавшихся под влиянием исламской этики. В этом заключается важный процесс культурной трансформации: древний архетип Матери-птицы не исчезает после исламизации Великой степи, а переосмысливается через ценности милосердия, справедливости, общественного служения и духовного наставничества, получившие широкое распространение благодаря ясавийской школе.

Заключение. Токарыстанқызы Тыныштық, известная в народной памяти как Уйрек апа, представляет собой яркий пример своеобразного синтеза архаических представлений древнетюркской культуры и исламской духовно-нравственной традиции. Рассмотрение её образа в сопоставлении с архаическими представлениями о женском созидательном начале и духовно-нравственным учением Ходжи Ахмеда Ясауи позволяет выделить двухуревную типологическую модель.

Первый уровень — архетипический. В архаическом мировосприятии образ женского начала связан с рождением, сохранением и продолжением жизни. В мифологических традициях водоплавающая птица нередко выступает как созидательное начало, связанное с возникновением и упорядочением пространства. В этом контексте движение образа можно определить как переход от космогонического созидания к этическому созиданию.

Второй уровень — ясауийский. В духовно-нравственном учении Ходжи Ахмеда Ясауи особое значение приобретают очищение сердца, преодоление эгоистических и нравственных пороков, смирение, милосердие и совершение добрых дел. Духовное совершенствование человека, таким образом, проявляется не только во внутреннем состоянии, но и в его отношении к окружающим.

В образе Уйрек апа эти уровни соединяются в единую этико-культурную модель. Её нравственный авторитет проявляется не в формальном статусе, а в конкретных поступках — служении людям, милосердии, справедливости, заботе о слабых, способности к примирению и сохранению общественного согласия. Поэтому Уйрек апа может рассматриваться как образ этической созидательницы: если в архаическом мифологическом сознании женское начало участвует

в создании пространства жизни, то в народной памяти Уйрек апа создаёт и сохраняет уже нравственное пространство человеческого сообщества.

В образе Уйрек апа органично соединяются архаический архетип Матери-покровительницы и духовно-нравственный идеал женщины, обладающей мудростью, милосердием и общественным авторитетом. При этом выявленные параллели с наследием Ясауи целесообразно рассматривать именно как типологическое сходство духовно-нравственных идеалов, а не как свидетельство прямого исторического влияния.

Символическое имя Уйрек апа («Мать-Утка») также выходит за рамки обычного прозвища. В нем соединяются два смысловых пласта. Первый восходит к евразийской символике водоплавающей птицы как хранительницы жизни, защитницы потомства и посредницы между природным и человеческим миром. Поэтому, образ Уйрек апа представляет собой своеобразный этнокультурный архетип духовной матери, сформировавшийся на пересечении нескольких культурных пластов. Лувр и Уйрек апа представляют различные культурные воплощения единого архетипического мотива водоплавающей птицы как носителя материнского, созидательного и охранительного начала.

Архаическая символика Матери-птицы, исламская нравственная философия, особенно идеи служения, милосердия и общественного согласия, характерные для ясавийской традиции, а также историческая память казахского народа образуют единую смысловую систему. В этой системе Уйрек апа выступает не только как историческая женщина, но и как символ нравственного лидерства, духовного материнства и хранительницы общественной гармонии. В результате народная память создает целостный образ духовной матери, объединяющей архаическую символику и исламские нравственные ценности. Таким образом, образ Уйрек апа отражает многослойность казахской духовной культуры, в которой древние мифопоэтические представления, исламские нравственные ценности и традиционные нормы общественного поведения не существуют изолированно, а взаимодействуют и переосмысливаются в исторической памяти народа. Именно эта культурно-духовная преемственность позволяет рассматривать Уйрек апа- Токарыстанқызы Тыныштық как одну из значимых фигур казахской исторической памяти, воплощающую идеалы материнского покровительства, справедливости, милосердия, ответственности и служения обществу.

Список использованной литературы

1 Егізбай Қ. Әрі дана, әрі киелі әулие Үйрек ана.

2 Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. — Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство». — 2019. — 303 с.: ил.

3 Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы СССР». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. — 189 с.

4 Жарникова С. В. Образы водоплавающих птиц в русской народной традиции (истоки и генезис) // Культура Русского Севера: межвузовский сборник научных трудов. — Вологда: ВГПИ, 1994. — С. 108–119.

5 Бадмаев А. А. Утка в мифологических воззрениях бурят // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2023. — Вып. 4 (42). — С. 76–83. DOI: 10.23951/2307–6119-2023-4-76-83.

6 Айтматов Ч. Т. Пегий пёс, бегущий краем моря; Ранние журавли: повести. — М.: Советский писатель, 1977. — 214 с.

7 Ясауи Қ. А. Диуани хикмет. — Алматы: Арыс, 2001. — 272 с.

8 Нурбахш Джавад. «Путь. Духовная практика суфизма» https://www.litres.ru/book/dzhavad-nurbahsh/put-duhovnaya-praktika-sufizma-42350030/chitat-onlayn/

9 Асылбеков М. Тарихқа толы Тарбағатай [Мәтін]; [құраст. Е. Қ. Оралбай; ғыл. ред. М. Қ. Кәрімов; - Алматы: Мерей, 2017. – 500 дана. – 978-601-7478-45-2 (мұқ.) Библиогр. мақала соңында 2-бөлім. – 301, [2] б.

10 Ясауи Қ. А. Диуани хикмет. — Астана: Фолиант, 2007. — 480 с.

Рецензент: д.ф.н., профессор Абдуллаев С.Н.

УДК 316.74:28(575.2)

Осмонова Д.А., Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад
Осмонова Д.А., Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад
Osmonova D.A., Maevskaya L.B., Aga Haysam **Muhammad**

КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ИСЛАМДЫН ӨНҮГҮҮСҮНҮН ЖАНА ЖАЙЫЛЫШЫНЫН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ
FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND SPREAD OF ISLAM IN CONTEMPORARY KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө: Ислам — Кыргыз Республикасынын калкынын арасында эң кеңири таралган диндердин бири. Көпчүлүк мусулмандар — сунниттер, алар ханафи диний-укук мектебин (мазхаб) карманышат. Постсоветтик мейкиндиктеги башка республикалардагыдай эле, Исламдын өнүгүүсү өзгөчөлүктөргө ээ [1, б. 53]. Кыргыз Республикасында Исламдын замандын талабына ылайык өнүгүүсү коомчулуктун көз карандысыздык алган шартында социалдык-саясий моделди тандоо менен тыгыз байланыштуу. Изилдөөчүлөр белгилешкендей, бүгүнкү күндө диний саясат ар кандай стратегиялык жана идеологиялык максаттарда колдонулууда [2, б. 631]. Ошол эле учурда, кыргыз элинин тарыхын жана салттарын эске алуу өтө маанилүү, анткени алар кылымдар бою Исламга, айрыкча суфизмге негизделген. Диний чөйрөдө тең салмактуу мамлекеттик саясат жүргүзүү мамлекет ичинде толеранттуу мамилелерди орнотууга жана республикада туруктуу өнүгүүгө өбөлгө түзөт.

Аннотация. Ислам относится к наиболее распространённой религии среди населения Кыргызской Республики. Преобладающая часть — сунниты, которые следуют ханафитской религиозно-правовой школе (мазхабу). Как и в других республиках постсоветского пространства, развитие ислама имеет свои особенности [1, с.53]. В условиях Кыргызской Республики процесс современного развития ислама тесно связан с выбором общественно-политической модели дальнейшего развития социума, обретшего независимость. Исследователи отмечают, что, ныне, религиозная политика используется в различных стратегических и идеологических целях.[2, с.631]. В тоже время очень важно учитывать историю и традиции кыргызского народа, которые уже не один век базируются на исламе и особенно на суфизме. Проведение сбалансированной государственной политики в области религии должно способствовать выстраиванию толерантных отношений внутри государства и стабильному развитию республики.

Abstract Islam is one of the most widespread religions among the population of the Kyrgyz Republic. The predominant majority are Sunnis who follow the Hanafi school of Islamic jurisprudence (madhhab). As in other republics of the post-Soviet space, the development of Islam has its own specific features [1, p. 53]. In the conditions of the Kyrgyz Republic, the process of the contemporary development of Islam is closely connected with the choice of a socio-political model for the further development of a society that has gained independence. Researchers note that today religious policy is used for various strategic and ideological purposes [2, p. 631]. At the same time, it is very important to take into account the history and traditions of

the Kyrgyz people, which for many centuries have been based on Islam, and especially on Sufism. The implementation of a balanced state policy in the sphere of religion should contribute to the establishment of tolerant relations within the state and to the stable development of the republic.
Негизги сөздөр: Ислам, Кыргызстан, Кыргызстандагы ислам, суфизм, ваххабизм, ханафи мазхаб, матуридизм
Ключевые слова: ислам, Кыргызстан, ислам в Кыргызстане, суфизм, ваххабизм, ханафитский мазхаб, матуридизм
Keywords: Islam, Kyrgyzstan, Islam in Kyrgyzstan, Sufism, Wahhabism, Hanafi madhhab, Maturidism

Выделяют следующие этапы распространения и развития ислама в Кыргызстане: 1) с IX по XIV века; 2) с XV века по вторую половину XVIII века; 3) с конца XVIII века по начало XX века; 4) с 1918 по 1991 год (советский период, период атеизма); 5) с 31 августа 1991 года (дата Дня независимости и распада советской эпохи) по 2000 год; 6) с 2000 года по настоящее время (возрождение ислама и других религиозных течений) [3, с.631].

Среди особенностей распространения ислама среди кыргызов можно, отметить, что в VII-VIII в. до принятия ислама они были язычниками (тенгрианцами). Религиозным культом этого периода был культ «Умай эне» (что означает «мать-покровительница»), также кыргызские племена поклонялись животным, чьи названия они носили [3, с.631]. Кыргызы с особым почтением относились и к природным объектам, таким как целебные источники, святые места, могилы и мазары. В верованиях народа существовали и элементы зороастризма, которые сохранились в культе огня. Например, существует традиция сжигать можжевельник, что является обычной практикой в домах и на праздниках. Во время празднования Нооруз старшая женщина из общины ходит среди людей с дымящейся сковородой с ветками можжевельника, произнося благословения и молитвы на Новый год. В шаманизме огонь считается очищающим элементом, а можжевельник — обладающим духовными свойствами. В тоже время, данный обряд иногда рассматривается как продолжение огнепоклонства, что запрещено в исламе. Кыргызы были знакомы и с буддизмом, точнее с его модифицированной формой — ламаизмом. Благодаря Великому Шелковому пути, кыргызам был знаком ислам.

Они вели кочевой образ жизни, и это явилось одной из причин поверхностного усвоения ими ислама в ранний исторический период. При этом следует отменить, что на территорию современного Кыргызстана ислам стал проникать с VIII в. вследствие завоевательных походов арабского военачальника Кутейбы ибн Муслима в 712 г. [3, с.38].В Караханидском государстве с центром в Баласагуне, в 960 г. ислам стал государственной религией. Целесообразность перехода в исламскую веру была продиктована также стремлением Караханидских правителей использовать монотеистическую идеологию ислама для укрепления централизованной государственной власти и объединения различных племен и этнических групп населения вокруг верховного правителя - Кагана [4, с.126].

В начале XII века ослабевшее Караханидское государство стало военной добычей кара-китаев (киданей), которые покровительствовали всем религиям, которые существовали в стране.

В тоже время существуют сведения, что в первой половине XII века, когда государство Караханидов подчинилось империи Каракитаев (1137-1211гг.), правители которой, очевидно, первоначально исповедовали манихейскую религию, а позже перешли в буддизм, началось притеснение мусульман со стороны завоевателей [4, с.29]. Гонения на мусульман начались несколько позже, когда в начале XIII века власть в Семиречье на короткое время перешла в руки предводителя монгольского племени Найман Кучлука, который был христианином (1211-1218гг.). Ввиду непокорности мусульман Кучлук принял решительные меры против ислама и потребовал от мусульман, чтобы они приняли или христианство, или буддизм, или, по крайней мере, внешним образом отказались от своей веры и носили китайскую одежду. Публичное мусульманское богослужение и преподавание ислама были запрещены.

Все это послужило причиной возмущения мусульман против гонителя их веры, что, в конечном счете, облегчило завоевание края монголами, которые отличались веротерпимостью и относились с одинаковым уважением к духовенству всех религий в подвластных им территориях. В тоже время есть упоминания о негативном отношении к исламу и мусульманам правителя Чагатая. В тоже время считается, что при монгольских завоевателях, в начале XIII в. положение ислама стало еще прочнее. Правивший во второй половине ХШ века Хайду, считается покровителем мусульман, а вступивший на престол в 1326 году чагатайский правитель Тармаширин принял ислам и получил мусульманское прозвание Ала ад-Дин, что послужило причиной восстания против его власти монгольской аристократии.

Дальнейшее укрепление произошло во время правления в государстве Моголистан Тоглук-Тимуром, который также провозгласил ислам государственной религией. [4;40] Отмечено, что могольские ханы в XV веке, и, прежде всего, Мухаммед-хан, продолжили прилагать большие усилия для распространения исламской религии. В тоже время тогда многие кыргызы по-прежнему оставались язычниками. Возможно, именно с этим и связано то, что вплоть до нашего времени у них ислам переплетается с древними языческими верованиями [3, с.38]. Но есть мнение, что к XV веку большинство кыргызов, которые находились в составе Монгольского государства уже приняли ислам и с этого времени их считали мусульманами [2, с.634]. Принятие ислама, стало важнейшим этапом развития духовной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии и сыграло цивилизаторскую миссию.[4, с.68].

С конца XV в. земли потомков Чингисхана на Тянь-Шане пытались завоевать калмыки из Монголии. Они не смогли установить полный контроль над кыргызскими землями. Вместе с тем старания моголистанских ханов по распространению ислама среди кыргызов фактически были сведены на нет.

Во второй половине XVII–XVIII вв. ислам стал широко распространяться среди кыргызского народа. Значительным событием, позитивно повлиявшим на этот процесс, стало переселение многих кыргызов в Фергану, которое произошло в XVII веке. Данный процесс стал более активным после захвата кыргызских земель Кокандским ханством. В 1876 году территории кыргызов были подчинены Российской империи. Ко второй половине XIX — началу XX века, подавляющее большинство населения причисляли себя мусульманам и были суннитами. После Октябрьской революции 1917 года установилась советская власть, и атеизм стал официальной государственной идеологией. Религиозная деятельность была строго ограничена, доступ к религиозному образованию был закрыт. К концу советского периода кыргызы подверглись сильному культурному влиянию России и процессам русификации.

В процессе распространения ислама решающую роль сыграли суфийские ордена, которые распространяли его посредством мирной миссионерской проповеди. В первую очередь это были представители суфийских тарикатов Ясавийа и Накшбандийа. Поэтому одной из особенностей ислама среди кыргызов стало то, что исламскую религию среди тюркских племен мирным путем проповедовали суфийские шейхи. Также большую роль в распространении ислама играла кыргызская знать (манапы, бии), которые приглашали к себе узбекских мулл, которые обучали простолюдинов основным обрядам и молитвам, необходимым для совершения намаза.После вхождения кыргызских территорий в состав Кокандского ханства, при поддержке манапов ислам все глубже проникал в кыргызскую среду.Существовавшие в тот период в Центральной Азии Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства строились на началах ислама. В тоже время процесс утверждения ислама среди кыргызов имел некоторые трудности, и основной среди них была невозможность создания постоянно действующих мечетей, и медресе среди кочевников. Поэтому процесс исламизации Кыргызстана имел целый ряд своих особенностей. В первую очередь, население делилось на кочевое и оседлое. Эти группы отличались своими социокультурными признаками и находились на разных социально-экономических уровнях развития. Исламизация оседлого населения проходила более успешно, то у кочевников этот процесс приобрел иную форму: у них ислам носил «бытовой» или «народный»

характер. Следует отметить парадоксальный факт, что после захвата кыргызских земель Россией позиции ислама здесь усилились. Это было связано с тем, что российские власти, не без оснований, рассчитывая на поддержку кыргызской родовой знати, лояльно относились к исламу. Мусульманское духовенство получило ряд привилегий, строились мечети, мектебы и медресе. В период нахождения в составе России большое влияние на духовную культуру кочевников Центральной Азии, в том числе Кыргызстана, оказали татары Поволжья, считавшиеся наиболее грамотными из мусульман России. В более поздний исторический период, начиная с 80-х годов XIX века, политика России по отношению к исламу становится более жесткой и неприкрытой. На всех уровнях предпринимаются действия с целью ограничения религиозной свободы мусульман. При этом основное внимание было уделено сфере образования, а именно ограничению сферы исламского образования, так как именно в ней воспроизводились исламская культура и традиция. Поэтому, в период российской колонизации положение ислама в Центральной Азии, в том числе и Кыргызстане, во многом определялось отношением к нему российских властей, которое не отличалось постоянством.

Этнодемографические процессы второй половины XX века привели к росту роли и значения ислама в жизни населения Кыргызстана. В тоже время исследователи отмечают особенности религиозного менталитета кыргызов и что проблемы особенности религиозного верования данного народа всегда представляли большой и неоднозначный научный интерес. Эти особенности связаны с долгим господством у кыргызов кочевого хозяйства, языческих верований, а также с патриархально-родовым укладом жизни. [5, ч.71].Следует отметить, что домусульманские верования данного народа, и в наши дни дают о себе знать, хотя постепенно отодвигаются на задний план под воздействием канонического ислама и элементы архаичных форм верований и в данное время продолжают действовать, тесно переплетаясь с классическим исламом. При этом подчеркивается, что существенной особенностью кыргызского шаманизма является его плавное слияние с суфизмом, который получил распространение среди кыргызов.

Период суверенизации Кыргызстана отмечен большой активностью религиозных организаций. Следует отметить, что одной из особенностей развития ислама в Кыргызстане, начиная с конца XX века, стало тесное влияние политических процессов, которые происходили и продолжают происходить в данном государстве.

В Кыргызстане своих приверженцев обрели почти все пришедшие извне исламские течения и религиозная ситуация и процессы во многом определяются геополитическими интересами ряда государств, использующих религиозные организации и течения для реализации своих геополитических интересов [6, с.1213].

Этот исторический период отмечен активным строительством мечетей и религиозных учебных заведений. Этой инициативе способствовала помощь различных благотворительных фондов, в основном из арабских стран. [7, с. 40].Зарубежные фонды особое внимание уделяли югу республики. Так, Всемирная лига мусульман «Рабита», штаб-квартира которой находилась в Саудовской Аравии, спонсировала строительство мечетей нескольких мечетей в Оше [7, с.39].При этом необходимо отметить. Что в данной стране наиболее широкое распространение получил ваххабизм, современная антропоморфистская (мушаббиха, муджасима) секта, ошибочно ассоциируемая с исламом. При этом еще до появления ваххабизма в XVIII веке, исламские теологи, представители четырех мазхабов объявили антиисламской концепцию уподобления Бога его творениям (ташбих). Об этом, в своей работе «Даф шубах ат-ташбих» [8] неоднократно говорил, выдающийся ученый, представитель ханбалитского мазхаба Ибн Джаузий. (1116-1201). Учение ваххабизма вобрало в себя идеи, которых придерживался средневековый богослов из Сирии, антропоморфист – Ибн Таймия (1253-1328). Его современник Верховный судья маликитского мазхаба в Египте Али ибн Махлуф, умер в 1318году. сказал, что Ибн Таймия придерживается концепций антропоморфизма, и, по нашему мнению, любой, кто придерживается их, является неверующим и должен быть убит. Султан Ибн Калаун, издал указ, о необходимости заключить Ибн Таймию в тюрьму. Учёный Ала ад-Дин аль-Бухари аль-Ханафи, представитель ханафитского

мазхаба, умерший в 1437 году, объявил его неверующим, как и любого, кто называл его «шейх аль-ислам» зная о его еретических высказываниях. Об этом упоминает аль-Хафиз ас-Сахави в книге «Ад-Дау аль-Лами».

Исследователи подчеркивают, что на протяжении истории неоднократно встречались факты, насильственного распространения учения антропоморфизма и убийства идеологических оппонентов. В современном мире подобная тактика наиболее ярко воплотилась в деятельности группировки ИГИЛ, идеология, которой была основана на не соответствующем исламу антропоморфистском учении Ибн Таймии и Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1792), который и стал основателем ваххабизма. Поэтому очень важно знать и понимать, что ваххабизм не имеет отношения к исламу. О том что учение данной секты носит деструктивный характер и не соответствует исламу говорил в своей работе «Заблуждения ваххабитов», [9] ханбалитский муфтий Мекки – Ибн Зейни Дахлян (1816-1886). Родной брат основателя течения – Сулейман ибн Абд аль-Ваххаб (1720-1794), стал автором книги **"Ас-Саваик аль-Иляхия фи ар-Радд аля аль-Ваххабия",** которая стала одним из самых ранних произведений, направленных против ваххабизма.Он подробно критикует их практику такфира других мусульман, что подразумевает, что он считает эту практику ошибочной и ставящей под вопрос их собственную принадлежность к исламу.

Еще одной особенностью данного течения является его антисуфийская направленность, которая в первую очередь выражена в резкой критике зиярата – посещения могил пророков и аулия и тавассуля – обращения к Богу через, ради, пророков и аулия. Подобная позиция противоречит классическому исламскому учению и в контексте Кыргызстана несет угрозу национальным и религиозным морально-духовным ценностям.

Процессы религиозного возрождения и реисламизации в Кыргызской Республике становятся в настоящее время активными факторами политического сознания населения страны, большинство которого являются мусульманами. В тоже время важно ограничить влияние на эти процессы различных сект и политических групп, которые выдают себя за исламские, но их концепции противоречат учению, которому следовал и проповедовал пророк Мухаммад.

Следует подчеркнуть, что большинство происходящих извне религиозных течений официально не оформлены в Кыргызстане как религиозные организации. Они часто присутствуют в форме образовательных учреждений, фондов, культурных представительств и т.д. На юге Кыргызстана подпольную деятельность развернули приверженцы ряда экстремистских течений, например: «Акрамия» (близко к ваххабитам, но имеет идеологические элементы партии «Хизб ут-Тахрир») и «Хизб-ут-Тахрир». Последние получили распространение не только в южных областях страны, но и в Иссык-Кульской области. Особенностью организации является, что рядовой сторонник знает лишь своего руководителя и свою пятерку в группе. Кроме них свою активную деятельность осуществляют и упомянутые выше ваххабиты. Что касается ваххабитов, то в Кыргызстане иногда возникают ожесточённые дискуссии вокруг данного течения, которое, как было показано выше, носит антиисламский характер. Апофеоз борьбы с распространением влияния данной антиисламской религиозно-политической секты отмечался в 1997–1999 годы, и в ней принимали участие бывшие главы Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) – К. Абдрахманов, С. Камалов, главный имам Ошской мечети Р. Касымов и другие религиозные деятели.

В 2014-2015 гг. в Кыргызской Республике уделялось пристальное внимание проблемам, которые возникли в религиозной сфере страны. В первую очередь был направлен ряд мер на предупреждение и профилактику радикализации граждан и предотвращение экстремистской и террористической деятельности на религиозной почве. Для этого было рекомендовано проводить политику по поддержке продвижению умеренного ислама [10, с.89].Также предлагалось проведение просветительских программ, направленных на повышение религиоведческой грамотности и уровня религиозного образования; и повышение экспертного и аналитического потенциала для мониторинга религиозной ситуации и разрешении текущих проблем в религиозной сфере. В кыргызских общеобразовательных учреждениях регулярно проводятся совместные мероприятия по

распространению информации об угрозе религиозного экстремизма и о путях его недопущения [11, с.49].

На существование определенного ряда проблем, связанных с деятельностью экстремистских организаций указывает то, что Бишкекский Первомайский суд 24 октября 2012 года запретил деятельность тахфиристско-джихадисткого движения салафитской направленности и организаций «Жайшуль Махди», «Джундуль-Халифат», «Ансаруллах», «Ат-Такфир Валь-Хиджра»[10, с.91] В 2013 г. отмечены случаи вербовки кыргызстанской молодёжи в ряды неизвестной организации, которая под видом добровольцев, сумела вывезти 16 человек для участия в войне в Сирии. В 2015 г. по данным МВД – было уже более 350 человек. Исследователи обращают внимание на то, что одним из последствий экстремистского воздействия экстремистских идей на кыргызское общество является подрыв толерантности и межэтнического согласия [12, с.402].

В Кыргызстане с 90-ых годов XX в., получили распространение идеи, пропагандируемые организацией «Таблиги джамаат» [1, с.185].Исследователи указывают, что активизация деятельности организации связана с кыргызами - выпускниками религиозных учебных заведений Индии и Пакистана [1, с.186]. Некоторые исследователи отмечают, что после обучения студенты, начинают противоречить исторически сложившемуся в Кыргызстане ханафитскому мазхабу [1, с.186]. Данное мнение является некорректным, в связи с тем, что представители данного течения, являются строгими приверженцами ханафитской религиозно-правовой школы. При этом, в Кыргызстане большую часть представителей «Таблиги джамаат» составляют именно кыргызы. Данному движению присущи суфийские черты [13, с.7], которые присущи кыргызам, что делает его довольно популярным в обществе. Организации характерна отстраненность от участия в политике и, участники движения избегают вовлечения, в политические процессы, культивируя образ организации, занятой исключительно вопросами мирного распространения ислама.

На мусульман Кыргызстана также оказывают определённое влияние исламские организации Турции, и в первую очередь «Диянет» [11, с.48], который финансирует строительство культовых сооружений для совершения богослужений. К числу наиболее значимых турецких проектов относится строительство соборной мечети в г. Бишкек, которая была открыта в сентябре 2018 г. Из Турции ежегодно направляется по 12 священнослужителей для ознакомления с местным языком и культурой, что способствует адаптации экспортируемого Турцией ислама под этнокультурные особенности кыргызского населения. Отмечено наличие конкуренции между: турецким движением «Хизмет» и пакистанской общиной «Таблиги Джамаат».

Для того чтобы запрещенные радикальные организации не имели возможности вербовать сторонников, государству необходимо бороться с условиями, которые ведут к распространению экстремистских идей среди населения и в первую очередь это прочная экономическая основа жизни людей, которая делает их аполитичным и невосприимчивым к радикальным идеям.

Анализ историко-культурного наследия кыргызского народа показывает, что традиционные духовные ценности способны играть ключевую роль в профилактике и противодействии религиозному экстремизму. В условиях, когда радикальные идеологии стремятся разрушить культурные и моральные основы общества, обращение к духовным ресурсам народа становится важнейшим инструментом укрепления национальной идентичности и общественной устойчивости [12, с.402].

Ныне, ислам занимает особое место и является главным религиозным фактором общественной жизни и национальной безопасности. Поэтому необходимо обратить большое внимание на анализ тенденций развития ислама. В Кыргызстане сформировался специфический кыргызский бытовой, народный ислам для которого, характерен синкретизм и синтез: а) суннизма ханифитского мазхаба матуридитской школы вероучения; б) компоненты домусульманских типов религиозного сознания в) этнокультурных традиций и обычаев кыргызов; г) архетипов, архаичных суеверий. К тенденциям развития ислама в Кыргызской Республике относятся быстрые темпы исламизации населения; и меры по сохранению традиционного ислама.

После разрушения Советского Союза в Кыргызстане происходят большие трансформации в области религии. Ислам, бурно развиваясь эволюционным путем, уверенно укореняется в массовом сознании населения, а мусульманские духовные лица эффективно приспособили свою деятельность современным реалиям. Адекватная модель функционирования ислама в современном Кыргызстане – это традиционный для кыргызов, социально-ориентированный ислам на основе этнических особенностей данного народа, но сторого соответствующий классическому исламскому вероучению.

На основе анализа особенностей развития и распространения ислама в современном Кыргызстане были сформулированы следующие научные выводы:

Первое, особенностью бытования ислама в данной стране является его синтез и синкретизм. Ислам в данном регионе представляет собой феномен, который включает в себя различных элементов: суннизма ханафитского мазхаба, матуридитской школы вероучения, различных древних верований, этнокультурных традиций и обычаев кыргызов, а также архаичных суеверий. Это создает специфический, так называемый, "кыргызский народный ислам", отличающийся от других региональных вариантов.

Также своими особенностями отличалась история исламизации кыргызов. Процесс исламизации начался в VIII в. и продолжается до настоящего времени и был многоэтапным. При этом, каждый этап имел свои особенности, которые были обусловлены политическими, экономическими и социокультурными факторами. Отсутствие возможности создавать постоянно действующие мечети и медресе среди кочевников привело к тому, что ислам приобрел преимущественно "бытовой" характер.

При этом, ключевую роль в распространении ислама среди кыргызов сыграли суфийские ордена Ясавийа и Накшбандийа. Их призыв носил мирный характер. Поэтому, именно суфизм оказал значительное влияние на формирование религиозной практики и мировоззрения кыргызов.

Ныне, процесс развития ислама в Кыргызстане подвержен влиянию различных внутригосударственных и внешних факторов, на это влияют политическая составляющая, спонсорская помощь зарубежных фондов (особенно из арабских стран), деятельность международных религиозных организаций (турецкий "Диянет", пакистанский "Таблиги Джамаат") и распространение радикальных идеологий (ваххабизм), носящих антиисламский характер.

Одной из актуальных проблем развития ислама в Кыргызстане стало распространение различных сект и политических групп, выдающих себя за исламские, но чьи концепции противоречат исламу. Это представляет угрозу для национальной безопасности и социальной стабильности страны. В особенности это относится к ваххабизму, который ошибочно ассоциируется с исламом и несет деструктивный характер.

Традиционные духовные ценности кыргызского народа, которые уходят корнями в его историко-культурное наследие, играют ключевую роль в профилактике и противодействии религиозному экстремизму, особая роль в этом принадлежит суфизму. Укрепление национальной идентичности и общественной устойчивости возможно через обращение к этим ценностям.

В современном Кыргызстане происходит быстрая исламизация населения, но очень важно распространять именно ислам, а не идеи псевдоисламских сект и политических группировок. Поэтому основной моделью функционирования ислама в современном Кыргызстане является социально-ориентированный ислам на основе этнических особенностей данного народа.

Заключение. Проведенное исследование выявило сложные и многогранные особенности развития и распространения ислама в современном Кыргызстане. С одной стороны, наблюдается процесс активной реисламизации, возрождения духовности кыргызского народа, который сопровождается ростом религиозного сознания и интереса к исламским ценностям. С другой стороны, этот процесс сопряжен с рисками, связанными с проникновением радикальных идеологий и деятельностью экстремистских организаций, которые необоснованно считают себя исламскими.

Поэтому для обеспечения устойчивого и гармоничного развития ислама в Кыргызстане необходимо уделять особое внимание политики поддержки и продвижения ислама, основанного на

традициях ханафитского и других мазхабов и суфийской духовности, с учетом этнокультурных особенностей кыргызского народа, не вмешиваясь в ношение традиционной религиозной одежды. Усилить меры по предупреждению и профилактике радикализации граждан и предотвращению экстремистской и террористической деятельности, в том числе путем повышения уровня религиозного образования. Использовать потенциал традиционных духовных ценностей кыргызского народа для укрепления национальной идентичности и общественной устойчивости, а также для формирования иммунитета к радикальным идеологиям, разъясняя при этом, что они не соответствуют вероучению и духу ислама. Способствовать развитию межконфессионального диалога и сотрудничества между различными религиозными общинами для укрепления мира и согласия в обществе.

Для того, чтобы предотвратить распространение экстремистских идей и использование религии в политических целях необходимо совершенствовать законодательство и механизмы контроля за деятельностью религиозных организаций, не создавая препятствий для их официальной регистрации. Необходимо бороться с социально-экономическими и политическими факторами, которые способствуют распространению экстремистских идей среди населения. Поэтому в противодействии экстремизму и радикализму важен комплексный и системный подход, который учитывает исторические, культурные, социальные и политические факторы. Это позволит обеспечить гармоничное развитие ислама в Кыргызстане и его позитивный вклад в укрепление общества и государства. Важно помнить, что ислам является неотъемлемой частью кыргызской культуры и идентичности, и его развитие должно соответствовать интересам и чаяниям народа.

Поэтому в Кыргызстане вопросы, связанные с религией, требуют комплексного решения с участием государства, духовенства и научного сообщества. и религия стала значимым фактором общественно-политической жизни и не может рассматриваться как второстепенное явление. Государству необходимо проводить взвешенную и долгосрочную религиозную политику, направленную на предотвращение религиозного экстремизма и гармонизацию межконфессиональных отношений.

Список использованной литературы

1. Мурзахалилов К., Маматалиев К., Мамаюсупов О. Ислам в условиях демократического развития Кыргызстана: сравнительный анализ // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 3 (39). С. 53–65.
2. Aidaraliev A. The Religion Faith of the Kyrgyzs // *Technium Social Sciences Journal*. 2021. Vol. 16. P. 631–641. DOI: 10.47577/tssj.v16i1.2530.
3. Закиров М. А., Закирова А. С., Сабиров Р. К., Чыналиева М. И. Распространение ислама у кыргызов // *Вестник Ошского государственного университета. История*. 2022. № 1. С. 38–47. DOI: 10.52754/1694867X_2022_1.
4. Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане // *Türk Uygarlığı Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi*. 2023. Т. 2, № 1. С. 125–136.
5. Абдырахманов Т. А., Сыйырбеков А. С**.** Влияние эпического менталитета кыргызов на их религиозность // *Эпосоведение*. 2018. № 2 (10). С. 67–75. — DOI: 10.25587/SVFU.2018.10.14555.
6. Эсенаманова Н. Исламские ориентиры Кыргызстана: роль зарубежных религиозных течений // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Т. 18, № 3–4. С. 213–227.
7. Айтымбетов М. Б. Политизация ислама в современном Кыргызстане // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2023. — № 6-2 (81). С. 39–43. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-6-2-39-43.
8. **ابن الجوزي، أبو الفرج عبد الرحمن بن علي.** دفع شُبَه التشبيه بأكُفِّ التنزيه. — بيروت : دار الكتب العلمية، 1998. — 312ص
9. **Ас-Сайид Ахмад ибн Зейни Дахлян.** Заблуждение ваххабитов / пер. с араб. — Киев: *Аль-Иршад,* 2009. 36 с.
10. Мырзабаева Н. С. Религиозная ситуация в современном Кыргызстане // *Наука, техника и образование*. 2017. № 1 (5 (35)). С. 88–93.

11. Кудаяров К. А. Религиозное влияние Турции и Пакистана в Киргизии // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2021. № 1. С. 47–63. DOI: 10.31249/rva/2021.01.02.
12. Осмонова Д. А., Каскарбаева З. А., Молдобаева А. Д**.** Традиционные духовные ценности кыргызов как фактор противодействия религиозному экстремизму // *Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына*. 2025. № 3. С. 398–403.
13. Егоров Е. Н**.** Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика // *Исламоведение*. 2016. № 3. С. 5–16.

УДК 28-587+39+316.752

Осмонова Д.А., Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад
Осмонова Д.А., Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад
Osmonova D.A., Maevskaya L.B., Aga Haysam Muhammad

СУФИЗМ ЖАНА АНЫН КЫРГЫЗ ЭЛИНИН САЛТТУУ ДИНИЙ-УЛУТТУК БААЛУУЛУКТАРЫН САКТООДОГУ ЖАНА ЖАЙЫЛТУУДАГЫ РОЛУ
СУФИЗМ И ЕГО РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КЫРГЫЗОВ
SUFISM AND ITS ROLE IN THE PRESERVATION AND DISSEMINATION OF THE TRADITIONAL RELIGIOUS AND NATIONAL VALUES OF THE KYRGYZ PEOPLE

Кыскача мүнөздөмө: Суфизм - исламдагы ички руханий үйрөнүү жана практикалык тажрыйба болуп эсептелет. Кыргыздар исламды негизинен тынчтык жолу менен кабыл алышкан, мында суфий шейхтеринин өз мисалы аркылуу динди үгүттөө жүргүзгөндүгү чоң роль ойногон. Суфизм кыргыздар арасында Караханиддер мамлекетинин учурунда (840–1212-жылдар) жайыла баштап, андан соң алардын руханий жашоосунда маанилүү роль ойноого уланткан. Ошентип, суфизм кыргыздар арасында терең тарыхый жана маданий тамырларга ээ болуп, улуттук эпос Манаска да таасир эткен. Кыргыздар арасында Ясавийа жана Накшбандия сыяктуу тарикаттар кеңири таралган.

Исламдын жана суфизмдин кыргыз коомундагы өнүгүшү тарыхый сыноолор менен коштолгон, анын ичинде кидандардын кол салуусу, Орусия империясынын басып кириши жана совет бийлигинин орношу бар. Бүгүнкү күндө өлкөдө бул кылымдар бою сакталып келген суфий салттарын калыбына келтирүү процесси жүрүп жатат. Мамлекет бул процесске көңүл бурушу маанилүү, анткени ал кыргыз коомуна тиешелүү аутентификацияланган исламдык салттарды жандандырууга көмөк көрсөтүп, ислам менен негизсиз байланышты көрсөтүүгө аракет кылган ар түрдүү диний-саясий кыймылдардын жайылышына тоскоол болот.

Аннотация: Суфизм - это внутреннее духовное учение и практика в исламе. Ислам кыргызы приняли мирным путем во многом благодаря шейхам приверженцам данной духовной практики, которые смогли на собственном примере показать совершенство религии, которую они проповедовали. Суфизм среди кыргызов начал распространяться еще во время государства Караханидов, которое существовало с примерно 840 по 1212 год. Далее он продолжал играть ключевую роль в духовной жизни данного народа. Поэтому данное учение среди кыргызов имеет глубокие исторические, культурные корни и оказало влияние на национальный эпос «Манас». Среди кыргызов получил распространение целый ряд тарикатов, среди них Ясавийя и Накшбандия. Развитие и распространение ислама и суфизма среди кыргызов сопровождалось историческими перипетиями, среди которых нашествие киданей, вторжение российской империи и установление советской власти. Ныне, в республике, происходит возрождение многовековых традиций суфизма. Государству важно уделить внимание этому процессу, так как это способствует возрождению аутентичных для

кыргызского общества исламских традиций и препятствует распространению различных религиозно-политических движений, необоснованно приписывающих себя к исламу.

Abstract: Sufism represents an inner spiritual teaching and practice within Islam. The Kyrgyz people embraced Islam largely through peaceful means, thanks in significant part to Sufi sheikhs, who exemplified the perfection of the faith they preached through their own conduct. Sufism began to spread among the Kyrgyz during the Kara-Khanid state, which existed approximately from 840 to 1212, and has since played a central role in their spiritual life. Consequently, Sufi teachings among the Kyrgyz have deep historical and cultural roots and have influenced the national epic *Manas*. Several Sufi orders, including the Yasawiya and Naqshbandiya, became established among the Kyrgyz.

The development and dissemination of Islam and Sufism in Kyrgyz society were shaped by various historical upheavals, such as the Khitan invasion, the expansion of the Russian Empire, and the establishment of Soviet rule. Today, there is a revival of these centuries-old Sufi traditions in the country. It is important for the state to support this process, as it fosters the restoration of authentic Islamic practices specific to Kyrgyz society and helps counter the spread of religious-political movements that falsely claim affiliation with Islam.

Негизги сөздөр:ислам, суфизм, Кыргызстандагысуфизм, Ясавийа, Накшбандия, Кадирия, саясийсуфизм

Ключевые слова: ислам, суфизм, суфизм в Кыргызстане, Ясавийя, Накшбандия, Кадирия, политический суфизм

Keywords: Islam, Sufism, Sufism in Kkyrgyzstan, Yasawiya, Naqshbandiya, Qadiriyya, Political Sufism

По сей день не имеется точного толкования суфизма как системы, не сложилось единого суждения об этом сложном, многообразном направлении в исламе [1;146].Большая часть исследователей считают, что суфизм-тасаввуф зародился пример[2; 75] и стал внутренним, духовным, учением данной религии. Суфизм, является своеобразным внутренним измерением ислама, не противоречит, а дополняет собой шариат, представляющий собой “внешнюю оболочку” ислама[3; 7]В исламских науках место суфизма объясняется, в частности, обращением к жизни пророка Мухаммада [4; 193]. К XI–XIIвв. он стал массовым движением, имел большое количество тарикатов и получил распространение по всему исламскому миру, включая Центральную Азию.

В эпоху владычества династии Караханидов (конец X - начало XIII в.), которое распространялось и на территорию Кыргызстана, суфизм играл важную роль для познания особенностей и своеобразия тюркской мусульманской культуры этого региона.

Одним из успешных миссионеров Караханидской эпохи является шейх Абу-л-Хасан Мухаммед ибн Суфьяна Келимати, уроженец иранской провинции Хорасан, благодаря усилиям которого, очевидно, в 960 году ислам приняли около 200.000 шатров тюркских кочевников Чуйской долины современного Кыргызстана[5; 127]. В настоящее время имеются исторические сведения, что миссионерская деятельность среди тюркских племен Семиречья велась и в более ранний период, в частности одним из представителей суфизма шейхом Мансуром ал-Халладжем, уроженцем иранской провинции Фарс. В 897 году он со своими учениками и сподвижниками отправился в составе торгового каравана из Багдада в Туркестан с целью обращения в ислам тюркских народов[5; 127]. В целом, миссионер побывал в этом регионе около четыре года и вернулся обратно в Багдад в 903 году. Легенды о пребывании ал-Халладжа в Кыргызстане сохранились в памяти кыргызского народа, согласно которым этот суфийский шейх будто бы стал предком народа.

Данный период характеризуется тем, что основные школы суфизма находились всостоянии развития и окончательного оформления своих положений.Жизнь и деятельность первых известных тюркских суфийских мистиков, таких как Ходжа Ахмад Ясави (ум. 1166), Сулаймана Бакыргани (ум. 1185) и их ближайших последователей, приходится на X — конец XII вв. Все духовные воззрения в рамках суфизма принимали чисто мусульманское направление.Суфии способствовали обращению в ислам кочевых племен, которые не имели прямого контакта с арабами[6; 8]. При этом, исследователи

отмечают, что между суфизмом и доисламскими представлениями кыргызов существовали определённые параллели. Это было связано с тем, что данное учение делает акцент на духовных и мистических аспектах ислама, а не на его материальных проявлениях в обществе и законе, этот вид ислама гармонировал с существующими верованиями, встречавшимися в философии тенгрианства и быстро проник в кыргызские обычаи и традиции. При этом, отмечено, что шейхи чаще имели больше успехов в степи, чем в культурных областях [5; 127].

Исследователи отмечают, что в религиозных представлениях кыргызов сложно переплетаются различные древние верования, происходит слияние одного суеверия с другим, и при этом отсутствует строгая последовательность в развитии религиозного сознания.[7;231] Особенностью распространения суфизма в Центральной Азии явилось то, что в результате этого происходил процесс исламизации населения среднеазиатских оазисов, так и «множества тюркоязычных племен и племенных конфедераций, проникавших на рубежах II тысячелетия н. э. с севера и востока вМавераннахр и далее на юг и юго-запад. Суфийские шейхи выполняли роль миссионеров, способных на простом и понятном тюркам-кочевникам языке разъяснять нормы ислама. **Шёлковый путь** способствовал не только торговле, но и обмену идеями, культурами и духовными практиками. Представители суфийских орденов, передвигаясь по нему, успешно вели миссионерскую деятельность среди кочевых народов[8; 633] Суфийская философия позволила сохранить некоторые элементы шаманистского наследия кыргызов.

Считается, что ислам начал распространяться в Средней Азии в начале VIII века. В первые годы арабы столкнулись с сопротивлением местного населения, но в 751 году в Таласской долине в битве между империей Тан и мусульманскими арабами, карлуки присоединились к арабам, обеспечив их победу. Таласская битва открыла путь для мирного распространения ислама в регионе Средней Азии. Принятие ислама каганом Караханидов Сатук Бугра ханом и последующее превращение ислама в официальную религию государства стало вторым крупным поворотным моментом в истории Средней Азии [6; 8].

Проникая в ту или иную этнокультурную среду, ислам, и в частности, суфизм, сталкивались с местными обычаями и традициями, подвергался их активному воздействию, что придавало им характерные для данной среды черты.

Первыми восточными центрами суфизма, откуда он начал распространяться в Центральной Азии, стали иранские города Балх и Нишапур. Из Балха происходил один из самых первых суфиев-подвижников Ибрахим ибн Адхам (ум. после 776–777). Ибрахим ибн Адхам не проявлял себя как суфий у себя на родине, и последователи и преемники его школы в Балхе «вели активную пропаганду в соседнем Туркестане» Данное обстоятельство привело к его особой популярности среди тюрок — как простолюдинов, так и образованной элиты. Полулегендарное жизнеописание суфия было известно в тюркской среде под названием «Кысса-йи Ибрахим ибн Адхам» («Сказание об Ибрахиме ибн Адхаме»). Е. Э. Бертельс привел убедительные доказательства, что его нравоучительные изречения были известны в тюркской среде уже в XI в.Факт популярности Ибрахима Адхама и аскетического суфийского учения, связываемого с его именем в Центральной Азии в период раннего средневековья, указывает на некоторые особенности среднеазиатской суфийской традиции. Вчастности, сильный аскетический элемент, мотивы отрешенности от всего земного. Первым тюркским поэтическим произведением, проникнутым мусульманской идеологией считается работа отшельника-суфия Одгурмыш «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», закончено в 1069/70 г.).

Некоторые суфийские шейхи в то время придерживались шафиитского правового толка в исламе, к этому же мазхабу примыкала и часть среднеазиатского образованного общества, в то время как простые люди в основном были приверженцами ханафитского толка. Между тем имеются косвенные сведения, что еще в XII в. шафиитского толка придерживались персидские и тюркские суфии, в том числе известные поэты-мистики, среди которых Ходжа Ахмад Ясави и его приверженцы.

Орден Ясавийя был основан в XII веке, и являлся один из первых суфийских орденов Центральной Азии. Одни из первых сведения об Ахмаде Ясави содержатся в трудах суфия Мухаммада Донишманда и Мухйиддина ибн Араби. Значительную информацию о нём сохранили рукописи Ходжи Мухаммада Порсо, Алишера Навои, Фахриддина Али Сафи, Султана Ахмада Хазини и других авторов. В этих источниках Ясави именуется «Султаном арифов», «Пиром Туркестана», «Киблой людей Туркестана».[9; 87] Ходжа Ахмад Ясави родился в Сайраме (Яссы) во второй половине XI века. Несмотря на различные версии даты его смерти (1167 г. или более поздний период), его духовное влияние не ослабевало веками. Считается, что он обучался у Арслана Баба, а затем у Юсуфа Хамадани. Ясави достиг высот духовного знания. По дошедшим до нас легендам у Ахмеда Ясави был предшественник Арслан-баба или Баб-Арслан. Имя этого подвижника ислама и наставника Ахмада Ясави закрепилось за огромным ореховым лесом Арслан-Баб на юге Кыргызстана, что указывает на длительное пребывание здесь этого суфийского шейха. Он сознательно писал свои произведения на тюркском языке, сделав его языком мистической литературы наряду с арабским и персидским.

Мавзолей Ясави в Туркестане (ныне Казахстан) остаётся важным местом паломничества, а идеи его учения обладают особой гармонией в исламском мире[9; 87]Следует отметить, что тарикаты Ясавийя и Накшбандия сформировались на основе взглядов Юсуфа Хамадани. Роль Ахмада Ясави в истории суфизма исключительно велика. Его учение получило распространение по всему Туркестану, Кавказу, Хорасану, Ирану, Бадахшану и Восточному Туркестану, сохранив своё значение на протяжении веков. Именно суфийские шейхи тариката Ясавийя сумели создать разветвленную и эффективную сеть религиозных организаций среди кочевых племен Караханидского государства и вели активную пропаганду ислама на доступном им языке тюркских наречий.В целом, несмотря на серьезные испытания, мусульманское население Семиречья в XШ- первой половине XIV вв., благодаря активной деятельности суфийского ордена Ясавийа, представители, которого постоянно пропагандировали ислам среди иноверцов, смог противостоять двум мощным волнам восточных кочевников (каракитаев и монголов) и, более того, постепенно интегрировать пришельцев в свою веру.

Во второй половине XI— XII в. В Центральной Азии жили и проповедовали два выдающихся суфия, которых позднее почитали как духовных основателей двух суфийских школ — Ходжаган и Кубравийа. Основателем школы Ходжаган считался Абу ‘Али Якуб Юсуф ал-Хамадани (1048/1049–1140), а школы Кубравийа — Наджм ад-Дин ал-Кубра (1145–1221), который жил несколько позднее. Из школы Ходжаган впоследствии выросли два влиятельнейших братства (ордена) Средней Азии — Ясавийа и Накшбандийа.

Наряду с исключительной строгостью в соблюдении обычных религиозных предписаний и аскетическими подвигами основателя Юсуфа аль-Хамадани, биографы отмечают заслуги шейха в исламизации Туркестана, скорее всего, это относится к его тюркскому кочевому населению. Учение Юсуфа ал-Хамадани, сыграло важнейшую роль в становлении суфизма у среднеазиатских тюрок, и нашло отражение в целом одинаково в различных средневековых исторических и собственно суфийских источниках. Шейх призывал к воздержанию, жизни в уединении и овладению своими страстями, при этом и сам вел жизнь аскета; обходился малым в быту, занимался земледелием и ремеслом, никогда не нищенствовал и строго запрещал делать это своим последователям, всегда вовремя совершал молитву, один раз в год предавался сорокадневному затворничеству и посту. Шейх не водил дружбу с власть имущими, а с бедняками был прост и кроток в общении и делился с ними всем, что посылал ему Бог. Юсуф чрезвычайно строго относился к отделению дозволенной пищи от запретной, был ортодоксальным суннитом, уделял большое внимание чтению Корана и хадисов и считал недопустимым отступления от норм Шариата. Приверженцы тариката Накшбандийя почитают его как создателя первых четырех положений своей суфийской практики. Деятельность ордена Накшбандийя начала распространяться среди кыргызов к концу XIV века и продолжалась в рамках общин Ишаккыйя и Афаккыйя[10; 85].

Тарикат накшбандийа был одним из наиболее влиятельных тарикатов в среде кыргызов, Он стал продолжением пути Ходжаган, Абдулхалика Гуждувани; а как самостоятельный тарикат сложился в XIV в.благодаря бухарскому шейху Бахауддину Накшбанди (ум. 1389) и деятельности известного шейха Ходжа Ахрара Вали (Убайдуллы Шаши, 1404–1490), которая привела к широкому распространению тариката в Мавераннахре. До наших дней тарикат Накшбандийя остается наиболее влиятельным и широко распространённым в Центральной Азии.

Изначально он развивался в городских центрах, но затем распространился и в сельских районах, «поглотив» многие элементы ясавийской традиции, которая возникла ранее. Именно поэтому хикметы Ахмада Ясави до сих пор популярны среди приверженцев тариката накшабандийя.Особую роль в распространении Накшбандийи среди кыргызов сыграл Ходжа Исхак Дахбиди, проповедовавший более 12 лет среди кыргызов в области вокруг Тянь-Шаня.[11; 164].

Ходжа Ахрар сыграл крупную политическую роль — поддержал в междоусобице правителя Тимуридов Абу Саида Хана, который, придя к власти, фактически предоставил своему шейху огромные духовные и политические полномочия[10; 85]. По сведениям автора сочинения *«Маджмуат ат-таварих»* Сейфеддина Аксикенди, который служил у ученика Ходжа Ахрара — Мухаммеда Казы, тарикат начал распространяться среди ферганских кыргызов ещё в конце XIV века.

Особенно укрепилось положение накшбандийа среди кыргызов благодаря деятельности знаменитого Махдума Азама - Сейида Ахмада Касани, (1461–1542) и его сыновей. Среди его учеников был Лютфуллах Чусти и его ученик-казах Мухаммед, которые проповедовали среди казахов и кыргызов.

После смерти Азама, Лютфуллах Чусти передал право наставничества Ходжа Ишаку Вали. Однако сторонники старшего сына Махдума А'зама — Мухаммедамина — заявляли, что право наставничества должно принадлежать именно ему, и что оно останется в его роду до Судного дня. В результате тарикат раскололся на две ветви — ишакийа и афакийа (Ак-даглы / Кадарагы). Раскол положил начало политическим конфликтам в Восточном Туркестане, которые длились несколько столетий.

Со временем в накшбандийском тарикате были установлены жесткие правила для послушников, широко применявшиеся позднее во всем среднеазиатском суфизме: соблюдение ритуальной чистоты, коллективное моление, многократная ночная молитва, чтение Корана перед рассветом, произнесение зикра ивирда (особой индивидуальной молитвенной формулы) между двумя вечерними молитвами, забота обедных и нуждающихся, общая трапеза и др.От суфиев требовалось жить собственным трудом, не противопоставляли себя другим верующим, участвовали в делах общества, нопри этом «никогда ни на единый миг не забывали о Боге». Впоследствии этот принцип жизни суфиев получил название «халват дар анджуман» (перс. «уединение в обществе») и действовал в среднеазиатских суфийских орденах Накшбандия и Ясавийя. Мировоззрение ал-Хамадани, которое излагается в дошедших до нашего времени источниках, перекликается, со стихамипервого известного тюркского поэта-мистика Ахмада Ясави. Благодаря сочетанию кочевой культуры и исламских ценностей, объяснению на местном языке и в стихотворной форме, тарикат Ахмада Ясави и его стихотворения, называемые "хикмат", получили широкое распространение среди кыргызов. Они в стихотворной форме в доступном виде доносили люди основы ислама и суфийской этике.Они получили распространение по всему тюркскому миру, в том числе среди кыргызов, где веками широко изучались и заучивались в медресе. [11;162].Подвижники тариката накшбандийя проводили активную пропаганду мусульманской веры среди кочевников Моголистана, Золотой Орды и Западной Сибири.При этом отмечено, что кыргызы познакомились с исламом позже других народов региона, и процесс принятия новой религии растянулся на века. Есть данные, что часть кыргызов приняла ислам только к концу XVIII века[11;160].

В тоже время, именно суфизм сыграл прямую роль в распространении ислама среди кыргызов, в формировании их религиозного мировоззрения, в освободительных движениях поздних периодов, а также в сохранении собственной идентичности перед лицом антирелигиозной политики

российского царизма и советской власти [11;159]. Также отмечено, что движение басмачей опиралось именно на поддержку накшбандийских шейхов, особенно в южном Кыргызстане. Один из бывших российских губернаторов Туркестана Н. С. Ликошин в своём отчёте писал, что суфийское учение — единственный метод постепенного обращения кочевых кыргызов в ислам. Это движение объединяет их и усиливает политически.[11;161].

Наджм ад-Дин ал-Кубра (1145–1221), также был одним из выдающихся шейхов среди суфиев XII–XIII вв.Он был крупным теоретиком суфизма и его перу принадлежат восемь философско-религиозных трактатов. Среди многочисленных последователей суфия были поэты-мистики и теоретики суфизма, среди которых Сайф ад-Дин Бахарзи (1190–1261), Маджд ад-Дин Багдади, ставший впоследствии учителем знаменитого Фарид ад-Дина ‘Аттара, атакже, по некоторым сведениям, Баха ад-Дин Валад (ум. 1230)— отец Джалал ад-Дина Руми (1207–1273).

Таким образом, наиболее выдающимися и авторитетными представителями среднеазиатского суфизма XI–XII вв., распространение которого шло одновременно с исламизацией тюркских кочевых племен, проникавших в области Мавераннахра и Хорасана, были приверженцы «умеренной» школы Джунайда.

Суфизм интеллектуальной элиты превратился в верование народных масс и остался в истории ислама навсегда, как наиболее важная составляющая часть[12; 60]Они стремились указать на то, что положения истинного суфизма не противоречат официальному исламу, строго соблюдали Шариат, нередко выступали как исламские миссионеры. Данный исторический период также характерен развитием среднеазиатского суфизма отмечена, также идейным и организационным оформлением первых мусульманских мистических орденов (братств), членами которых все чаще становились выходцы из среды тюркских скотоводов-кочевников. Распространение суфийских течений, пришедших в Среднюю Азию в XI-XII веках, среди кыргызов усилилось в эпоху захватнических сил, таких как каракитаи, найманы и монголы[6; 9]. На процессе исламизации кыргызов повлияли суфийские тарикаты, как кадирия, ишкия, увайсия и т.д. Теория и практики данных тарикатов оказали ключевое влияние на формирование исламского мировоззрения и культуру кыргызов.

Кубравийский суфий Исхак Ходжа и накшбандийский суфий Аппак Ходжа пользовались большой популярностью у казахов и кыргызов. Постепенно вытесняя кыргызских шаманов, суфизму удалось встроиться не только в религиозную, но и социокультурную традицию киргизов-номадов, что способствовало закреплению мусульманства в его адаптированной форме, максимально учитывающей местные обычаи и представления.Со временем это привело к дальнейшей исламизации киргизского общества.

Среди кыргызов в разные периоды наиболее также имели влияние тарикаты **кадирийя,** и, в меньшей степени, **ишкили (Işqīlik)**[11;161]. При этом отмечено наличие условий, в которых происходило соперничество между различными тарикатами.

Что касается тариката кадирийя то он был, основан Абдулкадиром Гейлани, и получил влияние среди кыргызов. После того как монгольский хан Туглук-Тимур принял ислам в XIV веке, население региона постепенно стало мусульманским, и Кадирийя получила там развитие. Известен **инклюзивностью и адаптивностью**, легко интегрировался с местными традициями и практиками. Кадирийские группы сохранились среди кыргызов вплоть до наших дней.

Сейид Мир Джалалуддином и его сыном Сейид Мир Джалилом, был образован тарикат ишикли,и он также получил распространение среди кыргызов. Известно, что многие кыргызские роды, в том числе кипчаки, входили в него. Существуют даже предания, что эпический герой Манас принадлежал именно к этому тарикату.По сведениям «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди (XVIв.) его также называли Ишкийа, приверженцы, которого считали себя потомками легендарного Имама Ибрахима Заранджиша.В этом сочинении полуисторического и полулегендарного характера имеется записи самых ранних вариантов кыргызского народного эпоса «Манас», где духовным руководителем и наставником героя Манаса показан один из основателей ордена Ишкийа Сейид Джалал ад-Дин. Согласно этой версии, Сейид Джалал ад-Дин иногда перед боем поминает бога и

пиров, боевые соратники Манаса называются мусульманами, побежденным предлагают принять ислам, а отказавшихся истребляют. Таким образом, автор сочинения пытается превратить Манаса в защитника веры и преданного последователя суфийских шейхов.Очевидно, этот удачный прием обработки популярного среди народа эпоса «Манас» в духе исламской религии в не малой степени способствовал распространению ислама среди кочевых кыргызских племен.

Насколько позволяют судить сведения «Маджму ат-Таварих», духовные лидеры ордена Ишкийав целях укрепления своих позиций среди кыргызских племен не ограничивались переработкой сюжетов эпоса «Манас» в духе исламской религии, но принимали активное участие и в составлении генеалогии кыргызских племен. Согласно этой суфийской редакции генеалогии, предком всего кыргызского народа является вышеупомянутый Шейх Мансур ал-Халладж, имя которого здесь приводится как Анна-л-хакк.Автор «Маджму ат-Таварих» подробно рассказывает о поездке Мир Джалиля в гости к кыргызским родоначальникам, где после его благословения якобы появились конкретные кыргызские племена, получившие названия по имени своих родоначальников-мюридов Мир Джалиля. В этих рассказах «Маджму ат-Таварих» значительный интерес представляет интерполяция имени Шейх Мансура ал-Халладжа в генеалогию кыргызских племен в качестве прародителя всего кыргызского народа. Подобная обработка генеалогий в духе исламской идеологии была вызвана необходимостью укрепления позиций суфийских орденов среди кыргызов, а также упрочения авторитета и власти предводителей племен среди своих подданных.

Поэтому, влияние суфизма коснулось и эпоса "Манас", который отражает исторический путь, пройденный кыргызским народом путь. В некоторых вариантах эпоса, основным содержанием которого является война Манаса против неверных, говорится, что имя Манасу дал суфий - дервиш. Поэтому, именно суфизм стал тем стержнем, который послужил формированию духовно-нравственных ценностей кыргызов и объединению народа в одно целое. Считается, что на культуру кыргызского народа, народную устную литературу, в том числе на эпос "Манас" оказал влияние именно тарикат ясавийя. Согласно варианту эпоса, который приводит, Сагымбай Орозбаков, когда Манас пас ягнят, волк унес одного из них и скрылся в пещере у подножия скалы, а Манас, последовав за ним, встретил сорок человек, едущих на крылатых конях. Они представились как сорок чилтенов. Они дали Манасу первую информацию об Аллахе. Что касается варианта Саякбая Каралаева, то Манасу с холма показывается волк. Манас со своими сорока чоро гонится за волком, и когда они собираются догнать его, с неба спускаются сорок чилтенов. Считается, что происхождение сорока чилтенов связано с тотемическими представлениями у данного народа. У кыргызов тотемическими символами часто были хищные животные, такие как волк, тигр, барс. С началом принятия кыргызами ислама, чилтены, хызыр, шайык (шейх), шаймерден и другие покровители в суфизме начали заменять их.

На эпос «Манас» в котором неоднократно упоминается Бахауддин Накшбанди, оказал влияние и тарикат Накшабандийя. Его имя произносится в молитвах перед битвами, в дуэлях, во время осад; он также упоминается как «пир земледельцев». В эпосе присутствует и Афак Ходжа, а также его потомок — Джахангир Ходжа. Последний представлен как святой, который получил благословение от Пророков Исы и Мухаммада, и проживший 850 лет, странствовавший по миру и освобождённый от плена усилиями героя Кошоя.Сравнение эпических сюжетов с историческими источниками (*Зия' ал-Кулуб, Джались-и муштакин, Тазкира-и ходжаган*) показывает, что образ Джахангира Ходжи основан на реальных событиях — его походах в Восточный Туркестан при поддержке кыргызских племён.

В суфийской традиции особое значение придается вере в Хызыра. В верованиях народов Средней Азии Хызыр - вечный странник, помогающий заблудшим путникам, беднякам и всем людям, оказавшимся в трудные времена. Хызыр появляется в образе странствующего дервиша, инвалида, иногда знакомого человека. Считалось, что Хызыра можно узнать, взяв его за правую руку и увидев, что у него нет кости большого пальца. В эпосе "Манас" Хызыр также упоминается как Хызыр-Иляс. Он помогает Манасу и другим героям в трудные моменты.В нескольких местах эпоса

"Манас" упоминается имя шейха Абу Насыра Самани, который оказал влияние на принятие ислама первым мусульманским ханом Караханидов Сатук Бугра ханом. В варианте ‘эпоса, который изложен Сагымбаем Орозбаковым Абу Насыр Самани назван одним из сподвижников пророка Мухаммада.В эпосе «Манас» также часто встречается упоминание и Бахауддина Накшбанди - основатель наиболее влиятельного в Средней Азии тариката Накшбандия. Тарикат Накшбандия был активен среди кыргызов и в последующие времена.

Поэтому одной из причин широкого распространения суфизма среди кыргызов, могло стать определенное сходство между ним и некоторыми элементами доисламских религиозных верований данного народа. Существенное место в бытовом исламе занимает почитание святых мест. [13;777] При этом, многие персонажи древних верований сохранили свое название, а некоторые приобрели исламскую оболочку. Что касается вопроса о вере в святых, то необходимо упомянуть о почитании могил личностей, которые прославились в мире ислама, оставленных ими следов или прочих памятных мест их пребывания. Среди местного населения святыми считаются следующие

В первую очередь, это пророк Мухаммад, рассказы о котором, как правило, связаны с определенным местом и наглядно представлены в объектах культа. Здесь также можно отметить и членов семьи пророка. Его жена Айша и дочь Фатима в верованиях мусульман Центральной Азии выступают как покровительницы женщин и женских работ. Также в народной среде известен миф об Али, как победившем джина..В Центральной Азии, и в частности в Кыргызстане, в ранг святых возведены различные личности, в ряде случаев сохранившие свои прежние имена. Например, Арстан-баба, в честь которого воздвигнут знаменитый мазар в Арсланбобе. По преданию, было семь сыновей, в честь которых было воздвигнуто семь мазаров: 1) Ойсул-Ата, г. Кульджа, 2) Кара-кол-Ата на кладбище возле г. Кара-Кол, 3) Шын-Ата на северном берегу озера Иссык-Куль в долине реки Курменты, 4) Манджылы-Ата на юж-ном берегу озера Иссык-Куль, 5) Чолпон-Ата в районе г. Чолпон-ата, 6) Кочкор-Ата и 7) Оолуя-Ата близ г. Тараз (Казахстан). Так, например, «Святой» Чолпон-Ата похоронен на холме (дёбё), где имелись два источника: один с холодной, другой с горячей водой, росли тополи и ивы. Сюда отправлялись бесплодные женщины и больные из местных жителей, населявших северное побережье Иссык-Куля от сел Чон-Орюктюу до сел Тору-Айгыра. В этих местах устраивали жертвоприношения - тюлёё. Сюда же пригоняли больной скот, ночевали с ним, читали молитвы (отправлялись обычно в ночь на пятницу). Также устраивались моления Джер Суу таюу, имевшие целью испрашивание дождя. Жившие поблизости, а также семьи знатных манапов, хоронили своих умерших у подножия холма.

Близок к вышеуказанному рассказу рассказ о семи «святых» братьях, который хорошо известен на юге Кыргызстана. Эти семь братьев убежали от своих врагов в разные места. Их именами названы находящиеся вдали друг от друга святыни-мазары: Арстанбап, Тастар-Атана вершине горы местного Кунэлек, Токбай-Ата, Шамшыкал-Ата, который находится в Кетмен-Тюбе, Кюртюк-Атана на территории колхоза им. Андреева в Алайском районе, Морпостун в Андижане. Обращение кыргызских бесплодных женщин к покровительству и помощи различных святынь не является исключением из распространенного в прошлом среди народов Средней Азии культа мазаров. В этом культе в своеобразной форме переплелось поклонение гробницам канонизированных исламом личностей или местам, каким-либо образом с ними связанным, с остатками домусульманских представлений.

Исследователи указывают, что суфии уделяли особое внимание проведению различных видов зикра [14;37]. Зикр джахр – важный элемент суфийской практики – исполняется не только суфийскими группами ясавийа, но также некоторых и накшбандийскими группами. Примером «тюркизации» ислама можно считать ясавизм. Отличительной особенностью ордена явилось то, что в нем впервые, возможно под влиянием шаманской практики тюркских народов, был введен громкий зикр и к нему были допущены женщины.[12; 62].

Что касается отдельных моментов, связанных с историей суфизма, то с усилением влияния Российской империи в XVIII веке ситуация начала меняться. С этого времени был запущен

систематический процесс инкультурации, направленный на устранение исламского присутствия. Размещение русской населения во второй половине XIX века должно было изменить демографическую и религиозную структуру региона. Это привело к тому, что,будучи оторванными от своего мистического и философского дискурса, к началу XX в. суфийские миссии в том числе тарикат Накшбандийя, из поиска правды превратились в вульгарные поиски мюридов, которые обеспечили безбедное существование наследственным ишанам, стремящимся сохранить свое привилегированное положение в среднеазиатском обществе, вступившем в период сложных трансформаций. С социологической точки зрения, ишанские группы представляли собой союзы из десятков, сотен, а то и тысяч мюридов, фанатически преданных (только) своим духовникам. Зачастую, не все лидеры орденов были действительно суфиями, наделенными духовной интуицией и необыкновенным трансцендентальным знанием.

В период Российской империи и СССР суфизм, преследовался, деятельность орденов была почти полностью остановлена. Тем не менее ишаны продолжали тайную работу и зачастую лучше сохраняли религиозность народа, чем официальные структуры.После большевистской революции 1917 года ислам и мусульмане подверглись открытому давлению, религиозные деятели и институты — тяжёлым репрессиям.

Сегодня деятельность значительно ограничена и не охватывает широкие массы, но сохраняет важную функцию — способствует связи поколений, укрепляет социальную гармонию и культурную идентичность. Кыргызстане присутствуют суфийские группы, связанные с Турцией, Китаем, Узбекистаном и особенно Таджикистаном.

Что касается тариката Ясавийя, то к началу XXI века его влияние сохранилось преимущественно в **культурной памяти, фольклоре и тексте хикметов**, а не как крупная институциональная сеть во всей стране[15; 279].

Тарикат Ясавийя в наше время имеет преимущественно культурно-символическое значение (память о хикметах, топонимия, локальные собрания), тогда как институциональная роль сегодня больше принадлежит накшбандийскому тарикату. Встречаются исследования и материалы, которые указывают, что традиция ясавийя **включена в ряд национально-культурных проектов** (переводы, издания, исследовательские тексты), что помогает ей оставаться значимым компонентом религиозно-культурной идентичности, хотя массовых организаций, формально относящих себя к данному тарикату немного.

В наше время в Кыргызстане продолжают действовать и различные ветви тариката Накшбандийа — преимущественно под влиянием казахстанских и таджикских ишанов. Тарикат шейха Насируддина Ишан Бабы (Казахстан)считается самым влиятельным среди кыргызов, но его центр находится вблизи Туркестан а (Казахстан). В Бишкеке у последователей есть помещение для встреч, в пятничные дни проводятся большие собрания и угощения. Последователи называют шейха «ишан», а друг друга — «диване».Текке была основана его отцом, шейхом Абдулвахидом, который даже в годы советского режима продолжал духовную деятельность, пережил многочисленные аресты и стал легендарной фигурой.Ритуалы включают чтение сур после молитв, хикметов Ахмада Ясави, произведений Бахауддина Накшбанда, Убайдуллы Ахрара и Суфи Аллах'яра. Наблюдается строгое следование накшбандийскому методу хофи-зикра (тихого поминания).Тарикат шейха Хикматуллы из Таджикистана, также имеет значительное влияние в Кыргызстане. Шейх Хикматулла родился в 1941 г. в Каротинской области, получил глубокое исламское образование, затем вступил на суфийский путь под руководством шейха Абдуррахмана Малджона. Он является автором трудов по ханафитскому мазхабу и суфизму, а также ведет активную полемику с представителями ваххабизма, имеет большое число последователей в Таджикистане, Кыргызстане, Узбекистане и других странах региона, пользуется большим почётом и оказывает влияние даже на государственных деятелей.

Суфизм нашел свое отражение и в творчестве кыргызских писателей и поэтов. В произведениях кыргызских мыслителей можно заметить двойственность, свойственную суфизму: во-первых - это свобода выражения, второе – великодушие. В поучительных стихотворениях акынов

форма изложения соответствует значительности мыслей, в них с конкретностью и остротой находят отражение проблемы и общественные явления, их произведения убеждают людей в присутствии социальных и психологических различий между ними.[16; 9]. Ясавийские традиции оставили значительный след в кыргызской поэзии. Многие известные народные поэты опирались на стиль хикметов. Даже сегодня в некоторых накшбандийских собраниях в Кыргызстане хикметы читаются вслух на оригинальном языке.

В контексте возрождения и развития суфизма в современном Кыргызстане следует упомянуть о явлении, которое в последние десятилетия получило название политический суфизм. Термин «политический суфизм» также не имеет четкой и единой точки происхождения в научной литературе, и его введение в оборот скорее представляет собой результат эволюции исследований в области суфизма, а также его взаимодействия с политическими процессами. Он начал использоваться в научной литературе в конце XX – начале XXI века. Одним из первых исследователей, кто начал уделять внимание политическому аспекту суфизма, был французский исследователь ислама Александр Беннигсен. Термин «политический суфизм» акцентирует внимание на том, что суфизм не всегда был аполитичным или исключительно духовным. Как было рассмотрено выше, в историческом контексте Центральной Азии суфийские ордена часто оказывали существенное влияние на политическую власть, а иногда даже становились основой для политических движений. Современная политическая обстановка в центральноазиатском регионе свидетельствует о том, что суфизм заявил о себе как о новой политической силе [1;144] и у властей региона стоит задача направить его потенциал в конструктивном для государств русле.

Заключение. Проникновение ислама и суфизма в Центральную Азию началось с оседло-земледельческого населения региона и значительно позже оказало воздействие на быт и верования кочевников-скотоводов, проживающих в гористых и степных просторах. Даже в мусульманских источниках XVII в., кыргызы называются «кафирами», «неверными». Ислам проникал к киргизам преимущественно из Ферганской долины, активную роль сыграло манапство[12; 58].

Всё это было связано с тем, что долгое время у кыргызов существовали родоплеменные общественные порядки, кочевое хозяйство, господствовали живучие формы домусульманских верований и многое другое[12; 58].Ч. Валихановым отмечено, что в кыргызском языке «почти нет арабских и персидских слов, зато много монгольских и первообразно тюркских». При этом данный факт не следует соотносить с уровнем проникновения и распространением ислама, а именно с культурным влиянием, так как определенный процент персидских и арабских слов, присутствует, например, в гагаузском языке, несмотря на то, что представители данного народа преимущественно христиане. Кыргызский исследователь У. Чотонов подчеркивал, что именно из-за кочевого образа жизни медресе – школы высшей ступени – не получили распространения. Современные киргизские ученые склонны подчеркивать элементы сходства между исламом и тенгрианством. Так, по Н.Г. Аюпову, ислам своим рациональным единобожием по сути не противоречил религиозной психологии автохтонных народов Центральной Азии, став выражением универсальных устремлений человечества.[12; 60].

Прежде чем использовать те или иные аспекты материального или духовного наследия прошлого на практике, необходимо исследовать, оценить и определить, насколько они соответствуют нашим интересам и потребностям. [17; 317] Суфизм стал частью многовекового традиционного духовно-культурного наследия кыргызов и является одним из идеологических инструментов, который может противостоять проникновению в республику воззрений различных экстремистских течений. Поэтому в современном Кыргызстане, целесообразно возрождать и развивать данное учение. Например, этому вопросу можно уделять внимание на предмете «Мекен таануу», который посвящен возрождению национального наследия и воспитанию патриотизма [18; 61].

Список использованной литературы

1. Каримова Р. У., Масимова Х. В., Каримова З. К. Из истории формирования политического суфизма в Центральной Азии // Bulletin of History. 2024. № 3 (114). С. 144–158. DOI: 10.26577/JH.2024.v114i3-014.
2. Пылев А. И. Суфизм у среднеазиатских тюрок в караханидский период (XI–XII вв.): основные черты и крупнейшие представители // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение. Африканистика. 2012. № 1. С. 75–84.
3. Абдуллаев К. Н. Политические течения в басмачестве: ишанизм и суфизм // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 12. С. 7–10.
4. Масиралиев Ш. П. Ислам суфизм (тасаввуф): философиянын кээ бир маселелери // Теология факультетинин илимий журналы. Ош, Ош мамлекеттик университети. 2015. № 20–21. С. 193–204.
5. Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане // Türk Uygarlığı Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2023. Т. 2. № 1. С. 125–136.
6. Кадыров М. Суфизмдин «Манас» эпосундагы таасирлери // Теология факультетинин илимий журналы (İlahiyat Fakültesi İlmi Dergisi). Ош, Ош мамлекеттик университети. 2023. № 34. С. 7-14. DOI: 10.52754/16947673_2023_34_1.
7. Тоголоков А. М. Религиозное сознание древних кыргызов и суфизм // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7-1. С. 231–233.
8. Adaraliev A. The religious faith of the Kyrgyzs // Technium Social Sciences Journal. 2021. Vol. 16. P. 631–641. DOI: 10.47577/tssj.v16i1.2530.
9. Karabaev O. K., Masharipova G. O., Utanova U. A., Khasanov R. Khoja Ahmad Yasavi and the evolution of Tasawwuf // PAMIR-2 2023: The Second Pamir Transboundary Conference for Sustainable Societies. 2023. P. 87–92.
10. Кадыров М. Nakşibendiliğin Kırgızlar Arasındaki Faaliyetleri / The Activities of Naqshbandiyya Among Kyrgyz // *Теология факультетинин илимий журналы (İlahiyat Fakültesi İlmi Dergisi)*. Ош, Ош мамлекеттик университети. 2017. № 22. С. 85-99.
11. Göktaş V. Kırgızistan'da tasavvufî durum // Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 2013. Vol. 54. No. 2. P. 159–169. DOI: 10.1501/Ilhfak_0000001394.
12. Кудаяров А. Роль суфизма в переходе киргизов от тенгрианства к исламу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2021. № 2. С. 57–66.
13. Павличенко З. Ю. Священные места как элемент доисламской культуры кыргызов // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 4–5 декабря 2017 г.). Екатеринбург, УрФУ. 2017. С. 777–782.
14. Аширов А. А., Пасилов Б. А. Зикр джахр в ритуальной практике суфийских групп Средней Азии и его этнографические особенности // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 37–43.
15. Ismoilov K. Sufi traditions in Central Asia: a spiritual heritage // Экономикаисоциум. 2024. № 5-2 (120). С. 279–281
16. **Тоголоков А. М.** Элементы суфизма в творчестве кыргызских мыслителей = Кыргыз ойчулдарынын чыгармаларындагы суфизмдин элементтери // *Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына*. 2018. № 2. С. 9–12.
17. Бабашов А.К., Аалиева Ш.К. Баалуулуктар системасы жана алардын идеологиялык контексттеги ролу // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына 2025. № 2. Б. 317–321.
18. Нурмаматова К.У., Казиева Г.Х. Башталгыч класстардын мекен таануу сабагында практикалык-лабораториялык иштерди жүргүзүүнүн усулу жана билим берүүдөгү мааниси // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 2025. – № 3. Б. 60–64. DOI: 10.58649/1694-5344-2025-3-60-64.

УДК 101.1(510+575.2)

Пан Япин., Касымова Н.О.
Жусуп Баласанын атындагы КУУ
Пан Япин., Касымова Н.О.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Pan Yaping., Kasymova N.O.
KNU Jusup Balasagyn

КЫТАЙ ЖАНА КЫРГЫЗСТАНДЫН ЭКОЛОГИЯЛЫК ОЙ-ЖҮГҮРТҮҮСҮНҮН АРАЛЫК-МАДАНИЯТТЫК АНАЛИЗ
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ И КИРГИЗИИ
CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF ECOLOGICAL THOUGHT IN CHINA AND KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө:Глобалдык экологиялык кризистин курчуп бараткан шартында ар кандай цивилизациялык салттардагы экологиялык акылмандык туруктуу өнүгүү жолдорун түзүү үчүн маанилүү интеллектуалдык ресурска айланууда. Кытай менен Кыргызстан «Бир белдем, бир жол» демилгесинин алкагындагы маанилүү өнөктөштөр катары ар түрдүү тарыхый-маданий контексттерде калыптанган экологиялык ой тутумдарына ээ. Бул тутумдар терен айырмачылыктар менен бирге ички өз ара толуктоочулукка да ээ. Бул макалада маданияттар аралык салыштырма методологиясы аркылуу Кытайдагы «асман менен адамдын биримдиги» деген конфуциандык салт жана Кыргызстандын «жаратылыш — эне» деген көчмөндүк акылмандыгы системалуу түрдө иликтенип, алардын баалуулук негиздериндеги, практикалык этикасындагы жана азыркы экологиялык көйгөйлөргө мамилесиндеги окшоштуктар менен айырмачылыктар талданат. Изилдөө көрсөткөндөй, эки экологиялык ой бүтүндүк ой жүгүртүү, ченемдүүлүк этикасы жана муундар аралык камкордук сыяктуу аспектилерде олуттуу жалпылыкка ээ, ошол эле учурда философиялык негиздеринде, туюнтуу ыкмаларында жана практикалык багыттарында ачык маданий өзгөчөлүктөрдү көрсөтөт. Ушул негизде макалада эки өлкөнүн экологиялык ойлорунун ортосунда чыгармачыл диалогду өнүктүрүү, Чыгыш акылмандыгы менен Борбор Азия өзгөчөлүктөрүн айкалыштырган аймактык экологиялык билим симбиоздук тутумун түзүү жана глобалдык экологиялык цивилизация курууга көп маданияттуу көз карашты сунуштоо үчүн академиялык котормо, билим берүү алмашуулары жана долбоордук кызматташтык сыяктуу конкреттүү жолдор сунушталат.

Аннотация:В условиях обострения глобального экологического кризиса экологическая мудрость, заключенная в различных цивилизационных традициях, становится важным интеллектуальным ресурсом для построения путей устойчивого развития. Китай и Киргизия, являясь важными партнерами в рамках «Одного пояса, одного пути», обладают системами экологической мысли, сформированными в различных историко-культурных контекстах, которые имеют как глубокие различия, так и внутреннюю взаимодополняемость. В данной статье с помощью методологии кросс-культурного сравнения систематически рассматриваются конфуцианская традиция Китая «единства неба и человека» и кочевая мудрость Киргизии, рассматривающая «природу как мать», выявляются их сходства и различия в ценностных основаниях, практической этике и подходах к решению современных экологических проблем. Исследование показывает, что обе экологические мысли обладают значительной общностью в таких аспектах, как холистическое мышление, этика умеренности и забота о будущих поколениях, одновременно демонстрируя яркую культурную специфику в философских основаниях, способах выражения и практических ориентациях. На этой основе в статье предлагаются конкретные пути — академический перевод, образовательные обмены и проектное сотрудничество — для содействия творческому диалогу между экологическими мыслями двух стран, построения региональной симбиотической системы экологических знаний, сочетающей восточную мудрость и центральноазиатскую специфику, что

может дать мультикультурную перспективу для вдохновения глобального строительства экологической цивилизации.

Abstract: Abstract: Against the backdrop of an increasingly severe global ecological crisis, the ecological wisdom embedded in different civilizational traditions has become an important intellectual resource for constructing pathways to sustainable development. China and Kyrgyzstan, as key partners in the Belt and Road Initiative, possess ecological thought systems shaped by distinct historical and cultural contexts. These systems exhibit both profound differences and inherent complementarity. Through a cross-cultural comparative methodology, this article systematically examines the Confucian tradition of the "unity of heaven and man" in China and the nomadic wisdom of Kyrgyzstan, which views "nature as mother," identifying similarities and differences in their value foundations, practical ethics, and responses to contemporary ecological challenges. The study reveals that both ecological thoughts share significant commonalities in aspects such as holistic thinking, ethics of moderation, and intergenerational concern, while also demonstrating distinctive cultural characteristics in their philosophical foundations, modes of expression, and practical orientations. Based on these findings, the article proposes concrete pathways including academic translation, educational exchange, and project cooperation to foster a creative dialogue between the ecological thoughts of the two countries, and to construct a regional symbiotic system of ecological knowledge that integrates Eastern wisdom with Central Asian characteristics, thereby offering a multicultural perspective for the global advancement of ecological civilization.

Негизги сөздөр: Экологиялык цивилизация; Маданияттар аралык анализ; Асман менен адамдын биримдиги; «Бир белдем, бир жол»; Экологиялык акылмандык

Ключевые слова:Экологическая цивилизация; Кросс-культурный анализ; Единство неба и человека; «Один пояс, один путь»; Экологическая мудрость

Keywords: Ecological Civilization; Cross-Cultural Analysis; Unity of Heaven and Man; The Belt and Road Initiative; Ecological Wisdom

Культурные основы и генезис экологических представлений Китая и Кыргызстана

Формирование китайских экологических ценностей имеет глубокие историко-культурные корни, а его основная черта выражается в органическом холизме как космологическом взгляде. Конфуцианская традиция подчеркивает принцип «единства Неба и Человека» (тянь рэнь хэ и), согласно которому человеческое общество и природный порядок обладают изоморфизмом и подчиняются фундаментальному закону «Дао». Это представление проявлялось не только в философских размышлениях, но и проникало в политические институты, сельское хозяйство и образ жизни древнего Китая. Классика «Ицзин» («Книга перемен») связывала природные явления с человеческими событиями, формируя космологическую схему единства Неба, Земли и Человека.

Даосизм обогатил китайскую экологическую мудрость в ином измерении. Центральная идея «Дао следует природе» (дао фа цзы жань) призывает человека следовать законам природы, а не насильственно вмешиваться в нее или покорять ее. Учение Чжуан-цзы «Небо и Земля существуют вместе со мной, а все вещи едины со мной» полностью устраняет дуалистическое противопоставление человека и природы, пропагандируя способ существования в гармонии с природой и духовной свободой.

После проникновения в Китай буддизм своими идеями «причинно-следственной обусловленности», «равенства всех живых существ» и «запрещения на убийство» слился с местными учениями, сформировав традицию защиты живых существ и бережного отношения к природе, дополнительно укрепив этическую ориентацию на ценность жизни и уважение к природе.

В современный период, особенно с начала XXI века, китайская экологическая мысль претерпела творческую трансформацию. Восприняв западные концепции устойчивого развития, Китай объединил традиционную экологическую мудрость с марксистским взглядом на природу, предложив системное понятие «экологическая цивилизация» с китайскими особенностями.

Строительство экологической цивилизации было возведено в ранг национальной стратегии. Особое значение приобрели идеи «Зеленые горы и чистые воды – это золотые и серебряные горы», «Горы, реки, леса, поля, озера, луга и пески – единое жизненное сообщество». Принцип «защиты в процессе развития и развития через защиту» отражает органическое слияние традиционного холизма и современного подхода к развитию. Это слияние проявилось не только на политическом уровне, но и проникло в повседневную жизнь населения, сформировав зеленый образ жизни и потребительские ценности с китайскими особенностями.

Экологические представления Кыргызстана глубоко укоренены в многовековой кочевой истории и уникальной горно-степной среде. В традиционной мировоззрении кыргызов природа не является объектом покорения, а священным существом, которое питает народ и дарит жизнь. Идея «Природа-Мать» глубоко укоренилась в сознании: горы, реки, леса и животные наделены духовностью, отношения между человеком и природой основаны на благоговении, благодарности и взаимозависимости.

Кочевой образ жизни сформировал у кыргызов уникальную экологическую практическую мудрость. Для устойчивого существования в уязвимой горной экосистеме они разработали сложную систему сезонных перекочевок и ротационного выпаса скота. Ее ядро – динамическое равновесие: в зависимости от состояния пастбищ и распределения водных источников осуществлялись плановые циклические перекочевки между летними и зимними пастбищами на разных высотах, исключающие чрезмерную нагрузку на любой участок. Такой образ жизни «кочевания в поисках воды и травы» сам по себе выражает глубокое понимание и уважение к способности экосистемы к самовосстановлению.

Кыргызский эпос «Манас» содержит богатые экологические метафоры и нормы. Эпос не только прославляет подвиги героев, но и передает древние заповеди о защите водных источников, бережном отношении к животным, умеренном использовании ресурсов. Эти нормы укреплялись через передаваемые из поколения в поколение пословицы, обычаи и табу (запрет загрязнения родников, запрет на рубку леса весной, священный статус отдельных деревьев), формируя механизм общественной экологической самодисциплины.

В советский период коллективизация и масштабная индустриализация нанесли удар по традиционному кочевому образу жизни и соответствующим экологическим представлениям. Однако за более чем тридцать лет независимости, в связи с возрождением национального самосознания и поисками пути устойчивого развития, кыргызское общество пересматривает ценность традиционной экологической мудрости, рассматривая ее как важный культурный ресурс для решения современных экологических проблем (охрана озера Иссык-Куль, деградация горных ледников, опустынивание степей). При поддержке ЮНЕСКО и других международных организаций традиционное экологическое знание Кыргызстана систематически фиксируется и исследуется, постепенно интегрируясь в современную систему экологического управления.

При межкультурном сопоставлении фундаментальных идей экологические воззрения Китая и Кыргызстана демонстрируют ярко выраженную антропоцентрическую ориентацию, но различаются по философским путям выражения. Китайское «единство Неба и Человека» подчеркивает достижение гармонии с космическим порядком через моральное совершенствование и ритуальную культуру; его путь – интровертный, этизированный, сосредоточенный на связи духовного совершенства и природного порядка. Кыргызская идея «Природы-Матери» возникает из непосредственного опыта выживания и эмоциональной связи с природными элементами; ее путь – экстравертный, эмпирический, ориентированный на поддержание симбиоза через конкретные поведенческие запреты и практические нормы.

В определении отношений человека и природы китайская мысль склоняется к активной роли «участия в преобразовании природы»: человек занимает особую моральную позицию, являясь частью природы и одновременно ее управителем и координатором. Традиционное кыргызское воззрение сильнее подчеркивает роль человека как смиренного члена природного сообщества, обязанного

следовать ритмам и границам, установленным природой; отношения между человеком и природой ближе к эмоциональной связи между детьми и матерью.

Анализ общности и специфики экологических идей Китая и Кыргызстана и потенциал их взаимодополнения.

Несмотря на разные культурные контексты, китайская и кыргызская экологические мысли демонстрируют заметную общность на глубинном ценностном уровне, что составляет прочную основу для межкультурного диалога.

Во-первых, холизм и реляционное мышление являются общей центральной чертой. Китайская философия рассматривает Вселенную как органическое целое, в котором все взаимосвязано и взаимодействует. Это проявляется в традиционной китайской медицине, учении о фэн-шуй и сельском хозяйстве. Кыргызская мудрость также рассматривает человека, скот, пастбища, горы как единую жизненную сеть: разрушение любого звена угрожает целостности системы. Пастухи верят, что загрязнение вод вызывает гнев горных духов, а чрезмерный выпас ведет к краху экосистемы. Такой холизм контрастирует с механистическим взглядом на природу Нового времени и близок к современной системной экологии, представляя важный интеллектуальный ресурс для современной экологической философии.

Во-вторых, обе традиции выражают сильную этику умеренности, сдержанности и циклического использования ресурсов. Китай ценит принцип «брать с мерой, использовать с бережностью», подчеркивая устойчивое использование природных ресурсов. В «Ли цзи» («Записки о церемониях») содержатся предписания о входе в леса и водоемы в определенное время. Традиционное сельское хозяйство с севооборотом, прудово-шелковичными системами демонстрирует мудрость циклической экономики.

Кыргызская кочевая экономика по своей сути основана на цикличности и возобновлении: скот потребляет траву, а навоз удобряет землю; перекочевки позволяют пастбищам восстанавливаться. Экономия воды, полное использование всех частей животного (мясо, молоко, кожа, шерсть, кости) выражают глубокое сознание экономии ресурсов. Обе традиции отвергают безмерное присвоение и расточительство, содержат простые идеи устойчивого развития, соответствующие современной циклической экономике.

В-третьих, важной общей чертой является глубокое межпоколенное отношение и ориентация на будущее. В Китае бытует пословица: «Предки сажают деревья, потомки наслаждаются тенью». Государственное управление ценит долгосрочность, что проявлялось в древних лесоводственных и гидротехнических проектах. Кыргызы рассматривают землю и воду как наследие предков, неся ответственность за их сохранение для потомков. В кочевой традиции отец учит сына определять состояние пастбищ, планировать маршруты перекочевок – такая передача знаний сама по себе является передачей межпоколенной ответственности. Такой взгляд, выходящий за рамки краткосрочных интересов, является важной культурной основой современного устойчивого развития.

В рамках общности две экологические мысли, обусловленные разными социально-экономическими основами и философскими традициями, демонстрируют богатую культурную специфику.

По философскому основанию и форме выражения китайская экологическая мысль отличается высокой теоретизацией и текстуальностью. Она систематически разработана философами и литераторами, образовала четкую, логически строгую систему, передаваемую через классические тексты, поэзию, садовое искусство. Природа в китайской культуре всегда была важным объектом эстетики и философии.

Кыргызская экологическая мудрость в основном является практическим, неявным знанием, встроенным в средства существования, общинные обряды, устное творчество и повседневные табу. Она более эмпирична, ситуативна и диффузна. Такое знание часто не фиксируется письменно, а сохраняется и развивается в устной передаче из поколения в поколение и жизненной практике.

По практической ориентации китайские традиционные экологические практики часто сочетались с крупной социальной организацией, интенсивным земледелием и централизованным управлением**,** стремясь к регулированию отношений человека и земли через системные проекты и управленческие меры, к стабильности и порядку. От Дуцзянъяньских гидротехнических сооружений до политики лесовосстановления и сезонных норм «Юэ лин» проявляется системность и институциональность. Современное строительство экологической цивилизации в Китае продолжает эту черту – масштабное планирование и системное управление (проект «Северо-Западная защитная лесная полоса», программа возвращения пахотных земель в леса и луга).

Напротив, традиционные кыргызские экологические практики более гибки, адаптивны и основаны на общинном самоуправлении. Кочевой образ жизни требует быстрой реакции на изменчивую природную среду; управленческие единицы – семья или род, принятие решений децентрализовано, акцент на местных знаниях и общественном самоконтроле. Пастухи гибко корректируют стратегию выпаса в зависимости от погоды и состояния пастбищ – такой высокоадаптивный подход имеет уникальную ценность для противодействия изменениям климата.

По подходам к решению современных экологических вызовов различия также очевидны. Современный Китай делает упор на комплексное решение экологических проблем через технические инновации, институциональное строительство и крупномасштабные экологические проекты, опираясь на сильную государственную мобилизацию. Китай инвестирует значительные средства в возобновляемые источники энергии, очистку загрязнений, восстановление экосистем, формируя целостную систему экологического управления от центра до мест.

Кыргызстан при решении проблем деградации горных экосистем, управления водными ресурсами все больше внимания уделяет возрождению и интеграции традиционных местных знаний, сочетая их с общинным управлением, экотуризмом и современными моделями, исследуя маломасштабные адаптивные решения. Например, в Тянь-Шане местные общины пытаются совместить традиционный ротационный выпас с современным управлением охраняемыми территориями, развивая общинный экотуризм для баланса экологической защиты и экономического развития.

Именно эти различия, а не только общность, создают огромное пространство для взаимодополнения и сотрудничества. Системный, плановый подход Китая и сильный имплементационный потенциал могут служить основой для решения трансграничных экологических проблем региона. При противодействии общим для Центральной Азии проблемам – управлению водными ресурсами, борьбе с опустыниванием, сохранению биоразнообразия – китайский опыт и технологии играют важную роль.

Глубокая кыргызская общинная традиция, гибкие стратегии местной адаптации и глубокое понимание уязвимых экосистем могут компенсировать возможную жесткость чисто технико-инженерного подхода, предлагая более гибкие и культурно чувствительные варианты управления. Например, при экологической защите Памира сочетание китайских технологий восстановления экосистем и кыргызской пастушьей мудрости управления пастбищами может дать более устойчивые и приемлемые для местного населения результаты. Китайский опыт экологической миграции, возвращения пастбищ из-под скота может служить ориентиром для Кыргызстана, а кыргызская модель общинного управления – новым подходом для китайских заповедников.

Формирование путей диалога экологических идей Китая и Кыргызстана и общее видение

Продвижение эффективного диалога между Китаем и Кыргызстаном в сфере экологических идей требует прежде всего утверждения правильных принципов. Равенство и уважение – предпосылка,необходимо признать, что каждая экологическая мудрость является уникальным продуктом своей культуры и среды, обладает внутренней ценностью и незаменимостью. Стороны должны отвергать любые формы цивилизационного превосходства, относиться к традиционной мудрости друг друга с равным уважением.

Взаимное обучение и обмен – метод. открыто и толерантно искать взаимное вдохновение, не быть самоуверенными и не недооценивать себя. Сохранение различий при поиске общего – основная позиция.не стремиться к полному совпадению идей и практик, а на основе уважения различий искать возможности синергии, реализуя идеал «Каждая красота прекрасна, вместе все прекрасны».

Современный диалог сталкивается с множеством реальных вызовов. На первом месте стоит языковой и академический барьер,большая часть кыргызской устной традиции и местных знаний не систематизирована и не переведена на международные языки или китайский, что затрудняет их включение в основной академический дискурс и политические обсуждения.

Различия в стадиях развития обусловливают различие приоритетов экологической повестки и политики. Китай больше сосредоточен на глобальных вопросах – борьба с загрязнением воздуха, достижение пика углеродных выбросов и углеродной нейтральности, а Кыргызстан сталкивается с более актуальными проблемами – таяние ледников, деградация степей, нехватка воды. Эти различия могут влиять на фокус и глубину диалога.

Кроме того, необходимо избегать романтизации или эссенциализации идей любой из сторон, отрыва от их конкретного исторического и социального контекста. Традиционная экологическая мудрость имеет как вечную ценность, так и исторические ограничения; требуется критическое освоение и развитие в современном контексте, избегание ностальгической идеализации.

Для преодоления вызовов и продвижения содержательного диалога можно сформировать следующие многомерные пути.

На академическом уровне и производстве знаний необходимо активно развивать совместные исследования и систематизацию знаний. Создавать междисциплинарные группы китайских и кыргызских ученых для долгосрочных полевых исследований в кыргызских пастбищных районах и китайских экологических заповедниках, систематически обрабатывать и переводить классические тексты и устные источники. Особенно важно создать общую базу понятий и терминов, провести глубокий перевод и интерпретацию ключевых понятий – «экологическая цивилизация», «устойчивое развитие», «сообщество единой судьбы человека и природы», «экологическая устойчивость», сформировать новую общую лексику для основы глубокого диалога.

Поддерживать создание междисциплинарных исследовательских платформ, поощрять сотрудничество ученых разных областей – экологии, антропологии, философии, истории, географии – исследовать потенциал применения традиционных знаний в современной науке. Например, изучать связь кыргызской пастушьей классификации пастбищ с современной наукой о степях, экологическую мудрость китайского фэн-шуя и современной ландшафтной экологии.

В образовательной сфере требуется формирование системной трансляции экологических знаний. Ввести в университетах обеих стран курсы сравнительной экологической философии, традиционных экологических знаний, экологической антропологии для подготовки нового поколения специалистов с межкультурным пониманием. Эти курсы должны преодолевать дисциплинарные барьеры, сочетать философские размышления, научные знания и практические навыки.

Активно расширять молодежный и академический обмен: учредить специальные программы стажировок и совместного обучения, поддерживать долгосрочное изучение и исследования студентов и ученых в соседней стране, особенно поощрять китайских студентов к проживанию в кыргызских пастбищных районах, кыргызских – к практике в китайских экологических заповедниках.

Критически важно массовое распространение через новые медиа: совместно создавать документальные фильмы, популярную литературу, серии коротких видео и цифровые выставки о экологической мудрости и практиках защиты природы обеих стран, наглядно повышать общественное осознание, формировать межкультурное экологическое сознание особенно у молодежи.

На политическом и практическом уровне сотрудничества необходимо органично интегрировать традиционную мудрость в проекты строительства «Зеленого Шелкового пути». В инфраструктурных, энергетических и сельскохозяйственных проектах в рамках «Пояса и пути» внедрить механизм оценки влияния традиционных экологических знаний, учитывать местные традиции для обеспечения

экологической адаптивности и социальной приемлемости проектов. Например, при строительстве трансграничных дорог или гидротехнических объектов учитывать местные гидрогеографические особенности и традиционные нормы использования воды.

Активно исследовать новые модели экологического сотрудничества.в трансграничных природных заповедниках Китая и Кыргызстана, экологических коридорах Тянь-Шаня, бассейне Иссык-Куля апробировать модель совместного управления «государственное руководство – научная поддержка – общественное участие», сочетая институциональные преимущества Китая и общинный опыт Кыргызстана. Такая модель позволит использовать китайские преимущества в планировании, финансировании и технологиях, а также кыргызские местные знания и общественную активность, достигая двойного выигрыша в защите и развитии.

На международном уровне Китай и Кыргызстан должны совместно продвигать новую глобальную экологическую этику. Совместно разъяснять в ЮНЕП, ШОС, САВМ и других международных и региональных форматах уникальную ценность китайского «единства Неба и Человека» и кыргызского «Природы-Матери» для преодоления недостатков современной индустриальной цивилизации и формирования новой этики глобального экологического управления. Особенно на переговорах по изменению климата, сохранению биоразнообразия Китай и Кыргызстан могут совместно предлагать решения на основе традиционной мудрости, способствовать признанию международным сообществом роли культурного разнообразия в экологической защите. Ученые обеих стран могут совместно подготавливать тематические отчеты, обосновывая вклад традиционных экологических знаний в достижение целей устойчивого развития ООН, повышая видимость и влияние стран «Глобального Юга» в системе экологического дискурса.

За пределами простого обмена знаний конечное видение диалога – формирование «Китайско-Центральноазиатского симбиоза экологических знаний». Это не единая фиксированная система, а открытая динамичная сеть инноваций и платформа диалога. В этом симбиозе экологические знания разных источников не просто суммируются, а взаимно стимулируются и трансформируются, порождая новые понимания и практики.

Китайский системный опыт строительства экологической цивилизации – режим экологических красных линий, система рек и лесов в управлении – может служить ориентиром для Кыргызстана и других центральноазиатских стран. Традиционная адаптивная мудрость Кыргызстана и других стран Центральной Азии, особенно стратегии выживания кочевых народов в уязвимых экосистемах, может обогатить и скорректировать чрезмерно технократические решения, повышая их культурную и экологическую устойчивость. Например, при восстановлении степей можно сочетать китайские технологии дрон-мониторинга и спутниковой съемки с кыргызской пастушьей экспертизой оценки пастбищ, создавая более точные и практичные инструменты управления.

Этот симбиоз должен иметь многоуровневую структуру.Базовый уровень， создание базы данных и платформы обмена китайскими и кыргызскими экологическими знаниями, систематическое собирание традиционных знаний, современных научных результатов и типовых примеров;Диалоговый уровень，регулярное проведение форумов экологического диалога, ученых семинаров, общинных встреч для формирования многоуровневого постоянного механизма диалога;Инновационный уровень ， учреждение совместного исследовательского фонда для поддержки инновационных исследований по общим региональным проблемам – совместное управление трансграничными водными ресурсами, адаптация горных экосистем к изменению климата;Практический уровень ， создание нескольких демонстрационных проектов – трансграничных экологических заповедников, экологических ферм с сочетанием традиционной мудрости и современных технологий, демонстрационных зон экотуризма на основе кочевой культуры – для перевода теоретических знаний в конкретную практику.

Конечно, значение этого симбиоза не ограничивается регионом, он служит важным примером для глобального строительства экологической цивилизации. Модернизация и экологическая защита не существуют только в западной версии. Разные цивилизации могут на основе собственных

культурных генов через диалог на основе равенства и взаимного обучения исследовать множественные пути устойчивого развития.

Китайско-цыргызский симбиоз экологических знаний может стать мостом между восточноазиатской аграрной и центральноазиатской кочевой цивилизациями, а также воспроизводимым методом и опытом для экологического диалога между другими цивилизациями. По мере развития симбиоза к нему можно привлечь Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и другие центральноазиатские страны для формирования более широкой китайско-центральноазиатской сети экологических знаний, совместного решения региональных экологических вызовов.

Межкультурный диалог Китая и Кыргызстана в сфере экологических идей принесет пользу не только народам двух стран, но и внесет глубокий вклад из глубины Евразийского континента в формирование сообщества единой судьбы человечества. Особенно в условиях обострения глобального экологического кризиса такой диалог на основе культурного разнообразия особенно ценен и необходим. Он напоминает, что решение экологических проблем требует не только науки, техники и политических институтов, но и культурной мудрости и духовного преобразования. Именно на этом уровне китайско-цыргызский экологический диалог представляет ценное исследование в поиске человечеством духовных ресурсов и культурных основ устойчивого развития.

Заключение

Экологическая мудрость Китая и Кыргызстана подобна рекам, берущим начало в Памире, разные по течению, но общим по истоку. Их диалог и синтез породят новую парадигму экологической цивилизации, сочетающую глубину и масштаб, предоставляя важные интеллектуальные и практические ресурсы для формирования сообщества единой судьбы человечества.

В будущем Китай и Кыргызстан должны выйти за рамки простого экологического технического или проектного сотрудничества к более глубокому диалогу экологических цивилизаций. Через академический перевод – укреплять основу взаимопонимания, через образовательный обмен – воспитывать будущие силы, через интеграцию традиционной мудрости в «Зеленый Шелковый путь» – исследовать практические пути. Обе страны полностью способны совместно сформировать динамичный «симбиоз экологических знаний».

Этот симбиоз не будет закрытым, исключительным культурным кругом, а открытой динамичной инновационной сетью, открытой для других центральноазиатских стран и партнеров из Глобального Юга, совместно исследующих пути устойчивого развития на основе собственных культурных генов.

Этот процесс не только внесет глубокую культурную устойчивость в устойчивое развитие обеих стран и всего Центральная Азия, но и на живом примере докажет миру, что подлинная глобальная экологическая цивилизация – это цивилизация, которая вмещает и стимулирует расцвет и гармоничное взаимодействие экологической мудрости разных культур.

Совместное исследование Китая и Кыргызстана на этом пути неизбежно выйдет за географические границы и станет важной главой в построении человечеством более гармоничного и устойчивого будущего.

Список использованной литературы

1. Molotokienė, E. (2025). The Impact of Intercultural Perspectives on Environmental Ethics. E3S Web of Conferences, 608, 04002. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202560804002

2. Zeng, Y., Hallås, B. O., & Sæle, O. O. (2024). Intercultural dialogue on ecopedagogy between Daoism and Naess' ecosophy: Comparing and integrating Chinese and Western ecological wisdom. Educational Philosophy and Theory, 56(12), 1229–1240. https://doi.org/10.1080/00131857.2024.2376636

3. Gulomova, A. N. (2024). ENVIRONMENTAL PHILOSOPHY: EXPLORING ETHICAL PERSPECTIVES, HUMAN-NATURE RELATIONSHIP, AND SUSTAINABILITY. Journal of Social Sciences and Humanities Research Fundamentals, 4(5), 56–60. https://doi.org/10.55640/jsshrf-04-05-13

4. Song, H., Zhu, J., & Abykeeva-Sultanalieva, T. (2024). Traditional ecological culture of China and Kyrgyzstan as a fundamental basis for the development of modern ecological civilization. Scientific Herald of Uzhhorod University Series Physics, 2024(55), 2142–2150. https://doi.org/10.54919/physics/55.2024.214ep2

5. Zhang, J., & Fu, B. (2023). Eco-civilization: A complementary pathway rooted in theory and practice for global sustainable development. Ambio, 52(12), 1882–1894. https://doi.org/10.1007/s13280-023-01902-8

6. Ma, Z., & Li, F. (2024). Contemporary ecotourism development from the perspective of traditional Taoist philosophy. Trans/Form/Ação, 47(4). https://doi.org/10.1590/0101-3173.2024.v47.n4.e0240092

7. Myrzataeva, B. (2024). Representation of Worship in the Epic of Manas (According to Zhusup Mamai). Bulletin of Science and Practice, 10(4), 657–661. https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/83

8. Ospanova, A. N., & Olchikenova, G. K. (2023). The role and significance of Manas in the national construction of Kyrgyzstan. BULLETIN of the L.N. Gumilyov Eurasian National University.Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series., 143(2), 189–200. https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-143-2-189-200

9. Bai, Y. (2025). The Development and Innovation of Ecological Ethics in China. Общество: Философия, История, Культура, 5, 120–129. https://doi.org/10.24158/fik.2025.5.14

10. Song, M., Hu, C., Yuan, J., Zhang, A., & Liu, X. (2023). Toward an ecological civilization: Exploring changes in China's land use policy over the past 35 years using text mining. Journal of Cleaner Production, 427, 139265. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.139265

УДК

Тостокова К.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Тостокова К.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Tostokova K.A.
KNU Jusup Balasagyn

САЯСАТ МЕНЕН ЭКОЛОГИЯНЫН ӨЗ АРА МАМИЛЕСИН СОЦИАЛДЫК-ФИЛОСОФИЯЛЫК ТАЛДООНУН МЕТОДОЛОГИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И ЭКОЛОГИИ
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN POLITICS AND ECOLOGY

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада саясат менен экологиянын өз ара мамилесин социалдык-философиялык талдоонун методологиялык негиздери каралат. Азыркы глобалдашуу шартында экологиялык кризистер саясий чечимдердин сапатына түздөн-түз байланыштуу болуп калды. Изилдөөнүн максаты – саясат менен экологиянын өз ара байланышын философиялык деңгээлде системалуу түшүндүрүү жана алардын өз ара таасир этүү механизмдерин аныктоо. Макалада диалектикалык, системалык жана аксиологиялык ыкмалар колдонулат. Натыйжада экологиялык саясаттын гуманисттик багытта өнүгүшү коомдун туруктуу өнүгүүсүнүн негизги шарты экендиги негизделет.

Аннотация: В статье рассматриваются методологические основания социально-философского анализа взаимоотношения политики и экологии. В условиях глобализации экологические кризисы становятся непосредственно связанными с качеством политических решений. Цель исследования – системное философское осмысление взаимосвязи политики и экологии и выявление механизмов их

взаимодействия. В работе применяются диалектический, системный и аксиологический подходы. Обосновывается вывод о том, что гуманистическая направленность экологической политики является важнейшим условием устойчивого развития общества.

Abstract: The article examines the methodological foundations of the socio-philosophical analysis of the relationship between politics and ecology. In the context of globalization, environmental crises are directly linked to the quality of political decision-making. The aim of the study is to provide a systematic philosophical understanding of the interconnection between politics and ecology and to identify the mechanisms of their interaction. The research is based on dialectical, systemic, and axiological approaches. It is concluded that the humanistic orientation of environmental policy is a key condition for sustainable social development.

Негизги сөздөр: экологиялык саясат; туруктуу өнүгүү; социалдык философия; глобалдык кризис; саясий жоопкерчилик; коом жана жаратылыш.

Ключевые слова: экологическая политика; устойчивое развитие; социальная философия; глобальный кризис; политическая ответственность; общество и природа.

Keywords: environmental policy; sustainable development; social philosophy; global crisis; political responsibility; society and nature.

Киришүү.

XXI кылымда экологиялык маселелер адамзат цивилизациясынын өнүгүүсүндөгү негизги чакырыктардын бири болуп калды. Климаттын өзгөрүшү, табигый ресурстардын түгөнүшү, суунун жана абанын булганышы, биологиялык ар түрдүүлүктүн кыскарышы сыяктуу глобалдык процесстер мындан ары жалаң гана табигый же илимий көйгөй болбостон, саясий чечимдердин сапаты менен түздөн-түз байланышкан коомдук-философиялык маселе катары каралууда. Айрыкча, Бириккен Улуттар Уюму тарабынан сунушталган туруктуу өнүгүү максаттары экологиялык коопсуздукту мамлекеттик саясаттын стратегиялык багытына айландырууну талап кылат [1].

Глобалдашуу шартында дүйнөлүк экономиканын, эл аралык сооданын жана технологиялык өнүгүүнүн ылдамдыгы жаратылыш ресурстарын пайдалануунун масштабын кыйла кеңейтти. Мунун натыйжасында экологиялык тең салмактуулук бузулуп, жаратылыш менен коомдун ортосундагы мамиледе жаңы карама-каршылыктар жаралууда. Мындай шартта саясаттын ролу өзгөчө мааниге ээ: ал ресурстарды бөлүштүрүү, экологиялык стандарттарды бекитүү, эл аралык келишимдерди ишке ашыруу жана коомдук кызыкчылыктарды тең салмактоо механизмдерин аныктайт. Демек, экологиялык кризистердин тереңдеши көп учурда саясий башкаруунун натыйжалуулугуна жана жоопкерчилигине көз каранды [2].

Социалдык философия саясат менен экологиянын өз ара байланышын коом менен жаратылыштын диалектикалык биримдиги аркылуу түшүндүрөт. Коом жаратылыштын ажырагыс бөлүгү катары андан толук көз каранды болсо да, ошол эле учурда саясий институттар аркылуу айлана-чөйрөгө активдүү таасир этет. Бул карама-каршы көрүнгөн, бирок өз ара шартталган байланыш терең философиялык талдоону талап кылат. Анткени экологиялык маселелерди техникалык же экономикалык деңгээлде гана кароо жетишсиз, алар баалуулук, этикалык жана көз караштык аспектилерди да камтыйт.

Мындан тышкары, экологиялык көйгөйлөрдүн глобалдык мүнөзү мамлекеттер аралык кызматташтыкты күчөтүүнү шарттайт. Климаттын өзгөрүшү сыяктуу процесстер бир өлкөнүн аймагында гана чектелбейт, алар бүткүл адамзатка таасир этет [10]. Ошондуктан саясий чечимдер улуттук деңгээлде гана эмес, эл аралык укуктук жана институционалдык алкакта да каралышы керек. Бул жагдай саясат менен экологиянын өз ара мамилесин системалуу жана методологиялык негизде изилдөөнүн зарылдыгын айкын көрсөтөт.

Изилдөөнүн актуалдуулугу – экологиялык кризистерди натыйжалуу чечүү үчүн саясий башкаруунун философиялык негиздерин кайрадан терең талдап, жаңычыл көз карашта карап чыгуу зарыл болууда.

Саясат экологиялык жоопкерчиликти, гуманисттик баалуулуктарды жана узак мөөнөттүү стратегиялык ой жүгүртүүнү өзүнүн негизги принциптерине айландырганда гана коомдун туруктуу өнүгүүсүнө жетишүүгө мүмкүн болот.

Бул макаланын максаты – саясат менен экологиянын өз ара байланышын социалдык-философиялык методологиянын негизинде талдоо, алардын өз ара таасир этүү механизмдерин аныктоо жана экологиялык саясаттын гуманисттик багытын теориялык жактан негиздөө.

Антропоцен шартындагы саясий жоопкерчилик.

Азыркы доор антропоцен деп аталат – адамзаттын планетардык процесстерге туюк таасир эткен геологиялык жана экологиялык доору. Бул шартта туруктуу өнүгүүнү ишке ашыруу жөн гана улуттук чөйрөдөгү экологиялык саясат менен чектелбестен, глобалдык жана көп деңгээлдүү саясий жоопкерчиликти талап кылат. Чындыгында, антропоцен доорунда климаттын өзгөрүшү, ресурстардын чектелиши жана экосистемалардын бузулушу – бул улуттук чек аралар менен токтоого мүмкүн эмес көйгөйлөр.

Жон Сидни Драйзек жана Жонатан Пикеринг белгилешкендей, антропоцен саясаты көптөгөн деңгээлдерде ишке ашырылышы керек: улуттук институттар, эл аралык уюмдар, жарандык коом жана бизнес секторунун ар бир катышуусу маанилүү [9]. Бул контекстте мамлекеттик институттар мыйзамдарды түзүү жана көзөмөл механизмдерин камсыз кылуу менен негизги ролду ойношот, ал эми глобалдык уюмдар, мисалы, Бириккен Улуттар Уюму жана башка транснационалдык структуралар, ресурстарды бөлүштүрүү жана климаттык кризиске каршы биргелешкен аракеттерди координациялоо функциясын аткарат [1].

Антропоцен шартында саясий жоопкерчилик жаңы формаларды талап кылат. Ушуга байланыштуу Жон Сидни Драйзек жана Жонатан Пикеринг демократиялык институттардын ролу күчөшү керектигин баса белгилешет. Бул институттар саясатты айлана-чөйрөгө жоопкерчиликтүү, ачык-айкын жана калыс жүргүзүүгө, ошондой эле глобалдык деңгээлдеги чечимдерге коомдук катышууну камсыздоого тийиш. Ошондой эле, саясий маданият жана баалуулуктар системасынын сапаты туруктуу өнүгүүнүн натыйжалуулугуна түздөн-түз таасир этет. Эгерде коомдо ресурстарды үнөмдөө, муундар аралык жоопкерчилик жана жаратылышка этият мамиле кылуу сыяктуу баалуулуктар калыптанса, анда туруктуу өнүгүү стратегиялары декларативдик документтер эмес, реалдуу саясий жана экономикалык иш-аракеттердин негизине айланат.

Ошондой эле антропоцен доору туруктуу өнүгүүнүн практикалык механизмдерин кайра карап чыгууга түрткү берет. Мисалы, ресурстарды рационалдуу пайдалануу, энергия жана суу тармагында инновациялык чечимдерди ишке ашыруу, экосистемаларды коргоо жана климаттык тобокелчиликтерди азайтуу – булардын баары глобалдык деңгээлдеги башкаруу менен тыгыз байланышта. Мамлекеттик саясаттын натыйжалуулугу жарандык коомдун катышуусу, ачык-айкындуулук жана маалыматка жеткиликтүүлүктүн деңгээли менен өлчөнөт.

Кыскача айтканда, антропоцен шартында экологиялык саясат – бул экономикалык, социалдык жана саясий компоненттерди интеграциялаган, көп деңгээлдүү жана глобалдык жоопкерчиликти талап кылган динамикалуу система. Бул чөйрөдө Жон Сидни Драйзек жана Жонатан Пикеринг көрсөтүп өткөндөй, саясий институттар жана коомдук баалуулуктар туруктуу өнүгүүнүн чыныгы натыйжалуулугун аныктаган негизги факторлор болуп саналат [9].

Саясат менен экологиянын философиялык өз ара байланышы.

Саясат коомдук мамилелерди жөнгө салуучу жана бийлик аркылуу социалдык ресурстарды бөлүштүрүүчү институттук механизм катары жаратылыш ресурстарын пайдалануу, сактоо жана кайра өндүрүү процесстерине түздөн-түз таасир этет. Ал экономикалык өнүгүүнүн багытын аныктап гана тим болбостон, экологиялык коопсуздуктун деңгээлин да шарттайт. Ушул мааниде саясат

жаратылышка болгон мамиленин нормативдик алкагын түзөт, ал эми экология бул мамиленин илимий мазмунун жана чектерин аныктайт.

Социалдык философияда коом менен жаратылыштын байланышы диалектикалык мүнөзгө ээ экени белгиленет: коом табияттын бир бөлүгү катары андан көз каранды, ошол эле учурда өндүрүштүк жана технологиялык ишмердүүлүк аркылуу табиятка активдүү таасир этет. Бул карама-каршылыктуу биримдик классикалык философияда да каралган. Мисалы, Карл Маркс коом менен жаратылыштын өз ара аракетин «зат алмашуу» түшүнүгү аркылуу талдап, өндүрүш процесси адам менен табияттын ортосундагы материалдык алмашууну уюштурарын белгилеген. Маркстын бул идеясы азыркы экосоциалдык концепциялар үчүн методологиялык негиз болуп кызмат кылат [5].

Заманбап социалдык теорияда экологиялык кризистер индустриалдык коомдун структуралык өзгөчөлүктөрү менен байланыштуу экени көрсөтүлөт. Ульрих Бек «тобокел коом» концепциясында техногендик жана экологиялык коркунучтар саясий чечимдердин натыйжасы катары калыптанаарын жана алар глобалдык мүнөзгө ээ болорун негиздеген. Анын пикиринде, экологиялык тобокелдиктер салттуу саясий чектөөлөрдү бузуп, жаңы деңгээлдеги жоопкерчиликти талап кылат [2].

Ошондой эле Энтони Гидденс климаттык өзгөрүү маселесин талдап, заманбап мамлекеттер кыска мөөнөттүү саясий кызыкчылыктар менен узак мөөнөттүү экологиялык коопсуздуктун ортосунда карама-каршылыкка туш болорун белгилеген. Бул карама-каршылык саясий институттардын реформаланышын жана глобалдык башкаруунун жаңы формаларын талап кылат [4].

Экологиялык философиянын өкүлдөрү адам менен жаратылыштын байланышын баалуулук негизиндеги (аксиологиялык) өңүттө карап, бул мамилени адамдын жоопкерчилиги, адеп-ахлактык тандоосу жана маданий аң-сезими менен тыгыз байланышта түшүндүрүшөт. Арне Несс негиздеген «терең экология» концепциясы жаратылышты инструменталдык ресурс катары эмес, өз алдынча баалуулукка ээ реалдуулук катары түшүнүүнү сунуштайт. Бул көз караш саясаттын антропоцентристтик моделинен экосоциалдык жана гуманисттик моделге өтүүнүн философиялык негизин түзөт [6].

Системалык ыкма боюнча саясат жана экология өз алдынча бөлүнгөн тармактар эмес, бирдиктүү социалдык системанын элементтери болуп саналат [8]. Саясий чечимдер экологиялык процесстерге таасир этсе, экологиялык кризистер кайрадан саясий күн тартибин өзгөртөт. Мындай өз ара шартталуу саясат менен экологиянын функционалдык интеграциясын талап кылат. Ушул контекстте Бириккен Улуттар Уюму тарабынан кабыл алынган туруктуу өнүгүү концепциясы саясий, экономикалык жана экологиялык факторлордун биримдигин стратегиялык принцип катары бекемдейт [1].

Демек, социалдык-философиялык талдоо саясат менен экологиянын ортосундагы байланышты үч деңгээлде түшүндүрүүгө мүмкүндүк берет:

1. онтологиялык деңгээлде – коом менен жаратылыштын ажырагыс биримдиги катары;
2. аксиологиялык деңгээлде – жаратылыштын баалуулук макамы аркылуу;
3. институционалдык деңгээлде – саясий механизмдердин экологиялык процесстерге таасири аркылуу.

Мындай комплекстүү мамиле экологиялык саясатты тармактык саясат катары эмес, коомдук өнүгүүнүн фундаменталдык багыты катары кароого негиз түзөт.

Методологиялык ыкмалар

Саясат менен экологиянын өз ара байланышын социалдык-философиялык деңгээлде изилдөө комплекстүү методологиялык мамилени талап кылат. Анткени бул маселе бир эле тармактын чегинде түшүндүрүлбөйт; ал онтологиялык, аксиологиялык жана институционалдык аспектилерди камтыйт. Ошондуктан изилдөөдө диалектикалык, системалык, аксиологиялык жана институционалдык ыкмалар өз ара толуктоочу методологиялык негиз катары колдонулат.

Диалектикалык ыкма. Диалектикалык ыкма саясат менен экологиянын ортосундагы карама-каршылыктардын биримдигин жана өнүгүү логикасын ачууга мүмкүндүк берет. Коомдук өнүгүү процесси жаратылыш ресурстарын интенсивдүү пайдаланууга алып келсе, ошол эле учурда бул

процесс экологиялык чектөөлөргө туш болот. Мындай карама-каршылык өнүгүүнүн ички булагы болуп саналат. Классикалык диалектикалык салт Георг Гегель тарабынан негизделип, кийин Карл Маркс тарабынан коомдук мамилелерди талдоодо материалисттик негизде өнүктүрүлгөн [5].

Бул ыкма саясат менен экологияны туруктуу эмес, динамикалык процесстер катары кароого мүмкүндүк берет. Экологиялык кризистер коомдук өндүрүштүн жана саясий чечимдердин карама-каршылыктарынан жаралып, жаңы сапаттык абалга өтүүнү шарттайт. Демек, диалектикалык мамиле экологиялык саясаттын трансформациясын тарыхый өнүгүүнүн мыйзам ченемдүү этабы катары түшүндүрөт.

Системалык ыкма. Системалык ыкма саясат менен экологияны бирдиктүү коомдук системанын өз ара байланышкан элементтери катары кароону сунуштайт. Коом — бул экономикалык, саясий, маданий жана экологиялык подсистемалардын комплекстүү биримдиги. Бир тармактагы өзгөрүү башка тармактарга сөзсүз таасир этет.

Жалпы системалар теориясынын негиздөөчүлөрүнүн бири Людвиг фон Берталанфи коомдук жана табигый процесстерди өз ара байланышкан системалар катары кароо зарылдыгын белгилеген [8]. Бул методология саясат менен экологиянын өз ара таасирин линиялык эмес, көп деңгээлдүү байланыштар аркылуу түшүндүрүүгө мүмкүндүк берет.

Системалык мамиле туруктуу өнүгүү концепциясынын да теориялык негизи болуп саналат, анткени ал экономикалык өсүш, социалдык адилеттүүлүк жана экологиялык коопсуздук ортосундагы тең салмактуулукту бирдиктүү система катары кароону талап кылат.

Аксиологиялык ыкма. Экологиялык маселелерди талдоодо баалуулуктар системасын эске алуу өзгөчө маанилүү. Аксиологиялык ыкма саясаттагы чечимдер кайсы дүйнөтаанымдык жана моралдык принциптерге негизделерин аныктоого багытталат.

Заманбап экологиялык философия жаратылышты инструменталдык баалуулук катары гана эмес, ички баалуулукка ээ реалдуулук катары кароону сунуштайт. Бул багытта Арне Несс тарабынан иштелип чыккан «терең экология» концепциясы антропоцентризмден экосентристтик парадигмага өтүүнү негиздейт [6].

Аксиологиялык талдоо саясаттагы чечимдердин гуманисттик мүнөзүн, келечек муундардын кызыкчылыктарын жана экологиялык адилеттүүлүк принциптерин баалоого мүмкүндүк берет. Демек, экологиялык саясат баалуулуктук трансформациясыз эффективдүү боло албайт.

Институционалдык ыкма. Институционалдык ыкма экологиялык маселелерди жөнгө салууда мамлекеттик жана эл аралык түзүмдөрдүн ролун талдоого багытталат. Экологиялык саясат конкреттүү мыйзамдар, стратегиялар жана башкаруу механизмдери аркылуу ишке ашат.

Заманбап саясий теорияда институттар коомдук жүрүм-турумду калыптандыруучу туруктуу эрежелер системасы катары түшүндүрүлөт. Бул контекстте Дуглас Норт институттарды экономикалык жана саясий өнүгүүнүн негизги фактору катары караган [7]. Анын концепциясы экологиялык саясаттын натыйжалуулугу укуктук жана административдик институттардын сапатына көз каранды экенин түшүндүрүүгө мүмкүндүк берет.

Ошондой эле глобалдык деңгээлде Бириккен Улуттар Уюму жана башка эл аралык структуралар экологиялык нормаларды жана максаттарды координациялоодо маанилүү роль ойнойт [1]. Бул институционалдык алкак саясат менен экологиянын интеграциясын формалдаштырат.

Экологиялык саясат жана туруктуу өнүгүү.

Туруктуу өнүгүү концепциясы бүгүнкү күндө мамлекеттик саясаттын стратегиялык багыты катары каралат жана ал экономикалык өсүштү, социалдык адилеттүүлүктү жана айлана-чөйрөнү коргоону бирдиктүү система катары кароону талап кылат. Бул түшүнүк алгач эл аралык деңгээлде United Nations тарабынан иштелип чыгып, 1987-жылы жарыяланган Our Common Future баяндамасында негизделген. Анда туруктуу өнүгүү “азыркы муундун муктаждыктарын канааттандыруу менен бирге келечек муундардын мүмкүнчүлүктөрүн чектебеген өнүгүү” катары аныкталган [3].

Экологиялык саясат туруктуу өнүгүүнүн практикалык механизми болуп саналат. Ал жаратылыш ресурстарын рационалдуу пайдаланууну, экосистемалардын туруктуулугун сактоону жана экологиялык тобокелчиликтерди азайтууну көздөйт. Мындай саясат экономикалык кызыкчылыктар менен экологиялык коопсуздуктун ортосундагы тең салмактуулукту камсыз кылууга багытталат. Башкача айтканда, өнөр жайды, энергетиканы же айыл чарбасын өнүктүрүү экологиялык чектөөлөрдү эске алуу менен жүргүзүлүшү керек. Бул жерде “өсүү кандай болбосун” деген принцип эмес, “сапаттуу жана жоопкерчиликтүү өсүү” принциби үстөмдүк кылууга тийиш.

Туруктуу өнүгүүнүн заманбап күн тартиби катары United Nations тарабынан кабыл алынган Sustainable Development Goals (2030-жылга чейинки максаттар) өзгөчө мааниге ээ. Аталган максаттар экологиялык коопсуздукту камсыз кылуу, климаттын өзгөрүшүнө каршы аракеттенүү, таза суу жана таза энергияга жеткиликтүүлүк сыяктуу багыттарды камтыйт. Бул максаттар улуттук саясаттардын мазмунун кайра карап чыгууга жана экологиялык факторду бардык тармактарга интеграциялоого түрткү берди [1].

Саясий жоопкерчилик бул процессте борбордук орунду ээлейт. Мамлекеттик институттар мыйзамдык базаны түзүү, көзөмөл механизмдерин киргизүү жана экологиялык стандарттарды сактоону камсыз кылуу аркылуу негизги ролду ойнойт. Ошол эле учурда жарандык коомдун, илимий чөйрөнүн жана бизнес сектордун активдүү катышуусу туруктуу өнүгүүнүн натыйжалуулугун арттырат. Коомдук көзөмөл, ачык-айкындуулук жана маалыматка жеткиликтүүлүк – экологиялык саясаттын ийгиликтүү ишке ашырылышынын маанилүү шарттары болуп саналат.

Мындан тышкары, экологиялык саясаттын натыйжалуулугу саясий маданиятка жана баалуулуктар системасына да түздөн-түз байланыштуу. Эгер коомдо жаратылышка этият мамиле кылуу, ресурстарды үнөмдөө жана муундар аралык жоопкерчилик сыяктуу баалуулуктар калыптанса, анда туруктуу өнүгүү стратегиясы формалдуу документ катары эмес, реалдуу иш-аракеттердин негизине айланат. Демек, туруктуу өнүгүү — бул бир гана экономикалык модель эмес, ал саясий чечим кабыл алуу маданиятынын жаңы баскычы болуп саналат.

Жыйынтык.

Жүргүзүлгөн социалдык-философиялык талдоо саясат менен экологиянын өз ара мамилеси тармактык же инструменталдык деңгээлде гана эмес, цивилизациялык өнүгүүнүн фундаменталдык маселеси экендигин көрсөттү. Коом менен жаратылыштын диалектикалык биримдиги саясий чечимдердин мазмунун жана багытын аныктоочу онтологиялык негиз катары чыгат.

Диалектикалык ыкма саясат менен экологиянын ортосундагы карама-каршылыктардын тарыхый мүнөзүн жана алардын өнүгүү логикасын ачып берди. Системалык ыкма бул эки тармак өз алдынча эмес, бирдиктүү социалдык системанын өз ара шартталган элементтери экенин негиздеди. Аксиологиялык талдоо экологиялык саясаттын натыйжалуулугу коомдун баалуулук трансформациясына түздөн-түз байланыштуу экенин көрсөттү. Институционалдык мамиле болсо экологиялык жоопкерчилик укуктук жана башкаруучулук механизмдер аркылуу формалдашарын тастыктады.

Заманбап глобалдык шартта экологиялык кризистер саясий башкаруунун сапатын баалоочу негизги критерийлердин бирине айланууда. Экологиялык коопсуздук экономикалык өсүшкө каршы коюлган альтернатива эмес, тескерисинче, анын узак мөөнөттүү туруктуулугунун шарты болуп саналат.

Ошондуктан экологиялык саясаттын гуманисттик багыты — жаратылышка инструменталдык мамиледен баш тартып, муундар аралык жоопкерчиликке жана глобалдык адилеттүүлүк принциптерине негизделген модель — коомдун туруктуу өнүгүүсүнүн стратегиялык шарты катары каралышы керек.

Демек, саясат менен экологиянын интеграциясы — бул жөн гана административдик милдет эмес, ал саясий аң-сезимдин, баалуулуктук парадигманын жана башкаруу маданиятынын жаңы баскычка өтүүсүн билдирген социалдык-философиялык трансформация болуп саналат [9].

Колдонулган адабияттар

1. Бириккен Улуттар Уюму. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. – Нью-Йорк: ООН, 2015. – 41 с
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Брундтланд Г. Х. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.
4. Гидденс Э. Политика изменения климата. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
6. Несс А. Экология, сообщество и образ жизни. – М.: Идея-Пресс, 2012. – 400 с.
7. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
8. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. – New York: George Braziller, 1968. – 289 p
9. Dryzek J. S., Pickering J. The Politics of the Anthropocene. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 240 p.
10. IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 3056 p.

УДК 008:81'373.2:811.512.154:811.111

Уланова Р.У.
КРЭАУнун Политехникалык колледжи
Уланова Р. У.
Политехнический колледж МУКР
Ulanova R. U.
Polytechnic College of the International University of the Kyrgyz Republic (IUKR)

ФИЛОСОФИЯДАГЫ, ИЛИМДЕГИ ЖАНА МИФОЛОГИЯДАГЫ ЖЫЛКЫНЫН ОБРАЗЫ УНИВЕРСАЛДУУ КОНЦЕПТУАЛДЫК КУРАЛ КАТАРЫ
ОБРАЗ ЛОШАДИ В ФИЛОСОФИИ, НАУКЕ И МИФОЛОГИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
THE IMAGE OF THE HORSE IN PHILOSOPHY, SCIENCE, AND MYTHOLOGY AS A UNIVERSAL CONCEPTUAL TOOL

Кыскача мүнөздөмө: Макала жылкынын образын философияны, мифологияны, илимди, техниканы жана социалдык практиканы интеграциялоочу универсалдык концептуалдык курал катары талдоого арналган. Дисциплина аралык мамилеге таянып, «жылкы → адам» метафорасынын ар кандай маданий салттарда: кыргыз, европалык, орус, кытай жана англосаксондук салттарда кантип ишке ашырылышы каралат. Өзгөчө көңүл түрк-кыргыз материалына бөлүнөт, мында жылкы адамдын онтологиялык өнөктөшү жана ыйык күчтүн алып жүрүүчүсү катары көрүнөт. Жылкынын образынын маданий басымдарына жана анын когнитивдик функцияларына салыштырмалуу талдоо жүргүзүлгөн. Жылкы ички психикалык түзүлүштүн, тааныш-билүүнүн чектөөлөрүнүн, социалдык стратегиянын, физикалык кубаттуулуктун жана космостук кыймылдын модели катары кызмат кылаары көрсөтүлгөн. Ар кайсы маданияттарда семантикалык басым ыйык өнөктөштүктөн (Кыргызстан) эмгекке чыдамкайлыкка (Россия), стратегиялык потенциалга (Англия) жана энергетикалык символикага (Кытай) чейин өзгөрөт. Жылкы инженердик жана биомеханикалык модель катары

универсалдуулугун сактап, тагдыр, күч, кыймыл, эрдик жана адам табияты сыяктуу фундаменталдык категорияларды концептуалдаштыруунун туруктуу куралы болуп саналат.

Аннотация: Статья посвящена анализу образа лошади как универсального концептуального инструмента, интегрирующего философию, мифологию, науку, технику и социальную практику. На основе междисциплинарного подхода рассматривается, как метафора «лошадь → человек» реализуется в различных культурных традициях: кыргызской, европейской, русской, китайской и англосаксонской. Особое внимание уделяется тюркско-кыргызскому материалу, где лошадь предстает онтологическим партнёром человека и носителем сакральной силы. Проведен сравнительный анализ культурных акцентов образа лошади и её когнитивных функций. Показано, что лошадь служит моделью внутренней психической структуры, ограничений познания, социальной стратегии, физической мощности и космического движения. В разных культурах семантический акцент варьируется от сакрального партнёрства (Кыргызстан) до трудовой выносливости (Россия), стратегического потенциала (Англия) и энергетической символики (Китай). Лошадь сохраняет универсальность как инженерная и биомеханическая модель, являясь устойчивым инструментом концептуализации фундаментальных категорий — судьбы, силы, движения, доблести и человеческой природы.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the image of the horse as a universal conceptual tool integrating philosophy, mythology, science, technology, and social practice. Based on an interdisciplinary approach, it examines how the metaphor "horse → human" is realized in various cultural traditions: Kyrgyz, European, Russian, Chinese, and Anglo-Saxon. Special attention is paid to the Turkic-Kyrgyz material, where the horse appears as an ontological partner of man and a bearer of sacred power. A comparative analysis of cultural emphases of the horse image and its cognitive functions is conducted. It is shown that the horse serves as a model of the internal psychic structure, limitations of cognition, social strategy, physical power, and cosmic movement. In different cultures, the semantic emphasis varies from sacred partnership (Kyrgyzstan) to labor endurance (Russia), strategic potential (England), and energetic symbolism (China). The horse retains universality as an engineering and biomechanical model, being a stable tool for conceptualizing fundamental categories — fate, power, movement, valor, and human nature.

Негизги сөздөр: концептуалдык метафора; когнитивдик модель; философия; мифология; биомеханика; кыргыз маданияты; маданий салыштырмалуу психология; универсалдар; салыштырмалуу талдоо.

Ключевые слова: концептуальная метафора; когнитивная модель; философия; мифология; биомеханика; кыргызская культура; культурная сравнительная психология; универсалии; сравнительный анализ.

Keywords: conceptual metaphor; cognitive model; philosophy; mythology; biomechanics; Kyrgyz culture; cultural comparative psychology; universals; comparative analysis.

Введение.

Лошадь является одним из наиболее символически нагруженных животных мировой культуры. Она выступала не только средством передвижения и труда, но и универсальным инструментом моделирования реальности — от философии и мифологии до науки, техники и языка. Концептуальная метафора «ЛОШАДЬ → ЧЕЛОВЕК» проявляется в разных культурах через различные ценностные акценты: английская традиция — трудолюбие, скрытый потенциал (*workhorse, dark horse*); русская традиция — выносливость, тяжёлый труд (*ломовая лошадь*); кыргызская традиция — сакральное партнёрство и родовая сила (*ат — канат*).

Образ лошади занимает уникальное место в философии, мифологии и науке. В пословице «Ат — адамдын канаты» выражена идея, что лошадь мыслится как онтологическое продолжение человека. Цель работы — проанализировать роль лошади как универсального концептуального инструмента, с акцентом на компаративный анализ кыргызской, европейской, русской и китайской традиций.

Актуальность исследования. Лошадь занимает одно из центральных мест в мировых культурах как в практическом, так и в символическом измерении. На протяжении тысячелетий она служила человеку не только средством передвижения и труда, но и важнейшим элементом социальной организации, военной стратегии, ритуальной практики и мифологического воображения. Для ряда культур — особенно кочевых обществ Евразии — образ лошади становится ключом к пониманию структуры человеческой личности, социального статуса, судьбы и отношений человека с миром.

В научных и философских традициях лошадь также играет роль универсального когнитивного инструмента: от платоновской метафоры колесницы души и фигуры Пегаса в античной мифологии до физической единицы мощности «лошадиная сила». Современные лингвистические исследования показывают, что концептуальная метафора **«ЛОШАДЬ → ЧЕЛОВЕК»** является кросс-культурной и отражает фундаментальные универсалии человеческого мышления.

Степень разработанности темы. Работы по символике животных широко представлены в философии, антропологии и мифологии, однако культурно-историческая роль лошади как полноценного концептуального механизма изучена недостаточно. Особенно мало исследована уникальная когнитивная модель тюркско-кыргызской традиции, в которой лошадь мыслится как онтологическое продолжение человека, а не как хозяйственный инструмент.

Научная новизна. Новизна исследования состоит в:

1. систематическом анализе лошади как универсального концептуального инструмента в философии, мифологии, науке и языке;
2. включении богатого кыргызского материала (эпос «Манас», пословицы, этнографические данные) в межкультурное сравнение;
3. сопоставлении когнитивных моделей четырёх крупных культурных традиций — кыргызской, европейской, русской и китайской;
4. представлении таблицы культурных концептов, отражающих разные аспекты метафоры «лошадь → человек».

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является образ лошади в различных культурных традициях. Предметом — когнитивные, философские и мифологические механизмы, с помощью которых лошадь используется как универсальный концептуальный инструмент.

Цель и задачи исследования. Цель работы — проанализировать роль лошади как универсального концептуального инструмента философии, науки и мифологии, с акцентом на компаративный анализ кыргызской, европейской, русской, китайской и англосаксонской традиций.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. выявить ключевые концептуальные функции образа лошади;
2. определить межкультурные различия в интерпретации метафоры «лошадь → человек»;
3. реконструировать сакральную и философскую роль лошади в кыргызской культуре;
4. сопоставить кыргызский материал с европейской, русской, китайской и англосаксонской традициями;
5. сформировать сравнительную таблицу культурных моделей.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования важны для философии культуры, когнитивной лингвистики, культурологии, мифологии и этнологии. Материалы могут использоваться в преподавании гуманитарных дисциплин, а также для межкультурного анализа символики и концептуальных систем.

Методы. В исследовании применены: - компаративный анализ (сравнение культурных моделей: кыргызской, европейской, русской, китайской); - структурно-мифологический метод (анализ функций героя и его коня); - культурно-антропологический подход (реконструкция значения лошади в традиционном обществе); -когнитивно-лингвистический подход (изучение зоометафор и концептуальных моделей в языке); философская интерпретация (анализ символов и концептов).

Основная часть. 1. Лошадь в науке как эталон измерения и модель движения

«Лошадиная сила» как переход от биологического к техногенному. В XVIII веке Джеймс Уатт ввёл единицу «лошадиная сила»- «horsepower», соответствующую приблизительно 735–746 Вт, для оценки мощности паровых машин. Это сделало биологический объект — лошадь — первым универсальным инженерным эталоном энергии. Переход от биологической силы к абстрактной физической единице продемонстрировал возможность использования живой природы как основы для инженерных измерений.

Дополнительные примеры подтверждают устойчивость данного концепта:

Физиология и медицина. «Лошадиная сила» (horsepower) как универсальная единица мощности, возникшая на основе наблюдений за рабочими параметрами тягловой лошади, до сих пор используется в технике и медико-технических расчётах.

Термин «конское здоровье» в медицине и фольклорной медицине описывает исключительную физическую выносливость и низкую восприимчивость к болезням.

В ветеринарии и спортивной медицине широко применяется понятие «horse gait **analysis»** (анализ лошадиной походки), ставшее моделью для изучения человеческой моторики и разработки протезов.

Фармакология и токсикология. Выражения «лошадиная доза», «лошадиный иммунитет» используются для обозначения предельно высокой дозировки, выраженной реакции организма или интенсивности эффекта.

В токсикологии закрепилось понятие «horse serum» — очищенная лошадиная сыворотка, использовавшаяся как антитоксин (например, против дифтерии и столбняка).

В аллергологии известен реактив Форсмана, впервые выделенный из тканей лошади.

Анатомия и морфология: лошадь как биологическая модель. В анатомии и морфологии лошадь выступает важным эталоном формы, структуры и функциональной организации тканей. Наиболее известный пример — термин «конский хвост» (cauda equina), обозначающий пучок нервных корешков нижнего отдела позвоночника, напоминающий по конфигурации хвост лошади. Подобные аналогии не случайны: они указывают на исторически закреплённое использование лошади в качестве биологической модели предельной силы, устойчивости и структурной выразительности.

Кроме cauda equina, существуют и другие устоявшиеся анатомические параллели, основанные на морфологическом сходстве или функциональных аналогиях: - «equine facial crest» — лошадиный лицевой гребень, применяемый как эталон для сравнения лицевых структур у других крупных млекопитающих; - «equine-type musculature» — тип мышечного волокна, структурно сходный с лошадиным и используемый для классификации групп мышц у животных с высокой степенью физической нагрузки.

Связанные с лошадью метафоры присутствуют и в биохимии, токсикологии и фармакологии. Выражение **«лошадиная доза»** используется для обозначения чрезвычайно высокой концентрации вещества или сверхинтенсивного воздействия. Эта и другие аналогичные метафоры сохраняют традиционное представление о лошади как о модели природной мощи, энергии и физиологической предельности.

В совокупности такие термины подтверждают устойчивую роль лошади в научной номинации — как эталона морфологической формы, биомеханической силы и функционального максимума организма.

Биомеханика и инженерия. Модель лошадиной походки применяется для разработки экзоскелетов и робототехники (например, четырёхногие роботы Boston Dynamics).

В спортивной инженерии существует термин «equine locomotion model», описывающий оптимальное распределение силы и энергии при беге.

В ортопедии и протезировании используется «horse Trot cycle model» для расчёта динамики коленных и тазобедренных суставов у людей.

Генетика и этология. Лошадь служит моделью для изучения: - мутаций, связанных с пигментацией (ген Splash White, связанный с врождённой глухотой); - наследственных заболеваний соединительной ткани; - поведенческих паттернов крупных млекопитающих. Термин «equine temperament types»

используется для описания реактивных моделей поведения, применяемых как аналогии для сравнения с поведением человека.

Лингвистика научного дискурса. Устойчивое присутствие лошади в научном языке фиксируется во множестве терминов: «horse latitudes» («конские широты») в метеорологии; «horsehair worm» (волосяная или конская нематода) в паразитологии; «sea horse» (морской конёк) в зоологии, причём название отражает представление о характерной морфологии; «hippocampus» (морской конёк) — структура мозга, названная по визуальному сходству, и ставшая ключевой в исследованиях памяти и эмоций.

Эти примеры демонстрируют, что образ лошади глубоко встроен в профессиональный язык медицины, биологии, инженерии и когнитивных наук. Лошадь продолжает функционировать как эталон силы, выносливости, скорости, морфологической формы и биомеханической эффективности, сохраняя свою роль универсальной биологической модели.

2. Лошадь в философии: структура души, познания и судьбы

Платон: колесница души. В «Федре» лошадь — часть триединой структуры души: разум управляет двумя конями — благородным и своенравным. Это создает философскую метафору внутреннего конфликта и самоконтроля.

Скептицизм: «лошадь Апеллеса». Секст Эмпирик использует образ случайного отпечатка копыта как пример того, что истина может быть достигнута неуправляемым образом — случайностью.

Куайн: неопределённость интерпретации. «Лошадь Куайна» демонстрирует, что даже базовое слово («horse») может иметь неполный перевод. Лошадь становится инструментом анализа **границ человеческого языка**.

Китай: янская энергия и гармония Дао. В даосской традиции лошадь — проявление янь, силы, стремительности и космического движения.

3. Лошадь в мифологии: крыла, скорость, переход между мирами

Лошадь как мифологический персонаж — это структурный элемент мировых моделей движения:

- ✓ **Пегас** — вдохновение и связь с Музами;
- ✓ **Слейпнир** — посредник между мирами;
- ✓ **Тулпар** — небесная сила и связь героя с космосом.

4. Кыргызская традиция: лошадь как онтологический партнёр и носитель судьбы

Онтологическая формула: «Ат — адамдын канаты». Для кыргызского мира лошадь есть расширение человека: его путь, скорость, честь и судьба. В эпосах лошадь — не инструмент, а **субъект действия**, обладающий волей и нравственной силой.

Тулпар и судьба героя. Связь между героем и конём тотальна:

- ✓ Аккула Манаса умирает — сила Манаса падает. или Прежде чем отдать Мааникера Считайте тогда мертвым Манаса!
- ✓ Чалкуйрук спасает Эр Төштүк от гибели много раз.
- ✓ Тайбуурул теряет хозяина — и судьба Семетея рушится. (Тайбуурулдун тартуу болуп кеткени, Семетейдин ажалынын жеткени)
- ✓ Тулпар Алмамбета сам приносит его тело домой.

Сынчы и саяпкер как интерпретаторы природы. Толубай сынчы — архетип мудреца, способного «читать» суть лошади по малейшему признаку. Сравни, Толубайдай сынчы бол, Токтогулдай ырчы бол. Этот образ отражает философскую мысль: понимание сущности требует проникновения за пределы видимого.

Кыргызская традиция: лошадь как онтологический партнёр. В кыргызской культуре лошадь рассматривается не просто как рабочее животное, а как полноценный субъект и философский символ. Она выступает продолжением человека, носителем судьбы, силы и родовой памяти: **«Ат — адамдын канаты»**. Пословицы и поговорки помогают раскрыть когнитивные и социальные функции лошади в жизни человека.

Лошадь как учитель жизни и морали. Пословицы «Ат аяган арыбайт, аш аяган жарыбайт» и «Адашсаң атыңа ишен» учат человека наблюдать за миром и самим собой через призму опыта с конём. В английской традиции аналогичен выражение «Straight from the horse's mouth» («Из первых рук»), подчеркивающее важность прямого знания и опыта.

Лошадь как мера физической и жизненной энергии. «Ат баспаган жерди тай басат» и «Басмайылдын батканын ээси билбей ат билет, эр жигиттин кадырын агайын билбей жат билет» демонстрируют, что сила и активность лошади отражают способности и характер человека. Сходное английское выражение — «Work like a horse» («Работать как лошадь»), подчеркивающее трудовую выносливость.

Лошадь как символ социальной и личной ответственности. «Ат мүдүрүлбөй жер тааныбайт, эр мүдүрүлбөй эл тааныбайт», «Ат баспайм деген жерин үч басат», «Ат башына күн түшсө ооздугу менен суу ичет, эр башына күн түшсө өтүгү менен суу кечет» показывают взаимную ответственность человека и коня, гармонию действий и судьбы. Английское выражение «Hold your horses» («Терпение, не спеши») усиливает идею контроля над импульсивностью и ответственности за свои действия.

Лошадь как метафора судьбы, силы и благородства. Пословицы «Ат арытмак арзан, журт арытмак кымбат», «Ат тойгон жерине качат, эр туулган жерине шашат», «Ат чабышта ат өлөт, эр сайышта эр өлөт» создают когнитивную модель «ат → адам», где конь становится зеркалом человеческих качеств, судьбы и социальных отношений. В английской культуре аналогичные метафоры: «Don't look a gift horse in the mouth» («Дарёному коню в зубы не смотрят»), подчеркивающее социальную благодарность и труд, а также «Dark horse» («Темная лошадка») — метафора скрытого потенциала и неожиданного успеха.

Философия судьбы и партнёрства. «Ат баспайм деген жерин үч басат», «Ат башына күн түшсө ооздугу менен суу ичет, эр башына күн түшсө өтүгү менен суу кечет» — метафоры гармонии между человеком и лошадью, взаимной ответственности и уважения к судьбе.

Социальная и нравственная функция. «Ат арытмак арзан, журт арытмак кымбат» и «Ат мүдүрүлбөй жер тааныбайт, эр мүдүрүлбөй эл тааныбайт» подчеркивают, что лошадь является символом чести, общественного признания и этики действий.

Скрытая сила и потенциал. Пословицы «Желеде кулун жетилсе, аргымак күлүк ат болот» и «Аргымакты "жаман" деп, Бууданды кайдан табасың? Агайынды "жаман" деп, Тууганды кайдан табасың?» демонстрируют переходные состояния, развитие и раскрытие возможностей. Английское выражение «Dark horse» отражает скрытый потенциал и неожиданный успех, сходный с кыргызской традицией.

Таким образом, в кыргызской культуре лошадь выполняет многоплановую функцию: учителя, морального ориентра, символа силы и судьбы, зеркала человеческих качеств и социальных отношений. Сравнение с английскими фразеологизмами показывает универсальность архетипа лошади, её когнитивные и социальные функции, а также культурную вариативность этого символа.

Результаты и обсуждение

5. Сравнительная таблица культур

Сопоставление четырёх крупных культурных традиций показывает, что образ лошади является универсальным, однако семантические акценты существенно различаются. Это подтверждает тезис о том, что лошадь функционирует как культурный «контейнер» для различных мировоззренческих моделей — от онтологических до экономико-прагматических.

Параметр	**Кыргызская традиция**	**Европейская (греческая / скандинавская)**	**Русская традиция**	**Китайская традиция**
Статус лошади	Онтологический партнёр человека; продолжение судьбы	Космическое или божественное существо (Пегас, Слейпнир)	Трудовой помощник, часть крестьянского	Космический символ янской энергии

Параметр	Кыргызская традиция	Европейская (греческая / скандинавская)	Русская традиция	Китайская традиция
			быта	
Связь с героем	Судьба героя непосредственно зависит от коня	Помощь высших сил, проводник между мирами	Практическая, утилитарная связь	Символический резонанс, помощь в изменении судьбы
Функция	Спасение, честь, боевое действие, путь	Вдохновение, магический переход, сакральная миссия	Труд, выносливость, служба	Движение энергии, удача, жизненная сила
Символика	Родовая сила, скорость, благородство, судьба	Небесная сила, знание, вдохновение	Смирение, усилие, тяжёлая работа	Гармония, устремлённость, обновление
Метафора человека	«Канат-крылья» человека, его продолжение	«Конь богов» как воплощение сверхчеловеческого	«Работать как лошадь» — трудовой эталон	«Стремительный взлёт» (ма шан — сразу, быстро)

Таблица показывает, что в каждом случае лошадь выполняет функцию универсальной когнитивной модели, однако её смысловые акценты варьируются от сакральной онтологии (Кыргызстан) до космической метафизики (Европа), социально-трудовой практичности (Россия) и энергетического символизма (Китай).

1. Универсальность когнитивной модели. Результаты анализа свидетельствуют о том, что лошадь является одной из древнейших и наиболее устойчивых универсалий человеческого мышления. Её образ используется как модель: **внутренней психической структуры**: в платоновской «колеснице души» два коня олицетворяют борьбу между разумом и страстями. Лошадь становится наглядной моделью внутреннего психического конфликта и гармонии; **ограничений познания**: в эпистемологии (Куайн, античные скептики) метафора неуправляемой или «слепой» лошади передаёт идею неполноты знания и ограниченности наблюдателя; социальной стратегии и политического взаимодействия: выражения *horse-trading, dark horse* в английском языке демонстрируют, что лошадь моделирует социальную динамику — переговоры, скрытую силу, неожиданные исходы; энергии и физической мощности: единица «лошадиная сила» сохраняет роль лошади как эталона мощности даже после перехода к механическим технологиям; космического и сакрального движения: Тулпар в кыргызском эпосе, Пегас в греческой мифологии и Слейпнир в скандинавской демонстрируют модели движения между мирами, подчёркивая трансцендентную роль лошади.

Таким образом, лошадь выполняет функцию универсального когнитивного инструмента, объединяющего философию, мифологию и повседневный опыт.

2. Культурная вариативность универсального архетипа. Несмотря на универсальность базовой модели, интерпретации лошади существенно различаются между цивилизациями, что отражает их ценностные ориентиры: **Западная традиция** акцентирует контроль силы, рациональность и управление мощью. Конь рассматривается как инструмент дисциплины и порядка; **Русская традиция** сосредоточена на труде, стойкости и терпении. Лошадь символизирует суровый быт, выносливость и жизненную нагрузку; **Англосаксонская традиция** ценит стратегичность, непредсказуемость и скрытый потенциал (*dark horse*), рассматривая лошадь как модель социальной конкуренции; **Кыргызская традиция** выделяет сакральность партнёрства: судьба героя, рода и народа тесно связана с судьбой коня. Лошадь выступает не инструментом, а онтологическим спутником; **Китайская традиция** рассматривает лошадь как носителя янской энергии, символ успеха и стремительного перехода (*ма шан* — «немедленно»), что связано с даосской концепцией потока энергии.

Эти различия показывают, что лошадь служит зеркалом культурной картины мира.

3. Лошадь как инженерная и техноэстетическая модель. Переход от биологического коня к механизированному транспорту не разрушил концептуальную структуру образа, а напротив — перенёс её в техносферу: Принципы распределения нагрузки и инерции в экипажах повторяют структуру движения лошади; Единица «лошадиная сила» стала фундаментом инженерной метрологии; Четвероногие роботы создаются по биомеханической схеме конского шага (Boston Dynamics, ANYmal); В транспортном дизайне сохраняются логики «рыси», «галопа» и «рывка».

Таким образом, техногенная культура продолжает использовать лошадь как модель оптимального движения, мощности и устойчивости.

4. Функциональная многослойность образа. Образ лошади объединяет несколько уровней человеческого опыта и знания:

Биологический уровень — сила, выносливость, анатомия (*cauda equina, equine-type musculature*);

Социальный уровень — труд, престиж, статус, война, игры;

Философский уровень — модель души, познания, судьбы;

Космический уровень — движение между мирами, сакральная энергия, мифологические переходы.

Именно эта многослойность делает лошадь одним из самых устойчивых и насыщенных символов мировой культуры.

5. Культурно-философская интерпретация. Проанализировав различные традиции, можно выделить универсальные функции лошади как концепта: Модель силы и энергии (Уатт, биология); Модель души и внутреннего конфликта (Платон); Модель неопределённости и познания (Куайн, скептики); Модель движения между мирами (мифология); Модель судьбы и партнёрства (кыргызская традиция); Модель гармонии и космического движения (Китай).

Таким образом, лошадь выступает одновременно когнитивной, культурной, инженерной и философской моделью, объединяющей разные уровни человеческого знания и опыта.

Заключение

Лошадь выступает универсальным культурным и философским кодом, который объединяет различные человеческие представления — от телесности до метафизики. В науке она служит эталоном измерения; в философии — инструментом анализа души и познания; в мифологии — посредником между мирами; в культурах — символом силы, чести, судьбы и гармонии.

Кыргызская традиция даёт наиболее целостный и глубокий вариант понимания лошади как **онтологического партнёра человека**, что делает её бесценным материалом для межкультурного анализа.

Образ лошади оказывается мостом между культурами и эпохами, объединяя биологическое, социальное, философское и космическое измерения человеческого опыта.

Список литературы

1. «Horse-trading» and «dark horse» in English linguistics. Journal of Cultural Semiotics, 2012, Vol. 6, pp. 45–62.
2. «Лошадиная сила» как физическая и инженерная единица. Russian Journal of Engineering, 2018, № 3, pp. 12–21.
3. Equine locomotion models in prosthetics research // Journal of Biomechanics, 2019, Vol. 85, pp. 10–20.
4. Horse serum и антитоксины: исторический обзор // Journal of Pharmacology, 2014, Vol. 12, № 1, pp. 22–34.
5. Ат – адамдын канаты. Temirlik. 2010. URL: https://temirlik.kg/at-adamdyn-kanaty/
6. Биомеханика движения лошадей и робототехника. International Journal of Biorobotics, 2020, Vol. 15, № 2, pp. 101–118.
7. Китайская символика лошади. Beijing Studies in Cultural Anthropology, 2015, Vol. 8, pp. 33–49.
8. Осмонов, А. Толубай сынчы: Поэма. Бишкек: Мектеп, 1978.
9. Пегас в античной мифологии // Classical Myth Studies, 2011, Vol. 5, pp. 50–66.
10. Платон. Федр. М.: Мысль, 1986.

11. Symbolism of the horse in Slavic and Turkic epics: etymological and mythological aspects (based on the material of the Russian and Chuvash languages)// Russian Folklore Studies, October 2025. Philology Theory & Practice 18(10):4423-4428
12. Секст Эмпирик. Против математиков. СПб.: Наука, 1995.
13. Слейпнир и конные мифы скандинавов. Mythological Studies. Stockholm: Norstedt, 2005.
14. Джуманалиев Т. Д. АРХАИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТА КОНЯ В КЫРГЫЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (на примере эпоса «МАНАС»). //Труды факультета Истории и регионоведения КНУ им.Ж.Баласагына. Стр. 130-135
15. Физиология и медицина лошадей. Veterinary Science Journal, 2017, Vol. 10, № 2, pp. 33–47.

Рецензент: к.ф.н., доцент Алишова И.К.

УДК

Чжан Чао

Чжан Чао
Zhang Chao
Personnel Office, Northwest Normal University Lanzhou, Gansu 730070, China

КИБЕРМЕЙКИНДИКТЕ ТОПТОШУУ ШАРТЫНДА СУБЪЕКТТЕРДИН САНАРИПТИК ИДЕНТТҮҮЛҮГҮН ТААНУУ: КӨЙГӨЙЛӨР, КЫЙМЫЛДАТКЫЧ КҮЧТӨР ЖАНА ЧЕЧҮҮ ЖОЛДОРУ
РАСПОЗНАВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ КИБЕРКЛАСТЕРИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
DIGITAL IDENTITY RECOGNITION OF SUBJECTS AMID CYBER CLUSTERING: DILEMMAS, DRIVING FORCES AND COUNTERMEASURES

Abstract: Within the context of modern digital existence, individuals engage in virtual practice through symbolic digital identities and seek ways to reconcile physical life and virtual worlds. The rise of cyber clustering brings multiple challenges to the cognition, confirmation, interaction and continuity of digital identities. Specific manifestations include homogenization and simplification in digital identity cognition, encoding and nihilism in digital identity confirmation, segmentation and heterogeneity in digital identity interaction. Such dilemmas make digital subjects shift among multiple identities and hinder the formation of stable and unified self-recognition. To tackle the issue, technological reflection and reconstruction should be carried out to reduce risks of technological obscuration. Online social structures get optimized and cluster communities get built. Individual cognitive levels improve and subjectivity of digital identities strengthens. Theoretical support and practical paths are offered for individuals to achieve authentic, complete and harmonious digital identity recognition in the digital age.

Keywords: cyber clustering; digital identity recognition; dilemma analysis; practical mitigation

I. Introduction

The report of the 20th National Congress of the Communist Party of China explicitly emphasizes the necessity of accelerating the construction of a cyber power and a digital China. In the context of advancing the development of Digital China, the issue of digital identity recognition has emerged as a pivotal factor influencing the evolution of digital society[1]. As individuals participate in activities on digital platforms, they must construct a personal digital identity to effectively articulate their unique characteristics. Fundamentally, digital identity recognition represents a systematic process through which individuals confirm their self-identity positioning, role cognition, and sense of belonging within cyberspace. With the

continuous iteration and upgrading of digital technologies, this phenomenon has become an indispensable consideration in modern social governance.

As key participants in cyberspace, digital identity subjects not only serve as constructive forces driving the transformation of networked societies but are also subject to dual influences arising from changes in the network environment. The information technology revolution has reshaped human interaction patterns via advancements in information storage and dissemination technologies. In the digital era, individual socialization exhibits novel features: subjects leverage open digital platforms to establish "similarity-based aggregation" community structures. This reflects both humanity's innate need for a sense of identity and highlights the empowering role of modern technology in interpersonal communication.

It is noteworthy that the deep involvement of capital forces and the spatiotemporal control exerted by digital technologies have resulted in the stratified distribution of information resources within the digital domain. This has given rise to an efficient and dynamic mechanism for information flow, segmentation, and aggregation. Such a stratified information flow pattern not only reinforces the hierarchical structure of cyberspace but also manifests a distinct trend toward stratified development in the online lives of digital subjects. Specifically, individuals naturally form differentiated communities based on dimensions such as interests, professions, and values. Within these communities, information circulates frequently, while interactions between communities remain relatively isolated. This phenomenon generates the "information cocoon" effect, leading to cognitive narrowing, opinion polarization, and heightened social alienation among digital subjects.

Through digital technology, network society has constructed a community network characterized by both close connectivity and clear hierarchical distinctions. While digital identity subjects derive a sense of community belonging from this structure, they simultaneously confront tangible challenges such as information closure. Against this backdrop, guiding digital subjects to establish accurate identity cognition, achieve identity confirmation, and ensure its continuity has become a core issue requiring urgent resolution in the development of digital society.

II. The Formation of the Predicament of Digital Identity Recognition

In the digital age, where intelligent algorithms are deeply integrated into societal structures, the interplay between circle-layered communication mechanisms and algorithm-driven recommendation systems creates a synergistic effect. While these technologies cater to individual preferences for information consumption, they simultaneously compress cognitive diversity through a closed-loop reinforcement mechanism involving "data-algorithm-identity." This dynamic tension between technological empowerment and cognitive constraints not only fosters the entrenchment of identity recognition but also exacerbates the disjunction between virtual and real-world identities. Although the design principle of "interaction stickiness" enhances group cohesion, it may concurrently trigger dual risks: cognitive polarization and diminished reflective capacity, culminating in a multifaceted predicament of identity recognition.

II.1. The Cognitive Narrowing Effect of Intelligent Algorithm Recommendations

In “Infotopia: How Many Minds Produce Knowledge”, Cass R. Sunstein cautions that selective exposure to information within specific circles can lead to the formation of an "information cocoon," thereby narrowing one's cognitive horizon.[2] In the context of information overload in contemporary society, algorithmic recommendations employ data mining and machine learning techniques to construct personalized information filtering systems. While this mechanism improves the efficiency of information retrieval, it conceals three significant risks: first, algorithms push content based on historical user behavior, creating a feedback loop of "preference reinforcement-behavior solidification-cognitive closure," which diminishes information diversity[6]; second, platforms leverage the "information cocoon" to anchor user attention within specific content ecosystems, forming a closed-loop control system of "data-attention-commercial value"; third, the "precise feeding" model of algorithmic recommendations may stimulate cognitive closure tendencies, prompting individuals to actively avoid heterogeneous information and intensify opinion polarization and social fragmentation. This phenomenon of technological alienation not

only impedes individual cognitive development but also undermines the foundation for constructing social consensus.

II.2. The Structural Fracture of Virtual and Real Identity Expression

Identity recognition is a process wherein the subject confirms their individual identity by analyzing the distinctions between themselves and others. However, due to the virtualization and symbolization of cyberspace, individuals can construct virtual identities with considerable freedom, thereby complicating the relationship between digital and real-world identities and potentially leading to estrangement between them. In cyberspace, individuals can transcend various societal constraints and freely shape and express their virtual identities. The virtual and anonymous nature of the internet enables digital identities to filter out real-world social background information, allowing individuals to express their opinions and emotions more freely.[3][8] When individuals establish emotionally significant social connections with others through online platforms, the self-identity associated with digital identities becomes increasingly reinforced[9]. Nevertheless, this excessive reinforcement of digital identity recognition may cause individuals to undervalue the importance of their real-world identities, resulting in estrangement between digital and real-world identities. Over-reliance on online identities may lead to cognitive confusion and personality fragmentation, as individuals struggle to distinguish between their virtual and real-world identities, thus causing confusion in self-identity. When the discrepancies between digital and real-world identities are substantial, individuals may exhibit markedly different behavioral patterns across varying contexts. Additionally, algorithmic recommendation technologies play a pivotal role in shaping and reinforcing digital identities; however, their inherent limitations exacerbate the complexity of identity recognition. Algorithms typically generate recommendations and decisions based on partial user behavioral data, making it challenging to fully capture the complexity and diversity of identity subjects. Individuals have limited control over their digital avatars and cannot actively integrate or express comprehensive identity information, leading to inconsistencies between digital and real-world identities. Such inconsistencies may result in users experiencing blurred perceptions of their self-identity and even trigger identity crises.

II.3. Group Polarization and Cognitive Solidification Induced by “Interactive Stickiness”

The stratification of networks, achieved through node reorganization and relational reconstruction, represents a digital extension of real-world social relations. This form of aggregation is both a product of the value-oriented logic of capital and an inevitable outcome of digital technology application, ultimately manifesting as strong interactive cohesion within network layers. Specifically, the iterative advancement of mobile Internet technologies (such as the widespread adoption of 5G networks and the emergence of short-video platforms) has fostered a user base with enhanced digital literacy. These users leverage technological tools to establish self-organized communities grounded in emotional resonance. Such communities achieve emotional sharing through exclusive discourse systems, including internet slang and cultural codes, thereby forming closed emotional enclaves[10]. However, this interactive cohesion, while reinforcing group identity, also engenders three forms of alienation: first, layer members perpetuate cognitive boundaries through homogenous discourse, stabilizing closed structures; second, the data classification mechanisms underpinned by technology ossify the cognitive patterns of social actors, leading to cognitive narrowing; finally, the information resonance within these closed layers readily triggers group polarization, driving individual viewpoints toward extremity. The co-evolution of technology and society is thus reshaping the psychological mechanisms of groups in the digital era.

II.4. The Erosion of Cognitive Subjects' Rational Reflective Capacity

The cognitive ecology of the digital age exhibits pronounced fragmentation. The inundation of vast amounts of information compels individuals to adopt superficial cognitive models, while algorithm-driven content recommendations exacerbate cognitive narrowing. Additionally, the instant feedback mechanisms of social media intensify emotion-driven behaviors. This ecological context gives rise to three cognitive challenges: first, information overload displaces deep reflection with rapid browsing, fragmenting the knowledge system; second, external validation (such as likes and comments) supplants internal reflection, steering behavioral decisions toward instrumental rationality; third, reliance on technology (e.g., search

engines and intelligent assistants) undermines problem-solving capabilities, fostering an "outsourced cognition" paradigm. Notably, this cognitive alienation deconstructs the reflexivity of the subject: individuals, caught in the multiplicity of virtual and real identities, progressively lose the capacity to integrate their self-narratives, resulting in a cognitive disjunction between "digital avatars" and their authentic selves. Addressing this crisis necessitates acknowledging the instrumental nature of technology while reasserting the primacy of rational reflection. This involves reconstructing thought processes through the internalization of knowledge, preserving autonomous judgment within technologically constrained environments, and ultimately constructing a reflective framework for identity in the realm of virtual-real integration.

III. Key Manifestations of the Predicament in Digital Identity Recognition

III.1. The Homogenization and Simplification of Digital Identity Cognition

In the domain of online subcultures, interest-based communities achieve non-confrontational and diverse aggregation through value consensus, enabling members within the same circle to converge in their cultural identity.[4] However, under the dominance of algorithm-driven recommendation mechanisms, information dissemination within social network circles exhibits a "precisely closed" characteristic. On one hand, technology constructs personalized information ecosystems via top-pinned content and preference-based recommendations, creating an illusion of "customized content for each individual" while actually trapping users in "information bias." On the other hand, circle boundaries act as implicit filtering mechanisms, systematically excluding non-circle-related themes, which leads to passive information reception and diminished cognitive initiative. This closed-loop information environment engenders dual challenges: first, circle members form "cognitive cocoons" within homogenized information streams, resulting in narrowed perspectives and polarized viewpoints; second, algorithms reduce complex social roles to limited dimensions such as gender, age, and occupation through tagging, effectively degrading individuals into mere data aggregates. Notably, the phenomenon of homogenized likes and content on short-video platforms reflects the technical discipline of recommendation systems guiding user behavior toward pre-defined patterns. Such constructed identity recognition represents only a partial reflection of multiple identities rather than a holistic self-expression.

III.2. The Encoding and Nihilism of Digital Identity Confirmation

Digital identity confirmation in the contemporary era is marked by distinct characteristics of technological alienation. On one hand, identity is encoded into a computable digital symbol system (e.g., ID identifiers, biometric features, behavioral trajectories), enabling "algorithmically readable" existence through computational models and databases. Data technologies transform individual emotional needs into quantifiable behavioral patterns by collecting and analyzing online traces, ultimately generating technology-driven identity profiles. This encoding process carries three significant risks: the partiality of data collection leads to distorted identity representation, algorithmic biases result in value misalignment, and technological monopolies undermine the autonomy of the subject. On the other hand, overly abstracted digital identities are undergoing a nihilistic transformation. The discreteness of cross-platform accounts fractures self-identity, exemplified by the dissociation between social media personas and authentic personalities. Furthermore, recommendation systems reshape virtual identities based on behavioral data, alienating users from being active identity subjects to becoming passive carriers of "data portraits.[7]" Fundamentally, this phenomenon of identity nihilism signifies the erosion of humanistic values by technological rationality, reflecting the philosophical predicament of "the lightness of being" in digital existence.

III.3. The Increasing Compartmentalization and Heterogeneity of Digital Identity Interaction

In social network circles, the algorithm-driven personalized recommendation mechanism reduces the cost of information screening for users but simultaneously undermines their cognitive initiative. Prolonged immersion in a homogenized information space fosters the phenomenon of "repeated information dissemination leading to reinforcement effects, while competitive information is systematically excluded," gradually transforming these circles into cognitive enclaves.[5] This closed-loop information environment, shaped by technological discipline, not only intensifies the compartmentalization of identity interactions but

also engenders complex heterogeneity. Driven by both technological and societal forces, the fragmentation of platform ecosystems, diversification of user needs,[14] and decentralizing trends of technological empowerment compel individuals to construct differentiated identity forms across various digital contexts. Professional identities, entertainment identities, and subcultural identities may coexist as parallel "digital avatars," with each scenario governed by distinct interaction rules—financial scenarios rely on biometric authentication, whereas virtual community interactions depend on the accumulation of social capital. This heterogeneous interaction model is redefining the logic of identity engagement in the digital age.

III.4. The Fluidity and Ubiquity of Digital Identity Continuity

The defining characteristic of digital identity lies in its dynamic generation: it evolves in real-time according to changes in time, location, user behavior, and environmental factors, and can be actively fragmented through anonymization technologies. This fluid nature presents dual challenges to traditional identity recognition theories: first, the differentiation of identity labels across scenarios leads to fragmented identity narratives, and the temporal separation of audio-visual information risks cognitive partiality; second, the emergent fluid fields created by dynamic interaction spaces demand that identity recognition theories transcend static construction paradigms. Notably, the ubiquity of digital identity—its constant state of connectivity—exacerbates this fluidity risk. Achieving continuity in digital identity hinges on identifying convergence points within differentiated dialogue spaces through technological means and constructing an adaptive identity framework. Simultaneously, individuals must enhance their self-reflection capabilities, cultivating metacognitive skills for information organization and fact confirmation based on symbolic analysis, ultimately establishing a dynamic equilibrium between technological fluidity and identity stability.

IV. Strategies to Address the Predicament of Digital Identity Recognition

IV.1. The Embodiment of Value Rationality: Reconstruction and Transcendence of Technological Ethics

The core issue underlying the predicament of digital identity recognition lies in the overshadowing of humanistic values by technological rationality, manifested as the dual alienation of subject cognition through algorithmic control and capital logic. To transcend this challenge, it is essential to construct a new interactive paradigm of "technology-value": under the guidance of value rationality, reshape technological ethics, recalibrate the trajectory of technological development with humanistic care, and ultimately achieve the dialectical unity of technology's instrumental nature and humanity's purposeful aspirations.

In the "Economic and Philosophic Manuscripts of 1844," Marx profoundly observed that "technology represents the objectification of human essential power, and its development must align with the free and comprehensive development of individuals." The crisis of identity recognition in the digital age fundamentally stems from the overreach of instrumental rationality over value rationality—algorithms reduce individuals to calculable digital symbols, while capital logic transforms identity into tradable data commodities.[11] The resolution involves constructing a technological ethics framework guided by value rationality and supported by instrumental rationality: first, establish an algorithmic ethics review mechanism, incorporating manual audits and technical evaluations to ensure algorithm design adheres to core societal values; [13] second, enhance the data governance system by clarifying data ownership and usage boundaries,[12] thereby preventing excessive exploitation of personal information by capital forces; finally, foster a culture of digital ethics, promoting public algorithmic literacy through technological education and strengthening the capacity for critical reflection on technological alienation. Only by integrating technological development within the framework of humanistic values can we avert the "digital Leviathan" from encroaching upon individual freedoms.

IV.2. Consensus Building: A Multi-dimensional Collaborative Ecosystem for Identity Recognition

Reconstructing digital identity recognition necessitates transcending the singular technological dimension and establishing a four-pronged governance system guided by government leadership, regulated by market mechanisms, coordinated by societal participation, and driven by individual engagement. First, governments should reinforce top-level strategic planning, developing policy frameworks centered on enhancing citizens' digital literacy and refining data privacy protection regulations to safeguard the security

and controllability of identity information. Second, enterprises must assume social responsibility by embedding ethical constraints into algorithm development and establishing transparent user feedback mechanisms to mitigate identity alienation caused by technological black boxes. Third, social organizations should serve as bridges, disseminating digital ethics knowledge through public education initiatives and fostering dialogue and mutual understanding across diverse communities. Finally, individuals must strengthen their sense of agency, maintaining critical reflexivity in technology use and actively participating in the construction of identity narratives. This collaborative governance model respects the objective laws of technological innovation while upholding the bottom-line principles of humanistic values, ultimately achieving a dynamic equilibrium between technological rationality and humanistic concerns.

IV.3. Innovation in Communication Channels: The Organic Construction of Network Circle Communities

The social transformation in the digital age exhibits dual characteristics of technological empowerment and value reconstruction. Traditional social models are being supplanted by dynamic, diverse circle structures, forming virtual aggregates grounded in interest maps and value consensus. While intelligent algorithmic recommendations reinforce cognitive homogeneity within circles, they also provide technical pathways for transcending circle boundaries. To construct an integrated and interconnected network circle community, a three-dimensional collaborative framework encompassing "technical governance - institutional safeguards - cultural cultivation" must be established: first, develop cross-platform information-sharing hubs leveraging blockchain and other technologies to establish trusted interaction mechanisms and dismantle data silos; second, formulate norms for circle interactions, establish conflict mediation and interest coordination mechanisms, and foster an interaction ethic centered on "seeking common ground while reserving differences"; finally, cultivate a digital cultural ecosystem guided by core socialist values, eliminating circle biases through cultural immersion. This multidimensional construction approach not only sustains the vitality of technological innovation but also upholds the bottom line of humanistic values, ultimately transforming cold technological tools into warm social partners and fostering a clear, harmonious digital space.

IV.4. Awakening of Subjectivity: Reconstructing Self-Reflective Capacity

The algorithm-dominated digital ecosystem is eroding the foundational pillars of human subjectivity. The "information cocoon" formed by precise recommendation mechanisms compresses cognitive space, while automated decision-making systems weaken judgment capabilities. This dual alienation traps individuals in a vicious cycle of "technological dependence - degradation of reflective ability." Rebuilding subjectivity necessitates breakthroughs in both cognitive revolution and practical empowerment: at the cognitive level, cultivate metacognitive abilities and achieve conscious resistance to technological conditioning through critical thinking training; at the practical level, enhance digital literacy by mastering algorithmic principles and data application logic[15], transforming technological tools from constraints into aids for self-development. Simultaneously, constructing a supportive social environment is paramount: the education system should strengthen digital ethics education to cultivate the subject consciousness of "digital citizens"; technical design must adhere to the principle of "transparency + choice," preserving user autonomy; and at the policy level, a robust data rights protection system should be developed to fortify institutional barriers safeguarding subjectivity. This multi-faceted reconstruction strategy aims to restore the value proposition of "technology serving humanity," ultimately preserving the essence of human reflection in the evolution of digital civilization.

V. Conclusion

In the contemporary era, where digital technology is deeply embedded in societal structures, individuals navigate the coexistence of physical being and digital presence in the virtual realm through symbolized digital identities. The phenomenon of network stratification, driven by the co-evolution of technology and society, has significantly heightened the complexity of identity recognition. Specifically, the cognitive cocoons formed by algorithmic recommendation mechanisms have constrained cognitive horizons; the alienation of identity induced by data encoding has undermined the subject's capacity for reflection; and the multiplicity of avatars engendered by virtual interactions has fractured the unity of the self. This

predicament arises not merely from technological constraints but also as a concentrated expression of the tension between technological rationality and humanistic values. To resolve this challenge, it is imperative to reconstruct the intersubjectivity between the physical and virtual realms: maintaining a lucid awareness of the objectification inherent in digital identities while affirming the primacy of the physical self's subjectivity within technological applications. By establishing a robust framework of digital ethics, the dialectical unity of technology's instrumental nature and its humanistic purpose can be achieved. Through the cultivation of communicative rationality, positive interaction between virtual and physical identities can be fostered. Furthermore, leveraging institutional innovation and cultural immersion, a digital ecosystem conducive to the development of subjectivity can be cultivated. Only through such an integrated approach can we safeguard the essential attributes of humanity amidst the technological tide, ensuring that digital identities serve as instruments for extending life's value rather than shackles constraining freedom. Ultimately, this will enable the realization of free and comprehensive individual development within the integrated process of digital civilization bridging the virtual and the real.

References

[1] Luo Lin. “Era Characteristics, Formation Mechanisms, and Risk Management of Youth Online Circle Stratification.” Journal of Chinese Youth Social Science, Vol. 41, No. 3, 2022, pp. 75–83.

[2] Cass R. Sunstein. Infotopia: How Many Minds Produce Knowledge. Translation by Bijingyue. Beijing: Law Press, 2008.

[3] Dong Jun & Cheng Hao. “Ethical Issues of Personal Digital Identity in the Age of Big Data.” Studies in Dialectics of Nature, Vol. 34, No. 12, 2018, pp. 76–81.

[4] Xu Qiang. “Identity Landscape: The Convergence of Virtual and Real Digital Identities and Their Recognition.” Shandong Social Sciences, No. 11, 2023, pp. 113–119.

[5] Luo Lin. “Era Characteristics, Formation Mechanisms, and Risk Management of Youth Online Circle Stratification.” Journal of Chinese Youth Social Science, Vol. 41, No. 3, 2022, pp. 75–83.

[6] Pariser, Eli. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011.

[7] Cheney-Lippold, John. “A New Algorithmic Identity.” Theory, Culture & Society, 28(6), 2011, pp. 164–181. DOI: https://doi.org/10.1177/0263276411424420

[8] Hogan, Bernie. “The Presentation of Self in the Age of Social Media: Distinguishing Performances and Exhibitions Online.” Bulletin of Science, Technology & Society, 30(6), 2010, pp. 377–386. DOI: https://doi.org/10.1177/0270467610385893

[9] Zhao, Shanyang, Sherri Grasmuck, and Jason Martin. “Identity Construction on Facebook: Digital Empowerment in Anchored Relationships.” Computers in Human Behavior, 24(5), 2008, pp. 1816–1836. DOI: https://doi.org/10.1016/j.chb.2008.02.012

[10] Marwick, Alice E., and danah boyd. “I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter, Context Collapse, and the Imagined Audience.” New Media & Society, 13(1), 2011, pp. 114–133. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444810365313

[11] Zuboff, Shoshana. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

[12] Nissenbaum, Helen. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010.

[13] Mittelstadt, Brent Daniel, Patrick Allo, Mariarosaria Taddeo, Sandra Wachter, and Luciano Floridi. “The Ethics of Algorithms: Mapping the Debate.” Big Data & Society, 3(2), 2016. DOI: https://doi.org/10.1177/2053951716679679

[14] van Dijck, José. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media. New York: Oxford University Press, 2013.

[15] Livingstone, Sonia. “Media Literacy and the Challenge of New Information and Communication Technologies.” The Communication Review, 7(1), 2004, pp. 3–14. DOI: https://doi.org/10.1080/10714420490280152

ИСТОРИЯ

УДК 94(4/9)

Иманалиева А.С. PhD -докторант
Киргизский национальный университет им.Ж.Баласагына
Иманалиева А.С. PhD -докторант
Ж.Баласагын атындагы Кыргыз Улуттук университети
Imanalieva A. S. PhD-doctoral student
Kyrgyz National University named after J.Balasagyn

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КИРГИЗСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МОБИЛИЗАЦИЯ ВПК, СЫРЬЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ

УЛУУ АТА МЕКЕНДИК СОГУШ ЖЫЛДАРЫНДАГЫ КЫРГЫЗ ССРИНИН ӨНӨР ЖАЙЫ: АСКЕРДИК-ӨНӨР ЖАЙ КОМПЛЕКСИН МОБИЛИЗАЦИЯЛОО, ЧИЙКИ ЗАТТЫК РЕСУРСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУУ ЖАНА ИНДУСТРИЯЛЫК ӨНҮГҮҮ

INDUSTRY OF THE KYRGYZ SSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX MOBILIZATION, RAW MATERIAL POTENTIAL, AND INDUSTRIAL BREAKTHROUGH

Аннотация
В статье проведен комплексный историко-системный анализ процессов эвакуации, размещения и функционирования предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) СССР на территории Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Рассмотрены ключевые факторы мобилизационной перестройки промышленности, включая эвакуацию крупных заводов, форсированный запуск производства в условиях дефицита ресурсов и кадрового голода. Особое внимание уделено роли республики как монопольного поставщика стратегического сырья (сурьмы и ртути) и главной угольной базы Средней Азии. Доказано, что военная мобилизация выступила «инновационным локомотивом», изменившим структуру хозяйства республики и создавшим фундамент для ее послевоенного индустриального развития.

Кыскача мүнөздөмө
Макалада Улуу Ата Мекендик согуш жылдарында (1941-1945-жж.) СССРдин аскердик-өнөр жай комплексинин (АӨЖК) ишканаларын Кыргыз ССРинин аймагына эвакуациялоо, жайгаштыруу жана иштетүү процесстерине комплекстүү тарыхый-системалык анализ жүргүзүлгөн. Өнөр жайды мобилизациялык кайра куруунун негизги факторлору, анын ичинде ири заводдорду эвакуациялоо, ресурс жетишсиздиги жана кадр тартыштыгы шартында өндүрүштү ылдамдатылган тартипте ишке киргизүү каралган. Республиканын стратегияттык сырьелорду (сурьма жана сымап) монополдук жеткирүүчү жана Орто Азиянын башкы көмүр базасы катары ролуна өзгөчө көңүл бурулган. Аскердик мобилизация республиканын чарбалык түзүмүн өзгөрткөн жана согуштан кийинки индустриалдык өнүгүүсүнө пайдубал түзгөн «инновациялык локомотив» катары чыкканы далилденген.

Abstract:
The article presents a comprehensive historical-systemic analysis of the evacuation, relocation, and operation of the USSR's military-industrial complex (MIC) enterprises in the Kirghiz SSR during the Great Patriotic War (1941–1945). Key factors of the industrial mobilization restructuring are examined, including the evacuation of major factories and the accelerated launch of production under resource deficits and acute labor shortages. Special emphasis is placed on the republic's role as a monopoly supplier of strategic raw materials (antimony and mercury) and the primary coal base of Central Asia. The study proves that wartime

mobilization served as an "innovative engine" that radically transformed the republic's economic structure and laid the foundation for its post-war industrial development.
Ключевые слова: Киргизская ССР, Великая Отечественная война, военно-промышленный комплекс, эвакуация, мобилизационная экономика, Кадамжайский сурьмяный комбинат, Хайдарканский ртутный комбинат, Завод № 60.
Негизги сөздөр: Кыргыз ССРи, Улуу Ата Мекендик согуш, аскердик-өнөр жай комплекси, эвакуация, мобилизациялык экономика, Кадамжай сурьма комбинаты, Хайдаркан сымап комбинаты, № 60 завод.
Keywords: Kirghiz SSR, Great Patriotic War, military-industrial complex, evacuation, mobilization economy, Kadamjay Antimony Plant, Khaidarkan Mercury Plant, Factory No. 60.
Введение
В предвоенные десятилетия Киргизская ССР развивалась как важная ресурсная и индустриальная периферия Советского Союза. Это позволило республике в условиях экстремального кризиса лета 1941 года в кратчайшие сроки переориентировать местное хозяйство на нужды фронта. В период с июня 1941 по 1945 год в Киргизии произошла масштабная структурная трансформация: партийно-государственное руководство мобилизовало кадровый потенциал, сырьевые запасы цветных металлов и энергетические мощности для обеспечения бесперебойной работы эвакуированных заводов и стратегической горнодобывающей промышленности. Подобная перестройка не только укрепила материально-техническую базу Красной армии, но и кардинально изменила индустриальный статус Киргизской ССР, превратив её в один из опорных военно-промышленных тыловых узлов Центральной Азии.
Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного научного переосмысления опыта функционирования оборонного комплекса в тылу, выявления реального производственного вклада республиканских предприятий в Победу, а также систематизации накопленного историографического материала по военной экономике региона.
Цель статьи - проведение комплексного историко-системного анализа особенностей формирования, механизмов функционирования и реального производственного вклада предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) СССР, дислоцированных на территории Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).
Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

1. Реконструировать исторический процесс и специфику пространственного размещения (эвакуации), а также форсированного запуска эвакуированных и местных оборонных объектов в Киргизии;
2. Определить ключевые индикаторы и особенности формирования советской мобилизационной экономики в тыловых регионах Средней Азии;
3. Оценить исходное состояние производственных мощностей, сырьевой базы, энергетического и кадрового потенциала республики в начальный период войны, а также государственную политику по их обеспечению;
4. Систематизировать данные о производственных мощностях, номенклатуре выпускаемой продукции и её стратегическом значении для фронта (на примере завода № 60, завода «Красный металлист», торпедного завода № 175 и стратегических горнорудных комбинатов);
5. Выявить ключевые организационно-технологические трудности, социально-бытовые факторы и объективные преграды, снижавшие эффективность работы предприятий в условиях военного времени;
6. Доказать на основе анализа опубликованных историко-экономических данных, что военная мобилизация стала «инновационным локомотивом», коренным образом изменившим структуру хозяйства республики и обеспечившим успешный переход экономики Кыргызстана на высокотехнологичный индустриальный уровень в послевоенный период.

Материалы и методы.

Проблема перевода советской экономики на военные рельсы и эвакуации промышленности в глубокий тыл занимает центральное место в советской и современной историографии Великой Отечественной войны.

Концептуальные основы анализа советской мобилизационной модели изложены в фундаментальных трудах В. Е. Быстровой [1] и Н. С. Симонова [2], где подробно рассматриваются механизмы жесткого государственного планирования, структура ВПК и специфические особенности функционирования оборонных заводов в условиях военного времени. Важный теоретический вклад в понимание характера принятия экстренных решений советским руководством вносят современные коллективные исследования, посвященные историческому опыту мобилизационных практик в СССР [3].

Изучению регионального аспектов мобилизации и промышленного развития Киргизской ССР посвящены классические и современные труды отечественных историков. В исследованиях С. К. Керимбаева [4] дается всесторонний анализ трудового подвига населения и процесса размещения эвакуированных предприятий на территории республики. Работы Г. Д. Джунушалиевой [5] и Т. Ж. Жоробекова [6] расширяют историографическое поле, освещая социально-политические, кадровые и инфраструктурные проблемы, с которыми сталкивалось руководство Киргизии при форсированном запуске оборонных производств.

Вместе с тем, несмотря на наличие солидной историографической базы, комплексная оценка синергетического эффекта от интеграции эвакуированных мощностей с местной сырьевой базой Киргизии требует дополнительного систематизированного переосмысления.

Методолгическую основу статьи составили фундаментальные принципы историзма, научной объективности и системности, которые позволили рассмотреть эвакуационные процессы и адаптацию промышленности в тесной взаимосвязи с общегосударственной политикой СССР.

В ходе работы применялся комплекс специальных историко-научных методов:

- Историко-сравнительный метод - дал возможность проследить динамику изменения производственного потенциала и сопоставить специфику работы различных эвакуированных объектов.
- Хронологический подход - позволил поэтапно реконструировать процесс эвакуации, пусконаладки и развития оборонных предприятий в республике.
- Историко-системный анализ-применен для комплексного изучения мобилизационной перестройки промышленности как единого научно-производственного и инфраструктурного комплекса.

Источниковедческая и эмпирическая база: Эмпирическую основу исследования составили опубликованные сборники документов и материалов по истории Киргизии в годы Великой Отечественной войны, нормативно-правовые акты советского периода, а также фактический материал, отраженный в фундаментальных трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Результаты исследования.Внезапное нападение нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года потребовало экстренной перестройки всей военно-экономической системы страны. В первые месяцы войны из-за угрозы захвата ключевых индустриальных центров на западе (Украина, Белоруссия, европейская часть РСФСР), руководство СССР приняло решение об эвакуации промышленных мощностей в глубокий тыл - Урал, Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию [7, с. 187].

Перемещение производства проводилось под руководством Совета по эвакуации в координации с Госпланом СССР в два этапа: летом-осенью 1941 года и летом-осенью 1942 года. В период с июля по ноябрь 1941 года на восток было эвакуировано 2 593 промышленных предприятия (из них 1 523 крупногабаритных). В Казахстан и Среднюю Азию было направлено 308 предприятий.

Одновременно проходила масштабная эвакуация населения: за период с июня 1941 по февраль 1942 года тыловые регионы приняли 10,4 миллиона советских граждан [8, с. 267].

Киргизская ССР приняла на своей территории более 60 производственных объектов, из которых 38 относились к категории крупных промышленных предприятий [9, с. 54]. Перебазирование осуществлялось в рамках форсированной мобилизации народнохозяйственного комплекса.

Среди ключевых объектов военно-промышленного комплекса (ВПК) и смежных отраслей, размещенных в республике, стратегическое значение имели следующие:

- Завод № 60 (Станкостроительный завод им. В. И. Ленина): Передислоцирован в г. Фрунзе в конце 1941 года из г. Ворошиловграда (Луганск). На его базе было развернуто крупнейшее в регионе патронное производство, бесперебойно снабжавшее фронт боеприпасами.
- Завод «Красный металлист»: Эвакуирован осенью 1942 года из г. Орджоникидзе (Северо-Осетинская АССР) в г. Фрунзе. Предприятие специализировалось на выпуске боеприпасов, минометного вооружения и деталей для военной техники.
- Торпедный завод № 175: Эвакуирован из г. Каспийска (завод «Двигательстрой», Дагестанская АССР) и размещен на побережье озера Иссык-Куль (с отдельными мощностями в г. Токмак). Стал уникальным засекреченным научно-производственным объектом по выпуску подводного вооружения для ВМФ СССР.
- Первомайский завод сельскохозяйственного машиностроения: Эвакуирован из г. Осипенко (Бердянск) и интегрирован с мощностями ремонтно-механических мастерских «Интергельпо» в г. Фрунзе, что заложило основу для завода сельхозмашиностроения им. М. В. Фрунзе.
- Предприятия смежных отраслей: В регион были перебазированы Московский минометный завод им. М. В. Фрунзе, Никитовский ртутный комбинат, Льговские ремонтно-механические мастерские, а также ряд фабрик легкой и пищевой промышленности из Одессы, Харькова, Ростова, Курска и Москвы (обувные, швейные, трикотажные), обеспечивших снабжение армии обмундированием.

Факторы и объективные трудности размещения эвакуированных предприятий

Процесс размещения и запуска эвакуированных заводов и фабрик на территории Киргизской ССР проходил в суровых социально-экономических и инфраструктурных условиях. Ключевыми деструктивными факторами данного периода являлись:

- Острый дефицит производственных площадей: В республике практически отсутствовали готовые помещения для размещения тяжелого оборудования крупных объектов. Оборудование завода «Красный металлист» и патронного завода № 60 нередко разгружалось и монтировалось под открытым небом, во временных палатах или недостроенных корпусах. Рабочим приходилось одновременно возводить стены цехов и осуществлять наладку оборудования. Вопреки этим экстремальным условиям, завод «Красный металлист» был введен в эксплуатацию всего за 22 дня [10, с. 58].
- Энергетический и сырьевой кризис: Мощностей существовавших электростанций категорически не хватало для обеспечения работы крупных заводов. Проблема решалась путем ускоренного строительства малых ГЭС (в частности, Аламединской ГЭС) и тепловых станций. Кроме того, возникали серьезные логистические сбои при доставке сырья (металла, химикатов) из других регионов СССР.
- Дефицит квалифицированных кадров: С началом войны большая часть трудоспособного мужского населения была мобилизована в действующую армию. К работе на предприятиях привлекались женщины, подростки и пожилые люди, не имевшие базовой рабочей квалификации. Обучение кадров велось непосредственно у станков в форсированном режиме (в течение 2–3 недель).
- Суровые климатические и бытовые условия: В аномально холодную зиму 1941-1942 гг. острая нехватка жилья (проживание в землянках, бараках и уплотненных квартирах) и жесткая карточная система нормирования продовольствия создавали экстремальную жизненную обстановку. Несмотря на это, рабочий день длился по 12-14 часов под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Научно-технический потенциал и инженерные кадры

Успешный запуск сложных оборонных производств стал возможен благодаря эвакуации в Киргизскую ССР ведущих научных институтов и инженерно-технических специалистов из Москвы, Ленинграда и Киева. В гг. Фрунзе и Ош были временно дислоцированы ученые Академии наук СССР, специалисты в области металлургии, горного дела и геологоразведки.

Под руководством эвакуированных специалистов на Кадамжайском и Хайдарканском комбинатах были внедрены уникальные технологии извлечения металлов из бедных руд, а также проведены форсированные геологоразведочные работы, открывшие новые запасы сурьмяно-ртутных и свинцовых месторождений. Это научно-производственное сотрудничество создало фундамент для последующего открытия Киргизского филиала Академии наук СССР в 1943 году.

Сырьевой форпост ВПК: Монополия на производство стратегических металлов

В военно-стратегических планах советского руководства Киргизской ССР отводилась роль ключевого сырьевого форпоста военно-промышленного комплекса. Мобилизация природных ресурсов региона позволила компенсировать временную потерю сырьевых баз в европейской части СССР. Основной упор был сделан на форсированное развитие цветной и редкой металлургии:

- Производство сурьмы (Sb): Сурьма являлась стратегическим металлом, необходимым для закалки свинца (производство пуль, шрапнели, подшипников тяжелой техники, а также пластин для танковых и подводных аккумуляторов). До войны СССР полностью зависел от импорта сурьмы из-за рубежа. С началом войны Кадамжайский сурьмяный комбинат им. М. В. Фрунзе стал монопольным производителем сурьмы в СССР. В кратчайшие сроки технологи комбината разработали и внедрили новую технологию плавки, позволившую получать сурьму чистотой 99,9% (что превосходило английскую марку «Куксон»). Предприятие обеспечило более 90% потребности оборонной промышленности страны, полностью ликвидировав импортозависимость и обеспечив устойчивый выпуск танков Т-34 и авиационных боеприпасов [4, с. 145].
- Добыча ртути (Hg): Ртуть применялась для производства гремучей ртути - незаменимого инициирующего взрывчатого вещества для капсюлей-детонаторов и взрывателей всех типов снарядов, мин и патронов. После оккупации немецкими войсками Никитовского ртутного комбината на Донбассе осенью 1941 года единственной сырьевой базой страны стало Хайдарканское месторождение на юге Киргизии. Строительство Хайдарканского ртутного комбината № 5 велось в экстремальных условиях высокогорья, при острой нехватке строительных материалов и техники. В результате уже в середине 1942 года комбинат выдал первую промышленную ртуть. Киргизская ССР фактически спасла советское патронное и артиллерийское производство от «ртутного голода», став главным поставщиком ртути для оборонных заводов страны до самого конца войны [11, с. 73].

Форсированный рост оборонного производства и стратегического сырья

К 1943 году мобилизационная перестройка промышленности Киргизской ССР достижения своего исторического пика. Объем валовой продукции всей промышленности республики составил 417 млн рублей, что превысило уровень 1941 года на 26,5%, а показатели 1942 года - на 28,9%. С каждым месяцем непрерывно возрастал выпуск минно-трального и стрелкового вооружения, боеприпасов, снаряжения, обмундирования, армейской обуви, продуктов питания для фронта, а также цветных и редких металлов для ВПК СССР.

Особенно впечатляющие динамические показатели были достигнуты в металлообрабатывающей отрасли и добыче редких металлов:

1. Металлообрабатывающая промышленность: Объем валовой продукции отрасли в 1943 году превысил показатели 1942 года в 2,4 раза.
2. Добыча вольфрама: План по добыче вольфрамового концентрата в 1943 году был выполнен на 105,2%, что в 3 с лишним раза превысило показатели 1942 года.
3. Производство ртути: Динамика добычи стратегической ртути показала беспрецедентный скачок - с 0,7 тонны в предвоенном 1940 году до 109,7 тонны в 1943 году, что полностью перекрыло критические потребности советской патронной и снарядной промышленности [4, с. 126].

Топливно-энергетический комплекс и транспортная система

Развитие оборонных предприятий и бесперебойная работа железнодорожного транспорта требовали колоссальных объемов топлива. В условиях временной утраты Донецкого угольного бассейна шахты Киргизии (Сулюкта, Кызыл-Кия, Кок-Янгак, Таш-Кумыр) приобрели союзное значение. Шахтеры республики, трудясь круглосуточно в три смены, превратили Киргизскую ССР в главную угольную базу Средней Азии. Несмотря на то, что большинство опытных забойщиков ушло на фронт, заменившие их женщины и подростки систематически перевыполняли нормы выработки. Уголь республики обеспечивал движение эшелонов Среднеазиатской железной дороги, доставлявших войска, эвакуированные заводы и раненых, а также питал электростанции Ташкента, Ферганы и Фрунзе.

Важнейшим звеном в функционировании ВПК на территории республики являлась транспортная система. В годы войны нагрузка на Фрунзенское отделение Туркестано-Сибирской железной дороги возросла в 3-4 раза. Сюда непрерывным потоком поступали эшелоны с эвакуированным оборудованием и сырьем, а обратно на фронт отправлялись эшелоны с боеприпасами, сурьмой, ртутью и углем. Железнодорожники Киргизии в условиях острого дефицита подвижного состава обеспечили бесперебойный оборот вагонов, работая по жестким графикам военного времени.

Сельскохозяйственное машиностроение и легкая промышленность

Помимо непосредственного выпуска боеприпасов и стратегических металлов, промышленность республики внесла существенный вклад в материально-техническое обеспечение армии. На базе эвакуированного из Бердянска завода «Первомайсельмаш» и местных мастерских «Интергельпо» в г. Фрунзе был организован массовый выпуск военной продукции: корпусов для мин, гранат, спецоборудования и обозного имущества.

Предприятия легкой и текстильной промышленности Киргизской ССР в кратчайшие сроки перестроили технологические циклы и перешли на круглосуточный режим работы.

Производственную базу отрасли существенно укрепили эвакуированные швейные, обувные и трикотажные фабрики из Украинской ССР, Белорусской ССР и РСФСР. Вклад отрасли в материально-техническое обеспечение фронта характеризуется следующими ключевыми показателями:

- Доля фронтовых поставок: Из всего объема продукции, производимой легкой промышленностью республики, более 40% напрямую направлялось на нужды действующей армии.
- Общие объемы поставки обмундирования: За годы войны предприятия Киргизской ССР поставили Красной Армии более 3 млн комплектов обмундирования, включая армейские шинели, гимнастерки, специализированную обувь и парашютный шелк.
- Подвиг трикотажной фабрики № 3: Особенную активность проявил коллектив Фрунзенской трикотажной фабрики № 3. За период войны предприятие выпустило свыше 2 млн трикотажных изделий, из которых 742 тыс. единиц были изготовлены по прямому оборонному заказу для бойцов Красной Армии [4, с. 134].

Рост производительности труда и трудовой подвиг рабочих

Важнейшим фактором обеспечения форсированных темпов производства в условиях войны стало движение за рост производительности труда и внедрение рационализаторских предложений. Несмотря на то, что основную часть рабочей силы составили женщины и подростки, заменившие ушедших на фронт мужчин, система ускоренной производственной подготовки позволила добиться существенного роста эффективности производства.

В ведущих отраслях промышленности республики - металлообрабатывающей и машиностроении, цветной металлургии, кожевенно-обувной, трикотажной, швейной, шелкоткацкой, мясной (по производству консервов), макаронной, спиртовой и фармацевтической -производительность труда в 1945 году по сравнению с предвоенным 1940 годом повысилась на 18,8%, а средняя выработка на одного рабочего возросла на 19%.

Особенно заметный рост показателей выработки наблюдался на предприятиях, производивших цветные и редкие металлы для нужд фронта. В частности, на Хайдарканском ртутном комбинате средняя выработка на одного рабочего увеличилась в разы, что позволило перекрыть плановые нормы в условиях высокогорья и жесткого сырьевого лимита [4, с. 131].

Обсуждение и заключение

Массовая эвакуация предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) СССР на территорию Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны и их оперативный ввод в эксплуатацию стали историческим поворотным моментом, коренным образом изменившим хозяйственную структуру республики. Анализ данного процесса показывает, что военная мобилизация преследовала не только краткосрочные тактические цели, но и выступила долгосрочным стратегическим фактором, определившим послевоенный индустриальный уровень аграрно-индустриальной республики.

Результаты нашего исследования демонстрируют, что Кыргызстан, который до войны ограничивался преимущественно сельским хозяйством и первичными элементами легкой промышленности, в 1941-1945 гг. превратился в центр таких высокотехнологичных отраслей, как тяжелое машиностроение, приборостроение, цветная металлургия и химическая промышленность. Производственные мощности, сформированные на базе Государственного союзного завода № 60 (получившего в послевоенные годы имя В. И. Ленина), завода сельскохозяйственного машиностроения им. М. В. Фрунзе, Кадамжайского сурьмяного и Хайдарканского ртутного комбинатов, в мирное время стали основой для дальнейшего индустриального развития республики.

Развитие военной промышленности в Кыргызстане оказало концептуальное влияние на послевоенный уровень республики по следующим ключевым направлениям:

- Инфраструктурный скачок: Строительство объектов Чуйского гидроэнергетического каскада (ГЭС), железнодорожных путей и транспортных магистралей создало готовую инфраструктурную базу для развертывания новых производственных очагов в послевоенные годы.
- Качественный рост кадрового потенциала: Прибывшие из России и Украины высококвалифицированные инженеры, техники и рабочие осуществляли массовое обучение местной молодежи производственным профессиям. В результате в послевоенный период в республике сформировался мощный пласт национальной технической интеллигенции и квалифицированного рабочего класса.
- Урбанизация и региональное развитие: Строительство рабочих поселков, культурных и социальных объектов вокруг военных предприятий привело к форсированной урбанизации Кыргызстана и формированию промышленной архитектуры таких городов, как Фрунзе, Токмак, Ош и др.

В то же время в историографическом контексте важно признать, что данный индустриальный подъем осуществлялся в условиях колоссального социально-экономического напряжения, за счет круглосуточного, зачастую самоотверженного труда рабочих. Индустриальный рост носил диспропорциональный характер: при резком рывке тяжелой промышленности отрасли, обеспечивающие повседневные нужды населения, а также сельское хозяйство на долгое время остались в стагнации.

В сравнении с трудами других исследователей, изучавших экономику Средней Азии военного периода, в данной статье акцентируется внимание не только на фронтовой роли ВПК, но и на его функции как «инновационного локомотива», превратившего отсталую окраину советского пространства в развитую индустриальную республику. Научно-технические достижения Кыргызской ССР в 1950-1960-х годах стали прямым следствием фундаментальной военно-индустриальной базы, заложенной в годы войны.

Список литературы

1. Быстрова, И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы) -М.,2006. - 703 с.

2. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. - М.: РОССПЭН, 1996.-335 с.
3. Мобилизационная роль советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920-1980-е гг.) : сб. науч. трудов / коллектив авторов ; отв. ред. А. И. Тимошенко. - Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2012. -250 с.
4. Керимбаев, С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / С. К. Керимбаев. -2-е изд., испр. и доп. -Фрунзе : Илим, 1985.- 316 с.
5. Джунушалиева, Г. Д. Экономика Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Г. Д. Джунушалиева. - Бишкек : Илим, 2013.- 215 с.
6. Жоробеков, Т. Ж. Ошская область Кирг. ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Т. Ж. Жоробеков. -Бишкек, 2005. -250 с.
7. Верт, Н. История советского государства. 1900-1991 : пер. с фр. / Н. Верт. - Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. - С. 187.
8. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник «Цифры Победы» : стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). - Москва : Росстат, 2025. -С. 267.
9. Керимбаев, С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / С. К. Керимбаев. - 2-е изд., доп. - Фрунзе : Илим, 1985. - С. 54.
10. Татыбекова, Ж. С. Женщины Советского Киргизстана в борьбе за социализм и коммунизм : исторический опыт раскрепощения женщин Востока в процессе строительства социализма и коммунизма / Ж. С. Татыбекова. -Фрунзе : Илим, 1967. - С. 58.
11. Керимбаев, С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / С. К. Керимбаев. - 2-е изд., доп. - Фрунзе : Илим, 1985. - С. 73.

УДК: 331.556.4(575.2:560)

Сарсеитова Аида Шамшибековна
Туризм, рекреациялык география жана экология кафедрасынын ага окутуучусу
Ж. Баласагын атындагы Кыргыз Улуттук университети, Бишкек ш.
Сарсеитова Аида Шамшибековна
Старший преподаватель кафедры туризма, рекреационной географии и экологии
КНУ им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек
Aida Shamshibekovna Sarseitova
Senior Lecturer, Department of Tourism, Recreational Geography and Ecology
KNU named after Zhusup Balasagyn, Bishkek c.
0702 77 07 07, aida.sarseitova@gmail.com
Номер ORCID 0009-0003-7128-0628

КЫРГЫЗСТАНДАН ТҮРКИЯГА ЭМГЕК МИГРАЦИЯСЫНЫН КАЛЫПТАНУУ ЭТАПТАРЫ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В ТУРЦИЮ STAGES OF FORMATION OF LABOR MIGRATION FROM KYRGYZSTAN TO TURKEY

Аннотация. Макалада Кыргыз Республикасынан Түркия Республикасына эмгек миграциясынын калыптануу этаптары каралат. Эмгек миграциясынын өнүгүшү Кыргызстандагы социалдык-экономикалык өзгөрүүлөрдүн, демографиялык факторлордун, эмгек рыногундагы жумуш орундарынын жетишсиздигинин жана Түркиянын экономикасындагы эмгек ресурстарына болгон суроо-талаптын таасири астында жүргөн. Изилдөөдө эмгек миграциясынын төрт негизги этабы бөлүнүп көрсөтүлөт: миграциялык байланыштардын жаралышы, миграциянын активдешүүсү жана түзүмдүк калыптанышы, миграциялык формалардын кеңейиши жана диверсификацияланышы,

ошондой эле 2020-жылдардан баштап глобалдык чакырыктардын таасириндеги өзгөрүүлөр. Ар бир этапта миграциялык агымдардын өзгөчөлүктөрү, иш менен камсыз болуунун формалары жана эки өлкөнүн ортосундагы социалдык-экономикалык байланыштардын өнүгүшү талданат. Макаланын жыйынтыктары эмгек миграциясынын өзгөрүү динамикасын жана анын калыптанышына таасир эткен негизги факторлорду түшүнүүгө мүмкүндүк берет.

Аннотация. В статье рассматриваются этапы формирования трудовой миграции из Кыргызской Республики в Турецкую Республику. Развитие данного процесса обусловлено социально-экономическими преобразованиями в Кыргызстане, демографическими факторами, ограниченными возможностями внутреннего рынка труда и изменениями спроса на рабочую силу в Турции. Выделяются четыре основных этапа: зарождение миграционных связей, активизация и структурное оформление миграции, усложнение и диверсификация миграционных форм, а также трансформация миграционных процессов под воздействием глобальных вызовов с начала 2020-х годов. Анализируются особенности миграционных потоков, изменения форм занятости, развитие социальных сетей мигрантов и укрепление транснациональных экономических связей. Особое внимание уделяется влиянию пандемии COVID-19, экономической нестабильности и изменений миграционного регулирования на стратегии трудовых мигрантов. Сделан вывод о постепенном переходе от преимущественно образовательной и гуманитарной мобильности к более устойчивым и разнообразным формам трудовой миграции.

Abstract. The article examines the stages in the formation of labor migration from the Kyrgyz Republic to the Republic of Türkiye. The development of this process has been shaped by socioeconomic transformations in Kyrgyzstan, demographic factors, limited employment opportunities in the domestic labor market, and changes in labor demand in Türkiye. Four main stages are identified: the emergence of migration ties, the intensification and structural consolidation of migration, the increasing complexity and diversification of migration patterns, and the transformation of migration processes under the influence of global challenges since the early 2020s. The article analyzes the characteristics of migration flows, changes in employment patterns, the development of migrant social networks, and the strengthening of transnational economic ties. Particular attention is paid to the impact of the COVID-19 pandemic, economic instability, and changes in migration regulations on migrant workers' strategies. The study concludes that labor migration has gradually evolved from predominantly educational and humanitarian mobility into more established and diversified forms of labor mobility.

Негизги сөздөр: эмгек миграциясы, миграциялык агымдар, Кыргыз Республикасы, Түркия Республикасы, эмгек рыногу, миграциялык байланыштар, социалдык-экономикалык факторлор, демографиялык факторлор, миграциялык тармактар, иш менен камсыз болуу, акчалай которуулар, миграциялык саясат.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционные потоки, Кыргызская Республика, Турецкая Республика, рынок труда, социально-экономические факторы, демографические факторы, миграционные сети, структура занятости, денежные переводы, транснациональные связи, миграционная политика.

Keywords: labor migration, migration flows, Kyrgyz Republic, Republic of Türkiye, labor market, socioeconomic factors, demographic factors, migration networks, employment structure, remittances, transnational ties, migration policy.

Формирование трудовой миграции из Кыргызской Республики в Турецкую Республику представляет собой длительный и неоднородный процесс, развитие которого было обусловлено совокупностью социально-экономических, институциональных и демографических факторов. На отдельных этапах данный процесс отличался масштабами миграционных потоков, характером занятости мигрантов и степенью устойчивости миграционных связей. Изменения в направлениях и

формах трудовой миграции отражали трансформацию экономической ситуации в Кыргызстане, а также адаптацию миграционных стратегий населения к условиям внешнего рынка труда.

После распада Советского Союза экономическая система Кыргызской Республики пережила глубокую трансформацию, сопровождавшуюся спадом производства, сокращением государственных рабочих мест и переходом к новым моделям хозяйствования [1, С. 237]. Эти изменения значительно повлияли на структуру занятости: традиционные источники стабильной занятости сократились, а растущая доля работников была вынуждена искать работу в неформальном секторе или сталкиваться с безработицей.

Анализ миграционных стратегий показывает, что экономические мотивации, включая низкий уровень заработной платы и отсутствие стабильной занятости, являются ключевыми факторами, стимулирующими выезд граждан на работу за границу. По данным опросов, среди мигрантов значительная доля указывает на экономические причины [2], такие как неконкурентоспособные заработные платы и дефицит рабочих мест, в качестве основной мотивации для выезда за пределы страны.

Тогда как демографические процессы также усиливали давление на рынок труда. В Кыргызстане наблюдается относительно высокая доля трудоспособного населения и устойчивый рост численности жителей в трудоспособном возрасте, что усугубляет конкуренцию за ограниченные рабочие места на внутреннем рынке. Согласно данным переписи населения, около 1,1 млн человек временно отсутствовали по местам постоянной регистрации именно в связи с работой за рубежом, причем большая часть таких мигрантов относится к трудоспособным возрастным группам [2]. Это свидетельствует о том, что демографическое давление стало одним из факторов, способствовавших развитию внешней трудовой миграции и повышению мобильности населения.

Кроме того, формирование трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию происходило не стихийно, а в рамках постепенно складывающихся институциональных и внешнеэкономических условий. Внешнеэкономическая ориентация Кыргызстана и относительная открытость международных связей способствовали снижению барьеров мобильности: отсутствие жёстких визовых ограничений с рядом стран и доступность трансграничных перемещений облегчали выезд граждан за рубеж.

Когда ситуация усложнилась, люди постепенно разработали стабильные стратегии миграции через социальные и диаспорные сети, информацию о возможностях трудоустройства и накопленный опыт предыдущих мигрантов. Эта систематизация этих тенденций с течением времени позволяет нам выделить ключевые этапы в формировании трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию, отражая трансформацию в масштабе, формах и направлениях миграционной мобильности, как показано в таблице 1.

Рассмотрение этапов становления трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию дало возможность определить основные периоды её развития, отражающие изменения в характере и интенсивности миграционных потоков. Последовательное развитие этапов отмечает переход от спонтанных и плохо организованных перемещений рабочей силы к стабильным и структурированным формам мобильности труда. На каждом этапе развитие связанной миграционной сложности изменяется по мере роста форм занятости, укрепления экономических связей между странами и усиления миграционных сетей, которые являются центральными для пространственной организации потоков рабочей силы. Новые этапы не приводят к прекращению прежних миграционных потоков, а формируются наряду с ними. Это приводит к усложнению миграционной системы и росту её структурной неоднородности.

Внешние факторы, включая структурные изменения в национальных экономиках и глобальные кризисные процессы, оказывают заметное влияние на миграционные потоки. Они способны как сдерживать миграционную активность, так и формировать условия для её переориентации и изменения форм. В этой связи сохранение трудовой миграции в рамках экономико-географического

анализа характерных особенностей каждого этапа, связанных с территориальными особенностями, отраслевой структурой занятости и пространственной концентрацией трудовых ресурсов.

Формирование трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию носило поэтапный характер и было обусловлено последствиями внутренних социально-экономических трансформаций в стране и изменениями в принимающей экономике Турции. Каждый этап различается спецификой миграционных потоков, формами миграции и степенью институционализации миграционных связей.

Таблица 1 – Этапы формирования трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию

Этап	Период	Характер миграционных процессов	Определяющие факторы
I этап (Зарождение миграционных связей)	начало 1990-х – начало 2000-х годов	Нерегулярные и ограниченные по масштабам миграционные перемещения, доминирование образовательной и предпринимательской мобильности, отсутствие устойчивых механизмов трудоустройства	Социально-экономический кризис в Кыргызстане, распад СССР (Союз Советских Социалистических Республик), расширение гуманитарных и образовательных контактов с Турцией
II этап (Активизация и структурное оформление)	середина 2000-х – начало 2010-х годов	Рост численности трудовых мигрантов, формирование миграционных сетей, расширение неформальной занятости, увеличение участия женщин в миграции	Экономический рост в Турции, увеличение спроса на рабочую силу в строительстве и сфере услуг, сохраняющиеся ограничения на рынке труда Кыргызстана
III этап (Усложнение и диверсификация миграционных форм)	2010-е годы	Расширение форм трудовой мобильности, вовлечение мигрантов в предпринимательскую деятельность, усиление экономической взаимосвязанности между странами	Углубление двустороннего экономического сотрудничества, развитие сервисной экономики Турции, накопление миграционного и социального капитала
IV этап (Трансформация под влиянием глобальных вызовов)	с начала 2020-х годов	Изменение устойчивости миграционных потоков, рост социально-экономической уязвимости мигрантов, активное использование цифровых каналов поиска занятости	Пандемия COVID-19, корректировка миграционной политики, влияние глобальной экономической нестабильности

Источник: Разработан автором

I этап (Зарождение миграционных связей) которого 1990-х – начало 2000-х годов.

В начальный период взаимодействие между Кыргызстаном и Турцией в миграционной сфере формировалось исключительно в рамках гуманитарного, образовательного и культурного сотрудничества, а неорганизованной трудовой миграции. На данном этапе Кыргызстан совпал с глубокой трансформацией социально-экономической системы после распада СССР , что привело к утрате прежних интеграционных принципов, росту безработицы и поиску новых внешних партнёров.

Тогда как Турция в этот период реализовывала активную внешнеполитическую стратегию по укреплению связей с тюркоязычными государствами Центральной Азии, рассматривая гуманитарное и образовательное сотрудничество как инструмент долгосрочного взаимодействия. Это проявлялось в предоставлении стипендий для обучения в турецких вузах, развитии образовательных обменов и деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA) [3, 4], направленной на поддержку институциональных и культурных связей с Кыргызстаном.

В результате данных процессов сформировались первые группы мобильных граждан Кыргызстана, обладающих опытом пребывания в Турции, знанием турецкого языка и пониманием социально-культурных норм принимающей страны [4]. Несмотря на то, что трудовая занятость не

являлась основной целью миграции, именно в этот период происходило накопление человеческого и социального капитала, а также формирование начальных институциональных каналов мобильности, которые в дальнейшем обеспечили переход к экономически мотивированной трудовой миграции.

II этап (Активизация и структурное оформление) середина 2000-х – начало 2010-х годов.

На втором этапе формирования трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию происходит интенсивная активизация трансграничной мобильности рабочей силы в условиях сохраняющихся структурных недостатков на рынке труда Кыргызстана и устойчивого спроса на иностранную рабочую силу в различных странах, в том числе в Турции. На фоне экономического роста в соседних регионах и развития частных миграционных сетей, миграционные потоки из Центральной Азии приобретают более выраженный трудовой характер, а не только образовательный или гуманитарный.

Исследования по трудовой миграции из стран Центральной Азии фиксируют заметный рост международной мобильности рабочей силы в 2000-е годы, когда миграционные потоки начали перемещаться за рамки традиционных направлений, прежде всего в Россию и Казахстан, и частично в другие страны, включая Турцию, США и государства Балтии, статистически до 600 тысяч мигрантов из Кыргызстана работали за рубежом к середине периода 2000-х годов, что свидетельствует о становлении мобильности как экономически мотивированной практики [7]. Согласно эмпирическим данным, международная миграция из стран Центральной Азии в этот период характеризуется значительным увеличением доли трудовых мигрантов [8], чему способствовали факторы низкой занятости, низкой заработной платы и экономической нестабильности в странах исхода.

В то же время было отмечено постепенное расширение географии трудовой миграции и вовлечение новых направлений, таких как Турция, в которых мигранты искали возможности занятости в строительной сфере, сфере услуг и мелком предпринимательстве, что происходило наряду с ростом миграционных сетей и каналов, обеспечивающих информацию о возможностях работы за границей и поддерживающих репатриацию доходов в страну происхождения [2,3]. Хотя основное внимание в региональных исследованиях уделяется миграции в Россию, в этот период можно также констатировать расширение миграционных маршрутов и появление устойчивых связей с Турцией как одной из альтернативных точек трудоустройства в условиях усиления конкуренции на традиционных рынках труда.

Следует отметить, что рост международной трудовой миграции был обусловлен не только экономическими факторами, но и формированием словесных, семейных и региональных сетей, облегчающих адаптацию мигрантов в принимающих странах [3]. В частности, исследования подчёркивают, что миграционная активность в Центральной Азии в этот период характеризуется диверсификацией направлений, усилением социальной инфраструктуры миграции и формированием каналов неформальной занятости.

Таким образом, период середины 2000-х – начала 2010-х годов отмечается переходом от преимущественно немассовой и слабо организованной мобильности к более устойчивым формам международной трудовой миграции, в которых Турция наряду с другими странами становится значимым направлением для мигрантов из Кыргызстана и других государств Центральной Азии.

III этап (усложнение и диверсификация миграционных форм) 2010-е годы. В течение 2010-х годов трудовая миграция из Кыргызстана в Турцию характеризуется усложнением форм занятости и расширением экономических функций мигрантов [4]. Исследования миграции из стран Центральной Азии в Турцию фиксируют переход части мигрантов от преимущественно наёмного труда к формам самозанятости и малого предпринимательства, прежде всего в торговле, сфере услуг и этническом бизнесе в крупных городах Турции, таких как Стамбул и Анталья.

Для Кыргызстана в данный период трудовая миграция приобретает системное значение, оказывая устойчивое влияние на уровень доходов домохозяйств и структуру занятости населения. Согласно данным Всемирного банка [9], в 2010-е годы объём денежных переводов мигрантов составлял значительную долю валового внутреннего продукта Кыргызстана, что свидетельствует о включённости миграции в национальную социально-экономическую модель.

Одновременно Турция в 2010-е годы формируется как принимающая страна с многонациональным рынком труда, в котором мигранты из стран Центральной Азии, включая Кыргызстан, занимают ниши в сфере сервиса, торговли и туризма. Турецкие миграционные исследования подчёркивают, что иностранные мигранты в этот период становятся важным элементом гибкого сегмента рынка труда, дополняя внутренние трудовые ресурсы.

Усиление транснациональных связей, включая регулярные денежные переводы, предпринимательские контакты и устойчивые социальные сети, способствует относительной стабильности миграционных потоков между Кыргызстаном и Турцией. Международная организация по миграции отмечает, что в 2010-е годы миграция из Центральной Азии в Турцию приобретает черты долгосрочной и повторяющейся мобильности [8], основанной на накопленном миграционном опыте.

Таким образом, на данном этапе трудовая миграция из Кыргызстана в Турцию трансформируется в устойчивую транснациональную практику, сочетающую наёмный труд, предпринимательскую активность и постоянное поддержание экономических и социальных связей со страной исхода.

IV этап (Трансформация под воздействием вызовов) - с начала 2020-х годов. Современный этап развития трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию характеризуется высокой чувствительностью миграционных потоков к внешним шокам и изменениям условий принимающей страны. Ключевым фактором стала пандемия COVID-19, которая привела к временному закрытию границ, ограничению международной мобильности и резкому сокращению возможностей для иностранных производителей. Поэтому мигранты оказались одной из наиболее уязвимых групп на рынке труда в период пандемии [11, С. 64], особенно в сферах услуг, туризма и неформальной занятости.

Для Кыргызстана данные изменения выразились, в связи с доходностью трудовых мигрантов, снижением объемов денежных переводов и ростом риска возвратной мобильности. По данным Всемирного банка, с 2020 по 2021 год страны с низкой зависимостью от миграционного дохода [6], в том числе, в Кыргызстане столкнулись с резким снижением трансфертов и значительными социальными уязвимостями домохозяйств.

Для Турции в нынешний период предстала необходимость балансировать между экономическими потребностями в иностранной рабочей силе и методами контроля над миграционными потоками. В аналитическом обзоре Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) выявлено, что в условиях пандемии Турция [7, С. 50], как и другие принимающие страны, усилила регулирование въезда и занятости мигрантов, одновременно сохраняя спрос на гибкую рабочую силу в отдельных секторах экономики.

В результате трудовая миграция из Кыргызстана в Турцию в начале 2020-х годов приобретает более гибкий, фрагментарный и индивидуализированный характер, при котором миграционные стратегии всё чаще зависят от краткосрочных экономических возможностей, цифровых каналов поиска занятости и способности мигрантов адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Международная организация по миграции подчёркивает [8, С. 38–48.], что в постпандемийный период миграция всё чаще принимает форму повторяющихся, нестабильных и частично возвратных перемещений.

Поэтому формирование трудовой миграции из Кыргызстана в Турцию происходило поэтапно и было обусловлено изменениями социально-экономических условий в стране исхода и эволюцией принимающего рынка труда Турции. Начальный период характеризовался преобладанием гуманитарно-образовательной мобильности и накоплением миграционного опыта, который в последующие годы трансформировался в устойчивые формы трудовой миграции. В середине 2000-х годов Турция закрепилась как одно из направлений трудового выезда граждан Кыргызстана, а в 2010-е годы миграция приобрела более сложную структуру за счёт диверсификации форм занятости и усиления транснациональных связей. С начала 2020-х годов миграционные процессы развиваются в условиях повышенной нестабильности, что проявляется в изменении миграционных стратегий, росте

рисков возвратной мобильности и адаптации мигрантов к новым ограничениям и форматам занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Abazov, R. Economic Migration in Post-Soviet Central Asia: The Case of Kyrgyzstan. [Text] //Post-Communist Economies. – 1999. – Vol. 11, No. 2. – P. 237. – Access mode: https://surl.li/vbmqbi – Access date: 06.01.2026.
2. International Organization for Migration (IOM). Kyrgyzstan: study on the socioeconomic effects of covid-19 on returnees [Electronic resource]. – Access mode: https://publications.iom.int/system/files/pdf/Kyrgyzstan-Survey-Report-2021.pdf – Access date: 06.01.2026.
3. Economist.kg. More than 1.1 million Kyrgyz citizens are in migration: how they shape the country's economy [Electronic resource]. – Access mode: https://economist.kg/exclusive/2024/12/18/bolieie-1-1-mln-kyrghyzstantsiev-v-mighratsii-kak-oni-formiruiut-ekonomiku-strany/ – Access date: 06.01.2026.
4. European Commission. Turkey 2005 Progress Report [Text]. – Brussels, 9 Nov. 2005. – SEC (2005) 1426. – Access mode: https://www.ab.gov.tr/files/ab_iliskileri/tur_en_realitons/progress/turkey_progress_report_2005.pdf – Access date: 06.01.2026.
5. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). Turkey's cooperation with the Least Developed Countries [Text]. – Ankara. – 2016. – Access mode: https://www.tika.gov.tr/wp-content/uploads/publication/LDC.pdf – Access date: 06.01.2026.
6. Khashimov, S., Aisarina, Z., Nuranova, K., & Zhandayeva, R. Introducing the Central Asia Migration Tracker [Text]. // Oxus Society for Central Asian Affairs. – 2020. – Access mode: https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2020/12/introducing-the-central-asia-migration-tracker-2.pdf – Access date: 06.01.2026.
7. Marat, E. Labor migration in Central Asia: implications of the global economic crisis [Text]. –Zurich: ETH Zurich, 2009. – P. 50.
8. Lipková, L., Brocková, K., & Baleha, A. Labour migration in Central Asia. Economic factors of influence // Economic Annals-XXI – 2020. – Vol. 184, No. 7-8. – P. 38–48.
9. Международная организация по миграции (МОМ). Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий [Текст]. – Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf – Дата обращения: 06.01.2026.
10. Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Миграция в современном Кыргызстане [Текст] // Demoscope Weekly. – 2011. – № 481–482. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/tema04.php – Дата обращения: 06.01.2026.
11. Бруни В. Региональный обзор: исследование социально-экономического влияния COVID-19 на возвращенцев и застрявших мигрантов в Центральной Азии и Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Международная организация по миграции (МОМ), 2021. — 64 с. — URL: https://publications.iom.int/books/regional-overview-russian-survey-socioeconomic-effects-covid-19-returnees-and-stranded (дата обращения: 16.10.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.296+004.8

Эркебуланова Н.Ш.
Ж. Баласагын атындагы КУУ
Ахметова Сымбат Муталафхановна
Кыргызстан Эл аралык университети
Мадалиев Мухтар Мисирович
Кыргызстан Эл аралык университети
Эркебуланова Нургул Шаршеевна
КНУ им. Ж. Баласагына
Ахметова Сымбат Муталафхановна
Международный университет Кыргызстана
Мадалиев Мухтар Мисирович
Международный университет Кыргызстана

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ САЯСИЙ ЭЛИТАЛАРДЫН КУРАЛЫ КАТАРЫ: ТЕХНОКРАТИЯ МЕНЕН ДЕМОКРАТИЯНЫН ОРТОСУНДА (ФРАНЦИЯ, КАЗАКСТАН ЖАНА КЫРГЫЗСТАН МИСАЛЫНДА)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ: МЕЖДУ ТЕХНОКРАТИЕЙ И ДЕМОКРАТИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ, КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL OF POLITICAL ELITES: BETWEEN TECHNOCRACY AND DEMOCRACY (A COMPARATIVE STUDY OF FRANCE, KAZAKHSTAN, AND KYRGYZSTAN)

УДК 323.296+004.8

Эркебуланова Нургул Шаршеевна
Ж. Баласагын атындагы КУУ
Ахметова Сымбат Муталафхановна
Кыргызстан Эл аралык университети
Мадалиев Мухтар Мисирович
Кыргызстан Эл аралык университети
Эркебуланова Нургул Шаршеевна
КНУ им. Ж. Баласагына
Ахметова Сымбат Муталафхановна
Международный университет Кыргызстана
Мадалиев Мухтар Мисирович
Международный университет Кыргызстана
Erkebulanova Nurgul Sharsheevna
KNU J.Balasagyn
Akhmetova Symbat Mutalafkhanovna
International University of Kyrgyzstan
Madaliev Muhtar Misorivich
International University of Kyrgyzstan

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ САЯСИЙ ЭЛИТАЛАРДЫН КУРАЛЫ КАТАРЫ: ТЕХНОКРАТИЯ МЕНЕН ДЕМОКРАТИЯНЫН ОРТОСУНДА (ФРАНЦИЯНЫН, КАЗАКСТАНДЫН ЖАНА КЫРГЫЗСТАНДЫН МИСАЛЫНДА)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ: МЕЖДУ ТЕХНОКРАТИЕЙ И ДЕМОКРАТИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ, КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN INSTRUMENT OF POLITICAL ELITES: BETWEEN TECHNOCRACY AND DEMOCRACY (CASE STUDY OF FRANCE, KAZAKHSTAN, AND KYRGYZSTAN)

Кыскача мүнөздөмө. Бул иштин максаты — жасалма интеллекттин (ЖИ) саясий элиталардын колундагы башкаруу натыйжалуулугун жана легитимдүүлүгүн бекемдөө куралы катары ролун изилдөө. Франциянын, Казакстандын жана Кыргызстандын мисалында салыштырмалуу кейс-стади ыкмасын колдонуу менен оптимизацияга жана

Кыскача мүнөздөмө. Бул иштин максаты — жасалма интеллекттин (ЖИ) саясий элиталардын колундагы башкаруу натыйжалуулугун жана легитимдүүлүгүн бекемдөө куралы катары ролун изилдөө. Франциянын, Казакстандын жана Кыргызстандын мисалында салыштырмалуу кейс-стади ыкмасын колдонуу менен оптимизацияга жана мамлекеттик көзөмөлгө багытталган технократиялык мамиле менен инклюзивдүүлүктү жана адам укуктарын коргоону көздөгөн демократиялык модель ортосундагы кагылышуу талданат. Макалада ЖИнин саясатка тийгизген таасиринин үч түрү каралат: эпистемикалык, материалдык жана фундаменталдык. Изилдөөнүн негизги жыйынтыгы: ЖИ «эки миздүү кылыч» — ал демократиялык катышууну жандандыра алат, ошондой эле көз карандысыз көзөмөл институттарынын болушуна жана элиталардын саясий эркине жараша цифралык авторитаризмдин негизи боло алат.
Аннотация. Цель данной работы — исследовать роль искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента в руках политических элит для укрепления управленческой эффективности и легитимности. С использованием метода сравнительного кейс-стади на примере Франции, Казахстана и Кыргызстана анализируется конфликт между технократическим подходом, ориентированным на оптимизацию и государственный контроль, и демократической моделью, предполагающей инклюзивность и защиту прав человека. В статье рассматриваются три типа воздействий ИИ на политику: эпистемические, материальные и фундаментальные. Основной вывод исследования заключается в том, что ИИ является «обоюдоострым мечом»: он способен как оживить демократическое участие, так и стать фундаментом для цифрового авторитаризма, в зависимости от наличия независимых институтов надзора и политической воли элит.
Abstract. The purpose of this paper is to explore the role of artificial intelligence (AI) as a tool for political elites to enhance governance efficiency and legitimacy. Using a comparative case study methodology of France, Kazakhstan, and Kyrgyzstan, the study analyzes the conflict between a technocratic approach focused on optimization and state control and a democratic model centered on inclusivity and the protection of human rights. The paper examines three types of AI impacts on politics: epistemic, material, and fundamental. The main conclusion is that AI serves as a "double-edged sword": it can either revitalize democratic participation or form the foundation for digital authoritarianism, depending on the political will of elites and the presence of independent oversight institutions.
Негизги сөздөр: Жасалма интеллект; технократия; цифралык демократия; саясий элиталар; Франция; Казакстан; Кыргызстан; алгоритмдик башкаруу.
Ключевые слова: Искусственный интеллект; технократия; цифровая демократия; политические элиты; Франция; Казахстан; Кыргызстан; алгоритмическое управление.
Keywords: Artificial intelligence; technocracy; digital democracy; political elites; France; Kazakhstan; Kyrgyzstan; algorithmic governance.

2. Введение (Introduction)

Актуальность данного исследования обусловлена глубоким кризисом традиционных институтов представительной демократии, который проявляется в росте социальной поляризации и фрагментации информационного пространства. [1] Согласно данным индекса V-Dem, в 2024 году средний глобальный уровень демократии упал до показателей 1985 года, а число автократий впервые за двадцать лет превысило число демократических государств. В этих условиях политические элиты всё чаще рассматривают искусственный интеллект (ИИ) как стратегический ресурс для восстановления системной устойчивости и управленческой эффективности [1]. ИИ обещает рационализацию управления, предлагая элитам своего рода «магический ящик решений» (Magical Decision Box), способный анализировать огромные массивы данных и находить оптимальные варианты политики эффективнее людей-экспертов [3].
Проблема заключается в том, что ИИ перестает быть просто нейтральным набором инструментов для обработки информации [1]. Он превращается в активного субъекта политики, который

фундаментально изменяет саму «материальность» демократических процессов- от способов взаимодействия граждан с государством до механизмов принятия государственных решений [1], [4]. Переход к алгоритмическому управлению означает, что «холодное» рациональное рассуждение машин призвано заменить собой «шум и хаос» традиционной политической борьбы [7], [8]. При этом «зрелищная безопасность», характерная для массовых мероприятий, дополняется «алгоритмической безопасностью», где ИИ не просто фиксирует реальность, но оценивает, категоризирует и предсказывает риски [9], [10]. Существует серьезная опасность деполитизации общества, когда граждане превращаются из активных участников процесса в пассивные объекты мониторинга и манипуляции со стороны элит [8], [11].

Цель и задачи статьи состоят в сравнительном анализе того, как политические элиты Франции, Казахстана и Кыргызстана интегрируют ИИ в систему государственного управления. Исследование направлено на выявление того, где проходит граница между:

«цифровой утопией участия», которая предполагает использование ИИ для «апскиллинга» граждан, вовлечения их в диалог с властью и коллективного создания политических решений [12];

и «цифровым авторитаризмом», где технологии становятся фундаментом для тотальной слежки, биометрического контроля и подавления оппозиции под предлогом заботы о безопасности [14].

Задачей статьи является изучение того, как национальные стратегии — от французской программы «ИИ для человечества» до централизованных моделей контроля в Центральной Азии — отражают стремление элит к легитимации своей власти через технологическую модернизацию [17].

Стратегия «ИИ для человечества» (AI for Humanity), инициированная президентом Франции Эммануэлем Макроном в 2018 году, представляет собой амбициозную попытку создать «третий путь» развития технологий, альтернативный рыночному доминированию США и государственному контролю Китая [1], [2]. В центре этой стратегии лежит принцип Ethics by Design («Этика на этапе проектирования»), который предполагает интеграцию моральных и правовых норм непосредственно в процесс разработки алгоритмов [3], [4].

Ниже представлен обзор ключевых положений этого принципа в контексте французской и международной политик, согласно источникам:

1. Доклад Виллани как идеологический фундамент.

Стратегия базируется на докладе математика Седрика Виллани «Придать смысл искусственному интеллекту» [5], [6]. В нем этика рассматривается не как ограничение, а как фактор конкурентоспособности. Основные идеи включают:

- Вскрытие «черных ящиков»: принцип Ethics by Design требует прозрачности и объяснимости алгоритмов (Explainable AI), чтобы граждане и регуляторы понимали, как принимаются автоматизированные решения [3], [7].
- Инклюзивность и разнообразие: ИИ должен разрабатываться так, чтобы поддерживать социальное равенство и избегать дискриминации [3], [5].
- Экологическая ответственность: стратегия призывает к созданию «зеленого ИИ», минимизирующего потребление энергии и природных ресурсов [5], [8].

2. Механизмы реализации Ethics by Design

Для того чтобы этические принципы не оставались декларативными, стратегия предусматривает конкретные инструменты:

- Алгоритмический аудит: создание экспертных групп для проверки баз данных и логики работы алгоритмов на наличие предвзятости (bias) [4], [7].
- Оценка воздействия на дискриминацию: по аналогии с оценкой защиты персональных данных (PIA), разработчики должны проводить аудит социальных последствий своих продуктов [7].
- Этика в образовании: внедрение курсов по этике в программы подготовки инженеров и исследователей ИИ [7], [9].

- Институциональный надзор: ключевую роль играет Национальный комитет по цифровой этике (CNPEN) и регулятор CNIL, который контролирует соблюдение приватности и штрафует за незаконный сбор биометрии [10], [11].

3. Этическая технократия и «состояние исключительности»

В источниках отмечается парадокс: провозглашая Ethics by Design, политические элиты могут временно отступать от этих принципов в периоды кризисов или мега-событий [12], [13].

- Кейс Олимпиады-2024: внедрение алгоритмического видеонаблюдения (AVS) в Париже было названо критиками «атакой на гражданские свободы», несмотря на заверения властей в отсутствии распознавания лиц [13], [14].
- Это демонстрирует конфликт между технократическим стремлением к безопасности и демократической приверженностью этике [13], [15].

4. Глобальное влияние и параллели в Центральной Азии

Французская модель Ethics by Design служит ориентиром для других стран, стремящихся к цивилизованному регулированию:

- Казахстан: В новом Законе об ИИ (2026) прямо закреплены принципы «человекоцентричности», справедливости, прозрачности и объяснимости алгоритмов. Закон запрещает социальный скоринг и манипулятивные техники, что перекликается с французским подходом [17], [18].
- Кыргызстан: Власти также подчеркивают важность этических стандартов при интеграции ИИ в государственное управление для предотвращения дискриминации [19].

Принцип Ethics by Design в рамках стратегии AI for Humanity — это попытка политических элит гуманизировать технологический прогресс и обеспечить его легитимность [1], [20]. Однако успех этого подхода зависит от способности общества осуществлять независимый аудит «черных ящиков» алгоритмов и удерживать государство от использования ИИ в целях тотальной слежки под предлогом эффективности [13], [20].

3. Теоретико-методологическая база (Theoretical Framework)

В основе данного исследования лежит анализ концептуального конфликта между двумя фундаментальными парадигмами управления, которые по-разному определяют роль ИИ в обществе:

- Технократическая парадигма (алгоритмическое управление): рассматривает политику как набор сложных задач по оптимизации, которые могут быть решены эффективнее экспертов-людей с помощью анализа больших данных [1], [2]. В этой модели ИИ выступает в роли своего рода «магического ящика решений» (Magical Decision Box), где «холодное» рациональное рассуждение машин призвано заменить «шум и хаос» политической борьбы [3], [4], [5]. Гражданин здесь воспринимается прежде всего как поставщик данных и потребитель государственных услуг [6], [7].
- Демократическая модель (цифровое участие): настаивает на том, что политика является социально встроенным процессом, основанным на конкуренции интересов и Shared commitments [7], [8]. С этой точки зрения, легитимность власти напрямую зависит от участия граждан в принятии решений, а ИИ должен служить инструментом вовлечения (co-creation), укрепляя агентность общества и подотчетность элит [1], [9], [10].

Для систематизации анализа воздействия ИИ на политические системы в статье выделяются три типа воздействий:

- Эпистемические воздействия: влияют на способность граждан делать информированный выбор и формировать свою базу знаний [11], [12]. Основные риски включают распространение дипфейков, создание «эхо-камер» через алгоритмическую персонализацию и микротаргетированную пропаганду, что подрывает сам фундамент демократического диалога [13], [14], [15].
- Материальные воздействия: касаются инфраструктуры государственного администрирования и физического пространства [12]. Сюда относится автоматизация бюрократии через системы e-government, внедрение систем «умного города» и массовый сбор биометрических данных [[16], [17], [18]. Эти технологии могут как повышать прозрачность, так и становиться материальной базой для усиления контроля [19], [20].

- Фундаментальные воздействия: затрагивают базовые принципы демократии — право на приватность, свободу от всеобъемлющей слежки и проблему «черного ящика» алгоритмов [12], [21], [22]. Главным вызовом здесь является «разрыв в подотчетности» (accountability gap), когда становится невозможно определить ответственного за решения, принятые автономной системой [23], [24], [25].

Методология исследования базируется на качественном сравнительном анализе (case study) национальных стратегий и нормативно-правовых актов [26], [27]. Сравнение Франции, Казахстана и Кыргызстана позволяет проследить, как разные политические режимы интерпретируют этические нормы и принципы суверенитета:

- Во Франции анализируется стратегия «ИИ для человечества», основанная на докладе Седрика Виллани (2018), и законодательство об экспериментальном видеонаблюдении к Олимпиаде-2024.
- В Казахстане основным источником служит Закон «Об искусственном интеллекте» (2026) и концепция «Слышащего государства» [31, [32], [33].
- В Кыргызстане рассматриваются Концепция цифровой трансформации на 2024–2028 годы и проекты по созданию национального ИИ-суперкластера [34, [35], [36].

Такой подход позволяет выявить диссонанс между официальной риторикой «инноваций ради прогресса» и реальной практикой внедрения технологий для укрепления власти элит [37], [38].

4. Франция: Модель «этической технократии» и суверенитета

Стратегия «ИИ для человечества» Французская модель интеграции технологий ИИ характеризуется стремлением политических элит сбалансировать управленческую эффективность с защитой демократических ценностей. Национальная стратегия, официально запущенная президентом Эммануэлем Макроном в марте 2018 года под лозунгом «ИИ для человечества» (AI for Humanity), призвана вывести страну в число мировых лидеров в этой области [2], [3], [4]. В основу политики лег фундаментальный доклад математика и депутата Седрика Виллани, в котором ИИ рассматривается не просто как технологический инструмент, а как общественное благо, требующее государственного суверенитета и прозрачности [1], [5], [6]. Основной геополитической задачей элит стало создание «третьего пути», который стал бы альтернативой рыночному доминированию США и жесткому государственному контролю Китая [2], [1], [7]. Для реализации этого курса правительство выделило 1,5 миллиарда евро на начальном этапе (2018–2022), а в 2025 году на Саммите по ИИ в Париже был объявлен пакет инвестиций в размере 109 миллиардов евро, направленных на поддержку национальных «чемпионов» и переподготовку кадров [4], [8], [9], [10]. Стратегия четко очерчивает приоритетные сектора, где ИИ должен обеспечить преимущество: здравоохранение (через Health Data Hub), оборона (создание AI Defense Lab), транспорт и экологическая экономика. [5], [11], [12], [13].

Институциональный надзор и принцип Ethics by Design Политическая элита Франции делегирует значительные полномочия по контролю над алгоритмами независимым регуляторам, что служит механизмом сдержек и противовесов технократическому давлению [14]. Ключевым элементом этой системы является внедрение принципа «этики на этапе проектирования» (Ethics by Design), который предполагает интеграцию моральных и правовых норм непосредственно в процесс разработки технологий [6], [15]. Ведущую роль в защите прав граждан играет Национальная комиссия по информатике и свободам (CNIL), которая активно штрафует компании за нарушения — например, наложив в 2022 году штраф в 20 миллионов евро на Clearview AI за незаконный сбор биометрических данных [14], [16]. Кроме того, в 2020 году был сформирован Пилотный национальный комитет по цифровой этике (CNPEN) для ведения прозрачных публичных дискуссий о социальных последствиях внедрения ИИ [6], [17]. Доклад Виллани также сделал акцент на необходимости «вскрытия черных ящиков» ИИ, требуя обеспечения объяснимости и возможности аудита алгоритмов экспертными группами [18], [19].

Парадокс безопасности: Олимпиада-2024 как «состояние исключительности» Несмотря на декларативную приверженность этическим стандартам, подготовка к Олимпийским играм 2024 года в Париже выявила глубокий конфликт между демократическими нормами и потребностями

безопасности [20], [21]. В марте 2023 года Национальная ассамблея приняла закон (известный как «Закон о безопасности Олимпиады»), разрешающий экспериментальное использование алгоритмического видеонаблюдения (AVS) в режиме реального времени [21], [22]. Данная технология на базе ИИ предназначена для автоматического обнаружения «аномалий», таких как скопление людей, брошенные предметы или резкие движения в толпе [21], [22, [23]. По мнению критиков, элиты использовали мега-событие как «состояние исключительности» для легализации систем массовой слежки, которые в обычных условиях столкнулись бы с жестким сопротивлением гражданского общества. Коалиция из 38 правозащитных организаций, включая Amnesty International, заявила, что этот закон создает опасный прецедент для всего Евросоюза и может привести к необратимой трансформации Франции в «дистопическое государство слежки». Исследователи предупреждают о возникновении «эффекта наследия» (security legacy), при котором технологии, опробованные на стадионах, неизбежно станут частью повседневного управления городскими пространствами после завершения Игр [25], [29], [30], [31].

5. Казахстан: «Техно-девелопментализм» и архитектура контроля

Цифровизация «сверху вниз» и модернизация власти В Казахстане интеграция искусственного интеллекта в политическую и административную систему происходит в рамках модели «техно-девелопментализма», где цифровизация рассматривается политическими элитами как кратчайший путь к модернизации государства и обеспечению социальной стабильности []. В отличие от французской модели, где ИИ сдерживается мощными институтами гражданского надзора, в Казахстане он становится инструментом консолидации власти и повышения прозрачности государственного аппарата по принципу «сверху вниз». С 2019 года администрация президента Токаева продвигает концепцию «Слышащего государства», которая предполагает использование цифровых механизмов обратной связи для управления политической легитимностью в условиях ограниченной конкуренции. Исследователи характеризуют этот подход как форму «сетевого авторитаризма», где технологии позволяют государству быть отзывчивым к нуждам населения, не допуская при этом широкой политической либерализации [2], [3].

Инструменты надзора и правопорядка Флагманом внедрения алгоритмических решений стала правоохранительная система. Генеральная прокуратура Казахстана перешла к созданию комплексных экосистем управления данными на базе Единого реестра досудебных расследований (ЕРДР), используя ИИ для прогнозирования преступности и предотвращения рецидивов [4].

- Инструменты «Цифровой помощник» и «Фильтр прокурора» позволили радикально сократить время на анализ уголовных дел и минимизировать коррупционные риски за счет автоматического выявления ошибок [4], [5].
- Система видеонаблюдения «Сергек», оснащенная алгоритмами распознавания лиц и государственных номеров, охватывает крупнейшие города страны — Астану, Алматы и Шымкент [4], [5], [6].
- Хотя официально «Сергек» предназначен для обеспечения дорожной безопасности, в периоды социальных кризисов (например, пандемия COVID-19 или январские события 2022 года) система превращается в инструмент жесткого контроля за перемещением граждан и идентификации участников протестов [4], [5], [6].

Управление мнением и NLP-технологии Казахстанские элиты активно используют методы цифрового мониторинга общественного мнения для превентивного подавления угроз. Внедрение NLP-технологий (обработка естественного языка) в системе e-Otinish позволяет властям в реальном времени строить карты социальной напряженности на основе жалоб и обращений граждан [5], [7].

- Исследования подтверждают наличие сильной корреляции между использованием ИИ-инструментов анализа тональности соцсетей и сокращением времени реакции государства на возникающие проблемы [8], [9], [10].
- Тем не менее, правозащитники указывают на риск «политической симуляции», когда алгоритмы помогают управлять недовольством, не меняя глубинных причин конфликтов [11], [12].

- Зависимость от импортных систем (китайских Hikvision и Dahua, российских СОРМ) создает дополнительные риски для конфиденциальности данных и технологического суверенитета [12], [13].
Закон об ИИ 2026 года и государственная монополия Попытка легитимизировать использование технологий в рамках международных стандартов привела к принятию Закона «Об искусственном интеллекте», вступившего в силу 18 января 2026 года [14], [15].
- Закон вводит классификацию систем ИИ по степени риска и устанавливает прямые запреты на практики, типичные для цифрового авторитаризма: социальный скоринг, манипуляцию поведением и биометрическую дискриминацию [16], [17], [18].
- Граждане получили право запрашивать информацию о решениях, принятых алгоритмами, и требовать их корректировки человеком [19], [20].
- Однако реализация закона возложена на специально созданное Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития, которое управляет Национальной платформой ИИ [20], [21], [22].
- Такая архитектура сохраняет монополию исполнительной власти на данные и вычислительные ресурсы, что оставляет алгоритмический «черный ящик» под полным контролем элит, ограничивая возможности для независимого общественного аудита [5], [20].
6. Кыргызстан: Прагматизм, антикоррупционный щит и суверенитет
Экономика прозрачности и борьба с бюрократией В отличие от масштабных технократических проектов Франции или централизованной архитектуры Казахстана, подход Кыргызстана к цифровизации носит ярко выраженный прагматический характер, ориентированный на искоренение низовой коррупции [1]. Центральным элементом этой стратегии стала система межведомственного электронного взаимодействия «Тундук», построенная на базе эстонской платформы X-Road [2],[3].
- Политический эффект системы заключается в радикальном устранении «человеческого фактора» из бюрократических процессов: в 2024 году «Тундук» обработал миллиарды транзакций, сэкономив гражданам более 1,7 миллиарда сомов (около 19 млн долларов) и 21 миллион часов времени [1, 3, 4].
- В рамках Национальной программы развития до 2030 года правительство планирует углубить использование ИИ, внедрив инструменты для анализа проектов нормативных правовых актов («машиночитаемое право») [5, 6].
- Этот алгоритмический модуль предназначен для автоматического выявления противоречий, дублирующих норм и коррупциогенных факторов в законодательстве, что должно ускорить работу министерств и ведомств. [5], [7].
Технологический суверенитет и защита культурной идентичности Особое место в повестке кыргызских элит занимает вопрос обеспечения технологической независимости в условиях доминирования глобальных ИИ-платформ.
- Для достижения этой цели запущен проект Kyrgyzstan AI Supercluster — высокопроизводительная вычислительная среда, позволяющая государству и национальным стартапам обучать модели на собственных мощностях, не полагаясь на дорогостоящие иностранные облачные сервисы [8], [9], [10].
- Ключевым компонентом суверенитета является разработка Kyrgyz Multilingual Foundation Model — базовой языковой модели, способной понимать нюансы кыргызского языка, идиоматические выражения и культурные контексты [11], [12], [13].
- Элиты рассматривают этот инструмент как средство защиты от «культурной эрозии» в цифровую эпоху, гарантируя, что национальная идентичность будет сохранена в алгоритмических системах будущего.
- Свою амбициозную повестку Кыргызстан активно продвигает на уровне Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), стремясь стать региональным хабом по обработке данных в Центральной Азии [13], [15], [16].
Риски «правового вакуума» и массовая слежка Несмотря на инновационную риторику и успехи в сфере госуслуг, внедрение ИИ в секторе безопасности сопряжено с серьезными угрозами для гражданских свобод.

- Реализация проекта «Безопасный город», использующего системы распознавания лиц (FRT), происходит в условиях критической нехватки профильного законодательства и надежных механизмов защиты данных [17].
- Эксперты указывают на наличие «правового вакуума»: отсутствие жестких правил аудита алгоритмов создает риск использования технологий наблюдения в политических целях — против оппозиции, активистов или этнических меньшинств [19], [20], [21].
- Существует значительная зависимость от иностранных технологий: оборудование поставляется преимущественно российскими (компания «Вега») и китайскими вендорами (Huawei, Hikvision) [18], [19], [20].
- В условиях растущих «нелиберальных практик» правительства, отсутствие независимого контроля над алгоритмическими системами превращает их из инструментов обеспечения порядка в потенциальные орудия цифрового авторитаризма [20], [21].

7. Сравнительный анализ и дискуссия (Discussion)

Транснациональное измерение: столкновение моделей управления Анализ показывает, что цифровые ландшафты Франции, Казахстана и Кыргызстана формируются под влиянием различных глобальных векторов. В Центральной Азии доминирует китайская модель «Цифрового Шелкового пути» (DSR), предлагающая доступные технологии видеонаблюдения от таких компаний, как Huawei, Hikvision и Dahua. [1], [2], [3]. Эта модель привлекает региональные элиты своей эффективностью в обеспечении социального порядка и отсутствием жестких политических условий по соблюдению прав человека [2], [4]. Параллельно сохраняется влияние российской системы СОРМ, ориентированной на прямой перехват коммуникаций и контроль информационного пространства, что находит отклик у элит, стремящихся к сохранению авторитарного статус-кво [2], [5], [6].

В противовес этому, Франция продвигает европейский подход «регуляторной сверхдержавы», основанный на принципе «AI for Humanity» и нормах GDPR [7], [8], [9]. Французская модель делает ставку на «третий путь» между рыночным хаосом США и государственным надзором Китая. Однако транснациональное влияние этой модели в Центральной Азии ограничено из-за высокой стоимости западных решений и строгих требований к прозрачности, которые вступают в конфликт с местными практиками централизованного контроля [12].

Сводная оценка рисков для демократической устойчивости Сравнение параметров внедрения ИИ в трех странах выявляет значительные различия в уровнях угроз для гражданских свобод (см. Таблицу 1).

- Массовая слежка: В Казахстане риск оценивается как критический, так как системы (Sergek, СОРМ) глубоко интегрированы в аппарат правопорядка [2], [13], [14]. Во Франции риск признается высоким в контексте «состояний исключительности», таких как Олимпиада-2024, где экспериментальные законы легализовали алгоритмическое наблюдение (AVS) [15], [16], [17]. В Кыргызстане риск растет по мере внедрения «Безопасного города» в условиях правового вакуума [2], [18].
- Алгоритмическая предвзятость: Франция купирует этот риск через судебный надзор и деятельность CNIL [7], [14]. В Казахстане и Кыргызстане существует высокая опасность использования ИИ для дискриминации по политическим или этническим признакам [5], [13], [14].
- Утрата приватности: Если во Франции приватность защищена сильными институтами, хотя и эродирует в секторе безопасности, то в Казахстане и Кыргызстане государственные интересы де-факто превалируют над правами личности [2], [14], [19], 20].

Таблица 1. Сравнительная оценка рисков ИИ

Параметр	Франция	Казахстан	Кыргызстан
Массовая слежка	Высокий (в контексте мега-событий и безопасности) [1], {2], [3]	Критический (глубоко интегрирован в систему правопорядка) [1], [4], [5]	Растущий (внедрение систем в условиях «правового вакуума») [1], [6], [7]

Приватность	Сильная защита (институционально обеспечена, но под давлением сектора безопасности) [1], [8]	Минимальная (приоритет интересов государства и элит над правами личности) [1], [9]	Низкая (отсутствие профильных законов и надежных механизмов защиты данных) [1], [7]

Пояснения к таблице:
- Франция: Высокий риск слежки обусловлен легализацией алгоритмического видеонаблюдения (AVS) под предлогом проведения Олимпиады-2024, что критики называют «состоянием исключительности» [2], [3]. При этом сильная защита приватности обеспечивается деятельностью регулятора CNIL и нормами GDPR [1], [8].
- Казахстан: Риск слежки оценивается как критический из-за повсеместного внедрения систем распознавания лиц и номеров (например, «Сергек») и их использования для контроля за гражданами в периоды социальных кризисов [4], [5]. Новый Закон об ИИ 2026 года формально вводит запреты, но сохраняет монополию власти на данные [9].
- Кыргызстан: Основной угрозой является внедрение технологий наблюдения (проект «Безопасный город») без адекватной законодательной базы, что делает персональные данные уязвимыми для политических злоупотреблений [1], [7]. Эффективность защиты данных остается низкой из-за фрагментарности правового регулирования [1], [10].
- ИИ как «черный ящик»: проблема ответственности Фундаментальным вызовом для всех трех систем остается проблема «черного ящика» (opacity) — неспособности человека в полной мере понять логику принятия решений нейросетями [2], [21], [22]. В политическом контексте это ведет к «разрыву в подотчетности» (accountability gap): когда алгоритм совершает ошибку или принимает дискриминационное решение, становится неясно, кто несет ответственность — разработчик, оператор или политик [23], [24].
- Элиты Казахстана пытаются решить эту проблему через Закон об ИИ 2026 года, давая гражданам право требовать корректировки решений человеком, но сохраняя монополию государства на данные [20], [25]. Франция делает упор на объяснимый ИИ (XAI), стремясь сделать алгоритмы аудируемыми [26], [27], [28]. Однако дискуссия показывает, что полная прозрачность может сделать использование ИИ «избыточным» (redundant), так как его ценность именно в способности превосходить человеческие когнитивные возможности [24], [29]. Таким образом, ИИ остается для политических элит своего рода «магическим ящиком решений» (Magical Decision Box), легитимность которого все больше зависит от веры общества в «непредвзятость кода», а не в прозрачность процесса [22], [30], [31].

Список использованных литератур и источников со ссылками:
A shallow defence of a technocracy of artificial intelligence: Examining the political harms of algorithmic governance in the domain of government — Научная статья Хенрика Сётра о политических рисках ИИ-технократии. Ссылка: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7278651/
AI for humanity – National strategy in artificial intelligence.— Официальная стратегия Франции в области ИИ, основанная на докладе Седрика Виллани. Ссылка: https://stip.oecd.org/stip/interactive-dashboards/policy-initiatives/2021%2Fdata%2FpolicyInitiatives%2F24070
AI Surveillance and Economic Governance in Central Asia: A Political Economy Analysis Using Secondary Data — Анализ политической экономии систем наблюдения в Центральной Азии. Ссылка: https://www.researchgate.net/publication/392760735_AI_Surveillance_and_Economic_Governance_in_Central_Asia_A_Political_Economy_Analysis_Using_Secondary_Data
AI and Criminal Surveillance in Kazakhstan — Исследование применения ИИ в уголовном преследовании и систем «умных городов» в Казахстане. Ссылка: https://cloviahamilton.com/wp-content/uploads/2025/07/ai-criminal-surveillance-kazakhstan.pdf

AI and Democracy: Mapping the Intersections | Carnegie Endowment for International Peace — Глобальный обзор влияния ИИ на выборы, государственные услуги и гражданское общество. Ссылка: https://carnegieendowment.org/research/2026/01/ai-and-democracy-mapping-the-intersections
AI and Democratic Publics - Knight First Amendment Institute — Исследование того, как ИИ меняет взаимодействие граждан и демократические институты. Ссылка: https://knightcolumbia.org/content/ai-and-democratic-publics
Algorithmic Olympics: exploring the ethical and social implications of AI surveillance through the case of Paris 2024 — Анализ внедрения алгоритмического видеонаблюдения на Олимпиаде в Париже. Ссылка: https://doi.org/10.1080/19406940.2025.2529201
Between Surveillance and Innovation: Human Rights Risks in AI Adoption in Central Asia — Отчет о рисках для прав человека при внедрении ИИ в Казахстане, Кыргызстане и других странах региона. Ссылка: https://orientalistikakeskus.ut.ee/sites/default/files/2025-08/CA%20Working%20Group%20Article%20Draft%20Sumeyye%20Temirov.pdf
Borderless surveillance in hard states: digital monitoring and the shifting politics of control in Central Asia — Анализ цифрового мониторинга и политики контроля в Центральной Азии. Ссылка: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/19331681.2026.2630184
France AI Strategy Report - AI Watch - European Commission — Подробный отчет Европейской комиссии о реализации национальной стратегии ИИ во Франции. Ссылка: https://ai-watch.ec.europa.eu/countries/france/france-ai-strategy-report_en
France as a European Leader in Artificial Intelligence: Lessons and Recommendations for Poland — Анализ успеха Франции как лидера в области ИИ в Европе. Ссылка: https://pulaski.pl/en/france-as-a-european-leader-in-artificial-intelligence-lessons-and-recommendations-for-poland/
France | Herbert Smith Freehills Kramer | Global law firm — Юридический обзор регулирования ИИ во Франции. Ссылка: https://www.hsfkramer.com/insights/reports/ai-tracker/france
France: Allowing mass surveillance at Olympics undermines EU efforts to regulate AI — Заявление Amnesty International с критикой закона о массовой слежке на Олимпиаде. Ссылка: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/03/france-allowing-mass-surveillance-at-olympics-undermines-eu-efforts-to-regulate-ai/
Government agencies will switch to AI analytics and electronic data exchange - Open.kg — Новость о планах правительства Кыргызстана по внедрению ИИ в госуправление до 2030 года. Ссылка: https://open.kg/en/news/local-news/59824-gosorgany-perejdut-na-ii-analitiku-i-jelektronnyj-obmen-dannymi.html
Kazakhstan Advances Human-Centered AI With New Law, Governance Program, and UNESCO Assessment - The Astana Times — Обзор нового закона об ИИ в Казахстане, вступившего в силу в январе 2026 года. Ссылка: https://astanatimes.com/2026/01/kazakhstan-advances-human-centered-ai-with-new-law-governance-program-and-unesco-assessment/
Kyrgyzstan's AI Ambition: Building a National Supercluster for the Digital Future — О проекте национального ИИ-суперкластера и языковой модели в Кыргызстане. Ссылка: https://caspianpost.com/kyrgyzstan/kyrgyzstan-s-ai-ambition-building-a-national-supercluster-for-the-digital-future
Kyrgyzstan's President Japarov calls for AI to serve peace and human safety at UN Security Council - Daryo — Выступление президента Жапарова в ООН о мирном использовании ИИ. Ссылка: https://daryo.uz/en/2025/09/26/kyrgyzstans-president-japarov-calls-for-ai-to-serve-peace-and-human-safety-at-un-security-council
Public opinion monitoring technologies: how the state uses data to make political decisions - Frontiers — Исследование того, как власти Казахстана используют анализ соцсетей для ускорения принятия решений. Ссылка: https://www.frontiersin.org/journals/political-science/articles/10.3389/fpos.2025.1680172/full

Technology-surveillance nexus beyond COVID-19: The outskirts of digitalisation in Kazakhstan - The Foreign Policy Centre — Анализ того, как пандемия ускорила внедрение технологий слежки в Казахстане.
Ссылка: https://fpc.org.uk/technology-surveillance-nexus-beyond-covid-19-the-outskirts-of-digitalisation-in-kazakhstan/
The Law of the Republic of Kazakhstan “On Artificial Intelligence” has been adopted - EY — Юридический анализ закона № 230-VIII, устанавливающего классификацию рисков ИИ в Казахстане.
Ссылка: https://www.ey.com/en_kz/technical/tax-alerts/2025/12/law-on-artificial-intelligence-kazakhstan

Рецензент: д.ф.н, проф.

Эркебуланова Нургул Шаршеевна - PhD докторант. Старший преподаватель кафедры романо-германских языков КНУ им. Ж. Баласагына, https://orcid.org/0000-0001-8180-6521 Ахметова Сымбат Муталафхановна - Докторант Международного университета Кыргызстана. Бишкек. e-mail: symbat_11051963@mail.ru. Тел.: +7 777 153 61 85
https://orcid.org/0000-0002-6661-4836
Мадалиев Мухтар Мисирович - д.п.н., профессор УНПК «МУК»

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК: 582:542.1.(575.2) (04)

Сөлпиева К.Т.
Жусуп Баласанын атындагы КУУ
Солпиева К.Т.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Solpieva K.T.
KNU Jusup Balasagyn

СУУСАМЫР ӨРӨӨНҮНҮН ПАЙДАЛУУ ФЛОРАСЫ
ПОЛЕЗНАЯ ФЛОРА ДОЛИНЫ СУУСАМЫР
THE FLORA OF THE SUUSAMYR VALLEY IS USEFUL

Кыскача мүнөздөмө: Актуалдуулугу. Макала Ички Тянь-Шандын Суусамыр өрөөнүндөгү табигый өскөн өсүмдүктөрүн изилдөөгө арналат. Флорасы адамзат үчүн пайдалуу болгон өсүмдүктөрдүн көп сандаган түрлөрүнө бай. Изилдөөнүн максаты: Суусамыр өрөөнүндө флоранын түрлөрүнүн курамын аныктоо жана анын кыскача анализин берүү, флоранын курамындагы өсүмдүктөрдү чарбалык пайдалуу топторго бөлүштүрүү жана классификациялоо. Изилдөөнүн методу: Изилдөөнүн жүрүшүндө фитогеография, биология жана таксономия боюнча маалыматтарды тартуу менен системалуу ыкма колдонулган. Изилдөөнүн жыйынтыгы - макалада тоют, дары-дармек, декоративдик, тамак-аш, балдуу өсүмдүктөрүнүн түрлөрүнүн тизмеси берилген. Ушул макаланын материалдары биологиялык жана фитогеографиялык профилдеги жогорку окуу жайлардын иштөө процесстеринде жана айыл чарбасынын, жаратылышты коргоонун илимий-прикладдык мекемелеринин иштеринде колдонулушу мүмкүн. Тыянактар - биздин маалыматтарга ылайык, Суусамыр өрөөнүнүн аймагында тоют өсүмдүктөрүнүн болжол менен 85 түрү, дары-дармектердин 48 түрү, тамак-аш 18 түрү, декоративдик өсүмдүктөрдүн 43 түрү, бал берүүчү балдуу өсүмдүктөрдүн 63 түрү өсөт.

Аннотация: Актуальность. Эта статья посвящена изучению естественной растительности долины Суусамыр внутреннего Тянь-Шаня. Флора богата большим количеством видов растений, полезных для человечества. Цель исследования: определить видовой состав флоры в долине Суусамыр и дать ее краткий анализ, классифицировать растительный мир на полезные группы. Метод исследования: в исследовании использовался систематический подход с использованием данных из фитогеографии, биологии и таксономии. Итог исследования в статье представлен список видов кормовых, лекарственных, декоративных, пищевых, медоносных растений. Материалы настоящей статьи могут быть использованы в процессах функционирования высших учебных заведений биологического и фитогеографического профиля и в работе научно-прикладных учреждений сельского хозяйства, охраны природы. Выводы-согласно нашим данным, на территории долины суусамыре произрастает около 85 видов кормовых растений, 48 видов лекарственных средств, 18 видов пищевых продуктов и произрастает 63 вида медоносных растений.

Abstract: This article is devoted to the study of natural vegetation in the Suusamur of the Inner Tien Shan. The flora is rich in a large number of plant species that are useful to humanity. The purpose of the study is to determine the species composition of the flora in the Suusamyr valley and give a brief analysis of it, as well as to classify and categorize the plant world into useful groups. The research method used a systematic approach, incorporating data from phytogeography, biology, and taxonomy. The article concludes with a list of species of forage, medicinal, ornamental, food, and honey-producing plants. The materials of this article can be used in the functioning of higher educational institutions of the biological and

phytogeographical profile and in the work of scientific and applied institutions of agriculture and nature protection. Conclusions-according to our data, about 85 species of fodder plants, 48 species of medicinal plants, 18 species of food products and grow in the territory of the Suusamyr valley.

Негизги сөздөр: флора, Суусамыр, дары-дармек, тамак-аш, тоют, декоративдик, балдуу, өсүмдүктөр.

Ключевые слова: флора, Суусамыр, лекарство, пищевой, корм, декоративные, медоносные, растения.

Keywords: flora, Suusamyr, medicine, food, feed, ornamental, honey-bearing, plants.

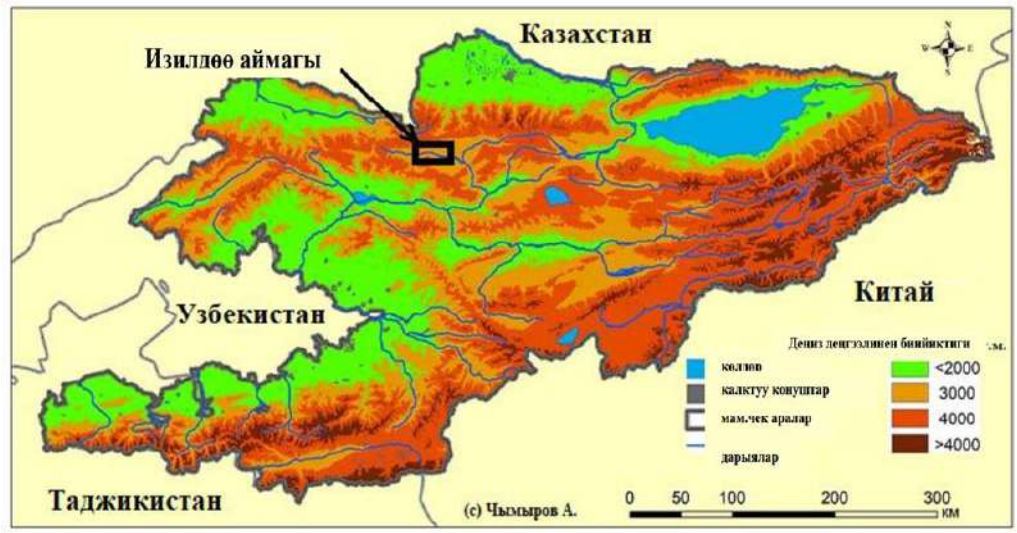
Киришүү. Кыргызстандагы өсүмдүк ресурстарын активдүү өздөштүрүүнүн негизинде, анын өндүрүштүк мүмкүнчүлүктөрүн өнүктүрүү жана ага байланыштуу жаратылыш ресурстарына керектөөнүн өсүшү бир катар жаңы көйгөйлөрдү жаратууда, алардын ичинде жаратылыш байлыктарын сарамжалдуу пайдалануу өзгөчө маанилүү болуп саналат.

Кыргызстандын флорасы адам үчүн пайдалуу көптөгөн дары-дармек, тоют, тамак-аш, декоративдик ж.б. өсүмдүктөргө бай (Головкова, 1988).

Суусамыр өрөөнүнүн физико-географиялык өзгөчөлүктөрү

Суусамыр дарыясынын бассейнинин физикалык-географиялык мүнөздөмөлөрү, анын ичинде анын географиялык жайгашуусу, рельефи, климаттык шарттары, мөңгүлөрү, жер үстүндөгү суулары жана топурак катмары бак-даректардын жана бадалдардын өсүшү үчүн уникалдуу шарттарды түзөт. Айрыкча тоо экосистемаларында алар өсүмдүктөрдүн пайда болушунда борбордук орунду ээлейт. (1-сүрөттө) [9].

Жаратылыш жагынан алганда Кыргыз Республикасынын аймагы физика-географиялык элементтердин жалпылыгы менен айырмаланган бир бүтүн нерсе эмес. Тескерисинче, ал гетерогендүү, анын айрым бөлүктөрү табигый себептерден улам бири-биринен кыйла айырмаланат. Көптөгөн табигый комплекстердин мүнөзү, келип чыгышы, түзүлүшү жана сырткы көрүнүшү гетерогендүү, аларга терең регионалдык айырмачылыктар мүнөздүү. [9].



1-сүрөт.Суусамыр өрөөнү

Суусамыр суусу - Ички Теңиртоодогу суу. Узундугу 90 км, алабынын аянты 2410 км, Талас Ала-Тоосу менен Суусамыр кырка тоосунун кошулушундагы Алабел ашуусунан башталып, суусамыр өрөөнү менен чыгышты карай агат. Жээктери жайык, саздуу, айрым жерлеринде салааларга бөлүнүп, жайылмасынын туурасы бир нече км.ге жетет. Төмөнкү агымынын жээктери бадал токойлуу. Батыш Каракол менен кошулуп, Көкөмерен суусун түзөт. Негизги куймалары: Өтмөк,

Корумду, Чарыя (сол), Батыш жана Чыгыш Арамза, Чоң Үчемчек (оң), кар, мөңгү жана булак сууларынан куралат. [9]

Суусамыр өрөөнүнүн рельефи гетерогендүү. Чыгыш жана батыш жактары терең эмес дарыя капчыгайлары менен бөлүнгөн. Түндүктө Талас Ала-Тоо кыркасы менен Суусамыр тоо кыркасы, чыгышта Кыргыз Ала-Тоо кыркасы жана Жумгал тоо кыркасы өз ара жакын жайгашкан [9].

Өсүмдүк курамынын тизмегин түзүүдө Лазьков Г. А., Султанова Б. А.

«Кадастр флоры Кыргызстана» (2014), жана улуттук «Кадастр…» (Т. I, 2015), Султанова Б. А. ж.б. «Өсүмдүктөрдүн аттарынын жана ботаникалык терминдердин орусча-кыргызча сөздүгү» (2013) адабияттарды пайдаландык.

Актуалдуулугу. Суусамыр өрөөнүнүн флорасы бир нече пайдалуу топторго бөлүнүшү мүмкүн, алар: дарак, бадал, бадалчалар, чөп, тоют, дары-дармек, декоративдик кооздук жана фитонцидүү, тамак-аш жана витаминдүү, эфирмайлуу, боек жана ашаткыч, бал берүүчү жана башка өсүмдүктөрү. Өсүмдүктөрдүн пайдалуу касиеттерин аныктоо үчүн төмөнкү булактар колдонулган: Алтымышев (1976, 1991); Головкова (1988); Ботбаева (2012). [2,3,4].

Изилдөөнүн жыйынтыгы. Суусамыр өрөөнүнүн аймагында жапайы өскөн өсүмдүктөрдүн 300дөн ашык бир топ түрлөрү бар, алардын көбү **тоюткор** өсүмдүктөр**.** Тоют өсүмдүктөрүнүн 80 ден ашык түрү өсөт, алардын көбү табигый мал жайыттарын жана орчундуу чөп чабындыларды түзүшөт. Биз өтө белгилүү баалуу тоют өсүмдүктөрүнө токтолсок, маалыматтарды берүүдө белгилүү изилдеген окумуштуулардын эмгектерине изилдөөлөрүнө таяндык.

Адабияттар топтому С. С. Аболин., М. М. Советкинанын (1930) [1], М.М. Ботбаева(2012), А. Алтымышев (1974) ж.б. илимий макалар өзүбүздүн изилдөөбүздүн негизинде жарыяланган макалаларыбызга шилтеме келтирдик. Тоют өсүмдүктөрүнүн ичинен айрыкча дан гүлдүүлөр *(Poaceae)* уруусу өтө баалуу тоют өсүмдүктөрү болуп эсептелинет. Алардын эң чоң чарбачылык мааниси бар. Аш болумдуулугу жагынан эң жогору бааланат. Айрымдарына токтолсок, *Poa pratensis* (шалбаа жылганы), жакшы жайыт чөптөрдөн. Бардык мал жакшы жейт. *Poa alpina* (кумай жылганы), *P. angustifolia* (ичке жалбырактуу жылган), *P. attenuata* (узун жылган), *P. bulbosa* (түймөкчөлүү жылган), *P. calliopsis* (келбеттүү жылган), *P. disjecta* (чачыранды жылган), *P. fragilis* (морт жылган), *P. litvinowiana* (Литвинов жылганы), *P. relaxa* (жайылган жылган), *P. supina* (жапалак жылган) ж.б. [1,2,5].

2-сүрөт. Суусамыр өрөөнүнүн жайыттары

Бетегелерден, Festuca musbelica (гипс сүйгөн бетеге), F. rubra subsp. arctica (арктика бетегеси), F. rubra subsp. rubra (кызыл бетеге), F. valesiaca (Валлисса бетегеси) жана башка түрлөрү бар. Бетегелер кургактыкка жана суукка чыдамдуу. Эң жакшы тоют өсүмдүгү, малга жагымдуу, мал семиртүүчү өсүмдүк. Кышкы жайыттарда бирден – бир тоют өсүмдүгү. Ири мүйүздүү мал, жылкылар айрыкча кой- эчки жакшы жейт. Маданий өстүрүүгө татыктуу. [1,2,5]

Өлөндөр тукумунан маанилүү тоют өсүмдүктөрүнө: *Carex melanantha* (кара гүлдүү ыраң), C. orbicularis (тегерек ыраң), C. quasivaginata (кучактуу ыраңы), C. turkestanica (түркстан ыраңы) кирет. [2,3,4,5,6]

Чанактуулардан (Fabaceae) Medicago falcata (сары беде), M.sativa (айдама бедеси), Onobrychis arenaria (эспарцет), T. repens (сойломо уй беде), Vicia tenuifolia (ичке жалбырактуу жер буурчак) ж.б. түрлөрү кирет. Белокко бай тоют өсүмдүктөрү.

Татаал гүлдүүлөр тукумунан (Asteraceae). Шыбактардын ичинен да жакшы тоюткор өсүмдүктөрү бар: Artemisia absinthium (эрмен шыбак), A. aschurbajewii (Ашурбаев шыбагы) ж.б. [2, 3].

Мал жайыттарында жана чөп чабындыларындын арасында уулуу өсүмдүктөр да өсөт. Азыраак жегенде эле малды ооруга чалдыктырса же уулантып кээде өлүмгө да алып келет, мындай өсүмдүктөрдү уулуу өсүмдүктөр деп аташат. Өсүмдүктөрдүн уулуу болушу алардын кээ бир органдарында өзгөчө фитохимиялык заттардын болгондугу менен мүнөздөлөт. Өсүмдүктөрдөгү уулар төмөнкүдөй топторго бөлүнөт. Алколоиддер, гликозиддер (сапониндер, токсиндер ж.б.) эфир майлары (терпендер, камфора) (Никитина,1950), (Гусынин,1962). Уулу өсүмдүктөрдүн айрым гана түрүнө токтолсок: өтө уулуу өсүмдүктөрдөн уу коргошун эсептелет, жунгар уу коргошуну *Aconitum soongaricum*. Өсүмдүктүн бүткүл бөлүгү уулуу, өзгөчө тамырлары, аларда алкалоиддердин бир нече өлчөмү бар. Алар бийик чөптүү жана орто чөптүү шалбааларда өсөт. Уу коргошун уругу жана тамыры менен вегетативдүү жол менен көбөйөт. Бир сабагындагы уруктун саны 500-800 чейин жетет. Жаш мал жеп алса ууланат, чоң малдар муну билип жолошпойт. Бул өсүмдүктөр уулуу жана дары-дармек өсүмдүктөргө да кирет.

Бир топ уулу чөптөр жана отоо чөптөрдүн арасында да бал берүүчү, дары- дармек алынуучу, тамак- ашка пайдаланууучу же боек заттарын кармоочу же кооздукка пайдаланылышы мүмкүн, ошондуктан өсүмдүктөрдү бир жактуу кароого болбойт.

Кыргызстандын флорасында **дары-дармек** өсүмдүктөрүнүн 200 гө жакын түрү бар, Суусамырда 48 ге жакын түрү өсөт. Айрымдары кадимки медицинада жана элдик дарыгерчиликте да пайдаланылат. Дары-дармек өсүмдүктөрдүн практикалык мааниси өтө жогору. Адабияттагы маалыматтарга караганда [2,3,5].

3-сүрөт. Plantago major

4-сүрөт. Aconitum soongaricum

Ооруган жерлердин сыртынан пайдаланып оорусун басаңдатуучу каражат катары уу коргошундун бардык түрлөрүн алышат алар: Aconitum leucostomum (ак темгилдүү уу коргошун), A. rotundifolium (ак кодол уу коргошуну), A.soongaricum (Жунгар уу коргошуну) жана Plantago major (чоң бака жалбырак) колдонулат. [2,3,5,7].

Жүрөк - тамыр системасын дарылоо үчүн Achillea millefolium (кадимки каз таңдай) чөбү. Polygonum aviculare (төшөлмө кымыздык) чөбү, Crataegus korolkowii (Корольков долоносу), C. turkestanica (Түркстан долоносу) гүлдөрү, мөмөсү, Leonurus turkestanicus (Түркстан дүлөй чалканы), Patrinia intermedia (Орто патриния) ж.б. колдонулат. [2,3].

Өт айдоочу өсүмдүктөр: Achillea millefolium (кадимки каз таңдай). Ичеги карын оорусуна, жумшартуучу катары, заара айдоочу жана тер чыгаруучу каражат катары, денеде зат алмашууну иретке келтирүүчүлөр: Artemisia absinthium (эрмен шыбак), Hippophae turkestanica (Түркстан чычырканагы), Origanum vulgare (кадимки көк чай чөп), Achillea millefolium (кадимки каз таңдай), Taraxacum officinale (дары каакым) ж.б. [11,12,13,14].

Дары- дармек өсүмдүктөрдүн саны көп болгону менен алардын запасы анча көп эмес. Алар баалуу дары-дармектин үрөн булагы катары кызмат кыла алышат, анткени бул өсүмдүктөрдүн кээ бир түрлөрүн, азыркы учурда, аларды сатуу максатында казып же терип чогултуулар кызуу жүрүп жатат.

Тамак-аш жана витаминдүү өсүмдүк түрлөрүн бөлүп кароого болот: Республиканын флорасында 100дөгөн өсүмдүктөр баалуу тамак-аш өсүмдүктөрү.

Илгертеден кыргыз эли жапайы өскөн далай өсүмдүктөрдү тамак- ашка пайдаланып келишкен, алсак Sorbus tianschanica (тяньшань четини), Rosa alberti (Альберт ит муруну), Ribes meyeri (Мейер карагаты), Hippophae turkestanica (түркестан чычырканагы) мөмөлөрүн ж.б. [3, 4,12,13,14].

Жегиликтүү түймөктүү өсүмдүктөр: Allium (пияздардан), Cagea (каз пияздар), Cirsium esculentum (кемирчек тикен), Rheum wittrockii (Витрок ышкыны) ж.б. Inula britannica (Британия карындызы), I. rhizocephala (баш тамырдуу карындыз). Жыттуу өсүмдүктөрдөн Leonurus turkestanicus (түркстан дүлөй чалканы), Mentha arvensis (талаа жалбызы), Ziziphora clinopodioides (жытуу көкөмерен) Crataegus korolkowii (Корольков долоносу) мөмөсүн дары катары пайдаланышат.(5-сүрөт) ж.б. [3,11,12,13,14].

5-сүрөт. Crataegus korolkowii

Кооздукка декоративдик өсүмдүктөргө төмөнкүлөр кирет: *Achnatherum caragana* (жайык чий), *Caragana aurantiaca* (кызгылт сары алтыгана), *Crataegus korolkowii* (Корольков долоносу), *Crataegus turkestanica* (Түркстан долоносу), *Delphinium oreophilum* (тоо бүтөөсү), *Iridodictyum kolpakowskianum* (Колпаковский чекилдеги), *Leontopodium ochroleucum* (агыш сары эдельвейс), *Lonicera hispida* (үрпөгөй шилби), *Padus avium* (кадимки моюл), *Paeonia hybrida* (гибриддүү чымындык), *Picea schrenkiana* (Шренк карагайы), *Primula algida Adams* (суукчул көктөмдүк), *Pulsatilla campanella* (коңгуроодой кундуз гүл), *Rosularia alpestris* (альпы розуляриясы), *Salix alatavica* (Ала-Тоо талы), *Sorbus tianschanica* (Түркстан четини), *Tulipa dasystemon* (Түктүү аталыктуу

мандалак), *T. tetraphylla* (төрт жалбырактуу мандалак), *Viola altaica* (Алтай ала гүлү), *Viola sp.,* Алардын 43төн ашык түрү бар. [3,11,12,13,14,15].

Кыргызстандын аймагында **бал берүүчү өсүмдүктөр** жалпы 400 гө жакын. Аларды изилдеп жана анализдеп өткөргөндөр: А. Г. Головкова, А.В. Чубарова (1974, 1988). Суусамыр өрөөнүндө бал берүүчү балдуу өсүмдүктөрдүн 63 түрү берилди. Бал берүүчү өсүмдүктөр чанактууларда, эрин гүлдүүлөрдөн, татаал гүлдүүлөрдөн, башка түркүн түрдүү өсүмдүктөрдө көп. Алар: Caragana aurantiaca (кызгылт сары алтыгана), (6-сүрөттө) гүлүндөгү шире суюктугун аарылар сорот, чандаштырат.[17]

6-сүрөт. Caragana aurantiaca

Trifolium pratense (шалбаа уй бедеси), *Trifolium repens* (сойломо уй беде), *Vicia tenuifolia* (ичке жалбырактуу жер буурчак), *Astragalus alpinus* (кумай астрагалы), *A. nuciferus* (жаңгак мөмөлүүдөй астрагал), *A. platyphyllus* (жазы жалбырактуу астрагал), *Thymus marschallianus* (маршаллов кийик оту), *Thymus seravschanicus* (Зеравшан кийик оту), *Achillea millefolium* (кадимки каз таңдай), *Aster canescens* (бозомтук астра), *A.vvedenskyi* (Введенский астрасы) *Campanula glomerata* (топтошкон коңгуроо гүл), *Centaurea adpressa* (жапалак көп башы) ж.б. түрлөр. Балдуу бал берүүчү өсүмдүктөргө балчылар бал челектерин коюшуп, жогорку деңгээлде бал чогултуп сырт жактарга сатыкка чыгарууда Кыргызстандын балы дүйнөгө таанылууда. [3,4,6,9, 11,12,13,14,15,16].

Методологиялык изилдөө: Изилдөөнүн жүрүшүндө фитогеография, геоботаника, фитоценологиялык, систематикалык, флоралык, ботаникалык курамын аныктоо, Друденин шкаласы менен, өсүмдүктүүлүгүн, биологиясын, морфологиясын, фенологиялык фазаларынын жүрүшүнө, таксономия боюнча системалуу ыкма колдонулган.

Корутунду. Учурда Суусамыр өрөөнүнүн флорасы илимий, маданий, туристтик мааниге ээ. Өрөөн аркылуу стратегиялык жол өткөндүктөн, антропогендик факторлор терс таасири тийгизүүдө, биздин маалыматтарга ылайык, Суусамыр өрөөнүнүн аймагында тоют өсүмдүктөрүнүн болжол менен 85 түрү, дары-дармектердин 48 түрү, тамак-аш 18 түрү, декоративдик өсүмдүктөрдүн 43 түрү, бал берүүчү балдуу өсүмдүктөрдүн 63 түрү, чөп өсүмдүктөрүнүн 300 дөй түрү өсөт.

Бул иш Ж.Баласагын атындагы КУУнун ички гранттык илимий - изилдөө долбоорунун алкагында "Суусамырдагы *Caragana aurantiaca Koehne*нин азыркы абалы (төө-куйрук, алтыгана – карагана оранжевая) жана аны сарамжалдуу пайдалануу" аталышына ылайык изилдөөгө финансылык колдоо көрсөткөндүгүнүн аркасында ишке ашты. Экспедициялык чыгуулар жана талаа материалдарын чогултуу илимий макалаларды жазуу, жарыкка чыгаруу КР УИАнын Биология институту менен биргеликте жүргүзүлдү. КУУнун жамаатына ыраазычылык билдиребиз!

Колдонулган адабияттар

1. Аболин Р.И., Советкина, М. М. Горные пастбища Талас-Сусамырского района Киргизский АССР [Текст] / Е. П. Коровин, М. М. Советкина. –Изд-во – Л.: АН СССР, 1930 – 284 с.
2. Алтымышев, А. А. Лекарственные богатства Киргизии: (природного происхождения) [Текст] / А. А. Алтымышев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1976. – 350 с.
3. Алтымышев, А. А. Природные целебные средства [Текст] / А. А. Алтымышев. – Бишкек: Кыргызстан, 1991. – 350 б.
4. Ботбаева М.М. Кыргызстан өсүмдүктөр дүйнөсү. / [Текст] М.М. Ботбаева. – : Бишкек. Илим, 2012. – 571 б.
5. Головкова, А. Г. Полезная флора Киргизии [Текст] / А. Г. Головкова, А. В. Чубарова. – Фрунзе: Мектеп, 1988. – 110 с.
6. Усупбаев, А. К. Виды злаков, описанные с территории КР [Текст] / А. К. Усупбаев // Научный журнал «Научные исследования в Кыргызской Республике» ВАК Кыргызской Республики 2020, Выпуск №3 Часть II С. 5–10.
7. Лазьков Г. А., Султанова Б. А., 2014. Кадастр флоры Кыргызстана. Сосудистые растения Г. А. Лазьков, Б. А.Султанова [Текст] – Б.: НАН КР, 2014. – 126 с.
8. Султанова Б. А., Лазьков Г. А., Ганыбаева М. Р., Койчубекова Г. А. Русско-киргизский словарь ботанических терминов и названий растений [Текст] Б. А Султанова., Г. А. Лазьков , М . Р. Ганыбаева – Б.: НАН КР, 2013. – 212 с.
9. Асанов. Y. Кыргызстандын географиясы [Текст]: энцикл. окуу куралы / башкы ред. Y. Асанов. – Бишкек: Мамл. тил ж-а энцикл. борбору, 2004. – 720 с.
10. Кенжебаев С.С., Жусумамбетова С.Т., Солпиева К.Т., Содомбеков И.С. Перспективные лекарственные растения Суусамырской долины [Текст] С.С. Кенжебаев, С.Т. Жусумамбетова, К.Т. Солпиева, // Вестник ММУ -Бишкек, 2024 №2. С. 100-105.
11. Кенжебаев С. С., Бурканов Н. Р., Жусумамбетова С. Т., Содомбеков И. С. Эфиромасличные растении в Суусамырской долине. [Текст]// С. С. Кенжебаев, Н. Р. Бурканов, С. Т. Жусумамбетова. - ВАК КР. №1. Научные исследование в Кыргызской Республике. Бишкек 2025. С. 26-34.
12. Кенжебаев С. С., Кожомбердиев Ж. А., Жусумамбетова С. Т., Мамбетов Т. К., Джолдошбеков А. Д., Солпиева К. Т., Жекшенбаев Т. Ж. Экологическое состояние растительности в Суусамырской долине [Текст] С.С. Кенжебаев, Ж. А. Кожомбердиев, С. Т. Жусумамбетова, // Сборник научных докладов XXVII Международного научно-практического форума «Аграрная наука – сельскохозяйственному производству СНГ и BRICS». Новосибирск. 2025. С. 183-186.
13. Кенжебаев С. С., Жекшенбаев Т. Ж., Кожомбердиев Ж. А., Содомбеков И. С. Результаты влияние многолетнего перевыпаса скота на растительный покров в Суусамырской долине [Текст] С.С. Кенжебаев, Т. Ж. Жекшенбаев., Ж. А. Кожомбердиев, // ВАК КР. №2. Научные исследование в Кыргызской Республике. Бишкек 2024. С. 16-22.
14. Солпиева К. Т., Кенжебаев С. С., Жекшенбаев Т. Ж., Джолдошбеков А. Дж., Усупбаев А. К. Виды растений, занесённые в Красную книгу КР, в бассейне реки Суусамыр. [Текст] С. К. Солпиева, С. С. Кенжебаев, Т. Ж. Жекшенбаев. // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана № 2, 2025. С. 26-32.
15. Кенжебаев С. С., Солпиева К. Т., Бурканов Н. Р., Содомбеков И. С. “Растительное сообщество из Caragana aurantiaca+Artemisia absinthium в Суусамырской долине”. [Текст] С. С. Кенжебаев, К.Т. Солпиева, Н. Р. Бурканов Материалы научной конференции «Изучение, сохранение и рациональное использование биологического разнообразия Центральной Азии». КГУ им. И. Арабаева. Ташкентский государственный педагогический институт имени Низами. Казахский национальный педагогический университет имени Абая. Алматы. Ташкент. Бишкек. 2025. С. 39-42.

16. Б. К. Шишкин. Флора Киргизской ССР Определитель растений Кирг. ССР [Текст] / науч. ред. Кирг. фил. АН СССР, биол. ин-т, лаб. систематики высш. растений. – Фрунзе: Кир ФАН СССР, 1950. – Т. 7. – 517 с.

17. Солпиева К. Т. *Caragana aurantiaca Koehne*-нин биологиялык өнүгүү жана өсүү процесстерин изилдөө.

Рецензент:д.б.н.,доцент Мырзабекова У.Ж.

ЭКОНОМИКА

УДК 69.01:330.15:316.4 (479.24)

Адамкулова Ч.У., Казимов Ф.Ф., Лян Вэньшэн, Акылбекова Н.И., Чжоу И
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Адамкулова Ч.У., Казимов Ф.Ф., Лян Вэньшэн, Акылбекова Н.И., Чжоу И
КНУ имени Жусупа Баласагына
Adamkulova C.U., Kazimov F.F., Liang Wensheng, Akylbekova N.I., Zhou Yi
KNU Jusup Balasagyn

КУРУЛУШ ТАРМАГЫНДАГЫ ЭКОНОМИКАЛЫК НАТЫЙЖАЛУУЛУК МЕНЕН СОЦИАЛДЫК ТУРУКТУУЛУКТУН БАЛАНСЫ: АЗЕРБАЙЖАНДЫН МИСАЛЫНДА
БАЛАНС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРИМЕР АЗЕРБАЙДЖАНА
BALANCING ECONOMIC PERFORMANCE AND SOCIAL SUSTAINABILITY IN CONSTRUCTION: THE CASE OF AZERBAIJAN

Кыскача мүнөздөмө: Туруктуу курулуш барган сайын экологиялык артыкчылык катары гана эмес, айрыкча ыкчам урбанизация процессинен өтүп жаткан өлкөлөрдө экономикалык жана социалдык өнүгүүнүн маанилүү инструменти катары каралууда. Бул макалада Азербайжандагы туруктуу курулуштун экономикалык жана социалдык аспектилери талданат. Өлкөдө ири масштабдагы турак жай курулушу, инфраструктуралык инвестициялар жана жаңжалдан кийинки аймактык калыбына келтирүү иштери туруктуулукка багытталган ыкмаларды ишке ашырууда жаңы мүмкүнчүлүктөрдү жана структуралык чакырыктарды жаратат.Изилдөө улуттук стратегиялык документтерди, статистикалык маалыматтарды жана Азербайжандын курулуш секторуна тиешелүү тандалган практикалык материалдарды талдоого негизделген сапаттык жана аналитикалык ыкмаларды айкалыштырат. Экономикалык аспектилер инвестициялардын натыйжалуулугу, жашоо циклин эске алуу, турак жайдын жеткиликтүүлүгү, ошондой эле мамлекеттик жөнгө салуунун жана каржылык инструменттердин ролу аркылуу каралат. Социалдык аспектилер жумуш менен камсыз кылуу, эмгек өндүрүмдүүлүгү, турак жайга жеткиликтүүлүк, шаардык жашоо шарттары жана туруктуу курулуш практикаларынын коомго тийгизген таасири боюнча талданат.Изилдөөнүн жыйынтыктары көрсөткөндөй, Азербайжанда туруктуу курулуш негизинен мамлекеттик программалар жана стратегиялык шаар куруу долбоорлору аркылуу өнүгүп жатканына карабастан, анын экономикалык натыйжалуулугу жана социалдык жыйынтыктары жашоо циклин эске алуу, институттар аралык координация жана адамдык капиталды өнүктүрүү деңгээлине түздөн-түз көз каранды. Макалада экономикалык стимулдар, жөнгө салуучу механизмдер жана социалдык артыкчылыктар бирдиктүү өнүгүү алкагында шайкеш келген шартта туруктуу курулуш узак мөөнөттүү экономикалык туруктуулукту жана социалдык жыргалчылыкты камсыз кыла алаары негизделет.

Аннотация: Устойчивое строительство всё чаще рассматривается не только как экологический приоритет, но и как инструмент экономического и социального развития, особенно в странах, переживающих активную урбанистическую трансформацию. В статье анализируются экономические и социальные аспекты устойчивого строительства в Азербайджане, где масштабное жилищное строительство, инвестиции в инфраструктуру и послеконфликтное территориальное восстановление формируют как новые возможности, так и структурные вызовы для реализации подходов, ориентированных на устойчивость.В исследовании используются качественные и аналитические методы на основе анализа национальных программных документов, статистических данных и отдельных эмпирических примеров из строительного сектора Азербайджана. Экономические аспекты рассматриваются через показатели эффективности инвестиций, элементы оценки жизненного цикла,

доступность жилья, а также роль государственного регулирования и финансовых инструментов. Социальные аспекты анализируются с акцентом на занятость, производительность труда, доступность жилья, условия городской среды и более широкие общественные эффекты применения принципов устойчивого строительства.Полученные результаты показывают, что, несмотря на доминирование государственных программ и стратегических градостроительных проектов в развитии устойчивого строительства в Азербайджане, его экономическая эффективность и социальные результаты в значительной степени зависят от интеграции жизненного цикла в процесс принятия решений, институциональной координации и развития человеческого капитала. В статье обосновывается, что устойчивое строительство способно способствовать долгосрочной экономической устойчивости и социальному благополучию при условии согласованности экономических стимулов, регуляторных механизмов и социальных приоритетов в рамках единой модели развития.

Abstract: Sustainable construction is increasingly viewed not only as an environmental priority, but also as an economic and social development tool, particularly in countries undergoing rapid urban transformation. This paper explores the economic and social dimensions of sustainable construction in Azerbaijan, where large-scale housing development, infrastructure investment and post-conflict territorial reconstruction create both opportunities and structural challenges for sustainability-oriented approaches.The study combines qualitative and analytical methods, drawing on national policy documents, statistical data, and selected case evidence from the Azerbaijani construction sector. Economic aspects are analysed through indicators such as investment efficiency, life-cycle cost considerations, housing affordability and the role of state regulation and financial instruments. Social dimensions are examined with a focus on employment, labour productivity, housing accessibility, urban living conditions and the broader societal impacts of sustainable building practices.The findings suggest that while sustainable construction in Azerbaijan is often driven by state-led programmes and strategic urban projects, its economic effectiveness and social outcomes depend on the integration of life-cycle thinking, institutional coordination and human capital development. The paper argues that sustainable construction can contribute to long-term economic resilience and social well-being if economic incentives, regulatory mechanisms and social priorities are aligned within a coherent development framework.

Негизги сөздөр: Туруктуу курулуш; экономикалык туруктуулук; социалдык туруктуулук; курулуш тармагы; турак жайды өнүктүрүү; Азербайжан.

Ключевые слова: Устойчивое строительство; экономическая устойчивость; социальная устойчивость; строительный сектор; жилищное развитие; Азербайджан.

Keywords: Sustainable construction; economic sustainability; social sustainability; construction sector; housing development; Azerbaijan.

1. Introduction

The construction sector is one of the key structural components of national economies, combining long investment cycles, high capital intensity and a strong social footprint. Decisions taken at the design and delivery stages shape not only financial performance, but also housing affordability, employment patterns, labour productivity and the quality of the built environment for decades. For this reason, sustainable construction has gradually moved beyond its original environmental framing and is increasingly discussed through economic efficiency and social outcomes assessed over the full life cycle of buildings [1,2].

Nevertheless, a persistent gap remains between conceptual sustainability frameworks and actual decision-making in construction practice. Project appraisal is still often dominated by initial capital costs, while operating expenditures, maintenance burdens and social externalities are treated as secondary or implicit effects. Recent studies emphasise that such an approach systematically underestimates the economic value of sustainable solutions and obscures their social impact. Life-cycle costing, investment efficiency

indicators and post-occupancy social metrics are therefore gaining importance as tools for aligning short-term construction decisions with long-term development objectives [2,3]

At the same time, the social dimension of sustainable construction remains unevenly operationalised. While the literature frequently refers to employment creation, improved living conditions and healthier indoor environments, these aspects are often described qualitatively or assessed using non-comparable indicators. This limits their usefulness for policy design and investment planning. Yet existing research suggests that social outcomes can be measured and verified through relatively compact sets of indicators, including labour productivity, workplace safety, housing accessibility and selected parameters of indoor environmental quality, provided that they are integrated into assessment frameworks from the outset [5,6].

These general challenges are particularly relevant for Azerbaijan, where the construction sector plays a strategic role in economic development and social policy. Over the past decade, Azerbaijan has experienced sustained construction activity driven by urban expansion, housing programmes, infrastructure modernisation and large-scale state-led development initiatives. Construction investment has been closely linked to broader objectives such as improving housing provision, stimulating employment and supporting post-conflict territorial reconstruction [13,15]. As a result, the sector combines strong economic significance with pronounced social responsibilities.

Existing Azerbaijan-focused studies address important but fragmented aspects of this agenda. Some analyse economic mechanisms of housing construction, including market risks, mortgage development and the role of state regulation [15]; others focus on labour productivity, certification approaches or econometric relationships within the construction sector [4,14]. However, these strands of research are rarely integrated into a single analytical framework that simultaneously captures economic efficiency and social outcomes of sustainable construction. In practice, this fragmentation makes it difficult to assess whether sustainability-oriented construction policies and projects deliver balanced results in terms of both long-term costs and social value.

This paper addresses this gap by examining the economic and social dimensions of sustainable construction in Azerbaijan using a data-informed, country-specific perspective. The analysis combines macro- and sector-level indicators with selected analytical evidence from the construction industry. Economic performance is assessed through construction investment dynamics, housing development indicators, productivity-related measures and life-cycle cost considerations where available. Social dimensions are examined through employment trends in the construction sector, labour-related indicators, housing accessibility and qualitative evidence on living conditions associated with modern construction practices.

The empirical basis of the study draws on national statistical data from Azerbaijan, sectoral reports, and published analytical studies covering the period from the mid-2010s to the early 2020s. These data are complemented by findings from peer-reviewed literature on sustainable construction economics and social sustainability, allowing national trends to be interpreted within a broader conceptual framework [1,3,10].

The purpose of the paper is therefore twofold. First, it seeks to evaluate how sustainable construction in Azerbaijan performs from an economic perspective when viewed beyond initial costs and considered in a longer-term development context. Second, it aims to identify the social implications of sustainable construction practices, focusing on employment, housing and quality-of-life-related aspects. By linking these dimensions within a single analytical narrative, the study contributes to a more comprehensive understanding of sustainable construction as an instrument of economic resilience and social development in Azerbaijan.

2. Methodology

This study is based on a mixed methodological approach that combines quantitative analysis of sectoral data with qualitative interpretation of institutional and social factors shaping sustainable construction in Azerbaijan. Such a design allows the economic and social dimensions of sustainability to be examined in parallel, rather than as isolated analytical tracks, which is consistent with contemporary approaches to sustainable construction assessment [1,6].

2.1. Data sources

The empirical basis of the research relies on several complementary data sources. First, national statistical data of the Republic of Azerbaijan are used to analyse trends in construction activity, investment volumes, housing commissioning, employment in the construction sector and selected productivity-related indicators. These data provide a macro- and meso-level picture of the economic role of construction and its evolution over time.

Second, sectoral reports and analytical publications related to housing construction, infrastructure development and sustainable building practices in Azerbaijan are examined to capture institutional mechanisms, regulatory frameworks and policy-driven priorities. These sources are particularly relevant for understanding the strong role of the state in shaping construction dynamics and sustainability agendas [15].

Third, peer-reviewed academic studies focusing on economic, social and organisational aspects of construction in Azerbaijan are incorporated to contextualise national trends and to support interpretation of the observed patterns [4,14].

In addition, the analysis draws on the broader international literature on sustainable construction economics and social sustainability to frame the Azerbaijan case within established conceptual approaches [2.5,6].

The main observation period covers the mid-2010s to the early 2020s, which reflects the phase of intensified construction activity and growing attention to sustainability-related issues in the country.

2.2. Analytical framework

The methodological framework is structured around two interrelated dimensions: economic sustainability and social sustainability of construction.

The economic dimension is analysed through indicators that reflect both scale and efficiency of construction activity. These include dynamics of construction investment, housing output, sectoral employment, and selected indicators of labour productivity. Where relevant, the analysis also considers life-cycle logic, emphasising that the economic performance of construction should not be reduced to initial capital expenditure, but assessed in terms of longer-term cost efficiency and investment effectiveness [2,11].

The social dimension focuses on the broader societal effects of construction activity. Particular attention is paid to employment creation, labour conditions in the construction sector, housing accessibility and qualitative aspects of the living environment associated with modern construction practices. Although some social effects are difficult to capture through purely quantitative indicators, the study seeks to identify stable patterns and relationships supported by both statistical evidence and analytical studies.

Importantly, the two dimensions are not treated as independent. The analysis explicitly examines how economic characteristics of construction development influence social outcomes, and vice versa, reflecting the integrated nature of sustainable development.

2.3. Methods of analysis

Quantitative methods include descriptive statistical analysis of time-series and cross-sectional data related to the construction sector. Trends and structural changes are identified through comparison across years, with attention to periods of accelerated growth or adjustment. Where possible, relative indicators (such as shares, growth rates and per-employee measures) are used to improve comparability and reduce the influence of scale effects.

Qualitative methods involve structured analysis of policy documents, sectoral strategies and academic studies. This allows the identification of key drivers, constraints and institutional features influencing sustainable construction in Azerbaijan, including the role of public investment, regulatory instruments and social priorities embedded in housing and infrastructure programmes.

The results of quantitative and qualitative analyses are then synthesised to form an integrated assessment. This synthesis makes it possible to interpret numerical trends in light of institutional context and to avoid purely mechanical conclusions based on isolated indicators.

2.4. Limitations

The study is subject to several limitations. Available statistical data do not always allow for direct measurement of life-cycle costs or detailed social outcomes at the project level. In addition, some social aspects of sustainability, such as quality of indoor environments or user satisfaction, are reflected indirectly through sectoral indicators and secondary studies rather than through primary surveys. These limitations are taken into account in the interpretation of results and do not undermine the overall analytical logic of the research.

3. Results and Discussion

3.1. Investment dynamics and economic role of the construction sector

The construction sector in Azerbaijan demonstrates sustained economic significance over the period under review. According to official statistical data, capital investments directed to the construction sector increased from approximately **4.1 billion manats in 2000** to **15.7 billion manats in 2024**, despite fluctuations associated with economic cycles and external shocks. In comparable prices, the growth rate of capital investment in construction exceeded **110% in 2023** and remained above **100% in 2024**, indicating a recovery and stabilisation trend (Figure 1)

Figure 1.

Capital investment in construction in Azerbaijan (2015–2024)

Figure 1 illustrates the long-term dynamics of capital investment in construction, showing a pronounced expansion during the 2000s, a period of adjustment in the mid-2010s, and renewed growth in the early 2020s. This trajectory reflects the strategic importance of construction in national development programmes and infrastructure modernisation efforts.

However, the investment structure reveals a strong dominance of construction and installation works, which accounted for more than **70% of total capital investments** in recent years. While this supports sectoral output, it also suggests a focus on delivery volumes rather than on long-term performance optimisation, a pattern widely discussed in sustainable construction literature [2].

3.2. Housing construction and economic sustainability

Housing construction represents a core component of construction activity in Azerbaijan. The number of dwellings introduced into use increased significantly over time, with notable peaks in 2019, when total

housing space reached 953 thousand square metres, followed by a decline during the pandemic period and subsequent recovery to 284 thousand square metres in 2024 (Figure 2).

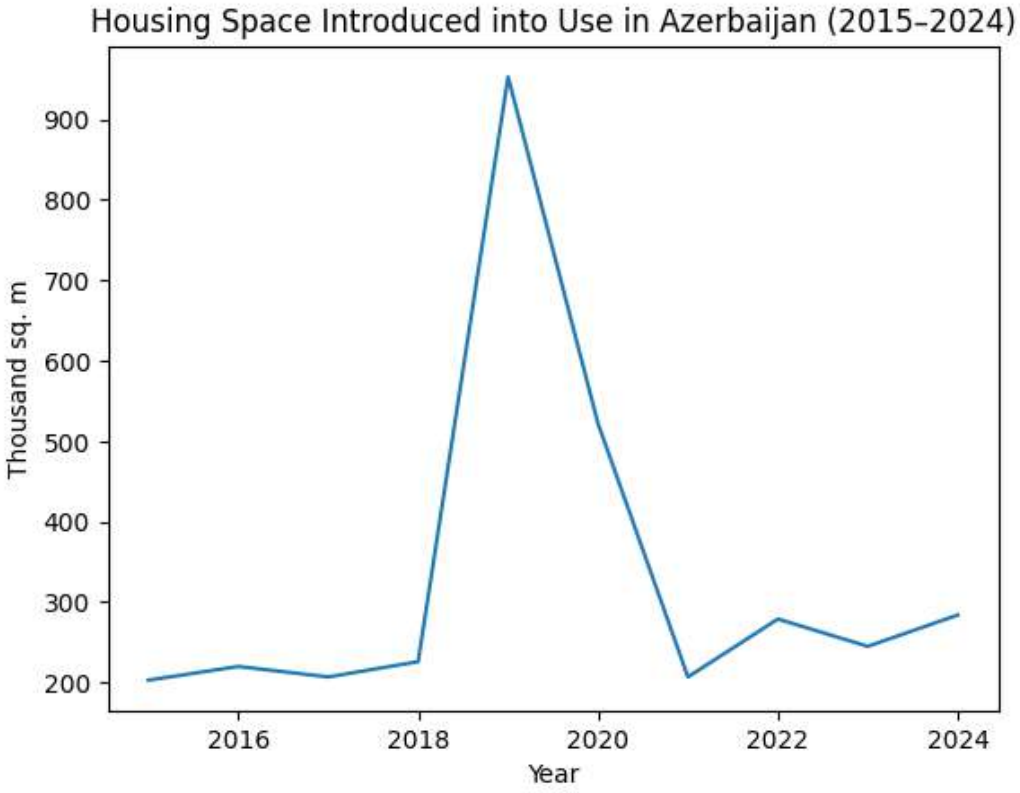


Figure 2. Housing construction and economic sustainability

Figure 2 shows that housing output remains sensitive to macroeconomic and institutional conditions. While large-scale programmes can rapidly increase supply, maintaining stable growth requires consistent financing mechanisms and long-term planning. From an economic sustainability perspective, fluctuations in housing output highlight the importance of integrating life-cycle cost considerations into project planning to avoid short-lived construction booms followed by contraction [1,2].

At the same time, data on housing provision per 1,000 population indicate gradual improvement in accessibility, although the figures vary considerably by year (Table 1). This confirms that quantitative growth alone does not guarantee sustained social and economic benefits without complementary affordability and quality measures.

Table 1. Capital investment in construction in Azerbaijan (2015–2024)

ear	Capital investment in construction (million AZN)
015	11,722.9
016	11,531.9
017	12,447.0
018	11,737.6
019	11,974.8
	11,021.9

020
11,200.1
021
13,142.9
022
15,028.3
023
15,670.1
024

Source: State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, *Construction in Azerbaijan 2025*, pp. 58–60

Table 1 presents the dynamics of capital investment in the construction sector of Azerbaijan over the period 2015–2024. Overall, the data indicate that construction has remained a structurally important recipient of investment, despite noticeable fluctuations associated with macroeconomic conditions and external shocks.

During 2015–2019, capital investment levels were relatively stable, fluctuating within the range of approximately 11.5–12.5 billion AZN. This period can be characterised as one of consolidation rather than rapid expansion, suggesting a cautious investment environment following earlier phases of intensive growth. From an economic sustainability perspective, such stability reflects the continued role of construction as a priority sector, while also indicating limited acceleration in investment efficiency or diversification.

A clear decline is observed in 2020, when capital investment fell to around 11.0 billion AZN. This reduction coincides with the broader economic slowdown and uncertainty associated with the COVID-19 pandemic. The contraction highlights the sensitivity of construction investment to external shocks, even in a sector strongly supported by public funding.

From 2021 onwards, the trend reverses. Investment levels begin to recover, with a particularly strong increase recorded in 2022–2024, culminating in 15.7 billion AZN in 2024, the highest value in the observed period. This growth reflects renewed state-led investment activity, including infrastructure development and reconstruction programmes, and signals a return to an expansionary phase in the construction sector.

However, while the upward trend after 2021 indicates strengthening economic capacity, the data alone do not allow conclusions about long-term economic sustainability. The increase in investment volume does not automatically imply improved efficiency or reduced life-cycle costs. As highlighted in the literature, sustained economic benefits from construction investment depend on the extent to which projects incorporate life-cycle cost considerations, performance-based standards and long-term operational planning. Without these elements, rising capital investment may translate into higher future maintenance and operating expenditures rather than durable economic gains.

In this context, Table 1 underscores a key issue for sustainable construction in Azerbaijan: the challenge is not merely to increase investment volumes, but to ensure that growing financial inputs are accompanied by mechanisms that enhance long-term value creation and resilience of the built environment.

3.3. Social effects: employment and public infrastructure

Beyond economic indicators, construction activity in Azerbaijan generates substantial social effects, particularly through employment and the development of social infrastructure. Construction projects related to hospitals, educational institutions and public facilities expanded notably in the period after 2020. For example, the number of hospital beds and outpatient department capacities introduced into use increased markedly in **2022**, reflecting post-pandemic investment priorities (Table 2).

Table 2. Housing space introduced into use in Azerbaijan (2015–2024)

Housing space introduced

ear (thousand sq. m)

015	203
016	220
017	207
018	226
019	953
020	522
021	207
022	279
023	245
024	284

Source: State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, *Construction in Azerbaijan 2025*, pp. 97–99

Table 2 reflects the dynamics of housing space introduced into use in Azerbaijan between 2015 and 2024 and reveals a markedly more volatile pattern compared to capital investment in construction. This divergence suggests that housing output is influenced not only by investment volumes, but also by institutional, financial and macroeconomic factors affecting project implementation and demand.

Between 2015 and 2018, housing construction remained relatively stable, with annual housing space introduced ranging from approximately 200 to 226 thousand square metres. This period may be interpreted as one of moderate and controlled expansion, characterised by predictable housing output rather than rapid growth. From a sustainability perspective, such stability can be considered favourable, as it reduces the risk of supply imbalances and excessive pressure on urban infrastructure.

A pronounced peak is observed in 2019, when housing space introduced into use increased sharply to 953 thousand square metres. This exceptional value indicates the implementation of large-scale housing projects and possibly the completion of previously initiated developments. However, the abrupt nature of this increase also raises questions about the long-term sustainability of such expansion, particularly in the absence of evidence that quality, affordability and life-cycle performance were simultaneously addressed.

The subsequent decline in 2020, with housing space falling to 522 thousand square metres, coincides with the onset of the COVID-19 pandemic and associated disruptions. This contraction illustrates the high sensitivity of housing construction to external shocks and highlights structural vulnerabilities in the housing delivery system.

In 2021, housing output returned to levels comparable to the pre-2019 period, followed by a gradual recovery in 2022–2024, reaching 284 thousand square metres in 2024. While this recovery indicates renewed activity, housing construction did not return to the peak levels observed in 2019, suggesting a shift towards more cautious development strategies or changing market conditions.

From the perspective of sustainable construction, the data in Table 2 underline an important distinction between quantity and sustainability. Rapid increases in housing output do not necessarily translate into improved housing affordability or living conditions over the long term. Instead, sustainable housing development requires consistency, integration of quality standards, and alignment with economic and social

objectives. The observed volatility therefore reinforces the argument that housing policy should prioritise stable, performance-oriented growth rather than episodic expansion.

These investments contribute to social sustainability by improving access to essential services and supporting regional development. Nevertheless, social benefits depend not only on the number of facilities constructed, but also on their operational quality and long-term maintenance. International evidence shows that insufficient attention to operational performance can undermine social outcomes even when capital investment is substantial [5,6].

Employment-related effects are equally important. Construction remains a labour-intensive sector, and investment dynamics directly affect employment stability. Studies focusing on labour productivity in Azerbaijan indicate that organisational factors and working conditions significantly influence both economic efficiency and social outcomes [14]. This finding reinforces the need to treat human capital as a central element of sustainable construction strategies.

3.4. Integrating economic and social sustainability

The results confirm a strong interdependence between economic and social dimensions of sustainable construction in Azerbaijan. Investment-driven expansion supports employment and infrastructure development, but without systematic life-cycle and performance-based assessment, long-term economic efficiency and social value may be compromised.

Frameworks such as life-cycle costing standards and integrated sustainability indicators provide tools for bridging this gap [2,10,11]. Their application could help align short-term construction outputs with long-term objectives related to housing quality, affordability and public welfare.

Overall, the Azerbaijani case illustrates that sustainable construction is progressing, yet remains unevenly institutionalised. Strengthening data-driven evaluation, particularly at the post-construction stage, would enhance both economic resilience and social impact.

Table 3. Link between economic and social sustainability indicators (analytical summary)

Dimension	Indicator	Evidence from Azerbaijan
Economic	Capital investment dynamics	Sustained growth after 2021
Economic	Housing output volatility	Sharp fluctuations 2019–2021
Social	Employment dependence	Construction as major employer
Social	Housing accessibility	Growth uneven across years
Integrated	Long-term efficiency	Limited use of life-cycle costing

Source: Author's compilation based on State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, *Construction in Azerbaijan 2025*,

Table 3 provides an integrated analytical overview of the relationship between economic and social sustainability indicators in the construction sector of Azerbaijan. Unlike Tables 1 and 2, which focus on quantitative dynamics, this table synthesises empirical observations and conceptual insights in order to illustrate how economic and social effects of construction are interconnected over time.

The economic indicators summarised in the table highlight the importance of sustained capital investment and housing output for maintaining sectoral capacity and market stability. However, the evidence also suggests that investment growth alone does not guarantee long-term efficiency. Without mechanisms aimed at optimising life-cycle performance, increased capital inputs may result in higher future operational costs, thereby weakening economic sustainability. This finding aligns with broader research emphasising that long-term value creation in construction depends on the quality of decisions taken at early project stages.

From a social sustainability perspective, employment generation and housing accessibility emerge as key outcomes of construction activity. The table shows that construction remains a major source of employment, which enhances income stability and supports social cohesion. At the same time, fluctuations in housing output and uneven access to quality housing indicate that social benefits are not uniformly distributed across time or population groups. This underscores the need to move beyond purely quantitative indicators when assessing social outcomes of construction.

The integrated dimension presented in Table 3 demonstrates that economic and social sustainability are mutually reinforcing. Projects that prioritise short-term cost minimisation may undermine social outcomes, leading to lower user satisfaction, reduced building longevity and increased maintenance needs. Conversely, investments that incorporate social considerations, such as housing quality and working conditions, tend to support economic performance over the building life cycle by reducing long-term costs and enhancing asset durability.

Overall, Table 3 reinforces the central argument of the study: sustainable construction in Azerbaijan should be understood as a systemic process rather than a set of isolated indicators. Effective sustainability strategies require coordinated economic and social assessment frameworks that enable decision-makers to evaluate not only immediate outputs, but also long-term societal value and economic resilience.

4. Discussion

The analysis of economic and social dimensions of sustainable construction in Azerbaijan reveals a complex and sometimes contradictory picture. On the one hand, the construction sector demonstrates strong investment support and remains one of the key instruments of economic development and state policy. On the other hand, the sustainability of these dynamics, particularly in social and long-term economic terms, cannot be assessed solely on the basis of investment volumes or construction output.

One of the most notable findings emerging from the results is the divergence between relatively stable capital investment dynamics and highly volatile housing output. As shown in Table 1 and Table 2, increases in construction investment do not automatically translate into proportional or stable growth in housing space introduced into use. This observation supports the broader argument found in the sustainable construction literature that construction activity is shaped not only by financial inputs, but also by institutional capacity, regulatory frameworks and project management practices [1,2]. In the Azerbaijani context, this suggests that fluctuations in housing output may reflect administrative decisions, timing of large-scale programmes and completion of specific projects rather than structural changes in demand or productivity.

From an economic sustainability perspective, the post-2021 recovery of construction investment indicates renewed fiscal capacity and political prioritisation of infrastructure and housing development. However, the absence of explicit life-cycle costing and performance-based evaluation mechanisms raises questions about the long-term efficiency of this investment growth. International experience demonstrates that without systematic consideration of operational costs, maintenance requirements and building longevity, increased capital expenditure may generate future financial burdens rather than sustainable economic value [2,3]. The findings of this study suggest that Azerbaijan may face similar risks if sustainability principles remain confined to the construction phase and are not extended across the full building life cycle.

Housing construction provides a particularly illustrative case for examining the tension between quantitative expansion and sustainability. The exceptional peak in housing output observed in 2019 reflects the capacity to rapidly scale construction activity when institutional and financial conditions align. At the same time, the subsequent contraction highlights the fragility of such expansion. Comparable studies emphasise that sustainable housing development requires continuity, affordability and quality assurance, rather than episodic increases in output [5,6]. In this respect, the Azerbaijani case underscores the importance of shifting policy focus from short-term targets toward more stable and predictable housing delivery mechanisms.

Social sustainability remains one of the least institutionalised dimensions of construction development in Azerbaijan. While construction investment clearly supports employment and contributes to the expansion of social infrastructure, these effects are rarely assessed using systematic indicators. Employment figures

alone provide limited insight into working conditions, skill development or long-term productivity. Research focusing on labour productivity in the Azerbaijani construction sector suggests that organisational factors, training and workplace practices play a critical role in determining both economic and social outcomes [14]. This reinforces the argument that human capital should be treated as a central component of sustainable construction strategies rather than as a secondary consideration.

The discussion also highlights the limited use of post-occupancy evaluation in assessing social outcomes. International research increasingly points to indoor environmental quality, user satisfaction and health-related indicators as essential measures of social sustainability in construction [6,7,9]. In Azerbaijan, the lack of systematic data in this area constrains the ability to evaluate whether completed buildings deliver lasting improvements in living conditions. This gap reduces the feedback available for future project design and weakens the link between construction investment and social well-being.

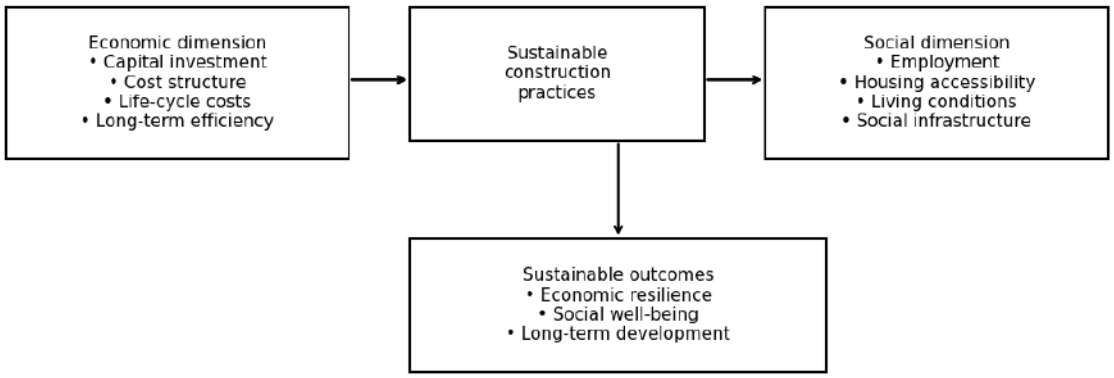


Figure 3. Conceptual framework linking economic and social dimensions of sustainable construction in Azerbaijan.

Source: Author's conceptualisation based on study results and literature review.

The conceptual framework presented in Figure 3 helps to interpret these findings by illustrating the interaction between economic and social dimensions of sustainable construction. The framework emphasises that economic decisions taken at early project stages, including design choices and cost allocation, shape social outcomes throughout the building life cycle. Conversely, neglecting social considerations may undermine economic performance by increasing maintenance costs, reducing building lifespan and lowering user satisfaction. This mutual dependence supports the view, widely discussed in the literature, that sustainable construction should be approached as an integrated socio-economic system rather than a set of isolated performance indicators [1,3,6].

At the same time, several limitations of the study should be acknowledged. The analysis relies primarily on aggregated statistical data and available secondary sources, which restricts the ability to capture project-level variation and qualitative social outcomes. In addition, the absence of consistent post-construction performance data limits the depth of social sustainability assessment. Future research could address these limitations by incorporating micro-level case studies, surveys of building users and comparative analysis with other countries in the region.

Overall, the discussion suggests that sustainable construction in Azerbaijan is progressing, but remains uneven in its economic and social dimensions. Strengthening life-cycle assessment practices, integrating social indicators into construction governance and improving data transparency could significantly enhance

the long-term sustainability of construction outcomes. These measures would allow the construction sector to better support economic resilience and social development objectives in a balanced and enduring manner.

5. Conclusion

This study examined the economic and social dimensions of sustainable construction in Azerbaijan, using sectoral statistical data and analytical evidence to assess how construction activity contributes to long-term development objectives. The results confirm that the construction sector plays a central role in the country's economic and social policy, yet its sustainability cannot be adequately evaluated through investment volumes or construction output alone.

The analysis demonstrates that capital investment in construction has shown relative stability over time and a pronounced recovery in the early 2020s. However, housing output remains highly volatile, reflecting sensitivity to institutional, financial and external factors. This divergence suggests that increased investment does not automatically lead to sustainable outcomes unless it is supported by consistent planning mechanisms and performance-oriented evaluation. From an economic sustainability perspective, the findings highlight the importance of moving beyond short-term delivery targets toward approaches that prioritise long-term efficiency and resilience.

The social dimension of sustainable construction emerges as both significant and insufficiently institutionalised. Construction activity contributes substantially to employment and the expansion of housing and social infrastructure, yet social outcomes are rarely assessed through systematic indicators. The lack of post-occupancy evaluation and limited use of qualitative social metrics constrain the ability to determine whether completed projects deliver lasting improvements in living conditions. As a result, the social value of construction investment may remain underrealised, despite substantial financial inputs.

One of the key contributions of this study lies in its integrated perspective on economic and social sustainability. By linking investment dynamics, housing development and social effects within a single analytical framework, the paper demonstrates that economic and social dimensions of sustainable construction are mutually reinforcing. Decisions taken at early project stages, particularly those related to design quality, cost allocation and construction standards, shape both long-term economic performance and social outcomes throughout the building life cycle. Neglecting either dimension risks undermining the overall sustainability of construction activity.

The conceptual framework proposed in this study synthesises these relationships and provides a basis for interpreting sustainable construction as a systemic process rather than a collection of isolated indicators. In the context of Azerbaijan, this framework underscores the need for stronger integration of life-cycle assessment, social performance indicators and data transparency into construction governance. Such integration would enhance the ability of policymakers and practitioners to align construction investment with broader economic resilience and social well-being objectives.

Several limitations of the study should be acknowledged. The analysis relies primarily on aggregated statistical data and secondary sources, which restricts the depth of social sustainability assessment and limits insight into project-level variation. Future research could address these limitations by incorporating micro-level case studies, surveys of building users and comparative analysis with other countries facing similar development challenges. Expanding the empirical base in this way would strengthen understanding of how sustainable construction practices translate into tangible social and economic benefits.

Overall, the findings suggest that sustainable construction in Azerbaijan is progressing, but unevenly. Strengthening institutional capacity, embedding life-cycle thinking into decision-making and systematically measuring social outcomes would significantly improve the long-term sustainability of the construction sector. By doing so, construction can more effectively serve as a driver of economic stability and social development within a coherent sustainability framework.

References

[1] Hill, R. C., & Bowen, P. A. Sustainable construction: Principles and a framework for attainment. Construction Management and Economics, 1997, 15(3), 223–239.

[2] Gluch, P., & Baumann, H. The life cycle costing (LCC) approach: A conceptual discussion of its usefulness for environmental decision-making. Building and Environment, 2004, 39(5), 571–580.

[3] Pomponi, F., & Moncaster, A. Circular economy for the built environment: A research framework. Journal of Cleaner Production, 2017, 143, 710–718.

[4] Danso, H. Identification of key indicators for sustainable construction materials. Advances in Materials Science and Engineering, 2018, 2018, 6916278. https://doi.org/10.1155/2018/6916278

[5] Gurmu, A., Shooshtarian, S., Mahmood, M., Hosseini, M., Shrestha, A., & Martek, I. The state of play regarding the social sustainability of the construction industry: A systematic review. Journal of Housing and the Built Environment, 2022, 37, 595–624.

[6] Opoku, A., & Lee, S. Social sustainability in the built environment: A review and future research directions. Sustainable Cities and Society, 2022, 76, 103433.

[7] Allen, J. G., MacNaughton, P., Satish, U., Santanam, S., Vallarino, J., & Spengler, J. D. Associations of cognitive function scores with carbon dioxide, ventilation, and VOC exposures in office workers. Environmental Health Perspectives, 2016, 124(6), 805–812.

[8] McArthur, J. J., & Powell, C. Health and wellness in commercial buildings: Systematic review of sustainable building rating systems. Building and Environment, 2020, 171, 106635.

[9] Kamaruddin, T., Abdul Hamid, R., & Abd Ghani, S. Social aspect implementation in sustainable construction. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 2020, 849, 012058. https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/849/1/012058

[10] European Commission. Level(s): A common EU framework of core sustainability indicators for office and residential buildings. Joint Research Centre, 2020.

[11] International Organization for Standardization. ISO 15686-5: Buildings and constructed assets — Service life planning — Part 5: Life-cycle costing. ISO, 2017.

[12] International Organization for Standardization. ISO 20887: Sustainability in buildings and civil engineering works — Design for disassembly and adaptability. ISO, 2020.

[13] United Nations Environment Programme. 2022 Global status report for buildings and construction. UNEP, 2022.

[14] Aghayeva, K., & Ślusarczyk, B. Analytic hierarchy of motivating and demotivating factors affecting labor productivity in the construction industry: The case of Azerbaijan. Sustainability, 2019, 11(21), 5973.

[15] Ganbarov, F., Smoląg, K., Muradov, R. S., Aghayeva, K., Jafarova, R., & Mammadov, Y. Sustainable development of the mortgage market in Azerbaijan: Commercial risks of housing construction, social vision, and state influence. Sustainability, 2020, 12(22), 9582.

[16] State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. (2025). Construction in Azerbaijan 2025 (Statistical yearbook). Baku.

Рецензент:к.э.н.,доцент Имакеева А.А.

УДК 338

Зарипова Д., Таалайбек кызы С., Токобаева Н.
Ош МПУ
Зарипова Д., Таалайбек кызы С., Токобаева Н.
Ош ГПУ
Zaripova D., Taalaibek kyzy S., Tokobaeva N.

САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ШАРТЫНДА КАДРЛАРДЫ ДАЯРДООНУН ЖАҢЫ МОДЕЛДЕРИ
НОВЫЕ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОЙ ЭКОНОМИКИ
NEW MODELS OF STAFF TRAINING IN THE CONDITIONS OF A SUSTAINABLE ECONOMY

Кыскача мүнөздөмө: Макалада санариптик экономиканын шартында эмгек рыногунун өзгөрүшү жана адистерди даярдоонун актуалдуу маселелери каралган. Автор санариптик трансформация билим берүү тутумунан ийкемдүүлүктү жана жаңы инновациялык моделдерди талап кыларын негиздейт. Билим берүү менен практиканын ортосундагы ажырымды жоюу үчүн дуалдык окутуу тутумун киргизүү жана IT-компетенттүүлүктү өнүктүрүү сунушталган. Жыйынтыгында, "өмүр бою билим алуу" концепциясы өлкөнүн экономикалык туруктуулугун камсыз кылуучу негизги фактор катары талдоого алынат.

Аннотация: В статье исследуются трансформации рынка труда и вызовы, стоящие перед системой образования в условиях цифровой экономики. Автор подчеркивает несоответствие традиционных методов обучения современным требованиям работодателей и обосновывает необходимость перехода к динамичным моделям подготовки кадров. Особое внимание уделено внедрению дуального образования и интеграции IT-технологий в учебный процесс для сокращения разрыва между теорией и практикой. Сделан вывод о том, что непрерывное обучение (lifelong learning) становится стратегическим ресурсом для повышения конкурентоспособности страны.

Abstract: The article examines the transformation of the labor market and the challenges of human resource development within the framework of the digital economy. The author highlights the discrepancy between traditional educational methods and modern professional requirements, advocating for the transition to flexible and innovative training models. Special emphasis is placed on the implementation of dual education systems and the enhancement of IT competencies to bridge the gap between academic theory and real-world practice. The study concludes that the concept of lifelong learning is a strategic factor determining national economic stability and global competitiveness.

Негизги сөздөр: Санариптик экономика; кадрларды даярдоо; дуалдык билим берүү; санариптик көндүмдөр; эмгек рыногу; инновациялык моделдер; өмүр бою билим алуу; Кыргызстан.

Ключевые слова: Цифровая экономика; подготовка кадров; дуальное обучение; цифровые навыки; рынок труда; инновационные модели; непрерывное образование; Кыргызстан.

Keywords: Digital economy; personnel training; dual education; digital skills; labor market; innovative models; lifelong learning; Kyrgyzstan.

Азыркы дүйнөдө экономика мурдагыдай жай, алдын ала божомолдонгон система болбой калды. Ал тез өзгөргөн, дайыма жаңыланып турган, маалыматка жана технологияга негизделген динамикалык чөйрөгө айланды. Санариптик технологиялардын өнүсүшү — жасалма интеллект, чоң маалыматтар, автоматташтыруу жана онлайн платформалар — өндүрүш процесстерин гана эмес, адамдардын иштөө формасын, талап кылынган көндүмдөрдү жана жалпы эмгек рыногунун түзүлүшүн түп-тамырынан өзгөртүп жатат. Мындай шартта кадрларды даярдоо маселеси жөн гана билим берүү системасынын ички көйгөйү болбой, экономиканын туруктуу өсүшүн жана өлкөнүн атаандаштыкка жөндөмдүүлүгүн аныктаган стратегиялык факторго айланып жатат.

Эгерде экономиканы бир чоң “организм” катары элестетсек, анда кадрлар — анын эң негизги “нерв системасы” сыяктуу. Нерв системасы канчалык ылдам жана так иштесе, организм ошончолук эффективдүү кыймылдайт. Ошол сыяктуу эле, экономикада иштеген адамдардын билим деңгээли,

көндүмдөрү жана өзгөрүүлөргө ылайыкташуу жөндөмү канчалык жогору болсо, экономика ошончолук ылдам өнүгөт. Бирок бүгүнкү күндө маселе жөн гана билимдин көлөмүндө эмес, анын сапатында жана актуалдуулугунда болуп жатат. Көпчүлүк учурда билим берүү системасы даярдап жаткан кадрлар менен эмгек рыногунун реалдуу талаптарынын ортосунда олуттуу ажырым бар. Бул ажырым — квалификациялык дал келбестик — жумушсуздуктун өсүшүнө, өндүрүмдүүлүктүн төмөндөшүнө жана экономикалык мүмкүнчүлүктөрдүн толук пайдаланылбай калышына алып келет.

Дүйнө жүзүндө санариптик экономиканын өнүгүү деңгээлин баалоодо эл аралык уюмдардын изилдөөлөрү өзгөчө мааниге ээ. Ошондой маанилүү документтердин бири катары Дүйнөлүк банктын 2016-жылы жарыялаган “Санариптик дивиденддер” аттуу баяндамасын белгилөөгө болот. Аталган баяндамада санариптик экономика түшүнүгүнө кеңири жана комплекстүү аныктама берилет. Ага ылайык, санариптик экономика — бул санариптик технологиялардын жана маалыматтык-коммуникациялык технологиялардын негизинде калыптанган экономикалык, социалдык жана маданий мамилелердин өз ара байланышкан системасы болуп саналат. [3]

Бул аныктама санариптик экономиканы жөн гана технологияларды колдонуу менен чектебестен, аны коомдун бардык тармактарын камтыган кеңири феномен катары кароого мүмкүнчүлүк берет. Башкача айтканда, санариптик технологиялар өндүрүш процессине гана эмес, адамдардын өз ара аракеттенүүсүнө, маалымат алмашуусуна жана коомдук байланыштарга да түздөн-түз таасир этет. Ошондуктан санариптик экономика — бул өзүнчө бир тармак эмес, ал жалпы экономикалык системанын жаңы сапаттык абалы катары каралат.

Адегенде экономиканын салттуу түшүнүгүнө токтолуп өтүү маанилүү. Жалпысынан экономика — бул өндүрүү, бөлүштүрүү, алмашуу жана керектөө процесстеринде адамдардын ортосунда калыптанган экономикалык мамилелердин жыйындысы болуп эсептелет. Башкача айтканда, экономика коомдогу чарба жүргүзүүнүн жалпы системасын билдирет. Терминдин өзү да ушул мазмунду ачып турат: ал грек тилинен алынган болуп, “oikos” — үй же чарба, ал эми “nomos” — мыйзам, эреже дегенди билдирет. Демек, түз маанисинде экономика “чарбаны жүргүзүүнүн эрежеси” катары түшүндүрүлөт. [7]

Өлкөбүздөгү санариптик трансформациялоо багытындагы мамлекеттик саясаттын алкагында “Санарип Кыргызстан 2019–2023” концепциясы өзгөчө мааниге ээ. Бул концепция Кыргыз Республикасынын 2018–2040-жылдарга карата Улуттук өнүгүү стратегиясын толуктап, өлкөнү санариптештирүү процессинин негизги багыттарын аныктоого жана аны системалуу түрдө ишке ашырууга багытталган документ болуп эсептелет. Анда санариптик трансформациялоонун максаттары гана эмес, ошондой эле бул процессти жүзөгө ашырууга жооптуу башкаруу түзүмдөрү, механизмдери жана жалпы уюштуруу системасы да белгиленген. [1]

Бул концепциянын алкагында өлкөнүн экономикалык өнүгүүсүн санариптик трансформация аркылуу колдоо негизги багыт катары каралат. Башкача айтканда, экономиканын артыкчылыктуу тармактарын санариптештирүү аркылуу туруктуу экономикалык өсүшкө жетишүү максат кылынат. Мындан тышкары, эл аралык өнөктөштүктү кеңейтүү жана бекемдөө, ошондой эле жаңы экономикалык кластерлерди түзүү аркылуу экономиканын структурасын жаңылоо маселеси да маанилүү орунду ээлейт. [5]

Ушул багыттардын негизинде республиканын орто мөөнөттүү келечектеги экономикалык өсүшү үч негизги артыкчылыктуу маселени чечүүгө таянып ишке ашырылары белгиленген. Бул маселелер экономиканын санариптик негизде өнүгүшүн камсыз кылуу менен бирге, анын атаандаштыкка жөндөмдүүлүгүн жогорулатууга жана жаңы өсүү булактарын түзүүгө багытталган.

Бул программаларда “санариптик экономика” түшүнүгүнө түздөн-түз так аныктама берилбегени менен, өлкөнүн учурдагы экономикалык өнүгүү деңгээли жана мүмкүнчүлүктөрү эске алынып, санариптик экономикага өтүү процессинде аткарылышы зарыл болгон негизги артыкчылыктуу багыттар так аныкталган. Башкача айтканда, документте санариптик экономикага өтүү бир жолку кадам эмес, тескерисинче, этап-этабы менен ишке ашырылуучу узак мөөнөттүү трансформация катары каралат. Бул багытта мамлекеттик башкарууну санариптештирүү, санариптик

инфраструктураны өнүктүрүү, калктын санариптик көндүмдөрүн жогорулатуу жана бизнес чөйрөсүндө заманбап технологияларды жайылтуу сыяктуу негизги маселелерге өзгөчө көңүл бурулат.

Санариптик экономика биринчи жолу 1995-жылы белгилүү америкалык окумуштуу тарабынан колдонулган.

Массачусетс технологиялык институтунан Н Негропонте МКТнын интенсивдүү өнүгүшүнө жана экинчи муундун маалыматташтыруу процессинин башталышына байланыштуу. Ал иш жүзүндө адам жашоосунун бардык чөйрөлөрү (экономикалык, со-циалдык, саясий, маданий, социалдык жана башка-лар) МКТнын жана интернеттин өнүгүшүнө байла-ныштуу тигил же бул даражада өзгөргөнүн, бирок акыркы жылдардагы өзгөрүүлөр маалыматташты-руунун жаңы этабы башталат. Анын аты "санарип-тик экономика" феномени жөнүндө жалпы түшүнүк жок. "Санариптик экономика", ага байланыштуу бул түшүнүктүн көптөгөн аныктамалары бар.

OECD эк-сперттери: «Санариптик экономика маалымат жана коммуникация тармагындагы жаңы жалпы максаттагы технологиялардын трансформациялык эффекттеринин натыйжасы», Дүйнөлүк банк: "Санарип экономикасы реалдуу убакыт режимин де маалымат алмашууга негизделген тездетилген экономикалык өнүгүүнүн жаңы парадигмасы". Бириккен Улуттар Уюмунун Соода жана Өнүгүү боюнча Конференциясы (ЮНКТАД): «Санарип экономикасы - бул товарларды жана кызмат көрсөтүүлөрдү өндүрүү жана аларды соодалоо процессинде санариптик интернет технологияларын колдонуу», - деген эрежелерди берет. [6]

Салттуу экономика шартында негизги көңүл материалдык өндүрүшкө жана реалдуу сектордогу иш-аракеттерге бурулат. Ал эми заманбап шартта бул процесстерге санариптик технологиялар — компьютерлер, интернет жана мобилдик байланыш каражаттары — активдүү аралаша баштады. Эгер бул көрүнүштү жогорудагы классикалык аныктамага таянып карасак, анда санариптик технологияларды колдонуу да ошол эле өндүрүү, бөлүштүрүү, алмашуу жана керектөө процесстеринин жаңы формасы катары кабыл алынат.

Ушул логикадан улам санариптик экономиканы экономикалык мамилелердин санариптик технологиялар, айрыкча интернет, уюлдук байланыш жана маалыматтык-коммуникациялык технологиялар аркылуу ишке ашкан бөлүгү катары кароого болот. Башкача айтканда, ал салттуу экономиканын ордуна келген жаңы система эмес, тескерисинче, анын санариптик чөйрөдө кеңейген жана трансформацияланган формасы болуп саналат.

Санариптик экономика шартында бул маселе дагы да курчуп жатат. Себеби технологиялардын өзгөрүү ылдамдыгы адамдын салттуу билим алуу циклынан алда канча жогору. Мисалы, бир адис университетти бүтүргөндөн кийин алган билими бир нече жыл ичинде эле эскирип калышы мүмкүн. Бул көрүнүш билимди “бир жолу алып, өмүр бою колдонуу” деген эски моделдин жараксыз болуп калганын көрсөтөт. Анын ордуна жаңы концепция — өмүр бою билим алуу — пайда болууда. Демек, кадрларды даярдоо системасы да статикалык эмес, динамикалык, ийкемдүү жана үзгүлтүксүз жаңыланып турган система болушу зарыл. [4]

Мындан тышкары, санариптик экономика эмгек рыногунун структурасын да өзгөртүп жатат. Айрым кесиптер толугу менен жоголуп, алардын ордуна жаңы, мурда болбогон кесиптер пайда болууда. Мисалы, маалымат талдоочулар, жасалма интеллект адистери, киберкоопсуздук боюнча эксперттер сыяктуу кесиптер бүгүнкү күндө жогорку суроо-талапка ээ. Ошол эле учурда көптөгөн салттуу жумуштар автоматташтырылып, адам эмгегине болгон муктаждык азаюуда. Бул процесс кадрлардын жөн гана билимдүү болушун эмес, ошондой эле универсалдуу, ийкемдүү жана тез үйрөнө алган адисти талап кылат.

Ушундай шартта кадрларды даярдоонун салттуу моделдери — негизинен теорияга багытталган, жай өзгөргөн жана эмгек рыногу менен алсыз байланышкан системалар — заман талабына жооп бере албай калууда. Бул болсо жаңы, инновациялык моделдерди издөөнү талап кылат. Мындай моделдер билим берүүнү реалдуу практика менен тыгыз байланыштырууну, санариптик көндүмдөрдү өнүктүрүүнү жана адамдын үзгүлтүксүз билим алуусун камсыздоону максат кылат.

Демек, санариптик экономика шартында кадрларды даярдоонун жаңы моделдерин изилдөө — бул жөн гана билим берүү тармагындагы теориялык маселе эмес, ал экономиканын эффективдүүлүгүн жогорулатуу, жумушсуздукту азайтуу жана коомдун туруктуу өнүгүшүн камсыз кылуу үчүн өтө маанилүү практикалык милдет болуп саналат. Бул макалада дал ушул маселелер каралып, санариптик трансформация шартында кадрларды даярдоонун заманбап ыкмалары жана алардын артыкчылыктары талдоого алынат.

Санариптик экономика — бул жөн гана экономикага технология кирди дегенди билдирбейт. Бул — экономиканын "ичтен өзгөрүшү", башкача айтканда анын иштөө логикасынын өзү өзгөрүп кеткен жаңы этап. Эгер салттуу экономиканы материалдык ресурстарга таянган система катары карасак, санариптик экономикада негизги роль материалдык эмес ресурс — маалыматка өтөт. Башкача айтканда, мурда байлык заводдордун саны, жердин көлөмү же физикалык өндүрүш аркылуу өлчөнсө, бүгүнкү күндө маалыматты канчалык деңгээлде чогултуп, иштетип жана пайдалана ала турганы менен аныкталууда. [7]

Бул өзгөрүүнү түшүнүү үчүн экономиканы чоң бир өндүрүш фабрикасы катары элестетүүгө болот. Салттуу фабрикада негизги нерсе — чийки затты алып, аны кайра иштетип, даяр продукт чыгаруу. Ал эми санариптик экономикада "чийки зат" катары маалымат кызмат кылат. Мисалы, колдонуучулардын жүрүм-туруму, сатып алуу адаттары, онлайн активдүүлүгү — мунун баары маалымат. Бул маалыматтар атайын алгоритмдер аркылуу иштетилип, андан жаңы "баалуулук" жаралат. Демек, маалымат жөн эле кошумча ресурс эмес, ал түздөн-түз экономикалык баалуулуктун булагына айланат.

Санариптик экономиканын дагы бир маанилүү өзгөчөлүгү — автоматизациянын кеңири жайылышы. Автоматизация дегенде жөн гана машиналардын иштеши эмес, чечим кабыл алуу процесстеринин да алгоритмдер аркылуу аткарылышы түшүнүлөт. Мисалы, мурда адам аткарган көптөгөн функциялар — эсептөө, талдоо, прогноз жасоо — азыр программалар жана жасалма интеллект аркылуу аткарылууда. Бул көрүнүш өндүрүштүн эффективдүүлүгүн бир нече эсе жогорулатат, бирок ошол эле учурда эмгек рыногунда олуттуу өзгөрүүлөрдү жаратат. Кээ бир жумуштар толугу менен жоголуп, алардын ордуна жаңы, жогорку квалификацияны талап кылган кесиптер пайда болот. Демек, автоматизация — бул жөн гана технологиялык процесс эмес, ал экономикалык структураны өзгөрткөн күч. [2]

Мындан тышкары, санариптик экономика платформалык моделдердин өнүгүшү менен да мүнөздөлөт. Платформалык экономика — бул өндүрүүчү менен керектөөчүнүн ортосундагы байланыш түздөн-түз эмес, атайын санариптик "ортомчулар" аркылуу ишке ашкан система. Бул жерде платформа жөн гана базар эмес, ал бүтүндөй экосистема болуп эсептелет. Мисалы, онлайн кызмат көрсөтүү платформалары адамдарды, маалыматты жана кызматтарды бириктирип, жаңы экономикалык мамилелерди түзөт. Платформалардын эң маанилүү өзгөчөлүгү — алардын масштабы тез өсөт жана "network effect" деп аталган кубулуш аркылуу өз баалуулугун көбөйтөт: колдонуучулар канчалык көп болсо, платформа ошончолук пайдалуу болот. Бул болсо рынокто жаңы типтеги атаандаштыкты жаратат, анда жеңүүчү көбүнчө баарын алган моделге жакындайт. [2]

Демек, санариптик экономика — бул маалыматка негизделген, автоматташтырылган жана платформалар аркылуу уюштурулган жаңы экономикалык система. Анын негизги өзгөчөлүгү — баалуулук физикалык ресурстардан эмес, маалыматты иштетүү жана колдонуу жөндөмүнөн жаралат. Бул өзгөрүү экономикадагы бардык процесстерге, айрыкча эмгек рыногуна жана кадрларды даярдоо системасына түздөн-түз таасир этет. Ошондуктан санариптик экономиканын маңызын түшүнүү — заманбап экономикалык процесстерди туура талдоонун негизги шарты болуп саналат.

Чындыгында санариптик экономика шартында кадрларга болгон талаптар түп-тамырынан өзгөрүп жатат. Бул өзгөрүүнү жөн гана "жаңы көндүмдөр пайда болду" деп түшүндүрүү жетишсиз, анткени маселе мында андан да терең — адамдын экономикалык системадагы ролу өзгөрүүдө. Эгер мурда адам белгилүү бир тармакта тар адистешкен функцияны аткарган инструмент катары каралса,

бүгүнкү күндө ал көп кырдуу, тез өзгөрүүгө жөндөмдүү, ар кандай шарттарга ылайыкташа алган универсалдуу система болушу керек болууда.

Муну жакшыраак түшүнүү үчүн адамдарды технологияларга салыштырсак - мисалы, смартфон менен салыштырууга болот. Илгери жөнөкөй кнопкалуу телефон негизги функцияларды гана аткарчу: чалуу жана билдирүү жөнөтүү. Ал убактагы экономикалык система да ушундай болчу — ар бир адам конкреттүү бир ишти аткарса жетиштүү эле. Бирок убакыт өткөн сайын талаптар өзгөрдү. Бүгүнкү смартфон жөн гана байланыш каражаты эмес, ал бир эле учурда эсептөөчү, маалымат иштетүүчү, навигациялык система, иш куралы жана чыгармачылык платформа болуп калды. Анын баалуулугу дал ушул көп функциялуулугунда. Ошол сыяктуу эле, азыркы эмгек рыногундагы кадрлар да бир гана функция менен чектелбестен, ар түрдүү көндүмдөрдү айкалыштыра алган болушу керек болот.

Бул шартта санариптик көндүмдөр өзгөчө мааниге ээ болуп калууда. Санариптик экономикада дээрлик бардык процесстер маалыматка таянгандыктан, маалыматты түшүнүү, талдоо жана колдонуу жөндөмү негизги компетенцияга айланууда. Мисалы, маалымат талдоо жөндөмү жөн гана техникалык көндүм эмес, ал чечим кабыл алуунун жаңы формасы. Эгер мурда чечимдер көбүнчө интуицияга же тажрыйбага негизделсе, азыр алар маалымат аркылуу далилденип, так эсептөөлөргө таянат. Демек, санариптик көндүмдөр — бул жөн гана компьютерди колдонуу эмес, бул маалымат менен ой жүгүртө билүү дегенди билдирет.

Бирок санариптик көндүмдөр жалгыз жетиштүү эмес. Технологиялар канчалык өнүкпөсүн, алар адамдын ордуна толук чечим кабыл ала албайт, айрыкча белгисиздик жана татаалдык жогору болгон шарттарда. Ошондуктан “жумшак көндүмдөр” деп аталган көндүмдөр — сынчыл ой жүгүртүү коммуникация, командада иштөө — дагы да маанилүү болуп жатат. Бул көндүмдөрдү “адамдын ички операциялык системасы” катары караса болот. Эгер санариптик көндүмдөр — бул “тиркемелер” болсо, анда жумшак көндүмдөр — бул аларды туура иштеткен негизги система. Мисалы, адам маалыматты талдай алганы менен, эгер ал аны туура түшүндүрүп бере албаса же туура чечим кабыл ала албаса, анда анын билими толук баалуулук жаратпайт дегенди түшүндүрөт. [7]

Мындан тышкары, санариптик экономика шартында эң маанилүү талаптардын бири — үзгүлтүксүз билим алуу жөндөмү болуп саналат. Бул жерде маселе жөн гана жаңы нерсени үйрөнүүдө эмес, үйрөнүүнүн өзүн үйрөнүүдө. Анткени технологиялардын өзгөрүү ылдамдыгы ушунчалык жогору болгондуктан, бүгүн актуалдуу болгон билим эртең эле эскирип калышы мүмкүн. Бул көрүнүш билимди статикалык ресурс эмес, динамикалык процесс катары кароону талап кылат. Башкача айтканда, адам бир жолу билим алып, андан кийин аны колдонуп гана жүрбөстөн, дайыма жаңыланып, өзүн кайра-кайра “жаңыртып” турууга тийиш.

Бул процессти дагы бир аналогия аркылуу түшүндүрүүгө болот. Элестетели, смартфонго жаңы программалар орнотулбаса жана ал жаңыртылбаса, убакыт өтүшү менен ал жай иштей баштайт, айрым функциялары иштен чыгат жана акырында колдонууга жараксыз болуп калат. Ошол сыяктуу эле, адам да эгер жаңы билимдерди өздөштүрбөсө, анын көндүмдөрү актуалдуулугун жоготуп, эмгек рыногундагы баалуулугу төмөндөйт. Демек, үгүлтүксүз окуу — бул жөн гана кошумча артыкчылык эмес, бул санариптик экономикада жашап калуунун негизги шарты.

Ошондуктан, санариптик экономика кадрлардан тар адистешүүнү эмес, көп кырдуулукту, туруктуулукту эмес, ийкемдүүлүктү, жана бир жолку билимди эмес, үзгүлтүксүз өнүгүүнү талап кылат. Бул талаптар адамды жөн гана аткаруучу күчтөн интеллектуалдык, адаптивдүү жана өз алдынча өнүгө алган активге айландырат. Демек, заманбап кадр — бул билимдин жыйындысы эмес, ал дайыма өзгөрүп, жаңыланып турган татаал система.

Ал эми азыркы билим берүү системасы көп учурда заманбап экономиканын ылдам өзгөрүп жаткан талаптарына жетиштүү деңгээлде жооп бере албай калууда. Маселенин өзөгү жөн гана айрым кемчиликтерде эмес, системанын ички логикасында жатат. Башкача айтканда, билим берүү системасы көп учурда өткөн доордун шарттарына ылайык калыптанган моделге таянып иштеп жатат, ал эми экономика таптакыр башка, жаңы эрежелер менен өнүгүүдө.

Биринчи кезекте, теорияга ашыкча басым жасоо маселеси байкалат. Албетте, теория ар кандай билимдин негизи болуп эсептелет, ансыз терең түшүнүк калыптанбайт. Бирок теория практика менен бекемделбесе, ал абстракттуу деңгээлде калып, реалдуу көйгөйлөрдү чечүүгө жардам бере албай калат. Натыйжада студент билимди “билгендей” сезгени менен, аны колдонууда кыйналат. Бул экономикалык тил менен айтканда, “потенциалдуу өндүрүмдүүлүк” менен “реалдуу өндүрүмдүүлүктүн” ортосундагы ажырымды жаратат.

Мындан тышкары, практиканын жетишсиздиги дагы олуттуу көйгөй болуп саналат. Көпчүлүк учурларда студенттер теориялык билимди өздөштүргөнү менен, аны реалдуу шартта колдонуу мүмкүнчүлүгүнө ээ болбойт. Бул болсо эмгек рыногуна чыкканда адаптация мезгилинин узак болушуна алып келет. Иш берүүчүлөр даяр адисти эмес, кайрадан окутууга муктаж болгон кадрды алышат. Натыйжада компаниялар кошумча чыгым тартат, ал эми жаш адистер жумушка орношууда кыйынчылыктарга туш болот. [4]

Эмгек рыногу менен билим берүү системасынын ортосундагы байланыштын начарлыгы бул көйгөйлөрдү дагы да күчөтөт. Теория жүзүндө университеттер кадрларды даярдаса, рынок ошол кадрларга суроо-талап жаратат. Бирок практикада бул эки система көп учурда бири-биринен обочолонуп калган. Натыйжада, билим берүү мекемелери кандай адистер керек экенин так билбей, өз алдынча программаларды түзөт, ал эми рынок болсо өзүнө керектүү көндүмдөргө ээ кадрларды таба албай кыйналат. Бул классикалык “дал келбестик” көйгөйүнө алып келет.

Ошондой эле окуу программаларынын эскирип калуусу дагы маанилүү фактор болуп эсептелет. Санариптик экономика шартында технологиялар абдан тез өзгөрүп жаткандыктан, билим берүү мазмуну да ошого жараша ылдам жаңыланып турушу керек. Бирок көпчүлүк учурда программалар узак убакыт бою өзгөрүүсүз калып, учурдагы талаптардан артта калат. Натыйжада студенттер заманбап инструменттерди, технологияларды жана ыкмаларды өздөштүрбөй калышат. Бул болсо алардын эмгек рыногундагы атаандаштыкка жөндөмдүүлүгүн төмөндөтөт.

Азыркы билим берүү системасынын негизги көйгөйү реалдуу экономикадан ажырап калганында жатат. Теория менен практиканын ортосундагы тең салмактын бузулушу, рынок менен байланыштын алсыздыгы жана программалардын эскилиги — мунун баары биригип, кадрларды даярдоонун эффективдүүлүгүн төмөндөтөт. Демек, бул системаны жөн гана “оңдоо” жетишсиз, аны заманбап экономиканын талаптарына ылайык кайра карап чыгуу зарыл.

Кадрларды даярдоонун заманбап моделдеринин ичинен дуалдык билим берүү системасы өзгөчө илимий-практикалык мааниге ээ. Бул модель билим берүү процессинде теориялык даярдык менен өндүрүштүк практиканы синхрондуу түрдө айкалыштырып жүргүзүүгө негизделет. Башкача айтканда, окуу программасынын алкагында студент бир эле учурда академиялык билимди өздөштүрүү менен катар, иш берүүчү уюмдарда реалдуу эмгек шарттарында практикалык көндүмдөрдү калыптандырат.

Дуалдык билим берүүнүн негизги өзгөчөлүгү — билим берүүнүн эки чөйрөсүнүн, башкача айтканда, билим берүү мекемеси менен эмгек рыногунун институционалдык интеграциясы болуп саналат. Бул интеграция теориялык билимдин практика менен байланышын бекемдеп, кадрларды даярдоонун натыйжалуулугун жогорулатууга шарт түзөт. Натыйжада, студенттер эмгек рыногуна чыккан учурда белгилүү бир деңгээлде практикалык тажрыйбага ээ болуп, адаптация мезгилин кыскартат. [2]

Илимий жактан алганда, дуалдык билим берүү когнитивдик жана прикладдык компетенциялардын параллелдүү калыптанышын камсыз кылган система катары мүнөздөлөт. Бул ыкма “билимди өздөштүрүү” жана “аны колдонуу” процесстерин бөлүнбөс бир бүтүндүк катары карап, кадр даярдоонун сапатын жогорулатууга багытталган. Ошондуктан дуалдык билим берүү заманбап эмгек рыногунун талаптарына жооп берген, компетенттүүлүккө негизделген кадрларды калыптандыруунун эффективдүү инструменттеринин бири болуп эсептелет.

Бул багытта республикабыщда кадрларды даярдоо системасы жана анын санариптик трансформацияга ылайыкташуу деңгээли учурда транзиттик этапта турат. Бул процесс бир жагынан

билим берүү системасында белгилүү бир модернизация аракеттери жүрүп жатканын көрсөтсө, экинчи жагынан эмгек рыногунун реалдуу талаптары менен билим берүү мазмунунун ортосунда олуттуу ажырым сакталууда экенин айгинелейт.

Жогорку окуу жайлардын учурдагы абалына токтолсок, өлкөдөгү университеттер негизинен салттуу билим берүү моделине таянган бойдон калууда. Окутуу процессинде теориялык компонент басымдуулук кылып, практикалык даярдык салыштырмалуу чектелген деңгээлде ишке ашырылат. Айрым окуу жайларда санариптик технологияларды колдонуу жана жаңы билим берүү ыкмаларын киргизүү багытында аракеттер жүрүп жатканы менен, бул процесс системалуу мүнөзгө толук ээ боло элек. Натыйжада ЖОЖдордон чыккан бүтүрүүчүлөрдүн эмгек рыногуна адаптациясы көп учурда кошумча окутууну жана кайра даярдоону талап кылат.

Учурдагы негизги көйгөйлөрдүн бири катары билим берүү мазмунунун эмгек рыногунун талаптарына толук шайкеш келбешин көрсөтүүгө болот. Окуу программаларынын жаңылануу ылдамдыгы технологиялык өзгөрүүлөрдүн ылдамдыгынан артта калууда, бул болсо “skill mismatch” көйгөйүн күчөтөт. Мындан тышкары, ЖОЖдор менен иш берүүчү уюмдардын ортосундагы кызматташтык жетишсиз деңгээлде өнүккөн, натыйжада практикага багытталган даярдоо системасы толук кандуу калыптана элек. Ошондой эле окутуучулук курамдын санариптик компетенцияларын үзгүлтүксүз жогорулатуу маселеси да актуалдуу бойдон калууда.

Бул көйгөйлөрдү чечүү боюнча санариптик экономика шартында кадрларды даярдоодогу комплекстүү жана системалуу мамилени талап кылат. Бул багытта биринчи кезекте билим берүү системасын реформалоо зарыл болуп саналат. Реформанын негизги максаты — салттуу, теорияга басым жасаган моделден компетенттүүлүккө жана практикалык натыйжалуулукка багытталган модельге өтүү. Мисалы, окуу программаларына реалдуу кейстерди, долбоордук иштерди жана эмгек рыногунда кеңири колдонулган санариптик инструменттерди киргизүү аркылуу студенттердин прикладдык көндүмдөрүн жогорулатууга болот. Бул ыкма студентти пассивдүү маалымат алуучудан активдүү чечим кабыл алуучу субөектке айлантат.

Экинчи маанилүү багыт катары университеттер менен бизнес түзүмдөрүнүн ортосундагы кызматташууну күчөтүү эсептелет. Азыркы шартта билим берүү мекемелери эмгек рыногунан салыштырмалуу обочо иштеп жаткандыктан, кадр даярдоо процесси рыноктук талаптарга толук шайкеш келбей калууда. Бул маселени чечүү үчүн дуалдык билим берүү элементтерин кеңейтүү, ишканаларда стажировка программаларын милдеттүү түрдө киргизүү жана биргелешкен лабораторияларды түзүү зарыл. Мисалы, IT компаниялар менен университеттер биргелешип “инновациялык лабораторияларды” түзүп, студенттер реалдуу долбоорлордун үстүндө иштөө мүмкүнчүлүгүнө ээ болушса, бул теория менен практиканын ортосундагы ажырымды олуттуу кыскартат.

Үчүнчү багыт — IT билим берүүнү системалуу түрдө өнүктүрүү. Санариптик экономика шартында IT-көндүмдөр базалык компетенцияга айланып баратат. Ошондуктан программалоо, маалыматтарды талдоо, киберкоопсуздук жана жасалма интеллект сыяктуу багыттарды жогорку билим берүү системасына кеңири интеграциялоо зарыл. Мисалы, гуманитардык адистиктерде да негизги деңгээлде санариптик инструменттерди колдонуу боюнча курстарды киргизүү, жалпы эмгек рыногунда санариптик сабаттуулуктун деңгээлин жогорулатууга өбөлгө түзөт. [2]

Төртүнчү маанилүү багыт катары практикага багытталган окутууну күчөтүү белгиленет. Практика билим берүүнүн кошумча элементи эмес, анын негизги компоненти катары каралышы керек. Бул максатта окуу процессинде практикалык тапшырмалардын үлүшүн көбөйтүү, реалдуу экономикалык маселелерди чечүүгө багытталган долбоорлорду киргизүү жана студенттерди ишканалардагы реалдуу иш процесстерине активдүү тартуу маанилүү. Мисалы, студенттер мамлекеттик же жеке сектордогу санариптик долбоорлордун алкагында маалымат базаларын талдоо, бизнес-процесстерди оптималдаштыруу же санариптик кызматтарды иштеп чыгуу иштерине катышса, алардын кесиптик даярдыгы олуттуу жогорулайт.

Жыйынтыктап айтканда, санариптик экономика шартында кадрларды даярдоо маселеси заманбап экономикалык өнүгүүнүн эң маанилүү багыттарынын бири болуп эсептелет. Бул изилдөөдө көрсөтүлгөндөй, санариптик трансформация эмгек рыногунун структурасын түп-тамырынан өзгөртүп, кадрларга болгон талаптарды жаңы сапаттык деңгээлге чыгарды. Мында маалыматты талдоо, санариптик технологияларды колдонуу, сынчыл ой жүгүртүү жана үзгүлтүксүз билим алуу жөндөмү негизги компетенциялар катары калыптанууда.

Ошондой эле учурдагы билим берүү системасында теория менен практиканын ортосундагы ажырым, окуу программаларынын эмгек рыногунун талаптарына толук шайкеш келбеши жана санариптик көндүмдөрдүн жетишсиз деңгээлде калыптанышы сыяктуу бир катар структуралык көйгөйлөр сакталууда. Бул факторлор кадрларды даярдоонун эффективдүүлүгүн төмөндөтүп, эмгек рыногунда көндүмдөрдүн дал келбестиги көрүнүшүнүн пайда болушуна алып келүүдө. Ошондуктан билим берүү системасын модернизациялоо жана аны санариптик экономика талаптарына ылайыкташтыруу обөективдүү зарылдык катары каралат.

Келечекке көз караш менен караганда, кадрларды даярдоо системасынын өнүгүүсү анын ийкемдүүлүгүнө, инновациялык мүнөзүнө жана эмгек рыногу менен интеграциясынын деңгээлине түздөн-түз байланыштуу болот. Санариптик технологиялардын мындан ары дагы ылдам өнүгүшү билим берүүнүн мазмунун тынымсыз жаңылоо зарылдыгын шарттайт. Бул шартта билим берүү “бир жолку процесс” эмес, өмүр бою уланып турган динамикалык система катары калыптанууга тийиш.

Ошентип, санариптик экономика шартында атаандаштыкка жөндөмдүү кадрларды даярдоо — бул жөн гана билим берүү маселеси эмес, ал өлкөнүн экономикалык туруктуулугун жана узак мөөнөттүү өнүгүү потенциалын аныктаган стратегиялык фактор болуп саналат. Бул багытта системалуу реформалар жүргүзүлсө, Кыргызстан глобалдык санариптик экономикага натыйжалуу интеграцияланууга жана адам капиталынын сапатын жогорулатууга мүмкүнчүлүк алат.

Колдонулган адабияттар:

1. 2018-2040-жылдары Кыргыз Республикасын (КР) өнүктүрүүнүн улуттук стратегиясы. – Бишкек, 2018.
2. Бондаренко М. Санарип экономикасында. // «Заманбап IT жана IT-билим берүү» журналы. Түзүү, иштеп чыгуу жана ишке ашыруу үчүн идеологиялык мамиле, 2017 мүмкүндүк алуу коду: http://inecon.org/docs/2017/Bonda renko_IT_2017.pdf (маалымдама датасы: 01/18/2018)
3. Доклад Всемирного Банка о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды»/ [Электронный ресурс]. - URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10 986/23347/210671RuSum.
4. Кемелдинова, Ж. М. Улуттук экономиканы санариптик ааламдашуу шартында өнүктүрүү тенденциялары / Ж. М. Кемелдинова, Ж. Б. Джумабекова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2020. – No. 2. – P. 168-171. – DOI 10.26104/NNTIK.2019.45.557. – EDN BZFYGG.
5. Концепция цифровой трансформации “Цифровой Кыргызстан - 2019-2023” [Эл. ресурс]. - Режим доступа: http://ict.gov.kg/index. php?r= site%2F sanarip&cid=27
6. Ногоева Г.Д. Жекшенова А - Санариптик экономика глобализациянын жаны этабы катары https://elibrary.ru/download/elibrary_50136514_34880959.pdf
7. Ташбаев А.М., Маликов А.А. САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ТҮШҮНҮГҮНҮН НЕГИЗГИ АСПЕКТИЛЕРИ ЖАНА ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ. НАУКА, НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА, № 2, 2020

Рецензент: п.и.к., доцент Касымбеков Э.А.

Зарипова Дамира ORCID 0009-0009-7611-6433, Таалайбек кызы Сүйүнгүл,
Токобаева Нуржамал ORCID 0009-0000-0332-0673 – старшие прпеодаватели Ош МПУ

УДК 332.14:338.24(575.2)

Кемелдинова Ж.М., Токторбаева К.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Кемелдинова Ж.М., Токторбаева К.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kemeldinova J.M., Toktorbaeva K.A.
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДАГЫ ШААРЛАРДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК АБАЛЫ: УЧУРДАГЫ ТЕНДЕНЦИЯЛАР, КӨЙГӨЙЛӨР ЖАНА ӨНҮГҮҮ КЕЛЕЧЕГИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
THE ECONOMIC STATE OF CITIES IN THE KYRGYZ REPUBLIC: CURRENT TRENDS, CHALLENGES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада Кыргыз Республикасынын шаарларынын азыркы экономикалык абалы, алардын улуттук экономикадагы орду, өнүгүү тенденциялары жана аймактык экономикалык айырмачылыктары каралат. Изилдөөдө Кыргыз Республикасынын Улуттук статистика комитетинин расмий маалыматтарынын негизинде шаарлардын валдык региондук продуктусунун (ВРП) динамикасы, жан башына эсептелген ВРП көрсөткүчү, өнөр жай, курулуш, соода, кызмат көрсөтүү жана ишкердик чөйрөлөрүнүн өнүгүүсү талданган. Өзгөчө көңүл республикалык маанидеги Бишкек жана Ош шаарларынын экономикалык абалына бурулган. Изилдөөнүн жыйынтыгында Бишкек шаары Кыргызстандын экономикалык системасында негизги орунду ээлеп, өлкөнүн жалпы ички дүң продукциясынын олуттуу бөлүгүн түзөрү аныкталган. Ош шаары болсо өлкөнүн түштүгүндөгү соода-экономикалык борбор катары маанилүү роль ойнойт. Ошол эле учурда шаарлардын экономикалык өнүгүүсүндө аймактык диспропорциялар, инфраструктуралык чектөөлөр, инвестициялык ресурстардын жетишсиздиги, муниципалдык бюджеттердин мүмкүнчүлүктөрүнүн чектелүү болушу жана экономиканы диверсификациялоо зарылдыгы сыяктуу көйгөйлөр сакталууда. Макалада шаарлардын туруктуу экономикалык өнүгүүсүн камсыз кылуу үчүн инвестициялык климатты жакшыртуу, заманбап транспорттук жана инженердик инфраструктураны өнүктүрүү, чакан жана орто бизнести колдоо, санариптештирүү, адам капиталын өнүктүрүү жана муниципалдык башкаруунун натыйжалуулугун жогорулатуу боюнча сунуштар берилген.

Аннотация:В статье исследуется современное экономическое состояние городов Кыргызской Республики, определяются основные тенденции их развития и выявляются факторы, влияющие на пространственную дифференциацию городской экономики. Особое внимание уделяется городам республиканского значения — Бишкеку и Ошу. На основе официальных статистических данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики проанализирована динамика валового регионального продукта, ВРП на душу населения, промышленного производства, строительства, торговли и предпринимательской активности. Установлено, что Бишкек занимает доминирующее положение в экономике страны: в 2024 г. на город приходилось 47,0% общего объёма ВВП Кыргызской Республики . ВРП Бишкека увеличился с 251,3 млрд сомов в 2020 г. до 744,0 млрд сомов в 2024 г. . ВРП города Ош за аналогичный период вырос с 36,4 млрд до 88,9 млрд сомов .Вместе с тем сохраняются существенные территориальные диспропорции, инфраструктурные ограничения, различия в уровне инвестиционной активности и финансовых возможностях муниципалитетов. В статье обосновывается необходимость перехода к более сбалансированной, диверсифицированной и устойчивой модели городского развития.

Abstract: The article examines the current economic condition of cities in the Kyrgyz Republic, their role in the national economy, major development trends and regional economic disparities. Based on official

data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, the study analyzes the dynamics of gross regional product (GRP), GRP per capita, as well as the development of industry, construction, trade, services and entrepreneurship in urban areas. Particular attention is paid to Bishkek and Osh, the two cities of republican significance.The findings demonstrate that Bishkek occupies a dominant position in the economic system of the Kyrgyz Republic and generates a significant share of the country's gross domestic product. Osh plays an important role as a major trade and economic center in the southern part of the country. At the same time, significant regional disparities remain in the economic development of cities, including infrastructure constraints, limited investment resources, insufficient municipal financial capacity and the need to diversify local economies. The article proposes a number of measures aimed at ensuring sustainable urban economic development, including improving the investment climate, modernizing transport and engineering infrastructure, supporting small and medium-sized enterprises, promoting digitalization, developing human capital and increasing the efficiency of municipal governance.

Негизги сөздөр: шаар экономикасы, Кыргыз Республикасы, Бишкек, Ош, валдык региондук продукт, аймактык өнүгүү, инвестициялар, өнөр жай, курулуш, соода, кызмат көрсөтүү, ишкердик, муниципалдык финансы, туруктуу өнүгүү.

Ключевые слова: городская экономика, Кыргызская Республика, Бишкек, Ош, валовой региональный продукт, региональное развитие, инвестиции, промышленность, строительство, торговля, предпринимательство, муниципальные финансы, устойчивое развитие.

Keywords: urban economy, Kyrgyz Republic, Bishkek, Osh, gross regional product, regional development, investment, industry, construction, trade, services, entrepreneurship, municipal finance, sustainable development.

В современных условиях города являются важнейшими центрами экономического роста, концентрации населения, капитала, трудовых ресурсов, предпринимательской активности и инноваций. Процессы урбанизации сопровождаются изменением территориальной структуры экономики и повышением роли городов в формировании валового внутреннего продукта страны [6; 10].

Для Кыргызской Республики данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с высокой концентрацией экономической активности в отдельных городах. В первую очередь это относится к Бишкеку, который является крупнейшим административным, финансовым, торговым и деловым центром страны.

Согласно уточнённым данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, валовой внутренний продукт страны в 2024 г. составил 1 582,8 млрд сомов, а реальный темп его роста относительно 2023 г. составил 11,5% [1]. Наибольший рост валового регионального продукта среди территорий республики был зафиксирован в городе Бишкек — 15,8%, тогда как рост ВРП города Ош составил 10,3% [2].

Особенностью пространственной структуры экономики является значительная доля столицы. В 2024 г. на Бишкек приходилось 47,0% общего объёма ВВП Кыргызской Республики [2]. Это свидетельствует о высокой концентрации экономических ресурсов и деловой активности.

Положительная динамика сохранилась и в 2025 г. По предварительной оценке Национального статистического комитета, ВВП Кыргызской Республики составил 1 976,4 млрд сомов, увеличившись на 11,1% по сравнению с 2024 г. [7]. Объём промышленной продукции достиг 799,7 млрд сомов и увеличился на 10,6%, строительство выросло на 21,1%, а оптовая и розничная торговля — на 17,8% [7].

Таким образом, современная экономика городов развивается на фоне достаточно высоких темпов национального экономического роста. Расширение производства, строительной активности, торговли и сферы услуг создаёт дополнительные предпосылки для укрепления экономического потенциала городских территорий. Вместе с тем ускорение экономической активности

сопровождается рядом инфраструктурных, социальных и пространственных проблем, что обусловливает необходимость более детального анализа экономических результатов отдельных городов.

В этой связи особое значение приобретает оценка масштабов и динамики экономической деятельности непосредственно на уровне городов. Одним из наиболее информативных показателей для такой оценки является валовой региональный продукт (ВРП). Данный показатель характеризует стоимость конечных товаров и услуг, произведённых на соответствующей территории за определённый период, и позволяет определить масштаб, структуру и динамику региональной или городской экономики [2; 6]. Анализ ВРП даёт возможность выявить различия между городами по уровню экономической активности, определить их вклад в формирование национального ВВП и оценить тенденции пространственного распределения экономических ресурсов.

Официальные данные НСК КР показывают существенное увеличение ВРП как Бишкека, так и Оша в 2020–2024 гг. [3].

Таб 1. Динамика ВРП города Бишкек и города Ош в 2020–2024 гг.

Показатель	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
ВРП КР, млн сомов	639 688,6	782 854,3	1020 744,6	1 333 730,0	1 582 791,8
ВРП г. Бишкек, млн сомов	251 304,9	321 994,3	417 953,3	595 335,5	744 030,4
ВРП г. Ош, млн сомов	36 415,2	42 700,6	58 973,7	74 819,8	88 880,7
Доля Бишкека в ВВП, %	—	—	—	44,6	47,0
Доля Оша в ВВП, %	—	—	—	5,6	5,6

Источник: составлено автором по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [2; 3].

Данные таблицы показывают, что ВРП Бишкека в текущих ценах увеличился с 251 304,9 млн сомов в 2020 г. до 744 030,4 млн сомов в 2024 г. [3]. Таким образом, за рассматриваемый период номинальный объём ВРП столицы увеличился почти в три раза.

ВРП города Ош также демонстрировал устойчивую положительную динамику: с 36 415,2 млн сомов в 2020 г. до 88 880,7 млн сомов в 2024 г. [3].

Вместе с тем масштабы экономической деятельности двух городов существенно различаются. В 2024 г. ВРП Бишкека был примерно в 8,4 раза выше ВРП города Ош [3].

Особенно показательным является изменение доли Бишкека в национальной экономике. В 2023 г. на город приходилось 44,6% ВВП, а в 2024 г. — уже 47,0% [2]. Следовательно, в течение рассматриваемого периода происходило дальнейшее усиление экономической концентрации в столице.

Здесь переход лучше построить от пространственной концентрации экономики к необходимости учитывать численность населения, чтобы логично перейти к ВРП на душу населения:

Для экономики Кыргызстана данная тенденция имеет двойственное значение. С одной стороны, концентрация предприятий, квалифицированных кадров, финансовых ресурсов и инфраструктуры в Бишкеке способствует повышению производительности труда, развитию предпринимательской активности и формированию положительных агломерационных эффектов. С другой стороны, чрезмерная концентрация экономической активности в столице усиливает территориальные различия в уровне социально-экономического развития и может способствовать увеличению миграционного давления на Бишкек.

В связи с этим для более объективной оценки экономического положения городов недостаточно учитывать только абсолютные объёмы валового регионального продукта. Значение

имеет также соотношение произведённого объёма экономической деятельности с численностью населения соответствующей территории. Такой подход позволяет более точно определить уровень экономической активности, приходящийся на одного жителя, и выявить различия между городами независимо от их размера.

В этой связи одним из наиболее информативных показателей является валовой региональный продукт на душу населения. Данный показатель позволяет сопоставлять экономические возможности различных территорий с учётом численности их населения и тем самым глубже оценивать уровень и динамику пространственной дифференциации экономики [4].

Анализ ВРП на душу населения в Бишкеке и Оше позволяет дополнить оценку абсолютных объёмов производства и выявить особенности экономического развития двух крупнейших городов Кыргызской Республики.

По данным НСК КР, ВРП на душу населения в Кыргызской Республике в 2024 г. составил 219,2 тыс. сомов [4].

В Бишкеке данный показатель достиг 568,7 тыс. сомов, то есть примерно в 2,6 раза превысил среднереспубликанский уровень [4]. В городе Ош показатель составил 189,8 тыс. сомов [4].

Таб 2. ВРП на душу населения в Бишкеке и Оше, 2020–2024 гг., тыс. сомов

Территория	**020**	**021**	**022**	**023**	**024**
Кыргызская Республика	5,1	14,3	46,3	87,9	19,2
г. Бишкек	33,2	92,4	70,1	15,3	68,7
г. Ош	09,6	24,1	65,7	05,5	89,8

Источник: составлено автором по данным НСК КР [4].

Как видно из таблицы 2, Бишкек значительно превосходит среднереспубликанский показатель. В 2020 г. ВРП на душу населения в столице составлял 233,2 тыс. сомов, а в 2024 г. достиг 568,7 тыс. сомов [4].

В городе Ош наблюдался иной характер динамики. После роста показателя с 109,6 тыс. сомов в 2020 г. до 205,5 тыс. сомов в 2023 г. в 2024 г. он снизился до 189,8 тыс. сомов [4].

Данная динамика показывает, что номинальный рост общего ВРП не всегда означает пропорциональное увеличение показателя на душу населения. На него влияют численность населения, структура производства, изменение цен и другие факторы.

Таким образом, при разработке городской экономической политики необходимо использовать комплекс показателей, а не ориентироваться исключительно на абсолютный объём ВРП.

Бишкек занимает особое место в экономической системе Кыргызской Республики. Высокая концентрация предприятий, организаций, банков, торговых компаний и образовательных учреждений формирует значительный агломерационный эффект.

В 2024 г. ВРП города достиг 744,0 млрд сомов, а темп его реального роста составил 15,8% [2; 3]. Доля столицы в общем объёме ВВП достигла 47,0% [2].

Структура ВРП Бишкека характеризуется значительной ролью услуг, торговли, строительства, транспорта и обрабатывающей промышленности [5].

Особенно важным элементом экономики столицы является малое и среднее предпринимательство. Высокая концентрация предприятий обеспечивает разнообразие товаров и услуг и способствует созданию рабочих мест.

Вместе с тем быстрый экономический рост сопровождается ростом нагрузки на городскую инфраструктуру. Основными проблемами являются:

- увеличение транспортных потоков;
- перегруженность отдельных участков дорожной сети;
- рост спроса на жильё;
- нагрузка на системы водоснабжения и канализации;
- увеличение объёма отходов;
- экологические проблемы;
- необходимость модернизации общественного транспорта;
- необходимость расширения инженерной инфраструктуры.

Следовательно, дальнейшее экономическое развитие Бишкека должно сопровождаться опережающим развитием транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Одновременно важной задачей является снижение чрезмерной концентрации экономической активности в столице за счёт создания и укрепления альтернативных центров экономического роста в других городах республики.

В этом контексте особое значение приобретает развитие города Ош, который является вторым по масштабам экономическим центром страны и играет ключевую роль в социально-экономическом развитии южного региона Кыргызской Республики.

Ош является важнейшим экономическим центром юга Кыргызской Республики. Город имеет развитые торговую, транспортную и сервисную функции, а также обладает значительным потенциалом в сфере переработки сельскохозяйственной продукции и развития малого предпринимательства [5]. Выгодное географическое положение и исторически сложившиеся торгово-экономические связи создают благоприятные предпосылки для дальнейшего развития города как регионального торгово-логистического и производственного центра.

В 2024 г. ВРП города составил 88,9 млрд сомов, а темп реального роста ВРП достиг 10,3% [2; 3].

При этом ВРП на душу населения в Оше в 2024 г. составил 189,8 тыс. сомов, что несколько ниже среднереспубликанского показателя в 219,2 тыс. сомов [4].

Экономический потенциал Оша связан с его географическим положением и исторической ролью торгового центра. Перспективными направлениями могут стать:

- развитие торгово-логистической инфраструктуры;
- переработка сельскохозяйственной продукции;
- лёгкая промышленность;
- туризм;
- общественное питание;
- транспортные услуги;
- цифровые услуги;
- развитие малого и среднего бизнеса.

Для повышения конкурентоспособности Оша необходимо совершенствовать городскую инфраструктуру, создавать новые рабочие места и стимулировать инвестиционную активность.

Промышленность является одним из основных факторов формирования устойчивой экономической базы города. Она способствует созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений и развитию смежных отраслей.

В 2025 г. объём промышленной продукции Кыргызской Республики достиг 799,7 млрд сомов, увеличившись на 10,6% по сравнению с предыдущим годом [7].

Наибольший рост был отмечен в производстве фармацевтической продукции, резиновых и пластмассовых изделий, строительных материалов, пищевой и химической продукции [7].

Строительство также стало одним из наиболее динамично развивающихся секторов. В 2025 г. его объём увеличился на 21,1% [7].

Для городов рост строительства имеет важное значение, поскольку он создаёт спрос на рабочую силу, строительные материалы, транспортные услуги и финансовые ресурсы.

Однако строительная активность должна осуществляться на основе комплексного градостроительного планирования. Рост жилищного фонда должен сопровождаться развитием школ, детских садов, дорог, общественного транспорта и инженерных сетей.

Проведённый анализ позволяет выделить следующие основные проблемы:

1. Высокая концентрация экономики в Бишкеке. На столицу приходится 47% ВВП страны [2].
2. Территориальные диспропорции**.** ВРП на душу населения в Бишкеке в 2024 г. составлял 568,7 тыс. сомов, тогда как в Оше — 189,8 тыс. сомов [4].
3. Инфраструктурные ограничения. Экономический и демографический рост требует ускоренной модернизации транспортной и коммунальной инфраструктуры.
4. Недостаточная диверсификация экономики отдельных городов.
5. Ограниченные финансовые возможности муниципалитетов.
6. Необходимость повышения инвестиционной привлекательности.
7. Экологические проблемы крупных городов.
8. Дефицит квалифицированных кадров в отдельных секторах экономики.

Для решения указанных проблем целесообразно реализовать комплекс следующих мер:

- развитие полицентрической модели пространственного развития;
- создание новых региональных центров экономического роста;
- развитие индустриальных и логистических зон;
- поддержка малого и среднего бизнеса;
- расширение государственно-частного партнёрства;
- цифровизация муниципального управления;
- повышение эффективности использования муниципальной собственности;
- развитие человеческого капитала;
- модернизация общественного транспорта;
- внедрение экологически устойчивых технологий.

Особое значение имеет создание условий для развития городов за пределами Бишкека. Более равномерное распределение экономической активности позволит снизить чрезмерную нагрузку на столицу, уменьшить территориальные диспропорции и одновременно создать новые рабочие места и дополнительные источники экономического роста в регионах. В этой связи реализация предложенных направлений должна рассматриваться как важная составляющая долгосрочной политики устойчивого пространственного развития Кыргызской Республики.

Проведённый анализ показывает, что экономическое состояние городов Кыргызской Республики в последние годы в целом характеризуется положительной динамикой, однако одновременно сохраняются значительные пространственные различия. Экономический рост сопровождается как расширением производственной и предпринимательской активности, так и усилением нагрузки на городскую инфраструктуру, что обусловливает необходимость комплексного подхода к дальнейшему развитию городских территорий.

В 2024 г. реальный рост ВВП Кыргызской Республики составил 11,5% [1]. Наиболее высокий темп роста ВРП среди рассматриваемых городов был зарегистрирован в Бишкеке — 15,8%, в Оше — 10,3% [2].

ВРП Бишкека в текущих ценах увеличился с 251,3 млрд сомов в 2020 г. до 744,0 млрд сомов в 2024 г. [3]. ВРП Оша за аналогичный период вырос с 36,4 млрд до 88,9 млрд сомов [3].

При этом Бишкек сохраняет доминирующее положение в национальной экономике. В 2024 г. доля столицы в ВВП страны составила 47,0% [2].

Показатель ВРП на душу населения также демонстрирует существенные различия. В 2024 г. он составлял 568,7 тыс. сомов в Бишкеке и 189,8 тыс. сомов в Оше при среднем показателе по республике 219,2 тыс. сомов [4].

Таким образом, основная проблема современной городской экономики Кыргызстана заключается не в отсутствии экономического роста, а в его пространственной неоднородности.

В перспективе необходимо перейти от преимущественно концентрированной модели экономического развития к более сбалансированной полицентрической модели. Для этого необходимо поддерживать развитие Оша и других городов, создавать индустриальные и логистические зоны, расширять инвестиционную деятельность, поддерживать предпринимательство и модернизировать инфраструктуру.

Особое внимание следует уделить качеству муниципального управления. Эффективное использование земельных ресурсов, муниципального имущества и бюджетных средств может стать важным фактором повышения экономической самостоятельности городов.

В целом перспективы городского развития Кыргызской Республики связаны с диверсификацией экономики, цифровизацией, развитием человеческого капитала, модернизацией инфраструктуры и переходом к экологически устойчивой модели роста.

Список использованной литературы

1. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Нацстатком завершил уточненные расчеты ВВП за 2024 год [Электронный ресурс]. — Бишкек, 2025. — Режим доступа: официальный сайт НСК КР. — Дата обращения: 28.08.2026.
2. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Нацстатком завершил расчеты валового регионального продукта за 2024 год [Электронный ресурс]. — Бишкек, 2025. — Дата обращения: 28.08.2026.
3. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Валовой региональный продукт (ВРП) в текущих ценах: открытые данные [Электронный ресурс]. — Бишкек. — Дата обращения: 28.08.2026.
4. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Валовой региональный продукт на душу населения: открытые данные [Электронный ресурс]. — Бишкек. — Дата обращения: 28.08.2026.
5. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Валовой региональный продукт по видам экономической деятельности в текущих ценах: открытые данные [Электронный ресурс]. — Бишкек. — Дата обращения: 28.08.2026.
6. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Статистический ежегодник Кыргызской Республики. — Бишкек: НСК КР, 2025.
7. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. По итогам 2025 года рост ВВП составил 11,1 процента [Электронный ресурс]. — Бишкек, 2026. — Дата обращения: 28.08.2026.
8. Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления». — Бишкек.
9. World Bank. Kyrgyz Republic: Country Economic Memorandum. — Washington, D.C.: World Bank.
10. UN-Habitat. World Cities Report. — Nairobi: United Nations Human Settlements Programme.
11. Asian Development Bank. Asian Development Outlook: Kyrgyz Republic. — Manila: Asian Development Bank.

Рецензент:к.э.н.,доцент Койчиева Ж.Ж.

УДК 614:502.131.1

Кемелдинова Ж.М., Токторбаева К.А.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Кемелдинова Ж.М., Токторбаева К.А.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kemeldinova J.M., Toktorbaeva K.A.
KNU Jusup Balasagyn

ТУРУКТУУ ӨНҮГҮҮ МАКСАТТАРЫНЫН АДАМДЫН ДЕН СООЛУГУНА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ
ВЛИЯНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА
THE IMPACT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS ON HUMAN HEALTH

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Туруктуу өнүгүү максаттарынын (ТӨМ) адамдын ден соолугуна тийгизген таасири каралат. Өзгөчө ТӨМдүн 3-максатына — бардык курактагы адамдар үчүн сергек жашоону камсыз кылууга жана бакубаттуулукту жогорулатууга — көңүл бурулат. Ден соолук жакырчылык, билим берүү, таза суу жана санитария, тамактануу, айлана-чөйрөнүн абалы, климаттын өзгөрүшү жана социалдык теңсиздик сыяктуу факторлор менен тыгыз байланышта экени талданат. ТӨМдү ишке ашыруу оорулардын алдын алууга, медициналык жардамдын жеткиликтүүлүгүн кеңейтүүгө, жашоо сапатын жакшыртууга жана ден соолуктагы теңсиздикти азайтууга өбөлгө түзөт. Ден соолукту сактоо туруктуу өнүгүүнүн негизги шарттарынын бири катары каралат.

Аннотация: В статье рассматривается влияние Целей устойчивого развития (ЦУР) на здоровье человека. Особое внимание уделено ЦУР 3 — обеспечению здорового образа жизни и содействию благополучию для всех в любом возрасте. Анализируется взаимосвязь здоровья с бедностью, образованием, доступом к чистой воде и санитарии, питанием, состоянием окружающей среды, изменением климата и социальным неравенством.Показано, что реализация ЦУР способствует профилактике заболеваний, расширению доступности медицинской помощи, повышению качества жизни и сокращению неравенства в сфере здоровья. Сделан вывод о том, что здоровье населения является не только самостоятельной целью устойчивого развития, но и необходимым условием достижения большинства других ЦУР.

Abstract: The article examines the impact of the Sustainable Development Goals (SDGs) on human health. Particular attention is paid to SDG 3, which aims to ensure healthy lives and promote well-being for all at all ages. The paper analyzes the relationship between health and poverty, education, access to safe water and sanitation, nutrition, environmental conditions, climate change, and social inequality. The implementation of the SDGs contributes to disease prevention, improved access to health services, better quality of life, and reduced health inequalities. The article emphasizes that population health is not only an independent objective of sustainable development but also an essential condition for achieving most other SDGs. A comprehensive and multisectoral approach to health protection is required at national and international levels.

Негизги сөздөр: туруктуу өнүгүү максаттары; адамдын ден соолугу; коомдук саламаттык сактоо; бакубаттуулук; медициналык жардам; социалдык теңсиздик; айлана-чөйрө; климаттын өзгөрүшү.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития; здоровье человека; общественное здравоохранение; благополучие; медицинская помощь; социальное неравенство; окружающая среда; изменение климата.

Keywords: Sustainable Development Goals; human health; public health; well-being; health care; social inequality; environment; climate change

В современном мире здоровье человека является одним из важнейших показателей социального и экономического развития государства. На состояние здоровья влияет не только качество медицинской помощи, но и условия жизни человека, уровень доходов, образование, качество питания, состояние окружающей среды, условия труда и доступность социальных услуг. Всемирная организация здравоохранения рассматривает данные факторы как социальные детерминанты здоровья, которые оказывают существенное влияние на продолжительность и качество жизни населения [4, с. 1–3]. Поэтому охрана здоровья должна рассматриваться не только как задача медицинской системы, но и как важнейшее направление государственной социальной политики.

В 2015 году государства — члены Организации Объединённых Наций приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Документ включает 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, направленных на обеспечение экономического, социального и экологического развития общества [1, с. 1–2]. Данные цели ориентированы на формирование условий, при которых экономический рост сочетается с социальной справедливостью, защитой окружающей среды и повышением качества жизни населения.

Особое значение для охраны здоровья имеет ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие», предусматривающая обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию людей всех возрастов [1, с. 18]. Данная цель охватывает широкий круг вопросов, включая снижение смертности, профилактику заболеваний, обеспечение доступности медицинской помощи, улучшение репродуктивного здоровья и повышение общего уровня благополучия населения. Вместе с тем здоровье связано практически со всеми другими целями устойчивого развития. Например, ликвидация бедности, обеспечение качественного образования, доступ к чистой воде и санитарии, борьба с изменением климата и создание устойчивых городов непосредственно влияют на состояние здоровья населения [3, с. 1–2].

Таким образом, достижение высокого уровня здоровья населения невозможно без комплексного развития общества. Улучшение медицинской инфраструктуры должно сопровождаться сокращением социального неравенства, повышением уровня образования, созданием безопасных условий труда и проживания, обеспечением качественного питания и защитой окружающей среды. Именно поэтому ЦУР необходимо рассматривать как взаимосвязанную систему, в которой достижение одной цели способствует реализации других.

Особенно актуальным данный подход является для развивающихся стран, где социально-экономические условия могут существенно влиять на доступ населения к медицинским услугам. Для Кыргызской Республики реализация ЦУР имеет важное значение, поскольку улучшение здоровья населения связано с повышением качества человеческого капитала, экономической активности и социальной стабильности. В связи с этим комплексная политика в данной сфере должна быть направлена не только на лечение уже существующих заболеваний, но и на их предупреждение, формирование здорового образа жизни и создание благоприятной среды для жизни населения.

Важную роль в реализации такого подхода играет непосредственно ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие». Она включает комплекс взаимосвязанных задач, направленных на снижение смертности и заболеваемости, улучшение репродуктивного здоровья, борьбу с инфекционными и неинфекционными заболеваниями, обеспечение всеобщего охвата медицинскими услугами и повышение безопасности окружающей среды [1, с. 18–19]. Таким образом, данная цель охватывает не только вопросы организации медицинской помощи, но и более широкий круг факторов, определяющих здоровье и благополучие населения.

Одним из главных направлений является снижение материнской и детской смертности. Повестка дня до 2030 года предусматривает дальнейшее сокращение материнской смертности и предотвращение предотвратимой смертности новорождённых и детей в возрасте до пяти лет [1, с. 18]. Для достижения этих целей необходимо обеспечивать женщинам доступ к качественной

медицинской помощи во время беременности и родов, а детям — своевременную профилактику и лечение заболеваний.

Другим важным направлением является борьба с неинфекционными заболеваниями. Сердечно-сосудистые заболевания, онкологические заболевания, сахарный диабет и хронические болезни органов дыхания являются значимыми причинами преждевременной смертности. ЦУР 3 предусматривает снижение преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения, а также содействие психическому здоровью и благополучию [1, с. 19].

Профилактика имеет особое значение, поскольку многие факторы риска связаны с образом жизни человека. Курение, недостаточная физическая активность, нездоровое питание и вредное употребление алкоголя способны повышать риск развития хронических заболеваний. Поэтому государственная политика должна быть направлена не только на лечение, но и на формирование условий для здорового образа жизни.

Здоровье человека тесно связано с его социально-экономическим положением. Бедность может ограничивать возможности приобретения качественных продуктов питания, получения образования, доступа к медицинским услугам и проживания в безопасных условиях. ВОЗ отмечает, что социально-экономическое положение, образование, жильё и условия труда являются важнейшими детерминантами здоровья [4, с. 1–3]. Следовательно, улучшение здоровья населения требует не только развития системы здравоохранения, но и создания благоприятных социально-экономических условий.

Именно поэтому важное место среди Целей устойчивого развития занимает ЦУР 1 «Ликвидация нищеты». Данная цель оказывает косвенное, но существенное влияние на здоровье населения, поскольку сокращение бедности способствует улучшению условий жизни, питания, жилищных условий и доступа к необходимым социальным и медицинским услугам. Чем выше уровень материального благополучия населения, тем больше возможностей у людей заботиться о своём здоровье и своевременно обращаться за медицинской помощью.

Наряду с экономическим благополучием большое значение имеет уровень образования населения. В связи с этим особую роль играет ЦУР 4 «Качественное образование». Более высокий уровень образования способствует повышению медицинской грамотности населения и расширяет возможности человека принимать обоснованные решения относительно собственного здоровья. Образованный человек, как правило, лучше понимает значение профилактики, рационального питания, физической активности и своевременного обращения к специалистам. По данным ВОЗ, между уровнем образования и показателями здоровья существует выраженная взаимосвязь [4, с. 2].

Однако здоровье человека зависит не только от его доходов и уровня образования, но и от условий, в которых он работает. В этой связи важное значение имеет ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост». Безопасные условия труда, стабильная занятость, соблюдение трудовых прав и наличие социальной защиты позволяют снижать профессиональные риски и обеспечивать человеку более высокий уровень материального благополучия. Кроме того, создание безопасной рабочей среды способствует снижению производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Таким образом, ЦУР 1, ЦУР 4 и ЦУР 8 тесно взаимосвязаны с состоянием здоровья населения. Снижение бедности, повышение уровня образования и обеспечение достойных условий труда создают социальную основу для сохранения здоровья и повышения качества жизни. В свою очередь, здоровое население обладает более высокой трудоспособностью и образовательным потенциалом, что способствует дальнейшему социально-экономическому развитию государства.

Доступ к безопасной питьевой воде и санитарии является фундаментальным условием сохранения здоровья. ЦУР 6 направлена на обеспечение доступности воды и санитарии для всех. Отсутствие безопасной воды и надлежащих санитарных условий повышает риск распространения инфекционных заболеваний и негативно влияет на качество жизни населения [1, с. 20].

Большое значение имеет также ЦУР 2 «Ликвидация голода». Полноценное и сбалансированное питание необходимо для нормального физического и психического развития человека. Недостаток питательных веществ может ослаблять иммунную систему, повышать восприимчивость к заболеваниям и отрицательно влиять на развитие детей.

Одновременно чрезмерное употребление продуктов с высоким содержанием сахара, соли и насыщенных жиров способствует развитию неинфекционных заболеваний. Следовательно, политика в области продовольственной безопасности должна учитывать не только количество доступной пищи, но и её качество.

Состояние окружающей среды оказывает существенное влияние на здоровье населения. Загрязнение воздуха, воды и почвы может приводить к увеличению риска заболеваний органов дыхания, сердечно-сосудистой системы и других хронических состояний.

ЦУР 3 предусматривает существенное сокращение числа смертей и заболеваний, связанных с опасными химическими веществами, загрязнением воздуха, воды и почвы [1, с. 19]. Поэтому экологическая политика является одновременно важной частью политики общественного здравоохранения.

Устойчивое развитие городов также способно улучшить состояние здоровья населения. Развитие общественного транспорта, создание пешеходных зон, озеленение городских территорий и снижение загрязнения воздуха могут способствовать увеличению физической активности и уменьшению воздействия вредных факторов окружающей среды [3, с. 1–2].

Одним из наиболее серьёзных современных вызовов является изменение климата. Повышение температуры, волны жары, наводнения, засухи и другие экстремальные природные явления способны непосредственно влиять на здоровье людей. Кроме того, изменение климата влияет на продовольственную безопасность, качество воды, распространение инфекционных заболеваний и психическое здоровье [5, с. 1–2].

Особенно уязвимыми являются дети, пожилые люди, малообеспеченные группы населения и люди, проживающие в районах с ограниченным доступом к медицинской помощи. ВОЗ подчёркивает, что последствия изменения климата распределяются неравномерно и наиболее сильно затрагивают уязвимые группы населения [5, с. 1–2].

Таким образом, реализация ЦУР 13 «Борьба с изменением климата» имеет важное значение не только для защиты природы, но и для сохранения здоровья человека.

Одной из ключевых задач ЦУР 3 является достижение всеобщего охвата медицинскими услугами. Это означает, что каждый человек должен иметь возможность получать необходимые медицинские услуги без финансовых трудностей [1, с. 19].

Доступность медицинской помощи включает наличие медицинских учреждений, квалифицированного персонала, лекарственных препаратов, диагностических возможностей и финансовой защиты населения. Недостаточная доступность медицинской помощи может приводить к позднему выявлению заболеваний и увеличению риска осложнений.

Современные данные ВОЗ показывают, что прогресс в достижении связанных со здоровьем целей ЦУР остаётся неравномерным. Доклад *World Health Statistics 2026* содержит актуальные показатели по здоровью населения, включая продолжительность жизни, материнскую и детскую смертность, инфекционные и неинфекционные заболевания, охват медицинскими услугами и другие показатели ЦУР [6, с. 1–5].

Для Кыргызской Республики достижение ЦУР имеет важное значение в контексте повышения качества жизни населения. Развитие системы здравоохранения должно сопровождаться улучшением социальных и экологических условий жизни.

Особое внимание необходимо уделять профилактике неинфекционных заболеваний, укреплению первичной медико-санитарной помощи, повышению медицинской грамотности населения и доступности медицинских услуг в сельской местности. Одновременно необходимо

совершенствовать санитарную инфраструктуру, обеспечивать доступ населения к качественной питьевой воде и снижать воздействие экологических рисков.

Важным направлением является развитие цифровых технологий в здравоохранении. Телемедицина и электронные медицинские сервисы могут расширить доступ к консультациям и медицинской информации, особенно для населения, проживающего на значительном расстоянии от крупных медицинских учреждений.

Таким образом, Цели устойчивого развития оказывают комплексное влияние на здоровье человека. ЦУР 3 непосредственно направлена на обеспечение здоровой жизни и благополучия, однако её достижение невозможно без реализации других целей, связанных с ликвидацией бедности, обеспечением качественного образования, продовольственной безопасностью, чистой водой и санитарией, устойчивыми городами и борьбой с изменением климата.

Здоровье населения одновременно является результатом устойчивого развития и необходимым условием его достижения. Улучшение здоровья способствует повышению качества человеческого капитала, трудоспособности и социальной стабильности общества.

Для достижения поставленных целей необходимо перейти от преимущественно лечебного подхода к комплексной профилактике заболеваний и укреплению здоровья. Государственные органы, медицинские учреждения, образовательные организации и общество должны взаимодействовать при формировании безопасной и здоровой среды.

Особое значение для Кыргызстана имеют укрепление первичной медико-санитарной помощи, повышение доступности медицинских услуг, профилактика хронических заболеваний, улучшение экологических условий и сокращение социального неравенства. Реализация данных направлений будет способствовать достижению ЦУР и одновременно повышению продолжительности и качества жизни населения.

Список использованной литературы

1. Организация Объединённых Наций. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Нью-Йорк: ООН, 2015. 41 с.
2. United Nations. The Sustainable Development Goals Report 2025. New York: United Nations, 2025. 60 p.
3. World Health Organization. Sustainable development. Geneva: WHO, 2026.
4. World Health Organization. Social determinants of health. Geneva: WHO, 2025.
5. World Health Organization. Climate change and health. Geneva: WHO, 2026.
6. World Health Organization. World health statistics 2026: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. Geneva: WHO, 2026.
7. World Health Organization. World report on social determinants of health equity. Geneva: WHO, 2025. 248 p.
8. World Health Organization Regional Office for Europe. Climate change and health: fact sheet on Sustainable Development Goals: health targets. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2018.
9. World Health Organization. Key policies for addressing the social determinants of health and health inequities. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2017. 52 p.
10. United Nations Development Programme. Sustainable Development Goals. New York: UNDP, 2025.

Рецензент:к.э.н.,доцент Койчиева Ж.Ж.

УДК: 336.71

Макембаева Р.Б., Ержанова Ш.Д.
Жусуп Баласагына атындагы КУУ
Макембаева Р.Б., Ержанова Ш. Д.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Makembaeva R.B., Erzhanova Sh. J.
KNU Jusup Balasagyn

КРЕДИТТИК МАМИЛЕЛЕРДИН ӨНҮГҮШҮНҮН ТЕОРИЯЛЫК ЖАНА ТАРЫХЫЙ АСПЕКТИЛЕРИ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CREDIT RELATIONS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макалада социалдык-экономикалык системалардын трансформацияланышы шартында маанилүү экономикалык категория катары кредиттик мамилелердин өнүгүшүнүн теориялык жана тарыхый аспектилери каралат. Кредиттин маңызы жана мазмуну позициясынан «кредит» жана «кредиттик мамилелер» түшүнүктөрүн ажыратууга өзгөчө көңүл бурулуп, алардын түзүмдүк жана функционалдык компоненттерине талдоо жүргүзүлгөн. Кредиттик мамилелерди изилдөөнүн көп аспектилүү ыкмасы ачылып, анда маңыздык жана функционалдык талдоо деңгээлдери камтылган. Кредиттөөнүн формаларынын товардык формадан акчалай жана санариптик формага өтүү эволюциясы көрсөтүлгөн. Кыргыз Республикасында экономиканын санариптешүүсү шартында банктык кредиттөөнүн өнүгүүсүнүн учурдагы тенденциялары, ошондой эле алыстан банктык технологиялардын кредиттик ресурстарга жеткиликтүүлүктү кеңейтүүгө жана банктык системанын туруктуулугун жогорулатууга тийгизген таасири талданган.

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и исторические аспекты развития кредитных отношений как важнейшей экономической категории в условиях трансформации социально-экономических систем. Особое внимание уделено разграничению понятий «кредит» и «кредитные отношения» с позиций сущности и содержания кредита, а также анализу их структурных и функциональных компонентов. Раскрывается многоаспектный подход к исследованию кредитных отношений, включающий сущностный и функциональный уровни анализа. Показана эволюция форм кредитования от товарной к денежной и цифровой. Проанализированы современные тенденции развития банковского кредитования в Кыргызской Республике в условиях цифровизации экономики, а также влияние дистанционных банковских технологий на расширение доступа к кредитным ресурсам и повышение устойчивости банковской системы.

Abstract: The article examines the theoretical and historical aspects of the development of credit relations as a key economic category in the context of the transformation of socio-economic systems. Special attention is paid to distinguishing the concepts of “credit” and “credit relations” from the standpoint of the essence and content of credit, as well as to the analysis of their structural and functional components. A multi-aspect approach to the study of credit relations is revealed, including essential and functional levels of analysis. The evolution of forms of lending from commodity to monetary and digital forms is demonstrated. Current trends in the development of bank lending in the Kyrgyz Republic in the context of economic digitalization are analyzed, along with the impact of remote banking technologies on expanding access to credit resources and enhancing the stability of the banking system.

Негизги сөздөр: кредит, кредиттик мамилелер, кредиттин маңызы, кредиттин мазмуну, банктык кредиттөө, санариптештирүү, алыстан кредиттөө, коммерциялык банктар, финансылык туруктуулук, Кыргыз Республикасы.

Ключевые слова: кредит, кредитные отношения, сущность кредита, содержание кредита, банковское кредитование, цифровизация, дистанционное кредитование, коммерческие банки, финансовая устойчивость, Кыргызская Республика.

Keywords: credit, credit relations, essence of credit, content of credit, bank lending, digitalization, remote lending, commercial banks, financial stability, Kyrgyz Republic.

Историческое развитие общества носит нелинейный характер и сопровождается периодами глубоких социально-экономических трансформаций. В жизни отдельных индивидов, социальных групп и государств периодически происходят качественные переломы, в ходе которых изменяются устоявшиеся формы хозяйствования, трансформируются ценностные ориентиры и пересматриваются ранее сложившиеся экономические отношения. В такие переходные периоды перед обществом и его экономическими субъектами особенно остро встаёт задача обеспечения финансовой устойчивости и экономической стабильности.

В условиях структурных изменений возрастает роль финансовых институтов, прежде всего кредита, как инструмента перераспределения временно свободных денежных средств и поддержания непрерывности воспроизводственного процесса. Кредитные механизмы способствуют адаптации экономических субъектов к изменяющимся условиям хозяйствования, снижению негативных последствий экономической нестабильности и формированию устойчивых источников финансирования.

В экономической литературе, посвящённой теории кредита, как правило, не проводится чёткого разграничения между категориями «кредит» и «кредитные отношения». Подобное отождествление имеет методологическое обоснование лишь в том случае, если кредит рассматривается с позиции его сущности. Категория «сущность» отражает систему экономических отношений, возникающих между субъектами кредитования, а именно их глубинный, первичный уровень.

В то же время при рассмотрении кредита как экономической категории с точки зрения его содержания различие между понятиями «кредит» и «кредитные отношения» становится более очевидным. Содержание кредита охватывает совокупность форм, методов, инструментов и условий его функционирования, тогда как кредитные отношения представляют собой систему взаимодействий между кредитором и заёмщиком, возникающих в процессе движения ссудного капитала. Таким образом, разграничение данных категорий позволяет более полно раскрыть экономическую природу кредита и его роль в современной финансовой системе.

В философской литературе категория «содержание» трактуется как единство определенным образом упорядоченной совокупности элементов и процессов. [1] Под процессами обычно понимают взаимодействие его элементов, внутреннее движение. Движение как атрибут материи, способ ее существования находит отражение в ряде категорий диалектики: связь, взаимодействие, отношение, в которых последняя выражает, по мнению философов, саму суть движения, раскрывая противоречивый характер. [2] Следовательно, сущность кредита заключается в кредитных отношениях и как как конституирующая их основа входит в его содержание.

В свете изложенного материала соотношение между категориями «сущность» и «содержание» кредита представляется следующим образом. *Сущность кредита есть ядро, основа его содержания.* Тогда содержание кредита в самом общем плане представляет собой развитую в конкретное целое его сущности. Поэтому оно «содержание» богаче и конкретнее сущности. В связи с этим содержание кредита является, самой емкой и всеобъемлющей категорий теории кредита. Наиболее его крупными компонентами выступают:

1) Кредитные отношения

2) Их материальный носитель (ссудный фонд)

3) Субъекты кредитных отношений. [3 с. 33-38]

В исследовании кредитных отношений используются различные подходы, в частности одноаспектный и многоаспектный. Одноаспектный подход отражает исследование кредитных отношений только с позиции сущности кредита является традиционным и наиболее распространенным в экономической литературе. Именно на его основе и развивалась теория кредита.

Многоаспектный подход основывается на представлении о многогранности и многослойности кредитных отношений. Оно опирается на методологию К. Маркса, использованную им при исследовании производственных отношений капитализма, которая рассматривается в единстве их развития и функционирования.

Кредитные отношения не могут быть сведены их сущностному слою. Он неизбежно порождает и производные от него более конкретные отношения функционирования, использования законов кредита, то есть функциональный слой кредитных отношений. Сущностный и функциональный слой находятся в тесном неразрывном единстве и взаимосвязи и в целом составляют сложную внутренне субординированную систему кредитных отношений. Но в рамках этого единства данные аспекты анализа относительно самостоятельны и каждый из них имеет вое определенное назначение.

Сущностный аспект призван раскрыть качественную особенность кредита, его важные связи и законы развития, отграничить кредит как целое от других тесно взаимосвязанных с ним сфер экономических отношений. Сущностный слой кредитных отношений несет в себе законы развития и движения кредита, воплощает его абстрактное качество. Именно он дает внутренний импульс развития кредитным отношениям. Этот слой кредитных отношений отображается системой взаимосвязанных категорий: сущность, законы, свойства, функции и роль кредита. При этом сущность дает обобщенное, абстрактное, синтезированное представление о кредите как целом. Познание внутренних связей, лежащих в самой сущности, позволяет выявить законы кредита, определяющие его развитие. Изучение свойств, являющихся внешними проявлениями сущности, дает возможность раскрыть специфику кредита, в которой действуют его законы. Исследование функций означает познание процесса использования и реализации свойств кредита в данной системе производственных отношений.

Известно, что в методологии К. Маркса категория «свойство» играет важную роль и является отправной точкой его анализа основных экономических категорий, в том числе и кредита. [4] Для изучения всей совокупности кредитных отношений необходимым является рассмотрение свойств кредита. именно в них раскрывается специфика кредита как особой стоимостной категории. Например, банковский кредит как экономическая категория обладает рядом существенных свойств**,** без которых его существование невозможно:

1. Возвратность — способность кредита обеспечивать обязательное возвращение ссуженной стоимости кредитору после завершения ее использования.

2. Сохранность ссудной стоимости — способность кредита сохранять материальный носитель кредитных отношений (ссудный капитал) на протяжении всего срока его движения и использования заемщиком.

3. Платность (процентность) — способность кредита приносить доход кредитору в форме процента за временное пользование ссуженной стоимостью. [3 с.42-46].

Совокупность указанных свойств отражает сущность банковского кредита и отличает его от иных форм движения стоимости. Кредит существует лишь при наличии всех перечисленных свойств, связанных между собой и действующих в рамках объективных законов кредита.

Характерные особенности функционального слоя кредитных отношений заключается в следующем.

Во-первых, он неразрывно связан с сущностным слоем, произведен от него и является конкретным носителем представителем последнего в единой системе эконмических связей.

Во- вторых, посредством функционального слоя достигается сохранение и повседневное воспроизведение качественной определенности сущностного слоя, без чего невозможно само существование кредита.

В-третьих, функциональный слой обеспечивает конкретное использование кредитных отношений, их практическое действие. В отличие от сущностного, чисто объективного слоя функциональный слой кредитных отношений соединяет в себе объективные и субъективные начала.

Теоретические аспекты кредитных отношений тесно переплетаются с историческим развитием общества. Так, если при возникновении кредитных отношений они носили товарную форму, когда земледельцы брали скот или землю под залог будущего урожая. С течением времени формы кредитов менялись, участники кредитной сделки стали отдавать предпочтение денежной форме. Вместе с тем формы взыскания долгов тоже изменились за место от продажи в рабство за долги до защиты прав заемщиков. В кредитных отношениях между его участниками модифицировалась сама оплата в денежной форме, как при получении, так и при погашении денежной ссуды. Кредитная сделка стала осуществляться как в режиме офлайн, так и онлайн. Мы остановимся на особенностях кредитования в режиме онлайн.

В настоящее время во всём мире, в том числе и в банковском секторе Кыргызской Республики, активно развивается дистанционное кредитование с использованием мобильных приложений и интернет-банкинга. Рост популярности данного вида кредитования обусловлен прежде всего увеличением числа пользователей мобильных устройств и цифровых банковских сервисов.

В Кыргызстане коммерческие банки предоставляют онлайн-кредиты через собственные мобильные приложения (например, MBANK) и официальные веб-сайты, обеспечивая быстрое оформление без необходимости посещения банковского отделения, но при строгом соблюдении лимитов, установленных Национальным банком Кыргызской Республики.

В случае, если потенциальный заёмщик оформляет кредит на сумму свыше 100 000 сомов, со стороны банка осуществляется телефонный звонок и проводится дополнительная проверка кредитной истории клиента. Для получения кредита через мобильное приложение заёмщик заполняет онлайн-заявку на цифровых платформах банков.

В настоящее время такие банки, как МБанк, О!Банк, Демир Банк, КИКБ, Оптима Банк, Айыл Банк и другие, предлагают данный банковский продукт. Каждый банк формирует собственную линейку кредитных продуктов, которые отличаются условиями, сроками, процентными ставками и требованиями к заёмщикам.

Следовательно, кредитные отношения между субъектами кредитования возникают только при взаимном согласии сторон и удовлетворении установленных условий. Отдельные банки начали предлагать продукты с экологической и социальной направленностью. Банк «БайТушум» реализовал пилотные программы «зелѐных» кредитов, направленных на повышение энергоэффективности в жилищном строительстве и поддержку возобновляемых источников энергии. [5]

Переход Кыргызской Республики к цифровой экономике существенно расширил возможности и функциональные границы банковского кредитования, способствуя модернизации финансового сектора и повышению доступности кредитных ресурсов для населения и бизнеса. Цифровизация банковских услуг позволила коммерческим банкам оптимизировать процессы выдачи кредитов, сократить операционные издержки и ускорить принятие кредитных решений, что положительно отразилось на динамике кредитной активности в стране.

Согласно данным годового отчёта Национального банка Кыргызской Республики, в 2024 году на территории страны осуществляли деятельность 21 коммерческий банк, из которых 11 банков функционировали с участием иностранного капитала. Наличие значительной доли банков с иностранным капиталом свидетельствует о повышении инвестиционной привлекательности банковского сектора Кыргызской Республики, а также о внедрении международных стандартов управления рисками и цифровых финансовых технологий.

Важным показателем устойчивости банковской системы является рост уставного капитала коммерческих банков. В 2024 году совокупный уставный капитал банковского сектора увеличился с 60,1 млрд сомов до 76,9 млрд сомов. Данная тенденция отражает укрепление финансовой базы банков, повышение их платёжеспособности и способности наращивать объёмы кредитования при одновременном соблюдении пруденциальных нормативов, установленных НБКР.

Рост кредитного портфеля коммерческих банков в 2024 году был обеспечен увеличением объёмов кредитования как в национальной, так и в иностранной валютах. Так, объём кредитов, выданных в национальной валюте, увеличился на 35,5 процента по сравнению с 2023 годом и достиг 272,4 млрд сомов. Одновременно объём кредитов в иностранной валюте вырос на 20,3 процента, составив 68,4 млрд сомов. [6] Данные показатели свидетельствуют о повышении доверия заёмщиков к национальной валюте, а также о расширении кредитной активности в условиях цифровой трансформации банковских услуг.

Цифровизация экономики и укрепление финансовых показателей банковского сектора способствуют устойчивому развитию кредитных отношений в Кыргызской Республике, расширяя доступ к кредитным ресурсам и повышая эффективность функционирования банковской системы в целом. Цифровизация финансовых услуг не только расширила доступ к банковским продуктам, но и способствовала росту объёмов кредитования за счёт повышения скорости, удобства и прозрачности финансовых операций.

В данных условиях конкуренция между коммерческими банками всё в большей степени определяется масштабами их клиентской базы. Чем больше физических и юридических лиц обслуживаются в конкретном банке и осуществляют расчётно-платёжные операции посредством цифровых каналов, тем выше совокупный объём платежей, проходящих через его платёжную инфраструктуру. Это, в свою очередь, способствует укреплению ресурсной базы банков.

Рост объёмов электронных платежей приводит к увеличению активов и пассивов коммерческих банков, что непосредственно отражается на их финансовых результатах. Расширение клиентской базы в условиях цифровой экономики создаёт предпосылки для увеличения доходов банковского сектора, в том числе за счёт активизации кредитной деятельности и роста комиссионных доходов.

Проведённый анализ теоретических и исторических аспектов развития кредитных отношений позволяет сделать вывод о том, что кредит является одной из ключевых экономических категорий, обеспечивающих финансовую устойчивость и непрерывность воспроизводственного процесса в условиях структурных и цифровых трансформаций экономики. Его сущность проявляется через систему кредитных отношений между субъектами, тогда как содержание кредита охватывает более широкий круг элементов, включая формы, методы и инструменты его функционирования

Разграничение категорий «кредит» и «кредитные отношения» является методологически обоснованным и позволяет более глубоко раскрыть экономическую природу кредита. Сущностный и функциональный слои кредитных отношений находятся в тесном единстве, при этом функциональный слой обеспечивает практическую реализацию законов кредита и соединяет объективные и субъективные начала экономических процессов

Историческая эволюция кредитных отношений свидетельствует о переходе от товарной формы кредита к денежной и далее — к цифровым формам кредитования. Современный этап характеризуется активным развитием дистанционного банковского кредитования, основанного на использовании мобильных приложений и интернет-банкинга, что значительно расширяет доступ экономических субъектов к финансовым ресурсам

В условиях цифровизации экономики Кыргызской Республики банковский сектор демонстрирует устойчивый рост, выражающийся в увеличении уставного капитала и кредитного портфеля коммерческих банков. Это свидетельствует о повышении финансовой устойчивости банковской системы, росте доверия к национальной валюте и положительном влиянии цифровых финансовых технологий на развитие кредитных отношений

Таким образом, кредитные отношения в цифровой экономике выступают важным фактором адаптации экономических субъектов к современным условиям хозяйствования, способствуют укреплению банковской системы и формированию устойчивых источников финансирования экономического развития.

Список использованной литературы

1. Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. -Политиздат, 1980. С.333-334.
2. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношения как философские категории. Томск, 1977. С.138.
3. Лаврушин О. И. Кредит и банки: учебник для вузов / О. И. Лаврушин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2016. С.33-38. С. 42-46.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.т.25, ч.1. С.384, 419.
5. Ахунбаев А.С., Адамкулова Ч.У., Береналиев И.Т., Дуйшеналиева З.Т., Акылбекова Н.И. Пути устойчивого развития банковского сектора Кыргызстана через интеграцию ESG // Вестник КНУ им.Ж.Баласагына, 2025, №4, с.361.
6. Годовой отчет НБКР за 2024 год. Бишкек -2025. С.36.

Рецензент: д.э.н., профессор Есеналиева Б.Б.

УДК 35.077.3:352.07 (575.2)

Ожукеева Токонай Ожукеевна; Жапаров Турдубек Турдалиевич, Болпонова Асыл Бакытбековна, Эсенбаев Азис Эркинбекович

Ожукеева Токонай Ожукеевна, Жапаров Турдубек Турдалиевич , Болпонова Асыл Бакытбековна, Эсенбаев Азис Эркинбекович

Академия государственного управления при Президенте КР им Ж.Абдырахманова

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ПРЕЗИДЕНТТИН ЖАНА МИНИСТРЛЕР КАБИНЕТИНИН ЧЕЧИМДЕРИН ЖЕРГИЛИКТҮҮ АТКАРУУ БИЙЛИК ОРГАНДАРЫНЫН ДЕҢГЭЭЛИНДЕ АТКАРУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУН ЖОГОРУЛАТУУНУН КОМПЛЕКСТҮҮ МОДЕЛИН ИШТЕП ЧЫГУУ

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕЛИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА И КАБИНЕТА МИНИСТРОВ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА УРОВНЕ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

DEVELOPING A COMPREHENSIVE MODEL TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTING DECISIONS OF THE PRESIDENT AND THE CABINET OF MINISTERS OF THE KYRGYZ REPUBLIC AT THE LOCAL EXECUTIVE AUTHORITY LEVEL

Кыскача мүнөздөмө: Макалада Кыргыз Республикасынын Президентинин жана Министрлер Кабинетинин чечимдерин жергиликтүү аткаруу бийлигинин органдары тарабынан аткаруунун натыйжалуулугун жогорулатуунун жаңы комплекстүү уюштуруучулук-укуктук модели иштелип чыкты. Мамлекеттик жана муниципалдык башкаруунун заманбап системасын талдоонун негизинде аткаруучулук тартиптин жетишсиздигинин негизги себептери аныкталып, контролдоонун жана натыйжалуулукту баалоонун колдонулуп жаткан механизмдери изилденди, ошондой эле чечимдердин аткарылышын башкаруунун укуктук, уюштуруучулук, санариптик, кадрдык, мотивациялык жана аналитикалык компоненттерди камтыган интеграцияланган модели сунушталды. Изилдөөлөрдүн негизинде мамлекеттик башкаруунун ачыктыгын жогорулатууга, санариптик мониторингди, натыйжалуулуктун негизги көрсөткүчтөрүнүн (KPI) системасын, жетекчилердин жеке

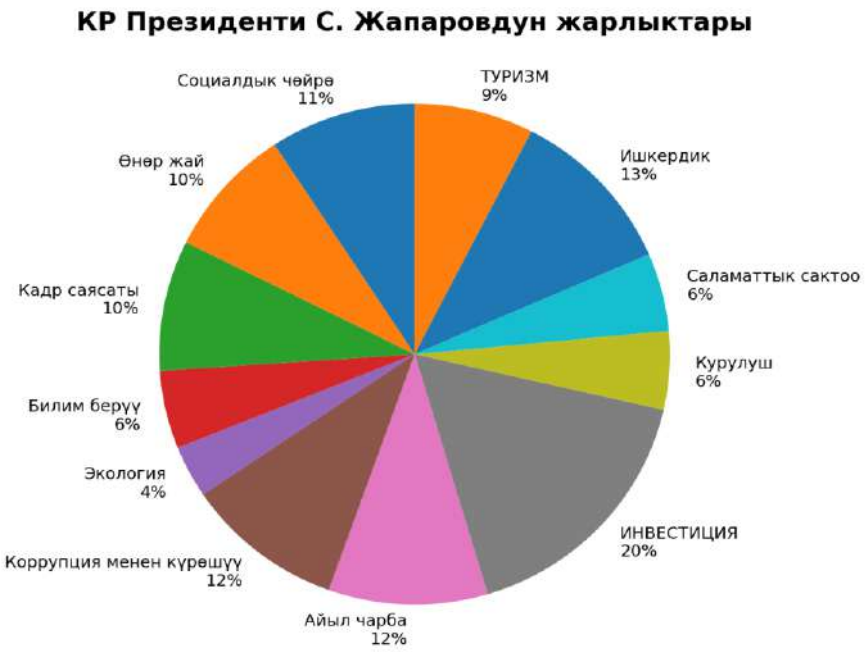
жоопкерчилигин жана мамлекеттик чечимдердин аткарылышын тобокелдикке багытталган контролдоону киргизүүгө багытталган модель сунушталат.
Аннотация: В статье разработана новая комплексная организационно-правовая модель повышения эффективности исполнения решений Президента Кыргызской Республики и Кабинета Министров Кыргызской Республики органами местной исполнительной власти. На основе анализа современной системы государственного и муниципального управления определены основные причины недостаточной исполнительской дисциплины, исследованы действующие механизмы контроля и оценки эффективности. Предложена интегрированная модель управления исполнением решений, включающая правовой, организационный, цифровой, кадровый, мотивационный и аналитический компоненты. На основе проведённого исследования разработана модель, направленная на повышение прозрачности государственного управления, внедрение цифрового мониторинга, системы ключевых показателей эффективности (KPI), персональной ответственности руководителей и риск-ориентированного контроля исполнения государственных решений.
Abstract: The article develops a new comprehensive organizational and legal model aimed at improving the effectiveness of implementing decisions of the President of the Kyrgyz Republic and the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic by local executive authorities. Based on an analysis of the modern system of public and municipal administration, the study identifies the main causes of insufficient executive discipline and examines existing mechanisms for monitoring and evaluating performance. An integrated model for managing the implementation of decisions is proposed, incorporating legal, organizational, digital, human resources, motivational, and analytical components. Based on the research findings, the model is designed to enhance transparency in public administration, introduce digital monitoring and a system of key performance indicators (KPIs), strengthen the personal accountability of managers, and implement risk-based control over the execution of government decisions.

Негизги сөздөр: мамлекеттик башкаруу, Кыргыз Республикасынын Президенти, Министрлер Кабинети, жергиликтүү мамлекеттик администрациялар, аткаруучулук тартип, санариптик мониторинг, KPI, мамлекеттик контроль, башкаруунун натыйжалуулугу.

Ключевые слова: государственное управление, Президент Кыргызской Республики, Кабинет Министров, местные государственные администрации, исполнительская дисциплина, цифровой мониторинг, KPI, государственный контроль, эффективность управления.

Keywords: public administration, President of the Kyrgyz Republic, Cabinet of Ministers, local state administrations, executive discipline, digital monitoring, key performance indicators (KPIs), state control, management effectiveness.

Кыргыз Республикасынын мамлекеттик башкаруусунун заманбап моделин калыптандыруунун шарттарында Кыргыз Республикасынын Президентинин жана Кыргыз Республикасынын Министрлер Кабинетинин чечимдеринин сапаттуу аткарылышынын маанисиқыйла жогорулайт. 2021-жылдагы конституциялык реформадан кийин аткаруу бийлигинин вертикалы кыйла күчөтүлүп, анын натыйжасында мамлекеттик чечимдерди региондук деңгээлде ишке ашыруунун натыйжалуулугу улуттук өнүгүү максаттарына жетишүүнүн негизги факторлорунун бири болуп калды.



Жүргүзүлүп жаткан реформаларга карабастан: айыл аймактарын кыскартууга багытталган жана алардын натыйжалуулугун жогорулатууга багытталган административдик-аймактык реформа жүргүзүлдү, ЖМАнын натыйжалуулугун баалоонун комплекстүү системасы (2026-жылдагы Методика) киргизилди, санариптештирүү («Түндүк», «Санарип аймак» АМС) активдүү өнүгүүдө, жергиликтүү мамлекеттик администрациялардын иш тажрыйбасы бир катар системалык көйгөйлөрдүн бар экендигин көрсөтүүдө:

- аткарылышын контролдоонун бирдиктүү системасынын жоктугу;
- мониторинг процесстеринин жетишсиз санариптештирилиши;
- ар кандай органдардын функцияларынын кайталанышы;
- аткарылышты баалоонун бирдиктүү критерийлеринин жоктугу;
- аткаруунун натыйжалары менен кадрдык чечимдердин ортосундагы байланыштын начардыгы;
- башкаруучулук чечимдерди аналитикалык жактан колдоонун жетишсиздиги.

Ушуга байланыштуу заманбап уюштуруучулук, санариптик жана укуктук инструменттерди бириктирген чечимдердин аткарылышын башкаруунун комплекстүү моделин иштеп чыгуу зарылдыгы келип чыгат.

Мамлекеттик башкаруу жаатындагы заманбап изилдөөлөр мамлекеттик чечимдердин аткарылышынын натыйжалуулугун өз ара байланышкан бир нече элементтердин жыйындысы катары карайт:

- ченемдик-укуктук жөнгө салуу;
- уюштуруучулук башкаруу;
- санариптик трансформация;
- адам ресурстарын башкаруу;
- стратегиялык пландаштыруу;
- натыйжаларга мониторинг жүргүзүү;
- натыйжалуулукту баалоо.

Эл аралык практика мамлекеттик башкаруунун эң ийгиликтүү системалары төмөнкү принциптердин негизинде түзүлөрүн көрсөтөт:

- санариптик мамлекет;
- натыйжалар боюнча башкаруу (Results-Based Management);
- долбоордук башкаруу;
- тобокелдиктерди башкаруу;
- үзгүлтүксүз мониторинг;

- жетекчилердин жеке жоопкерчилиги.

Кыргыз Республикасы жергиликтүү мамлекеттик администрациялардын ишин комплекстүү баалоонун элементтерин, анын ичинде 2024–2026-жылдары Министрлер Кабинетинин чечимдери менен бекитилген натыйжалуулукту баалоо методикаларын киргизүүдө. Сунушталып жаткан модель мамлекеттик чечимдердин аткарылышын башкаруунун интеграцияланган системасы болуп саналат.

Жергиликтүү деңгээлде Президенттин жана Министрлер Кабинетинин чечимдерин аткаруунун айланасында өз ара байланышкан алты блок түзүлөт.

Укуктук блок төмөнкүлөрдү камтыйт:

1) Кыргыз Республикасынын Конституциясы;
2) конституциялык мыйзамдар;
3) Президенттин жарлыктары;
4) Министрлер Кабинетинин токтомдору;
5) административдик регламенттер;
6) чечимдерди аткаруу стандарттары.

Блоктун негизги милдети: чечимдерди аткаруунун бирдиктүү милдеттүү жол-жоболорун түзүү.

Уюштуруучулук блок төмөнкүлөрдү камтыйт:

1) Президенттин Администрациясы;
2) Контролдоо башкармалыгы;
3) Министрлер Кабинети;
4) министрликтер;
5) Президенттин ыйгарым укуктуу өкүлдөрү;
6) жергиликтүү мамлекеттик администрациялар;
7) мамлекеттик органдардын аймактык бөлүмдөрү.

Милдеттери: жоопкерчиликти бөлүштүрүү; аракеттерди координациялоо; аткаруу мөөнөттөрүн контролдоо; функциялардын кайталанышын жоюу.

Санариптик блок – чечимдердин аткарылышына мониторинг жүргүзүүнүн Бирдиктүү мамлекеттик санариптик системасын түзүү. Негизги функциялары: чечимдерди каттоо; тапшырмаларды автоматтык бөлүштүрүү; мөөнөттөрдү контролдоо; электрондук отчеттор; аналитикалык панелдер (Dashboard); тобокелдиктерди эскертүү системасы; аткаруучулук тартиптин электрондук рейтинги. Санариптештирүү мезгил-мезгили менен жүргүзүлүүчү контролдон туруктуу мониторингге өтүүгө мүмкүндүк берет.

Натыйжалуулукту баалоо блогу (KPI) – ар бир чечим өлчөнүүчү көрсөткүчтөрдүн системасы менен коштолууга тийиш. KPIнин төмөнкү топтору сунушталат: *Процесстик:* мөөнөттөрдүн сакталышы; аткаруунун толуктугу; кайрадан берилүүчү тапшырмалардын жоктугу. *Натыйжалуулук көрсөткүчтөрү:* максаттуу көрсөткүчтөргө жетишүү; социалдык натыйжа; экономикалык натыйжа. *Сапаттык:* аткаруунун сапаты; эскертүүлөрдүн жоктугу; калктын канааттануу деңгээли.

Кадрдык блок төмөнкүлөрдү карайт: мамлекеттик кызматчыларды окутуу; компетенцияларды өнүктүрүү; санариптик сабаттуулук; аналитикалык көндүмдөр; долбоордук башкаруу; кесиптик компетенцияларды баалоо.

Мотивациялык блок төмөнкүлөрдү камтыйт: *Материалдык стимулдаштыруу:* сыйлык берүү; натыйжалуулуктун рейтинги; гранттарды бөлүштүрүү. *Материалдык эмес стимулдаштыруу:* мамлекеттик сыйлыктар; коомдук рейтинг; карьералык өсүү; кадрлар резерви.

Комплекстүү модель үзгүлтүксүз башкаруу цикли катары иштейт.

1-этап – Президент же Министрлер Кабинети тарабынан чечим кабыл алуу.

2-этап – Чечимди автоматтык каттоо.

3-этап – Тапшырмаларды бөлүштүрүү.

4-этап – Жергиликтүү органдар тарабынан аткаруу.

5-этап – Аткарылышына онлайн-мониторинг жүргүзүү.

6-этап – KPIни эсептөө.

7-этап – Натыйжалуулукту талдоо.

8-этап – Кадрдык жана башкаруучулук чечимдер.

9-этап – Мамлекеттик саясатты корректировкалоо.

Ушундайча натыйжалар боюнча башкаруунун үзгүлтүксүз цикли түзүлөт.

Сунушталып жаткан моделдин илимий жаңылыгы Кыргыз Республикасынын мамлекеттик башкаруу системасы үчүн биринчи жолу Президенттин жана Министрлер Кабинетинин чечимдерин аткаруунун натыйжалуулугун жогорулатуунун төмөнкүлөрдү бириктирген комплекстүү модели сунушталгандыгында:

- бирдиктүү ченемдик жөнгө салуу;
- аткарылышын мониторингдөөнүн санариптик системасы;
- интегралдык KPI системасы;
- тобокелдикке багытталган контроль;
- жетекчилердин персоналдаштырылган жоопкерчилиги;
- натыйжаларга негизделген кадр саясаты;
- мамлекеттик кызматчыларды мотивациялоо системасы.

Сунушталган модель системалуулугу менен айырмаланат жана аткаруу фактысын контролдоодон акыркы натыйжаларга жетишүүнү башкарууга өтүүнү камсыз кылат.

Бул моделди киргизүү үчүн төмөнкүлөр сунушталат:

1. Президенттин жана Министрлер Кабинетинин чечимдерин жергиликтүү аткаруу бийлигинин органдары тарабынан аткаруунун тартиби жөнүндө бирдиктүү Жобону кабыл алуу.
2. Чечимдердин аткарылышына мониторинг жүргүзүүнүн Бирдиктүү мамлекеттик санариптик платформасын түзүү.
3. Бардык жергиликтүү мамлекеттик администрациялар үчүн милдеттүү KPI системасын киргизүү.
4. Жетекчилерди аттестациялоодо жана дайындоодо натыйжалуулукту баалоонун жыйынтыктарын пайдалануу.
5. Аткаруу тобокелдиктерин башкаруунун автоматташтырылган системасын киргизүү.
6. Мониторинг системасын мамлекеттик маалыматтык системалар менен интеграциялоону камсыз кылуу.
7. Мамлекеттик кызматчыларды натыйжалуулукту башкаруунун заманбап методдоруна туруктуу окутууну уюштуруу.

1-схема. Кыргыз Республикасынын Президентинин жана Министрлер Кабинетинин чечимдерин жергиликтүү аткаруу бийлигинин органдарынын деңгээлинде аткаруунун натыйжалуулугун жогорулатуунун комплекстүү модели

Бардык элементтер кайтарым байланыш механизми аркылуу бириктирилип, ал чечимдерди аткаруу системасын үзгүлтүксүз өркүндөтүүнү жана корректировкалоочу башкаруучулук чечимдерди кабыл алууну камсыз кылат.

Иштелип чыккан комплекстүү модель Кыргыз Республикасынын Президентинин жана Министрлер Кабинетинин чечимдерин жергиликтүү аткаруу бийлигинин органдарынын деңгээлинде аткаруунун натыйжалуулугун жогорулатууга багытталган уюштуруучулук, укуктук, санариптик, кадрдык жана аналитикалык механизмдердин интеграцияланган системасын билдирет. Аны киргизүү аткаруу процесстеринин ачыктыгын камсыз кылууга, аткаруучулук тартипти күчөтүүгө, жетекчилердин жеке жоопкерчилигин жогорулатууга жана өлчөнүүчү натыйжаларга негизделген башкарууга өтүүгө мүмкүндүк берет. Сунушталган ыкмалар мамлекеттик органдардын жана жергиликтүү мамлекеттик администрациялардын ишин баалоо системасын реформалоонун колдонуудагы багыттарына, анын ичинде Кыргыз Республикасынын Министрлер Кабинети тарабынан бекитилген натыйжалуулукту комплекстүү баалоонун заманбап методикаларына шайкеш келет.

Колдонулган адабияттар

1. Жергиликтүү мамлекеттик администрациялардын жана Президенттин ыйгарым укуктуу өкүлдөрүнүн аппараттарынын ишинин натыйжалуулугун баалоо жөнүндө Министрлер Кабинетинин токтомдору (мисалы, 2024-жылдагы №203 жана 2026-жылдагы жаңыртуулар).
2. Жергиликтүү аткаруу бийлигинин органдарынын натыйжалуулугун жогорулатуу жана жарандар менен иштөө боюнча Президенттин жарлыктары (2026-жылдын май айы).
3. Кыргыз Республикасынын «Жергиликтүү мамлекеттик администрация жана жергиликтүү өз алдынча башкаруу органдары жөнүндө» Мыйзамы.
4. АМУКРдин материалдары жана gov.kg, cbd.minjust.gov.kg сайттары (чечимдердин аткарылышын контролдоо боюнча бөлүмдөр).

УДК 1|14(510+575.2)

Оуян Фанфан., Касымова Н.О.
Жусуп Баласанын атындагы КУУ
Оуян Фанфан., Касымова Н.О.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Ouyang Fangfang., Kasymova N.O.
KNU Jusup Balasagyn

САНДЫК САБАТТУУЛУКТУН УНИВЕРСИТЕТ БҮТҮРҮҮЧҮЛӨРҮНҮН ЖУМУШ МЕНЕН КАМСЫЗ БОЛУУ САПАТЫНА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ: КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН САЛЫШТЫРМАЛУУ ИЗИЛДӨӨСҮ
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЯ И КЫРГЫЗСТАНА
THE IMPACT OF DIGITAL LITERACY ON THE QUALITY OF EMPLOYMENT FOR UNIVERSITY GRADUATES: A COMPARATIVE STUDY OF CHINA AND KYRGYZSTAN

Кыскача мүнөздөмө : Цифралык экономиканын жана платформага негизделген жумуш орундарынын тез өнүгүүсүнүн фонунда университет бүтүрүүчүлөрдүн жумуш менен камсыз болуу жөндөмдүүлүгүнүн структурасы өзгөрүп жатат. Азыркы изилдөөлөр негизинен Кытайдын ички шартында же жалпы эл аралык салыштырууларга багытталган, ал эми «Сандык Жибек Жолу» кызматташуусунун алкагында Кытай менен Кыргызстандын бүтүрүүчүлөрүн эки тараптуу салыштыруу изилдөөлөрү чектелүү.Бул макала санариптик сабаттуулукту өнүктүрүү, жумуш менен камсыз болуунун сапаты жана саясий колдоо жагынан эки өлкөнүн бүтүрүүчүлөрүнүн окшоштуктары менен айырмачылыктарын салыштырып, санариптик сабаттуулуктун жумуш менен камсыз болуунун сапатына тийгизген таасир механизмдерин талдоону максат кылат. Теориялык адабияттарга таянып, эки өлкөнүн тиешелүү саясатын жана тажрыйбасын бириктирүү менен, бул изилдөө «санариптик сабаттуулук – жумуш менен камсыз болуунун сапаты» боюнча салыштырмалуу алкак түзөт. Натыйжалар эки өлкө тең санариптик сабаттуулуктун жумушка орношуудагы маанисин тааныганын, бирок Кытай санариптик билим берүү, санариптештирилген жумуш кызматтары жана жумушка сиңирүү жөндөмдүүлүгү жагынан институционалдык артыкчылыктарга ээ экенин көрсөтөт;Кыргызстан алсыз инфраструктура, жетишсиз окуу программалары жана жумушка орношуунун төмөндүгү сыяктуу көйгөйлөргө дуушар. Бул изилдөө санариптик сабаттуулук жана жумуш сапаты боюнча изилдөөлөрдүн аймактык чегин улуттар аралык салыштырмалуу көз караштан кеңейтүү менен тармактын жыйынтыктарын байытат. Ал Кытай менен Кыргызстандын ортосундагы жаштардын санариптик таланттарын кызматташтырууга, ошондой эле университет бүтүрүүчүлөрүнүн жумушка орношуу сапатын жогорулатууга маанилүү теориялык шилтемелерди жана практикалык сунуштарды берет.

Аннотация : На фоне быстрого развития цифровой экономики и платформенной занятости структура трудовых навыков выпускников вузов претерпевает значительные изменения. Существующие исследования в основном сосредоточены на внутренней ситуации в Китае или на

общих международных сравнениях, при этом двусторонние сравнительные исследования, посвященные выпускникам из Китая и Кыргызстана в контексте сотрудничества в рамках «Цифрового шелкового пути», носят ограниченный характер. Цель данной работы — сравнить сходства и различия между выпускниками обеих стран с точки зрения развития цифровой грамотности, качества занятости и политической поддержки, проанализировав механизмы, через которые цифровая грамотность влияет на качество занятости. Опираясь на теоретические основы из литературы и объединяя соответствующие политики и практики обеих стран, в данном исследовании построена сравнительная структура «цифровая грамотность — качество занятости». Результаты показывают, что обе страны признают ценность цифровой грамотности для занятости, однако Китай обладает институциональными преимуществами в области предоставления цифрового образования, цифровых услуг по трудоустройству и способности поглощать рабочие места. Кыргызстан сталкивается с такими проблемами, как слабая инфраструктура, неадекватные учебные программы и низкий уровень трудоустройства. Этот транснациональный сравнительный подход расширяет региональные границы исследований в области цифровой грамотности и качества занятости, обогащая выводы в этой области. Он предоставляет важные теоретические ссылки и практические рекомендации для китайско-кыргызского сотрудничества в области развития молодых цифровых талантов и повышения качества занятости выпускников.

Abstract : Against the backdrop of rapid development in the digital economy and platform-based employment, the structure of employment capabilities among university graduates is undergoing transformation. Existing research has predominantly focused on China domestically or on general international comparisons, with limited bilateral comparative studies on graduates from China and Kyrgyzstan within the context of “Digital Silk Road” cooperation. This paper aims to compare the similarities and differences between graduates from both countries in terms of digital literacy cultivation, employment quality, and policy support, while analyzing the mechanisms through which digital literacy influences employment quality. Building upon existing literature as a theoretical foundation and integrating relevant policies and practices from both countries, this study constructs a comparative framework for “digital literacy—employment quality.” Findings reveal that both nations recognize the employment value of digital literacy, yet China holds institutional advantages in digital education provision, digitalized employment services, and job absorption capacity. Kyrgyzstan, however, faces challenges including weak infrastructure, insufficient curricula, and poor employment conversion. This cross-national comparative perspective expands the regional scope of research on digital literacy and employment quality, enriching existing scholarly contributions. It provides crucial theoretical insights and practical recommendations for enhancing youth digital talent cooperation and improving graduate employment quality between China and Kyrgyzstan.

Негизги сөздөр: санариптик сабаттуулук; университет бүтүрүүчүлөр; жумуш сапаты; салыштырмалуу изилдө

Ключевые слова: цифровая грамотность; выпускники университетов; качество занятости; сравнительное исследование

Keywords: digital literacy; university graduates; employment quality; comparative study

Introduction

With the rapid development of the global digital economy and the industrial penetration of generative AI technologies, the skill demand structure of the global labor market is undergoing systemic restructuring. As the digital economy advances, digital literacy has expanded beyond mere operational skills of digital tools, evolving from "tool skills" to "comprehensive competencies." Early research primarily defined it as foundational skills like web searching, information retrieval, and computer operation. However, as digital media becomes deeply embedded in social life,Digital literacy now encompasses not only technological usage but also broader competencies including cognitive judgment, ethical norms, security and privacy awareness, responsibility, and digital participation. It emphasizes individuals' capacity for creative,

collaborative, and responsible engagement within socio-technical networks[1].Currently, China and Kyrgyzstan are deepening their joint construction of the "Digital Silk Road." The signing of the 2024 Memorandum of Understanding on Bilateral Digital Economy Cooperation has established the digital economy as a core pillar within the China-Kyrgyzstan Comprehensive Strategic Partnership, signifying that the digital economy has become a vital pillar of this partnership [2].

Against this backdrop, cultivating and supplying digital talent among university graduates is both a core prerequisite for ensuring the implementation of bilateral digital cooperation and a key driver for advancing the digital transformation of both countries' labor markets and achieving high-quality employment. Conducting a cross-national comparative study on the digital literacy and employment quality of university graduates from both countries aligns with global digital transformation trends while addressing the need for bilateral talent development coordination.

Currently, China and Kyrgyzstan share commonalities yet exhibit significant stage-specific differences. China has established a comprehensive digital infrastructure system, boasts abundant digital educational resources in higher education, and witnesses rapid development in platform economies and new digital employment models. However, with the increasing number of university graduates, the job market faces both aggregate pressure and structural contradictions[3]. Against this backdrop, enhancing digital literacy has become crucial for addressing employment challenges.As a typical Central Asian country undergoing economic transition, Kyrgyzstan faces prominent youth unemployment issues[4] . Its digital transformation remains in its early stages, with digital literacy development disconnected from industrial demands, and graduate employment quality constrained by multiple factors.

Overall, most existing research focuses on single-country studies or macro-level comparisons between developed and developing nations, often prioritizing singular employment indicators while neglecting systematic examination of the multidimensional concept of employment quality. Employment quality research has evolved from single metrics like "employment status" or "income level" toward comprehensive evaluations encompassing income, job stability, welfare benefits, career development, and subjective satisfaction.For young people in particular, career starting points not only shape current work conditions but also profoundly influence subsequent career mobility and capital accumulation. The first job represents the initial transition for university graduates from academia to the workplace. A high-quality first job experience facilitates the accumulation of professional competencies and the conversion of educational returns[5].

Comparative Analysis of Digital Literacy and Employment Quality Among University Graduates in China and Kyrgyzstan

The divergence between China and Kyrgyzstan in the relationship between digital literacy and graduate employment quality fundamentally reflects systemic differences in their digital economic development stages, higher education talent cultivation systems, industrial structures and job supply capacities, as well as policy support environments.

Comparative Analysis of Digital Literacy Development Foundations in China and Kyrgyzstan

Comparison of Digital Infrastructure and Digital Environment

The formation of digital literacy is highly dependent on the overall development level of a nation's digital infrastructure and technological application environment. In recent years, the continuous improvement of internet infrastructure, coupled with the deep integration of mobile communications, digital platforms, electronic payments, online education, and digital public services, has enabled China's digital economy to achieve leapfrog development. According to relevant research, China's digital economy grew from 27.2 trillion yuan in 2017 to 56.1 trillion yuan in 2023, with a significant average annual growth rate[6] .This highly embedded digital environment not only increases the frequency with which university graduates engage with digital technologies but also provides rich scenarios for accumulating digital experience and enhancing digital capabilities during their studies, job searches, and career development. This has driven a gradual shift in the digital literacy of Chinese university graduates from basic operational skills toward comprehensive application abilities. While Kyrgyzstan has continuously advanced digital reforms

and achieved some progress in areas like digital government and digital education, there remains significant room for improvement in overall digital infrastructure development, regional coverage equity, and the accessibility of digital services.In some remote areas, limited access to digital connectivity, network stability, digital devices, and digitized educational resources directly constrains the conditions for cultivating digital literacy among graduates. Their digital literacy development is influenced not only by individual learning capacity but more significantly by external digital environments and resource accessibility.Overall, China possesses significant advantages in the completeness of its digital infrastructure and the maturity of its digital environment, providing a solid foundation for cultivating digital literacy among university graduates. In contrast, Kyrgyzstan's insufficient capacity to support a digital environment has become a key prerequisite factor in the formation of the digital literacy gap between the two countries.

Comparison of Digital Resource Provision in Higher Education

Higher education institutions serve as the primary setting for shaping graduates' digital literacy. The quantity, quality, and structure of digital resources within the higher education system directly determine the level of improvement in graduates' digital capabilities.In recent years, China's higher education institutions have continuously increased investment in digital education. Significant achievements have been made in building online course platforms, developing course resources, and promoting smart teaching models. Nationwide, over 30 online course platforms have been established, offering more than 97,000 online courses. These platforms have attracted 483 million registered users and served over 1.39 billion learning sessions, ranking first globally in both course volume and learner engagement[7].Digital technology has evolved from an auxiliary teaching tool to a core element in course organization, competency development, and career guidance. University graduates not only enhance their digital tool application skills through specialized studies but also cultivate advanced digital competencies—such as information processing, collaborative communication, and professional adaptability—by leveraging institutional digital resources. Concurrently, university libraries have further refined digital resource supply systems through electronic database acquisitions and specialized digital repository development[8] .While Kyrgyzstan's higher education digitalization is advancing gradually, it remains largely in the resource accumulation and system refinement stage. Significant gaps persist in digital course development, online teaching platform coverage, and the systematic cultivation of digital competencies. Most institutions have yet to effectively integrate digital literacy education with professional training, vocational education, and career preparation. Consequently, even graduates possessing foundational digital operational skills struggle to translate these into comprehensive application abilities aligned with digital economy employment demands.Overall, the systematic nature, richness, and employment-oriented focus of digital resource development in Chinese universities provide robust institutional support for cultivating graduates' digital literacy. In contrast, the inadequacy of digital education provision in Kyrgyzstan's higher education institutions represents the core institutional cause of the disparity in digital literacy quality between graduates of the two countries.

Comparison of Participation Methods

Beyond hardware and institutional provision, the modes of digital engagement among university graduates form a crucial practical foundation for digital literacy development. The core difference lies not in whether digital technologies are used, but in the contexts, depth, and functional orientation of their application.Chinese university graduates exhibit markedly diversified, functional, and employment-oriented digital participation. Digital technology application has expanded beyond accessing learning materials and daily social interactions to encompass the entire career development process—including job search information retrieval, online interviews, professional community engagement, skills training, and digital platform internships[9]. The Report on Digital Economy Employment and Entrepreneurship Among University Graduates indicates that 11.68% of Chinese university graduates from the 2020-2023 cohorts secured employment or launched businesses in digital economy-related industries. As digital technologies become deeply integrated throughout career development, students not only gain operational experience through digital engagement but also cultivate professionally aligned digital competencies closely matched to the job market. This transformation is facilitated by educational system reforms, faculty development, and

social resource utilization, effectively converting digital literacy into employability[10].Although digital participation among Kyrgyzstan's youth continues to rise, it remains largely confined to basic functions like daily communication, social interaction, and general information access. The role of digital technology in career planning, skill enhancement, and accessing employment resources has yet to be fully realized. For most university graduates, digital engagement remains primarily lifestyle-oriented, failing to effectively translate into competitive assets for professional advancement and development.Overall, Chinese university graduates exhibit more capability-building and employment-oriented digital engagement, whereas Kyrgyz youth demonstrate a more functionally limited digital participation structure. This "differential usage structure" further widens the digital literacy gap between graduates of the two countries.

Comparative Analysis of Employment Quality Among University Graduates in China and Kyrgyzstan

Employment quality provides a more comprehensive reflection of graduates' integration into the labor market and offers a practical context for analyzing the mechanisms of digital literacy.

Characteristics of Employment Quality Among Chinese University Graduates

In recent years, China's graduate employment landscape has been characterized by simultaneous expansion in scale, intensified competition, and structural differentiation. As higher education continues to expand, the number of university graduates has surged from 1.009 million in 2000 to 11.58 million in 2023—a more than tenfold increase over 24 years. This explosive growth has significantly heightened overall pressure on the job market, making competition increasingly fierce.Concurrently, the rapid development of the digital economy, platform economy, and new business models has provided graduates with diversified employment channels. Consequently, the core employment challenge has shifted from "whether one can secure employment" to "whether one can achieve high-quality employment"[11] .While reshaping employment structures, digital transformation has further amplified stratification in employment quality. Digital literacy has emerged as a core determinant of graduates' employment tiers. The "National Digital Literacy and Skills Development Survey Report (2024)" indicates that 67% of China's employed population possesses basic or higher-level digital literacy and skills, establishing digital literacy as an essential core competency in the workplace.

Characteristics of Employment Quality for Kyrgyzstan's University Graduates

Compared to China, Kyrgyzstan's university graduates face distinct employment challenges. As a typical Central Asian nation undergoing economic transition, Kyrgyzstan's monolithic industrial structure limits formal sector job creation capacity, compounded by an underdeveloped youth employment support system. Despite expanding higher education enrollment, insufficient labor market absorption has sustained persistently high youth unemployment rates.According to unemployment rate data from Kyrgyzstan's State Statistics Committee, combined with World Bank public data, the country's youth unemployment rate shows a fluctuating downward trend but remains at a relatively high level overall[12] .From a practical perspective, graduate employment faces three core challenges: First, underemployment is prominent, with some graduates struggling to secure stable positions for extended periods after graduation. Second, formal employment has limited absorption capacity, with most employed graduates entering low-income, unstable, and socially unprotected informal sectors. Third, there is a mismatch between higher education and the labor market, featuring structural disconnects between specialized training and job requirements, creating significant barriers for graduates to translate their skills into employment.Furthermore, Kyrgyzstan's digital economy remains limited in scale, and the potential for digital employment opportunities to absorb university graduates has yet to be fully realized. Even when graduates possess certain digital skills, they struggle to translate these into high-quality employment outcomes, exhibiting the core characteristic of "skills existing but conversion constrained."

Commonalities and Differences in Graduate Employment Quality Between China and Kyrgyzstan

In terms of commonalities, the employment quality of graduates in both countries is jointly influenced by higher education expansion, economic transformation, and digital development. The core logic of employment competition has shifted from academic credentials to competency-based competition, with

digital literacy emerging as a pivotal factor affecting employment outcomes. Both nations exhibit pronounced intra-group stratification in graduate employment quality. Regarding core differences, the primary contradictions in employment quality are starkly distinct: China's core challenge lies in structural differentiation amid aggregate pressure, while Kyrgyzstan's central contradiction stems from insufficient high-quality job supply coupled with limited institutional support, resulting in the employment impact of digital literacy being heavily constrained by external structural conditions. This divergence reveals that digital literacy is a key factor in achieving quality employment, and Kyrgyzstan's core issue is the mismatch between insufficient high-quality job supply and limited institutional support, with the employment effect of digital literacy being heavily constrained by external structural conditions.Digital literacy is the key factor in achieving employment quality. In Kyrgyzstan, the core contradiction lies in the insufficient supply of high-quality positions and limited institutional support, with the employment effects of digital literacy being strongly constrained by external structural conditions. This difference reveals that the relationship between digital literacy and employment quality is not solely determined by individual capabilities but is deeply intertwined with institutional issues such as the stage of national development, the education system, and the structure of the labor market.

Comparative Mechanisms of Digital Literacy's Impact on Employment Quality

Existing research consistently confirms that digital literacy primarily influences employment quality through three core mechanisms: enhancing human capital, expanding social capital, and optimizing job-person fit. The effectiveness of these mechanisms is highly dependent on a country's level of digital economic development, labor market structure, and policy-institutional environment[13].

Human Capital Mechanism: Digital Literacy Enhances Job Competence and Occupational Adaptability

According to human capital theory, digital literacy—as the core competency capital in the digital era—encompasses not only operational skills with digital tools and information filtering/processing abilities, but also encompasses digital communication and collaboration, content creation, and technological adaptation capabilities[14] .Digital literacy significantly promotes high-quality and full employment among young people, increasing their willingness and probability of employment, lowering job knowledge thresholds, expanding employment opportunities, and enhancing wages and job satisfaction[15]. Consequently, digital literacy has become a key factor for college graduates to adapt to digital positions and enhance their job competency.In China, digital technologies have deeply embedded themselves into the workflows of most industries. New digital economy models have created a vast number of digital positions. The level of digital literacy directly determines whether graduates can enter high-value-added emerging professional fields and directly impacts their post-employment adaptation speed and development potential. The effectiveness of the human capital mechanism is remarkably significant.In Kyrgyzstan, the underlying logic of this mechanism remains applicable. However, constrained by the scale of its digital economy, the degree of industrial digitization, and the supply of digital positions, graduates with high digital literacy still face difficulties in securing matching job opportunities. Consequently, the value realization of human capital is significantly constrained.

Social Capital Mechanism: Digital Literacy Expands Information Channels and Opportunity Networks

According to Bourdieu's theory of capital, digital literacy, as a new form of capital, can be converted into economic benefits by enhancing an individual's social network resources[16] .Digital literacy not only improves employment quality but also secures higher-quality job opportunities by strengthening social capital (e.g., participation in professional communities)[17]. In China, the maturity of AI recruitment platforms enables direct conversion of enhanced digital literacy into highly matched employment opportunities. Conversely, in Kyrgyzstan, an underdeveloped digital platform ecosystem disrupts this capital conversion chain, hindering graduates from translating digital literacy into tangible professional competitiveness.

Matching Mechanism: Digital Literacy Improvement Capacity – Job Coupling Degree

The enhancement of graduate-to-job coupling through digital literacy fundamentally reflects the transmission of the digital skills gap into an employment returns gap. The strength of this transmission effect is directly constrained by structural disparities in national digital development.Van Dijk's digital divide theory (third-level digital divide) asserts that the application level of digital technologies directly determines social stratification. This aligns closely with the structural constraints of differing matching mechanisms for digital literacy across developmental stages (e.g., China vs. Kyrgyzstan)[18] .

China has crossed the digital access divide and is progressively advancing toward optimizing the digital skills and benefits divides.The deep integration of the digital economy with the real economy, coupled with the emergence of new positions in digital industrialization and the upgrading of traditional roles in industrial digitalization, imposes tiered and differentiated demands on workers' digital literacy. This job-demand orientation creates a virtuous cycle with graduates' digital literacy enhancement. Graduates with higher digital literacy can more precisely align with job requirements, forming effective skill-job coupling that translates into high-quality employment benefits. This fully demonstrates the positive empowerment of the digital divide optimization on the human-job matching mechanism.Kyrgyzstan is transitioning from a digital access gap to a skills gap, grappling with inadequate digital infrastructure and lagging digital industry development. This results in insufficient supply of digital positions and weak absorption capacity for digital competencies within its industrial structure. These external structural constraints mean that even when university graduates possess certain digital skills, they struggle to effectively align their digital literacy with high-quality job demands.

Comprehensive Comparison of Mechanism Differences

Overall, the three primary mechanisms for converting digital literacy into employment quality—human capital, social capital, and matching mechanisms—share foundational commonalities in both countries. However, due to significant differences in digital economic development stages, institutional support intensity, and industrial structures, the strength and pathways of these mechanisms exhibit pronounced divergence. China possesses robust digital infrastructure and mature employment service platforms.AI-driven intelligent matching systems achieve over 80% accuracy, while big data and large-model technologies substantially reduce resume submission costs. This efficient technological support greatly amplifies the value conversion efficiency of digital literacy in human capital and social capital.The high-quality development of the digital economy provides a vast stage for digital literacy, which in turn optimizes job-person matching, achieving a "positive leap" in employment quality. Research indicates that China's digital economy employment absorption capacity grew from 5.4 million in 2000 to 27.82 million in 2020, fully demonstrating this positive linkage effect[19] .In Kyrgyzstan, however, multiple external structural constraints significantly limit the effectiveness of these three mechanisms, making the pathway from digital literacy to high-quality employment more arduous. This contrast reveals that the relationship between digital literacy and employment quality is a dynamic process profoundly influenced by national development conditions and institutional environments.

In summary, the primary reason for this disparity between the two countries is not merely reflected in "differences in levels" or "differences in strength," but rather manifests as a more pronounced structural divergence. This difference is not directly caused by any single factor, but rather results from the combined influence of multiple factors, including the stage of digital economic development, the higher education training system, industrial structure and job absorption capacity, policy support, and the level of digitalization in employment services.

Discussion

Comparing the foundational development of digital literacy, current employment quality, and underlying mechanisms among university graduates in China and Kyrgyzstan reveals that the relationship between digital literacy and employment quality is not a simple linear correlation. Instead, it is a complex process embedded within a nation's developmental stage, educational system, and labor market structure. As the foundational capability for youth to adapt to digital transformation, the potential for digital literacy to translate into employment advantages depends on the effective alignment of skill supply, job demand, and

institutional support.The "Survey Report on National Digital Literacy and Skill Development Levels (2024)" indicates that over 60% of Chinese citizens possess basic or higher digital literacy and skills. Digital literacy and skill levels correlate with regional economic development trends[20] , underscoring the growing importance of digital literacy in the job market. Therefore, discussions on this issue must both respond to existing research and further refine its theoretical implications and practical significance.

Conclusions and Outlook

From a theoretical perspective, comparative analysis across the two countries reveals that the role of digital literacy is not universally consistent but exhibits significant national and developmental variations. Chinese university graduates achieve higher-quality employment not only due to their strong digital capabilities but also owing to the nation's robust digital infrastructure, the higher education system's digital literacy cultivation framework, a mature digital job market, and strong policy support.In contrast, the limited employment returns of digital literacy among Kyrgyzstan's university graduates primarily reflect constraints imposed by institutional conditions and market structures. This underscores that theoretical research on digital literacy cannot be abstractly discussed in isolation from national development contexts; instead, institutional environments and structural conditions must be integrated into explanatory frameworks.

From a practical perspective, enhancing graduate employment quality requires moving beyond general advocacy for "improving digital literacy." Instead, efforts should synergistically advance across three interconnected dimensions: competency development, opportunity provision, and institutional safeguards. For China, the next phase should prioritize not only expanding digital infrastructure and educational resource coverage but also elevating the sophistication and targeting of digital literacy cultivation.On one hand, universities should further integrate digital literacy with professional education, innovation practices, and career guidance, ensuring digital competencies become integral to specialized and occupational skills. On the other hand, a tiered and categorized digital literacy development system should be established to address diverse majors, career paths, and developmental needs, preventing superficial or generalized training. Concurrently, public employment services and university career guidance systems must undergo digital and intelligent upgrades to enhance graduates' access to job information, position matching, and career planning efficiency.For Kyrgyzstan, the key to leveraging digital literacy to enhance employment quality lies in addressing "environmental gaps" and "institutional shortcomings." First, efforts should continue to strengthen digital infrastructure development, improving access to networks, devices, and digital resources for universities and youth populations. Second, reforms should be advanced in university digital curriculum systems and vocational skills training frameworks, shifting digital literacy cultivation from basic tool training toward comprehensive competency development more closely aligned with professional growth and employment readiness.Third, policy support should foster digital industry growth and high-quality job creation, providing broader market opportunities for graduates to translate their digital literacy into practical skills. Only when educational offerings precisely align with industrial demands, capabilities dynamically adapt to market needs, and institutional support remains robust can digital literacy truly translate into competitive advantages for graduates in the job market.

From the perspective of China-Kyrgyzstan cooperation, cultivating young digital talent can serve as a key entry point for bilateral collaboration. Both sides can strengthen coordination in areas such as sharing digital educational resources, jointly developing digital skills curricula, cooperating on youth employment services, and providing digital vocational training. This will advance the "Digital Silk Road" initiative beyond a macro-level cooperation framework to tangibly enhance youth capacity building and employment quality. Such measures will not only boost the professional competitiveness of graduates from both countries in the digital era but also provide more stable talent support for China-Kyrgyzstan digital economic cooperation.

References

[1] Meyers E M, Erickson I, Small R V. Digital literacy and informal learning environments: an introduction[J]. Learning, Media and Technology, 2013, 38(4): 355-367.

[2] Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Memorandum of Understanding on China-Kyrgyzstan Digital Economy Cooperation (2024) [R]. Beijing: Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2024.

[3] Li Chunxiao. Research on the Employment Difficulty of College Graduates and Its Countermeasures[J]. Advances in Education, 2025, 15(06): 1175-1181.

[4] Youth Unemployment Rate for the Kyrgyz Republic[EB/OL]. (2026-02-25)[2026-03-01]. https://fred.stlouisfed.org/series/SLUEM1524ZSKGZ .

[5] Ye Gezhe. Research on the Relationship Between Youth Digital Literacy and Initial Job Status Acquisition: Micro Evidence Based on the CFPS Database [J]. Fujian Forum (Humanities and Social Sciences Edition), 2025, (11): 147-160.

[6] Zhao Chao. Digital Economy Drives the Development of Green and Low-Carbon Industries—Based on the Analysis of Intermediary Effect Model[J]. Modern Management, 2024, 14(04): 817-829.

[7] Zou, Lifen. Innovation in Higher Education Work in the Context of Educational Digitalization [J]. Development Research, 2023, 40(09): 71-76. Ma, Yue. Research on Decision Support Models for Precision Procurement of Digital Resources in University Libraries [J].Library Science Research, 2023, (07): 49-63+82. DOI:10.15941/j.cnki.issn1001-0424.2023.07.010.

[8] Ma Yue. Research on Decision Support Models for Precision Procurement of Digital Resources in University Libraries [J]. Library Science Research, 2023, (07): 49-63+82. DOI:10.15941/j.cnki.issn1001-0424.2023.07.010.

[9] China Government Network. Opinions of the General Office of the CPC Central Committee and the General Office of the State Council on Accelerating the Construction of a High-Quality Employment Service System for Graduates of Regular Higher Education Institutions [Z]. 2025-04-08.

[10] Alibaba Research Institute, Northeast Normal University Employment and Entrepreneurship Education Research Institute. Report on Digital Economy Employment and Entrepreneurship Among College Graduates [R]. Hangzhou: Alibaba Research Institute, 2023.

[11] Wang Haijun, Ge Chen. Does Digital Literacy Promote High-Quality and Full Employment Among Youth? [J]. Journal of Shanghai University of Finance and Economics, 2024, 26(03): 49-64. DOI:10.16538/j.cnki.jsufe.2024.03.004.

[12] World Bank. Unemployed Young Males (as a percentage of male labor force aged 15-24) - Kyrgyzstan [R]. Washington: World Bank, 2025.

[13] Wang, H. J., & Ge, C. (2024). Does Digital Literacy Promote High-Quality and Full Employment Among Youth? [J]. Journal of Shanghai University of Finance and Economics, 26(03), 49-64. DOI:10.16538/j.cnki.jsufe.2024.03.004.

[14] Digital Literacy for Workforce Readiness: Bridging the Skills Gap in the 21st Century. (2025). International Journal of Innovation and Economic Development, 7–22. https://doi.org/10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.311.2001

[15] Wang, H. J., & Ge, C. (2024). Does digital literacy promote high-quality and full employment among youth? [J]. Journal of Shanghai University of Finance and Economics, 26(03), 49-64. DOI:10.16538/j.cnki.jsufe.2024.03.004.

[16] Bourdieu P, Pierre Bourdieu. Forms of Capital: General Sociology, Volume 3: Lectures at the Collège de France 1983-84 [M]. Collier P, trans. Polity, 2021.

[17] Jia Liwen, Lü Kangyin, Liang Xiaocheng. The Impact of Digital Literacy on Employment Quality [J]. Taxation and Economy, 2024, (06): 89-98.

[18] Egorovna D D. Is Digital Equality Possible? (On the Book "The Digital Divide" by J. Van Dijk) [J]. Sociological Research, 2020: 158-164.

[19] Yang Xuyu, Song Jian. The Impact of Digital Literacy on Youth Employment and Its Mechanism [J]. Youth Exploration, 2025, (01): 76-88. DOI:10.13583/j.cnki.issn1004-3780.2025.01.007.

[20] Jiang Chunyuan. "Survey Report on National Digital Literacy and Skill Development Levels (2024) Released" [J]. Rural Science and Technology, 2024, 15(22): 5.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ / ИНФОРМАТИКА

УДК 004.056: 004.8

Курбанбаева Т.Н.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Курбанбаева Т.Н.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Kurbanbaeva T. N.
KNU Jusup Balasagyn

МААЛЫМАТТЫК КООПСУЗДУК ЖАНА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ: ЗАМАНБАП КОРКУНУЧТАР ЖАНА КОРГОНУУ МЕХАНИЗМДЕРИ
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ
INFORMATION SECURITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: MODERN THREATS AND PROTECTION MECHANISMS

Кыскача мүнөздөмө: Бул макала жасалма интеллект технологияларынын активдүү өнүгүшү шартында маалыматтык коопсуздукту камсыз кылуу маселелерине арналган. Азыркы учурда интеллектуалдык системалар мамлекеттик башкарууда, финансы секторунда, билим берүүдө жана башка көптөгөн тармактарда кеңири колдонулуп, маалыматтарды иштетүүнүн ылдамдыгын жана натыйжалуулугун жогорулатууда. Ошол эле учурда жасалма интеллектке негизделген чечимдер маалыматтык коопсуздукка байланышкан жаңы коркунучтарды жана тобокелдиктерди пайда кылууда. Макалада маалыматтык коопсуздукка тийгизилген негизги коркунучтар, анын ичинде автоматташтырылган киберчабуулдар, интеллектуалдык фишинг, маалыматтарды бурмалоо жана уруксатсыз пайдалануу маселелери талданат. Изилдөөдө аналитикалык, салыштырма жана системалуу ыкмалар колдонулуп, жасалма интеллектти коопсуз пайдалануунун заманбап механизмдери каралат. Алынган жыйынтыктар жасалма интеллектти колдонууда маалыматтык коопсуздукту күчөтүүнүн багыттарын аныктоого жана коргонуу стратегияларын өркүндөтүүгө мүмкүнчүлүк берет. Макалада берилген корутундулар жана сунуштар практикалык мааниге ээ болуп, маалыматтык коопсуздук системаларын өнүктүрүүдө колдонулушу мүмкүн.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы обеспечения информационной безопасности в условиях стремительного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта. Современные интеллектуальные системы активно применяются для обработки больших массивов данных, автоматизации управленческих процессов и повышения эффективности информационных систем. Однако наряду с положительным эффектом использование искусственного интеллекта сопровождается появлением новых угроз информационной безопасности, связанных с уязвимостью алгоритмов, неконтролируемым доступом к данным и усложнением кибератак. В работе проводится анализ основных рисков, возникающих при использовании искусственного интеллекта в информационных системах, а также рассматриваются современные подходы к их минимизации. В качестве методологической основы исследования использованы аналитический, сравнительный и системный методы, позволяющие комплексно оценить влияние искусственного интеллекта на безопасность информации. Особое внимание уделяется вопросам защиты персональных данных, устойчивости интеллектуальных систем к внешним воздействиям и необходимости формирования комплексной политики информационной безопасности. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и совершенствовании механизмов защиты информации в условиях цифровой трансформации.

Abstract: The article addresses the issues of information security in the context of the rapid development and widespread adoption of artificial intelligence technologies. Modern intelligent systems are increasingly used to process large volumes of data, automate decision-making processes, and enhance the efficiency of information systems across various sectors. At the same time, the integration of artificial intelligence introduces new information security challenges related to algorithm vulnerabilities, unauthorized data access, and the growing sophistication of cyber attacks. The study analyzes key risks associated with the use of artificial intelligence in information systems and examines current approaches to mitigating these threats. Analytical, comparative, and system-based methods are employed to provide a comprehensive assessment of the impact of artificial intelligence on information security. Special attention is given to data protection issues, system resilience, and the development of integrated security strategies. The findings of the study may be useful for improving information security frameworks in the context of ongoing digital transformation.

Негизги сөздөр: маалыматтык коопсуздук, жасалма интеллект, киберкоркунучтар, коргонуу механизмдери, санариптик технологиялар, маалыматты коргоо, автоматташтырылган системалар.

Ключевые слова: информационная безопасность, искусственный интеллект, киберугрозы, механизмы защиты, цифровые технологии, защита данных, автоматизированные системы.

Keywords: information security, artificial intelligence, cyber threats, protection mechanisms, digital technologies, data protection, automated systems.

Введение. В условиях ускоренной цифровой трансформации современного общества вопросы информационной безопасности приобретают особую значимость. Информационные технологии глубоко интегрированы в государственное управление, экономику, финансовый сектор, образование и социальную сферу, что делает информационные ресурсы стратегически важным объектом защиты. Одновременно с этим активное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта существенно меняют подходы к обработке, анализу и использованию данных, расширяя как функциональные возможности информационных систем, так и спектр потенциальных рисков.

Искусственный интеллект все шире применяется для автоматизации процессов, поддержки управленческих решений и повышения эффективности функционирования информационных систем. Вместе с тем использование интеллектуальных алгоритмов сопровождается усложнением архитектуры цифровых решений и ростом требований к их устойчивости и защищенности. Зависимость от больших массивов данных, особенности машинного обучения и ограниченная прозрачность алгоритмов формируют новые уязвимости, которые не всегда учитываются в традиционных моделях обеспечения информационной безопасности.

Современные киберугрозы отличаются высокой степенью адаптивности и все чаще основаны на использовании интеллектуальных технологий. Автоматизированные атаки, интеллектуальный фишинг, подмена и искажение данных, а также несанкционированный доступ к информационным ресурсам становятся более сложными и труднообнаружимыми. В этих условиях возникает необходимость пересмотра существующих подходов к защите информации и формирования комплексных механизмов противодействия, способных учитывать динамичный характер угроз и развитие искусственного интеллекта.

Целью исследования является анализ влияния технологий искусственного интеллекта на состояние информационной безопасности, а также выявление ключевых угроз и направлений совершенствования механизмов защиты информации. Для достижения поставленной цели используются аналитический, сравнительный и системный методы, позволяющие комплексно рассмотреть современные тенденции в сфере информационной безопасности. Полученные выводы могут быть использованы при разработке и модернизации систем защиты информации в условиях активного внедрения интеллектуальных технологий.

В современной научной литературе информационная безопасность рассматривается как состояние защищенности информации и информационных систем от угроз, способных нарушить конфиденциальность, целостность и доступность данных. В условиях цифровизации и глобального распространения информационных технологий данные характеристики приобретают универсальный характер и применяются независимо от уровня развития конкретного государства [1, с. 24]. Развитие искусственного интеллекта усиливает данную тенденцию, поскольку интеллектуальные системы активно используются для обработки больших массивов информации и принятия решений в автоматизированном режиме.

Искусственный интеллект существенно трансформирует подходы к обеспечению информационной безопасности. С одной стороны, интеллектуальные алгоритмы применяются для выявления аномалий, прогнозирования угроз и автоматизации процессов защиты информации. С другой стороны, они формируют новые источники уязвимостей, связанные с ошибками обучения, подменой данных и сложностью интерпретации результатов работы алгоритмов [2, с. 67]. В научных исследованиях отмечается, что традиционные модели информационной безопасности не в полной мере учитывают данные особенности, что требует их адаптации к условиям использования искусственного интеллекта.

Особое внимание в теории информационной безопасности уделяется комплексному характеру защитных мер. Подчеркивается, что эффективность защиты информации определяется не только техническими средствами, но и организационными, правовыми и кадровыми факторами [1, с. 31]. В условиях внедрения искусственного интеллекта данный подход становится особенно актуальным, поскольку человеческий фактор, нормативное регулирование и архитектура интеллектуальных систем оказывают прямое влияние на уровень безопасности информационной среды.

В Кыргызской Республике вопросы информационной безопасности регулируются на уровне государственной политики и нормативно-правовых актов. В национальном законодательстве информационная безопасность рассматривается как элемент защиты прав и законных интересов личности, общества и государства в информационной сфере [5, ст. 3]. При этом особое внимание уделяется защите персональных данных и обеспечению устойчивости информационных систем органов государственной власти.

В условиях реализации программ цифрового развития в Кыргызской Республике возрастает роль интеллектуальных технологий в сфере управления и предоставления государственных услуг. В официальных стратегических документах отмечается, что внедрение цифровых и интеллектуальных решений должно сопровождаться усилением механизмов информационной безопасности и повышением уровня защищенности информационных ресурсов [7, с. 12]. Это обусловлено ростом объемов обрабатываемых данных и расширением цифровой инфраструктуры.

В Кыргызской Республике обеспечение информационной безопасности в условиях развития искусственного интеллекта требует сочетания общепринятых теоретических подходов и учета национальной специфики правового регулирования и цифрового развития.

На рисунке 1 показана логическая модель взаимодействия искусственного интеллекта с базовыми компонентами информационной безопасности.

Рис 1 – Взаимосвязь искусственного интеллекта и компонентов информационной безопасности

Источник: составлен автором на основе [1, с. 26-29].

На рисунке 1 показано, что искусственный интеллект взаимодействует с основными компонентами информационной безопасности – конфиденциальностью, целостностью и доступностью информации. Интеллектуальные технологии могут усиливать защиту информационных систем за счёт автоматизированного анализа данных, выявления аномалий и прогнозирования угроз. Вместе с тем использование искусственного интеллекта связано с появлением дополнительных рисков, включая уязвимости алгоритмов, подмену данных и усложнение киберугроз.

Взаимодействие интеллектуальных технологий с базовыми компонентами безопасности – конфиденциальностью, целостностью и доступностью информации – носит комплексный характер и затрагивает как технические, так и организационные аспекты защиты данных. При этом искусственный интеллект может одновременно выполнять функции усиления защиты и выступать фактором возникновения новых уязвимостей [1, с. 41].

Особое место в системе угроз занимают риски, связанные с обработкой и хранением данных, используемых для обучения интеллектуальных алгоритмов. Неконтролируемый доступ к таким данным, их подмена или искажение способны существенно снизить уровень защищенности информационных систем и привести к ошибочным результатам работы алгоритмов [3, с. 88]. В научных исследованиях также подчёркивается, что внедрение искусственного интеллекта в процессы обеспечения информационной безопасности требует пересмотра традиционных подходов к управлению рисками. Использование автоматизированных средств анализа угроз повышает эффективность выявления инцидентов, однако требует нормативного и методического сопровождения, обеспечивающего прозрачность и контролируемость принимаемых решений [1, с. 47]. Таким образом, возникает необходимость систематизации основных угроз и механизмов защиты информации в условиях применения искусственного интеллекта.

В таблице 1 приведена систематизация основных угроз и способов противодействия им.

Таб 1 – Основные угрозы информационной безопасности при использовании искусственного интеллекта и механизмы их нейтрализации

Угроза	Краткая характеристика	Основные механизмы защиты
Уязвимость алгоритмов	Использование ошибок и недостатков алгоритмов машинного обучения	Аудит алгоритмов, тестирование моделей, обновление систем
Подмена и искажение данных	Влияние на обучающие выборки и входные данные	Контроль целостности данных, верификация источников
Автоматизированные кибератаки	Использование ИИ для масштабных и адаптивных атак	Интеллектуальный мониторинг, системы обнаружения вторжений
Несанкционированный доступ	Доступ к данным и моделям без соответствующих прав	Аутентификация, разграничение доступа, шифрование
Снижение прозрачности решений	Трудности интерпретации решений интеллектуальных систем	Документирование моделей, контроль принятия решений

Источник: составлен автором на основе [3, с. 85-90].

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что угрозы информационной безопасности при использовании искусственного интеллекта носят многоуровневый характер и затрагивают как программные компоненты, так и процессы управления данными. Эффективное противодействие

данным угрозам возможно лишь при комплексном подходе, объединяющем технические, организационные и нормативные меры защиты.

Развитие искусственного интеллекта актуализирует необходимость нормативного регулирования процессов обработки и защиты информации. На международном уровне подчёркивается, что правовое обеспечение информационной безопасности должно учитывать особенности функционирования интеллектуальных систем, включая автоматизированное принятие решений и обработку больших массивов данных [4, p. 112]. В этой связи возрастает роль стандартов и рекомендаций, направленных на формирование единых подходов к защите информации в цифровой среде.

В Кыргызской Республике вопросы информационной безопасности регулируются посредством системы нормативно-правовых актов и государственных программ, ориентированных на развитие цифровой инфраструктуры и защиту информационных ресурсов. В официальных документах подчёркивается необходимость обеспечения безопасности информационных систем, используемых в сфере государственного управления и оказания электронных услуг, а также защиты персональных данных граждан [6, ст. 6]. Использование элементов искусственного интеллекта в данных процессах требует усиления контроля за обработкой информации и внедрения современных механизмов защиты.

Практическая реализация мер информационной безопасности в условиях внедрения интеллектуальных технологий предполагает использование комплексного подхода, включающего технические средства защиты, организационные процедуры и повышение уровня цифровой грамотности пользователей. Отмечается, что эффективность информационной безопасности во многом зависит от согласованности действий всех участников информационных процессов, а также от наличия четко выстроенной системы управления рисками [8, с. 59]. В условиях развития искусственного интеллекта данные аспекты приобретают особую значимость, поскольку ошибки в управлении информацией могут иметь масштабные последствия.

Проведённый анализ показал, что развитие технологий искусственного интеллекта оказывает многоплановое влияние на систему информационной безопасности. С одной стороны, интеллектуальные технологии расширяют возможности защиты информации за счёт автоматизации анализа угроз, выявления аномалий и повышения оперативности реагирования на инциденты. С другой стороны, использование искусственного интеллекта формирует новые риски, связанные с уязвимостью алгоритмов, обработкой больших массивов данных и усложнением киберугроз.

В целом, устойчивое развитие цифровой среды и эффективное использование искусственного интеллекта возможны лишь при условии обеспечения высокого уровня информационной безопасности. Это предполагает постоянное совершенствование механизмов защиты информации, адаптацию нормативно-правовой базы и повышение уровня ответственности всех участников информационных процессов.

Список использованной литературы

1. Stallings W. Network Security Essentials: Applications and Standards. – Boston: Pearson, 2018. – 640 p. – P. 24–32, 40–48.

2. McGraw G. Software Security: Building Security In. – Boston: Addison-Wesley, 2006. – 320 p. – P. 65–69.

3. Behl A., Behl K. Cyberwar: The Next Threat to National Security and What to Do About It. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 312 p. – P. 85–90.

4. ISO/IEC 27001:2013. Information technology – Security techniques – Information security management systems – Requirements. – Geneva: ISO, 2013. – 23 p. – P. 110–115.

5. Закон Кыргызской Республики «Об информации персонального характера» от 14 апреля 2008 г. № 58 (в действующей редакции). – Ст. 3–5. Официальный портал правовой информации Кыргызской Республики. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg

6. Закон Кыргызской Республики «Об электронном управлении» от 8 октября 2021 г. № 121. – Ст. 5–7. Официальный портал правовой информации Кыргызской Республики. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg

7. Министерство цифрового развития Кыргызской Республики. Концепция цифрового развития Кыргызской Республики на 2019–2023 годы. – Бишкек, 2019. – 34 с. – С. 10–13. URL: https://digital.gov.kg

8. Министерство цифрового развития Кыргызской Республики. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы (раздел «Цифровое развитие»). – Бишкек, 2018. – 92 с. – С. 56–60. URL: https://mineconom.gov.kg

Рецензент: к.п.н., доцент Кожомбердиева Н.Б.

УДК 330.101:339

Нин Мэй Ли., Орозалиева А.С., Ку Юйцзюань., Лю Хунтао., Ван Вэньцзе

Чженчжоу бизнес университети
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Нин Мэй ли[1]., А.С.Орозалиева[2].,Ку Юйцзюань[2]., Лю Хунтао[2]., Ван Вэньцзе [2]
Чженчжоуский университет бизнеса[1]
КНУ имени Жусупа Баласагына[2]
Meili Ning., Орозалиева А.С., Ku Yujuan., Liu, Hongtao., Wang Wenjie
Zhengzhou Business University
KNU Jusup Balasagyn

КЫРГЫЗСТАНДА САНАРИПТИК ЭКСПОРТ ИШКАНАЛАРЫ ҮЧҮН ИННОВАЦИЯЛЫК ЖОЛДОР БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ САНАРИПТИК ЖИБЕК ЖОЛУ ДЕМИЛГЕСИНИН АЛКАГЫНДА

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПУТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЦИФРОВОГО ЭКСПОРТА В КЫРГЫЗСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

RESEARCH ON INNOVATION PATHWAYS FOR DIGITAL EXPORT ENTERPRISES IN KYRGYZSTAN UNDER THE DIGITAL SILK ROAD INITIATIVE

Кыскача мүнөздөмө: Санарип Жибек Жолу демилгесинин фонунда санариптик экспорт Кыргызстан үчүн бирдиктүү экономикалык түзүмдөн чыгуу үчүн маанилүү жол болуп калды. Улуттук инновациялык система теориясына, ресурстарга негизделген көз карашка жана динамикалык мүмкүнчүлүк теориясына таянып, бул макала Кыргызстандын санариптик экономикасынын учурдагы өнүгүү абалын жана саясий чөйрөсүн талдайт, ошондой эле ишканалардын инновациялык жолдорун үч өлчөмдөн изилдейт: технологиялык мүмкүнчүлүктөрдү кеңейтүү, моделдик инновация жана институционалдык саясатка негизделген колдоо. Изилдөө көрсөткөндөй, Санариптик Жибек Жолу саясаты Кыргызстандын санариптик экспорттук ишканаларына негизги колдоо көрсөтүп, технология, бизнес моделдер жана саясаттардын синергиясы санариптик экспорттун үлүшүн жана чакан жана орто ишканалардын (ЧСП) катышуусун туруктуу түрдө өстүргөн. Ошол эле учурда, Кыргызстандын санариптик экспорттук ишканалары таланттардын жетишсиздиги, каржылоо чектөөлөрү, инфраструктуранын алсыздыгы жана жетишсиз жөнгө салуу сыяктуу көйгөйлөргө туш болууда. Бул жыйынтыктарга таянып, бул документте өкмөттүн үч деңгээлинен, өкмөт, ишканалар жана университеттер/илимий-изилдөө мекемелеринен, сунуштар берилет, бул Кыргызстандын санариптик соодасын сапаттуу өнүктүрүү үчүн үлгү болуп саналат.

Аннотация:На фоне строительства «Цифрового шелкового пути» цифровой экспорт становится ключевым путем для Кыргызстана, чтобы преодолеть моноструктуру экономики. На

основе теории национальной инновационной системы, концепции ресурсного потенциала и теории динамических способностей данная статья анализирует состояние развития цифровой экономики и политическую среду Кыргызстана, исследуя инновационные пути предприятий с трех измерений: технологическое оснащение, инновации в моделях, институционально-политическое стимулирование. Исследование показывает, что политика «Цифрового шелкового пути» выступает как ядровое поддержание для кыргызских предприятий цифрового экспорта. Совместное действие технологий, моделей и политики способствует устойчивому росту доли цифрового экспорта и уровня участия малых и средних предприятий. В то же время предприятиям цифрового экспорта Кыргызстана все еще приходится сталкиваться с проблемами, такими как дефицит кадров, финансовые ограничения, слабое инфраструктурное обеспечение и несовершенство законодательства. Исходя из этого, статья предлагает рекомендации с трех уровней: правительства, предприятий, высших учебных заведений и исследовательских институтов, предоставляя référence для высококачественного развития цифровой торговли Кыргызстана.

Abstract: Against the backdrop of the Digital Silk Road initiative, digital export has emerged as a crucial pathway for Kyrgyzstan to break free from its predicament of a single economic structure. Drawing on the national innovation system theory, resource-based view, and dynamic capability theory, this paper analyzes the current development status and policy environment of Kyrgyzstan’s digital economy, and explores the innovation paths of enterprises from three dimensions: technological empowerment, model innovation, and institutional-policy-driven support. The research indicates that the Digital Silk Road policy provides core support for Kyrgyzstan’s digital export enterprises, and the synergy among technology, business models, and policies has steadily promoted the growth of the proportion of digital exports and the participation of small and medium-sized enterprises (SMEs). Meanwhile, Kyrgyzstan’s digital export enterprises still face challenges such as talent shortages, funding constraints, weak infrastructure, and inadequate regulations. Based on these findings, this paper puts forward recommendations from three levels—government, enterprises, and universities/research institutions, to provide reference for the high-quality development of Kyrgyzstan’s digital trade.

Негизги сөздөр: Кыргызстан; предприятия цифрового экспорта; пути инновационного развития; Цифровой шелковый путь; цифровая экономика

Ключевые слова: Кыргызстан; цифрлык экспорттуу предприятилер; инновациялык өнүгүш yолдорү; Цифрлык Ип бир жолу; цифрлык экономика

Keywords: Kyrgyzstan; digital export enterprises; innovation-driven paths; Digital Silk Road; digital economy

1.Introduction

Amidst the global digital economy wave, the Digital Silk Road (DSR) is reshaping value chains through cross-border fibre-optic cables, cloud services, and e-commerce corridors, emerging as a recovery engine in the post-pandemic era. Central Asia leverages its geographical advantage to compete as a digital hub, yet Kyrgyzstan (hereafter Kyrgyzstan) still positions itself primarily as a transit transport nation. In 2024, its digital service exports accounted for merely 4.7% of total exports, less than half the Central Asian average of 9.1%, highlighting a significant gap in digital competitiveness [1].

Kyrgyzstan's economy has long relied heavily on mineral resources and remittances, rendering it vulnerable to risks. Low-energy consumption and high-value-added digital exports present a diversification breakthrough [2]. From January to September 2025, cross-border e-commerce between China and Kyrgyzstan grew by 31% year-on-year [3]. However, 82% of this traffic utilised Kazakhstani platforms, exposing the absence of domestic digital infrastructure and core platforms.

This study, grounded in the context of Kyrgyzstan as a transition economy, focuses on the DSR policy framework to explore the intrinsic linkages between corporate innovation and sustainable growth in digital exports within the country. Its objectives are to assess the current implementation status of the policy,

identify bottlenecks constraining corporate innovation, and establish a coordinated mechanism linking policy innovation with export expansion. This research aims to provide a roadmap for the government to implement targeted measures and for enterprises to overcome challenges, thereby effectively addressing gaps in research on small and medium-sized economies in Central Asia [4]. It seeks to assist Kyrgyzstan in fully unlocking its digital trade potential, ultimately achieving high-quality economic development.

2. Theoretical Foundations and Literature Review

2.1 Definition of Relevant Concepts

The Digital Silk Road (DSR) encompasses more than merely the interconnectivity of digital infrastructure; it constitutes a multifaceted collaborative framework integrating hardware, regulations, and cultural elements. From a core structural perspective, digital infrastructure constitutes the physical foundation of the DSR. This involves the joint construction and shared use of hardware facilities such as cross-border optical cables, base stations, and data centres, providing the technological underpinning for transnational digital interactions. The alignment of rules and standards serves as the operational safeguard for the DSR [5]. This entails collaborative consultation on digital trade regulations, norms governing cross-border data flows, and digital technology standards, aiming to dismantle institutional barriers to transnational digital cooperation. Cultural and value recognition form the spiritual core of DSR, fostering emotional connections and mutual trust among participating nations through scenarios such as digital cultural dissemination and cross-border digital education [6]. Thus, DSR fundamentally leverages digital technology to achieve multidimensional integration among participating countries—spanning infrastructure, institutional frameworks, and cultural exchange—thereby establishing a novel cooperative paradigm for the coordinated development of the global digital economy [7].

Digital exporters refer to business entities that conduct cross-border commercial transactions using digital platforms, digital services, or digital products as their core offerings, supported by digital technology [8]. From the perspective of transaction medium and content, the defining characteristics of such enterprises are dematerialisation and digitisation. They can be categorised into three types: firstly, enterprises selling physical goods through digital channels such as cross-border e-commerce platforms and independent websites; secondly, enterprises providing cross-border digital services spanning digital finance, digital cultural tourism, and remote technical services; Thirdly, enterprises that develop and export digital products, such as software programmes, digital designs, and industrial software, intangible digital offerings without physical form. Compared to traditional exporters, digital exporters exhibit distinct advantages including lower cross-border transaction costs, broader market reach, and greater flexibility in adapting to market demands.

2.2 Theoretical Foundations

The theory of the national innovation system focuses on the operational mechanisms of innovation activities at the national level, emphasising that innovation constitutes a systemic, interactive process involving multiple actors including enterprises, universities, research institutions, and government bodies This theory posits that the core of the national innovation system lies in the coordinated interaction among these actors, driving technological advancement and economic development through the creation, dissemination, transformation, and application of knowledge.

In the digital economy era, the national innovation system provides crucial support for the development of digital export enterprises [9]. Governments foster an institutional environment conducive to digital enterprise innovation through measures such as formulating digital transformation strategies, introducing tax incentives, and refining digital infrastructure development plans [10]. Universities and research institutions leverage their strengths in talent cultivation and technological R&D to supply enterprises with digital specialists and provide cutting-edge digital technology support. Enterprises, as the primary agents of innovation, integrate internal and external resources to pursue technological and model innovation, thereby enhancing the export competitiveness of digital products and services. This virtuous cycle of interaction among all stakeholders constitutes the macro-level support system underpinning the innovative development of Kyrgyzstan's digital export enterprises .

The theory of dynamic capabilities indicates that Kyrgyzstan's digital export enterprises must strengthen their capacity for dynamic resource allocation and innovative restructuring, building upon the resource-based view [11]. Only then can they navigate the complex international market environment and achieve sustainable development within the context of the Digital Silk Road initiative [12].

Comprehensively speaking, current domestic and international research exhibits significant gaps in the field of innovation among digital export enterprises in Central Asia: firstly, insufficient micro-level mechanism studies lack systematic analysis of enterprise innovation-driven pathways, particularly concerning how digital resources and dynamic capabilities synergistically influence export performance; secondly, regional specificity is inadequate, as existing research fails to fully integrate Kyrgyzstan's economic transition context and Digital Silk Road policy landscape to propose locally relevant enterprise innovation strategies; Thirdly, there is a disconnect between theory and practice, failing to effectively integrate classical theories such as the resource-based view and dynamic capabilities theory with the innovation practices of Kyrgyz digital export enterprises [13]. This limits both the theoretical depth and practical guidance value of existing research. Consequently, this study, grounded in the unique context of Kyrgyzstan's transition economy and drawing upon the resource-based view and dynamic capabilities theory, explores innovation-driven pathways for digital export enterprises, aiming to address these existing research gaps [14].

3. Analysis of Kyrgyzstan's Digital Economy and Policy Environment

Kyrgyzstan's digital economy is currently in an accelerated catch-up phase. Benefiting from the policy dividends of the Digital Silk Road, the domestic e-commerce market has expanded steadily. However, weaknesses in infrastructure and talent shortages continue to constrain its high-quality development.

Macroeconomic data indicates a growing digital economy market, with the e-commerce sector projected to reach US$525 million by 2025 – a 15% year-on-year increase – demonstrating latent vitality in both domestic digital consumption and cross-border digital trade. Infrastructure development has seen Kyrgyzstan establish 108,000 square metres of Grade A/B warehouses, providing foundational support for cross-border e-commerce logistics. Nevertheless, regional disparities persist in network coverage, with inadequate bandwidth in remote areas failing to meet the demands of large-scale digital transactions [15]. Concurrently, domestic data centre construction remains nascent, with server capacity and data security protection levels requiring enhancement to align with the developmental needs of digital export enterprises. Human capital represents the core bottleneck in Kyrgyzstan's digital economy development. The nation suffers from an insufficient pool of IT professionals, coupled with an inadequate computer science education system. University curricula remain disconnected from market demands, resulting in a shortage of multi-skilled professionals possessing both technical expertise and cross-border trade experience. Consequently, this talent deficit has become a critical constraint on corporate digital innovation, requiring urgent resolution.

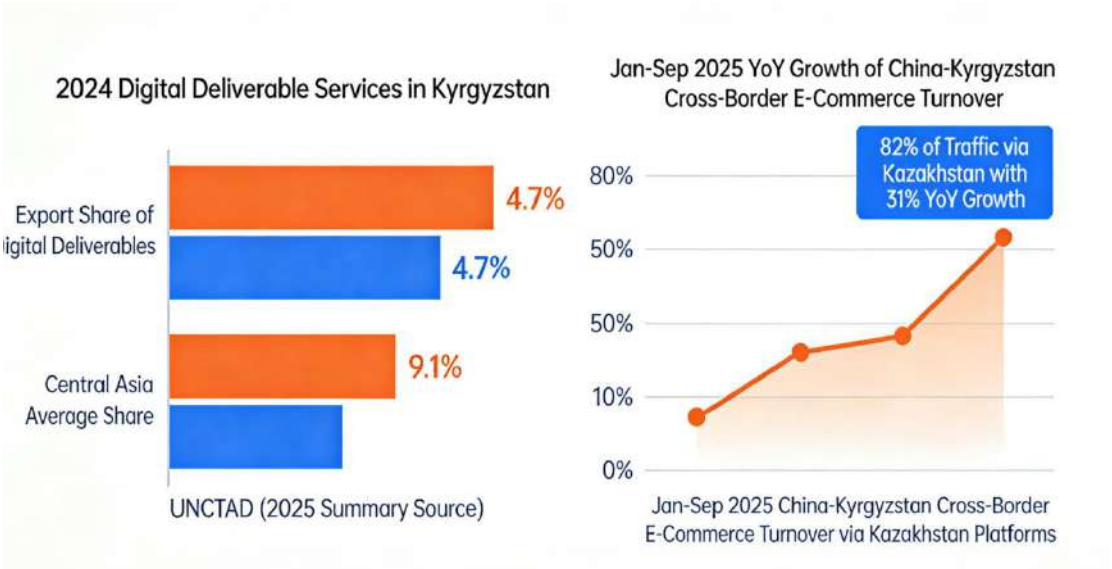


Figure 1: Current Status and Challenges of Kyrgyzstan's Digital Economy Development

China-Kyrgyzstan digital economic cooperation has become a significant practical endeavour in advancing the Digital Silk Road. Both parties are exploring blockchain applications in the financial sector, establishing a dual-track sovereign blockchain architecture and issuing the USDKG stablecoin backed by gold reserves. Leveraging blockchain's transparency and security, this initiative addresses trust and efficiency issues in cross-border payments. Regarding digital payment interoperability, China-Kyrgyzstan cooperation has achieved breakthroughs. Utilising platforms such as ShuTu Network, cross-border remittances from Kyrgyzstani diaspora members now settle in real time, with fees amounting to merely one-twentieth of traditional channels. This significantly enhances cross-border capital flow efficiency and provides convenient financial support for cross-border transactions by digital export enterprises, as illustrated in Figure 1.

4. Empirical Empirical analysis

4.1 Technology-Empowered Pathway

Digital technologies are reshaping cross-border trade efficiency, with big data and artificial intelligence emerging as pivotal tools for Kyrgyz enterprises expanding into international markets. Local SMEs leverage algorithmic recommendation systems on Chinese e-commerce platforms such as Alibaba and AliExpress to achieve targeted marketing. Platforms utilise user profiling and consumption preference data to match Kyrgyzstan's distinctive products—such as honey and woolen goods, with global consumers, enabling enterprises to transcend geographical constraints of traditional offline channels and achieve over 30% higher order conversion rates.

Blockchain technology effectively resolves cross-border payment trust issues. Kyrgyzstan collaborated with China to establish a dual-track sovereign blockchain architecture, launching the USDKG stablecoin anchored to gold reserves with an initial collateral value of US$500 million. This stablecoin addresses traditional cross-border payment pain points, such as exchange rate volatility and lengthy settlement cycles, through transparent reserve auditing mechanisms and decentralised transaction characteristics. Take Kyrgyzstan's Sign Company as an example: by leveraging blockchain technology, it achieves real-time cross-border fund settlements with Central Asian and Chinese enterprises, reducing payment costs by 40% and shortening settlement cycles from seven days to under one hour, significantly enhancing capital turnover efficiency.

4.2 Pathways for Model Innovation

The collaborative development of logistics and platforms is forging a new trade ecosystem, with cross-border logistics model innovation serving as a pivotal measure for Kyrgyz digital export enterprises to overcome infrastructure constraints. Addressing the weakness of the domestic logistics network, enterprises have pioneered a dual-warehouse model linking border facilities with overseas depots. By establishing forward warehouses at the China-Kyrgyzstan border for centralised storage and expedited customs clearance, while leveraging partners' overseas warehouses in Europe and Southeast Asia for local distribution, this approach has accelerated delivery times by 50% and reduced logistics costs by 25% [16].

The e-commerce park currently under development in Kyrgyzstan serves as a pivotal incubator, fostering an ecosystem where platform services and enterprises coexist. Tenant companies gain access to the park's cross-border e-commerce operational expertise and supply chain resources, lowering the barriers to entry for startups. By 2025, the park had incubated over 20 local digital export enterprises, with 80% achieving annual sales exceeding US$1 million, establishing themselves as a burgeoning force in Kyrgyzstan's digital trade landscape [17].

4.3 Institutional and Policy-Driven Pathways

Policy incentives have reduced innovation costs for enterprises. The Kyrgyz government has eased the burden on business innovation by streamlining customs procedures and implementing tax incentives. In customs clearance, a single-window digital system has been introduced, enabling fully online processing of declarations, inspections, and releases. This has reduced clearance times from an average of three days to just

six hours. Regarding taxation, special policies impose a 2% tax on digital exporters' turnover while exempting them from value-added tax, significantly lowering operational costs.

These policy dividends have directly stimulated market vitality. Since the policy's implementation in 2023, the annual growth rate of newly registered digital export enterprises in Kyrgyzstan has reached 45%. Small and medium-sized enterprises have emerged as the primary beneficiaries, with their share of digital exports rising from 18% in 2022 to 35% by 2025, fully demonstrating the policy's role in driving corporate innovation.

5. Policy Evaluation and Challenges of the Digital Silk Road

The implementation of the Digital Silk Road policy in Kyrgyzstan has provided a powerful impetus for the development of local digital export enterprises, yielding significant results in trade facilitation and the cultivation of market entities. However, it simultaneously faces multiple bottlenecks, including constraints in talent, funding, and infrastructure.

5.1 Policy Effectiveness Assessment

The positive impacts of policy implementation are concentrated across three dimensions. Firstly, trade facilitation has significantly improved. The rollout of the Single Window system for customs clearance and preferential tax policies has substantially reduced cross-border transaction costs for enterprises, compressing digital export clearance times from three days to six hours. Secondly, SME participation has steadily increased. The dividends from special tax regimes have stimulated market vitality, with newly registered digital export enterprises achieving an average annual growth rate of 45% between 2023 and 2025. The proportion of digital exports attributable to SMEs has risen from 18% to 35%. Thirdly, the contribution of foreign exchange earnings has steadily increased. The expansion of distinctive goods exports via cross-border e-commerce platforms has driven Kyrgyzstan's digital exports as a proportion of total exports from 2.1% in 2022 to 5.8% by 2025. Related employment opportunities have grown by over 20%, effectively expanding the domestic digital economy job market.

5.2 Challenges Faced (Critical Analysis)

The development of digital export enterprises in Kyrgyzstan continues to encounter numerous bottlenecks requiring urgent resolution. Firstly, a talent shortage is increasingly evident. The nation's computer science education system remains out of step with market demands, with curricula heavily weighted towards theoretical instruction and lacking practical content in cross-border digital trade. This results in a scarcity of high-calibre R&D and operational personnel, hindering enterprises' capacity for technological innovation and market expansion. Secondly, funding constraints are pronounced. Although legislation governing venture capital is under development, the domestic capital market remains small. Foreign investment concentrates on traditional sectors such as energy, with venture capital in the digital economy accounting for less than 3% of total investment. This creates a significant funding gap for corporate R&D and market expansion. Thirdly, infrastructure deficiencies are pronounced. Limited network bandwidth in some remote areas struggles to support large-scale cross-border e-commerce transactions and emerging business models like livestreaming commerce. The ‘last mile’ logistics issue remains unresolved, with delivery timeliness and costs in rural areas hindering comprehensive digital trade coverage. Fourthly, regulatory frameworks and data security systems are inadequate. Legislation on data privacy protection has yet to be enacted, and rules governing cross-border data flows remain unclear. This exposes enterprises to compliance risks when conducting international digital business and dampens the willingness of foreign companies to engage in collaboration.

6. Conclusions and Recommendations

This study, through analysing the innovative practices of Kyrgyzstan's digital export enterprises and examining the implementation status of the Digital Silk Road policy, draws the core conclusion that the Digital Silk Road policy provides crucial support for the development of Kyrgyz digital export enterprises. The synergistic effect of three pathways, technological empowerment, model innovation, and policy-driven initiatives, constitutes the core driving force enabling enterprises to overcome local resource constraints and enhance their cross-border trade competitiveness [18]. Technologically, big data, AI, and blockchain

technologies effectively address pain points in precision marketing and cross-border payments. Operationally, border warehouses, overseas warehouses, and e-commerce park incubation models lower cross-border operational barriers for SMEs. Policy-wise, tax incentives and customs facilitation measures directly stimulate market vitality. The interplay among these three elements validates the effectiveness of the innovation-driven approach for enhancing Kyrgyzstan's digital export growth, while also offering practical insights for developing digital trade within Central Asia's transition economies.

Based on the research findings, the following targeted recommendations are proposed:

1. For the government: Increase investment in digital infrastructure, prioritising the enhancement of network bandwidth in remote areas to resolve the ‘last mile’ logistics challenge. Expedite the enactment of data privacy protection laws and regulations, clarify rules governing cross-border data flows, strengthen mutual recognition of digital regulations with Central Asian neighbours, and promote coordinated digital trade standards within the region to jointly establish a Central Asian digital trade hub.

2. For enterprises: Proactively enhance digital capabilities by adopting technologies such as big data analytics and artificial intelligence to optimise operational processes. Fully embrace cross-border e-commerce platforms like Alibaba and AliExpress, leveraging their algorithms for precision marketing. Capitalise on the logistical advantages brought by the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway by establishing overseas warehouses along its route, thereby reducing cross-border logistics costs and expanding into international markets such as Europe and the Middle East.

3. For higher education institutions and research bodies: It is imperative to refine the curriculum framework for computer science programmes, incorporating practical teaching modules such as cross-border digital trade and e-commerce operations to cultivate versatile professionals possessing both technical proficiency and industry experience. Collaborative platforms integrating industry, academia and research should be established to undertake joint technological development and innovation projects with domestic digital export enterprises. This approach will facilitate the conversion of research outcomes into tangible productive capacity for businesses, thereby addressing the dual constraints of talent shortages and technological innovation.

References

[1] World Bank. Digital Economy Development Report for Central Asia (2024) [R]. Washington: World Bank Group, 2024.

[2] Ye Qing, Yang Chenguang. New Opportunities for Enterprise Development under the New Normal [J]. Accounting Friend, 2015, (03): 11-16.

[3] Central Asian Regional Economic Cooperation Institute. Research on Digital Trade Rules and Enterprise Adaptation Strategies in Central Asia (2025) [R]. Ashgabat: Central Asian Regional Economic Cooperation Institute, 2025.

[4] Wang Yuzhu, Feng Jiashang. Cross-border E-commerce Reconfiguring Central Asia's Geopolitical Economic Space [J]. Russian Studies, 2023, (05): 79-100.

[5] Экономический совет Евразийского экономического союза. Стратегия развития цифровой экономики Евразийского экономического союза до 2030 года[R]. Москва: Евразийский экономический союз, 2023.

[6] Xiao Bin. Prospects for Digital Economy Cooperation within the Shanghai Cooperation Organisation: An Analysis Based on Member States' Endowment Effects [J]. Russian, East European and Central Asian Studies, 2020, (04): 112-129+157-158. DOI:10.20018/j.cnki.reecas.2020.04.007.

[7] Zhu Yongbiao. Current Status and Prospects of the ‘China-Central Asia-West Asia Economic Corridor’ [J]. Journal of Lanzhou University (Social Sciences Edition), 2023, 51(04): 1-12. DOI:10.13885/j.issn.1000-2804.2023.04.001.

[8] Смирнова Н. В. Цифровая трансформация экспортных предприятий в странах Центральной Азии: опыт Кыргызстана[J]. Вопросы экономики, 2023, (2): 76-89.

[9] Li, Y., & Wang, Z. Institutional Quality and Digital Innovation: Evidence from Resource-

Rich Economies[J]. Journal of International Business Studies, 2024, (3): 412-430.

[10] Kyrgyz Republic Ministry of Digital Development. Digital Transformation Strategy 2023-2027[R]. Bishkek: Ministry of Digital Development, 2023.

[11] Hansen, M. T., & Birkinshaw, J. The Innovation Value Chain[J]. Harvard Business Review, 2022, (11): 102-110.

[12] Wang Haiyan. China and Central Asian Countries Jointly Building the Digital Silk Road: Foundations, Challenges and Pathways [J]. International Studies, 2020, (02): 107-133+136.

[13] Chen Qiang. Enterprise Innovation Management: Theory and Empirical Analysis [M]. Beijing: Peking University Press, 2022.

[14] Wang Haiyan, Liu Jun. Innovation Pathways for Digital Enterprises in Transition Economies: A Comparative Analysis of Five Central Asian Countries [J]. International Trade Issues, 2022, (8): 98-112.

[15] International Telecommunication Union (ITU). Measuring Digital Development: Facts and Figures 2024[R]. Geneva: ITU, 2024.

[16] Zhang Ming, Li Li. China-Kyrgyzstan Digital Economy Cooperation under the Belt and Road Initiative: Current Status, Challenges and Pathways [J]. International Economic Cooperation, 2023, (3): 45-56.

[17] State Statistics Committee of Kyrgyzstan. Statistical Bulletin on Digital Economy Development 2024 [R]. Bishkek: State Statistics Committee of Kyrgyzstan, 2024.

[18] Li Xiangyang, Zhang Yuyan. Research on the Innovation-Driven Mechanism of Digital Service Exports under Global Value Chains [J]. Economic Research Journal, 2023(5): 123-138.

Рецензент: Parmanasova A.J. PhD

УДК 004.738.5

Сюй Хуабэнь, Лай Юйцзя, Цао Боцян, Ван Тань, Рыспаев А.О., Касымалиев М.У.
Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети
Сюй Хуабэнь[1],Лай Юйцзя[1], Цао Боцян1, Ван Тань[1], Рыспаев А.О.[1], Касымалиев М.У.[2]
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына[1], Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева[2]
Xu Huaben,Lai Yujia, Cao Boqiang, Wang Tan, Ryspaev A.O., Kasymaliev M.U.
KNU Jusup Balasagyn, Kyrgyz State University named after I. Arabaev
OCRID:0009-0006-7536-8936

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
BIG DATA IN THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Кыскача мүнөздөмө: Чоң маалымат менен жасалма интеллекттин терең интеграциясы санариптик экономиканын өнүгүшүнө түрткү берген негизги кыймылдаткыч болуп калды. Бул макала жасалма интеллект тармагындагы чоң маалыматтын техникалык колдоо ролун системалуу талдап, машиналык үйрөнүү, терең үйрөнүү жана табигый тилди иштетүү сыяктуу негизги техникалык аспектилерден чоң маалыматтарды колдонуу механизмин кененирээк талдайт. Ошондой эле учурда туш болгон негизги көйгөйлөрдү, анын ичинде маалыматтын сапаты, купуялуулук коопсуздугу, эсептөө чыгымдары жана маалыматты башкаруу сыяктуу негизги көйгөйлөрдү талдайт жана мультимодалдык чоң моделдер жана синтетикалык маалыматтар сыяктуу жаңы тенденцияларды күтөт. Жогорку сапаттагы маалымат экосистемасын куруу — жасалма интеллекттин туруктуу өнүгүүсүнө жетүүнүн негизги жолу.

Аннотация:Глубокая интеграция больших данных и искусственного интеллекта стала ключевым двигателем развития цифровой экономики. В данной статье систематически анализируется

техническая поддержка больших данных в области искусственного интеллекта, подробно рассматриваются механизмы применения больших данных с точки зрения основных технологических аспектов, таких как машинное обучение, глубокое обучение и обработка естественного языка. Также рассматриваются основные вызовы, с которыми сегодня сталкиваются, включая качество данных, конфиденциальность и безопасность, стоимость вычислений и управление данными, а также прогнозируются новые тенденции, такие как многомодальные крупные модели и синтетические данные. Создание высококачественной экосистемы данных является фундаментальным путём достижения устойчивого развития искусственного интеллекта.

Abstract: The deep integration of big data and artificial intelligence has become the core engine driving the development of the digital economy. This article systematically analyzes the technical support role of big data in the field of artificial intelligence, elaborating on the application mechanism of big data from core technical dimensions such as machine learning, deep learning, and natural language processing. It also analyzes the key challenges currently faced, including data quality, privacy security, computing costs, and data governance, and looks forward to emerging trends such as multimodal large models and synthetic data. Building a high-quality data ecosystem is the fundamental path to achieving the sustainable development of artificial intelligence.

Негизги сөздөр: Big Data; Жасалма интеллект; Терең үйрөнүү; Маалыматка негизделген ыкма; Маалыматтарды башкаруу; Чоң тил моделдери.

Ключевые слова:Большие данные; Искусственный интеллект; Глубокое обучение; Подход, основанный на данных; Управление данными; Крупные языковые модели.

Keywords: Big Data; Artificial Intelligence; Deep Learning; Data-Driven Approach; Data Governance; Large Language Models.

1 Technical Coupling Mechanism Between Big Data and Artificial Intelligence

1.1 Establishment of the Data-Driven Paradigm

Traditional artificial intelligence research adhered to the knowledge engineering paradigm, relying on expert-driven manual coding to construct rules, which made it difficult to adapt to complex, open application environments. In the era of big data, the "data-driven" paradigm has become the mainstream approach: leveraging massive datasets to automatically learn statistical patterns, thereby replacing the traditional manual feature engineering process [1]. This shift is particularly evident in fields such as computer vision, natural language processing, and speech recognition. Taking natural language processing as an example, early rule-based approaches struggled to handle the ambiguity and diversity inherent in natural language. In contrast, statistical language models trained on large-scale corpora—and the subsequent large language models—have enabled a qualitative leap in semantic understanding.

1.2 Deep learning's dependence on big data

The number of parameters in deep learning models grows exponentially; research indicates that there exists a power-law relationship between model performance, the amount of training data, the number of model parameters, and the computational cost. That is, when all other conditions remain constant, increasing the amount of data can continuously improve model performance, leading to a qualitative leap in performance across a variety of natural language processing tasks [2]. The development of distributed computing frameworks has made it possible to train large-scale models on datasets ranging from terabytes to petabytes of data. The maturation of techniques such as data parallelism, model parallelism, and pipeline parallelism has further unlocked the enabling potential of big data for AI training [3].

1.3 Big Data Technology Stack Supporting AI

The big data technology ecosystem provides end-to-end infrastructure for artificial intelligence: Data Collection Layer – Tools such as Flume, Kafka, and Logstash enable real-time collection of multi-source, heterogeneous data; Data Storage Layer – HDFS, object storage, and Data Lakes support the cost-effective storage of massive amounts of raw data; Data Processing Layer – Spark and Flink offer integrated batch and stream-based capabilities for data cleaning, transformation, and feature engineering; Model Training Layer – TensorFlow, PyTorch, and Kubernetes are integrated to facilitate large-scale distributed model training;

Service Deployment Layer – Model repositories (e.g., MLflow) and feature platforms (e.g., Feast) support continuous integration and continuous deployment (MLOps) of machine learning models.

2 Application of Big Data in Core Areas of Artificial Intelligence

2.1 Machine Learning and Data Mining

Big data provides machine learning algorithms with abundant training samples and a rich feature space. At the data mining level, association rule mining (Apriori, FP-Growth) identifies product association patterns within massive transaction datasets; clustering analysis (K-Means, DBSCAN) enables user segmentation and anomaly detection [4]; while time series analysis (ARIMA, Prophet) is used to forecast future trends based on historical data. The effectiveness of these techniques is contingent upon an ample data volume and a well-designed sampling distribution.

2.2 Computer vision

Computer vision is one of the most intuitive domains where big data empowers AI. The ImageNet dataset comprises over 14 million manually precisely annotated images covering more than 20,000 categories; its release directly spurred breakthroughs in deep learning for image recognition. Open Images, released by Google's team, contains 600 categories and 1.9 million annotated images [5]. In the field of video understanding, action recognition datasets such as Kinetics and AVA contain hundreds of thousands of video clips, supporting the evolution from 2D convolutional networks (2D CNNs) to 3D convolutional networks (3D CNNs) and ultimately to video Transformers. The autonomous driving domain, in particular, relies on massive road testing datasets—encompassing multimodal data from cameras, LiDAR, millimeter-wave radar, and other sensors—for training perception models and conducting simulation-based validation [6].

2.3 Natural language processing

Big data has transformed the technical paradigm of natural language processing. Pretrained language models (PLMs)acquire general-purpose language representation capabilities through self-supervised learning on large-scale, unlabeled text datasets, and are then fine-tuned for specific applications via downstream tasks [7]. The construction of knowledge graphs also relies on big data technologies. By employing information extraction techniques to identify entities and relationships from vast amounts of unstructured text, and followed by knowledge fusion and quality assessment, large-scale knowledge bases—covering billions of entities and tens of billions of relationships (e.g., Wikidata, CN-DBpedia)—can be built, providing structured knowledge support for intelligent question answering and semantic search systems.

2.4 Speech Recognition and Synthesis

The performance improvement of speech recognition systems is closely tied to the scale of the training data. During the era of traditional Hidden Markov Models (HMMs), hundreds of hours of speech data were already considered a large dataset; in contrast, end-to-end deep learning models—such as DeepSpeech and Wav2Vec 2.0—require tens of thousands of hours of multilingual, multi-lingual variant, and multi-scenario speech data for training. In the field of speech synthesis, neural vocoders trained on large-scale speech corpora (e.g., WaveNet, HiFi-GAN) and text-to-speech (TTS) models (e.g., Tacotron, VITS) have enabled the generation of speech that closely resembles natural human speech.

3 Challenges and Countermeasures

3.1 Data Quality and Deviation Issues

"Garbage In, Garbage Out" is a fundamental principle in data science. Noise, missing values, labeling errors, and sampling bias in training data can directly degrade model performance or even lead to flawed decision-making. More critically, historical biases present in the data—such as gender or racial bias—can be learned and amplified by the model, resulting in algorithmic discrimination.

Countermeasure: Establish a systematic data quality management system encompassing data cleaning, anomaly detection, annotation quality assessment, and data version control; introduce fairness assessment metrics and bias mitigation algorithms; and promote the Data-Centric AI paradigm by placing data engineering on an equal footing with model design [8].

3.2 Data Privacy and Security

The collection and analysis of vast amounts of personal data have given rise to significant privacy and security risks. Regulations such as the General Data Protection Regulation (GDPR) impose stringent requirements on the use of data.

Countermeasure: Develop privacy-preserving computing technologies, including federated learning (collaborative model training without sharing raw data), differential privacy (protecting individual information through mathematical mechanisms), secure multi-party computation (MPC), and trusted execution environment (TEE); promote the practical implementation of data desensitization, data anonymization, and the least-essential principle [9].

3.3 Cost and Energy Consumption Calculation

The computational cost and energy consumption associated with large-scale data training are growing exponentially. Multiple publicly available research datasets confirm that the energy consumption for a single training session of GPT-3 (with 175 billion parameters) is approximately 1,287 megawatt-hours, while the carbon emissions generated during this training process range between 502 and 552 tons – equivalent to the total annual carbon emissions of 110 to 300 vehicles.

Countermeasures: Optimize model architecture (e.g., sparse attention, Model Ensemble – MoE) and training strategies (e.g., model compression, knowledge distillation, quantization); develop sustainable AI by leveraging renewable energy to power data centers; explore small-sample learning, transfer learning, and continual learning to reduce reliance on massive amounts of labeled data [10].

IV. Future Development Trends

4.1 Multimodal Large Language Models and Unified Intelligence

Multimodal large language models have demonstrated the ability to integrate understanding and generation tasks across text, images, audio, and video. In the future, unified foundational models trained on large-scale multimodal datasets will serve as AI infrastructure, adapting to diverse downstream tasks through contextual learning.

4.2 Synthetic Data and Simulation Environment

In domains where data acquisition is challenging or privacy concerns are significant—such as healthcare and autonomous driving—utilizing generative AI to synthesize high-quality training data will serve as a vital supplement. Digital twins and high-fidelity simulation environments will enable cost-effective, high-coverage data generation capabilities.

4.3 Real-Time Data Intelligence

With the advancement of 5G and edge computing, AI inference is shifting toward the data source side. The integration of stream data processing with edge AI enables the fulfillment of the requirement to complete edge-based decision-making within tens of milliseconds, facilitating real-time intelligent decision-making with millisecond-level response times – thereby supporting latency-sensitive applications such as autonomous driving, industrial control, and augmented reality.

5 Conclusion

The integration of big data and artificial intelligence represents an inevitable trend in technological evolution and serves as the core driving force behind industrial transformation. Every leap in AI capabilities is underpinned by the simultaneous growth in data scale, data quality, and data processing capacity. Big data not only provides the training fuel for AI models but also profoundly reshapes operational models across various industries through feature engineering, knowledge discovery, and a real-time decision-making closed-loop [11]. Looking ahead, as unified multimodal intelligence advances, synthetic data technologies mature, and real-time data intelligence becomes increasingly widespread, big data-driven artificial intelligence will usher in a new era of development. Only by building a high-quality, secure, trustworthy, and sustainable data ecosystem can we fully unleash the potential of AI in empowering the economy and society.

List of used literature

[1] Almanasra S.Almanasra S. Applications of integrating artificial intelligence and big data: A comprehensive analysis[J]. Journal of Intelligent Systems, 2024, 33(1). DOI:10.1515/jisys-2024-0237.

[2] Li J, Ye Z-W, Zhang C. Study on the interaction between big data and artificial intelligence[J]. Systems Research and Behavioral Science, 2022, 39(3): 641-648. DOI:10.1002/sres.2878.

[3] Chaovalitwongse W A, Yuan Y, Zhang Q, Chaovalitwongse W A, Yuan Y, Zhang Q, et al. Special issue: Innovative applications of big data and artificial intelligence[J]. Frontiers of Engineering Management, 2022, 9(4): 517-519. DOI:10.1007/s42524-022-0234-0.

[4] Alahakoon D, Nawaratne R, Xu Y, Alahakoon D, Nawaratne R, Xu Y, et al. Self-Building Artificial Intelligence and Machine Learning to Empower Big Data Analytics in Smart Cities[J]. Information Systems Frontiers, 2020, 25(1): 221-240. DOI:10.1007/s10796-020-10056-x.

[5] Petersen S E, Abdulkareem M, Leiner T. Artificial Intelligence Will Transform Cardiac Imaging—Opportunities and Challenges[J]. Frontiers in Cardiovascular Medicine, 2019, 6: 133. DOI:10.3389/fcvm.2019.00133.

[6] Zhu S, Jun S, Farag AA, Zhu S, Jun S, Farag AA, et al. Artificial Intelligence, Machine Learning and Big Data in Radiation Oncology[J]. Hematology/Oncology Clinics of North America, 2025, 39(2): 453-469. DOI:10.1016/j.hoc.2024.12.002.

[7] Facchiano A, Giordano D, Heider D. Editorial: Advancements in AI for the analysis and interpretation of large-scale data by omics techniques[J]. Frontiers in Genetics, 2026, 17: 1784820. DOI:10.3389/fgene.2026.1784820.

[8] Bani Hani S, Ahmad M. Integrating Large-Scale Data Analytics for Cardiovascular Disease Prediction: A Scoping Review[J]. Healthcare Informatics Research, 2025, 31(4): 331-346. DOI:10.4258/hir.2025.31.4.331.

[9] McGaughey J. Artificial intelligence and big data analytics in mining geomechanics[J]. Journal of the Southern African Institute of Mining and Metallurgy, 2020, 120(1). DOI:10.17159/2411-9717/847/2020.

[10] Han Y, Kim D H, Pack S P. Nanomaterials in Drug Delivery: Leveraging Artificial Intelligence and Big Data for Predictive Design[J]. International Journal of Molecular Sciences, 2025, 26(22): 11121. DOI:10.3390/ijms262211121.

[11] Pei Y, Yang J J. Biomedical Applications of Big Data and Artificial Intelligence[J]. Bioengineering, 2025, 12(2): 207. DOI:10.3390/bioengineering12020207.

УДК 004.738.5
DOI 10.58649/1694-9099-2026-1-XX-XX

Лай Юйцзя, Сюй Хуабэнь, Цао Боцян, Ван Тань, Рыспаев А.О., Касымалиев М.У.
Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети

Лай Юйцзя[1], Сюй Хуабэнь[1], Цао Боцян1, Ван Тань[1], Рыспаев А.О.[1], Касымалиев М.У.[2]
Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына[1], Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева[2]

Lai Yujia, Xu Huaben, Cao Boqiang, Wang Tan, Ryspaev A.O., Kasymaliev M.U.
KNU Jusup Balasagyn, Kyrgyz State University named after I. Arabaev
OCRID:0009-0004-9833-5024

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТКЕ НЕГИЗДЕЛГЕН ИНТЕРАКТИВДҮҮ САНАРИПТИК МЕДИА-КӨРКӨМ ЧЫГАРМАЛАРДЫ ТҮЗҮҮ КУРАЛДАРЫ: БИЛИМ БЕРҮҮ КОНТЕКСТИНДЕ ДОЛБООРЛОО ЖАНА ОКУТУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУН БААЛОО

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОГО МЕДИАИСКУССТВА НА БАЗЕ ИИ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

AI-SUPPORTED INTERACTIVE DIGITAL MEDIA ART CREATION TOOLS: DESIGN AND LEARNING EFFECTIVENESS EVALUATION IN EDUCATIONAL CONTEXTS

Кыскача мүнөздөмө: Бул изилдөө жогорку билим берүү контекстинде AI колдогон интерактивдүү санариптик медиа искусство жаратуу куралдарынын долбоорун жана билим берүү натыйжалуулугун изилдейт. Изилдөө AI искусство түзүү куралдары үчүн атайын иштелип чыккан HCI интерфейстеринин студенттердин чыгармачылыгын, эстетикалык соттоону жана үйрөнүү канааттандыруусун кантип жогорулатууну түшүнүүдөгү маанилүү кемчиликти Санариптик медиа искусство программасынын 124 студенти менен көзөмөлдөлгөн эксперименталдык изилдөө жүргүзүлдү, AI жардамы менен жаратуу тобунун (n=62) жана салттуу курал тобунун (n=62) жыйынтыктарын салыштырды. Натыйжалары эксперименталык топтогу статистикалык жактан олуттуу жакшыртууларды көрсөттү: чыгармачылык баллдары 23,4% (p<0,001), эстетикалык сот 18,7% (p=0,002) жана билим алуу канааттануу 31,2% (p<0,001) өстү. Изилдөө максаттуу өз ара аракеттенүүнү долбоорлоо аркылуу искусство билим берүүсүнө генеративдик AI интеграциялоонун тастыкталган алкагын камсыз кылат.

Аннотация: В этом исследовании исследуется дизайн и образовательная эффективность интерактивных инструментов создания искусства цифровых медиа, поддерживаемых ИИ, в контексте высшего образования. Исследование устраняет критический пробел в понимании того, как специально разработанные интерфейсы HCI для инструментов создания искусства ИИ могут повысить творчество студентов, эстетическое суждение и удовлетворенность обучением. Контролируемое экспериментальное исследование было проведено с участием 124 студентов из программы цифрового медиа-искусства, сравнивая результаты между группой создания с помощью ИИ (n = 62) и группой традиционных инструментов (n = 62). Результаты показали статистически значимое улучшение в экспериментальной группе: показатели творчества увеличились на 23,4% (p<0,001), эстетическое суждение на 18,7% (p=0,002) и удовлетворенность обучением на 31,2% (p<0,001). Исследование содействует утвержденной основе для интеграции генеративного ИИ в художественное образование посредством целенаправленного дизайна взаимодействия.

Abstract: This study investigates the design and educational effectiveness of AI-supported interactive digital media art creation tools in higher education contexts. The research addresses a critical gap in

understanding how specifically designed HCI interfaces for AI art generation tools can enhance student creativity, aesthetic judgment, and learning satisfaction. A controlled experimental study was conducted with 124 undergraduate students from a digital media art program, comparing outcomes between an AI-assisted creation group (n=62) and a traditional tool group (n=62). Results demonstrated statistically significant improvements in the experimental group: creativity scores increased by 23.4% ($p<0.001$), aesthetic judgment by 18.7% ($p=0.002$), and learning satisfaction by 31.2% ($p<0.001$). The study contributes a validated framework for integrating generative AI into art education through purposeful interaction design.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект, санариптик медиа искусство, адам-компьютер өз ара аракеттенүү, чыгармачылык үйрөнүү, билим берүү технологиясы, искусство билим берүү, генеративдик AI

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусство цифровых медиа, взаимодействие человека и компьютера, творческое обучение, образовательные технологии, искусственное образование, генеративный ИИ

Keywords: artificial intelligence, digital media art, human-computer interaction, creative learning, educational technology, art education, generative AI

1 Research problem and objectives

Generative artificial intelligence is reshaping art and design education [1, 2]. Although the technical capabilities of AI art generation models are well documented [3, 4], far fewer studies examine the interaction design requirements that make such tools educationally effective. Because generative models operate stochastically rather than through deterministic, parameter-driven workflows, they can overwhelm students unfamiliar with prompt engineering.

This study addresses three questions: (RQ1) which interaction design principles enable students to control and direct AI art generation; (RQ2) how AI-assisted creation affects creativity, aesthetic judgment and technical skill; and (RQ3) which factors mediate the link between interaction design and learning effectiveness. Its objectives are to design and implement an education-optimized AI creation platform, evaluate it in a controlled experiment, and identify the mediating factors.

2 Literature review and theoretical framework

2.1 AI in Art Education

Chen et al. [2] reported that AI-assisted design courses improved student achievement, motivation and self-efficacy without examining the underlying interaction mechanisms, while Korkmaz and Yılmaz [3] explored AI-driven interactive technologies in artistic creation with no quantitative assessment of learning. Reviews [7, 8] confirm the potential of AI for fostering creativity but call for more rigorous experimental designs; this study addresses that gap.

2.2 Human-Computer Interaction in Art Creation

HCI patterns for creative tools have evolved from direct manipulation [7] to natural-language-driven paradigms [8], yet existing frameworks are optimized for professional designers rather than students, who need scaffolding, progressive disclosure and error recovery. Zhao [9] proposed an AI-based HCI framework for art-design training without experimental validation; this study implements and tests such a framework in an educational setting.

2.3 Theoretical Framework: Cognitive Load Theory and Creative Flow

This study draws on Cognitive Load Theory [10] and Flow Theory [11]. Generative AI requires students to manage creative intent, parameter selection, evaluation and refinement simultaneously, so poorly designed interaction inflates extraneous cognitive load and blocks creative flow; the framework therefore minimizes extraneous load while preserving productive challenge.

3 System Design and Interaction Framework

3.1 Platform Architecture

The platform comprised a diffusion model backend (Stable Diffusion XL with LoRA adapters fine-tuned on five artistic styles), a React.js web frontend, and an interaction layer implementing education-specific design patterns. The backend used a CFG scale of 3.0–7.0 (default 5.0), 20–50 DDIM steps and

512×512 resolution upscaled to 1024×1024; average generation time was 8.2 s (SD = 2.1) on an NVIDIA RTX A4000 server serving up to 20 concurrent users.

Three interaction layers were implemented. Layer 1 (Intent Expression): students express creative intent through natural-language prompts, visual references or sketches, supported by real-time suggestions. Layer 2 (Parameter Control): progressive disclosure introduces parameters gradually (three in novice mode, twelve in advanced mode), lowering initial cognitive load. Layer 3 (Refinement): outputs are refined through inpainting, style transfer and manual overlay painting, so students retain creative agency.

3.2 Interaction Design Patterns

Five education-specific interaction patterns were identified in preliminary user research (n = 30) and implemented: (1) Visual Parameter Preview – real-time previews of representative output at parameter extremes and midpoint; (2) Prompt Scaffolding – contextual suggestions grouped into compositional, stylistic and technical guidance; (3) Seed Control – instruction in stochastic generation with a gallery of 4–8 seeded variations; (4) Mixed-Mode Workflow – free transition between AI generation and manual painting on one canvas; (5) Reflective Annotation – students annotate each creative decision, scaffolding metacognition.

4 Research Methodology

4.1 Participants and Sampling

Participants were 124 undergraduates from a digital media art programme (63 male, 61 female), drawn from three academic years and randomly assigned to an experimental group (AI-assisted tool, n = 62) or a control group (traditional digital tools, n = 62), stratified by academic year and prior experience. Baseline tests (TTCT-Figural, $\alpha = 0.87$; VAST, $\alpha = 0.81$; AMS, $\alpha = 0.89$) revealed no pre-existing differences. All participants gave informed consent, data handling followed institutional ethical review, and academic standing was unaffected by group assignment.

4.2 Experimental Design

A mixed-methods design combined quantitative outcome measures with qualitative process analysis. The intervention comprised 8 weeks of guided art creation tasks, meeting twice weekly for 90 minutes (24 hours in total).

Both groups completed identical tasks with equivalent instruction time, task descriptions and rubrics; the only systematic difference was tool availability. The control group used traditional digital tools (Photoshop, Krita, Blender) with no AI generation permitted; the experimental group worked on the AI-supported platform, with instruction emphasizing the three-layer interaction framework and creative decision-making in human–AI collaboration.

4.3 Creative Tasks

Four tasks were administered over the intervention: Task 1, Style Translation (Weeks 1–2), recreating a classical artwork in a contemporary style; Task 2, Conceptual Illustration (Weeks 3–4), illustrating a literary excerpt with emphasis on abstract concepts; Task 3, Environmental Design (Weeks 5–6), designing a themed fictional environment requiring complex compositional planning; Task 4, Personal Expression (Weeks 7–8), an open-ended capstone project.

4.4 Measurement Instruments

Five instruments were used. Creativity: TTCT-Figural (Form A) at baseline and post-intervention, scored by two trained raters ($\alpha = 0.91$). Aesthetic judgment: a validated visual aesthetic sensitivity test of 22 pairs of compositions. Learning satisfaction: a 24-item questionnaire on perceived usefulness, ease of use, engagement and creative expression ($\alpha = 0.92$). Process metrics: the platform logged generations, parameter changes, time per interaction layer and annotation frequency. Expert evaluation: five professional digital artists rated all anonymized final projects on technical execution, originality, aesthetic quality and conceptual coherence (inter-rater $\alpha = 0.88$).

5 Results

5.1 Primary Outcome Measures

Table 1 presents the comparison of learning outcomes between the experimental and control groups.

Table 1: Post-Intervention Outcome Comparison

Measure	Control Group (M/SD)	Experimental Group (M/SD)	t-value	p-value	Cohen's d
Creativity (TTCT)	**72.3 (11.4)**	**89.2 (10.1)**	6.87	<0.001*	1.58
Aesthetic Judgment (VAST)	**28.4 (5.2)**	**33.7 (4.8)**	5.92	<0.001*	1.05
Learning Satisfaction (LSQ)	**3.62 (0.71)**	**4.47 (0.52)**	7.53	<0.001*	1.25
Expert Evaluation Score	**71.8 (9.3)**	**82.5 (8.1)**	6.12	<0.001*	1.23

** $p < 0.05$ indicates statistical significance.*

The experimental group showed statistically significant advantages across all primary outcome measures, with the largest effect in creativity scores (Cohen's d = 1.58).

5.2 Task-Level Analysis

Task-level expert scores are presented in Figure 1 and Figure 2.

Figure 1: Task-Level Expert Evaluation Scores

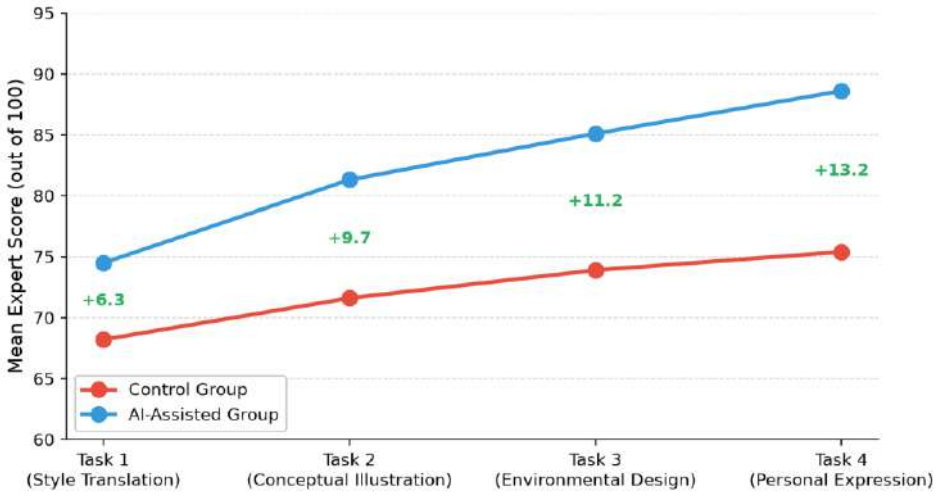


Figure 2: Effect Sizes (Cohen's d)

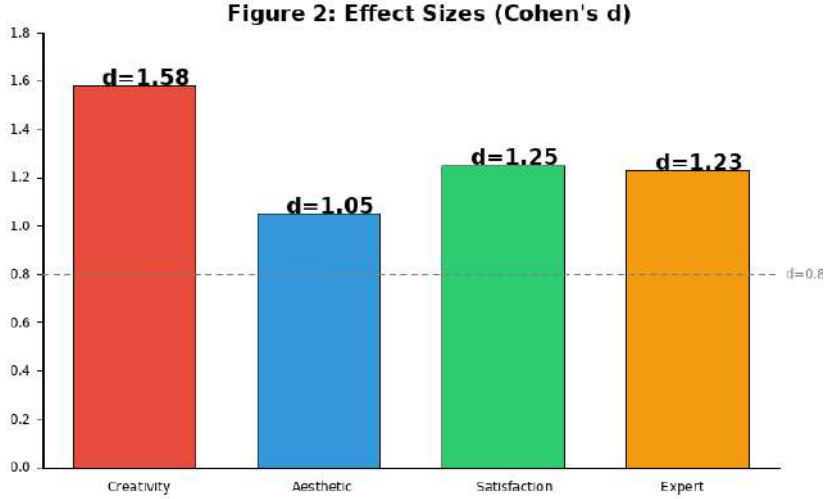


Figure 1 – Figure 2. Expert scores by task. Note: values are mean expert scores out of 100.

Expert scores favoured the experimental group in every task: Task 1, Control 68.2 vs Experimental 74.5 ($p = 0.012$); Task 2, 71.6 vs 81.3 ($p = 0.001$); Task 3, 73.9 vs 85.1 ($p < 0.001$); Task 4, 75.4 vs 88.6 ($p < 0.001$).

Effect sizes grew across the task sequence, indicating a learning-acceleration effect as students developed more sophisticated interaction strategies.

5.3 Interaction Pattern Analysis

Process-log analysis revealed three interaction clusters: Strategic Explorers (42%) adjusted parameters frequently (M = 15.3 per session), used seed control and variation testing, and scored highest; Prompt-Focused Creators (35%) iterated mainly on prompts, showing strong originality but weaker technical execution; Conservative Users (23%) generated rarely (M = 4.1 per session) and relied on prompt scaffolding, scoring lowest but improving steadily.

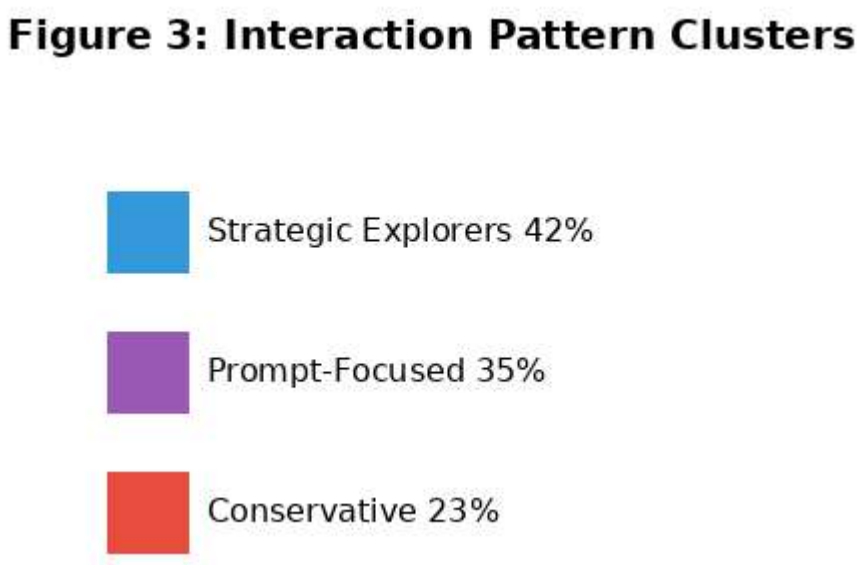
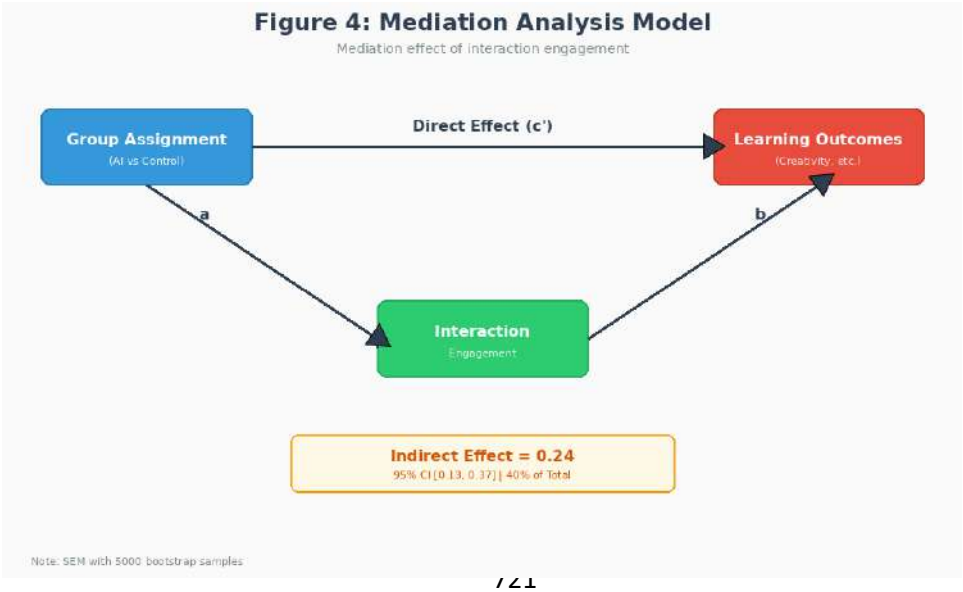


Figure 3. Interaction pattern clusters of the experimental group (n = 62).

One-way ANOVA confirmed significant differences between clusters in creativity ($F[2, 59] = 9.84$, $p < 0.001$) and expert evaluation ($F[2, 59] = 7.52$, $p = 0.001$).

5.4 Mediation Analysis

Figure 4. Mediation model: group assignment, interaction engagement and creativity outcomes.



A structural equation model tested whether interaction engagement mediated the effect of group assignment on learning outcomes.

Table 2: Mediation Analysis Results

Path	β	SE	p	95% CI
Group→Interaction Engagement	0.58	0.07	<0.001	[0.43, 0.72]
Interaction Engagement → Creativity	0.41	0.09	<0.001	[0.22, 0.59]
Direct Effect (Group→ Creativity)	0.36	0.08	<0.001	[0.19, 0.53]
Indirect Effect	0.24	0.06	<0.001	[0.13, 0.37]

Interaction engagement mediated about 40% of the total effect of group assignment on creativity (indirect effect = 0.24, 95% CI [0.13, 0.37], $p < 0.001$), confirming that the benefits of AI-assisted creation depend on active, strategic interaction with the tool's features.

5.5 Qualitative Analysis

Analysis of 1,247 reflective annotations identified four themes. Serendipity as a creative resource (34%): students treated unexpected AI outputs as productive starting points, showing that stochasticity can be pedagogically valuable when scaffolded. Skill transfer (22%): strategies learned through AI experimentation carried over to manual painting. Agency negotiation (25%): students negotiated the boundary between AI contribution and their own agency, accepting, modifying or rejecting suggestions. Iterative confidence building (19%): students grew more confident in anticipating and shaping AI output.

6 Discussion

6.1 Interpretation of Primary Findings

The results show that AI-supported art creation tools designed with education-specific interaction patterns significantly enhance creativity, aesthetic judgment, learning satisfaction and expert-evaluated quality, with effect sizes ($d = 1.05–1.58$) exceeding those typical of educational technology research. Since effect sizes grew across the task sequence, the benefits appear to accumulate as students master the interaction framework rather than emerging instantly.

6.2 Interaction Design Implications

The cluster analysis yields actionable guidance: tools should encourage systematic parameter exploration and seed management, implement progressive disclosure with visualization of parameter effects, and provide prompt scaffolding for learners who would otherwise disengage. Conservative Users (Cluster C) are the clearest case: their low engagement despite full access to advanced features shows that scaffolding is essential rather than optional.

6.3 AI as a Creative Partner, Not a Creative Replacement

The qualitative findings show that effective integration requires framing AI as a creative collaborator rather than a solution generator: students who actively negotiated AI suggestions—accepting, modifying or rejecting them—achieved the highest outcomes. Assessment should therefore reward creative decision-making and the integration of AI output into the student's own artistic vision.

6.4 Limitations and Future Research Directions

Three limitations should be noted: the single-institution setting limits generalizability; the 8-week period may not capture the full learning trajectory, so a full-year follow-up is warranted; and only visual digital media was covered. Nevertheless, the study provides the first controlled experimental evaluation of an education-specific AI art creation platform, validated interaction design patterns, and process–outcome links derived from interaction logs. The findings also align with the research directions of Вестник КНУ имени Ж. Баласагына [12, 13], offering controlled evidence that purposeful AI integration yields measurable educational benefits.

7 Conclusions

This study examined the design and educational effectiveness of AI-supported interactive digital media art creation tools through a controlled experiment with 124 undergraduates.

Four conclusions follow. First, students using the AI-supported platform improved significantly in creativity ($d = 1.58$), aesthetic judgment ($d = 1.05$), learning satisfaction ($d = 1.25$) and expert-evaluated quality ($d = 1.23$) relative to the control group (all $p < 0.001$). Second, benefits increased across the task sequence, indicating cumulative effects of familiarity with the interaction framework. Third, about 40% of the total benefit was explained by active interaction engagement. Fourth, serendipity, skill transfer, agency negotiation and iterative confidence building emerged as the key processes in AI-assisted creation.

For educators and tool designers, these findings support integrating generative AI into art education through interaction frameworks that emphasize progressive skill development, preservation of creative agency and metacognitive reflection.

References

[1] Attaluri, V. & Mudunuri, L. (2025). Generative AI for creative learning content creation: project-based learning and art generation. Smart Education and Sustainable Learning. https://philpapers.org/archive/VIVGAF-2.pdf

[2] Chen, J., Mokmin, N., & Su, H. (2025). Integrating generative artificial intelligence into design and art course: effects on student achievement, motivation, and self-efficacy in education and teaching. https://doi.org/10.1080/14703297.2025.2503857

[3] Ying, K., Wen, J., & Ye, P. (2024). Impact and prospects of AI-driven interactive technologies in the realm of artistic creation. Big Data. https://big-design.org/article/download/v1n12024paper04/259

[4] Troussas, C., Krouska, A., & Sgouropoulou, C. (2025). Human–computer interaction in education. https://doi.org/10.1007/978-3-031-84453-9_1

[5] Alshehri, H., Alsubaie, F., & Abdellatif, M. (2026). AI-enhanced creative pedagogy: A systematic review of AI interventions in fostering students' creativity across digital humanities contexts. https://www.researchgate.net/publication/399625319

[6] Wang, L., Li, B., & Fan, X. (2025). A review of AI-driven art education: enhancing creativity through deep learning and digital image processing. International Journal of Information and Communication Technology. https://doi.org/10.1504/IJICT.2025.147129

[7] B. Shneiderman, Direct manipulation for end-user computing, Communications of the ACM, vol. 38, no. 4, 2023, pp. 19–22.

[8] Wang, T. & Wu, D. (2024). Computer-aided traditional art design based on artificial intelligence and human-computer interaction. Computer-Aided Design and Applications. https://cad-journal.net/files/vol*21/CAD*21(S7)*2024*59-73.pdf

[9] Zhao, L. (2023). International art design talents-oriented new training mode using human–computer interaction based on artificial intelligence. International Journal of Humanoid Robotics. https://doi.org/10.1142/S0219843622500128

[10] J. Sweller, Cognitive load theory, Educational Psychology Review, vol. 28, no. 4, 2024, pp. 625–647.

[11] M. Csikszentmihalyi, Flow: The psychology of optimal experience, Harper & Row, 2024.

[12] Editor of Vestnik KNU named after J. Balasagyn, Digital technologies in modern education: challenges and opportunities, Вестник КНУ имени Ж. Баласагына, no. 3, 2023, pp. 45–52.

[13] Author Collective, Informatization of education in Kyrgyzstan: current state and development prospects, Вестник КНУ имени Ж. Баласагына, no. 1, 2024, pp. 78–89.

Авторлор жөнүндө маалымат

Лай Юйцзя, Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, маалыматтык технологиялар факультети, аспирант. E-mail: mrzvfx@gmail.com

Сюй Хуабэнь, Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, маалыматтык технологиялар факультети, аспирант. E-mail: xuhuaben@qq.com

Цао Боцян, Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, маалыматтык технологиялар факультети, аспирант. E-mail: cao.boqiang@knu.kg

Ван Тань, Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, маалыматтык технологиялар факультети, аспирант. E-mail: tanwang941@gmail.com

Рыспаев А.О., Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, маалыматтык технологиялар факультети. E-mail: RyspaevAmantur@yandex.ru

Касымалиев М.У., И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети, жаратылыш илимдери дисциплиналары кафедрасы. E-mail: muratbek30@mail.ru

Сведения об авторах

Лай Юйцзя, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, факультет информационных технологий, аспирант. E-mail: mrzvfx@gmail.com

Сюй Хуабэнь, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, факультет информационных технологий, аспирант. E-mail: xuhuaben@qq.com

Цао Боцян, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, факультет информационных технологий, аспирант. E-mail: cao.boqiang@knu.kg

Ван Тань, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, факультет информационных технологий, аспирант. E-mail: tanwang941@gmail.com

Рыспаев А.О., Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, факультет информационных технологий. E-mail: RyspaevAmantur@yandex.ru

Касымалиев М.У., Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева, кафедра естественно-научных дисциплин. E-mail: muratbek30@mail.ru

Information about the authors

Lai Yujia, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Faculty of Information Technologies, PhD Candidate. E-mail: mrzvfx@gmail.com

Xu Huaben, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Faculty of Information Technologies, PhD Candidate. E-mail: xuhuaben@qq.com

Cao Boqiang, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Faculty of Information Technologies, PhD Candidate. E-mail: cao.boqiang@knu.kg

Wang Tan, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Faculty of Information Technologies, PhD Candidate. E-mail: tanwang941@gmail.com

Ryspaev A.O., Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Faculty of Information Technologies. E-mail: RyspaevAmantur@yandex.ru

Kasymaliev M.U., I. Arabaev Kyrgyz State University, Department of Natural Science Disciplines. E-mail: muratbek30@mail.ru

УДК:1.16.165:004.81

Турдумаматова Ш.Т., Байбосунова Г.У.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Турдумаматова Ш.Т., Байбосунова Г.У.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Turdumamatova Sh.T., Baibosunova G.U.
KNU Jusup Balasagyn

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЕКТИН ӨНҮГҮШҮНӨН УЛАМ ӨЗ АЛДЫНЧА ОЙ ЖҮГҮРТҮҮ ЖӨНДӨМҮБҮЗДҮ ЖОГОТУП ЖАТАБЫЗБЫ
ТЕРЯЕМ ЛИ МЫ СПОСОБНОСТЬ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ МЫШЛЕНИЮ ИЗ-ЗА РАЗВИТИЯ ИИ
ARE WE LOSING THE ABILITY TO THINK INDEPENDENTLY DUE TO THE DEVELOPMENT OF AI

Кыскача мүнөздөмө: Изилдөөдө жасалма интеллекттин адамдын когнитивдик практикасына өз алдынча ой жүгүртүү жөндөмүн жоготуу коркунучу каралган. Канчалык жасалма интеллект өнүккөн сайын, ошончолук ой жүгүртүү жөндөмүбүздү жоготуу тез жүрүдө. Ааламдашуу доорунда

коп нерселер таасир берүүдө, бирок адамдын өз алдынча ой жүгүртүүсун сактап калуу бул дайыма тартип менен иштөө керек. Өзгөрүү, өсүүнүн белгиси, транформция процессинин жүрүшү, жасалма интеллект жашообузда чон мааниге ээ болуп калган учур, ошондой болсо да, жасалма интеллект таасири жок, өзүнүн оюун так, бурмаланбай жеткизүү жана ой жүгүртүү сактап калуу зарыл. Маанилүү болуп рефлексия эсептелинген, башкача айтканда, өзүнүн ой жүгүртүү процессинде жана мүмкүн болуучу когнитивдик бурмалоолорду билүү, байкоо, түшүнү зарылдыгы.Жасалма интеллект колдонгондо чынчылдык, өз позицияларын кайра карап чыгууга, критикалык ой жүгүртүү чоң роль ойнойт. Критикалык ой жүгүртүү негизинде чечим кабыл алынып жана практикалык иш-аракетке багытталыш керек.

Аннотация: В изучении данной статьи искуственный интеллект может быть риском утраты способности человека мыслить. Чем развитее искусттвенный интеллект, возможно тем быстрее мы теряем способность мыслить.В эпоху глобализации на наши мыслительные способности влияет множество факторов, но сохранение самостоятельного независимого мышления — это то, к чему всегда можно прийти дисциплинированно. Трансформация мышления, признак развития вперед, в связи с чем искуственный интеллект приобретает все большее значение в нашей жизни. Однако важно сохранять саммостоятельное мышление, осознанное понимание и мышление, не подверженное влиянию искусственного интеллекта. Рефлексия считается важной, то есть необходимо осознавать, следить и понимать собственное самостоятельное мышление, за мыслительным процессом и возможностью когнитивных искажений.При использовании искусственного интеллекта большую роль играют честность к самому себе, способность переосмысливать собственные взгляды и критическое мышление. Решения должны приниматься на основе критического мышления и после быть направлены на практические действия.

Abstract: In this article, artificial intelligence may pose a risk to the loss of human ability to think. The more advanced artificial intelligence becomes, the faster we may lose our ability to think.In the era of globalization, our thinking abilities are influenced by many factors, but maintaining independent thinking is something that can always be achieved with discipline. The transformation of thinking is a sign of progress, and artificial intelligence is becoming increasingly important in our lives. However, it's important to maintain independent thinking, conscious understanding, and a mindset unaffected by artificial intelligence. Reflection is considered important, that is, it is necessary to be aware of, monitor and understand one’s own independent thinking, the thought process and the possibility of cognitive distortions. When using artificial intelligence, self-honesty, the ability to rethink one's own views, and critical thinking play a significant role. Decisions must be based on critical thinking and then translated into practical action.

Негизги сөздөр: жасалма интеллект, өз алдынча ой жүгүртүү, критикалык ой жүгүртүү, когнитивдик жүк, санариптештирүү, когнитивдик автономия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, самостоятельное мышление, критическое мышление, когнитивная разгрузка, цифровизация, когнитивная автономия.

Keywords: artificial intelligence, independent thinking, critical thinking, cognitive offloading, digitalization, cognitive autonomy.

Актуальность исследования: обусловлена стремительной интеграцией искусственного интеллекта (ИИ) в когнитивные практики человека, что порождает риски деградации самостоятельного мышления как основы личностной автономии и социальной критичности. **Цель работы** - проанализировать амбивалентное влияние технологий ИИ на когнитивные способности человека и выявить условия сохранения самостоятельного мышления в эпоху цифровизации. **Методы исследования** включают сравнительно-сопоставительный анализ философских и психолого-педагогических концепций мышления, систематизацию данных современных эмпирических исследований, а также концептуальное моделирование стратегий когнитивной самозащиты. **Результаты** показали, что влияние ИИ носит опосредованный характер, ключевыми

факторами выступают не технологии сами по себе, а когнитивные установки пользователя (внутренняя мотивация, способность к саморегуляции). Выявлена амбивалентность ИИ как инструмента, который может выступать как катализатором интеллектуального роста, так и причиной когнитивной регрессии через механизм «когнитивной разгрузки». **Практическая значимость** заключается в разработке многоуровневой стратегии сохранения самостоятельного мышления, включающей трансформацию образовательных парадигм, формирование личной «когнитивной гигиены» и проектирование «различающих» интерфейсов ИИ.

Введение: На сегодняшний день мы наблюдаем ускоренную цифровую трансформацию общества, где искусственный интеллект, в первую очередь является основным технологическим двигателем. Интеллектуальные системы не только анализируют данные, но и во многом формируют новые культурные «меры», информационные потоки и формы взаимодействия с миром. В связи с широким масштабом интеграции ИИ в человеческие когнитивные процессы набирают новую формулировку вопрос о поддержании независимой мысли, как основе личностной автономии.

Как подчеркивает Николас Карр, «каждая новая технология не просто расширяет возможности человека, но и изменяет способ его мышления». Это предостережение особенно актуально в контексте применения ИИ, когда граница между человеческим и машинным мышлением становится всё менее заметной. Независимое мышление, трактуемое как умение самостоятельно генерировать, оценивать и анализировать идеи на основе внутренних стандартов надежности, подвергается риску из-за эффекта «когнитивной разгрузки».

Анализ современных исследований, позволяет выявить двойственный характер влияния искусственного интеллекта на когнитивные способности человека. С одной стороны, ИИ может способствовать расширению интеллектуальных возможностей и повышению эффективности познавательной деятельности, с другой создавать предпосылки для снижения глубины мышления, ослабления рефлексии и утраты навыков самостоятельного анализа. Подобная неопределенность указывает на необходимость комплексного осмысления условий, при которых в цифровой среде сохраняется когнитивная автономия личности.

В связи с этим, данная работа направлена на выявление основных тенденций влияния искусственного интеллекта на способность человека к независимому мышлению и на анализ тех факторов, которые позволяют поддерживать и развивать данную способность в условиях цифровой трансформации. В рамках работы самостоятельное мышление рассматривается сквозь призму философских, психологических и педагогических подходов, анализируется противоречивое воздействие ИИ на когнитивные процессы и осмысливаются механизмы, опосредующие это воздействие, включая особенности саморегулирования, мотивации и распределения интеллектуальных усилий. На основе проведённого анализа предпринимается попытка сформулировать стратегические ориентиры сохранения самостоятельного мышления, охватывающие образовательные, индивидуальные, психологические и технологические аспекты.

Методология исследования: Методологическую основу исследования составляет совокупность взаимодополняющих подходов, обеспечивающих целостное рассмотрение проблемы. В работе используется теоретико-философский анализ для уточнения и концептуализации ключевых понятий с опорой на идеи И. Канта, К. Роджерса и Э. Фромма. Существенное место занимает сравнительно-сопоставительный анализ эмпирических исследований, посвящённых влиянию искусственного интеллекта на когнитивные способности человека. Полученные данные систематизируются и обобщаются на основе актуальных научных публикаций, посвящённых трансформации мышления в цифровую эпоху. Завершающим элементом методологии выступает концептуальное моделирование возможных стратегий сохранения когнитивной автономии личности в условиях нарастающей цифровизации.

Содержание: В условиях стремительной цифровой трансформации и глобального внедрения искусственного интеллекта проблема самостоятельного мышления приобретает не только научное, но и фундаментальное значение. Речь идёт не просто о когнитивном навыке, а о способности

человека сохранять интеллектуальную и личностную независимость. Поэтому прежде чем анализировать вызовы, стоящие перед этой способностью, необходимо чётко определить её содержание и значение для личности и общества.Самостоятельное мышление традиционно понимается как способность человека независимо формировать, анализировать и оценивать идеи, суждения и решения. При этом субъект не опирается на внешние авторитеты и готовые интеллектуальные схемы. Классическое философское обоснование данной способности принадлежит Иммануилу Канту. В статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» он формулирует знаменитый императив: «Sapere aude!, имей мужество пользоваться собственным умом!» [1, с. 131]. Для Канта самостоятельное мышление является не только интеллектуальным умением, но и моральной обязанностью человека. Оно позволяет выйти из состояния «несовершеннолетия», при котором мышление подменяется чужой волей. Современная психология и педагогика уточняют и структурируют это понятие. А в свою очередь американский психолог Роберт Эннис связывает самостоятельное мышление с системой диспозиций и навыков. К ним он относит умение ставить под сомнение предположения, искать доказательства, рассматривать альтернативные позиции и избегать поспешных выводов [2, p. 10]. В таком понимании самостоятельное мышление не является врождённым качеством. Оно формируется и развивается как особая интеллектуальная дисциплина. Схожую, но более прикладную трактовку предлагает и Дайана Халперн. Она определяет самостоятельное мышление как «использование когнитивных техник и стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого результата» [3, p. 8]. В данном подходе подчёркивается его целенаправленный и активный характер. Самостоятельное мышление противопоставляется пассивному усвоению информации и некритичному принятию готовых выводов.Обобщая данные подходы, можем утверждать, что самостоятельное мышление представляет собой интеллектуально и морально мотивированную деятельность. Она направлена на самостоятельное производство и критическую оценку знания. При этом человек опирается прежде всего на внутренние критерии достоверности и ценности. В научной литературе данное понятие часто используется как синоним критического мышления. Однако между ними существует принципиальное различие. Самостоятельное мышление отражает позицию субъекта по отношению к знанию, а именно его независимость. Критическое мышление, в свою очередь, представляет собой инструментальный механизм, обеспечивающий эту независимость.

Критическое мышление можно рассматривать как операциональное ядро самостоятельности. Если самостоятельное мышление выражает готовность мыслить независимо, то критическое мышление обеспечивает соответствующее умение. Классическое определение Питера Фейера описывает его как «здравомыслящее, рефлексивное мышление, сфокусированное на принятии решения, во что верить и что делать» [4, p. 11].

Более поздние исследования акцентируют внимание на социальном и контекстуальном измерении данного феномена. Так, Тимоти ван Гелдер подчёркивает, что критическое мышление является способом рассуждения, позволяющим человеку принимать более эффективные решения в сложном и изменчивом мире [5, p. 41]. Это приобретает особую значимость в условиях цифровой среды и информационного перенасыщения, характерных для эпохи искусственного интеллекта.

Сопоставление существующих определений позволяет выделить ключевые характеристики критического мышления. Оно включает способность анализировать и оценивать аргументы, доказательства и источники информации. Важным элементом является рефлексия, то есть осознание собственных мыслительных процессов и возможных когнитивных искажений. Существенную роль играют и устойчивые установки, такие как открытость, интеллектуальная честность и готовность пересматривать собственные позиции. Наконец, критическое мышление ориентировано на принятие обоснованных решений и практическое действие. Значение самостоятельного мышления не ограничивается эффективным решением познавательных задач. Оно является фундаментом личностной автономии. Как отмечал психолог-гуманист Карл Роджерс, способность человека прислушиваться к себе, принимать собственные решения и нести за них ответственность лежит в

основе психологически зрелой и полноценной жизни [6, с. 214]. Передавая функции мышления внешним системам, человек рискует утратить не только навык, но и часть своей внутренней суверенности. На уровне общества самостоятельное мышление выполняет защитную функцию. Его можно рассматривать как своеобразную «иммунную систему» демократического порядка. Оно позволяет гражданам распознавать манипуляции, противостоять пропаганде и принимать взвешенные политические решения. Общество, состоящее из критически мыслящих индивидов, оказывается менее уязвимым перед тоталитарными тенденциями и массовыми формами иррациональности. Этот тезис убедительно обосновал Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы» [7].

Если самостоятельное и критическое мышление выступают фундаментом личностной и социальной автономии, то именно современная культурная среда становится пространством, в котором эти способности подвергаются наибольшему испытанию. Современная культура стремительно меняется под воздействием искусственного интеллекта, который проник практически во все сферы человеческой жизни. Он влияет на повседневное общение, профессиональную деятельность и систему образования.

Алгоритмы рекомендательных сервисов Netflix и Spotify направляют культурный выбор человека и заранее предугадывают его эстетические предпочтения. Виртуальные помощники, такие как Siri и Алиса, берут на себя управление повседневными задачами и организацией времени. Генеративные нейросети, включая ChatGPT и Midjourney, создают тексты и визуальные образы, размывая границы между человеческим и машинным творчеством. В результате формируется то, что исследователи описывают как «культуру рекомендаций» и «культуру симуляции», в рамках которых алгоритмы не просто обслуживают запросы пользователя, но активно формируют вкусы, ценности и способы восприятия реальности [8]. Особенно отчётливо это влияние проявляется в образовательной среде. Студенты всё чаще используют ИИ для выполнения учебных заданий, поиска информации и создания текстов творческого характера. Во многих случаях это происходит спонтанно, без внешнего контроля и в условиях открытой цифровой среды [10]. В таких условиях взаимодействие с ИИ становится частью повседневной когнитивной практики.

Подобный симбиоз человека и технологии закономерно поднимает вопрос о глубине этого воздействия. Речь идёт не только об изменении культурных моделей, но и о трансформации самой структуры мышления. Эмпирические исследования демонстрируют здесь неоднозначную картину. С одной стороны, эксперимент Essel et al. (2024), проведённый с участием 125 студентов, показал, что целенаправленное использование ChatGPT в рамках курса по методологии исследований способствовало развитию критического, рефлексивного и творческого мышления у экспериментальной группы [8]. Эти данные указывают на то, что при методически продуманной интеграции ИИ может становиться эффективным инструментом когнитивного развития. Он помогает анализировать сложные задачи и получать оперативную обратную связь. При этом положительный эффект напрямую зависел от образовательного контекста, в котором ИИ использовался как средство активной мыслительной работы, а не как источник готовых ответов. Иную тенденцию выявило масштабное исследование, проведённое на выборке из 666 респондентов. Оно зафиксировало устойчивую отрицательную корреляцию между частотой использования инструментов ИИ и уровнем критического мышления [9]. Центральным механизмом этого эффекта стала когнитивная разгрузка. Данный феномен проявляется в том, что пользователи, регулярно передающие аналитические задачи алгоритмам, снижают интенсивность собственной умственной деятельности. Статистический анализ показал, что именно когнитивная разгрузка опосредует связь между использованием ИИ и снижением критического мышления [9]. Возникает замкнутый круг: чем удобнее технология, тем меньше необходимость в самостоятельном анализе. В долгосрочной перспективе это ведёт к ослаблению когнитивных навыков. Наиболее уязвимой группой оказалась молодёжь в возрасте от 17 до 25 лет, продемонстрировавшая более высокую зависимость от ИИ и более низкие результаты в тестах на критическое мышление по сравнению со старшими возрастными группами.

Противоречие между потенциальной пользой и выявленными рисками получает объяснение в исследовании Zhang & Liu (2025), охватившем 566 студентов. Его авторы показали, что сама по себе частота использования ИИ не имеет статистически значимой связи с уровнем критического мышления [10]. Определяющим фактором оказывается характер взаимодействия с технологией. Развитие критического мышления наблюдалось у тех студентов, которые использовали ИИ как инструмент рефлексии. Они анализировали ответы алгоритма, проверяли их достоверность, сопоставляли разные точки зрения и включали полученные идеи в собственную систему знаний. Кроме того, исследование выявило два ключевых личностных условия такого взаимодействия. К ним относятся способность к самостоятельному обучению и внутренняя мотивация, основанная на познавательном интересе и стремлении к саморазвитию [10]. Именно эти факторы, а не наличие технологии как таковой, определяют её влияние на мышление.

Если влияние искусственного интеллекта на мышление определяется характером взаимодействия с ним, то задача сохранения самостоятельного мышления требует перехода от простого описания рисков к выстраиванию целостной стратегии. Такая стратегия должна охватывать образовательный, индивидуальный и технологический уровни. Анализ научной литературы показывает, что когнитивные последствия связаны не с самим фактом использования ИИ, а с целями и качеством этого использования. Современные исследования описывают ИИ как технологию с «двусторонним эффектом», способную как усиливать, так и ослаблять когнитивные функции в зависимости от контекста применения. В этой связи ключевой задачей становится формирование такой когнитивной культуры, в которой технология выступает средством усиления человеческого интеллекта, а не его подмены. На уровне образовательных систем это предполагает пересмотр устоявшихся педагогических подходов. Систематические обзоры показывают, что исследования в области ИИ в образовании по-прежнему сосредоточены преимущественно на технических возможностях, тогда как педагогические аспекты и роль преподавателя остаются на периферии анализа [11]. В этих условиях необходим сдвиг акцента с простой передачи знаний на развитие мета когнитивных навыков и критической цифровой грамотности. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что использование генеративного ИИ для получения готовых ответов без последующей рефлексии приводит к снижению учебных результатов и ослаблению познавательного участия [12]. Это указывает на риски механической и неконтролируемой интеграции нейросетей в образовательный процесс.

В связи с этим роль преподавателя также требует переосмысления. Он должен переходить от функции источника информации к роли посредника критического взаимодействия студента с технологией. Учебные задания должны быть сконструированы таким образом, чтобы ИИ становился объектом анализа и обсуждения, а не инструментом подсказки. При этом исследования фиксируют распространённую практику стихийного и нерегулируемого использования ИИ-инструментов студентами [13]. Данный факт подчёркивает необходимость целенаправленного педагогического сопровождения, способного превратить владение ИИ в осознанную и рефлексивную учебную стратегию.

На индивидуальном уровне стратегия сохранения самостоятельного мышления предполагает формирование личной «когнитивной гигиены». Она основывается на понимании механизмов когнитивной разгрузки, при которой регулярное делегирование мыслительных операций внешним инструментам со временем может приводить к ослаблению соответствующих навыков. В качестве базового принципа выступает установка «сначала подумай сам». Она создаёт необходимый когнитивный зазор между возникновением задачи и обращением к ИИ. Дополнительно важным элементом становится развитие привычки к рефлексивной проверке любого сгенерированного контента. Такая проверка предполагает постановку вопросов о основаниях полученных выводов и возможных альтернативных интерпретациях.

Заключение: Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели и решить заявленные задачи. В работе был осуществлён системный анализ влияния искусственного интеллекта

на способность человека к самостоятельному мышлению. Также были выявлены ключевые условия его сохранения в условиях цифровой трансформации.

В ходе исследования получены несколько принципиально важных выводов. Во-первых, подтверждён амбивалентный характер воздействия ИИ на когнитивные процессы. Искусственный интеллект может выступать как фактор интеллектуального усиления, так и источником когнитивной регрессии, связанной с механизмом когнитивной разгрузки. Во-вторых, установлено, что определяющее значение имеют не сами технологии, а особенности пользователя. К ним относятся внутренняя мотивация, способность к саморегулированию, и уровень развития мета когнитивных навыков. Особую научную значимость представляет разработанная в рамках исследования многоуровневая стратегия сохранения самостоятельного мышления. Она предполагает трансформацию образовательных парадигм в направлении развития критического мышления, формирование индивидуальной когнитивной гигиены и проектирование различающих интерфейсов искусственного интеллекта.

Практическая ценность полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке образовательных программ и технологических решений. Эти программы могут быть направлены на поддержание и развитие когнитивной автономии личности в цифровой среде. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом долгосрочных эффектов воздействия ИИ на нейрокогнитивные процессы человека. Дополнительный интерес представляет разработка конкретных методик внедрения предложенных стратегий в образовательные и профессиональные контексты. Особого внимания требует проблема возрастных различий в восприятии и использовании технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, ответ на вопрос, вынесенный в название статьи, не может быть однозначным. Человек не обязательно утрачивает способность к самостоятельному мышлению. Однако современная ситуация представляет собой точку бифуркации, в которой технологический прогресс требует осознанных усилий по сохранению и развитию когнитивной автономии. Будущее самостоятельного мышления определяется не самими технологиями ИИ, а характером выстраиваемых с ними рефлексивных и осознанных отношений.

Список использованной литературы

1. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Соч. на нем. и рус. яз. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – С. 125–148.
2. Ennis, R. H. A taxonomy of critical thinking dispositions and abilities / R. H. Ennis // Teaching thinking skills: Theory and practice / J. B. Baron, R. J. Sternberg (Eds.). – New York : W. H. Freeman, 1987. – P. 9–26.
3. Halpern, D. F. Thought and knowledge: an introduction to critical thinking / D. F. Halpern. – 5th ed. – New York : Psychology Press, 2014. – 614 p.
4. Facione, P. A. Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction / P. A. Facione. – Millbrae, CA : The California Academic Press, 1990. – 112 p.
5. van Gelder, T. Teaching Critical Thinking: Some Lessons From Cognitive Science / T. van Gelder // College Teaching. – 2005. – Vol. 53, № 1. – P. 41–46.
6. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс. – М. : Прогресс, 1994. – 480 с.
7. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2020. – 288 с.
8. Essel, H. B. et al. ChatGPT effects on cognitive skills of undergraduate students: Receiving instant responses from AI-based conversational large language models (LLMs) // Computers and Education: Artificial Intelligence.- 2024. - Vol. 6. - P. 100198.
9. Gerlich, M. (2025). AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking. Societies, 15(1), 6. [Google Scholar] [CrossRef]

10. Zhang, W., Liu, X. Artificial Intelligence-Generated Content Empowers College Students' Critical Thinking Skills: What, How, and Why // Education Sciences. - 2025. - Vol. 15, № 8. - P. 977.

11. Zawacki-Richter, O., Marín, V. I., Bond, M., & Gouverneur, F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? International Journal of Educational Technology in Higher Education, 2019, vol. 16, no. 39, pp. 1–27. DOI: https://doi.org/10.1186/s41239-019-0171-0

12. Firat, M. How ChatGPT can transform autodidactic experiences and open education? Journal of Applied Learning and Teaching, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 1–12. DOI: https://doi.org/10.37074/jalt.2023.6.2.30

13. Kasneci, E., Seßler, K., Küchemann, S., Bannert, M., Dementieva, D., Fischer, F., Gasser, U., Groh, G., Günnemann, S., Hüllermeier, E., Krusche, S., Kutyniok, G., Michaeli, T., Nerdel, C., Pfeffer, J., Poquet, O., Sailer, M., Schmidt, A., Seidel, T., Stadler, M., Weller, J., Kuhn, J., & Kasneci, G. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education. Learning and Individual Differences, 2023, vol. 103, art. 102274, pp. 1–13. DOI: *https://doi.org/10.1016/j.lindif.2023.102274*

Рецензент: д.ф.н.,профессор Нусупов Ч.Т.

Содержание

ПЕДАГОГИКА ... 1

Абдимомунова А.О., Алимджанова Д.Н., Самандарова Ш.И. ... 1

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЖАНА ӨЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАЛАРЫНДА ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУ МЕТОДИКАСЫНЫН САЛЫШТЫРМАЛУУ ТАЛДООСУ ... 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМАХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН ... 1

A COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY IN THE INCLUSIVE EDUCATION SYSTEMS OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN ... 1

Азыгалиева Б.К., Молдоташева С.И. ... 8

ФРАНЦУЗ ТИЛИН ЧЕТ ТИЛИ КАТАРЫ ОКУТУУГА КОММУНИКАТИВДИК ЫКМА ... 8

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ... 8

COMMUNICATIVE APPROACH IN TEACHING FRENCH AS A FOREIGN LANGUAGE ... 8

Акмалова З.Н. ... 13

ТҮРК ТИЛДҮҮ ЖАНА АЗИЯЛЫК КОНТЕКСТТЕРДЕ МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮКТҮ КАЛЫПТАНДЫРУУ: КЫЙЫНЧЫЛЫКТАР, СТРАТЕГИЯЛАР ЖАНА АЛАРДЫН НАТЫЙЖАЛАРЫ ... 13

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ТЮРКСКИХ И АЗИАТСКИХ КОНТЕКСТАХ: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ... 13

FOSTERING INTERCULTURAL COMPETENCE IN TURKIC AND ASIAN CONTEXTS: CHALLENGES, STRATEGIES, AND IMPLICATIONS ... 13

Алымкулова Н.З. ... 19

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ИНТЕГРАЦИЯЛОО ШАРТЫНДА ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУНУН МЕТОДИКАСЫ ... 19

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ... 19

METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTEGRATION ... 19

Алмуханбет Ш.Б. ... 24

АНГЛИС ТИЛИН ОКУТУУДА CHATGPT БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨЛӨРГӨ БИБЛИОМЕТРИЯЛЫК СЕРЕП ... 24

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ CHATGPT В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ... 24

A BIBLIOMETRIC OVERVIEW OF CHATGPT RESEARCH IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING ... 24

Арслонбекова Р.А. ... 30

ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЫНДА САБАК ӨТКӨРҮҮ МЕТОДИКАСЫН КЕҢИРИ ТАЛДОО 30

ПОДРОБНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ 30

A DETAILED REFLECTION ON LESSON DELIVERY IN HIGHER EDUCATION 30

Арстаналы кызы М., Токталиева Т.Ж., Бурусманова Г.А. 40

ТОЛУК САНАРИПТЕШТИРҮҮ ЖАНА ГЕНЕРАТИВДИК ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ МОДЕЛДЕРИН КИРГИЗҮҮ ШАРТТАРЫНДА ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУНУН МЕТОДИКАЛЫК ПРИНЦИПТЕРИНИН ЭВОЛЮЦИЯСЫ 40

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВНЕДРЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 40

EVOLUTION OF METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE CONTEXT OF TOTAL DIGITALIZATION AND THE INTRODUCTION OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS 40

Асаналиева Ч.Н., Жапаралиева Н.Ж., Байгесекова И.А. 46

КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮНҮ ӨНҮКТҮРҮҮНҮН КӨЙГӨЙЛӨРҮ ЖАНА КЕЛЕЧЕГИ: ТАЛДОО, МЕТОДДОР ЖАНА ПРАКТИКАЛЫК СУНУШТАР 46

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ: АНАЛИЗ, МЕТОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ 46

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INCLUSIVE EDUCATION IN KYRGYZSTAN: ANALYSIS, METHODS AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS 46

Байболотова Ж.Т., Сариева Ф.С. 53

ИТ-КОЛЛЕДЖДИН СТУДЕНТТЕРИНЕ АНГЛИС ТИЛИН ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН ЖАРДАМЫ МЕНЕН АДАПТИВДҮҮ ОКУТУУ: ПЕДАГОГИКАЛЫК ШАРТТАР ЖАНА ЧЕКТӨӨЛӨР 53

АДАПТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИТ-КОЛЛЕДЖА С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ 53

ADAPTIVE ENGLISH LANGUAGE TEACHING FOR IT COLLEGE STUDENTS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PEDAGOGICAL CONDITIONS AND LIMITATIONS 53

Босумбаева Т.Р., Султанова М.А. 61

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДА МЕКТЕПТИК БИЛИМ БЕРҮҮНҮ РЕФОРМАЛОО: 12 ЖЫЛДЫК БИЛИМ БЕРҮҮ МОДЕЛИ 61

РЕФОРМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: 12-ЛЕТНЯЯ МОДЕЛЬ 61

SCHOOL EDUCATION REFORM IN THE KYRGYZ REPUBLIC: THE 12-YEAR EDUCATION MODEL 61

REFORM DER SCHULBILDUNG IN DER KIRGISISCHEN REPUBLIK: DAS 12-JÄHRIGE BILDUNGSMODELL 61

Босумбаева Т.Р., Эдильбаева З.Б. 70

ИНКЛЮЗИВДҮҮ БИЛИМ БЕРҮҮДӨ ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТКЕ НЕГИЗДЕЛГЕН ЧАТ-БОТТОРДУ КОЛДОНУУ 70

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТОВ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ ... 70

USING AI-BASED CHATBOTS IN INCLUSIVE EDUCATION ... 70

EINSATZ KI-BASIERTER CHATBOTS IN DER INKLUSIVEN BILDUNG ... 70

Ван Цзи е ... 78

МУЗЫКАЛЫК БИЛИМ БЕРҮҮДӨГҮ ААЛАМДАШУУ ЖАНА КӨП МАДАНИЯТТУУ ИНТЕГРАЦИЯ ПРАКТИКАСЫН ИЗИЛДӨӨ ... 78

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ... 78

RESEARCH ON THE PRACTICE OF GLOBALIZATION AND MULTICULTURAL INTEGRATION IN MUSIC EDUCATION ... 78

Гао Тянь Цзин, Ху Сяоминь ... 84

ФАН-МАДАНИЯТ КОНТЕКСТИНДЕ УНИВЕРСИТЕТ СТУДЕНТТЕРИ АРАСЫНДА НЕГИЗГИ БААЛУУЛУКТАРДЫ ТААНУУНУ КАЛЫПТАНДЫРУУ БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ ... 84

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ВОСПИТАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ ФАН-КУЛЬТУРЫ ... 84

RESEARCH ON MAINSTREAM VALUE IDENTIFICATION EDUCATION AMONG UNIVERSITY STUDENTS WITHIN THE CONTEXT OF FAN CULTURE ... 84

Джумагулова Н.С., Имашбекова Н.Дж. ... 94

ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮ ШАРТЫНДА ИНТОНАЦИЯНЫ ОКУТУУ АРКЫЛУУ КОММУНИКАТИВДИК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮКТҮ ӨНҮКТҮРҮҮ ... 95

(Кыргыз Республикасындагы чет тилдер факультеттеринин студенттерин окутуунун мисалында) ... 95

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ИНТОНАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ... 95

(На примере обучения студентов факультетов иностранных языков Кыргызской Республики) ... 95

DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE THROUGH INTONATION TRAINING IN INCLUSIVE EDUCATION ... 95

(Based on the Training of Foreign Language Faculty Students in the Kyrgyz Republic) ... 95

Дооранбекова Б.Д. ... 102

ЧЕТ ТИЛИН ОКУТУУДА ИНКЛЮЗИВДИК МАМИЛЕ: СТУДЕНТТЕРДИН ЖЕКЕЧЕ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮН ЭСКЕ АЛУУ МЕНЕН ОКУТУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУ ... 102

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ С УЧЁТОМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ... 102

AN INCLUSIVE APPROACH TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING: THE EFFECTIVENESS OF INSTRUCTION TAILORED TO STUDENTS' INDIVIDUAL CHARACTERISTICS ... 102

Ду Цзипэн, Карабалаева Г.Т. ... 107

ЧОҢ МААЛЫМАТТАР ТЕХНОЛОГИЯСЫНЫН НЕГИЗИНДЕ МЕКТЕПТЕГИ БИЛИМ БЕРҮҮНҮ БАШКАРУУНУ МОДЕРНИЗАЦИЯЛОО 107

МОДЕРНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ 107

MODERNIZATION OF SCHOOL EDUCATION MANAGEMENT BASED ON BIG DATA TECHNOLOGIES 107

Дунганова Ж.Э. 112

КЫРГЫЗСТАНДЫН БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАСЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛОО ШАРТЫНДА ИНКЛЮЗИВДИК БИЛИМ БЕРҮҮНҮ ИШКЕ АШЫРУУНУН КӨЙГӨЙЛӨРҮ ЖАНА КЕЛЕЧЕГИ 112

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗСТАНА . 112

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTING INCLUSIVE EDUCATION IN THE CONTEXT OF KYRGYZSTAN'S EDUCATIONAL SYSTEM TRANSFORMATION 112

Заипова Т.Ф., Азыгалиева Б.К. 119

СТУДЕНТТЕРДИ ЧЕТ ТИЛИНЕ ОКУТУУ ПРОЦЕССИНДЕ КАТАЛАРДЫ ОҢДОО ЫКМАЛАРЫ 119

СПОСОБЫ КОРРЕКЦИИ ОШИБОК В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 119

METHODS OF ERROR CORRECTION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO UNIVERSITY STUDENTS 119

Зикирова Ч.А. 126

ТЕХНИКАЛЫК АДИСТИКТЕРДИН СТУДЕНТТЕРИНДЕ КОММУНИКАТИВДИК КОМПЕТЕНЦИЯНЫ КАЛЫПТАНДЫРУУНУН КАРАЖАТЫ КАТАРЫ КЕЙС-МЕТОДУН КОЛДОНУУ 126

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 126

USING THE CASE METHOD AS A TOOL FOR DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF TECHNICAL STUDENTS 126

Зикирова Ч.А. 132

ТЕХНИКАЛЫК ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНЫН СТУДЕНТТЕРИНИН ЧЕТ ТИЛДЕГИ КОММУНИКАТИВДИК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮГҮН САНАРИПТИК БИЛИМ БЕРҮҮ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫ АРКЫЛУУ ӨНҮКТҮРҮҮ 132

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 132

DEVELOPMENT OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS THROUGH DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES 132

Ибраева Б.Э. 137

КӨП ТИЛДҮҮ БИЛИМ БЕРҮҮ ЧӨЙРӨСҮНДӨ СТУДЕНТТЕРДИН СОЦИАЛДАШУУСУ: ТИЛ САЯСАТЫНЫН ЖАНА МАДАНИЙ ФАКТОРЛОРДУН ИНСАНДЫН ЫҢГАЙЛАШУУ ПРОЦЕССИНЕ ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ 137

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В МНОГОЯЗЫЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ 137

STUDENT SOCIALIZATION IN A MULTILINGUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: THE INFLUENCE OF LANGUAGE POLICY AND CULTURAL FACTORS ON PERSONAL ADAPTATION 137

Ибраева Б.Э. 142

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК ТОСКООЛДУКТАРДЫ ЖОЮУНУН КАРАЖАТЫ КАТАРЫ САНАРИПТИК ТЕХНОЛОГИЯЛАР 143

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ 143

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A MEANS OF OVERCOMING INTERCULTURAL BARRIERS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING 143

Иманканова Н.Ш., Жолдошбекова Э.А. 148

БИЛИМ БЕРҮҮДӨ САНАРИПТИК АҢГЕМЕ ТҮЗҮҮ ТЕХНОЛОГИЯСЫ: ПЕДАГОГИКАЛЫК ПОТЕНЦИАЛЫ ЖАНА ИШКЕ АШЫРУУ ТАЖРЫЙБАСЫ 148

ЦИФРОВЫЙ СТОРИТЕЛЛИНГ В ОБРАЗОВАНИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ 148

DIGITAL STORYTELLING IN EDUCATION: PEDAGOGICAL POTENTIAL AND IMPLEMENTATION PRACTICES 148

Имашбекова Н.Дж., Джумагулова Н.С. 152

АНГЛИС ТИЛИН ОКУТУУДА ЛИНГВОМАДАНИЯТТААНУУ ЖАНА ЛИНГВОӨЛКӨТААНУУ ЫКМАСЫ: КЫРГЫЗСТАНДЫН КОНТЕКСТИНДЕ 152

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОНТЕКСТ КЫРГЫЗСТАНА 152

THE LINGUOCULTURAL AND REGIONAL STUDIES APPROACH TO TEACHING ENGLISH: A KYRGYZSTAN CONTEXT 152

Калдыбаева Б.Б. 159

ДЕН СООЛУГУНУН МҮМКҮНЧҮЛҮГҮ ЧЕКТЕЛГЕН БАЛДАРДЫ ЧЕТ ТИЛИНЕ ОКУТУУДА МОТИВАЦИЯНЫ ЖОГОРУЛАТУУНУН ЖОЛДОРУ 160

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ 160

WAYS TO INCREASE MOTIVATION IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO CHILDREN WITH DISABILITIES 160

Калдыбаева Б.Б. 165

ИНКЛЮЗИВДИК МАМИЛЕ МЕНЕН КОТОРМОНУ АЙКАЛЫШТЫРУУ: КӨП ТИЛДҮҮ АУДИТОРИЯЛАРДА КЫРГЫЗЧА-АНГЛИСЧЕ КОТОРМО АРКЫЛУУ ЧЕТ ТИЛДИК КОМПЕТЕНЦИЯНЫ КАЛЫПТАНДЫРУУ 165

ИНТЕГРАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ПОДХОДА И ПЕРЕВОДА: ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПОСРЕДСТВОМ КЫРГЫЗСКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА В МНОГОЯЗЫЧНЫХ АУДИТОРИЯХ 165

BRIDGING INCLUSION AND TRANSLATION: DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE THROUGH KYRGYZ–ENGLISH TRANSLATION IN MULTILINGUAL CLASSROOMS 165

Калдыбаева Ж.Т., Облокулова М.М. 170

АНГЛИС ТИЛИНИН ГРАММАТИКАСЫН ОКУТУУДА ИНКЛЮЗИВДҮҮ МАМИЛЕ 170

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 170

AN INCLUSIVE APPROACH TO TEACHING ENGLISH GRAMMAR 170

Киндербаева Н.К. 178

ГУМАНИСТТИК СТРАТЕГИЯЛАР АРКЫЛУУ ООЗЕКИ СҮЙЛӨӨ КӨНДҮМДӨРҮН ӨРКҮНДӨТҮҮ 178

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ 178

IMPROVING SPEAKING SKILLS THROUGH HUMANISTIC STRATEGIES 178

Кузнецова В.А., Чыныбаева С.Р. 187

ЖОГОРКУ БИЛИМ БЕРҮҮДӨ НАТЫЙЖАЛУУ ПИКИР КАЙТАРУУ: ОКУТУУЧУНУН ТАЖРЫЙБАСЫ 187

ЭФФЕКТИВНАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ 187

EFFECTIVE FEEDBACK IN HIGHER EDUCATION: A TEACHER'S EXPERIENCE 187

Ли Лэ, Ши Цзин 192

КЫТАЙ ТИЛИН ЧЕТ ТИЛИ КАТАРЫ ОКУТУУ БОЮНЧА МАГИСТРАНТТАРДЫН САНАРИПТИК ЖАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛДЫК ОКУТУУ КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮГҮ: КОМПЕТЕНЦИЯЛАР МОДЕЛИ ЖАНА ӨНҮГҮҮ ТРАЕКТОРИЯСЫ 193

ЦИФРОВАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАГИСТРАНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»: МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ И ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ 193

DIGITAL AND INTELLIGENT TEACHING COMPETENCE AMONG MTCSOL STUDENTS: A COMPETENCY FRAMEWORK AND DEVELOPMENT PATHWAY 193

Ли Хуан., Баялиева А.С. 201

КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН БИЛИМ БЕРҮҮ ТАРМАГЫНДАГЫ БАЙЛАНЫШТАРЫН ЧЫҢДООДО АКАДЕМИЯЛЫК МОБИЛДҮҮЛҮКТҮН РОЛУ 201

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В УКРЕПЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И КЫРГЫЗСТАНОМ. 201

THE ROLE OF ACADEMIC MOBILITY IN STRENGTHENING EDUCATIONAL TIES BETWEEN CHINA AND KYRGYZSTAN 201

Ли Хуан., Баялиева А.С. 213

АКАДЕМИЯЛЫК МОБИЛДҮҮЛҮК КЫТАЙ ЖАНА КЫРГЫЗСТАНДЫК СТУДЕНТТЕРДИН МАДАНИЯТ АРАЛЫК КОММУНИКАЦИЯСЫН ӨНҮКТҮРҮҮ МЕХАНИЗМИ КАТАРЫ 213

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ И КЫРГЫЗСТАНСКИМИ СТУДЕНТАМИ 213

ACADEMIC MOBILITY AS A MECHANISM FOR DEVELOPING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION BETWEEN CHINESE AND KYRGYZSTANI STUDENTS 213

Лю ЮньХун, Чен Сюелин 223

МУГАЛИМДЕРДИН КЕСИПТИК ОКУУ КООМЧУЛУГУНУН ТЕОРИЯЛЫК МАЗМУНУ (PLC) 223

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧАЮЩЕГОСЯ СООБЩЕСТВА УЧИТЕЛЕЙ (PLC) 223

THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF TEACHERS' PROFESSIONAL LEARNING COMMUNITIES (PLC) 223

Лю ЮньХун, Чен Сюелин 230

КЫРГЫЗСТАНДЫН ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНДА ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛДЫК ИНТЕРАКТИВДҮҮ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ КОЛДОНУУНУ ИЗИЛДӨӨ 230

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ В ВУЗАХ КЫРГЫЗСТАНА 230

RESEARCH ON THE APPLICATION OF INTELLIGENT INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN LANGUAGE TEACHING AT UNIVERSITIES IN KYRGYZSTAN 230

Мадалиева С.А. 234

МЕКТЕПКЕ ЧЕЙИНКИ БАЛДАРГА ФОЛЬКЛОРДУК ЧЫГАРМАЛАРДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛОО 235

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 235

INTERPRETATION OF FOLKLORE WORKS FOR PRESCHOOL CHILDREN 235

Мелисбекова Э.Р. 242

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК КОМПЕТЕНТТҮҮЛҮКТҮ КАЛЫПТАНДЫРУУДА ИСПАН САЯСИЙ ДИСКУРСУНУН ЛИНГВОПРАГМАТИКАСЫ 242

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ИСПАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ 242

THE LINGUOPRAGMATICS OF SPANISH POLITICAL DISCOURSE IN DEVELOPING INTERCULTURAL COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING 242

Мендибаева Н.М. 248

12 ЖЫЛДЫК БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАСЫНДА БАШТАЛГЫЧ МЕКТЕПТЕ ИНТЕГРАЦИЯЛАНГАН САБАКТАРДЫ УЮШТУРУУНУН ШАРТТАРЫ 249

УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ В СИСТЕМЕ 12-ЛЕТНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 249

CONDITIONS FOR ORGANIZING INTEGRATED LESSONS IN PRIMARY SCHOOL WITHIN THE 12-YEAR EDUCATION SYSTEM 249

Намазова М.С., Кортобаева С.К. ... 256

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУ МЕТОДИКАСЫ САНАРИПТЕШТИРҮҮ ЖАНА ГЕНЕРАТИВДИК ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ ДООРУНДА ... 257

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ... 257

METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN THE ERA OF DIGITALIZATION AND GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE ... 257

Очокеева А.Б. ... 264

ЧЕТ ТИЛДЕРДИ ОКУТУУДА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ ... 264

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ... 264

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES ... 264

Самсалиев А.М., Алимджанова Д.Н., Амридинов Ш.А. ... 272

МЕДИЦИНАЛЫК УНИВЕРСИТЕТТЕРДИН СТУДЕНТТЕРИНДЕ ЭЛ АРАЛЫК КОММУНИКАЦИЯЛЫК МАДАНИЯТТЫН САБАТТУУЛУГУН ӨНҮКТҮРҮҮ ПРИНЦИПТЕРИ ... 272

ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ГРАМОТНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ ... 272

PRINCIPLES OF DEVELOPING LITERACY IN INTERNATIONAL COMMUNICATION CULTURE AMONG STUDENTS OF MEDICAL UNIVERSITIES ... 272

Сатарова Г.Н., Акунова А.Р. ... 276

КЕНЖЕ КЛАССТАРДЫН ОКУУЧУЛАРЫ ҮЧҮН БИЛИНГВАЛДЫК ЖАНА КӨП ТИЛДҮҮ ЧӨЙРӨНҮ ТҮЗҮҮДӨ НЕЙРОГИМНАСТИКАНЫ ЖАНА НЕЙРО ОЮНДАРДЫ КОЛДОНУУ ... 276

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОГИМНАСТИКИ И НЕЙРОИГР ПРИ СОЗДАНИИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ И МНОГОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ ... 276

THE USE OF NEUROGYMNASTICS AND NEUROGAMES IN CREATING A BILINGUAL AND MULTILINGUAL ENVIRONMENT FOR PRIMARY SCHOOL STUDENTS ... 276

Сулайманова Н.Ж., Мирзалим кызы Г., Раббимов Анвар уулу О. ... 287

ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНЫН СТУДЕНТТЕРИНЕ ЧЕТ ТИЛДЕРИН ОКУТУУДА ГЕНЕРАТИВДИК ЧАТ-БОТТОРДУН ДИДАКТИКАЛЫК МҮМКҮНЧҮЛҮКТӨРҮ ... 287

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЧАТ-БОТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ... 287

DIDACTIC POTENTIAL OF GENERATIVE AI CHATBOTS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING TO UNIVERSITY STUDENTS ... 287

Сян Цайлян[1], Кадырбек Уметов[1,*] ... 291

КЫРГЫЗСТАНДА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ОКУТУУ ҮЧҮН МАШИНА ОКУЙ ТУРГАН АВТОРДУК УКУК ЭСКЕРТМЕЛЕРИ ... 292

МАШИНОЧИТАЕМЫЕ ОГОВОРКИ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КЫРГЫЗСТАНЕ ... 292

MACHINE-READABLE COPYRIGHT RESERVATIONS FOR AI TRAINING IN KYRGYZSTAN ... 292

Уметов Кадырбек;Сян Цайлян ... 299

ЧЕК АРАЛЫК ГЕНЕРАЦИЯЛЫК ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ОКУТУУДА АВТОРДУК УКУКТУН КОЛЛИЗИЯЛЫК ЖӨНГӨ САЛЫНЫШЫ: АЙМАКТУУЛУКТАН АРАКЕТТЕРДИ ЭТАП-ЭТАБЫ МЕНЕН ЛОКАЛДАШТЫРУУ ... 299

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОЛЛИЗИОННОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ: ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ К ПОЭТАПНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ... 299

CROSS-BORDER GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRAINING UNDER COPYRIGHT CONFLICT OF LAWS: FROM TERRITORIALITY TO ACT-BY-ACT LOCALISATION ... 299

Токторбаева К.А. ... 305

ТУРУКТУУ ӨНҮГҮҮ МАКСАТТАРЫНА ЖЕТҮҮ АЛКАГЫНДА КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЖОГОРКУ БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАСЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛОО ... 306

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ... 306

TRANSFORMATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE CONTEXT OF ACHIEVING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS ... 306

Токталиева Т.Ж., Токобаева С.Б., Канатова Н.Т. ... 314

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН АНГЛИС ТИЛИН АДАПТИВДҮҮ ОКУТУУДАГЫ НАТЫЙЖАЛУУЛУГУ ... 314

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АДАПТИВНОМ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ... 314

EFFECTIVENESS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ADAPTIVE ENGLISH LANGUAGE LEARNING ... 314

Уметов К.К., Курбонов Б.Ч. ... 322

ЧЫГЫШ ТИЛДЕРИНИН ГРАММАТИКАСЫН ИНКЛЮЗИВДИК ОКУТУУ ... 323

ИНКЛЮЗИВНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ГРАММАТИКИ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ ... 323

INCLUSIVE GRAMMAR TEACHING OF EASTERN LANGUAGES ... 323

Чонмурунова Н.Ж., Бхавана ... 333

ЗАМАНБАП ОКУТУУЧУНУН ОРУС ТИЛИН ЧЕТ ТИЛ КАТАРЫ ОКУТУУДАГЫ САНАРИПТИК КУРАЛДАРЫ ... 333

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ОБЛАСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ... 333

DIGITAL TOOLS FOR MODERN TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE ... 333

Чжоу Чэн Ю., Баялиева А.С. ... 340

КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН МЕКТЕПКЕ ЧЕЙИНКИ БИЛИМ БЕРҮҮ СИСТЕМАЛАРЫНА ЭТНОМАДАНИЯТТЫ ИНТЕГРАЦИЯЛООНУН АБАЛЫ ЖАНА ОПТИМАЛДАШТЫРУУ ЖОЛДОРУ ... 341

СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ И КЫРГЫЗСТАНА 341

CURRENT STATE AND OPTIMIZATION PATHWAYS FOR INTEGRATING ETHNOCULTURE INTO THE PRESCHOOL EDUCATION SYSTEMS OF CHINA AND KYRGYZSTAN 341

Чжоу Чэн Ю., Баялиева А.С. 350

ЖИБЕК ЖОЛУ ЦИВИЛИЗАЦИЯСЫНЫН МУРАСЫ КОНТЕКСТИНДЕ КЫРГЫЗСТАН МЕНЕН КЫТАЙДЫН ИНКЛЮЗИВДҮҮ МЕКТЕПКЕ ЧЕЙИНКИ БИЛИМ БЕРҮҮДӨГҮ МАСЕЛЕЛЕРДИ БИРГЕЛЕШИП ЧЕЧҮҮСҮН ИЗИЛДӨӨ 351

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ИНКЛЮЗИВНОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КЫРГЫЗСТАНА И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО НАСЛЕДИЯ ШЕЛКОВОГО ПУТИ 351

STUDY ON THE JOINT RESOLUTION OF INCLUSIVE PRESCHOOL EDUCATION CHALLENGES IN KYRGYZSTAN AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE CIVILIZATIONAL HERITAGE OF THE SILK ROAD 351

Эркебуланова Н.Ш., Акчекеева М.С., Абдуллаев С.Н. 358

ЖОГОРКУ ОКУУ ЖАЙЛАРЫНДА ФРАНЦУЗ ТИЛИН ЧЕТ ТИЛИ КАТАРЫ ОКУТУУДА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИ ЖАНА ЖАҢЫ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ ПАЙДАЛАНУУ 358

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ 358

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING FRENCH AS A FOREIGN LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION 358

ФИЛОЛОГИЯ 367

Абдразак Жумабай уулу 367

«РАХМАТ» ДЕП АЙТПАЙ ЭЛЕ СЫЛЫК БОЛУУ: БАЙЛАНЫШ ТИЛИ КАНТИП ИШТЕЙТ 367

ВЕЖЛИВОСТЬ БЕЗ «СПАСИБО»: КАК РАБОТАЕТ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ 367

POLITENESS WITHOUT SAYING “THANK YOU”: HOW THE LANGUAGE OF COMMUNICATION WORKS 367

Айылчиева Н.А., Кочкорова Н.А. 371

Ч. АЙТМАТОВДУН «АК КЕМЕ» ПОВЕСТИНДЕГИ ЭМОЦИОНАЛДЫК КАРАЖАТТАРДЫ АНГЛИС ТИЛИНЕ КОТОРУУНУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ 372

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПОВЕСТИ Ч. АЙТМАТОВА «БЕЛЫЙ ПАРОХОД» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК 372

PECULIARITIES OF TRANSLATING EMOTIONAL EXPRESSIVE MEANS INTO ENGLISH IN CH. AITMATOV'S NOVELLA “THE WHITE SHIP” 372

Алишова М.К., Мамбеталиева А.Ш. 377

ДҮЙНӨНҮН ТИЛДИК СҮРӨТҮНДӨГҮ ЛАКУНАЛАР ЖАНА АЛАРДЫН КОТОРМОСУ 377

ЛАКУНЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ИХ ПЕРЕВОД 377

LACUNAE IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW AND THEIR TRANSLATION 377

Алишова И.К. ... 381

КЫРГЫЗ ЖАНА АНГЛИС ТИЛДЕРИНДЕГИ ТУУГАНЧЫЛЫК АТАЛЫШТАРДЫН ОНОМАСИОЛОГИЯЛЫК АСПЕКТИЛЕРИ ... 382

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ ... 382

ONOMASIOLOGICAL ASPECTS OF KINSHIP TERMS IN KYRGYZ AND ENGLISH ... 382

Андашова Р.М., Каримова С.С., Умарова А.С. ... 388

КӨП МАДАНИЯТТУУ ЧӨЙРӨДӨ КЫРГЫЗ ТИЛИНЕН ЖАНА КЫРГЫЗ ТИЛИНЕ КОТОРУУНУН ЛИНГВОМАДАНИЙ КЫЙЫНЧЫЛЫКТАРЫ ... 389

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА И НА КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ... 389

LINGUOCULTURAL DIFFICULTIES OF TRANSLATION FROM AND INTO KYRGYZ IN A MULTICULTURAL ENVIRONMENT ... 389

Асанова Ү. ... 393

ЖОГОРКУ ЖЕКЕ МАДАНИЯТ – СИНХРОНДУК КОТОРМОЧУНУН ИЙГИЛИКТҮҮ КАРЬЕРАСЫНЫН НЕГИЗИ ... 394

ВЫСОКАЯ ЛИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА ... 394

HIGH PERSONAL CULTURE AS THE FOUNDATION OF A SUCCESSFUL CAREER AS A SIMULTANEOUS INTERPRETER ... 394

Атабаева Ж.Р., Садыкова С.З. ... 402

КЫРГЫЗ ТИЛИНИН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ ЛАРС ЙОХАНСОНДУН ТЕОРИЯСЫ БОЮНЧА ... 402

ОСОБЕННОСТИ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА ПО ТЕОРИИ ЛАРСА ЮХАНСОНА ... 402

SPECIFIC FEATURES OF THE KYRGYZ LANGUAGE IN THE FRAMEWORK OF LARS JOHANSON'S THEORY ... 402

Баймырзаев Б.А. ... 411

ЭЛДИК НАРКТУУЛУК МАСЕЛЕСИ ТОПЧУГҮЛ ШАЙДУЛЛАЕВАНЫН АҢГЕМЕЛЕРИНДЕ ... 411

ПРОБЛЕМА НАРОДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАССКАЗАХ ТОПЧУГУЛЬ ШАЙДУЛЛАЕВОЙ ... 411

THE ISSUE OF TRADITIONAL VALUES IN TOPCHUGUL SHAIDULLAYEVA'S SHORT STORIES ... 411

Бокоева Э.М., Абдукаримова З.Б. ... 417

ЭКОНОМИКАЛЫК ТЕКСТТЕРДИ АНГЛИС ТИЛИНЕ КОТОРУУДАГЫ ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨР. ... 417

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. ... 417

FEATURES OF TRANSLATING ECONOMIC TEXTS INTO ENGLISH. ... 417

Гамалина К.С., Акунова Г.Т. ... 422

ЫРЫМ-ЖЫРЫМДАР ЖАНА КААДА-САЛТТАР ТИЛДИК ЖАНА МАДАНИЙ ИЗИЛДӨӨЛӨРДҮН ОБЪЕКТИСИ КАТАРЫ ... 422

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНЯ ... 422

RITUALS AND CUSTOMS AS AN OBJECT OF LINGUACULTURAL RESEARCH ... 422

Джолоева Р.Н., Калдыбаева Ж.Т. ... 431

YЙ-БҮЛӨ МАДАНИЙ КОНЦЕПТ КАТАРЫ: НЕМИС ЖАНА КЫРГЫЗ МАКАЛДАРЫН САЛЫШТЫРМА ТАЛДОО ... 431

СЕМЬЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ И КЫРГЫЗСКИХ ПОСЛОВИЦ ... 431

FAMILY AS A CULTURAL CONCEPT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF GERMAN AND KYRGYZ PROVERBS ... 431

Жолдошбекова Э.А., Иманканова Н.Ш. ... 439

ЧЕТ ӨЛКӨЛҮК ФИЛОЛОГИЯДАГЫ МАДАНИЯТТАР АРАЛЫК ДИСКУРС: ТЕОРИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ ЖАНА ПРАГМАТИКАЛЫК АСПЕКТИЛЕРИ ... 439

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ ... 439

INTERCULTURAL DISCOURSE IN FOREIGN PHILOLOGY: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRAGMATIC IMPLICATIONS ... 439

Идаева А.Б. ... 447

АНГЛИС ЖАНА КЫРГЫЗ ТИЛДЕРИНДЕГИ КЕПТИК АГРЕССИЯ ЖАНА АНЫ КОТОРУУНУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ ... 448

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ И ЕЁ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ ... 448

VERBAL AGGRESSION AND ITS TRANSLATIONAL ASPECTS IN ENGLISH AND KYRGYZ LANGUAGES ... 448

Кадыралиева Д.Ж. ... 454

БИЛИНГВИЗМ ЖАНА ТААНЫП-БИЛҮҮ ... 454

БИЛИНГВИЗМ И КОГНИЦИЯ ... 454

BILINGUALISM AND COGNITION ... 454

Касьянова Г.В. ... 460

КОТОРМОДОГУ ЖАЛГАН ЭКВИВАЛЕНТТЕР ... 460

ЛОЖНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ПЕРЕВОДЕ ... 460

FALSE EQUIVALENTS IN TRANSLATION ... 460

Козиева И.К. ... 465

ОНОМАСТИКАЛЫК ЛЕКСИКОГРАФИЯ ... 466

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ... 466

ONOMASTIC LEXICOGRAPHY ... 466

Кыркбаева Г.Н. ... 470

ПОЛИМАДАНИЙ МЕЙКИНДИКТЕ КЫРГЫЗ ТИЛИНЕ/ТИЛИНЕН КОТОРУУНУН АКТУАЛДУУ КӨЙГӨЙЛӨРҮ АКТУАЛЬНЫЕ ... 470

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С/НА КЫРГЫЗСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ... 470

CURRENT ISSUES OF TRANSLATION FROM/INTO THE KYRGYZ LANGUAGE IN A MULTICULTURAL SPACE ... 470

Мамутова З.Дж. ... 476

НЕМИС ТИЛИНИН МАТЕРИАЛЫНДАГЫ МЕЙМАНДОСТУКТУН УЛУТТУК-МАДАНИЙ ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ ... 476

НАЦИОНАЛЬНО – КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГОСТЕПРИИМСТВА НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ... 476

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF HOSPITALITY BASED ON THE GERMAN LANGUAGE ... 476

Пайзулаева А.У. ... 486

КЫРГЫЗ ЖАНА НЕМИС ТИЛДЕРИНДЕ ШАРТТУУЛУКТУ БИЛДИРҮҮ КАРАЖАТТАРЫ: ГРАММАТИКАЛЫК ЖАНА ПРАГМАТИКАЛЫК САЛЫШТЫРМА ТАЛДОО ... 486

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УСЛОВНОСТИ В КЫРГЫЗСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ... 486

MEANS OF EXPRESSING CONDITIONALITY IN KYRGYZ AND GERMAN: A GRAMMATICAL AND PRAGMATIC CONTRASTIVE ANALYSIS ... 486

Садыкова А. С. ... 492

А.СИЛЛИТОУНУН «ЭШИКТИН АЧКЫЧЫ» РОМАНЫНДАГЫ ЭМФАТИКАЛЫК ФРАЗАЛАР ... 493

ЭМФАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЫ ПО РОМАНУ А.СИЛЛИТОУ «КЛЮЧ ОТ ДВЕРИ» ... 493

EMPHATIC PHRASES IN THE NOVEL «THE KEY TO THE DOOR» BY A. SILLITOE ... 493

Тактарбаева Э.М., Самсалиев А.М., Кубанычбекова Г. К. ... 501

НЕМИС ТИЛИНЕН КЫРГЫЗ ТИЛИНЕ ӨЗДӨШТҮРҮЛГӨН СӨЗДӨРДҮН КИРИШИ: БУЛАКТАРЫ ЖАНА ЫҢГАЙЛАШУУСУ ... 501

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОЧНИКИ И АДАПТАЦИЯ ... 501

GERMAN LOANWORDS IN THE KYRGYZ LANGUAGE: SOURCES AND ADAPTATION ... 501

Уланова Р.У. ... 506

КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕГИ «АТ/Жылкы» КОМПОНЕНТИ КАТЫШКАН ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРДИН ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫК ЖАНА ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫК ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ ... 506

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «КОНЬ» В КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ ... 506

LEXICAL-SEMANTIC AND ETHNOLINGUISTIC FEATURES OF KYRGYZ PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING THE COMPONENT "HORSE" ... 506

Уметалиева Т.У. ... 514

КОНТАМИНАЦИЯ КУБУЛУШУНУН ТҮРЛӨРҮ ... 514

ВИДЫ КОНТАМИНАЦИИ ... 514

TYPES OF CONTAMINATION ... 514

Үсөнова С.Т. ... 519

АНГЛИС ЖАНА КЫРГЫЗ ФРАЗЕОЛОГИЯСЫНДАГЫ *AT/HORSE* КОМПОНЕНТИ КАМТЫЛГАН ЗООМОРФИЗМДЕРДИН ЛИНГВОМАДАНИЙ ЖАКТАН ТАЛДОО ... 519

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗООМОРФИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *AT/HORSE* В АНГЛИЙСКОЙ И КЫРГЫЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ... 519

A LINGUACULTURAL STUDY OF ZOOMORPHISMS CONTAINING THE COMPONENT *AT/HORSE* IN ENGLISH AND KYRGYZ PHRASEOLOGY ... 519

ЖУРНАЛИСТИКА ... 527

Токсоналиева Р.М., Чжао Бинбин, Шадыбекова А.Ш. ... 527

КЫРГЫЗ ЖАНА КЫТАЙ МАСС-МЕДИАСЫНДА АЯЛДЫН ОБРАЗЫ ... 527

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В КЫРГЫЗСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МАСС-МЕДИА ... 527

THE IMAGE OF A WOMAN IN KYRGYZ AND CHINESE MASS MEDIA ... 527

Халилов А.Д., Эркинбекова А.Э. ... 532

ЖАЛПЫГА МААЛЫМДОО КАРАЖАТТАРЫНДА БАЛДАРДЫН УКУКТАРЫН КОРГОО МАСЕЛЕСИ ... 532

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ... 532

PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS IN MODERN MASS MEDIA ... 532

ФИЛОСОФИЯ ... 538

Аалиева Н. К. ... 538

СОЦИАЛДЫК-МАДАНИЙ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДООРУНДАГЫ КЫРГЫЗ ЭТНОАКСИОЛОГИЯСЫНЫН ФИЛОСОФИЯЛЫК ЖАНА МЕТОДОЛОГИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ ... 538

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ЭТНОАКСИОЛОГИИ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ... 538

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF KYRGYZ ETHNOAXIOLOGY IN THE ERA OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION ... 538

Аалиева Н. К. ... 544

КЫРГЫЗДАРДЫН САЛТТУУ ЭТНОЭТИКЕТИ ЖӨНГӨ САЛУУЧУ СИСТЕМА ЖАНА УЛУТТУК ИДЕНТТҮҮЛҮКТҮ САКТООНУН ИМПЕРАТИВИ КАТАРЫ ... 544

ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТНОЭТИКЕТ КЫРГЫЗОВ КАК РЕГУЛЯТИВНАЯ СИСТЕМА И ИМПЕРАТИВ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ... 544

TRADITIONAL ETHNOETIQUETTE OF THE KYRGYZ AS A REGULATORY SYSTEM AND AN IMPERATIVE FOR PRESERVING NATIONAL IDENTITY ... 544

Абдылдаева Г.О., Ыстамкулов Б. ... 550

АДАМ ЖАШООСУНДАГЫ ИСКУССТВОНУН ОРДУ. ... 550

МЕСТО ИСКУССТВА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. ... 550

THE PLACE OF ART IN HUMAN LIFE. ... 550

Ахметова С.М. Эркебуланова Н.Ш. ... 553

КОЖА АХМЕД ЯСАВИНИН МУРАСЫ ЖАНА УЙРЕК АПАНЫН ОБРАЗЫ: РУХАНИЙ-АДЕП-АХЛАКТЫК ИДЕАЛДЫН ТИПОЛОГИЯЛЫК ОКШОШТУГУ 554

НАСЛЕДИЕ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ И ОБРАЗ УЙРЕК АПА: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА 554

THE HERITAGE OF KHOJA AHMED YASAWI AND THE IMAGE OF ÜYREK APA: TYPOLOGICAL SIMILARITY OF THE SPIRITUAL AND MORAL IDEAL 554

Негизги 555

Keywords: 555

Осмонова Д.А., Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад 562

КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ИСЛАМДЫН ӨНҮГҮҮСҮНҮН ЖАНА ЖАЙЫЛЫШЫНЫН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ 562

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ 562

FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND SPREAD OF ISLAM IN CONTEMPORARY KYRGYZSTAN 562

Осмонова Д.А., Маевская Л.Б., Ага Хайсам Мухаммад 570

СУФИЗМ ЖАНА АНЫН КЫРГЫЗ ЭЛИНИН САЛТТУУ ДИНИЙ-УЛУТТУК БААЛУУЛУКТАРЫН САКТООДОГУ ЖАНА ЖАЙЫЛТУУДАГЫ РОЛУ 570

СУФИЗМ И ЕГО РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КЫРГЫЗОВ 570

SUFISM AND ITS ROLE IN THE PRESERVATION AND DISSEMINATION OF THE TRADITIONAL RELIGIOUS AND NATIONAL VALUES OF THE KYRGYZ PEOPLE 570

Пан Япин., Касымова Н.О. 581

КЫТАЙ ЖАНА КЫРГЫЗСТАНДЫН ЭКОЛОГИЯЛЫК ОЙ-ЖҮГҮРТҮҮСҮНҮН АРАЛЫК-МАДАНИЯТТЫК АНАЛИЗ 581

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ И КИРГИЗИИ 581

CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF ECOLOGICAL THOUGHT IN CHINA AND KYRGYZSTAN 581

Тостокова К.А. 589

САЯСАТ МЕНЕН ЭКОЛОГИЯНЫН ӨЗ АРА МАМИЛЕСИН СОЦИАЛДЫК-ФИЛОСОФИЯЛЫК ТАЛДООНУН МЕТОДОЛОГИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ 589

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И ЭКОЛОГИИ 589

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN POLITICS AND ECOLOGY 589

Уланова Р.У. 595

ФИЛОСОФИЯДАГЫ, ИЛИМДЕГИ ЖАНА МИФОЛОГИЯДАГЫ ЖЫЛКЫНЫН ОБРАЗЫ УНИВЕРСАЛДУУ КОНЦЕПТУАЛДЫК КУРАЛ КАТАРЫ 595

ОБРАЗ ЛОШАДИ В ФИЛОСОФИИ, НАУКЕ И МИФОЛОГИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ 595

THE IMAGE OF THE HORSE IN PHILOSOPHY, SCIENCE, AND MYTHOLOGY AS A UNIVERSAL CONCEPTUAL TOOL ... 595

Чжан Чао ... 603

КИБЕРМЕЙКИНДИКТЕ ТОПТОШУУ ШАРТЫНДА СУБЪЕКТТЕРДИН САНАРИПТИК ИДЕНТТҮҮЛҮГҮН ТААНУУ: КӨЙГӨЙЛӨР, КЫЙМЫЛДАТКЫЧ КҮЧТӨР ЖАНА ЧЕЧҮҮ ЖОЛДОРУ ... 603

РАСПОЗНАВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ КИБЕРКЛАСТЕРИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ... 603

DIGITAL IDENTITY RECOGNITION OF SUBJECTS AMID CYBER CLUSTERING: DILEMMAS, DRIVING FORCES AND COUNTERMEASURES ... 603

ИСТОРИЯ ... 610

Иманалиева А.С. PhD -докторант ... 610

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КИРГИЗСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МОБИЛИЗАЦИЯ ВПК, СЫРЬЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ ... 610

УЛУУ АТА МЕКЕНДИК СОГУШ ЖЫЛДАРЫНДАГЫ КЫРГЫЗ ССРИНИН ӨНӨР ЖАЙЫ: АСКЕРДИК-ӨНӨР ЖАЙ КОМПЛЕКСИН МОБИЛИЗАЦИЯЛОО, ЧИЙКИ ЗАТТЫК РЕСУРСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУУ ЖАНА ИНДУСТРИЯЛЫК ӨНҮГҮҮ ... 610

INDUSTRY OF THE KYRGYZ SSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX MOBILIZATION, RAW MATERIAL POTENTIAL, AND INDUSTRIAL BREAKTHROUGH ... 610

Сарсеитова Аида Шамшибековна ... 617

КЫРГЫЗСТАНДАН ТҮРКИЯГА ЭМГЕК МИГРАЦИЯСЫНЫН КАЛЫПТАНУУ ЭТАПТАРЫ ... 617

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В ТУРЦИЮ 617

STAGES OF FORMATION OF LABOR MIGRATION FROM KYRGYZSTAN TO TURKEY 617

ПОЛИТОЛОГИЯ ... 625

Эркебуланова Н.Ш. ... 625

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ ... 637

Сөлпиева К.Т. ... 637

СУУСАМЫР ӨРӨӨНҮНҮН ПАЙДАЛУУ ФЛОРАСЫ ... 637

ПОЛЕЗНАЯ ФЛОРА ДОЛИНЫ СУУСАМЫР ... 637

THE FLORA OF THE SUUSAMYR VALLEY IS USEFUL ... 637

ЭКОНОМИКА ... 645

Адамкулова Ч.У., Казимов Ф.Ф., Лян Вэньшэн, Акылбекова Н.И., Чжоу И ... 645

КУРУЛУШ ТАРМАГЫНДАГЫ ЭКОНОМИКАЛЫК НАТЫЙЖАЛУУЛУК МЕНЕН СОЦИАЛДЫК ТУРУКТУУЛУКТУН БАЛАНСЫ: АЗЕРБАЙЖАНДЫН МИСАЛЫНДА .. 645

БАЛАНС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРИМЕР АЗЕРБАЙДЖАНА ... 645

BALANCING ECONOMIC PERFORMANCE AND SOCIAL SUSTAINABILITY IN CONSTRUCTION: THE CASE OF AZERBAIJAN ... 645

Зарипова Д., Таалайбек кызы С., Токобаева Н. ... 657

САНАРИПТИК ЭКОНОМИКА ШАРТЫНДА КАДРЛАРДЫ ДАЯРДООНУН ... 658

ЖАҢЫ МОДЕЛДЕРИ ... 658

НОВЫЕ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОЙ ЭКОНОМИКИ ... 658

NEW MODELS OF STAFF TRAINING IN THE CONDITIONS OF ... 658

A SUSTAINABLE ECONOMY ... 658

Кемелдинова Ж.М., Токторбаева К.А. ... 666

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДАГЫ ШААРЛАРДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК АБАЛЫ: УЧУРДАГЫ ТЕНДЕНЦИЯЛАР, КӨЙГӨЙЛӨР ЖАНА ӨНҮГҮҮ КЕЛЕЧЕГИ ... 666

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ... 666

THE ECONOMIC STATE OF CITIES IN THE KYRGYZ REPUBLIC: CURRENT TRENDS, CHALLENGES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS ... 666

Кемелдинова Ж.М., Токторбаева К.А. ... 673

ТУРУКТУУ ӨНҮГҮҮ МАКСАТТАРЫНЫН АДАМДЫН ДЕН СООЛУГУНА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ ... 673

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА ... 673

THE IMPACT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS ON HUMAN HEALTH ... 673

Макембаева Р.Б., Ержанова Ш.Д. ... 678

КРЕДИТТИК МАМИЛЕЛЕРДИН ӨНҮГҮШҮНҮН ТЕОРИЯЛЫК ЖАНА ТАРЫХЫЙ АСПЕКТИЛЕРИ ... 678

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ... 678

THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CREDIT RELATIONS ... 678

Ожукеева Токонай Ожукеевна; Жапаров Турдубек Турдалиевич, Болпонова Асыл Бакытбековна, Эсенбаев Азис Эркинбекович ... 683

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ПРЕЗИДЕНТТИН ЖАНА МИНИСТРЛЕР КАБИНЕТИНИН ЧЕЧИМДЕРИН ЖЕРГИЛИКТҮҮ АТКАРУУ БИЙЛИК ОРГАНДАРЫНЫН ДЕҢГЭЭЛИНДЕ АТКАРУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУН ЖОГОРУЛАТУУНУН КОМПЛЕКСТҮҮ МОДЕЛИН ИШТЕП ЧЫГУУ ... 683

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСНОЙ МОДЕЛИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА И КАБИНЕТА МИНИСТРОВ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА УРОВНЕ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ... 683

DEVELOPING A COMPREHENSIVE MODEL TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTING DECISIONS OF THE PRESIDENT AND THE CABINET OF MINISTERS OF THE KYRGYZ REPUBLIC AT THE LOCAL EXECUTIVE AUTHORITY LEVEL ... 683

Оуян Фанфан., Касымова Н.О. ... 689

САНДЫК САБАТТУУЛУКТУН УНИВЕРСИТЕТ БҮТҮРҮҮЧҮЛӨРҮНҮН ЖУМУШ МЕНЕН КАМСЫЗ БОЛУУ САПАТЫНА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ: КЫТАЙ МЕНЕН КЫРГЫЗСТАНДЫН САЛЫШТЫРМАЛУУ ИЗИЛДӨӨСҮ 689

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЯ И КЫРГЫЗСТАНА 689

THE IMPACT OF DIGITAL LITERACY ON THE QUALITY OF EMPLOYMENT FOR UNIVERSITY GRADUATES: A COMPARATIVE STUDY OF CHINA AND KYRGYZSTAN . 689

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ / ИНФОРМАТИКА 699

Курбанбаева Т.Н. 699

МААЛЫМАТТЫК КООПСУЗДУК ЖАНА ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТ: ЗАМАНБАП КОРКУНУЧТАР ЖАНА КОРГОНУУ МЕХАНИЗМДЕРИ 699

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ 699

INFORMATION SECURITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: MODERN THREATS AND PROTECTION MECHANISMS 699

Нин Мэй Ли., Орозалиева А.С., Ку Юйцзюань., Лю Хунтао., Ван Вэньцзе 704

КЫРГЫЗСТАНДА САНАРИПТИК ЭКСПОРТ ИШКАНАЛАРЫ ҮЧҮН ИННОВАЦИЯЛЫК ЖОЛДОР БОЮНЧА ИЗИЛДӨӨ САНАРИПТИК ЖИБЕК ЖОЛУ ДЕМИЛГЕСИНИН АЛКАГЫНДА 704

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПУТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЦИФРОВОГО ЭКСПОРТА В КЫРГЫЗСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ 704

RESEARCH ON INNOVATION PATHWAYS FOR DIGITAL EXPORT ENTERPRISES IN KYRGYZSTAN UNDER THE DIGITAL SILK ROAD INITIATIVE 704

Сюй Хуабэнь, Лай Юйцзя, Цао Боцян, Ван Тань, Рыспаев А.О., Касымалиев М.У. 711

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 711

BIG DATA IN THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE 711

Лай Юйцзя, Сюй Хуабэнь, Цао Боцян, Ван Тань, Рыспаев А.О., Касымалиев М.У. 717

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТКЕ НЕГИЗДЕЛГЕН ИНТЕРАКТИВДҮҮ САНАРИПТИК МЕДИА-КӨРКӨМ ЧЫГАРМАЛАРДЫ ТҮЗҮҮ КУРАЛДАРЫ: БИЛИМ БЕРҮҮ КОНТЕКСТИНДЕ ДОЛБООРЛОО ЖАНА ОКУТУУНУН НАТЫЙЖАЛУУЛУГУН БААЛОО 717

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОГО МЕДИАИСКУССТВА НА БАЗЕ ИИ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 717

AI-SUPPORTED INTERACTIVE DIGITAL MEDIA ART CREATION TOOLS: DESIGN AND LEARNING EFFECTIVENESS EVALUATION IN EDUCATIONAL CONTEXTS 717

Турдумаматова Ш.Т., Байбосунова Г.У. 725

ЖАСАЛМА ИНТЕЛЕКТИН ӨНҮГҮШҮНӨН УЛАМ ӨЗ АЛДЫНЧА ОЙ ЖҮГҮРТҮҮ ЖӨНДӨМҮБҮЗДҮ ЖОГОТУП ЖАТАБЫЗБЫ 725

ТЕРЯЕМ ЛИ МЫ СПОСОБНОСТЬ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ МЫШЛЕНИЮ ИЗ-ЗА РАЗВИТИЯ ИИ 725

ARE WE LOSING THE ABILITY TO THINK INDEPENDENTLY DUE TO THE DEVELOPMENT OF AI 725

Содержание 733